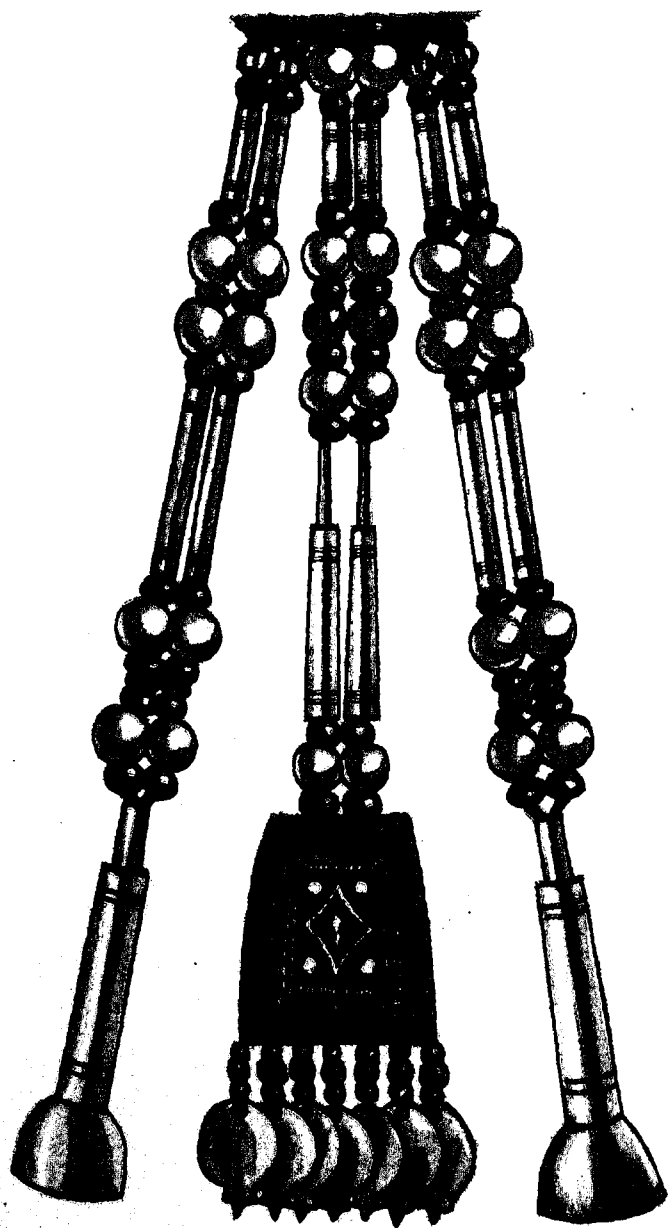
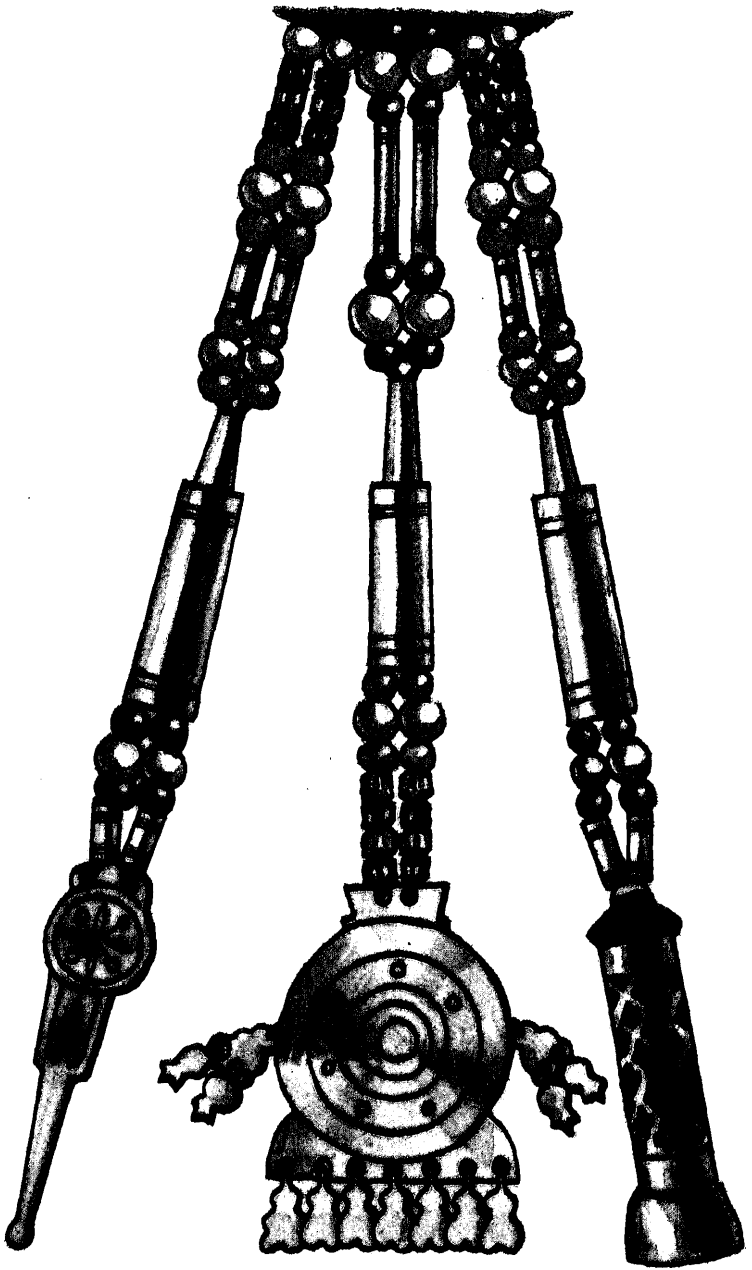

Подвески к якутскому нарядному поясу. XIX в.
(из атласа художника-этнографа М.М. Носова)

В.Л.Серошевский
ЯКУТЫ

**ОПЫТ
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

**МОСКВА
1993**

Предисловие
С.А. СТЕПАНОВ

Комментарии
М.Я. ЖОРНИЦКАЯ, Ш.Ф. МУХАМЕДЬЯРОВ

Художник
В.К. КУЗНЕЦОВ

При переиздании труда В.Л. Серошевского была сохранена авторская транскрипция якутских слов и выражений, разработанная до возникновения массовой письменности у якутов. Географические названия воспроизведены в соответствии с особенностями их написания в конце XIX в.

Серошевский В.Л.

Якуты. Опыт этнографического исследования. — 2-е изд., — М., 1993. — 736 с. — ISBN 5-86004-001-6.

Вацлав Леопольдович Серошевский провел в Якутии 12 лет в качестве политического ссыльного. Судьба забросила молодого, едва достигшего совершеннолетия варшавянина в самые отдаленные и глухие уголки Сибири. Однако ничто не могло погасить в нем любознательность будущего известного ученого и писателя. Живя бок о бок с якутами, разговаривая с ними на их языке, занимаясь ремеслом и земледелием, В.Л. Серошевский сумел собрать огромный фактический материал, который лег в основу его книги. Труд В.Л. Серошевского "Якуты", впервые изданный в Санкт-Петербурге в 1896 году, до сих пор остается наиболее полной и ценной монографией о якутах.

© Художественное оформление,
предисловие и комментарий Ассоциация
"Российская политическая энциклопедия"
(РОССПЭН)

*Переиздание осуществлено
на средства*

*Акционерной компании
«Золото Якутии»
Республики Саха*

Длительное время золотодобывающая промышленность Якутии позволяла называть республику “валютным цехом страны”. Эта слава давалась тяжелым трудом, и горнякам, работавшим в суровых северных условиях, не в чем упрекнуть себя. И все же сейчас отчетливо осознаешь, как много было взято из нашей земли и как мало было оставлено для нужд нашего прекрасного края. В последние годы в Саха (Якутии) происходят серьезные изменения. Отныне народы, живущие на якутской земле, будут самостоятельно распоряжаться ее богатствами. Для нас — это прежде всего возможность возместить долги людям и природе. Суверенитет не сводится только к политической и экономической сферам. Мощный толчок был дан развитию духовной культуры и возрождению исторических традиций. Наша обязанность состоит в том, чтобы по мере сил способствовать этому процессу. Возвращение широкому кругу читателей замечательной книги Вацлава Серошевского “Якуты” будет скромным, но реальным шагом в этом направлении.

*Генеральный директор А/К “Золото Якутии”
Тарас Десяткин*

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.		стр.
Список иллюстраций	VIII		
Предисловие: В.Л.Сорошевский и Якутия	XIII		
Предисловие автора к первому изданию	XXI		
Введение			
Географический очерк	1		
Климат	21		
Растительность	52		
Фауна	101		
Домашние животные	136		
Глава I			
О южном происхождении якутов			
Эллей и Онохой	174		
Косвенные доказательства	182		
Последний южный этап	189		
Путь на север	197		
Время перехода	199		
Глава II			
Расселение			
Распределение по районам	202		
Якутская территория в момент пришествия русских	211		
Территориальные отношения якутов и тунгусов	215		
Колонизация окраин	223		
Глава III			
Физические особенности племени			
Современные скрещивания	229		
Тунгусский тип	231		
Якутский тип	233		
Предполагаемые в прошлом подмеси	237		
Народности, известные якутам	239		
Второстепенные черты якутского типа	243		
Болезни	247		
		Глава IV	
		Экономические основы быта	
		Замена конного скота рогатым	251
		Кочевание	259
		Сенокосение	261
		Хлебопашество	277
		Рыболовство	284
		Охота	293
		Оленеводство и собаки	295
		Глава V	
		Пища	
		Кумыс	297
		Сорат, тар, хаях, масло и др. молочные продукты	301
		Растительные продукты	307
		Рыба	309
		Мясо	311
		Приготовление пищи	313
		Количество пищи и ее распре- деление	315
		Глава VI	
		Платье	
		Головной покров	316
		Верхнее платье: сон, супун, дахы	319
		Верхнее платье: сангыях	321
		Рубаха, штаны	323
		Обувь	325
		Рукавицы, ошейник и наброш- ник	327
		Тунгусский кафтан	329
		Порядок одевания	331
		Глава VII	
		Постройки	
		Ураса	333
		Кальман	337
		Юрта	339
		Хотон, эльбэлен, итянь	343
		Влияние русских	345
		Архитектурный вкус	347

	стр.		стр.
Глава VIII			
Ремесла и искусства			
Деревянные изделия	350	Организация родовых групп . . .	445
Плотничье, столярное и бондарное ремесло	353	Родовое празднество ысыах . . .	447
Сани и упряжь	355	Состав родового совета, сесены . . .	449
Седло	357	Состав родового совета, родоначальники.	451
Кожа, береста	359	Союзный совет	453
Волос	361	Тамги и родовые прозвища	455
Керамика	363	Наслеги, улусы и джоны	457
Металлы	367	Понятие территории	465
Железо	369	Начало землеустройства	467
Обработка металлов	371	Землевладение	469
Количество металлов в обращении	375	Наделы и выгоны	473
Качество металлов	377	Право частной собственности на землю	475
Знакомство с металлами в прошлом	379	Ясак	477
Кость, рог, камень	387	Начало самоуправления: князья и именитые люди	479
Растительные волокна, краски, стекло, сера и т. п.	389	Организация самоуправления	481
Организация ремесел	391	Историческая справка	483
Якутский стиль	393	Распределение податей	485
Узоры и украшения	395	Натуральные повинности	487
Глава IX		Суд и подсудность	480
О распределении богатства, условиях труда и найма		Глава XI	
Размер хозяйств	400	Семья	
Наем	405	Ие-уса, материнский род	490
Подряд и аренда скота	407	Кэргэн	493
Бюджет хозяйства	409	Фактическое главенство в семье	495
Артели	413	Младшие и старшие	497
Распределение труда во времени	415	Родители и дети	499
Сведения по подворной переписи Батаринского и Тарагайского наслегов	416	Отношение к главе семьи и положение женщин	501
Глава X		Разделы	503
Родовой строй		Семья и род	505
Ага-уса	418	Глава XII	
Вероятные основы рода в прошлом	421	Дети	
Дробление родовых групп	429	Плодовитость	507
Общежитие	431	Уход	511
Внутренняя организация рода	435	Игры и труд	515
Родовая месть	439	Подростки	516
Родовая ответственность и родовая справедливость	443	Глава XIII	
		Брак и любовь	
		Свадебные обряды	517
		Свадьба в старину	523
		Калым	525
		Похищение женщин	533

	стр		стр.
Высмотр	535	Глава XV	
Сговор	537	Верования	
Начало экзогамии	539	Смерть и загробная жизнь	593
Остатки доэкзогамического		Посмертная скотина, хайлыга	597
брака	541	Похороны	599
Названия родственников:		Дух ер и одержимые им	603
братья, сестры	543	Шаманы по призванию	604
Названия родственников:		Ие-кыла, амагяты и кальяны	605
детя, сын, дочь	545	Подразделения шаманов,	
Названия родственников:		великие шаманы	607
отец, мать, дед, бабка	547	Свойства великих шаманов	609
Муж, жена, невестка	549	Шаманское платье	611
Полигамия	551	Бубен	613
Власть мужа	553	Основы шаманства и его	
Ходячие мнения о женщинах	555	применение	615
Правила женского поведения	557	Шаманские обряды	617
Внебрачные связи	559	Жертвоприношения и	
Любовь	563	аксессуары шаманства	623
Глава XIV		Аи-тоен	629
Народное словесное		Сатана	631
творчество		Улу-тоен	633
Песня	567	Волшебные птицы и животные	635
Певцы	573	Второстепенные злые духи	637
Содержание и форма песен	575	Дух огня	641
Загадки и поговорки	576	Тень, душа, небесные светила	643
Быль "Сирягясь"	577	Камень сата	645
Слог и манера	583	Леший и водяной	647
Кэпсэп: "Крысий голова, война		Культ Аисыт	649
птиц и четвероногих"	585	Предопределение	651
Олонго	589	Приложение	655

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	стр.
1. Низменная тундра в устье р. Яны	1
2. Гора Томторо. Преображенский прииск (с фотогр. Обручева)	3
3. "Гольцы" - нагорная тундра по р. Яне в 200 верст от моря	6
4. Патомское нагорье. Вид перевала к р. Гаричи, (с фотогр. Обручева)	9
5. Лена в 300 верст от истоков (с фотогр. Обручева)	10
6. Лена у слияния с Алданом; вдали Верхоянский хребет	11
7. Олекминско-Витимская горная страна. Долина р. Пуричи, лев. прит. р. Тоноды, впадающей в Патому. Вид с перевала на Ковакту (с фотогр. Обручева)	19
8. Бадараны - болота 10 верст длиною по дороге из Усть-Янска в Верхо- янск, во 2-м Эгинском наслеге на берегу Орлиного озера (Тоен-кыл- кел)	21
9. Тайга. "Ур" - наплыв на лиственнице. А л а с	52
10. Т у с а х - петля на зайцев	101
11. Б ы э - б а л ы к	118
12. Якутская собака	136
13. Тунгусский всадник верхом на олене	141
14. Якутский бык 6 лет (с фотогр.)	144
15. Якутская лошадь (с фотогр.)	156
16. Якутский а л на Лене	173
17. Якутские к ю с т э, подвески (¹ / ₃ наст. вел.)	174
18. Якутское изображение льва на пластинке древнего серебрянного пояса.	201
19. Караван кочующих якутов	202
20. Бронзовый меч, найденный в 150 верстах от Виллойска на дне сплывшего озера.	227
21. Группа детей и женщин (с фотогр.)	228
22. Якутка-горожанка	229
23. Девочка 9 лет из бедной семьи (с фотогр.)	233
24. Богатые якуты с Амгинско-Ленского плоскогорья (с фотогр.)	234
25. Девушки с Амгинско-Ленского плоскогорья (с фотогр.)	236
26. Молодая женщина с Амгинско-Ленского плоскогорья, общепризнанная красавица (с фотогр.)	237
27. Старуха 50 лет и девочка 15 лет. Окрестности г. Якутска (с фотогр.)	240
28. Отгиск якутской ступни в глине	246

29. Якутский всадник с Амгинско-Ленского плоскогорья (с фотогр.)	250
30. Якут на быке	255
31. Якутский косец	261
32. Грабли, г о р б у ш а и серп	266
33. Якутский пахарь	275
34. Якут рыболов на лодочке т ы	284
35. Ловушка ч е р к а н	293
36. Якутка, доящая корову	296
37. Доение кобыл в Якутской области. С и м и р. Кубок для кумыса	297
38. Чайник и рыбы на деревянном рожне и т т и г а	315
39. Старинная якутская шапка ($1/9$ наст. вел.)	316
40. Киргизская шапка ($1/9$ наст. вел.)	316
41. Якутская женская шапка ($1/9$ наст. вел.)	317
42. Якутская женская шапка ($1/9$ наст. вел.)	317
43. Колымская шапка из песцовых лап ($1/9$ наст. вел.)	317
44. Круглая шапка с бобровым околышком и верхом из лисьих лап ($1/9$ наст. вел.)	317
45. Верхушка якутской шайпы с серебряной т у с а х т о й ($1/2$ наст. вел.)	318
46. С о н из кобыльей кожи; перед ($1/6$ наст. вел.)	319
47. С о н из кобыльей кожи; спина ($1/6$ наст. вел.)	319
48. Правая полоса переда, (выкройка; $1/6$ наст. вел.)	320
49. Правая полоса спины, (выкройка; $1/6$ наст. вел.)	320
50. Клин, фалда на спине, (выкройка; $1/6$ наст. вел.)	320
51. Воротник, (выкройка; $1/6$ наст. вел.)	320
52. Рукав, (выкройка; $1/6$ наст. вел.)	320
53. С а н г ы я х (фас)	322
54. С а н г ы я х (спина)	323
55. С а н г ы я х (фас)	324
56. С а н г ы я х (спина)	325
57. С а н г ы я х (фас); рукава сшиты по образцу древнего т а н г а л а я	326
58. С а н г ы я х (спина); рукава сшиты по образцу древнего т а н г а л а я	327
59. Изнанка тунгусского кафтана ($1/6$ наст. вел.)	329
60. Кожаная якутская ы с т а н, сшитая по русскому образцу ($1/6$ наст. вел.)	330
61. Г а м з а и х а т а т	331
62. Э л ь б э л е н	333
63. Развалины земляной у р а с ы в устье р. Яны на протоке Мураш в 30 верст. от Ледовитого океана	335
64. Наружный вид якутской земляной у р а с ы, к а л ы м а н	336
65. Продольный разрез якутского к а л ы м а н а	338

66. Остов юрты	339
67. Внутренность якутской юрты	341
68. Якутские летники и амбары, построенные по русским образцам (окрест. г. Якутска	345
69. Старинная казацкая башня в Якутске (с фотогр.)	346
70. Наружный вид юрты зимою	348
71. Якутский зимник	349
72. Ажурный узор по кости якутской работы (наст. вел.)	350
73. Горшок, стол, стул, ларец для чайной посуды, т а г а н	351
74. Мутовки (м у т о к); маленький горшок для сливок; берестяное ведро (ы а г а с); деревянные чашки; большая ложка-черпак (х а м ы я х)	352
75. Долото и нож для вырезания узоров	353
76. Остов якутского седла ($\frac{1}{8}$ наст. вел.)	356
77. Чашка. Х о л л о г о с. Мера б е з м е н. Ящик для чая	358
78. Берестяная женская рабочая коробка	359
79. Т а й б у р	359
80. Якутка, сучащая нитки	361
81. Якутский узел	362
82. Якутка, делающая горшки	366
83. Якутские кузнецы	367
84. Якутская винтовка	368
85. Нож с чехлом, к ы н а х б ы с а х, якутской работы: ручка украшена оло- вянной набивкой ($\frac{1}{2}$ наст. вел.)	369
86. Короткое охотничье копье ($\frac{1}{10}$ наст. вел.)	369
87. Лемех для плуга якутской работы ($\frac{1}{8}$ наст. вел.)	370
88. Якутские ножницы ($\frac{1}{4}$ наст. вел.)	370
89. Ледокол ($\frac{1}{5}$ наст. вел.)	370
90. Якутская подкова	370
91. Якутские клещи	370
92. С ю р а х, серебряный крест якутской работы ($\frac{3}{4}$ наст. вел.)	371
93. Серебряные серьги (наст. вел.)	372
94. Серебряные серьги (наст. вел.)	373
95. Б е г о к, серебряные браслеты ($\frac{1}{2}$ наст. вел.)	373
96. Пластинки серебряного пояса (наст. вел.)	374
97. Пластинки серебряного пояса (наст. вел.)	376
98. Медная печать	376
99. Медная пуговица для седла	376
100. Вышитый серебром нагрудник	376
101. Горбуша, зимние с а р ы, седло, рабочая женская коробка, винтовка,	

чепрак, нож	378
102. Древний железный меч болат ($1/5$ наст. вел.)	381
103. Современный якутский топор ($1/5$ наст. вел.)	381
104. Обыкновенный якутский нож ($1/3$ наст. вел.)	382
105. Якутский нож, вынутый из ручки ($1/2$ наст. вел.)	383
106. Монгольский нож ($1/2$ наст. вел.)	383
107. Старинные сибирские ножи, найденные около Тунки. ($1/2$ наст. вел.)	383
108. Острие стрелы ($1/2$ наст. вел.)	383
109. Мешочек для трута. Серница, костяная подвеска, серьги ($1/3$ наст. вел.)	387
110. Якутский рельефный узор по дереву; бок ящика ($1/2$ наст. вел.)	393
111. Рельефный узор по дереву, крышка коробки ($2/3$ наст. вел.)	393
112. Ая х или ымыя, кубок для кумыса ($1/4$ наст. вел.)	394
113. Балкх ах или чорон для кумыса ($1/4$ наст. вел.)	394
114. Чашка ($1/4$ наст. вел.)	394
115. Халя, втулка кумысного симира ($1/4$ наст. вел.)	394
116. Якутский bгic-a-bгac из кости	395
117. Якутский bгic-a-bгac из кости	396
118. Ажурный узор по кости ($1/2$ наст. вел.)	396
119. Барельефная резьба по дереву (наст. вел.)	397
120. Серебряная пряжка пояса; узор выложен чернью (наст. вел.)	397
121. Узор по черному фону, составленный из кусков соломы и цветной бумаги ($2/3$ наст. вел.)	398
122. Узор по черному фону, составленный из кусков соломы и цветной бумаги ($2/3$ наст. вел.)	398
123. Костяная резная рукоятка ножа	399
124. Якут-приискатель (с фотогр.)	400
125. Чеканенный узор по железу	417
126. Узда - юн ь; лук - о х; ба т ы я с чехлом; ба т а с; седло - ы н г ы р	418
127. Нищие летом	427
128. Селение Усть-Янск	432
129. Колымский промышленник, отправляющийся на лыжах на рыбную ловлю	436
130. Копии якутских тамг, снятые с оборота Кривогорницинского списка	453
131. Летняя усадьба на Амгинско-Ленском плоскогорьи (с фотогр.)	474
132. Остатки якутской казачьей крепости	477
133. Князь и княгиня (с фотогр.)	487
134. Колчан со стрелами	489
135. Якутская к э р г э н (Амгинско-Ленское плоск., с фотогр.)	490
136. Старик, о г о н и о р, глава семьи (Амгинско-Ленское плоск., с фотогр.)	494
137. Головка ребенка	506

138. Нюстер, 7-летний мальчик с Енгжи	507
139. Якутская зыбка	510
140. Якутская игрушка: бык	516
141. Свадебный обед (Колым. окр. с рис.)	517
142. Заключительный свадебный обряд	522
143. Лошадь х а р а м н и	528
144. Девушка-невеста (Амгинско-Ленское плоско., с фотогр.)	558
145. Гадание горячей лучинкой	565
146. Якутский сказочник	566
147. Музыкальный инструмент х а м ы с ($1/2$ наст. вел.)	592
148. Могила князя Долгуйбат-Болтай, местность Быдангы, наслег Алтанский Мегенского ул.	593
149. Арангас шамана Тюнгулю на западном берегу оз. Юлюнях в 50 вер. от Якутска	598
150. Шаманский кафтан; спина	611
151. Шаманский кафтан; перед	612
152. Бубен ($1/12$ наст. вел.)	613
153. Колотушка, б ы л а я х ($1/7$ наст. вел.)	614
154. Шаман в момент камлания, высматривающий духов	621
155. Проводы жертвенной скотины на небо	622
156. Кукушка ($1/8$ наст. вел.)	623
157. Гагара ($1/8$ наст. вел.)	623
158. Тетерев ($1/8$ наст. вел.)	623
159. Деревянная шаманская фигурка ($1/3$ наст. вел.)	623
160. Э к с е к ю ($1/21$ наст. вел.)	624
161. Шаманский прибор с чашками ($1/21$ наст. вел.)	624
162. Старинная шаманская кукла ($1/3$ наст. вел.)	626
163. Старинная шаманская кукла ($1/3$ наст. вел.)	626
164. Обряд К о ч е й - К а р а х (к стр. 625) - в конце книги.	
165. Тунгусский жертвенник	635
166. Грот С у р г у е в а камня	641
167. Ворожба шилом	647
168. Жертва духу места на Алазейском перевале	651

В.Л.Серошевский и Якутия

Вацлав Леопольдович Серошевский родился в августе 1858 г. (по другим данным в 1859 или в 1860 г.) в местечке Вулька-Козловска в Польше, которая в то время входила в состав Российской империи. Серошевский принадлежал к редкому типу двуязычных писателей и оставил обширное литературное наследие на русском и польском языках. Он происходил из семьи землевладельца, вынужденного бежать за границу после поражения восстания 1863 — 1864 гг. Имение Серошевских было потеряно, и юному Вацлаву пришлось начинать жизнь в крайне стесненных условиях. При помощи родственников он поступил в гимназию в Варшаве, но не выдержал мертвящей скуки тогдашнего классического образования и бросил учебу. Ему пришлось расстаться с мечтой о карьере врача и устроиться учеником слесаря в железнодорожную мастерскую. Он не подозревал, как скоро ему понадобятся навыки ремесленника.

По своей натуре Серошевский был бунтарем. Когда его арестовали за участие в антиправительственных кружках, тюремная камера стала его университетом. Однако вскоре его занятия социологией и политической экономией были прерваны бунтом заключенных. Серошевский принимал активное участие в протесте узников и был приговорен военно-окружным судом к каторжным работам, которые ввиду его несовершеннолетия были заменены ссылкой в Сибирь.

Весной 1880 г. Серошевский впервые увидел Якутию, где ему предстояло провести 12 лет. Ссылному поляку определили для жительства Верхоянск. В предисловии к своей монографии о якутах Серошевский перечислил места, в которых ему довелось побывать. В частности, он писал, что "...кроме незначительных экскурсий в окрестности, я совершил поездку на лодке по р. Яне до Ледовитого океана...". Цензура не позволяла сказать большего, и у читателя могло сложиться впечатление, что речь идет чуть ли не об увеселительной поездке. Между тем это был до безумия дерзкий побег группы ссыльных весной 1882 г. Они собирались выплыть на парусной лодке в открытый океан и двинуться в сторону Америки. Впоследствии Серошевский описал эту эпопею в повести "Побег", закончив ее моментом, когда его товарищи вдохнули полной грудью океанский ветер свободы. В действительности эта история имела печальное продолжение. Лодку затерло льдами, и погоня настигла беглецов на

острове недалеко от побережья.

Полицейские власти безошибочно определили, что Серошевский был душой всего дела и главным строителем лодки. Его приговорили к наказанию кнутом, но не смогли привести приговор в исполнение, поскольку среди местных жителей не нашлось добровольного или наемного палача. Тогда было принято административное решение подобрать для Серошевского новое место жительства, отвечавшее следующим условиям: оно должно было располагаться в 100 верстах от судоходной реки, в 100 верстах от торгового тракта и в 300 верстах от любого крупного по якутским меркам населенного пункта. Теперь ему был закрыт доступ даже в Верхоянск. Под конвоем казаков ссыльного отправили в длительное путешествие, конечным пунктом которого стало селение Андылах в Колымском округе. Через несколько месяцев Серошевского перевели в еще более глухое урочище Енгжу в долине реки Алазея.

Серошевский воссоздал картину этого сурового края в повести "На краю лесов". Один из персонажей повести — ссыльный Павел был так же надежно изолирован от общества, как и сам писатель. Однако нельзя отождествлять автора и его героя. Павел — горожанин, плохо приспособленный к условиям Крайнего Севера. Совсем иначе устроил жизнь Серошевский. Он завел кузницу и слесарную мастерскую, работал по заказам местных жителей. Еще в Верхоянске Серошевский женился на "милой двадцатилетней" якутке Анне. Она рано умерла, оставив дочь Марию. Серошевский официально признал ее права и не забыл после отъезда на родину. Мария стала учительницей. Поразительно, что отец и дочь, несмотря на огромные трудности, продолжали переписываться вплоть до 1933 г.

Жена научила Серошевского первым якутским словам. Он признавался, что начал учить язык с тайной мыслью о побеге. Серошевский называл якутский язык "французским языком Северо-Восточной Сибири" (в ту эпоху французский являлся языком межнационального общения). Он рассчитывал, что, овладев языком, сможет легко разведать дорогу. В тех же целях он вел долгие беседы с якутами и записывал различные сведения. Постепенно работа увлекла Серошевского. Он вспоминал: "Вскоре я собирал последние (рассказы и предания) уже ради них самих. Я нашел здесь своеобразную поэзию и много полезных научных сведений". В 1885 г. Серошевскому разрешили отправиться на р. Алдан, а потом перевели в Намский улус, где он из кузнеца превратился в рачительного земледельца. По окончании срока ссылки в 1892 г. он уехал в Иркутск. Через четыре года ему разрешили вернуться в родные края. "Маленькой показалась мне после Сибири моя Польша..." — сообщал он друзьям.

Еще в заключении в Варшаве Серошевский написал знаменитое

стихотворение "Чего они хотят?" для рукописного тюремного журнала. Однако подлинное начало его творческой деятельности оказалось связанным с якутской темой. В 1900 г. он опубликовал рассказ "Хайлак" о трагическом столкновении ссыльного разбойника с местными жителями-якутами. Постепенно у Серошевского (он взял псевдоним Вацлав Сирко) накопился целый цикл рассказов: "Осень", "Украденный парень", "В жертву богам", а также литературно обработанных преданий о Манчары и покорении Колымского края. Эти произведения вошли в сборник "Якутские рассказы", изданный в 1895 г. На долю сборника выпал шумный успех. Рассказы печатались в лучших столичных журналах и переиздавались в массовых сериях: "Читальня народной школы", "Книжка за книжкой", "Библиотека юного читателя". Без преувеличения можно сказать, что именно Серошевский познакомил широкого читателя в России с Якутией. "Якутские рассказы" издавались также на польском языке. Серошевский неоднократно обращался к различным эпизодам своей сибирской ссылки. Например, в 1902 г. он опубликовал очерк "В краю Саха".

У бывшего ссыльного, ставшего известным писателем, были сложные отношения с царской полицией. Его много раз привлекали к ответственности за распространение социалистических и революционных идей. Только заступничество П.П.Семенова-Тян-Шанского спасло Серошевского от вторичной ссылки. Знаменитый географ рекомендовал писателю уехать подальше от бдительных глаз жандармов. В 1902 — 1903 г. Серошевский участвовал в экспедиции Географического общества в Монголию, Китай, Корею, Японию. Путешествие по странам Дальнего Востока нашло отражение в новых повестях и романах писателя.

В 1905 г., после нескольких арестов подряд, Серошевский навсегда покинул пределы Российской империи. В эмиграции он сблизился с революционной фракцией Польской социалистической партии (ППС-фракция), которую возглавлял Юзеф Пилсудский. Писателя многое связывало с будущим "начальником государства". Он стал его первым биографом. Впоследствии брошюра Серошевского о Пилсудском выходила бесчисленное количество раз и превратилась в почти официальное пособие. В период I мировой войны Серошевский был вахмистром бригады польских легионов, которой командовал Пилсудский. Они сражались против России, надеясь добиться независимости Польши. Когда легионеры отказались принести присягу Германии, они были интернированы. Конец войны застал Серошевского в немецкой тюрьме в Варшаве. После освобождения он вошел в состав Временного народного правительства в Люблине. Впрочем, он недолго занимал пост министра пропаганды, так как его взгляды оказались слишком левыми для Польши 20 — 30-х гг. Он сосредоточился на общественной и литературной деятельности. В 1933 г.

Серошевский был избран первым президентом Польской академии литературы.

Накануне II мировой войны Серошевский начал писать свои воспоминания. Глубоким стариком в оккупированном городе он старался восстановить по памяти пейзажи Якутии, лица якутских друзей, их рассказы и шутки. Он успел довести воспоминания до момента своего отъезда из Якутии. Дальнейшую работу над мемуарами прервало Варшавское восстание. Писателю довелось увидеть освобождение Польши от немецкой оккупации. Серошевский скончался 20 апреля 1945 г. в возрасте 87 лет.

Как ученый-этнограф Серошевский заявил о себе в основном исследованием Якутии (и в гораздо меньшей степени описанием Кореи). Он говорил о себе: "В науку я попал случайно..." Такой же "случай" привел в Якутию множество ссыльных, которые не пожалели сил и знаний для изучения этого края. Среди исследователей Якутии было особенно много поляков, участвовавших в революционном и национальном движении. Достаточно назвать имена Н.А.Виташевского, Ф.Н.Кона, Э.К.Пекарского, С.В.Ястремского. Достойным представителем этой плеяды был Вацлав Серошевский.

Он уехал из Якутии, по собственному выражению, с тремя рублями в кармане и с толстой тетрадью этнографических материалов, которые однажды уже были конфискованы полицией и только чудом возвращены исследователю. Несколько лет ушло на обработку собранных сведений и изучение литературы. За это время он опубликовал в научных журналах ряд статей: "Якутская свадьба", "Якутский хлеб", "Как и во что веруют якуты". Эти работы укрепили его научный авторитет. Он был приглашен на этнографический конгресс в Париж, но, поскольку как политически неблагонадежный, не мог получить заграничный паспорт, представил доклад, который был зачитан секретарем конгресса.

В 1894 г. Серошевский завершил свой главный труд "Якуты. Опыт этнографического исследования". Еще в рукописи эта работа была удостоена малой золотой медали Всероссийского императорского Географического общества. В 1896 г. книга вышла в свет и получила самую высокую оценку научной общественности. Рецензенты отмечали, что "это сочинение должно стать настольной книгой" для каждого, кто интересуется Якутией.

Заслуживает ли книга Серошевского столь же восторженной оценки почти через сто лет? Современному читателю сразу бросится в глаза архаичная терминология. Сейчас вместо "тунгусов" принято употреблять название "эвенки", вместо "ламутов" - "эвены". Режут слух выражения "инородцы" и "туземцы", хотя следует оговориться, что в то время данные термины являлись общеупотребимыми и не имели обидного оттенка.

Труд Серошевского отражал уровень развития науки определенно-

го периода. С тех пор антропология, археология, лингвистика и этнография сделали большой шаг вперед. По ряду дискуссионных проблем, о которых писал Серошевский, сложилась обширная литература. Например, суждения автора о происхождении якутов, родовом строе и религиозных воззрениях должны быть сопоставлены с другими точками зрения. Нельзя забывать об условиях создания этой книги. Политический ссыльный не мог самостоятельно определять маршруты своих поездок. Почти половину срока он отбыл в самых глухих и отсталых уголках Якутии. До некоторой степени это отразилось на его выводах об уровне развития ремесел. Переехав в Намский улус, Серошевский подметил существенную разницу по сравнению с севером: "Тамошние кузнецы приходили ко мне учиться, между тем как на юге я сам многому учился у них".

Отдельные недостатки не умаляют достоинств этнографического исследования Серошевского. Он скромно назвал свой труд "опытом этнографического исследования". Почти столетие спустя мы можем констатировать, что ни одно из этнографических сочинений на эту тему несопоставимо с трудом Серошевского. До сих пор его монография является наиболее полным исследованием по этнографии Якутии. По существу, Серошевский оставил потомкам уникальный свод фактического материала, охватывающего все стороны жизни якутов конца XIX века.

Определенные трудности для восприятия могут вызвать старые названия, меры длины и веса. Непривычно выглядят библиографические ссылки, таблицы, сокращения. Приводить все это в соответствие с современными требованиями — значило бы грубо вмешиваться в ткань повествования. При переиздании книги было решено максимально сохранить авторский стиль и особенности его орфографии, в том числе написания имен собственных (например, Серошевский писал Ботлинг вместо принятого сейчас написания Бётлингк, Омекон вместо Оймьякон и т. д.).

Особый вопрос — это якутский язык в книге Серошевского. Он писал "олонго" вместо "олонхо", "хамыс" вместо "хомус" и т. д. Дело в том, что Серошевский закончил свой труд до возникновения массовой письменности у якутов. Он был знаком с Э.К. Пекарским, но последний еще не приступил к выпуску словаря якутского языка. Серошевский тщательно проработал классический труд О.Н. Бётлингка "О языке якутов" и пришел к выводу, что предложенная академиком система письменности неудобна из-за обилия надстрочных знаков.

Он решил записывать якутские слова русскими буквами по примеру миссионеров и грамотных якутов. Вместе с тем Серошевский попытался передать особенности якутской речи, выделив некоторые звуки курсивом. Этот способ не обеспечивал лингвистической точности, за что Серошевского впоследствии критиковал В.М. Ионов и другие специалисты. С другой стороны, система, использованная польским ученым, доказала

свою практичность. Серошевский словно предчувствовал, что бурные споры о якутской письменности будут продолжаться еще четыре десятилетия, причем якутский алфавит будет изменяться то на основе международной фонетической транскрипции, то на основе унифицированного новотюркского алфавита с латинской графикой. В конечном итоге транскрипция Серошевского оказалась довольно близкой к современному варианту, поэтому издатели приняли решение по возможности не менять ее.

Несколько слов об истории издания этой книги. Императорское географическое общество постановило напечатать сочинение Серошевского, но не располагало денежными средствами для этого. Не исключено, что труд о якутах никогда не увидел бы свет, если бы не счастливый случай. Деньги для издания были пожертвованы Анной Ивановной Громовой, возглавлявшей Торговый дом Громовых, который вел обширные операции в Якутии. Более того, Громова по собственной инициативе отказалась от выручки от продажи книги, передав деньги для продолжения работы. Серошевский написал вторую часть исследования, включив в нее множество дополнительных материалов. В апреле 1901 г. он привез в Петербург полностью подготовленный для печати второй том (такого же объема, что и первый). Судьба рукописи была трагичной. Издание задержалось, а затем рукопись самым непостижимым образом была утеряна. Серошевский искал ее много лет. В конце концов он отчаялся и писал друзьям, что уже не верит в успех — ведь над этой рукописью прокатились войны, революции, разруха. Однако в 1927 г. рукопись второго тома была обнаружена. Советские ученые решили издать второй том, но вскоре были вынуждены отказаться от этой мысли. Мотивы отказа заключались в том, что автор книги был видным общественным деятелем буржуазной Польши.

Тем временем первая часть труда Серошевского превратилась в библиографическую редкость, доступную только специалистам-этнографам. Возвращение этой уникальной книги широкому читателю свидетельствует о возрождении традиций меценатства. Переиздание труда финансировала Акционерная компания "ЗОЛОТО ЯКУТИИ". Независимая ассоциация "Российская политическая энциклопедия" (РОСС-ПЭН), взявшая на себя подготовку издания, выражает глубокую признательность Генеральному директору компании Тарасу Гавриловичу Десяткину, проявившему горячий интерес к этому проекту.

Степанов С.А.

кандидат исторических наук

ЯКУТЫ.

ОПЫТЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ

В. Л. СЪРОШЕВСКАГО.

Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
на средства, пожертвованныя А. И. Громовой.

Подъ редакціей профессора Н. И. Веселовскаго.

ТОМЪ I.

Съ 168 рисунками, портретомъ и картой.

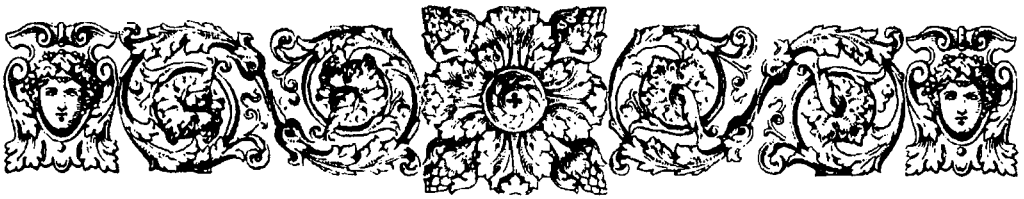
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.

1896.

Памяти

Александра Федоровича Миддендорфа

Предисловие автора к первому изданию

Весною 1880 года я прибыл в Якутск. В начале апреля тогда же я отправился дальше, в Верхоянск, куда приехал в конце мая после многих приключений и отклонений в сторону, вызванных распутицей. В г. Верхоянске я прожил до марта 1883 года. В продолжение этого времени, кроме незначительных экскурсий в окрестности, я совершил поездку на лодке по р. Яне до Ледовитого океана и возвратился обратно из с. Казачьего (900 вер.) сухим путем летом вдоль левого берега Яны по местностям мало известным и слабо заселенным. В марте 1883 года я выехал из Верхоянска в г. Средне-Колымск, а оттуда на запад, в почтовую станцию Андылах (300 вер. от гор.), где провел 8 месяцев; затем опять возвратился в г. Колымск и вторично отправился на урочище *Енгжа*, которое лежит также в 300 вер. от города, но не по тракту, а в сторону от него, в 100 вер. к северу. В 1885 году я выехал обратно в г. Якутск и оттуда на р. Алдан в III Баягантайский наслег Баягантайского улуса. В 1887 году я переехал в Намский ул. того же округа, где занялся земледелием и прожил до выезда в Иркутск в июне 1892 г. За это время я успел посетить селение Амгинское, улусы Барагонский, Батурусский, Мегенский, Восточно-Кангалаский; в Западно-Кангаласком провел несколько недель, а также совершил путешествие на лодке по Лене к устью Алдана. Эти многократные перемещения и разъезды дали мне возможность составить себе некоторое представление о стране, записать и проверить много вариантов преданий и обычаев. Для этого я вначале пользовался переводчиками, сопутствовавшими мне казаками и знавшими по-русски якутами, а затем сам настолько узнал язык, что мог записывать самостоятельно. Обыкновенно записывал я текст по-русски, а по-якутски вставлял только более характерные обороты или редкие сомнительные и

трудные для перевода слова. Это значительно сокращало время записи и не так утомляло рассказчика. Таково происхождение материалов, составивших эту книгу. О существовании их узнал в Иркутске член Географического Общества М.В.Пихтин, переговорил со мной и обратился к Анне Ивановне Громовой, главе Торгового Дома, давно уже ведущего дела в Якутской области, с предложением дать мне возможность обработать сырой материал и затем издать сочинение. А.И.Громова согласилась дать средства, а Восточно-Сибирский Отдел Географического Общества любезно открыл мне доступ в свою библиотеку и музей. Там я проработал полтора года. Литература о Якутской области разрослась в настоящее время до размеров целой библиотеки; можно насчитать более полутора тысяч номеров книг, брошюр, статей, вышедших отдельными выпусками или разбросанных в периодических научных и популярных изданиях. К сожалению, добрая треть, если не больше, представляет компиляции или повторения одних и тех же первоисточников. Размеры и назначение этой книги не позволили в ней уделять много места ссылкам и критике печатных источников; цитат оказалось и без того много, между тем я ограничился только признанными авторитетами и выписками из редких и труднодоступных сочинений.

Самую существенную помощь и самые ценные указания я нашел в трудах высокоуважаемого, покойного А.Ф.Миддендорфа. Еще в Якутской области я с пользой следовал его указаниям, привык им верить и удивляться. Все это побудило меня посвятить мой труд незабвенному ученому. Когда книга была составлена, я написал ему об этом письмо, и получил в ответ телеграмму с согласием. В телеграмме Александр Федорович сообщил между прочим, что "очень болен": это было всего за несколько недель до его смерти. Императорское Русское Географическое Общество, рассмотрев мой труд, нашло возможным принять на себя руководство по его изданию. Специальные его части любезно согласились просмотреть еще в рукописи господи ученые: Э.В.Толь — географию и фауну, Э.В.Штеллинг — климат, С.И.Коржинский и Я.П.Прейн — ботанику. Благодаря их указаниям, я мог исправить многие неточности и ошибки. Рисунки по моим наброскам и фотографиям исполнены художниками С.М.Дудиным, А.В.Евреиновым и Д.М.Головачевым.

В. Серошевский

Рис. 1. Низменная тундра в устье р. Яны (с рисунка).

Географический очерк¹⁾

Страна, в пределах которой встречаются поселения якутов, занимает почти весь северо - восточный угол Сибири. Она простирается с запада на восток на восемьдесят с лишком географических градусов, что составит в широтах якутского берега Ледовитого океана около 3 000 верст по прямой линии. С севера на юг она протянулась вполтину меньше этого размера.

Если бы от моря из устья самого западного Ленского рукава ($72\frac{1}{2}^{\circ}$ с.ш. и 142° в.д. от Ферро), как из центра, вычертить, радиусом в 1600 верст, на континенте Азии полукруг, то последний охватил бы почти все земли, где ныне живут или где недавно жили якуты. Конечно, такая правильность границ в значительной мере произвольна, она включает участки, где никогда не было якутов, и оставляет в стороне некоторые крайние посты их на юге и на берегах Охотского моря; тем не менее в общем она настолько хорошо определяет географическое распространение этого народа, что признать ее возможно. Она удобна еще потому, что почти совпадает с естественными границами данного участка Сибири.

1) Для правильной разработки этнографических материалов прежде всего необходимо было составить себе представление о географии страны. Полного описания ее рельефа я не нашел в литературе и был вынужден самостоятельно проследить по карте все записанные когда либо и доступные мне маршруты, путевые заметки и описания, сверить их, кое-где дополнить личными наблюдениями и сделать заключение. Настоящий краткий очерк — результат такой работы.

Прилегающие к ней извне страны отличны от заключенного внутри отрезка. На западе простирается низкая, болотистая западноенисейская низменность, на востоке — узкая скалистая береговая полоса и там же, далее к северу — предгорья хребтов, заполняющих Чукотскую землю и Камчатский полуостров; наконец, на юге, в глубине материка, протянулась широкой полосой горная страна, местами сильно волнистая, с узкими, глубокими лощинами, с острыми гребнями гор, с хребтами, гривами и верхушками, похожими на застывшие неправильные волны морского прибоя¹⁾.

Черта описанной выше окружности все время идет по такой горной стране, через которую, откуда бы ни шли якуты, они принуждены были с трудом пробираться, но в которой, по отсутствию пастбищ, долго жить не могли. Вблизи этой черты вздымаются со всех сторон самые высокие выпуклости, лежат самые высокие ее точки. Большинство их служит водоразделами для крупных речных бассейнов.

Сливаясь и перепутываясь своими отрогами²⁾, горные кряжи образуют кругом всей якутской территории род исполинского горного венца, шириною от 300 до 500 верст, разорванные концы которого погружены в Ледовитый океан. Бесчисленная масса побочных горных ветвей и побегов, идущих главным образом с юга на север, заполняет внутренность отмеченного нами отрезка; другие, вне его лежащие, уходят на юг в глубину материка, где сливаются с отрогами тамошних горных систем или образуют там возвышенные плоскогорья.

О размерах и разнообразии рельефа можно судить по величине, заключенной в полукруге площади, которая превосходит 3 000 000 квадр.верст³⁾. Высота горной припухлости, названной нами пограничной, тоже весьма различна. Самая возвышенная часть ее будет, по-видимому, на юге заключаться между 130° и 146° в.д.⁴⁾ и 57° и 60° с.ш. По мере того, как хребты, составляющие ее, поворачиваются к северу и приближаются к Ледовитому океану, высота их падает, причем восточное крыло выше и гористее западного⁵⁾. Если допустить, что самая высокая южная часть этого пояса имеет в общем 4 000' высоты, то восточное крыло нужно считать в 3 000', с крайне-северными отрогами в 2 000' (Сухарные горы и Белые камни на правом берегу Колымы); западное же

1) Кропоткин. "Отчет об Олек. Витим. экс." Глава X, стр. 353 — 425.

2) Беспорядочное, "цепеобразное", как его правильно называет г.Меглицкий, соединение горных отрогов, образующее недлинные и неправильные кряжи, характерно для всей Восточной Сибири.

3) Цифры для вычисления взяты у ген. Стрельбицкого.

4) Долготы всюду от Ферро.

5) Вся страна в общем поката в этом направлении, т.е. к северо-западу.

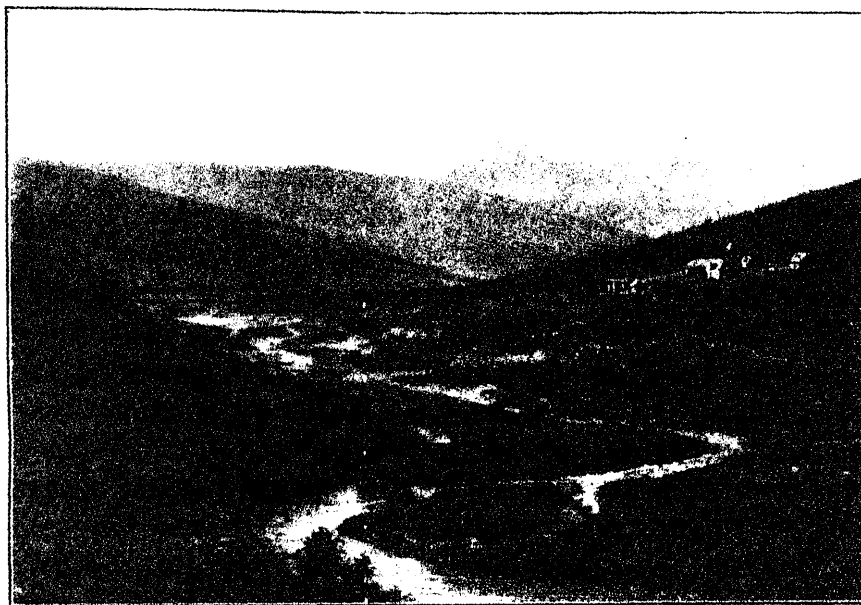

Рис. 2. Гора Томторо. Преображенский прииск (с фотогр. Обручева)

крыло в 2 000', с крайне-северными отрогами в 200 — 300' (холмы вдоль правого берега Енисея, севернее Дудиной).

Внутренние отроги горного пояса в общем тоже подчиняются закону понижения к северу и западу¹⁾. Все они, насколько можно судить по направлению реки, расположены в меридиональном направлении с отклонением: на западе Лены к западу, на востоке — к востоку. В центральной части горного полукруга, в самой его излучине, они, направляясь к северу, быстро теряют свой горный характер и дальше 60° широты между

1) Чтобы пояснить сказанное мною о пограничном горном поясе, приведу список общеизвестных хребтов, цепей и вершин, входящих в его состав. Более подробный перечень их и отзывы путешественников о местности, см. Т. II, гл. I.

	Высота над уровнем моря в англ.фут.
1) Холмы на правом берегу Енисея, сопутствующие ему севернее Дудиной вплоть до моря.....	?
2) Белый хребет между Енисеем и Пясиной.	500 — 600' (Миддендорф).
3) Норильские камни, Медвежий камень	
4) Хребет Хантайский.....	
5) Хребет Северный камень.....	
6) Гора Беломошье (устье Н.Тунгуски).....	500' (Чекановский)
7) Х. Летний камень (левый берег Н. Тунгуски) ..	?
8) Гора Кутинга (правый берег Н. Тунгуски).....	2 070' (Чекановский)
9) Гора Чалбышевская	1 988' (Миллер)
10) Гора Острая вершина.....	1 988' (Миллер)

134° и 155° восточной долготы образуют возвышенное плоскогорье, с невысокими грядами холмов и одинокими выпуклостями, беспорядочно разбросанными по нему. Это плоскогорье, в южной своей части возвышающееся до 1 500', к северу понижается до 1 400', даже до 1 000' над уровнем моря¹⁾.

Всюду на этом протяжении страна представляет слабо волнистую плоскость, усеянную озерами и прорезанную глубокими долинами рек. Только севернее 64° ш. страна опять круто вздымается и принимает горный характер.

Эта вторая внутренняя "горная припухлость" простирается с запада на восток во всю ширину края и сливается своими крыльями с соответствующими частями периферического горного пояса. По-видимому, она не ниже последнего. В состав ее на западе войдут: хребты, известные в географии под общим именем "Сыверма"²⁾ — высота их в среднем 2000', т.е. такая же, как высота соседних горных хребтов по нижнему те-

11) Гора низовой стороны устья Таймура.....	1 936' (Миллер)
12) Общая высота хребтов по Н. Тунгуске	2 000' (Чекановский)
13) Горы в верховьях Подкаменной Тунгуски.....	2 200' (Третьяков)
14) Хребты в верховьях Илимпея.....	?
15) Возвышенное плоскогорье между Н. Тунг. и Леной.....	1 500' (?)
16) Перевал в вершинах Тюкана (по Витиму)	1 690' (Кропоткин)
17) Голец у Тюканского зимовья.....	3 180' (Кропоткин)
18) Павловский голец.....	4 790' (Кропоткин)
19) Гора Томторо.....	5 700' (Кропоткин)
20) Общая высота Потомского нагорья.....	4 000' (Кропоткин)
21) Горы недалеко от Ничатки (водоразд. Вит. и Чаты).....	7 000' (? Мартен)
22) Горы в верховьях Алдана.....	3 200' (?)
23) Гряда Олега-Ытабыт.....	1 420' (Кропоткин)
24) Р. Малый Аим, дно долины.....	1 120' (Кропоткин)
25) Горы по Малому Аиму.....	2 150' (Кропоткин)
26) Вообще горы между Алданом и Маей.....	4 000' (Миддендорф)
27) Хребет Капитон.....	4 000' (Эрман)
28) Горный хребет в верховьях Охты.....	?
29) Горы в верховьях Колымы (в среднем).....	2 800'
30) Горный хребет между р. Колымой и Омолоном	?
31) Пантелеевская Сопка.....	1 491' (Врангель)
32) Белые Камни.....	2 500' (Врангель)
33) Горная ветвь, оканчивающаяся м. Шелагским.	3 000' (Врангель).

1) Смотри по этому поводу путевые журналы Эрмана, Миддендорфа, Врангеля, Маака, а также отчеты Черского, том LIX Запис. Имп. Акад. Наук, 1888 г., стр. 4 и том LXXIII, N 5, стр. 12.

2) Самые западные их отроги Третьяков называет "Путорма", стр. 217, З.Г. Общ., т. II, 1869 г.

чению Нижней Тунгуски. Хребты "Сыверма" к востоку переходят в горное плато, заключающее в себе целую систему довольно крупных альпийских озер. Из них наиболее исследовано юго-восточное озеро — Сюрунгна¹⁾. Высота всей страны определена в 3 000' над уровнем моря, а единственная точно измеренная на ней точка — гора в южном конце озера Сюрунгна — в 2 792'²⁾.

Восточнее страны альпийских озер тянутся водоразделы Оленека и Вилюя — сильно взволнованная, вполне горная страна, юго-западными отрогами сливающаяся с горами среднего течения Нижней Тунгуски. Горы, горные хребты, более или менее высокие и развитые, заполняют также всю страну на востоке между Вилюем и Оленеком и подступают вплоть к Лене³⁾. К реке Вилюю, в его нижнем течении, горы не подходят всего верст на 100, подобно тому как не подходят они на такое же расстояние к реке Алдану на правом берегу Лены.

Юго-восточная часть Верхоянского хребта составляет восточное продолжение описываемой здесь нами внутренней вздутости.

Средняя высота Верхоянской горной цепи равняется 4 000', а самые высокие из его хребтов находятся, по-видимому, в восточной части, там, где они сливаются с Яблоновым хребтом и входят в состав периферического горного сплетения. Черский отметил там высоты в 7 794' над уровнем моря⁴⁾.

Северные отроги внутреннего горного пояса тоже в общем имеют меридиональное направление и образуют водоразделы рек, текущих в том же направлении в Ледовитый океан. В южных своих частях горы образуют хорошо выраженные хребты и цепи с острыми, более или менее разорванными и размытыми вершинами. Ближе к морю вершины эти становятся округлее, скаты положе. Местами горы исчезают, превращаясь в высоко поднятые — в 1 000' — над уровнем моря слабо волнистые плоскогорья, точь-в-точь такие же, как на юге, с отдельными, там и сям разбросанными по ним выпуклостями и массой озер. Таково, например, плоскогорье между Алазеем и Колымой. Южные отроги горных цепей, наоборот, коротки и резко обрываются в долинах Вилюя и Алдана.

Таким образом внутренний горный пояс разбивает родственные по внешности и почти одинаковые по высоте плоскогорья страны на два участка: плоскогорья северные и плоскогорья южные.

1) *нг*, напечатанное курсивом, в якутских словах всюду нужно читать, как звук носовой.

2) Маак. "Вилюйский округ". Часть II, стр. 15.

3) Маак. *Ibid.* Часть II, стр. 74.

4) "Улахан Чистай".

Рис. 3. "Гольцы" - нагорная тундра по р. Яне в 200 вер. от моря (с рисунка).

Первые открыты к морю и более резко разграничены между собой крайними отрогами хребтов, идущих от магистральной горной полосы. Там каждый крупный речной бассейн имеет свою отдельную горную, свою плоскогорную и, наконец, низменную приморскую часть, не сливающуюся с соседними. Наоборот, южные плоскогорья сливаются; водоразделы их неопределенны, мало возвышенны, и, в общем, вся страна образует слабо волнистую, продолговатую с запада на восток впадину, величиною в полмиллиона с лишком квадратных верст, окруженную со всех сторон горами, возвышающимися от 2 000' до 4 000' над уровнем моря и от 1 000' до 3 000' над поверхностью плоскогорья¹⁾.

Реки северных плоскогорий текут в Ледовитый океан; реки южного плоскогорья — в Лену.

Только последняя река пробивает оба горных пояса, оба плоскогорья и восемь гирлами своего устья изливает в море каждую секунду до 10 000²⁾ кубических метров воды, собираемой громадным³⁾ ее бассейном в 2 000 000 кв. верст.

Длина Лены достигает шести с половиной тысяч верст. Она берет начало далеко за пределами страны, заселенной якутами, вблизи Байка-

1) Считаю нужным привести здесь ту поправку, которую сделал в моем описании Якутской области известный знаток севера этой страны Э. В. Толь. Он любезно согласился просмотреть географическую часть в рукописи и заметил следующее: "Не следует смешивать двух различных по строению частей Якутской области: страны на запад от Лены и север от Вилюя и страны на восток от Лены и север от Алдана. В первой, по-видимому, судя по словам Чекановского и моим личным наблюдениям, преобладают возвышенные *плато*, местами только, благодаря размыву и выветриванию, превратившиеся в подобие горных кражей, в которых преобладают типичные столовые вершины. Во второй, наоборот, встречаются настоящие, ясно выраженные цепи гор, лучшим представителем которых служит Верхоянский хребет, и подобных которому, насколько мне известно, нет на северо-запад от Лены".

2) Реклю, "Земля и люди" VI, стр. 447.

3) Площадь Ленского бассейна по Реклю = 2 200 000 кв. вер. Т. VI, стр. 599.

ла, в невысоких горах, возвышающихся от 3 000' до 4 000' над уровнем моря и от 1 800' до 3 000' над уровнем Байкала¹⁾). Дальше, вплоть до Киренска, река течет довольно открытой долиной, глубоко прорытой в высоком плоскогорье.

"Наблюдатель, плывущий по реке на лодке или пароходе, — говорит об этой части Лены Обручев, — выносит впечатление, что река течет по обширной горной стране; на обоих берегах возвышаются горы, достигающие 300 м (900 фут.) над уровнем реки; горы эти то приближаются к самому берегу и обращены к реке довольно крутыми склонами, местами представляющими отвесные стены и живописные скалы, то отдаляются от реки на значительное расстояние, ограничивая озеровидное расширение долины; склоны их там пологи, а горы, по-видимому, более низки; наблюдателю кажется, что река то пробивает горные хребты и течение ее стесняется "щеками", то вырывается на простор и медленно течет излучинами по широким долинам или котловинам, ограниченными низкими холмами. Но взобравшись на одну из береговых гор, мы находим слабо волнистую плоскость, составляющую ее гребень, и эта плоскость, сплошь покрытая густым лесом, становится все шире, чем больше мы удаляемся от Лены; идя все дальше по этой лесистой равнине, мы, наконец, дойдем совершенно незаметно до такого же широкого и плоского водораздела между притоками Лены с одной и Киренги или Ангары с другой стороны"²⁾). Таков характер страны на протяжении всего верхнего течения Лены.

Верховья Нижней Тунгуски протекают вначале по такому же плоскогорью близко от Лены. Долины обеих рек образуют на некотором расстоянии как бы одну общую впадину. Их разделяет лесистый перевал, шириною не более верст двадцати; высота его около Киренска равняется 1 627' над уровнем моря; он на 811' выше уровня Лены и на 562' выше уровня Н. Тунгуски³⁾). Страна на востоке и западе от обеих рек слабо взволнована. Неровности ее заслуживают названия гор разве только по р. Гульмуку, левому притоку Ниж. Тунгуски⁴⁾).

1) Перевал, который приходится проезжать крестьянам, везущим рыбу с берегов Байкала на р. Лену, по их словам, равняется всего 15 верстам; он невысок, с пологоскатой вершиной. Попадают они туда зимой со "Святого Носа", прорезывая Байкал поперек, что совершают в сутки. С Лены, в обмен на рыбу, вывозят нужный им хлеб.

2) В. А. Обручев. "Древне-Палеозойские осадочные породы долины р. Лены", стр. 4.

3) Миллер. "Известия Геогр. Общ.". Т. V, 1876 г.

4) По Чекановскому — хребет "Уромню".

Ниже Киренска гористый клин врезывается между плывущими до того параллельно реками и, постепенно к северу возрастая и расширяясь, заставляет Н. Тунгуску отклоняться к западу, а Лену к востоку. Первая дальше, вплоть до Енисея, прокладывает себе дорогу сквозь типичную страну столовых гор; вторая, разломав скалистый вал, преграждающий ей путь между Киренском и Витимом, снова вступает, ниже Нохтуйска, в пределы возвышенного плоскогорья, очень похожего на то, среди которого Лена плыла все время на юг. Разорванные скалы переступившего ей дорогу горного кряжа, образуют известные "щеки"¹⁾ (286 верст ниже Киренска).

Неровности и предгорья этого хребта сглаживаются раньше на левом берегу Лены, чем на правом, где они вообще и выше и более размыты (Патомское нагорье). В обход им Лена делает здесь довольно большую излучину к северу, сближающую ее с такой же излучиной Вилюя к югу (Сунтарской). Затем она опять возвращается к своему первоначальному направлению — с юго-запада-запада на северо-востоко-восток, и, на протяжении почти 1 000 верст, течет среди плоскогорья между Вилюем и Алданом, параллельно обоим рекам и на равном почти от них расстоянии.

Вблизи Якутска, верст 45 выше его (Улаханская станция), Лена поворачивает прямо на север и держится этого направления вплоть до впадения Алдана, откуда, как бы под давлением этой стремительной реки, вернее, послушная направлению западных отрогов Верхоянского хребта, уклоняется на запад до слияния с Вилюем. Отсюда направление ее становится по преимуществу северным, с легким изгибом сначала на запад, дальше на восток и вблизи моря опять на запад, что делает ее в этой части похожей на неуклюжий вопросительный знак.

На Лене, кроме не особенно опасных быстрин в щеках, нет других препятствий для плавания; нет трудных для обхода мелей и перекатов,

1) По этому поводу Обручев говорит: "В щеках, где Лена вьется между высокими живописными скалами известняков, возвышающимися то на правом, то на левом берегах, пласты изогнуты в более крутые складки с второстепенными извилинами крыльев; простирание их в общем NO 45 — 600; очевидно, мы имеем здесь прорыв реки через хребет, образуемый довольно крупными складками верхнесилруийских известняков" ("Древне-Палеозойские осадоч. породы по р. Лене", стр. 138). Эрман дает относительную высоту этих известковых утесов в 1 360' (Кропоткин, *ibid.*, стр. 184).

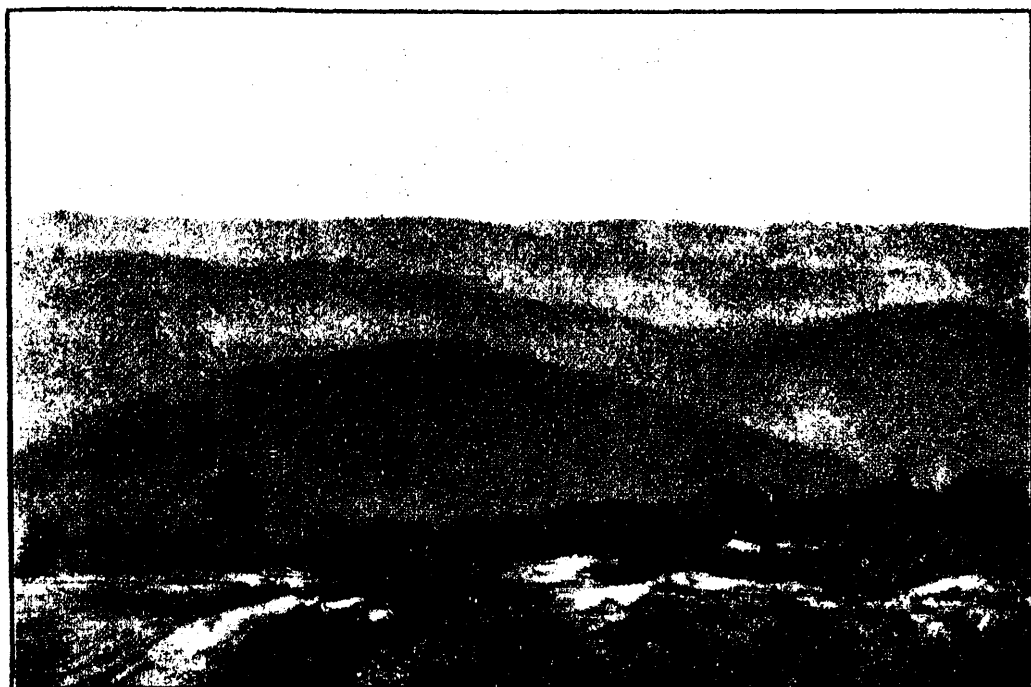

Рис. 4. Патомское нагорье. Вид с перевала к р. Гаричи (с фотографии Обручева).

нет порогов, она судоходна на протяжении четырех с лишком тысяч верст¹⁾. У Качуга Лена всего 30 сажень ширины, но, приняв массу маленьких рек и речушек с обеих сторон и соединившись с Киренгой, она разрастается до 300 сажень. В "щеках" река опять суживается до 100 сажень, но дальше, особенно после принятия ею Витима, она редко меньше версты, а после впадения Олекмы — редко где меньше полутора верст ширины. Течение ее после выхода из щек становится спокойным, ровным и остается таким до самого Ледовитого океана. Эта часть ее русла сильно запружена островами; дно по преимуществу илистое и песчаное; утесы и галька на берегах встречаются, чем дальше к северу, тем реже.

1) По Реклю, 4 340 верст; по расчету, сделанному мною на основании официальных данных, оказывается:

От Жигалова до Киренска	664 версты.
- Киренска до Витима	423 "
- Витима до Нохтуйска	449 "
- Нохтуйска (Мача) до Олекмы	339 "
- Олекмы до Якутска	657 "
- Якутска до Жиганска	800 "
- Жиганска до Булуны.....	700 "
- Булуны до моря	200 "
	4 232 версты

Рис. 5. Лена в 30 вер. от истоков (с фотогр. Обручева).

Вблизи Якутска ширина Лены, в тех редких местах ¹⁾, где она плывет одним, лишенным островов руслом, достигает 3 — 4 верст, там же, где на ней есть острова, расстояние между крайними протоками равно нередко 10, даже 15 верстам. Такова она вплоть до Сиктаха (400 верст выше устья), где ширина ее местами достигает 30 верст ²⁾.

Ниже Сиктаха она снова собирается в трубу, шириною в 4 — 5 верст, с обеих сторон к ней близко подступают там утесы, на берегах является галька. Река разбивается опять на рукава, образуя дельту, только при впадении в океан.

Начиная от Витима, глубина Лены по фарватеру навряд ли где-либо меньше пяти сажений, во многих местах она достигает 20 и больше.

Принявши Алдан и Вилюй, Лена становится особенно величественной. Это целое море движущейся пресной воды. Течение ее здесь, тихое и ровное, образует много прямых плесов и спокойных заливов.

Падение Лены по Эрману:

в 50 верстах ниже Качуга	0,77 фута на версту
в 1 000 " " "	0,38/ " " "
в 1 950 " " " у Якутска	0,09/ " " "
ниже Якутска - менее	0,09/ " " " ³⁾

1) Таких мест я знаю два: одно на юге Якутска против Калгалаского Камня (Табага), другое на севере против Сургуева Камня (Кельдым).

2) В среднем 17 верст (Юргенс, "Экс. к устью Л.", в Изв. Имп. Геогр. Общ. Т. XXI, 1885 г., стр. 252).

3) Erman. Reise um die Erde. В. I. Abth. 2. стр. 369 — 381.

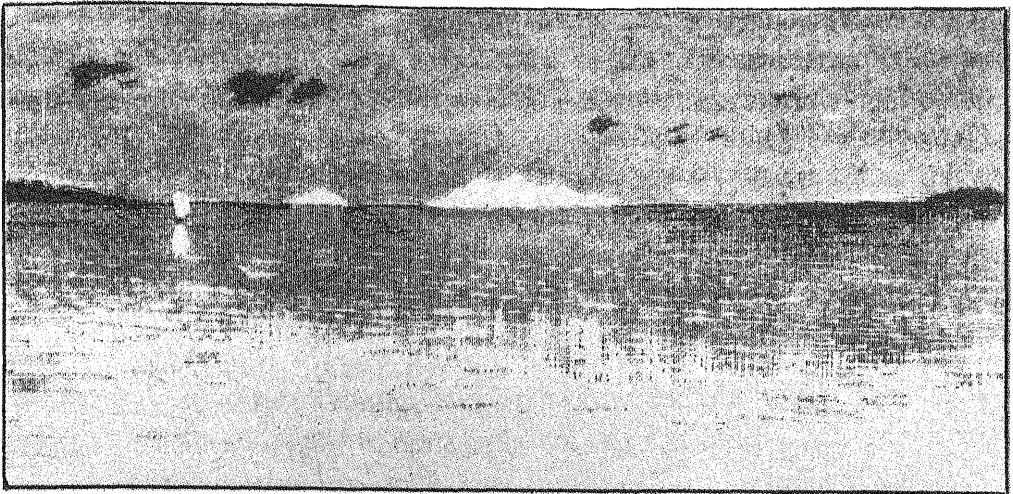

Рис. 6. Лена у слияния с Алданом; вдали Верхоянский хребет (с рисунка).

Всех притоков Лены малых и больших, рек и речек, считают около 1 000. Первый от истоков более крупный ее приток будет Киренга; затем более достойные внимания будут с правой: Чая, Чуя, Витим; ниже Витима: Пеледуй (левый), дальше Нюя (левый), Патома (правый), Олекма с Чарою (правые), Синяя (левый), Батома (правый), Алдан с Амгою (правые), Виллюй (левый). Ниже двух последних река Лена не принимает уже крупных притоков, а из мелких стоит упомянуть разве "Молоду" (левый) по которой когда-то казаки и промышленники ходили волоком на Оленек.

Витим и Олекма берут начало далеко на юге, в северо-восточной части Забайкалья, под теми же широтами, что и Лена (54° с.ш. ¹⁾). Долины их верхнего течения, как и долина Нижней Тунгуски, значительно более открыты, чем среднее и нижнее течения, где они прорезывают предполагаемый скалистый горный пояс, принятый нами за пограничный для якутских земель. В тех своих частях эти реки быстры, порожицы и поэтому судоходны только на протяжении нескольких сот верст от устья²⁾. Они бедны лугами и потому мало населены.

Собственно говоря, их даже нельзя считать якутскими реками, как Алдан или Виллюй.

Два последних будут, вместе с тем, и самыми крупными и многоводными из притоков Лены. В географическом отношении они интересны еще потому, что целиком принадлежат к той внутренней впадине, которая заключается между внешним и внутренним горными поясами страны.

1) Витим, одной из излучин своего верховья, проникает даже до 53° с.ш.

2) Витим судоходен 539 верст; Олекма 937 верст. (Реклю, *ibid.*, VI, стр. 600).

Длина Алдана — с лишком 2 000 верст, из которых 1 410 судоходных¹⁾. Ширина там, где он течет одним руслом, вблизи устья, не больше версты. По быстроте течения это чуть ли не вторая река, после Ангары, в Восточной Сибири²⁾. На ней нет порогов, но шиверов, подводных камней и каменистых балок — множество. В половодье, когда река льется поверх всех этих препятствий, она буквально шипит от бешеного бега. Задевая за огромные валуны, которыми выстлана большая часть ее русла, она вздымается, коробится, образует массу водяных бугров и летучих водоворотов.

В нижнем и отчасти среднем течении Алдан островист. Начало свое берет он под $56 \frac{1}{4}^{\circ}$ с.ш. и $141 \frac{1}{2}^{\circ}$ в.д., недалеко от долины Олекмы, в горах 3 000' возвышающихся над уровнем моря. Все время он течет параллельно Лене с юго-запада-запада на северо-востоко-восток, в расстоянии от 400 до 500 вер., восточнее ее. Приблизительно под $62 \frac{1}{2}^{\circ}$ с.ш. он натывается на предгорья внутреннего пояса, круто поворачивает к западу и, пройдя в этом направлении параллельно им верст 400, впадает в Лену под $63^{\circ} 15'$ с.ш. Все время, за исключением верховьев, где имеет по обе стороны горную страну, Алдан течет на границе плоскогорья и гор: первое — всегда на левом его берегу, вторые — на правом. По плоскогорью, заключенному между ним и Леной, почти по середине его и опять параллельно обоим, протекает довольно большая река Амга. Она впадает в Алдан немного ниже его поворота на запад. Западнее Амги впадают уже незначительные, тоже параллельные ей речки Баяга, дальше Татта и, наконец, Танда. Из левых притоков Алдана заслуживает внимания Учур и Мая — обе горные, быстрые реки. Последняя в половодье судоходна на протяжении 500 верст³⁾.

Из незначительных притоков стоит упомянуть разве Тюкулан, по

1) Реклю, *ibid.*, VI, стр. 600.

2) Падение Ангары между Байкалом и Иркутском 1,24 фута на версту; бывают перекаты, где 1,88 ф. на версту; падение Алдана в нижнем течении (от устья Амги до впадения в Лену) равняется около $\frac{1}{2}$ фута на версту, т.е. приблизительно таково, как Лены в ее верховьях.

3) Мая представляет одно из звеньев того водного пути, который зовут Аянским. Товары, доставленные в Аян морем, оттуда зимою на оленях перевозятся в урочище Нелькан, на р. Мае. Здесь ежегодно весною строят баржи и на них сплавляют товары вниз по Майю и Алдану и вверх по Лене (170 верст) до Якутска. Урочище Нелькан от Аянского порта находится всего в 240 верстах, но теперешний вьючный путь, проложенный Американской компанией в 1852 году, был впоследствии заброшен; он неисправен — на топях и речках нет мостов и гатей; он неудобен вследствие крутизны некоторых восточных спусков. С открытием Аянского порта, с 1886 года, на путь этот было вновь обращено внимание правительства, и в 1894 году был туда послан ген.-губернатором Вост. Сиб. — специалист г. Сикорский с поручением исследовать обстоя-

долине которого идет Верхоянский почтовый тракт, да речку Томпо, незначительную, но чрезвычайно быструю, образующую впадением своим в Алдан большой и временами опасный для судов водоворот ¹⁾). Обе впадают с правой стороны.

Вторая крупная река внутреннего плоскогорья, Вилюй, берет начало под $65\frac{3}{4}^{\circ}$ с.ш. и 121° в.д. в тех же возвышенностях, откуда вытекает Оленек, Анабара и Хатанга. Верхнее течение Вилюя быстро и порожисто. Самые значительные пороги встречаются ниже впадения Чоны ²⁾). Самый крупный порог "Улахан-Хана" в 20 верстах ниже устья Ахтаранды ³⁾). Последний порог на Вилюе "Кучугуй-Хана" находится между устьями Большого и Малого Ботобуя. Обе эти реки — правые, незначительные притоки Вилюя; первый достоин внимания разве потому, что верховья его очень близко подходят к верховьям Ньюи, впадающей в Лену.

Собственно судоходным следует считать Вилюй в половодье до Сунтарской излучины, с включением последней, что составит 1 128 верст ⁴⁾, а осенью до г. Вилюйска, что составит половину этого расстояния. Немного ниже с. Сунтара в излучину Вилюя этого же названия вливается с правой стороны небольшая речка Кампедзйяй, в верховьях которой находятся известные самосадочные соляные ключи, соляные озера и залежи соли, могущие при правильной разработке снабжать дешевой солью весь якутский край ⁵⁾).

льно всю местность от р. Алдомы (Охотское море) до Нелькана, отыскать и выбрать самые удобные проходы и спуски через наиболее высокий и крутой из тамошних хребтов — Джугджур, снять план и наметить линию для проложения колесного и санного пути. Нам известно, что он уже окончил свои разведки и представил ген.-губернатору обстоятельный о них отчет; желательно, чтобы отчет этот появился возможно скорее в печати. Он представляет новейшие географические сведения об этой стране, много раз посещаемой, но мало известной; особенно ценны были бы нивелирные съемки и определения высот.

1) Томпо впадает в 30 верстах ниже р. Амги; водоворот обходят, придерживаясь левого берега реки.

2) Маак говорит, что там на протяжении 30 верст он насчитал 4 порога и что плавание в лодке, особенно в малую воду, здесь невозможно; Чона — первый крупный приток Вилюя, впадает с правой стороны.

3) Левый приток Вилюя, известный местонахождением вилюитов, гроссуляров и ахтарандитов.

4) Реклю, *ibid.*, Село Сунтар под $63\frac{1}{2}^{\circ}$ с.ш. и 134° в.д. В 1894 году пароход торгового Дома Громовых впервые прошел до г. Вилюйска.

5) Один Кампедзйяйский ключ может дать в месяц около 15 000 пудов соли; вскипает ключ, правда, только зимою, но зима продолжается здесь 7 месяцев. Ключ разрабатывается в настоящее время небрежно; соли отсюда вывозят мало, она сорная, смешана с песком и несолка. Несмотря на прекрасное водное сообщение, отправляют ее отсюда гужем. Пуд ее в Якутске продается по 1 р. 60 к. — 2 р.

Начиная от реки Чоны, Вилюй течет параллельно Лене с юго-запада-запада на северо-востоко-восток, в расстоянии приблизительно от 400 до 500 верст.

Замечательно, что даже в своих крупных излучинах он подражает последней; так — излучине, идущей ниже Чоны к северу, отвечает Ленская излучина северного направления — между Пеледуем и Ботомой, а Сунтарской излучине отвечает Нохтуйская. Таким образом Вилюй ограничивает с севера то Ленское плоскогорье, которое с востока и отчасти с севера ограничивает Алдан. Устья обеих рек довольно близки — меньше 200 верст по Лене ¹⁾, и если принять во внимание, что течение последней в этом месте как бы продолжает на запад течение Алдана, то предположение Реклю, что долины низовьев Вилюя и Алдана нужно считать продолжением друг друга, вполне правильно ²⁾. Эта общая долина двух, плывущих навстречу друг другу рек пересекается крестообразно с долиной Лены; перекресток их представляет самую низкую часть южного якутского плоскогорья.

Начиная с Сунтарской излучины, Вилюй не принимает с правой стороны значительных рек, между тем как с левой, где простирается горная страна, в нее текут значительные реки, как Ыгета, Марха, Тюкан, Тюн. Приняв их, немного выше Вилюйска, Вилюй резко меняет свой вид. Скалистые обнажения и утесы становятся реже, долина заметно расширяется, русло увеличивается до 600 саженей, и река делается островистою. Общая длина Вилюя 3 000 верст. В верховьях своих он очень извилист.

Реки северного плоскогорья играли пока незначительную роль в жизни якутского народа, поэтому ограничусь только перечислением более крупных из них и общей их характеристикой. Считая с запада, это будет: Пясины с правым притоком Дудыптой, Хатанга с левым притоком Хетой, Анабара, Оленек, а на восток от Лены: Амолой, Яна с Дуолголахом, Бытантаем (левые) и Адычей (правый), Индигирка ³⁾ с Уяндиной, Селеняхом (левые) и Момой (правые), Алазей, Колыма с Омолоном и двумя Анюями.

Все эти реки имеют одну общую черту: выйдя из гор своего верхнего течения, текут некоторое время среди возвышенного, довольно ровного плоскогорья, где образуют широкие открытые долины. Затем, бли-

1) По перпендикуляру значительно меньше.

2) "Рассматриваемая в целом, долина Вилюя составляет восточное продолжение долины Нижней Тунгуски и продолжается к Тихому океану долиной Алдана". Реклю, *ibid.*, VI, стр. 597.

3) Верховья Индигирки зовут Омекон, от долины Омекон, где есть богатые луга и стоит Омеконское родовое правление.

же к морю, опять вступают в горные, узкие, скалистые теснины, превращающиеся местами даже в "щеки" ¹⁾. Это позволяет предполагать, что эти реки прорезывают в нижнем своем течении какие-то земные выпуклости, протянувшиеся с запада на восток.

Общая характеристика больших рек будет неполная без беглого хотя бы описания их долин.

Долины эти в большинстве имеют, так сказать, двусложный вид. Они особенно резко выражены в их среднем течении. Там они состоят из просторной впадины — шириною от одной до нескольких десятков верст, промытой глубоко — футов на 200 — 300 в плоскогорье. По дну впадины вьется река, в относительно узкой, глубокой щели, шириною от нескольких сот до нескольких тысяч футов, а глубиною от 60' до 100' и больше. Русло это в средней части течения разбито островами на много рукавов; острова в редких только случаях такой же высоты, как основной берег реки. Они исключительно наносные, новейшего происхождения ²⁾. Берега, как первой долины, так и самого русла реки, очень крутые. Они образуют как бы грани двух ступеневидных террас, возвышающихся неодинаково над уровнем реки. Спуски первой террасы, вышиною в несколько сот футов, размытые весенней водою и местами разорванные устьями текущих в главную реку притоков, кажутся издали двумя горными цепями, идущими параллельно реке. Их так и называют, без всякого, впрочем, основания, "береговыми хребтами". Взобравшись на них, путник увидит, что то, что он принимал за гребень, не больше как край исполинского обрыва, а дальше простирается страна, неровности которой расположены совершенно независимо от этого мнимого хребта. Эти вы-

1) Таковы, например, "щеки" на Яне в полуторастах верстах выше ее дельты (В. Серошевский. "Путевые заметки", 1882 г.), таковы теснины в низовьях Оленека (Чекановский. "Оленекская экспедиция". Изв. Имп. Геогр. Общ. Т. XI, 1875 г., стр. 334—337) и Лены (Н. Юргенс. "Экспедиция к устью р. Лены", Изв. Имп. Геогр. Общ., Т. XXI. 1885 г., стр. 254 — 255). Относительно других рек нет достаточно точных сведений, но судя по расположению их низовых притоков и присутствию гор в глубине континента на всем протяжении восточной части Ледовитого океана, можно предположить, что на некоторых, как Пясины, явление это существует, а на других, как Колыма, где горы подступают к реке только с правой стороны, оно выражено неясно, половинчато. То же видим на Енисее. Даже о низменной тундре, между Индигиркой и Алазеем, мне сообщали туземцы, что по дороге с юга к морю они проезжают мимо высоких скал, на вершинах которых "стоит окаменелый обоз древних богатырей" (Енгжа. Колымский улус, 1883 г.).

2) Мне известен только один случай, где остров представляет скалу основной породы, это остров "Столб", 50 верст выше Жиганска. Якуты зовут его также "Джелях" и связывают с преданием об Аграфене Жиганской, некогда русской колдунье, теперь злом духе, насылающем на людей сифилис, проказу и т. п.

сокие крутые обвалы не что иное, как берега бывших здесь некогда водоемов¹⁾.

На многих из них сохранились следы былых водяных уровней, характерные карнизы и уступы. У подошвы их внизу, по дну долины, составляющему ступень второй террасы, рассеяны озера, большинство которых удлинено в том же направлении, в каком течет река. Их узкая, лентовидная форма, их дно, изобилующее омутовидными ямами²⁾, указывают, что все они когда-то представляли русла текущих вод. Положение многих над уровнем теперешней реки превышает 100' и в редких случаях захватывается разливом. Дно долины выстлано, несомненно, пластами речных отложений: ила, песку, гальки, покоящихся друг на друге в известном порядке и достигающих иногда значительной мощности³⁾.

Теперешние реки прокладывают, таким образом, свои русла в прежних своих отложениях. Возможно, что, постепенно передвигая свои извилины от одного края долины к другому, они уже несколько раз перерыли и перевертели их⁴⁾.

1) Местами долина реки представляет род озеровидных расширений с плоским, ровным дном. На Лене, вблизи Якутска, встречается целый ряд таких котловин; самая крупная из них та, среди которой стоит Якутск. Она около 60 верст длиною и до 20 шириной. От прилежащей к ней с юга такой же, но более узкой, котловины отделяет ее лесистый высокий мыс, с непосредственно в реку круто опускающимся пилоном — Кангаласким камнем; на севере, от не менее обширной Намской котловины отделяет ее такой же лесной мыс с утесом — Сургуев Камень. На Яне более значительные "уширения" долины известны мне в местности Борунук (в 7 верстах ниже г. Верхоянска), да еще в 100 верстах ниже г. Верхоянска во 2-м Юсальском наслеге; на Индигирке в окрестностях Зашиверска; на Алдане в местности "Эбэ", 3-го Баягантайского наслега и т.д.

2) О таком характере этих рекоподобных озер я имел возможность во многих местах лично убедиться промерами при ловле рыбы.

3) На Алдане, например, ниже впадения Амги можно наблюдать на протяжении многих десятков верст такой их порядок в основных берегах: тонкий слой растительного перегноя, красноватый или бурый речной ил (характерного, чешуйчатого строения с прослойками желтого песку); крупнозернистый иззелена-серый песок (иногда слой в 15' — 20' — 30' толщины), мелкая круглая галька и, наконец, такая же более крупная галька. В слое последней, насколько я заметил, река прокладывает себе, в настоящее время, дно. В этих отложениях попадаются кости мамонта, носорога, мускусного быка, лошади и, иногда, низко в слоях гравия или зеленого песку, довольно толстые стволы березы, не отличающейся ничем от нынешней.

4) По этому поводу Э. В. Толь говорит: "Здесь реки не вырабатывают настолько свои русла в вертикальном направлении, как в наших странах, но они отличаются частыми и периодическими передвижениями в горизонтальном направлении, почему обмывают гораздо большее пространство, чем у нас". "Экспедиция Императорской Академии Наук 1893 года на Ново-Сибирские острова и побережье Ледовитого океана".

Мощность отложений, ширина речных долин, высота водяных линий, отмеченная на древних береговых обвалах, во всех отношениях замечательны и до того типичны, что изучение их, нужно думать, много уяснило бы вообще в теории образования рек.

По количеству стоячих вод: озер, болот, зыбунов (бадаран), калтусов и "моховиков", описываемый нами край, несмотря на свою возвышенность над уровнем моря, смело может соперничать с Обь-Енисейской низменностью. Озера разбросаны, главным образом, по плоскогорьям, хотя есть и в горах альпийские озера, даже целые их системы, окруженные горами и лежащие довольно высоко над уровнем моря. Таковы *Норильские озера*; большие озера, в верховьях Хатанги, со знаменитым озером "Эсе" (Жессейское); такова группа озер в верховьях Моньеро и Вилюя, наконец, группа озер в верховьях Чары, среди которых более крупное "Куськенде" (Олекминско-Витимская горная полоса).

Озера плоскогорий, естественно, гуще лежат в самых низких их частях, чем в предгорьях. На южном плоскогорье всюду есть озера, но количество их возрастает к северу и более всего их находится на части плоскогорья, прилегающей к нижнему течению Вилюя. Много также озер в северной части Амгинско-Ленского плоскогорья, в улусах Дюпсюнском, Борогонском, Баягантайском.

Классической страной озер для всего этого отрезка Сибири нужно считать плоскую низменность, между низовьями Колымы и Индигирки. Она вместе с тем и по своему положению над морем самая низкая часть во всей стране. Величина многих из тамошних озер достигает нескольких десятков верст в диаметре, но не столько поражают они своей величиной, сколько количеством.

"Их столько, сколько звезд на небе", — говорят туземцы (Енгжа, 1884 г.). Благодаря этому, рыбаки без труда совершают длинные путешествия, перетаскивая лодки с озера на озеро. Иногда озера разделены только узким, низким перешейком и достаточно небольшой трещины, чтобы одно из них сплыло в другое, если они разного уровня. Это обыкновенно и случается, когда зимою во время сильных морозов трескается земля. По весне через такую щель озеро уходит, наполняя соседнее, которое в свою очередь разрывает берег и т.д. Подобные "убывающие озера" якуты называют "уолбут". Освобожденная от воды площадь земли, особенно первые годы, представляет прекрасные луга и сенокосы. Поэтому якуты, нередко, искусственно спускают озера. За самые лучшие места для поселения считаются озера не совсем еще сплывшие, а настолько понизившие свой уровень, что кругом их образовался просторный луговой воротник. Таких озер больше всего на южном плоскогорье, где

они, пожалуй, представляют преобладающий тип. Озера северных плоскогорий, наоборот, в большинстве "полные" (толбут), т.е. вода в них выполняет котловину полностью, до гребня окружающих ее, поросших лесом холмов.

Озера плоскогорий лежат высоко над уровнем реки, но они редко питают последние. Правда, многие озера имеют свои "истоки" (сиен), соединяющие их между собой, но такие речки не всегда достигают главной реки; часто они теряются где-нибудь по дороге, в обширных болотах и калтусах. Если же произойдет соединение с главной рекой, то дни существования данной системы озер сочтены: речка быстро промывает глубокое ложе и осушает водоемы, превращая их постепенно в открытую луговую долину. В таких долинах охотно селятся якуты, и ими особенно изобилует Амгинско-Ленское плоскогорье, где есть также много таких, надо думать, озерного происхождения речек. Между ними более замечательные рр.: Тата, Танда, Бажа, Сола, Теря, Мыла и т.п. ¹⁾

Размеры луговых долин — озерных и речных — в Якутской области относительно значительны и колеблются от одной до нескольких квадратных верст. Они то обособлены, и тогда их разделяют гряды невысоких, лесистых холмов, то составляют более или менее связные цепи, соединенные узкими, болотистыми, поросшими ерником, кочковатыми падыми, по-сибирски — "калтусами".

Сухих, ровных, крупных, в несколько десятков или сотен верст, степевидных пространств, наоборот, мало. Они встречаются преимущественно в долинах больших рек, да на днищах тех немногих огромных, сплывших или спущенных озер, которые еще заполнились вторично, снеговой водой, не успели засырьеть, зарости кочкарником и ивняком ²⁾.

Позволим себе еще раз напомнить общую схему страны. Южная часть ее представляет огромную продолговатую с запада на восток впадину в полмиллиона с лишком квадратных верст. Дно впадины, слегка волнистое и слегка к северу покатое, возвышается над уровнем моря по-

1) Туземцы отличают крупные, старые реки от таких относительно новых, называя последние: "бор юрях" (земляные речки), "алас юрях" (нагорные речки), наконец "от юрях" (травяные речки). Речки, текущие из озер, называются "сиен" — исток. Отличают они также луговые долины *нагорные* (алас) от лежащих много ниже их, на второй террасе крупных рек; последние долины они зовут "береговыми" — кытыл.

2) Вот приблизительные размеры некоторых известных мне равнин: 1) равнина, среди которой стоит Якутск, 50 вер. длиной и до 20 в. шириной; 2) Бурунук, местность в 7 вер. от Верхоянска, на левом берегу Яны — 10 вер. длиной и 5 шириной; 3) Елэжа (в Кольымском улусе, Кангалаского рода) 20 верст длиной и 8 шириной; 4) Нюрба (Виллойского округа) 20 верст длины и 10 ширины; 5) луга около станции Малое (р. Алазей), ? — длиной и 10 вер. шириной; 6) Чурепча, в Батурусском улусе; 7) луга кругом озера Абый (Индибирка); 8) луга Сунтарской излучины; 9) Зашиверские равнины.

Рис. 7. Олекминско - Витимская горная страна. Долина р. Пуричи, лев. прит. р. Тоноды, впадающей в Патому. Вид с перевала на Кевакту (с фотогр. Обручева).

чти на 1 000 футов. Впадина со всех сторон окружена горным поясом шириною от 300 до 500 верст. Для нас в данном случае безразлично, каково геологическое происхождение этих гор: суть ли они складки земной коры или размытые, растрескавшиеся, выветрившиеся ее массивные поднятия, для нас достаточно знать, что полоса эта скалиста, изоброждена узкими ущельями, по которым текут бесчисленные горные речки, что откосы их долин крутые, дна в большинстве завалены каменными россыпями, вершины гор голы и бесплодны. Наоборот: включенная в их венок впадина выстлана исключительно почти песком, глиной, лесом, и дно ее представляет мягкое, волнистое соединение мелких открытых впадин и плоских холмов. В каждой ее лункообразной впадине лежит одно или несколько озер с более или менее болотистыми берегами; в каждой ложбине течет речка. Многие озера, соединенные "истоками" (сиен), образуют своеобразные речные системы, питающие крупные реки, текущие с далеких гор. Горы, окружающие впадину с южной стороны, сливаются с ее дном, постепенно понижающимися отрогами; горы, окружающие ее с северной стороны, имеют крутые и короткие скаты. Три самые большие якутские реки Лена, Алдан, Вилюй крестообразно встречаются в самой низкой точке впадины. Принявшая их, Лена огибает с запада Верхоянский хребет и, прорвав прилегающее к нему возвышенное северно-вилюйское нагорье, уходит к морю.

Вышеописанную, обрамленную со всех сторон горами впадину, мы будем называть *южным якутским плоскогорьем*, в отличие от *плоскогорий северных*, непосредственно прилегающих к Ледовитому океану. Северные плоскогорья распадаются на две группы, различные не только по положению, но и по характеру: плоскогорья, лежащие на запад от Лены, и плоскогорья на восток от нее. В западной группе, по-видимому, преобладают возвышенные массивные однородные поднятия, разделенные глубокими рытвинами и беспорядочно разбросанными горными кряжами; восточные плоскогорья окаймлены с юга полукругом гор, образующим целый, непрерывный венец, концы которого, погруженные в океан, выглядывают оттуда в виде Ново-Сибирских островов¹⁾. Таким образом, эта восточная группа северных плоскогорий имеет нечто общее в своем рельефе с южной впадиной, только разобщение между составными ее частями больше, так как цепи гор, идущие в меридиональном направлении и разъединяющие бассейны Яны, Индигирки, Колымы и других рек, параллельны и выражены строже: они круче, выше и непрерывнее. Нечто похожее на общее, слитное плоскогорье намечается только у самого моря, в виде узкой, тундряной, слабо волнистой полосы, да в болотистой, низовой Колымо-Алазейской низменности. Каждый бассейн вышеуказанных рек составляет, таким образом, как бы замкнутое целое, у которых южные, даже средние части гористы, низовые — плоскогорны, болотисты и изобилуют озерами.

Посередине страны течет Лена. Она погружается многочисленными протоками своего устья в океан, точно исполинское дерево корнями. Ближайшая к морю часть ее русла почти лишена притоков; она представляет гладкий, могучий ствол от 5 до 8 верст шириною. Крона этого могучего дерева, состоящая из таких гигантских ветвей, как Алдан, Вилюй, Витим, Олекма, заполняет своей *тысячной* сетью второстепенных веток все ущелья, ложбины и углубления южной якутской впадины. На северных плоскогорьях реки образуют 9 крупных, сложных бассейнов и 112 более простых, непосредственно изливающихся в океан. И все это направляется в одну сторону — на север, а на всем якутском отрезке Сибири с лишком 2 000 рек и речек и примерно 100 000 озер²⁾.

1) См. Э. В. Толь: "Экспед. Им. Ак. Наук" 1893 года, стр. 11, доклад в Геол. Общ. 6-го апреля 1894 года, брош.

2) На протяжении 300 вер. между С. Колымским и Алазейским хребтами насчитано мною до 70 озер только по линии дороги. Маак на меньшем расстоянии между оз. Нежели и Вилюйском (250 вер.) отметил более 100 озер. Если сделать вычисление в такой же пропорции для всех известных озерных районов, то окажется в Як. Об. более 100 000 озер, не считая альпийских. Количество рек и речек высчитано мною по карте Генер. штаба и считается по бассейнам: Ниж. Тун. — 228; Енисей ниже Н. Тун. — 14; Пясины — 10; Таймыра — 14; Хатанга — 49; Анабара — 23; Оленек — 109; Лена (от

Климат

Рис. 8. Бадараны — болота в 10 верст длинной по дороге из Усть-Янска в Верхоянск, во 2-м Эгинском наслеге на берегу Орлиного (Тоен-кыл-кел) озера (с рисунка).

Климат этой части Сибири, несмотря на громадное ее протяжение и значительную разницу широт, довольно однороден. Зима начинается повсюду почти в одно и то же время ¹⁾. С первых чисел сентября страна начинает стынть и подмерзать; в первой половине октября покрывается она сплошным, уже не исчезающим до весны покровом снега.

К концу этого месяца все реки приблизительно стали, озера давно уже покрылись льдом, снегу набралось до полуфута, и зима воцаряется во всей своей суровости.

По мере того как растет тень зимней ночи и тьма ее делается гуще, следом надвигается лютая стужа. Идет она, как всюду, именно следом, а не совпадает, и самый короткий день (21 декабря), и самое темное время не самые здесь холодные.

56° с.ш.) — 325; Виллой — 248; Витим (от 56° с.ш.) — 84; Оленек (от 56° с.ш.) — 131; Алдан — 230; Яна — 100; Индигирка — 100; Алазей — 19; Колыма — 200; мелких бассейнов самостоятельно текущих в море — 116. Конечно, на карте обозначены часто такие речки, которых в сущности нет, но, как я убедился, существует не менее того много не нанесенных на карту; таких — даже больше. Достаточно, наконец, сравнить карты бассейнов исследованных с картами бассейнов менее известных, чтобы прийти к заключению, что приведенные цифры минимальны.

1) Это объясняется для северного плоскогорья тем, что Ледовитый океан излучением своей летней теплоты передвигает явления здешней осени к началу зимы; с другой стороны, в южных пределах южного плоскогорья (Витимское нагорье, верховье Алдана и Нижней Тунгуски) более высокое положение над уровнем моря ускоряет наступление зимних холодов.

Земля питает воздух еще некоторое время своей теплотой. На склоне северного плоскогорья, совершенно открытого к морю, ход этой студеной волны замедляется еще умеряющим влиянием Ледовитого океана, замерзающего только в середине зимы. Стужа поспекает сюда к концу января или даже в феврале ¹⁾. Главная дорога, так сказать, гребень этой стужи, пролегает с северо-северо-запада на юго-юго-восток, приблизительно между 120° и 140° меридианами (от Ферро), почти посередине того волнистого, возвышенного амфитеатра, какой представляет описываемый здесь край.

Прилив стужи достигает своего кульминационного пункта, своей вершины, в окрестностях Верхоянска, где средняя температура зимы равняется -48° Ц., и термометр, случается, падает до -67° Ц. ²⁾. Здесь — полюс холодов северного полушария. Замечательно, что напряжение холодов, по мере удаления от их полюса, быстрее, по-видимому, падает в северном направлении, чем в южном. На Сагастыре (73° 23' с.ш.), в Усть-Янске (70° 55' с.ш.) средняя температура зимы равна для первого -35,9°, для второго -33,8° Ц., самый сильный из отмеченных холодов не достигает -60° Ц. Между тем, в Мархинском селении (Якутск, 62° 10' с.ш.), даже в Олекминске (60° 22' с.ш.) средняя температура -40° и -33°, и термометр в иные годы опускается ниже -61° Ц.

Волна холода, встретившись с влажным дыханием Ледовитого океана передвинулась, таким образом, не только во вторую половину зимы, но и в глубину материка. На запад и на восток от указанной выше линии самых низких, средних и крайних температур напряжение холода тоже постепенно слабеет. Но слабеет ли оно равномерно или неравномерно — пока не установлено. Зиму инородцы считают здесь с Михайлова дня, т.е. с двадцатого ноября ³⁾, вернее, с ближайшего этому дню новолуния, за которым следующий лунный месяц они причисляют к зимним. Они отзываются о нем: "верхушку коновязи морозами выпячивающий, седьмой" ⁴⁾. О следующем месяце (с 17 декабря по 15 января) они говорят: "с жестоким мглюю-туманом, восьмой" ⁵⁾; третий называют "месяц шу-

1) Смотри таблицу II.

2) Смотри таб. N II. В 1892 г. в Верхоянске наблюдалось в феврале месяце минус 69,8° Ц.

3) Все числа по новому стилю.

4) "Серге тебеге сетиричи тонгор сеттини". Верхушка коновязи бывает по большей части ровная. "Сетиричи тонгор" — называют ту выпуклость, которая образуется на кружке молока, которое заморожено в сильную стужу.

5) "Куденах (абырынах) ан-дан ахсыни". Ахсыни — название месяца, значит восьмой.

мящего дятла"¹). На севере к зимним причисляются еще и четвертый (с 12 февраля по 12 марта) — олуню²), десятый месяц якутского года. Якутская зима — пора, без сомнения, самая однообразная и схожая во всей стране. Возможно, что в разных местах и в разные годы она отличается степенью холода и своей продолжительностью; но всюду и всегда она здесь — самое тихое, ясное, сухое и устойчивое из климатических периодов. Резких перемен погоды, удивительных скачков температуры, столь характерных для здешней весны, лета и осени, зимою не случается. Стужа нарастает и падает плавными и крупными размахами. День мало отличается температурой от ночи. Ветры почти отсутствуют. Чаще всего дуют легкие, местные ветерки (салгыр), с перерывчатой струей и неопределенным направлением. Сила их в глубине страны до того незначительна, что в Якутском, например, округе при их помощи невозможно веять хлеб. Понятно, что часть северная и приморская более ветрена, чем южная, лежащая в глубине впадины, окруженной со всех сторон горными хребтами; но и на севере зимою ветров вообще мало и они слабы³). Они здесь настолько слабы, что не в состоянии колыхать лесов, одетых в толстые ризы снега, и те стоят всю зиму белые и неподвижные, точно застывшая морозная пена. Всяду царит ненарушимая тишина, спокойствие, безмолвие. Все замерзло, оцепенело, превратилось в лед, который здесь приобретает твердость горной породы⁴). Даже свод неба кажется куполом, выточенным из льда. Он бледен, прозрачен, и по целым неделям не видно на нем ни облачных пятен, ни туч. Только изредка появляются длинные волокнистые, белесоватые полосы, похожие на те матовые ленты, которые встречаются в хрустальных толщах замерзшей воды. На этом

1) "Тонногос торулур тохсуню". Тохсуню — название месяца, значит — девятый.

2) Десятый месяц.

3) Зато, по-видимому, здесь существуют другие своеобразные воздушные течения. В особенно тихие, ясные, морозные дни я не раз наблюдал в Верхоянске такое явление: дым, выходящий из труб, поднимался перпендикулярно на несколько сажень, потом заламывался под прямым углом и, пройдя некоторое расстояние в горизонтальном направлении, рассеивался в воздухе. Иногда он образовывал нечто вроде зонтика, или гриба, чему, быть может, способствовало немного наклонное положение якутских труб. Такое же явление я по Сибири видел еще только в Якутском округе и Колымском, но там реже и не так резко выраженное. Надо заметить, что эти местности входят в район зимнего максимума атмосферного давления северного полушария, так называемого зимнего антициклона, оперирующего к северу от Байкала.

4) Мне известны случаи, когда кусками свежотколотого льда обрезали руку, точно осколками кремня.

чистом своде звезды и луна горят особенно ярко; зато солнце всплывает только минутным гостем — тусклое и красное — и спешит спрятаться в туманы. Морозные туманы особого происхождения и отличного вида. Густые, белые, тяжелые, они стелются низко, редко поднимаясь выше нескольких футов над землей. Густота и толщина их слоя заметно увеличиваются вблизи жилищ человека, в городах, поселениях и в лесах. В местах открытых, среди полей и озер тумана всегда меньше и он редок¹⁾. Этим он и отличается от другой, туманоподобной ледяной пыли, в виде которой, по большей части, падает здесь снег зимою. Хлопьями он, в эту пору года, по крайней мере в тех местностях, которые я знаю, падает очень редко; между тем как пластинчатая, кристаллическая снеговая пыль, при совершенно ясном небе, там не редкость.

Вообще весь этот угол Восточной Сибири известен сухостью своей зимы и уступает в этом разве только Монголии. Количество зимних осадков во всем крае весьма незначительно; причем страна, лежащая на востоке от долины Алдана и Яны, как это ни странно, оказывается беднее ими западной. На прекрасной карте осадков акад. Вильда²⁾ количество это обозначено для декабря, января и февраля, на востоке в 10 миллиметров воды, полученной от таянья снега ($\frac{1}{20}$ годового выпадения влаги), а на западе, в окрестностях Якутска, Олекминска и на севере вплоть до Туруханска, отмечено ее от 20 до 40 миллиметров ($\frac{1}{10}$ годового выпадения влаги). Самой богатой этими осадками является, вообще более влажная, долина Вилюя, где они достигают 50 мм ($\frac{1}{8}$ годового количества влаги). Зимою, в глубине материка³⁾, как мы отметили выше, нет ни вьюг, ни ветров, ни непогоды. Все мертвенно, бледно и неподвижно.

1) Можно предположить, что это — слабое дыхание погруженных в зимнюю спячку растений или испарина животных и людей, превращенная стужей в тончайшие кристаллики льда. Они висят в плотном студеном воздухе, будучи легче его, и, несмотря на ничтожность выделения, успевают накопиться в большом количестве вследствие неподвижности атмосферы. Такие типичные морозные туманы можно наблюдать только в безусловно тихие дни. Такое же объяснение дают этому явлению и инородцы. В сильные холода запах дыма также не уносится вверх, а разносится широко по окрестности; он чувствуется за несколько верст от жилья. Этому наблюдению способствует, вероятно, и та чувствительность обоняния, какая приобретается при чрезмерно низкой температуре воздуха.

2) Die Regen-verhältnisse des Russischen Reiches. von H. Vild, 1887 I.

3) Самая ветреная часть страны — это прибрежная полоса Ледовитого океана; здесь, по-видимому, господствуют муссоны. Ветры дуют, почти всю зиму, по преимуществу с материка на море; нередко скорость их достигает 19 — 20 метров в секунду; средняя скорость ветра, за декабрь, январь, февраль, равняется в Туруханске 3,7 метра, а в Сагастыре 4,8 метра. Окрестности Верхоянска зимою чуть ли не самая тихая местность. Здесь средняя скорость ветра в это время года = 0,1, а средняя годовичная = 1,8;

но. Без преувеличения можно сказать, что единственное в это время здесь сколько-нибудь мощное движение — это содрогание земли, трескающейся от холодов, что единственное явление, разнообразящее мертвенность пейзажей, — это зори. Я полагаю, что нигде в более южных широтах восход и закат солнца не дают такого богатства красок, такого разнообразия их сочетаний и нежности оттенков, как здесь. Иногда все небо, весь воздух напитаны нежным розовым отблеском, а над тем местом, где спрятано солнце, горит, в продолжении нескольких часов, целая палитра разнообразных цветовых пятен. За Полярным кругом ряд многих дней в году состоит исключительно из подобной зари. Еще дальше на севере зимний день низводится до слабого, красноватого багрянца, вспыхивающего не надолго на южном небосклоне дымчатого, ночного неба. Звезды не тухнут, и луна светит ярко-преярко, заменяя солнце. Иногда играет сполох ¹⁾, но его причудливый мерцающий свет не успокаивает, не ободряет, а, наоборот, насколько я заметил, будит какую-то тревогу в истомленных тьмою людях и домашних животных. В глубине материка сполох редко наблюдается в середине зимы, чаще в ее начале и конце. В Верхоянском и Колымском округах, вообще на севере, он случается чаще, и проявления его там много сильнее и разнообразнее, чем на юге. В дельте Лены, на Сагастыре, в журналах русской полярной станции за 1882—83—84 годы, явление это отмечено почти ежедневно с сентября по апрель, между тем как в Якутском и Олекминском округах сполох виден всего несколько раз в году ²⁾.

Впрочем, с уверенностью можно сказать, что для всей страны это световое явление имеет второстепенное значение и влияние его на жизнь ничтожно. Большая часть зимы проходит в глубоком мраке или при свете луны и звезд. Зато звуковые эффекты приобретают в студеном, густом воздухе необыкновенную силу. Малейший шорох слышен на далекое расстояние, скрип саней можно явственно различить за 2—3 версты, гул трескающихся от холода земли и льда превращается в оружейную пальбу. В особенно холодные ночи путнику часто слышится слабый, непрерывный, странный шелест, который якуты называют "шепотом звезд" (Колымск. окр., 1883 г.). Этот говор покрытой мраком и снегом, неподвижной природы остается, по всей вероятности, не без влияния на душу ино-

на 247 наблюдений отмечено за декабрь (1887 г.), и январь, и февраль (1888 г.) только 32 ветра. Относительно годовичного безветрия он уступает только Якутску. В Якутске безветрий 59,6 на 100 наблюдений, в Верхоянске безветрий 18,2 на 100 наблюдений.

1) Северное сияние.

2) Якуты говорят: "Сполох (юкагир уота) играет перед переменой: если тепло, то будет холодно, если холодно, то будет тепло".

родца и на его верования. "Мороз точно бык, и два у него рога; один ломается на первого Афанасия (5 марта), другой рог на второго Афанасия (24 апреля), а на третьего Афанасия (14 мая)¹⁾ и все тело опадает", согласно повторяют и северные и южные якуты. Действительно, белый бык зимы туго поддается влиянию весеннего солнца. Громадное количество тепла, израсходованное землей и снегом в зимнюю стужу, должно быть возмещено, а между тем, солнце, которое уже довольно высоко поднимается и ярко сверкает над белоснежными полянами, еще мало греет, и холода стоят все такие же. Только с первого сильного весеннего ветра, собственно говоря, начинается весенняя погода²⁾. Ветер окончательно нарушает уже чуть-чуть ослабевший зимний режим; приносит с собой влагу, тепло и тучи, откуда бы ни подул. С лесов отряхается часть снега и мало-помалу они начинают темнеть, а вслед за ними и даль и небо вместо белого зимнего тумана покрываются все густеющей синевою. Правда, в марте температура по утрам (утренники) падает нередко до -36° Ц. (Благовещенский прииск) и даже до -60° (Верхоянск), но в полдень она поднимается уже на несколько градусов выше нуля в тени, а на солнце начинает порядочно припекать. Средняя температура этого месяца значительно выше средней температуры зимы и февраля — ее типичного представителя.

1) Все числа по новому стилю.

2) Первый сильный весенний ветер:

	Год	Число	Направление	Скорость	
				максим.	сред. суточ.
Туруханск . . .	1881	20 марта	SSW	20 м.	18 м.
	1882	28 февраля	SSW	20 м.	16 м.
	1883	06 марта	S	14 м.	9,6 м.
	1884	25 февраля	ESE	20 м.	10,6 м.
Сагастыр	1883	23 февраля	S	19 м.	14,5 м.
	1884	23 февраля	WSW	17 м.	10,8 м.
Верхоянск . . .	1888	27 марта	SW	06 м.	3 м.
	1888	22 марта	W	04 м.	3 м.
Мархинское . .	1889	21 февраля	NW	20 м.	11,3 м.
	1890	02 марта	NW	10 м.	5,3 м.
Олекмянск . . .	1887	18 марта	W	10 м.	6 м.
Благовещ. прииск	1890	04 апреля	W	03 м.	3 м.

покрытой оленьими шкурами, без огня и теплой пищи. Через небольшие промежутки времени приходится вылезать оттуда, чтобы разбудить собак, могущих без этой предосторожности в дремоте околеть от стужи, отряхнуть их от снега и накормить. Тучи ледяных игл, несомых ветром, впиваются в путника, забиваются под одежду, знобят и ранят открытые части тела. Случается, что ветры дуют при совершенно ясном небе, но и тогда они несут облака ледяной пыли, сорванной с поверхности снега. Тогда, на известную высоту над землей, воцаряется мутный, белесоватый сумрак, через который изредка только прорывается луч солнца. Человеку достаточно позволить ветру оттолкнуть себя от нарты или дверей дома, чтобы уже не найти их ¹⁾.

После такой сухой выюги ровная поверхность тундры или обширных северных озер оказывается изрытой множеством морщин и углублений, в общем похожих на водяную зыбь. Ветры в каждой данной местности дуют и сменяются с такой правильностью, что опытные промышленники узнают по кривизнам этой зыби, по направлению сугробов и "заструг" страны света в сумрачный день и читают по неровной поверхности, как по книге, последовательный ход погоды.

Хотя в глубине материка, начиная от границы лесов, ветры бывают слабые, но они и там, особенно весною, не остаются без влияния на распределение снега, что в земледельческих и скотоводческих районах не лишено значения. Если они поднимаются раньше того времени, когда, благодаря теплоте, снег успел достаточно осесть и уплотниться, то сыпучую его массу они легко передвигают в более низкие места, оголяя до самой земли вершины бугров и покатые под ветер скаты. В обнаженных местах почва быстро высыхает и не дает, впоследствии, достаточно обильных всходов хлеба и трав. Между тем, гребни бугров и релок считаются здесь самыми плодородными, а трава, растущая на них, — самой питательной. Ветреная весна считается неблагоприятной ²⁾.

Стремительные весенние ветры дуют в округах Якутском, Вилюйском и Олекминском по преимуществу с севера или юго-запада; они су-

1) Я знал торговца-якута, родовича Кангалаского рода, Колымского улуса, Николая Слепцова, который, отбившись от товарищей в тундре и застигнутый пургой, имел неосторожность удалиться на несколько шагов от своей нарты. Он уже не мог ее найти и не погиб только благодаря скорому прекращению ветра. Товарищи нашли его полуживого. Он отделался болезнью и потерей глаза, который вытек "от ледяных игл", как объяснили якуты.

2) Время появления весенних ветров состоит также в некоторой связи с более быстрым, дружным или медленным и постепенным таянием снегов, а следовательно с величиной весенних разливов. Дружная весна, обыкновенно, весна тихая и поздняя, она же и многоводная.

хия и холодные. Южный ветер, конечно, самый теплый, он сильно способствует таянию снега. Ветры восточный и северный считаются якутами "с непогодой, снегом" (ардахтах-хардах). Зимой эти ветры считаются теплыми, весной и летом холодными.

Количество снега, выпадающего весной по всей стране, превышает, почти на треть, количество зимних ее осадков. Исключение составляет Виллойск, где весной их меньше, да Туруханский край, где их почти столько же.

Толщина снега редко достигает здесь 3 — 4 фут., обыкновенно она значительно меньше ¹⁾.

Снег, глубиной в 5 — 6 якутских "харыс" ²⁾, признается уже туземцами глубоким. За осень, зиму и весну больше всего выпадает снегу на западе, в окрестностях Туруханска (около 200 мм воды, полученной от таяния снега); всего меньше на востоке, в бассейнах рек Яны, Индигирки, Колымы (80 мм воды), в остальном крае количество снега колеблется между этими цифрами ³⁾. В половине марта солнце уже пригревает днем настолько, что на снегу появляется ледяная глазурь или, как здесь называют, "наст". Образуется она от попеременного действия солнечного тепла и утренних, еще очень сильных морозов. В лесной тени глазурь нарастает значительно позднее и медленнее, да и снег там обыкновенно более рыхлый. Сначала верхний, тонкий слой снега превращается в зернистую, полупрозрачную кашу; каша эта постепенно нарастает, смерзается, слипается, в чем не последнюю роль играет иней, осаждаемый из влажного воздуха ночными стужами. В тихие ночи, листовидные, довольно крупные пластинки этого инея ложатся кружевной пленкой по всему снегу, нависают в виде прозрачных, ажурных лохмотьев на ветвях деревьев, возвращая природе, на мгновение, утраченную ею зимнюю, белоснежную наружность. Днем под лучами солнца все это тает быстро и проникает в глубь снега, где, замерзая, помогает зерновидной массе слипаться. Под твердой корой снег долго еще сохраняет рыхлость и пушистость. Этим пользуются охотники, устраивая погоню на лыжах за оленями и лосями в то время, когда "наст" еще настолько слаб, что не мо-

1) Я раз только видел здесь такой глубокий снег; именно в Колымском округе в 1883 году. В этом же году случился известный разлив Колымы, уничтоживший часть города Ср.-Колымска. Маак в 1854 г. наблюдал снег такой же глубины в долине Виллюя.

2) Расстояние между концами сильно раздвинутых большого и среднего пальцев приблизительно 6 дюймов.

3) Сведения почерпнуты из таблиц акад. Вильда. Они противоречат немного моим личным впечатлениям: мне всегда казалось, что снегов в долинах Яны и Колымы больше, чем, например, в Якутском округе.

жет удержать зверей, а снег достаточно глубокий и рыхлый, чтобы служить им помехой в бегстве.

"Наст", в ясные солнечные дни, играет всеми цветами радуги, точно он усыпан алмазной пылью. Больно смотреть тогда не только на поверхность снега, но и прямо в воздух, полный отраженного света.

Нередко, в конце апреля, термометр в полдень в тени показывает уже 10° тепла. Снег значительно осел и весь превратился в рыхлую кашпцу. Появляются, и все растут в числе и размерах, участки черной, совершенно оголенной от снега земли. Блестят в углублениях лужи стоячей воды. Прилетают птицы. Жизнь и движение, исчезнувшие на время зимы, возвращаются с лихорадочной поспешностью. Так же быстро нарастает тепло. В мае в окрестностях Якутска, Олекминска, по Вилюю, Алдану, Витиму, вообще во всей южной части плоскогорья, средняя температура дня бывает ниже нуля только временами и то исключительно в первую половину месяца. В полученные часы она нередко поднимается до $+14^{\circ}$ Ц. в тени, хотя по ночам падает иногда ниже -15° Ц. Ко второй половине мая снег уцелевает только на горах да в глубоких, поросших лесом лощинах. На севере наступление весны запаздывает недели на две, даже на три.

Тающие воды образуют в горных местностях многочисленные, бурные потоки, а в равнинах — временные, мелкие озерца. Впрочем, большая часть воды скапливается на ледяных полотнах настоящих рек и озер. Там она остается до тех пор, пока не промочит отверстия во льду, пока края последнего не оттают от берегов и ее самой не соберется достаточное количество, чтобы, сплывши вниз, поднять ледяную толщу. Иногда последняя, примерзши плотно ко дну, не пускает вниз воду и лежит под ней долго, крошась и растворяясь по частям. Всплывшие на поверхность ледяные поля, блестящие, синие, лишенные снегового покрова, утратившие спайность от бесчисленных зимних трещин, несмотря на толщину свою, достигающую нередко 2 метров, легко уже поддаются совокупному действию солнца и просачивающейся сквозь них влаги. Они раскалываются вдоль своей толщи на столбики, затем на длинные и тонкие иглы, так что все ледяное поле представляет как бы громадную щетку.

Исчезновение снега опреждает вскрытие рек дней на десять, даже недели на две, а вскрытие озер нередко на месяц. Реки вскрываются прежде всего в южных своих частях. Маленькие реки и притоки обыкновенно вскрываются раньше больших рек. Период вскрытия во всем крае приходится на конец мая, до первых чисел июня¹⁾.

Запаздывание вскрытия, по мере удаления на север, равняется для

1) Исключая самых северных рек: Таймыра, Пясины, Богадыны, Дудыпты, Хатанги, которые вскрываются во второй половине июня.

		Вскрываются:	Замерзают:
Енисей	65° 50' Туруханск.	14 мая (бывает и 19 июня).	20 октября.
	69° 20' Дудино.	12 июня.	03 октября.
Оленек	72° в устье.	10 июля.	11 октября.
	68° 15' в верховьях.	в конце мая — начале июня.	
Лена	73° в устьях.	в начале июля.	01 октября.
	59° 55' Мача.	17 мая (1870 г.)	05 ноября.
	60° 22' Олекминск.	18 мая (1862 г.) 26 мая (1870 г.)	между 3 и 15 ноября.
	62° 2' Якутск.	19 мая (1872 г.), 22 мая (1874 г.), между 21 и 30 мая за 14 лет наблюдений	между 28 октября и 15 ноября.
	73° 23' в устьях.	25 июня.	между 1 и 2 октября.
Амга	60° 50' Амга, селение.	между 4 и 28 мая.	
	58° 36' в устьях Учюра.	21 мая.	
Алдан	— при впад. в Лену.	почти одновременно с Вилюем.	
Вилюй	63° 45' Вилюйск.	между 13 и 30 мая.	между 16 и 24 октября.
	в устье.	26 мая (1854 г.)	
Индигирка	71° Русское устье.		17 сентября.
Яна	67° 33' Верхоянск.	между 22 мая и 1 июня.	9 октября.
	70° 55' Устьянск.	5 июня.	11 сентября.
Колыма	65° 45' Верхне-Колым.	25 мая.	
	67° 10' Средне-Колымск.	между 24 мая и 7 июня.	между 9 и 10 октября.
	69° 26' в устье.	14 июня (1822 г.).	между 1 и 26 сент.)

более крупных рек приблизительно двум-трем дням на градус широты. Степень запаздывания у разных рек сильно колеблется, потому что в значительной степени зависит от топографии их долин. Оленек, например, запаздывает на градус по три-четыре дня; Яна и Колыма, по-видимому, запаздывают больше, чем Лена, а последняя — больше, чем Алдан. Показатель запаздывания изменяется также у одной и той же реки, по годам. Это зависит, как от разницы температур во время вскрытия, так и

1) Таблица составлена на основании данных, приведенных Мааком и Миддендорфом, и моих личных записей и исправлена по М. Рыкачеву.

от разницы минувших зим. Если зима была ровная и умеренная, если снегу было много ¹⁾ и главная масса его выпала осенью, если затем весна была дружная и, вдобавок, эти явления распространились одинаково на всю речную долину, то вскрытие совершается быстро и правильно. Если, наоборот, снегу по осени выпало мало, зима стояла особенно холодная, а весной господствовали снега и ветры, тогда лед на реках нарастает до саженой толщины и, укрытый снеговыми покровами от действия весеннего солнца, сохраняет в значительной степени свою спайность, а от его спайности и толщины главным образом зависят время и характер ледоходов. На спайность его влияют также плавность понижения и повышения зимней температуры и отсутствие особенно холодных дней, способствующих растрескиванию льда. Ход вскрытия состоит в непосредственной связи с первым весенним разливом, называемым туземцами "ледяным". Он, действительно, вызывается ледяными запрудами, образующимися в узких проходах русел. Такие запруды называются местными русскими "запорами", по-якутски "торас" ²⁾. Они образуются постоянно в одних и тех же местах, хорошо известных жителям. Это, по большей части, или особенно крутая колонна изгибов, или плесы, полные островов и стесненные мысами, далеко вдающимися в реку. Лед, недостаточно пластичный и раздробленный или несомый недостаточно сильной струей воды, застревает в таких местах, нагромождается и образует мол, плотно упирающийся в бока и дно реки. Такой мол простирается иногда вдоль реки в длину на полверсты, даже на версту. Приносимые водой и задерживаемые им льдины еще больше укрепляют его. Иногда он стоит день, два, три. Тогда уровень воды, выше мола, быстро подымается, а ниже его — падает. Мне не раз удавалось наблюдать "запоры" на Яне, Колыме, Алдане и Лене. Участие местного льда в образовании их слабо, чаще всего это издали принесенный лед. Иногда река движется уже несколько дней и почти очистилась от зимнего покрова, как вдруг опять появляются ледяные поля и запруживают ее. Прибывающие льды с грохотом и треском насквакивают на застрявшие ряды, а мелкие куски с шипением уходят под них; затем все стихает и в глубине омертвевшей реки слышен только шум воды, прорывающейся сквозь ледяное решето запруды, да металлический шелест откалывающихся и обсовывающихся вниз ледяных игл. Это продолжается до тех пор, пока тяжесть воды, накопившейся в русле запруды, не сломит препятствия. Тогда вся эта масса с невероятной стремительностью низвергается в низовья. Энергия этих наводнений, бегущих с быстротою водопада, неопишима. Льды, точно громадные тараны, бьют в берега, бороздят их и разрушают; срезают до дна довольно крупные мели

1) Инородцы уверяют, что "снежная зима — всегда теплая зима".

2) В иных местах "торос".

и острова; уничтожают на больших протяжениях леса и кустарники, вырывая их и опрокидывая, точно смерч. Целые десятины лугов и целые рощи, попавши на льдины, уносятся ими далеко, вместе с громадными глыбами камней, отколотых от утесов. В устьях Яны, в тундре, я видел громадные валуны, покоящиеся на подобных ледяных кораблях. Во время известного разлива Колымы в 1883 г., лед разрушил $\frac{2}{3}$ домов в Ср.-Колымске. Льдины передвигали дома с места на место, разбивали их или, ударивши в один угол, сворачивали на фундаменте накрест. В долине Лены я видел местами, высоко над уровнем реки, целые десятины леса, разрушенного льдами, точно выкошенные косой. Часто в том месте, где был запор, быстрая убыль воды оставляет на берегу целый ряд льдин. Запоры случаются ежегодно, но не каждый год бывают во всех местах, где имеют обыкновение образовываться. Часто они минуют свои стоянки, и тогда в том околотке нет разлива. Замечено, что размеры разлива ниже запора всегда значительнее, чем выше его. Все это делает ледоход здешних рек чрезвычайно своеобразным. Река сбрасывает льды, подобно тому как спускают тяжело нагруженные суда в искусственных, маловодных каналах. Шлюз бассейна всегда остается запертым до тех пор, пока не прибудет достаточно воды, чтобы поднять груз и передвинуть его дальше. Льды плывут как бы по уступам. Разливы, вызываемые запорами, самые значительные в году по высоте воды; она поднимается иногда на десятки саженей, орошает места, редко орошаемые, наполняет свои давно покинутые, полуобсохшие курьи и протоки, обновляет рыбу и воду в высоколежащих в долинах озерах ¹⁾. Население всегда радо большому разливу: "много воды — много рыбы и сена", говорят якуты. Впрочем, для урожая сена значительно важнее второй разлив "мутной воды" (бордах у), начинающийся дней через десять или две недели после прохода льдов. Уровень

1) Живущие над Леной якуты утверждают, что каждые 25 лет случается особенно большой разлив. Последний такой разлив был в 60-х годах и, судя по следам, которые мне показывали — поистине громадный. По словам якутов, вся долина Лены от гор до гор была превращена в сплошную реку. Приведу несколько примеров более крупных разливов, вызванных запорами, лично мною наблюдаемых, в момент разлива или впоследствии определенных по следам и указаниям: 1) разлив Яны в 1882 году, потопивший село Усть-Янское, 2) разлив Колымы в 1883 году, потопивший С.-Колымск; вода поднялась на 20 саженей выше обыкновенного уровня реки, 3) разлив Алдана в местности "Эбэ" (Баягантайского улуса), вызванный запором в 1885 году; вода поднялась на 12 с лишком саженей, совершенно наполнила лощину реки и залила на огромном протяжении луга второй террасы, 4) разлив Лены, вызванный запором в Хатынгаринском наслеге, вода поднялась на 15 с лишком саженей и подступила вплоть к воротам моего дома, стоящего на второй террасе реки, в расстоянии 2 верст от нее, на довольно высоком холме.

его не так высок, но разливается он равномернее и длится дольше.

Вскоре после вскрытия рек, в их долинах начинают дуть сильные низовые ветры. Насколько широко распространение их за пределами речной долины, мне не удалось узнать, и судить, в какой связи они находятся со вскрытием реки, не берусь. Дуют они почти ежегодно, довольно правильно в продолжение нескольких дней. Они холодные и стремительные, несут тучи, но редко дождь. Жители называют их "ветрами вскрытия рек" (бус устата тыэл). Эти холодные ветры представляют как бы остаток зимы; с их окончанием наступает лето.

Обилие летних осадков увеличивается по мере удаления от моря на юго-запад, так что самое меньшее их количество (от 50 до 100 мм) приходится на самый северный пояс континента, среднее (150 мм) — на долину Алдана, Вилюя, окрестности Якутска и Туруханска, а самое большое (от 175 до 200 мм) на долину Олекмы, Витима и прилегающие к ним части бассейна Лены и Нижней Тунгуски. Распределение этой влаги, по времени ее выпадения, далеко не равномерно.

Первая половина лета всюду менее дождлива, но эта разница определеннее всего выражена в центральных местностях страны. Там проходят иногда промежутки в 25 — 30 дней, когда не выпадает ни капли дождя или выпадает его так мало, что он не в состоянии, как характерно здесь выражаются, "прибить пыль". Первые более значительные дожди выпадают здесь в конце мая или начале июня; население зовет их "Троицкими". Вторые летние дожди, "Петровские", случаются в начале июля. В местностях скотоводческих и хлебородных население ожидает с большой тревогой обоих дождей; если их нет или они недостаточны, стране грозят всякие беды, так как урожай и трав и хлеба зависит исключительно от них. Вслед за этими дождями, редко продолжающимися два-три дня, опять настает засуха, смягчаемая только по ночам обильными росами. Ветры, в это время года, по всей стране, дуют по преимуществу с запада и северо-запада. Это не исключает и других ветров, но упомянутые направления преобладают и стремительность их больше. Самая тихая, по-видимому, часть страны — это внутреннее плоскогорье; самая ветреная, конечно, побережье океана¹⁾. В тундрах, на берегу моря, я наблю-

1) Якуты отличают следующие периодические весенние и летние ветры:

1) в начале февраля: ветер, который сдувает с деревьев снег (кемнех тысяряр тыэл).

2) в начале марта: ветер, уносящий пустые берестовые ушаты из-под тара, что означает окончание зимних припасов (холлогос кетютяр тыэл).

3) в середине марта: ветер, сдувающий с релок (сыр) снег (сыр хастыр т.).

4) в конце марта: ветер, набивающий бугром дорогу (суол томтор т.).

5) в начале апреля: ветер, поднимающий солнце (кюнь кетегерь т.).

6) в середине апреля: ветер, сушащий снег (хар сахсатар т.).

дал летом своеобразные ветры, дующие против солнца. Они оббегают страны горизонта, только что покинутые солнцем и, идучи следом за ним, обходят, таким образом, в круглый летний день почти всю розету компаса. Обыкновенно они кончаются штормом со стороны моря.

На севере, среди тундр и озер, я наблюдал другое явление, вероятно, родственное этим круговым ветрам, именно: в ясный, тихий или слабо ветренный день, когда одиноко плывущие облака закрывают солнце, ветер в то же мгновение крепчал, иногда доходя до размеров бури; затем туча проходила и все быстро стихало. Только волны да лес шумели некоторое время в совершенно спокойном воздухе. Беда, когда такой смерч застигнет промышленника на небольшой лодочке среди озера. Страхом перед ним можно объяснить отвращение якутов к плаванию посредине обширных и открытых вод, даже в совершенно тихую погоду.

Насколько здесь зимою воздух спокоен и чист, настолько летом он полон движения и облаков. Не проходит дня, чтобы откуда-нибудь не дул хотя бы легкий ветерок, чтобы на небе не блуждало хоть маленькое облачко. Иногда вверху творится что-то крайне своеобразное: тучи плывут несколькими, не особенно толстыми слоями, по разным, часто перекрещивающимся, направлениям, а еще выше, над ними, стоят белые, перистые облака, освещенные солнцем, или виднеется в промежутках голубое небо. Чаще тучи плывут в двух диаметрально противоположных направлениях, соответствующих сменившим друг друга направлениям ветра. В глубине материка мне не редко удавалось наблюдать постоянный и правильный обмен ветров направлениями. Если, например, несколько дней дул западный или северо-западный ветер, то, после его прекращения, непременно подует — хоть день, хоть два — ветер в совершенно обратном направлении. Такой же обмен, хотя и реже, случается между ветрами дня и ночи. Это явление туземцы называют "борьбой ветров". Ночью, перед рассветом, ветер обыкновенно повсюду стихает, что так же хорошо известно инородцам и чем они обязательно пользуются при переправах через озера и реки, в ветреную погоду.

7) в конце апреля: ветер, снег сгоняющий (хар харардар т.).

8) в начале мая: ветер, сушащий лед (мус сахсатар тыэл).

9) в середине мая: ветер, землю иссушающий (сири курдар тыэл).

10) в конце июня: холодный, останавливающий рост деревьев (?) ветер (мас сыра т.).

11) в конце июля: холодный, останавливающий рост трав ветер (от сыра т.).

12) в конце августа: ветер, иссушающий растительность (оту-масы орохсутар т.).

NB. с курсивом означает, что звук этот неопределенный, способный превращаться в х или даже исчезать, как, напр., в слове суох — нет, которое в некоторых местностях произносят хуох, а то даже уох.

Самая жаркая часть лета — июль, а самое жаркое лето, с крайне высокими температурами, присуще местностям, лежащим немного к югу от полюса стужи. Здесь стоградусный термометр в течение года проходит почти всю свою шкалу (Верхоянск +30,8, -67,1; Мархинское +37,9 -61,5). Привожу сравнительную таблицу средних и крайних температур лета и июля в разных местностях.

		Л е т о			И ю л ь		
		средняя	максим.	миним.	средняя	максим.	миним.
Сев. пл.	Туруханск	+ 11,5	+ 32,5	-6,2	+ 15,6	+ 32,7	+ 1,9
	Усть-Янск	+ 8,1			+ 11,4		
	Сагастыр	+ 3,0	+ 12,8	-12,6	+ 4,9	+ 12,1	-0,2
	Верхоянск	+ 10,7	+ 30,8	-5,8	+ 13,7	+ 30,8	+ 2,6
	Средне-Колымск . .	+ 11,9	+ 34,2	-2,2	+ 12,9	+ 28,9	+ 3,0
	Нижне-Колымск . .	+ 10,3					
Южн. пл.	Мархинское	+ 15,9	+ 37,9	-3,0	+ 19,2	+ 37,9	+ 5,4
	Олекминск	+ 18,0	+ 33,9	-2,3	+ 18,6	+ 33,9	+ 4,6
	Благовещ. прииск .	+ 14,1	+ 38,0	-2,0	+ 17,4	+ 38,0	-0,4

В июле температура хотя не раз понижается ночью до +2-х, 3-х градусов, но, не в пример остальным летним месяцам, в редких только случаях падает ниже нуля. В июне и июле, на солнце, жара достигает поистине африканской знойности. Нередко она доходит до 48 градусов по Цельсию и не только вблизи почвы, но и на воздухе, на высоте нескольких футов. Камни и песок накаляются до того, что ходить по ним босой ногой невозможно, они жгут даже сквозь якутскую кожаную обувь. Хоронясь от зноя, люди предпочитают работать ночью, несмотря на множество комаров. Кони в дороге падают иногда под седоком; но как это ни странно, я не знаю за все двенадцать лет ¹⁾ ни одного примера солнечного удара у людей.

Если такая жара стоит долго, то последствием ее являются "сухие туманы". Их смешивают часто с дымом лесных пожаров, но они отличаются от последних тем, что ночью оседают, образуя белесоватую, стелющуюся мглу. Утром, по мере того, как солнце начинает пригревать, эта мгла исчезает, правильнее: расширяется, покрывая окрестности и свод неба серо-пепельной дымкой. Сквозь нее просвечивает солнце, похожее

1) Я прожил в Якутской области с марта 1880 года по июль 1892 года.

на диск, окрашенный в малиновый цвет и лишенный блеска. Дышать становится трудно, как в жарко натопленной бане. Странный, мертвенный свет и темная, спаленная засухой земля дополняют удручающую картину якутского бездождия. Сухие туманы наблюдаются во всем крае, но место их господства — это внутреннее плоскогорье: долины Лены, Алдана, Олекмы; месяц их наибольшего распространения — июль. Появляются они в года особенно жаркие и сухие. "Сухие туманы" дают мало росы или даже совсем ее не дают.

Дождливый период начинается в июле и длится с небольшими перерывами до конца августа. За это время выпадает, по крайней мере, две трети всех летних осадков. Количество же дождливых дней не так велико, потому что, по большей части, дожди льют проливные, моросят редко и то больше в конце августа и в сентябре. Последний месяц, хотя пасмурнее и холоднее предыдущих, но менее дождлив, — дожди падают вперемешку со снегом. За исключением разве самой северной полосы, температура сентября всюду выше нуля; днем температура воздуха достигает до $+20^{\circ}\text{C}$. в тени; ночью же случаются уже морозы в -11° , -12° . В иные годы этот месяц состоит сплошь из ясных, погожих дней с сильными утренними заморозками. Тогда озера и незначительные речки быстро покрываются толстым слоем льда, и табуны лошадей и рогатый скот, свободно пасущиеся в лесах, сильно страдают от жажды. Трава высохла, земля замерла, а обильные летние росы заменились не менее обильными инеями.

Сплошной прочный снеговой покров появляется во всей стране не раньше как в первых числах или даже в половине октября. В это время года всюду выпадает самая крупная доля зимних осадков. В Туруханске в 21 день с осадками выпадает 28,3 мм воды, что составляет половину зимнего снега; в Средне-Колымске в 3 дня (средним числом) выпадает 8,6 мм = $\frac{4}{5}$ зимнего количества; в окрестностях Якутска в 11 дней — 17,3 мм = $\frac{2}{5}$ зимнего количества; в Олекминске, в 10 дней — 20,2 = $\frac{2}{3}$ этого количества, а в Благовещенском прииске, Витимской системы: в 13 дней — 22,8 мм, что составит $\frac{9}{10}$ зимнего снега. Исключением, по-видимому, будут: Верхоянск, где судя по тем немногочисленным данным, которые у меня есть, январь самый снежный месяц, именно:

в октябре в 3 дня — 3,5 мм = $\frac{1}{7}$
в январе в 6 дней — 5,5 мм

да Сагастыр, где:

в октябре в 17 дней — 2,0 мм = $\frac{1}{5}$
в декабре в 8 дней — 4,9 мм

Итак, в конце октября во всем крае водворяется настоящая зима. Термометр уже ни на минуту не поднимается выше нуля. Холода достигают -30° (Олекминск) и -39° (Верхоянск); крупные реки, мало-помалу, начинают замерзать.

Собственно говоря, весны и осени в стране, описываемой нами, почти нет. В июне, июле и августе налицо все типичные признаки континентального лета: жаркие дни, холодные ночи, продолжительные засухи, сменяющиеся периодами проливных дождей. Только часть мая можно считать за весну, только сентябрь за осень. Громадная зима, возросшая до семи месяцев, поглотила прилегающие к ней времена года.

В непосредственной связи с суровостью климата находится слой вечномерзлой почвы; залегающий на известной глубине всюду в этом крае ¹⁾. Вблизи полюса холодов он проникает на 400 с лишком футов в глубину земли. Дальше к югу мощность его, конечно, слабеет и местами сходит даже на нет, как это замечается на Витимском плоскогорье, где встречаются только отдельные его острова, на дне узких, глубоких долин ²⁾. Толщина слоев разнится даже в прилегающих друг другу местностях. Например, в Шергинской шахте, по вычислению Миддендорфа, она равняется 700 футам, а в Шиловской, по его же показанию, она достигает только 300 ³⁾. Толщина эта в сильной зависимости от рельефа и состава почвы, от ее плотности и теплоемкости, от близости проточной и стоячей воды и, наконец, от толщины снега и количества, а также времени и способа выпадения летних осадков. Первые мешают или способствуют промерзанию почвы, вторые, просачиваясь глубоко в землю, приносят туда большое количество свойственной им теплоты. Степень оттаивания с поверхности меняется еще больше и зависит, кроме вышеуказанных условий, еще от массы второстепенных, местных, как-то: характера растительных покровов, распределения тени, направления наклона почвы в

1) Лопатин.

2) По Вильду, граница вечномерзлой почвы почти совпадает с линиями годовых изотерм в -2°C . Ячевский по поводу этого замечает, что она "по натуре самого явления, по его сложности, должна представлять линию весьма сходную с береговой линией весьма изрезанного материка, окаймленного многочисленными островами" ("О вечно мерзлой почве в Сибири", Л. Ячевского).

3) Шергинская шахта (Якутск)	700'
Шиловская шахта (Якутск).....	300'
Олекминск	60'
Воздвиженский рудник.....	60' (Kupfer).

ту или другую сторону горизонта. Под мхом, в лесу, на откосах, обращенных к северу или открытых для зимних ветров, мне случалось, нередко, в августе находить никогда не тающий лед, на глубине нескольких дюймов, между тем как поблизости, в местах открытых, на солнцепеке, на сухих глинистых буграх, чтобы добраться до льда, приходилось рыть ямы в 5 — 6, даже 12 футов¹).

Итак, наружная плоскость вечномерзлого слоя не тянется параллельно земной поверхности, а представляет неровную плоскость, усеянную многочисленными, совершенно самостоятельными выпуклостями и ямами.

1) Интересны те практические правила, какими руководствуются местные жители при устройстве молочных ям и погребов. Погреб по-якутски "булус", (по-видимому, слово — это смесь какого-то испорченного неякутского слова с якутским "бус" — лед). "Если хочешь устроить хороший погреб, — учили меня якуты Намского улуса, — то должен вырыть яму не мельче четырех аршин: ближе у нас не встречается вечный лед" (Намс. улус, 1886 г.). В Верхоянске и Колымске для этой цели считается достаточной глубина в сажень с четвертью или даже сажень. В долине Алдана под 63¹/₂⁰ с.ш. в илистой, наносной почве я находил слой вечной мерзлоты приблизительно на такой же глубине. "В песке холод не держится" (Намс. ул., 1886 г.). "Мы, якуты, никогда не роем ям в маленьких буграх (булгунях)" (Баягантайский ул., 1884 г.). "Если хочешь, чтобы в погребе никогда не таяло, спусти в яму хороший сруб с дверьми и двойной перегородкой внутри. Между срубом и землей, снаружи, плотно набей навозу, а сверху поставь амбар" (Намс. ул., 1886 г.). "Погреб должен стоять всю зиму открытый, чтобы из него вышел запах" (Намс. ул., 1886 г.). "В погреб не клади рыбы и мяса прямо на лед, потому что они испортятся" (Намс. ул., 1887 г.). "Если хочешь сохранить мясо свежим и сочным, облей его водой и спусти в погреб в самые сильные холода; в таком виде оно может пролежать год" (Сред.-Колымс., 1882 г.). Молочные погреба роются значительно менее глубоко. На севере, в тех местностях, где народонаселению приходится часто переходить с места на место, ямы эти роются совсем не глубокие, аршина полтора, но каждый раз они роются в новом месте и, по мере того, как молоко начинает портиться, углубляются, или же роются рядом новые. Ямы выкладываются внутри лиственничной корой, а сверху прикрываются кожей или старой одеждой. Для "заквашивания" рыбы в Колымском улусе роют ямы в сажень глубиной. Много раз я убеждался, что большинство приведенных здесь правил несомненно верно. Погреба в глинистой почве считаются лучшими; хотя торфяники с прослойками льда труднее всего поддаются оттаиванию, но там, говорят якуты, "сыро", там в погреб легко может попасть вода и тогда он испорчен. Глубже всего оттаивают места, где весной и летом стоят лужи воды или где протекает ручей. Якуты знают это прекрасно. Между прочим, якуты не верили мне, когда я говорил им, что на моей родине нет вечно мерзлой почвы; они утверждали, что непременно есть, но только очень глубоко (Колым. ул., 1884 г.). Подполья для хранения картофеля всегда устраиваются под жилым домом. Подполья для этой цели глубже сажени считаются неудобными: нижний слой картофеля и те, что по углам, промерзают в них по весне.

Одним из последствий ¹⁾ ледяной подпочвы можно считать многоводность здешних рек и непостоянство их уровня. Ни одна из них не берет начала из ледника или какого-нибудь крупного озера; нет здесь также многочисленных ключей, которые могли бы питать их постоянно ²⁾. Все реки живут исключительно дождями и снеговой водой; зато последние почти целиком сплывают в их русла по непроницаемому полотну вечной мерзлоты. Бедность осадков уравнивается громадностью речных бассейнов ³⁾, а периодичность их выпадения порождает правильность разливов.

Медленность образования растительного перегноя, признанную слабосильность здешней почвы и незначительность толщины черноземного слоя, полагаю, следует приписать также в значительной мере низкой температуре подпочвы.

1) Несомненно, что в связи с ней состоит образование ледяных покровов на реках и озерах, а также шуги, наледей (тарин) и т.п. "Тарины" — особое явление, свойственное, по-видимому, только здешним рекам. Это — выпотение на поверхность льда воды, сдавленной со всех сторон, в водоемах мелких горных речек, страшными зимними морозами. Иногда выпотение производит сильное давление в верхнем течении, когда исток его заперт льдом и шугою; давление бывает так высоко, что взламывает и вспучивает лед в 2 аршина толщиной. Эту наледь не нужно смешивать с той осенней наледью, которая образуется провалами льда после убыли воды или проломами быстрин, как, напр., местами на Алдане или у водопада "Тонгмот" речки, с левой стороны впадающей в р. Уяндину, приток р. Селеняха. (Против устья Тонгмот на прав. берегу Уяндины стоит известный утес "Тулуях-хая"). Не знаю, чему следует приписать явление, виденное мною в декабре по дороге в Колымск, между станциями Малое и Унджей: река, вытекающая из озера, дымилась и текла в ледяных берегах не особенно быстро. Якуты уверяют, что она никогда не замерзает.

2) Настоящие ключи, родники, бьющие из земли, я встречал только на юге от Олекминска. На севере в пределах Полярного круга, мне неизвестен ни один родник. По-видимому, нет их и в Якутском округе. В Вилюйском округе есть известные соляные ключи на речке Кампедзай; соль добывается там только зимою, когда на речной поверхности образуется ледяная, насыщенная солью накипь (тарин). Температура воды в ключе не превышает $+0.25^{\circ}$ и не спускается ниже -0.75° Ц.

3) Отмечу, что вечная мерзлота не остается без влияния и на детали формы речных берегов, придавая плотность и устойчивость каменных пород влажным сыпучим пескам, глине и илу. То же самое мнение высказывает Э. В. Толь (24 стр., цитиров. доклада); он почвенный лед о. Ляхова называет "горной породой" (стр. 12). Она же замедляет обсыхание страны, делает последнюю болотистой и совершенно устраняет в земной коре те своеобразные процессы, которые вызывают движение подпочвенных вод.

Таблица I

Средняя за годы	Число дней с осадками					Количество осадков в милли- метрах					Состояние неба ¹⁾									
											Май		Июнь		Июль		Август		Сентябрь	
	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Ясно	Пасм.	Ясно	Пасм.	Ясно	Пасм.	Ясно	Пасм.	Ясно	Пасм.
Туруханск . . (1887 - 90 г.)	15	13	14	15	18	20,2	28,5	42,0	56,8	62,2	3	16	5	9	4	10	4	13	3	17
						48,7		98,8												
Сагастыр . . . (1883 - 84 г.)	19	14	12	19	23	5,4	5,4	6,9	35,9	9,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
						10,8		42,8												
Верхоянск . . (1887 - 90 г.)	3	3	5	6	3	4,3	10,3	33,2	30,5	8,2	2	6	5	4	1	9	3	11	4	8
						14,6		63,7												
Сред. - Колым. . (1889 - 90 г.)	—	8	8	6	6	—	74,7	51,8	48,5	24,5	14	4	11	5	4	13	5	10	4	12
						74,7		100,3												
Мархинское . . (1887 - 90 г.)	5	5	9	13	10	9,1	23,2	54,7	49,6	30,3	7	10	7	6	3	10	2	16	4	13
						32,3		104,3												
Олекминск . . (1887 - 90 г.)	10	9	9	12	12	14,9	33,9	49,9	69,7	35,3	4	17	6	9	5	7	5	10	4	16
						48,8		119,6												
Благовещенский принск (1885 - 86 г.; 89 - 90 г.)	7	8	13	15	14	17,1	35,3	58,6	45,8	42,6	7	10	1	6	3	8	3	8	4	11
						52,4		104,4												

¹⁾ Цифры означают количество дней в месяце. Для обозначения облачности принято употреблять 10 степеней: "ясно" значит, когда сумма облачности, отмеченной в 7 часов утра, в час пополудни и в 9 часов вечера, не превышает 5; "пасмурно", когда сумма эта не менее 25.

Температура

	Сагастыр 73° 22' - 48' с. ш.			Усть-Янск 70° 55' с. ш.			Нижн. - Колым. 68° 32' с. ш.			Туруханск 65° 55' с. ш.		
	Сред- няя	Мак- сим.	Ми- ним.	Сред- няя	Мак- сим.	Ми- ним.	Сред- няя	Мак- сим.	Ми- ним.	Сред- няя	Мак- сим.	Ми- ним.
Январь	-36,5	-22,4	-47,8	-39,0	—	—	-35,1	—	—	-28,7	-6,3	-59,6
Февраль	-37,9	-19,6	-53,2	-37,5	—	—	-32,1	—	—	-23,3	-1,1	-55,6
Март	-34,3	-18,6	-47,5	-27,5	—	—	-27,7	—	—	-17,2	+3,7	-47,1
Апрель	-21,6	-4,3	-37,4	-18,3	—	—	-10,5	—	—	-10,6	+7,3	-35,8
Май	-9,5	+3,3	-27,3	-8,7	—	—	-0,8	—	—	-2,6	+14,3	-19,4
Июнь	+0,7	+12,5	-12,6	+3,3	—	—	+8,5	—	—	+7,4	+28,7	-6,2
Июль	+4,9	+12,1	-0,2	+11,4	—	—	—	—	—	+15,6	+32,7	+1,9
Август	+3,4	+12,8	-1,2	+9,7	—	—	—	—	—	+11,6	+26,9	-1,0
Сентябрь	+0,5	+11,0	-12,3	-2,5	—	—	-6,0	—	—	+3,8	+20,9	-11,6
Октябрь	-14,6	-0,4	-29,6	-19,0	—	—	-15,6	—	—	-8,3	+12,2	-34,6
Ноябрь	-26,7	-12,3	-38,1	-30,0	—	—	-22,3	—	—	-23,1	+0,3	-49,6
Декабрь	-33,4	-14,8	-49,2	-36,1	—	—	-29,8	—	—	-27,1	-1,3	-56,1
Год	-16,9	+12,8	-53,5	-17,4	+37,5	-54,3	-12,5	—	-53,7	-8,5	+32,7	-59,6
Зима	-35,9	-14,8	-53,2	-37,6	—	—	-32,6	—	—	-26,3	-1,1	-59,6
Весна	-21,8	+3,3	-47,5	-18,4	—	—	-13,4	—	—	-10,1	+14,3	-47,1
Лето	+3,0	+12,8	-12,6	+8,1	—	—	+10,3	—	—	+11,5	+32,7	-6,2
Осень	-13,6	+11,0	-38,1	-17,1	—	—	-14,6	—	—	-9,2	+20,9	-49,6

Таблица II

В О З Д У Х А.

Верхоянск 67° 45' с. ш.			Сред. - Колымск 67° 10' с. ш.			Мархинское 62° 22' с. ш.			Олекминск 60° 22' с. ш.			Благов. прииск. 58° 10' с. ш.		
Сред- няя	Мак- сим.	Ми- ним.	Сред- няя	Мак- сим.	Ми- ним.	Сред- няя	Мак- сим.	Ми- ним.	Сред- няя	Мак- сим.	Ми- ним.	Сред- няя	Мак- сим.	Ми- ним.
-50,8	-22,7	-67,1	-34,5	-16,0	-65,7	-44,1	-21,0	-61,5	-35,9	-4,7	-61,5	-29,9	-6,6	-49,8
-45,9	-16,7	-65,9	-33,8	-15,2	-52,2	-35,4	-15,5	-53,0	-28,6	-6,9	-54,5	-25,6	-2,8	-46,0
-34,4	-7,8	-60,8	-26,0	-4,3	-46,2	-22,3	+2,6	-45,5	-19,8	+7,3	-44,0	-17,1	+5,0	-36,6
-14,5	+5,6	-39,9	-9,8	+5,3	-35,8	-6,9	+9,9	-28,7	-5,2	+11,2	-29,8	-6,3	+14,0	-28,0
-0,8	+20,1	-19,3	-1,1	+23,2	-19,4	+5,9	+27,9	-13,8	+5,6	+29,4	-13,0	+3,2	+26,0	-14,0
+9,5	+28,8	-5,8	+11,9	+34,2	-5,1	+15,2	+31,6	+3,9	+14,9	+29,5	-2,3	+13,4	+29,4	-1,3
+13,7	+30,8	+2,6	+12,9	+28,2	+3,0	+19,2	+37,9	+5,4	+18,6	+33,9	+4,6	+17,4	+38,0	-0,4
+8,9	+26,1	-4,0	+11,1	+26,7	-2,2	+13,3	+30,6	-3,0	+13,9	+30,9	-0,5	+11,7	+29,3	-2,0
+2,6	+20,6	-13,5	+4,2	+19,7	-12,4	+5,6	+22,1	-10,4	+6,6	+24,4	-6,0	+4,8	+24,0	-12,2
-16,2	+9,1	-39,0	-11,0	+5,2	-30,3	-8,1	+10,1	-35,4	-4,1	+14,8	-32,2	-6,9	+17,8	-33,4
-39,1	-6,4	-58,0	-30,3	-10,0	-43,9	-31,9	-0,7	-52,0	-21,3	+4,1	-50,5	-20,0	+0,6	-45,1
-48,9	-19,7	-62,0	-36,1	-15,8	-51,0	-41,4	-15,5	-58,5	-33,9	-6,2	-56,0	-27,1	-6,2	-48,2
-18,0	+30,8	-67,1	-11,8	+34,2	-65,7	-14,0	+37,9	-61,5	-8,2	+33,9	-61,5	-6,8	+38,0	-49,8
-48,4	-16,7	-67,1	-34,8	-15,2	-65,7	-40,3	-15,5	-61,5	-33,1	-4,7	-61,5	-27,5	-2,8	-49,8
-16,5	+20,1	-60,8	-12,3	+23,2	-46,2	-7,7	+27,9	-45,5	-6,4	+29,4	-44,0	-6,7	+26,0	-36,0
+10,7	+30,8	-5,8	+11,9	+34,2	-2,2	+15,9	+37,9	-3,0	+18,0	+33,9	-2,3	+14,1	+38,0	-2,0
-17,5	+9,1	-58,0	-12,4	+19,7	-43,9	-11,4	+22,1	-52,0	-11,4	+24,4	-50,5	-7,3	+24,0	-45,1

		Самый холодный день в году	Минимум	Средняя	Второй самый холодный день в году	Минимум	Средняя
	1881	17 февраля	—50,7	—44,5	3 декабря (1880г.)	—45,8	—45,4
Туруханск	1882	23 января	—53,6	—48,0	22 января	—51,6	—49,3
	1883	20 февраля	—55,6	—48,7	27 января	—51,7	—50,3
	1884	11 января	—44,9	—42,2	28 февраля	—42,6	—36,7
Сагастыр	1883	2 марта	—47,3	—42,0	22 января	—45,0	—43,9
	1869	1 февраля	—62,7	—59,0	—	—	—
Верхоянск	1887	—	—	—	—	—	—
	1888	18 февраля	—58,1	—53,8	17 февраля	—58,0	—54,5
Якутск	1873	23 января	—60,6	—	—	—	—
	1888	29 декабря	—55,5	—54,7	5 января	—55,0	—54,0
Мархинское (около Якутска)	1889	31 декабря	—58,5	—57,0	28 декабря	—56,0	—55,3
	1890	—	—	—	—	—	—
	1886	19 января	—56,5	—54,0	18 января	—55,0	—53,0
Олекминск	1887	24 декабря	—51,5	—50,1	1 января	—50,5	—49,7
	1888	—	—	—	—	—	—
Благовещенский прииск	1890	11 января	—48,6	—43,4	10 января	—47,1	—46,6

Таблица III

Самый теплый день в году	Максимум	Средняя	Второй самый теплый день в году	Максимум	Средняя	ЗАМЕЧАНИЯ	
20 июля	+ 28,3	+ 24,1	21 июля	+ 27,6	+ 23,9	Дни выбраны по степени их средней температуры	
6 августа	+ 25,6	+ 21,1	3 августа	+ 23,5	+ 20,7		
11 июля	+ 29,6	+ 25,6	14 июля	+ 28,6	+ 25,3		
5 июля	+ 29,3	+ 23,7	8 июля	+ 26,6	+ 23,0		
27 июня	+ 12,5	+ 8,3	24 июля	+ 12,1	+ 9,5		
3 августа	+ 30,1	—	—	—	—		По Мааку ч. I
1 июля	+ 30,8	+ 23,4	25 июля	+ 28,2	+ 21,7		
3 июля	+ 26,6	+ 19,9	6 июля	+ 26,2	+ 22,4		
4 июля	+ 38,7	—	—	—	—		По Мааку ч. I
31 июля	+ 28,2	+ 20,7	30 июля	+ 30,0	+ 24,3		
26 июля	+ 30,5	+ 25,3	7 июля	+ 30,0	+ 24,3		
20 июля	+ 34,0	+ 25,2	21 июля	+ 30,0	+ 28,0		
10 июля	+ 30,2	+ 24,9	9 июля	+ 28,3	+ 22,8		
6 июля	+ 33,3	+ 27,5	4 июля	+ 31,1	+ 25,5		
25 июля	+ 29,4	+ 23,7	24 июля	+ 28,4	+ 22,5		
20 июля	+ 30,3	+ 21,4	27 июля	+ 26,9	+ 21,2		

Таблица IV

Средняя температура месяцев по Вильду ¹⁾

Годы наблюдений		Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Год
1877—1887	Туруханск	—28,6	—23,2	—14,8	—11,0	— 2,5	+ 7,3	+ 15,3	+ 11,5	+ 3,5	— 7,8	—19,4	—24,9	— 7,9
1877—1887	Баньшиково	—30,8	—25,6	—12,4	— 3,5	+ 5,9	+ 15,0	+ 18,8	+ 14,5	+ 6,9	— 4,3	—18,2	—26,0	— 5,0
1882—1887	Олекминск	—35,3	—29,1	—19,2	— 5,8	+ 5,3	+ 14,1	+ 18,5	+ 12,9	+ 6,6	— 5,0	—22,2	—33,2	— 7,7
1882—1887	Мархинское	—43,3	—34,9	—21,7	— 8,0	+ 4,8	+ 14,4	+ 18,8	+ 12,7	+ 5,1	— 9,3	—30,4	—40,7	—11,0
1883—1887	Верхоянск	—53,1	—46,3	—34,7	—15,8	— 0,1	+ 9,6	+ 13,8	+ 6,4	— 1,6	—20,2	—40,1	—49,9	—19,3
— ²⁾	Казачье (У.-Ян.) .	—37,6	—35,1	—31,7	—19,7	—	—	—	+ 6,1	+ 0,3	—16,9	—35,1	—37,6	—
1886	Ляхов	—	—	—	—	—11,9	— 0,3	+ 3,5	+ 0,9	— 2,4	—17,2	—	—	—
1886	Котельн. и Фадеев.	—	—	—	—	—12,0	— 0,9	+ 3,1	+ 1,2	— 3,0	—17,0	—	—	—
1882—1884	Сагастыр	—36,5	—38,0	—34,4	—21,6	— 9,6	0,0	+ 4,9	+ 3,5	+ 0,2	—14,6	—26,8	—33,5	—17,2
1862—1875—1887	Средне - Колымск	—34,4	—33,6	—23,7	— 9,6	— 1,9	+ 9,7	+ 12,5	+ 10,9	+ 3,2	—11,6	—21,3	—32,0	—11,0

¹⁾ "О зимних изотермах и мнимом повышении температуры с высотой В. Сибири" Г. Вильд.

²⁾ Первые 4 месяца за 1886 г., последние 5 месяцев за 1885 г.

Данные для всех таблиц позаимствованы мною главным образом из "Летописей Главной Физической Обсерватории" за последние 10 лет. Так как там не для всех местностей и не за все годы помещены более подробные ежедневные журналы, то для многих таблиц пришлось брать различные годы, что в них всегда отмечено. Для таблиц температуры воздуха (табл. II) взяты данные: для Сагастыра за 1882 по 1884 г. ("Жур. Усть-Ленс. Мет. Стан."); для Усть-Ян. и Нижн.-Кол. позаимствованы у Маака ("Виллой. Окр.", ч. I, стр. 223); для Туруханска — 1888 по 1890 г. (включительно); для Верхоянска — 1884 по 1890 г.; для Сред.-Кол. — 1887, 1889 — 1890 гг.; для Мархин. — 1883 по 1890 г.; для Олекмин. — 1884 по 1890 г.; для Благовещ. прииска 1884 — 1890 г.

Таблица V

Давление воздуха, приведенное к уровню моря и широте 45°, в мил.

Среднемесячное

	Янв.	Февр.	Март	Апр.	Май	Июнь	Июль	Авг.	Сент.	Окт.	Нояб.	Дек.	Год
Туруханск	66,4	66,0	64,5	61,9	61,0	57,1	56,6	58,2	60,6	61,1	64,1	66,0	62,0
Сагастыр	63,7	65,5	67,4	63,6	59,2	55,9	60,5	59,5	56,3	57,2	60,7	62,8	61,0
Усть-Янск	71,7	68,2	62,5	60,5	58,8	54,0	56,5	57,0	58,8	57,6	64,0	67,7	61,4
Верхоянск	67,8	70,3	66,9	62,3	56,8	54,8	54,4	58,6	61,2	61,7	64,7	67,3	62,3
Средне-Колымск	64,4	64,5	63,8	63,2	58,7	56,7	56,3	57,9	60,7	61,7	62,5	68,3	61,6
Якутск	71,2	72,3	67,0	62,1	59,0	56,2	55,9	56,6	60,4	62,2	65,6	71,0	63,3
Олекминск	73,6	70,8	69,3	61,9	58,8	56,1	55,5	58,8	63,3	65,6	68,8	71,6	64,5

Данные позаимствованы у А. Тилло. "Распределение Атмосферного давления на пространстве Российской Империи". Записки Императорского Русского Географического Общества, т. XXI.

		Последний снег весною	Первый дождь	Первая гроза	Последняя гроза
Сагастыр	1883	14 июня	28 мая	00	00
	1884	22 июня	22 мая	00	00
Туруханск	1882	14 июня	28 апреля	2 июля	9 августа
	1883	26 июня	7 мая	8 июля	15 августа
Верхоянск	1887	18 мая	18 мая	00	00
	1888	1 июня	25 июня	27 июня	10 июля
Вилкойск	1863	24 мая	28 апреля	28 июня	4 сентября
	1888	10 мая	16 мая	29 мая	5 августа
Мархинское	1889	18 мая	11 мая	22 июня	16 августа
	1890	24 мая	15 мая	2 мая	17 августа
Олекминск	1886	15 мая	12 апреля	4 июня	18 августа
	1888	15 мая	14 апреля	31 мая	23 июня
	1889	13 мая	1 мая	27 июня	19 августа
Благовещ. прииск	1890	25 мая	6 апреля	14 июня	11 августа
Нелькан	1862	10 мая	—	11 мая	—

Таблица VI

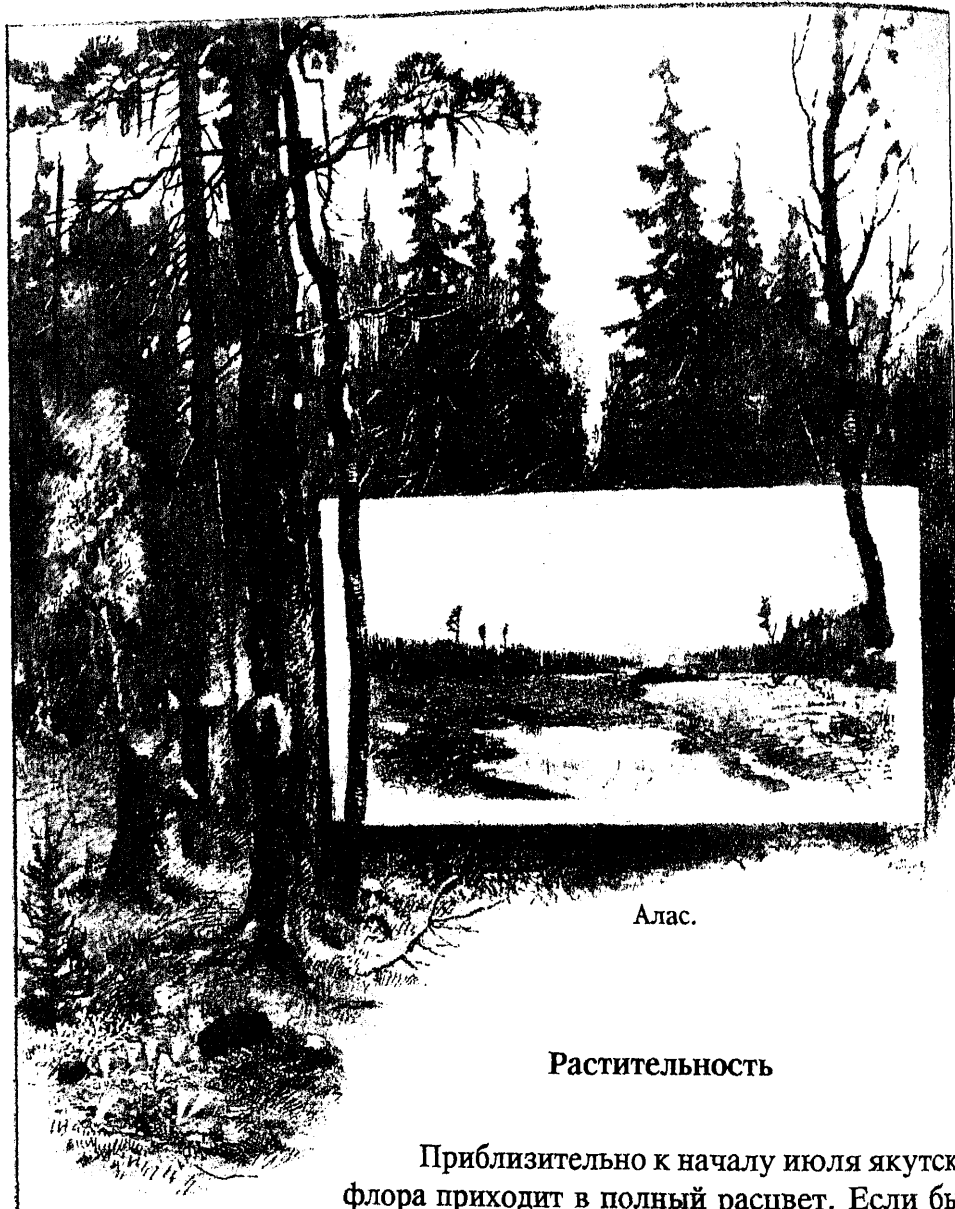
Количество гроз	Количество дней с градом	Первый снег осенью	Снег, после которого не было ни дождя, ни оттепели	Последний день, когда термометр подымался выше нуля	
0	0	1 августа	21 сентября	29 сентября	+ 0,9
0	1 (6 июня)	—	—	—	—
4	0	21 августа	30 сентября	29 сентября	+ 7,5
2	0	13 сентября	28 сентября	1 октября	+ 1,7
0	0	2 сентября	6 октября	3 октября	+ 0,7
6	0	6 августа	29 сентября	2 октября	+ 1,1
—	—	24 сентября	7 октября	10 октября	+ 3,0
9	0	17 сентября	5 октября	9 октября	+ 0,2
7	0	4 августа	15 октября	8 октября	+ 2,0
3	0	7 октября	16 октября	14 октября	+ 2,5
6	1 (4 июня)	24 сентября	6 октября	16 октября	+ 0,7
6	0	22 сентября	7 октября	29 октября	+ 0,7
12	1 (7 июня)	17 сентября	3 октября	2 октября	+ 9,8
7	1 (31 июля)	25 сентября	19 октября	2 ноября	+ 0,6
—	—	20 сентября	—	—	—

		День весной, до которого температура ночью постоянно падает ниже нуля		День осенью, с которого температура ночью постоянно падает ниже нуля		Общее число дней без мороза
Сагастьр ¹⁾	1883	28 мая	-1,9	21 сентября	-0,6	114
	1882	2 мая	-6,7	29 сентября	-1,9	113
Туруханск	1883	1 мая	-3,0	28 сентября	-1,9	99
	1884	15 мая	-7,6	14 сентября	-3,0	89
Верхоянск	1887	16 мая	-3,2	14 сентября	-0,5	114
	1888	11 мая	-4,8	13 сентября	-5,4	114
Вилуйск	1863	27 апреля	-3,1	4 октября	-3,0	133
	1888	3 мая	-6,8	4 октября	-2,3	135
Мархинское	1889	24 апреля	-7,0	30 сентября	-1,0	138
	1890	12 мая	-2,2	14 октября	-1,5	134
	1886	11 апреля	-2,6	14 октября	-3,1	133
Олекминск	1887	20 апреля	-7,8	14 октября	-3,5	145
	1888	1 мая	-7,9	3 октября	-1,6	136
Благовещ. прииск	1890	5 мая	- 2,6	26 сентября	-3,2	109

1) На Сагастьре 25 и 26 сентября 1883 года мороз был не ночью, а днем.

Таблица VII

Последний мороз весной		Первый мороз осенью		Непрерывный период дней без мороза	Иней и мороз в половине лета	Температура
22 июня	-0,2	3 августа	-1,0	40	5 июля	-0,2
14 июня	-1,0	15 сентября	-1,1	90	21—22 августа	-1,0
15 июня	-1,9	12 сентября	-2,0	89	24 августа (иней)	+ 4,5
14 июня	-1,7	4 сентября	-1,7	79	5 августа (иней)	+ 5,4
19 мая	-0,4	3 сентября	-2,6	105	21 июня (снег)	+ 2,6
31 мая	-0,4	7 сентября	-4,5	98	6—7—10—20 августа (иней и снег)	+ 4,9
27 мая	-2,5	20 сентября	-0,9	115	30—31 августа (снег)	+ 2,5
11 мая	-1,8	14 сентября	-2,3	125	21—22 мая, 29 июня (иней)	+ 3,7
19 мая	-2,0	16 сентября	-7,0	118	14—24 августа (иней) 27 августа (мороз)	+ 3,5 - 0,5
26 мая	-2,6	16 сентября	-6,5	112	—	—
18 мая	-1,1	18 сентября	-0,9	119	20—26 августа (иней) 22—30 августа (мороз)	+ 0,4 - 0,5
14 мая	-0,9	23 сентября	-0,5	131	27 августа (иней)	+ 1,6
13 мая	-0,3	7 сентября	-1,8	116	—	—
2 июня	-0,1	26 августа	-1,1	83	21 июня—13 июля (мороз)	-1,3

Алас.

Растительность

Рис. 9. Тайга. "Ур" — наплыв на лиственнице.

Приблизительно к началу июля якутская флора приходит в полный расцвет. Если бы в это время можно было обозреть всю страну зараз с некоторой высотой, то она представилась бы сплошным ковром темной, лесной зелени. Лес, главным образом лиственничный лес, преобладает всюду. Относительно узкая— от 200 до 300 верст шириною— бахрома грязно-зеленоватой тундры оторачивает край лесов со стороны Ледовитого океана. Гребни гор, то покрытые ржавыми лишайниками и бледно-желтыми ягелями, то совсем обнаженные, черные, серые, желтые и красные утесы, всплывают выше лесов всюду, где пролегают самые высокие линии горных хребтов. Тонкие, ветвистые прожилки рек густой сетью покрывают весь край, а на плоскогорьях сверкают бесчисленные озера. Около каждой такой водяной капли, или даже самой тонкой нити ее, виднеются, точно оправа, узенькие светло-зеленые бор-

дюры луговой и болотной растительности и иссера-зеленоватые полосы раkitника и ивы. Все это делает летний покров страны довольно пестрым.

Густая зелень леса, при более подробном обзоре, тоже не представляет сплошного фона, а скорее мозаику, состоящую из множества кусков самых разнообразных оттенков. Различия не столько зависят от подмеси других древесных пород: ели, сосны, березы, сколько от самого достоинства леса, сильно разнящегося даже на смежных участках, даже на различных склонах одной и той же горы. Пожалуй, что нигде плодородие почвы и присутствие или отсутствие защиты от ветров не влияет на развитие растений в такой мере, как здесь. Суровость зимы, кратковременность лета, резкие колебания весенних и летних температур, сырые, холодные ветра, дуящие от Ледовитого моря, сильно ослабляют живучесть и приспособляемость более высоких видов. Чем дальше к северу, тем заметнее их зависимость от малейших благоприятных или вредных условий. Бодрость, сочная, свежая зелень, рост и толщина особей, поселившихся на плодородных, защищенных участках, сразу бросаются в глаза среди общей убогости, хилости и худосочия лесов. Так как площади плодородной почвы залегают, главным образом, вблизи проточной воды, то здесь и ютятся самые крупные и требовательные из представителей растительного царства. Защищенные от холодных морских ветров древними береговыми уступами долины, согретые теплым дыханием вод, несущихся из более южных широт, леса высылают по дну речных впадин длинные, мысовидные форпосты на севере, далеко за пределы общей своей границы. Вообще, пограничная полоса лесов, по нашему наблюдению, не представляет, как это принято изображать на картах, резко определенной, слабо извилистой линии, идущей на расстоянии от 150 до 200 верст параллельно морскому берегу; она напоминает скорее сильно изорванное, тонкое лесное кружево, из-под которого везде просвечивает тундра и которое хотя и подчиняется в главных своих изгибах береговым излучинам моря, но в деталях всецело зависит от направления рек, распределения вод и неровностей данной местности, способных дать защиту перед непогодами, а также от качества почвы. Граница здешних лесов постоянно образует фестоны, извилины, зазубрины, разветвления, расползающиеся по палям и падушкам, среди бесплодных, подвергнутых смертоносным вьюгам откосов и равнин, поросших только мхами, лишайями, багульником да низенькой кустарной ивой (ерник). Часть тундры, прилегающая к границе лесов, усеяна на значительном протяжении лесными островами, небольшими купами и рощами низкорослых деревьев.

Так как якуты редко селятся и промышленяют вне предела лесов и всюду отдают предпочтение речным долинам, то считают нелишним отметить крайние лесные точки на разных реках:

Енисей	70 ⁰ с. ш. (село Дудино)	Хатанга	72 ¹ / ₂ ⁰ с. ш.
Пясина	70 ¹ / ₄ ⁰ с. ш.	Анабара	71 ⁰ с. ш.
Оленек	70 ¹ / ₂ ⁰ с. ш. ¹⁾	Индибирка	68 ² / ₃ ⁰ с. ш.
Лена	72 ⁰ с. ш.	Алазей	68 ⁰ с. ш.
Яна	71 ⁰ с. ш. (Усть-Янск)	Колыма	69 ⁰ с. ш.
Селях (?)	71 ¹ / ₂ ⁰ с. ш.		

Итак, на Хатанге, под защитой вдающегося в океан Таймурского полуострова, лес достигает 72 ¹/₂⁰ — самой северной своей точки не только в Сибири, но и на всем земном шаре. Лес этот жалок. Преждевременно состарившийся, покрытый бородами лишайниками, с жидкой, желтоватой зеленью на немногочисленных живых побегах, с высохшими, часто обломанными верхушками, он тянется широкой, редкой, траурной каймой вдоль всей северной опушки лесов. Деревья хворые, уродливые, от 2 до 3 саженей высоты и от 4 до 6 дюймов в диаметре, покрыты массой бородавок, сучков, ветвей, засохших однолетних побегов, торчащих вдоль ствола, точно шипы. Зелени на них чрезвычайно мало. Они совсем почти не дают ни тени, ни защиты; в таком лесу всюду видишь над собой небо, а кругом прогалины ²⁾. Такой лес тянется на сотни верст в глубину материка. Даже далеко на юге, в окрестностях Якутска и Олекминска, в самом сердце могучего леса, я не раз встречал участки подобного криволеся, со всеми принадлежностями тундры, с подстилкой политриховых мхов, ягелей, с вереском, с низкорослым, кустовидным ерником вместо подлеска и колониями пустоцвета морошки. Только здесь эти острова тундры прятались от жгучего солнца на дне глубоких падей, подобно тому как леса дальнего севера прячутся в тундре от холодных морских ветров. Можно смело сказать, что если лес, в виде островов и заливов, проникает далеко в тундру, то и последняя не менее глубоко забирается в его пределы. Нигде лес не составляет сплошного, на многие десятки верст, однородного одеяния края. Всюду через 5 — 10 — 20 верст встречаются то обширные, покрытые мхом болотины, то речные или озерные луговые долины, то нагорные тундры, то просто скалистые полосы или гребни хребтов, точно ребра земли, просвечивающие сквозь зелень леса.

1) Отдельные лиственничные рощи попадают среди тундры на Оленск еще под 72° 10' (Чекановский).

2) На 8, редко на 4 и совсем редко на 2 квадр. сажени приходится по одному жалкому деревцу (Миддендорф).

На юге лес, конечно, взбирается значительно выше на склоны гор, но и горы там выше, так что главные гребни их все таки остаются безлесными¹⁾. К северу линия обнажения понижается постепенно: вблизи границы лесов бугры в 100 — 200 футов уже безлесны; вершины внутреннего горного пояса безлесны на высоте от 2 000 до 3 000 футов, а на юге лес нередко подымается от 3 000 до 4 000 футов над уронем моря²⁾.

Преобладающая в здешней тайге древесная порода — даурская лиственница³⁾. Она любит солнце и жить не может без света, любит верхушки и откосы невысоких холмов, сухие увалы, с рыжеватой, суглинковой или супесчаной почвой, где она разрастается особенно привольно. В местах низких, сырых она хотя и живет, но чахнет и вырождается. Не любит она также мест, покрываемых надолго снеговой водою или речными разливами, и потому к рекам и озерам она подходит вплоть только там, где край берега лежит выше линии обычного разлива; из речных островов растет только на тех, которые не заливаются в половодье.

На юге этого края, в окрестностях Олекминска, лиственница достигает нередко 80, даже 100 футов высоты и 2 1/2, даже 3 футов толщины; на севере она достигает только половины этого роста; обычные же ее размеры — 20 — 30 футов высоты и 6 — 8 дюймов в поперечнике. Часто ее ствол весьма заколист и вследствие ненормальных почвенных и климатических условий, подвержен разным болезням: растрескиванию, спи-

1) Вот как Кропоткин описывает южновитимскую горную страну: "Безлесные, скалистые вершины гор с одинокими, редкими мачтами лиственниц перемежаются с глухими падами, где густо растут хвойные леса, где падающие деревья не успевают сгнить, как уже их застилают покровы ягелей и мхов и на развалинах погибших стволов вырастают новые поколения, а густые непроходимые чащи молодых подлесков с избытком пополняют убыль в изживших особях" (Отчет об Олекминско-Витимской Экспедиции, стр. 366).

2) Мы имеем в виду средние цифры, около которых колеблется эта граница. Во многих случаях она то опускается ниже, то подымается значительно выше. Чекановский для Верхоянского хребта дает нижеследующие цифры:

	Юго-Зап.	Северо-Вост.
	склон	склон
На Верхоянском хребте	5017'	5350'
Тас-Кыстабыт	5590'	5710'
Улахан Чистай	5330'	5224'
Томус-хая (Тумус)	5370'	4714'

3) По-якутски: "тит мас" (мас—дерево). Сибирская лиственница отличается от даурской тем, что у первой края чешуек у шишек округлые, даже заостренные, а у сибирской урезанные и зубчатые; кроме того, шишки у даурской гораздо мельче.

ральному скручиванию, ветвистости, наплывам ¹⁾, болезням сердцевин и т.п. Участки крупного, гладкоствольного, строевого леса встречаются на севере очень редко. Бревна, годные для постройки домов и лодок, тамошние жители вывозят издали, отыскивая их с трудом и поодиночке ²⁾. Только в глубине страны, на южном склоне внутреннего горного пояса и во впадине южного плоскогорья, леса начинают расти буйно, разнообразятся различными древесными породами и образуют дремучие, непроницаемые тенистые чащи. Тут, впервые, к лиственничным лесам подмешиваются сосны ³⁾, ели ⁴⁾, пихты ⁵⁾, кедровые сланцы и кедры ⁶⁾, отсутствующие на северных плоскогорьях.

Береза, тополь, ольха, осина, хотя и переходят местами далеко на север, за хребты, разделяющие плоскогорья, но только на юге они принимают вид настоящих деревьев, являются настолько многочисленными, что влияют на физиономию леса и даже скопляются отдельно в крупные самостоятельные рощи.

Белая береза (*betula alba*) ⁷⁾ всех дальше сопутствует лиственнице на севере. Но там, где лиственница вырастает уже до размеров видного дерева, березы малочисленны, низки и тонки; стволы их чахлы, дряблы и болезненны. В окрестностях Верхоянска и Средне-Колымска, где лиственничный лес уже довольно порядочный, я не видывал березы толще 5 — 6 дюймов, большинство их было значительно тоньше, а высота не шла далее 3 — 4 сажен. Миддендорф описывает березы под 69 ¹/₂° с.ш. на Енисее, как дряхлые деревья в сажень высоту и 3 дюйма толщиной. Маак сообщает, что "от Оленека к озеру Сюрюнга (Сюрюнда, 65 ¹/₂° с.ш.), на горных хребтах и столовых горах, белая береза нередко появляется исключительно в виде кустарника. Только на низинах у последнего озера и на его островах встречаются деревья значительной величины ⁸⁾. Излюбленные месторождения березы: долины и острова рек — хо-

1) По-якутски называется "ур": это уродливый нарост, нередко в ¹/₂ и ³/₄ аршина в диаметре.

2) Мне говорили, что леса для церквей городов Верхоянска и Средне-Колымска были сплавлены издали, с верховьев соответствующих рек. Церковь в "Казачьем" (устья Яны) тоже построена из сплавленного верхового леса. Известен мне также случай, когда на решение родового суда в Колымском улусе, Кангаласком наслеге, поступила жалоба якута, что другой якут срубил и увел годную для выделки лодки лиственницу, несмотря на то, что на дереве была метка жалобщика.

3) бэс (мас), 4) харья (мас), 5) сатыхань харья, 6) болбукта,

7) Хатынга. Другой вид березы (*betula pana*), стелющейся и малорослой, заходит местами в тундру под 74° с.ш. на Таймырском полуострове, в долине р. Таймыр (Миддендорф, *ibid.*, Ч. I., От. IV, стр. 532).

8) Маак, Материал для изучения флоры Вилюйского Округа, стр. 243.

лодные, черные, слегка солонцеватые почвы ¹⁾). На плоскогорьях, над озерами, на торфяниках она растет плохо; криворослая лиственница заглушает ее там совершенно. Жители таких мест в поисках за березой, годной для поделок, делают объезды в десятки верст. Мне также известно доподлинно, что жители низовьев Индигирки, Яны, Колымы вывозят с верховьев этих рек березовые полозья для нарт и березовую кору для посуды. Местную березу они считают никуда не годной ²⁾). Благовонный тополь ³⁾ и осина ⁴⁾ проникают всего градуса на два севернее Полярного круга. Растут они и на береговых откосах с каменистым грунтом и на низменных островах с жирной почвой ⁵⁾).

Впрочем, места появления их, особенно первой, довольно прихотливы. Тополевые рощицы находятся главным образом в горных ущельях, в верховьях Яны и Дуолгалаха ⁶⁾, а также в верховьях Бытынтая, левого притока Яны, текущего из тех же гор. Тополь достигает там такой тол -

1) На таких местах березы иногда образуют, так называемые, "щетки", т.е. клубни корневых побегов, сплетенные самым причудливым образом. Распиленные, они дают доски с красивыми узорами из темных и светлых пятен, прожилок и кружков; якуты выделывают из них узорчатую посуду и черенки для ножей.

2) На юге, в горах растет особый вид березы, называемый по-якутски "ыэрга" (*Betula Ermani*); она ценится за крепость волокон, а метлы, сделанные из ветвей этой березы и употребляемые при очистке хлеба, предпочитают перед другими за упругость и прочность (Намский Улус).

3) тирэх,

4) тэтинг.

5) Маак, *ibid.*, стр. 243.

6) (Н.Горохов . "Старый Тракт от Верхоян. в Якутск". Изв. В. Сиб. Геог. Отдел. Т. XIV 1883 г.). Выписка из дневника Горохова: "Опять болото версты на 2 и потом слава Богу сухо, сухо, сухо! С горки на горку, с горки на горку и трах! — болото, болото и р. Терях-Юряга (Тополевая речка в 25 — 30 вер. севернее станции Кен-Юрях). Поварня Тополи. Вы не можете себе представить, какое удовольствие чувствует путешественник, когда приходится переезжать речки, берега и острова которой поросли тополями. Во-первых, тут нет грязи — не боишься утонуть в болоте, а во-вторых, самый тополь в сравнении с корявыми низкорослыми деревцами (лиственница), ерником и тальником — стройный, чистый (именно чистый, потому что здесь вся лиственница покрыта каким-то черным мхом, точно бородой обросла), крупный тополь кажется Бог знает чем. Особенно это удовольствие бывает велико в жаркий летний день: и прохладно тут, и комаров тут меньше, и в болоте не утонешь. И непременно в таких местах спустишься с лошади, посидишь, коням роздых дашь. Последние тоже с видимым удовольствием останавливаются здесь: как же? травка-то не болотная осока, а тонкая, нежная, как шелк".

щины, что из него приготавливают доски даже 10 — 11 дюймов шириною¹⁾. Встречается он также под 67° с.ш., по дороге из Верхоянска в Средне-Колымск, по речкам восточного склона Тас-Ханяхтаха, изливающихся в Индигирку около поварни "Тирэх-юрье" (Тополь растет). В верховьях Колымы, в долине Аннюя, а также на Оленеке, тополь и осина изредка достигают таких размеров, что из них, путем выдалбливания и выгибания в горячем пару, приготавливают цельные, долбленные челны²⁾, высоко ценимые местными русскими рыбаками. На юге тополь и осина растут повсюду, как подмесь к лиственничным, сосновым и еловым лесам, главным образом, конечно в долинах рек; тополя вообще мало; на плоскогорьях его почти не заметно, между тем как осина с березой образуют нередко целые отдельные рощи. Тополевую рощу я видел всего один раз. Спустившись с высокого, совершенно безлесного Верхоянского хребта, по почтовому Верхоянско-Якутскому тракту, я, на южном его склоне у истоков речки Тюкулана, попал вдруг в густой и рослый тополевый лес. Здесь тополь поднялся выше горной линии лиственницы и даже кедрового сланца, который, между прочим, я тоже увидел здесь впервые после поездки по северному плоскогорью³⁾.

Самая распространенная, здесь после лиственницы, лесная порода — несомненно сосна. Она совсем не водится на северном плоскогорье, но на южном она местами образует сплошные боры. Самое северное месторождение ее в этом крае находится на Енисее, южнее Туруханска под 65° — 55° с.ш.⁴⁾. По мере приближения к границе своего произрастания, она не вырождается по всей линии в уродливый куст, подобно лиственнице, а вдруг исчезает всюду, оставаясь тем же красивым стройным деревом, каким растет на юге. Только на болотинах и торфяниках она превращается в криворосль. В долинах Лены, Алдана, Вилюя, Олек-

1) Такую доску, вывезенную из Бытынтая, я видел в 1884 г. в Верхоянске в столярной мастерской С. Ковалика.

2) Это так называемые "стружки" — круглодонные, обычные челноки, сажень с небольшим длиной, фута полтора-два шириной, и восемь дюймов глубиной. Цена их в Средне-Колымске от 3 до 5 рублей. На Яне их не знают. Якуты считают их тяжелыми на ходу и предпочитают свои изящные ветки, спитые из лиственничных досок; они дешевле стоят и их легче чинить. Граница тополя на Оленеке по Чекановскому 70° 15' с.ш.

3) Говорят, что сланец встречается и на северных плоскогорьях в долине Индигирки.

4) Северный предел сосны в Европе достигает 70° с. ш. в Норвегии, в долине реки Альтена (Мидденд., *ibid.*, стр. 519).

мы, размерами она немного уступает лиственнице¹⁾. Излюбленная ее почва — это желтоватые сыпучие пески, за обладание которыми она успешно борется с лиственницей. Долина Вилюя, изобилующая с правой своей стороны подобными местами, почти сплошь покрыта прекрасным сосновым бором. Сосна не чуждается возвышенностей, раз их почва пригодна для нее. В отрогах Южно-Алданского хребта она подымается даже на высоту 3500 футов. Зато она очень чутка к сырым, холодным летним ветрам.

Мне кажется, что она неохотно смешивается с другими древесными породами и предпочитает жить отдельными колониями. Такие колонии всегда отличаются от угрюмой лиственничной тайги отсутствием валежника и бурелома, опрятностью, сухостью, прозрачностью тени и веселым, даже величественным видом. В сосновых рощах всегда растет масса ягод, напевают птицы и спуют зверьки. Сосна, ввиду употребления якутами ее заболони вместо муки, сыграла немалую роль в жизни якутского народа до знакомства его с хлебом. Еще в 50-х годах, проводники Маака, тунгусы, не без основания утверждали: "где сосна, там и якуты"²⁾. Подмесь сосны к здешним лесам, даже в Вилюйском округе, едва ли превосходит отношение 1 к 20.

Третье по распространению дерево здешних лесов — сибирская ель, в противоположность лиственнице и сосне, предпочитает места низкие, сырые, с тучной черноземной почвой. В еловых рощах всегда грязно и темно. Места, занятые ими, нередко заливаются весенними разливами, следы которых заметны на пнях и ветвях деревьев, украшенных мочалами водорослей; беспорядочно разбросанные кучи старого, искрошенного плавнику валяются у ног деревьев. В гористых местах ель любит скрываться от ветров в глубоких долинах; на востоке от Лены она попадаетея значительно реже. Очевидно, другие климатические и почвенные условия не допускают ее сюда. Здесь она не переходит севернее внутреннего горного пояса ($64\frac{1}{2}^{\circ}$ с.ш.)³⁾, между тем, как на западе, в верховьях Вилюя она образует значительные лесные участки, на Оленеке достигает $70\frac{1}{2}^{\circ}$, а на Енисее $69\frac{1}{2}^{\circ}$ с.ш.

1) Маак мерил самые крупные сосны на правом берегу Вилюя, между его устьем и г. Вилюйском, и нашел в них 70 фут. высоты и $2\frac{1}{2}$ — 3 фута в поперечнике (на расстоянии одного фута от земли). Виденные мною сосны тоже всюду немногим уступают окружающим их лиственницам.

2) Маак., *ibid.*, Часть II, стр. 20.

3) По дороге в Верхоянск, последние ели встречаются у речки "Туора-Тюкулан", в 25 верстах от станции Бёдё-кёль (Н. Горохов. "Старый тракт от Верхоянска в Якутск". Изв. Сиб. Вост. Отд. Геог. Общ. Т. XIV 1883 год).

Сибирская пихта, очень на нее похожая, сопутствует ей на Лене только до Олекмы, а на Енисее — до $67\frac{3}{4}^{\circ}$ с.ш. ¹⁾. Сибирская ель и сибирская пихта превосходят высотой все деревья здешних лесов. Их косматые пирамидальные верхушки, подобно шпилям колоколен, высоко поднимаются над уровнем бора, а их темная зелень резко и красиво выделяется на светлом, нежном фоне лиственниц и бледной зелени берез, ив и лесной поросли.

Южнее Олекмы попадают в лесах и кедр ²⁾, а кедровый сланец ³⁾, хотя в небольшом количестве, встречается всюду на более значительных высотах южного плоскогорья, но оба эти растения не играют почти никакой роли в лесном хозяйстве местных жителей ⁴⁾. Кроме кедра в лесах нередко попадает и древовидная ⁵⁾ и кустовидная ольха ⁶⁾, а южнее 65° с.ш. и рябина, по-якутски "сарбанях", или "рэбина" ⁷⁾.

Из кустарников, несомненно, первое место занимает "тальник" ⁸⁾. Это та же европейская ива, только пень дерева до того низок, что спрятан в земле, и все растение представляет зонтовидный куст, состоящий из гладких, длинных, радиусами расходящихся прутьев, увенчанных кроной кудрявых, ланцетовидных, серебристо-зеленых листьев. Есть, впрочем, виды, которые растут густо, отдельными побегам в 10' и 20' длиной и не больше двух дюймов толщиной; а в горах и над озерами попадает уродливые ивовое деревце — черный тальник (хара талак), с корявой корой и вычурно скрюченными ветками. Видов тальника очень много ⁹⁾; все они любят места сырые, поемные берега рек и озер; особенно проточ-

1) Миддендорф., *ibid.*, стр. 515. Я помню, что среди еловых перелесков, в долине Алдана, недалеко от устья Амги, я встречал деревья, напоминающие пихту: стройные, чрезвычайно высокие, с гладкой, пепельно-серой корой, но я тогда не определил точно разницы и теперь утверждать, что это пихта, не смею.

2) сылах мас.

3) болбукта.

4) Недалеко от Якутска я, впрочем, видел кедровый мельничный вал, толщиной в 10 — 11 дюймов, приплавленный нарочно из Олекминска. Но больше я не видел якутов кедрового дерева в поделках. Сбором кедровых орехов они тоже не занимаются.

5) абаха, 6) сисик абага.

7) Рябина встречается в долинах Тюкулана по дороге в Верхоян. (Горохов) *ibid.*

8) талак.

9) Якутам известно их больше десятка; привожу названия и опред. по Мааку:

а) Сутуга талак — лычной тальник (сутуга-лыко) (*Salix pyrolaefolia*); цветет между 2—23 мая.

б) Кыл сир талак — тальник, который ест зверь (скот) (*Salix myrtilloides*); в виде небольшого кустарника, нередко на болотах. Кыл сир талак зовут еще несколько видов съедобного тальника.

с) Юрюнг талак-белый тальник (*S. repens* и *brachypoda*), его тоже ест скот.

ные воды, куда они спускаются даже в самые русла, заполняют собою острова и низкие песчаные мели, где по целым неделям, иногда, остаются под водой. Здесь тальник, положительно, какое-то земноводное растение, так как, иногда, проводит половину лета под водой. Он властвует на берегах рек, образуя густые, непроницаемые, тенистые "джонглы", среди которых ни одно постороннее растение не в состоянии жить; тальник заглушает и уничтожает все. В его тени осмеливаются расти разве только разные виды хвощей "бору" да еще, любящая тень и сырость красная ¹⁾ и черная ²⁾ смородина. Тальник плохо уживается с лиственницей; он не любит сухой, твердой, глинистой почвы, излюбленной первой, и, в случае обсыхания занятых им пространств, заметно хиреет и постепенно исчезает, выживаемый лиственничным молодняком. Он дружит с пихтой и елью; но на солонцеватых болотах стоячих вод, где последние чувствуют себя так хорошо, встречаются только худшие виды тальника, видимо больные и чахлые. Как мы уже заметили, тальник по преимуществу речной кустарник.

Как подлесок на опушке тайги, в изобилии встречаются: шиповник ³⁾, боярка ⁴⁾ и можжевельник ⁵⁾. На юге, часто, кусты их перевиты лозами дикого хмеля, прозываемого якутами "сетями дьявола" (*Atragene alpina*) ⁶⁾, и образуют густые колючие заросли.

В лесах масса ягод. Из съедобных самая распространенная — брус-

d) Ыман талак — развесистый тальник (?). Маак выделяет его в особый вид.

e) Сиге талак, вид с тонкими ветками, покрытый узловатой, желтовато-коричневой корой; а также горный тальник и вообще те его виды, прутья которых отличаются особенной гибкостью, крепостью, способны заменять веревки.

f) Хара талак — черный тальник (*Salix viminalis*).

g) Джактар талак, или кисиль талак — женский, или красный тальник (*Cornus sibirica*)., тонкая, стройная, мелкой породы лоза с красной корой.

h) Эр талак — мужской тальник; всякий речной, кустовидный тальник крупной породы.

i) Сатыхан талак — пахучий тальник.

j) Чай талак — кустовидная, низкорослая, полярная ива, растущая обильно на тундре, навар из ее коры и листьев пьют вместо чая (*Salix arctica* и *polaris*).

1) хаптагас, 2) мойнохон.

Кусты первой я находил под 71° с.ш.; вторая прекращается значительно южнее.

На юге смородина, особенно красная, достигает 10 фут. высоты, а грозди ее ягод сочные и большие, висят иногда так густо, что весь куст кажется красным или черным, смотря по сорту.

3) дёлёхён.

4) боярки.

5) кытыэнь.

6) абасы илиме.

ника¹), затем костяника²), голубица³), княженика⁴), наконец малина⁵). Кусты последних хотя попадают далеко на севере (я видел их в Колымск. окр. под 68¹/₂° с.ш.), но их мало и плоды их мелкие, грязно-малинового цвета, без запаха и вызревают далеко не каждый год. На севере, в тундрах, обильно растет морошка, а на юге земляника. Первые три сорта ягод, а также черную смородину и морошку, якуты собирают в большом количестве на продажу и для себя; остальные, исключая малину, которую считают "поганой", едят, но в запас не собирают.

Среди лесных и тундровых растений, распределение которых не лишено значения, особенно для якутов севера, видное место занимает олений мох — ягель.

Его два вида: один с широкими лопастями желтого цвета, другой — тонкий, сероватый, любимый оленями более первого, который они едят только тогда, когда нет второго. Растут они рядом, но, по-видимому, первый преобладает в тундрах, второй в лесах. Ягель занимает иногда громадные площади, в десятки тысяч десятин, и особенно охотно растет на возвышенностях и плоскогорьях, где лес редок и почва не чересчур сырая. В долинах рек, на тучных наносных почвах я встречал только незначительные его колонии и то в виде исключения. На болотах он тоже не растет: там его заменяют грязно-зеленый несъедобный политрихум и торфяные мхи (*Sphagnum*). Последние покрывают и большинство так называемых "бадаранов" — жидких, к счастью неглубоких, всего на 3 с небольшим фута оттаивающих грязей, занимающих иногда несколько квадратных верст пространства и сильно затрудняющих передвижение по стране. На южном плоскогорье их относительно мало; они попадают в большом количестве только в северной части Вилюйско-Ленского плоскогорья; но на северных плоскогорьях их масса и чем ближе к морю, тем больше. Местами они покрыты редким, болезненным лесом. Ужасно жалкий вид представляет лиственница на этой несвойственной ей почве; она вымирает и, судя по развитию и росту некоторых умерших особей, я всегда склонен был предполагать, что подобные лесные "бадараны" образовались уже после того, как долина была занята лесом.

Мхи играют здесь немалую роль в распределении влаги и тепла на поверхности земли. Толстый, до ³/₄ фута, губчатый их покров, напитавшись снеговой и дождевой водой, долго впоследствии служит источником малых речек и ключей, стекающих в болота и озера и пополняющих убыль последних. Мхи содействуют образованию грязей на откосах гор.

Ягеля, несмотря на толщину своих покровов, просыхают быстро; нормальное их состояние: сухие, ломкие кроны лопастей и слегка влаж-

1) улах отон, 2) уонгах отон, 3) субун отон, 4) джеджьепе, 5) эльюнъ отон, ыт атага, бе-эмиз, сылгы-эмиз. В Колымском округе малина любит расти на могилах.

ные, нежные, гибкие корни.

Перехожу к описанию лугов и пастбищ якутского края. Они искони имели важное значение для якутов.

Не менее важно было для них преобладание тех или других кормовых трав в данном уголке края, на долинах разного типа. Исследование этого вопроса объяснило бы, думаю, во многих случаях, тяготение населения к известным центрам и оставление других втуне; дало бы ключ к уразумению быстроты перехода в иных местах к рыболовству, вызванного гибелью стад; наконец, позволило бы судить, насколько основательна враждебность к земледелию, высказываемая опытными якутскими скотоводами ¹⁾. Они говорят, что под пашни уходят лучшие пастбища, именно те, где растут самые питательные и любимые скотом травы, что там, где такие участки огорожены и распаханы, скот начинает давать меньше молока и приплода и заметно хиреет (Намск. ул., 1889 г.).

Думаю, что в этом есть доля правды. Под хлеб здесь распахивают сначала степные участки, никогда не заливаемые весеннею водою. Предпочтение отдают вершинам и южным скатам пологих релок и бугров, уклоны которых к солнцу обеспечивают растениям больше тепла и света, а также защиту от северо-западных холодных ветров.

Такие бугры в долинах рек состоят по большей части из красноватого суглинка, плодороднейшего сорта почвы, во всем крае ²⁾. На плоскогорьях, в "аласах", такого рода суглинок редок, там преобладают темные, сероватые почвы. Во впадинах, между буграми, располагаются почвы холодные, черные, солонцеватые; они же преобладают вблизи болот и на дне спущенных озер. Их распахивают очень редко, только в исключительных случаях. На обоих родах почвы растут различные травы. Сухие бугры, особенно южные их откосы, обыкновенно сплошь покрыты невысокой, стелющейся муравой, состоящей из разных сортов пырея (кырыс) и "остреца" — злака, растущего на сухих

1) К сожалению, до сих пор, на этот вопрос обращали очень мало внимания. Некоторые указания на то, где, какие и в каком количестве находятся растения, можно найти только у Миддендорфа, да у Маака. Я сам поздно осознал важность, для этнографии якутов, составления гербария их населенных и сенокосных урочищ и начал собирать образцы только под конец моего пребывания в Якут. области. Слабое мое знание ботаники всегда сильно мешало этой работе и, если я, все-таки, осмеливаюсь говорить теперь о якутских лугах, то только ввиду важности этого предмета, ради начала, ради привлечения внимания более подготовленных исследователей. Как раз ко времени печатания этой книги я получил известие, что гг. Бычков и Сосновский прислали в музей Восточного Сибир. Отд. в Иркутске коллекции растений южноякутского плоскогорья. Правитель дел Я.П. Прейр, ботаник, отзывается об этих гербариях с большой похвалой. Он теперь занят их научной обработкой.

2) Ее превосходит в этом отношении только такая же почва из-под леса.

песчаных местах, очень любимого скотом. Там же можно встретить многие из тех растений, присутствие которых считается признаком хороших степных пастбищ, как то: полынь (*artemisia* sr. г.), по-якутски "ёрьё аса" (евражечий корм); *achillea millefolium* — "хярюө от"; *draba repens*, dr. *incana*, dr. *nemogosa* — "сытыган от" (душистая трава); *thymus sepyllum* — "богородской от"; *mentha arvensis*; разные виды *gaultheria* — "алтан от" (мед-трава). Из последних, растущих на сухих песчаных почвах Маак насчитывает: *gaultheria borealis* и *repens* и на влажных лугах и на болотах: *gaultheria aquatilis*, г. *purshii*, г. *cassubicus*, г. *sceleratus*; якуты знают их под общим именем "уотгах от" (огненная трава). *Delphinium crassifolium*, *crassicaule*, *elatium*; кроме того Маак находил *d. parviflorum* и *grandiflorum*. *Potentilla*; Маак нашел его одиннадцать видов; *pot. anserina*, по-якутски "кесенгес". *Veronica incana* и *longifolia*; *galeopsis tetrahit* (во множестве, как сорная трава на полях); *plantago major*, *paludosa*, *asiatica*, *canescens*, *media*; из семян последней якуты готовят кашу. *Euphorbia esula*, *latifolia*, и *maackii*, и др. ¹⁾.

Из кормовых злаков считаю нужным упомянуть: мятлик, которого Маак насчитал 7 видов ²⁾, дикий ячмень ³⁾, дикую рожь ⁴⁾, пырей ⁵⁾, кипец ⁶⁾, овсяница ⁷⁾ костер ⁸⁾ и дикий овес (*Avena flavescens* и *planiculis*), и проч. Якуты считают также хорошим, особенно для коров, то сено, к которому подмешан "горошек" ⁹⁾, листья хрена (?), щавель и проч.

1) Каррик, у которого я позаимствовал список степных трав, по его мнению особенно важных для стад конного скота ("Врач" 1881 г.), приводит еще многие другие травы, также встречающиеся на лугах Якутской области. Мне казалось, что я находил здесь даже "ковыль", именно *stipa altaica*; к сожалению, отсутствие, оставленного мной в Якут. обл. для пополнения, гербария, лишает меня возможности проверить это справкой у специалистов; во всяком случае, если это ошибка, то я не один подвергся ей. Козьмин, спутник Врангеля, сообщает на 123 стр. своего отчета о поездке вдоль берега Ледовитого океана от устьев Колымы к Индигирке, что он "на льду нашел зерна, весьма похожие на рожь", и впоследствии узнал, "что это семена травы ковыль (*stipa pennata*), растущей по всему здешнему берегу".

2) *Poa attenuata*, по-якутски: кулун кутуруга — жеребчий хвост; *p. caesia*; *p. sterilis*; *p. pratensis*; *p. anugustifolia* — бэтиэмэ; *p. psat. anceps*. L.; *p. trivialis*.

3) *Hordeum pratense* и *h. jubatum*, по-якутски: кис кутуруга — соболий хвост. 4) *Elymus dasystachys*; *E. excelsus*. 5) *Triticum repens*. 6) *Festuca ovina*, *F. duriuscula*. 7) *F. elatior*. 8) *Bromus inermis*, по-якутски: хаптахай-от — плоская трава; *B. ciliatus*.

9) *Rapilionaceae*. Среди стручковых, встречающихся в Якут. обл., Маак отличает 18 видов. Более распространенные из них: *Vicia cracca*, *Astragalus alpinus* и *fruticosus*. Тимофеевка (*Phleum pratense*) встречается в небольшом количестве на заливных, глинистых приречных лугах. "Лисий хвост" (*Alopecurus pratensis*) встречается повсюду, но тоже в небольшом относительно количестве. Что же касается растения, называемого хреном здесь якутами и русскими, по сходству с этим растением, то это не хрен,

Все эти травы растут преимущественно в сухих местах, не надолго заливаемых снеговой или речной водой. В местах сырых, низких, с солонцеватой почвой, они уступают место болотнику¹⁾: "осокам" (кылыс), пухоносу (*erigeron activ. и canadensis*), и хвощам (бору). Вблизи озер, в местах, где снеговая вода стоит относительно недолго, растет невысокая мелкая "осока" — "су-осок", как ее метко назвал один знакомый мне русский крестьянин. Пока она молода и сочна, лошади очень любят, но по осени или скошенную на сено — едят неохотно. Местами, вдоль берегов, из воды густо растет тростник (кулусун); осенью, по льду, лошади охотно лакомятся его молодыми побегами. Я видел тростник только на южном плоскогорье и главным образом на озерах, лежащих в долинах рек; на самих реках тростник здесь не растет. Кроме тростника, здесь, по болотам и озерам растут в изобилии всякого рода ситники (мангчары); из некоторых видов (*Agundo*) якуты плетут хорошие "циновки" (сере). На солонцах, настолько обильных солью, что они покрываются белым налетом, ничто не растет, кроме никуда не годной "пальчатой травы" (торбах-от)²⁾.

Большинство перечисленных выше кормовых и всяких других трав встречается и на верхнем плоскогорье, в "аласах" и в долинах рек (кытыл)³⁾, на уступах их вторых террас. Тем не менее, относительная при-

a Cochlearia sisymbroides, Dec. var. *Czekanov. Trautv.* (Н.Г. Потанин. Извест. Рус. Геог. Общ. т. XX, 1884 г., вып. 6, стр. 615.). Жители не корень, а листья его употребляют в пищу, добавляя вместе с щавелем в "тар". Корни тонкие, горькие, желтоватые, очень неприятны на вкус и совершенно лишены своеобразной остроты настоящего хрена.

1) Болотника встречается два вида: *aloresugus ruthenicus*, по-якутски: кютэр кутуруга-кроговий хвост и *a. fulvus*. Они считаются хорошими кормовыми травами; осоки же признаются за худшие сорта трав; некоторые скот совсем не ест или только в крайности. Один только неизвестный мне вид осоки высоко ценится на северном плоскогорье в Верхоянском и Колымском окр.; якуты зовут его "бердегес". Хвощей Маак называет 4 вида: *Equisetum arvense*, *E. pratense*, *E. limosum*, *E. scirpoides*. Хвощи вообще якуты называют "бору"; между ними отличают кормовые: 1) *сибикте* — растущий преимущественно в горах в тени утесов, в зарослях, на песках, заливаемых разливом рек; им быстро и хорошо откармливаются кони, коровы и олени; 2) *хара бору* — черный хвощ, самый крупный вид, достигающий человеческого роста; считается особенно хорошим кормом для коров, которые дают от него, по мнению якутов, много молока; кони тоже любят его, но страдают, по мнению туземцев, "шатуном" — частичным параличом задних ног; скот вообще ест этот хвощ с жадностью, тем не менее якуты не кормят им одним, а смешивают с другими травами; 3) *юрюнг бору* (белый хвощ) считается скверным, малопитательным; скот ест его неохотно.

2) Иные называют ее "таррах-от" — гребенчатая трава.

3) "Кытыл" значит собственно "берег"; приречные и островные луга, зовут также "ары", что значит вообще "остров"; "ан-дайды" — степь; "толон" — поле; "хаджима" — луг; "асылык" — кормовище, пастбище.

примесь и преобладание тех или других до того различны тут и там, что скот, привыкший к пастбищам в "аласах", первое время тощает и страдает поносом в роскошных лугах речных долин и, наоборот, скот, воспитанный в речных долинах, неохотно ест травы плоскогорий и, пока не привыкнет к ним, худеет, сбавляет молоко и даже совсем перестает доиться.

Сено, скошенное в аласах, нетрудно отличить от сена речных долин. В первом преобладают осоки и худшие сорта пырея; в последнем — лучшие пыреи и лучшие осоки, масса цветов, широколистных растений; кроме того попадает дикий лук и дикий лен, которых я никогда не видел в аласах.

На аласах, по мнению якутов, ядовитые растения встречаются чаще. Между прочим, они с особым ужасом упоминали о каком-то "асы от" (горьком растении), корень которого похож на репу, белый, мясистый и чрезвычайно вредный. От одного обнюхивания его будто бы пухнут губы и ноздри коров; будучи съедено, оно вызывает судороги и смерть. Кони не едят его, но при мне было несколько смертных случаев среди рогатого скота, приписанных якутами этому растению. Очень буйно разрастается оно после сухого лета в дождливую осень. Образцов его мне не удалось получить, так как якуты боятся его трогать (Намский улус, 1889 г.).

Один и тот же участок земли, при одинаковой почве, дает худшие травы в тех местах, которые дольше оставались под водою, и, при некотором навыке, можно легко узнавать продолжительность их потопления. Якуты умеют отлично это делать. Выше всего ценятся сенокосы, заливаемые на непродолжительное время "тихою" водою, т.е. водою, не несущей ни ила, ни песка, ни льда¹⁾.

При разделе сенокосов между общинниками, где принимается во внимание и сорт трав, стараются разбить луг на такие участки, чтобы каждому досталась часть, не заливаемая водой, часть — заливаемая средним, непродолжительным разливом и часть лугов мокрых, совсем не обсыхающих или обсыхающих только по осени, в особенно засушливые годы. Засуха первой половины лета — главная помеха удачному росту трав.

Если были дожди в первую половину лета — сена всюду много и оно прекрасное; если дождей выпало мало — сена в аласах совсем мало, а в долинах рек оно в полной зависимости от разлива и сорт его хуже.

1) Сообразно сорту трав, собираемых с данного участка, сено делится на: мелкопырейное сено, с подмесью листовых растений (бытархай, сэбирдэхтэх от), считается лучшим и обыкновенно собирается раньше; эрбэкин арыга от — грубое островное (заливное), второй сорт сена; "бадараннах от" — грубое болотное сено, осока, растущая на водах, собираемая обыкновенно осенью.

В общем, условия прозябания во всей описываемой нами стране крайне своеобразны. Зимой все растения без исключения не то чтобы погружаются в спячку, а совершенно замирают. Тухнет даже та слабая искра жизни, которую сохраняют, глубоко спрятанные в слоях теплой земли, корни растений, в странах с суровым климатом, но лежащих вне пределов вечномерзлой почвы.

Здесь все растение надолго превращается в твердое, хрупкое, ледяное изваяние, ветви которого со стеклянным звоном ломаются зимой при малейшем прикосновении, толстые же части, при ударе топором, выбивают искры. Весною, раньше всего, возвращаются к жизни те части растений, которые прежде других подвергаются действию солнечной теплоты, т.е. ветки и верхушки; соки начинают в них вращаться, они начинают жить, развивать почки и дышать, в то время, когда более толстые и близкие земле части растений все еще представляют собой ледяные столбы.

14 апреля, под $70^{\circ} \frac{3}{4}$ с.ш., в местности, покрытой снегом, где ночью температура падала до -37° Ц., а днем, в тени, повышалась всего до -16° Миддендорф нашел на солнцепеке ивовые ветви, поднятые всего на $1 \frac{1}{2}$ дюйма над снегом, покрытыми вполне развитыми, белыми, как серебро, сережками. "Дюйма два глубже в снегу, те же самые сережки и ветки оказались замерзшими" ¹⁾). Мне самому многократно случалось наблюдать нечто подобное на ветках ивы, привозимых якутами для корма скота. Их начинают собирать в половине марта, когда все еще покрыто снегом, и хотя на солнце термометр уже поднимается на несколько градусов выше нуля, но в тени господствует еще зимний холод. Прикрытые снегом и оттененные ветвями, нижние, толстые части кустов все еще представляют мертвые сооружения из льда и древесины, тогда как верхние части уже живут: они становятся гибки, мягки и сочны, кожица их темнеет, сережки их изо дня в день припухают, растут. Таким образом, здесь различные части дерева пользуются как бы большей самостоятельностью жизни, чем у нас.

Это наблюдается не только на иве, но и на всех других растениях (деревьях), даже на травах, растущих от корней, которые нередко глубоко погружены в мертвую почву и просыпаются к жизни позднее своей вершины. Относительно корней считаю нужным отметить, что в слою *никогда* не оттаивающей почвы они не проникают, а располагаются на известной глубине горизонтально, не прикасаясь к поверхности вечного льда. Таким образом, хоть на некоторое время года, все части корней оживают.

1) Миддендорф, *ibid.*, Часть I, отд. IV, 622.

Корни здешних растений какие-то больные, большей частью гнилые и уродливо скрюченные, особенно в сырых местах. Такие уродливые клубни растущей в сырых местах березы дают известную "щетку". На севере, где слой ледяной почвы очень близок от поверхности, корни крупных деревьев ползут во все стороны по земле, слабо прикрепляясь к ней своими мочками, едва укрытые мхами. Вследствие этого деревья здесь неустойчивы и, когда вырастают выше известного предела, неизбежно опрокидываются ветром. Это обстоятельство и болезнь корней дают то огромное количество бурелома, которое поражает в северных лесах, особенно вблизи его пределов.

Итак, здешние деревья весной начинают жить с верхушек. Вначале жизнь эта длится не больше нескольких часов в день, и с понижением температуры под вечер дерево снова погружается в леденящий сон. Чтобы ломать ветки ивы для скота, якуты выезжают в конце марта, не раньше 11 часов дня, когда куст несколько оттает, иначе топор с трудом рубит его, и весь куст так хрупок, что при падении все нежные и самые питательные части его обламываются и крошатся настолько мелко, что нет возможности собрать их. Мало-помалу периоды жизни удлиняются и тепло разливается по всему растению; надо полагать, что жизнь веток не остается без влияния на ускорение этого процесса. Я не раз замечал, что поленья срубленного мерзлого дерева оставались замерзшими значительно дольше живых стволов той же толщины. Кожица живых темнела и становилась слизкой намного раньше, несмотря на тень ветвей, покрывавшую их.

Из всех растений первой просыпается здесь ива (тальник). Она распускает цветковые почки чуть ли не одновременно с исчезновением снега. На южном плоскогорье, даже в северных его частях, именно на южных предгорьях Алданских и Виллойских гор, в первых числах мая, можно увидеть, как распускаются: белый тальник (*salix viminalis*) и другие виды его, преимущественно кустовидные, затем ольшник (*Alnaster fruticosus*), осинник (*Populus tremula*) и другие. Одновременно с ними распускается березняк, также сначала кустовидный, а после и деревья. Позже всех распускается лиственница, именно около 10 мая.

На северном плоскогорье, смотря по местности и по весне, появление зелени на деревьях запаздывает от 2 до 3 недель против южного.

Пострел, "нюргусун" (*Anemona patens*), первый якутский цветок; опережая кусты и деревья, чуть не из под снега показывает свои белые, бледно-золотистые и розоватые чашечки. По количеству пострела якуты судят о предстоящем урожае трав и о молочности скота. Если его много, год предполагается хороший. Немного позже *Anemona patens* является: одуванчик, желтушка (*anemona silvestris*) и др. Из съедобных трав раньше других дает побеги и распускает листья щавель; его густые, темно-зеле-

ные кусты, уже в первых числах мая, резко выделяются среди бледно-желтой зелени, только что нарождающейся муравы.

В конце мая и начале июня рощи и края лугов южных плоскогорий сплошь унизаны цветами белого и розового шиповника и белого лютика. В глубине леса цветут уже ягоды и багульник.

Летом все благоухает, особенно в тихие жаркие дни, когда удушливый аромат молодой лиственницы сильно распространяется, и каждый цветок, точно огненный бокал, широко разворачивает свои дрожащие лепестки в накаленном до 40 градусов воздухе.

Взятые в отдельности и в холодные дни, здешние цветы мало пахнут, но сильная июльская жара, сухость воздуха, а главное — количество цветов делают аромат их заметным.

Окраска лепестков, вообще, довольно яркая и нежная; в начале весны преобладают бледные оттенки и цвета: желтый и белый; они же доминируют в лесах, над озерами, в лесных долинах; в долинах рек, на лугах, местах открытых и на краю лесов цвета встречаются самые разнообразные: розовые, красные, фиолетовые, голубые, алые... в такой же пестрой смеси, как и у нас ¹). К концу июля ковер лугов бледнеет, многие растения отцвели. Тем не менее здесь можно видеть в начале и в конце лета, что одни особи цветут, тогда как рядом с ними другие особи того же вида уже покрыты вызревающими плодами. Даже на одних и тех же особях я видел почти зрелые семенные коробочки и цветы. Некоторые цветут по два раза, как, например, *Anemone* ²). Конечно, масса семян этого позднего цветения не вызревает и является для растения как бы лишним расходом ³). Из собранных мною в конце августа для посева двух фунтов семян дикого льна (*linum perenne*) едва треть была зрелая, а возшло всего несколько особей. По-видимому, быстрота созревания, вы-

1) Величиной и красотой выделяются: фиолетовый ирис, оранжевая сарана (*Lilium spectabile*); она цветет в начале июня, растет больше на сухих полях и на краю лесов; затем роза, несколько видов гвоздики и незабудок.

2) На Тюкане, в лесу 28 июля Маак находил в цвету те же самые *Pulsatina patens*, которые, как первые подснежные цветы, встречали его в долине р. Кюрги. В дневнике он и отметил, что они цветут во второй раз (часть II, стр. 231).

3) Считаю нужным указать на факт, доказывающий огромное и здесь значение для растительного царства этих затрат на семена. У якутов сохранились предания, что они редко пасли стада два года подряд на одном месте, на третий всегда давали отдых пастбищам, иначе "трава портилась". И теперь над Алданом богатые якуты, владеющие обширными участками лугов, через три-четыре года на пятый не косят некоторых лугов, оставляя их "обсемениться и засеяться" (сиксии); в противном случае сбор травы, по их уверениям, уменьшается и самый сорт трав ухудшается (Баягантайский ул., 1886 г.).

нужденная краткость лета, продолжительность солнечного освещения и высокая, парниковая, летняя температура не способствуют вообще плодности семян. Чем дальше на север, тем реже растения размножаются из них, тем чаще они выходят из корней¹⁾. И хотя, ввиду скверных условий, в которых здесь находятся корни, правда замедляется появление растений и ослабляется их рост, зато они "разом являются со множеством листьев"²⁾ и быстро нагоняют потерянное время. В этом, равно и в способности развивать листовые и цветочные почки в самых неблагоприятных условиях, именно в то время, когда ствол и корни погружены еще в зимнюю спячку, а ночью все растение промерзает насквозь, кроется, по мнению Миддендорфа, тайна чудесного, почти невероятно быстрого превращения местного ландшафта из зимнего в летний, покрытый зеленью и цветами.

1) Тот же самый дикий лен, которым я сильно заинтересовался, предполагая, что культура его может иметь практическое значение для населения, по моим наблюдениям, размножается главным образом из корней. Несмотря на тщательные поиски, я не нашел ни одной особи, выросшей из семян; вероятно, есть такие, но большинство является в виде побегов из старых корней. Таким образом, здесь лен растение по преимуществу многолетнее. Корень представляет древовидный ствол толщиной иногда несколько футов, идущий на некоторой глубине параллельно поверхности земли. Корень снабжен многочисленными мочками; там и сям из него вырастают ежегодно колонии новых, наземных побегов. Маак находил его на Вилюе и вот что он о нем сообщает: "Linum regеппе на открытых местах, песчаной почве, по левому берегу Вилюя, в 80 верстах выше устья, 16 июня в цвету. На тенистых, покрытых травой местах, по дороге от Мархи к селению Нюрба, 16 июля и нередко — на покрытых густою травой берегах Хаынги; у урочища Тас — 3 августа со зрелыми плодами, 23 сентября на Ыгетте со зрелыми плодами. Между Вилюйском и Верхневилюйской Управой — 21 июня, с первыми цветами и на Чоне, 2 августа — в цвету. Встречаются между Вилюйском и Якутском и у Якутска (Маак, *ibid.*, часть II, стр. 258). — Я находил лен на Алдане и в Намском ул., 100 верст севернее Якутска. Думаю, что превращение льна в многолетнее растение объясняет до некоторой степени неудачу моих опытов выращивать в огородах домашний лен из семян. Несмотря на поливку и старательный уход, лен рос плохо, между тем как конопля выростала отлично. Дикий же лен, растущий из корней, наоборот, процветает: он не ниже нашего, стебель его толстый и мясистый, процент волокна удовлетворительный, само волокно светлое и нежное, но очень хрупкое, так что тонкие нити прядь трудно. Якуты совсем не знакомы со свойствами этого растения и для своих сетей покупают привозные, скверные, гнилые нитки, платя по 1 р. 20 к. и 1 р. 60 к. за фунт.

2) Миддендорф, *ibid.*, Часть I, отд. IV, стр. 631.

Особенно после весеннего теплого дождя окрестности зеленеют почти на глазах и, при некотором терпении, положительно можно увидеть рост травы¹⁾. Во время лета рост часто замедляется, даже приостанавливается скачками температуры, холодными ветрами, засухой. Во второй половине июля для большинства растений он завершен, а в половине августа и начале сентября травы и листья на деревьях желкнут и вянут. Следовательно, даже на южном плоскогорье период этот значительно короче европейского²⁾.

Этот ускоренный темп жизни и краткий срок ее сильно и неблагоприятно отражается, между прочим, на отложении древесины и росте деревьев. Если граница лесов главным образом зависит от силы, направления и многочисленности сырых, холодных ветров, то толщина деревьев и качество их материала стоит в тесной связи с тем сроком, который предоставил им климат на отложение и уплотнение годичных слоев³⁾. Срок времени, нужный для процесса правильного нарастания слоев, признан для Европы в 16 недель (112 дней) как минимум. В земле якутов срок, близкий к этому, находим только в южном плоскогорье, где промежутки между последним морозом весною и первым осенью равняются в среднем:

в Вилюйске	115 дням,
" Мархинском с. (Якутск)	117 "
" Олекминске	112 "

На северных плоскогорьях промежутков между морозами меньше, именно:

для Верхоянска и его окрестностей	100 дн.
" Туруханска	86 "
" Сагастыра	40 "

Если из этого количества вычесть часы, когда температура падает так низко, что рост древесины задерживается, затем дни с инеем, засухой и заморозками, дни сухих туманов, северо-западных сухих и холодных ветров⁴⁾, то срок этот придется сократить почти на треть. Но так как все

1) Я делал следующие опыты: втыкал в мураву хлеба палочки, величиною равные блинкам; через несколько часов последние уже превышали их на несколько линий, а в сутки вырастали больше чем на дюйм. Ночью на несколько часов рост замедлялся, а в особо жаркие дни замедлялся и в полдень.

2) Миддендорф, *ibid.*, Отд. IV, стр. 568.

3) Утолщение деревьев в Европе начинается в первых числах мая и оканчивается в августе; затем следует довольно продолжительный период уплотнения древесины и подготовки почек для будущего года.

4) Они у местных жителей получили прозвище: "приостанавливающих рост деревьев".

Долговечность якутского леса тоже значительно ниже обычной. Миддендорф говорит, что самые старые из всех встреченных им живых особей имели 217 лет и что ближе к границе лесов срок этот падал до 150 лет ¹⁾. Чекановскому на Оленеке, вблизи предела лесов под 70° с.ш. попадались лиственницы с 450 годовыми слоями и ели с 380 ²⁾. Миддендорф заканчивает главу о нарастании древесины таким образом: "со временем, когда и в этом отдаленном крае будет устроено правильное лесное хозяйство, число участков, назначаемых для рубки леса, придется увеличить на ¹/₃, сообразно замедляющимся на ¹/₃ оборотом времени, потребным на возобновление леса" ³⁾. Если теперь обратимся к влиянию человека на местную растительность, то на первый план выступают про-

температура воздуха в разных слоях. Такие наблюдения были сделаны только Миддендорфом, привожу их как единственные в своем роде.

Наблюдение 1	Наблюдение 2	Наблюдение 3
С 13 на 14 июля, под 73 ¹ / ₄ ° с.ш., с 12 ³ / ₄ по полуд. до 2 ¹ / ₄ час	2 августа, под 74°17' с.ш. в 2 часа пополудни, при солнечном сиянии.	14 августа, под 74 ³ / ₄ ° с.ш. начато при солнечном сиянии в 1 час 30 мин. дня.

Все небо покрыто
облаками.

Высота над мхом тундры	Темпе- ратура		Высота над мхом тундры	Темпе- ратура		Высота над мхом тундры	Темпе- ратура
24 ^{//} английск.	+3,8°	R.	24 ^{//} . . .	+19,2°	R.	24 ^{//}	+16,5° R.
12 ^{//}	+3,7°	»	12 ^{//} . . .	+20,6°	»	12 ^{//}	+20,4° »
6 ^{//}	+3,4°	»	9 ^{//}	+20,2°	»	9 ^{//}	+21,9° »
3 ^{//}	+3,1°	»	6 ^{//}	+22,0°	»	6 ^{//}	+22,1° »
1 ^{//}	+3,2°	»	4 ^{//}	+23,0°	»	4 ^{//}	+22,5° »
2 ^{//}	+1,8°	»	2 ^{//}	+23,8°	»	2 ^{//}	+21,9° »
4 ^{//} в земле	+1,1°	»	0 ^{//}	+24,4°	»	0 ^{//}	+21,6° »
			2 ^{//} в земле	+11,6°		2 ^{//} в земле	+14,8° »
			4 ^{//} в земле	+6,2°			

Почва была мерзлая на 14 дн.

1) Ibid., стр. 600.

2) Изв. Геогр. Об. Т. XI 1875 г. 330 стр.

3) Миддендорф, ibid.; часть I, отд. IV, стр. 602.

изводимые им палы и лесные пожары, свирепствующие здесь искони, особенно в более населенных местностях. Якуты-скотоводы каждый год по весне жгут луга. Для защиты оставшихся зародов сена, жилищ и изгородей каждый род, в определенный сходкой день, посылает артель людей, которая наблюдает за ходом палов. Но леса все еще предоставляются пожарам, которые тушатся только выпадающими дождями. Нет почти участка леса, который не носил бы следов недавнего пожара. Первую половину лета, особенно если оно сухое, пожары не прекращаются, и дым их, смешанный с сухими туманами, образует мрачную серую атмосферу, кладущую какой-то мертвенный отпечаток на всю природу. Солнце слабо просвечивает сквозь туман, удушливый запах гари наполняет воздух, росы нет, и день мало чем отличается от светлой ночи. Так проходит иногда несколько дней, неделя, до первого дождя или сильного ветра. Жертвой пожаров является, прежде всего, олений мох, который, по уверению якутов, не возобновляется совсем на погорелых местах¹⁾; затем горит молодой подлесок-кедровник и другие сланцы, а из крупных деревьев больше всего страдает ель. Количество ее уменьшается вблизи якутских жилищ, хотя на поделки якуты неохотно берут ее. Она сохраняется лишь в местах крайне сырых, среди тальников, куда пожары не могут пробраться, на нежилых островах рек, да на лужайках, где образуют совершенно изолированные рощи, окруженные нагими солонцами. Крупный сосновый и лиственничный лес страдает от пожаров меньше, особенно первый, горючая крона которого так высоко поднята над землей, а ствол так гладок, что пламени не за что уцепиться. Лиственница, как менее высокая и более суковатая и корявая, страдает больше сосны. Часто огонь пробирается в дупло дерева, наполненное смолой, и выедает сердцевину; иногда загораются корни и переносят пожар в подземные слои торфа. Такие подземные пожары длятся годы. Почва горит и зимой²⁾. Пожары эти изменяют характер местности совершенно. Луга исчезают, ровная местность делается холмистой, появляются колодеобразные ямы, полные воды, и все пространство быстро зарастает сорными растениями и сорным лесом. Лесные, особенно повторные, пожары имеют следствием исчезновение благородных древесных пород и замену их осинником, ивняком и березняком. Почва до пожара сухая, оп-

1) В Колымском улусе я видел такие погорелые, некогда богатые олени пасбища; несмотря на то, что прошло уже лет 20 со времени пожара; на них действительно не было ягеля. Пожарам приписывают также отсутствие оленьих кормовищ в окрестностях г. Средне-Колымска, где, говорят, в старину их было много (Сред.-Кол. 1883 г.).

2) В 1883 году я проезжал мимо станции "Тастах", по дороге в Колымск, и видел там пожар торфяника, который, по словам жителей, длился уже 8 лет; два года спустя я нашел его еще не прекратившимся.

рытная, поросшая лучшими сортами ягод, становится грязной, порастает кочкарником, ситниками. Обилие бурелома в таких местах способствует удержанию влаги, замедляет таяние снега и приближает к поверхности, своей защитой от солнца, слой вечной мерзлоты. После пожара лесная падь обязательно обращается со временем в "калтус" (лесное болото). На склонах гор лес от пожара поправляется легче. Якуты до сих пор не сознают вреда лесных пожаров и смотрят на них равнодушно, пожалуй, даже благосклонно: "Трава вырастет, пища скоту будет", говорят они не без некоторого основания.

Многие степные, в настоящее время совершенно лишённые леса участки земли еще на памяти людей покрыты были сплошным лесом или лесными рощами. Подобие степи, окружающее теперь г. Якутск, по преданию, в старину было покрыто многочисленными сосновыми рощами, следы которых остались и теперь в виде одиноких деревьев. То же самое говорят про равнину, простирающуюся к северу от Намской Управы, и про степную полосу, идущую между береговыми хребтами и р. Леной в долине Западной Кангалаской Управы. Очистку таких местностей от леса нельзя приписать исключительно "расчисткам" водворившихся там недавно земледельцев, так как они существовали до них еще.

Если лесные пожары, причиняя громадные опустошения внутри тайги, надолго оставляют после себя почву поистине в "одичалом" состоянии, то, наоборот, постоянное присутствие людей с их стадами, увеличивая участки сухих *степных* площадей, медленно подготавливает ту же почву к восприятию земледелия. Без такой подготовки последнее навряд ли сделало бы здесь быстрые успехи, о которых мы сейчас будем говорить.

История разведения хлебных злаков в Якутской области представляет любопытный образчик того, насколько условно понятие возможного и невозможного, как малодоказательны в иных случаях первые неудачные опыты и что в состоянии сделать совокупные усилия людей в продолжение многих лет, даже если они совершаются оцупью, наугад, без средств.

В первое время после завоевания якутской земли русским казакам и переселенцам некогда было заниматься земледелием, они увлекались исключительно соболем. Если и были сделаны ими, по приказанию правительства, какие-либо опыты, то, наверное, были неудачны. Страна долго считалась непригодной для хлебопашества; это видно из царских указов того времени, не предписывающих, подобно другим местам, "садить на пашню и сеять с великим тщанием". В отписке ленского воеводы Петра Головина со товарищи от 1640 года указывается на устье Киренги, самое большое Пеледуя, как предел хлебопашества. Там сказано: "А в Якутском де, государь, поморье торговых и промышленных служилых

людей, хлебной пашни не чаять, земля де, государь и среди лета вся не растаивает" ¹). Спафарий хотя и говорит в 1675 году, что "по реке Лене ныне везде хлеба родится много... и проводят его до Якутска и далее" ²), но, очевидно, имеет в виду только верховья Лены. Впрочем, в 1641 году уже хлеб сеяли на Усть-Киренге и так называемом "Тунгусском волоку, что переходят с Лены на Турухан" ³). В продолжение первых 100 лет о якутском собственно земледелии ничего не слышно. Все это время "с великими трудами возят хлебное жалованье якутским государевым служилым людям" из Верхоленского, Илимского даже Енисейского острогов. Витсен ничего не знает о земледелии в Якутской области. Впервые находим сведения о нем у Штраленберга в 1730 году. Он сообщает что-то малопонятное о каких-то "старых пашнях" или "еланях" (Starripaschni, Jalahan), и утверждает, что хлеба не зреют дальше Киренги и Витима ⁴). Гмелин, лично посетивший этот край в 1737 г., пишет по поводу земледельческих опытов в г. Якутске: "Известно, правда, что здешний монастырь до этого засевал участок земли ячменем и что ячмень этот иногда хорошо колосился и созревал. Но так как нередко он и не созревал, то по этой и по некоторым другим причинам дальнейшее его возделывание прекратилось уже несколько лет тому назад. Кроме ячменя, сколько слышно, другие хлеба никогда не созревали" ⁵). В 1780 году, за пять лет до приезда Билингса, земледелие едва достигло Пеледуя, и только в 1803 г. стали заниматься им в окрестностях Олекминска (60 ¹/₃⁰ с.ш.) ⁶).

Еще в 20-х годах Врангель замечает, что "у Олекмы приметны еще последние следы огородничества и земледелия, но далее они исчезают совершенно" ⁷). Несколько лет спустя, по приказанию правительства, делаются многочисленные опыты по Якутской области вплоть до Виллойска (63 ³/₄⁰ с.ш.), даже до Нижне-Колымска, но безуспешно. Только около Якутска Эрман в 1829 г. упоминает об удачных опытах с озимой и яровой рожью. С того времени повторительные опыты, несмотря на не-

1) Допол. к Истор. Акт., т. 2, стр. 249.

2) Спафарий, "Путешествие", стр. 134.

3) Допол. к Истор. Акт., т. 2, стр. 252.

4) О хлебах Витима и Киренги он говорит: "Хотя там мало сеют, но хлеб растет всякий, однако не выше $\frac{1}{2}$ локтя. Едва посев взойдет, как сейчас же начинает колоситься и в продолжение 6 недель готов, потому что солнце над этим горизонтом почти не заходит. Притом самое странное есть то, что дождя в это время не выпадает, но земля, которая там хотя жирна и черна, оттаивает только на 1 или $1\frac{1}{2}$ четверти локтя — питает корни своей влагой".

5) Reise. II 1752 г. стр. 519.

6) Сообщение взято у Миддендорфа. Часть I, от. IV. прибавл. I.

7) Путешествие. Т. I, стр. 165.

урожай и всякие неудачи, уже не прекращаются. Земледелие входит в обычай; у некоторых зажиточных лиц, благодаря рискованности предприятия и большим барышам в случае удачи, оно превращается в настоящую страсть. Правительственные награды и поощрения вводят в моду земледелие среди чиновников и богатых, именитых якутов. Начинаются земельные распри, интриги, соревнование. Все это, впрочем, по признанию очевидца Миддендорфа, представляет лишь поверхностную пену великой культурной борьбы; суть ее: упорные, из года в год возрастающие мелкие посевы простого народа, делаемые не ради наград, а ради улучшения своей участи ¹⁾.

В 1835 г. в окрестностях Якутска уже засевали 331 пуд ярового хлеба; сеяли пшеницу, ячмень — простой и гималайский (черный), да овес. Попыты ограничивались долиной Лены; но, по мере того, как к земледелию привлекаются и якуты, оно вступает и на плоскогорье. Миддендорф, в начале сороковых годов, говорит о земледелии Якут. окр. как о деле прочно поставленном. Там уже засевали до 4 с половиной тысяч пудов и собирали больше 14 000.

Одновременно или даже немного раньше, чем в окрестностях Якутска, производились опыты посева хлебов в Амгинской слободе (под 61° с.ш.), в 178 верстах на восток от Якутска. Уже в 1735 году в Амгинск были высланы из Илимского округа хлебопашцы с этой целью. В 1780 году, по словам Палласа, там было посеяно:

озимой ржи	16 пуд., собрано	75 пуд.
яровой ржи	311 " "	1143
ячменя	347 " "	1474
овса	61 " "	130
Итого	735 " "	2852

"В 1842 году было посеяно не больше; а в 1850 г. губернатор Муравьев-Амурский донес в Питербург, что при проезде его через Амгинск большая часть полей была не обработана и количество высеянного хлеба едва заслуживает внимания" ²⁾. Но в том же донесении сообщается, что в деревне Усть-Майской опыты посевов удались и озимая рожь дала сам 20-е зерно. Задолго до этого, в половине 40-х годов, уже делались попытки посевов не только на Усть-Мае, но и на Нелькане; они были неудачны ³⁾. Такие колебания якутское земледелие испытывало долгое

1) Тем более странными кажутся идущие параллельно с поощрением купцов и чиновников попытки администрации обложить, возможно скорее нарождающееся и еще не окрепшее народное земледелие налогами и оброком (смотри Мидден., прибавл. III и стр. 682 текста).

2) Миддендорф, ч. I, отд. IV, прибавл. II, стр. 676.

3) "Памят. Книж. Як. Об." на 1891 г., стр. 149.

время и повсюду. О пробах сеять в других местностях, в более отдаленное время, известно чрезвычайно мало. В архиве Намской Управы П. Орлов в 1889 г. нашел копии каких-то старинных донесений, где говорится, что в 1790 г. "некоторые намские якуты недалеко от теперешней Намской Упр. посеяли несколько фунтов хлеба". В 1841 г. Миддендорф упоминает уже об улусах: Кангаласком, Батурусском, Мегенском и Борогонском, как о местах, где сеют хлеб. Вопреки этому свидетельству, автор статьи "Земледелие в Якутской Обл.", напечатанной в памятной книжке Якут. Обл. на 1891 г., утверждает, что "инородцы Батурусского улуса только в 1853 г. впервые сделали небольшие засеивы"¹⁾. Этому противоречит приведенное дальше сообщение о том, что в 1855 г., т.е. два года спустя, "в Намском и Батурусском улусах посев достигал 4 000 пудов". Очевидно, что опыты делались много лет до этого, иначе не нашлось бы ни умелых людей, ни готовых земель для такого относительно крупного посева. Возможно, что случился только значительный перерыв, вызванный недостатком семян, как следствием неурожая в 50-х годов.

Первые достоверные сведения о земледелии Вилюйского округа доставлены Мааком. Он говорит о незначительных, но удачных посевах в Средневилюйском улусе, при устье Кюрги, в 1849 г., а о земледелии Мариханского и Сунтарского улусов в пятидесятых годах говорит как о вопросе решенном в удовлетворительном смысле²⁾.

Итак, можно с уверенностью сказать, что в начале 50-х годов все теперешние центры были испробованы. Интересно, что отзывы путешественников и земледельцев того времени о местах, только что занятых под хлебопашество, сильно схожи с отзывами современных наблюдателей над такими же местами: "Инеи, ранние заморозки, поздняя весна — хлеб не успевает вызревать". Даже смелый и прозорливый гений Миддендорфа помещает в 40-х годах Якутск на пределе земледелия³⁾. С тех пор пределы эти сильно расширились. Те места, которые когда-то считались предельными, в настоящее время представляют вполне земледельческие околотки, и боевая линия земледелия ушла от них далеко на север, запад и восток.

Наблюдая за ходом этого дела, можно с уверенностью сказать, что придет время, когда все южное якутское плоскогорье, вся эта огромная, в $1/2$ миллиона квадратных верст, впадина⁴⁾, лежащая на перекрестке Ле-

1) Ibid., стр. 146.

2) Маак. Часть III, стр. 160.

3) Миддендорф. Ч. I, отд. IV, стр. 746 — 846.

4) Она заключает в себе, круглым счетом, свыше 50 000 000 десятин. Конечно, из всего этого пространства едва сотая часть годится для распашек; тем не менее это ко-

ны, Вилюя и Алдана, будет завоевана для земледелия. Предельные форпосты земледелия уже теперь достигли естественных ее границ. На север они перешли за Алдан и Вилюй и появились у предгорья Алданских и Вилюйских гор. Самая северная из виденных мною на востоке пашен было небольшое, засеваемое ячменем поле, в долине Тюкулана, в 30 верстах от реки Алдана, по почтовому Верхоянско-Якутскому тракту. Эта местность, приблизительно под 63,5 градуса с.ш., лежит уже у входа в узкую горную долину с каменистой бесплодной почвой. На Вилюе удачные опыты производились еще севернее, именно в устьях р.Кюрги (64° 3' 43'' с.ш.) . Селение Нюрба на Вилюе (под 63° 16' 46'' с.ш.) считается одним из земледельческих центров Вилюйского округа, а хлеб и огороды в 50-х годах разводились якутами вплоть до 64° с.ш.¹⁾, конечно, там, где дозволяло плодородие почвы. Дальнейшему движению хлеба на север воспрепятствовали здесь горы²⁾, они же ограничили распространение его на запад до 130° меридиана, а на восток до 153° в.д. (от Фер-

личество составит площадь, превышающую во много раз теперешнюю площадь полей. По официальным данным, в Якутской Области засеивается всего от 10 до 12 000 десятин (Пам.книж. Як. Об., 1891 г., 159 стр.). Во всех известных мне земледельческих районах распахана только крошечная часть годных для обработки мест. Жалобы на земельную тесноту объясняются не недостатком земель, а недостатком рук и капиталов, необходимых для расчисток площадей, занятых лесом. Насчет этого, между прочим, я нашел интересную справку у Миддендорфа: в начале этого столетия топографы, занимавшиеся съемкой Алданского хребта, исчислили количество пахотной земли между Леной и Алданом в 5 700 десятин. В настоящее время в этой местности засеивается ежегодно не меньше этого количества, и все-таки много еще остается годных земель, и земледелие продолжает расти. Количество земель под посевом, по официальным данным в 1889 г.:

Якутск. Окр.	6 186 дес.
Олекминск	4 829 дес.
Вилюйск	1 185 дес.
Итого	12 200 дес.

Общую площадь полей нужно считать почти вдвое, так как ежегодно половина их отдыхает.

1) Маак нашел огороды приблизительно под этою широтою, в урочище Мунду-Кель.

2) Были попытки, пока неудачные, перенести хлебные злаки на север от внутреннего горного пояса. В Верхоянске я видел в 1891 г. крошечные заброшенные пашни, на которых был посеян ячмень купцом Н.Гороховым. Позднее П.Войноральский пробовал сеять хлеб и даже получил вполне зрелые колосья. То же самое удалось в 1891 г. С.Шаргородскому в Верхне-Колымске. Выращенные им колосья ячменя были пересланы г.Черским в Академию наук. В начале же этого столетия подобные опыты производились на р. Моме и Омекон (Индибирка), южнее Зашиверска, предание о чем сохранилось среди тамошних жителей.

ро), и на юге горы широкой бесплодной ¹⁾ полосой отделяют якутский земледельческий район от земледельческого района верховьев Лены. Таким образом, этот самый северный земледельческий пост Азии представляет собою, в силу топографических условий, замкнутый остров, вернее — архипелаг островов, так как каждый из трех его крупных земледельческих центров, Якутский, Вилюйский, Олекминский, тоже отдален друг от друга широкими, в несколько сот верст полосами, малонаселенными и еще не подвергшимися земледельческим опытам.

Каждый из этих округов, в свою очередь, представляет архипелаг незначительных полей, вкрапленных в необозримые леса и болота; в некоторых только местностях поля сливаются в более значительные и связные группы ²⁾. Они находятся, главным образом, в зависимости от густоты населения и топографии местности, так как до сих пор здесь местные и побочные обстоятельства играют в вызревании хлеба весьма важную роль; положение пашен на южных скатах, защита от северо-западных сухих и стремительных ветров, не слишком жирная почва, от которой хлеб сильно идет в лист и нежится, отдаленность вредных болотистых испарений решают часто гибель или удачу посева.

В настоящее время значение этих условий сильно ослабело для якутских хлебов. В сравнении с теми временами, когда Миддендорф писал о тамошних хлебах, они приобрели значительно большую устойчивость против засухи, морозов и инея; сократили время роста и вызревания, применились к почве и влаге; тем не менее и в настоящее время, когда инородцам приходится впервые распахивать небольшой участок, они строго соотносятся с выше приведенными эмпирически дознанными условиями. Только там, где уже расчищены крупные площади, где пашни,

1) Насколько бесплодие почвы и суровость горного климата этой полосы мешают земледелию и насколько мешает ему здесь золотопромышленность, составляет еще вопрос. В прошлом, например, столетия сеяли хлеб на Витиме и опыты были удачны; на Нюе и Пеледуде якуты сеют хлеб и посейчас. Они же пробрались со своими пашнями и в самую середину горной страны, на р. Мую, где на 1 400 м над уровнем моря у них прекрасно родится ячмень. "Долина Муи и Парамы изобилует сенокосными лугами и сосновыми борами; вместе с долиной Мамукана они составят площадь в 5 000 кв. верст" (И.А. Стрежнев. Рукописные заметки, собственность Вост. От. Имп. Геогр. Общ. в Иркутске).

2) Группы эти находятся: в окрестностях г. Якутска, Олекминска, Амгинского селения, на Чурепче, в долине Намской Инород. Упр., в долине западной Кангалаской Инород. Упр., в южных наслегам Амгинско-Ленского плоскогорья; вообще около улусных управ и родовых правлений... около селения Нюрба, в Сунтарской излучине.

сливаясь, образуют поля в сотни десятин, хлеб до некоторой степени освобождается из-под власти этих частичных законов и становится в большую зависимость от общих культурных и климатических условий.

Земледельческая культура находится здесь еще в самом первобытном состоянии; что же касается климата, то главными врагами хлебов являются: ранние заморозки, июньские инеи, летние сухие, холодные северо-западные ветры, а главное, *неравномерное распределение* летних осадков.

Не общая сухость климата, а именно недостаток дождей в первой половине лета составляет, по нашему мнению, главную помеху своевременному вызреванию хлебов и вообще урожая. То же самое единогласно признают местные жители, говоря: "дожди на Троицу и на Петров день — народ с хлебом" (Намский улус). Мало того, если через каждые 10 — 15 дней не перепадает хотя небольших дождей, то при здешних страшных жарах и суглинистом характере почвы один дождь, как бы он ни был обилен, мало приносит пользы: вода быстро стекает, смочив землю не больше, как на $1/2$ дюйма, затем быстро испаряется, оставив корни хлебов не увлажненными. Между тем в первую половину лета, когда растительность наиболее нуждается во влаге, выпадают редкие и проливные дожди.

Иногда не 10, а 40 дней проходят без капли дождя или падает его так мало, что он не в состоянии "прибить пыль". Тогда мало-помалу окрестности приобретают унылый, опаленный вид. Рост трав и хлебов приостанавливается, они как-то суживаются, "заостряются" и подсыхают. Если к засухе присоединяются сухие туманы или дым лесных пожаров, которые не позволяют сильно понижаться температуре и ночью мешают падать росе, жизнь растений превращается в непрерывный горячечный бред. Ночь ничем не отличается от дня, они одинаково светлы и серы, воздух все время удушлив и зноен. Хлеба, поднявшись на два, три дюйма над землю, спешат пойти в трубку и образовать жалкие колосья, состоящие обыкновенно из одного, двух зерен. Масса семян не всходит. Черные пашни, едва покрытые скудным руном, накаляются и сохнут все больше и больше. Земля до того ссыхается, что превращается в плотный твердый кирпич, который якутская соха не в состоянии резать. На солнцепеке температура достигает 50° Ц.

Такие засухи вредны не только потому, что убивают хлеба, но и потому, что приостанавливают пахоту, мешают жителям приготовить достаточно паров под будущие посевы. Они имеют еще одно, уже безусловно губительное для хлебов последствие — вызывают иней. Жителям хорошо известно, что, если после продолжительной и сильной засухи вдруг выпадает обильный дождь, а к ночи прояснится и ветер притихнет — быть инею. Я сам наблюдал такой иней, вызванный проливным дождем после продолжительной засухи, в Намском улусе 1887 году 4 июля (по

новому стилю). Ночью было очень холодно, и те лучшие хлеба, которые еще не погорели от засухи, но зерно которых еще не окрепло, были убиты.

Такое же явление я наблюдал в Баягантайском улусе над Алданом 1886 году.

Иногда появление инея распространяется не только на ту местность, где выпал дождь, но и на соседние, где дождя не было, особенно после грозы с градом. Явление это делается вполне понятным, если примем во внимание, что здесь, несмотря на страшные дневные жары июня и июля, в тихие безоблачные ночи температура воздуха падает до +5 и даже до +2,5 градусов Ц. и что вполне достаточно прибавки того незначительного охлаждения, какое приносят с собою выпавшие массы льда или быстрого испарение воды, пролитой на сухую горячую почву, чтобы вызвать мороз и иней.

Занимаясь в продолжение 7 лет земледелием в Якутской области, понятно, что я сильно интересовался явлениями природы, связанными с сельским хозяйством. Я пробовал вести систематические ежедневные записи этим явлениям, и, когда мне удавалось доставать на некоторое время термометр, я измерял температуру почвы на пашнях и температуру воды днем и ночью в ближайшем озере; некоторые из этих записок у меня сохранились. Привожу запись, касающуюся того засушливого периода 1887 года., который непосредственно предшествовал выпадению инея по всей Намской долине ¹⁾).

1) Считаю нужным, для большей ясности, сказать несколько слов о местности, где я жил в промежуток времени от 1887 до 1892 г., так как большинство наблюдений над произрастанием хлебов было сделано мною именно там. Местность эта представляла слегка волнистую, просторную равнину, в большей своей части расчищенную от леса. Урочище, где стояла моя усадьба, называлось "Тысагас сиебыть" (съеденный теленок) и отстояло на 5 верст к северу от Намской Упр. и на 105 от Якутска. Усадьба занимала открытую ложбину, шириною в 200 сажений; по дну ложбины тянулись болота и ряд небольших озер; на запад, верст на 10, простирался сплошной лес, вплоть до берегового Ленского хребта; на северо-восток, вперемежку с небольшими березовыми и лиственничными рощами, верст на десять, шли скопческие и якутские пашни; в двух верстах, на юго-восток от полосы пашен, начинались прибрежные ленские луга, а в 3 верстах протекал ближайший проток Лены; на юге лощина усадьбы выходила на якутские выгоны — открытое, степевидное, совершенно безлесное, слегка волнистое пространство, занимающее с лишком 500 десятин. Жилой дом стоял посреди лощины, на восточном ее откосе, вблизи небольшого озера; мои пашни располагались на том же откосе, к югу от дома образуя 4 участка в 2 — 3 десятины каждый, открытых к югу и отделенных друг от друга узенькими полосами леса. На вершинах релок почва была супесчаная, ниже, на откосах — суглинистая (красный, "пшеничный", как здесь называют суглинок, свой

От посева, который в тот год я начал производить 18 мая (по новому стилю), до 11 июня выпало всего три дождя: 18 мая ночью — очень небольшой; 30 мая — промочил землю всего на полдюйма; 6 июня — проливной, промочивший землю на 2 дюйма; да 10 июня, в полдень, небольшая гроза с ливнем и градом, длившаяся всего несколько минут. Грозовые тучи пришли с юго-востока, при слабом восточном ветре. Ночью тихо, влажно и тепло.

11 июня (днем). Облачно, слабый ветерок меняет направление, облака плывут независимо от ветра.

12 июня. Облачно, ветер слабый и неопределенный. Вечером тихо, небо совершенно чистое, ночь холодная, роса обильная; термометр перед восходом солнца упал до +4 градусов R. ¹⁾, поверхность озер слегка дымилась.

ственный, главный образом, долине Лены), подпочва — желтый песок. Хлебородный слой залегал от 4 до 12 дюймов толщиной. Местность славилась некогда своим плодородием, но я застал ее уже порядочно истощенной. Кроме того, находясь в центре земледельческого района, усадьба все больше и больше страдала от бездождия, вызываемого непрерывно возрастающей кругом площадью безлесья. По моим наблюдениям, за 7 лет дожди все больше падали по окраинам, минуя эту самую обнаженную часть долины. Впрочем, описанная мною засуха и иней, как последствия ее, коснулись всей приленской Намской долины от "Сургуева Камня" (юг) до "Кононкина Креста" (север) — два лесных горных мыса, замыкающие озеровидное уширение этой части древней речной долины.

1) Наблюдения производились по термометру Реомюра; термометр был новый, но плохой и невыверенный. Тем не менее сообщаю его показания, как не лишённые некоторого условного интереса, касающиеся отношений температуры почвы, воздуха и воды. Пользуясь этим термометром, я утешал себя, что сосед мой, врач, за отсутствием лучшего, принужден был тоже проверять им температуру своих больных.

	Время	Часы	Минуты	Температура воздуха		Температура земли	Температура воды	Температура, до которой падал термометр, обсыхая	ПРИМЕЧАНИЯ
				На солнце	В тени				
13 июня	день	1	—	+ 30	+ 21	—	—	—	Тихо, безоблачно
	вечер	10	—	—	+ 10	+ 13	+ 14	—	На восточном и северном небосклоне высокие облака
	ночь	12	—	—	+ 7 ¹ / ₂	+ 11	+ 16	—	Роса не обильна, поверхность озер слабо дымится
	ночь	2	—	—	+ 6	+ 8	+ 15	—	
14 июня	утро	4	—	—	+ 8	+ 10	+ 15	—	
	день	1	—	+ 21	—	+ 23	+ 18	+ 14	Тихо, ясно; там и сям на небе высоко белые облака, называемые населением "засушливыми" (курам былыт)
	вечер	7	—	+ 23	—	+ 25 ¹ / ₂	+ 18	+ 13	
	вечер	10	3	—	+ 11 ¹ / ₂	+ 12 ¹ / ₂	+ 16 ¹ / ₂	+ 8 ¹ / ₂	Солнце заходит
15 июня	ночь	12	—	—	+ 7 ¹ / ₃	+ 9 ¹ / ₂	+ 16 ¹ / ₂	+ 10	
	утро	2	15	—	+ 6	+ 7 ³ / ₄	+ 14 ³ / ₄	—	Восход солнца. Тихо, небо чистое, роса обильна
	утро	11	—	—	+ 20	+ 29	+ 17 ¹ / ₂	+ 15	Легкий восточный ветерок, облаков мало
	по полуд.	4	—	—	+ 27 ¹ / ₂	+ 39	+ 19	+ 14 ¹ / ₂	
	вечер	9	—	—	+ 15	+ 18	+ 19	+ 14	
16 июня	ночь	12	—	—	+ 10	+ 12	+ 18	+ 12	Поднялся довольно сильный ветерок, росы мало
	утро	11	—	—	+ 27	+ 27 ¹ / ₂	+ 18	+ 13 ¹ / ₂	Южный ветер, небо чистое
	по полуд.	3	—	—	+ 23	+ 37	+ 19 ¹ / ₂	+ 14 ¹ / ₂	Небо совершенно чистое; очень слабый ветерок
	вечер	9	—	—	+ 19	+ 17	+ 18	+ 13	
	ночь	1	30	—	+ 4 ¹ / ₂	—	—	—	Обильная роса
	утро	11	—	—	+ 15 ¹ / ₂	+ 27 ¹ / ₂	+ 19	+ 13	Тихо, ясно. Под вечер стали собираться тучи, но сильный южный ветер разогнал их. Ночью обильная роса

От 16-го до 26-го все такие же тихие или слабо ветреные, жаркие дни, то совершенно ясные, то слабо облачные. Хлеба начали гореть. 23-го, ярица, посеянная месяц тому назад, стала колоситься. 26-го под вечер, при совершенно тихом воздухе, над окрестностями повис сухой туман. Душно, как в бане. Мгла. Вечером 30-го стали сверкать молнии, упало несколько капель дождя; северный и восточный ветры прогнали туман. Тем не менее дождя не было еще 4 дня; тучи кружились над долиной взад и вперед, роняли всего по несколько капель и мешали падать росе, от чего хлеба еще больше горели. Только 4 июля, в полдень, случилась гроза, последствием которой был ночной мороз и иней.

Как ни несовершенны мои наблюдения, но из них ясно видны причины, вызывающие последнее явление: воздух был настолько сух, испарение до того быстро, что термометр, вынутый из воды, обсыхая, падал неизменно на 4 — 5, а случалось и на 8 градусов. После проливного дождя влажная, сильно охлажденная почва переставала быть той печью, излучение которой поддерживало ночами падающую температуру воздуха; наоборот, почва сама поглощала тепло, и в результате явилось временное охлаждение более низких слоев воздуха до нуля, даже до минуса *одного и двух* градусов.

Как на признаки того, что инея не будет, несмотря на благоприятные для него условия, местные жители указывают на следующие обстоятельства: "Инея не будет, если на небе есть хоть небольшая тучка, если подул ветер, если после дождя солнце хорошо пригрело и подсушило землю" (Намский ул. 1888 г.).

Инеи и заморозки являются не только как результат выше описанных совпадений; в иные годы случается, что температура просто вследствие продолжительности сухих холодных северо-западных ветров или по неизвестным причинам падает на огромном пространстве так низко, что до точки замерзания остается какая-нибудь дробь градуса. При таком понижении, особенно под осень, с наступлением затишья и при совершенно ясном небе можно наблюдать на полях нечто вроде "пятнистого инея" или, вернее, "пятнистого мороза". Не знаю, как иначе назвать эти полосы познобленных злаков рядом с совершенно нетронутыми, причем *степень зрелости* хлебов играет играет второстепенную роль. Главную роль, как я уже заметил, играет тогда качество и положение почвы. Замечено, что меньше бьет морозом хлеб, посеянный на буграх, чем на низких или ровных полях, что инеи предпочитают почву тяжелую, солонцеватую, глинистую почве песчаной; что в таких случаях больше страдают расте-

ния в местах, закрытых со всех сторон, чем в открытых, на небольших, окруженных лесом пашнях, чем на просторных полях ¹⁾).

Якутские хлеба переносят прекрасно низкие температуры, даже очень близкие к нулю, лишь бы не ниже его. Даже продолжительные холодные северные и северо-западные ветры, заставляющие людей надевать шубы, не особенно вредят им ²⁾. Правда, такие ветры приостанавливают развитие, рост и созревание хлебов, во время их цветения отряхивают и уносят вон из полей цветовую пыль, а во время налива сушат зерно и умаляют вес его, но само растение не убивают и не калечат, как, например, инеи, и оно, при наступлении благоприятных условий, быстро поправляется и нагоняет потерянное. Я помню такой случай: 23 июля 1889 года, когда большая часть хлебов только что налилась и зерно было еще совершенно мягко, выпал поутру, при +0 температуры и сильном северо-западном ветре, обильный снег. Снег быстро таял, но упало его в общей сложности почти $\frac{1}{2}$ дюйма. В полдень температура поднялась до +18 градусов R, а ночью упала до +6 градусов R. Мороза не было, тем не менее все с тревогой ожидали последствий такой холодной ванны для хлебов. К удивлению, хлеба от них ничуть не пострадали, и урожай был прекрасный ³⁾. Хотя летние инеи и заморозки случаются здесь чаще, чем в других хлебородных местах Сибири, но они, по нашему мнению, не могут служить препятствием к водворению в крае земледельческой культуры. Во-первых, явление это можно сильно ослабить правильной расчисткою лесов, во-вторых, оно и теперь довольно редко как повсеместное, а потому, с точки зрения общей экономии страны, все-таки выгоднее производить хлеб на месте, чем привозить его издалека.

Относительно "расчисток" и осушки полей надо заметить, что инеи и заморозки случаются реже всего в окрестностях Якутска, где находится чуть ли не самая обширная из площадей, оголенных землепашцами из-

1) В Никольской слободе Намск. улуса (в 10 вер. от Намск. Инор. Управы) при мне был случай, что летний заморозок убил огурцы и повредил картофель у богачей, огороды которых были обнесены, в защиту от ветра, высокими плотными оградами, и пощадил огород бедняков, где таких оград не было. Этот же мороз убил огурцы, посаженные на завалинке, в закрытом дворе, и не тронул их на высокой, но совершенно открытой грядке, в той же усадьбе, в нескольких саженьях расстояния.

2) Нередко температура, в продолжение двух — трех суток колеблется между 8 и 2 градусами тепла.

3) Записки 1889 г. В. Серошевского. О снеге, выпавшем того же дня при северном ветре, в окрестностях Якутска, говорится в Обзоре Якут. Обл. за 1889 г. стр. 4.: "22 июля, того же года, в Вилуйском окр., был мороз ночью; от него сильно пострадали яровые хлеба, озимые же, поспевшие к этому времени, остались невредимы". Там же: "22 июля в окрестностях Якутска была первая гроза".

под леса. Между тем, в старину там сильно жаловались на иней ¹⁾. То же самое замечается в Намской долине, где с водворением скопцов (в конце семидесятых годов) расчистка леса сделала большие успехи ²⁾. По словам населения, инеи там уменьшились. Конечно, расчистки производятся не с этой целью; ведутся они беспорядочно, без соблюдения полезной лесной чересполосности, тем не менее результаты их пока нужно признать за положительные. Только там, где долины подверглись оголению в больших размерах, чувствуется другая сторона расчисток — засухи. Горы и лес привлекают к себе дождевые тучи, а над обнаженной частью долины в засушливый год дождей падает меньше ³⁾.

Мне всегда казалось, что низко плывущие облака, начавшие уже дождить, встретив такое накаленное пятно, вдруг подымались вверх, точно подброшенные снизу мощным дуновением. Плывя дальше, над лесом или рекою, они опять опускались и опять из них лил дождь. Если принять во внимание признанный здесь недостаток дождей в первую половину лета, ежегодно мешающий успешному росту трав и хлебов; если прибавить к тому стремление засухи возрастать с увеличением засеваемых площадей и связь ее с самыми опасными видами инея, то нельзя не признать, что засуха является самым опасным врагом якутского земледелия. Среди лета инеи редки, чаще всего они выпадают по осени и настоль-

1) Гмелин. Reise II, 1752, стр. 519. По этому поводу припоминаю характерный ответ тункинского крестьянина (Тунка Иркутск. губ., верст 100 на юг от Байкала), на вопрос: как рожь хлеба в их долине сравнительно с прошлым? "Леса были — были инеи; лесов не стало — засуха донимает", — ответил он. Тункинская долина, некогда сплошь покрытая лесом, по показаниям старожиллов и по мнению такого опытного лесовода, как О.В.Маркграф, теперь представляет обширный степной оазис, на котором встречаются только редкие кустарники да одинокие матерые деревья, свидетели далекого прошлого. Лес отошел на окраины, на покатоности окружающих долину гольцов.

2) По официальным данным, было очищено из-под леса и осушено озер и болот:

		1885 г.			1889 г.		
		из под леса, болот и озер			из под леса болот и озер		
Якутский	Округ 13	десятин 80	десятин 580	десятин 32	десятин		десятин
Виллойский	» 31 ¹ / ₂	» 39 ¹ / ₂	» 054	» 29	»		»
Олекминский	»	—	—	055 ¹ / ₂	» 28		»

Цифры эти, однако, далеко ниже действительных.

3) В Намском улусе дождей падает больше всего вблизи высокого лесного мыса — Кононкин Крест; в долине Якутска, около такого же мыса — Кангалаский Камень.

ко поздно, что прихватывают только запоздавшие хлеба. За семь лет, доступных моему наблюдению, было только два июльских инея, распространившихся на более обширные районы и сильно повредивших хлеба: в 1885 г. (числа не помню) во всем Якутском округе, особенно в Намской долине, затем в 1888 году, 29 июня, в долине города Якутска. Между тем засуха в продолжение известных мне 7 лет случалась ежегодно. Всюду на нее жаловались, всюду она замедляла рост хлебов.

Если влажность почвы вознаграждает растение хотя отчасти за сухость воздуха, то оно развивается быстро, успешно и вызревает скоро. Это можно наблюдать на посевах, произведенных на дне недавно спущенных озер¹⁾, да на новях, где, естественно, первые два - три года подпочва отличается большей влажностью.

Требуется некоторая соразмерность влажности и тучности почвы, так как на очень жирных и в то же время сырых местах хлеб, как мы это говорили выше, долго нежится. В общем, срок вызревания местных хлебов значительно короче, чем в южной полосе Сибири. Самый короткий из отмеченных сроков равняется:

для ячменя	71 дню, посеяно	19 мая, созрело	30 июля, сам-урожай	три
» пшеницы	77 дням,	» 18 »	» 4 авг.	» » два
» ярицы	80 »	» 20 »	» 7 »	» » »

(Намский улус, 1887 год).

Самый длинный из известных мне периодов произрастания был не больше ста дней. Средний срок можно принять в 80 — 90 дней; именно: посеянное в половине мая созревает в половине августа; таков период произрастания хороших хлебов в урожайные годы.

На сокращение периода произрастания влияла, без сомнения, все совокупность своеобразных растительных условий страны. Раздражающая сухость воздуха, зной, значительные колебания суточных температур и холод подпочвы играли, верно, немалую роль²⁾, но впереди всех этих условий стоит безусловно длина летнего дня. Общая сумма тепла, доставляемая солнцем в данную местность, занимает уже второе место. В Олекминске, где дни короче, хлеба растут и зреют дольше, хотя сумма

1) Маак, часть III, стр. 159.

2) Миддендорф указывает на них как на сильные биологические факторы, взятые даже порознь. О.В.Маркграф в разговоре по поводу якутского земледелия, указал мне на низкую температуру, до которой зимой здесь промерзают семена, как на фактор, ускоряющий, по его мнению, прорастание (Иркутск, 1893 года).

общего тепла больше, чем в Якутске, и такая же степень дневного зноя¹⁾).

Подбор и наследственность закрепили мало-помалу за якутскими хлебами эту укороченную растительную дугу. Даже в иных климатических и световых условиях они сохраняют ее в продолжение нескольких поколений. В этом отношении огромный интерес представляют опыты посева якутских семян на "образцовой ферме" Иркутской губ.²⁾. Из них оказалось, что в 1889 году разница растительного периода:

для якутского и местного ячменя	= 7 дням.
для якутской пшеницы и пшеницы кубанки	= 15 "
для якутской ярицы и гессельбергской	= 19 "

1) Миддендорф полагает, что под 62° с.ш. (в Якутске) ячмень для своего роста и созревания требует меньше 750 градусов R в общей сложности (часть I, стр. 752).

2) Сведения об этих опытах я получил от г. Н.Дмитриева, который лично наблюдал за ними на упомянутой ферме. Ферма была устроена в семи верстах от села Черемхово Балаганского окр. (53 1/6° с.ш. и 120 2/3° в.д.), в 160 вер. от Иркутска, в настоящее время она не существует. Так как опыты эти пока единственные, то привожу доставленное мне любезно сообщение полностью, в подлинных словах г.Дмитриева:

Посев 1889 года

	Время посева	Прорастание зерна	Появление всходов	Начало колошения	Начало цветения	Время созревания и уборки	Растительный период
Гессельбергск. ярица	4 мая	8 мая	12 мая	12 июня	26 июня	18 авг.	105 дней
Якутская ярица	27 мая	—	31 мая	1 июля	15 июля	22 авг.	86 дней
Разница растительного периода на 19 дней.							
Пшеница-кубанка	8 мая	—	—	1 июля	—	24 авг.	107 дней
Якутская пшеница	19 мая	31 мая	2 июня	4 июля	15 июля	20 авг.	92 дня
Разница растительного периода на 15 дней.							
Ячмень местный	23 мая	—	31 мая	—	—	20 авг.	88 дней
Якутский ячмень	27 мая	31 мая	—	—	15 июля	17 авг.	81 день
Разница растительного периода на 7 дней.							

"Наблюдения эти показывают, что якутские хлеба значительно быстрее поспели, чем местные (взятые для сравнения гессельбергская ярица и пшеница-кубанка давно уже культивируются в описываемой местности, и период их произрастания несколько не отличается от местных хлебов). Так, растительный период якутской ярицы оказался на 19 дней короче гессельбергской ярицы; растител. период якутской пшеницы на 15 дней короче того же периода кубанки, и период произрастания якутского ячменя оказался короче на 7 дней местного. Эта разница еще более обнаружится, если мы при-

В следующем, 1890 году, хотя якутские хлеба и удлинили период произрастания, но все-таки опередили другие хлеба, именно: якутская пшеница — пшеницу - кубанку дней на 12; якутская ярица — гессельбергскую ярицу дня на 23, а забайкальскую — на 16.

Отсюда можно заключить, что сокращенный срок вызревания якутского хлеба теперь не есть только результат наличных физических условий для каждого данного случая, но также некоторый внутренний, наследственный стимул, развитый приспособлением.

Нужно видеть поле полужрелого якутского хлеба, пораженное две ночи сряду осенними заморозками, чтобы понять, как систематично здесь действует естественный подбор. Все те колосья, которые почему-либо хоть на незначительную долю опередили соседей, не только выносят ночной мороз, но и успевают в промежуточный день настолько укрепиться, что второй мороз, уже более сильный, не мешает им дать семена.

Замечательно также, что время вызревания хлебов сообразно местам, где они растут, меньше среднего количества безморозных дней, отделяющего холода весенние от осенних инеев и заморозков.

Внимание, что в 1889 г. в описываемой местности был недород и все хлеба раннего и среднего посева пострадали от засухи, потому что слишком ранняя весна (в конце марта на полях уже не было снега), с палящим солнцем днем и морозными утренниками, слишком иссушила землю. Дожди в начале мая не задержали всходов гессельбергской ярицы и кубанки, и те довольно хорошо вышли в трубку; но начиная от этого момента до начала колошения, когда растения требуют наибольшего количества влаги, хотя и выпадали дожди (с 3 июня по 2 июля три небольших дождя), но ясная и жаркая погода (напр., 18 июня 28° R в тени) не давала почве поглотить все осадки и воспользоваться ими растениям, которые заострились, а недостаток влаги от цветения до вызревания вызвал вынужденную спелость зерен; все это сильно сократило период произрастания всех ранних посевов, в том числе и гессельбергской ярицы и кубанки. Тогда как якутские ярица и пшеница, посеянные в конце мая, развивались, так сказать, при более нормальных условиях... Что распределение осадков действовало именно в указанном направлении, видно из того, что один и тот же овес, посеянный 27 мая, сравнительно с овсом, посеянным 8 мая, дал более длинный период произрастания".

"Теоретически очень легко объясняется физиологией растений сокращение или удлинение периода произрастания каждого культурного растения, перенесенного в иные климатические условия, под влиянием различного количества и распределения осадков, а также от количества солнечных лучей. Но вопрос о константности периода произрастания и причинах, почему одно растение при различных климатических условиях все-таки сохраняет свой период произрастания (скороспелые сорта), а другое нет, и насколько, является в науке далеко не выясненным".

"Привожу ниже сравнительную таблицу наблюдений, произведенных мною там же над якутскими семенами (урожая 1889 г.) в 1890 году:

Выше мы говорили о среднем времени произрастания, теперь приводим средние количества безморозных дней, вычисленных нами для округов:

Вилуйского	=	96 дням
Якутского	=	99 дням
Олекминского	=	105 дням

Время произрастания хлебов можно разделить на следующие периоды: от посева до начала прорастания зерна 1,5 — 6 дней

прорастание до всхода	3 — 15 дней
всхода до колошения	30 — 50 дней
колошения до цветения	4 — 12 дней
цветения до созревания	20 — 35 дней
Итого	58,5 — 118 дней

	Время посева	Прорастание зерна	Появление всходов	Начало колошения	Начало цветения	Время созревания и уборки	Растительный период
Гессельберг. ярица	26 апр.	02 мая	08 мая	18 июня	05 июля	22 авг.	117 дней
Забайкал. ярица	01 мая	05 мая	12 мая	—	05 июля	20 авг.	110 дней
Якутская ярица	14 мая	—	22 мая	21 июня	07 июля	18 авг.	094 дня

Разница растительного периода якутской ярицы 23 дня (с гессельбергской ярицей) и 16 дней (с забайкальской ярицей).

Пшеница-кубанка	04 мая	—	16 мая	7 июля	—	28 авг.	113 дней
Якутская пшеница	09 мая	12 мая	19 мая	3 июля	18 июля	20 авг.	101 день

Разница растительного периода 12 дней

Она показывает, что якутские хлеба, хотя и удлиннили период произрастания (против 1889 г.), но сравнительно с местными все-таки период произрастания якутской ярицы оказался в 1890 г. короче растительного периода гессельбергской ярицы на 23 дня, а забайкальской на 16 дней; растительный период якутской пшеницы оказался короче периода произрастания кубанки на 12 дней. Тот факт, что гессельбергская ярица в 1890г. удлиннила свой растительный период на 12 дней (117 в 1890 г., 105 в 1889 г.), а кубанка на 6 дней (113 — 107), подтверждает сделанное мною выше предположение, что растительный период этих хлебов в 1889 г. был значительно сокращен, тогда как 1890 г. отличался наиболее благоприятным распределением и количеством осадков, споспешествовавших прекрасному урожаю, и растения развивались при более нормальных условиях".

Первая комбинация никогда не случается, так как хлеба сильные, взопевшие быстро, в благоприятных условиях, обыкновенно удлиняют срок колошения; вторая комбинация, хотя и случается, но никогда почти не уходит от мороза. Лучшие урожаи дает приблизительно такая комбинация:

прорастание	1 ¹ / ₂ дня
всходы	3 дня
колошение	10 дней
цветение	10 дней
созревание	30 дней
Итого	84 ¹ / ₂ дня

Этот итог очень близок к среднему нормальному, но распределение времени редко отвечает приведенной схеме. Различные периоды то удлиняются, то сокращаются сообразно совпадающим с ними климатическим явлениям. Замечено, что буйные хлеба с тяжеловесным полным зерном удлиняют главным образом период налива и вызревания, между тем как период роста стебля, вплоть до образования колоса и цветения, остается равным среднему или даже сокращается, если своевременно выпадали дожди и стояла теплая погода. Благодаря этому, здесь часто случается, что хлеба, посеянные много позже, нагоняют, даже опережают хлеба, посеянные раньше, но *вначале* пострадавшие от засухи, или весеннего заморозка.

Сеять начинают в Якутском округе не раньше 6 мая (24 апреля)¹⁾.

Если весна была дружная, тихая, не особенно ранняя, почва снеговой водой увлажнилась равномерно, прогрело ее хорошо, то семена, брошенные в нее, прорастают чрезвычайно быстро, и всходы получаются ровные и густые. Быстрее других всходят ячмень и овес, затем ярища, наконец пшеница.

1) По крайней мере это самый ранний из известных мне посевов. Вот список точно установленных посевов:

1835 год	27 (15) мая	1841 год	18 (6) мая
1836 »	1 июня (20 мая)	1842 »	14 (2) »
1837 »	24 (12) мая	1843 »	30 (18) »
1838 »	22 (10) »	1887 »	18 (6) »
1839 »	13 (1) »	1888 »	12 мая (апр.)
1840 »	8 мая (26 апр.)	1889 »	13 (1) мая

Дальнейший рост хлебов зависит от того, насколько влажна подпочва, которая в то время на глубине 6 дюймов остается мерзлой и которую вследствие этого снеговая вода увлажнить не может. Если поздно по осени перепадали большие дожди и промочили высушенную июньской засухой землю насквозь до вечномерзлых слоев ¹⁾, то хлеба долго и вполне успешно могут развиваться, расти и куститься без дождя, питаясь этой постепенно оттаивающей влагой. В противном случае они не так буйно разрастаются, руно с трудом покрывает пашню, и она, не прикрытая зеленью, сильно высыхает. В таких случаях, если не перепадало двух-трех хороших дождей, хлеба на 20-й или 30-й день после посева, смотря по сорту почвы и ее плодородию, начинают "гореть", т.е. желтеть и сохнуть. Слабые хлеба, на слабых или старых почвах, начинают гореть скорее. Хлеба молодые дольше сопротивляются засухе, чем хлеба подростшие. Прежде всего приостанавливается рост хлебов, семя перестает давать новые побеги от корня, не "кустится", идет в трубку, и в результате является колос маленький и чахлый. Даже если впоследствии выпадают дожди, зерна такого колоса никогда не достигают полного веса и настоящей величины. Мешок хорошей негорелой пшеницы, весом в 5 пудов 10 фунтов, насыпанный горелым зерном, весит всего $4\frac{1}{2}$ пуда. Другие хлеба дают еще большую разницу, особенно ячмень.

Засухи этого периода губельнее всего отражаются на урожае пшеницы. Правда, она начинает желтеть и ссыхаться нередко позже ячменя, но она торопливее его на-колос и не так быстро поправляется после дождя. Ярица на-колос еще торопливее пшеницы, но период ее цветения длиннее и потому ей легче дожждаться более удобных для налива условий. В благоприятные годы ячмень кустится роскошнее всех и быстрее всех растет.

В 1889 году, который был самый урожайный из наблюдаемых мною, дожди перепадали в мае и июне, и температура этих месяцев была очень высока. Хлеб рос и кустился чрезвычайно буйно ²⁾. Измерения роста

Три последних числа относятся к Намской долине, где обыкновенно посев запаздывает дней на 5 в сравнении с Якутским. Остальные числа взяты у Миддендорфа, ч. I, отд. IV, прибавл. 1.

1) Случалось, что после засушливого года и сухой осени, подымая в июне пары, вскрывают уже на глубине $\frac{1}{2}$ фута слой сухой, как зола, серой почвы, которую снеговая вода не могла промочить. Глубже под ним фута на три опять начинается влажная почва.

2) В мае на солнце температура очень часто подымалась до $+27^{\circ}$ Ц. 8 июля я отметил даже $+40^{\circ}$ Ц. на солнце и $+26^{\circ}$ Ц. в тени. Самая высокая из температур имела место 18 июня, именно: $+47,5^{\circ}$ Ц. на солнце и $+30^{\circ}$ Ц. в тени. После окончания посева (посевам мешали перепадавшие снега и холода), 24 мая, первые дожди выпали в мест-

вскоре после восхода давали для ячменя больше $1\frac{1}{2}$ дюйма в сутки, поднявшись на высоту десяти дюймов, дневной прирост стебля начинал уменьшаться. Количество стеблевых побегов из одного зерна у ячменя достигает обыкновенно от 4 до 7 штук; в отдельных случаях я насчитывал от 12 до 14 побегов. Ярица и пшеница редко дают больше 8 — 9 побегов, обычное количество у них 3 — 5 побегов.

Чтобы дать понятие о сравнительном ходе роста разных сортов хлеба, привожу параллельное описание сортов этого хлеба, хранящегося в Иркутском музее Географического общества ¹⁾. Они взяты в одно и то же время, из одной и той же местности, лежащей вблизи г. Якутска. Год и время посева не обозначены; следует полагать, посеяно 8 мая по новому стилю.

По этим образцам видим, что овес и ячмень опередили вызреванием пшеницу и ярицу на неделю. Из других приложенных образцов сжатого хлеба оказывается, что

ячмень жали там же и в том же году	31 (19) июля
пшеницу	4 (23) августа
овес	6 (25) августа
ярицу (рожь)	14 (2) августа

Обычный порядок созревания и жатвы всегда почти таков.

Кроме засухи первой половины лета, урожаю сильно вредят холодные северные и особенно сухие северо-западные ветры, дующие здесь ежегодно. Если они дуют в мае, то иссушают сильно ничем еще не прикрытую почву, выдувают корни растений и, задерживая более нежные всходы хлеба, позволяют глушить их сорным травам: сурепице (*barbarea vulgaris*), тарнице (*polygonum convolvulus*), смолевке (*silene inflata*), конопельнику (*galeopsis tetrahit*) и другим, не боящимся холодов. Если дуют в конце июня или в июле — сушат солому и колосья, мешают наливу, ускоряют затвердение зерна, от чего оно делается неполным и легковесным ²⁾. Иногда они очень стремительны и дуют непрерывно неделю, даже 10 дней. Тогда хлеба мучительно волнуются, ломаются, путаются, блек-

ности, где я жил, 10 и 11 июня; затем, 20-го небольшой дождик и 22-го проливной дождь с грозой (туча пришла с запада). Затем, 23 — 25 — 26 — 29 июня небольшие дожди; 30 июня проливной дождь шел сутки. 1 июля тоже дождь; 3-го опять проливной дождь; 7-го гроза, тучи пришли с юга; дождь проливной и продолжительный. 9 — 10 — 13 небольшие дожди. Затем наступает период жаркий и росистый, и только 3 августа (22 июля) выпал небольшой дождь, а 4-го (23-го) снег, о котором упоминал выше. Потом настало ведро вплоть до 13-го (1 августа). Хлеба вышли очень хорошие, средний урожай во всей долине сам-15.

1) Образцы собраны г. Приклонским. Длина соломы измерена от земли.

2) Таковы были сильные с.-зап. ветры в 1890 г. в Намской долине; урожай, обещавший быть сносным, они превратили в ничтожный, ускорив затвердение зерен.

	Длина главного побега				Количество добавочных побегов				Величина колоса				ПРИМЕЧАНИЯ			
	Ячмень	Ярица	Пшеница	Овес	Ячмень	Ярица	Пшеница	Овес	Ячмень	Ярица	Пшеница	Овес	Ячмень	Ярица	Пшеница	Овес
20 (8) июня	15"	10"	9"	8"	3	3	2	0	—	—	—	—	—	—	—	—
28 (16) июня	24"	25"	22"	18"	8	6	5	0	—	—	—	—	колос в чехле	колос в чехле	очень молодой колос в чехле	колос в чехле
6 (24) июля	30"	30"	20"	28 ¹ / ₂ "	—	—	—	0	3"	3 ¹ / ₄ "	3"	6"	цветет	собирается цвести	колос выходит из чехла	цветет
14 (2) июня	27 ¹ / ₂ "	45"	29"	30 ¹ / ₂ "	—	—	—	0	2 ¹ / ₂ "	4 ¹ / ₂ "	3"	8"	начало налива	оплодотворяется	оплодотворяется	¹ / ₂ налива
22 (10) июля	24"	—	—	31 ¹ / ₂ "	3	—	—	0	3 ¹ / ₄ "	—	—	8"	почти зрелый, годится на муку	—	—	почти зрелый, солома зеленоватая
22 июля	—	48"	28 ¹ / ₂ "	—	—	—	—	—	—	4 ¹ / ₂ "	3 ¹ / ₂ "	—	—	налив не полный, годится на муку	налив не полный, годится на муку	—

танут, и развитие их приостанавливается на все это время ¹⁾).

Проливные дожди, случающиеся во время цветения, тоже уменьшают урожай, смывая массу цветовой пыли, а чрезмерно дождливый август иногда не только мешает уборке хлеба, но развивает, особенно у дольше всех вызревающей ярицы, "головню" (*Uredo sedetum et ruliго*) и "рожки" (*sclerotium clavus*).

В общем, урожай хлебов в Якутской области, по официальным данным, очень низки. В среднем, за многие годы они равны сам-третьему зерну. На величину этой нормы, кроме неточности данных, влияют периодические неурожай, случающиеся раз в 7 — 8 лет и не возвращающие даже семян в большей части края.

Более точным указателем размеров урожаев могут служить, думаю, требования, предъявляемые ему населением.

Урожай сам-2 — 3 считается убыточным, урожай сам-5 — плохим, сам-8 — 10 средним, сам-12 — 15 хорошим, сам-20 — редким. Лучшие, известные мне урожаи ячменя на отдельных пашнях давали сам-30, даже сам-40, и раз всего мне пришлось видеть ячмень, давший умолота *сам-пятьдесят пять* ²⁾. В отдельных случаях я видел кусты в 14 побегов, вышедших из одного зерна и дававших 14 вполне зрелых колосьев. Количество зерен в общей сложности достигало четырехсот.

Овес по урожайности стоит наравне с ячменем; затем идет ярица, которая в редких случаях дает сам 40, и пшеница, о которой опытные местные хлебопашцы говорили, что она не дает здесь никогда больше сам-32. Лучшая ярица, какую я здесь видел, была пяти футов высоты, с колосом в 6^{1/2}, иногда вырастающих по два из одного стебля. С хозяйственной десятины (3200 квад.саж.) эта ярица дала 240 пудов. Посеяно было 8 пудов с небольшим.

Лучшая виденная мною пшеница, высотой в три фута и с колосом в 4 дюйма длины, дала с такой же десятины 200 пудов умолота.

Озимая рожь, некогда усиленно засеваемая в окрестностях Якутска и в Амгинской слободе, почти исчезла из севооборота. По официальным отчетам за 1890 г., в трех земледельческих округах ее было посеяно всего 69 четвертей. Теперь ее сеют почти исключительно в Вилуйском и Олекминском округах. В Якутском округе жалуются, что озимая рожь час-

1) Дующие в июне периодические с.-зап. ветры якуты, как я говорил выше, называют "останавливающими рост деревьев" (мас сыра тыэл); икольские сев.-зап. ветры они зовут "останавливающими рост трав" (от сыра тыэл).

2) Хлеб этот уродился у моего соседа, якута Намск. ул., Григория Кобелева на "чистке" (расчищенная из-под леса пашня). Солома была вышиною аршина полтора, толстая и крепкая, как тростник. Хлеб был настолько густой, что "вылегал". Сжат он чуть-чуть зеленоватым и дошел в снопах. Зерно полное, веское, крупнее обыкновенного.

то "вымерзает" и долго нежится по осени. Говорят, будто лучшие урожаи давали сам-60(?)¹⁾.

Самые лучшие урожаи дают лесовидные, суглинистые, красноватые почвы. Такие почвы я видел здесь только в долинах рек Лены и Алдана. Хлебородные земли по Амге и в "аласах"²⁾ Амгинского-Ленского плоскогорья — темные; их, по мнению Миддендорфа, следует признать видом супесчаного чернозема³⁾. По Вилюю встречается такой же чернозем⁴⁾.

Якутские почвы вообще слабы, после 10 — 15 посевов они истощаются, даже если им давали через каждый год отдых, что принято при здешней двухпольной системе. Удобрять поля не принято, вместо этого дают им отдых лет в 10 и более. Даже такой продолжительный отдых уже никогда не возвращает им их прежней силы. Лучшими почвами считаются те, что под листовенничным или березовым лесом, на буграх и откосах холмов, где вода застаиваться не могла. Плодородная почва залегает нетолстым слоем от 6 дюйм. до 3 футов; ввиду этого пахут не глубже 5 — 6 дюйм.; зерно заборанивают тоже мелко, дюйма на 4, на 5, так как глубже близость ледяной почвы по весне сильно замедляет прорастание и всходы.

Кроме ячменя, ярицы, пшеницы и овса, в долине Западно-Кангалаской Управы из других культурных растений разводят коноплю. Она растет там очень удачно и достигает высоты 4 — 5 футов, но пока семена вызревают редко. Удачные опыты посева конопли производились также отдельными лицами в Намском улусе.

Из огородных овощей наибольшим распространением пользуются картофель и капуста. Посадка этих овощей давала сносные результаты далеко за пределами земледельческих округов. Картофель сажают в Верхоянске, в Средне-, даже Нижне-Колымске. Но всюду на северном плоскогорье он мелок и водянист. Даже на южном плоскогорье он не так рассыпчат, как европейский, несмотря на то, что достигает иногда огромной величины. Я видел клубни красного, скороспелого картофеля в $1/2$ фунта весом. Отборный картофель, величиною с кулак, является в Якут-

1) Вот интересные данные, приводимые Миддендорфом относительно урожаев Амгинска:

	пшеница	ярица	ячмень	рожь озимая
1841 год	сам-23	сам-20	сам-27	сам-
1842 " "	" 19	" 22	" 33	" 17
1843 " "	" 15	" 18	" 28	" 19

2) "Аласы" — долины на плоскогорьях, обыкновенно окруженные со всех сторон лесом с озером или болотом посередине.

3) Миддендорф, часть I, отд IV., прибавл. II.

4) Маак, часть III, стр. 159.

ске для продажи целыми мешками, особенно по осени, когда на плотках и лодках его приплавливают из деревни, если не ошибаюсь, Бестяхской; там его сажают в большом количестве под соху в поле. В других местностях картофель разводят преимущественно в огородах и предпочтительно на грядах. Скопцы и старoverы Павловска ¹⁾, лучшие огородники в Якутской области, поливают картофель обязательно, хотя раз в лето. Обычный в Якутской области урожай картофеля — сам-10; лучший известный мне — сам-60.

Капуста тоже общераспространенная овощ. Я видел прекрасные, твердые кочаны в 10 фунтов весом, в том же Павловском селении. На севере капуста редко образует кочаны. Мне известен один только случай, когда в Средне-Колымске капуста свернулась в кочан; обыкновенно она дает там только большие, толстые и грубые листья. Трудно судить, насколько это результат климата или неумелого ухода, так как опыты до сих пор производились людьми хотя и радивыми, но неумелыми.

В окрестностях Якутска и даже севернее, в Намской долине, прекрасно растет цветная капуста. Я сам выращивал фиоры величиною от 6 до 8 дюймов в поперечнике.

Репу в Якутском округе сеют просто в поле, но сеять ее в хлебе, как это делают в России, избегают: она поздно всходит. В 1887 году у меня из одной ложки семян репы получилось ее 20 пудов; отдельные клубни достигали величины детской головы и весили свыше 5 фунтов.

Редьку, редиску, свеклу, морковь, репчатый лук и прочие огородные растения возделывают здесь исключительно на грядах, как огородные овощи, и хотя они дороги на рынке, но занимаются ими неохотно.

На горох смотрят тоже как на огородное растение. Известные мне посевы гороха хотя и были удачны в смысле сбора (сам-10), но достоинство его было значительно ниже привозного; он не разваривался и годился только молодым в суп. В окрестностях Якутска и в Намской долине вызревают в грядах огурцы и дают иногда богатые сборы. В парниках скопцы удачно выращивают арбузы и дыни.

Закончу этот обзор культурных растений выпиской из статьи И.Д.Черского, касающейся земледельческих и огороднических опытов в Колымском крае и в долине р. Индигирки:

"Верхняя часть долины Индигирки (Омекон, 2966' над Якутском) должна со временем дать место даже земледелию и обширному огородничеству. Здесь, как я узнал от местных жителей, производились уже опыты посева ячменя (на р. Тарин-Юрах) настолько успешные, что неко-

1) В 15 верстах от Якутска, на правом берегу Лены.

торая доля настойчивости могла бы довести это дело до желаемых результатов. Ячмень сеяли и в 35 верстах выше Омеконского родового правления, около Омеконской церкви на р. Куйтусун, где, как мне сообщали, возросло ныне несколько его колосьев в виде "паданки", т.е. от семян, упавших во время прошлогоднего сбора и выдержавших, следовательно, всю строгость зимы за 63° с.ш.; около той же церкви весьма удачно разводят картофель и некоторые другие овощи, а в нынешнем году вырастили даже огурцы.

Еще более отрадным явлением оказывается упрочившееся уже огородничество по Колыме между $65^{\circ} 1/2$ и $67^{\circ} 15'$ с.ш., хотя и в столь миниатюрных размерах, что площадь всех возделанных мест Колымского края удобно поместится в одном огороде южносибирского крестьянина.

В Верхне-Колымске мы лично видели уже три огорода (у двух священников и у псаломщика), в которых хорошо родились: картофель, репа, крупная морковь, брюква, редька, редиска, свекла, петрушка, укроп, салат и капуста, хотя последняя дает лишь немного вилок, и то недостаточно плотных.

Здесьшний священник, отец Василий Сучковский, которому я обязан многими сведениями относительно статистики и экономии Верхне-Колымского прихода, успешно вырастил здесь также немного конопли, составляющей столь необходимый материал для неводов, но достигающей здесь невероятных цен (80 к. и 1 руб. за фунт). В его же огороде вырастал лук, а у отца Стефана Попова — горох, как сахарный, так и простой. В свою очередь опыт посева льна удался в огороде псаломщика Г.А.Попова (бывшего на Сагастыре во время существования там метеорологической станции под начальством Н.Д.Юргенса).

Овощи разводят также и в Средне-Колымске ($67^{\circ} 10'$ с.ш.), составляющем крайний северный пункт огородничества по Колыме; капуста там уже вовсе не дает вилок.

Наконец в последнее время (1891 года) сделан был в высшей степени похвальный и удачный опыт посева cereалий под $66^{\circ} 1/2^{\circ}$ с.ш., в поселке Родчево (иначе Урочево), на правом берегу Колымы, верстах в 70 ниже Верхне-Колымска. Один из проживающих там политич. ссыльных, С.М.Шаргородский, всецело посвятил себя такого рода полевым работам и в местности этой, до него еще не тронутой орудием земледельца, вырастил: великолепный ячмень, немного ржи, коноплю, два сорта гороха, картофель, два сорта капусты, свеклу, брюкву, два сорта моркови и редьки, редиску и щавель. По сведениям, сообщенным мне этим, весьма интеллигентным молодым человеком:

	Посев был	Цвел	Снят
Ячмень	15 мая	3 июля	10 — 15 авг.
Рожь	17 мая	3 — 4 июля	17 авг.
Конопля	17 мая	16 — 18 июля	17 авг.
Горох простой	19 мая	3 — 4 июля	15 авг.
Горох садовый	18 — 19 мая	12 июля	15 авг.
Картофель	18 — 19 мая	11 — 12 июля	22 — 24 авг.
Капуста красная (расса- дою)	—	4 июня	17 — 15 авг.
Капуста листовая	—	12 июня	—
Свекла салатная	—	3 июня	—
Брюква	—	12 июня	—
Морковь коротель (проро- щенными семенами)	—	20 мая	1 сент.
Морковь обыкновенная	—	27 мая	—
Редька красная	—	26 мая	23 авг.
Редька длинная	—	27 мая	съедена чер- вями
Редиска	—	26 мая	27 — 30 июня
Щавель	—	25 мая	1 сент.

Из всего посеянного только рожь погибла от мороза 15 августа. Ячмень дал прекрасные колосья и зерна, образцы которых вместе с образцами семян, служивших для посева, я выслал в Академию как уникат, интересный для любого музея. Из 20 фунтов посеянных семян собрано его 3 ¹/₂ пуда. Овощи точно так же достигли желаемого развития. Картофель дал удовлетворительные клубни, хотя только два куста его были в цвету. Из посаженных шести или семи фунтов его собрано 2 ¹/₂ пуда, а из 56 зерен садового гороха вышло пять фунтов. Два экземпляра пошли в цвет в средних числах июля, как равно и некоторая часть редьки" (И.Д. Черский. Предварительный отчет об исследованиях в области р. Колымы, Индигирки и Яны, стр. 17 — 18 — 19).

Фауна

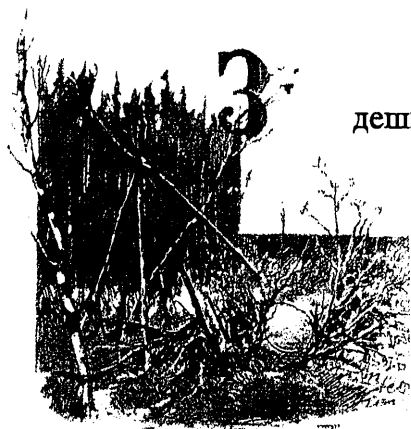

Рис. 10. Тусах — петля на зайцев.

дешние леса и тундры в большей своей части отличаются удивительной мертвенностью. Фауна их необильна, а главное, очень неравномерно распределена во времени и пространстве.

Даже во время весеннего перелета птиц небольшие оазисы, полные кипучей жизни, где непрерывный крик пернатых буквально заглушает человеческий голос, соединяются в более или менее связную нить толь-

ко в долинах рек. На плоскогорьях есть целые массы озер и долин, таких же безжизненных, как и соседние леса. Оазисы жизни отделены совершенно пустынными полосами, во много раз превышающими оживленные пространства. По ним только плотоядные бродят в одиночку, прокрадываясь от одной населенной колонии к другой, да вечно кочующие олени блуждают небольшими стадами.

Весною и летом жизнь скопляется, главным образом, над реками и озерами, на луговинах, болотах и закраинах лесов. Осенью — на тех же закраинах леса, где вообще растительность богаче, да на откосах гор, густо поросших спелыми ягодами. Сюда не только слетаются куриные, но прибредает медведь и приходят с тундры и лугов олени, меняющие с наступлением холодов летний травяной корм на лишайники.

Самые бедные в проявлении жизни, конечно, зимние месяцы: декабрь, январь, февраль. Европейец, очутившийся в это время среди здешних пустынь, будет поражен гнетущей их мертвенностью. В продолжение многих дней он рискует не услышать ничего, кроме звука собственных шагов, да глухого, морозного гула, трескающейся земли и деревьев. Ни троп, ни следов не видно. Зайцы перестают бегать и большую часть времени проводят, зарывшись в снегу; куропатки, глухари, тетерева, рябчики, которые зимуют почти по всей стране в пределах леса, взлетают на деревья чрезвычайно редко, обыкновенно с восходом солнца, на короткое время, и, наевшись досыта березовых и ивовых почек, спешат опять броситься с размаху в сыпучий снег, где тонут, точно в воде. На

поверхности торчат только головки стражей их стад. Можно набрести на птиц и не заметить, не испугать их, до того они в это время апатичны и тяжелы на подъем.

Промыслы прекращаются, и хотя якуты отдаленных северных улусов ставят луки (самострелы) на лисиц и волков, но в самое холодное время, видно, и хищники бродят меньше, а потому реже попадают в ловушки, чем в начале и конце зимы. Рыба тоже не ловится: собравшись в стаи, она дремлет без движения на дне глубоких омутов.

Все кругом неподвижно, точно в заколдованном царстве, даже снег с ветвей не осыпается, так как ветры отсутствуют, а нового снега почти не падает.

Тем более странно увидеть в то время нарядную сойку — ронжу (*garrulus infaustus*, по-якутски: кукакы), тихо перелетающую с одного омертвелого дерева на другое в поисках за семенами и за застывшей лиственничной смолой. Эту птицу поздней зимой я встречал далеко за Полярным кругом, севернее Средне-Колымска. Очевидно, она здесь зимует.

По мере приближения весны движение усиливается: заячьи, а за ними лисьи и волчьи следы умножаются, олени начинают "кочевать" из пади в падь, и все чаще и чаще можно увидеть сидящих на деревьях, зимующих в данной местности птиц.

В феврале уже раздается постукивание желны и полосатых дятлов¹), исчезающих куда-то на некоторое время; в марте прилетают чечетки, затем вороны, а в половине апреля первый отряд снегирей. Вслед за снегирями можно ожидать хищников: орлов, коршунов, луней, наконец, чаек. К тому времени овражки уже проснулись, проснулся и медведь.

К северу появление пришедшей жизни запаздывает недели на две, на месяц, смотря по году. Не столько холод, сколько присутствие снега задерживает ее. Нередко можно видеть, как поторопившиеся стаи птиц возвращаются на юг. Весенние бури и метели, вторично покрывающие слоем снега большие пространства, всегда вызывают такой обратный перелет. Если же распространение снежной бури незначительно, перелет на север продолжается, несмотря на сильный холод и стремительность ветра²).

Настоящий перелет начинается в конце апреля, когда появляются первые одинокие стаи водяных. Раньше всех появляются гуси (гуменни-

1) Вероятно, поэтому месяц этот получил у якутов характерное прозвище: "месяц шумящего дятла".

2) Когда в 1880 году, в конце апреля, из почти лишенных снега южных плоскогорий я попал в Верхоянские горы, где снег лежал еще толстым слоем и часто случались снеговые вьюги, то мне казалось в высшей степени странным и загадочным, куда это летят на верную гибель опережающие нас стаи гусей, лебедей и даже уток. Только взо-

ки), потом лебеди, наконец летят утки. Бывали случаи, особенно в глубине континента, что особняки-утки являлись раньше всех водяных, но главная их масса летит значительно позже. Вслед за лебедями прилетают журавли и стерхи (*grus leucogeranus* of.)¹⁾.

С прилетом уток настает самый оживленный период лета. Обычно он совпадает со вскрытием рек. Главный путь перелета лежит вдоль рек; на плоскогорья, в лесистые соседние долины залетают только те птицы, которые остаются там летовать, или очень незначительная часть почему-либо свернувших в сторону стай. Вследствие этого на плоскогорьях (алас) можно не увидеть многих видов, ежегодно пролетающих по рекам.

Осенний перелет, несмотря на свое численное превосходство, далеко в оживленности уступает весеннему. Весною по поднебесью то и дело несутся стаи птиц разного цвета, разной величины и различного полета. Летят белые лебеди попарно или вытянувшись в одну прямую нить; гуси всегда образуют острый угол, обращенный вершиной в сторону полета; утки летят в одной плоскости, но не соблюдая никакого определенного строя, а снегири, петушки, кулики и прочая мелюзга летят хмарой, точно пчелиный рой. Полета журавлей мне не удалось наблюдать, обыкновенно они летят так высоко, что оттуда доносятся только мелодичные их крики, а самых птиц не видно. Большинство стай пролетает молча или издает в незначительные промежутки времени тихие призывные и поощрительные сигналы.

Зато присевшие на землю птицы поют, свистят, гогочут, гоняются друг за другом, токуют, дерутся до изнеможения. На севере, в некоторых излюбленных птицей долинах, стоит в это время такой гул, что положительно мешает людям разговаривать (Андылах, Колым. ул., 1882 год). Шум стихает немного в полдень и прекращается часа на два в полночь, когда птицы куда-то исчезают, за исключением чаек и ворон, которые

бравшись на гребень Верхоянского хребта, я увидел, что севернее, недалеко от вершин, начинается опять страна, оголенная от снега, с тающей водой и бегущими ручьями, и понял, что птицам предстоит пролететь холодный, снеговой пояс, верст всего в 200. И в ту минуту, когда я стоял на вершине господствующего над перевалом утеса, наравне со мной в ворота седловины, с юга, из бушующих там клубов снега, вылетала стая гусей и с радостным криком понеслась по залитой солнцем долине северного ската. Грань хребта была в тот раз и гранью бури. Даже ветер, срывающий камни с утесов седловины, в долине, на северной стороне, дул слабо. Случай, когда горный хребет является резкой гранью атмосферного явления, я наблюдал еще раз в 1882 г., по дороге из Усть-Янска в Верхоянск.

1) Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches; III Folge, Band III, Expedition nach den Neusibirischen Inseln und dem Jana-Lande; Berichte der Reisenden, dr. A. Bunge und bar. E. Toll. S. 114.

как будто совсем не спят. Даже орлы и коршуны перестают кружиться и улетают куда-то в лес, на отдых.

В лесах все время тихо; ток тетеревов местами и ненадолго нарушал эту тишину; затем только куют дятлы, да самец куропатки взлетает еще утрами и вечерами на верхушки одиноко стоящих деревьев и карканьем призывает самку, да на юге кукует кукушка, да белка прыгнет с ветки на ветку или пробежит бурундук.

В этот период туземцы бьют птицу главным образом из ружья и лука, да ловят волосяными "петлями" (тирген), род силка, который настораживают в местах, где должна проплывать или пробежать птица.

В начале июня перелетная часть пернатых уже улетела, а местные спарились, разбрелись по зарослям, кустам и ситнику и выводят выводки. Всюду опять тихо¹⁾.

Большие скопления птицы можно найти только над морем, в устьях рек, на островах, не заливаемых водою, на излюбленных прибрежных утесах. На континенте крупные стаи водяных: уток, гусей, лебедей — можно встретить только в конце июня, на отдаленных пустынных озерах, где самцы собираются линять. Там они соединяются в стаи, достигающие десятков тысяч штук.

Птицы в это время жирные, и туземцы устраивают на них артельные охоты: гусей и уток загоняют в загоны, постепенно суживающиеся и оканчивающиеся клетушками, а лебедей окружают, сидя на ветках (лодки), ловят за шеи, свертывают головы и опрокидывают навзничь. Такие охоты иногда доставляют участникам огромное количество мяса; мне известны случаи, когда на человека приходилось по 1500 уток, не считая поеденных собаками и втоптаных в грязь; между тем такая охота требует от 15 до 20 человек по меньшей мере. Я сам видел в Колымском улусе огромные стаи линяющей птицы, образующие на тамошних озерах подобия черных, пространных, плавучих островов. Бескрылые в это время птицы очень хитры, и охота за ними нелегка. Даже подплыв к ним на несколько шагов на ветке, трудно попасть в них из ружья; в тот миг, как блеснет огонь, стая моментально ныряет, как по команде, и дробь падает в пустое место. Из лука убить легче, но взять добычу мудрено: ныряя, птицы образуют до того сильный водоворот, что ветку качает, точно в ветреную погоду, и добычу уносит так быстро, что нескоро ее отыщешь. Насколько я знаю, на ленных птиц якуты не охотятся ни в одиночку, ни малыми артелями; разве на особые породы гусей, которые

1) В местах, изобилующих дичью, возникает тогда новый промысел: собиранье яиц; их набирают многие тысячи, и сбор продолжается от 10 дней до 2 недель. Якуты берут больше всего яйца водяных; яйца хищных совсем не трогают из опасения "божьего гнева", а к яйцам ворон, ворона, кукушки и мелких пташек относятся брезгливо.

небольшими партиями встречаются на горных речушках. Они смотрят на этот промысел как на вспомогательный при разыскивании мамонтовой кости.

По преданиям якутов, места, где скоплялась линяющая птица, некогда встречались далеко на юге, в глубине континента. Теперь они отодвинулись далеко на север и разместились, главным образом, в приморской полосе.

За лучший промысел водяной птицы во всем крае справедливо считается ловля молодых уток-подлетков собаками и в "петли", начинающаяся в конце июля и длящаяся весь август, до отлета.

За две недели до отлета птицы начинают собираться в большие стаи, вместе "жируют", производят пробные полеты и маневры. На озерах, болотах и всяких водах опять возникает кипучая общественная жизнь. Она не так криклива, бойка и беззаботна, как весною, но отличается дружностью и подвижностью. Осенью птицы снимаются с места значительно легче, чем весною; всюду у них стражи и пикеты, и в стаях заметно большее послушание. Правда, драки и внутренние беспорядки из-за самок не редкость, но, насколько я заметил, они прекращаются скорее весенних и в них достается больше самкам от их поклонников, чем соперникам. Более крупные драки стадо обыкновенно прекращало тем, что снималось с места и улетало ¹⁾.

При отлете многих птиц совсем не видно. Так, например, "немки", род небольшого гуся, многочисленные стаи которого можно видеть вечерами в конце мая летящими на север, низко над поверхностью Лены, осенью пролетают назад неизвестно каким путем.

Большая часть птиц летит осенью очень высоко, так что количество их незаметно. Последними улетают утки. Запоздавшие улетают уже после выпадения снега ²⁾.

С отлетом птиц озера и болота совершенно пустеют; центр звериной жизни перемещается в заросли, на край леса, в горы, где видную роль играют куропатки, рябцы, тетерева, зайцы, олени и прочие кочевые, но постоянные обитатели данной местности. Стадное общежитие с наступлением зимы исчезает; животные и птицы больше бродят в одиночку или небольшими группами; при обилии пастбищ расходятся широко и становятся совсем малозаметными.

1) Я очень любил наблюдать на Дальнем Севере эти огромные, осенние скопления готовящейся к отлету птицы; каждый род, каждый вид имеет свой особый характер и свою отличную организацию, равно и свои излюбленные места.

2) Есть особи, которые остаются. Раз я убил утку-соксона, 28 сентября в Колымском округе, когда все было уже покрыто льдом и оставались только маленькие полыньи. Утка была вполне здоровая и очень жирная.

Подробности о некоторых осенних и зимних промыслах якутов сообщу в надлежащем месте, а ниже прилагаю беглый перечень более интересных для нас живых существ страны.

Насекомые.

Жесткокрылые — хомурдуос, так называют якуты вообще всякого жука. Маак собрал их в Вилюйском округе 121 отличный от европейских вид. Между ними встречаются вредные для огородных овощей; особенно страдают от них свекла и капуста. Из плавающих якуты отличают "плавунцов" и "водолюбов", называя их общим именем водных жуков (у-хомурдуос).

Перепончатокрылые.

Южнее внутреннего горного пояса встречается несколько пород пчелиных; утверждают, что в лесах встречаются даже настоящие пчелы. Богатые скопцы вблизи Якутска пробовали заводить домашних пчел, но неудачно: по словам их, здесь пчелы не в состоянии собрать достаточного количества меду даже для собственного пропитания; скопцы обвиняли в этом исключительно местную флору; они сеяли ради пчел невызревающую здесь гречиху, но и это помогало мало. Пчелу и мед якуты зовут по-русски: "песея" и "имед", оба предмета знакомы некоторым, очевидно, из рассказов русских. Севернее внутреннего горного пояса количество пчелиных и их видов уменьшается, как и количество всех других насекомых. Чаше прочих встречается *земляной шмель* (*botus verticousus*)¹⁾. Шершней очень мало, но осы видны часто, особенно на юге.

Муравьи красные и рыжие попадаются во всем крае, даже в тундре; большинство их живет в земле; наземные муравейники из хвойных игл и былинки встречаются очень редко и только на юге. Из широкотелых ос есть некоторые породы древесниц и пильщика, между прочим: репной пильщик.

Бабочки, по-якутски "юрюмэччи".

Больше других по количеству заметны: *махаон* и *ванесы*²⁾, много также всюду *белянок*. Маак в Вилюйском окр. собрал 30 с лишком новых

1) Миддендорф говорит, что на Таймырском полуострове под 75 градусами с.ш. он встретил два вида "*botus*", один большой, другой маленький. Он же говорит, что первые земляные пчелы (*andrena*) появились только 22 июня н.ст. и только спустя неделю они жужжали и носились повсюду (Часть 2, отд. V, стр. 195). Любимые их цветы *potentilla* и *saussurea*. 8 августа пчелы исчезают, так что жизнь их продолжается всего 5 недель.

2) Есть места, особенно изобилующие бабочками. В 1891 г. между Табагинской и Техтюрской станцией, в лесу на горах, я наткнулся в июне на такую большую стаю

видов, ночных и дневных; между ними есть очень редкие, присущие только Вилюйскому округу.

Двукрылые.

В этом отделе особого внимания заслуживают комары, по-якутски — "бырдах"; их здесь такие массы, особенно в малонаселенных болотистых местах, что с ними приходится считаться и людям, и животным. Некоторые явления в животном мире, как, например, перекочевки оленей в открытую тундру или на гольцы, где вечно дует ветер, несомненно связаны с появлением комаров. В самое комариное время, которое длится с первых чисел июня до первых чисел июля, люди избегают отлучаться из дому, спят в темных помещениях и по возможности проводят все время в едком дыму из коровьего кала, что служит единственной защитой от этих насекомых. Ни деготь, ни другие пахучие мази не помогают; даже дым горячего дерева не особенно пугает их. Они до того кровожадны, наглы и так их много, что в комарных местах положительно способны свести с ума, ослепить и задушить человека, очутившегося вдали от жилища без сетки и возможности добыть огонь. Верхоянские якуты рассказывали мне следующее предание: "Говорят, что в старину, давно, когда якуты еще не знали Бога, один человек, сильный и богатый, поймавши свою жену с любовником, приказал связать их вместе нагих и выбросить комарам на съедение. Скоро они умерли, и когда господин велел проколоть их копьями, то кровь не потекла... всю выпили злодеи — комары ("иляттер бырдахтер") (Верхоян. ул., 1882 г.).

В 1883 году, который в Колымском крае был годом наводнения и отличался особенным обилием комаров, я сам был свидетелем того, как комары задушили быка. Случилось, что ночью дымокуры были потушены скотом, который в тот раз как бешеный бросался в огонь. Один из двух быков моего хозяина, более молодой и неопытный, преследуемый насекомыми, в отчаянии бросился в кусты и дальше в лес, через несколько часов возвратился измученный, покрытый кровью и потом и замертво упал во дворе. Когда его вскрыли — вся глотка и ноздри были битком набиты комарами; они проникли даже в легкие и желудок. В тот день комары гудели вокруг нашей юрты, как какая-то грозная армия; часть скота спрятали в юрту, другую в амбар — это был летник, а здесь не устраивают при летниках скотских хлебов; больше суток скот не ходил на пастбище, т.е. все время, пока не подул ветерок и комаров не стало меньше. Такой же образцовый день комаров я наблюдал в 1882 г. по дороге из Усть-Янска в Верхоянск, в ущельях речки Кюгьясь; в моих путе-

махаонов, какой я никогда не видал в Европе. Они густо летали по дороге, поднимаясь саженей 5 над землею, пугая лошадей и неприятно щекоча наши лица ударами крыльев.

вых отметках сказано: "К ночи ветер совершенно затих; массы комаров набросились на нас немедленно; белые лошади мгновенно стали серыми от облепивших их насекомых; животные отчаянно порскали и мотали головами, спасая свои ноздри и глаза; наконец, те, которые шли под вьюками и которых мы не могли защищать нашими "тайбюрами" (махалки из конских хвостов), стали беситься. Как только мы остановились, массы комаров увеличились; они лезли нам в глаза, в рот, забирались под платье и даже ухитрялись кусать нас сквозь толстое сукно армяков и замшевые перчатки; тучи их, точно подвижный, трепещущий туман, затеняли окрестности, а их неустанное однообразное жужжанье раздражало не меньше укушений" (Верхоян. ул., 1882 г., 26 июля).

Видел я также огромные количества комаров на р. Бытынтае, на Колымских озерах потопленными ветром в воде. О подобном явлении на р. Таймыр говорит Миддендорф¹⁾. Недаром якуты связывают комарные годы с особенным обилием рыбы и комарные периоды с началом появления и ожирения некоторых пород рыб. Такова, например, рыба "пельдытка" в Колымском крае; ее начинают ловить в комарное время.

Самые комарные места — это низменная, болотистая, поросшая лесом северная часть северных плоскогорий. На тундре их также много, но там чаще дуют ветры, не позволяющие комарам летать свободно. Хотя и тогда, избегая подветренной стороны, они, под защитой тела животных, успевают надоедать им.

Нет здесь комаров или их сравнительно мало только на обширных степных участках или в ущельях, где большие скопления льда, остатки наледей и постоянные ветры поддерживают все лето низкую температуру. Влияние льда незначительно, раз поблизости есть теплый воздух; в соседстве ледяных обвалов я видел такие же массы комаров, как и в других местах; наоборот, они даже слетались сюда, прячась от сухого дневного зноя, которого тоже не выносят. Их стихия — жаркий, но влажный воздух. Потому-то комаров значительно меньше на южном плоскогорье, где и воздух, и земля суше. Их здесь настолько меньше, что я, привыкший к северным комарам, мог без сетки и махалки, не чувствуя особенного раздражения, работать на лугу, в поле и даже ходить в лес, где их всегда больше. Заметно уменьшается количество комаров и в местах, гуще населенных, вблизи жилищ, даже там, где они стоят среди озер и болот. Очевидно, дымы многочисленных дымокуров, своеобразный запах гари коровьего кизяка, все лето носящийся вблизи якутских жилищ, дурно действует на насекомых. Это соображение, несомненно, сдерживало и теперь сдерживает одинокие якутские семьи от разбредания широко по тайге.

1) Ibid., Часть II, отд. 5, стр. 196.

"Уйти на новые места ... Легко сказать! Да там и с комарами не справишься: погубят скот!" — оправдывались якуты, когда я упрекал их, что они ссорятся и тягаются из-за земель, в то время как на окраинах пустуют луга.

В комарное время в комарных местностях скот сильно худеет, несмотря на обилие сочного молодого корма; коровы уменьшают удои, табуны лошадей сами приходят к якутским летникам и большую часть времени проводят в дыму. Больше всех страдает от комаров олень и лось, затем коровы и, наконец, лошади. По преданию якутов, комары способствовали приручению лошадей, заставляя их *толпиться у разводимых людьми костров*. И теперь лучшее средство заставить лошадей летом собираться в определенном месте — это разводить там дымокуры. Эллей, якутский первопредок, считается изобретателем дымокура. Как себя ведут относительно комаров другие лесные животные, мне неизвестно; по всей вероятности, тоже прячутся куда-нибудь на это время. Якутские промышленники рассказывали, что медведь, преследуемый комарами, ревет и бьет себя лапами по морде до того, что кровь льется из нее ручьем.

Комары появляются, смотря по местности, в половине или конце мая. Крупный, долгоногий вид их (*Chironomus*), считаемый якутами за "родителей маленьких", часто выползает из своих зимовок еще до исчезновения снега ¹⁾. Вскоре после оплодотворения, как известно, самка комара кладет яйца в количестве от 200 до 300 в тихие, теплые, стоячие воды. Там живут миллиарды личинок, удерживаясь на поверхности воды своими дыхательными трубками. Раньше, чем окуклиться, личинка три раза линяет; через восемь дней после окукливания из кокона вылетает маленький, вполне развитый, способный к размножению комар. Период от кладки яиц до появления насекомого длится от 4 до 5 недель. Самки, вскоре после кладки яиц, умирают; жалят животных и сосут кровь только самки, самцы же жалить не могут и крови не пьют. Замечательно, что к укушению комаров можно со временем настолько привыкнуть, что даже большое число укушений не вызывает опухоли тела. У туземцев тело не пухнет совсем или очень мало. У меня вначале оно сильно опухало; раз в Верхоянске, когда комары искусали меня очень сильно — главным образом руки, лицо и виски, — на другой день я почувствовал озноб, жар, сильно болела голова и тошнило; струпья на искусанных местах образовали густую сыпь, как после оспы, один глаз закрылся опухолью. Впоследствии никогда ничего такого не случалось, тело перестало пухнуть, даже боль от укула не казалась такой жгучей.

1) Миддендорф сообщает, что под 73 градусом с.ш. он не замечал комаров до 7 июля (Часть II, отд. 5, стр. 194). Это, должно быть, описка, нужно полагать, 7 июня.

В конце июля комары уже далеко не так назойливы, и хотя все еще летают тучами, но жалят меньше, а в августе их совсем мало. Они начинают смирнеть после первых более продолжительных холодных ночей, слабый даже иней или мороз убивает их наполовину, но совершенно гибнут они только после многократных, повторительных морозов в несколько градусов¹⁾. Замечательно, что весной такие же морозы для них безвредны. На южном плоскогорье, те часы дня, когда комары особенно свирепствуют, соответствуют нашим: это вечер, утро и период светлых ночей. Днем, на солнечном зное их совсем нет, и тогда они нападают на животных только в лесной тени, да и то умеренно. На севере они свирепствуют круглые сутки в тени и на солнце; даже плывущего среди огромных озер или рек они преследуют, забравшись в лодку, где прячутся на дне в случае ветра и терпеливо выжидают удобного момента. Там они — настоящая египетская казнь, и Гумбольдт вполне прав, указывая на комаров, как на важное препятствие к исследованию и заселению новых стран.

Мошка. Этой мелкой кровожадной, назойливой мухи в Якутской области мало. Она является только спорадически, в некоторых местностях, обыкновенно по осени, когда комары начинают слабеть. Появляется по вечерам.

В местах открытых в солнечные июньские дни особенно мучительны для скота "слепни" (ынгырыа). Рогатый скот они доводят до иступления; он вламывается в дома, в хлева, забегает на плоские крыши юрт, ища спасения. Одна из пород этого овода, называемая в Якутской обл. "крючком", жалит лошадей в губы и ноздри, отчего животные отчаянно машут головами. Слепни свирепствуют главным образом в полдень, в самые знойные часы. Уберечь от них скот легче, чем от комаров; достаточно тенистых загонов, так как туда слепни не залетают; не залетают они даже в тень, отбрасываемую деревьями; лошади от них прячутся в лес. Ветер не мешает слепням летать и жалить. Глубокие их укулы производят жгучую боль, и кровь нередко бьет фонтаном. Особенно сильно мешают они пахоте и вообще летним полевым работам, производимым в открытых местах.

Кроме массы мелких скотских паразитов, как: блохи, вши, клещи и пр., — к серьезным врагам здешнего скотоводства нужно причислить бычий овод (*hypoderma bovis*), олений овод (*oestrus tarandi*) и желудочный овод (*gastus equi*). Первый кладет свои яйца в шерсть рогатого скота, второй в шерсть оленей, третий в шерсть лошадей. Вылупившиеся из яиц

1) Миддендорф говорил: "У Охотского моря комары пропали только 21 сентября (нов. ст.), когда мороз дошел до -7 градусов R, при всем том 24 сентября еще, случалось, жалили комары" (Часть II, отд. 5, стр. 194).

личинки двух первых пробивают кожу и забираются в подкожную клетчатку; живут всю зиму, месяцев 9 — 10, питаются кровью жертвы. Только будущим летом личинки созревают и выползают из своих жилищ, образующих на теле животного миндалевидную припухлость. На редких животных нет этих паразитов, но на некоторых особях они встречаются в особенно большом количестве. Я видел оленей и коров, бока и спина которых была сплошь усеяна такими бугорками; снятая с них кожа представляла решето. Такие животные обыкновенно гибли весной от истощения, если человек не приходил им на помощь. Сильнее всего страдают они в жаркие дни, когда вызревающие личинки начинают шевелиться и причиняют нестерпимый зуд. У лошадей нет этого паразита.

Личинка желудочного лошадиного овода заползает через рот или ноздри в желудок животного или попадает туда слизанная им самим с собственной шерсти. Там она прикрепляется к стенке желудка или кишок, где проводит зиму до начала лета.

Мы не будем останавливаться на домашних мухах, тараканах, клопах, блохах, вшах, которые ни видом, ни в своих привычках ничем не отличаются от наших. Клопа, блоху, таракана называют якуты по-русски и только для вши имеют свое собственное название — "быт"; муха якутски — "сахсырга". В жилищах и платье якутов этих паразитов особенно много там, где они стали строиться по-русски и перестали менять жилье по несколько раз в году, что вместе с привычкой ежедневно выбрасывать постель и платье на мороз оказывается лучшим средством против этих насекомых. Чтобы уничтожить расплодившихся клопов, приходится вымораживать дома в самые жестокие морозы, и то в два приема: заморозить их, затем слабо протопить здание и вторично проморозить; тогда только они гибнут. Средство это особенно популярно на юге Якутской обл. На севере клопов меньше, потому что там вообще дома хуже и стены жилых помещений промерзают почти каждую зиму насквозь.

Одним из врагов человека и грозных бичей местного земледелия, действующим обыкновенно заодно с засухой, нужно считать *кобылку* — "асынга". Здесь ее водится несколько десятков видов. Самая распространенная, обыкновенная буро-зеленая кобылка достигает 2 дюймов длины. Она водится во всей стране. Если весна ранняя, маловодная и засушливая, то можно ожидать, что кобылки будет много, что она опередит рост хлебов и не позволит им подняться настолько, чтобы их руно мешало ей двигаться по полю. С буйными, высокими хлебами кобылка справляется не так легко, как с редкими, хилыми или низкими. Первые она объедает с краев, прилегающих к местам, где она кладет яйца, вторые она навод-

няет вдруг, все поле зараз, и нечего думать бороться с ней. Зеленое свежее руно, обещающее богатый урожай, она выедает совершенно, вплоть до черной земли; поле кажется точно выкошенным; только кое-где торчат обглоданные, засохшие стебли. У выколосившегося хлеба она прежде всего высасывает из колоса молоко и обкусывает усики и свежие листья, если они еще достаточно сочны; затем подьедает и самый колос, так что он умирает. Пшеницу и ячмень предпочитают эти насекомые ярице. Борьба с кобылкой путем перепашки ее гнездовищ почти невозможна, ввиду громадных пространств отдыхающих пашен и девственных залежей, где она может свободно класть яйца. Несомненно одно, что там, где поля образуют крупные участки, кобылки меньше. Небольшие якутские поля, окруженные со всех сторон лесом и нетронутыми новьями, больше всего страдают от кобылки. Больше всего гибнет кобылки от дождя; он ее прибывает и заливаает до смерти; после обильного дождя всегда множество ее трупов валяется на пашнях¹). Отряхая насекомых вниз, ветер немало защищает поднявшиеся хлеба; в тихие ночи на каждом почти колосе сидит по две, по три цикады, так что издали хлеба кажутся черными. Таково было нашествие кобылки в 1891 году на пашни в Намском улусе.

Якуты уверяют, что у кобылки трехлетний срок возрастания: первый год она поедает большую часть посевов; на второй год она не удовлетворяется хлебами и набрасывается уже и на луга, сильно вредя лучшим покосным местам, наконец, в третье лето ее так много, что поедает все, что может съесть, и преждевременно дохнет от голода. Тогда будто бы опять проходит несколько лет, когда ее не заметно. В Намском улусе мне рассказывали, что в 60-х годах был случай, что кобылка поела всю зелень на деревьях и кустах, набросилась на стога собранного сена, испортила их своими трупами, вызвала голод и заставила жителей угнать значительную часть скота на Ситку²) (Намск. ул., 1890 г.). Луга, заливаемые водой, меньше страдают от кобылки, но в "аласах" в засуху ежегодно часть сена съедается ею.

Пауки — "ахый огус"; по Мааку, их с лишком 100 видов в Якутской области; на Вилюе этим ученым найдено 9 новых видов. Паук считается у якутов благодатным насекомым, и его не преследуют.

1) Можно думать ввиду этого, что поливание из пожарных труб участков, подвергшихся нападению кобылки, было бы много целесообразнее ловли ее ситцевыми неводами, окапывания и опахивания, как это тщетно пробовали делать якутские хлебопашцы.

2) Левый приток Лены, на половине дороги из Намской управы к устью Вилюя.

Ракообразные.

Ракообразных в Якутской обл. очень мало. Маак нашел их всего 4 вида (3 — *Gammarus* и 1 — *Cypris*). Речных, съедобных раков (*Astacus pluviatilis*) нет в Якутской обл., и якуты не имеют о них понятия¹).

Черви (юён).

Из них упомяну *дождевого червя* (*Lumbricus tenestris*), *волосатика* (*gordius seta* O.F.Muller²), *конскую пиявку* (*nephelis vulgaris*), по-якутски "ынах тыла" — коровий язык, и *солитера* (киси юёна). Первый называется якутами по-русски "червей" и употребляется для стерляжьего промысла на Лене, как нажива. Он водится на юге и на севере от внутреннего горного пояса, даже в тундре, но к северу его все меньше и меньше, да и в южных частях страны очень мало сравнительно с Европой. Он не зарывается здесь так глубоко в землю, очевидно опасаясь холода; живет близко к поверхности; в открытых местах засуха не дает ему жить, любимое его местопребывание — корневища тальников, не заливаемых водою.

О волосатике ходят среди якутов такие же басни, как и среди русских, именно, что он образуется из конского волоса, упавшего в воду. Кроме того, якуты полагают, что ревматические боли и опухоль производятся именно этим червем, пробравшимся в тело и обвивающим кости. Чтобы отравить его, они прикладывают сулему к напухшим суставам (Верхоянск, 1881 г).

Медицинских пиявок нет в Якутской обл.; конских тоже меньше, чем у нас, и они редко нападают на купающихся людей и скот.

Зато весной нет почти ни одной щуки, ни одного старого карася, у которых не было бы *солитера*. На севере он в рыбах встречается реже. Часто заводится он в рогатом скоте и лошадях, откуда перебирается к людям, употребляющим в пищу сырое или полувареное скотское мясо. Солитер очень распространенная болезнь у якутов, и оба вида его встречаются у них. Часто он достигает огромных размеров, расслабляет, мучит, причиняет судороги. Мне известно несколько случаев смерти от солитера. Якуты не употребляют никаких средств, чтобы избавиться от не-

1) Beiträge z. Kenntniss d. Russ. Reiches III, Folge Bd. III, p.163.

2) По Мааку: *ibid.*, ч. II, стр. 183, Э.В.Толь сомневается, тот ли это вид, и высказывает предположение, что это *aquaticus*, по крайней мере на Дальнем Севере.

го, и не верят, что он попадает в их внутренности вместе с сырым мясом. Ругань — "червяный" (черебный) считается чрезвычайно обидной, и больные неохотно сознаются в болезни солитером.

Пропускаю *мягкотелых*: слизняков, улиток, створок и прочих, немногочисленные представители которых встречаются здесь и в воде и на суше, так как они не играют никакой видной роли в здешней жизни. Существа эти не затронули воображения якутов даже настолько, чтобы получить особое название, и известны под общим с червями именем — "юён".

Земноводные.

Лягушка серая (*Rana temporaria*) и разновидность ее с кровавыми пятнами на брюхе (г. *signata*) по-якутски "баха" или "альчах", встречается на обоих плоскогорьях, даже севернее Полярного круга (Верхоянск), — всюду довольно, впрочем, редко и довольно в жалких экземплярах ¹⁾. Зимой лягушки, по-видимому, скопляются в тех озерных омутах, где собирается рыба; я часто видел, как якуты добывали их оттуда по весне, в марте, черпая в этих омутах рыбу (коюр). Якуты относятся к лягушкам брезгливо, насмешливо ²⁾, а также с некоторым страхом, как к существу, находящемуся в близком общении с подземными духами. (Намск. ул., 1888 г.). Я не слышал кваканья лягушек в Якутской обл., но якутская загадка сравнивает ее голос с музыкальным якутским инструментом — "хомус". (Худяков, Верх. Сборн., стр. 27, N 66).

Пресмыкающиеся.

Ящерица (*lacerta vivipara*) ³⁾, "таймыт-кильгэря", маленькая, серая, жалкая; встречается на Лене, Вилюе, даже Яне. Маак границей ее распространения полагает 66 градусов с.ш., но я встречал ее в окрестностях Верхоянска (68 градусов с.ш.), впрочем, довольно редко. В Колымске я ее не встречал. Зимой она проводит, зарывшись в земле. Один мой знако-

1) Beitrage z. Kenntniss d. Russ. Reiches III, Folge Bd. III, p. 140—141.

2) "В старину, говорят, лягушка ездилa на бурундуке... с уздой из блеклой травы, с плетью из осоки; во время езды вдруг бурундук взбежал на лесину, и она упала. "Водяная дочь" ехала, говорила: "Друг мой, друг мой Кярпьястирь-Кярпьястирь, севши на свою длинник лошадь с моховою постелью, с одеялом из грязи, встретить, встретить". И вдруг закричала в испуге: "Уй-лах!" — и упала в воду. С тех пор еще не садилась верхом на лошадь (Худяков, *ibid.*, 27 стр.).

3) B. Salaman drella sp. Beiträge, *ibidem*. p. 141.

мый в Верхоянске заморозил в погребке пойманную летом ящерицу, так что она превратилась в кусок льда; когда она оттаяла, то возвратилась к жизни и побежала, как ни в чем не бывало. Якуты боятся ее и, увидевши, считают необходимым убить, иначе обязательно умрет или тот, кто ее увидел, или кто-нибудь из близких его родственников (Верхоянск, 1881 г.). То же поверье существует у минусинских татар.

Гадюка обыкновенная (*vipera berus*), "мохой". Маак говорит, что она встречается на Лене не дальше, впрочем, 60 градусов с.ш. Мне рассказывали якуты, бывавшие на приисках, про какую-то речку "Маю" (не Муюли?), впадающую не то в Лену, не то в Олекму или Витим, южнее которой живут змеи, но гибнут немедленно, перебравшись на северный берег (Якутск, 1880 г.). Пресмыкающиеся значительно чаще встречаются в якутских сказках, чем в действительности; большинство знакомых мне якутов никогда не видели ни ящерицы, ни змеи. По-тунгусски ящерица — "ихёлла", змея — "куллин".

Рыбы (балык).

Окунь речной (*perca fluviatilis*), "алысер" или "касынэй", встречается во всей стране, достигает $\frac{1}{2}$ фунта веса.

Ерш (*асерина сernua*), "тас бас" (каменная голова), "лааха", встречается в речках с каменистым дном, по всей стране.

Налим (*lota vulgaris*), "салысэр". Ленские и северные низовые налимы достигают иногда очень крупных размеров: 3 — 4 пуда веса. Ловят его преимущественно мордами, но попадают они и в сети, и на крючья, которые ставят осенью под лед. Это первая рыба, которую начинают ловить весною в озерах на севере. Она считается у якутов худшей рыбой; водится и в озерах и в реках во всей стране.

Карась (*carassius vulgaris*), "собо", маленькие "бёчэх" или "чэркэ". На север от внутреннего горного пояса карасей нет совсем; на юге они водятся всюду. Лучшими считаются вилюйские, достигающие иногда 5 фунтов весу и 10^{1/2} длины. Их ловят волосяными сетями и неводами. Неводят зимою, под льдом. Караси составляют крупную долю рыбы, потребляемой якутами. На плоскогорьях, в озерах ловятся почти исключительно караси да *мундушка* (*phoxinus phoxinus*) — "мунду". На южном плоскогорье и в более возвышенных и отдаленных частях северного, последняя водится почти всюду. В Средне-Колымске и в частях Верхоянского и Колымского округов, лежащих севернее Полярного круга, нет мундушки; исключение составляют окрестности Верхоянска. На Оленеке тоже, по-видимому, нет мундушки. Вообще, где в озерах водятся благородные породы рыб, там мундушки нет или ее очень мало, и наоборот. Мундушку ловят исключительно вершами, для чего среди водорослей

прочищают дорожки и ставят в них верши (морды), прикрывая их сверху водорослями. Иногда отгораживают более глубокую часть озера от более мелкой и в начале лета ставят морды отверстиями к глубинам, а в конце, под осень — наоборот. Осенью ее ловят в огромном количестве неводом подо льдом и "коюрами", в тех омутах, куда она скопляется на зиму. Мундушка — первая рыбка, которая через щели льда всплывает весной на его поверхность и появляется в лавах снеговой воды.

Елец (*leuciscus vulgatis*), "кюстях", речная рыбка, похожая на плотву. Водится во всей стране, ловится во множестве. В Колым. окр. я знаю случаи, когда в апреле, в поставленные подо льдом, на Алазее, мережи, попадались огромные стаи ельца; они направлялись вверх по реке, и все были икраные.

Тугун (*salmo tugin*), "сэ балык" (рыба - жир), "ниохор", маленькая, серебристая, очень нежная и вкусная речная рыбка; водится в большом количестве во всех реках.

Пельдьятка или *бранатка* (*salmo branatus*)¹⁾; водится в большом количестве в озерах Колым. окр. и составляет главную пищу тамошних якутов; она же водится и на севере Верхоянского окр. и даже на юге; в 10 верстах от г. Верхоянска есть озеро, где она живет. В реках ее нет. Маак сообщает со слов тунгусов, что она встречается в озерах Джабыдах, Алтан и Луку по дороге от Вилуйска к озеру Мастах, но я на южном плоскогорье нигде не встречал пельдьятки и от жителей о ней ничего не слышал. Это плоская рыба, самое большее — дюймов 20 длины, от $\frac{1}{2}$ до 5 фунтов веса, серебристого цвета; мясо ее нежно и вкусно. В Колымском окр. она начинает попадаться в сети в конце июня; в сентябре начинает метать икру; улов ее прекращается только в декабре. Ловят ее преимущественно сетями, хотя летом она попадает вместе со щукою в верши.

Чокур — вид пельдьятки, более крупный и с горбатостью на спине; озерная рыба, по наружности нечто среднее между пельдьяткой и чиром — (*salmo nasus*), "мунгур". Последняя — одна из самых вкусных рыб севера Якутской области. Южнее внутреннего горного хребта не попадает. Водится и в реках, и в озерах. Особенно славятся озерные чир "от границ лесов"; последним колымские знатоки отдают предпочтение перед всеми рыбами, как приготовленным, так и в сыром, замороженном виде. Чир достигает 15 ф. веса, но обычный их вес от 5 до 8 фунтов. Он причисляется к высшим сортам рыбы.

Моксун (*salmo muksun*), "муксун", "нъэмискэн", считается хуже чира; в озерах не водится; по Лене и Енисею ежегодно поднимается до 61° с.ш.; плывет обыкновенно большими стаями и, после сельди, состав-

1) Строго научного определения не получила. П.И.Третьяков причисляет ее к *coregonus*. "Туруханский край", стр. 111.

влет в устьях реки главную часть добычи рыболовов. Редко достигает 10 фунтов веса.

Нельма (*salmo leucichtys*) — тут "балык, чурчак". Водится только в реках, во всей стране. Мечет икру в сентябре и первой половине октября. После стерляди считается высшим сортом местных рыб. В устьях рек нередко попадаются особи в пуд весом. В верхнем течении рек не водится.

Омуль (*salmo autumnalis*), "омуль", водится в низовьях и считается одним из лучших сортов для приготовления вяленых консервов "юкалы" и "хахты". В верхнем, даже среднем течении рек не водится и нет его южнее внутреннего горного хребта.

Ленок (*salmo coregonoides*), "сохолох", водится исключительно в реках; севернее внутреннего горного хребта не встречается.

Сиг (*salmo lavaretus*), "маяхась, юрюнг-балык, чуллуку", встречается в реках всей страны; на севере реже, чем на юге. В Яне и Колыме он редкость.

Таймень (*salmo fluviatilis*), "биль-балык, сдюлюгёс" (молот), только в реках; хищная крупная рыба, достигающая в низовьях рек огромной величины и 4 пудов веса.

Щука (*esox lucius*), "сордонг, борохой", живет во всей стране в озерах и реках. В Колымском окр. часть мая и весь почти июнь приозерные жители питаются исключительно щуками, которые в это время ловятся мордами в большом количестве. Большие озерные щуки, фунтов 10, противного запаха и вкуса; даже якуты едят такую щуку с отвращением, а в рыболовных местах она не считается *за рыбу*.

Хариус (*thymallus vulgaris*), "джерга", встречается только в горных речках; к Лене редко попадает ниже Якутска. Он водится также в верховьях Яны, где в 1880 г. я покупал у тунгусов свежих хариусов; в том году они их наловили особенно много.

Стерлядь (*acipenser ruthenus*), "хатыс, кэчэ, кэчирэ", севернее внутреннего горного хребта встречается довольно редко. На юге, особенно на Лене, ее ловят много сетями подо льдом и летом, с половины июня, крючьями. Стерлядь алданская меньше стерляди ленской, где она достигает и 20 ф., обыкновенный же вес от 1 ¹/₂ до 5 фунтов.

Язь (*idus melanotus*), "тэнгэли", довольно большая, но очень редко попадающаяся рыбакам рыба, она выбирает для хода самые глубокие места. Встречается только южнее внутреннего горного пояса.

Сельдь (*clupea harengus*), "кюндюбэй", появляется во второй половине августа, в устьях рек, впадающих в Ледовитый океан, где мечет икру до начала октября. Составляет главную пищу жителей низовьев Колымы, Яны, Индигирки и проч. В Колыме встречаются самые крупные сельди, и по этой реке они поднимаются до Средне-Колымска; в Индигирке они мельче, в Яне и Лене еще мельче. На Енисее сельди имеют всего от 4 до

5 ¹/₂ вершков, между тем как на Колыме за среднюю величину можно принять 7 вершков. Сельди приплывают с моря до того густыми колоннами, что при проходе их белеет поверхность воды; плывут они близко к поверхности; ловят их неводами, по несколько тысяч зараз. Сельдей усердно преследуют таймени, нельмы, шуки и проч. хищники.

Остается сказать кое-что о тех редких породах рыб, которые для населения не имеют почти значения и даже по имени не многим известны.

Валек (*salmo microstomus*)—небольшая, веретенообразная речная рыбка.

Красноглазка (красноперка) (*leuciscus rutilus*), "кысыл харак, нича, бэттагачи", речная, серебристая, небольшая рыбка с карминно-красной радужной оболочкой глаз.

Морской осетр (*ancipenser sturio*); *рогатка* (*cottus quadricornis*); *ряпушка* (*s. albula*) и другие, часто совершенно неизвестные населению.

Вьюн (*gobites*), "тимак или быэ-балык" (рыба-веревка), водится в речках с каменистым дном; затем изредка попадает в больших реках; научного определения еще не получил.

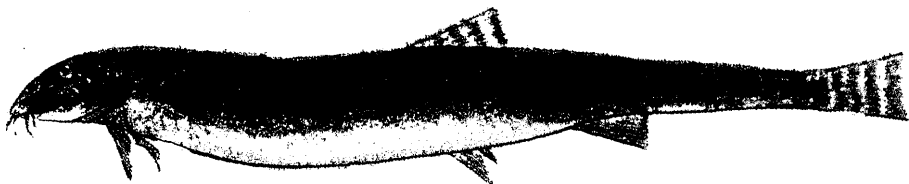

Рис. 11. Быэ-балык (настоящая величина).

Мне известно, что из перечисленных здесь рыб зимуют в стране: карась, мундушка, пельдятка, озерный чир, таймень, елец, хариус, стерлядь, щука, налим, окунь; остальные, надо полагать, являются как временные гости ¹).

О крупных морских рыбах, как кит, белуга, которые изредка являются у населенных берегов, якуты имеют очень смутное представление, а о морже, тюлене (нерпа) и им подобных ластоногих, знают только понаслышке. Нужно думать, что эти животные послужили поводом к якутским легендам о "клыкастых и хвостатых людях", живущих на берегу моря, о "девицах, всплывающих из воды" и проч. (Колым. ул., 1883 г.). Во время ловли якутские рыбаки избегают называть рыб, особенно зубастых и хищных: щуку, тайменя и проч. (Баягант. ул., 1885 г.). Они придумывают другие названия, так сказать псевдонимы, часто мешающие узнать путем расспросов о распространении того или другого вида.

1) В этот перечень я поместил только тех, которых лично видел пойманными зимою, поздней осенью (начало ноября) или ранней весной (февраль), или тех, которые водятся в изолированных от рек озерах.

Птицы (кётёр).

Из птиц зимуют только куропатка, глухарь, рябчик, кукушка (сойка), ворон, белая сова и в земледельческих округах местами воробей и чечетка. Остальные на зиму улетают.

Хищные.

Орлан белохвост (*haliaetetus albicilla*) "барылас", до 6 — 7 фут. в размахе крыльев; прилетает в марте и первых числах апреля, улетает в конце сентября и начале октября; вьет огромные гнезда на вершинах деревьев, вблизи озер, так как питается главным образом рыбой и водной птицей; его прилет предвещает скорый прилет уток. В своих сказках якуты рисуют его птицей глупой, алчной и надменной. Здесь он далеко не редкость. Маак говорит, что это единственный вид этого рода, виденный им на севере, но якуты отличают еще более крупный вид орла, с более темным оперением, которого называют "тоён кыл" — господин зверь; его очень почитают и считают эмблемой высшего божества. В известной сказке "Перелет птиц", они после измены "орлана" выбирают себе господином орла. В сборнике Худякова есть прекрасное стихотворное описание внешности "орла"¹⁾ (Худяков, стр.19).

Этого бронзового орла, с темными пятнами на спине и светло-рыжим подбрюшьем я видел всего несколько раз, всегда издали, сидящим на одиноком дереве, или летающим высоко над землею. В Намском улусе, ежегодно в середине лета, он повадился летать ко мне на пашню из леса, с западной стороны; иногда прилетало их двое. Мелкие птицы, особенно стрижи и вороны, всякий раз преследовали его с криком и большим возбуждением. Близко я не рассмотрел его, но он был крупный и в размах имел не меньше сажени; когда он садился на верхушку матерой лиственницы, то она сильно гнулась. Над Ледовитым океаном, в тундре, я видел не менее крупных орлов, которые издали казались мне черными. Они по целым часам неподвижно сидели на верхушке какого-нибудь бугра и высматривали добычу. Были очень осторожны: завидя человека, тотчас же улетали.

Ко всем хищным этого семейства якуты относятся с некоторым благоговением, их они не убивают, не ругают, мяса их не едят. Сов тоже не едят; хотя чувствуют по отношению к ним суеверный страх, но он лишен того восхищения, с каким якут говорит: "бульчут", — промышленник, следя за соколом или орлом, преследующими добычу.

1) Смотри том II, русский и тюркский текст.

			встреч. часто
<i>Сарыч конюх</i>	(<i>buteo lagopus</i>)	"кырт"	часто
<i>Сокол сапсан</i>	(<i>falco peregrinus</i>)	"кырби"	редко
<i>Сокол чеглок</i>	(<i>falco subbuteo</i>)	"мохсогол"	часто
<i>Сокол пустельга</i>	(<i>falco tinunculus</i>)	"балыксыт"	часто
<i>Скопа степная</i>	(<i>pandion haliaetos</i>)	"эль или эльэ"	часто
<i>Черный коршун</i>	(<i>milvus niger</i>)	"чычახсыт"	редко
<i>Ястреб перепелятник</i>	(<i>astur nisus</i>)	"мохсогол"	—
<i>Ястреб обыкновенный</i>	(<i>astur palumbarius</i>)	—	—
<i>Сокол копчик</i>	(<i>erythrofnus vespertinus</i>)	—	редко
<i>Сокол балабок</i>	(<i>hierofalco linarius</i>)	"кутуяхсыт"	—
<i>Лунь полевой</i>	(<i>circus cyaneus</i>)		

Сов водится в Якутской обл. 5 видов:

Сова уральская (*strix uralensia*), "какхан или хасан"

Сирин белый (*strix neutea*), "хар эбе — снежная бабушка"

Сирин ястребиный (*strix funerea*), "мёкчёргё"

Сыч ручной (*strix tengmalmi*)

Филин пугач (*strix bubo*).

Лазуны.

Стриж обыкновенный (*cypselus apus*)

Кукушка вещая (*cuculus canorus*), "кёхё"

Дятел желна (*picus martius*), "киргиль"

Дятел трехперстный (*picus tridactylus*), "тонгсогой"

Лазуны водятся во всей стране, за исключением кукушки, которая не залетает севернее внутреннего горного хребта. Начинает куковать в конце мая. Якуты считают ее волшебной подругой шамана.

Воробьиные.

Жаворонок снежный (*alauda alpestris*) "сыр чычак" (береговая птичка, вернее — птичка крутых обвалов).

Пуночка подорожник (*plectrophanes nivalis*), "юрюнг чычак" (белая птичка).

Стренатка чернолицая (*emberiza aureola*), и две ее разновидности: *e. spodoscephala*, *e. pusilla*.

Воробей домашний и полевой (*passer domesticus* и *p. montanus*); появился в последнее время в земледельческих местностях; домашний пробует даже зимовать; спит под крышами, отогреваясь около труб, или сидит на косяках дверей, где сквозь дверные щели дует теплый воздух.

Снегирь обыкновенный (*pyrrhula vulgaris*), "туллуку". Ловят его в петли, которые устраивают таким образом: на доску или палочку густо навязывают небольшие волосяные петли и ставят там, где земля оттаяла и где любят садиться снегيري; прикрывают дерево землей или мякиной, оставляя петли наружу; в них птицы ловятся за ножки или за голову.

Снегирь красный (*pyrrhula erythrina*).

Вьюрок чечетка (*fringilla linaria*), "чарыас".

Вьюрок настоящий (*fringilla montifringilla*), "ылыр чычах" (певчая птичка).

Медведка (*fringilla brunneoncha*), "эсэ чычах".

Клест белокрылый (*loxia leucoptera*), "ымы", зимует на южном плоскогорье.

Синица сибирская (*parus sibiricus*).

Поползень ямщик (*sitta europaea*), зимует на южном плоскогорье.

Свиристель хохлушка (*bombycilla garrula*), на зиму улетает.

Ронжа (кукша) (*garrulus infaustus*), "кукакы", зимует во всей стране.

Ворона черная (*corvus corone*), "турак" — так же зовут ее и тунгусы, живет во всей стране, прилетает в начале апреля, улетает в октябре; осенью сильно вредит полям.

Ворон (*corvus corax*), "суор", одинокие особи зимуют на южном плоскогорье.

Щеврица лесная (*authus arboreus*), встречается только на южном плоскогорье.

Трясогуска белая (*motacilla alba*), "сылгы чычах" (лошадиная птичка).

Дрозд ореховый (*turdus iliacus*), "тит черчынгыра" (лиственничный дрозд).

Дрозд красногорлый (*tur. ruficollis*), *дрозд чернозобый* (*tur. fuscatus*).

Дрозд рябинник (*tur. pilaris*), "иет черчынгыра" (тальничный дрозд).

Чекан попутчик (*saxicola oenanthe*), "тас чычах" (каменная птичка).

Чекан чернохвостый (*saxicola rubicola*), "хону чычах" (полевая птичка).

Соловей красношейка (*sylvia kamtschatkensis*) редко, только на южном плоскогорье.

Зарничка (*sylvia proregulus*) "харджан".

Сорокопут большой (*lanius major*)

Ласточка касатка (*hirundo rustica*) | (харангаччик)

Ласточка стрижок (*hirundo urbica*)

Ласточка земляная или водяная (*hirundo riparia*) (у харангаччик).

Всех этих птичек, за исключением снегирей (туллуков) и подорожника, якуты не трогают и не едят. Ласточку считают божьей птичкой, именно птичкой Богородицы, и не позволяют детям портить ее гнезда. В легендах о сотворении мира дьявол превращается в ласточку и ныряет на дно моря по приказанию Бога за илом; рассказывали мне также о перьях, выстреленных из хвоста ласточки дьяволом. Замечательно, что все эти птицы здесь поют очень мало и неохотно, даже на юге их почти неслышно в лесах, и леса очень молчаливы.

Голубиные.

Из этого отряда я встречал только один вид, ближе всего подходящий к *лесному голубю* (*columba torquata*). В конце лета, когда созревали хлеба, парочки их показывались на опушках леса, прилегающих к ниве. Несколько таких парочек посещало меня ежегодно в Намском улусе. Видел я их тоже и в Баягантайском улусе, но не встречал нигде вне земледельческого района, вне пашен, в лесу. Это можно объяснить их зоркостью и осторожностью, что также не позволило мне убить их и рассмотреть ближе. Они однообразно аспидно-серого цвета, толстые, невысокие, по наружности сильно напоминающие домашних сибирских голубей, именно таких, каких впоследствии я массами видел в Верхоленинских и Иркутских степях; только подбрюшье у первых не белое, а темное.

Куриные.

Куропатка белая (*lagopus albus*), "хабджи или крупашки". Эта птица, наравне с зайцем, составляет во многих местах главную основу лесного якутского промысла, подобно тому как утки — водного. Местные жители отличают два подвида: 1) горная или каменная "тас хабджи" меньше ростом и с красной каемкой кругом глаза; 2) таловка "талак или хону хабджи" больше прежней и с бледно-желтой каймой вокруг глаза. Летом здешние куропатки изжелта-коричневые, в сентябре месяце начинают белеть. Они постоянно кочуют. В марте улетают на приморские тундры, откуда возвращаются в сентябре. Но улетают туда далеко не все, и в июле я встречал их с выводками в горах, в глухих, поросших ерником падах. На плоскогорьях летом их не видно, зато всю зиму, особенно после выпадения обильного снега, целые стаи бродят по березняку и тальникам, около озер и рек плоскогорий. Горная куропатка редко спускается вниз, предпочитая горные лощины и предгорья. Держатся куропатки стаями, питаются ягодами, тальниковыми, березовыми и ольховыми почками, также разными семенами. Ловят их так: в местах, часто посещаемых куропатками, легко узнаваемых по следам этих любящих бродить по снегу птиц устраивают несколько параллельных невысоких "засек". Засека состоит в том, что кладут в длину одна за другой ряд молодых лиственниц, мешающих свободно пройти; на каждые три, четыре сажени в таких низеньких, колючих заборчиках оставлены дверцы; в дверцы вставляется рамочка из тальника, с волосяной настороженной петлей; птица входит в дверцы и грудью стягивает петлю с защепок и затягивает кругом шеи. Так же точно ловят якуты рябчиков, тетеревов, даже глухарей, только смотря по птице делают и засеки выше и петли крепче; точно так же ловят и уток на воде. Этот способ называется "тиргэн" — петля. Куропатка считается шаманской птицей, появление ее вблизи дома предвещает смерть.

Рябчик (*tetrao bonasia*), "бочугурас". Ловится якутами во множестве.

ве. Он не улетает летом на тундры, не подымается выше на горы; зимою же спускается ниже в долины и пади. Он не меняет окраски подобно куропатке, а только чуть-чуть светлеет к зиме.

Пальник (*tetrao urogallus*), "чакыр улар" и *глухарь* (*tetrao urogalloides*), "хара улар" (черный глухарь), "самка-ордах".

Первый, меньше и светлее, получил свое название от пребывания "по палым" (погорелым) лесам; осенью целые стаи их собираются на полях. Черный глухарь редко собирается в стаи; чаще можно их парочки встретить, одиноко сидящие на деревьях, в высокоствольном лесу; на севере от внутреннего горного пояса они редко попадаются. Они, подобно куропаткам, кочуют с гор в долины и обратно¹⁾.

Тетерев черный (*tetrao tetrix*), "куртуях". Водится во всей стране. Встречается реже, чем пальник, но чаще большого черного глухаря. Когда-то охота за глухарями и тетеревами, особенно "токующими", составляла у якутов видный промысел.

"Теперь перевелись "токовища", птицы куда-то делись, промышленники вымерли, но в старину много якуты добывали глухарей. Охота за глухарями — тайная охота. Отправляясь на ток, охотники перед другими скрывались, охотники охотников выслеживали. Хороший промышленник за мешок (100) рублей не открывал своих мест и, только умирая, открывался сыну!" (Намский ул., 1892 г.).

Голенастые.

Журавль белый, стерх (*grus leucogeranus*), "кыталык". Птица эта здесь очень редка, я ее видел за 12 лет всего 4 — 5 раз; за ней охотно охотятся якуты, признавая мясо ее очень вкусным. Этому не мешает то, что стерх наравне с лебедем фигурирует в их преданиях, как священная птица, как воплощение хорошего начала. В сказках девицы не раз являются в виде стерхов.

Журавль серый (*grus cinereus*), "туруя", во время перелета собирается в большие стаи, вообще общественная птица. Прилетает в апреле, улетает в августе; улетает раньше других крупных птиц, вслед за мелкими. Мясо его считается у якутов лакомством.

1) Ежегодно в декабре и январе в одно и в то же время в березовой роще против моей усадьбы в Намском улусе, обязательно являлась смешанная стая пальников и черных глухарей, штук в 20; они садились на деревья и, объедая березовые почки, спокойно ждали восхода солнца; иногда они забирались на гумно и, сидя на одонях, объедали нависшие наружу там и сям колосья; под вечер обязательно улетали в соседний лес и зарывались в снег. Впоследствии в тех местах, где ночевало стадо, я находил настоящие "ходы", проделанные птицами, очевидно плававшими в рыхлом снегу, точно в воде.

Зуек глупый (*charadrius morinellus*), "хону барах" (полевой петушок).

В глубине континента является только во время перелета.

Летят большими стаями штук в 60 — 100. Якуты ловят их в петли, устроенные в дверцах таких же низеньких, длинных засек, как на куропаток. Их устраивают там, где замечено, что садятся петушки: на солнечной стороне сухих, луговых бугров, вблизи воды. Замечательна дружба этих птиц с куликами, которые пронзительным своим криком дают всегда первые знать на болоте о приближении опасности — охотника, собаки, хищной птицы и прочее.

Зуек речной (*charadrius (aegialites) curonicus*).

Зуек галстушник (*charard. (aegial.) hiaticula*).

Камнешарка северная (*strepstilas interpres*).

Улит большой (*totanus glottis*), "логнут или логнут чёкченге" (*totanus pulverulentus*), "таба барах" (*totanus glareola*).

Улит травник (*totanus ochropus*), "чёкчёнгэ".

Береговик серый (*actitis hypoleucos*).

Плавунчик плосконосый (*phalaropus rufescens*).

Сукален мордушка (*limosa cinerea*) и *сукален красный* (*limosa rufa*).

Турухтан петушок (*tringa pugnax*), "эсэ барах", медвежий петушок.

Песочник малый (*tringa minuta*), "кырбас барах", *песочник кривоносый* и *Темминка* (*tringa subarquata* и *tringa Temminckii*)

Бекас слонка (*scolopax rusticola*); *бекас дупель* (*s. major*), *бекас барашек* (*s. gallinago*), "ингирие"; последний часто встречается всюду в болотистых местностях.

Кулик котрус (*numenius arquata*), "джиэрэн".

Чепура выль (*ardea stellaris*), "у-огуца" (водяной бык).

Все эти птицы называются якутами вообще "кытыл-чычаха" — береговыми птицами, "бадаран-чычаха" — болотными птицами; в пищу они употребляются, но предметом специального промысла не служат. Обыкновенно за ними охотятся дети и подростки; их ловят в петли или стреляют из луков особыми стрелами о четырехостром, вилообразном наконечнике.

Водяные.

Лебедь кликун (*cygnus musicus*) и *лебедь малый, тундреный* (*s. Bewickii*), "куба". На юге от внутреннего горного пояса встречается редко и еще реже гнездится и летует. Только в глухих уголках тайги можно повстречать одинокие их пары, воспитывающие выводок. На северном плоскогорье встречаются лебеди чаще: они линяют там не только на берегу моря, но и в глубине континента. Якуты очень любят их мясо и ради него, а также ради лебяжьих шкурок стреляют из винтовок.

травят собаками и проч. Птицу эту они тоже считают "благословленной" (ай), воплощением богини плодородия, покровительницы якутов — Аисыт.

Большим у них почетом пользуется также другая крупная птица, гусь *гумённый* (*anser grandis*), "хонгор хас"; он не считается "благословленным", но часто упоминается в песнях и сказках.

Гусь пашенный (*anser segetum*), *гусь белолобый* (казарка) (*anser albifrons*), "лыглый", *гусь немок* (*anser bernicla*), "хардыр или хардыргас хас" (гусь-хлопуша). Гуси редки на южном плоскогорье, на северном летует их несравнимо больше; особенно "казарки", которой небольшие стада линяют и выводят выводок в долинах незначительных, мелководных, горных речушек.

Из водяных со всей страны больше всего уток "кус"; их с лишком двадцать видов, из которых чаще встречаются: 1) *шилохвост* (*anas acuta*), "мойногон", 2) *кряква* (*a. boschas*), "кёхён", 3) *чиранка* (чирок) (*a. crecca*), "черкей", 4) *моклок* (мордушка) (*a. glaucifrons*), "морду", 5) *свищ* (*a. penelope*), "тыньяк", 6) (?) (*a. falkata*) "унюсь", 7) *соксун* (саксон) (*a. clupeata*), "сохсон" или "халба", 8) *Нырок синьга* (турпан) (*a. nigra*), "анды", 9) *нырок морянка* (савка) (*a. glacialis*) (эильдэ), 10) *нырок гоголь* (*a. clangula*), "арылыас", 11) *нырок чернет* (*a. fuligula*), "умсах", 12) *крахаль большой* (*mergamus merganser*), "тистэх кус" (зубастая утка), 13) *крахаль длинноносый* (*m. serrator*), "улун", 14) *крахаль луток* (*m. albellus*), "игачи", 15) *нырец рогатый* (*podiceps cornutus*), "нят", 16) (?) (*podiceps subcristatus*), "татаи", 17) *гагара обыкновенная* (полярная) (*columbus glacialis*), "далай куогас" (гагара обширных вод), 18) *гагара полосатая* (*s. arcticus*), "нырдаи", 19) *гагара краснозобая* (*s. sep-tentrionalis*), "бытта куогас". Все эти породы выводятся в глубине страны, где выют гнезда и летуют; над морем, кроме того, есть еще много не встречающихся совсем в глубине континента или временно являющихся во время перелета. Утки всяких видов и родов и утиные яйца составляют главный предмет якутского птичьего промысла. Только *гагару обыкновенную* и *полосатую* якуты причисляют к зловредным шаманским птицам; их они опасаются стрелять и мясо едят неохотно; также неохотно едят они мясо и других более мелких видов гагары.

Чайки "копто".

Чайка обыкновенная (*larus ridibundus*), "хара хастах копто" (черноголовая чайка).

Чайка малая (*l. minutus*), "токок".

Чайка хохотунья (*l. cachinnans*), "колух".

Крачка малая (*sterna minuta*) и *крачка мартышка* (*sterna longipennis*). Первая редко попадает в глубине континента, вторая — довольно обычная там птица.

Чайки и крачки тоже считаются шаманскими птицами, и есть даже в якутской мифологии один дух-девица с чайкою "коптолох кыс". Мяса этих птиц якуты не едят, и я не видел, чтобы якут убил чайку или даже взял у нее яйца. Во время перелета, кроме перечисленных, бывает и много других, между прочим: большая, совершенно белая с нежно-розовым отливом на крыльях (*ragophila eburnea*); она-то да черноголовая, да трехпалая и пользуются самым большим почетом у якутов; их деревянные изображения употребляются при шаманстве, их крику подражает шаман во время камлания. В глубине материка, на севере, чаще всего попадает *трехпалая чайка*; там же, на берегу моря *чайка серебристая* (*larus argentatus*).

Четвероногие (атактах, сюрер, кыллар).

Рукокрылые.

Обыкновенная летучая мышь (из рода *vespertilio*) водится только в самых южных местностях; севернее 60° с. ш. пока не встречалась. Якуты зовут ее "тынгы или уромчи".

Насекомоядные.

Кутора обыкновенная, землеройка (*sorex vulgaris*), "сир кутуях", водится во всей стране.

Крот (*talpa europaea*) попадает только в верховьях Нижне-Тунгуски; в стране, заселенной якутами, его нет, тем не менее они его знают, и шкурка его до недавнего времени считалась у якутских промышленников талисманом, защищающим от бурого медведя.

Грызуны.

Белка обыкновенная (*sciurus vulgaris*) (*тинг*) водится во всей стране, преимущественно в нагорных высокоствольных лесах. Так как места, изобилующие белкой, бедны лугами, то беличий промысел слабо развит среди якутов и составляет у них род отхожего промысла. Промышленники, соединяясь в небольшие артели по два, по три человека, уходят по осени белковать на месяц, на два. Белку преимущественно стреляют из винтовок и луков, реже ставят петли и капканы на гнездах. Цвет беличьего меха пепельный; вилюйская и оленекская белки считаются хуже: они рыжеватые или бурые. Белки кочуют. Иные годы в данной местности их является очень много, затем наступает период убыли. Тунгусы и олекминские якуты едят белок, но якуты других местностей, насколько мне известно, мясо белки считают нечистым. Шкурка беличьего хвостом стоит от 15 до 25 коп. на месте. Из хвостов якуты делают ошейники (мойтрук). Беличьи шкурки служат в северных округах как мелкая меновая монета, но беличий мех мало употребляется якутами, а весь вывозится.

Летяга (*pteryomys volans*), "нетягы или маскалай"; мех ее светлее беличьего.

Встречается летяга во всей стране в хвойных и лиственничных лесах. В окрестностях Якутска, на Вилюе летягами не промышляют; но на Витиме их бьют ради шкурок довольно много. В Верхоянском округе также ими промышляют в небольшом количестве; в 1884 году на Сиремской станции мне предлагали купить целое одеяло, сшитое из 60 штук, за 5 рублей (Сирем, 1884 г.).

Бурундук (*tamias striatus*), "мохотой", "муруку", водится во всей стране в пределах леса; зимою с сентября ложится на зимнюю спячку, просыпается в начале апреля.

В хлебородных округах, особенно на пашнях, расположенных среди леса, причиняется большой вред полям. Пригнувшись колос лапкой, быстро обирает он зерна и уносит в защечных сумочках; суслоны, оставленные для просушки на полях, он посещает еще охотнее и способен за ночь унести до 10 фунтов хлеба. Под снопами в то же время он находит защиту от хищных птиц: коршунов, ворон, ястребов, усердно преследующих его и опасение которых удерживает его главным образом от путешествия в открытые поля. Норы в земле бурундук рыть не умеет, но охотно пользуется готовыми. Живет в дуплистых деревьях; любит бегать по изгородям, где легче всего его поймать, поставивши старую "морду" (вершу). Бурундук делает на зиму большие запасы хлебных зерен, семян и прочее, он искусно прячет свои склады, никогда не ведет к ним преследующего его человека, и отыскать их довольно трудно. Это смелый, проворный зверек, при нападении вступающий в драки даже с собаками и кошками и нередко остающийся победителем. Он ничуть не боится людей и забирается даже на гумно и в амбары. Якутские дети очень любят за ним охотиться; пойманный рано, он легко делается ручным. Изредка встречается в Сибири черная разновидность бурундука (*sciurus uthensis* Pall).

Мыши полевки (*arvicola rutilus* и *a. obscurus*), "чынгыркан", встречаются в большом количестве на полях; забираются в амбары и среди зимы в страшные морозы, их можно видеть бегающими по глубокому снегу; след их мелкий, ровный, точно бисер, встречается в это время года чаще других следов. Кажется, что я находил в хлебах гнезда мышей-малюток (*mus minutus*), но взрослых экземпляров не видел. На юге страны, в огородах и деревнях, попадают виды домашних *мышей* и *крыс*, пробравшихся сюда, вероятно, вслед за оседлым населением.

На севере, в тундрах, в большом количестве водятся *лемминги*, составляющие главную пищу песцов; также *песцовая копытная мышь*. Из прекрасного ее меха чукчи шьют дорогие куклянки.

Крыса полевая, "кутуях", и *водяная* (*argvikola amphibius*), "кютэр". Обе встречаются во всей стране, исключая тундры. Первая вредит огородам, портит гряды, копает картофель, даже репу уносит в свои склады. В местах, где нет земледелия, они собирают в большом количестве съедобные корни, чем пользуются якуты, отыскивая и выкапывая их по осени.

Водяная крыса преследуется ради меха, теплого и нежного, который бедняки употребляют на шапки и меховую подбивку перчаток и чулок. Водяная крыса тоже портит огороды, расположенные вблизи воды. Я долго не мог понять, кто копает у меня картофель в Баягантайском улусе, пока не застал водяную крысу на месте преступления. Испуганный зверек сейчас же убежал и нырнул в воду, оставив разрытую гряду и несколько вырытых картофелин (Баяган. ул., 1886 г). Бедные вилюйские якуты едят мясо водяных крыс; в других местах, за исключением крайне редких случаев, мышей и крыс якуты не едят.

Северная пищуха (*lagomys hyperboreus*), "чис; хая или тас кутуях" (каменная крыса), водится только в горах, в каменистых россыпях¹⁾.

Евражка (овражек, эверсманов суслик-*spermophilus evermanni*) "сир кыла" (земляной зверь), "джабраскы и эргэ", настоящий бич здешних полей. Зимой спит — с конца сентября до начала апреля, на зиму собирает богатые запасы. Там, где нет хлеба, он собирает сардану и другие съедобные корни, травы и семена; в хлебородных местах набрасывается на хлеб. Говорят, что в первое время в местностях, где раньше хлеба не сеяли, евражки долго его не трогают; впоследствии любимые их места — более высокие места вспаханных полей, где им очень удобно выкапывать норы в рыхлой земле и где они безопасны от наводнения. Любимый их хлеб — пшеница, ячмень, ярица. Последнюю едят менее охотно, кроме того, высокий рост этого хлеба делает неудобным добывание колосьев. Густой хлеб также больше гарантирован от них, потому что его труднее наклонять. Первому нападению бурундука и евражки подвергаются хлеба редкие и низкие. Зверьки заламывают стебель невысоко от земли и объедают колос. Если им дать волю, они способны опустошить поля на больших пространствах.

Ловят их капканами, травят собаками; весной, когда земля еще не растаяла, выгоняют из нор водою, а главное, постоянно беспокоят тем, что забивают колья и затыкают соломой их норы, на полях и вблизи них. Тогда евражка, принужденная бегать издали, причиняет меньше вреда. Для этого нужно обходить поля со времени посева и упорно уничтожать

1) Вопрос о нахождении "тарбагана" (*arctomys spec.*) в горах Дальнего Севера решен Э.В. Толлем в удовлетворительном смысле; он видел этого зверька в Хаулаулахских горах. Beiträge. Ibid., p. 100.

новые норы, иначе на поле заведется столько сусликов, что после ничего с ними не поделаешь: они уничтожают весь сбор. Хлеб они начинают есть с момента его налива. Норы копают чрезвычайно быстро, обыкновенно с несколькими искусно спрятанными ходами, глубиной иногда в сажень, а длиною всегда больше сажени. Заключенные в норах и засыпанные землей, выбираются оттуда через несколько часов; старые, заделанные норы скоро находят и при малейшей оплошности земледельца быстро их восстанавливают.

В тех местах, где борьбы с ними не ведут, их размножается столько, что равнины и луга сплошь усеяны их норами и их резкий свист раздается поминутно из-под ног путника¹⁾. В некоторых местах они не допускают возделывания известных сортов хлеба, именно пшеницы и ячменя. Жители Улаханской и Тектюрской станции говорили мне, что раньше, когда не было столько евражек, они сеяли три сорта хлеба, теперь сеют только ярицу, потому что "евраны" другому хлебу даже вызреть не дают, все сырьем съедят". Евражки забираются и на огороды, где копают картофель; только скошенного хлеба в суслонах и прокосах не трогают и на гумно не забираются. Евражки водятся далеко не всюду, и распространение их иногда довольно трудно объяснить. На правом берегу Лены, на Амгинско-Ленском плоскогорье их нет; Маак ничего не говорит о евражках на Вилное, нет их и на Колыме. Между тем евражка водится всюду на левом берегу Лены, а также их множество в Верхоянском улусе, далеко на восток от Лены, за внутренним горным поясом; очевидно, она не идет за хлебом, которого не сеют в Верх.ул., и распространение ее подчинено каким-то другим законам.

Мясо и мех евражки отдает неприятным запахом, потому ими пользуются только крайние бедняки. В старину потребление евражки было более распространено среди якутов, теперь они считают ее "поганой" и даже ругаются словом "евражечник" (джебрахсыт).

Заяц беляк-(ушкан) (*Lepus variabilis*), "куобак, табыскан, дёлёкён", вечно кочует подобно белке. В некоторых местах, особенно в предгорьях, его водится масса; за зиму каждый промышленник добывает до 300 штук. Осенью, когда начнет желтеть трава, на зайцев ставят волосяные петли. Петли эти подвязаны к подвижному коромыслу, наподобие южно-русского колодезного коромысла; петля ставится на известной высоте среди кустов, на тропинках, проделанных зайцами; с помощью коротенького деревянного "бычка" (застежки) и "прищепок" кольцо петли удерживается настороженным до тех пор, пока зверек с разбегу не задер-

1) Нигде я не видел столько евражек, как на степевидных равнинах на юге от г. Якутска, между этим городом и селением Табага.

нет ее себе на шею и не отстегнет "бычка", тогда рычаг поднимает зайца вверх, и зверек умирает. Зайцы очень осторожны и, раз заподозрят засаду, сворачивают с тропы; ввиду этого по обеим сторонам ее делают "засеки". Волос для петли осенью берут черный или рыжий, а по снегу белый. Этот прибор зовут якуты "тусах" (рис. 10).

С ноября ставят на зайцев луки-самострелы, а в марте пасти. На плоскогорьях в сильно болотистых местах мало зайцев, мало их в северной части Колымского и Верхоянского улусов и на северо-западе от Лены, мало и в тундре. На южном плоскогорье они рассеяны более равномерно. Живут преимущественно в горных падах и на откосах гор. Летом поднимаются выше на горы, зимой спускаются в долины рек, где особенно любят острова, поросшие тальниковыми рощами ¹⁾. Кроме того, они периодически перекочевывают из одной местности в другую, иначе нельзя объяснить то неожиданное их появление, то совершенное их исчезновение. В Верхоянске 1884 год был чрезвычайно обильный зайцами; собственники нескольких десятков петель носили добычу каждый день, между тем как два года раньше там же на 100 петель в продолжение недели попадались иногда только один, два зайца. Жителям хорошо известна эта периодичность, они говорят, что заячьи годы считаются через 10 лет.

Заячий мех вполне заслуженно считается у якутов самым теплым; он дешевле и больше других в употреблении. Заячье одеяло имеется у самого бедного якута; без него немислимы ночевки зимою в снегу под открытым небом; даже в юрте при том понижении температуры, какая в ней бывает каждую ночь к утру, заячье одеяло единственное спасение от ревматизма. Якуты считают зайца всеядным, они уверяют, что зимою он не прочь отведать рыбы, оставленной на складе рыбаками в лесу, и будто не брезгует и падалью. В 1883г. в Колым.ул. мне многократно показывали, в доказательство сказанного, многочисленные заячьи следы около трупов павших в дороге животных и особый след зубов на мясе, обглоданном горностаями и волками. Шкурка заячья стоит от 5 до 10 коп.

Хищные.

Лисица (*canis vulpes*), "сасыл". Лисий мех искони причисляется якутами к благородным мехам, и, по-видимому, охота за лисицами составляла всегда видное место в якутском промысле. У них до сих пор сохранилась ими только практикуемая здесь охота на лисиц верхом на лошади с собаками, очевидно, вывезенная из дальних степей.

¹⁾Здесь их иногда застигает весенний разлив, тогда промышленники на небольших незаливаемых бугорках, где они спасаются, бьют их без труда из ружья и даже палками.

Лисица идет вслед за зайцем, она тоже кочует и периодически то появляется, то исчезает в данной местности. Впрочем, лисицы водятся и в таких местах, где зайцев нет совсем или очень мало; там добычей им служат куропатки, тетерева, рябцы и проч. Лисица живет по всему краю, исключая высокие и скалистые места.

Вот ее виды: *лисица красная*, "кисиль сасыл"; *лисица пестрая* (сиводушка), "кёрёмёс сасыл"; *лисица черно-бурая*, "хара сасыл" и пр. Эти виды делятся на массу оттенков: искристая, голубая, седая...

Промышляют якуты лисиц только осенью и зимою; ставят на них капканы, луки, пасти. Иногда лисицы попадают в петли, поставленные на зайцев, но редко в них гибнут, так как коромысло недостаточно быстро поднимает их тяжесть. Лисица ест все: рыбу, мясо, ягоды, коренья, даже трупы своих сестер, попавших в ловушки. На севере она далеко не редкость, я несколько раз видел ее вблизи жилищ, а раз она пробежала на наших глазах через двор юрты. Ее легко принять за якутскую собаку, особенно более темные виды ее, которые к тому же и крупнее. Шкура красной лисицы на севере служит меновой единицей; она оценивается от 2 до 5 рублей; от 6 до 15 рублей сиводушка и от 25 до 50 р. и более черно-бурая. Мне показывали очень красивые, совершенно черные шкурки с легкой проседью, заплаченные по 120 руб. каждая на месте.

Песец (*canis lagopus*), "кырса́". На южном плоскогорье вовсе не водится; на северном за родину его нужно принять тундру и притундренную полосу криволесья, куда он забредает только зимою. Миддендорф полагает, что на западе от Лены граница его зимних набегов простирается до 68° с.ш., на восток от Лены он заходит не дальше той же широты, а в гористые места никогда не заходит даже в более северных широтах. Маак говорит, что песцы забегают на Вилюй и Чону, но это очень редкие случаи. По количеству добываемых шкурок песец стоит после лисицы во главе пушных промысловых якутских зверей. Песцовые шкурки ценятся по времени промысла (норник, недопесок, песец) и по сорту (белый песец, пестрый, голубой) от 30 коп. до 7 руб. Самый дорогой и вместе с тем крупный — песец голубой, не уступающий величиною средней лисице.

Волк (*canis lupus*), "бёрё". мех этого животного и само оно почитаются якутами; в сказках и былинах часто упоминается мех из волчьих лап с черными полосками. Об одном богатыре говорится, что он "пошел вести самца (сохатого) за нос, медведя за ножную щетку, за ноздри — из волков лучшего, с черными полосками на передних лапах" (Худяк., стр.74). Волка промышленники исключительно луками (самострелами), да кладут отраву: сулему или другой яд. Волка на Амгинско-Ленском плоскогорье в населенных улусах Якутского округа нет; в тундре и вообще на северном плоскогорье его много, особенно там, где водятся стада диких

и домашних северных оленей, среди которых он производит большие опустошения. На домашний скот, коров и лошадей, волк нападает здесь чрезвычайно редко, даже там, где он водится, я не знаю ни одного случая нападения¹⁾. Волк считается одним из шаманских животных и поминается в заклинаниях. На Вилюе волков мало. В Колымском и Верхоянском округах их довольно. По тундре волки рыщут большими стадами, но в лесах охотятся больше в одиночку.

В стаи свыше 10 штук собираются редко; подобную стаю я видел всего один раз, весной, в конце марта, на озере Калгын, между Индигиркой и Алазеем (по почтовому тракту).

Рысь (*felis lynx*), "бэдэр или ись", в большом почтении у якутов; мех ее высоко ценится как украшение и употребляется как оторочка для шапок и шуб; рысий мех доставляют якутам купцы с юга. В Якутской обл. рысь встречается чрезвычайно редко. Маак перечисляет всего несколько случаев за многие годы, когда рысь была убита в различных местностях Якутской области.

Росомаха (*gulo borealis*), "сиэген". Встречается чаще рыси; мне рассказывали, что лет 7 назад убили росомаху в Намск.ул., около Камыстахской церкви²⁾; по словам Миддендорфа, росомаха проникает иногда до 72° с.ш. Некогда она встречалась довольно часто в Якутской обл. и причиняла большой вред домашним оленям. Охотятся на нее с ружьем и собаками, преследуя верхом на лошади.

Барсук (*meles taxus*) встречался раньше по Витиму и Лене южнее их слияния, чаще всего около слюдяных копей.

Выдра (*lutra vulgaris*), "ыты", очень редко попадается, и только на южном плоскогорье. Я не встретил якута, который бы видел ее, а рассказывали мне о ней, "что есть будто бы" (бар юсю).

Горностай (*mustela erminea*), "кырнас, белелях". Это самый распространенный из промысловых зверьков. Живет он по всей стране в горах на плоскогорьях и среди тундры. Среди него тоже замечательна то прибыль, то убыль, зависящая, вероятно, от количества пищи. Зимой он подходит к жилищам людей, забирается в амбары, ест и таскает мясо и рыбу. Ловят его особыми хлопущами-капканами ("чыркэн" — мышеловка). Это хищный, смелый и любопытный зверек. Раздраженный, он даже

1) Нужно думать, что не всегда так было; вот что говорит по этому поводу Врангель в 20-х годах о Колымском крае: "Августа 22-го холодный, резкий NW нагнал сильный снег, которым погубило не собранное в копны сено и внезапно превратило лето в зиму. Несчастные жители лишились большей части запасов, приобретенных тяжестными трудами. К тому присоединилась сильная стужа, озера замерзли, из лесов вышло множество волков, и в один месяц задушили они 80 коров..." (часть 2, стр.70).

2) В 80 верстах от г.Якутска на север, в долине Лены.

нападает на людей, и были случаи сильного поранения горностаем, так как он норовит прокусить кровеносные сосуды на шее, куда он взбирается чрезвычайно быстро и ловко. Шкурка горностая ценится от 2 до 5 коп. Она употребляется как самая мелкая меновая монета.

Ласка (*mustela vulgaris*), "мунгур", встречается реже горностая, но ценится ниже. Так же, как и первый, забирается зимой в амбары.

Видел я тоже раз *колонка* (*mustela sibirica*), "солонго", по-тунгуски: холонго, забравшегося в амбар. Вообще зверек этот редок, и шкурка его ценится 1 рубль.

Купцы, ездившие из Нижне-Колымска и Анадыря, показывали мне шкурки *черных кунниц*, "каменных", как они их называли, но якуты не знают этого зверька. Стоимость его шкурки от 4 до 6 рублей на месте.

Соболь (*mustela zibellina*), "киис, сарба". Некогда встречался по всей стране. Теперь, за исключением Витима, нет его нигде. Раньше всего исчез на Амгинско-Ленском плоскогорье, где его уже не было до пришествия русских. Главная масса якутских соболей добывалась в то время на Оленеке, Анабаре, Колыме, Анадыре, также по Алдану, Витиму и Олекме. Теперь о пребывании там соболя остались только легенды. "Здесь когда-то соболя было столько, что во двор к людям забежали"; — говорили мне колымские якуты (Колым.ул., 1883г.). Ясак с якутов взымался соболями и доходил до 9 соболей с лука (промышленника). Отдельным промышленникам в урожайные годы удавалось за зиму добыть до 100 штук¹). Охотились за соболями на лошади и пешком с собаками; собака загоняла соболя на дерево, где его убивали из винтовки или лука. В силки соболь попадал редко. Лучшими соболями всегда, как и в настоящее время, считались витимские. Теперь якуты очень мало промышляют соболей, большая часть обращающихся в торговле добыта тунгусами.

Медведь (*ursus arctos*), "эсе" (дед), некогда водился тоже во всей стране. Теперь встречается только в пустынных местностях, на предгорьях, в глухих, малонаселенных округах. Любимые места его: долины рек и горные пади; среди озер бродит неохотно. На Амгинско-Ленском плоскогорье нет его совсем, и он заходит туда случайно. В Олекминском, Колымском, Верхоянском и Вилюйском округах встречается местами даже вблизи человеческих жилищ, но там же есть места совершенно пустынные, где его почему-то нет. Отмечают два его вида: бурый и черный. Черный меньше, но считается злее. Вообще здешние медведи, уступая по величине и количеству байкальским, злее последних.

1) В настоящее время упромыслить такое количество, хотя бы белки, удается довольно редко.

Они нападают не только на рогатый скот, как байкальские, но и на лошадей, даже на людей, чего почти не бывает в Прибайкалье¹⁾.

Ложатся медведи в сентябре и в первых числах октября; встают, по показаниям якутов, в начале мая (на Николеу); я же видел в Верхоянских горах медвежьи следы в апреле. Охотятся якуты за медведями по преимуществу в берлоге и ставят на них западни с приманкой (кулема). Маак говорит, что на Вилуе, выше Сунтара, до Чоны якуты, случалось, убивали от 15 до 20 медведей ежегодно. Такой промысел нужно считать обильным.

Шкура медведя стоит на месте от 8 до 20 рублей. Белого медведя якуты знают только понаслышке, зовут его "юрюнг эсе", что значит "белый дед". Медведя якуты очень боятся, почитают и величают "князем зверей". Они думают, что медведь происходит от человека — "оборотня" (Верх. ул., 1880г.). Избегают называть его по имени, и во всякой местности есть для него особые гадательные прозвища: "хара" — черный, "тоён" — господин, "кок" (?), и т. п. В сказках он играет немалую роль, да кроме того, про него рассказывают массу анекдотов, доказывающих его ум, благородство, хитрость или кровожадность.

1) Я знаю несколько случаев нападения якутского медведя на человека без всякого повода. В 1886г., в августе, урочище Эбэ в III Баягантайском улусе подверглось необычному нашествию медведей. Говорили, что их пригнали снега, рано выпавшие в Верхоянских горах, другие говорили, что это вилуийские (кокуйские) медведи, выгнанные из своих мест лесным пожаром. Так или иначе, но медведей оказалось так много, и проделки их были так дерзки, что навели панику на население. Всюду по целым ночам жгли огни, люди ходили вооруженными и по несколько человек вместе, женщины боялись ночами выходить из юрт без провожатых. Медведи рвали скот, забирались в оставленные юрты, в молочные погреба, в амбары. Одного медведя так и убили в погребе, куда он залез и, наевшись масла и молока, уснул. В другом месте мне показывали следы его пребывания в пустой юрте, куда он забрался через окошко, величиною в один квад. фут, а вышел через дверь, выбивши ее. Якуты ничего не предпринимали и, только когда медведь съел человека, а на другого напал, устроили общую облаву и в несколько дней убили восемь медведей. При мне же имел место другой случай нападения медведя на человека в Колымском улусе, где медведь взял со двора якутского мальчика 9 лет. В том же Кол. ул. медведица с пестуном остановила учителя П. Решетникова, который спасся от них только меткими выстрелами, убивши всех троих. Подобных примеров, можно бы привести много, хотя параллельно существует масса случаев, доказывающих добродушие этого зверя. На Колыме безоружные бабы и рыбаки часто натываются на лежащих на берегу медведей и спокойно проходят мимо. В 1885г. два медведя повадились ходить на берег Колымы, как раз против города Средне-Колымска, но никого не трогали и скота не преследовали. Такие же два медведя издавна бродят в окрестностях Верхоянска; их много раз видели в мое пребывание в этом городе, но и они не трогали ни людей, ни скота. В Колымском крае медведи охотнее всего осматривают сети, верши и грабят рыбные амбары.

Жвачные.

Кабарга мускусная (*moschus moschiferus*), "мёкчэнгё, сайга или мэччики" — попадает на Лене, даже севернее Олекмы, но мало. В Верхоянске тунгусы привозили кабарговую струю, добытую, по их уверениям, в Верхоянских горах.

Косуля (*cervus capreolus* и *c. pygargus*), "туртас". На Лене, ниже Олекминска не встречается. По Витиму и окрестностям Мачи ее много.

Каменный баран (*aegoceros argaliensis nivicola*), "чуббуку", водится в неприступных местах внутреннего горного пояса. Любит самые высокие сопки и гольцы, где часто можно видеть сторожевые их пикеты. Тунгусы их много убивают. Огромные рога, достигающие иногда пуда веса, употребляются тунгусами и якутами на поделки.

Лось (*cervus alces*), "таях, улукыл" (большой зверь), "ынах" (корова). Когда-то встречался во всей стране на плоскогорьях. Теперь изредка попадает в глухих местах. Специально лосиного промысла у якутов нет и никогда не было.

Северный олень (*cervus tarandus*). Для того чтобы считаться промысловым зверем, водится его достаточно только в Колымском округе, да в северной части Верхоянского, на Лене, Оленеке, Анабаре, Хатанге и проч. На южном плоскогорье еще охотятся за ними весной на лыжах, но водится его там мало. Об огромных стадах диких оленей, тысячными табунами кочевавших с севера на юг осенью и промышляемых якутами и тунгусами при переправах через реки, как это описывают путешественники конца прошлого и начала настоящего столетия, остались только предания. Теперь дикие олени встречаются в одиночку или небольшими стадами, главным образом в горах и предгорьях, куда спускаются летом на луга, меняя на это время мох на злаки и водоросли. Дикий олень отличается от домашнего более темной шерстью. Он мне показался стройным и высоким; по крайней мере тот самец, которого я имел возможность разглядеть на расстоянии нескольких шагов¹⁾, складом тела напоминал скорее настоящего оленя. В сентябре и октябре мясо оленя бывает самое вкусное; тогда же и мех его считается лучшим; его мех считается теплее меха домашнего оленя; на месте шкура дикого оленя стоит от 1 рубля до 2р.50к. Якуты промышляют их из винтовок, да ставят на них луки-самострелы. Ямами якуты не промышляют никакого зверя.

1) Эта встреча случилась в 1882г. по дороге из Усть-Янска в Верхоянск, на берегу одного горного озера (Сорданах); зверь, испуганный нами, выскочил из-под берегового обвала, где в тени спасался от комаров. Мы наехали на него вплотную. Олени, застигнутые врасплох в таких местах, нередко бросаются в воду и захлебываются с испугу. Колымские якуты промышляют оленей осенью на озерах, выжидая их темной ночью там, где растут их любимые водоросли; заметивши зверя, осторожно подплывают к нему на душегубке и колют легким копьём (покоюгою).

Домашние животные.

Собака.

Рис. 12. реди собак, встречающихся у якутов, можно отметить следующие породы: а) собственно якутскую, сторожевую и промысловую собаку; б) собаку приморскую, ездовую и в) собаку *подгородную* — помесь якутской и всевозможных пород, привезенных из России купцами и чиновниками. Конечно, деление это самое грубое и поверхностное.

Опыт научного описания якутской собаки сделан пока только Миддендорфом. Хотя за объект исследования он взял тунгусскую шавку из верховьев Силимджи, там не менее всякий, издавший якутских собак, сразу признает тождество их с описанием и рисунком.

По определению Миддендорфа, собака эта принадлежит к породе *шпицев*. Ростом она редко выше $1\frac{1}{2}$ — 2 футов и редко длиннее 2 — 2,5 футов. Она поджара, на относительно высоких и тонких ногах. У нее острая морда, стоячие, остроконечные, подвижные уши и длинный пушистый хвост. В радостном, возбужденном состоянии она этот хвост закручивает вверх, налево трубою, озадаченная или испуганная — распускает его и волочит по-лисьи. Голова у нее небольшая, лоб мал. Цвета она по большей части однообразного, темного или серого, светлеющего постепенно книзу на боках и совершенно светлого на груди и брюхе; масть рыжая, желтая или пятнистая встречается относительно редко. Шерсть меха густая, длинная, прямая, блестящая, жестче на ощупь лисьей, но мягче волчьей. По характеру подпушка и распределению ости меха, а главное по строению тела, по всей внешности и характеру якутская собака занимает, несомненно, середину между лисицей и волком. Миддендорф, отметив это, ставит их все-таки ближе всего к шакало-волчьим ублюдкам.

Движения якутской собаки проворны: она легко делает крупные, внезапные прыжки, побежка ее отличается плавностью и твердостью; обоняние у нее по-видимому не особенно развито; на охоте можно заметить, что она больше доверяет своему слуху и зрению. Зрение у нее

прекрасно. Глаза небольшие, расположенные недалеко друг от друга, кажутся немного косыми, окрашены они в желтый или изжелта-карий, прозрачный цвет; зрачок большой и подвижный; глаза легко воспламеняются при виде добычи или от ярости и тогда горят даже в темноте, точно уголья.

Вид у собаки хищный, особенно когда, насторожив уши и распутив хвост, она всматривается в даль, готовая туда броситься. Тем не менее она далеко не свирепа; чрезвычайно редко кусает людей, легко робеет и охотно слушается приказаний, конечно, если их понимает ¹⁾. Любит ласкаться, не лишена смышлености, хотя кажется подчас тупой, благодаря заброшенности, в которой воспитывается у якутов. Лишения делают ее унылой и равнодушной.

От природы она весела, чутка, хотя может быть и менее бдительна, чем наши деревенские собаки. Последнее можно лучше всего заметить на сытых, живущих в холе якутских собаках. Летом якутская собака мало живет дома, она все рыщет по окрестностям, отыскивая добычу; она прекрасно выслеживает и ловит зайцев, овражек, крыс и других мелких четвероногих, а также умело разыскивает гнезда с яйцами и хватает молодых птиц. Дома она круглый год ничего не получает, за исключением *человеческого кала*, и только благодаря способности сильно жиреть за лето и затем жить зимою на счет этого жира она не гибнет с голоду. Вечно голодная, она, случается, до того промерзает в морозы, что впущенная в избу, пока согрется, дрожит, как в лихорадке, и жалобно визжит.

Впрочем, в самые сильные морозы якуты позволяют им все время проводить в избах. Там они вступают в большую дружбу с ребятишками, от которых пользуются крохами пищи и с телец которых жадно слизывают грязь и кал. Вот все, чем пользуется якутская собака от человека; связь ее с ним слабая и носит какой-то весьма древний характер, чуть ли не с самого начала их взаимного знакомства.

Считаю нужным отметить, что редкая якутская собака не страдает солитером и глистами; есть среди них замечательно болезненные субъекты, нервные и припадочные, но, несмотря на сильный летний зной, я за все двенадцать лет не знаю ни одного случая *собачьего бешенства* (водобоязни).

1) Знаю случаи, когда обыкновенная якутская собака выучивалась носить поноску, бросалась за ней даже в воду, носила убитую птицу, разыскивала спрятанные в комнатах предметы и даже, посланная самостоятельно, находила оставленные на месте прогулки потери: платок, палку, связку ключей.

Приморские ездовые собаки. Они крупнее ростом, и, судя по их складу, нужно думать, составляют или особую породу или помесь нескольких пород, в том числе и якутской. Внешностью они напоминают волка; они не лают, а воют и тьякают. Собственно, и якутские дворовые плохо лают, но все-таки лучше ездовых.

Лучшими ездовыми собаками считаются в данное время индигирские. Цена собаки в этой местности колеблется от 6 до 15 руб. серебром, а передовой от 25 до 60 руб. сер. И в других местностях якутского морского побережья она держится в этих цифрах. Способ запряжки, приемы, даже названия частей упряжки всюду одинаковы на восток от устьев Енисея. В Западной Сибири они другие, и собаки там другие; по крайней мере те остяцкие собаки, которых я видел на Оби, сильно отличались от индигирских и колымских собак; еще больше от них отличаются собаки *амурские*. Это делает вероятным предположение, что ездовые собаки якутского побережья родом с востока, может быть, из Америки. То обстоятельство, что русские застали здесь ездовых собак только на востоке от Лены, у юкагиров и чукчей, подтверждает это предположение ¹⁾.

В Западной Сибири упряжь очень странная: шлея надевается на туловище перед подвздошной костью и ремень от нее пропускается между ногами животного, так что они тащат тазом. Восточносибирская упряжь — грудная: шлея надевается на грудь собаки и ремни от нее идут по бокам животного к "*алыку*" (тяжевой ремень, заменяющий дышло). На собаку в дорогу полагается от 2 до 2 ¹/₂ пудов тяжести. Полная запряжка считается: двенадцать собак и тринадцатая "*передовая*". Кормят собак в дороге сырой, мерзлой или вяленой, сухой рыбой; дома корм варят. Хлеба якутские собаки не едят, как бы они ни были голодны, понюхавши его, они совершенно равнодушно отходят в сторону, точно это камень. Между тем они едят бруснику, голубику, смородину, обгрызая их прямо с кустов; едят какие-то травы и корни. Впрочем, их нетрудно приучить и к хлебу, подмешивая, сначала в небольших количествах, муку к рыбной похлебке. Для запряжки из 12 собак полагается в сутки от 50 до 70 сельдей, смотря по работе и степени "*сытости*" (откормленности) животных. Жирных собак якуты по осени перед началом езды обязательно тренируют и "*вывязывают*". В дороге вначале, пока они не привыкнут, дают каждые 5 верст роздых. Обучают молодых собак, за-

1) Я склонен думать, что ездовых собак русские застали только у чукчей Чукотского полуострова; юкагиры были оленеводы; якуты и юкагиры обзавелись собаками впоследствии при посредстве русских и от них позаимствовали название упряжи, ее форму и способы обращения с ездовыми собаками.

прягая с опытными; лучших собак запрягают спереди; "передовая" должна быть самая смышленная и обученная.

На хороших собаках можно совершать длинные путешествия в несколько тысяч верст¹⁾, но едут тогда не быстро. На коротких расстояниях весною, по убитой, ровной дороге на 12 собаках с 20 пудами клади можно проехать в сутки от 150 до 200 верст; обыкновенная езда не превосходит 60 — 70 верст, а по плохой дороге едут не больше 40 или 30 верст в сутки.

Езда на собаках очень неприятна, ввиду постоянной вонючей отрыжки и испражнений животных на бегу.

После дороги усталых собак якуты перед кормлением обязательно "выдерживают"; тощих же, бессильных собак кормят даже в пути, во время коротких отдыхов. Если корма в дороге не хватило, то едут безостановочно до полного истощения сил и ни в каком случае не дают собакам спать, так как говорят, что от этого "у них деревенеют ноги". В сильные морозы на задние ноги и мошонку надевают собакам род штанов; весною "в наст" во избежание подбоя на лапки надевают им кожаные башмачки. Когда в пургу приходится пережидать метель в чистой тундре, то "каюр" (ямщик) часто должен вылезать из-под нарты, где обыкновенно укрываются в то время люди под пологом из кожи, чтобы отряхнуть и отгребать собак из-под снега; иначе не добыть их впоследствии оттуда, а сами они лежат все время, свернувшись, неподвижно. Робкие и смиренные от природы, в упряжи здешние собаки свирепеют; они часто дерутся между собою, набрасываются стремительно на такого опасного противника, как белый медведь, а набежав нечаянно на корову, лошадь или оленя, разрывают их мгновенно. Знаю случаи, когда даже люди были принуждены спастись перед ними на деревьях. *Каюр*, если раньше не увидел опасности и не принял мер, редко с ними может справиться в такие моменты. На меня самого раз набросилась свора собак и порвала на мне платье, когда я неосторожно подошел к нарте в отсутствие хозяина, не заметивши спавших в снегу животных. Во время голода, когда весною их почти не кормят, они тоже опасны; тогда они собираются стаями, бродят далеко, за несколько десятков верст по окрестностям, рвут встреченных оленей, коров и лошадей, но на людей, сколько мне известно, не бросаются; достаточно грозного окрика или взмаха палкой, чтобы разогнать целое их стадо. Раз только, к великому удивлению якутов, они окружили и чуть не разорвали в Усть-Янске приезжего русского, вышедшего погулять за деревню. "Этого не бывает! Этого наши собаки не сделают... То есть никак, чтобы хозяина съесть!" — утверждали колымчане, когда я рассказывал им про случай с американским морским офицером в 1882 г.,

1) Известный мне максимум — 2 000 верст.

унесенным течением в море на льдине вместе с 12 собаками и, по-видимому, съеденным ими ¹⁾).

Ездовые собаки страдают иногда повальными болезнями, неизвестными у сторожевых и промысловых, как-то: собачьим сапом и какой-то болезнью, похожей на бешенство: собаки становятся угрюмы, не ездят, кружатся на одном месте и околевают в судорогах. Они кусают в это время друг друга, и укушенная обязательно заболевает; людей они не кусают. Болезнь эту я наблюдал в Средне-Колымске в 1883 году зимою, в декабре.

В 1821 и 1823 годах собачий сап страшно разорил все прибрежное население, уничтоживши большую часть собак на востоке от Лены. Кроме того, ездовые собаки часто дохнут от изнурения, от чахотки, болезни почек и проч. Средняя продолжительность жизни ездовой собаки здесь 10 лет; от 2 до 6 лет собака считается самой сильной. Ездовых собак якуты кастрируют.

Якуты, насколько я заметил, любят вообще крупных, мохнатых псов, а также таких, в которых заметна кровная примесь, собак с большим лбом, толстыми мордами и лапами, с висячими длинными ушами. За таких щенков даже на юге, где не дорожат собаками, охотно платят деньги. Этот вкус, несомненно, способствует быстрому распространению *подгородных*, южных, европейских собак даже в глубине страны, далеко от русских центров, и постепенной метисации якутских шавок.

1) Так заключают по положению тела, найденного впоследствии (устное сообщение путешественника Гильдера).

Домашний северный олень.

Рис.13. Тунгусский всадник.

Воспитанием домашних оленей, несомненно, занимались аборигены некогда во всей этой стране. Даже в тех местностях Якутского округа, где оленя теперь совершенно нет, встречаются кости его в земле, перемешанные с человеческими костями и металлическими частями оленьей упряжи. Во многих местностях сохранились предания, что там когда-то водились домашние олени. Укажу хотя бы на долину Борогонской улусной управы, где кочевал до пришествия якутов тунгус Миоре с многочисленными стадами, а также на долину Сунтарского озера, будто бы получившего свое название от тунгуса Сунтар. "Тунгусы не знали другого скота, кроме оленей...Олени — тунгусский скот!" — единогласно утверждают предания. Предания утверждают также, что якуты позаимствовали этих животных у тунгусов.

Если в настоящее время якутские олени отличаются от тунгусских большим весом и большей силой, то это следует приписать исключительно искусственному подбору и культуре.

"Наши олени самые крупные и крепкие в стране. Самые мелкие и слабые — чукотские "каргин"; тунгусские олени — посередине. Если на пару наших можно грузить (на сани) 12 — 15 пудов, то на тунгусские — 10 — 12 пудов, а на чукотские — 8 — 10!" — говорили мне не без гордости колымские якуты (Андылах, 1883 год). Чукотских оленей, как ездовых, якуты совершенно отрицают и покупают исключительно на мясо. Мяса в "каргин" иногда всего 2,5 — 3 пуда, между тем как в якутских оленях соответственного возраста редко бывает меньше 4 пудов, а случаются иногда особи в 5,5 пудов чистого мяса с костями. Валовой вес якутского оленя с внутренностями, рогами и кожей достигает даже 10 пудов. Высота их от земли до вершины холки нередко равна 3 — 4 футам, а длина 5,5 — 6 футам. Преобладающая масть рыжая или пестрая, белых мало.

Домашние олени, равно как все здесь четвероногие, два раза в году меняют шерсть: в марте начинают сбрасывать зимнюю, в конце октября начинают снова обрастать ею; рога они меняют зимою; у сильных, жирных особей вскоре (недели через две-три) после потери старых рогов начинают расти новые, вначале покрытые мягкой кожицей и полные крови. Якуты и тунгусы очень любят эту кожицу и эту кровь. Время потери и вырастания рогов различно и зависит от степени тучности, силы и возраста оленя. Сильные, возмужалые олени сбрасывают рога в декабре, слабые — в марте и апреле. Оленицы телятся в мае; течка происходит у домашних в ноябре. Тунгусы доят отелившихся самок; вначале те дают в сутки до 4 чайных чашек густого, сладкого молока, вкусом напоминающего подслащенные сливки. Молоко жирно, легко сгущается в сметану и без труда перерабатывается в прекрасное масло. Тунгусы пьют оленьё молоко с чаем, но никаких консервов из него готовить не умеют; они чрезвычайно удивились, когда раз на их глазах, в виде опыта, было из оленьего молока приготовлено так любимое ими масло. Якуты совершенно не доят своих оленей, чему отчасти нужно приписать и больший рост и большую силу якутских телят. Для езды и возки тяжестей якуты употребляют оленей преимущественно в упряжи; запрягают их точно так, как и чукчи: попарно, в длинные, легкие "нарты". Шлея у них тоже похожа на чукотскую; только гуж у чукчей наглухо прикреплен к ножкам саней, а у якутов движется свободно по обручу, соединяющему перед полозьев. Тунгусы употребляют северных оленей преимущественно под верх и под вьюки.

В северных округах Якутской области, у границы леса, где опыты разведения коров и лошадей по тем или другим причинам оказались неудачны, где у русских в домашнем быту господствует собака, якуты, вообще недолголюбивающие собак, главным образом обращаются к оленеводству.

У них там больше оленей, чем у тунгусов. Есть богачи в Верхоянском и Колымском округах, владеющие стадами в несколько тысяч голов. Обыкновенно стада эти раздроблены на части и разосланы в предосторожность от падежа в разные стороны, где пасутся под присмотром наемных пастухов — якутов и тунгусов. Для домашнего обихода, возки дров, доставки рыбы и снастей якуты держат в этих местностях в небольшом количестве собак. Оленей употребляют только для дальних путешествий, для перевозки кладей, а также бьют на мясо.

Единственная особенность, которую якуты стремятся ввести в образ жизни присвоенных ими оленей, — это сокращение, даже устранение дальних кочеваний. Стада их обыкновенно зиму и лето бродят в одной и той же местности, в районе нескольких десятков верст кругом жилища. Через определенное число дней кто-либо из домашних разыскивает и

проверяет стадо и гонит его ближе к дому. Если вблизи появились волки, то на ночь к стаду отряжают детей с котлами и сковородами, ударяя в которые, они отгоняют хищников. Олени прекрасно сознают опасность и, почуввав неприятеля, стремглав бегут к огню, не опасаясь шума (Колымский округ, Андылах, 1883 г.). Летом вместо того, чтобы угонять стада от комаров, подобно тунгусам, в горные долины или на берег моря, якуты пригоняют их поближе к дому или строят в известных местах крытые сараи, куда в особенно комариные дни и жару прячутся животные. Там устроены окруженные плетнями углубления, где люди постоянно поддерживают горящие дымокуры. Животные стоят в дыму, понурые, голодные, иногда по целым суткам, не смея выйти наружу. Они ужасно боятся укушения всякого овода; комары изъедают их, несмотря на густой и длинный мех, до ран. Они забираются в этот мех и оттуда даже сильный ветер не в состоянии их выгнать. Помогает только дым или вода, и к обоим этим средствам охотно прибегают олени. Если нет дыма, они по шею залезают в воду.

Оленьего моха во всей Якутской области, а особенно в северных ее частях, так много, что зимою даже довольно крупные стада могут не кочевать и не испытывать недостатка в пище. В более густонаселенных местностях такие кормовища из года в год уменьшаются, уничтожаемые пожарами. Летом олени не едят моха, а предпочитают травы, водоросли и особенно листья и ветки березы, тополя, осины. Любовь оленей к соли и грибам общеизвестна. Они очень усердно посещают летом солонцы (туран), а зимою отыскивают около жилищ снег, облитый человеческой мочою, остатки соленой рыбы, пропитанные потом тряпки и проч. Очень охотно они пожирают также рыбную шелуху и целых мерзлых рыб, даже несоленых, а Миддендорф описывает, как они с удовольствием ловили и ели мышей. Несмотря на такую неразборчивость, известные мне опыты якутов приучить северных оленей к селу оказались неудачны. О сборе в запас оленьего моха якуты еще не подумали и даже подсмеивались над моими советами попробовать делать нечто такое.

Якутов сильно в оленеводстве стесняют, с одной стороны, привычка жить в постоянных деревянных домах, с другой, необходимость постоянных перекочевков оленевода.

Долгане, принявшие тунгусский образ жизни, кочуют со стадами; стада их, впрочем, значительно меньше стад колымских, янских и оленекских якутов. Якуты виллойские и алданские оленеводством не занимаются, а приобретают оленей у тунгусов, исключительно почти для перепродажи.

Кроме указанных мною выше легких уклонений в рост и цвет, я не заметил у якутского северного оленя никаких отличий от тунгусского или чукотского. По характеру он также смирен, терпелив и покорен, также

осторожен и находчив и в пути, на болотах, на переправах через быстрые речки, на горах незаменим, благодаря твердости поступи, ловкости, легкости и особому устройству своей многокопытной ступни, способной широко растопыриваться и подбитой снизу толстыми подушками-мозолями, точь-в-точь как у верблюда. Под вьюками олень в состоянии нести не больше трех пудов; в санях пара их легко везет 15 пудов.

Попытки приручить диких оленей оказывались до сих пор неудачны; но ради получения более сильных и рослых особей тунгусы и якуты выгоняют своих самок во время течки в лес для случек с дикими самцами. На таком ублюдке, отличающемся некоторой строптивостью, но вместе с тем силой и ростом, Миддендорф совершил известное свое путешествие вдоль китайской границы, по отрогам Яблонового хребта.

Олени часто страдают от повальных болезней: сибирской язвы и болезни копыт. Последнюю якуты лечат, без особенного, впрочем, успеха, ежедневным очищением ран от гноя и прижиганием медным купоросом.

Мясо якутских и тунгусских оленей вкусное и плотнее мяса чукотских "каргин", но мне не случалось видеть у якутов до такой степени тучных животных, как у чукчей. У этих последних случаются олени буквально сплошь обросшие, точно свиньи, слоем жира пальца в два-три толщиною. Из оленьего жира можно готовить отличные свечи, твердостью, опрятностью горения и светом пламени значительно превышающие наши сальные свечи, а также прекрасное, плотное мыло.

Рогатый скот.

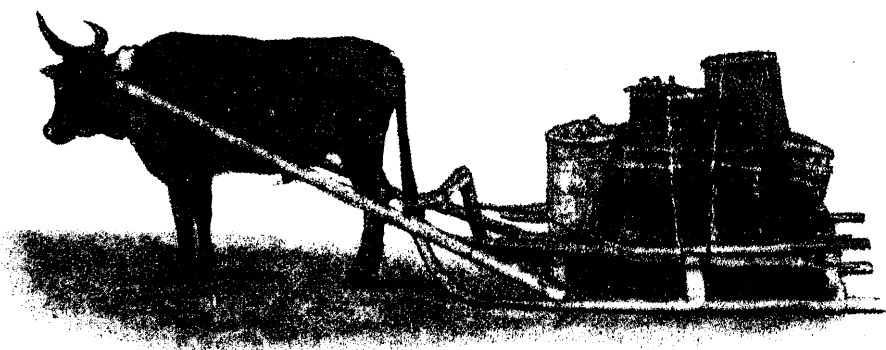

Рис. 14. Якутский бык шести лет (с фотографии).

Первое, что бросается в глаза в наружности якутского скота, — это необыкновенно длинная и густая его шерсть зимою. Длина волос достигает 1,5 — 2 дюймов; густота даже летнего одеяния много превышает густоту шерсти нашего скота. Ростом якутский скот мельче европейского, но крупнее бурятского. Средний вес мяса (без внутренностей, головы и

голеней) можно принять для самцов — 9 пудов, для самок — 7 пудов; выше этой нормы скот считается здесь крупным, ниже — мелким. Вес, впрочем, сильно зависит от степени тучности; для вышеприведенных данных я имел в виду скот средний, немного старше 4 лет, гулявший свободно, недоеным или неупотребляемым в работу всего несколько летних месяцев. Средней степенью тучности считается у быка 1 пуд 10 фун. внутреннего жира и 1 пуд жира у коровы; самые крупные и жирные из известных мне образцов дали: корова, гулявшая 2 года яловой, 12 пудов мяса и 2 пуда жира, бык — 18 пудов мяса и 2 пуда жира.

Холощенные быки всегда крупнее поросят; скот северный (верхоянский и колымский) мельче скота из южных округов.

По форме якутский скот можно назвать низким и длинным. Высота его от земли до крестца редко превосходит 4 фута, между тем как длина нередко достигает 7 футов. У него небольшая, короткая голова; небольшие, гладкие рога; ноги короткие, узловатые; холка невысокая, спина слегка выгнута, шея развита слабо. Вообще весь костяк довольно жидкий, и скот кажется на вид много тщедушнее европейского. Это живой, подвижный, горный скот, ловко лазающий по крутизнам и прекрасно пробирающийся сквозь лесную чащу. Верховые якутские быки умеют ходить крупной "переступью", не уступающей у некоторых экземпляров лошадиной иноходи. На санях якутский бык в состоянии увезти от 20 до 25 пудов тяжести, но на далекие расстояния якуты редко грузят больше 15 — 17 пудов.

Корова дает в среднем от 4 до 5 бутылок молока в день. Эта слабосильность и неудойливость якутского скота в значительной степени обусловлена уходом. Раз якутский скот попадает в лучшие условия, он быстро крепнет и делается молочнее. Бык без труда везет 20 пудов за несколько сот верст, корова начинает давать до 10 — 12 бутылок в день. Рост, время течки и отела, качество мяса, кожи, молока, понятно, тоже сильно улучшаются, раз якутский скот попадает в руки богатых русских колонистов или скопцов, ведущих хлебное хозяйство, где скот начинают кормить хлебом. Особенно заметно это на скоте, который с детства или в продолжение нескольких поколений воспитывался в благоприятных условиях. Заметно это даже на скоте богатых якутов, хотя там уход остается тот же, и только слабеет степень голода, от которого страдает зимою весь без исключения якутский скот.

Способность переносить дурную погоду, холод, голод, недоедать, есть положительно все, всякую растительную "ветошь", удовлетворяться в случае надобности чрезвычайно малым, а затем быстро отъедаться на хороших кормах и впоследствии жить на запас накопленного жира и мяса замечательно развита у якутского скота. На это тратится огромная масса энергии, но в смысле продуктивности свойство это не имеет почти значе-

ния, если только не влияет отрицательно; зато оно делает скот неоценимым в качестве пионера скотоводства. Только благодаря ему удалось якутам так далеко на север провести рогатых. Они теперь самые северные скотоводы не только в Азии, но и на всем земном шаре. Самые северные известные мне скотоводческие их колонии находятся на р. Амолое ¹⁾ под 70° с.ш., а самая северная, из посещенных мною, была в 1882 г. на р. Яне под 69° у впадения в нее речки Кюнгяс. На Колыме, Алазее, Индигирке распространение рогатого скота не достигает в настоящее время этих широт; оно прекращается южнее градуса на два. В старину оно достигало Ледовитого океана конечно, только в речных долинах. Сохранились также остатки рогатого скота в Усть-Янске и предание о нем в Нижне-Колымске и на Аллайхе (низовья Индигирки).

На плоскогорьях, где и пастбища грубее, и больше болот, и холоднее, а главное, где люди не так охотно селятся, как над реками, скотоводство уходит в глубину лесов на несколько сот верст от его границ. В долине р. Лены и на западе от нее скотоводство отступает еще более на юг; там оно нигде не переходит севернее внутреннего горного пояса. Есть там, впрочем, предания о скотоводстве в одной местности, именно: на Жессейском (Эсэ) озере, в настоящее время совершенно безлюдном. На реке Енисее скотоводство опять переходит за Полярный круг. Миддендорф говорит о стаде коров штук в 20 у монахов Туруханского Троицкого монастыря; дальше на севере он встречал рогатый скот у шорохинских якутов и русских крестьян ниже селения Хантайского ²⁾. На берегах Охотского моря скотоводство пришло в совершенный упадок. Несмотря на старания правительства, на "казенных коров" и особые скотоводческие должности, несмотря на постоянный подвоз туда скота из Якутского округа, Миддендорф в 1844 году застал в Удском остроге всего 7 голов, крайне жалких и погибающих. Теперь, насколько мне известно, там совсем нет скота. В окрестностях Охотска скот уцелел только в якутских селениях, но и там количество его не возрастает, а падает. Причину такого неудачного насаждения скотоводства вблизи морского берега нужно искать, по словам Миддендорфа, не в климатических условиях и отсутствии пастбищ, а в обилии рыбы.

Все внимание населения в таких местностях, естественно, направлено на рыболовство, уход за скотом по недосугу делается небрежнее, а этого совершенно достаточно, чтобы неокрепший, не применившийся к условиям и малочисленный скот на рубежах его распространения начал вырождаться, хиреть, а затем гибнуть, то от заразы, то от бескормицы.

1) Впадает в Ледовитый океан западнее Яны в Борхойскую губу.

2) Миддендорф. Путешествие. Часть II, Отд. 5, стр. 549.

Небрежность, возникающая вследствие перемещения хозяйственного центра, выражается вначале часто в очень незначительных подробностях. Итак: в Колымском округе хлева тесны, совершенно темны и, за редкими исключениями, не вентилируются ежедневной топкой. Они строятся там отдельно от человеческих жилищ, а у людей, занятых рыбным и звериным промыслом, нет времени и сил протапливать их. Их строят такого размера, чтобы они согревались теплом самих животных. Такое отделение, при якутском способе содержания скота, полезно для людей, но, безусловно, вредно для животных. Нужно слышать жалобное, смиренное мычание скота при входе к нему человека, чтобы понять, как скучно ему в здешнюю бесконечно длинную зиму в душных, темных, молчаливых хлевах, как тоскует он там за привычным ему обществом своего господина, за разговором и движением людским, за блеском огня.

Между тем здесь даже выводится обычай кормить скот зимою на дворе и мало-помалу исчезают приспособления для защиты его в это время от ветра и снежных заносов. Скот кормят или в хлевах, или на ветру и часто в период вьюг, в продолжение многих недель, его выгоняют только на водопой. На Индигирке, на Уяндине, в низовьях Яны повторяется то же самое. Если обратимся затем к уборке сена в рыболовных местностях, то заметим ту же небрежность: промысел не позволяет косить и убирать сено вовремя; оно переставается, деревенеет, затем, в ожидании досуга хозяев, нередко гниет в копнах или уносится наводнениями. На Ситке и устьях Вилюя косят, например, в конце августа; трава там — грубый, второсортный пырей и осока; сено получается скверное. "Такого сена не ест наш скот, разве в голод", — рассказывали мне намские якуты. Самые обильные рыбой места — это устья северных рек, между тем, чем дальше на север, тем больше удлиняется время, в продолжение которого скот требует самого внимательного ухода. Если в южных округах кормить сеном и держать в хлевах приходится с Покрова (1 октября) до Николая (9 мая), то на севере срок этот отодвигается до конца мая, а начинается нередко на Семенов день (1 сентября). Неудивительно, что скот там хиреет.

Ночи всюду якутский скот проводит зимою в хлевах; по мере укорачивания дня и увеличения холодов время пребывания на воздухе естественно уменьшается, наконец оно сводится до 2, даже до 1 часу в день. Всегда ли так было и насколько прав Гмелин, сообщающий, что "якуты пасут свой скот всю зиму на подножном корму"¹⁾, решать не берусь; вероятно, он имел в виду только конный скот. Отмечу только, что и рогатый якутский скот при обильном питании прекрасно переносит сту-

1) Гмелин. Путешествие, том II, стр. 395.

жу. Якуты это знают. "На холоде скотина жиреет; она больше ест. Нужно только не вводить ее в хлев (хотон) с осени. Мы так откармливаем лучших убойных животных: пускаем в зарод сена (кюре) с Покрова и там она днюет и ночует" (Намский ул., 1889 г.). На дороге можно не раз видеть, как рабочие быки, везущие тяжести в город, ночуют в январе и декабре под открытым небом, вместе со своими господами. В Западном Кангаласком улусе у богатых крестьян я встречал быков, которые из году в год всю зиму проводили в холодном сквозном загоне. Они, точно медведи, обросли густой пушистой шерстью, но были бодры. Хозяин уверял, что они "больше везут, но только и едят больше; все равно клади на такого быка сена (корма) в зиму, как на коня!". Некоторые скопцы и некоторые политические ссыльные находили возможным даже телят и дойных коров держать в холодных хлевах, во избежание парши и паразитов; удойность от этого не страдала, скот казался бодрым и только съедал больше сена. О таких опытах у якутов я не слыхал. Они чересчур дорожат сеном, стремятся кормить скот возможно экономно и держать его возможно много.

С конца апреля, самое большое с 9 мая, в южных округах установлено, что скот уходит на подножный корм. В северных местностях, как я это сообщил выше, срок этот замедляется недели на две, на три, смотря по году и местности. Уже с того момента, когда кончики прошлогодних трав стали выглядывать из-под тающего и оседающего снега, даже в годы, обильные сеном, дачи сена скоту уменьшаются. В мае подкармливают только дойных или стельных, на сносях, коров, телят да работающих быков. Остальной скот сам разыскивает себе пищу. Он разбредается по сенокосам, по рощам, по влажным луговинам, где отыскивает самым тщательным образом мельчайшие съедобные остатки. К моему удивлению, он в крайних только случаях обращался к высокому, густому, растущему на кочках пырею, предпочитал ему низенькие, чуть заметные травки, полуобглоданные остатки водорослей и тростника. Особенно он любит в это время ветки деревьев: березы, тальника, осины.

Собирать и разыскивать скот в это время довольно трудно: в поисках пищи он уходит иногда далеко от дома, а между тем возможность наводнения и хрупкость льда на озерах заставляет бдительно за ним наблюдать.

По мере того, как расцветает растительность, скот быстро поправляется и веселеет. Он уже днюет и ночует в тайге без присмотра и заметно дичает; домой является только в жару, преследуемый комарами и оводами, чтобы спрятаться от них в дым и под навесы. Только отелившиеся дойные коровы являются по несколько раз в день в усадьбу, привлекаемые телятами. Скот все лето ходит без пастуха и особого попечения; только к осени, когда начинаются длинные, темные ночи, вечером скот

ежедневно пригоняют домой: в местностях малонаселенных — от "зверя", в густонаселенных — "от воров". Но и тут ночует он на дворе, в изгороди; в хлева запирают его не раньше первых чисел сентября. Летом в хлева загоняют в исключительных случаях, только в сильное комарье, в грозу с ливнем, в болезни. У многих якутских "летников" даже нет хотонов, их заменяют крытые, невысокие сараи, со сквозными стенами, сплетенными из ивовых прутьев, а то и вовсе без стен.

"Хотоны" — душные, темные хлева, до того низкие, что человек задевает головой потолок. Несмотря на то, что их за лето старательно просушивают и проветривают, разворачивая с этой целью иногда часть стен, в них быстро скопляется опять сырость; с потолка и стен вечно капает, а в холода внутренность их сплошь покрыта белым морозным налетом. Пол — бревенчатый, под полом — яма, куда стекает моча. Таким образом, скот всю зиму стоит над клоакой и дышит отвратительным воздухом; моча никогда сразу не замерзает, и вонь стоит ужасная; часто яма переполняется, и жидкий гной течет поверх бревенчатого пола. Противный, острый, аммиачный запах пропитывает все, что находится в здании: платье, волосы, тело людей, посуду, даже свежеподоенное молоко. Если хлев пристроен к жилью, этот запах, несмотря на постоянную топку, до того въедается во все предметы домашнего обихода, что не покидает их даже после многих дней проветривания.

Кал счищают ежедневно, в отсутствие скота, соскребая его маленькими лопатами с бревенчатого полу и выбрасывая на двор сквозь пробитое внизу в задней стене отверстие или сквозь окно. Там из него выделывают длинные болваны (балбак), которые затем замораживают и увозят вон со двора или складывают тут же в кучи. Летом, когда навоз подсохнет, кучи жгут на дымокуры. Несмотря на то, что он горит все лето, навозу накаплиются иногда около дома такие массы, что якуты из-за него бросают старые жилища и уходят на новые места. Никакой подстилки скоту не полагается, он лежит всю зиму на неровном, холодном, влажном полу; шерсть на животных от грязи и скверного воздуха страшно портится, вылезает; кожа покрывается паршой, ранами, пролежнями; на вымени нередко появляются нарывы и сыпь. Некоторые, особенно молодые слабосильные особи, в конце зимы заболевают странной болезнью зубов и десен, похожей на цингу. Помещается скот в хотонах до того тесно, что с трудом можно протиснуться между одной и другой скотиной; коровница никогда не в состоянии пройти по хлеву без крика, без ударов и без того, чтобы не испачкаться навозом. На 10 — 12 квадратных сажений стоит иногда до 30 штук. Привязывают обыкновенно скот головой к стене; под стенами вбиты колья и устроен ряд невысоких, узких яслей. В больших хотонах такие ясли устроены даже посередине. Скот привязывают тогда в два ряда, друг к другу задом.

Отдельные, отгороженные стойла устраиваются только для теллят или особенно буйных, драчливых особей. Вообще якутские хлева возмутительны; навряд ли в них приходится на скотину больше $\frac{1}{2}$ кубической сажени воздуха.

В хотонах, соединенных с жилыми помещениями, где топится камин, конечно, скоту лучше; такие хотоны суше и гигиеничнее, но люди страдают от вони и скверного воздуха; строить же отдельные хлева и особо отоплять их не под силу большинству хозяев; это делают только богачи. Обширные, холодные хлева, как я указал выше, требуют больше сена, что тоже в настоящих условиях недоступно большинству якутов.

На штуку крупного рогатого скота на юге Якутской области полагается в зиму 100 пудов сена (5 кубических сажений возов непрессованного сена); на дойную корову или рабочего быка — от 120 до 140 пуд. (6 — 7 воз.), на теленка 50 — 70 пудов; это приблизительно столько же, сколько полагается вообще в лесистых местностях Восточной Сибири, даже в южной ее части¹). Кормят хозяйственные якуты скот всегда на дворе.

Если зароды сена стоят близко, то во избежание возки изгородь для кормления устраивают возле них. "Загон" представляет более или менее просторную площадку, со всех сторон окруженную жердяным забором. С подветренной стороны, а иногда с двух и трех сторон, если загон на юру, забор обставляют плотно, друг около друг, а стоймя уставленными бревнами, наподобие стен юрты. Иногда бревна заменяются замороженными "балбаками" навоза. Снег на площадке плотно утоптан, а кал скота и сметье ежедневно поутру счищается с нее широкими лопатами (кюрдях), сгребается в кучу посередине или выбрасывается за изгородь. У обстоятельных, порядочных хозяев площадка для кормления скота представляет опрятный, даже щеголеватый вид; гладкость ее вошла в поговорку и сказки: "Чтобы ни одна былинка не пропала на ней, чтобы все дочиста подобрали длинные языки голодных коров". Сено разбрасывают прямо на землю небольшими кучками фунтов в 5 — 6, соображаясь с тем, чтобы количество кучек всегда превышало количество скота и чтобы расстояние между кучками позволяло скоту свободно стоять и не топтать корма соседок. Подоенный скот поутру выгоняют из хотона прямо к корму; там он запирается и предоставляется самому себе. Многочисленность кучек, несмотря на тесноту, устраняет драки: более слабые уступают сильным и

1) Смотри "Земледелие и скотоводство" в Канском, Красноярском, Ачинском и Минусинском округах Енисейской губернии М.М. Дубенского. Иркутск, 1884 г., стр. 173 — 181.

уходят к незанятым копнам. Около полудня скот поят. Поят его на ближайшей речке или озере из проруби (ойбон)¹). Весной, когда близлежащие водоемы выпиваются или вымерзают, приходится иногда скот гнать на водопой версты за две, что очень неудобно. Поэтому на выбор места жительства сильно влияет близость зимнего водопоя. В сильные стужи, напоенный, дрожащий от холода, скот загоняют в теплые хлева, где им в яслях приготовлено немного корму; весной им тут же в "загон" подбрасывают перекусить немного сена, сортом похуже. Телят, которых всю зиму держат в жилых избах, там же кормят и поят; пойло для них нередко подогревают. В хлевах также кормят только что отелившихся коров; их не водят на водопой дня 3 — 4 и поят теплой водой.

Таков в общих чертах уход якутов за рогатым скотом; он всюду одинаков, слегка изменяясьсообразно месту и времени. Так, например: норму 100 пудов сена на каждую крупную скотину и 50 на подростка в зиму нужно признать максимальной, практикуемой только в обильные сеном года; обыкновенно она равна 80, даже 70 пудам, а в голодные года падает до 50. Как только скот остается тогда жив, понять трудно. Весной, в марте, как только пригреет немного, он разбредается по дорогам побираться. Он подстерегает возвращающиеся от зародов везы с сеном, подбирает крохи корма, рассыпанные там и сям или застрявшие на кольях изгородей, толчется около стогов, прокрадывается во дворы богачей, где нет-нет придет кто-нибудь и привезет в санях подстилку из сена или соломы. Все это мгновенно исчезает. Если кто-нибудь попробует мимо такого голодного стада пронести охапку сена, то может быть уверен, что, несмотря на удары и крики, треть сена у него отберут. Беда тоже, если

1) Прорубь, всегда круглая, фута полтора в диаметре, окружена гладким, красиво из льда и мокрого снега выделанным валиком. Валик защищает скот от соскальзывания в прорубь и облегчает доступ к воде. Таковы проруби во всей Сибири; чистка их и отделка лежит на попечении молодых парней, и они, видимо, ею щеголяют. Осенью прорубь делается ближе к берегу, затем постепенно, по мере убыли воды, ее переносят на глубину, куда воронкообразно вгибается весь ледяной покров. Отверстие проруби очищают ненадолго перед водопоем, долбят железной пешней (ани), а осколки льда вылавливают решетчатой лопатой (хоппо кюрджях). В старых прорубях уровень воды ниже льда; в новых — вода всегда после взломания льда сильным фонтаном бьет наружу и наполняет всю чашу проруби, где стоит на несколько дюймов выше общей поверхности. К старым, иссякшим прорубям, по весне, приходится нередко прорубать во льду глубокие ходы, чтобы дать доступ скоту к воде; скот пьет нередко на коленях, а телят и коней приходится поить из ведра. Вода в таких старых прорубях препротивная, загнившая, воняет сероводородом и болотом. Проруби на ночь, чтобы ослабить их промерзание, якуты нередко прикрывают соломенными крышками и снегом. Кстати, отмечу, что лед на озерах с прорубями намерзает, по-видимому, толще, чем на нетронутых.

изгородь где-либо кругом сеновала недостаточно крепка и густа. Эти тупоумные, неуклюжие на вид животные в деле добывания пищи проявляют иногда изумительную смышленость и ловкость. Для разгораживания подающей некоторые надежды изгороди они составляют даже нечто вроде артели: пока одна из скотин действует рогами и шеей, другие терпеливо ждут, чтобы заменить уставшую; крепость изгороди они определяют замечательно верно и никогда не тратят напрасно сил. Если бык между жердями просунул голову, то можно быть уверенным, что изгородь раньше или позже будет разобрана. Если же она не поддается усилиям, если нигде нельзя отодвинуть засовы, распатать колья, разорвать тальниковые связи, но внизу есть достаточно просторная щель, то животные на коленях или боком пролезают под нижней жердью. Якуты, сами хорошо знакомые с неумолимостью голода, никогда не бьют, не наказывают даже чужой скотины, пробравшейся в их сеновал. "Виноваты люди, плохо загородившие, а не она, бедняжка!" — рассуждают они. Против подвигов особенно искусных взломщиков должен принимать меры сам собственник; последнего можно обжаловать в родовой суд, раз взломанная изгородь отвечала общепринятой норме.

Для скота здесь самый тяжелый период в году — февраль.

В годы бескормицы только в конце марта является возможность предпринять что-либо для поддержания гибнувшего скота; только тогда возможно собирать и возить ивовые ветки. Ивовые (тальниковые) ветки скот охотно ест, и якуты уверяют, что они лучше плохого сена; их не дробят, не режут, а дают целыми пучками.

Поправившийся и окрепший, хоть немного, скот становится затем предприимчивее и в поисках корма разбредается по лесу, залезает в глубокий даже снег, чего избегал он до сих пор делать, чувствуя свое бессилие.

При обыкновенном якутском уходе здешняя корова дает до 60 ведер молока в год. Это количество распределяется по времени таким образом:

	при якутском уходе		при русском уходе	
с мая по 1 июля (70 дней)	по 6 мер	420	по 8 мер	560
с 15 июля по 1 сент. (45 дней)	по 4 ¹ / ₂ меры	203	по 5 мер	225
с 1 сент. по окт. (30 дней)	по 3 меры	090	по 4 меры	120
с окт. по янв. (120 дней)	по 2 меры	240	по 3 меры	360
с фев. по март (28 дней)	по 1 мере	028	по 2 меры	056
		981мера		1321 мера

что составит на весь кругл. счет: при якутском уходе 73 пуда молока.
при русском уходе 102 пуда молока.

Такая корова считается очень хорошей; средняя дает почти на треть меньше.

Отмечу, что в марте и апреле, перед отелом, огромное большинство коров перестает давать молоко; более крепкие и сытые перестают доиться всего на месяц, на несколько недель до родов, другие — уже с половины зимы. Много в этих случаях зависит от обилия и сорта корма. Для якутов чрезвычайно важно, чтобы период этот был возможно короткий, поэтому они в случае недостатка сена дойных коров кормят в ущерб остального скота. Иногда во всей местности кругом на сотни верст случаются оригинальные у якутов голодовки, вследствие *одновременного* прекращения коровами дачи молока: все коровы оказываются стельными. Все это в самой тесной связи с продолжительностью минувшей зимы, с осенними кормами и обилием и качеством корма в текущую зиму. Время течки животных передвигается вследствие этих причин то на начало лета, то на осень. Все зависит от степени тучности и сытости скота; жирные быки богачей обхаживают яловых самок нередко в апреле, между тем как слабосильный скот бедняков случается в июле, даже в августе.

Якутские коровы плодовиты; они способны рожать ежегодно, и среди них стародойки и яловые встречаются относительно редко. Чтобы обеспечить себе молоко на зиму и оставить стародойку, приходится прибегать к искусственным мерам и подвешивать коровам фартук. Молоко стародоек считается лучшим, самым жидким, конечно, является молоко после отела¹⁾. Рожают якутские коровы довольно трудно, редко обходятся без человеческой помощи; режут при родах и стонут. Коров на сносях держат во дворе или даже в хлеву; роженец кормят отборным сеном и изредка солью. Телятся коровы уже по 3-му году.

Уход за телятком до крайности прост. Только что родившегося телятца кладут на некоторое время перед мордой матери, чтобы она его облизала; затем уносят в теплую избу и ставят перед камином вблизи огня. Первые сутки его морят голодом; на второй день дают ему немного пососать, а на третий применяют к нему уже тот режим, который вслед за тем удерживается в продолжение года. Каждый раз перед доением его подпускают к матери для раздражения последней, затем быстро отводят и начинают доить. Когда молока осталось настолько мало, что пальцами трудно выжать, пускают телятца.

Редкие якутские коровы доятся без телят, а каждая из них после потери телятца обязательно уменьшает дачу молока. Чтобы приучить ее к другому телятцу, покрывают подставного шкурой сдохшего, а то посы-

1) С одного пуда хорошего молока якуты получают 2 $\frac{1}{2}$ фун. масла и 30 фун. тара (кислое молоко).

пают его солью, чтобы корова, слизывая, привыкла к нему. Если корова при доении почему-либо заупрямится, то у нее дутьем и щекотанием раздражают половые органы; а если и это не помогает, то вводят во влагалище руку и нажимают матку, после чего молоко начинает струей литься из вымени. Этим средством бедняки пользуются при каждой почти дойке, ради увеличения удоя.

Телят очень рано приучают к траве и сену; на пастбище телят выпускают не раньше 6 — 8 недель; их запирают в особые изгороди — телятники; вместе со стадом отпускают в поле только 3-месячных телят, надевши им берестяные намордники или дощечки с зубцами на концах, мешающие им сосать маток. Кастрируют бычков, предназначенных для работы, на второй год, "когда трава начинает зеленеть и становится тепло". Кастрацию производят вырезанием яичек; рану перевязывают и зашивают. После кастрации часто молодые животные дохнут или у них являются какие-то судорожные припадки; замечательно, что припадки возобновляются, когда скотина начинает отгуливаться и жиреть.

Коровы подпускают быков уже по 2-му году, а трехгодовалые бычки-поросы уже охаживают самок. Кульминационным пунктом роста и силы у рогатого скота считают якуты 6 лет. Живет якутский скот лет до 30, но якуты позволяют доживать даже до 20 только исключительным особям, отличающимся особенной молочностью, силой или ростом. Обыкновенно убивают стареющий скот уже по 10 — 12 году.

Замечательна огромная смертность якутских телят; оставляя в стороне частые выкидыши коров, происходящие от плохого корма, узких дверей в хлебах, ушибов и т.д., мы не сделаем ошибки, если 60% смертности, вычисленных Мааком для Вилюйского округа, признаем общими.

Эта ежегодная трата приплода, да то огромное количество мяса и жиру, которое ежегодно поглощается на живом скоте весенней бескормицей, составляет пока главную массу энергии, которую вырабатывают и теряют здешние стада; то, что они в виде молока и мяса отдают человеку, составляет относительно ничтожную долю.

Из повальных болезней самая распространенная — это сибирская язва; она здесь почти не прекращается, вспыхивая ежегодно то тут, то там. В сухие годы и сухие месяцы она затихает, в мокрые — возобновляется. Зимой падежи почти прекращаются. Якуты обыкновенно стараются уйти от мест, посеченных болезнью, но так как уносят с собой содраные кожи, а часто и мясо погибших животных, то зараза идет за ними следом; пока не прекратит ее какой-либо благоприятный случай, особенно сухой или морозный год.

Часто также среди якутского скота можно встретить чахоточных, припадочных, ревматиков; рабочие быки часто гибнут от натуги, от воспаления легких, от порока сердца, что якуты называют "лед в сердце"

(бус сюраха); в начале лета от зноя гибнут особенно истощенные за зиму; с ними делается нечто вроде солнечного удара. Сильно также страдает якутский скот от порчи зубов. За зубами своего скота якуты особенно внимательно наблюдают, так как часто у совершенно здоровой скотины появляются острые на зубах отростки (кылан), мешающие есть. Эти отростки спиливают особыми подпилками, вставив корове в рот большую деревянную втулку для удобства операции.

Лечат якуты скот преимущественно шаманством, реже дают снадобья: соль, сушеную, толченую евражку или дятла, лекарственные травы... Безднадежно больную или окалеченную скотину торопятся убить, пока жива.

Значение полового подбора хорошо известно якутам, но они слабо им пользуются; они стараются только оставить на племя самых сильных и красивых быков да телят от самых молочных коров; все остальное предоставляется случаю. Скот их ходит в поле, смешивается со всяким другим и постоянно подвергается самому неожиданному скрещиванию. В результате является всюду одна и та же порода, с незначительной разницей в росте. Тем более удивительно, что до сих пор среди якутского скота у некоторых особей встречаются следы происхождения их от "яков", о привозе которых в Якутске писал Миддендорф¹⁾. Каким образом следы эти до сих пор сохранились, для меня остается загадкой. Якуты называют их китайским скотом (кытай сюёсю). Они широколобы, горбоносы, шерсть на них курчава, хвост заканчивается более пушистой кистью, ростом они крупнее и нравом дичее.

Кроме этой помеси, видел я также в Якутске холмогорских быков и коров, но телята от них продаются чересчур дорого; за случку с кровными поросами также приходится платить, что противно обычаям, наконец: эти поросы чересчур крупны для якутских коров. О влиянии их на улучшение породы якутского скота говорить трудно; я не знаю, кто и зачем привез их сюда, говорят, что они принадлежали некогда образцовой ферме. Думаю, что помесь с "яками" более соответствует и породе местного скота и местным условиям.

Желательно было бы возможно скорее сравнительно-научное изучение и определение породы якутского скота с точки зрения его близости к бурятскому, монгольскому или минусинскому.

1) Миддендорф, *ibid.*, Часть II, Отд., 5, с. 549.

Рис. 15. Якутская лошадь.

Лошадь.

Все, кто по внешности пробовал сближать якутских лошадей с южно-или западносибирскими, чаще всего указывали на киргизскую конную породу. Научного исследования, опирающегося на точные и многочисленные измерения, пока не было сделано. Единственные, достойные внимания данные по этому вопросу находим у Черского. На основании изучения черепа современной якут-

ской лошади, доставленного доктором Бунге с р. Адычы (Верхоянского округа), Черский устанавливает самостоятельный тип якутской лошади, отличный от других сибирских лошадей и ближе всего примыкающий к южнорусским тарпанам и полуископаемой (*subfossilis*) западносибирской лошади. И. Черский причисляет якутскую лошадь к восточной группе, к породе малорослых (длина черепа в основании 472 мм), среднелобых (лобный указатель = 235,2 мм). Ископаемая, послетретичная лошадь¹⁾, остатки которой обильно рассыпаны всюду в Якутской области, по мнению того же ученого, представляет в форме черепа и костей известное родство с ныне живущими сибирскими породами, и, между прочим, с якутской лошадию. Родство это выражается: в умеренной ширине лба, в наклонном положении надбровных частей, небольшой ширине скуловых отростков лобной кости, в вогнутости профиля и оригинальной зубной системе²⁾. По величине ископаемых якутских лошадей нужно причислить к рослым (о. Ляхов) и высокорослым (Яна).

1) Записки Имп. Акад. Наук, том LXV; приложение N 1. Описание коллекции послетретичных млекопитающих животных, собранных Новосибирской экспедицией 1885 — 1886 г., стр. 450.

2) Лошадиные кости часто встречаются перемешанными с костями мамонта и носорога. Я часто находил их совместно в ледяных обвалах реки Алдана. Случалось, что они были еще включены в мерзлую почву на глубине то нескольких саженей, то нескольких футов. Там же попадались куски березы, ничем не отличающейся от ныне растущей. Добытый мною в таких условиях лошадиный зуб вместе с кусками березы я

Существование у якутов смутного предания о каких-то *диких* (тангара, собственно — божьих) лошадях, которые, привлекаемые в комарное время дымокурами, "толпились до того густо кругом человеческих жилищ, что тушили огни и давили жеребят" (З. Кангалаский ул., 1892 г.), делает особенно интересным вопрос: могли ли якуты застать в теперешней своей родине остатки северной сибирской лошади и не произошли ли особенности их лошадей от скрещивания приведенных с юга стад с местной, уже исчезнувшей расой.

Находка в 1878 году в ледяной почве низовьев Яны вполне сохранившегося трупа "белой лошади", о чем сообщает Бунге ¹⁾, усиливает этот интерес, как бы указывая на возможность вполне определенного его решения, а то или другое его решение находится уже в непосредственной связи с временем прибытия на север якутов и отысканием места их первородины. Здесь отмечу только, что белый цвет является до сих пор преобладающим среди якутских лошадей и что скрещивание домашних животных с дикими считается якутами *выгодным для улучшения породы*. Такое скрещивание по отношению к домашним оленям, как я упоминал выше, практикуется до сих пор якутами и тунгусами дальнего севера.

Возвращаюсь к изложению того, что известно мне о внешности и нравах теперешней якутской лошади.

Предположение, что якутская лошадь родом из Забайкалья и что она ближайшая родичка бурятской и монгольской лошади, побудило меня с особым вниманием присматриваться к последним. Признаюсь, особенного сходства между ними я не нашел; даже больше: мне казалось,

в числе других ископаемых остатков и находок отдал в Якутский музей. Считаю нужным упомянуть о лошадином черепе, найденном Миддендорфом на Таймырском полуострове. Черский склонен считать его ископаемым, Миддендорф предполагает, что он мог попасть сюда уже в историческое время, сравнительно недавно. Так как среди находок чаще всего попадаются зубы ископаемой лошади и они лучше всего сохраняются, то привожу то, что по поводу их говорит И. Черский: "Зубная система сибирских лошадей, как ископаемых, так и знакомых нам современных, оригинальна в том отношении, что она, невзирая на особенности черепа, ставящая их в группу восточных лошадей (среднелобых), обличает характер, свойственный западноевропейским, тяжелым расам (узколобым), и достигает к тому же высшей степени развития этого типа; в особенности, что касается значительного выстояния передней лопасти внутренних петель зубов верхней челюсти" (стр. 513). Сходство ископаемых зубов с зубами теперешних якутских лошадей заставляет быть крайне внимательным к условиям залегания таких находок.

1) Местность, где найден был труп лошади, находится в 60 вер. выше села Казачьего на Яне около "Диринг-Оюн". — "Описание коллекций млекопитающих, собр. Новосибир. экспедицией", 1885 — 1886 г., стр. 363 и 516.

что если бы в то время, когда воспоминания мои были свежи, среди монгольских лошадей случайно замешалась якутская, то я бы без труда узнал ее. Монгольские кони показались мне сравнительно малоголовыми, ниже ростом, короче и круглые корпусом; нравом они, несомненно, резвее якутских. Якутские — стройнее и крупнее ростом; голова у них большая, горбоносая; зад крепкий, продолговатый; они не так быстры и горячи на бегу, как монгольские кони, но кажутся сильнее и выносливее их. Сравнение седел якутского и монгольского тоже в свою очередь указывает на значительную разницу в размерах костяка обеих лошадей. Якутское седло длиннее и шире монгольского, и бурятская или монгольская лошадь под таким седлом раньше или позже непременно бы "сплелась".

Среди якутских лошадей самые крупные и типичные особи встречаются в настоящее время на севере, именно: в Верхоянском, Колымском и Вилюйском округах. Вообще якутские лошади выше 2 аршин ростом, а иные достигают 2 аршин с двумя, даже тремя вершками. Голова, как я выше заметил, у якутских лошадей большая, горбоносая; морда относительно длинная и широкая; лоб умеренный, плоский; губы толстые, мясистые; ноздри подвижные, слабораздутые; глаза довольно большие, живые и выразительные; уши заостренные, небольшие, "мышинной", как их зовут, формы, находятся в постоянном движении, выражая большую чуткость и переменчивость настроения животных. Шея у якутской лошади коротка и слабо развита; вообще передняя часть тела жиже, менее мускулиста и стройна, чем зад; это делает якутских лошадей прекрасными верховыми и вьючными, но слабыми тяглыми животными. Грудная кость выдается вперед, от чего дыхательное горло выгнуто; холка низкая, нередко кажется ниже крестца; спина короткая, прямая; передние лопатки прямые; зад продолговатый, сильный; задние ляжки толстые, широкие; ноги прямые, с короткими бабками; копыта крепкие, маленькие; грива длинная; хвост крепкий и многоволосый; шерсть густая, зимою достигает одного и более вершка длины¹⁾). Масть преимущественно белая, серая, вообще бледных цветов. Вороной конь высоко ценится якутами, но он редок. На юге встречаются цветные кони, особенно вблизи городов; но на севере их совсем мало, там господствует белый цвет. Нередки также белоглазые кони; они считаются якутами почему-то особенно выносливыми.

1) Описание это позаимствовано мною из статьи ветеринара Гольмана, "Заметки о коноводстве в Якутской области", Памят. книж. Якутской области на 1871 г., стр. 124; я позволил себе сделать лишь небольшие изменения и отступления, сообразно моим личным наблюдениям.

Ступью якутские кони ходят отлично, размашисто и податливо, среди них встречаются также рысистые, но вскачь бегут они скверно, тяжело и неуклюже. Ездят якуты чаще всего переступью, и кони их выхаживают такой побегой от 50 до 80 верст в 10 часов. Выносливость якутских лошадей известна. Они довольствуются чрезвычайно малым и проходят под вьюками и седлом громадные пространства на подножном корму. На такой длинный путь, как из Якутска в Средне-Колымск полагается на каждую лошадь вьючного груза 5 ¹/₂ пуда круглым счетом; на некоторые грузят 6 — 7, а Миддендорф говорит про лошадь, которая по худой, совершенно дикой дороге несла даже 9 пудов ¹); верховая лошадь, кроме ездока, несет всю дорогу его постель и дорожные сумы весом от 2 до 3 пудов. На близком расстоянии вьючат на лошадей средней силы до 8 пудов. В санях якутская лошадь, по сносной дороге, везет от 15 до 20 пудов, но на большие расстояния кладут на лошадь средней силы не больше 12 — 15 пудов.

Наслышавшись легенд о выносливости якутских лошадей, вначале я был требовательным и не удивлялся, например, тому, что они проходят в продолжение нескольких дней ежедневно по 50 верст по неудобной, малопроезжей дороге, на подножном корму; только впоследствии, убедившись, что это общее правило, и ближе познакомившись с этим удивительным животным, я вполне оценил драгоценные его качества, незаменимые в здешних местах. Кроме того, я несколько раз наблюдал истинно сказочные подвиги якутской лошади. В 1882 году летом по дороге из Усть-Янска в Верхоянск нашему небольшому каравану, состоящему из 4 человек и 5 вьючных лошадей, пришлось торопиться ввиду полного истощения съестных припасов. Двести верст по болотистым, неровным таежным тропам от Быгантайского перевоза до урочища в устье речки Тынка мы сделали без передышки, не ложась спать и подкармливая лошадей только во время приготовления и питья чаю по дороге, за все время не больше 4 раз. В урочище на речке Тынка не хватило лошадей; рыжего коня с белыми "рыбьими глазами", на котором я ехал верхом, уже с устья речки Кюнгясь от первых поселений эгинских якутов, опять засадили под меня. Его совсем не кормили, а только "выдержали" ("бай-быт" — вывязали, как здесь говорят) шесть часов у столба, пока я спал; затем засадили, напоили, и я на нем поехал дальше. Конь как ни в чем не бывало прошел еще 100 верст без отдыха, а последние 7 верст без принуждения, по собственной охоте, пробежал рысью (Верхоянск, 1882 года, 18 июля). Сделать 80 — 100 верст на одной и той же лошади, не ночуя, не расседывая ее и умеренно, всего несколько раз за всю дорогу,

1) Миддендорф, *ibid.*, Часть II, стр. 513.

покормив сеном, не считается в Якутской области чем-либо необыкновенным. В 1883 году, в ноябре месяце, на обыкновенных, почтовых верховых лошадях мне пришлось по особым обстоятельствам сделать в сутки 120 верст; лошадей всего раз отпустили на короткое время на подножный корм; а в 1892 г., опасаясь запоздать на пароход, я проскакал на паре лошадей, запряженных в телегу, нагруженную вещами, 110 верст, отделяющих мое местожительство от города, в 13 часов, считая в том числе и остановки; лошадей за это время всего два раза кормили ячменем. Пристяжная, старая лошадь лет 18 немного под конец ослабела, но другая, более молодая (7 лет) всю дорогу прошла ровно и бодро. Якут, давши им отдохнуть всего день в городе, возвратился обратно домой, опять нагрузив телегу покупками. Отмечу, что кони были истощены пахотой и что поездка случилась всего через двое суток после окончания работ. О таких и даже более быстрых и утомительных переездах я слышал не раз, но из опасения ошибок привожу *только лично мною наблюдаемые* и то только случаи, когда время и пространство возможно было более точно установить.

Самыми выносливыми якуты считают бесплодных кобылиц (*менге*); кобыл они обыкновенно в работу и под седло никогда не употребляют, считая для себя за позор ездить на кобыле; но в исключительно трудную и далекую дорогу берут *менге* 8 — 9 лет (Баягантайский ул., 1886 г.). Самыми слабыми в работе считаются жеребцы и жеребые кобылы.

Одним из важных свойств якутской лошади, позволяющим ей без пищи проходить большие пространства или довольствоваться долгое время самым скудным кормом, есть, несомненно, способность откладывать значительные количества подкожного и внутреннего жира. В счет этого жира и, при крайней степени истощения, в счет других тканей, главным образом мышц, живут якутские лошади и в дороге и в бескормицу. Система обращения якутов с лошадьми в дороге как будто стремится заставить их жить преимущественно на счет этих запасов. Жирных, только что взятых из табуна лошадей якуты перед всякой работой старательно "вывязывают", т.е. держат в продолжение нескольких суток без корма или дают им очень незначительные его дачи. Затем, когда желудок животных опорожняется, их "проминают" незначительной поездкой и тогда уже снаряжают в дальний путь. Если "промять" почему-либо было нельзя, то в первый день пути проходят мало и рано останавливаются на отдых. Там тоже выдерживают лошадей до "сухости", т.е. до полного высыхания пота, покрывающего лошадь, и полного охлаждения тела. Это определяется ощупыванием под гривой. Считается даже хорошим, если лошадь чуть продрогнет. Тощие лошади скорее обсыхают и остывают, жирные дольше; смотря поэтому, а также по трудности пройденного

пути лошадей держат от 2 $\frac{1}{2}$ до 5 часов голодными; в исключительных случаях держат всю ночь и только поутру дают немного закусить. Окормить лошадь в дороге считается у якутов очень вредным; лошадь, по мнению якутов, от этого слабеет на ноги и никогда уже не выздоравливает. "Лучше ты недокорми лошадь, чем перекорми," — увещевал меня хозяин, когда я нанимал у него лошадь в путешествие (Баягант. улус, 1885 г.). "Сытый всадник и голодная лошадь — хорошая пара," — говорит якутская поговорка (Намский улус, 1888 г.). Еще более вредным считается "опоить" в дороге лошадь; от этого у нее в первый раз делаются на спине нарывы, а затем развивается общая слабость и порок сердца (сюрях-муса, мус-сюряхка) ¹⁾. Ввиду этого лошадей, подъезжая к остановке, старательно удерживают вожжами от хватания снегу, а затем коротко подвязывают у столбов с поднятой вверх головой. В случае, если нет сухого сена и лошадей отпускают на подножный корм, естественно, "выстойка" продолжается дольше. Сухим сеном в яслях можно кормить лошадь уже через 2 $\frac{1}{2}$ часа, но так как якуты по большей части кормят лошадей или на снегу или прямо отпускают в поле, то они редко держат ее менее 4 — 5 часов. Поить лошадей из проруби старозаветные якуты не любят, предпочитая, как я указывал выше, "кормить на снегу". Все это, и "выстойка", и предпочтение "снега перед водой", имеет свои основания: жирные, сыто накормленные кони легче потеют, что в здешнем климате, при весьма низкой температуре зимой и значительных суточных ее колебаниях летом, весьма вредно: вызывается простуда и ревматическая болезнь. Также мучительно и вредно для лошади, если после продолжительного путешествия, даже на другой день, ее обильно напоят студеной водой, зимой после того лошади дрожат не раз до судороги, и их необходимо "греть", т.е. проехать сейчас же возможно быстро несколько верст. Подножный корм или кормление сеном на снегу не вызывает такой мучительной дрожи, так как лошадь утоляет жажду не сразу, а постепенно, захватывая снег вместе с пищей. Якуты утверждают, что лошади вообще "лучше едят на снегу и меньше портят зубы", что весьма вероятно ввиду того, что смоченное снегом сено менее жестко.

На севере Якутской области, где кони исключительно почти питаются подножным кормом, выстойка всегда продолжительна: в сильные стужи, во избежание замерзания, лошадей подкармливают по временам с руки горсточками сухой травой.

Я не знаю случая, чтобы лошадь на "выстойке" замерзла, но мне рассказывали, что это бывает. Продолжительная "выстойка" гарантирует

1) Замечательно, что устьянские якуты уверяли меня, что морской водой лошадь опоить нельзя, что безопасно можно дать пить ее самой потной и усталой лошади.

и летом от "опоя"; голодная лошадь не пьет, как бы раньше ни мучила ее жажда.

Таков в главных чертах уход якутов за лошадьми во время работы. Он направлен преимущественно к тому, чтобы уберечь лошадь от простуды, от сильного потения и быстрого охлаждения. Для этого, в силу бытовых условий, им нельзя было прибегать ни к попонам, ни к теплым стойлам, и они умело воспользовались природным свойством животного долго и безнаказанно переносить голод. В тех местностях, где население густо, переезды малы, где рабочих лошадей кормят сеном, где входят в обычай если не теплые, то защищенные от ветра, крытые стойла, время выстойки мало-помалу сокращается.

Несомненно, как мы это указали выше, что только способность откладывать большие количества жиру и пользоваться им как запасом пищи, вообще свойственная диким и полудиким животным и у якутской лошади достигающая высокой степени развития, позволяет им здесь жить, размножаться почти без поддержки человека и, в случае нужды, проявлять такое количество рабочей энергии, о которой, не видя ее, трудно себе сделать представление. Нужно видеть, как якутская лошадь идет по брюхо в густом, липком болоте (бадаран), пробивая прямо грудью борозду, идет версты 3 — 4, иногда 10 без перерыва, несет всадника или вьюки, стонет, храпит, пошатывается, но идет не останавливаясь, так как остановка — это гибель; нужно видеть, как она пробирается, согнувшись в дугу, по невероятным крутизнам, по горным скалистым россыпям, сквозь бушующие потоки и широкие реки, сквозь лесную чащу, где, что ни шаг, приходится перелезать через упавшие колоды, где под мхом скользкий лед; как она пробирается по кочковатым мокрым калтусам, где ивняк и высокие, аршина 1 ¹/₂, кочки образуют для них настоящие "западни"; нужно видеть, какой она довольствуется в то же время пищей, чтобы понять, насколько велики и драгоценны те запасы сил, которые она заключает в себе. Зато она, подобно человеческим малокультурным племенам, не так сильна в упряжи, не способна равно хорошо работать изо дня в день и нуждается для возвращения сил в долгом и безусловном отдыхе в степях, на полной свободе. Богатые якуты считают за правило не только ежегодно позволять все лето гулять на свободе работающим зимою лошадям, но даже насколько возможно употреблять их только через год. В таких условиях лошади свежи, бодры и достигают высшей степени тучности.

Якуты отмечают двенадцать степеней тучности и истощенности конного скота, которые они прекрасно определяют на живой скотине по наружному виду и ощупыванием на шее, выше холки и за ушами. Вот названия этих степеней и пояснения их, записанные мной в Намском улусе (1888 г.).

1) "Ырбыт" — самая сильная степень истощенности; мясо и кости почти не дают навара; мозг голеней почти весь превратился в кровь и сукровицу. От вареного, горячего мяса тошнит, его можно есть только холодным, оно вредно, противно, и решаются употреблять его только крайние бедняки.

2) "Уонгх бюрлююн" (кости покрыты) — получается от мяса навар, суп есть можно, кости сосать стоит, хотя самого мяса зажиточные якуты не едят.

3) "Уонга биллер" (кости заметны) — мясо и мозг можно есть.

4) "Толору кунгнах" — нет жиру, но мышцы и ткани здоровые и нетронутые (толору — полный).

5) "Кисиль сыэ" (красный жир) — жир только около холки.

6) "Тынгэ сыэ" — на туловище еще нет жиру, но жир около холки уже белый, а не красный. От этой степени начинаются "тараха" — жир внутренний и подкожный по всему телу, главным образом на спине и брюхе.

7) "Юрюнг тараха" (или "батыя энччохо") — белый покров.

8) "Былыт тараха" — туманный покров (или "ылынчикие каса" — покров в толщину маленького пальца).

9) "Бир или ангара каса" — покров в один с половиной пальца толщиной.

10) "Экки или ангара каса" — покров в два с половиной пальца толщиной.

11) "Юсь или ангара каса" — покров в три с половиной пальца толщиной.

12) "Терть или ангара каса" — покров в четыре пальца с половиной толщиной.

Последний встречается чрезвычайно редко.

Высших степеней тучности достигают молодые, яловые кобылицы; мясо их и жир высоко ценится и отличается нежным вкусом, напоминающим свинину. К началу зимы, к декабрю, якутские кони достигают высшей степени ожирения, затем наступает задержка и понижение. Здоровый якутский конь, гулявший все лето на воле, а тем более гулявший несколько лет, сплошь одет тогда подкожным жиром, зад его приятно округлый, а спинная впадина ясно заметна среди гладких толстых спинных мышц. Внутренности до того набиты жиром, что животное, случается, гибнет от разрыва кишечных стенок. Для этого достаточно удара в бок копытом разыгравшейся товарки или же нажима при катании по неровному месту. Случается это также от быстрого бега, вызванного внезапным испугом.

"Если табун чересчур жирных кобыл испугается и вдруг побежит, то животные нередко задыхаются до смерти. Нет у них простора в животе

— дышать нечем" (Намский ул., 1890 г.). "Если чересчур жирные, сытые кони, разыгравшись, станут бегать и прыгать, то нередко их тяжелые внутренности рвутся..." — утверждают якуты.

Рабочих коней якуты держат вблизи дома, летом в огороженных "выгонах", зимой в открытых "изгородах", где кормят их сеном. На коня полагается в зиму 10 возов сена (200 пудов). Под крышу в хлева старозаветные якуты считают за большой грех ставить лошадей. Они говорят, что лошади у таких хозяев не водятся, стада их постигают всякие несчастья. Тем не менее, я видел, как раз в страшную пургу, якут много проплутавший ночью, ввел свою промерзшую усталую лошадь в юрту. Животное упиралось и ни за что не хотело войти, и ее пришлось втолкнуть насильно. Во время дороги якут часто счищает с лошади лед, снег и намерзший на ней иней; также старательно он очищает от льда ее ноздри, постоянно засоряющиеся во время сильного холода.

Всадник часто внимательно осматривает подпруги, поправляет положение седла и каждые десять верст останавливается и дает, хоть минуты две, отдохнуть лошади. Благодаря этому лошадь всю дорогу свежа, и опытный якутский всадник считает особенно для себя лестным проехать трудный переезд и привести лошадь сухой и бодрой. Это обращение, как видим, сильно разнится от бурятского и монгольского; монголы любят на лошадях ездить быстро, вскачь и, не слезая, по несколько десятков верст.

Якутские кони настолько кротки и послушны, что караван в 50 лошадей, связанных гуськом (сетелях), ведут два якута, один впереди, другой сзади. Успокаивают якуты лошадей криком "ба-ба", подбадривают свистом и криком "хоть-хоть"; заставляют бежать рысью звуком "тпрр".

Уход якутов за табунами нерабочего конного скота сводится до сих пор, как это было и раньше, к простому наблюдению за их целостью.

В местностях, где конокрадство по тем или иным причинам практикуется редко, якуты разыскивают и проверяют табуны не больше двух раз в лето, и то проверяют в поле. Только по осени, после Покрова, стада пригоняют домой; здесь их сортируют, отбирают убойных, продажных и под седло. Остальных опять угоняют в поле. Зимой якуты навешиваются к своим табунам чаще, но, во всяком случае, не более двух раз в месяц. Стада круглый год проводят в поле на подножном корму и, в поисках за лучшими кормовищами, уходят нередко очень далеко от жилища собственника. Там они пасутся на полной свободе, руководимые и оберегаемые исключительно своими жеребцами-вожаками. Нередко за десятки верст от человеческого жилища среди долины в глухом лесном "аласе", или на "калтусе" (мокрая, кочковатая ложбина), или в роще на берегу речки путешественник увидит стада пасущихся кобылиц и жеребят. Гривастый, рослый жеребец, волоча за собой длинный хвост, который у

жеребцов якуты не подстригают, выскочит вперед, посмотрит, бросится к своим кобылицам, сженит их и отгонит немного в сторону, в лес; затем, прижав уши, выпнув змееобразно к земле шею, бросится опять к незванным гостям. Если это вольные кони, особенно, если среди них жеребец, возникает жестокая драка; а если это кобылы, он гонит их в свой гарем; если всадники или пешие люди, он, храпя и сердито поглядывая блестящими глазами, проводит их иногда за версту и дальше.

К нападающим собакам здешние кони относятся крайне презрительно: помахивают на них головой, и не обращают внимания, разве что те особенно беспокоят жеребят; тогда кобылы бросаются на них. Я не видел, как они встречают волка, говорят, что тоже не особенно боятся его, тем более, что волки здесь редко ходят стаями и промысловые артели у них здесь маленькие, в две-три особи. Когда случалось в дороге наткаться на волчьи следы, здешние кони не проявляли особенного беспокойства. Я не слышал также о нападении волков на взрослых лошадей. Другое дело медведь; его жертвой по большей части делается сам вожак, который, несмотря на страшный испуг, всегда храбро отстаивает своих жен. Медведя якутские кони боятся страшно; встретивши свежий его след, храпят, встают на дыбы, а увидевши самого зверя, начинают дрожать всем телом и совершенно теряют голову¹⁾.

Косяки лошадей у якутов состоят обыкновенно из 20 — 30 особей, включая подростков и жеребят. Случаются, впрочем, и большие косяки — в 50 — 70 даже 100 штук. Крупный косяк обыкновенно состоит из нескольких родственных групп, держащихся особо, но пасущихся вблизи. У каждого жеребца есть признанные за ним соперниками кобылы; затем тут же, по соседству, пасутся косяки выгнанных из стада подростков и бесполок, рабочих коней. Маленькими косяками, в 10 штук, якутские кони пастись не любят и предпочитают крупные общества; иногда на поляне собирается их до нескольких сот голов. Якуты, наоборот, предпочитают дробить косяки. Состав табуна обыкновенно таков: жеребец с 10 — 15 матками, остальные — молодежь, яловые кобылы, жеребята, годовалые и двухгодовалые подростки. Подростков двухлеток жеребцы уже гонят вон из табуна. Хозяева стремятся образовать из них новые табуны (юр), полагая на каждого самца 10 кобыл. Кобылы охаживаются по третьему году; жеребятся не ежегодно, а через год на третий.

Лошади часто и быстро любят менять пастбища. В начале лета они дольше остаются на месте, но по мере того, как откармливаются, они делаются все разборчивее, выедают только лучшие травы и, оставляя сле-

1) Считаю нужным отметить, что кони в Прибайкалье совершенно не боятся медведей; они спокойно проходят мимо него, если с ним встретятся на дороге, что здесь не редкость.

гка обглоданные пастбища, покрытые нередко роскошной еще растительностью, уходят в другие места. Особенно любят они травы, растущие на невысоких горах, глинистых буграх, на краю леса, в березовых рощах... Любят они также полакомиться болотными травами и даже летом, очевидно, ради разнообразия, залезают глубоко в воду, выедавая и отыскивая их. По осени, когда растущие в воде, болотные травы сохраняют еще свежесть и нежность, а степные и лесные успели уже засохнуть и одеревенеть, лошади, главным образом, устремляются на берега озер. Туда же они стекаются ранней весной, когда стают снега, но еще нет зелени. Любят также в это время (весной и по осени) лошади лизать и есть "туран" (солонцеватая земля). Когда по осени озера замерзают и покрываются снегом, среди приозерных тростников всегда можно встретить табуны лошадей, лакомящихся молодым, еще не успевшим одеревенеть тростником. Старого, засохшего тростника они не едят. Вообще с выпадением снега лошади становятся мало-помалу менее разборчивы в пище, хотя якуты, выражая недовольство на малые снега, обыкновенно говорят: "Малый снег, корму видно много, кобылы разборчивы, бегают, не стоят на месте, отчего худеют..." (Баягантайский ул., 1886 г.). Самым лучшим для лошадей считают якуты средний снег, четвертей в 2,5 — 3. Более глубокие снега неудобны, так как работа по розыску пищи становится чересчур изнурительной. Тогда лошадь принуждена без усталости рыться в снегу, не имеет времени искать новых пастбищ и разнообразить пищу. В 1883 году в многоснежную зиму снег доходит до стремян всадника; я видел в Колымском округе целые поляны, изрытые во всех направлениях глубокими коридорами в снегу. Часто на поверхности видна была только спина животного или выглядывала голова, поднятая по случаю нашего приезда.

Роют лошади снег ударами передних копыт обеих ног, хотя чаще только правой. Этими ударами они пробивают лед даже в $1/2$ дюйма толщиной, и когда случается, что по осени рано замерзнут озера, а снегу нет и стада мучаются жаждой, то часто можно видеть, как вожаки их или старые опытные кобылы добывают из-под льда воду ударами копыт. Делают такие проруби они часто сообща: когда одна, почувствовавшая боль в ноге или усталость, уходит, ее заменяет другая и долбит лед в том же месте, а прежняя, отойдя в сторону, ждет результата. Такая же артельность замечается в добывании пищи из-под снега: вперед идет самая сильная лошадь, а за ней в том же коридоре роются подростки, часто собственные дети, или более слабые товарки. Когда передовая устает, ее сменяет другая. Глубина снега, конечно, отражается мучительно на лошадях, изнуряет их тяжелой работой, но бескормицу создает, собственно, не она, а "гололедица", следствие намерзания льда на поверхности снега или вторичного замерзания весенней воды; наконец, бескормицу

вызывают дожди, выпавшие уже после первого снега и покрывшие растительность слоем льда, откуда ее добыть невозможно, так как ударом копыта, откалывая лед, отбрасывают и самые нежные, самые питательные части трав, вмерзшие в него. В "гололеду" необходимо лошадей кормить сеном, которого обыкновенно не заготовлено, так как предвидеть гололеду невозможно. Начинается "голодуха" и падежи. В глубокоснежные зимы тоже приходится подкармливать лошадей. Но в обыкновенные средне- или малоснежные зимы подкармливают, и то 2 — 3 последних зимних месяца, только жеребых кобыл да 3 — 4-летних жеребят, которые в то время меняют зубы и которым поэтому трудно справиться с подножным кормом¹⁾. Жеребых кобыл с осени отбивают в особый табун и стараются держать вблизи дома. Жеребых кобыл в конце марта и апреля и только что родившихся от них жеребят-сосунчиков помещают в особые изгороди (титик), защищенные от ветра высоким, в сажень с лишком, плетнем, сооруженным из тонких, отвесных тальниковых или лиственничных прутьев. Прутья корзинообразно переплетены между тремя горизонтальными жердями, составляющими остов изгороди²⁾. У старозаветных же якутов жеребят ставят просто в открытом дворе, огражденном обыкновенной изгородью. Посередине протягивают ремень с петлями и к каждой петле с помощью особых деревянных застежек (кулугу) прикрепляют за оброт жеребенка. Тут жеребята стоят без всякой защиты и ночью³⁾, и во всякую погоду. Только в сильную бурю их уводят в более защищенное место или устраивают временную от ветра защиту. Кобылы первые недели никуда не уходят от жеребят и все время пасутся на виду. Доят их вначале два раза, затем 3 и 1 раз в день. В старину, говорят, доили до 6 и даже до 9 раз. Хорошая дойная кобыла дает в день ведро (20 — 30 фун.) сладкого жидкого молока. Дойных кобыл кормят особенно хорошим сеном. Для остальных лошадей в бескормицу рубят, с половины марта, "тальник". С этой целью гонят табуны в места, поросшие известными, съедобными сортами тальника, и там рабочие, вооруженные топорами, валят на землю кусты; животные объедают верхушки и более нежные ветки кустов.

Таков в общих чертах уход якутов за табунами конного скота. Таков он был и в прошлом. Тем не менее якутам удалось провести коневодство

1) Миддендорф; *ibid.*, фауна. Часть II, стр. 536;

2) По-видимому, плетень этот позаимствован у русских; на севере его нет или он встречается редко.

3) Вначале, пока они неспособны есть сено, к ним на ночь пускают маток. О вводе жеребят в жилое помещение под крышу, так же как и взрослых лошадей, я не слышал.

к самой границе лесов. Дальше на тундре лошади являлись только временно, как вьючные и верховые животные. В Усть-Янске мне рассказывали, что лет тому 20 "на море костевать" ездили на лошадях (1882 г.). То же самое сообщает Врангель о нижнеколымских промышленниках, которые отправлялись в тундру за промыслом¹⁾. По дороге из Усть-Янска в Верхоянск мы часто в лесных чащах, далеко севернее теперешней границы коневодства, натыкались на повешенные на сучьях черепа лошадей. Такие же черепа найдены на Оленеке Мааком, и даже череп, найденный Миддендорфом на Таймырском полуострове, этот ученый считает в палеонтологическом смысле сомнительным, т.е. современным, занесенным. В настоящее время самые северные по месту жительства кони — это те несколько штук, что находятся в Усть-Янске: их там видел еще в 1892 году Э. В. Толь, и они, по всей вероятности, потомки последних 4 кобыл, оставшихся в 1882 году от тамошних стад, которых видел я. Они были яловы по недостатку жеребца, и якут, везший на них нашу кладь вплоть до урочища, в устье р. Кюнгясь, где уже начиналось прочное коневодство, рассчитывал случить их там с жеребцом.

Таким образом, существование лошадей в Усть-Янске в то время было связано с такой случайностью, как наш приезд²⁾. В Нижне-Колымске, на Омолоне, в Черноусовой, давно уже о лошадях нет помина. Граница постоянного коневодства отодвинулась по всей линии верст на двести на юг, в глубину лесов. Нет также лошадей на Жессее, где, говорят, некогда было их много; они вытеснены оттуда отчасти более удобным для рыбака животным, собакой, отчасти более удобным для охотника северным оленем. Те же причины повели к исчезновению лошади с берегов Охотского моря и окрестностей Удского острога, где они были в свое время вводимы даже правительством.

Повальные болезни, угрожающие здесь лошадям, суть, главным образом, "сибирская язва" и "influenza"³⁾. По словам Гольмана, от этих болезней в Виллойском и Олекминском округах между 1861 и 1862 годами погибло до 12 000 лошадей. Сибирская язва sporadически свирепствует во всем крае почти непрерывно, но грознее этих болезней для здешнего коневодства — бескормицы: такая бескормица в 1882 году, воз-

1) Вот что он говорит по этому поводу: "Другие (жители Походска и Черноусовой) на лошадях отправляются в тундру за оленями. Охотники выезжают всегда вдвоем, и, кроме хорошо обученных собак, каждый привязывает к своей лошади ветку". Врангель. "Путешествия". Часть II, стр. 60. Известно, что многие поездки по чукотской земле Врангель совершил на лошадях.

2) Летом нет сухопутного сообщения с Усть-Янском. Наш приезд был экстраординарным.

3) Гольман. "Памят. Книж. Якут. Об.". 1871 г., стр. 130.

никшая вследствие потопления сена осенью и глубоких зимой снегов в Кольмском округе, убила сразу треть лошадей. Кроме того, лошади часто страдают от ревматизма, порока сердца, воспаления легких, чахотки, солитера, фистулы и т.п. Больную лошадь якуты торопятся убить. Лечат якуты лошадей шаманством, ставят, кроме того, банки из рожка, пускают кровь из ушей, из хвоста, прокалывают "мышки" ¹⁾). Внутри дают якуты лошадям топленое масло, соль, водку, а иногда какую-нибудь сложную гадость: напр., смесь лягушечьего отвара с женской мочой или порошок из толченого дятла. Все это (исключая мыло, которое считается слабительным) принимается без всякой системы, по усмотрению. Как отвлекающее (горчичник, мушку) якуты употребляют прижигание трупом и "заволоку"; последнюю тоже считают русской выдумкой. Переломы костей якуты вылечивают очень умело; для перевязок употребляют разогретую на огне бересту, которая действительно, быстро затвердевая, представляет отличный бинт. Раны заклеивают от мух рыбьим клеем или смазывают дегтем.

Якутская лошадь от 5 до 10 лет считается в силе возраста; в старину в это время только начинали ее употреблять для езды. На севере это удерживалось до сих пор, но на юге нужда в лошадях заставила понизить рабочий возраст до 3 лет, что вредно отозвалось на росте и развитии лошадей. Также дурно отзывается на них раннее холощение, которое теперь производится по 2-му году; прежде не делали его раньше 3 лет. Не менее дурно отзывается на лошадях обычаем ездить вдвоем на одной лошади, последствием чего нередко является хроническая хромота. Возраст в 20 лет считается для лошади предельным; обыкновенно тогда лошадь убивают.

Кроме вышеописанных крупных домашних животных, встречаются еще в Якутской области в небольших количествах следующие.

Из птиц:

Куры, простые, русские. Завезенные сюда вначале любителями, они делают мало-помалу в земледельческих округах общераспространенной, деревенской птицей. Нет русской деревни, нет дома в г. Якутске, где бы не нашлось их несколько десятков. Держат их, главным образом, для яиц, хотя на якутском городском рынке появляются уже изредка цыплята. Свежее яйцо стоит в Якутской области летом от одной до полутора копейки, весной от 2 до 2 ¹/₂, зимой же и накануне Пасхи за

1) "Мышки" — опухоль желез под скулами и на шее, вызванная натугой или тесным хомутом. Якуты уверяют, что "мышки" да "насос"—болезни, привезенные русскими, что якутские кони никогда ими раньше не страдали и что теперь при якутском обращении с лошадьми они никогда не случаются. "Насос" (мозолистая опухоль на верхнем небе) лечится проколом.

него платят 5, даже 10 коп. Мороженые яйца— скверные, безвкусные, и белок у них свернут, точно они были опущены в кипяток; стоимость их значительно ниже ($\frac{1}{2}$ коп.). Содержатся куры летом на открытом воздухе и только на ночь загоняются в избы и теплые курятники. Я, впрочем, убедился, что куры, которых не загоняют в теплые помещения, а все время оставляют на открытом воздухе, дольше по осени несутся. Зимой же кур держат в банях или избах, в особых низеньких и тесных клетках, нередко под печкой, где они лишены всяких удобств, света, воздуха, где сильно скучают и где мучит их невыносимо паразит. Хороших, просторных, светлых курятников я нигде в Якутской области не видел, кроме как у нескольких богачей скопцов, любителей свежих яиц. Они путем разведения все более и более ранних цыплят добились того, что у них есть курицы, несущиеся зимой, в декабре и январе месяцах. Курицы в Якутской области, по моим наблюдениям, начинают нестись на пятый месяц, и если осень теплая, благоприятная, а лето было жаркое, сухое, то самки из мартовских выводков в конце августа дают яйца. С наступлением холодов носка яиц прекращается, особенно если курятники плохие. Приносит, по моим вычислениям, курица за лето от 50 до 60 яиц. Содержание их летом ничего не стоит; зимой кормят их зерном, хлебными "охвостьями", вареным картофелем, даже репой¹⁾. Из хлеба дают преимущественно овес и ячмень, реже пшеницу, а ярицу и рожь избегают давать: при недостатке воздуха и движения здешние курицы вечно страдают несварением желудка и ярицу с трудом усваивают. В случае заболевания от несварения и поноса их с большой пользой переводят на рыбную или мясную пищу и вареный картофель. Курицы, которым изредка давали рыбу и мясо, быстрее линяют, раньше начинают нестись, и скорлупа их яиц много толще и крепче, чем у других. Летом курицы, питающиеся болотными червями, начинают нести яйца без скорлупы (лить), тогда местные хозяева запирают их на некоторое время в курятники и кормят их зерном да мучными галушками с подмесью извести. Видел я куриц даже в Верхоянске, но очень жалких.

Якуты кур не разводят, разве в исключительных случаях, скорее ради развлечения, чем ради пользы. Главное этому препятствие: частые перемены места жительства и вечно рыскающие в поисках за пищей голодные соседские собаки. Дома собаки быстро осваиваются с птицей и даже делаются успешными конкурентами в подборании яиц; смешно видеть, как внимательно следят они за несущимися курицами и сколько

1) Вареным картофелем, с подмесью муки, очень выгодно кормить здесь кур, так как в урожайные картофелем годы его, по недостатку погребов, некуда девать.

употребляют хитрости и остроумия, чтобы добыть яйцо из узкого, недоступного для них логовища.

Домашних уток, гусей и голубей я видел всего по несколько десятков штук у любителей в г. Якутске. Видел также диких прирученных уток, выведенных из яиц. Они очень привязчивы, бегают за хозяевами, как собачки, и охотники пользуются ими для приманки диких уток, пуская их на озера, где устраивают "засетки". Им приходится подрезывать крылья. Зимой они очень понуры, вечно сидят у огня, насупив перья. В теплых курятниках, достаточно обширных и светлых, домашние гуси и утки проводят здесь зиму прекрасно. Голуби зиму тоже живут в теплых помещениях, но думаю, что могут со временем акклиматизироваться. В Иркутске они водятся целыми стаями в полудиком состоянии, хотя стужа там тоже достигает 40 градусов; дело все в обилии пищи и медленном приспособлении.

Из четвероногих встречаются:

Кошки, по- якутски "машка". Они завезены сюда русскими; быстро стали любимыми якутскими домашними животными. Их часто, особенно вблизи городов и русских поселений, можно встретить в юртах даже бедняков. В северной части Якутской области их нет, за исключением нескольких экземпляров, завезенных чиновниками в города. В Якутске я видел также кошек китайских, с пушистым хвостом; преобладают же обыкновенные русские кошки.

Овцы. Было время, когда овцеводство обещало разрастись и укрепиться в Якутской области. Им стали даже интересоваться якуты. Но обеднение приленских крестьян, вызванное внезапным лишением почтовой гоньбы, в восьмидесятых годах, повело к уничтожению у большинства из них овечьих стад. Теперь вновь заводить трудно, тем более что, как мне объяснили, "овцу нужно заводить всем, чтобы всем пастуха нанимать, чтобы собаки у всех с овцой стали знакомы, иначе толку не будет; овца не корова, требует постоянного присмотра" (Зап. Кангалас. ул., село Улаханское, 1892 г.)

Якуты по тем же причинам не заводят овец, хотя выгоду их вполне понимают: "Нужно всем зараз, чтобы пастуха, чтобы собаки и воры не одолели" (Нам. ул., 1890 г.).

Овцы есть здесь, главным образом, в селе Павловском у староверов да в самом Якутске. Овцы — простые, черные, низшего сорта, двурогие, без курдюков.

Кроме овец, пробовали здесь разводить свиней и коз. Козы есть в настоящее время только в г. Якутске и Вилуйске. Свиньи встречаются и в других городах и округах. Свиней особенно усердно в 80-х годах разводили в Дюпсунском улусе политические ссыльные Страндин и

Юрасов. Первый приготовлял прекрасные окорока, солонину, колбасы и сальники, приобретшие известность и, под названием "страндиновских", успешно конкурировавшие с привозными. За свинью среднего размера он, насколько мне известно, выручал около 100 руб. С отъездом этих умелых и предприимчивых хозяев свиноводство пало. Свиней купили, правда, богатые якуты, но животные по большей части вследствие плохого ухода передохли. Привожу официальные сведения о количестве свиней и овец за года 1870 и 1890, позаимствованные из "Памятных книжек Якутской обл."

	г. Якутск		Якутский окр.		г. Олекминск		Олекмин- ский окр.		г. Вилюйск		Вилюйский окр.	
	1870	1890	1870	1890	1870	1890	1870	1890	1870	1890	1870	1890
Овцы	54	50	345	149			48	52	7	4	12	9
Свины	9	15	10	5	5	2	22	10	5			
Козы	4	8								2		
Итого в	1870 г.		1890 г.		овец		466, свиней		51, коз		4	
							264		32		10.	

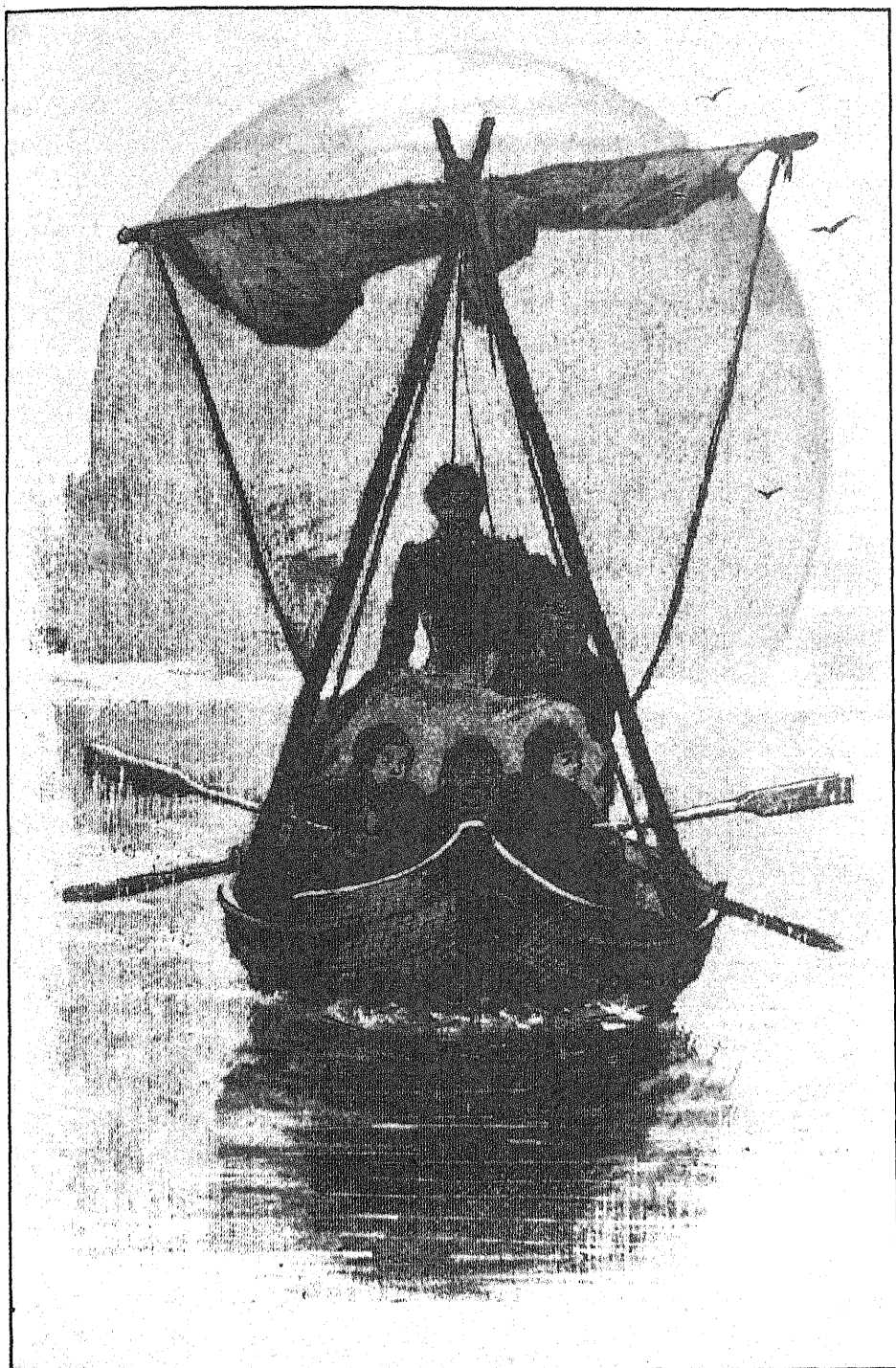

Рис. 16. Якутский ал на Лене.

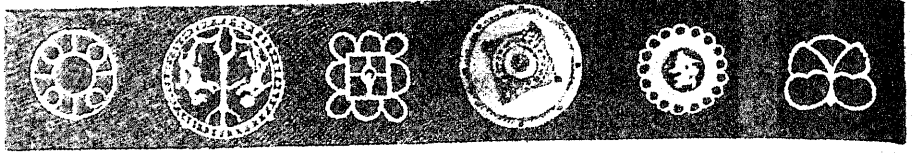

Рис. 17. Якутские к ю с т ы, подвески ($\frac{1}{3}$ настоящей величины).

І. О южном происхождении якутов

"Жил некогда, далеко на юге, человек сильный, господин богатый, по имени Джугун. Был у него сын Онохой — силач, вор, разбойник, про которого говорили, что он "восемьдесят амбаров сломал, девяносто людей убил" ¹⁾. Приобрел он такую известность, что и теперь, когда хотят сказать о ком, что он человек смелый, вор ловкий, то говорят: "Человек, как Онохой, сделать более других способный, — человек удалый, вор первый" ²⁾. Долго он обижал соседей, крал, насильничал, наконец истощилось их терпение, заговорил гнев. Собрались и решили отомстить Онохой, сыну Джугуна. Услышавши, что идут с большим войском, он испугался, забрал имущество, людей, скот, жен и детей и пустился бежать. Бежал, уходил долго, пока не попал на реку, текущую на север. А были это истоки Лены (Орюсь) ³⁾. Здесь построил два плота (булоуот), один большой, на котором поместил скот и сел сам с людьми, а другой маленький, на котором поставил деревянные чучела, одетые в человеческое платье и вооруженные луками. Впереди, вниз по реке, плыли сами, усиленно работая веслами; сзади свободно поплыл по течению плот с куклами. Вскоре после Онохой прибыла на Лену погоня. Найдя щепки, стружки, следы работы, догадались, что беглецы построили плот и уплыли на север, и решили тем же путем преследовать их.

Прежде всего нагнали плот, где, будто войско, стояли одетые в платье пни. Начали пускать в них стрелы, но видя, что те не падают, убоялись.

"Пускай себе бежит! Не возвратится! Убежал далеко!" — говорили. И оставили преследование беглых.

1) Аггс уон амбаралепыт, тогус уон киси өлөрбит.

2) Онохой киси, обургу гыннэха гыммыт киси, хорсун (хосун) киси, бард уоруях.

3) Здесь возможна путаница, "Орюсь" значит вообще *большая река*; так зовут, я не раз слышал, колымские якуты *Колыму*, вилюйские — *Вилюй*. Штуккенберг и Паллас так называли последний со слов якутов. Pallas, Neue Nor. Beitrage, 1793 Bd, V, p. 282. Точно также переводит это слово Ботлинг ("Über die Sprache der Jakuten", p.27).

Между тем сын Джугуна, плывя без отдыха, без остановки, добрался до Почтенной горы¹⁾, что стоит на юге от города. Тут он впервые вышел на берег. Видит: на северной стороне открылись места ровные, поля широкие; остался, живет. Построил дома, огородил скот, размножил людей и скотину. Сделался богаче, чем был прежде.

Однажды парни его, охотясь-промышляя над рекою, увидели плывущие щепки и стружки дерева, рубленного топором или строганного ножом. Сказали об этом старику. Испугался Онохой.

"Ох, беда, дети, беда!.. Должно быть, мои враги приближаются!"

Выбрал ловких, выбрал смелых и послал их на юг, говоря:

"Осторожно подкрадываясь и высматривая, узнайте..."

Пошли вверх по течению. У самого подножия Почтенной горы видят, на мысу горит огонь; над огнем висит огромный котел, недалеко лежит топор из больших большой, а около — нож, величины невиданной. Человека нет, а только на песке заметили большущий след ноги. Спрятались в кустах, смотрят. Слышат: лес трещит, идет с горы человек невообразимо великий. Испугались, убежали, приходят, рассказывают отцу.

"Б а й ! — сказал старик. — Нужно посмотреть, что это такое!" Собрал вооруженных людей и отправился. Видит: сидит человек и ест; камень поставил перед собой, будто стол, на нем поместил котел, чашку, нож, ложку... Все огромное, сам он невозможно великий. Видят, что один, подошли ближе, но осторожно, опасаясь.

"Кто ты такой?" — спрашивает Онохой.

"А ты кто?"

"Я Онохой!"

"А я — Э л л е й !.."²⁾.

"Зачем сюда приходишь?"

"Восемьдесят амбаров сломал, девяносто человек убил! Хотели меня поймать, наказать... Бегу!..."

Обрадовался Онохой.

"Совсем как я!.. Хочешь: будем друзьями?!"

Эллей согласился, подали друг другу руки и пошли вместе в дом Онохой. Там гуляли, ели, пили, танцевали, боролись, пели. Понравился Эллей старику; принял он его в дом, сделал сыном. Живут, промышляют. Онохой знает, Эллей еще лучше знает; Онохой сделает, Эллей поправит;

1) Б т ы к - х а я — Почтенная гора, это Табагинский мыс; нарицательное имя для всех утесов, возвышающихся прямо из воды.

2) Э л л е й означало в старину "большой", "громadный". (Объяснение рассказчика). Ботлинг пишет: "Äläi" *ibid.*, стр. 18; *alla* по-уйгурски "образовать роды, распадаться на роды" (W. Radloff, "Die Altürkischen inschriften", p.93.)

Онохой посоветует, Эллей еще лучше того научит. Полюбил его старик сильно, сделал начальником, господином, любимым сыном.

"Столько лет живет у нас этот человек, работает, все, что прикажешь, делает хорошо, быстро, лучше других... Что же дадим ему в награду за это, старуха?" — спросил однажды Онохой жену.

"Э т т э - т э!.. Что же больше мы дать ему в состоянии, как не нашу любимую дочь, красавицу, не ломающую на ходу зеленой травы, шелковистую Нурулдан-ко!.."

А были у них две дочери: старшая — некрасивая, черная, на которую никто смотреть не хотел, и младшая, которой пальцем пошевелить не давали, которую холили и нежили, которая сама даже не мылась и не одевалась, а помогали ей другие. Она не работала, никуда не ходила, ничего никогда не делала, разве золотой иголкой, шелковыми нитками вышивала узоры. Одним словом имя ей: с о л н ц е - д е в у ш к а ¹).

Подумал, сообразил Онохой и, выждавши случай, говорит Эллею:

"Сколько лет у нас живешь, стараешься, работаешь... Скажи, чего просишь в награду? А мы не откажем тебе. Только нет у нас ничего дороже дочери нашей любимой, не ломающей на ходу зеленой травы, шелковой Нурулдан" ²).

Эллей, ничего не ответивши, вышел.

"Что ж он ничего не говорит?.." — удивлялся старик.

"Должно быть, раздумывает," — догадалась старуха. А между тем Эллей следил за девушками, высматривая, куда они тайком ходят. Там наблюдал след их мочи: по Нурулдан не оставалось ничего, точно дождик накрапал, а после старшей, худой и черной, всегда белела на земле пена, точно густые, свежесбитые сливки. Увидел это Эллей, молчит и ждет. Наконец пришло время, и старик опять спрашивает:

"Что же ты молчишь? Говори: возьмешь или нет то, что даем тебе?"

Поклонился старику Эллей.

1) К ю н ь к ы с. Этому выражению в сказках придумывают иногда особое значение, мне непонятное; на вопрос: не значит ли это "солнце"? — отвечали: нет. Отмечу, что по-уйгурски "кюнг" означает девушка, прислужница или рабыня (Radloff, *ibid.* p. 115). Якуты тоже часто в этом слове произносят *нг* носовое.

2) К ю о х о т у т о с т у т о б о т, с о л к у Н у р у л д а н - к о — не ломающая на ходу зеленой травы, шелковая Нурулдан-ко. Прозвище это стало теперь нарицательным для красивых, холеных дочерей. Н. Горохов в своем замечательном переводе о л о н г о Ю р ю н г - У о л а н, Н ю р ю л д а н (все равно: Н ю р ю л л а н) переводит — "белолицая". Н ю р — лицо, у л а н — светлый.

"Не возьму я вашей девки! Не хочу ее!"..— говорит.— "А если правда хотите вознаградить меня, так отдайте мне Р а с т р е п а н н у ю к о с у ¹⁾". Так прозывали старшую девушку.

Услышавши это, рассердился старик.

"Т ы й!.. Вот дурак!.. Вот хитрый!.. Мы тебе даем, что у нас самое лучшее, а ты просишь то, на что никто смотреть не хочет!.. Хорошо: возьми себе ее и уходи вон!.. Пусть не видят тебя мои глаза!.."

Дал ему дойную кобылу с жеребенком, дал полосатую ²⁾ корову с теленком, из самых что ни на есть худых, и прогнал прочь со двора. Поблагодарил Эллей, поклонился и, взявши, что дали, ушел. Ведет в поводу кобылу с жеребенком, сзади жена гонит хворостиной корову с теленком ³⁾. Пошли на север.

Пришли туда, где над рекою распростерлись места ровные, гладкие, а среди них стоят "три лиственницы" ⁴⁾. Место им понравилось, решили остаться. Набрал Эллей березовой коры, поставил палки, связал их вверху, обшил корой, украшенной узорами, зубчиками, вырезками, образовалась ураса, жилой дом. Затем устроил для коров маленький хлев, для кобылы некрытый загон, выкопал яму для молока. Основался, огородился, живут. Стоит в хлеву одинокая корова, стоит в загоне кобыла, сам- друг с жеребенком ⁵⁾, а люди живут в урасе; доят скот, собирают сливки, копят масло, делают кумыс, промышляют, добывают, живут.

Ушел Эллей от Онохой в начале весны, а в конце лета, около п о - с л е д н е г о С п а с а , захотелось старому узнать про зятя и дочку, и он послал своих парней отыскивать их.

Некоторые пошли горами, другие берегом реки. Те, что шли горами, увидели дым вдаль, те, что шли вдоль реки, тоже его заметили. "Должно быть, Эллей огонь развел," — угадывали. "Пойдем посмотрим". И, крадучись, пошли. Эллей был богатырь, силач, а они не знали его мыслей... Подползли осторожно и увидели: стоит, точно серебряная, белая берестяная ураса, украшенная узорами, зубчиками, кружками... кругом в порядке стоят пристройки: хлев, загон, изгороди. Горят дымокуры. Всюду чисто подметено, гладко. Во дворе, вдоль изгороди, стоят зеленые

1) С ы с п э й - С ы с ы а х — Растрепанная коса. (Объяснение и перевод слова сделан самим рассказчиком.)

2) К ю р д ю г о с — масть эта считается якутами скверной, несчастливой.

3) В этом месте женщины-слушательницы обыкновенно всплескивают руками и говорят жалостливо: б а р а х с а т т а р! (бедняжечки!)

4) Ю с ь - т и т т а х — местность над Леной, недалеко от Кельдямского скопческого селения, в пятидесяти верстах от предполагаемых стойбищ Онохой.

5) Опять выражение жалости со стороны слушателей.

елки, ровно улица. Елки внизу подчищены (содрана кора), что называется ч е ч и р. В самом углу стоит большое, красивое берестяное ведро, х о л о г о с, под кумыс. Тогда у Эллея еще не было кожи, чтобы спить настоящий кумысный мешок, с и м и р. Перед ведром, повернувшись лицом к югу, стоит на коленях (на одном колене) Эллей, держит в руках большую ложку с теплым маслом и поет:

"Создатель наш, господин творец! Мать наша, госпожа хранительница! Возьми, небес создатель, отче боже! Четырех небес распорядительница мать! Девятигранная земля! Восьмигранная родительница степь! Местами обсыхающий, с редкими лесами, с развесистой растительностью, Серединный мир: рожай для меня! Восьмигранная степь, тобою созданный, благодаря тебе живу! На вершинах мира сего, опершись ступнями, стою и зываю к тебе! Три тверди заставь, четверем небесам накажи, семи небесам определи, раскрывши восемь своих скрижалей (а г ы с а р к ы м а т ы н г)! Девяти небесам прикажи, девяти небесам свою волю объяви! Сделай все это на бело-молочном камне сидящий, белый создатель, господин! Белая мать госпожа, создавшая эту четвертую землю, на этом серединном мире, дитя твое умоляет! Ты, мягких обычаев заходящего солнца! Ты благоприятных мыслей восходящего солнца! Будучи человеком праведным, обращаюсь к тебе; будучи удалым у р а н г х а й ц е м, говорю тебе! Мать-хранительница, госпожа, душа мира! Воспевающим голосом зываю к тебе: чистое серебро взволнуй, замути, появись! Трехжердной моей изгороди, ворота раздвинувши, прошу тебя! Исполненный лучших намерений, мудрых советов, стою, ожидаю! Создательница наша, хранительница, госпожа, мать моя: воспитанный мной скот огради, рожденных мною детей в пуху укачай! Неба создательница, трех небес мать, с белооблачного седалища своего небрежно взгляни на меня! Рождающая создательница, госпожа, выслушай! Творец господин, благослови!.. уруй!.. уруй!.. уруй!.." ¹⁾

Окончивши песню, Эллей подбросил вверх ложку масла, затем отдал ложку жене и приказал отнести ее домой и положить не кое-как, а повернувши вверх углублением. Жена исполнила приказание. Тогда Эллей взял большущий деревянный а я х (кубок) с кумысом и, ставши опять на одно колено, а на другом держа сосуд, снова пел и просил, поднимая бокал с кумысом к небу. Неизвестно откуда появились тогда три белых лебедя и, троекратно покружившись над Эллеем, спустились и стали пить кумыс из бокала. Обрадовался Эллей, уселся с женою, под ч е ч и р о м пил кумыс, разговаривал и веселился.

1) Тюркский текст смотри II том, соответ. главу.

Все это видели, спрятавшиеся в кустах люди Онохой, и понравилось им все чрезвычайно. Возвратились и рассказали старику, восхваляя красоту обряда, чистоту и порядок в хозяйстве Эллея.

Рассказ встревожил старика. "Как же это так? Что же это такое?" Взял он людей, жену и дочь. Впереди приказал гнать скот на пищу и подарки: старинные якуты никуда не ходили без скота, без пищи¹⁾. Приехали. Эллея дома нет, только жена. Эллей ушел на промысел. Все осматривают, все пробуют и удивляются, как все хорошо, прочно сделано. Вошли в дом, спрашивает старик дочь:

"Как живете?.. Муж тебя любит?..."

"Живем помаленьку!.. Муж меня учит, а я слушаюсь!.."

Похвалил ее отец, погладил по голове. Сидят, разговаривают. Пришел и Эллей, принес много добычи и всю отдал старику с поклоном. Еще больше обрадовался старик, говорит:

"Видели мои люди и рассказали мне, как ты поставил в ряд зеленые елки, как ты пел, масло и кумыс вверх бросал и как прилетели три лебедя и выпили напиток!.. Ты мне все это покажи, а я уж тебя не забуду, отблагодарю".

Согласился Эллей, устроил чечир, поставил ведро с кумысом, стал на колени с бокалом в руках; сзади стали на колени все присутствующие; пел, просил, и слетели с неба три белых лебедя и выпили напиток. Сильно обрадовался Эллей, а Онохой и люди его удивились. Потом сели под чечир, пили кумыс, разговаривали, веселились три дня и был первый ысыах!²⁾

Уезжая, старик стал звать Эллея к себе, но тот не согласился. Тогда он отдал зятю скот, приведенный с собою, и половину людей.

Затем благословил, говоря:

"Пусть твой скот размножается, пусть люди твои расплодятся!.."

Уехал. Шли, путешествовали хорошо, пока под вечер не добрались до того места, где теперь стоит Марха³⁾. Тут остановились ночевать. Убили скотину, сварили ужин. А место это тогда было красиво; трава там росла высокая, по колено людям, и такая густая, что если раз кто прошел, то след оставался навсегда. Цветов было много, запах от них разливался

1) Это выражение: былыргыттар сахаллар сүбсүтбсүоох ханнада барбаттар, астах бардыллар — может, думаю, послужить, к уяснению темного выражения в предании об Уйгурах у Рашид-эд-Дина. См. "К вопросу об Уйгурах" В.В. Радлова. Приложение к LXXIII т., Зап. Имп. Акад. Наук, N2, стр.42.

2) Говорят и ысыэх, смотря по местности. Мы, где можно, предпочитали придерживаться указаний Ботлинга.

3) Скопческое селение в 8 верстах на север от г. Якутска.

чудесный, а на холмах там и сям стояли сосновые рощи! Теперь пришли русские, вырубил рощи, взрыли землю, поставили всюду изгороди, изменилось место: не растут травы, не цветут цветы...

Заночевал здесь Онохой. Люди разводят костры, а он любителю на красивую местность, но тоска что-то гложет его.

Больше всех, однако, грустит его ненаглядная дочь Нурулдан. Молчит, не говорит, сидит печальная. Наконец встала и ушла в степь, говоря: "Возвращусь... только вот в этот лесок схожу..."

Ушла, и нет ее. Ждали, ждали, наконец послали искать девку. Пошли, ходят, смотрят — не видно, зовут — не отзывается! Вдруг закричали, видят: висит девка на суку. Обрезала один из четырех ремней, которыми старинные якуты завязывали свои штаны (сыали), и повесилась!.. Должно быть, огорчилась она, что другие, черные и некрасивые, находят счастье, делаются господами, а она, белая, красивая, коленая, все одна... Так догадывались.

Заплакали, затужили старики, взяли с собой тело дочери и похоронили недалеко от своего жилья.

Живут, но покинуло их счастье. Не везет: не то, так другое случается. А Эллей крепнет. Эллей мастер, Эллей кузнец, Эллей делает из дерева, из бересты разную посуду; куёт топоры, ножи, котлы. А если кто-нибудь из людей Онохой завернет к нему, то принимает его щедро, разговаривает с ним ласково. И всегда чем-нибудь уходящего одарит, и всегда что-нибудь дельное ему скажет. Стали люди Онохой, один за другим, убежать к Эллею.

"Эллей, говорят, всякому дом дает, дает женщину, дает скот и посуду. Делает всякого господином, а у старого Онохой ты всю жизнь работник!.."

Бежали и скот с собой уводили. Мало осталось скота и людей у старика. Но и эти остатки Эллей, почувствовав силу, отнял грабежом. Обеднел, ослаб Онохой. И стали ему прежние, некогда счастливые места ненавистны; бросил их и ушел искать другого пристанища. Ушел на север; но не низом, долиною Лены, а горами, чтобы не встречаться с людьми Эллея. Придя туда, где теперь наслег О д е й ¹⁾, основался. От него ведут начало люди Н а м с к о г о у л у с а; от Эллея же произошли якуты К а н г а л а х с, Б о р о г о н, Т а т т а (Б а т у р у с), М е н г е и все остальные заречные в о с т о ч н ы е улусы. Поэтому-то эти улусы многолюдны, богаты; поэтому есть среди них превосходные мастера и промышленники, поэтому им везет, скот их размножается, они богатеют;

1) По правописанию официальных списков: "Одейский".

а мы остаемся всегда бедными и темными!" (Намский улус, 1891 г., рассказано Семенчиком Носковым, якутом Бётюнского наслега, рода Ботюгот¹⁾).

Таково предание якутов о южном их происхождении. По богатству типичнейших подробностей, по замечательной правдивости, с какой изображены в нем быт и характер якутов, оно заслуживает большого внимания. Распространено оно повсеместно. Всякий якут, неравнодушный к преданиям своего народа, знает его и может передать с большей или меньшей полнотой. Я слышал несколько его вариантов и привел самый полный. О нем же упоминают: Миллер²⁾, на него намекает Врангель³⁾, Шукин⁴⁾, Миддендорф⁵⁾ и другие исследователи и путешественники; его приводит В. Л. Приклонский в своих этнографических очерках⁶⁾. По варианту г. Приклонского Оногой-бай (бай — богатый) — татарин племени Саха; он пришел с женою Сара, ее братом Улу-хоро и рабами; всех мужчин было 13, женщины и рабы у древних якутов не включались в счет людей⁷⁾.

Уже на новом месте родился у Оногая сын, Ан-тайбыр, и две дочери, Ан-чингай (Ан значит "первенец") и Ника-харахсын (нежный взгляд)⁸⁾. Некрасивая Ан-чингай делается женой Эллей; Ника-харахсын умирает трагической смертью, подобно Нурулдан⁹⁾.

1) Предание приведено мною целиком не в пересказе, а в дословном переводе.

2) Описание Сибирского царства, §§ 34, 5, 6, 7, 8.

3) Часть I., стр. 183.

4) "Поездка в Якутск", издание II, 1844 г., стр. 271.

5) Часть II. Отд. VI, выпуск 7-й, стр. 763.

6) Материалы по этнографии Якутской обл., Изв. В. С. От. Им. Рус. Геог. Общества. Том XVIII, 1887 г., стр. 11.

7) По варианту Н. Шукина людей у Оногой-бая было 150. Шукин поясняет, что рассказ о южном происхождении якутов позаимствован им из двух старинных рукописей (ibid., стр. 271).

8) Ника значит неженка. По-тунгусски: Ника-дружок, ласкательное женское имя.

9) У Эллей было 6 сыновей: 1) Л а б ы н г х а - с ю р и к (болтун стремительный) старший сын, впоследствии пропавший без вести; он считается первым шаманом, первым распространителем верований и обычаев якутов. 2) Х а д а т - х а н г а л а с, от него произошли якуты двух Кангаласких улусов. 3) Д ж о н - д ж а г ы л ы (д ж о н - д ж а а б ы), от него произошел Батурусский улус. 4) М о л о т о й - о р х о н — от него Мегинский улус. 5) Д э л и - д а р х а н, от него Борогонский и Дюпсинский улусы по имени двух сыновей его: Борогон-джорту и Сюрдах-дюпсун. 6) Х а т а н - х а т а - м а л а й, родоначальник Намского улуса. Эллей, по этому преданию, признается изобретателем дымокура, а сын его Лабынгха-сюрник устройтеlem первого сынаха. Оногой в конце умирает, богатство его гибнет; единственный сын Ба ра

Общие сведения по истории тюркских племен настолько отвечают гипотезе южного происхождения якутов, что для признания ее было бы совершенно достаточно тех прямых указаний, которые сохранила народная память. Но возможно ясное и точное решение этого вопроса очень важно. С одной стороны, оно позволило бы легче разобраться в этнических особенностях якутов, с другой — эти особенности бросили бы много яркого света на культуру, общественное устройство и верование древнетюркских племен, раз были бы хоть приблизительно установлены момент и место отделения от них якутской ветви. В настоящее время даже опыт подобного исследования немыслим по недостатку материалов. Для начала мы постараемся отмечать в этой книге всюду признаки родства якутов с южными их соплеменниками и в то же время выделять все позаимствованное ими у теперешних их соседей. В этой же главе мы изложим те указания на юг, которые стоят отдельно в наших материалах и сильнее бросаются в глаза.

К таким, по нашему мнению, принадлежат представления и названия: лва, змеи, верблюда — животных, совершенно не встречающихся в теперешней родине якутов. Змею якуты зовут одинаково с монголами: м о х о й; она не встречается севернее 60°, а южнее она настолько редка, что навряд ли найдется среди местных якутов десятков лиц, видевших ее. Верблюд им также знаком; правда, они считают его сказочным существом и нередко называют русским именем м е р б л ю д - к ы л, м е р б л ю д - с а р ¹⁾, но у них есть и другое его название, именно: т я б е н ь, очень близкое к южнотюркскому названию верблюда т е в е, или вернее: т е - б е, качинских татар. Богатырский конь т я б е н ь обыкновенно называется х о р о - т я б е н ь, причем х о р о можно переводить и "южный" и "хоролорский" (Худяков, стр. 54); в некоторых сказках говорится о *двух его холках*. На т я б е н ь ездят всегда богатыри, враждебные якутам. Затем, в предании о пребывании верблюдов в Якут. обл., эти животные прямо называются т я б е н ь - к ы л. Верблюды в начале прошлого столетия, управлением Вост. Сиб., были высланы на Охотский тракт, для перевозки тяжестей ²⁾. Якутское предание говорит, что китайцы (к ы - т а й д е р) возили на них из Охотска товары и по дороге привязывали к какому-то священному дереву, недалеко от верховьев Колымы (?).

гай-батылы-кильтягай-тобук, от которого произошли якуты Баягантайского улуса, терпит нужду и пропитывается добычей, которую ему приносит черная собака ("Живая Старина", выпуск II, 1890 г., стр. 11). Всюду в цитатах удерживаю транскрипцию авторов.

1) В последнем выражении, судя по смыслу сказки, явно смешиваются понятия с а р — желтый (тюркское слово), и с а р — царь, император (испорченное русское слово). См. т. II. Сказки.

2) Миддендорф. Часть II. Отд. V, стр. 546.

Дух места, обиженный этим, улетел, дерево засохло, а звери подошли. (Западный Кангалаский улус, 1891 г. ¹).

Лев по-якутски *х а х а й*. В сказках якуты изображают *х а х а я* зверем сильным, ловким, с буйной гривой на шее и груди, с длинным упругим хвостом, снабженным на конце шишкой ²). Словом, представление их довольно ясно и близко к правде. Некоторое сомнение вызывает только то, что слово *х а х а й* у монголов и бурят значит *с в и н ь я*. Свинья тоже никогда не водилась в диком виде в Якутской обл., тем не менее интересно было бы узнать, какого из этих двух зверей в старину называли *х а х а й*. Дикие кабаны водятся и в камышах Сыр-Дарьинской области, и в Монголии, но особенно много их на Амуре, где издревле свинья считается домашним животным у тамошних оседлых тунгусов. Китайские источники говорят о народе седой древности, "жившем где то на северо-востоке в землянках и имевшем стада домашних свиней ³". В Якутскую обл. свиньи попали очень недавно; их привезли туда русские; якуты дают им русское название *и с п и н я*; они, подобно монголам, брезгуют свиньями и не едят их мяса.

В тех местах, где свиней не видали, представление о них более фантастично, чем образ льва. В сказках крайнего севера, под названием *ж е л е з н о й с в и н ь и* (*т и м и р - и с п и н я*), изображается чудовище, не то змей, не то дракон. Всюду она считается якутами животным глупым, противным и жестоким, между тем как лев — гордым, смелым и благородным царем четвероногих. Характерно также, что в титуле высокопочитаемого якутского божества огня встречается, между прочим, *х а - х а й с а н г ы я х* — львиный плащ ⁴) и что один из знаменитейших якут-

1) Можно также полагать, что якутское слово *таба* — северный олень, которого якуты раньше, несомненно, не знали и которого до сих пор зовут "тунгусской скотиной" (омук-сюоското), родственно древнетюркскому *тебе*. Койбалы зовут северного оленя "а к к и к" (белая коза), карагасы "и б и", "и б е"; "и б и" или "д з а р" зовут его также урянгайцы. Тунгусы зовут его "о р о н"; буряты — "г у р о н"; самоеды — "д я б а" (олень-самец). Якутское "т а б а" ближе всего подходит или к самоедскому "дяба" или древнетюркскому "тебе".

2) Смотри главу этой книги "Народное творчество" — сказка "Эксею, или Битва птиц и четвероногих", а также у Худякова, *ibid.*, стр.228.

3) "Илэу... Любят разводить свиней. Питаются мясом их, одеваются кожами их". Иакинф, "Собрание сведений о народах, обитав. в Сред. Азии", ч. II, стр. 19.

4) Худяков, стр. 135. Вот полный текст этого титула: "И думает (Белый юноша): откуда это у меня взялся сначала огонь, какое его назначение и власть, кем он разведен? Господином и Госпожой моего огня должны быть: маленький сын (аччигый ого) Белого Господа Бога (Юринг Аи Тоён) с бело-молочным седалищем (ють тасолбохтох), с тремя серебряными ступенями (юсь юрингь кёмюсь юктялях), с кротким нежным характе-

ских шаманов, могилу которого на р. Баяге до сих пор свято чтят якуты, назывался Х а х а я р, что значит "рыкающий по-львиному".

В сказке Т у л у я х - о г о первый столб коновязи в доме богатыря, считающийся особенно священным, "рычит, как лев" (х а х а я р); второй "клекчет, как орел" (б а р ы л ы р); третий "кукует, как кукушка" (к о - г о ё р). Замечательно, что в той же сказке "верховный владыка страны 26 родов" называется А р с а н - Д о л а й, очевидно, а р с л а н - д а л а й — святой лев¹⁾. Это же имя, А р с ы н - Д а л а й, встречается у Худякова (см. стр. 134, 156, 218, 225); в о л о н г о он называется начальником враждебного якутам "дьявольского восьмиродового, дремлющего племени, со ртом на темени, с глазами на висках". Слово а р с л а н, а р с л ы н, а р ы с т а н, употребляемое южными тюрками для обозначения льва, не знакомо якутам.

Особенное внимание ко льву якутских сказаний тем более замечательно, что якуты очень мало знают о тигре, не менее страшном и хорошо известном южным тюркам²⁾. Были даже случаи, что тигр забегал в пределы населенного якутами края³⁾; рассказы о нем привозят постоянно купцы, выезжающие ежегодно на Зею, Бурею и Ниман, где туземцы хорошо знакомы с тигром; между тем якуты постоянно смешивают его со змеем и драконом, называя без разбору всех их э л е м е с - к ы л л а р — полосатыми зверями. В глухих уголках, где знали название льва (хахай)

ром (сын), родившийся по назначению иметь во власти жизнь якутов (саха урангхай), принимающий в подарок сосновый лес, обедающий сырым лесом, ночующий сухим лесом (дровами), берущий и едящий сырое дерево, белобородый господин (кыра бырджал-тоён) и беловолосая госпожа (быра бырджалъ хатын), высокий — подъем (дабый дархан) и высокий — спуск (дархан тюсю), солнца луч; закаленное счастье тростка с побрякушками, львиная доха (хахай сангыях), опасная плеть с видной тросткой, сердитый зевок; духом этого священного огня мой дедушка по имени Ан Улаханы и госпожа Ан Сабах".

1) См. том II, главу "Народное творчество", сказку Т у л у я х - о г о. Хан Уйгуров, принимавший китайского посланника, в 982 году по Р. Х., в своей столице Хо-чеу (Сичжеу), развалины которой лежат недалеко от теперешнего Турфана, носил тоже титул Арслан-хана (львиного царя). Риттер. Землеведение. Том II., стр. 37. Арслан — уйгурское слово, по мнению Вамбери, персидского происхождения.

2) Алтайцы называют тигра — п а р с; урянгайцы — б а р; киргизы — д ж о л б а р с (Потанин. Оч. С. - З. Монголии, стр. 158).

3) Вот сведения о появлении тигра в Якут. обл., позаимствованные у И. Сельского. В 1833 году, в Кангаласком наслеге, убит якутами тигр огромных размеров: длина его от головы до хвоста была 10 четвертей. В 1846 году застрелен тигр около Амгинского селения; по рассказам якутов, от зашел туда с верховьев р. Зеи. Между редкостями, собранными г. Басниным, находится тигровая шкура молодого животного, убитого около Якутска. (Запис. Сибир. Отд. Геогр. Об. Книжка I. 1856 г. стр. 10.)

и сносно его описывали, где даже слышали о "свинье", о тигре ничего не могли мне сказать. Интересно было бы выяснить все эти противоречия путем обстоятельных и многочисленных расспросов и выключить из них все то, что могло попасть в народное сознание вместе с чужеродными сказками и преданиями.

Обратимся теперь к названиям растений. Тополь якуты зовут т и р я х, то есть так же, как зовут его персы, сарты, узбеки, калмыки, киргизы, урянгайцы (туба) и другие народы, живущие далеко на юге, от которых якуты отделены в настоящее время широким иноплеменным и иноязычным поясом. Сосну, лиственницу, иву, березу и другие растения, с которыми они могли быть знакомы и на прежней своей родине, они также зовут старинными татарскими именами, часто уже исчезающими в других наречиях, как, например: б е с — сосна ¹⁾. Названия всех этих растений, а также многих трав совершенно другие у теперешних соседей якутов: тунгусов, юкагиров, самоедов, чукчей. Иные они и у бурят, и у монголов. Зато растения, как кедровый сланец, б о л б у к т а, ягель, л а б ы к т а, с которыми якуты, по-видимому, стали чаще встречаться на теперешней своей родине, они называют по-тунгусски, морошку, с которой познакомились только в приморских тундрах, куда проникли одновременно с русскими, зовут по-русски: м а р о ш к ы. Это тем более замечательно, что, например, для южного высокоствольного кедра у них сохранилось особое название: с и л а х м а с, — близкое к татарскому (томск.) S у г а и отличному от тунгусского T a k t y k a n, что подтверждает, между прочим, мнение о малой склонности якутов давать чужие названия уже известным им предметам.

В преданиях якутов о климате и растительности отдаленного прошлого встречаются тоже намеки на юг.

1) У урянгайцев (туба) маньчжурская лиственница (*Pinus Sembra*) называется также б е ш (Потанин, *ibid*). Татары северного Крыма зовут ее иногда *b i a s t a h a m i*, хотя чаще употребляется название *н а р а ть*, близкое к *н а р а к*, и *н у р а т* других татарских племен, а также к монгольскому *н а р а с с у* и бурятскому *н а р а х у н*. Лиственница по-якутски *т и т*; у сибирских татар — *t u t*, *t e l a g a t s c h*, *k a r a g a j*; у аришцев — *t s h i l t t*, у карагасов и кайбалов *t o t*. Ива, тальник, по-якутски *т а л а к*, по-татарски *т а л* или *т и р а х*; киргизы, узбеки, сарты, башкиры зовут ее *т а л с* разными прибавками, смотря по виду. Береза по якутски — *х а т ы н 2*, у киргизов — *к а и н*; у сартов Туркестана — *х а д а н г*; у татар вятских *с h a i n*, *k a s i n*; у татар бийских и кузнецких — *k a i n*; у татар томских — *k a s i n*; у татар красноярских — *с h a s e n*. Другое татарское название березы — *с и р и к*, перешло у якутов в *с и с и к* и применяется ими только к кустовидному березняку. Иностранные названия взяты мною у Кастрена, Маака, Потанина и из Ботанического словаря Н. Анненкова.

"В старину было теплее: снег выпадал поздно, таял рано. Потом произошли перемены: пошли чрезвычайно глубокие снега в шесть, семь четвертей; морозы стали невозможные. Теперь опять будто легчает: слабее стал холод, а снега бывают даже чересчур мелкие. Это тоже худо: земля вымерзает, сохнут, умирают корни трав и на следующий год будет неурожай. Подножный корм, не покрытый снегом, теряет вкус и сок, ломается и крошится, колеблемый ветром. Вот отчего в малоснежную зиму приходят лошадиные табуны домой..." (Намский ул., 1889 г.)

"Некогда травы росли такие высокие, что люди ранним утром боялись косить: они, большущие, покрытые росой, падая на людей, мочили их платье, мешали двигаться". (Намск. ул., 1891 г.)

"Некогда были, говорят, такие засухи и жары, что днем люди боялись выходить из дому и прятались под землей, а работали только по утрам и вечерам". (Намск. ул., 1889 г.)

"Когда-то цветов на лугах было такое множество, что, если кто проходил по ним, обувь его пропитывалась маслом и медом растений и делалась мягкой, точно только что смазанная и вымятая. Разве теперь это случается? Сколько ни ходи, обувь твоя останется сухою... Исчезли куда-то цветы, травы утерjali соки". (Намск. ул., 1891 г.)

Правда, все подобные рассказы проникнуты мыслью, что предполагаемые перемены произошли на теперешней родине якутов, но, вероятнее, это глухие отголоски воспоминаний о старом гнезде, где действительно "солнце жгло сильнее, трава росла выше, гуще и яркие цветы покрывали землю, издавая душистый запах". Вот как якуты описывают в своих сказках этот далекий, желанный, благодатный край:

"В том крае вода не иссякала, деревья не сваливались, кукушка не переставала куковать, журавли не меняли свои места, и днем и ночью жаворонки вились на высоте; зимы не было; край был вольный, хороший, солнце не закатывалось, луна не уменьшалась" (см. сказку Т у л у я х о г о).

Календарь якутов также носит отпечаток южного происхождения¹⁾. Название марта — к у л у н - т у т а р, "державший жеребят" — показывает, что когда-то в это время жеребились кобылы, а название апреля — б у с у с т а р, "ломающий льды", что в ту пору вскрывались реки. "Так было некогда; теперь в эти месяцы мороз часто слезы из глаз выжимает, а кобылы рожают два месяца спустя", — поясняли якуты. (Нам. ул., 1886 г., Верхоянский ул., 1882 г.; Баягантайский ул.; 1885 г.).

1) Смотри том II, "Якутский календарь".

Трудно также предположить, чтобы та любовь к степному простору, к широким ровным полям, которою дышут якутские описания местностей, была приобретена ими где-либо в северовосточной Сибири, с ее крохотными луговыми долинами, среди сплошного лесистого плоскогорья, с горизонтом, всюду закрытым мрачной тайгой.

"Места красивые, поля чистые! Куда ни взглянешь, всюду видно далеко!" (Нам. ул., 1890 г.)

"Места почтенные, пуп земли, степь-матушка, восьмиуголь-ногранный (а г ы с и л я х с а г а л а х) мир..."

"Края берега не увидишь, границ не заметишь, простора не обни-мешь — земля ровная, цветущей травы".

"Выезжаешь в тихое, самое лучшее, богатое, роскошное место, на пуп земли, где длинная благодать никогда не изменяется, широкое бо-гатство растянута с неизменным счастьем..." (Худяк., *ibid.*, стр. 144.)

Вот в каких выражениях описывают якуты излюбленные места и, наоборот, выражают сожаление, что:

"В старину большие ровные поля были не редкостью, а теперь земля покоробилась, появились углубления, степи покрылись кочками, куста-ми..." (Нам. ул., 1889 г.)

"Вначале земля была ровная и гладкая, точно стол. Горы и долины появились впоследствии. Их создал дьявол". (Верхоян. ул., 1881 г.)

"Раньше земля была ровная; трещины и углубления сделал впослед-ствии подземный бык ¹⁾, копая свои ходы и логовища. По этим рытвинам потекли реки". (Верхоянск, 1882г.)

Лес и воду не особенно жалуют:

"Живет в лесу, точно медведь или вор", — говорят брезгливо. (Нам. ул., 1890 г.)

Свои жилища любят устраивать среди лужка, на краю поля или более просторной луговой пади. Воды боятся, купаться не любят, и редкий из них умеет плавать. Даже там, где рыболовство является теперь исключительным средством к жизни, сохранились у них предания, пока-зывающие высокомерное отношение древних якутов к рыболовам: "Жи-вет рыбой, точно бродяга-чужестранец..." (Верхоянский ул. 1881 г.) "Смердящий рыбац (с ы т ы г а н б а л ы к ч ы т) — последнее имя!..." ²⁾ (Намск. ул., 1891 г.)

В этих отзывах чувствуется степняк-скотовод.

1) Мамонт или носорог.

2) С в слове б а л ы к с ы т переходит в говорах в ч: балыкчът; мы в таких случаях будем писать: балыкчът, ч курсив.

Где, однако, были степи, первоначально воспитавшие якутов, решить трудно.

Предположения, где их следует искать, нельзя даже признать за гипотезы, до того они малоосновательны. Вамбери, например, указывает на Джунгарию и сближает их по простому созвучию племенного имени Саха с древними Саками¹⁾.

Другие из писавших по этому поводу, как Ф. Миллер²⁾, И. Фишер³⁾, а с их слов Георги, Щукин, Миддендорф, Маак и пр., указывают на Байкал, в более отдаленном прошлом на верховья Енисея, ссылаясь тоже, главным образом, на присутствие там соименных татарских племен: сагай, сахаль, соха... Наконец, есть такие, которые указывают на страну Холин (верховья Селенги и Толы), на Забайкалье (Риттер)⁴⁾ и даже Амур.

Оба последних мнения, как мы указывали, опираются, главным образом, на присутствие в этих местностях тюркских и даже специально якутских названий⁵⁾. Нахождение их может быть, впрочем, удовлетворительно объяснено без предположения, что здесь жили когда-то якуты.

Вероятнее всего, названия эти занесены сюда уже в позднейшее время завоевателями-казаками и якутскими промышленниками.

Казаки и "вольные промышленные люди" сильно способствовали искажению и отурчению сибирской географической терминологии. В отрядах казаков всегда было много татар и других инородцев, перебежчиков и "аманатов" (заложников), служивших им вместо про-

1) Вамбери, "Das Turken volk", p. 148.

2) Описание Сибирского царства, стр. 22.

3) "Сибирская История", стр. 67.

4) Земледелие Азии, т. II, стр. 314, изд. 1859 г.

5) Для примера приведу несколько из них наудачу; 1) К о к у й (родовое якутское имя) — селение на Шилке. 2) Т о к у р (кривой) — правый исток р. Олекмы в Забайкалье. 3) У р (лиственничный наплыв) — приток Зеи. 4) К е р я х (жертва) — левый приток Ура. 5) А р б а — приток Ура. 6) Б у р г а л и (часть бычьего ярма) — левый приток Амура. 7) Э л ь г е (родовое якутское имя) — левый приток Зеи. 8) Т а н д а (родовое якутское имя) — приток Гилюя. 9) Б о м (ущелье) — приток Силимджи. 10) Т у г у р — река, впадающая в Тихий Океан против Шантарских островов. 11) Э с е (медведь) — один из Шантарских островов. Кроме этих, более известных и обозначенных на карте, встречается много, несомненно, якутских имен в дневниках путешественников, напр.: р. А р т ы к (подел) — прит. Шевелы и Уда; Б ы с а (раздел) — пр. Силимджи.; р. Т а с т а х — прит. Буреи.

водников, и переводчиков¹⁾; они-то, надо думать, и называли новые места. Сами казаки быстро вырождались и денационализировались, особенно там, где прилив новых сил из России был затруднен расстоянием. Это в высшей степени замечается среди якутских казаков. Среди них, уже в первые годы завоевания, является масса так называемых "новокрещенцев", т. е. якутов, принявших православие и зачисленных в казаки; они как знатоки края играли немалую роль в завоевании Восточной Сибири. Наконец, недостаток русских женщин в Якутской области заставлял казаков сплошь и рядом жениться на якутках, а пленниц и "крепостных якутских женок" они, случалось, брали с собою и в походы и увозили далеко в Енисейск, Красноярск и на Амур²⁾.

Таким образом, становится понятным появление тюркских и специально якутских названий попеременно с русскими, тунгусскими и другими местными в первых казацких донесениях, а затем в официальных списках и на картах, помимо того, жили ли там тюркские народности или нет³⁾.

1) По этому поводу приведу маленькую историческую справку. Ленские воеводы, Головин и Глебов, в отписке "о приисках служивыми людьми новых земель по рекам Витиму, Цыпиру и проч." сообщают, между прочим, что: послали для сбора ясаку к верховьям Витима (Забайкалье) письменного голову Еналея Бахтареева с 51 человеком, *толмачей якутских* и тунгусских служивых людей 4 человека... (Дополнение к Историч. акт., т. II, стр. 260).

2) В копиях с якутских "свитков" Киевской Дух. Консист., любезно предоставленных в мое распоряжение собственником их, отцом А. А. Иониным, есть интересная челобитная в Якут. Воеводскую Канцелярию, относящаяся к половине XVII столетия. Там говорится, между прочим, "о двух якутских женках", увезенных казаками в енисейский острог и, очевидно, перепроданных там другим лицам. Последние их владельцы хлопочут о позволении жениться на них. В известной отписи Дежнева находим тоже указание на то, что казаки нередко брали с собой в походы жен-инородок, именно: там говорится, что, плывя вдоль берегов Охотского моря, он видел среди коряг пленную якутку, взятую в поход на Камчатку Федотом Алексеевым (1618 г.). (Врангель. Том I, стр. 18.) Отмечу, кстати, что сообщения о якутах-новокрещенцах можно часто встретить в воеводских делах и отписках, между тем как о тунгусах и самоедах в роли казацких новобранцев я не встречал сведений. Очевидно, якуты легче мирились с дисциплиной и охотнее меняли мирную кочевую жизнь на военные походы, полные приключений и надежд на быстрое обогащение.

3) Кроме специальных географических терминов, как-то: т а с , т а г , д а с — утес, х а я — гора, б о м — ущелье, х о м о — залив, т о м п о — водоворот, б у л у н — долина, а н — ворота, э л е н — щеки, ю р я к — речка и проч. встречаются собственные имена, особенно излюбленные казаками. Для примера приведу одно — К о к у й: на Шилке есть два к о к у й с к и х селения, одно вблизи Стретенска, выше его, другое верст 80 ниже; затем есть К о к у й на Енисее (селение в устье Тасевой); на Лене селе-

На Амур и в Забайкалье первые казаки, как нам известно, пришли из Якутска. Все это позволяет сильно усомниться в историческом значении многих тюркских и специально якутских названий юга Восточной Сибири.

Большой интерес в этом отношении представляет только название Байкала; с ним, главным образом, и связывают предположение о проживании там якутов. Ввиду этого мы постарались узнать все, что было для нас доступно, о появлении и происхождении этого названия, и позволим себе вкратце изложить здесь наши по этому предмету изыскания.

Риттер указывает, что самые ранние сведения о Байкальском озере мы встречаем у китайских авторов. Из "описания земель Орос" видно, что оно было им известно уже при династии Тан в VII столетии текущей эры и что называлось оно Б э й - х а й, оно же Б а й - х а й или П е - х а й, смотря по выговору ¹). Там же сказано, что в истории Китая упоминается о Байкале как о месте ссылки важных придворных лиц. Монголы звали Байкал Д а л а й — святое. Первый раз Байкал назван Б а й г а л о м в оригинальной истории Монголии Санан-Сецена. В главе о мифических сказаниях озеро это названо "большою водою Б а й г а - л а", омывающей гору Бурхан-Халдун (могилу Чингисхана); второй раз говорится о Байкале в цветущий период Чингисханова владычества. Именно сказано, "что ему покорились между прочими и О й р я д - Б у р я д, приславшие послов "из-за больших вод Б а й г а л а" и поднесшие орла в дань как знак повиновения" ²). Марко Поло не дает Байкалу никаких названий; он помещает его на север от равнины Б а р г у, населенной меркитами, называет его "океаном" и говорит о соколах, кречетах и песцах (?), гнездящихся на его прибрежных скалах и островах ³). Итак, нужно признать за несомненное, что буряты и монголы за много лет до пришествия русских давали Байкалу его настоящее имя.

ние К о к у й, верст 50 ниже Усть-Кута, и целый якутский род К о к у й, в устьях Вилюя; наконец, К о к у й называлась некогда (1677) восточная часть Туруханска, в отличие от западной, "посадской". (Третьяков. "Туруханский край", стр. 142.) Во времена Палласа было селение К о к у й на Ишиме (Паллас, *ibid.*, ч. II, кн. II, русский перевод, стр. 93). Г. Н. Потанин говорил мне, что есть также село К о к у й в Самарской губернии на Волге.

1) Риттер. "Землеведение Азии", т. II, стр. 312, изд. 1859 г.

2) См. Риттера, *ibid.*, стр. 314; проверено по шмитовскому переводу: Ssanang'Ssetsen Chungtaidschi. Gesch. d. ost-Mongolen: "das Ufer des grossen Wassers, B a i g h a l genannt", p.57; "von dem grossen Gewasser Baighal", p.75, *ibid.*

3) Марко Поло. "Путешествие в 1286 г.", стр. 68.

Но известно также, что эти народы охотнее звали его Д а л а й - н о р — Святое озеро, а знакомые с ним тунгусы называли его Л а м — море. В казачьей отписке, где впервые говорится о Байкале, он называется Лам, а в пояснении к тому сказано, что "Л а м у называют Брацкие люди Байкалом озером" ¹).

Под общим именем Л а м ы казаки долго путали в одно: Ледовитый океан, Лену, Байкал, Амур, наконец, Восточный океан ²). Интересно: случались ли другие смешения в пределах упомянутого выше географического понятия. Судя по заголовку отписки: "*Распросныя ричи Енисейскаго служиваго человека, бывшаго в посылки на реки Лени и на Байкали для ясачного сбора и открытия новых земель,*" — нужно думать, что они случались. Дело идет здесь о плавании по Ледовитому океану и посещении рек Яны и Оленека; океан в тексте всюду назван Ламою, но в заголовке сказано Б а й к а л. Характерно, что смешение это сделано енисейским казаком, казаком той группы, которая раньше других и совершенно, по-видимому, независимо познакомились с Байкальским озером ³). Название "Байкальское озеро" прочно устанавливается в официальных бумагах, только с основания в устье Ангары острога, что случилось в 1646 г.

К тому времени представление об Амуре, Ледовитом и Восточном океанах настолько выясняется, что смешения больше не встречаются; тунгусское Лам исчезает из географического оборота, и является легенда

1) "Дополнение к историч. актам", том II, стр. 247.

2) См. "Дополнение к историч. актам", том II, страницы по порядку имен: Ледовитый океан, стр. 240; Лена — стр. 243; там сказано: "ходил-де он с Енисейским десятником с Елеской Бузой по морю, для проводывания Л а м ы - р е к и и иных падучих рек в море"; Байкал — стр. 247, 248, 251, 255; Амур и Восточный океан — стр. 259; там сказано: "а Шилка-де, государь, река пала в Ламу, а Ламу де, государь, они называют морем, а на устье-де, государь, реки Шилки живут Килорцы..." Замечательно также, что в одной отписке (см. стр. 248) представление о Байкале как бы разбивается на две половины, часть его называется Ламой, а часть Байкалом: "а по Ламе и по Байкалу живут неясачные тунгусы... А на Ламе остров именем Ойхон..."

3) Байкальское озеро открыли не якутские казаки, а какие-то другие, вышедшие из Енисейска или Красноярска, якутские казаки, наверное, знали бы о своих сотоварищах и не писали бы в первом донесении об этом озере: "тунгус чинкагирского роду с Ламы... сказывал: в прошлом-де в 148 (1640) году летом ходят по Ламе в судах русские люди... а отколева те казаки пришли и давно ли по Ламе ходят, того не ведает (Дополн. к историч. актам, *ibid.*, стр. 247). Отмечу, что приведенное выше смешение Ледовитого океана с Байкалом было по времени раньше этого первого официального сведения о Байкале. Первый организованный поход на Б а й к а л в 1629 году енисейского воеводы Якова Харитоновна не состоялся. Тот хотя и победил, по его донесению, бурят у Оки, но возвратился назад и Байкала не объехал. Фишер, *ibid.*, стр. 349.

о получении имени Байкальским озером "от некоего иноземца..."¹⁾.

Как ни отрывочны собранные нами сведения об имени Б а й к а л, тем не менее они, несомненно, подрывают доверие в байкальское происхождение якутов, раз последнее не имеет за себя ничего, кроме этого слова. Правда: имя Байкал в числе прочих было известно очень давно прибайкальским инородцам, но оно могло возникнуть самостоятельно, наконец, они могли его позаимствовать у китайцев, немного переделав однозвучное слово Б а й - х а й. Характерно, что имя это вместе с китайцами исчезает с берегов Байкала и что хранителями его являются по преимуществу русские. Якуты же могли быть на Байкале, но могли и не быть. Слово это у них есть, но оно могло быть занесено к ним русскими казаками уже впоследствии, подобно тому как были занесены к ним другие инородческие слова: юкала, нарта, бурдюк, бат и проч.; могли они также познакомиться с ним много раньше и в то время могли жить далеко на юге или западе в степях и узнать о нем при посредстве бурят и монголов. Выбрать последнее предположение меня заставляет еще одна маленькая, но характерная черточка.

Издавна следя за якутскими выражениями, где встречается Б а й - к а л, я заметил, что в сказочных оборотах, соответствующих русскому "море-океан", якуты употребляют странную, чуждую им в звуковом отношении и лишённую смысла приставку р а т или ы р а т²⁾. Она очень близко подходит к слову о й р а т и невольно наводит на сопоставление о й р а т б а й г а л монгольских летописей с р а т б а й г а л якутских сказок³⁾.

К тому же следует прибавить, что у якутов есть и другой термин того же типа: д а л а й, означающий многоводность, большую воду⁴⁾; термин этот совершенно тождественен с бурятским и монгольским прозвищем Байкала, но значит по-монгольски "святой".

В настоящее время у якутов слово Б а й к а л значит, вообще, море, Ледовитый океан они зовут б у с (лед) б а й к а л. Восточный океан и т и б а й к а л — теплое море. Впрочем, ясного понятия о море большинство якутов не имеет, и нет у них особых терминов для обозначения

1) "А иноземцы все, и Мунгалцы, и Тунгусы и иные, называют все Байкальское море своим языком Далай -се есть море, и иноземцы только двух озеров великих называют Далай, одного Байкала, а другого из которого течет р. Аргуня... И имя Байкала видится, что не русское, а назвали его тем именем по имени некоторого иноземца, который жил в тех местах". (Н. Спафарий. Путешествие через Сибирь в 1675 г., стр. 120).

2) Смотри Т. II, сказку "Эксею", тюркский текст.

3) Риттер, *ibid.*, Т. II, стр. 215. Ssanang-Ssetsen, *ibid.*, p. 75.

4) Ботлинг, *ibid.*, стр. 115, далай куогас—гагара обширных вод.

ния морской бури, шторма, прилива, отлива, корабля, паруса и т. п. Вамбери указывает, что вообще у тюрков нет своих морских терминов и нет собственного слова для понятия *море*, что употребляющееся в этом смысле *т е н г и з* значит просто: широкий, просторный, а *д е р ь я* (*derja*) среднеазиатских тюрков позаимствовано ими у персов¹). У якутов корень *т е н г* употребляется преимущественно в смысле: ровный, одинаковый; изредка он встречается и в таких выражениях, как *т е н г - с и р* — обширная равнина; тем не менее для понятия *море* якуты употребляют *б а й к а л*. Отмечу, что русские застали якутов посередине материка, вдали от морских берегов, и что юкагиры и тунгусы, от которых они могли узнать о море, называли последнее *л а м*. К обоим океанам, Восточному и Северному, якуты проникли одновременно с русскими, и последний я слышал, как колымские якуты называли наравне с *б у с б а й к а л* и русским именем: *м о о р а*. Слово *б а й к а л* они склонны выговаривать по монгольскому образцу: *б а й г а л*²).

Возможно, что в то время, когда якуты познакомились со словом *байкал*, это озеро было самым крупным из известных им водоемов, и имя его стало у них впоследствии нарицательным; но возможно также, что они узнали его относительно недавно. Корень этого слова неизвестный и навряд ли тюркский; в лексиконе якутов стоит он совершенно отдельно, если не признать детских попыток производить его от *б а й к ö л ь* — *богатое озеро* или *б а й х а л* — *богатство останься*. Никакого особенного богатства не могли признать за Байкальскими берегами скотоводы-якуты, особенно в то давнее время, когда они, наверное, еще хорошо помнили родные степи. Итак, нужно подождать помещать якутов даже временно в Прибайкалье, до подтверждения этого предположения другими, более точными, доказательствами.

Закончу этот обзор названия *б а й к а л* указанием на местности Сибири, где оно также встречается, а где пребывание якутов не было отмечено: 1) *Б а й к а л о в о*, зимовье в устьях Енисея ниже Толстого носа³), 2) озеро "Б а й к а л" на правом берегу Н. Тунгуски⁴) и, наконец, село "Б а й к а л ь с к о е" на правом берегу Енисея, в 50 верстах выше села Абаканского⁵). Впрочем, о пребывании якутов на Н. Тунгуске Че-

1) Вамбери. "Das Turkenvolk", p.49.

2) Последнее обстоятельство было замечено не только мною, но и Худяковым. Он всюду в своих тюркских записях придерживается правописания *б а й г а л*.

3) Записки об Енис. Губ. 1831 г. Ст. Совет. И. Пестова, стр. 235.

4) Озеро Байкал, длиною $1\frac{1}{2}$ версты на пр. берегу Н. Тунгуски, в 9 верстах ниже д. Логашниской, близ р. Ружнинской (Вилуйск. окр., Маак, Часть II, стр. 39).

5) Pallas, *ibid.*, p.522.

кановский записал предание, указывающее на местность "Ямы", где будто бы стояли их юрты ¹⁾.

Теперь попробуем узнать, какие результаты дает сближение национального имени якутов с однозвучными именами южнотюркских племен.

Зовут якуты себя *сахха* (множественное *сахаллар*); в торжественных оборотах речи, в сказках, песнях, молитвах любят употреблять двойное — имя *урангайсахха*, причем *урангай* относится к *сахха*, как общее к частному, как племенное к родовому ²⁾. В обычной речи говорится *урангайкиси* — урангайский человек, в смысле "чуждой человек", "человек необычных размеров", "старинных обычаев", "немного странный", "немного удивительный" (Намск. улус, 1891 г.).

"Урангайсахха" зовут якутов также в эпических песнях враждебные им (*абасы*) богатыри. Примеров такого обращения много; приведу позаимствованное мною у Худякова из известной былины (*олонго*) *Юрюнг-Уолан*: "Друг-человек, родившийся на среднем месте по обыкновению *урангай* якутов, с переменною душой, здравствуй!" (стр. 155) ³⁾.

Аларские буряты до сих пор под именем *уряна* разумеют дикий, лесной народ вроде тунгусского. Местожительство его указывают на север от своих мест (р.Белая, лев. пр. Ангары). "Ты хочешь быть *уряна*"

1) Чекановский сообщает, что на Н. Тунгуске, где-то к сев.-зап. от села Преображенского (точно не указано), есть местность "Ямы", о которой рассказывают, что там еще до прихода русских жили якуты. Они жили в обычных своих балаганах, место которых обозначают теперь бугры и углубления, от которых и названа местность. На них растет теперь старый лиственничный лес. (Чекановский. Известия Имп. Геог. Общ., выпуск V 1876 г., стр. 414.) Хорошо бы сделать там раскопки.

2) Это, по-видимому, ввело в заблуждение г. Приклонского, который *урангайсахха* переводит "человечество". (Живая Старина. Выпуск II, стр. 27.) Насколько мне удалось заключить из многочисленных расспросов, понятие "человечество" отсутствует у якутов. Когда они хотят сказать вообще — *весь народ, все люди, все соседи*, — они, правда, говорят *урангайджон*; но только разумеют по преимуществу якутов. Когда я пробовал употреблять *урангай* в смысле человек, включая в него все народы, и русских и тунгусов, надо мной смеялись. В таких случаях якуты обязательно говорят: *все люди и якуты и чужестранцы* (*барыурангайджонсахаллар даомуктар*).

3) "Догоркиси! Орто дайдыга кутунг кубулуян төрөбют урангайсахха бысытыгар боллагына, дөрөбө". (Тюркский текст.)

хамногын", — говорят они тому, кто праздно ведет себя, шатается без дела ¹).

Риттер склонен, по-видимому, к мнению, что в старину китайцы под именем урянхай (вулянхай) понимали самоедов, живущих на Кеме. По толкованию А. Ремюза и Клапрота, слово это значит "охотники за оленями" и относится к тунгусам. В древнейшем сказании о народном сейме Та-че есть указание, что в их стране к западу лежит Самарканд, к востоку же Вуляю-ха, из чего А. Ремюз заключает, что это самая северная часть восточной Татарии, на запад от народа нюй-чжень до Японского моря ²). Все эти предположения не выходят, впрочем, из области гадательности и устанавливают прочно только одно: имя это давно известно китайцам и монголам, чуть ли не одновременно со словом уйгур, и этим именем назывались народы, жившие где-то на севере. Этим же именем уранхай или сокращенным урянь называют в настоящее время дархаты, монголы и китайские чиновники небольшой народец, смешанного, по-видимому, происхождения, живущий на северных склонах Танну-ола, между этим хребтом и Саянскими горами в долинах рек: Улукем, Бай-кем, Кемчику и других, а также на озере Косоголь и на южном склоне Танну-ола (или Тангну-ола) в долине р. Нарын-сумын и в вершине р. Кобдо ³). В старину в этих местах, по согласному показанию арабских и китайских источников, жили вместе с хакасами племени северо-западных хой-ху. И хакасы и хой-ху, по показаниям тех же китайцев, имели одинаковый язык "хой-ху", т.е. уйгурский ⁴). Дархаты до сих пор зовут язык урянгайцев — *уйгурским*, а народ их — *народом уйгурского языка* (уйгур кельтей улус ⁵). Сами урянгайцы зовут себя: туфа, туба туха, смотря по местности, но название "урангай" им знакомо, и, по словам Г.Н. Потанина, они выговаривают его так же, как якуты урянгай — *твердое а и носовое нг*. Интересно, не употребляют

1) Потанин. Очерк. С.-З. Монг. Выпуск IV, стр. 114. Там же рассказана следующая история об урянхайцах, по поводу онгона Андо-бар: шаманка Айсухан нашла мальчиков, закованных в люльки, усыновила их и воспитала. Один из них, Андобар, оставил ее и ушел прочь. Шаманка, проклиная, крикнула ему вслед: если будешь ходить в лесу — будешь урянхай, если будешь по скалам ходить — будешь хамногын. Андобар зашел на север, здесь урянхай угощали его головами туланга, т.е. тайменя; буряты же кормили его головами коз". Голова тайменя до сих пор считается почетным угощением у якутов. Хамногын, по-видимому, происходит от корня хамна — двигаться. Хамначчыт — работник. (Ботлинг, стр. 79).

2) Риттер, *ibid.*, Т. III, стр. 568.

3) Потанин. Очерк С.-З. Монг. Выпуск II, стр. 7.

4) Риттер, *ibid.*, Т. III, стр. 536 и 549-552.

5) Потанин. Очерк С.-З. Монголии. Выпуск IV, стр. 13.

ли урянгайцы в исключительных случаях двойного имени — урянгай туба, подобно якутам, и откуда взялось их монгольское имя урянхай¹⁾?

Относительно Саха, Сагай или Сагаль верховьев Енисея и Абакана, на которых указывают Миллер, Фишер и другие как на предполагаемых сородичей якутов, можно сказать, что доподлинно неизвестно, было ли раньше среди них племя или род Саха²⁾. Теперь его нет.

Сагаи во время Палласа и Пестерова кочевали между Аксышем и Уйбатом до Базских гор. Их в то время насчитывали около 1000 человек; занимались они скотоводством, держали много лошадей, крупный рогатый скот и овец. Разделялись на аймаки (роды), во главе

1) В русской литературе они более известны под именем "соёт"; так зовут их русские соседи, теленгиты и минусинские татары. Китайцам и монголам неизвестно в свою очередь имя "соёт". А. В. Адрианов рассказывает о забавной переписке между русской и китайской администрацией, возникшей в 1868 году и длившейся год, по поводу названия в официальной русской бумаге урянхов соётами. (Путешеств. на Алтай и за Саяны, стр. 207.) Соётами зовут их будто бы по имени храброго князя Сойта, который после покорения его народа русскими на Тубе (1618 г.) перевел своих подданных к джунгарцам, в высокие горы, где они живут и теперь. (Риттер, *ibid.*, Т. II, стр. 570.) Самоеды, живущие по Енисею, зовут себя т а б о. Миддендорф, Часть II, Т. VI, стр. 664.

2) В слове саха у якутов начальное с прочное, а не беглое; оно никогда, ни в одном из известных мне говоров и выражений, не исчезает и не смягчается в х; ввиду этого всякие сближения с jaha, aha, haaha, джяха должны быть деланы крайне осторожно, тем более что с утеряно уже якутами в тех словах, где оно могло быть утеряно, как, напр., ал — судно, корабль, сал — плот, у южных татар; эн — ты (местоимен.), сен — ты, у южных татар и проч. Никогда я не слышал, чтобы якуты говорили: хаха (сахха) хаха л л а р (сахаллар), подобно тому, как говорят х у о х (суох) или сахн л (сасыл) и т. п. Правда, у них сохранились в то же время слова, как-то: с у о л — дорога, с у т — бескормица, с ю с ь — сто, с ы л — год, с а и — лето, где с прочно, несмотря на то, что по-уйгурски слова эти пишутся: жол, јут, јуз, јыл, јай (W. Radloff, "D. Altturkischen Inschriften"). Тем не менее производит усвоенное исключительно русскими название якут от jaha; ут — монгольское окончание, означающее народ, навряд ли возможно. Вернее, что оно произошло от соединения тунгусского прозвища якутов э ко, ё ко, я ко с окончанием у т; последнее окончание могли прибавить и сами казаки, уже к тому времени знакомые с монгольскими и татарскими именами на у т (телеут, бурут и проч.). О якутах русские впервые узнали от тунгусов. Прозвище якут считается якутами обидным, они дают его друг другу, поругавшись. Щукин первый печатно попробовал обосновать производство якут от ё ко; он указывает, что первоначально в официальных бумагах острог якутский назывался ё ко т с к и м, а страна ё ко т с к о ю (Щукин, "Геогр. и этногр. терминология Вост. Азии", Вестн. Импер. Рус. Геогр. Общ., 1856 г. кн. III, стр. 261). Случалось, что звали ее также я колской (Дополн. к историч. актам. Т. II., стр. 161).

которых стоял б а ш ы л ы х (начальник, от бас-голова, по-якутски б а с ы л ы к). Были знакомы с земледелием и обработкой железа. Придерживались шаманства. Не были аборигенами этого края, а пришли откуда-то с юга ¹).

Sahal — название нескольких соёков (родов) у алтайских татар по Катуню и у теленгитов на Чуе ²).

Все эти племена, скотоводы, охотники постоянно двигались и, уже на памяти истории, несколько раз меняли свои территории. Этническая к ним близость якутов мало выяснит, где был последний якутский на юге этап. Что-нибудь достоверное по этому вопросу можно разве ожидать от дешифровки и разработки орхонских, уйгурских и монгольских надписей, а также минусинских и енисейских писаниц.

О пути, по которому прошли якуты на север, также ничего не известно; они нигде не оставили следов, унося все с собой, как истые номады. Большинство писателей за вероятный признает следующий маршрут: Байкал, Верхоленские степи и дальше вниз по Лене. Один Щукин указывает на возможность и других дорог. Именно первая: вниз по Енисею до Н. Тунгуски и вверх по последней реке, оттуда на Вилюю и Лену; вторая: из Минусинских и Красноярских степей на восток, в Манзурские (нужно думать Балаганские и Верхоленские) степи и оттуда вниз по Лене ³). Первый путь имеет за себя то, что в окрестностях Туруханска, в Шорохине и южнее по Енисею в нескольких деревнях существовали небольшие колонии якутов, совершенно оторванные от восточной компактной их массы. Они занимались рыболовством, но у них *сохранился скот*. Костров считает их поселения древними. В колониях этих можно, пожалуй, усматривать остатки главного отряда, впоследствии двинувшегося на восток. Против себя этот путь имеет: длину, сложность, суровый климат, большую глубину зимних снегов и отсутствие на огромных пространствах пастбищ. Второй путь более вероятен, раз допустить выход якутов от Енисея. Путь этот лежит через местность, правда волнистую и покрытую густыми лесами, но по которой пропливают многие реки и речки с одной стороны на запад в Енисей, с другой — на восток, в Ангару. Течения этих рек местами близко сходятся, а долины их изобилуют пастбищами. По ним исстари кочевали скотоводы. Здесь, между прочим, жило неизвестно куда исчезнувшее скотоводческое тюркское племя б и р ю с ы... Настоящее их имя неизвестно, а прозваны они по реке Б и р ю с е, притоку Уды. После рассеяния незначительная часть

1) Pallas, *ibid.*, В. III, p.345-349.

2) Г. Н. Потанин. Очерк северо-западной Монголии. Выпуск IV, стр. 2.

3) Н. Щукин. "Поездка в Якутск", стр. 273.

их, всего 168 луков (около 1 000 д.), поселилась в бассейне Абакана, где их в 1772 году нашел вблизи Таштыпского карула Паллас¹⁾.

Считаю нужным отметить, что у якутов существуют некоторые странности в обычаях и названиях частей света, как бы намекающие на продолжительное путешествие их не только с юга на север, но и с запада на восток. Например, в глухих уголках до сих пор удержался обычай строить жилые дома всегда дверьми на восток.

"В старину всегда так строились", — объясняли мне якуты (Верхоян. ул., 1881 г.).

Когда я расспрашивал, почему так, мне отвечали: "Чтобы не заблудиться, чтобы всегда знать, где у тебя дом, по какую остался руку!". (Колым. ул., 1883 г.). Я думаю, что этот ответ до некоторой степени верен. На расспросы, как они находят дорогу в тайге, как безошибочно узнают направление, в каком нужно идти, чтобы выйти к такому-то соседу, месту, урочищу... якуты всегда говорили, что они "помнят, где у них двери дома", помнят, "как вышли из них". Части света они часто зовут сообразно частям дома: северную — левой (хангас диакки), южную — правой (унг диакки), запад — задом (кәнники)²⁾. Называют также юг — верховьями ю с я или ю с ä, север — низовьями аллара³⁾.

Что не распределение света и не ветры заставляли ставить жилые дверьми на восток, доказывает то, что теперь, когда старинные обычаи теряют силу, якуты более южных и густонаселенных улусов перестают уже обращать внимание на древнее правило, меж тем как прежде, даже круглые летние у р а с ы, лишенные окон, тоже ставили выходом на восток. Можно предполагать, что обычай этот сложился в то время, когда, перебираясь на восток, якуты приходили на луга, где назначена была стоянка чаще всего с запада, останавливались на западном краю равнины и, желая иметь перед собою стада на виду, направляли выход жилища на луга, на восток. Все остальное, как, напр., привычка разбираться в пути и называть части света, явилось последствием многократных повторений.

К тем же косвенным доказательствам движения с запада на восток нужно причислить поверье, что души знаменитых умерших шаманов пребывают на западном небе, где живет также грозный У л у - т о ё н, верховный господин земли, покровитель всего живущего, отец и учитель шаманов.

1) Pallas, *ibid.*, d. III. p.367.

2) То же делают и монголы, но так как они ставят свои палатки выходом на юг, то север называют задней стороною, запад — правой, а восток — левой.

3) Настоящие названия частей света будут: север — х о т у, юг — с о г о р у, восток — и л и н, запад — а р г а. А р г а, по-тюркски спина (Radloff, "Словарь тюрк. наречий", стр. 294).

Путешествие якутов вниз по Лене, откуда бы они сюда ни попали, не представляет собой интереса, возможно, что часть дороги была совершена ими сухопутьем, вдоль реки по плоскогорью или прибрежным лугам, затем часть по льду, часть на плотам, при переправах на острова, и через устья рек, что хорошо знакомо их южным сородичам¹⁾. Отсюда источник легенды "о плавании на плоту", обновленный прибытием русских на огромных плотам, на которых они, согласно истории и преданиям, привезли не только весь свой скарб, но и готовую крепость.

Весь переход якутов с юга в места настоящего жительства длился, по всей вероятности, очень долго. Возможно даже, что он совершился по частям, в несколько промежутков, разделенных веками, и что в состав якутского народа вошли родственные, но различные по своей родине племена. Долго, десятки, а может быть, и сотни лет, они отдыхали в тех степных участках, которые попадались им по пути, высылая далеко вперед в виде щупальцев свои передовые отряды. Отпрыски эти селились, обживались, знакомились с местностью, а между тем глухая молва разносила по всему племени сведения, почерпнутые лазутчиками о новых землях. Таковых приемов в колонизации новых земель держатся до сих пор якуты. Так они заселили свои теперешние северные и южные окраины; таких одиноких колонистов находил Кропоткин на Муе²⁾, Маак на Чоне³⁾, где теперь целые наслеги. Если местность была удобная, к одиночкам быстро присоединялись новые эмигранты.

Со временем, под давлением соседей или в поисках за лучшими пастбищами, народ передвигал центр своей тяжести дальше, на новые места, стягивая или бросая по пути отставшие и затерявшиеся арьергарды. Часто такие арьергарды, рассеянные, ничтожные, поглощались чужими пришельцами, гибли, вырождались или уходили в совершенно противоположную сторону. К ним можно бы причислить те незначительные тюркские племена, исчезнувшие или исчезающие, которые были найдены русскими на северо-востоке от Енисея, а также туруханских якутов.

Главные отряды якутов представляли, по всем данным, группы компактные и многочисленные, владевшие значительным достатком и большими стадами скота. Иначе трудно себе представить, чтобы они могли выдержать борьбу с хозяевами страны, тунгусами, а главное *ак* -

1) Последние и теперь, даже довольно быстрые и широкие, реки переплывают на бревенчатых плотам, связанных ремнями или ивовыми прутьями. Такие плоты называются по-урангайски с а л (Адрианов, "Путешествие на Алтай и за Саяны", стр. 189).

2) Кропоткин, "Олек. Вит. Эксп.", стр. 58.

3) Маак, "Вилуйск. окр.", Ч. II, стр. 45.

климатизировать свой южный скот, тем более, что последний путь на север, по Лене, они должны были пройти относительно быстро, ввиду недостатка лугов в среднем ее течении. Если бы скота у них было мало и роды их были малочисленны, они не могли бы достаточно широко разойтись по новой стране и первый падеж или бескормица в данной местности, случающиеся здесь так часто, уничтожили бы их стада. Тогда они неизбежно превратились бы в звероловов-оленоводов, как это и случилось с одинокими, малочисленными группами, которые зашли далеко на север, к берегам Ледовитого океана, оторвались от скотоводства и потеряли стада.

Если трудно установить точно место южной родины якутов и путь их на север, то еще труднее, почти немислимо, указать на время их выхода. У меня записано только одно предание, где затронут этот вопрос. Предание это очень интересно, но требует проверки ¹⁾. Передаю рассказ возможно близко к подлиннику.

"Мы, якуты, — с юга. Все народы с юга. Юг — сердцевина ²⁾ народов. Когда люди еще не разошлись оттуда, царствовал над нами якутский царь Д ж и н г и с. Он был чрезвычайно могуществен, победил всех царей, даже Белого царя; покорил все народы земли... Умирая, оставил свое царство единственной дочери. Это была девушка неписаной красоты. Раз поссорились два б а т ы р я, служившие в ее войске. Старик сказал молодому: "Ты думаешь, что она необыкновенно хороша, а я не думаю". За эти слова молодой убил старика. С тех пор оставило счастье якутов. Русские и другие народы победили их и прогнали с юга. Часть их пошла на север, и от них мы исходим, часть их осталась на юге и по сей день там живет" (Колымский ул. Енгда 1883 г., рассказал старшина 2-го Кангалаского наслега И. Слепцов). Тот же самый якут рассказал мне, что один из вождей войск Джингиса носил имя М ы р с а, что Джингис и М е т л я м п а р т (Бонопарт) были самыми великими завоевателями в мире; что после Джингиса царствовал Тыгын — и это он привел якутов на теперешнюю их родину.

Впоследствии всюду и многократно расспрашивал я о Джингисе, но никто из якутов о нем ничего не знал. Правда, не знали о нем и здешние

1) Там же передали мне известную сказку об Александре Македонском, называя его Ликсандра Македонскáй — "убийца людей, мира покоритель".

2) Рассказчик употребил слово ю о с ь, что значит: сердцевина, центр, середина реки или озера; желчь.

русские простолюдины, казаки, не знали они также имени Мырса ¹⁾, не знали и даже упорно отрицали, как нечто в высшей степени обидное, чтобы якуты когда-либо на юге счастливо воевали с русскими (о чем всякий якут знает). Имя степного владыки, сына солнца, я услышал из уст якута только один раз, на далеком севере, в тот зимний вечер, когда, починяя сети при свете пылающего камина, он рассказывал мне романтическую историю татарской княжны.

Благодаря контрасту обстановки и неожиданности имя Джингиса произвело на меня сильное впечатление, повело к подробным скептическим расспросам и в конце концов вызвало ссылку "на купцов и русских" в подтверждение правдивости. Возможно, что предание это занесено русскими, но возможно, что проникло самостоятельно, вместе с позднейшими эмигрантами — монголами и тюрками, намек на которых встречаем в предании об Эллее. Мы лично склоняемся к тому мнению, что якуты, по крайней мере значительная их часть, задолго до царствования Чингисхана уже попали в эту вполне изолированную от остального мира впадину, окруженную со всех сторон широким горным поясом, где они прожили независимые и никому не известные до самого пришествия русских.

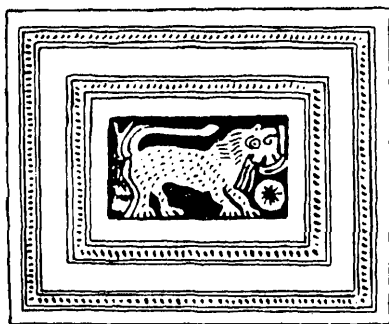
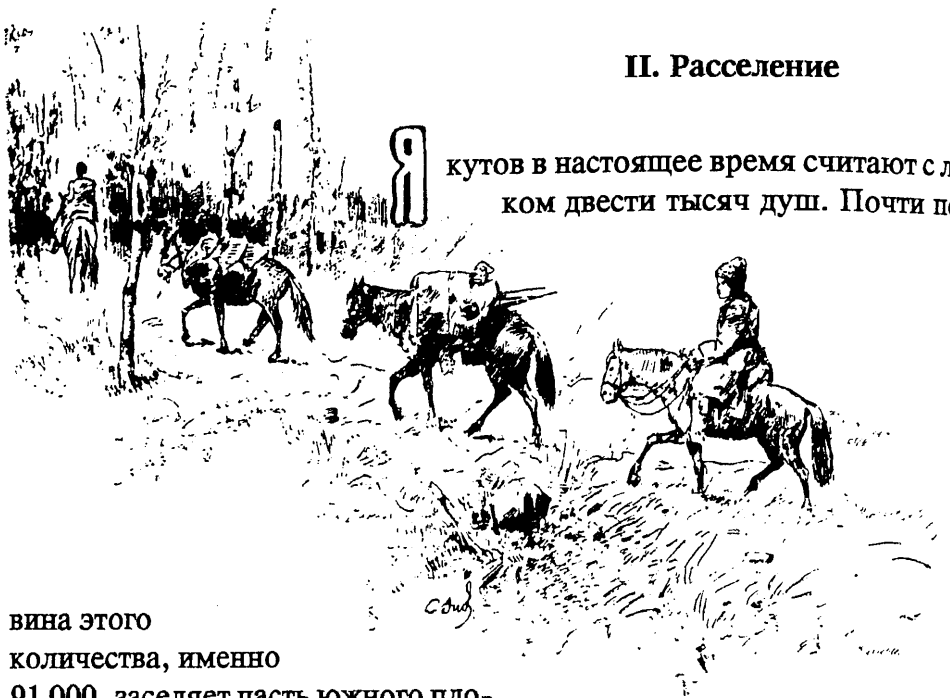

Рис.18. Якутское изображение льва на пластинке древнего серебряного пояса.

1) Сначала я думал, что это испорченное "мурза" и позаимствовано из книжного рассказа, но впоследствии усомнился, найдя имя это в числе трех известных намских борцов, именно: Чемпелис, Öчөкюн и Мырса (Намский улус, 1891 г.).

II. Расселение

Якутов в настоящее время считают с лишком двести тысяч душ. Почти поло-

вина этого количества, именно 91 000, заселяет часть южного плоскогорья, заключенную между Леной, нижним течением Алдана и левым его притоком Амгой¹⁾.

А м г а, как я это говорил выше, река довольно большая: она берет

1)	Мужчин	Женщин
Якутский округ	64 818	66 270
Олекминский округ	5 090	4 572
Вилюйский округ	33 973	32 502
Верхоянский округ	5 385	5 300
Колымский округ	1 716	1 577
Туруханский округ	303	270
	<hr/> 111 285	<hr/> 110 491

Точных современных сведений о туруханских якутах, о долганах, эссейских и пороханских якутах, а также сведений о якутах, поселившихся в Приморской обл. и на Амуре, я добыть не мог.

начало в тех же горах, что и Алдан и течет почти посередине между ним и Леной, параллельно обоим рекам. В Алдан она впадает немного ниже того места, где он, круто изменив свое северо-восточное направление, поворачивает на запад почти под прямым углом, чтобы впасть в Лену. Таким образом, течение и слияние этих трех рек образует как бы трапецию, очень близкую к прямоугольнику. Если за южную границу этой трапеции принять почтовый якутско-амгинский тракт, или, вернее, правый приток Лены, речку Т а м м ы, протекающую по Х а н т а й с к о м у и 1-му и 2-му Н а х а р с к и м наслегам К а н г а л а с к о г о улуса, а дальше на восток реку Х а м ж и (удерживаю официальное правописание, хотя вернее: Х а м д ж и), впадающую в Амгу вблизи Амгинской слободы, то площадь, почти в 40 000 квад. вер., включенная в пределы этой трапеции, будет представлять самый густо населенный участок края. В южной части этого отрезка плотность населения самая большая: определить ее очень трудно, так как распределение ее весьма неравномерно: местами она не уступает густонаселенным местностям России, но тут же, бок о бок, лежат громадные площади глухой, никем даже не посещаемой тайги. К северу плотность населения постепенно слабеет и резко обрывается у реки Алдан. На северном берегу последнего есть поселки только в его долине, дальше начинается горная страна, неудобная для скотоводов. В глубину гор врезались: на востоке поселки по речке Т о м п о, правому притоку Алдана, это С а с ы л ь с к и й и 3-й Б а я г а н т а й с к и й наслег Баягантайского улуса, на западе же самым дальним из известных мне северных форпостов будет усадьба якутов Дюпсюнского улуса, в 40 верстах от Алданской почтовой станции в долине речки Тюкулан¹⁾. По тому же тракту есть еще дальше одинокие якутские жилища — почтовые станции, но это не вольные поселения, а искусственно устроенные и поддерживаемые правительством в интересах почтовой гоньбы колонии. В устьях Алдана есть жители только на левом берегу реки²⁾.

Восточная граница сплошных поселений Амгино-Ленского плоскогорья совпадает с долиной р. Амги. Восточнее ее, благодаря тому же горному характеру страны и малочисленности сенокосов, якутские усадьбы являются только в виде разорванной цепи участков, разъединенных большими пространствами пустых земель и горных хребтов; таковы поселки, тянущиеся вдоль бывшего Охотского тракта; таковы узкие, длинные ленты населения, придерживающегося исключительно течений рек,

1) Уже в отрогах Верхоянских гор, в урочище Санга-алы (новая долина). Здесь якуты косят сено и даже сеют ячмень.

2) На правом стоят пустые поварни, где временно останавливаются купеческие караваны, идущие сюда из Верхоянска (по Дуолгалаху) за чаем, приплавленным водным путем из Анна.

поселения по Ноторе, Миле, верховьям Билира, левых притоков Алдана. Замечательно, что по самому Алдану, в верхнем и среднем его течении, почти нет постоянных якутских поселений, а на вышеупомянутых речках они есть только в верховьях и среднем течении, а в нижнем их нет.

Придерживаясь исключительно речной долины, поселения якутов по Амге доходят на юге до речки Тайдых, которая впадает на 300 с лишком верст выше Амгинской слободы. По речке Батоме, правому притоку Лены, они поднимаются верст около 300 на юг вверх от устья.

Этими двумя углами кончаются на юге поселения так называемых "восточных" приленских улусов ¹⁾. Самый восточный из этих улусов будет Батурусский ²⁾ по реке Амге и Татте, прозываемый от этой последней иногда Таттинским. Дальше идет Баягантайский ³⁾ улус по реке Баяге, он обогнул коленом с севера Батурусский улус и занял место по реке Алдану вплоть до устья Амги. За Баягантайским на западе идет Борогонский ⁴⁾, по речке Танде, притоку Алдана, речкам Пиллаги и Сырдах, притокам Лены, и многочисленным, разбросанным по всему краю озерам. Он не прилегает на севере к Алдану, от которого отделяют его земли следующего за ним с запада Дюпсюнского улуса, именно Тюлятского наслега. Дюпсюнский ⁵⁾ улус расположился по рекам Мыле, Алдан и Лене.

Все эти улусы расположены длинными, почти параллельными полосами с севера на юг. На юге они упираются в Мегинский ⁶⁾ улус, вытянувшийся от Лены с запада на восток, вдоль речки Солю, правого притока Лены. Сюда к Мегинскому прилегает небольшой Восточно-Кангалаский ⁷⁾ улус, занимающий сенокосные места по р. Тамме, а также на островах и по правому берегу Лены, наконец, по Батом и верховьям Амги. На левых притоках среднего течения Алдана: Нотора, Мокуй, Хатарган, Эльгя, Миля, Билир, расположились якуты разных наслегов Батурусского улуса.

На западе от Амгинско-Ленского плоскогорья, уже на левом берегу Лены, находятся два самых обширных, но не самых многолюдных улуса

1) "Улус" — волость.

2) 30 335 душ обоего пола.

3) 9 292 души обоего пола.

4) 9 673 души обоего пола.

5) 7 706 душ обоего пола.

6) 20 036 душ обоего пола.

7) 14 499 душ обоего пола.

Якутского округа: Н а м с к и й ¹⁾ на севере, З а п а д н о-К а н г а л а с к и й ²⁾ на юге. Их поселения, все более и более редееющие к западу, у границ своих смешиваются с поселениями вилюйских якутов.

Самые населенные части их прилегают к Лене: здесь густота населения равна самым многолюдным участкам Амгинско-Ленского плоскогорья, а местами даже гуще их.

В непосредственной, хотя слабой, связи с этой группой улусов, составляющих плотное ядро якутского населения, состоят только группы Олекминская и Вилюйская. Северные улусы отделены от нее широким, в сотни верст, горным, пустынным поясом.

Олекминские якуты приходят в соприкосновение с якутами Якутских улусов по реке Лене и на левобережном плоскогорье этой реки.

О подробном расселении якутов в Олекминском округе у меня нет достаточных данных. По-видимому, главная масса населения (9 662 д. об. п.) расположилась там на левом берегу Лены на севере, западе и юге от города Олекминска, на правом же берегу живет относительно немного, преимущественно по рекам О л е к м е и Ч а р е.

Кроме этого, отдельные небольшие выселки Олекминских якутов встречаются на р. Н ю е и еще дальше на юге на р. П е л е д у е, левых притоках Лены ³⁾. Наконец, есть якутские поселения в глубине Олекминско-Витимского плоскогорья на озерах К у с к е н д е (верховья Чары) и на р. М у е, у впадения последней в Витим. Здесь в долине, окруженной горами, высотой в 4 000' над уровнем моря, ютится небольшой якутский выселок, дальше всех выдвинувшийся на юге (56 ¹/₂° с.ш.) ⁴⁾ и не оторвавшийся совершенно от метрополии, как это случилось с более южными Амурскими поселениями.

1) 17 551 душа об. пола.

2) 21 996 душ об. пола.

3) Всего в общей сложности около 3 000 душ об. пола.

4) В 1866 году было всего несколько юрт. Вот что говорит о них Кропоткин: "Они поселились на устье Муи года три тому назад, они пришли с озера Куськендэ, где также прожили года три, безуспешно пытаясь разводить хлеб. Высокое положение плоскогорья Чары (1880 — 2150'), вероятно, было причиной того, что хлеб постоянно вымерзает. Зато здесь, в несравненно более низкой долине Муи, посеянный ими ячмень родился довольно хорошо; овощи высеяны слишком поздно, хотя и были еще очень малы во время нашего пребывания на Муе, но, судя по рассказам якутов о климате этих мест, можно думать, что и огородничество пойдет успешно. Вообще это поселение есть первый, чрезвычайно важный шаг к заселению страны" (стр. 58). Теперь там, насколько мне известно, целый наслег из нескольких десятков семей.

Центром населения Вилюйского округа нужно считать Сунтарский улус, самый многочисленный и гуще других населенный¹⁾. Особенно часты поселки в излучине, которую образует Вилюй в среднем своем течении, подавшись с лишком на градус к югу. Мягкий климат, благоприятный для земледелия, а главное, богатые обширные луга привлекли сюда большое количество жителей. Отсюда недалеко до Лены, до Ньюи, до Олекминска, и между жителями последнего округа и сунтарскими якутами искони существуют постоянные и оживленные сношения. Вторым, по количеству населения, считается Мархинский улус²⁾, по реке Мархе, левому притоку Вилюя, затем Верхне-Вилюйский улус³⁾, в верховьях Вилюя, до реки Вилюйчан включительно и по притокам верхнего течения реки: наконец, самый малочисленный и редко заселенный — Средне-Вилюйский улус⁴⁾, расположившийся, главным образом, на болотистой низменности, прилегающей с юга к нижнему течению Вилюя. Крайне южные и восточные поселки этого улуса, как сказано выше, соприкасаются с поселениями намских якутов и даже смешиваются с ними.

Вилюйские якуты, только как временные гости, торговцы и промышленники, заходят на Оленек и Анабару, и на обеих этих реках, кроме полурусских сел в устьях Оленека, Болколах и других, нет постоянных якутских поселений. Их постоянные местожительства в западной части северного, захребетного плоскогорья встречаются только по Хатанге, Богадине, Дудынте, на Норильских озерах и, наконец, на Енисее⁵⁾. Они очень малочисленны и перемешаны с тамошним русским населением, от которого якуты мало разнятся образом жизни и привычками; занимаются они рыболовством и держат немного скота. Долганы, кочующие по Хатанге, Анабаре и по пустыням между Норильскими и Жессейским озерами, занимаются оленеводством и звериным промыслом.

1) 24 564 д. об. пола.

2) 20 360 д. об. пола.

3) 12 612 д. об. пола.

4) 7 939 д. об. пола.

5) Вот что пишет Костров об этих якутах: "По последним официальным сведениям, всех якутов, живущих в Туруханском крае, считается 249 душ мужского и 252 души женского пола. Они разделяются на два рода: Шорохинский и Нижне-Затундринский. В первом, при 15 душах мужского населения считается 9 работников, во втором, при 234 — 121 работник, платящий ясак. Шорохинский род туруханских якутов живет вместе с русскими крестьянами в зимовье Шорохинском, на правой стороне Енисея, немного ниже впадения в Енисей речки Шорохи. Якуты нижнезатундринские живут от Туруханска верст за 1 500 — 1 800, за так называемой Низовой Тундрой, по рекам Хете,

Количество этих туруханских якутов, в сравнении с громадной площадью, занятой ими — ничтожно, всего несколько сот душ. Они отделены от остального якутского населения громадными необитаемыми пустынями. Ближайшие к ним поселения сородичей находятся в верховьях Вилюя.

Населенные участки северных плоскогорий не только малочисленнее, но и обособленнее южных. Они расположились большею частью по рекам и приречным озерам; среди плоскогорий (алас) их мало.

Вдоль нижнего течения Лены удобные для ловли рыбы места заняли жители Ж и г а н с к о г о улуса ¹). Они со всех сторон окружены пустынным, необитаемым поясом. Северное население вообще значительно подвижнее южного, оно вечно переходит с места на место и постоянно меняет свое распределение. Пунктов с постоянными жителями всего здесь четыре: 1) Ж и г а н с к , бывшая резиденция правительственного комиссара, теперь там всего три семьи. 2) К р а с н о е , в 120 верстах ниже Жиганска, на западном берегу Лены (четыре семьи якутов). 3) С и к т я х в 400 верстах ниже Красного на том же берегу (10 семейств русских и якутов). 4) Б у л у н в 180 вер. от моря при устье речки того же имени, в нем часовня, хлебные магазины и до 15 жилых домов. Остальное население бродит вдоль по реке и ее притокам, преимущественно по низменной, левой стороне Лены. На юге оно доходит до р. Б а х а н а й , левого притока, впадающего в Лену, полтора верст выше Жиганска. На севере оно встречается в дельте Лены и на морском берегу до Оленека (Туматский наслег), на эту последнюю реку, а также на Анабару, якуты заходят временно, для промысла и торговли с тунгусами. На Я н е население образует две самостоятельные, разъединенные пустынным поясом группы: небольшую у с т ь я н с к у ю (1 019 жит.), расположившуюся в низовьях этой реки, на ее дельте, на берегу Ледовитого океана и на некоторых второстепенных речках, впадающих в Ледо-

Богадыне, Хатанге — до Анабары" (Костров. "Очерки Туруханского края". Запис. Сиб. Геог. Отд. IV кн., 1857 г., стр. 140). Кривошапкин указывает на селение Костинское, к югу от Туруханска, как на местожительство якутов. Он дает общее число туруханских якутов в 250 душ обоого пола, оттуда они, по его словам, выходят на Хету и Богадину только для промысла (Запис. Сиб. Отд. к. VI, 1863 г., стр. 84). "Шорохино в 35 верстах от Туруханска; вы очутитесь здесь среди колонии, которая имеет полнейшее право считать себя якутским родом. В мое время насчитывали 17 душ муж. пола и 16 душ жен. пола. По общему виду они преобразились в русских, это тем более неудивительно, что половина дворов, составлявших Шорохино, была занята чисто русскими поселенцами" (Миддендорф, *ibid.*, стр. 758).

1) 2 045 душ об. пола.

витый океан, как: Х а р а - у л а х, А м о л о й ¹⁾, С е л л ь я х, Х р о м а.

Самое северное поселение на Яне в 1882 г. стояло уже в виду моря, на левом берегу М у р а ш а, главного, среднего, самого глубокого рукава устьев Яны. Это была юрта одного из князей, семья которого жила здесь круглый год. Юрта стояла далеко за пределами леса. Последние стойбища, виденные мною тогда же у южных границ Устьянского улуса, находились в 60 верстах выше К а з а ч ь е г о (70° 45' с. ш.). Отсюда к югу шел пояс в несколько сот верст шириной, совершенно незаселенный и изредка только посещаемый тунгусами.

Первые поселения на юге за этим поясом принадлежат якутам В е р х о я н с к о г о улуса ²⁾ и встречаются у впадения речки К ю н г я с в Яну ³⁾. По Яне живет главная масса Верхоянских якутов. Кроме долины главной реки есть поселения и в нижнем течении Б ы т а н т а я, левого притока Яны, и по Д у о л г а л а х у. Они разбросаны по последней реке до Б и л и р а, где в 1879 г. Горохов нашел оседлых жителей; урочище это недалеко (5 вер.) от впадения в Дуолгалах главного его притока О р т о с а л а, около 200 верст от устья Дуолгалаха. В верховьях Яны последними жилищами следует считать юрты С и р я м с к о й станции около 200 верст от Верхоянска. Тут есть покосы; отсюда к северу идет уже более или менее непрерывная цепь поселений *вольных*, не ограничивающихся исключительно почтовыми станциями.

На востоке есть более крупные скопления населения на А д ы ч е и притоках ее: Б о р у л а х у (левый) и Т а с т а х у (правый). Затем, дальше на восток, цепь поселений разрывается горным поясом Т а с - Х а н я х т а х у, а за ним начинаются уже жилища обитателей Индигирского бассейна.

На И н д и г и р к е население группируется тоже, главным образом, по реке. Верховья реки заселены гуще. Центром населения нужно считать местность А б ы й, получившую название от озера того же имени. В верховьях Индигирки, в местности О м е к о н, живут якуты О м е к о н - Б о р о г о н с к о г о наслега, Баягантайского улуса, Якутского округа, отделенные от своих сородичей пустыней в 500 с лишком верст. На вос-

1) На Амолое живут якуты Верхоянск. улуса, Борогонского наслега.

2) 5 550 жит. об. пола.

3) Речка Кюнгия течет с северо-запада на юго-восток, длиной она в 70 верст, шириной у устья саженой 30. Истоки ее начинаются в том же горном узле, из которого вытекает другой приток Лены Д а р к ы л а х; Даркылах длиной верст 100 и в устье саженой полторасти шириной. Течет как раз в обратном К ю н г я с направлении. Руслуи этих речек идет летняя дорога из Усть-Янска в Верхоянск, с вершины перевала видна долина Амолоя на западе, а на востоке высятся крутые горы ("Путевые заметки" В. Серошевского, 1881 год).

точном, более гористом берегу Индигирки жителей меньше, чем на низменном западном. Между этой рекой и Алазею водоразделом служит невысокий Алазейский хребет, совершенно пустынный. Низменность между этим хребтом и Колымой, очень богатая озерами и речками, усеяна редкими, но находящимися в постоянном общении колониями якутов. Поселения их на Колыме идут немного южнее Верхне-Колымска: на севере поднимаются по Колыме и Алазею чуть ли не до границ лесов, а на востоке они заходили, некогда, даже на Анюй, теперь их там нет. Вообще, большая часть этого малочисленного улуса¹⁾ расположилась на западном от Колымы плоскогорье.

О незначительных якутских поселках, найденных Миддендорфом в 1844 г. на Кебели²⁾ (5 душ), о торговых их факториях на Тугуре и на Икане³⁾, а также о якутах Приморской области, Удского края, окрестностей Охотска и Аяна я современных сведений нигде найти не мог. Что с ними случилось: существуют ли они там и теперь или вымерли и исчезли, мне неизвестно. Люди, ездившие в порты Охотского моря, говорили мне, что будто бы на восточных покатостях Станового хребта, местами, находятся до сих пор "по речкам" якутские юрты, обитатели которых занимаются скотоводством⁴⁾. В прошлом столетии Сарычев нашел там якутские поселения.

По-видимому, в начале прошлого и конце XVII столетия в Приморскую полосу направлялась довольно сильная эмиграция, отчасти вынужденная, отчасти вольная. "Уже в 1744 году присылались в Удский острог указы разыскать некоторых скрывшихся якутов различных племен, о которых известно было, что они жили на Китайской (того времени) земле. С тех пор последовало множество таких указов, так что в девяностых годах из Удского острога присылались в якутский нижний окружной суд то 15, то 20 и даже по 30 и более якутов... Зауер говорит даже о 6 000 якутов, перешедших будто бы в Китай с Олекмы и Вилюя; в китайских источниках, вероятно, можно найти самые верные сведения об этом слу-

1) 3 293 души об. пола.

2) Приток Нимана.

3) Приток Зеи.

4) "На Нелькане впервые встречаются якуты, много покосных мест..." "В Аяне живет 24 человека якутов с семьями, работников Филипуса..." ("Отчет о поездке в Аян в 1886 г. генерала Светлицкого, рукопись хранится в Канцелярии Генерал-губернатора. Вост. Сиб.). Якуты Шерского отдела, причисленные к Удскому острогу 20 душ муж. и 16 женс. 1843 года (Миддендорф, 731 стр., часть II, отд. VI). Уваровский в Удском остроге застал в 1827 г. 47 семейств (84 души). Некоторые находились там уже 30 лет (Мидденд., стр. 773).

чае... говорит Миддендорф¹⁾. В другом месте он же замечает, что "в 1825 г. Якутскому областному начальнику поручено было предложить 10 якутским семействам переселиться со скотом своим в Удский острог". Правительство, сильно заботившееся в конце XVIII столетия о насаждении хлебопашества и скотоводства в Приморской области, не раз прибегало к подобным мерам. Попытки, однако, оказались, неудачными: не привилось ни то, ни другое; население выродилось и вымерло. За промыслом якуты вместе с русскими удальцами заходили далеко от своей родины: на Шантарские острова, на Амур, даже в Аляску, но, по-видимому, нигде не оставили после себя других следов, кроме названий некоторых рек, озер и урочищ.

Не подлежит сомнению, что как северные, так и южные, западные и восточные окраины якутских поселений суть новейшего происхождения, и предания прямо указывают на окрестности Якутска и на Амгинско-Ленское плоскогорье, как на метрополию этих колоний. Здесь застали их русские. На Вилюе и Олекме их не было, или было очень мало. Мангазейские казаки, в 1630 году волоком перебравшиеся с Нижней Тунгуски на Чону, правый приток Вилюя, а затем спустившиеся вниз по этим рекам на Лену, не видели якутов на Вилюе. Первое более точное указание по этому поводу в обнародованных материалах мы находим в списке ленских воевод П е т р а Г о л о в и н а со товарищами, "о разборке и оценке ясачной и десятичной соболиной казны, собранной на Вилюе, и о пограблении Тунгусами на зимовьях Русских промышленных людей". Воин Шахов, собиравший там ясак в годах 1636 — 1639 сообщает, что собирал соболиную дань: "с Вилюя реки, с Мургатского, и с Баягирского роду, и с Тамтакулей... да с устья Вилюя реки с Тунгусов и с Якутов с конных и пеших...". Там же эти конные якуты называются *роду тагусы*. Тот же Воин Шахов сам показал в расспросных речах в 1671 году воеводам Головину, Глебову, что "он ходил по Вилюю 7 лет, и всякие места и иноземцев рассмотрел, и иноземцев-де с устья Вилюя реки и вверх по Вилюю ясачных и неясачных Якутов и Тунгусов с 5 000..." — На 7 человек тунгусских аманатов, он привел только одного якутского²⁾. Не упоминает о якутах и П е т р Б е к е т о в, который в 1635 году строил Олекминский острог и послал в Енисейск "пространное извещение о всех обстоятельствах"³⁾.

1) Ibid., часть I, от. IV, приб. III, стр. XV и часть II, отд. VI, стр. 735.

2) Дополнения к Истор. актам, том II, стр. 229 и 254.

3) Фишер, *ibid.*, стр. 369.

Ремезов, на своей карте 1701 года, на Олекме и Витиме не обозначил якутов. И тут и там у него помечены тунгусы. Тунгусы сплошь обозначены по Витиму, "Чарой" (Чар), по Олекме и даже севернее, по неизвестной реке Мокма, по положению своему отвечающей Батоме ¹⁾. Надпись "якуты" встречается между Амгой и Леной, там, где проведена речка Татта с левым притоком "Малая". Затем дальше, против устья реки Синеи написано: "Ялани промеж тагою и Леною и потом Ялюя живут многие ясашины якуты разных волостей". Якутские жилища обозначены также по Амге, вплоть до Ботальского ²⁾ острога (на правом берегу, в верховьях Амги), а на западном берегу Лены, по речке Синеи, где написано: "Синяя, по ней живут тунгусы и якуты ясашных волостей".

На Патоме, правом притоке Лены, между Олекмой и Витимом (сказано неопределенно), "допрежны года живали иноземцы".

По Вилюю не обозначено ни одного якутского стойбища. Ниже Верхневиллойского и Т а н а р е й с к о г о ³⁾ зимовьев, за рекой Варкой, написано, что "живут тунгусы С н и г и р и " ⁴⁾. Дальше, вниз по Вилюю, по показанию того же Ремезова живут: Т ы г н ы, Ш а л а г о н ы, И к а л э т а г а л ы, Й м у г а т ы.

Жиганское зимовье обозначено правильно на этой карте, но жилища "жиганских якутов разных волостей" обозначены в устьях Алдана на правом берегу его.

На севере, по Колыме, Индигирке и Яне, обозначены "многие юкагири", а по Амолюю ("река омолоева"), верховья которого, очевидно,

1) Не Наммора ли река или, может быть, "Мыла", по которой расположены наследи Восточно-Кангалаского улуса, эта речка течет значительно южнее и впадает в Лену. На юге от ее устья написано на карте Ремезова "столб".

2) "Сие зимовье названо Бутальским по Буте, поколенном имени тамошних тунгусов. Оно лежало около ста верст выше устья Майи или, как тунгусы обыкновенно считают, на 13 "н ю л г", из которых каждая содержит 8 верст" (Фишер, *ibid.*, стр. 377). По мнению этого автора, оно было основано Копыловым в верхнем течении Алдана в 1637 г. Положение этого в свое время знаменитого зимовья не определено в точности.

3) Верх. Вил. при впадении р. К у т е р г и (?) на правом берегу последней, а второе зимовье на левом берегу р. Г о л а н т а. Не призвать ли в Т а н а р е й якутское слово т а н г а р а — святой, божество.

4) С н и г и р и, может быть, с и г и р и — якутское презрительное прозвище тунгусов значит: "тальниковые стружки", но возможно, что оно: с и л и г р и, тунгусское название притока Оленека, а также тунгусское родовое имя. Нигидальцы так зовут, между прочим, Амур.

спутаны с верховьями Яны, Дуолгалаха и Бытантая, обозначены иноземцы "верхоянские якуты" ¹).

Севернее Дуолгалаха, по той же стороне реки, написано у Ремезова: "иноземцы по эланям верхоянские тунгусы и якуты", а на правой стороне, севернее устьев Адычы — "Верхоянское зимовье", дальше к северу по той же стороне "р. гэтгэса, а по сим рекам живут якуты разных волостей". Все эти реки плывут в Амолой. Амолой впадает в Лену и, недалеко от его впадения, на правом берегу сказано: "Река Амолоева, по ней живут князек Амолой со своими улусными людьми".

На западе от Лены якутские стойбища обозначены в верховьях М о л о д о й и в устьях Олёнека и на север к морю ²).

Это самые древние, более достоверные сведения, какие существуют о первоначальном расселении якутов.

Ввиду такой скудности, тем более замечательно сообщение Георги, которое он дает, о расселении и количестве якутов, опираясь на переписи 1750 года, значит, спустя всего 50 лет после составления чертежа.

Вот оно: "В *Кунгалайском Улусе* десять волостей, которые все вообще называются *Кангалайскими*, три *Хоринскими*, три *Неруктейскими*, две *Нажарскими*, две *Шерковскими*, одна *Шаликонскою*, две *Хазикацкими*, и пять *Мажегарскими*. Все вообще платят подушной оклад за

1) В одной казацкой отписке, 7146 (1638), пятидесятник Юрьев доносит в Енисейск, что "якуты на Яне, Т у з у к о в а улуса, его осадили, убили человека и осаждали 4 недели" (Позаимствовано из неизданных бумаг священника А. А. Ионина, найденных им в Киевском консисторском архиве). Из разысканных мною печатных сведений видно, что Елеска Юрьев был енисейский казачий десятник, что он ушел в 144 г. (1636 г.) с 10 служилыми людьми и 40 промышленными с Олёмнинского острожку "на Ламу и которые реки падут своим устьем в море", что было в 1637 г. на Олёнеке и 1638 г. поднялся вверх из устья Яны. "По Янге реке вверх до якутов три недели, — говорится в отписке, — а взяли государева ясаку на 146 год, два сорока 27 соболей, 4 шубы соболей, лисица чернобурая, восемь лисиц сивочерных, одиннадцать лисиц красных". (Дополнение к Актам Истор., том II, стр. 240). Это первые более точные сведения о Янских жителях. В тех же приблизительно годах Постник Иванов (Посничко) собирал со своей стороны ясак по Яне, как это видно из отписки Ленских воевод П. Головина и М. Глебова. Постник в 1638 году с 30 товарищами перебрался в верховья Яны "через камень и вниз по Яне до якутских людей в 4 недели". В верховьях Яны и горах, по его показаниям, жили, как и теперь живут, "Ламутки" (тунгусы), дальше "по Яне и Онге реке живут многие якутские люди, князец Кутурга, да тунгусы..." Из Яны в 1639 году Постник с 27 товарищами идет, придерживаясь р. Толстака (нужно думать, р. Т а с т а х) на "Индигирскую р. в Юкагирскую землю". "По Гостаху и Индигирские вершины многие неясачные тунгусы-ломутки" а "Юкагирская Индигарская земля" названа "людною", но обозначены в ней только юкагиры (Доп. к Акт. Ист. т. II, стр. 241).

2) С. Ремезов, "Чертежная книга Сибири, 1701 г., лист 17. Везде мы придерживались ремезовского правописания собственных имен.

5 868 душ, *Бугурусский улус* состоит из 25 волостей, а в сих считается 6380 душ. В *Намском улусе* 13 волостей, из коих шесть называются Намскими. Во всех 3 090 душ. *Барагонской улус* имеет 7 волостей сего имени и еще 11 иначе называемых. Во всех считается 2 948 душ. В *Магинском улусе* 15 волостей, между коими одна называется *Алтайской* уповательно по прежним их местам. Во всех 3 356 душ. Все пять улусов платят подушный оклад в город *Якуцк*, в округах которого они живут.

Олекминская округа, заключающая в себе не только оба берега реки Олекмы в Восточной стороне *Лены*, но и западный берег самой *Лены*, содержит пять волостей, которые за 1 823 души платят ясак в *Олекминский острог*, лежащий на левом берегу *Лены*, в 13 верстах выше устья реки Олекмы и в 550 верстах выше Якутска к юго-западу.

Вилуй, вышедшая в западной стороне из *Лены* река, населена преимущественно великим числом якут, которые отдают подушный оклад в три зимовья. *Верхневилуйское зимовье*, отстоящее в западо-юго-западную сторону от Якутска на 500 верст, содержит в себе 22 волости, в каких считается 5 911 душ, к *Средневилуйскому зимовью*, отстоящему от Якутска на 420 верст, принадлежит 15 волостей, в коих 1 270 душ, к *Устьевилуйскому же зимовью*, стоящему в 12 верстах выше Вилуйского устья, а от Якутска в северо-западную сторону в 338 верстах, причисляется 24 волости, в которых 1 417 душ.

Якуты, живущие по реке *Яне*, впадающей в Ледовитое море в восточной стороне *Лены*, имеют 18 волостей, в коих 1 662 души, и отдают ясак в *Верхоянское зимовье*, построенное при верхней *Яне* в 400 верстах от Якутска в северную сторону.

По Индигирке, текущей с восточной стороны от Яны и вышедшей из Ледовитого моря реки, кочует 12 волостей, из которых в самой большой только 95, а в самой малой только 17, вообще же 493 души в них считается. Они приписаны к *Зашиверскому острогу*, лежащему вверху при *Индигирке*, от Якуцка в северо-восточную сторону на 904 версты. Думать надобно, что к сему же острогу принадлежит и *Баягатайский улус*, коего шесть волостей, содержащих в себе вообще 761 душу, кочуют по рекам между Индигиркою и Кольмою" ¹⁾.

Оставляя в стороне ошибки в расстояниях и перемещение Баягатайского улуса на север, все описание Георги безусловно правильно, оно отвечает теперешнему распределению народонаселения и даже пропорциональная густота его близка к настоящей.

1) "Описание обитающих в Российском государстве народов". Иоанна Готлиба Георги, 1776 г. Спб., 180 стр.

По его показаниям, якуты есть всюду: на южных и на северных окраинах и на Вилюе и на Олекме. Таким образом, произошло поистине чудесное перемещение, в какие-нибудь 50 — 60 лет, огромного количества людей на обширнейшие пространства. Очевидно, что или прежние сведения систематически и согласно извращались, что трудно предположить ввиду доносов, интриг, борьбы того времени, происходивших между енисейскими и мангазейскими казаками, или же последующее распределение было естественно и до вторжения русских существовали искусственные причины, удерживавшие якутов в тесных пределах Амгинско-Ленского плоскогорья. Нужно полагать, что правильно последнее предположение и что рамкой, удерживающей якутов в прежних пределах, были тунгусы.

Ввиду этого мы позволим себе более подробно войти в исследование политических якутско-тунгусских отношений того времени. На карте Ремезова кочевья их окружают территорию якутов сплошным кольцом.

Откуда бы ни шли якуты в присвоенные ими теперь места, они должны были прорываться сквозь кольцо, образуемое тунгусами. Понятно, что как скотоводы они постарались по пришествии в новую страну занять места пастбищные, луговые, в долинах рек и речек, и на берегах озер. Таких рек, речек и "обсыхающих" ¹⁾ озер с каймой покосов и пастбищ по берегам особенно много на Амгинско-Ленском плоскогорье. Горцы-тунгусы хотя и сопротивлялись нашествию, но уступили перед натиском хорошо вооруженных и прекрасно организованных пришельцев, они отошли глубже в горы, к верховьям речек, недоступных и ненужных конным всадникам. Тунгусам, оленеводам, не особенно нужны были влажные лесистые плоскогорья и злачные равнины, занятые прибывавшими с юга пастухами; тем не менее они уступали их неохотно, как неохотно и в настоящее время уступают бывшие свои территории в Вилюйском округе ²⁾. Следы их пребывания и господства уцелели до сих пор в памяти якутов. "Эти земли тунгусские", — говорили мне в Баягантайском улусе (1884 г.). То же самое повторяли в Намском, где я самолично находил не раз на пашнях немых свидетелей старины, кости каких-то оленеводов, перемешанные с оленьей упряжью и костями оленей. В Борогонском улусе озеро Миорэ, самый населенный пункт этого улуса, получило, говорят, свое имя от тунгусского родоначальника, некогда там жившего (Борогонский улус, 1884 г., смотри также Врангель, *ibid.*, Т. 1).

1) У о л б у т — озеро "с убывающей водой".

2) Маак, *ibid.*, часть II, стр. 45.

Возможно, что было время, когда тунгусы пробовали ужиться бок о бок с якутами, как это до сих пор водится на окраинах. Но якуты, пуская ежегодно по лугам "палы", жгли лес, пугали зверя, которого и без того стало меньше с увеличением числа охотников. Кроме того, хитрые и ловкие торгошники, они обманывали и эксплуатировали тунгусов, похищали у них женщин, отнимали добычу. Простодушные горцы, уходя от якутских становищ, всегда уносили в сердцах обиду и недоброжелательность. "Знаем мы якутов, обсыпавших свои дома землей..." — с горечью отвечает тунгус, в одном из сказаний, на миролюбивые увещевания якутов (Худяков, *ibid.*, стр. 68).

Там, где тунгусов было много, где горный характер страны давал им перевес, где богатые рыбные и звериные промыслы делали для них места особенно ценными, они упорно сопротивлялись вторжению якутов и теснили их форпосты назад, в безвозвратно утерянные, густо заселенные пришельцами места.

Миллер приводит предание ленских тунгусов, "что как якуты в оные места пришли, то они (тунгусы) сим чужим гостям всею силою сопротивлялись, чтобы не дать им проходу, однако же от них побеждены были, и сказывают, что главный бой происходил недалеко от устья реки Патомы, при урочище так называемых Гусельных гор, да и ныне еще великие сражения между ними случаются, когда тунгусы при реках Витим, Патом, Олекме и в других тамошних местах найдут якутов на зверином промысле" ¹).

Якуты, сильные своей родовой солидарностью, встречали не меньшую солидарность и среди своих врагов. Тунгусы витимские, олекминские, вилюйские, а также северных плоскогорий и побережья Ледовитого океана, несомненно сознают единство своего происхождения: они находятся в постоянном общении и охотно заступаются друг за друга ²).

Спафарий и другие ранние путешественники по Вост. Сибири не раз упоминают о местах, прозванных то "кровавыми", то "убиенными", "где бывали драки тунгусов с русскими людьми", и значительно позже Гмелин

1) "Описание Сибирского царства", стр. 23. Я слышал это самое предание в Запад. Кангаласком улусе в 1891 г. Там по поводу поимки якутами Восточ. Кангалаского улуса нескольких политических ссыльных, бежавших с места причисления, рассказывали, что батомские якуты искони отличались мужеством и хитростью, что некогда на той же реке Батоме они устроили засаду тунгусам и множество их перебили. Очевидно, что тут говорится не о Патоме Витимского нагорья, а о Батоме, проплывающей на юг Амгинско-Ленского плоскогорья. Второй вариант вероятнее, так как нет никаких данных о том, чтобы якуты жили когда-либо на Патоме Витима.

2) См. казацкую запись у Миддендорфа в 1 части, стр. 42.

"Да у того же князца Межеула был тунгус Чилкагирского роду с Ламы и хотел

описывает враждебную встречу тунгусов, какой он сам удостоился над Леной¹⁾.

Северные тунгусы славут искони как народ охотничий, подвижный и воинственный; оленей они всегда держали немного, самые крупные стада не достигают у них 600 штук; обыкновенно держат их не более двух десятков, охота и рыбная ловля главные их занятия, олени были им необходимы только как средство быстрого и удобного передвижения в горах. Жизнь, полная опасностей и риска, развила в них многие положительные качества.

"Они обладают известной выправкой, исполнены приличия, ловки, предприимчивы до отваги, живы, откровенны, самолюбивы, охотники наряжаться, а вместе с тем закалены физически", — говорит о них Миддендорф.

В них есть что-то рыцарское и благородное, прибавим мы. Самый последний бедняк примет вас в своем чуме, точно владетельный князь. Мне случалось посетить совершенно обнищавшего старика с целью помочь ему; он принял подарок с благодарностью, но без низкопоклонства и угостил меня "диким чаем", единственным его достоянием, с такой утонченной вежливостью, что я не решился отказаться от напитка, несмотря на его противный вкус. Гостеприимство у них до сих пор священный обычай. Когда в 1884 году, застигнутый метелью в Верхоянских горах, я остановился ночевать в тунгусском стойбище, начальница его, вдова, долго извинялась перед нами, что не в состоянии убить для нас оленя, так как собственных у нее нет, в конце речи, с низким поклоном, она положила перед нами по вяленому языку дикого оленя, говоря: "Хоть это возьмите". Где бы я ни встречал тунгусов на юге и севере, всюду они считали своею обязанностью накормить прибывшего, поделиться запасами, "одарить" на дорогу. Правда, что в то же время они сами беззастенчиво пользуются чужими запасами.

Как все воинственные народы, они высоко ценят физическую силу, ловкость, отвагу; любят борьбу, состязания, танцы. Они страстны и хватаются за нож в тех случаях, когда якут ограничивается руганью. В обыденной жизни прямодушные и правдивые, на войне с врагами ковар-

их, Курбатка Иванова, да Федьку Степанова, убить; а сказывал в прошлом-де в 148 году летом, ходят по Ламе в судах русские люди казаки и побили-де ево родников Чилкагирских тунгусов пятнадцать юрт". Казацкие отписки много и пространно рассказывают о стремительных и хорошо организованных нападениях тунгусов.

1) Ibid., Ч. II, стр. 299 — 300.

ны, жестоки, неумолимы ¹⁾).

Якуты относятся к тунгусам высокомерно ²⁾, но боевым их способностям отдают должное: "ловкий, как тунгус", говорят они. "Тунгус верток, он сквозь сон может чувствовать направленное в него железо и ускользнуть" (Колымс. ул., 1882 г.). "Мы побеждали тунгусов благодаря их глупости... построим деревянные дома с отверстиями и щелкаем их оттуда" (Колым. ул., 1882 г.) ³⁾. "Тунгус может стрелять на ходу, на лыжах, на лодке, верхом на олене, лежа, стоя, прыгая ... и попадать в цель. Он может вбежать на высокую гору, ни разу не передохнув, может не есть, не пить, не спать, по несколько суток..." (Колымс. ул., 1883 г.).

Борьба с такими противниками была трудная и продолжительная. Олекминско-витимские, алданские и вообще южные тунгусы издавна слыли за богатый, независимый, воинственный народ ⁴⁾. О вилейских тунгусах, некогда, по свидетельству русских летописцев, многочисленных и богатых, я записал следующий якутский рассказ, характерный как для рассказчиков, так и для воспеваемых.

"Когда-то в старину, в одно и то же время, жило двое тунгусских богатырей: Б ю л ю й-Э р ю н ч а ⁵⁾ и Д ж я н г ы-Д а р и н ч а. В своих местах оба они считались лучшими промышленниками, борцами, удалыми воинами. Друг о друге они знали только по слухам: Эрюнча слышал про славного Даринчу, Даринча — про знаменитого Эрюнчу. И вот пожелали они свидеться и помериться силами. Первым собрался в путь Бюлюй-Эрюнча. На лыжах, быстро скользя, он в три дня и три ночи достиг местностей, где жил народ Даринчи. Найдя полные мехов а р а - к а с ы ⁶⁾, он вскрыл их, взял лучших черных лисиц и соболей, а остальное

1) Уже после замирения относительно недавно, в пятидесятых годах, Ваганов, спутник Миддендорфа, и его товарищи были застрелены во время сна тунгусами. Вскоре после того были ограблены и убиты члены астрономическо-топографической экспедиции, снаряженной для исследования Станового пограничного хребта, под начальством Шварца.

2) Называют их "глупыми" á к к а р ы, "безмозглыми" с и л и т е с у о х.

3) О таких же щелях в стенах домов для стрельбы из лука говорится в предании: "Х о р о прародители якутов" (Худяков, стр. 57).

4) Они обладали лучшими соболиными промыслами. Нередко один охотник добывал 25 отборных шкурок в год. В редких случаях даже 100 штук. Меха витимских соболей считаются первосортными.

5) Б ю л ю й—В л ю й. Д ж я н г ы, по-якутски Яна, она же Н я н г ы, Я н г ы, это по-тунгусски значит: голые, безлесные вершины, а по-самоедски — тундра. В казацких отписках она вначале тоже пишется: Я н г а.

6) А р а к а с — небольшой продолговатый амбар, вернее: скриня на столбах, в них якуты и тунгусы некогда хоронили, между прочим, покойников.

разбросал на все четыре стороны света и убежал. Пришел Даринча осматривать свои аракасы и видит: следы лыж неизвестного человека, высокие его аракасы сломаны, дорогие его черные лисицы и соболя унесены, а остальные меха разбросаны на все стороны света. Думает, рассуждает: "Кто найдется среди людей этой земли, осмелившийся задеть меня..." Перебирая, пересчитывая, такого не находил. Тогда догадался, что это пришелец и никто другой, как Бюлюй-Эрюнча. Обозлился, лыжи наладил, оружие осмотрел и с обнаженным копьём¹⁾ в руках пустился следом. В два дня и одну ночь пришел к стойбищам Эрюнчи. Услышали тунгусы шорох, увидели что-то мелькающее и говорят господину своему Эрюнче: "Трава-дерево шелестит... острый человек пришел!..²⁾. Среди нас такого удалого (кытыграс) нет, должно быть, чужой (омуккиси)!.."

"Никто другой быть не может, как Джянгы-Даринча, ищущий своих лисиц и соболей..." — догадался Эрюнча и, собравши людей, вышел Даринче навстречу.

«Джянгы-Даринча, — говорит, — раз ты пришел, выслушай мою речь!.. Как водится у других, будем разговаривать хорошим языком, показавши друг другу приветливые лица. Ты достойнее многих, я хотел сравнить твою доблесть с моею... Ты не сердись!.. В мой хороший дом войди, хорошей пищи покушай, сядь на хорошем месте. Ты не сердись: желая познакомиться, я взял лисицу. Подаривши, прими отдарки!"³⁾

Даринча поверил этим словам, вошел к ним; знакомился. Стали его принимать и чествовать, как подобает такого известного воина. Медвежью шкуру подостлали, темного оленя шкуру сверху положили, посадили его на них. Наклали перед ним свежих зеленых ветвей (седир), прикрыли берестой (султос), на бересту положили во множестве сырых голеней оленя (чанкы), вареных жирных ребер, позвонков оленьих (табатаса) и лосиных, и много мяса... Пировали. Собралось много народу посмотреть богатыря Даринчу. Разговаривали, рассказывали про свое житье, хвастались богатством, умом, боролись, испытывая силу. Затем Эрюнча отдал взятых лисиц и соболей и одарил Даринчу, говоря: "Вот мое добро, мое богатство, возьми себе, сколько взять можешь... Познакомимся!" Тут раскрыл свои сумы и аракасы с дорогими мехами. Даринча взял несколько и остался доволен. Пошли спать. Постлали постель Даринче на этой же медвежьей шкуре, покрыли одеялом каменного барана (чуббука). Когда Даринча уснул, встал со своей постели Эрюнча

1) Сагынях батня.

2) От-мас джергээр, сыты киси кельбит.

3) Тюркский текст этой речи смотри во II томе в соответствующей главе.

и, подкравшись к нему, ударил его изо всей силы копьем. Вскочил Даринча на ноги и тогда, вторым ударом, подсек ему Эрюнча жилы голеней. Схвативши копьё, выбежал Даринча на двор и бросился бежать. Целый день гнался за ним Эрюнча и только вечером, нагнавши среди реки ¹⁾, убил.

Оставшийся после Даринчи сын Э н к е б и л ь б ö г ö (б ö г ö — мощный), выросши, вдруг, затосковал. Не ест, не пьет, не промышляет, но и дома сидеть не может. Отправился отыскивать отца. Сказал матери, что идет на охоту, а ушел на Вилюй. В землях Эрюнчи первое стойбище, которое встретил юноша, принадлежало самому младшему из сыновей Эрюнчи, Ч ы к ы - у с (у с — кузнец). Тогда Энкебиль-бого, не входя в дом, закричал: "Эй, малый (к э т э г а н, к ы т ы г а н) ²⁾, выйди, возьми подарок, принесенный мною!" Когда юноша вышел, раньше, чем он успел дверь запереть, Энкебиль рассек ему голову.

За широкою Леною живущий, за тремя рядами нагих каменных гор живущий, я, сын Джянги-Даринчи, ребенок Энкебиль, ловите меня!.." Закричал и ушел, будучи невероятно скорым; никто его нагнать не мог. Плакали родичи (а й м а г а) Эрюнчи. Этот Ч ы к ы был "учитель воинов" (с е р к е н с э х э н, с я р к я н ь с я с я н), мастером, знающим делать оружие, ковать железо, мудрым, опытным советником.

Энкебиль-бöгö пришел в свои места невредимо.

Эрюнча, между тем, собирал людей и пошел на верхоянских тунгусов войной. Узнал об этом Энкебиль и уговорил одного из враждебных рабочих, молодого мальчика:

"Я тебя, товарищ, вознаграждать намерен: одну красную, одну черную лисицу тебе дам, дам тебе мою младшую сестру в жены, только ты поломай рукоятки копий, подрежь тетивы луков, уничтожь стрелы, а остальное оружие сложи вместе во дворе..."

"Согласен!" — ответил глупый мальчик и сделал, как приказал Энкебиль, а сделавши, пришел и говорит:

"Все, как ты сказал, совершенно".

Тогда Энкебиль, с обнаженным копьем в руках, войдя в стан Эрюнчи, вскричал: "Зовущийся сильным, зовущийся скорым, пусть выходит!.. Я Энкебиль, убивший Чыкы-уса!.." Выскочил народ из палаток, ищет оружия — нет его: древки палым (копий) сломаны, тетивы луков подрезаны, нет стрел.

1) Ö р ю с к а. Ö р ю с ь значит здесь не Лена, а Вилюй.

2) Кытыган — собственно дальний родственник, всегда младший; ребенок, парнишка.

Энкебиль набросился на них со своими людьми и перебил множество, не щадя никого. Оставшиеся, не имея возможности защищаться, сказали: "Возьми наше богатство, наше добро, уведи (олений), сделай нас своими людьми, только дыхание души оставь... Будь господином!.." Энкебиль согласился и повел их в Верхоянские горы. Вот почему нет тунгусов на Вилюе" (Намс. ул., 1890 г.).

Внутренние неурядицы, подобные только что рассказанным, несомненно, помогали якутам в борьбе с тунгусами, но быстрое заселение мест, облюбованных ими заранее на севере и западе, совершилось только после русского завоевания, после того как новыми пришельцами было разорвано сдерживающее тунгусское кольцо.

Дело в том, что тунгусы значительно энергичнее и дольше сопротивлялись казацкому нашествию, чем кто-либо из инородцев Восточ. Сибири. Якуты покорились почти сразу и без сопротивления и если затем неоднократно восставали, то лишь вынужденные крайне жестоким и несправедливым обращением с ними завоевателей. Сами они не прочь были откупиться и дружить с завоевателями. В борьбе русских с тунгусами они всегда принимали сторону первых ¹⁾, подобно тому, как на дальнем северо-востоке, в борьбе русских с чукчами, пришельцы-тунгусы помогали пришельцам же русским. В Намском улусе я слышал характерное предание об этих отношениях: "Сначала тунгусы убили 30 русских ²⁾". А случилось это вот как. Узнали русские, что есть такие люди, у которых много дорогих мехов и всякого богатства. Пошли на них войной. Пришли

1) Никогда не забуду сцены, свидетелем которой я был в Колымском округе. Старик тунгус, живший временно у якутов, рассказывал о каком-то странном пророчестве, будто бы вычитанном дьячком с Момы (река и церковный приход) из старых книг: "Настанет день, когда тунгусы опять поднимутся на русских, и якуты присоединятся к ним, и они все погибнут, как братья". Старик рассказывал с воодушевлением, но якуты отвечали насмешками, и один из них грубо остановил рассказчика: "Будет тебе болтать, какие мы вам братья!.. Никогда мы русских не променяем на вас!" (Колым. ул., 1883 г.).

2) Цифра 30, по-видимому, была излюбленной тогдашних казачьих шаек и их начальников. Хрипунов в 1628 году посылает с устьев Илима на Лену отряд в 30 человек. В 1630 году 30 мангазейских казаков, под руководством Мартына Васильева, по Вилюю перебираются на Лену. Ипат Галкин год спустя отправляется туда же из Енисейска, тоже с 30 казаками. В 1634 году тот же Галкин наряжает 29 человек в устье Алдана стеречь Корытова. В 1639 году Иван Москвитин отправляется на Маю, оттуда на Охотское море и опять с 31 человеком. Даже Ходырев, победив в 1639 году Копылова, приказывает "порубить 30 чел. пьяных якутов Копыловой партии" (Дополн. к Историч. актам, т. II, стр. 234).

в горы, видят: на вершине одной горы будто комары чернеют: это были тунгусы. Выстрелили русские... и мимо: было далеко. Тунгусы слышат выстрелы, но пули к ним не долетают. Выпустили тунгусы тучу стрел сверху: убили двадцать русских. А был у русских начальник б о ю н (воин), что ходил в железной кольчуге, (к у н г я х) и казак необычной скорости С ю р ю к-к а с а к. Этих двоих никак тунгусы убить не могут. Стрелы не пробивали кольчугу, а казак, прячась за своего начальника, спасался. Остальных убили. Говорит Сюрюк-касака своему господину: "Господин, убежим! Убивши всех, убьют и нас! Заряды кончатся, и мы ни с чем останемся". Тогда начальник ответил: "У Великого Государя не один я слуга!.. Могу ли я нарушить присягу? После нашей смерти разве не останется людей, помнящих нас?!" Сюрюк-касака убежал, а б о й н а убили тунгусы, набросивши на него с горы м а м о к и (арканы). Сюрюк, придя домой, рассказал, что случилось.

А между тем вот что произошло. Отдавал богатый якут дочь замуж за тунгуса. Когда повезли девушку и тунгусы устроили у себя гулянье, играючи, поссорились, и якутский боец (х о с у н) убил тунгусского бойца (т у н г у с х о с у н а). Убил и сбежал. Сидит дома, раздевшись, и греется у огня; вдруг со двора входит тунгус с обнаженным копьем в руках. Острие направил в якута и хочет убить. "Я нагой — ты одетый, — говорит якут, — разве тебе не стыдно (а р а х) убить меня? Ты, точно мой малый палец, убиваешь спящего. Позволь мне одеться — сравняться с тобой!.." Тунгус, понявши обратно, выскочил на двор и давай раздеваться, равняясь с якутом. Якут схватил копьё, пошел за ним и ждет. Ударили друг друга. Долго ничего поделывать не могли, наконец, якут попал тунгусу в плечо и отсек руку. "Довольно, — говорит тунгус, — не убивай меня". Якут оставил (драться). "Товарищ (а т а с), — спрашивает тунгус, — как ты думаешь, с такой раной далеко ли можно уйти? Неохота мне умирать в чужой земле!.." "С такой раной, — говорит якут, — лучший человек уйдет 30 кось (300 верст), средний — 20, последний только 10 кось!" "Ты, вижу, молодец," — сказал тунгус и ушел. Он сделал 30 кось и умер. Испугался якут, собрал родных и говорит: "Двух лучших тунгусских бойцов я убил, советуйте, как быть? Не лучше ли самим вперед броситься на них?" Якуты посоветовали отправиться; собрали своих и пошли. Однако, придя к тунгусам, не воевали, а помирились и возвратились обратно. Когда возвращались, одаренные и довольные, встретили отряд русских, идущих по указаниям Сюрюк-касака. Сначала хотели напасть на них и побить, но русские надавали им много подарков: табаку, чаю, бус, и подговорили пойти вместе на тунгусов, побить их и ограбить. Якуты согласились. Рассказали русским, где живут тунгусы, где кочуют, кого среди них бояться, чего избегать. Мужчин тунгусов, воинов и молодежи не застали дома: все ушли на промысел. Нашли только женщин, детей да стариков.

Убивши многих, ушли с добычей. Возвращаясь, строили в ущельях, местах тесных (б о м-с и р) дома, укрепления, где ночевали. Тунгусы, возвратившись и найдя дома ограбленными, людей перебитыми, бросились в погоню. Увидя их издали, русские стреляли сверху и убивали многих. Тунгусам же вверх трудно было стрелять" (Намс. ул., 1892 г.).

Для нас совершенно безразлично, какие исторические факты составляют фабулу двух этих рассказов... Возможно даже, что они вымышлены, но они совершенно правильно рисуют эпоху и взаимные отношения действующих племен. Родовая месть и возникающие вследствие этого мелкие, родовые войны сослужили большую службу казакам при завоевании. Они ими ловко и охотно пользовались не только для усмирения, но и для грабежа. Это отмечено в исторических документах ¹⁾.

Тунгусы всегда отличались легкой воспламеняемостью и родовой страстностью. Благодаря этому, исчезали целые тунгусские племена и исчезала, мало-помалу, та живая опояска, которая заставляла якутов держаться вместе, преграждала им доступ к окраинам, охраняя горные проходы, уничтожая одинокие выселки.

Вслед за появлением русских, якуты толпами устремляются на окраины. Я просматривал податные списки 60-х годов XVII столетия: там сплошь и рядом встречаются пометки: "бежал в Жиганы", "бежал на Янгу", "ушел на Индигирку", "на Колыму", "отправился на Вилюю" ²⁾. Уходят и поодиночке, и целыми семьями, и даже родами, спасаясь с одной стороны, от притеснений, с другой, — пользуясь слабостью тунгусов, занятых войною с русскими.

На северные плоскогорья якуты проникли почти одновременно с русскими и отчасти в союзе с ними. Казаки в 1638 году, как мы это отметили выше, и Елисей Буза в 1639 году, находят якутов только в верхнем течении Яны ³⁾. По преданиям, они пришли туда, убегая от русских же (?) "Первый раз пришли, когда русские убили Тыгына (Дыгына) ⁴⁾, второй раз опять много пришло с юга якутов, убегая перед оспой" (Верхоян. ул., 1881 г.).

1) Смотри: Дополнение к истор. акт. Том II, стр. 231, 250.

2) Рукописные оригинальные свитки из Якутского архива. Собственность Иркутской Библиотеки В. Сибир. Отд. Геогр. Общ.

3) Фишер. Устное предание говорит, что это на реке Дуолгалох (Верхоянск, 1881 г.).

4) Вот предание, записанное мною на юге, о первых переселенцах в Верхоянск: "Когда войско Тыгына было разбито русскими, часть его убежала на север, вниз по Лене. Русские преследовали их. В местности К о м о к о н г Д у н г у р-г ы м м ы т х а р ы я, от Намской управы верст 40, на северо-западе, русские нагнали беглецов. Здесь выстроили амбар, куда запирали пленных. Когда русским понадобилось уйти дальше на север,

О борьбе переселенцев с Янскими тунгусами сохранилось много преданий. В одном из них описывается "Плоский боец" (Х а п т а г а й б а т ы р), т.е. такой, "что если боком встанет, так в самой середине всего три пальца толщины". От ребер до локтей у него были крылья. Скоростью и ловкостью никто не мог его превзойти. Он, вместе с товарищем С у о р д а (Воронец), удачно воевал с тунгусами, и те под конец признали его своим "господином" (т о ё н). Сын его Х о х о е-б а т ы р, еще более знаменитый и свирепый, который, "прежде чем огонь щелкает и уголь вылетает из пламени — трижды отвертывается от стрелы", был убит тун-

этот амбар с людьми они сожгли. Преследуя якутов, они везли с них дань. В местности, которая теперь зовется М а н г ы с (обжора), жил в это время витязь (м а р г а н или б я р г я н ь) А л ь ч а р д ы р. Русские встретили витязя недалеко от дома и, должно быть, у них произошел спор, они его тут и повесили. В первый раз витязь оборвался, а оборвавшись, стал просить, чтобы позволили ему перед смертью молвить слово. Русские отпустили петлю, и он сказал им: "Есть у меня четыре амбара: один полный черных лисиц, другой — красных, третий наполнен беличьими мехами, четвертый — заячьими. Все вам отдаю. Идите к моей старухе и скажите ей вот эти слова, по ним она вас узнает: "Иди на юг, к большому дереву, там на востоке от него стоят три мерзлые ели моей судьбы (несчастья). От них гибну... Ты их сруби... Затем возьми три мои пернатые стрелы и пусти, обнаженные, в горы Джангы..." Ну, русские, я кончил, можете меня убить..." Повесили Альчардыра, отрезали у него голень и послали вместе с Тыгыновым глазом царю. Сами пошли к старухе и говорят ей: "Мы нашли твоего мужа, умирающего в лесу, его медные кости мы схоронили, его серебряные кости мы почтили, вознесли на помост; за то он отказал нам перед смертью свои четыре амбара с добром; тебе же приказал сказать: пусть..." Тут повторили слово в слово, что говорил витязь. Догадалась жена, смолчала. Отдала амбары с мехами. Собрали они все вместе, увязали в тюки, а сами между тюками легли спать. Пришла ночью с топором жена Альчардыра, а топоры в это время были не такие широкие, как теперь, а узкие; и вот она, долбя им головы, точно долотом, убила всех спящих, кроме трех, которые проснулись и убежали. После этого взяла она трех своих сыновей, три пернатые стрелы Альчардыра и ушла в горы Джанги. От них и происходят Верхоянские якуты. Один остался там жить навсегда, а два другие брата, когда все утихло, возвратились назад, на старые места. От них происходят два рода Мангыс, так как сами они так прозывались за свою чрезмерную прожорливость" (Намск. ул. 1890 г.). Роды эти в настоящее время превратились в наследи и официально называются: Первый и Второй Быжагажинские. Нужно думать, что это эпизод из восстания Мамыка 1634 года или второго восстания Кангаласцев 1637 года. У Фишера сказано, что тогда многие якуты убежали через горы, окружающие якутский уезд, "чаятельно к реке Вилюю" и что "Галкин, гонясь за ними с 150 человеками семь дней, не мог их нагнать" (ibid., стр. 368).

гусами в сражении на Олорсобютской долине ¹⁾, по дороге на Индигирку, куда он ушел вместе с русским отрядом (Верхоян. Сборн., Худякова стр.61).

О появлении якутов в Колымском округе я там же, у них записал следующее предание: "Эта земля была раньше не наша, а ломутская (л о м у к, т у н г у с о м у к), и жило их здесь великое множество, должно быть... несколько тысяч. Говорили, что белая чайка, пролетая с юга к морю над дымом их костров, делалась черной. В то время край был богат пушным зверьем и всякой добычей: соболи во двор забегали и достаточно было пустить стрелу в глубину любого озера, чтобы она всплыла с рыбой. Хаживали в эту землю на промысел два брата-якута. Были они богатыри и много обид причиняли ломутам. Вздумали ломуты их убить. Братья прослышали и убежали; ломуты погнались за ними. Братья бежали, не отдыхая, и только через несколько сот верст решились прилечь. Уснули: вдруг, спросонку, слышит старший брат: кто-то кричит, открыл глаза, но не шевелится по обычаю; видит: кругом на вершинах деревьев сидят люди и наводят на них свои стрелы. "Здравствуйте!" — кричат. Он толкнул в бок спящего брата, сам вскочил, схватил оружие. Кругом столпились люди. Пригнулись богатыри, упершись концами копий в землю, и перепрыгнули через тех, что стояли на земле, и через тех, что сидели на деревьях. Ломуты погнались за убегающими витязями, пуская стрелы вдогонку; но братья бежали так быстро, что опережали стрелы. Однако ломуты не отставали, надеясь, что впереди река задержит братьев. Прибежали братья к реке, не остановились. Старший одним прыжком перескочил на другой берег, младший же поскользнулся одной ногой и упал. Заметил старший, что с левой стороны его нет брата, обернулся и увидел его в овраге реки, пробитого стрелами, умирающего. Тогда он закричал: "Товарищ мой, через три года принесу я гостинца: впереди буду гнать, а сзади вести... прощай!" И ушел. Ломуты убоялись его и оставили. Придя домой, витязь рассказал родственникам о случившемся; те решили соединиться с русскими и пойти воевать с ломутами. Они рассказали русским начальникам, какую они нашли богатую и обильную землю и какой народ. Собрался отряд якутов и русских и двинулись на северо-восток. В пятидесяти верстах отсюда (Андылах, почтовая станция по дороге в Средне-Колымск) есть большое озеро, а на берегу его высокий "камень" (скала). Место это называется Х а и р д а х. Говорят, некогда камень был се-

1) По реке Д о г д о, притоку Адычи, в горах Т а с-Х а н я х т а х, там, где теперь поварня "Убиенная" (Олорсобют).

рый, теперь он красный. На этом камне жили ломуты. Тут был их главный стан. Было их много, напасть открыто было опасно. Тогда русские построили плот, на середине поставили палатку, привязали белого коня, а впереди поставили пушку и поплыли к этому камню. Увидели ломуты вещи невиданные: белый дом и белого редкостного зверя. Вышли все, скучились, глаза протирают, уши поглаживают. Вдруг русские выстрелили и убили их добрую половину. Началась битва, но у тунгусов были только луки, а у русских ружья. Русские вышли на берег и стали убивать оставшихся. Из тунгусских воинов остался только один. Он вскочил в палатку, схватил оружие и говорит: "Мать, умирать надо!.. Одно яйцо где не гниет!.. Дай напиться". А у самого-то бок вырван, кровь льется ручьями, а сердце так и треплется наружу. "Лучше умри от моей руки, чем от руки русских!" — крикнула старуха, и в то время, как он пил воду, ударом ножа отрубила ему сердце. Сердце упало на землю, но богатырь еще успел выскочить и скончался за порогом палатки. Русские убили всех, кроме молодых женщин, которых они увели в плен... Вот от чего камни такие красные" (Колым. улус, 1883 г.)¹).

В Тас-Ханяхтахских горах мне указывали ущелье, которым будто бы прошел первый отряд казаков в Колымский округ. Отряд вел якут, впереди которого бежала собака (1883 г.). По одному из вариантов предания о Хаптагай-батыре, ему удалось проникнуть за Верхоянский хребет, разыскивая собаку. Эта подробность упорно повторяется в разных преданиях; она как бы указывает на якутские способы разведывания новых земель. Это все тот же древний, простой и естественный способ: охотники, молодые удалые воины, в поисках за счастьем и пушниной проникали далеко в горы, в тайгу, на другую сторону горных хребтов, осматривали местность и впоследствии своими рассказами подготавливали выселение сородичей и служили вожатыми²).

Так заселили якуты Верхоянский, Колымский, Олекминский и, пожалуй, Виллюйский улусы.

1) В этом рассказе название ломук, омук и тунгус постоянно перемежались и употреблялись, как синонимы.

2) В настоящее время существуют три дороги за внутренний хребет с южноякутского плоскогорья на северное: 1) почтовый Якутско-Верхоянский тракт, кратчайший путь, но чрезвычайно трудный и для рогатого скота прямо непроходимый, 2) купеческий — с устьев Алдана, 3) с устьев Амги к верховьям Индигирки (по-якутски Омёкон). Предание указывает только на два последних пути. При помощи последнего род Баягантайского улуса, живущий на Индигирке, до сих пор поддерживает связь со своей отдаленной метрополией.

На Оленек русские промышленники явились раньше якутов. Уже в 1636 году там промышленные русские люди охотились до того удачно, что "в Якутске за потребное признали послать туда кого-нибудь для сбора десятого соболя" ¹⁾.

Труднее определить время появления якутов на Ессейском озере. Между этим озером и Леной когда-то существовали очень оживленные сношения. По-видимому, много раньше до прихода русских, сюда, в известные времена года стекались многочисленные таборы самоедов, тунгусов, к ним приходили с торговыми целями якуты, незначительные колонии которых еще застали там моряки Полярной русской экспедиции в 18-м столетии ²⁾.

Говорящие по- якутски долгане, по типу помесь якутов и тунгусов, переселились, как говорят, из верховьев Хатанги к Норильским озерам и на Авамскую тундру после того, как знаменитый их богатырь С ю р ю к с ю г ä - т о ё н ³⁾ был побежден и взят в плен русскими.

О времени появления якутов в окрестностях Туруханска известно еще менее: по-видимому, с XVIII столетия количество их здесь быстро стало уменьшаться. Георги говорит, что по переписи 1750 г. их числилось "127 ясажных душ", а Миддендорф в 1843 г. нашел их всего 33 души обоюга пола ⁴⁾. У Ремезова самые западные стойбища якутов обозначены в верховьях Анабыры, на Енисее нигде у него якутов нет ⁵⁾.

По вопросам расселения следует, думаю, признать за положения несомненные, что якуты до пришествия русских занимали много меньшую территорию, что главная часть их кочевала по Амгинско-Ленскому плоскогорью и теперь гуще других населенному, что к эмиграции на окраины побуждали их не только иноземное нашествие, преследования, страх оспы, но что были и другие более глубокие причины, нужно думать, экономического характера, которые действовали и раньше и продолжают действовать и теперь, только эти причины получили полный простор

1) Фишер, *ibid.*, стр. 376.

2) Миддендорф, *ibid.*, ч. VI, стр. 700, Маак, *ibid.*, ч. II, стр. 118, Кривошапкин, "Енисейск. Окр." стр. 371, Третьяков, "Турух. Окр.", стр. 271.

3) Название это значит "Быстрый топор господин".

4) Миддендорф, *ibid.*, стр. 758.

5) Значение этого факта уменьшается, впрочем, в значительной степени тем обстоятельством, что на генеральной карте капитана Крузенштерна, изданной в 1813 году, якутов совсем даже не обозначено, а на том месте, где они живут, написано "тунгусы", и что до исследования Миддендорфа все считали долган тунгусами и даже потом некоторые ошибочно называли их язык "тунгусским". Кривошапкин, "Енисейский округ", стр. 33.

в момент завоевания. Это подтверждается все продолжающейся колонизацией окраин, как южных, так и северных, вплоть до наших дней, а также попытками якутов проникнуть туда до русских, следы чего сохранились в приведенных нами якутских преданиях.

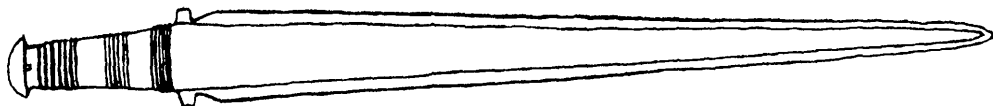

Рис. 20. Бронзовый меч, найденный в 150 вер. от Вилюйска на дне сплывшего озера.
($2\frac{1}{2}$; ф. веса, $\frac{1}{6}$ настоящей величины).

III. Физические особенности племени

Рис. 21.

асовые признаки якутов до сих пор ждут научного определения. По-видимому, якуты представляют помесь многих народов, даже рас. Уже в последнее время в местах их теперешнего пребывания сильный прилив монголо-маньчжурской крови, при посредстве тунгусов, и арийской — через русских, значительно повлиял на изменение их первоначального типа. Старинный обычай брать жен издали распределил это влияние более или менее на весь народ. Все-таки, внимательно присматриваясь к типам различных местностей, нетрудно отметить линии столкновения разных народностей и очаги их смешения. Вначале все лица кажутся одинаково темными, скуластыми, косоглазыми; фигуры, движения и позы — странными и удивительно схожими, почти тождественными ¹⁾. Только после некоторого навыка личные и племенные особенности всплывают настолько, что без труда удастся отличить даже относительно небольшую подмесь тунгусской, юкагирской или славянской крови.

1) Якуты, впервые столкнувшись с большим количеством русских, тоже затрудняются отличать их индивидуальные особенности. "Кто вас узнает, все вы бородатые", — жаловались они мне на свои ошибки.

Если встретится индивид с более, чем у окружающих, светлым цветом лица, с легким румянцем на щеках, с мягкими, немного выщипавшимися волосами, с растительностью, хотя бы жидковатую, на верхней губе и подбородке, если глаза у него светлые, блестящие, карие или зеленовато-серые, немного навывкате, с тонкими веками и густыми, не особенно длинными ресницами, если он крупный ростом, костистый и мясистый и икры и ягодицы у него толстые — то можно, наверное сказать, что в нем течет доля арийской крови. Даже присутствие одного из этих признаков говорит за русское происхождение субъекта. Этот смешанный тип встречается главным образом на юге, в окрестностях Якутска и в Олекминском округе. Здесь есть целые роды, называемые в память их происхождения "русскими родами" (н у ч а а г а - у с а). В Якутском округе нет почти улуса, где бы не было нескольких таких родов. Они образуются путем браков русских с якутками или женитьбой якутов на русских. Последние случаи более редки, но не исключительны. Миддендорф говорит о долганах с Хатанги, женатых на русских девушках; одна из них была дочерью священника. Я лично знаю много таких случаев. В 3-м Баягантайском наслеге один из тамошних князьков женат на дочери русского дьячка, а сын князя женат на дочери улусного писаря, русского; мать этой девушки — якутка, а отец — великоросс. В местности Абый богатый якут Степан Черемкин женился на русской уроженке города Якутска. Бедные русские девушки на юге Якутской области сплошь и рядом выходят замуж за богатых якутов. Еще чаще женятся русские на якутках и тунгусках, но такие случаи не так для нас интересны, так как тогда потомство, если оно законно, причисляется к русскому населению края. Примесь русской крови на юге всюду сильно дает себя чувствовать в типе якутов. Даже в глухих уголках, далеко от центров русского населения, встречаются сильно подчеркнутые, характерные особенности русских метисов. Они проникли туда всякими правыми и неправыми путями: любовными связями якутских женщин с проезжими купцами и чиновниками, романтическими похождениями уголовных поселенцев, высланных в глушь; возможно, что часто это отголоски былых казацких набегов, когда отряды победителей, облубовав "места", живали в них по нескольку лет, собирая ясак.

Рис 22. Якутка горожанка.

"В старину, бывало, пригонят казаки к себе в стан якутских баб и

девок и живут с ними, да не с одной, а с несколькими зараз. Забеременеет женщина, в наслег ее обратно... Вот как..." — рассказывал мне колымский казак Алексей Попов по прозвищу Трегубый¹⁾. Вообще, здешние русские отдают предпочтение любовницам-инородкам, уверяя, что они сладострастнее белых женщин. Особенно слынут за таковых тунгуски, как среди русских, так и якутов²⁾.

На севере, за внутренним хребтом, ближе к морю, где якутское население проникает долинами рек и речек далеко в горные страны, влияние тунгусской и юкагирской (монголо-маньчжурской) крови дает себя чувствовать более сильно. Долган, живущих подобно тунгусам и одевающихся по-тунгуски, многие считают тунгусами, хотя они говорят по-якутски и предания их ясно указывают на смешанное полуякутское происхождение. Юкагиры³⁾, когда-то густо населявшие низовья рек Яны, Индигирки и Колымы, исчезли, поглощенные якутами. То же самое случилось со многими тунгусскими родами. В Колымском улусе я встречал много семейств заведомо тунгусских, живущих по-якутски, сроднившихся и пережившихся с якутами. В Дюпсюнском и Баягантайском улусах, в северных их частях, примыкающих к южным отрогам Верхоянских гор, где до сих пор кочуют тунгусы, в голодные годы являются многочисленные тунгусские семьи, нанимаются в работники к якутам или живут на иждивении улуса. Такие семьи часто навсегда остаются среди якутов. В случае смерти взрослых осиротевших детей охотно разбирают зажиточные якуты в приемыши. То же происходит и в других местах, где

1) Казак этот — силач, ловкий боец, умелый наездник. Когда в 1882 г. вместе с другими 10 казаками он очутился в Казачьем (устье Яны), в экспедиции, имевшей некоторое подобие набега, то вспомнил, очевидно, "старину" и открыто зажил с двумя якутскими женщинами. Они ночевали втроем на одной постели, причем казак хвалил обеих женщин за отсутствие ревности и говорил, что обеих любит одинаково (Усть-Янский улус, Казачье, 1882).

2) На Анюйской ярмарке, в Колымском округе, проституцией занимаются по преимуществу тунгусские женщины: им отдают предпочтение.

3) В старинных казацких отписках всю Янскую долину зовут "юкагирской землей". В глубине ее я и теперь еще находил следы юкагиров; по дороге из Усть-Янска в Верхоянск (1882) южнее Бытантая я встречал местности, которым давали прозвища "юкагирских речек" (ю к а г и р ю р я к), "юкагирских падей" (ю к а г и р а л а с), где теперь нет и помину о юкагирах. Северное сияние якуты зовут "юкагирским огнем", а некоторые Полярную звезду зовут "юкагирской". Юкагиры, надо полагать, занимались искони рыболовством. Наружностью, хватками, характером они сильно напоминают тунгусов, только какие-то они приниженные, льстивые и жалкие. Это — податливое, мягкое племя, со слабыми национальными инстинктами. В низовьях Колымы они совершенно обрусели; кочующие с чукчами превратились в чукчей, а на западе, по Яне

по соседству живут тунгусы и якуты. "Многие тунгусы в Вилюйском округе объякутились, и у некоторых есть даже многочисленные стада рогатого скота... Большинство говорит по-якутски, и мало кто среди них знает свой родной язык..." — замечает по этому поводу Маак ¹⁾. В Олекминском округе ежегодно, зимою, тунгусы приходят в якутские селения и живут там самые холодные месяцы совместно с якутами, в тех же юртах.

"Приезжают в начале поста, а уезжают в конце масленицы. Привозят хозяевам, у которых живут, подарки: меха, орехи, беличье и медвежье мясо. Покупают у якутов: кобылье мясо, хаяк, муку; все это очень любят. Тогда бывает весело. Каждый день песни и пляска. Тунгусы любят веселье, даже взрослые, все равно что маленькие дети, переговариваются с якутами песнями. А после танцев разно бывает..." — рассказывала мне якутка, долго жившая в Олекминском округе (Нам. ул., 1887 г.).

Майские (приток Алдана) тунгусы, как это видно из путевых заметок генерала Светлицкого, тоже отчасти объякутились и даже занимаются скотоводством и земледелием ²⁾. Северные якуты, где помесь с тунгусами более значительна, свежа и не заглушена приливом русской крови, отличаются от южных меньшим ростом, большей худощавостью, большей плоскостью и скуластостью лица, меньшим размером глаз и более косым их разрезом. Форма их черепа, по-видимому, тоже другая. Бровные дуги резче обозначены, и лоб более покат назад, не так гладок и к вискам пократист, как у якутов юга. Конечно, и среди них встречаются семьи и даже целые роды, совершенно схожие с южными якутами, но монголо-маньчжурская помесь преобладает.

Для удобства сравнения приведу вначале описание наружности тунгусских племен, так сильно повлиявших на якутский тип.

Тунгусы и юкагиры, те по крайней мере, которых я мог наблюдать, все были короткоголовые. Лоб у них широкий, но низкий, бугристый и сильно покатым назад. Бровные дуги сильно развиты, на них жидкие, высоко на лбу, приподнятые брови, расположенные далеко друг от друга и от глазной щели. Глазная впадина мелкая, глазная щель узкая и прорезана немного вкось, ресницы редкие. Скулы широкие и выдающиеся

и Лене, они слились с якутами. В Устьянском улусе, на берегу моря, я встречал семьи, по преданию, юкагирские, но уже ничем, кроме внешности, не отличавшиеся от якутских. Язык их, по уверению якутов сильно разнящийся с тунгусским, исчез; старики, знающие по-юкагирски, наперечет на всем побережье Ледовитого океана. Национальный костюм, тоже отличный и своеобразный, забыт. Только разбогатевшие на службе у чукчей к а х н г а и изредка к нему возвращаются.

1) "Вилюйский округ", ч. III, с. 38.

2) "Отчет о поездке в Аян в 1886 г." (рукопись).

вперед. Переносица низкая и широкая, нос небольшой, плоский, с толстыми малоподвижными ноздрями. Отверстие ноздрей, продолговатое, с поперечным направлением большой оси, делает нос еще более плоским. Он кажется вместе с тем вздернутым так, что отверстия его видны почти целиком при взгляде в лицо. Рот сомкнутый, подбородок небольшой, острый и характерные, многоугольные "тунгусские" уши с маленькой мочкой. Глаза у молодых до того темные, что радужная оболочка сливается со зрачком; у стариков они немного выпуклы. Блеск глаз обыкновенно тусклый, матовый, разгорается только в минуты сильного возбуждения¹⁾. Черные, жесткие, прямые волосы, даже длинные, не вихряются, а ложатся прядями. Цвет кожи светло-шоколадный, с просвечивающим на щеках румянцем. Но я видел тунгусов, холеных с детства, живущих в русских семьях, в деревянных домах, и у них цвет лица был почти белый, с приятной смуглостью и нежным румянцем. Тунгусы невысокого роста, 59 — 60^{1/2}, худощавы, тонкокостны²⁾. Руки и ноги у них маленькие; мышцы рук и ног продолговатые, подвижные и довольно твердые, никогда не отличаются большими размерами. Шея тонкая, живот втянут, грудная клетка объемистая и высокая. У женщин груди малые, конические; у девушек очень малые, почти мужские, у замужних и пожилых сильно отвисшие. Таз у женщин очень узок, мужской. Ягодицы и икры и у мужчин и у женщин совсем малые. Трудно отличить тунгуса-мужчину от женщины, когда они одинаково одеты, что у бедняков часто случается. Женщины немного только ниже мужчин и нежнее сложением. Движения тунгусов легки, часто грациозны, всегда порывисты. Впрочем, эта порывистость, почти судорожность движений, значительно сглаживается с переменой образа жизни и платья. Оседлые тунгусы-скотоводы в просторных якутских с о н а х (кафтанах) двигаются так же солидно, как и якуты; наоборот: занимающиеся охотой вместе с тунгусами якуты, в легких тунгусских костюмах в обтяжку, усваивают до некоторой степени порывистость и урывчатость тунгусских движений. Только якуты не так грациозны и легки, как природные тунгусы.

Помесь с якутами смягчает вышеуказанные черты. Одно странно, что, если чисто тунгусская или чисто якутская физиономия отличается благообразием, иногда даже привлекательностью, помесь обеих по большей части до крайности безобразна.

1) Раз я видел, как тунгус, оскорбленный якутом, схватился за нож; глаза его вспыхнули хищным, фосфорическим, истинно волчьим огнем. Думаю, что ни русские, ни якутские глаза не способны так вспыхнуть.

2) Среди тунгусов я видел всего одного зажиточного купца, довольно полного и даже как будто склонного к ожирению.

Рис. 23. Девочка 9 лет
из бедной семьи
(с фотогр.)

Якуты ¹⁾ростом 63^{//} — 64^{//} занимают середину между здешними русскими (67^{//}) и тунгусами. Кости их толще, мышцы объемистее тунгусских. При хорошем питании они обнаруживают склонность к ожирению. Грудная клетка объемистая, хотя не столько широкая, сколько высокая; живот у бедняков, питающихся неправильно, притом скверной пищей (сосновой заболонью, падалью, гнилой рыбой и т.п.), очень объемист и уродлив, сильно выдается вперед. Но это безусловно последствие дурной пищи, с улучшением ее живот даже у индивидуумов, с детства изуродованных нуждой, принимает обычные размеры. Руки длинные и тонкие, ноги короткие, кривые, татарские. Таз узкий, ягодицы маленькие. Как у тунгусов, так и у якутов поражает чрезвычайно слабое развитие, почти отсутствие икр. Ступня маленькая, хотя больше, чем у тунгусов, с высоким округленным подъемом. Большой палец, по-видимому, помещен ближе к пятке, чем у европейцев. Ступают они тоже немного иначе: выворачивая носки скорее внутрь, чем наружу. Рука, особенно у женщин, маленькая, кисть тонкая и посажена изящно, но в расположении и в форме пальцев настолько отлична от европейской, что, не видя собственника, по руке можно узнать, кто он, даже при одинаковой закруглости или нежности обеих. Главным образом это характеризуется положением большого пальца, более близкого к посадке других пальцев, так что обхват якутской руки меньше обхвата русской; затем — формой пальцев, коротких и всюду одинаково толстых. Грудь женщин небольшая, полукруглая. Шея вообще тонкая и короткая, с небольшим адамовым яблоком; голова у многих до того странно посажена, что шея кажется тоньше у плеч, чем у головы. Голова небольшая, круглая, почти шаровидная. Якуты — среднеголовые. У некоторых затылочная кость сильно развита и образует бугор ²⁾. Лицевая часть головы имеет сильный перевес над черепной. Лоб гладкий, невысокий, но довольно широкий. Виски выпуклые, надбровные дуги мало заметны. Глазная впадина глубже тунгусской: брови не особенно густые, редко очер-

пейской, что, не видя собственника, по руке можно узнать, кто он, даже при одинаковой закруглости или нежности обеих. Главным образом это характеризуется положением большого пальца, более близкого к посадке других пальцев, так что обхват якутской руки меньше обхвата русской; затем — формой пальцев, коротких и всюду одинаково толстых. Грудь женщин небольшая, полукруглая. Шея вообще тонкая и короткая, с небольшим адамовым яблоком; голова у многих до того странно посажена, что шея кажется тоньше у плеч, чем у головы. Голова небольшая, круглая, почти шаровидная. Якуты — среднеголовые. У некоторых затылочная кость сильно развита и образует бугор ²⁾. Лицевая часть головы имеет сильный перевес над черепной. Лоб гладкий, невысокий, но довольно широкий. Виски выпуклые, надбровные дуги мало заметны. Глазная впадина глубже тунгусской: брови не особенно густые, редко очер-

1) В этом описании я брал в соображение только тех лиц, в самом отдаленном происхождении которых, насколько мог узнать, не участвовали ни русские, ни тунгусы.

2) По мнению якутов, люди с такой особенностью отличаются даровитостью.

чены дугообразно, чаще состоят как бы из двух частей, образующих неправильную кривую. Черные, довольно большие, продолговатые глаза прорезаны прямо; только наружные, височные углы век сходятся под очень острым углом, что, по меткому выражению Миддендорфа, делает их "как бы спитыми". Веки толстые, большие, нередко с длинными, изящно выгнутыми густыми ресницами. Переносица широкая, низкая, но в меньшей степени, чем у тунгусов. Нос длинный, толстый, округлый, нередко с горбинкой. Ноздри толстые, раздутые, неподвижные. Площадь их направления такая же, как у тунгусов, но отверстия круглые. Рот

Рис. 24. Богатые якуты с Амгинско-Ленского плоскогорья (с фотогр.)

большой, но губы не особенно толстые и иногда красиво очерченные. Зубы желтые, крупные, слегка прогнатичны. Верхняя губа больше нижней. Подбородок небольшой и покатым назад. Скулы умеренные. Цвет

лица однородный смуглый, изжелта-серый или бронзовый¹⁾. Есть, впрочем, лица совершенно желтые, как латунь, но есть и светлые, не более смуглые, чем у брюнетов кавказской расы. Волосы черные, жесткие, прямые; на лице растительности почти нет. Главная характерная черта якутского лица — это непропорциональное развитие средней лицевой части в ущерб лбу и подбородку. Это делает и нос длинным, и все лицо заметно удлинняет. У женщин и молодых мужчин овал лица нередко очень изящный. С годами развитие скул становится заметнее.

Это беглое описание далеко не обнимает всех встречающихся разновидностей. По наружности правильнее было бы разделить якутов на три крупные группы: 1) группа с явными следами примеси русской крови; 2) группа монголоидная, ближе всего стоящая к тунгусам, и 3) собственно тюркская, якутская группа, сходство которой с индейцами Северной Америки уже в свое время отметил Миддендорф.

Последняя группа — горбоносая, с приятным овалом лица, тонкими яркими губами и черными большими блестящими глазами; представители ее рассеяны всюду и местами образуют сплошные колонии, роды и наслеги. Таков, насколько помню, род М я т и с ь по Алазею, в Колымском улусе; часть Ю с а л ь (Д ж у с а л) по Дуолголаху, в Верхоянском улусе и якуты многих родов Батурусского и Намского улусов²⁾. Группа эта в сравнении с двумя другими малочисленна и, видимо, исчезает, растворяясь в двух других.

На Вилюе самое чистое якутское население сохранилось в Сунтарском улусе, а самые характерные его типы — в состоятельных семьях, выбирающих себе жен исключительно между дочерьми подобных себе богачей³⁾. Я должен добавить, что идеал физической красоты якутов, как мужской, так и женский, совпадает с внешним видом именно этого горбоносого типа.

1) Попадают особы с пестрой или полосатой кожей, с резко разграниченными более светлыми и более темными местами. Чаще всего эти пятна, разнообразной величины и формы, обнаруживаются на лице. При этом бывают иногда пряди русых волос среди совершенно черной шевелюры. Это следы помеси с русскими, по крайней мере в тех случаях, которые мне удалось проверить.

2) В этом отношении меня особенно поразила Первый Бётюнский наслег, Намского улуса, где как на подбор все знакомые мне лица принадлежат к описываемому мною горбоносому типу с сухой, красивой головой, называемой по-якутски л я к а р и с ь. Старики очень похожи на старых бритых немцев-колонистов. Я заметил также, что если не более высокий рост, то по крайней мере большая стройность сложения присуща этому типу.

3) Маак, *ibid.*, ч. III, с. 83.

Тип этот, несмотря на свою малочисленность, очень живуч. Я находил его возрождавшимся в отдельных особях в местностях, казалось окончательно наводненных монголо-маньчжурской и всякой другой подмесью; я встречал его даже в смешанных семьях, от родителей совершен-

Рис. 25. Девушки с Амгинско-Ленского плоскогорья (с фотогр.).

но другого склада. Так, на Андылахе (Колымский улус, Кангал. наслег) семья Слепцовых состояла из отца, Матвея, плотного старика с широким красным лицом и вьющимися седыми волосами, носившего, как весь род Слепцовых, явные следы русского происхождения, матери — безобразной плосколицей, скуластой старухи, типичной тунгусо-якутской метиски, младшего сына, Уйбанчика, который вышел в отца: красный, толстый, курчавый, и старшего сына, Кохоргоса, невысокого, стройного, сухопарого юноши с бронзово-матовым цветом лица, считавшегося красавцем во всем околотке и представлявшего образец горбоносого типа. На него немного походила сестра, самый младший член семьи, только к ней перешел от отца легкий румянец на щеках и большая белизна кожи.

Кроме русской и тунгусской, современных и доступных наблюдению расовых помесей, есть среди якутского народа много случайных, более древних, о которых можно догадываться только по преданиям и тем удивительным отклонениям от общего типа, которые выделил и определил Миддендорф: "Насколько они в прежние столетия, вследствие соприкосновения с бурятами, подверглись примеси бурятской крови — это трудно сказать, но даже между долганами я встретил две-три чисто бурятские физиономии; отметив себе незнакомые мне особенности этих лиц, я отложил заметки свои в сторону, пока наконец поездка моя по бурятским степям разъяснила мне давнишнюю мою загадку" ¹⁾. "Что такая подмесь продолжалась уже несколько столетий сряду, об этом еще убедительнее свидетельствует якутский язык, как это подробно доказал и убедительно подтвердил академик Ботлинг в третьем томе немецкого издания", — говорит он дальше по этому поводу.

Где, однако, происходило это смешение с бурято-монголами, следы которого остались и в языке и во внешности якутов, судить трудно. Возможно, что оно происходило в то время, когда последние жили на юге, но возможно также, что оно совершилось позже и занесено сюда, на север, эмиграцией бурят из Забайкалья. У якутов есть предания о народе х о р о, пришедшем с юга и отличающемся от якутов. О них Худяков сообщает, что "х о р о — собственное имя, значит также: перелетная птица, юг, южный; х о р о л л о р — множественное число от хоро". Он приводит там же одно предание о х о р о — прародителях якутов, живших будто бы некогда в

Рис. 26. Молодая женщина с Амгинско-Ленского плоскогорья, общепризнанная красавица (с фотогр.).

1) Миддендорф, ч. II, отд. IV, с. 766.

Эгинском наслеге Верхоянского улуса, в 30 верстах ниже "к морю" от устья реки Бынтай. Жили в одном доме, и было их всего "с детьми и женами" семнадцать человек" (Верхоянск, Х у д я к о в, сборн., с. 54)¹).

В о л о н г о (былинах) не раз упоминается о х о р о. В былине "К ё н ь ч ё-Б о г о" говорится, что у северных ворот стоит "Звучный Звон-богатырь с хоролорским языком". В былине "Старуха со стариком" враждебный герою злой дух называет себя: Х о р о-Д ы б ы р д а н — богатырь со стремями из девяти пуговиц. Есть конь Х о р о-Т ы б е н. До сих пор сохранилось выражение: "Не по-хоролорски тебе говорю, а по-якутски", в значении: "говорю понятно" (Намский ул., 1891 г.). Есть у якутов роды и целые наслеги, сохранившие до последнего времени прозвище Х о р о; таков, например, Х о р о Ё д е й, известный официально как 2-й Одейский, Намского улуса, наслег Х о р о Западно-Кангалаского улуса. Есть озеро Х о р в Сунтарском улусе²).

1) По-видимому, в перевод вкралась ошибка. По смыслу его можно думать, что якуты происходят от х о р о. Привожу тюркский текст саги, где о происхождении якутов от х о р о ничего не говорится: Я н г я г я, Б ы т ы н т а й т ё р ь д е к и р я р и н ал л а р а ё т т ю г я р, ю с ь к ё с а л л а р а, х о р о л л о р, д е н ь д ж о н б а л л а р а ю с ю т ё р ю д ь с а х а, с а х а т ё р ь д е д ж о н... (транскрипция рукописи). Полагаю, что нужно переводить: "На Яне, у впадения Бынтая, ниже на той его стороне, тридцать верст ниже, говорят, будто был хоролорский народ, природный якутский, якутского происхождения (тёрдё) народ..." По-якутски "прародители" — э б ю г е. Яна по-якутски — Н я н г а, Я н г а, Д ж я н г а; название это главным образом употребляется в среднем ее течении; вероятно, поэтому находящиеся там наслеги зовут Я н г а — я н г я л я р к и с и (множ. число) — "люди Янгя"; официально это 1-й и 2-й Эгинские наслеги. Сомнительно, чтобы река эта позаимствовала название у рода; Яна всюду среди якутов, даже не подозревающих о существовании родов Я н г а, слывет под этим именем, которое, должно быть, тунгусского происхождения и значит: "голые сопки, высокая обнаженная тундра" (М а а к, Ibid., ч. II, с. 124). Родов Я н г а нет в южных улусах.

2) В этих былинах встречается масса бурятских слов, преимущественно прозвищ героев вроде: О л о н-Д о л о н — семь-много, С ю г а-б ё г ё — змей-силач, А л ы н — великан, Х о с у н — боец, Д а б а н — подъем и т.п. Если допустить, что якутские х о р о суть буряты, то отметим, что, по Риттеру, х о р и н с к и е буряты, кочующие к югу от Байкала по рекам Уде, Хилке и за Ингодою до самого Онона, составляли самую многочисленную часть этого народа. В 1821 г. их, кочующих только на Уде, насчитывали до 23 000 душ (Р и т т е р. Землеведение Азии, т. V, с. 150). О них, конечно, говорит Спафарий, описывая свое путешествие в верховьях Уды: "Стан 11-й, ноября в 17-й день, ехали только через небольшие хребты, приехали к реке Погромной, а Погромной она потому слывет, что по той реке громили мунгалов, неясчных людей, в прошлом, 183 году (1675 г.) даурские казаки: нерчинские да из Албазинского острога, а те Мунгульцы слывет Тобунуты (по-бурятски "род" — табин), которые обиды чинили государевым

Полагаю уместным перечислить здесь все известные якутам названия народов и разобрать, насколько каждый из них мог влиять на изменение якутского типа. О влиянии тунгусов и русских я уже говорил, остается привести названия остальных и определить приблизительную древность этих названий. Затем рассмотрим взгляд якутов на внешность этих народов с точки зрения, важной для скрещивания, именно: привлекательности, отвращения, уважения и презрения. Всех чужестранцев вообще якуты называют о м у к; этим же именем они зовут специально тунгусов и родственные им бродячие охотничьи племена юкагиров. Название это древнее. Среди тунгусов они отличают прежде всего две группы: морских б а й к а л-о м у к и горных т а с-о м у к. Первых они считают неуклюжим, худосочным, бездарным, хитрым, лживым, презренным племенем; вторых — диким и неразвитым, но гордым, правдивым и привлекательным народом. Есть, впрочем, у якутов шутки и поговорки, указывающие на отвращение якутских женщин к тунгусам-мужчинам. Наоборот, женщин-тунгусок якуты охотно берут в жены и считают их красивыми. Горные тунгусы действительно статнее и удалее морских, под которыми нужно главным образом разуместь юкагиров. Влияние горных тунгусов было значительно сильнее на якутов; линия соприкосновения обоих народов значительно обширнее и знакомство их древнее, чем с юкагирами. Среди тунгусов-горцев якуты отличают две ветви — л а м а н х а и л ё л ь ё л ь, — схожих по внешности и обычаям, но говорящих будто бы на разных наречиях. Каждая из двух

людям многие, а было их с три тысячи, и кочевали подле Уды, и после погрома разбежались далеко, и ныне кочуют они по Онону-реке в степи, от речки 45 верст..." (Путешествие Н. Спафария через Сибирь, в 1675 г., с. 137). Верховье Уды близко подходит к верховьям речек, текущих в Витим. Вот что об этой местности пишет Риттер: "Вся эта страна, простирающаяся немного южнее равномерно-возвышенной, холодной, болотистой Витимской степи и находящаяся в непрерывной связи с последнею, обилует здесь хорошим черноземом. Все поименованные нами выше воды (Еравия, Харатором, Догно) текут в Витим, следовательно, принадлежат к речной системе Лены. Совершенно близко к ним берут начало верховые ручьи Уды; на одном из них стоит станция — Удинские вершины" (Ibid, с. 174). Возможно, что по этой реке когда-нибудь часть хоринцев пробралась в Якутскую область и занесла туда свой язык и свое имя, а также и те многочисленные монгольские предания, поверья и сказки, следы которых находим у якутов. Считаю нелишним отметить, что характер долины Витима таков, что если по ней совершилась эмиграция предполагаемых х о р о л о в, то навряд ли они могли пройти здесь в большом количестве и привести многочисленные стада. На среднем Витиме мало сенокосных мест и лугов, хотя путь по этой реке и признан лучшим, чем по которой-либо из двух ее соседок: Алдану и Олекме. Только по Витиму удалось золотопромышленникам прогнать из Забайкалья несколько более крупных гуртов скота (К р о п о т к и н).

ветвей заключает в себе роды с особыми названиями. По словам якутов, такие же ветви есть и среди "морских" тунгусов. Мне назвали только одну: *к а н г х а й*, небольшой народец, кочующий вместе с чукчами в низовьях Индигирки и Колымы. По внешности они похожи на юкагиров. Якуты их не любят, и я не знаю случая женитьбы на *к а н г а й*. Остальных приморских тунгусов якуты зовут то просто *о м у к*, то *ю к а г и р*. Оба эти названия общеизвестны; названия племен и родов знают немногие.

Рис. 27. Старуха 50 лет и девочка 15 лет.
Окрестности г. Якутска (с фотогр.).

Русских якуты зовут *н у ч ч а*, *у ч ч а*, *л у ч ч а*, смотря по местности. Мне говорили, что в старину название *л у ч ч а* было самое распространенное. Слово это позаимствовано якутами у тунгусов. Юраки и самоеды зовут русских *л ю с е*; некогда китайцы, монголы, буряты, наконец, многие южные и западные сибирские инородцы все звали русских *л о ч а*. Слово это по-якутски лишено значения, но по-тунгусски оно значит "чучело", "пугало", "урод". Что русские, особенно вначале, казались уродами якутам — это доказывают описания дьявола в якутских сказках, где он всегда схож с русским. Повидимому, им особенно были противны именно типичные черты арийцев: длинный нос, борода, впалость глаз. И теперь еще якуты относятся с отвращением к этим

признакам. "Носатый, волосатый, с ледяными глазами туда и сюда", — говорят они брезгливо. Белизна кожи, если она не переходит в красноту, им нравится; о темных своих сородичах говорят: "Краснорожий, точно медный котел". *М а г а н* — белый, значит то же, что красивый; *Н ю р у л а н* — светлолицая, нарицательное имя сказочных красавиц. Русые, золотистые волосы тоже очень нравятся якутам, но они терпеть не могут рыжих. Голубые, светлые глаза насмешливо называют: *м у с - х а р а к* (ледяные глаза); теперь якутам начинают все больше и больше нравиться светлые волосы и глаза с отчетливо обозначенным зрачком; я не раз слышал восхищение якутских женщин по поводу синих или голубых глаз и светло-русых волос. Растительность на лице все еще вызывает насмешки и отвращение среди простолюдинов, и только богатые, обрусевшие

якуты изредка осмеливаются отпускать усы и небольшие бородки или баки.

Впрочем, якуты по природе отличаются отсутствием волос не только на лице, где они их старательно выщипывают, но и на всем теле: под мышкой, на груди, в паху... Наличие у них бороды и усов можно считать за признак скрещивания. В русских нравится якутам рост и дородность, но только в том случае, если они не переходят средней нормы. Широкий таз женщин и высокая грудь считаются некрасивыми, даже зазорными¹⁾.

Вместе с тем якутам не нравится и сильное уклонение к монгольскому, скуластому, плосконосому типу, и в настоящий момент русский идеал красоты, несомненно, берет перевес. Господство русских как завоевателей, физическое и умственное их превосходство, признанное развитыми якутами, располагают туземцев к скрещиванию и влияют на их эстетические понятия. Помесь чистого якутского горбоносого типа с русским дает довольно миловидные лица. К н у ч ч а якуты причисляют всех европейцев, хотя уже знают названия некоторых народностей: б е л я к (поляк), п р е н ь ц у с (француз), н е м е ц (немец), а м е р и к а н (американец), к о к о л (хохол-малоросс). За исключением поляков и хохлов, которые попадали сюда как поселенцы, остальные народы знакомы им только понаслышке. Евреев, которых довольно много в г. Якутске и которые разъезжают, торгуя по улусам, якуты зовут с и д. Цыган, татар, черкесов, киргизов отличают от русских, считают за своих собратьев по крови, но называют их русскими именами. Якутские женщины боятся их и избегают ввиду буйного нрава и дурной славы. Смешиванию с ними якутов мешает, кроме того, разница вероисповедания.

Из туземных соседей якуты знают чукчей, коряков, камчадалов. С двумя первыми народами находятся в частом общении, особенно с чукчами, с которыми ведут оживленную торговлю; но я не слыхал о браках между якутами и чукчами, а спрошенные по этому поводу пограничные якуты презрительно выражались: "Разве человек может с таким зверем жить?" (Колымский улус, 1884 г.). Тем не менее в местности Енҕжа, куда ежегодно приезжают чукчи зимою и где они кочуют в продолжение нескольких месяцев, я видел парня, незаконного сына бедной якутки, складом лица и тела до того напоминающего чукчу, что окружающие даже дали ему прозвище Ч у к ч а. О незаконных и временных связях якуток с чукчами я не слыхал, их стыдятся и усиленно скрывают, но свя-

1) Помню, как одна девушка в Колымском округе стыдилась и старалась уменьшить путем крепкого затягивания платья этот свой недостаток; парни постоянно смеялись и издевались над ней, хотя в наших деревнях грудь ее считалась бы совсем умеренной (Колым. ул., 1883 г.).

зи чукчанок с якутами довольно часты. О камчадалах якуты знают только понаслышке и зовут их к а м ч а к-к и с и (камчатские люди). Понаслышке также знают о китайцах и бурятах. Первых зовут к ы т а й ¹⁾, вторых — б р а т с к а й; считают их за своих сородичей и, увидевши китайца, члена американской полярной экспедиции Делонга, утверждали, что это "якут" (Верхоянский улус, 1882 г.). О китайцах знают, что они живут далеко на юге; их государство часто описывается в сказках, а верховный владыка их зовется Б о г д о-х а н в отличие от Ы р а х т а или Ю р ю н з ы р а х т а, русский, или белый, царь.

О монголах имеют очень смутное представление; имя М о г о л встречается только в сказках, былинах и преданиях. В большинстве случаев отвечают незнанием на вопрос о значении этого слова; иногда говорят, что "есть, мол, такой народ на юге" (Намский улус, 1891 г.). Остяков и самоедов отличают только ближайшие их соседи — туруханские якуты; вообще же они известны под общим именем о м у к (иноземец). Якутов и долганов самоеды и остяки зовут по-русски: я к у т ы, д о л г а н е. Название д о л г а н, по мнению Миддендорфа, занесено якутскими переселенцами с востока, с берегов Лены ²⁾.

Перехожу к описанию менее *устойчивых* физических черт, в значительной степени зависящих от упражнения, питания и других культурных условий.

Мышечной силой якуты не отличаются; человек, способный поднять 10 — 12 пудов, считается среди них силачом; обыкновенно они поднимают от 5 до 6 пудов. На одной свадьбе, в Колымском улусе, где собралось до 100 человек, оказалось: мужчин, способных поднять трех человек зараз (немного больше 12 пудов), всего трое; способных поднять 4 стегна мяса (15 пудов) — только двое; способных поднять пуд вытянутой рукою — только один человек. Ноги у якутов, по-видимому, крепче рук и спины; в борьбе они предпочитают бить ногами и лягаться, чем сжимать руками и гнуть к земле противника. Бегают и прыгают они прекрасно. Они сильнее тунгусов, но не так ловки. Всякого рода борьба и проба силы очень нравятся якутской молодежи. В путешествиях и на охоте выносливостью они уступают только тунгусам, но к продолжительному и однообразному напряжению привыкают с трудом. На приисках их не принимают на земляные работы, на которых они быстро истощаются. Усиленные земледельческие работы в поле они переносят тоже много труднее русских.

1) К ы т а и-К ы т а и д а — так называли уйгуры какой-то тунгусский народ (Radloff, "Die Alt Turk. Inschrift", p. 110).

2) Ibid., ч. II, отд. VI, с. 664.

В движениях якуты медленны и тяжеловаты. Мышцы их лишены того вечного трепета, постоянной готовности перейти в сложное и быстрое движение, какие присущи тунгусам; вместе с тем у них нет отчетливости в движениях, свойственной европейцам. Жестикауляция их небогата, хотя они употребляют ее чаще русских. Мышцы лица совсем малоподвижны; нужен большой навык, чтобы по слабым сокращениям их научиться читать более тонкие душевные движения якутов. Особенно слабо отражают они угнетающие эмоции: испуг, гнев, страдание; лицо принимает только более тупое, бессмысленное выражение. Веселье и вообще приятные ощущения они выражают довольно шумно, но вообще они скрытнее и сдержаннее тунгусов и даже многих русских. Образцом поведения считается солидность в движениях и обстоятельность в речи. Степень чувствительности кожи и впечатлительности к боли при порезе, ожоге и пр. у них, нужно думать, не слабее, чем у русских¹⁾. Из органов лучше других развит орган слуха, затем зрения, вкуса и обоняния.

Глухих и глухонемых среди них мало, хотя и встречаются. Слышат они вообще прекрасно и различают даже слабые звуки на очень большом расстоянии. Зимой различают голоса, топот лошади и скрип саней за несколько верст. "Есть воры, которые слышат летом за пять, а зимой за восемь верст. Вору ухо больше нужно, чем глаз..." — поучали меня якуты Баягантайского улуса (1884 г.). Говорят якуты больше тенором, женщины — сопрано, встречается и баритон, но баса я у якутов не слышал. Видят они не менее хорошо, чем слышат. Все знакомые мне якуты дальнорукие; близоруких я встретил всего одного. У некоторых глаза были настолько телескопические, что не в состоянии были различать рисунков и мелкой резьбы по серебру, между тем прекрасно видели вдали. Один якут возвратил мне серебряный резной перстень грубой работы, говоря: "Это хорошо для русских, я ничего не вижу: чересчур мелко!.." Этот же самый якут отличал отдельные звезды в созвездии Плеяд (ю р г ä л ь) и уверял, что "их много, но больших только семь" (Колымский улус, 1883 г.). Впрочем, свойства эти, по всей вероятности, в значительной мере зависят от упражнения. Якуты севера, занимающиеся рыбной ловлей и звериным промыслом, проводящие большую часть времени в тайге, где постоянно приходится вглядываться в даль, — все вначале с большим трудом разби-

1) Так по крайней мере утверждал знакомый мне земский врач, которому не раз приходилось вскрывать нарывы и перевязывать раны у русских и у якутов... "Или они чувствительнее, или они боязливее и несдержаннее. Они стонут и кричат от всякого пустяка, когда наш мужик постыдился бы даже кряхтеть..." (Верхоаянский улус, 1881 г.). Я же лично наблюдал у якутов примеры замечательной деревянности и равнодушия к боли.

рали мои рисунки и прямо не понимали их; впоследствии многие из них привыкли к ним, применились и с наслаждением рассматривали в книгах политипажи и узнавали свои собственные портреты в моем альбоме ¹⁾. На юге и в городах якуты не только свободно отличают мелкие узоры, но, случается, и сами недурно рисуют, режут и чеканят. Без особых усилий они привыкают бегло читать и прекрасно пишут. Почерк большинства ровный, твердый и красивый. Значительно труднее для них выучиться различать цвета. Особенно путают они голубые, синие, фиолетовые и зеленые. Даже интеллигентные якуты смешивают их оттенки. Для всей этой группы цветов у них есть одно общее название — к ю о х; и хотя глаз их уже научается отличать зеленый от голубого и синего, но язык еще не выработал особого для него названия; фиолетовый все еще им не дается ²⁾.

Относительно вкусовых ощущений могу сказать только, что пресный вкус они предпочитают всем другим, потом слабо кислый. Сахар любят, но сильно сладких вещей много есть не могут. Даже дети якутские не могли съесть больше двух ломтиков дыни или арбуза: их тошнило (Намский улус, 1890 г.). Соль охотно подмешивают в пищу, но в небольшом количестве; соленость европейских блюд уже им неприятна. Острых, кислых, горьких, пряных приправ не выносят. Словами выражают следующие вкусовые ощущения: 1) а с ы — горький, кислый, едкий; 2) м и н и г е с — сладкий; 3) т у с т а х — соленый. Трудно определить, насколько эта неразвитость вкуса результат однообразия пищи и низкой культуры или же природный недостаток. Замечу только, что якуты большие любители вкусно поесть и делают тонкие отличия в мясных и молочных блюдах и подыскивают им удачные приправы. Например: к жирному кобыльему мясу подают старую с о р у ³⁾, острый, немного едкий вкус которой приятно сдабривает приторный вкус лошадиного мяса. Они охотно употребляют в пищу щавель, полевой лук (порей), дикий чеснок (черемшу) и многие ягоды.

1) Долго только не могли понять перспективы. "Это зачем здесь стоит маленький человек? Он сын большого, что ли?" — спрашивали, указывая на нарисованные в глубине фигуры.

2) Иногда происходили забавные ошибки, когда, бывало, знающий по-русски и грамотный якут, хорошо различающий цвета, когда они распределены по группам, и называвший их сносно по-русски, становился в тупик и ошибался, если я разбрасывал часть своих красок и просил уложить их в таком же порядке, в каком оставалась вторая половина. Фиолетовый неизменно являлся камнем преткновения; потом чаще всего ошибались и смешивали цвета: желтый и оранжевый, красный и малиновый, всевозможные оттенки серых и рыжих и т.п. Радуга (к у с т у к) считается у якутов трехцветной.

3) Кислое топленое молоко, русский варенец.

Высказаться определенно по поводу обоняния якутов еще труднее, чем по поводу их вкуса. Живут они грязно, тесно, часто вместе со скотом; запах в их жилищах стоит невозможный. Бедняки совсем не носят белья или носят какие-то вонючие лохмотья; даже зажиточные считают пред-рассудком стирку рубах и портов, которые, по их мнению, "от этого только рвутся". меховое и кожаное платье северян, питающихся исключительно рыбным и звериным промыслом, пропитано специфическим запахом испорченного рыбьего жира и дичи. К этому запаху они привыкают с колыбели, они всюду носят его с собою и положительно не замечают. На юге скотоводы, живущие в одних хлевах со своим скотом, в такой же мере привыкают к вони навоза и скотской мочи. Нельзя сказать, чтобы они питали к ней пристрастие, но неудобство, причиняемое вонью, для них второстепенно; раз устранение его затруднено экономическими соображениями, они мирятся с ним. Они предпочитают, как и наш мужик, скверный запах низкой температуре жилищ. Последняя требует больше пищи, а обширная изба — больше дров.

Отмечу, что словарь якутов чрезвычайно беден терминами, выражающими пахучесть. Они делят предметы на пахучие, с ы т т а х, и непахучие, с ы т э с у о х, затем на запахи "хорошие", ю ч ю г ä и с ы т, которые иногда называют "сладкими", и запахи "скверные", к у с у г а н с ы т, которые иногда называют "горькими", а с ы с ы т. Более точное различие запахов в случае необходимости определяют сравнениями: "запах гнилого яйца", с ы т ы й б ы т с ы м ы т с ы т т а х, или "запах сосны", б а с м а с - о т к о л о б у р с ы т т а х. Надо отметить, что в Якутской области, особенно на севере, цветы почти лишены запаха, и аромат всех других пахучих тел, как-то: древесной смолы, почек, сена — значительно слабее, чем в южных странах. В этой стране льда и снега обонянию якутов не на чем упражняться в продолжение двух третей года. Тем не менее есть данные, что орган этот у них не окончательно захирел. Богатые культурные якуты, прожившие в цивилизованной обстановке, быстро приобретают отвращение к противным, в европейском смысле, запахам. Я наблюдал, что даже бедные якуты с удовольствием нюхают духи, кабарговую струю, любят запах ладана. Подобно другим народам, они любят запах тела близких, дорогих им лиц. Матери с наслаждением нюхают своих детей, отец нюхает сына, муж жену. Нюханье, как ласка, в обычаях; в любовных песнях о нем говорится часто наравне с поцелуем, который, по всем данным, введение более современное. Отмечу, однако, что о поцелуе говорится уже в очень старинных былинах, именно в такой связи: "поцеловавши, понюхавши"¹). Я помню еще один случай, доказываю-

1) Угуранг — сыллан.

ций в некоторых условиях значительную чуткость якутского обоняния: когда в 1880 г., по дороге в Верхоянск, наш небольшой караван сбился во время пурги с пути и провожатый не мог отыскать юрты, которая была недалеко, то один из ямщиков указал направление по запаху дыма, принесенного порывом ветра. Ни я, ни мои русские спутники его не заметили, между тем ямщик оказался прав (Верхоянский улус, 1880 г.).

Выносливость якутов по отношению к голоду, холоду, жажде, недостатку сна, их способность проявлять, когда нужно, громадное количество движения и упорства, равно как их обжорство, неумеренность в питье, умение спать целыми сутками, лень, беспечность, вялость, хорошо уже известны из сообщений других путешественников. Качества эти уживаются рядом. Я не раз наблюдал проявления и того и другого, нередко у одних и тех же лиц. В местах охотничьих и рыболовных эти противоположные свойства достигают замечательного развития, но быстро падают с переходом к земледельческой и даже скотоводческой культуре. По характеру якуты вообще веселы, впечатлительны, хотя не так экспансивны, как тунгусы. Любят зрелища, сборища, игры, танцы, борьбу. Игра в карты легко превращается у них в страсть; так же легко поддаются они пороку пьянства.

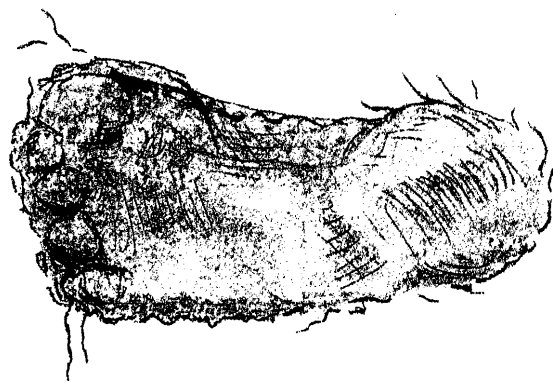

Рис. 28. Оттиск якутской ступни в глине.

Остается упомянуть о тех уродствах и болезнях, которые распространены среди якутов. Горбатых, кривых, хромых среди них я замечал нечасто; косноязычных и шепелявых мало¹⁾. Косоглазые попадаются чаще; глазные болезни вообще очень распространены, и большинство стариков под конец жизни теряют зрение. Зобатых я не встречал среди инородцев, хотя у местных русских, особенно в долине Лены, зоб довольно обычное явление.

Идиотов и тупоумых, говорят, много в Вилуйском округе, преимущественно в Средневилуйском улусе, где условия жизни особенно тяжелы; вообще процент их не больше, чем среди русских. Зато много якутов страдают нервными болезнями, временным умопомешательством, кликушеством, судорогами. На севере нет почти ни одной женщины, которая хоть в слабой степени не была бы ё м ю р я х (то же э м и р я к)²⁾. Болезнь эта — нечто вроде тика, выражается в неудержимой склонности к подражанию всему поразившему, испугавшему или неожиданному. Слабая ее степень состоит в невольном подражании услышанным звукам или выкрикиванию названия предмета, взволновавшего больного. Одержимых этой болезнью в более высокой степени можно путем постепенного раздражения довести до полузабытья, в котором они совершенно перестают владеть собой и проделывают все, что им укажут... Якуты часто устраивают себе даровые зрелища таких вынужденных кривляний. Испуганный нечаянно ё м ю р я х бросается иногда с ножом или топором на причину испуга³⁾. Отсюда пословица: "Всполошенный (ё м ю р я х) бьет, как олень" (Худяков, с.5).

Другая, тоже распространенная нервная болезнь — м ä н р и е р⁴⁾, похожа на кликушество. Она проявляется периодически, а иногда вызывается в виде отдельных припадков сильными душевными или физическими страданиями. Больной воеет, кричит, причитает, рассказывает не-

1) Пословица говорит об этих недостатках: "Кривой заметен — хромой дорог" (редок). — Х у д я к о в. Сборн. с. 8. Плешивость считается обстоятельством позорным и служит поводом для постоянных насмешек.

2) Ä м и р ä к значит у телеутов — мягкосердечный; а м ы р а к — согласный (Radloff. Ibid., pp. 957, 648).

3) Одна женщина, увидев медведя, вставшего при виде людей на задние лапы, пошла к нему с распростертыми объятиями.

4) М ä н ä р и — сходить с ума, терять рассудок, м ä н ä р и к — сумасшедший (Radloff. Ibid., p. 148). Есть у якутов и другой термин для обозначения сумасшествия, именно: и р б и т, собственно: завертевшийся, закружившийся; по отношению к молоку он значит: свернувшееся. У алтайцев, телеутов, лебединцев, сагайцев, койбалов, качинцев, киргизов слово это значит по преимуществу: испортившийся, свихнувшийся.

былицы, причем часто его ломает, сводит, бросает из угла в угол, пока, истощившись, он не уснет. Болезни этой подвержены и девушки, но чаще женщины, особенно страдающие женскими болезнями после замужества или после несчастных родов; подвержены ей и мужчины, но редко.

Огромное распространение среди якутов, благодаря их неряшливости, имеют кожные болезни: чесотка, разные лишайи, коросты, фистулы, язвы и нарывы. Худосочие, золотуха тоже не редкость, особенно в местностях бедных, подверженных частым голодовкам. В местах болотистых, сырых, среди озер, где народонаселение питается по преимуществу худшими сортами рыб, встречается проказа, хотя далеко не в таких размерах, как разглашено. Дело в том, что население смешивает эту болезнь с некоторыми формами застарелого сифилиса, проявляющегося в здешнем суровом климате с ужасающей силой: тело и кости гниют, и большой разлагается заживо, как и при проказе. Население страшно боится обеих болезней, и, раз они проявились, больных безжалостно удаляют: сифилитиков — в окружные больницы, подозреваемых в проказе — в леса, где у них есть дома, для них выстроенные, и куда в определенные сроки им доставляют пищу. Когда такая колония вымрет, якуты сжигают строение со всем имеющимся в нем имуществом¹⁾. Проказу зовут "большой хворью" (у л а х а н ъ л ю, а также с ы с т е р), сифилис — русской или французской болезнью. Из эпидемических болезней ужаснее всего для якутов оспа. Девяносто процентов заболевших ею умирает; на юге она не так убийственно действует на них, как на севере.

Относительно распространенности других болезней ничего почти не известно; все они лечатся домашними средствами, наговорами, шаманством и, раз они сопровождаются бредом и стонами, приписывают это влиянию враждебных человеку духов. По сообщению знакомых врачей и собственному наблюдению мне известны здесь еще следующие болезни: горячки — катаральная, гастрическая, ревматическая; затем воспаления дыхательных органов, страдания сердца, почек, мочевого пузыря, чахотка, рак горла, матки, желудка, глазные болезни... Легкое воспа-

1) Их опасения заразиться простираются до того, что они избегают говорить с больными и приближаться к ним даже на расстояние нескольких саженей. Рыбу того озера, где ловили прокаженные, они считают тоже прокаженной, и когда раз я собрал немного морошки, растущей недалеко от пепелища давно уничтоженной колонии больных, то, узнав об этом, якуты считали меня погибшим (Колымский улус, Енжа, 1883 г.). Другой раз, когда по дороге в Колымск на Индигирке я и сопутствовавший мне казак заблудились в пургу, отстав от каравана, и попали случайно в такой дом, то мой молодой спутник, узнав, что здесь прокаженные, выскочил как угорелый и буквально бегом убежал далеко за пределы ограды, не дожидаясь меня и не расспросив о дороге. Сами прокаженные, встретившие нас крайне застенчиво, выйдя на двор, издали прокричали нам указания.

ние глаз лечат очень удачно вылизыванием гноя из-под век концом языка. Этим занимаются иногда особые специалисты, обладающие особенно мягким и тонким языком. К ним нарочно приходят на дом и платят, случается, до 30 коп. за операцию. Болотные лихорадки, несмотря на обилие воды, относительно редки; лечат их испугом, окатыванием холодной водой, а чаще всего ничем не лечат. Лихорадка причисляется к тем болезням, против которых шаманство признается бессильным. Весьма распространен ревматизм, и, наконец, не редкость ужасная болезнь — "сужение глотки", от которой здесь человек умирает голодной смертью. Этот недуг встречается, кажется, чаще всего в местах исключительно скотоводческих, где звериные промыслы истощились, а хлеба не сеют; он является, думаю, следствием употребления исключительно жидкой пищи. Редкий якут, кроме того, не страдает солитером или глистами — результат употребления в пищу недоваренного или сырого мяса; скот здешний не менее сильно страдает от этих паразитов. Болезни, равно как и лекарства, действуют, по наблюдениям врачей, более быстро и разрушительно на органы якутов, чем на русских. Доживают якуты до поздней старости: 70—80-летние старики далеко среди них не редкость.

В общем, якутов нужно считать за племя здоровое, закаленное, легко приспособляющееся и при лучшем питании, при улучшении санитарных и гигиенических условий обещающее быстро превратиться в сильный, рослый, работающий народ.

IV. Экономические основы быта

Рис. 29. Якутский всадник с Амгинско-Ленского плоскогорья (с фотогр.).

Якуты искони известны как скотоводы. Уже Витсен (1692 г.) отзывался о них как о хороших наездниках, содержащих по несколько тысяч лошадей.

"Овечьи стада, которые, без сомнения, были у них в первобытных местах пребывания, совершенно погибли в лесистой полосе севера", — прибавляет к этому сообщению Миддендорф¹⁾.

Кроме лошадей, русские нашли у якутов и рогатый скот²⁾, но последнего было меньше.

Теперь существует обратное отношение. В 1891 году во владении якутов находилось, по официальным данным, 131 978 лошадей и 243 153 штуки рогатого скота³⁾, что составит прибли-

зительно одну штуку рогатого скота *на душу* и одну лошадь *на две души*

1) Миддендорф, *ibid.*, ч. II, отд. VI, с. 764.

2) Первые писанные сведения о якутском рогатом скоте мы находим в челобитных по делу Ходырева и Копылова (1639 г.), побивших и ограбивших многих якутов, живших по Амге и Алдану: "А жен их и детей с собою в полон поймали и скот их, и лошади, и коровы к себе отогнали" (Дополнение к Истор. актам, т. II, с. 232).

3) Памят. книж. Якутской области, 1891 г.

жителей. Маак, который нашел в 60-х годах в Вилюйском округе приблизительно такое же отношение (0,8 лошадей и 1,6 рогатого скота на душу), называет его *поразительным по количеству лошадей* и объясняет, "что лошадь для якута есть не только рабочая сила, но и важный источник продовольствия, так как якуты не только большие любители конского мяса, но сверх того употребляют в громадном количестве квашеное кобылье молоко" ¹⁾.

Отметим, что вообще в Восточной Сибири, даже в тех местностях, где не едят конского мяса и не приготавливают кумыса, лошадей относительно много, что в Иркутской и Енисейской губерниях приходится на душу 1,04 шт. лош. и 1,05 шт. рог. скота. Только там процент рабочих лошадей значительно выше, чем у якутов; именно они составляют почти две трети всего количества ²⁾; между тем как кобылицы, жеребята и гуляющие лошади составляют главную массу якутских конных стад. В старину, по преданьям, эти конные стада составляли главное богатство народа.

"В старину якуты рогатого скота держали мало, а все больше — кобыл" (Колымск ул., Енгжа, 1884 г.).

"В старину рогатого скота было мало; даже богачи держали его не больше, сколько требовалось для своего семейства" (Намский ул., 1887 г.).

Все показания, записанные мною, согласно утверждают, что раньше конного скота было у якутов значительно больше, чем рогатого, и что жили они, главным образом, за счет первого. То же предание полтора-два года тому назад записал Гмелин. "Говорят, что лет десять тому назад, — сообщает он по поводу кумысного праздника, — веселье продолжалось дольше, потому что у якутов было больше лошадей. За последние годы много лошадей погибло от снежных зим, когда лошади умирали от голода и от требований Камчатской экспедиции, которая их много потребила и где они во множестве пропадали" ³⁾.

Культ лошади, следы которого сохранились в их мнениях, религиозных обрядах и в поверьях, также указывает на громадную роль, какую сыграла лошадь в прошлом якутов.

"Старинный якут, сколько бы ни держал рогатого скота, все жаловался, все считал себя бедным; только когда завел один-другой табун ко-

1) Вилюйск. округ, ч. III, с. 143.

2) В восьми округах этих губерний числится лошадей рабочих: 391 788; нерабочих: 198 036; жеребят: 70 417. М.М. Дубенский. "Земледелие и скотоводство Енисейской губ.", с.137.

3) Reise, В. II, р. 507.

ней, начинал говорить: "Ну теперь и я со скотом, есть и у меня добро!" (Намск. ул., 1890 г.).

"Кобылы и лошади были когда-то нашим божеством. Ты видел кобылью голову, что во время свадьбы лежала в переднем углу? Ну, так вот этой голове, а не образам святых должны были в старину троекратно кланяться молодые, входя в дом. Мы почитали их, потому что ими жили" (Колым. ул., Енгжа, 1884 г.).

Жертвы духам самым опасным и могущественным состоят из коней. Эти духи так и называются — "небесный род духов с конным скотом", в отличие от "подземного — с рогатым скотом" ¹⁾.

Только второстепенным духам приносят в жертву рогатый скот. Вережки и пучки волос, употребляемые в жертву и для колдовства, всегда должны быть конские. Я не видел также, чтобы огню в жертву бросали коровью шерсть — всегда конский волос и преимущественно с гривы.

Пучками конских волос украшают свадебные деревянные кувшины для кумыса, ими украшают кожаный мешок и кожаное громадное кумысное ведро в весенний праздник **ы с ы а х а**. Ысыах по преимуществу конский праздник, и в старинной хоровой песне его, где довольно подробно описывается дом и древнее якутское хозяйство, где часто упоминается о кобылах и жеребятках, — ничего, между прочим, не говорится о коровах ²⁾.

Столбы коновязей считаются священными, с ними связано счастье дома. "Если эти столбы пожелают кому хорошего, то благословляют за три переезда, говоря: "Пусть живет три человеческих века!" Если кому худого пожелают, то проклинают с девяти переездов, говоря: "Стойте шумя — высыхая, обнявши сухое дерево!" ³⁾.

Богатые якуты, переменяя место жительства, не раз выкапывали и увозили с собой эти столбы ⁴⁾ (Намск. ул., 1889 г.).

Нередко подобные столбы, украшенные богатой резьбой, пучками волос и лентами разноцветного ситца, можно встретить на перевалах, на перекрестке дороги — вообще там, где христиане привыкли ставить кре-

1) Х а л л а н б и с - а г а - у с а с ы л г ы л а х , а л л а р а б и с - а г а - у с а с ю ъ с ю л я х .

2) Миддендорф, *ibid.*, с. 801.

3) Худяков, *ibid.*, с. 97.

4) Простой народ придает такое большое значение связи домашнего благополучия со столбами коновязи, что влиянию его поддаются даже местные полуинтеллигентные русские люди. Мне рассказывали, что покойный поп Намской управской церкви, о. Винокуров, переезжая в нововыстроенный приходский дом, увез с собою главный столб коновязи того дома, где жил раньше. Этот столб стоит там и поныне (Намск. ул., 1888 г.).

сты. Эти столбы ставились в старину на могилах князей и вождей; на некоторых встречаются изображения конских голов¹⁾.

Якут никогда не оставит валяться на земле череп или позвонки лошади, а обязательно подымет их и повесит на кол или сук дерева, что называется а р а н г к а с т ы. Все в лошади, по мнению якутов, чисто, изящно, хорошо. Ножкам деревянной посуды, столов, коробок, почетным вешалкам в юрте, на которые раньше вешалось оружие, якуты охотно придают форму кобыльих ног, копыт, голов. Я не встречал этих предметов в форме голов или копыт рогатого скота. Точно так же сравнение девушки с кобылой, а парня с жеребцом считается дозволительным, даже красивым, между тем как сравнение ее с коровой считается оскорбительным.

"Конь — животное чистое: куда чище человека! Вы, русские, брезгуете лошадиным мясом, а едите свинину!" — упрекали меня колымские якуты. Конское мясо, жир, потроха считаются у якутов самым лакомым блюдом, а кобылий кумыс самым отменным напитком, вроде меда древних славян. В старину при постройке юрты главные столбы, служащие ее основой, обмазывались кумысом и лошадиной кровью²⁾.

В якутских былинах (олонго), в сказках, в песнях конь играет видную роль — он советник, друг, наперсник героя, превышающий его умом, прозорливостью, благородством и скромностью. Часто он является даже заступником за своего господина перед божеством³⁾.

"Смотри, не отпусти своего коня, а то навеки потеряешь богатырскую судьбу", — говорят добрые боги, даря коня якутскому богатырю⁴⁾.

"Сначала бог сотворил коня, от него произошел полуконь-получеловек, а уже от последнего родился человек..." — поясняет легенда (Баягант. ул., 1886 г.).

"Коня сотворил Белый Бог Создатель А и-Т а н г а р а наравне с человеком; корова вышла из воды", — говорит другое предание (Колымский улус, 1883 г.). Я не знаю воспетого случая о превращении доброго божества в быка или корову, между тем как в олонго Огоннёрдох эмяхсин "Старуха со стариком" рассказывается, как с неба спустилась на землю Создательница А и с ы т, — одно из главных якутских божеств,

1) См. Маак, "Виллойс. окр.", ч. III, с. 102, рисунок гробницы на берегу озера Бёрё, а также рисунок с фотографии гробницы князя Д о л г у й б а т Б о л т а й, помещенный в этом сочинении в главе о верованиях.

2) Маак, *ibid.*, ч. III, с. 111.

3) Худяков, *ibid.*, с. 84, 121.

4) Потанин. Очерки сев.-запад. Мон., вып. VI, с. 631, сказка Б о с к о. Сказка эта была записана в г. Верхоянске Е. И. Борисовым в 1881 г.

богиня плодородия, обилия, покровительница рожениц и семьи; она спустилась в виде кобылицы "с тридцатисаженной лодкой-хвостом, с семи-саженной нежной серебряной гривой, с трехсаженной торчащей холкой, стоячими ушами, с ноздрями, как труба, с серебряной трехскладной шерстью, с копытами, подобно гребню, с рябыми глазами, с летней, нежной думой-мыслью, окрылившись своими священными гривой и хвостом" ¹).

Якуты страстно любят лошадей; лишенные лошадей, они тоскуют по ним, что заметно в песнях и преданьях дальних северян; глаза их всегда с наслаждением останавливаются на любимых формах, а язык охотно и восторженно воспеваает их. Я не видел, чтобы якут бил или ругал коня. "Кони умны, как люди: нельзя оскорблять их. Ты только посмотри, как они ходят по лугам, они никогда зря, подобно коровам, не топчут, не разоряют копен, они берегут человеческий труд..." — объяснял мне баягантайский якут поведение табунов, бережно обходивших готовые копы на лугах, между тем как рогатый скот постоянно из шалости топтал и разбрасывал их рогами. "Конь — животное с нежными мыслями; он способен оценить добро и зло!" (Баяган. ул., 1886 г.). "Если уж ты говоришь, неужели я тебя не послушаю?" — говорит богатырь своему коню ²).

Подобно арабам, имена и происхождение лошадей, прославившихся чем-либо, население долго сохраняет в памяти и разукрашивает их фантастическими вымыслами. И теперь намские якуты охотно расскажут легенды об иноходце К ё к я, принадлежавшем родоначальнику Ч о р б о х у, современнику русского пришествия; о бегунце С и р я г я с ь, причине кровавой распри между двумя намскими родами; о Кусаганнельском К у т у н г а й Б о р о н г, на котором никто усидеть не мог, так как "сбрасывало ветром полета". Вилуйские якуты расскажут о знаменитом коне М а л я р я. И так каждый улус, каждая почти известная местность, каждый богатырь и военачальник имеют знаменитых коней. В описании богатства сказочного богатыря всегда на первом месте кони. У Ю р ю н г У о л а н а главный жеребец назван Х а н - Д ж а р ы л ы, кобыла — К ю н ь - К е д е л ю; х а н и к ю н ь — самые высшие титулы; между тем там же главный бык зовется только "господином" Т о ё н Т о й б о л у о г у с, а корова — "месяцем": Ы й Ы д а л ы к ы н а к ³).

По отношению к рогатому скоту не замечается особого поклонения. Добрые герои и божества якутских былин никогда не ездят на быках, по-

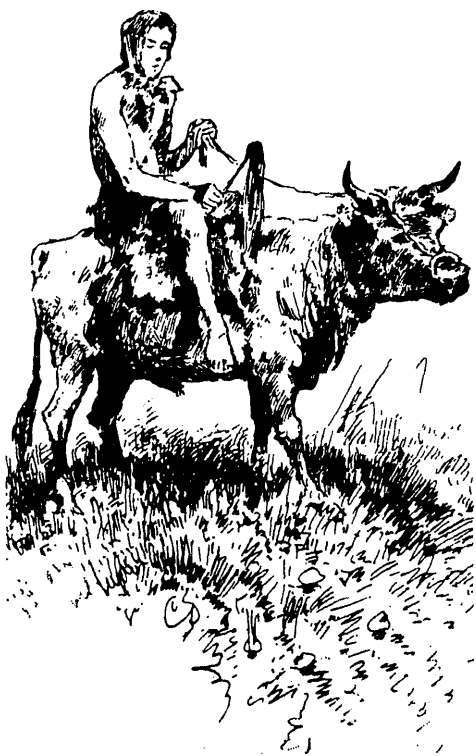
1) Худяков, *ibid.*, с. 121.

2) Худяков, *ibid.*, с. 144.

3) Худяков, *ibid.*, с. 137.

вестование о чем так часто встречается в бурятских и монгольских сказаниях. Наоборот, как это ни странно, на быках ездят по большей части злые персонажи сказок, враждебные якутам.

Несомненно, что в прошлом якутов конь занимал такое же центральное и исключительное место, как северный олень у тунгусов и чукчей.

Культура рогатого скота явилась впоследствии. Следы этой последовательности отразились даже в языке. Для коней есть специальные названия: а д — конь, а т ы р — жеребец, м е н г е — яловая, никогда не жеребившаяся кобыла; для быков и коров нет такого специального названия. Бык (вол) зовется у них "ко-нем-быком", а д-о г у с, порос — "жеребцом-быком", а т ы р-о г у с; к ы т а р а к значит вообще — стародойка. В случае надобности якуты везде применяют к рогатому скоту термины конного скота с оговорками. В настоящее время якуты ясно сознают всю выгоду культуры рогатого скота, скот этот они так же любят и уважают, но эта любовь и уважение чересчур свежи, не успели еще фиксироваться в народном

творчестве и закрыть собою или по крайней мере сравняться с впечатлением, оставленным там лошадью. Между тем экономический центр передвинулся.

Рогатый скот составляет главное богатство и основу жизни якутов, количество его увеличивается, даже полевые работы и перевозку тяжелых якуты предпочитают теперь делать на быках. Конь становится мало-помалу исключительно верховым животным, а кумыс и кобылье мясо привилегией богачей.

Интересно было бы проследить этот переворот более точно и подробно. К сожалению, нет никаких цифровых данных относительно отдаленного прошлого. Те современные данные, которые есть в нашем распоряжении, обнимают чересчур короткий период времени, чтобы могли верно отразить такой крупный и постепенный переворот; к тому же они спутаны замешательствами, какие производят в них эпизоотии, собраны они крайне грубо, путем опросов родовых старшин, а то просто выстав-

	КОЛИЧЕСТВО СКОТА ПО ОБРУГАМ ¹⁾											
	Количество скота во всей области		Якутский		Олёкминский		Вилуйский		Верхоянский		Колымский	
	Лошади	Рогатый скот	Лошади	Рогатый скот	Лошади	Рогатый скот	Лошади	Рога- тый скот	Лошади	Рога- тый скот	Лоша- ди	Рога- тый скот
1879 г. .	144.325	263.424	83.896	173.968	9.178	11.813	45.451	71.760	5.626	5.764	174	110
1882 г. .	127.433	259.659	64.615	168.037	9.582	11.605	46.442	73.547	5.676	5.657	1.118	755
1884 г. .	122.235	230.440	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1885 г. .	119.371	230.732	57.326	149.240	9.043	13.427	45.411	61.371	6.191	5.741	1.400	953
1886 г. .	116.168	236.890	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1887 г. .	114.060	219.216	58.671	144.527	7.680	14.464	41.923	56.314	4.415	3.037	1.371	874
1888 г. .	—	—	79.873	131.977	—	—	41.720	54.624	4.955	3.142	992	695
1889 г. .	133.291	243.153	79.366	169.657	7.249	14.198	40.899	55.511	5.103	3.190	674	597
1890 г. .	123.073	220.165	68.761	146.639	7.520	13.789	40.808	55.838	5.158	3.249	826	650
1891 г. .	131.978	241.662	78.363	168.715	7.163	14.132	40.779	55.196	5.030	3.060	643	561

¹⁾ Цифры эти почерпнуты из отчетов Якутского областного статистического комитета.

лены по соображениям управского писаря, узнающего только по слухам и рассказам случайных приезжих и родовичей об урожае трав, падеже, прибыли или убыли скота, вообще благополучии или неблагополучии разных местностей.

Приводим все-таки эти данные (см. стр. 256) как единственную реальную основу для представления о размерах и распределении скотоводства в Якутской области.

В этой таблице, несмотря на условность ее показания, все-таки ясно обозначились два крупных, несомненно верных экономических явления. Во-первых, медленное, но постоянное общее падение скотоводства в Якутской области, затем главное — подтверждается сделанное нами наблюдение о стремлении заменить лошадей рогатым скотом ¹⁾.

Конечно, последнее явление должно было резче всего выразиться в местностях малоземельных, густо населенных и более культурных. Так оно и есть: в Олекминском округе, совмещающем эти три условия, количество лошадей постепенно и довольно правильно уменьшилось за последние десять лет с *девяти тысяч на семь*, а количество рогатого скота, наоборот, возросло с *одинадцати до четырнадцати тысяч*. В отчетах о Якутском и Вилюйском округах этот процесс не так ясен. Он затемняется в общем итоге смешением местностей самых разнообразных по культурности и обилию земель, а также вывозом на прииск оттуда говядины и скота, достигающим ежегодно 15 000 голов ²⁾.

В Якутском округе количество конного и рогатого скота уменьшилось в одинаковой мере почти на *пять тысяч*; в Вилюйском округе, откуда главным образом вывозят на прииски скот, убыль рогатого скота за эти десять лет больше — она достигает 16 тысяч, между тем как лошадей убыло только на четыре тысячи. Наконец, Верхоянский и Колымский округа, со своим абсолютным преобладанием конного скота, при обилии пастбищ и безлюдье, служат лишним подтверждением высказанного выше мнения — они представляют собой как бы остатки экономического прошлого ³⁾.

1) Это явление, по-видимому, не исключительное для Якут. обл., оно замечается и в других скотоводческих местностях. Так, у киргизов Букеевской орды было:

.....	в 1814 г.	в 1891 г.
Верблюдов	63 3381	122 243
Лошадей	350 562	230 799
Рогатого скота.....	158 856	378 676
Овец и коз	1 476 948	1 205 041

(Известия Оренбургского Отдела Г.О., вып. II, 1893 года).

2) Лошадей тоже вывозят отсюда, но значительно меньше, не больше 2 000 в год.

3) Что преобладание конного скота в этих округах в текущем десятилетии не

От такого положения, некогда общего во всем крае, якуты исподволь и в относительно недавнее время перешли к культуре преимущественно рогатого скота. Переход этот вызвал такие глубокие изменения в быте и общественном устройстве якутов, что они далеко превосходят те изменения, которые сопутствовали переходу европейских народов от естественного хозяйства к капиталистическому. В этой главе мы отметим только более крупные, главным образом экономические его последствия.

С переходом к рогатому скоту якуты, прежде всего, стали более оседлыми. Вначале этот переход был вызван, между прочим, недостатком свободных пастбищ и кочевьев. Но, совершившись, в свою очередь, он закрепил население. Дело в том, что лошадь требует пастбищ значительно более обширных. Она ест вдвое больше коровы. Известно, что на том же участке, где с трудом прокормится десяток лошадей, может свободно пастись штук 25, даже 30 рогатого скота. Кроме того, лошадь для достижения высших степеней тучности нуждается в большем выборе и разнообразии корма. Эта тучность, как мы это указали выше ¹⁾, в здешнем климате и при якутском уходе за стадами является фактором первостепенной важности. Особенно важен он для конного скота, круглый год пасущегося на подножном корме. Жирные кони становятся чрезвычайно привередливы и разборчивы в пище. Они часто меняют пастбища и в поисках вкусных трав по сезону проходят быстро иногда огромные пространства. Когда якуты по преимуществу содержали стада конного скота, они, конечно, принуждены были следовать за ними. Следы таких быстрых и далеких передвижений остались и в нравах, и в преданьях.

"Мы любили бродить... Старинные якуты имели дома во многих местах", — часто сообщали мне якуты. "В старину якуты не работали, сена не косили, а все бродили с места на место, отыскивая корм для табунов..." (Баягант. ул., 1886 г.; Намск. ул., 1888 г.; З. Кангал. ул., 1891г.). В преданьях о Тыгыне указывается на окрестности Якутска как

случайность, указывает заметка Неймана за 72 год, где показано:

.....	Лошадей	Рогатого скота
Верхоянский округ	6159	4468
Средне-Колымский округ	4413	1946

К.К.Нейман. "Несколько слов о торговле и промышленности в северн. окр. Якутской области", с.13. Замечательно также, что в благополучные годы, после эпизоотии, количество лошадей здесь возрастает значительно быстрее в сравнении с рогатым скотом. Наоборот, в местностях малоземельных в такие же годы количество лошадей в лучшем случае остается то же, между тем как количество рогатого скота всегда значительно возрастает.

1) См. "Введение", с. 160.

на его местожительство, но там же говорится, что он заходил далеко и на юг, и на север, на запад и на восток. Между прочим, указывают как на излюбленные его кочевки на Тарахану — в 150 верстах на север от Якутска на восточном берегу Лены и на Ю р ю н г К о л ь (Белое озеро) в 200 верстах на северо-запад от Якутска на западном берегу Лены (Намский ул., 1889 г.). Подвижность, близкая к бродяжничеству, была в обычаях древних якутов; об этом свидетельствуют вечные странствия, непоседливость, беспричинные отлучки былинных героев и такие рассказы, как о Х а п т а г а й б а т ы р е ¹⁾ или о Т а н г а с Б о л т о н г о ²⁾.

Наконец, только привычкой бродить объясняется быстрота, с какой якуты после русского завоевания разбрелись с Амгинско-Ленского плоскогорья по всей обширной занятой ими теперь территории. Есть и прямые по этому поводу показания очевидцев. Казаки в первые годы завоевания часто доносят в отписках, что "ясаку-де мало, потому что князец (такой-то) со своя народом и захребетники укочевал далече, а где неизвестно...", и всюду якутов называют "кочевыми" ³⁾.

Гмелин, посетивший Якутскую область в 1736 г. и заставший, конечно, более, чем теперь, архаических привычек, называет их "кочевниками", хотя тут же отмечает, что они "не так много кочуют, как другие язычники" ⁴⁾.

Мне казалось, что якуты до сих пор много подвижнее своих соседей скотоводов, хотя бы бурят, не говоря уже о местных русских, содержащих часто ничуть не меньше скота. Русские предпочитают возить сено за 50, даже 100 верст, чем перегонять скот; между тем такие перегоны до сих пор везде практикуются якутами. Даже рогатый скот в неурожай сена они перегоняют за сотни верст из нагорных лугов в долины рек, где сено всегда дешевле и обильнее. Табуны лошадей они без всякого стеснения по малейшему поводу перегоняют из одной местности в другую, особенно там, где не угрожает им покража. И так якуты с Дуолгалаха (Верхоянск. ул.) ежегодно осенью перегоняют свои табуны верст за 200 в верховья р.Бытантая, ради лучших трав, а в Колымском улусе мне нередко случалось встречать якутов за 100 — 150 верст от усадьбы, разыскивающих свои табуны.

1) Худяков, *ibid.*, с.58.

2) См. т. II.

3) Истор. акты, т. III и IV и Дополн. т. II-й.

4) *Reise*, В. II, р. 473.

Все это остатки старины. Теперь передвижения якутов сильно стеснены запасами собранного сена, потребностью в обширных хлевах для рогатого скота, в изгородях, в водопое. Теперь кочевания их сводятся к двум, самое большее к трем переездам в год. Зимой они проводят в усадьбах, в так называемых "зимниках", кысыныгы джье, лето — в летниках, саилык или саингы джье. Зимники устраиваются обыкновенно среди лугов недалеко от зародов сена¹⁾; летники — в горных падах, над речками или в "аласах", на расстоянии нескольких верст, не больше, впрочем, 10 или 15 от зимников.

Кочует все население одновременно. Уже в половине апреля жители начинают наведываться в свои летники, отгребают с крыш и со двора снег, подчищают и поправляют дома и молочные погреба, подвозят, пользуясь последним санным путем, сено, нужное для стельных коров, и более грузные вещи домашнего обихода. С исчезновением снега, приблизительно в конце апреля, а на севере в конце мая, по проселочным дорогам, ведущим с долин рек в глубь тайги, начинается оживленное движение. Идут гурты скота, за ними едут люди верхом на быках, на санях, а где позволяет местность — на скрипучих телегах; везут: сундуки, столы, стулья, платье, пустые бочки под молочные скопы, утварь, наконец, маленьких детей в люльках и телят-сосунков, увязанных в выстланных сеном корзинках, не хуже любого младенца²⁾.

Сбоку и впереди каравана бегут остромордые собаки, люди веселые, довольные перекликаются, смеются, поют; скот нетерпеливо ревет и постоянно разбегается по сторонам в поисках пищи; вода в многочисленных лужах плещет под ногами идущих, а впереди них и сзади за ними раздаются такие же голоса тоже тронувшихся в путь соседей; вверху, ниже серебристых туч, проносятся с криком стаи перелетных птиц и кружатся, высматривая поживу, пестрые коршуны. Дни для перекочевок якуты выбирают солнечные, теплые, и, несмотря на неприятную желтизну только что обнажившихся полей, на лед на озерах и снег в лесных распадках, картина получается веселая. В ней что-то бодрое, беззаботное, полное надежды и радости. Табуны лошадей обыкновенно гонят последними. Период перекочевки длится иногда дней десять; менее состоятельные или обладающие неудобными "летниками" медлят уходить с лугов,

1) Еще во времена Врангеля, когда преобладание конного скота было, несомненно, значительнее и забота удержать его зимою вблизи жилищ брала верх над неудобством возить издали сено, якуты кругом зимников на большом расстоянии никогда не косили сена, сохраняя траву для коней как подножный корм. То же самое отмечает Гмелин. Теперь нет этого обычая.

2) В таких корзинках возят телят и вьюками, верхом на лошадях или быках.

где подножный корм всегда лучше. Уходить заставляет приближающийся разлив рек и необходимость выжечь на сенокосах старые прошлогодние травы. В "летниках" живут якуты до Семенова дня, т.е. до окончания сенокоса; затем так же, все зараз, весело и оживленно, перебираются на "зимники". В Колымском и Верхоянском округах я наблюдал более частые перекочевки, числом до четырех в год, но они вызваны не столько нуждами скотоводства, сколько необходимостью рыбного промысла, играющего там видную, чуть ли не главенствующую роль в народном хозяйстве. Наоборот, на юге, где другие земельные порядки, где значительное преобладание рогатого скота, наконец, зарождающееся земледелие требуют большей оседлости, кочевание сводится иногда к переходу на лето в другой дом, выстроенный в том же дворе. Переход этот имеет значение исключительно гигиеническое — сушку, проветривание и уничтожение насекомых в зимнем жилье. У богатых иметь несколько домов считается за своего рода шик, в котором, несмотря на европейское иногда убранство комнат, просвечивает кочевая душа.

Рис. 31. Якутский
косец.

Одним из самых важным экономическим явлением, вызванным в жизни якутов возрастанием стад рогатого скота, был запрос на сенокосные угодья и возникновение на рынке новой меновой ценности в виде сена.

Сена коням здесь не дают. Оно необходимо исключительно для рогатого скота. И вот с увеличением числа последнего сенокосение приобретает мало-помалу первостепенное значение. Сохранились интересные предания относительно начала сенокосения у якутов.

"Старинные якуты жизнь проводили больше в играх, забавах, собраниях... Ходили с ысыаха на ысыах, со свадьбы на свадьбу; любили танцы, песни, зрелища, шаманства... Работали мало. Сена косили совсем немного, рогатого скота не держали. В тяжелые годы, когда подножный корм

был плох, пригоняли табуны к берегам рек и рубили тальник. Теперь пошло другое: требуется тяжелый труд. Исчезли игры, умолкли песни!..." (Намск. ул., 1890 г.).

"Прежние якуты не знали заботы, не думали, как мы, о завтрашнем дне. Запасов сена не делали. Придет хороший год — хорошо, а в худой, когда не хватало сена, рубили тальниковые кусты или выгоняли скот на места кочковатые, где отыскивали траву, разгребая снег лопатами¹⁾).

Тем и жил скот... Лишь бы пробиться до зеленой травы! Большое было мучение и для людей и для скота: за хвост иногда вытаскивали коров в поле, за уши поддерживали, чтобы те стояли на ногах. Вот от чего и пошла поговорка: "Худой до держания за уши". С кобылами в такие годы все-таки легче: они всегда найдут себе хоть какой-нибудь корм: выскребут из-под снега или обломают с кустов. Но рогатый скот беспомощен: только ревет. Чистое наказание с ним без сена" (Намск. ул., 1891 г.).

Сенокосение, нужно думать, играло самую незначительную роль в хозяйстве древних якутов. В известных казацких отписках нигде не говорится о запасах сена, о способах его собирания, хотя там всюду тщательно отмечены сенокосные угодья, а также малейшие сведения о посевах хлеба. Гмелин тоже совершенно не упоминает о запасах травы, хотя в Якутск он прибыл по осени и, будь это теперь, стоги сена не могли бы ускользнуть от внимания такого детального и добросовестного наблюдателя.

"И здесь, как и начиная уже от Олекминска, — пишет он, — по берегу реки видно много земли, годной для хлебопашества. Она доставляет якутам ту выгоду, что они могут пасти свой скот всю зиму, как это делали их предки в верховьях. Пастбища не очень тучны, но скот не умирает от голода, особенно в те годы, когда зима не очень снежна и не очень продолжительна. Величайшая кара Божья для якута, когда выпадет глубокий снег и долго не тает. Свое положение здесь они считают не лучшим и не худшим, чем его считают другие языческие племена Сибири; они не нуждаются в запасах провизии; скот обречен сам отыскивать свое пропитание, где хочет; это делается не потому, чтобы они все свои надежды возлагали на Бога, но потому, что они слишком ленивы для того, чтобы делать запасы"²⁾.

У якутов нет сознания, что сенокосение заимствовано; напротив, все это они считают "природным якутским", якутами изобретенным и усовершенствованным. По этому поводу иногда возникают презабавные

1) На кочках растет высокий, жесткий пырей, не любимый ни лошадьми, ни рогатым скотом и потому уцелевающий всегда от пограв.

2) Reise, B. II, p. 395.

противоречия. Якут Баягантайского улуса III Баягантайского наслега Боксан, большой патриот, восхваляя достоинства железной косы-горбуши, которую он, в отличие от литовки, называл "якутской", рассказал между прочим такое предание:

"В старину якуты и не могли косить много сена. Разве много накопишь косою из кости или рога? В то время хотя и знали железо, но его было мало. Кос железных не делали: все железо уходило на копыя, кольчуги и стрелы; сено косили копыями *батас*¹⁾).

Разве какой-нибудь богатырь или силач были в состоянии таким орудием (сёбб) выкосить за лето десять возов?" (Баяган. ул., 1886 г.). То же самое предание я слышал впоследствии в Намском улусе.

Относительно уборки и сушки сена якуты высказывались за значительные успехи их в последнее время.

"В старину якуты совсем *не выдерживали* сена в прокосах и копнах, а сейчас же собирали его в кучу" (Баяган. ул., 1886 г.). "Раньше якуты косили только старое сено, по осени, и то худое, твердое — осоку. Они не умели сушить мягкого сена, а позднее, твердое сено не гниет" (Нам. ул., 1890 г.).

"Раньше рогатого скота было совсем мало и кобыл никогда не кормили сеном. Косили якуты немного, начинали на Среднего Спаса (6 авг.) или даже на Последнего Спаса (16 авг.), а кончали на Семена. Вот и довольно" (Нам. ул., 1891 г.). Меня уверяли, что и теперь еще есть местности настолько *дождливые*, что там жители *в состоянии сберечь от порчи только поздние травы*.

"На Ситке якуты начинают косить поздно и косят травы осенние, высокие, проросшие, которые мы считаем худшими. А причина тому рыба и дожди..." (Нам. ул., 1889 г.). Думаю, что не столько дожди, сколько действительно рыба является причиной такой несвоевременной уборки сена. Ситка (Ситта) — местность на реке того же названия у северной границы Намского улуса. Население ее занимается по преимуществу рыболовством, а уже Миддендорф отметил, насколько рыболовство находится в противоречии со скотоводством²⁾.

Наконец, в предании о знаменитом Борогонском родоначальнике Берт-Хара говорится, что он косил всего "один день в году" (Баяган. ул., 1885 г.; Намск. ул., 1889 г.). Сенокосение приняло более широкие

1) Копье с длинным широким ножевидным лезвием и короткой рукоятью. Кстати отмечу, что якуты зовут иногда косу *салбах батас*. Разница между батасом и горбушей состоит в посадке ручки под углом и в лезвии, дугообразно загнутом внутрь у горбуши; батас же прямой и прямо положен на рукоятку.

2) Ibid., ч. II, с. 553.

размеры только с пришествием русских. От последних якуты, несомненно, позаимствовали теперешние свои инструменты и более совершенные способы собирания трав. Якутская коса-горбуша — точная копия такой же русской косы¹⁾.

Их сенокосные грабли, вилы, крюки по форме, по работе, даже по украшениям тождественны с русскими. У них нет особенного названия для *граблей*, которые называются испорченным русским г р а б л ы. То же самое нет у них особого названия для *стога*, называемого у л а х а н б у г у л — большая копна²⁾.

Интересным остатком старинного способа добывать корм для голодающего скота является у якутов кормление тальниковыми ветками. Для этого конный скот пригоняют в места, поросшие съедобными видами тальника, и рубят его кусты на известной высоте. Кони ходят и объедают все съедобное. Иногда на огромных пространствах по берегам рек видны такие порубки. Полая вода по весне обыкновенно уносит валежник, или же его сжигают, а удобренные золой места вновь быстро зарастают ивняком.

Чтобы кормить тальником рогатый скот, нужно значительно больше труда. Пригон скота в места произрастания не практикуется, во-первых, потому, что к сбору тальника приступают обыкновенно как к последнему средству спасения от бескормицы и скот тогда истощен зимней голодовкой; он отвык от продолжительного пребывания на открытом воздухе, между тем тальниковые заливные рощи находятся далеко от дома, дорога к ним по глубокому влажному весеннему снегу неудобна, скользка, а на месте острые комли срубленных кустов грозят смертельными поранениями в случае падения. Во-вторых, потому, что медленно пережевывающие рогатые, принужденные сами отыскивать и объедать ветви с беспорядочно разбросанных кустов, не наедались бы достаточно в короткий, теплый период дня, когда ветви деревьев отмякают и легче поддаются обкусыванию и разжевыванию. "Они бы более натоптали и наломали, чем съели. Они ведь всюду норовят с ногами, не то что кобылы..." — объясняли мне якуты. Тальниковые ветви якуты обламывают с кустов руками, складывают на сани и возят домой. Работник, вооруженный топором, и работница в рукавицах из крепкой коровьей кожи в состоянии наломать в продолжение 8 — 10 часов самого упорного труда не больше 25 пудов веток. Это составит корм для 10 штук скота в продолжение 2 дней. Боль-

1) Еще теперь косят горбушей в Архангельской губернии и глухих захолустьях Полесья. В Белоруссии я видел ее в 70-х годах; якутская горбуша ничем не отличается от русской.

2) Улахан — большой, б у г у л — копна.

ших запасов делать нельзя, так как скот неохотно ест "кислый" тальник, т.е. тальник, пролежавший несколько дней, и совсем не ест засохшего. Чем хуже сорт тальника, толще ветки и он дольше лежал, тем больше остается "объедок". На сбор тальника выезжают часов в 11, когда кусты уже чуть-чуть оттают, в противном случае невозможно собирать самых нежных и питательных частей — мерзлые, они крошатся в труху. По тем же причинам, а также потому, что тальник не начал еще жить, якуты не производят его сбора никогда раньше конца марта. В голодные годы этого срока выжидают, как избавления. Сбор тальника — работа трудная, приходится долгие часы проводить по колено в мокром снегу, солнце сверху печет, пот льется ручьями, а сбросить шубу невозможно — снизу холодно и нет-нет подует холодный ветер; на руках образуются раны и мозоли. С возрастанием правильного сенокошения, естественно, сбор тальника прекращается; но, судя по преданьям, в былое время он играл немалую роль и был, по-видимому, предтечей собирания трав¹⁾.

Намские якуты, между прочим, сообщили мне, что "для скота особенно хороши веники из молодого зеленого тальника, собранные и высушенные в первой половине лета, и в старину, когда семьи были много больше, об этом заботились женщины и старики, да и теперь хорошие хозяева такие веники *заметьвают* в стога сена, где они прекрасно сохраняются". От такого "сдобривания" кормов коровы больше дают молока (Намский ул., 1890 г.).

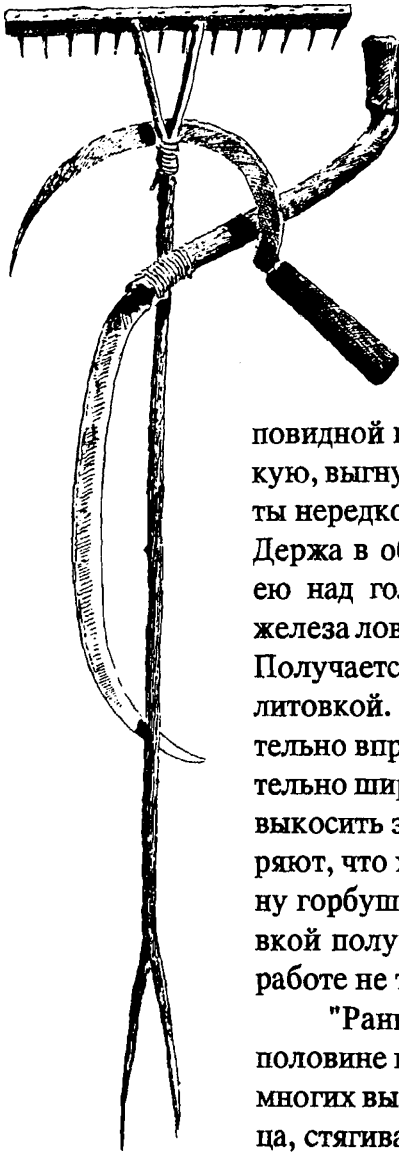
В настоящее время якутская уборка сена отличается от русской только в подробностях, главным образом в его сушке и сортировке. В более культурных и густонаселенных местностях отличия эти постепенно слабеют, но они довольно ясно выступают на окраинах, где сильно дает себя чувствовать недостаток рабочих рук, где сохранилась старая привычка к подножному корму и естественное в силу этого стремление к возможно более многочисленным стадам. Различия прежде всего сводятся к запаздыванию начала сенокоса и стремлению получить возможно больше сена в ущерб его качеству.

Косить якуты начинают с Петрова дня. Петровское сено считается лучшим, но косят его в небольшом количестве и только богачи. Оно труднее сохраняется, чернеет от малейшего дождя и дает небольшой сбор, потому что сильно "усыхает". Большинство якутов предпочитает начинать сенокос с Прокопия и даже позже.

1) Замечательно, что тунгусы в местах, лишенных оленьего моха, срубают деревья, обросшие лишайниками, и таким образом кормят животных. В лесах якуты для этой цели срубают для лошадей молодые березы. О.В.Маркграф сообщал мне, что в Швейцарии признано удобным кормить скот размельченной и распаренной в воде молодой древесиной, для чего даже изобретены особые машины и жернова.

"На Петров день косим по подряду богачам и скопцам. Себе косить убыточно: сена мало, трава еще растет только" (Нам. ул., 1887 г.).

"На Петров день начинает косить тот, у кого подрядов набрано много, кто не надеется управиться. Косим сначала у людей, а после у себя. Если богач не соглашается косить рано, то подряд может у него остаться неоконченным и подрядчик не будет виноват: всякому и у себя ведь косить тоже нужно..." (Баяган. ул., 1887 г.).

Косят якуты, как было сказано выше, горбушей, толстой — в 5 - 6 линий, широкой — в дюйм, и длинной — в аршин с четвертью, до полутора аршина, — серповидной косой (см. рис. 32). Она посажена на короткую, выгнутую, деревянную ручку, конец которой якуты нередко украшают резьбой в виде конского копыта. Держа в обеих руках рукоять косы, косец взмахивает ею над головой, затем быстро нагибается и концом железа ловко подрезает полукругом траву перед собою. Получается прокос не менее широкий, чем при косье литовкой. Есть косари, которые ударяют последовательно вправо и влево, наотмашь; у этих прокос значительно шире. Горбушей при известной сноровке можно выкосить за лето не меньше, чем литовкой. Якуты уверяют, что хороший косец так же скоро выкосит десятину горбушей, как и литовкой; только при косье литовкой получается больше сена и при продолжительной работе не так изнуряется рабочий.

"Раньше, когда люди косили горбушами, всегда в половине покоса хворали животами, на руках и спине у многих выступали нарывы, болела шея, болела поясница, стягивало сухожилия; с тех пор как наш наслег стал косить литовками, не слышно о таких болезнях среди косарей. Толкуют, что болели от натуги" (Хатынгариинский нас. Намского улуса, 1890 г.).

Чтобы хорошо косить горбушей, требуется большой навык и большая ловкость, литовкой выучиться хорошо косить значительно легче. В результате в местностях, где литовка вытеснила горбушу, скорее управ-

Рис. 32.

ляются с тем же количеством покоса, чем при косьбе горбушей. Якуты сами признают это.

"С тех пор как стали мы, — говорили мне якуты Хатынгаринского наслега Намского улуса, — косить литовками, мы значительно скорее управляемся с сенокосами. Не будь осенних дождей, мешающих уборке, мы бы кончали сенокос задолго до Семенова дня" (Нам. ул., 1891 г.).

То же самое я слышал в других местностях, где косят литовками. В Кангаласком и Намском улусах, около городов и особенно около скопческих или поселенческих селений, где якуты, постоянно нанимаясь в поденную работу, принуждены работать хозяйскими инструментами, именно литовками, последние совершенно вытеснили горбушу¹⁾.

Горбуша ушла в глубину страны, на окраины, где она еще царит всецело. В "восточных улусах", Батурусском, Мегенском, Боргонском, Дюпсюнском, Баягантайском, хотя косят уже местами литовкой, но косьба горбушей все-таки преобладает. Такому медленному проникновению туда литовки мешает главным образом недостаток выучки: всякий боится рисковать дорогим летним временем и работать малознакомым инструментом²⁾.

Затем и характер инструмента, который сломать легко, а починить трудно, мешает его распространению. Толстая, слабокаленая горбуша если даже по неосторожности завязится концом в землю, кочку или в пень дерева, прикрытый высокой травой, то только погнется, редко сломается. Сломанную без труда сварит якут-кузнец, который в случае необходимости может отковать и новую. Другое дело литовка: некоторые переломы ее положительно неисправимы, иные могут исправить далеко не все из здешних мастеров. Кроме того, литовки дороже и нуждаются в молотке и наковальне, которые тоже нелегко здесь достать хорошего качества.

Хорошая горбуша стоит от 1 руб. до 2 руб.; литовка в городе стоит минимум 1 руб. 40 коп., а во время сенокоса на месте доходит до 2 руб. 50 коп., даже до 3 руб. Молоток и наковальня стоят от 60 коп. до 1 руб. Хорошую косу якут-косец ни за что не продаст, разве... проиграет в карты³⁾.

1) Хатынгаринский и Бётюнский наслеги Намского улуса сплошь употребляют литовки, о горбуше здесь совершенно забыли, хотя скопческое селение, причина этой перемены, существует всего десять лет.

2) Литовку нужно умело посадить и следить за тем, чтобы посадка ее во время работы не изменялась, нужно ее умело отбивать и оттачивать.

3) Я сам видел случаи, когда за горбушу платили охотно 5 руб. или отдавали 2-летнего бычка. На севере, где железо 50 коп. фунт, горбуша стоит не меньше 3 руб. Косы, случается, берут у богачей напрокат за 1 руб. в лето. Косят по подряду хозяйским инструментом или своим, смотря по уговору.

Якуты, знакомые с литовкой, но почему-либо не решающиеся завести ее, утешают себя, что "их земля не такая, кочковатая и неровная, с пнями и какорами" (Колым. ул., 1883 г.; Баягант. ул., 1886 г.). Случается часто, что спустя несколько лет те же лица и в тех же местностях употребляют литовку. К тому же за литовку здесь действует все возрастающая земельная теснота и недостаток рабочих рук. После горбуши остается много травы; она оставляет "гриву", которая также мешает сгребанию сена. Сено в прокосах ложится после горбуши беспорядочно, что тоже затрудняет его сгребание. Отмечу, что якуты только старые зрелые травы оставляют сохнуть нетронутыми в прокосах, молодые же травы высшего сорта они разбрасывают тонким и ровным слоем сейчас же после косьбы, если благоприятствует погода.

Сушат якуты сено, смотря по погоде, сорту трав и времени кошения, от 3 до 4 дней. Петровское сено сушат 4 дня, а осенние травы, начиная со второго Спаса, сушат два дня; еще более поздние травы оставляют в прокосах нередко только сутки. Мелкое сено, богатое разного рода листовыми кормовыми растениями (клевер, горошек и т.п.), просушивают старательнее; злаки и осоку сушат мало. Хвощей никогда не досушивают ввиду того, что, совершенно сухие, они крошатся в "пыль"; вообще собрать их чрезвычайно трудно, раз в них нет большой примеси других трав. Подсохшие травы сгребают в валы и тут же копнят. Более старательные хозяева под каждую копну ставят колышек, не позволяющий прилегать плотно к земле и способствующий дальнейшему подсыханию трав. Копны делают маленькие, от нескольких фунтов до 1 пуда весом (сухого сена). Величина их в разных местностях разная; по-видимому, зависит она, главным образом, от обычая. В местностях, где влияние русского сенокосного хозяйства сильнее, копны ставятся больше (Намск. улус), в местностях, где влияние это ничтожно, они маленькие (Баягантайский улус). Величина их уменьшается и увеличивается тоже смотря по степени сухости и сорту трав. Травы зрелые или хорошо просушенные сгребают в большие копны, травы молодые, а главное, чуть влажные — в маленькие¹⁾.

Травы ранней уборки обыкновенно стараются скопнить в большие копны еще по той причине, что этим копнам предстоит ждать все лето, так как якуты мечут в стога сено только после окончания всего сенокоса, следовательно, в последних числах августа или даже начале сентября.

1) В Верхоянском и Колымском округах, а также в болотистых местностях Якутского и Вилюйского округов, где нередко значительная часть сенокосов остается под водой, траву сейчас же после косьбы выгребают на сушу и копнят в маленькие 5—6 фунтов копны. Якуты уверяют, что болотные травы, исключая б о р у (хвощи), не боятся такой сушки и никогда в копнах не загнивают.

Проливные дожди, льющие в конце июля и августе целыми неделями, прошибают, случается, насквозь маленькие копны, и сено в них гниет, горит и чернеет. Даже на крупных копнах обязательно образуется сверху толстая корка прелого сена, а дно копны, раз она лежит на земле, а не на колышке, сильно подгнивает. Зеленым остается только середина. Эта подмесь черного, прелого сена, довольно значительная ввиду небольших размеров копен, придает даже прекрасному, своевременно собранному и старательно просушенному якутскому селу сероватый цвет. Такое иссе-ра-зеленое сено предпочитается якутами и называется "якутским", в отличие от ярко-зеленого, собранного по русскому методу, то есть провянувшего сначала сутки в прокосах, затем перетрушенного, перевернутого, на третьи сутки при хорошей погоде собранного в валы и скопненного в большие, пудов 4—5, копны, наконец, сметанного в стоги возможно скоро, лишь только позволит погода и распределение работ. Подобный порядок работ рекомендуется правительственными указами, печатные бланки которых я видел в инородческих управах; он хорошо знаком инородцам, особенно живущим вблизи русских сел и городов. Введению этих улучшений мешает вынужденная в значительной степени параллельность хозяйственных порядков во всем околотке, как-то: обычай в определенные сроки запирать или отпирать луга для скота, некоторый порядок в кошени угодьев, а также необходимость метать всюду сено в одно и то же время. Далеко не все якутские семьи обладают достаточными силами, чтобы самостоятельно и быстро сметать в один или два дня сено на своих обширных участках. Продолжать же долго эту работу опасно, ввиду переменчивой погоды второй половины здешнего лета. Им приходится метать в сообществе с другими семьями. Это ставит отдельных хозяев в зависимость от общего хода работ. В тех семьях, где могут обходиться без посторонней помощи, часть сена обязательно стараются сметать пораньше, в половине лета. Стремление якутов накопить возможно больше сена заставляет также естественно дорожить каждым вёдренным днем первой половины лета, когда травы еще не одеревенели и не засохли. Другое дело, когда трава скошена и скопнена. Тогда-то и начинаются всякие "помочи" — к ё м ё и гу л я й¹⁾ и семьи соединяются в небольшие артели для метания стогов. Сено к зародам подвозят на санях, на которые накладывают не больше 4—5 копен и затягивают наискось ремнем. У зарода сани опрокидывают. Таким образом, кругом остожья воздвигается огромный вал сена, из которого уже вилами оно систематично складывается в стог. Среди разных сортов вил, а т ы р-

1) Последнее слово русское, обозначает соседскую помощь, сопровождающуюся угощением мясом, кумысом, чаем.

джях, есть огромные, достигающие двухсаженной длины. Применения коромысел и поднимания сена вверх целыми возами якуты не знают. Стоги их маленькие; ставят их они из года в год в одних и тех же местах, самых высоких точках лугов, не заливаемых наводнениями и весенней талой водой. В основание зарода всегда кладут худшие травы: они все равно отсыреют и почернеют. Лучшее сено кладут в середину; более влажные копы укладывают с краю. Края сильно утаптывают и убивают рабочие, обыкновенно женщины или подростки. На одного мужчину, поднимающего и укладывающего сено вилами, нужен один подросток на стогу, один или два подростка с быками в санях и две гребщицы. Такое количество рабочих-якутов в состоянии сметать в день от 25 до 30 возов сена (кубических сажень), то есть два раза переложить с места на место, свезти и поднять на некоторую высоту от 500 до 600 якутских копен в один пуд весом. Форма стогов круглая или четырехугольная; вторая предпочитается особенно для влажного, подмоченного дождями сена.

Якуты не стесняются метать даже сильно влажное сено, лишь бы влажность происходила от дождя, а не от сочности недостаточно провянувшей травы, ё л ь б ё т ö х о т — "неумершей", как называют ее якуты.

Иногда внизу стогов для вентиляции делают сквозные ходы или в середине ставят несколько тальниковых прутьев, которые раздвигают сено и способствуют проникновению воздуха внутрь. В случае, если сено в стогу загорится, в нем делают сквозные окна. Верхушку стога делают круто-круглую. Наверх, подобно тому как снизу и с боков, кладут худшие и хуже просушенные сорта сена. Таким образом, зеленое сено как оболочкой окружено в зароде тонким слоем прелого сена. Это прелое сено якуты называют т а с (камень), иногда такой т а с *рано* и плохо сметанных стогов достигает двух аршин толщины и составляет несколько возов сена. Между прочим, это-то якуты и выдвигают как довод против раннего метания стогов. Под крышу якуты никогда сена не сметывают. Старые зароды у них иногда порастают сверху травой и кустами ¹⁾.

Чем сено старше, тем оно ценится ниже, оно пыльное, затхлое, всегда в нем масса песка и сора, занесенного и забитого внутрь ветром. Оставляемое в запас сено, сколько бы оно ни стояло, якуты переметывают всего один раз: на другой год после уборки. Делают они это обыкновенно по весне, в марте месяце, чтобы можно было возить на санях; запасные зароды они стараются метать вблизи дома. В это время года часто падает

1) Такие старые поросшие травой и кустами зароды сена, стоявшие что-то лет десять, я видел в Хатырыкском наслеге Намского улуса у богатого якута Дьяконова (1890 г.).

снег, а так как работа производится не торопясь, на досуге, длится долго, то обязательно сено волгнет. В запас якуты оставляют худшие сорта сена, рассчитывая, что оно все равно испортится.

Размеры якутских стогов небольшие: 40—60 возов максимум, это стога богачей. Излюбленные размеры — 10—20—30 возов. Этот размер отвечает средней величине якутских покосных наделов, к ю р е, и включает то количество сена, которое нужно в зиму *беднейшей* якутской семье. В случае необходимости якуты прекрасно двоят и отрезают части стогов без всякого вреда для остального сена. Для этого они железными лопатами рубят мерзлое сено по отвесной плоскости, стараясь делать это возможно правильнее. Обрубленная сторона обращена обыкновенно на юг, откуда реже несет ветром снег и дождь.

Величина стогов при продаже и оценке определяется различно, смотря по местности: копнами, возами и "буласами". Саженный заправский воз считается равным кубической сажени непрессованного сена, весит приблизительно 20 пудов и в переводе на копны считается за двадцать копен. Б у л а с — мера особая и употребляется преимущественно на севере. П у л а с или б у л а с ¹⁾ — это, собственно, маховая сажень, расстояние между концами во всю длину размахнутых рук. Стог на вышине человеческого роста меряется этими размахами и принимает название по величине окружности: шести-, семи- или девятибуласного. Высота предполагается минимум сажень с четвертью без верхушки. Счет "буласами" довольно запутанный. На юге принято полагать, что десятибуласный стог равняется 20 возам, то есть 400 якутским пудовым копам²⁾.

Этот счет и названия мер лишний раз, думаю, указывают на влияние русских в деле обучения якутов сенокосению.

В настоящее время якуты представляют чуть ли не единственный на земле народ, для которого сбор травы приобрел первенствующее значение. Есть в Америке, Африке и Азии многие скотоводческие племена, и скот у них преобладает рогатый, но только у якутов длинная и снежная зима, с заменой коней *рогатым скотом*, выдвинула на первый план сбор трав. Именно *сбор трав*, а не их урожай, так как травы могут уродиться прекрасные, подножный корм может быть богачейший, а между тем здесь может возникнуть недостаток сена: оно может сгнить в копнах, прокосах, его могут унести и испортить на зародах неожиданные осенние или летние разливы.

1) Слово русского происхождения, от: пласт, пластовать.

2) По счету верхоянских якутов десятибуласный стог равняется 9—6 буласному, а два семибуласных равны одному девятибуласному. — С.К о в а л и к. Верхоянские якуты и их экономическое положение. (Рукопись.)

Понятно, что два сенокосных месяца — время самой напряженной и горячей работы у якутов. "Деятельность и усилие якутов во время сенокоса превосходит всякое описание..." — писал по этому поводу Врангель уже в 20-х годах текущего столетия¹⁾.

Теперь все это еще более усилилось. Население от мала до велика работает в сенокос не покладая рук. Не досыпают и не доедают, лишь бы собрать и сберечь лишнюю горсть сена. Запасы сена, их доброкачественность и количество составляют гордость и мерило благосостояния хозяев. Ловкость и неутомимость в косье считаются качествами, ради которых прощают человеку другие его недостатки.

"Правда, он беден, но он первый косец, он в состоянии выкосить два воза в день, его прокос с лишком сажень шириной", — говорили баягантайские якуты про якута Дмитрия, объясняя то влияние, которым он, несмотря на бедность, пользовался в обществе (Баягант. ул., 1886 г.).

"Егорка каторжник и плут, но он вместе с женой выкашивает десятину в день..."²⁾ — защищали своего провинившегося родовича хатынгаринские якуты (Намск. ул., 1889 г.).

"В сенокос — день год кормит", — говорят якуты, вполне правильно применяя земледельческую страдную поговорку к своему сенокосному времени (Намск. ул., 1890 г.). Все это время у них страда, и недавние ленивые кочевники в этот период неузнаваемы.

Начиная с Петрова дня в поле в Якутской области выходит ежедневно до 20 000 косцов. Число это постепенно растет и в половине лета достигает двух третей всего проживающего на месте населения. По нашим вычислениям, якуты в состоянии выставить армию рабочих всего в 40 000 косцов и 80 000 гребщиц (женщин и подростков), полагая по одному взрослому косцу и две гребщицы на семью из пяти душ³⁾.

Дома остаются только богатые люди, да маленькие дети под присмотром дряхлых стариков и старух. В усадьбах — пусто; зато на лугах кипит работа, позванивают косы, мелькают яркие платки и ситцевые рубахи женщин, раздаются песни и возгласы, а по вечерам перед маленькими крытыми сеном шалашами теплятся там и сям огоньки. Всюду тысячи копен, длинные прокосы и необъятные, зеленовато-рыжие от колосьев пырея поляны зрелой, не скошенной еще травы. Только нигде не видно скота, необходимого аксессуара всякого более оживленного

1) Путешествие, ч. II, с. 70.

2) Б и р д е с я т н ы й. Десятины якуты считают в 80x40 саж.

3) Количество работающих, конечно, всегда ниже этой предельной цифры; многие уходят на прииски, в извоз, в города, где живут круглый год, многие не косят потому, что богаты, больны или отправляют служебные обязанности.

якутского ландшафта. Если где-либо и виднеется одинокий бык с кольцом в носу и поводом, опутанным вокруг рогов, так это "ездовое" животное, на котором через известное число дней привозят с отдаленных "летников" пищу косцам. Косцы ночуют в поле и домой являются только в праздники или в ненастье. Интенсивность работы увеличивают постепенно: в первый день проходят два-три покоса, не больше — "разминают тело", на другой, на третий день размер увеличивают, а через неделю уже работают настоящим образом.

"Если сразу набросишься на работу — худо, ослабеешь", — объясняют якуты (Баягант. ул., 1885 г.; Намск. ул., 1887 г.). Едят они в покос хорошо; даже бедняки припасают к тому времени хоть немного масла, муки, чаю и табаку. В начале лета, когда днем жара, косят по большей части ночью, по утрам и вечерам. Спят днем. Спят вообще мало — несколько часов в сутки. Зато в ненастные дни высыпаются не в меру — иногда без перерыва спят по 20 часов. Косят преимущественно мужчины; женщины сгребают и копнят. Впрочем, есть и среди женщин недурные косцы. При плохой пище иногда доходят до полного изнеможения. Я знаю в Баягантайском улусе случай временного сумасшествия, приписанный жителями поистине "чрезмерному" труду и нужде. Лица работающих делаются под конец покоса какие-то тупоумные, страдальческие, походка тяжелая и вялая.

Эта лихорадочная деятельность вполне понятна. Быстро здесь блекнут, отцветают, деревенеют травы, быстро проходят хорошие дни и наступает дождливая половина лета, когда каждый солнечный день — подарок. Меньше чем 50 дней, с вычетом праздников, отводит якутам природа для выполнения доброй половины, если не двух третей, их годовичного труда. Они должны собрать за это время с лишком 24 000 000 пудов сена стоимостью в два с половиной миллиона рублей, то есть выкосить и убрать с лишком 180 000 хозяйственных десятин (3 200 кв. саж.) лугов, считая по 140 пудов сена с каждой десятины¹⁾.

Иначе им грозит голод и разорение²⁾.

1) Количество сена с десятины редко достигает 240 или 200 пудов; средний сбор равен 140, а чаще всего 100 пудам сена.

2) Расчет, конечно, приблизительный. Сделан он следующим образом: голов рогатого скота, по официальным данным, за 1891 г. показано 243 153. На каждую голову полагают якуты в год 100 пудов сена, что равно 24 315 300. Это количество, несомненно, ниже настоящего ежегодного сбора. Правда, якуты подчас очень скверно кормят свой скот, правда, я допускаю, что весь скот взрослый, между тем как на каждые 10 голов нужно полагать 3—4 подростка и теленка, требующих 40 или 60 пудов на голову, не больше; но зато я ничего не прибавил на конный скот, рабочих лошадей и рабочих быков. Рабочий конь потребляет от 800 до 1 000 пудов в зиму, а бык на 20—30 пудов

больше дойной коровы. Приблизительно на каждые 15—20 голов рогатого скота приходится или один бык, или один конь. Затем несомненно, что скота у якутов больше, чем это показано в официальных данных. Сбор сена по официальным данным оказывается много меньше предполагаемого нами:

Всего в Якутской области	В Якутск. округе	В Олекмин. округе	В Вилюйск. округе	Верхоянск. округе	Колымском округе
1882-17 196 331 п.	10 613 206 п.	571 145 п.	5 590 650 п.	409 500 п.	11 830 п.
1884-19 444 709 п.	»	»	»	»	»
1885-13 841 157 п.	8 185 307 п.	4 816 700 п.	710 945 п.	109 660 п.	18 545 п.
1886-14 023 337 п.	8 354 312 п.	652 975 п.	4 900 800 п.	94 200 п.	21 050 п.
1887-11 797 260 п.	7 613 475 п.	450 135 п.	3 601 100 п.	106 600 п.	22 950 п.
1888-13 197 295 п.	8 572 080 п.	510 780 п.	3 826 380 п.	272 000 п.	16 085 п.
1889-15 682 668 п.	11 209 200 п.	499 638 п.	3 734 910 п.	224 800 п.	14 120 п.
1890-14 088 591 п.	9 890 140 п.	390 335 п.	3 320 806 п.	467 000 п.	20 610 п.

Эти цифры безусловно не точны. Даже в урожайные по всей стране годы, каков 1884 г., показано значительно ниже необходимого количества. Между тем в этом году, проезжая по Верхоянскому, Колымскому и Якутскому округам, я всюду видел массы оставшегося в запас сена, и пуд его упал местами до 2 ¹/₂ копейк. Привожу количество сена в Вилюйском округе за 1860 г. по Мааку.

в Сунтарском улусе	5 720	десят.саж.	стога	1 716 000	пуд.	на	31 797	штук	рог. скота
» Мархинском	»	6 267	»	»	»	»	1 880 100	»	»
» Верхневилуйском	»	2 403	»	»	»	»	720 900	»	»
» Средневилуйском	»	8 088	»	»	»	»	2 426 400	»	»

Итого 22 478 десят.саж. стога 6 603 400 пуд. на 76 829 штук рог. скота

Данные Маака очевидно были собраны старательнее. Там в этот год был недород, количество скота в следующем году уменьшилось; но соотношение между запасами сена и количеством рогатого скота, во всяком случае, более соответствует нормальному; в общей сложности выходит по 90 пуд. на голову. По официальным данным, даже в урожайный 1884 год, приходится на штуку рогатого скота всего 84 пуда, а в неурожайный 1887 год только по 49 пуд. Между тем для якутской коровы по самому минимальному расчету, чтобы она не сдохла с голоду, нужно 75 пудов сена. Сергей Ковалик, прекрасный знаток якутского экономического быта, в своих заметках говорит, что якуты Верхоянского округа считают для 8 штук рогатого скота совершенно достаточно два десятибуласных стога сена и принимают каждый стог равным 300 пуд. Отмечу, что и я, и Маак принимаем это же количество за необходимое и полагаем, что 300 пуд. = десятисаженному стогу, то же самое, что "десятибуласному". Оба эти сведения прекрасно поверяют друг друга, тем более, что и С. Ковалик и Маак полагают на 8 штук скота:

два теленка	80 пуд.
две прошлогодние телки	120 "
и четыре взрослых коровы	400 "

Итого..... 600 пуд. = 2 десятибуласным стогам

Миддендорф по этому поводу говорит: "По сведениям, сообщенным мне бывшим якутским губернатором, другом моим, тайным советником фон Штубендорфом, в 1859 г. косили сена: в наслеге Сасыл до 57 пудов, в наслеге Игидей до 87 пудов, наслеге Баягантай до 105 пудов на каждую скотину. Кроме того, они заготавливали стог сена для жеребят, равно как и для лошадей, которых рано в году приходилось подготавливать к дальним транспортным походам". Сам Миддендорф полагает, что на голову рогатого скота здесь в год уходит не менее 100 пудов¹⁾.

Если коровы плохо питаются, они рано перестают доиться, у стельных делается выкидыш, а очень старый или молодой, не отъевшийся за лето, более слабый скот сдыхает. Скот и мясо в бескормицу очень дешевы. Корову стоимостью в 18—20 рублей можно купить за 8, даже за 5 рублей. Молоко и молочные скопы чрезвычайно дороги; их нет в продаже, а народ голодает, несмотря на дешевизну мяса; последнее на рынке только для обмена на сено или на деньги, необходимые для уплаты податей. Сено достигает 25—30, даже 50 коп. за пуд в местностях, где оно в урожайные годы стоит четыре, даже две с половиной копейки. Такие значительные колебания цен, конечно, сильнее всего отражаются на мелких хозяйствах, не имеющих запасов. Бедняки теряют нередко весь свой скот или ради покупки сена попадают в неоплатную кабалу к богачам. В такие годы воза сена отдается в долг до осени "по-соседски", д ж о м у т, за три-четыре воза или, в знак особого благоволения, рассчитывается по рыночной высокой цене в подряд за косьбу и уборку покосов. Благодаря громадному предложению подрядная цена падает с обычных 3 рублей за косьбу

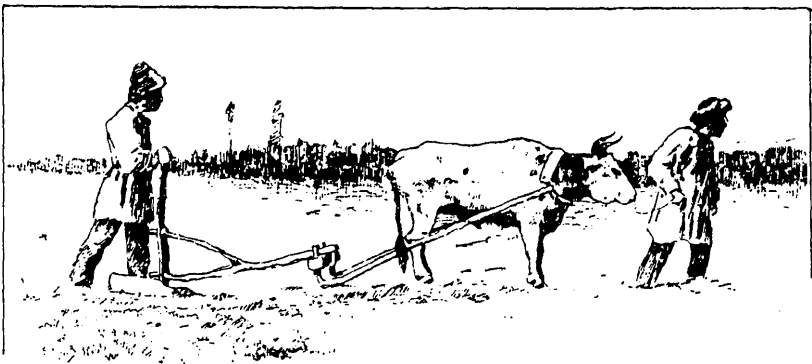

Рис. 33. Якутский пахарь.

Ковалик при этом оговаривает, что дойные коровы требуют значительно больше сена. По моим опросам и личному опыту оказалось, что дойная якутская корова потребляет столько же, сколько и рабочий бык: именно от 6 до 7 возов (120—140) пудов. Норма 75 пуд.—80 пуд. на штуку взрослого скота несомненно недостаточна даже на якутский взгляд.

1) Ч. II, отд. IV, с. 784.

до 2, даже до 1 руб. 50 коп. и с 1 руб. за греблю до 50 даже 30 коп. с той же десятины ¹⁾.

После скотоводства второе место у якутов принадлежит, несомненно, земледелию, как отрасли добывающего труда. Хотя оно теперь по размерам и уступает, например, рыболовству, но значение его быстро растет. Оно захватывает все большие пространства, привлекает к себе все возрастающую долю сил и капитала и в недалеком будущем грозит коренным переворотом в быту самых богатых и густонаселенных улусов. Таковы все без исключения улусы Амгинско-Ленского плоскогорья, такова прилегающая к Лене часть Намского улуса, таков улус Олекминский и на Вилюе: улусы Сунтарский, Мархинский и отчасти Верхневилуйский. Три четверти якутского народа живет в местах, доступных хлебопашеству, и напрасно думают, что оно его не привлекает. Источником подобного заблуждения служит то, что якутского хлеба не заметно, что поля якутов, разбросанные небольшими участками, теряются среди просторных лугов и лесов, что на рынке нет якутской муки, так как якуты не только потребляют сами весь свой хлеб, но еще прикупают его на стороне ²⁾.

1) Цены привозу самые высокие и самые низкие из известных мне. Размер подряда редко определяется десятинами; это только в настоящее время начало входить в употребление; чаще якуты условливаются от копны (2—3 коп.) или от участка к юре. Впрочем, условливающимся настолько хорошо знаком этот предмет, что перевод из одной меры в другую ничуть их не затрудняет и вознаграждение всегда приблизительно остается одно и то же. Перемена условий употребляется как прием торга, чтобы с честью уступить, согласиться или прижать.

2) Если поставим местным жителям вопросы: кто способствовал возникновению и развитию земледелия и на кого оно должно возлагать свои надежды, то обязательно наткнемся на "скопческую легенду". Легенда эта подкрепляется огромными площадями засеваемых полей, отличной продажей муки, хорошей упряжкой, кованными железными орудиями, сытыми лошадьми, а главное, крупными барышами. В сущности, скопцы только воспользовались многочисленными, с немалым трудом, страданиями и затратами, сделанными в прошлом опытами. Нет ни одного употребляемого скопцами земледельческого приема, ни одного земледельческого орудия, описание которого как известного в Якутской области не нашлось бы у Палласа, Гмелина, Миддендорфа, Маака и других путешественников, посетивших этот край задолго до водворения скопцов. Последние сорганизовали земледелие на широких промышленных началах, образовали среди окружающего населения с этой целью полки наемных рабочих и сами заняли по отношению к ним должности строгих и умелых надсмотрщиков. Никаких земледельческих традиций у них нет, и никаких культурных начал в якутское земледелие они не внесли. Вся их сила в деньгах и в торговых способностях, так как, в сущности, они больше предприниматели и торговцы хлебом, чем хлебопашцы. Они даже особенно благосклонно относятся ко всяким улучшениям, могущим обеспечить урожай и уничтожить страшные колебания в ценах, доставляющие им огромные барыши. Когда предложили некоторым богатым скопцам сделать опыт искусственного орошения полей, что

Тем не менее, по официальным источникам, оказывается, что мало-помалу якуты захватывают в свои руки производство хлеба. Так:

год	из общего кол-ва якут. хлеба	
	(четв.)	оказалось
1888	46 673	20 889 (45%)
1889	82 999	40 566 (49%)
1890	91 217	51 259 (56%)

Если с этим сопоставить, что в 1841 г. было всего:

в улусе	посеяно	собрано
Хангаласском	124 четв.	853 четв.
(Кангаласском)		
Батуруйском	68	636
(Батуруском)		
Мегенском	32	242
Борогонском	2	22

Итого: ..... 226 четверти   1 753 четверти ¹⁾.

что в Вилюйском округе только спустя восемь лет сделали первый слабый земледельческий опыт, то нельзя не признать, что хлебопашество у якутов сильно подвинулось вперед, хотя и состоит в некотором антагонизме с главным их занятием — скотоводством.

Русское хлебопашество в Якутской области возросло далеко не в такой мере, несмотря на большой прилив к нему капиталов за последние тридцать лет с выселением туда массы скопцов ²⁾.

Уже в 1835 году в окрестностях Якутска высеивали до 331 пуда, а в 40-х годах в Якутском округе, включая село Амгинское, случалось, собирали до 6 000 четвертей различных сортов хлеба. Уже в то время русские пахали таким же, как и теперь, сибирским сабаном, боронили железными боронами, жали серпами и даже косили хлеб литовками; молотили его, как и теперь, деревянными катками, веяли лопатами ³⁾.

здесь очень нетрудно ввиду многочисленности и близости высоколежащих водоемов, те ответили: "Да слыханное ли дело?.. Ничего не выйдет!.. Да и кто пересест весь хлеб, если каждый год будет родить!.." Многие из них не раз громко желали неурожая, оправдывая это желание низкими ценами. Скопцы — рутинеры и если вводят кое-какие маленькие улучшения (велки), то лишь такие, которые могут им сейчас же доставить барыши.

1) Миддендорф, ч. I, отд. IV, приб. I.

2) Русских, занимающихся земледелием в Якутском, Олёмминском и Вилюйском округах, можно полагать около 6 000 душ обоого пола. Скопцов в Якутской области в настоящее время находится 715 мужчин и 458 женщин; всего русского населения в области: в городах 2 832 мужчины и 2 202 женщины, в округах 5 102 мужчины и 1 334 женщины.

3) Миддендорф. Цит. соч., отд. VI, добав. IV.

Покупка большинства этих орудий была недоступна бедным якутам по дороговизне, а сами они делать их еще не выучились. У них не было опыта, сноровки, не было обученного рабочего скота, а главное, не было уверенности и достаточно побудительных причин для борьбы со всевозможными неудачами. Богачи смотрели недружелюбно на зарождающееся земледелие, справедливо видя в нем соперника, отвлекающего нужные им рабочие руки. Только честолюбие и ожидание наград свыше заставляло некоторых сеять немного хлеба напоказ. Полевые работы производились тогда самым жалким образом. В Намском улусе, в местности, где теперь каждый якут старается хоть "сколько-нибудь" посеять, которая теперь доставляет скопцам-капиталистам целую армию прекрасно обученных полевых рабочих, где все земледельческие орудия, начиная от грабель и кончая двухколесным плугом, изготавливаются якутами, рассказывали мне старики-очевидцы любопытные агрономические анекдоты, выдавая их за недавнее прошлое.

"Раньше росло... и как еще росло... А только мы были глупые! Приказали, помню, делать якутам огороды... Посадили картошку, репу... Репа уродилась величиной с человеческую голову, картошка в кулак. Между тем якуты на собрании (муняк) решили все съесть и показать, что ничего не уродилось... так и сделали" (Намск. ул., 1890 г. Хатынгаринский наслег, рассказывал Харитон Кобелев).

"Теперь за семена большие деньги платим, а когда впервые приказали якутам сеять хлеб и раздали по фунту семян на душу, то якуты ворчали: "Что за мука, заставляют без толку работать". Все думали, что сам царь пользоваться хочет... Сильно ворчали... То же самое, когда приказали косить литовкой, говорили: "Что за глупость, и работать-то не дают... Наступило большое мученье... а оказалось хорошо" (Намск. ул., 1888 г.).

"В старину сеяли хлеб так: вскопают кое-как землю лопатой — только бы чернела, разбросают семя, затем возьмут суковатую, раскидистую ветвь за конец и волочат по пашне... Вот и заборонили... все семя наверху... прилетят птицы и половину съедят... И все-таки родило, и не так родило, как теперь, а посеешь несколько фунтов и будешь с хлебом со всей семьей целый год" (Намск. ул., 1890 г.; Баягант. ул., 1888 г.).

Еще в 1853 году в глухих местах Вилуйского округа Маак описал приемы работ, подобные вышеописанным: "Вся обработка почвы здесь заключается в том, что ковыряют землю на $\frac{1}{4}$ и на $\frac{1}{3}$ вершка железной лопатой, называемой х о р у р ¹).

1) Х а р у р (Böthling, с. 84) — долотовидная небольшая лопата шириной в 3—4 вершка.

Ковырянье это начинается 9 мая, когда земля несколько растает; работа такая называется с и р е к а х ы э х (копание). Удобрение из конского или коровьего навоза кладут только в таких местах, где не взошел хлеб и остались плешки. Дней через пять или десять после описанной обработки приступают к посеву. Для этого деревянной лопатой (у х а т ы к ю р д ж а х) отгребают несколько сверху землю, бросают семена и той же лопатой набрасывают землю обратно. Такая операция продолжается до тех пор, пока высеют все семена (посев по-якутски — б у р д у к у к ы х ы э х а). Во второй половине августа, когда хлеб созреет, что якуты определяют по тому, насколько он побелел, — приступают к уборке. Если нет каких-либо занятий и времени достаточно, то срывают только колосья, по одному, руками. Но если есть другие занятия и, стало быть, время дорого, то хлеб на корню собирают руками в пучки и связывают тальниковым лыком в двух местах: под самыми колосьями и внизу, и затем срезают пучки в виде снопов у самой земли ножом. Снопы эти не имеют особенного названия и отличаются от наших снопов тем, что у нас сперва жнут, а потом вяжут, а здесь сперва вяжут, а затем уже сжинают. При первом из описанных способов собранные колосья кладут в берестяные лотки, называемые а т ы я к, при втором — снопы кладутся на листовничную кору, расстилаемую на земле. Собранные в а т ы я к и колосья сушат на солнце и потом разминают руками для отделения зерен от пленок. Операция эта заменяет молотью. Смятый таким образом хлеб просеивают (отвеивают) при помощи тех же атыяков через простое подбрасывание смятой массы вверх, при этом берут за один конец атыяка, быстро поднимая другой, отчего мякина улетает, а зерна падают обратно в атыяк. Высушенные при втором способе уборки, снопы обиваются над атыяком таким образом, чтобы достигалось удаление колосьев от соломы, потом снопы развязываются и опять обиваются для отделения колосьев и семян, которые могли остаться внутри, и затем просеивают семена, как выше описано...¹⁾.

И сейчас можно встретить в разных глухих углах Якутской области подобные земледельческие приемы. В Баягантайском улусе, среди тамошних микроскопических нив, я не раз видел в жаркие августовские дни голых якутских жниц и жнецов на низеньких стульчиках. Обыкновенно это были старики или дети, и редко их было более трех на одном поле. Они степенно захватывали стебли хлеба горстью левой руки, а правой подрезали их на некотором расстоянии от земли. Жали они небольшим самодельным серпом или чаще всего ножом. Случалось видеть, что среза-

1) Маак, Вилюйский округ, ч. III, с. 166.

ли только колосья. Колосья эти сушат перед огнем, мнут в руках или толкут в ступе. Отвешают так же, как описал Маак, с помощью берестяных лотков.

Такой сбор и такая молотья хлеба практикуются в маленьких якутских хозяйствах во всем крае. Даже в сердце якутского земледельческого района, в Намском и Кангаласком улусах, я видел не раз старух, сидящих вечером у камелька и обрывающих колосья руками со сжатых, как следует быть, больших снопов и затем отбивающих в лотке зерно от плевы. Это, несомненно, самый экономный способ очистки хлеба, тут зернышко не пропадет. Производят его почти исключительно слепые, старики, дети, да разные слабосильные и слабоумные.

"Что им и делать, если не очищать хлеб", — справедливо замечали якуты. В то же время и в тех же местах большое количество хлеба они молотят цепами и сплошь и рядом нанимаются к скопцам и русским крестьянам молотить хлеб катками; веют его лопатами. Я знаю случай, когда якут, ради лучшей очистки и сортировки хлеба, купил даже веялку (Намск. ул., 1891 г.). Вспахивание земли под посев лопатой или копорулей, бороньба лопатой, граблями или суковатой ветвью в настоящее время встречаются уже очень редко, на окраинах, и то только среди беднейшего населения. Всюду уже пашут сабанами, а в долине Лены даже "колесухами" ¹⁾, в которые впрягают лошадей или быков. Последних охотно употребляют ввиду их более спокойного нрава, хотя при этом нужно больше людей, так как плохо обученные животные не слушаются ни голоса, ни вожжи, прорветой в ноздри, и постоянно выходят из борозды. Нужно их водить, даже тащить за этот же повод, выступая вперед. Пахать сабаном легко и нередко в него впрягают одного быка. Нови якуты пахут в 2 вершка глубиной, затем каждый следующий год надбавляют $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ вершка, глубже пяти вершков не пахут. Пахут раз и никогда не двоят. В долине Лены, где уже вошло в обычай двупольное хозяйство, пахут летом до покоса между Троицей и Петровым днем или осенью в конце августа после покоса. В других местностях обыкновенно пахут весной около 8 и 9 мая (Никола), когда земля оттает как раз настолько, насколько глубоко приходится пахать ²⁾. Через несколько дней после па-

1) Сибирский сабан; конец его стрелы лежит на двухколесном передке. Лемех у здешнего сабана один; левый край его загнут и служит за резец, к нему привязана доска, служащая за "отвал". Это полуплуг, полусоха. Происхождение его сложно и смешанно, как происхождение сибирского населения. Паллас введение его в Сибири приписывает полякам.

2) Якуты этих мест почему-то связывают степень талости с пахотой, утверждая, что если оттает глубже, то пахать труднее; для легкости, по их словам, железо должно скользить по льду.

хоты, обыкновенно через два, когда земля подсохнет и разрыхлится, сеют и боронят. Бороны, обыкновенно четырехрядные, бывают железные и деревянные. Сеют якуты преимущественно ячмень. Из 24 000 четвертей, высеянных якутами в три года (1888—1890), на ячмень приходилось 80%, на ярицу — 13%, на пшеницу — 5%, на овес — 2%. Ярицу сеют преимущественно в Якутском округе, овес — исключительно в Олекминском. Высевают якуты на хозяйственную десятину (3 200 кв. саженей) больше четверти, т. е. 8 пудов здешнего легковесного хлеба; это составит на 400 кв. саженей один пуд. Это отношение до того укрепилось, что пашни, вообще хлебородные земли, измеряют *пудами*. Говорят: 2 пуда, 4 пуда, 10 пудов земли, что значит — 800 кв. саж., 4 000 кв. саж. Хлеб всегда жнут, косят только в том случае, если его убило морозом и он назначен на корм скоту. В засушливые годы, когда хлеба малорослы, их дергают с корнями, ползая по пашне.

В дождливые годы урожай на якутских землях всегда бывает лучше, чем на русских, потому что, пользуясь обилием свободных земель, якуты бросают выпаханные участки и заменяют их новыми. Зато в засуху якутские хлеба больше страдают вследствие плохой обработки земли. Меня, впрочем, всегда удивляло одно обстоятельство: в местах, где хлебопашество наименее развито и где замечательное приволье земель, якуты меньше пользуются новьями, чем в настоящих земледельческих улусах. В первых пашут иногда десятки лет один и тот же участок, пока он станет совершенно бесплодным, между тем как во вторых, убедившись в превосходстве пашен из-под леса, не ленятся даже корчевать его и оставляют втуне близлежащие, вполне годные под пашни, но не столь плодородные степные целины. Присмотревшись ближе, я убедился, что первый случай всегда имел место там, где земледелие играло до этого незначительную роль в хозяйстве и отвоевало себе из суммы общего труда столь незначительную часть, что не стоило относить пашни далеко от усадьбы, рискуя даже меньшим урожаем.

В нижеследующих годах якутами было засеяно:

	Якутский окр.	Олекминский окр.	Вилюйский окр.
В 1888 году.....	2 300 четв.	2 360 четв.	309 четв.
1889	2 264	4 576	1 025
1890	3 135	4 311	1 232

Собирают якуты с десятины сам-десятое, сам-пятнадцатое зерно, меньший урожай считается плохим.

Обработка десятины стоит: вспашка 3 — 3 р. 50 к., бороньба — 1 р., уборка 8 — 12 р., обсеменение 12 — 24 р., итого от 24 р. до 39 р. 50 к. Самый большой расход, конечно, приходится на обсеменение. Семена редко выходят из 3 рублей. Даже в урожайные годы, когда зимой можно купить муку по 1 р. 80 к. за пуд, пуд семян стоит 2 р. Это потому, что,

во-первых, на семя берут отборное зерно, так что не каждый хозяин решится сеять свое собственное; во-вторых, потому, что большинство якутов сеет меньше хлеба, чем его потребляет. Этим, конечно, пользуются богачи и, поощряемые весенней распутицей и всегдашним безденежьем якутов, отдают семена в долг, получая барыши в сто процентов. Отмечу, что вообще сохранять хлеб якуты до сих пор не научились. Их хлебные амбары и засеки, даже в общественных магазинах, почти везде устроены так скверно, что хлеб, пролежавший в них два-три года, на семена уже не годится. Иногда он до того затхлый, что трудно есть приготовленную из него муку. Это неумение сохранять хлеб поддерживает обычай раздавать общественные семена даже в урожайные годы зажиточным родовичам в долг, пуд за пуд. Таким образом, многие магазины оказываются пустыми в неурожай, что составляет чуть ли не самое сильное препятствие успехам земледелия. Тогда в округе семян чрезвычайно мало. Неурожай хлеба по большей части совпадает с малым урожаем травы, а следовательно, недостатком молока. Хлеб съедается. Замечательно, что хлебопашество окрепло даже в более северных местах, но там, где находились постоянные крупные склады семян, в виде ли русских земледельческих селений или якутских хозяев, ведущих дело на широкую ногу. Якутов, занимающихся хлебопашеством в больших размерах для торговых целей, чрезвычайно мало. Даже такие богачи, как, например, Сыромятников Баягантайского улуса¹⁾, сеяли только для себя, что-то около десятины на дом, а было их 4 дома. Я знал только одного якута, занимающегося производством хлеба на продажу. Это Григорий Дьяконов, бывший староста Хатынгаринского наслега Намского улуса. Он не только сам засеивал свыше 15 десятин хлеба, что для якута очень много, но скупал в урожай хлеб у соседей, даже у скопцов, и развозил его по дальним улусам. Главным образом он отправлял транспорт с мукой на север, в низовья Лены, где с выгодой обменивал муку на рыбу. Много тоже засеивали Афанасьевы и Никифоровы в Дюпсюнском улусе, а также некоторые богачи в Батурусском и Кангаласком ул., фамилий которых не помню. Олекминский якут Антонов в 20 верстах от г. Олекминска занимался хлебопашеством в широких размерах. В Олекминском же округе видел я прекрасные мызы, отлично обработанные, с большими площадями однородных хлебов, с опрятными, основательными хозяйственными порядками, амбарами, ригами, мельницами. Мне говорили, что эти мызы принадлежат богачам якутам²⁾.

1) Глава этого дома оставил после своей смерти имущества скотом, деньгами, товарами и угожьями с лишком на 100 000 рублей, он еще при жизни отделил трех сыновей.

2) У якутов Якутского округа нет ни риг для хлебов, ни крытых сараев. Хлеб сушат в поле в суслонах или развесив на жердях колосьями вниз, затем его складывают в зароды на высокой платформе или крыше хлева ради защиты от мышей.

Впрочем, считаю нужным отметить, что не эти богачи составляют рабочую армию, которая вырывает у морозов, засух, лесов и бесплодия, с каждым годом возрастающее, неопцененное для культуры зерновое богатство. Работа крупных земледельцев часто сводится здесь к роли общественных, дорого оплачиваемых, неумелых, невежественных и жадных казначеев и экономов. Бедняки сеют, правда, мало — по горсточке, но их самих много, и они, несомненно, создают эти быстро увеличивающиеся тысячи пудов, они своим трудом, своей, не без борьбы дающейся, воздержанностью, подготавливают почву для лучшей будущности всего народа¹).

Огородничеством якуты почти не занимаются. Огород требует больше знания и ухода: поливки, полки, окапывания. Пашню, посеявши, можно не посещать вплоть до жатвы. Огород больше связывает свободу движения и распределение времени, а огородные овощи своей громоздкостью и чувствительностью к холоду, кроме того, стесняют зимние перекочевки. Только в Олекминском округе, где население стало почти оседлым, огородничество уже вошло в обычай. Там в продолжение трех лет (1888—1890 г.) было собрано якутами с лишком 30 000 пудов картофеля. Кроме того, они разводят капусту, морковь, свеклу и местами сеют коноплю.

Был ли известен хлеб якутам до пришествия русских и какого происхождения слово б у р д у к, которым они его называют? Возможно, что якуты когда-то на своей южной родине знали хлеб, подобно тому, как знали льва, верблюда, овцу, но они забыли о нем, и в Якутской области хлеб появился, нужно думать, только вместе с русскими. Есть, впрочем, одно указание, что он в незначительных количествах мог к якутам попадать и раньше. Именно: в казацкой отписке 1641 года говорится, что "у князца Межеула", что кочует по "Тутуре реке" (правый приток Лены, в верховьях), видели "просо" и что просо это сеют "брацкие люди, живущие по Онге реке, а тунгусы меняют его у них на соболей"²). Хлеб этот в виде дорогого и редкого товара мог проникать и дальше на север; но каким он тогда назывался словом, мы не знаем. Слово б у р д у к, мы думаем, принадлежит к таким безродным словам, как ю к а л а, н а р т а и пр., неизвестно, где оно было усвоено русскими и затем ими же разнесено по всей Сибири.

1) Мне случалось слышать, как бедняк, раздобывший семена для посева, радовался быстро наступившим хорошим дням. "Хлеб посеял, а то съели бы; непременно бы съели... сам знаешь, есть нечего" (Намский улус, 1889 г.).

2) Дополнение к Истор. Актам, т. II, стр. 247.

Рис. 34. Якут - рыболов на лодочке т.н.

аравне с земледелием, как я это отметил выше, следует поставить у якутов рыболовство. Центры тяжести того и другого диаметрально противоположны: если первое быстро развивается на юге, подтачивая там безвозвратно устой древнего быта, то второе то же самое делает на берегу Ледовитого океана, в низовьях больших якутских рек, во влажной, богатой озерами северной части края, за горной стеной, что разделяет Якутскую область на две разные по климату половины. Там две трети населения занимаются исключительно рыбной ловлей и охотой. Впрочем, количество таких якутов, в сравнении со всем народом, очень незначительно. Оно составляет не больше 3%. Именно:

Устьянский улус	1 019 чел. обоего пола
Эльгетский улус	1 475 "
Жиганский улус	2 045 "
Колымский улус ¹⁾	1 607 "

Итого 6 146 чел. обоего пола

Для остального населения рыболовство составляет только громадное подспорье. В каждом самостоятельном якутском хозяйстве есть самодельные снасти и хоть один член семьи в известное время года занимается рыболовством. У богачей есть сети, даже неводы, у бедняков — преимущественно "верши". Рыбной ловлей, как отхожим промыслом, занимались в 1889 году, по официальным данным:

1) В Эльгетском и Колымском улусах у многих, особенно в южной части, есть скот. Поэтому я считал нужным отчислить из общего количества жителей процент, соответствующий количеству скота.

в Якутском округе ...	8 600 чел.
в Олекминском округе	80 "
в Вилюйском округе	980 "
Итого	9 660 чел.

Учесть количество рыбы, добываемой якутами в скотоводческих округах, довольно трудно. Главную массу ее составляет "мундушка", му н д у, маленькая озерная рыбка, род наших малорослых линей¹⁾. Ловля ее привилась у якутов, думаю, потому, что, во-первых, рыбка эта водится во множестве во всех озерах южных округов и во многих озерах Верхоянского улуса, именно там, где есть скотоводство, и, во-вторых, что для ловли своей она не требует никаких особых приспособлений, ни отлучек и вообще отнимает очень мало времени. Ловят ее небольшими цилиндрическими вершами длиною в $2\frac{1}{2}$ аршина, а шириною в диаметр не больше $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ арш. Верши в известных местах опускают на дно и прячут в водорослях, в которых делают веслом наскоро чистые ходы к отверстию верши. Верши ставят совсем мелко или не глубже 4 — 5 фут.: ниже вода холодная и мундушка там летом не ходит. Смотрят их каждый день или через день, глядя по промыслу. Добытая мундушка сейчас же идет в употребление: ее жарят, нанизав на палку, или варят ее целиком неочищенную, нередко живую. Я думаю, что каждая якутская семья в год средним числом потребляет от 10 до 15 пудов этой мелкой рыбешки. Это составит приблизительно около 400 000 пуд. ежегодно во всей стране²⁾. Почти столько же потребляют якуты в год карасей и мелкой речной рыбы. Крупная рыба идет главным образом на продажу. Свежую и соленую, ее везут в города, в богатые скопческие селения, наконец, за сотни верст на прииски. Количество такой крупной рыбы в 1889 году, по официальным данным, достигало:

в Якутском округе	7 291 п.	стоимостью	22 500 руб.
в Олѣкминском округе	315	"	931 "
в Вилюйском округе	3 354	"	6 701 "
в Верхоянском округе	15 360	"	30 096 "
в Колымском округе	165 150	"	82 807 "
Итого	191 570 п.	стоимостью	144 035 руб.

1) См. Введение, с. 116.

2) Эта цифра ниже действительной. Ловится мундушка все лето, с половины мая вплоть до октября. На десять "морд", которые есть у каждого бедняка и которых половину осматривают попеременно, нужно класть 3 — 4 фунта рыбы ежедневного улова. По весне куюрами добывают ее сразу по 20 и 30 пудов, а неводами в иных местностях Дюпсюнского и Борогонского улусов ловят их положительно несметное количество.

В Верхоянском и Колымском округах главное количество рыбы было поймано в северных улусах и на продажу не поступило. По крайней мере до сих пор рыба оттуда не появлялась на рынке: ее полностью потребляли на месте.

Главный подвоз рыбы в г. Якутск и на прииски идет с низовьев Лены: с Жиганского улуса и с Вилюйского округа — летом водою по Лене, а зимою — на санях ¹⁾. Вся рыба на прииски Олекминско-Витимской системы поставляется из вышесказанных двух пунктов. Вывоз мало-помалу увеличивается:

в 1887 г. было	..... 1 593 п.	на сумму	15 835 руб.
в 1888 г. "	..... 1 870	"	22 597 "
в 1889 г. "	..... 1 678	"	18 915 "

Из миллиона пудов, добываемых ежегодно якутами, поступает на продажу, как видим, очень незначительная часть. Судя по изысканиям Маака, для Вилюйского округа она не превышает 4 — 5 %. В южных улусах процент этот еще меньше, там преимущественно добываются худшие сорта, не годные ни для соленья, ни для копчения. Исключение составляет стерлядь, но ловится ее вообще мало ²⁾.

Ловят якуты рыбу самым разнообразным способом. Мундушку ловят, как описано выше, "мордами" ³⁾. Мордами ловят также мелких карасей и низшие сорта речной рыбы: шук, ельцов, окуней, налимов, мелких сегов, тугунов, ершей. Для этого в узких, удобных местах, на небольших речках, на второстепенных протоках — с а л а — больших рек, на текущих из озера в озеро "истоках", с и э н, устраивают "городьбу" — по-якутски б ы с, по-сибирски — "через". В окнах городьбы, сплетенной из лиственничных или тальниковых ветвей, ставят, обыкновенно отверстием против течения, большие морды. Иногда забор "череза" делают в виде решетки из тонких ровных стволов молодой лиственницы, с таким расчетом, чтобы сквозь нее прошла только мелкая рыба. Такими же городьбами после убыли воды запирают глухие "курии", ради поимки забредшей туда рыбы. Там, где на реке нет удобных для "череза" мест, устраивают в известное время года "заездки", по-якутски с ю р ю к, что

1) Из Вилюйского округа вывозят главным образом карасей, которые в продаже обращаются исключительно в замороженном виде.

2) Пуд стерляди на Лене в окрестностях Якутска стоит: свежей от 4 до 5 руб., а соленой от 6 до 8 руб.

3) Морды делаются из тальниковых прутьев или тонко выструганных лиственничных лучинок, они точь-в-точь такие же, как верши, употребляющиеся в России. На Онежском озере зовут их "мердами". Якуты зовут их: т у, что в переводе значит: "вершина". Подобные же верши я видел в Польше и Литве.

значит "быстрина". Это небольшая, сажени 2 — 3 длиною, иногда глухая, чаще решетчатая плотина, на конце которой укрепляется, то против течения, то обратно, смотря по времени года, крепкая верша. Принцип этой ловушки таков: мелкая рыба предпочитает ходить вдоль берега, где течение слабее; встретив препятствие и огибая его, испуганная шумом быстрины, образовавшейся на конце плотины, торопится проскользнуть в первое попавшееся отверстие, в отверстие верши. Осенью ловят таким образом налимов, а весною окуней, ельцов, тугунов и прочую речную мелюзгу. На севере в рыболовных округах с помощью "черезов" и "заездок" ловят и крупную, высшего достоинства рыбу. Там вместо верш нередко настораживают конопляные мережи или холщовые мешки.

Крупную рыбу, крупных карасей, чиров, моксунов, нельм, омулей, сига, стерлядей, тайменей, ловят якуты везде по преимуществу неводами и сетями.

На Лене, в окрестностях Якутска и в Олекминском округе, для ловли стерлядей употребляют якуты "перемёты", б е р е м е т. Перемет — это длинная, сажений 30 — 50 веревка толщиной в палец. Она в одном конце укрепляется на якоре и пускается вдоль по течению в глубине воды. Там она помощью грузов и поплавков поддерживается на известном от дна расстоянии. Масса железных крючков подвязана к ней на коротких (1 арш.) бечевках через каждые $1\frac{1}{2}$ аршина. За наживу для стерляди употребляют дождевые черви, для тайменя, нельмы, налима — живая рыба, куски мяса, гусиные и утиные лапки. Ставят переметы в местах глубоких, где течение тихое и ровное.

Все это точь-в-точь как в России. Есть здесь только один своеобразный способ рыбной ловли, по-видимому, возможный только в Якутской области. Это ловля к у ю р о м. Для него нужно, чтобы рыба, теснимая нарастающим льдом, собралась в больших количествах зимовать в излюбленные омуты. Размеры омута не должны быть особенно большие, глубина не должна превышать двух сажений, иначе работа будет не под силу одному, двум человекам и потребует много людей и много "куюров".

К у ю р ¹⁾ представляет собой небольшую мешкообразную сетку-сак, прикрепленную к обручу, к у а я. Отверстие его не больше $\frac{3}{4}$ арш. в диаметре, длина не больше $1\frac{1}{2}$ аршина. Самая ловля начинается с того, что к у ю р привязывают к жерди, м а н г кы, настолько длинной, чтобы с помощью ее можно было достать дно озера. Жердь эту просовывают в отверстие, сделанное посередине доски, л а а х ы р а. Доска кладется поперек проруби, острым концом упирается в край льда или снежный сугроб, а на другой конец наступает правой ногой рыбац. Опустив к у -

1) Ботлинг пишет к у ю р, с. 178.

ю р на дно, его при помощи жерди заставляют описывать небольшие спиральные круги. Дремлющая на дне рыба, ослепленная взбаламученным илом, попадает в центр водоворота, и когда ее там соберется, по расчету рыбака, достаточно, то ловким своеобразным движением кукора она захватывается в сеть и вытаскивается наружу. Понятно, что таким образом ловится только мелкая рыба. После холодных зим, когда озера сильно промерзают, рыба в омутах скапливается в таком количестве, что ее выбрасывает вверх вместе с водою, бьющею в первое время фонтаном¹). Я был свидетелем, как три кукорщика двумя "куюрами" наловили в продолжение дня с лишком 40 пуд. рыбы. Выловив всю рыбу в одной проруби, пробивают отверстие на несколько саженей дальше и опять пробуют, иногда с не меньшим успехом. Говорят, что чем больше кукоров за раз мутит воду, тем лучше, потому что рыбе некуда уйти. Ловят куюрами почти исключительно на озерах или в речных заливах, превращенных морозами в совершенно отдельные, плотно закрытые льдом водоемы.

Якуты всегда предпочитают единоличные способы рыбной ловли: сети, верши, крючья. Неводами "миром" исключительно ловят они карасей, по льду осенью и весною. На реках и летом отдают предпочтение сетям. Якутские волосяные сети и неводы отличаются от русских работой. Формы те же. Волосяной невод спивается из волосяных тесемок; сети вяжутся из тонких небольших, в длину волоса, бечевок, состоящих из 2 — 5 конских, слабо ссученных волос. Они очень похожи на соетские волосяные сети. При вязании бечевочки постепенно подвязывают к ряду таким образом, что соединяющие их узлы совпадают с узлами очков. Лишние концы обрезают. Вязать приходится пальцами, так как незначительная длина ниток делает невозможным употребление вязальной рыбацкой иглы. Волосяные сети легки, крепки, быстро сохнут, мало преют и мало заметны в воде, но они дороже конопляных. В настоящее время якуты во многих местностях употребляют и конопляные сети. Конопляные сети для щук они красят в бурый цвет отваром лиственничной коры²).

1) Маак говорит о "набрасывании" якутами веток ели в некоторых местах на лед озер, годных для "куюра" (ч. III, с. 177). Такой подготовки я не видел; наоборот, замечал, что якуты предпочитают "куюрить" на озерах сильно промерзших, лишь бы не до дна. Может быть, набрасыванием веток они хотели защитить длинные озера именно от такого промерзания до дна.

2) Я убедился, что щука действительно в такие крашенные сети попадает лучше, чем в простые. Многие сорта рыб ловятся исключительно в волосяные сети, в конопляные они не идут.

Поплавки к сетям делают якуты из свернутой в трубочку бересты; грузила — из плоских камешков, подвязанных внутри кружка из гибкого древесного корня. В болотистых наносных равнинах севера, где часто случается, что на десятки верст кругом не найти камешка, для грузил употребляются конские зубья, черенки глиняной посуды, куски мамонтовых бивней.

Веревки, тяжи, клячи к рыболовным снастям выделяются из худших сортов конского волоса, иногда с добавкой коровьей шерсти, также из пакли, даже из тальничного лыка ¹⁾.

Присматриваясь к приемам ловли, формам, способам приготовления и названиям рыбацких снастей якутов, я пришел к заключению, что якутское рыболовство развивалось под сильным иностранным влиянием, главным образом под влиянием русских и тунгусов. Даже суеверия их тождественны с русскими. Итак: никогда якутский рыбац не даст рыбаку, не состоящему с ним в артели, наживы из собственной коробки. Никогда не позволит прикоснуться к ним незнакомцу и даже не любит, когда осматривают его снасти. Это портит счастье (Нам. ул., 1887 г.). Надев червяка на крючок, обязательно он поплюет на него, чтобы заплевать "кому-то глаза", точь-в-точь как наши мальчишки (Верхоян., 1881 г., Нам. ул., 1887 г.). На севере они дают многим рыбам русские названия. Боганидские якуты всех рыб, исключая хариуса, д ж а р г а — д ж и э р г а, и пелета, и ю к у, зовут по-русски ²⁾. Колымские и верхоянские якуты того же пелета зовут б р а н а т к ы от местного русского — "пелдятка, бранатка". Слышал я также, как эту рыбу звали колымские якуты несомненно русским именем н е р п а (Колымский улус, Андылах, 1883 г.). Омуля, моксуна якуты везде зовут по-русски о м у л ь, м у к с у н. Сельдь местами зовут к ю н д ю б е й ³⁾ (Верхоянск, Усть-Янск и Колымский улус), а местами (Анабара, Боганида) с е л ь д е й, точь-в-точь как и асинские самоеды ⁴⁾. Вяленая или сушеная рыба, для чего обыкновенно берут лучшие жирные сорта, зовется по-якутски ю к а л а — название, судя по произношению, иностранное, позаимствованное, нужно полагать, от самоедов, у которых ю (ju') значит жир, а к о л я (kola) рыба ⁵⁾.

1) Лыко особенно охотно употребляется для "переметов"; такая снасть служит только год, зато она дешева.

2) Миддендорф, ч. II, с. 587.

3) Считаю не лишним заметить, что "к ю н д ю" значит по-якутски драгоценный, несметный, а б е й или б а й — богатый, богатство.

4) Миддендорф, ч. II, с. 587.

5) A. Castren. Wörterverzeichnisse aus den Samojedischen Sprachen, p. 220, 221 i.

Принесено оно в Якутскую область, по всей вероятности, русскими, равно как ими оно занесено на Камчатку, на Алеутские острова, на Анадырь.

То же самое видим в названиях частей неводов, сетей, мережи. Они редко носят специальные якутские технические названия, утерявшие смысл. В большинстве это названия описательные или грубый перевод русских и тунгусских названий. Б а г а д ж и — невод, монгольское: б а г а ц у — прибор ¹⁾, зовется сплошь и рядом м у н г а, что значит мешок, а прорубь, сквозь которую вынимают его из-под льда, якуты окрестили библейским и о р д а н ь. Мерёжу зовут м ё р ё ж а, частые сети и неводы — ч а с т и к; якоревидному, двушальному крючку дают тунгусское название и р и в у н ²⁾ и т.д. Я думаю, что ⁴/₅ якутской рыбацкой терминологии можно заподозрить в иностранном происхождении. Характерно также, что рыб они не приносят никогда в жертву. Я не видел даже, чтобы бросали ее на огонь, в подарок этому всеядному хищному якутскому богу.

Наконец, у якутов нет ни одного собственного названия для рыбацких лодок и судов. Плот они зовут по-русски п у л у о т или б у л о т; вообще лодку — по-тунгусски о г о н г ч о ³⁾. Сшитый из досок карбас — по-русски к а р б а с. Берестянку откровенно признают тунгусской лодкой, т о н г у с и л и о м у к о г о н г ч о. Круглодонный русский стружок, душегубку, зовут у с т р у с, а плоскодонную ветку — самыми разнообразными именами, смотря по местности; в окрестностях Олекминска, в Якутском округе, на Алдане ее зовут подобно бурятам — б а т ⁴⁾, или по-русски б е т к ы; на Боганиде — т о й, на Вилкое, на Колыме, на Яне — где т ы й, где — т ы. Так же точно т и (ti) с протяжным "и" на конце зовут енисейские остяки лодку средней величины, какою является якутская т ы по отношению, с одной стороны, к берестянке, с другой — к карбасу (см. рис. 34) ⁵⁾.

1) Böhrling, 126 ст. Так же зовут вилюйские якуты лесные засеки на лосей и оленей. Маак, ч. II, с. 48. Специальное название для засеки — т о н г у. Маак, ч. III, с. 171.

2) Маак, ч. III, с. 177.

3) Ohoco. Castren. Tungusischen Sprachlehre, p. 101.

4) Так же зовут русские небольшие челноки в верховье Лены. В XVII столетии этим именем называли казаки и более крупные судна.

5) A. Castren. Versuch einer Jenissei-Ostjakischen und Kottischen Sprachlehre, p. 234. Меня, еще в бытность мою на дальнем севере, сильно интересовало происхождение этих изящных прелестных пирога. Все в них носит печать высокой рыболовной культуры и не вяжется с грузной фигурой якута-скотовода. Вначале я приписывал изобретение их тунгусам, тем более что на Колыме приготовлением лучших стружков и веток занимаются именно верхнеколымские тунгусы. Но предпочтение, которое всю-

Миддендорф описывает самоедский т о й средней величины на Боганиде, в 16 англ. фут. длиною, в 2 фут. наибольшей ширины и в 11 дюймов вышины. Весу в нем было 70 фунтов, и стенки нигде не были толще $1/2$ дюйма ¹⁾.

Есть у якутов только одно татарское слово для обозначения плавательного прибора — это а л. Так они в настоящее время называют всякое большое парусное судно: паузак, корабль, каюк, включая ковчег Ноя. Оно, несомненно, происходит от древнетюркского с а л — плот. И теперь еще урянхайцы (соёты) называют так маленькие плоты.

ду оказывают тунгусы берестянкам, а также различие названий смущали меня. Впоследствии, увидев узкую юкагирскую пирогу, я ее признал за прародительницу якутской т ы. Действительно, обе они представляют одинаково острые у носа и кормы пироги, построенные из трех тонких досок. На дно идет самая широкая (от 8 до 10" в самом широком месте), на бока поуже, нередко составная. Бока и дно посередине сходятся под тупым углом приблизительно в 120° , к носу угол этот становится все более близким к прямому, и в самом конце оба сходятся в острое лезвие, чуть срезанное книзу. Длина пироги от 7 до 9 футов, ширина между бортами в самом широком месте — от 11 до 14". Юкагирские пироги при той же длине значительно уже и в дне и между бортами. Они также мельче, именно: глубина их редко больше 6 — 8". Они очень вертки, но замечательно легки на ходу; их без труда можно гнать против быстрого течения и против ветра; они мало парусят. Якутские пироги устойчивее, в них можно плавать даже в волнение; волна в них слабо хлещет. Они крепки, объемисты, иногда поднимают до 30 пудов груза. На воде они чрезвычайно изящны, летят прямо, точно стрелы, колыхаясь не больше, чем плывущий лебедь; все в них рассчитано на легкость, ходкость и крепость. Сшивают их пополам — разрезанными, выпаренными в кипятке, тонкими лиственничными корнями. Дерево (лиственничное) местами не толще 4 — 5 миллиметров. Только там, где швы и скрепления, оно утолщается. В борта вставлены посередине на расстоянии двух футов тонкие, слегка выгнутые кверху распорки. Пловец в одну упирается спиной, за другую хватается, вставая. В борта упираться руками нельзя — швы дадут сейчас же течь; ступить на дно в сапогах опасно, можно каблуками продавить дерево; нужна мягкая обувь или босая нога. Швы просмолены лиственничной смолой, для мягкости смешанной с коровьим маслом или рыбьим жиром. Все изгибы, углы, утолщения рассчитаны на возможно большее сопротивление при возможно меньшем количестве материала, точно делал пирогу не дикарь, а математик. Лодку двигают, ударя попеременно двулопачочным, легким веслом. Я видел, как в такой лодочке плавали в устьях Яны по морю в такую бурю, что, стоя на берегу, можно было видеть дно лодки: ее становило почти отвесно. На юге в Олекминском и Якутском округе эти пироги много грубее.

1) Часть II, с. 580.

Кроме вышеприведенных косвенных указаний, у якутов сохранились прямые предания, указывающие на их недавнее относительно знакомство с лодками, сетями и вообще с рыболовством.

"В старину якуты считали за большой срам ловить рыбу — этим занимались только дети и лядащие люди" (Верхоянск. ул., 1887 г.)¹⁾.

"Раньше, когда у нас было много скота, мы за большой грех считали держать сети. Самый богатый держал их не больше пяти, и то только ради забавы ребят. Теперь у последнего бедняка их не менее десяти, а богачи имеют их по пятидесяти, даже по сто — тем и живут", — жаловались якуты Колымского округа (1883 год).

"Первую лодку нам показали русские, жившие у Тыгына в работниках, они тайком выстроили судно и убежали..." (Намский улус, 1890 г.).

"Когда на другой день, — говорит иной вариант этого предания, — якуты увидели этих двух людей (незнакомых пришельцев), сидящих на воде и размахивающих лопатами, то они чрезвычайно удивились и подумали, что это колдовство, так как лодок до сих пор не знали..." (Намск. ул., 1887 г.). У Худякова в предании о Тыгыне и пришествии русских тоже отмечено рассказчиком незнакомство тогдашних якутов с лодками:

"Между тем Тыгын встал утром: русских нет. А все якуты спали; никто не видал, куда они ушли. Рассердился Тыгын-тоён. Вдруг видят, плывет лодка, а в ней оба русские. А якуты до сих пор не видали лодок"²⁾. Наконец, в одном из преданий о военачальнике Б е р т Х а р а говорится, что "он не мог подать помощи Тыгыну, так как русские на последнего напали летом, на левом берегу Лены, а Берт-хара был в то время с войском на правом". Покуда русские и якуты дрались, он "бегал только вдоль берега с лесиной в руках, отыскивая брод" (Нам. ул., 1891 г.).

Все это заставляет нас предположить, что рыболовство развилось и усовершенствовалось у якутов уже в теперешней их родине и в относительно новейшее время.

1) Отметим, что загадки и пословицы о рыбах и рыболовах всегда дышат у якутов насмешкой:

"Рыжая корова все озеро покрыла экскрементами", — говорят они про сети. "Под землей есть мочальный воришка", — говорят про невод. Худяков, *ibid.*, с.39.

2) Верх. сбор., с.53.

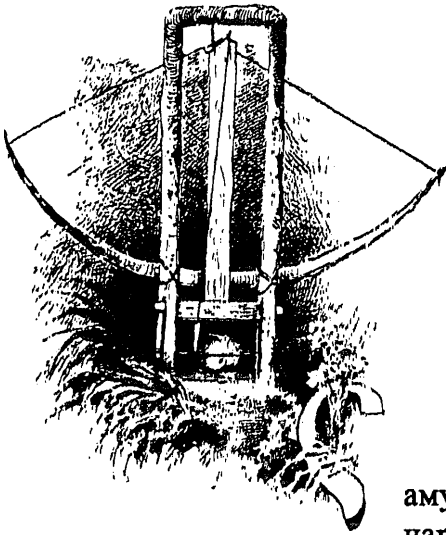

Рис. 35. Ловушка Черкан.

амую незначительную роль в якутском народном хозяйстве играет в настоящее время звероловство. Правда, на севере есть местности, где добыча диких оленей, ленок гусей и уток составляет в известное время года единственный источник пропитания, но вообще во всем крае якуты на охотничью выручку рассчитывают мало. Учесть, какое количество пушного, добываемого ежегодно в Якутской области, приходится на долю якутов, довольно трудно, так как добрая половина шкурок, доставляемых даже северными якутами местным купцам, не добыта ими, а выменена у тунгусов, чукчей, юкагиров на мясо, масло, рыбу, товары. В южных земледельческих, более культурных улусах звероловство в настоящее время почти прекратилось, а охота на водяную и лесную птицу снизошла до очень скромных размеров.

Так, например, в наслеге Батаринском ¹⁾ Мегенского улуса, по сведениям из имеющейся у меня подворной переписи за 1892 год, на 338 семей охотой занимались на досуге только в 52 семьях, и было добыто: 711 турпанов, 542 штуки уток более мелкой породы, 5 гусей, 361 заяц и 2 белки. В Тарагайском наслеге ²⁾ того же улуса, по той же переписи, на 300 семей занимались охотой в 34 семьях, и было добыто ими только 239 зайцев и 3 горностая.

1) Наслег Батаринский, один из центральных наслегов Мегенского улуса, лежит по реке Теря, правому притоку Сола; по величине и числу жителей принадлежит к наслегам средней величины.

2) Тарагайский наслег, такой же величины и численности, что Батаринский, по верховьям реки Мылы, южной своей границей примыкает к Восточ. Кангаласкому улусу.

Это далеко не исключительные наследи, есть такие, как Тулунгинский (того же улуса), Кильдямский (Запад. Кангаласк.), Кусаганнельский (Намского улуса), Хоринский (Запад. Кангаласк.) и другие густо населенные приленские местности, где охотой совсем не занимаются: не на кого охотиться. Человек выжил зверей, птице негде садиться; всюду люди, дым огней и жилища. Зверь остался еще в северных улусах да в гористом центральном и окраинных поясах. Там живущие якуты на Мае, Алдане, Вилкое, Нюе, Муе, Пеледуе и пр. занимаются охотой.

По официальным данным, охотой в 1889 году занималось якутов		
в Якутском округе	6 150	(9%) муж. нас.
в Олёкминском округе	140	(2 ⁴ /5%) "
в Вилюйском округе	1 749	(6%) "
в Верхоянском округе	3 600	(66%) "
в Туруханском округе	300	(100%) "
в Колымском округе	600	(35%) "
Итого	12 539	

Всего больше якуты промышленляют птицы всякого рода. Если расположить их добычу в убывающем порядке по количеству штук, то получим:

водная птица (утки, гуси, лебеди);

горная, лесная и полевая птица (куропатки, рябчики, петушки, кулики, снегири и пр. мелюзга, тетерева и глухари);

звери (зайцы, горностаи, белки, лисицы, песцы, евражки, олени, сохатые, медведи, соболя).

За остальной дичью якуты не охотятся, исключая единичных попутных, так сказать, случаев.

Способы ловли, употребляемые ими, ничем не отличаются от общесибирских, однообразие которых в значительной степени способствовали русские промышленные люди XVII столетия. Позаимствовав остроумные приемы у одних народов Сибири, они передавали их другим, в обмен на новые. На многих ловушках якутов лежит печать такого обмена.

Один только способ ловли мог быть ими принесен самостоятельно из степной родины. Это гоньба зверя верхом на лошади. Охоту эту я наблюдал только на севере, где огромные озера, перемежающиеся с редкими лесами, образуют слабое подобие степи. Гоняют осенью, когда воды замерзнут и выпадет снег настолько глубокий, что не дает скользить лошади, и настолько в то же время мелкий, что не мешает всаднику. Гонят не быстро, но неустанно, по свежему следу. Некоторые пускают собак со своры. Зверя или заставляют скрыться в нору, откуда выкапывают, настигают в поле и убивают палкой. Говорят, что так в старину охотились на соболя.

Излюбленные якутские ловушки: всякого рода волосяные петли, т и р г е н, затем луки-самострелы, а й я, и пасти, с о х с о. Для самостре-

лов делали они когда-то "засеки", т о н г у. Ленных гусей и уток загоняют в "загон", род двукрылого, сходящегося под острым углом забора. В вершине угла — отверстие, вводящее в небольшой решетчатый амбар. Плывающие в ряд на ветках охотники, окружив птицу, сгоняют ее с озера на сушу, а стоящие на берегу люди направляют ее в загон. Ленных лебедей стреляют, колют, бьют палками или ловко свертывают им шеи, собрав их в кучу среди озера. Оленей и сохатых гоняют по весне на лыжах: осенью подстерегают на кормовищах и переправах, зимою ставят на них луки-самострелы. Медведей бьют преимущественно в берлоге или добывают ловушками вроде "амбарной пасти", называемой русским испорченным словом у с т р у б. Мелких зверушек, горностаев, евражек, белок, всякого рода мышей ловят ч е р к а н а м и (см. рис. 35).

Возможно, что когда-то охота была значительно более развита у якутов и пришла в упадок с убылью зверя. Она до сих пор пользуется большим среди них почетом, и титул б у л ь ч ч у т, охотник, выгодно отличается от б а л ы к ч и т, рыбак. Напомню, что в предании об Онохое и Элее последний умиловил разгневанного свекра, между прочим, богатой охотничьей добычей, которую принес и подарил старику. Есть также немало преданий о том, что в старину удалые якутские промышленники забирались далеко от своих стойбищ в лесную глушь, где жили исключительно охотой. Так, по преданию, жил Х а п т а г а й Б а т ы р и сын его Х о х о ё-Б а т ы р, Т а н г а с Б о л т о н г о, С а п п ы-Х о с у н и другие. Еще Миддендорф застал якутов, одиночек-промышленников, далеко за пределами Якутской области, по ту сторону тогдашней китайской границы, в бассейне Амура. Теперь подобные охотничьи странствования значительно сократились, местами почти что вывелись. Думаю, впрочем, что и тогда, задолго до пришествия русских, как и теперь, большая часть драгоценных мехов и звериных шкур, находящихся у якутов в обращении, была добыта не ими, не охотой, а торговлей¹).

Остается упомянуть о той незначительной доле оленей и собак, которые находятся в руках у якутов и составляют часть их богатства. Якутов-олeneводоB, вроде чукчей или самоедов, совсем нет. Все они держат небольшие стада оленей преимущественно для езды, наряду с другими животными — собаками и лошадьми. Долгане, у которых нет других домашних животных, кроме оленей, держат их тоже, главным образом, подобно тунгусам, как вьючный скот.

1) Часто в опросных речах якуты отвечают сборщикам податей: "Ясаку-де платить не можем, потому обезлошадились, на промыслы пешему ходить немочно, а покупать-де не на что — обезживотились".

Якуты Колымского округа разводят их исключительно почти ради почтовой гоньбы. Только в Жиганском улусе, да в Устьянском, да в северной части Эльгетского есть якуты, обладающие настолько крупными стадами, что можно их счесть за оленеводов. Но таких мало. Я знаю всего одного из них; это некто Мартын, богач Эгинского наслега Верхоянского улуса, у которого, говорят, было до 2 000 голов. У других число оленей редко превосходит один-два десятка. Оленей якуты не доят; бьют на мясо тоже только в редких случаях, продажного оленьего мяса у них нет.

Ездовые собаки есть у всех якутов, живущих вблизи границы леса. У более бедных они там составляют единственное домашнее животное. По мере удаления к югу в глубину тайги, к собакам, все в более увеличивающейся пропорции, подмешиваются олени, лошади, рогатый скот. В верховьях Индигирки собак уже не употребляют, низовья, между тем, ими исключительно пользуются. То же самое на Яне, где нет ездовых собак южнее 70° параллели. В низовьях Лены в Жиганском улусе опять встречаются ездовые собаки, хотя, по-видимому, там отдают предпочтение оленям. На Оленеке, Анабаре, Хатанге видим то же самое: в низовьях преобладают собаки, в верховьях — олени. Это понятно, если принять во внимание образ жизни населения. И тут, и там есть мох, но олень неудобен для рыбака.

Если якуты крайне неохотно заводят оленей, которых они откровенно зовут "иноземным скотом" (о м у к с ю о с ю), то собак, считаемых "погаными", они заводят только по необходимости.

У собаки и кошки нет души, к у т, которая наравне с человеком есть у домашнего рогатого и конного скота.

"Черная собака", "Собачья морда", "Четырехглазый черной крови, черный пес" — вот отборные якутские ругательства. Как скотоводы раг ехселенс, якуты в душе с одинаковым пренебрежением относятся как к рыболовству, так и к верному рыбака спутнику — собаке ¹⁾.

1) Миддендорф, отд. V, с. 520.

V. Пища

Кубок для кумыса.

Симир.

Рис. 37. Доение кобыл в Якутской области.

С переменой основ быта изменилась и домашняя обстановка якутов, изменилась их пища, платье, постройки, развились другие ремесла; они многое забыли, что знали, и узнали много нового.

Начну с пищи.

В то время, когда главное богатство якутов состояло из стад конного скота, конечно, пищу их составляли по преимуществу кобылье молоко и кобылье мясо.

Кобылье молоко бедно жиром, а богато сахаром; оно годно для употребления только или в сыром виде, или переработанное в кумыс¹⁾. Кроме последнего да водки "араки", никаких других продуктов из него людям получить до сих пор не удалось. Сырое кобылье молоко якуты в пищу употребляют неохотно, оно, по их словам, вызывает "тошноту"; кипяченое иногда подбавляют в чай в небольшом количестве. В старину на кобыльем молоке варили похлебку-кашу, б у т у г а с, как называют якуты такого рода блюдо. Для этого в большом количестве кипящего молока растворяли небольшое количество муки из сосновой заболони или из съедобных корней: с о р д а н ы, м о н о, к ю ö л ь а с а (*lilum spectabile*, *l. martagon*, *butomus umbellatus*).

Но главным образом кобылье молоко шло на приготовление кумыса. Кумыс — это сырое кобылье молоко, пришедшее в кислое и спиртное брожение. Приготавливается оно у якутов таким образом: парное кобылье молоко, остывшее в подойнике до обыкновенной температуры, сливают в с и м и р, продымленный кожаный мешок с узким горлышком. В молоко кладут закваску, которая состоит обыкновенно из остатков старого кумыса или прошлогоднего кумысного осадка, старательно в свое время собранного и высушенного. Если нет настоящей кумысной закваски, то для этого употребляют простое кислое молоко, или с о р а т. Такой кумыс считается худшим. Затем молоко старательно взбалтывают мутовкой, м у т у к, — деревянным диском, снабженным отверстиями и насаженным на длинную палку, точь-в-точь таким, какой употребляется для выделки масла в Польше и Литве. Мешок для приготовления кумыса, украшенный серебряными подвесками, бусами и прядями белых конских волос, стоит обыкновенно недалеко от камина, на низком стульчике, подвязанный во избежание падения за "уши" на длинном ремне к крыше дома. Дети и женщины между делом подходят к нему и взбалтывают содержимое. Иногда болтают его и гости. Взбалтывание облегчает превращение

1) Кобылье молоко по составу близко к женскому, оно легко горкнет и при продолжительном стоянии гниет.

В 100 частях оно содержит, по анализу Штанге:

Сахара	5,1
Соли.....	0,4
Белков	2,3
Жиров.....	1,9
Воды.....	89,5
Лактопротеина.....	0,8

Итого:.....100,0

молочного сахара в спирт, углекислоту и молочную кислоту, в чем и состоит производство кумыса. Якуты в кобылий кумыс подбавляют немного воды и коровьего молока, но они прекрасно знают, что от этого качество напитка ухудшается. Через полтора-два дня кумыс готов ¹). Он кисло-сладкого вкуса, со своеобразным сырным запахом. Старый, прокисший кумыс немного похож вкусом на огуречный, малосольный рассол. Молодой кумыс бьет в нос от избытка углекислоты и слегка опьяняет, но ненадолго. Он бодрит, быстро восстанавливает силы, прекрасно утоляет жажду. Якуты, избегающие употреблять в пищу кислое после сильной усталости, делают исключение для кумыса. Он быстро, почти без остатка усваивается организмом, возбуждает кровообращение и усиливает все жизненные отправления. Он вместе с кобыльим мясом остался лакомым угощением богачей, воспеваемой в песнях пищей героев. Когда-то, и не особенно даже давно, он составлял существенную часть народного питания.

"Во время сенокоса якуты питаются обыкновенно одним кумысом и выпивают его иногда по целому ведру", — пишет Врангель ²).

"В летнюю пору видно много якутов, пьяных от излишнего употребления кумыса..." — пишет Георги в 1777 г.

"Давно, но не особенно давно, на памяти людей главная пища наша была кумыс", — сообщал мне в свою очередь баягантайский якут в 1885 г.

"Старинные якуты, да и теперь старые старики, порицают русскую еду: чай, хлеб, сахар... Ими больше почитается природная якутская пища: кобылье молоко и кумыс. От них, говорят, человек делается крепок и удал" (Намский ул., 1887 г.).

"Что же, что теперь якуты едят сладкую еду и одеваются в русское платье!.. Разве они силой и выносливостью могут равняться с прежними? Прежде давали коску мешок, с и м и р, кумыса и ничего больше. По месяцам другой пищи не знавали, а косили с утра до поздней ночи. И еще как косили!.. Теперь так косить не умеют. И все были здоровы и крепки" (Баягантайский улус, 1886 г.).

"Теперь больше мода (м у о д л а х) на чай, а раньше был кумыс... Осенью, когда ночью кумыс, случалось, замерзнет у ночующих в поле косцов, его грели в котелках и пили теплым. Невкусен теплый кумыс, но что же делать, если другой пищи не было, кроме как кобылье молоко. Даже б у т у г а с варили на кобыльем молоке. Сливки, масла, т а р а

1) Это приготовление чрезвычайно схоже с приготовлением кумыса киргизами и башкирами. Кумыс по-якутски — к у м ы с, по-киргизски — к у м ы с, по-монгольски — г у н и а р и к или ч и г е н а р и к, что значит кобылье квашеное молоко.

2) Ibid., т. II, с. 69.

(кислое молоко) из кобыльего молока не получишь — один кумыс. Правда, кумыс в это время был хороший, и хороший хозяин гордился хорошим кумысом как счастьем" (Намский ул., 1891 г.). Несмотря на такие похвальные отзывы в честь кумыса и привычку к нему якутов, он не мог служить исключительной пищей. По своему составу он немыслим без дополнения мясом, коровьим маслом или мукой¹⁾). Все кочевники, питавшиеся кумысом, в том числе и древние якуты, потребляли эти продукты в большем или меньшем количестве. Для этого приходилось или часто бить скот, или пополнять недостаток удачным промыслом. Убивать лошадей в достаточном количестве без нарушения хозяйственного равновесия доступно было только обладателям многочисленных табунов. В то время, когда якуты поселились в Якутской области, у них, нужно думать, уже не было овец, мелкого быстро размножающегося скота. Лошадь растет и размножается тихо. Вспомогательный звериный промысел тоже быстро уменьшался с возрастанием населения и уже до пришествия русских почти исчез на Амгинско-Ленском плоскогорье, центре якутской оседлости. Рыболовство состояло в некотором противоречии со скотоводством и всегда было у якутов в загоне. Таким образом, в ряду других причин, заставляющих якутов все более обращать внимание на рогатый скот, явился и хронический, постоянно возрастающий голод.

Кумыс имеет еще то неудобство, что сохранять и перевозить его трудно. Он легко прокисает, загнивает и при небольшом удельном весе

1) В 5 литрах среднего кумыса находится, по Штанге, граммов:

Спирта	92
Молочного сахара	82
Молочной кислоты	28
Белков	150
Жиров.....	95
Соли.....	20
Воды.....	4510

Необходимое количество веществ для поддержания жизни, по Молешотту, следующее:

Углеводов.....	404
Белков	130
Жиров.....	84
Соли.....	30
Воды.....	2000

В кумысе белки, жиры и вода находятся в избытке, а углеводов и солей мало. По заключению Штанге, количество углерода и относительно, и абсолютно недостаточно. Автор свое заключение основывает на анализе самарского степного кумыса, а кумыс якутский вряд ли его лучше.

занимает много места. Неуверенность, где урожай трав заставит проводить зиму, не позволяла оставлять запасов его на месте. Вследствие этого распределение пищи в году становилось очень неравномерным: летом — обилие, зимой — недостаток. Коровье молоко представляет в этом отношении очевидные выгоды.

Из продуктов коровьего молока якутам теперь известны: кислое молоко, сметана, сливки, масло. Им совершенно незнакомы творог и сыр¹⁾, они их готовить не умеют, не любят и не имеют для них названий; они их зовут презрительно "молочным мылом", ю т ь м ы л а т а. Неохотно также едят якуты простоквашу. То кислое коровье молоко, которое составляет теперь их главную пищу, они готовят следующим образом. Снятое, но не закисшее молоко²⁾ сливают в большие железные или медные котлы и в продолжение 2 — 3 часов выпаривают при точке кипения, не допуская бурления частым, легким поглаживанием поверхности молока большой деревянной ложкой. Затем молоко снимают с очага и дают ему остыть до 25 — 28° R., что узнают, погружая палец в жидкость: если тело терпит, температура считается искомою, если холодит — момент пропущен. В такое тепловатое молоко кладут закваску, обыкновенно ложку старого, кислого молока, сосуд закрывают и обертывают шубой. Часа через четыре с о р а т, так называют якуты кислое молоко подобного приготовления, готов. Он представляет изжелта-белую густую массу кисловатого, приятного вкуса. С о р а т со сливками, взбитый при помощи мутовки, дает пушистую, прохладную, легко перевариваемую пищу, любимую не только якутами, но и русскими. По приготовлению, вкусу и внешнему виду он тождествен с монгольским т а р ы к. Летом якуты готовят сорат каждый день или каждые несколько дней, смотря по количеству дойных коров. У богачей имеются для этой цели огромные, в несколько ведер величиною, котлы, а л г ы й, и есть особые печки во дворе под открытым небом. Остающийся от употребления с о р а т якуты сливают в деревянные бочки, у х а т, от русского ушат, или берестяные чаны, х о л л о г о с. В них хранятся скопы до зимы. Чаны стоят в молочных погребах или где-нибудь под навесом, где прохладно. От тепла страдает достоинство продукта: питательность его уменьшается и его "убывает", как выражаются якуты. Такой старый, постоявший сорат якуты зовут т а р. Самый лучший сорат считается осенний, про него говорит поговорка: "Осенний сорат, жалко, не дается". Самый лучший тар, конечно, тоже осенний; он изжелта-белый, чистый и

1) Буряты и киргизы готовят разные сорта творога и сыров и для этого употребляют даже иногда сычуг (Потанин. Очерк. Северн. Мон. II, с. 112).

2) Чтобы убедиться в этом, якутские хозяйки точно так же, как и наши, льют молоко на нагретый лист железа.

не кислый¹⁾. В летний тар подбавляют нередко мелкой рыбы, тогда он называется а х а р а н, или крупу из сосновой заболони, б е с ь т я х т а р. Туда тоже сливают испортившееся во время варки молоко, случайно полученную простоквашу, б ё л ё н ё х, и всякие молочные остатки, а также бросают хрящи, кости, корки хлеба и съедобные корни. Все это, даже рыба и кости, растворяется в молочной кислоте и образует род студня. В тар кладут также ягоды, преимущественно бруснику. С наступлением мороза тар, назначенный на продажу, замораживают в больших ларях, сделанных из навоза или лиственничной коры. Внутренность ларей выкладывают толстым слоем снега и поливают водой, так что пища не касается навоза.

Из тара готовится главное якутское блюдо — б у т у г а с, жидкая похлебка с большой подмесью воды и небольшой — муки, ягод или съедобных корней. Если муки много, то дают ей название к а х ы, от русского *каша*. Если же за подмесь служит сосновая или лиственничная заболонь, проквашенные вареные листья щавеля и лука или какая-либо сушеная трава, то похлебку зовут ю р е — растение. Из тара также готовят у м н а н, который беднякам заменяет кумыс. Это смесь холодной воды, взболтанной с таром. У м н а н из пресного молока называется с и н г э и употребляется неохотно. Все эти блюда готовят из снятого молока. Неснятое молоко якуты употребляют в редких случаях: пьют его сырым или добавляют в чай.

Отстаивают якуты молоко для сливок в неглубоких ямах, о х о н г ч о к, бока которых выложены обыкновенно на скорую руку лиственничной корой, а верх покрыт землей и навозом. У богатых в ямы нередко спущен сруб, и они настолько глубоки, что в них можно ставить молоко только с половины лета, и то не на пол, а на полки: на полу молоко мерзнет. В хороших молочных погребах якуты выдерживают молоко до 4 дней. Стоит оно там в берестяных плоских чашах, ч ы б ы ч а х, разной величины, смотря по количеству дойных коров. У богачей размеры чыбычахов достигают 6 — 7 литров. У бедных чыбычахи маленькие, от 2 до 5 литров. Маленький чыбычах, в 1 литр, называется м е р а й, от русского *мера*, или б е з м е н, от русского *безмен*, т. е. 2,5 фунта веса. Он служит для измерения молока. Величина чыбычахов рассчитана каждой хозяйкой так, чтобы каждый удой ее коров наполнял их доверху. Подбавлять молоко, даже после нескольких часов, считается неудобным: количество

1) Пуд такого тара доходил до 50 коп. С 1 пуда молока его получается 30 фунтов, и меньше чем за 30 коп. его нельзя купить, между тем как худшие сорта стоят 20, даже 15 коп. за пуд.

сливок будет меньше. Сливки, с ю о г е й, снимают один только раз. Их вешают в теплом месте над камином или ставят на полку, где сухо и тепло. Там они скисают в сметану, а с ы с ю о г е й. Сладкие сливки, случается, сбивают вроде крема, по-якутски к ю ё р ч ä х или д о г д а. В к ю ё р ч ä х подбавляют иногда толченую сордану или ягоды. Блюдо это считается якутами барским, почетным и ставится дорогим гостям. Не менее дорогим считается толстая жирная пенка, осадившаяся на сливках, вскипяченных и разлитых в плоские корытца. Употребляется она по большей части в мерзлом виде, рубленная на небольшие куски, и подается как закуска к чаю. Подобная сливочная пенка известна монголам и соëтам Минусинского округа и называется ими "уримэ". По-якутски она ю р ю м э.

На сладких сливках богатые якуты также варят в торжественных случаях похлебки из душистых трав, ягод и кореньев. Особенно вкусный, но вместе с тем и малоизвестный напиток представляет княженика и земляника, вскипяченные со сливками и разбитые с помощью мутовки в эмульсию. Они дают густой, душистый напиток, справедливо могущий быть названным якутским шоколадом.

Главным образом сливки идут на приготовление масла¹⁾. Для этого проквашенные сливки перед сбиванием ставят в теплое место, где они согреваются до 20 с лишним градусов, а затем сбивают при помощи мутовки в том же берестяном ведре, перед пылающим камином. За 15 — 20 минут масло готово. Густую эмульсию, из которой еще не выделилось масло и поры которой полны углекислоты, особенно любят якуты, и хозяйка, сбивая ее, не упустит случая угостить ею мужа, любимого сына или почетного гостя. Эмульсия, подвергшаяся более продолжительному пахтанию, но в которой пахтание еще не выделилось, называется х а я х или "белое якутское масло". По-видимому, якуты раньше знали только этот род масла.

"Когда люди держали мало коров, масла совсем не делали, а только х а я х, да и тот давали только в праздники", — рассказывали якуты Баягантайского улуса (3-й Баягантайский наслег, 1885 г.).

"Якутское масло — это х а я х", — говорили в Намском улусе (1891 г.). На севере, в Верхоянском и Колымском округах, чистое масло готовится в ограниченном количестве и идет почти исключительно на продажу. Масло употребляется якутами преимущественно в виде хаяха. Только отправляющиеся в дальнюю дорогу якуты берут с собой настоящее масло, "топленое или сырое". В Колымском улусе я не встретил ни одной якутки-хозяйки, умеющей добывать настоящее масло. Они

1) С 1 пуда якутского молока получается от 2 до 2,5 фунтов топленого масла и от 3,5 до 5 — сырого.

пахтают сметану в котелках на огне и всегда получают только хаях. В мое время там даже в продаже у якутов не было масла и желающие вынуждены были его добывать из хаяха вторичным пахтанием. На юге, наоборот, приготовление масла совершенно вытеснило хаях и, чтобы получить последний, прибегают к обратному процессу: растапливают в котелке на огне масло и, взбивая мутовкой, подливают постепенно воды, молока или сору, смотря по качеству требуемого продукта¹⁾. Затем эмульсию замораживают, рубят на кусочки и подают к чаю. Хаях такого приготовления значительно хуже и грубее на вкус, и я сразу мог отличать его от настоящего х а я х а, даже тогда, когда кусочки обоих были перемешаны и поданы вместе. Так как процесс производства х а я х а можно разнообразить до бесконечности моментом прекращения пахтания и степенью кислоты материалов, то у каждой хозяйки он имеет свой особый вкус, равно как и с о р а т. Хозяйки гордятся их достоинством, и некоторые сливут на весь околоток, подобно тому, как наши бабы сливут на всю деревню хорошей стряпней хлеба. Масло зовут якуты а р ы; имя это можно считать нарицательным, общим. Так, они зовут древесные масла: о т-м а с а р ы т а; костяной мозг называют у о н г а р ы т а; а р ы, я слышал много раз, на севере называют также х а я х. Масло якутское бывает двоякого рода: свежее, сырое, с и к е й, и топленое, д ж а н г к и р²⁾, что значит, собственно, прозрачный. Масло якуты никогда не солят. В торговле обращается почти исключительно желтое топленое масло. Якуты сумели оценить достоинство этого продукта в своих песнях, сказках, даже в разговорной речи "прозрачное масло" употребляется для выражения превосходства, доброкачественности, высокой ценности. Это превосходный продукт, который в холодных, сухих погребах может безвредно сохраняться годы. Но у якутов, несмотря на вечную мерзлую почву, нет таких погребов, и масло их успевает прогоркнуть в продолжение одного лета. Они поправляют его вкус вторичным протапливанием, но свежего, хорошего масла, как топленого, так и сырого, на якутском рынке мало, и ценится оно дорого³⁾. Масло как пища высшего достоинства играет немаловажную роль на свадьбах, празднествах, шаманствах и в других торжественных случаях. Это лучшее угощение и самый ценный подарок богам.

1) Хаях на воде противный; кристаллы воды выделяются при замораживании, и получаются крупинки масла, перемешанные со льдом. Хаях на молоке сладок, его зовут местами к ъ м ъ р или к о б о р.

2) Botling, p. 123.

3) Безмен (2,5 фунта) топленого масла стоит от 80 коп. до 1 руб., сырого — от 50 до 60, два безмена сырого дают немного больше 1 безмена топленого,

Особенную ценность оно, конечно, приобрело с водворением русских. "Масло пошло в ход с тех пор, как русские пришли и устроили город, а главное, когда стали его покупать на прииски", — утверждали намские якуты (1891 г.). На торговое значение масла указывает якутская денежная единица, а р ы, означающая "один безмен топленого масла, 2,5 фунта". В глухих уголках на нее нередко якуты переводят цену товара, сказанную им в деньгах, и в ней выражают наемную плату и продажную цену предлагаемых предметов. Большинство женщин знает только ее одну и при счете деньгами путается. Масло составляет один из очень важных пищевых продуктов якутов. Самый бедный якут старается, чтобы в праздник оно было у него на столе, и самый скупой хозяин должен покормить маслом хоть раз в неделю рабочих¹⁾. Едят его якуты твердым в кусках, пьют раскрошенным с кумысом, пьют его в чае, пьют топленое, теплое, без всяких подмесей. В здешнем климате напиток этот далеко не противный, и, возвращаясь продрогшим с охоты или промерзнув сильно во время длинного зимнего переезда, я сам охотно выпивал полное его блюдечко. Оно быстро согревает, восстанавливает силы и бодрость, подобно виноградному вину. Якут в состоянии выпить без передышки не больше 0,5 фунта, а с остановками, в продолжение некоторого времени, до 2,5 фунта. Удальцы, способные выпить 5 — 10 фунтов сразу, известны в каждом околотке наперечет, а способных выпить 0,5 пуда, думаю, не больше 2 — 3 в области, но я не знаю ни одного. Способностью выпить много топленого масла якуты так же хвастают, как у нас хвастают способностью выпить много водки.

Из масла и муки готовят "божественный с а л а м а т", свадебное угощение, пиццу мощных духов, богатых людей, больных и рожениц. С возникновением хлебопашества в Якутской области саламат стал употребляться и в менее торжественных случаях и проник в более бедные слои населения. Приготавливается он из влажной ячменной или ржаной муки, сильно прогретой, даже поджаренной в котле на слабом огне. Чтобы мука не пригорела, к ней подмешивают постоянно понемногу воды и ее постоянно мешают. В конце вместо воды подливают масло до полного насыщения. Иногда вместо масла употребляют сливки.

После молочной пищи второе место у якутов занимает растительная пища: древесная заболонь, мука и ее суррогаты, съедобные корни, травы и, наконец, ягоды.

1) В Баягантайском улусе я слышал странный, на наш взгляд, договор: рабочий, вычисляя количество пищи, нужное ему во время сенокоса, сказал: "И раз в неделю накормить *досыта* маслом".

Древесная заболонь главным образом употребляется сосновая; лиственничная считается хуже. Сдирают ее преимущественно летом или ранней весной, когда растение только начинает просыпаться. Со ствола молодых деревьев осторожно срезают верхнюю кожицу и затем с помощью острых закругленных ножей соскабливают нежное оставшееся лыко. Лыко это режут на мелкие кусочки, варят в нескольких водах, чтобы удалить смолу, затем подбавляют в б у т у г а с или сушат, толкут и ссыпают в сухое место в запас. Сосновое лыко малопитательно. Это пища бедняков. В 1859 г., по вычислению Маака, в Вилюйском округе на семью в год уходило от 10 до 100 пудов древесной заболони, меньше или больше, смотря по достатку семьи и развитию хлебопашества в данном уголке.

В настоящее время, за исключением северных округов и беднейших семейств на юге, всюду мало-помалу мука вытесняет древесную заболонь. Старозаветные якуты, жалуясь на порчу нравов, между прочим, приводили в доказательство этого: "Теперь самый бедный якут не обходится без *ячменной лепешки* к утреннему чаю и самый лядащий работник требует себе в пищу *муки*" (Баяган. ул., 1886 г.). Мука проникает также на север, туда, где удобные и дешевые пути сообщения, как, например, в низовья р. Лены. Потребляют якуты муку в похлебке или делают из нее пресную лепешку, которую пекут в лучистом тепле камина, посадив на деревянный рожон и воткнув последний отвесно в шесток на некотором расстоянии от пылающего огня. Испеченное тесто, поломанное на небольшие куски, подают к чаю на сковороде с растопленным маслом. Из той же ячменной муки готовят пресные оладьи, маленькие блинчики из жидко разведенного теста, поджаренные на масле. Квасить тесто и стряпать хлеб, исключая Олёкминский округ и единичных хозяев в окрестностях Якутска, якуты пока еще не знают.

Съедобные растения, употребляемые якутами, нужно разделить на две группы: на такие, корни которых идут в пищу, и такие, у которых съедаются только стебли и листья. К последним принадлежат:

а) Щавель (*rumex acetosa*), по-якутски к и с л е й; листья кладут в тар и варят их в воде, рубят и квасят и затем употребляют в небольшом количестве как приправу к б у т у г а с у.

б) *Angelica sylvestris*; рубят наподобие капусты и квасят с таром; по-якутски и с т и, от русского *щи*. Побеги ее употребляются кое-где и в России в пищу. У якутов называлась она когда-то "дьявольским посохом" — а б а с ы т а я х а ¹⁾.

1) Ботанический словарь Н. Анненкова, с. 36.

в) Крестики (*potentilla anserina*), по-якутски к э н и э с или к э р и э с ь (от русского). Корень собирают, когда растение отцветет и завянет. Траву и корни сушат, растирают в порошок и варят с таром или молоком.

г) Хрен (*cochlearia sisymbroides*), по-якутски ы х р е н; листья квасят и варят с таром.

д) Дикий лук и чеснок (*allium schoenoprasum* и *a. lineare*), по-якутски у л у к (от русского).

По большей части всю эту зелень квасят не порознь, а вместе, превращая ее предварительно с помощью рубки и варки в род шпината. Иногда просто бросают листья в ушаты с таром. Судя по названиям, употребление наземных частей растений в пищу в большинстве случаев перенято якутами у русских. Употребление корней они, по-видимому, принесли с собой с юга Сибири, где многие инородцы употребляют и издавна употребляли те же корни и так же искали их, как и якуты, в мышиных или евражечьих норах¹⁾. Названия этих корней вполне тюркские. Более употребительные из них:

а) Сусаток, хлебница (*butomus umbellatus*), у н д ж у л а, ы н а к а с а, к ю ö л ь а с а, значит тягучка, коровий корм, озерная пища. В сентябре якуты выгребают шестами со дна озера корни этого болотного растения или отыскивают их в грязи обмелевших озер руками. Ложка муки этого корня придает горшку б у т у г а с а большую густоту приятный сладкий вкус.

б) Сардана (*lilium spectabile*), по-якутски с а р д а н г с. Весной якуты отправляются во влажные низменности среди гор, где преимущественно растет этот корень, собирают его в большом количестве, сушат и мелют на муку.

в) Девятерник (*lilium martagon*), м о н о, похож на сардану и употребляется так же, как и первая, в бутугасе.

г) Чакан, моралка, палочник (*typha latifora*), ё р г ё т э б ю с э, болотное растение, корни сушат и мелют на муку.

д) Стурок, черноголовник (*sanguisorba officinalis*), по-якутски ы м ы я к или б ы т а.

Есть еще много других корней, употребляемых местами в пищу; перечисленные известны почти повсюду. Собираение их в настоящее время сокращается, что приписать нужно исключительно распространению и дешевизне ячменной муки. Ягоды, употребляемые якутами в пищу в сыром или вареном виде, идут по количеству потребления в следующем порядке.

1) Георги, с. 174.

1. Брусника (*vaccinium vitis idaea*), кысылотон, красная ягода или просто отон.

2) Голубица (*vaccinium uliginosum*), субуни или сугун.

3) Толокнянка (*arctostaphylos uva ursi*), унгохтахотон (ягода с косточкой); точно так называют местами: *tubussaxatilis*.

4) Черная смородина (*ribes nigrum*), мойнохонили харахаптагас.

5) Кислица (*ribes rubrum*) — кысылхаптагас.

6) Княженика (*rubus arcticus*) и земляника (*fragaria elatior*), их якуты не отличают и зовут одинаково: джедже не или джаджан.

Едят также шиповник (*rosa acicularis* и *r. cinnamomea*), дёлехён, шикшу (*empetrum nigrum*), улахотон, морошку, морошки и т.п., но их не собирают в запас. Совсем не едят малины (*rubus idaeus*), сылы эмиз, ыт-тысытэ, считая ее нечистой. Ягод якуты потребляют относительно немного, относятся к ним как к пище, насмешливо и подтрунивая зовут тунгусов "любителями ягод", отон-сак, "любителями голубицы", субу-н-сак. На якутскую семью в год уходит не больше десяти пудов разнообразных ягод, из которых добрую половину составляет брусника. Грибов якуты никогда не едят и даже с отвращением смотрят, когда едят их другие.

После молочной пищи, наравне с растительной, нужно поставить якутов рыбу. Исключая самые северные улусы, рыба, потребляемая якутами, принадлежит, как я это говорил выше, к худшим, мелким сортам озерной и речной рыбы. Ее жарят, нанизав на палку, или варят неочищенную и слегка только промытую в воде без соли и всяких приправ. Затем, когда она сварится, иногда разбивают ее мутовкой, подбавляют молока, муки, древесной заболони или же похлебку только забеливают молоком и подают рыбью уху, в которой плавают целые рыбы. Чтобы сохранить эту мелкую рыбку в запас, ее по большей части смешивают с таром или квасят в ямах.

"Рыбаки, балыкчытар, кормящиеся исключительно рыбой, собирают мунду (сургинус репенгос) и на зиму", — рассказывали якуты Намского улуса. "Для этого рыбку немного варят, затем выливают ее вместе с водой на сито из старой разломанной "морды" и, когда вода стечет и рыбка обсохнет, сыпают в касс — круглую, сажень глубиной, выложенную лиственничной корой яму. Когда яма наполнится, ее закрывают корой и засыпают землей. Такая рыба зовется сума. Она горькая и вонючая, но балыкчыты предпочитают ее свежей, ее в пищу уходит меньше. Сума заменяет им наш тар. Хатырба, зовут они мундушку вареную и затем высушенную; лыба зовут мундушку свежую, собранную по осени; они считают ее за наше молоко. Бухэбан — свежая, вареная и замороженная, употребляется вместо

хаяха" (Нам. ул., 1888 г.). Мне не удавалось видеть вышеописанного исключительно мундушечьего хозяйства, но я видел, как в обильный улов этой рыбы запасливые хозяйки вареную мундушку коптили слегка на решетках в дыму над трубой юрты, затем сушили и ссыпали в холлогосы — берестяные чаны. На севере потребление и сохранение рыбы якутами отличается от потребления и сохранения русских разве тем, что якуты никогда рыбы *не солят*, а либо коптят, вялят (ю к а л а), либо квасят. Такая проквашенная, пролежавшая в ямах рыба складывается в четырехугольные связки в 2,5 пуда весом и замораживается. Связки обращаются в торговле под неякутским названием к а л и м с я. Одним из любимых и действительно очень вкусных и здоровых блюд считается у якутов "строганина" — мерзлая, изрезанная в ломтики рыба. Строганину подают обыкновенно к чаю. Строганина бывает хороша только из жирной рыбы. Для нее берут рыб разных пород высших сортов: лососины, стерляди; других якуты и не употребляют. Нужно, чтобы рыба промерзла до очень низкой температуры, не меньше 40° R., иначе она кажется дряблой и водянистой. Из частей рыб в сыром виде едят еще печень налима, м а к с а, да икру. Из жареной рыбы и жареных рыбьих внутренностей готовят северные якуты тоже довольно вкусные блюда. В умении пользоваться рыбой и готовить из нее всевозможные кушанья они, нужно сознаться, далеко уступают местным русским, у которых, по-видимому, учились этому искусству.

Среди мясной пищи якутов первое место по количеству съедаемых пудов занимает в настоящее время говядина. Кобылье мясо ценится якутами выше, стоимость его дороже, и оно недоступно для бедняков. Даже средней руки хозяева редко им лакомятся. Его расходится меньше. "Это пища богачей и конокрадов", — не без основания говорят поговорка. Но изредка мясо попадает и к беднякам в виде платы за подряды, сено и т. п. В некоторых местностях богачи охотно производят расчет убойными кобылами или двухгодовалыми жеребьями. Затем на свадьбах, даже небогатых, обязательно бьют конный скот, и все мясо тут же съедается и развозится по домам. Якуты отличают 9 степеней тучности конного скота и три степени истощенности. Мясо в последней степени истощения, ы р б ы т, считают они вредным для здоровья. Матюшкин, спутник Врангеля, описывает, что, когда после многих дней странствования впроголодь он предложил изможденным, пришедшим в отчаяние якутам убить одну лошадь, те отказались: "Нет, лошади наши измучены, покрыты нарывами и ранами, их кровь воспалена, и мы заболеем, если станем есть их мясо", — говорили они ¹⁾. Те же самые рассуждения слышал я не раз.

1) Врангель, т. II, с. 267.

Тем не менее в Колымском округе в 1882 году, когда от плохих подножных кормов гибла по тракту масса лошадей, я встречал целые караваны, до 10 нарт, бесконечно худой и отвратительной падали с ободранной кожей. Их везли на почтовые станции, откуда они распродавались по дешевой цене бедным якутам. Вообще якуты не брезгают падалью, и даже богачи под предлогом "опоя", у р у т т а б ы т, не упустят съесть павшую кобылу или корову, раз она жирная. "Опой" (разрыв сердца) не считается почему-то порочной смертью. Едят они также охотно скот, павший от сибирской язвы, причем выработали целую систему обращения с такими животными. Их добивают, что вообще стараются сделать со всякой безнадежно больной скотиной, но крови ни в каком случае в пищу не употребляют. Затем мясо, разрубленное по четвертям, подвешивают, чтобы оно остыло и обсохло от остатков крови. Едят его, сильно проваривая, не в пример обыкновенному мясу. Внутренностей и жиру не едят. Свежую скотину в рукавицах и всячески стараются не заразиться, тем не менее ежегодно в Якутской области несколько семейств поголовно вымирает от сибирской язвы. Они часто не узнают этой болезни и, соблазненные видом лакомого жира, относят смерть на счет всеизвняющего "опоя".

Лучшими частями в скотине, конечно, считается всякого рода жир. Самый благородный его представитель — мозг голеней ¹⁾, затем — брюшной жир и внутренний, дальше — жир лошадиного или коровьего горба, наконец — жиром обросшее мясо, причем предпочтение отдается ребрам. Голову скотины считают долей почетной, жертвуют ее духам, и потребление ее откладывают к праздникам, но особенно вкусной ее не считают. Таковым считается в ней только язык и губы. Печень, почки, вымя, кишки, налитые кровью, идут на угощение соседей, на подарки и первые блюда, которыми разговляются домашние. Мясо убитой скотины оставляется в целых тушах, замораживается и впоследствии рубится, по мере надобности, на небольшие куски в 0,5 фунта весом.

Мяса якуты теперь употребляют относительно немного, средним числом от 3 до 13 пудов на семью, по исчислению Маака для Вилюйского округа, что приблизительно верно и для других мест. Есть, конечно, такие богачи, которые едят мясо каждый день, даже по два раза в день: утром и вечером, но есть также много таких, которые в год едят его всего несколько раз.

1) Мозг голеней, особенно оленьих, очень нежный и вкусный. Подается сырой и мерзлый.

Кроме скотского мяса, якуты едят всякую водяную птицу, мелкую и крупную, включая лебедя, стерха (аиста) и журавля. Эти три птицы даже особенно ими любимы. Едят куропаток, рябцов, глухарей, тетеревов, полевых петушков, снегирей. Остальной мелкой горной и полевой птицы не едят. Не едят также хищных и ночных птиц, чайку едят неохотно, а некоторых сортов ее не станут есть даже в крайнем голоде: птицы эти священны, они принадлежат одной девушке, духу, ниспосылающему слепоту. Хищных четвероногих, как-то: лисицу, волка, горноста — не едят, а медвежье мясо едят и любят. Едят также евражек, хотя стыдятся этого, считая животное поганым, питающимся, между прочим, человеческим мясом¹). На севере есть бедняки, которые питаются исключительно евражками и одеваются в шкурки этого животного. Мышей и лягушек считают погаными, но молоко, если в него попадут эти животные, не выливают, а только погружают в него крестик или образок. Если верить преданиям, количество животных, изъятых из потребления, все увеличивается, несомненно под влиянием духовенства и насмешек русских. Но издревле якуты не ели свиней, собак и никаких гадов, червей и насекомых. По этому поводу замечает Георги: "По языческому закону могут они все употреблять в пищу, и для этого они по состоянию своих мест, также по житью и обыкновениям питаются тем же, что и предки их ели. Последуя им, гнушаются они свиньями, лягушками и гадиною. Впрочем же, едят не только всяких чистых зверей и проч., но и лошадей, хищных зверей, сусликов, белок, ласок, цапель, водяных и хищных птиц, всякую рыбу и, кроме вышеупомянутых трех родов животных, почти все живущее" (с. 174).

С последним не могу согласиться. Хищных птиц, орлов и соколов, якуты не только никогда не ели, но и не стреляли: эти птицы священны. Ворон, филина, кукушки, некоторых сортов чаек тоже не трогали: это вешие птицы, беспокоить которых небезопасно. Ворону считают за поганую наравне с собакой, а чёчёток (*fringilla linaria*) и других мелких лесных птиц не едят, предполагая, что они превращаются иногда в мышей. Вообще нечистых животных у них не меньше, чем у нас, только животные эти другие. Даже некоторые части животных считаются ими погаными, и бедные якуты, не брезгающие падалью и кобыльим или коровьим влагалищем, ни за что есть не станут скотского *головного мозга*. Последний употребляется ими только для смазки мятых кож или выбрасывается собакам.

1) Поверье это произошло, по всей вероятности, вследствие того, что евражки особенно охотно копают свои норы на могилах. Отвращение к евражкам нужно приписать влиянию русских.

Приготавливают якуты свою пищу чрезвычайно просто. Мясо огня чаще всего варят в воде без соли и всяких приправ. Проваривают его лишь настолько, чтобы оно хорошо насквозь прогрелось и утеряло сырой, кровавой цвет. Мяса вываренного и даже такого, в котором все белки круто свернулись, якуты не любят. Дичь якуты варят еще короче: она у них вынимается из горшка действительно полусырою. Рыбу варят долго. Крупную рыбу, чтобы она не разварилась, не допускают кипеть такими же приемами, как и молоко, т. е. поглаживанием ложкой по поверхности воды. Ее выдерживают при точке кипения нередко в продолжение двух часов, смотря по сорту рыбы. Менее употребительный в настоящее время, но когда-то очень распространенный у якутов прием есть *жарение рыбы и мяса* на деревянном рожне, ю т ю г э или и т т и г е м а с, воткнутом в несколько наклонном положении на известном расстоянии от огня (Маак, табл. V и рис. 38). В о л о н г о и преданиях путешествующие герои почти исключительно употребляют этот кулинарный прием¹⁾.

"В старину якуты больше жарили мясо на рожне", — пояснил в рассказе "Ч о р б о х" повествователь. И теперь якуты в дороге не прочь прибегнуть к этому не нуждающемуся ни в посуде, ни в воде кочевому способу приготовления пищи. Но дома они избегают его, так как оно не экономно. Масса питательного сока и жира стекает в огонь. Дома они жарят мясо на сковороде, для чего режут его на кусочки и подливают воды. Получается то же вареное мясо, приготовленное быстрее, но хуже.

Умение готовить супы и соусы, исключая упомянутые выше бутугас и кахы, отсутствует у якутов. Впрочем, есть у них одна похлебка, прославленная в свое время спартанцами: это похлебка из скотской крови, заправленная молоком и мучной подливкой. Рыбью уху, кроме мундушечьей, стерляжьей и налиметь, обыкновенно выливают собакам. Мясной бульон, скверный и почти всегда припахивающий дымом, якуты едят неохотно²⁾.

Приправ якуты никаких не употребляют. Даже соль стала проникать в их кухню только в последнее время, вслед за хлебом.

Сахар употребляют якуты только к чаю, только вприкуску и в очень незначительном количестве.

Чай, по преимуществу кирпичный, пьют в огромном количестве. Он заменил у них кумыс. Для многих бедняков чай или его суррогаты, забеленные молоком, составляют в иные месяцы года главную пищу. Богачи пьют его три-четыре раза в сутки, каждый раз от 6 до 10 чашек. Бедные пьют чай два раза в день. Кофе якуты не пьют.

1) См.: Худяков, с. 122; см. т. II, Чорбох, Т а н г а с Б о л т о н г о и предание "О великанах".

2) Бульон по-якутски — м и н ь, по-урянкайски — м у н ь.

Водку пьют редко и считают ее не за пищу, а за лакомство. Ценят в ней, конечно, только ее охмеляющее свойство. Хотя у них есть свое якутское название — а р г и, очень похожее на а р х и соётов, но якуты не умеют, как последние, добывать водку из кумыса. В якутских преданиях и песнях я тоже нигде не нашел указания на самобытное производство водки. Если они знали его, то забыли, и с водкой их опять познакомили русские.

Общий обзор якутской пищи приводит к заключению, что молоко, как было, так и осталось основой их питания. Средняя якутская семья, среднего достатка, состоящая из 4 — 5 человек в скотоводческих округах, потребляет в год на себя удой от 5 до 6 коров, что составляет от 200 до 300 пудов молока. Из них от 60 до 100 пудов уходит на заготовление необходимого на зиму тара, масла и пр., остальное потребляется сырое, вареное или в виде свежей с о р ы. Количество пищевых продуктов в год для такой семьи приблизительно равняется:

Молока свежего и снятого	от 140	до 200 пудов
Тара	45	50
Масла.....	2	3
Хлеба.....	5	30
Растительных суррогатов, заболони и кореньев, ягод ¹⁾	100	10
Рыбы ¹⁾	20	10
Мяса	4	5
Сала говяжьего ...	0,5	1
Соли	2,5	10 фунтов
Чая	8	10 кирпичей
Сахара		5 фунтов
Водки		0,25 ведра
Тобака	3	5 фунтов.

В моем распоряжении нет такой же сметы для более отдаленных времен, но, думаю, небезынтересен следующий список годовых припасов богатого якутского семейства в 40-х годах, позаимствованный мною у Миддендорфа.

Фамильного чая ..	от 20	до 30 фунтов
Белого сахара	40	80
Водки	5 ведер	(и более)
Конины	30 пудов	(и более)
Коровьего мяса ...	от 20	до 30 пудов
Масла топленого	10	15
якутского ...	5	7
Творога простоквашного	25 пудов.	

1) Количество рыбы и растительных суррогатов обратно пропорционально количеству муки, мяса, молока и хлеба, потребляемых семьей.

Сверх того еще улов рыбы, охотничья добыча и т.д., редко мука ¹⁾.

В этом списке поражает огромное количество мяса и масла, относительно незначительное тара и почти полное отсутствие муки, табака и соли. В настоящее время расход на три последние вещи неизбежен во всяком якутском хозяйстве. Во всем остальном состав пищевых продуктов у богачей остался приблизительно тот же. Значительно большие изменения претерпел он, по-видимому, в семействах средней руки.

"Мяса мы, бедные, всегда ели мало; в старину летом даже богачи его не ели; скота не били; не знали погребов и ледников" (Баягантайский ул., 1885 г.).

С уменьшением промыслов количество мяса в виде дичи сократилось до очень незначительных размеров, его заменила рыба. Среди растительной пищи на первый план выступил хлеб; кумыс заменен чаем. Сообразно с этим изменился вкус.

"Теперь без чая, без хлеба, без масла никакой рабочий не пойдет в поле. Раньше масло ели только на свадьбах, а хлеба не знали..." (Баягантайский ул., 1886 г.). Когда в Баягантайском улусе я моим соседям, собравшимся помочь мне в уборке сена, предложил на выбор чай или кумыс, все единогласно высказались за чай. Хлеб в южных улусах едят якуты теперь ежедневно, а некогда, как это теперь в Колымском и Верхоянском улусах, якуты совсем не могли есть хлеба: у них, по их же выражению, "горело сердце". И теперь еще желудок их плохо переваривает ячменную муку, и там, где она составляет значительную долю их пищи (в урожайные годы), каждый ходит окруженный неприятной атмосферой выделяющихся газов. Экскременты их, скудные и твердые на севере, стали у питающихся хлебом обильны, жидки и вонючи ²⁾. Соль сделалась необходимой, и мало-мальски зажиточные якуты охотно ее покупают, платя за фунт 10, даже 15 копеек, и запрос на нее постоянно увеличивается.

Этот быстрый переворот, всего за 30 — 40 лет, был бы для якутских желудков, несомненно, чересчур крутым, не будь они к нему подготовлены прежним потреблением мучных суррогатов и сосновой заболони. Тупоумные, вечно голодные д е н д р о ф а г и, как их называет Маак за огромное количество поедаемой заболони, заменившие во многих мест-

1) Ibid., часть II, отд. VI, с. 785.

2) Кстати, отмечу, что когда мне пришлось прожить на якутском столе без хлеба и соли с лишком год и после того я поел ячменной лепешки, то она подействовала на меня, как яд: появилась головная боль, давление под ложечкой, судороги в желудке, которые прекратились только после приема большого количества говяжьего жира. От соли и пряностей я отвык настолько, что обыкновенные европейские блюда казались мне нестерпимо солеными и пряными.

ностях края, с убылью стад, прежних сметливых торгашей, страстных и подвижных потребителей кумыса, теперь сами в свою очередь исчезают, превращаясь, где только доступно земледелие, в немного тяжеловатых, но воздержанных и предприимчивых производителей и потребителей хлеба.

Распределение пищи во времени следующее: самое *сытое* время, конечно, лето и осень, именно месяцы июнь, июль, август, сентябрь, октябрь. Первые два месяца пища исключительно почти молочная, с примесью небольшого количества рыбы, дичи, растительных суррогатов. В августе уже дает себя чувствовать убыль молока, но поспевают хлеб; в сентябре заканчивается сенокос, начинается осенний рыболовный и лесной промысел; в октябре бьют скот. С ноября многие стельные коровы перестают доиться, убыль молока очень заметна; общее ухудшение питания; в декабре и январе у большинства истощаются запасы, в феврале и марте для многих наступает *голодный* период, когда им только случайно удается *поесть досыта*. В это время чуть ли не половина якутов перебивается кирпичным чаем, чуть забеленным молоком. В марте опять начинается замерший было на зимнее время лесной промысел; в апреле начинают якуты ловить подо льдом рыбу и возить сосновые стволы для сдирания заболони. В мае начинают телиться коровы, и количество молока правильно возрастает.

Едят якуты ежедневно в следующем порядке: встают они до рассвета, смотря по времени года, между 4 и 6 часами утра. Мало-мальски состоятельные прежде всего пьют чай черный или с молоком, смотря по состоятельности и времени года, т. е. присутствию или отсутствию *дойных* коров. К чаю подают иногда хаях или масло, в рыболовных местностях: зимой — строганину, летом — юкалу. После чая через час подают в скотоводческих местностях б у т у г а с, а в рыболовных — вареную рыбу. У богачей два блюда: мясо и бутугас. Часа через три-четыре полдничают: едят сорат или пьют чай. Бедняки, конечно, не полдничают. Вечером опять чай и перед сном ужин: б у т у г а с, к а х ы, а в рыболовных местностях — вареная рыба. У богачей обязательно мясо. Чай всегда у якутов предваряет еду, после нее изредка некоторые, страдающие соли-тером, пьют чашку чая, чтобы их не тошнило; вообще пить чай *после еды* не в обычае. Ужин у якутов всегда плотнее завтрака и обеда. Ложатся спать якуты в 9 — 10 часов вечера; спят, смотря по времени года, работе и количеству имеющейся у них пищи, от 6 до 12, даже до 15 часов. В голод все время они проводят в дремоте, сберегая таким образом пищу и силы.

VI. Платье

"Теперь старинного платья и спать не умеют, и названия его не знают... Теперь все по-русски..." — говорят единогласно якутские любители старины (Намский улус, 1891 г.).

"Теперь пошли ситцы, дабы, шелка, сукна да бейбереты (плис), а старинное якутское платье было: тарбаган, лисица, соболь, рысь, бобер... а еще раньше — кобылья и коровья шкура..." (Нам. ул., 1890 г.).

Действительно: из старинного якутского платья уцелели разве только остроконечная шапка да коротенькие кожаные штаны (сыали), да еще волосяная, кружевная на глаза опояска, заменяющая снеговые или ветряные очки, совершенно по форме одинаковая с урянхайскими к у с т ю к ¹⁾.

Шапок разнообразной формы у якутов в употреблении множество. Но есть одна форма, признанная за старинную ²⁾, встречающаяся реже других, одинаковая как для мужчин, так и женщин (рис. 39). Это плисовый (некогда ровдужный или меховой) колпак, подбитый мехом и отороченный широким бордюром беличьего или тарбаганьего меха. Тулья на висках

Рис. 39. Старинная якутская шапка.

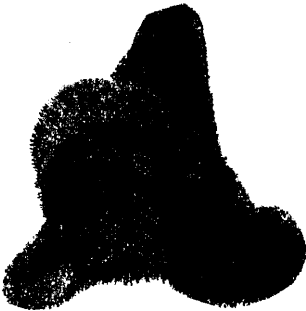

Рис. 40. Киргизская шапка.

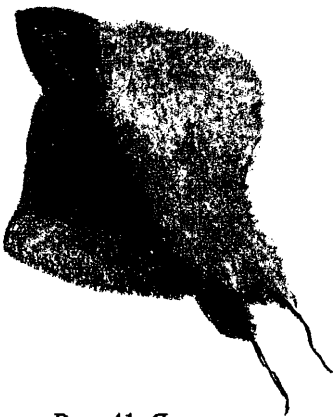

Рис. 41. Якутская женская шапка (¹/₉ настоящей величины).

1) Енисейские самоеды, юкагиры и тунгусы употребляют вместо волосяной сетки бересту с узкой продольной щелкой. Волосяные, черного волоса, сетки они покупают у якутов. В Иркутском музее видел я также серебряные юкагирские очки — тонкую серебряную пластинку с двумя узкими щелями. У якутов подобных очков я не встречал.

2) Такие точно шапки встречаются на древних каменных бабах Монголии (Марко Поло) и, между прочим, на барельефах с гробницы Асхета в нижнем течении

Орхона (таб. XV — 2. "Труды Орхонской экспедиции". Древности Монголии. В.В. Радлов).

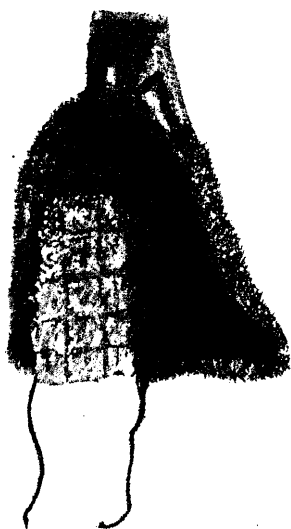

Рис. 42. Якутская женская шапка.

Рис. 43. Колымская шапка из песцовых лап.

Рис. 44. Круглая шапка с бобровым околышем и верхом из лисьих лап.

(1/9 настоящей величины)

клинообразно удлиняется и образует наушники¹⁾). Своей формой она напоминает башлык с усеченной верхушкой и укороченными концами. Общеупотребительная в настоящее время якутская женская меховая шапка, несомненно, произошла от этого колпака, а оба они состоят в самом близком родстве с киргизским меховым капором (рис. 40). С последним якутская женская шапка почти тождественна. Затылочная часть обеих одинаково удлинена. Только в якутской шапке она покрыта дорогим мехом, обыкновенно рысьим и бобровым. Тулья шапки спереди тоже украшена мехом богато, как подобает народу, поселившемуся в звероловных местах, обильных всякою рухлядью. Она обязательно или из черного камчатского бобра, или из черных беличьих хвостов, в старину — соболиная (рис. 41 и 42). Верхушка шапки всегда суконная, черная или зеленая с красными вставками. Иногда спереди нашивают на ней серебряную круглую чеканенную пластинку, т у с а х т а (рис. 45). В Колымском округе остроконечных, колпаковидных шапок я видел мало. Там и мужчины и женщины предпочитают меховой шлем (рис. 43) из лисьих или песцовых лапок, подбитый беличьим мехом. Шапка эта по форме очень похожа на тунгусский меховой чепчик, только толще его, больше и выше. Наконец, всюду, особенно у подгородных якутов, можно

1) Носят ее почти исключительно бедные. Видел я ее изредка в Верхоянском округе да в Якутском, в Баягантайском и Намском улусах у приезжих якутов из глухих отдаленных а л а с о в.

встретить круглую русскую, вернее, татарскую шапку с меховыми наушниками или без них (рис. 44). Бедные делают ее из отборного оленьего меха, подбивают беличьими брюшками; богатые тулью делают бобрювую, а верх кроют лапками красных или черно-бурых лисиц. Последнюю шапку носят и мужчины, и женщины.

Летом мужчины носят картуз или повязывают на лбу ситцевый платок, а то просто — узкий ремешок; женщины носят ситцевые платки, меховые шапки, наконец, "модницы", к е р г е м с я х, — круглые поярковые шляпы, завязанные под подбородком на широкие яркие ленты (рис. 22). Все эти формы головных уборов нередко существуют параллельно бок о бок в одних и тех же местностях.

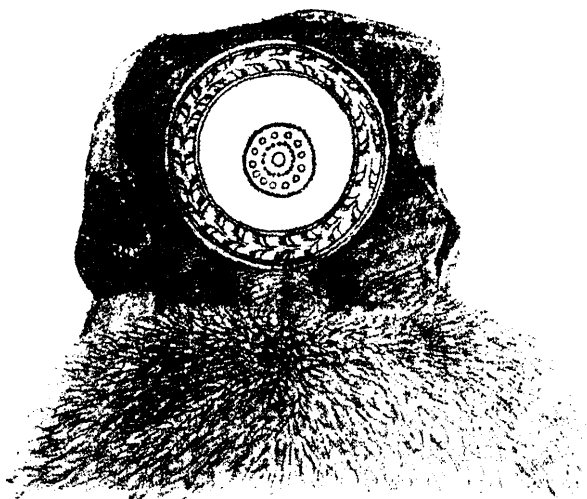

Рис. 45. Верхушка якутской шапки с серебряной тусактой (1/2 наст. велич.).

Среди верхнего платья на первом месте стоит якутский с о н ¹⁾. Это длинный, до колен, чекмень, крытый ровдугой, плисом или иной тканью, подбитый мехом заячьим, лисьим или ватой. Летний с о н шьется из тонкой материи, сукна или плиса, на тонкой летней подкладке (см. рис. 22 и 24). Бедняки носят с о н ы из кобыльей, коровьей или телячьей шкуры, выделанной, но не лишенной шерсти. Надевают его нередко прямо на голое тело, мехом всегда внутрь. Шьется с о н всегда односторонний, из четырех клиновидных одинакового размера полос: двух для спины и двух для переда (рис. 48 и 49). В плечах он в обтяжку, но к низу становится все шире и оканчивается довольно просторной юбкой. Чтобы размеры последней увеличить ниже талии, у пояса вшивают клиновидные вставки (рис. 50) числом от двух до трех, образующие крупные выступа-

1) С о н — значит, собственно, толстый; с о н к и с и — толстый человек.

Рис. 46. Сон из кобыльей кожи; перед ($1/16$ наст. велич.).

ющие фалды. Верх этих фалд не всегда пришит к поясу, и иногда он образует нечто вроде складок или крыльев, свободно болтающихся у бедра. От этого фигура одетого делается еще более широкой и неуклюжей. Неуклюжесть костюма к тому же увеличивается чрезвычайно короткой, начинающейся чуть ли не под пахом, талией и странной формой рукавов: узких у запястья, широких и сборчатых у плеча (рис. 52). Сборки образуют буфы, величина которого вполне зависит от состоятельности и щегольских наклонностей собственника. У почетных, богатых князей и княгинь буфы и крыловидные у бедер вставки достигают иногда уродливых размеров. У сон а воротник всегда отложной (рис. 51).

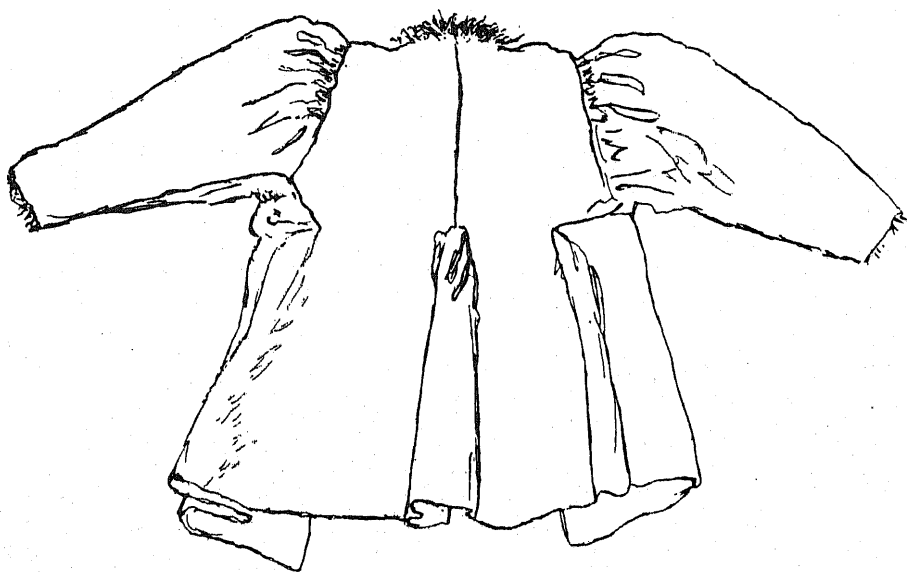

Рис. 47. Сон из кобыльей кожи; спина ($1/16$ наст. велич.).

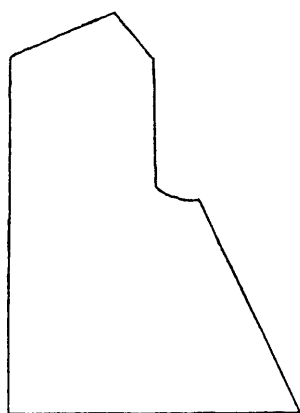

Рис. 48. Правая полоса переда.

Рис. 51. Воротник.

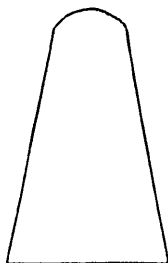
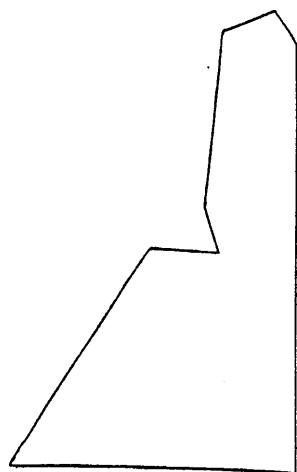
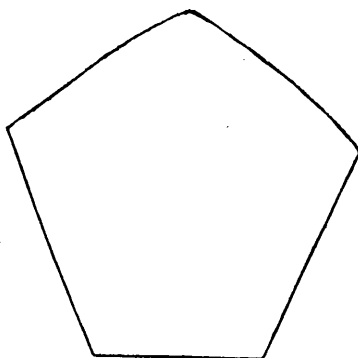
Рис. 50. Клин,
фалда на спине.

Рис. 49. Правая полоса спины

($\frac{1}{16}$ настоящей величины)

Отправляясь в дорогу, поверх с о н а якуты обыкновенно надевают суконный армяк, называемый с у п у н от русского зипун. Последний шьют из белого, желтого или серого сукна; воротник, края бортов, а у женщин и подол обшивают плисом или красным сукном. Буфы и крылья у с у п у н а, конечно, больше, чем у с о н а, и, кроме того, он сзади снабжен разрезом для верховой езды.

Рис. 52. Рукав ($\frac{1}{16}$ наст. велич.).

Иные роды верхнего дорожного платья, как-то: дохи (да хы), парки (паркы), куклянки (куклянкы), кукашки (кукашкы) — редко шьются якутами самолично, чаще они покупают их готовыми у чукчей, тунгусов и юкагиров. Их названия: дакы, паркы, кукашки, куклянки и проч. — позаимствованы якутами у русских, а на материал для них употребляются исключительно олени меха.

Доху зовут также иногда с а н г ы я х, что значит "мехом наружу"¹⁾, но настоящий якутский с а н г ы я х представляет совершенно особое и по покрою и по происхождению одеяние. Это чуть ли не старейший из известных якутских костюмов. На гравюрах Георги (1777 г.) и Сарычева (1785 г.) якуты изображены в с а н г ы я х а х. Мужской костюм на этих рисунках странен: его украшения, форма и работа сильно напоминают тунгусские, вернее, юкагирские кафтаны. Там же оговорено, что это охотничий якутский костюм. Но женские костюмы почти тождественны с с а н г ы я х а м и, находимыми Мааком в старых гробницах Вилюйского округа, а также срисованным им старинным фамильным костюмом богатого якута Сунтарского улуса²⁾.

Ближе всего к ним теперешние нарядные с а н г ы я х и, вышитые с боков и на спине шелком, бисером, серебром, отороченные бобром, выдрю, рысью, черно-бурой лисицей, тарбаганом или даже целиком сшитые из этого меха. Серповидный меховой (речного бобра) узор на спине, о котором говорит Маак, вышел из употребления. Я видел его на севере всего у трех свадебных с а н г ы я х о в. Все они были из отборного тарбаганьего меха³⁾ без всяких других украшений; сзади во всю спину пришит был узор, напоминающий орла с распущенными крыльями, из того же меха, только более темного. Покрой с а н г ы я х а отличается от с о н а маленьким стоячим воротником, а также отсутствием или по крайней мере меньшей величиной фалд сзади и буфов на плечах.

Такие нарядные с а н г ы я х и стоят иногда до 200, даже до 1 000 р., передаются из поколения в поколение как семейная драгоценность и надеваются в исключительно торжественных случаях. В повседневном обиходе с о н всюду распространеннее сангяха. Я всего раз или два встречал в глуши⁴⁾ с а н г ы я х как будничное платье. Это были красивые,

1) Böhling, p. 153.

2) Такие костюмы вилюйские якуты зовут т а н г а л а й, что значит точно: одеяние.

3) По-видимому, пристрастие к тарбаганьему меху якуты тоже вывезли с юга. В Якутской области нет тарбагана, между тем предание говорит, что древние с а н г ы я х и делались из тарбагана, и до сих пор на севере свадебные с а н г ы я х и тарбаганьи (Колым. окр., 1883 г.).

4) В Колымском улусе в таком платье ходила известная красавица Акулина, сестра старосты Кангалаского наслега. В Верхоянском улусе я видел его где-то по дороге в Уст-Янск.

легкие кафтаны длиною немного ниже колен, сшитые из пестрых телячьих кож. Скроенные в талию, в обтяжку, надетые прямо на голое тело, они

Рис. 53. Сангьях (фас).

прекрасно обрисовывали фигуру, а отсутствие воротника и небольшая вырезка на груди, обнажая шею, делали их похожими на кокетливые костюмы юга. Есть указания, что с а н г ы я х, который зовут также с а г ы н я х, в прошлом имел значительно большее распространение. В с а н г ы н я х а х хоронили мертвых, в с а н г ы н я х и одевали и одевают теперь на севере молодых для свадьбы. С а н г ы я х дарится как брачный подарок свекрови. Наконец, в женском с а н г ы я х е, в случае отсутствия костюма, совершает на севере шаман свои мистерии (Колым. ул., 1883 г.). Но с а н г ы н я х на юге становится все реже; там с о н стал национальным костюмом якутов. Он всюду пошел за ними и в новые колонии. Вместе с якутской речью проник он к местным русским, к объякутившимся тунгусам и юкагирам. Его с небольшими изменениями носят лица обоего пола, самого разнообразного достатка и возраста. Даже если верно предположение, что занесен он сюда казаками не дальше как в XVII столетии, то такое повсеместное и прочное его распространение указывает, что были в народных вкусах соответствующие начала и что на практике формы его оказались целесообразны. Итак: буфы на плечах прекрасно защищают от холода и сырости плечевые суставы, подвергающиеся, больше всего во время верховой езды, влиянию

непогоды; крыловидные вставки защищают бедра, желудок и седалище ездока, не позволяя сильно расхотиться полам чекменя.

В пользу недавнего происхождения с о н а, кроме народной молвы, говорит, между прочим, и то, что выкройки его частей ограничены прямыми параллельными линиями и снабжены треугольными правильными вставками, что указывает как бы на приготовление его из полос узкой ткани. С тканями якуты познакомились ближе при посредстве русских. Старый их с а н г ы я х скроен по другому немного принципу, хотя в позднейшее время и на его форме отразилось влияние с о н а.

В настоящее время только крайние бедняки надевают с о н или с а н г ы я х прямо на голое тело. Всякий мало-мальски имущий якут и якутка носят рубаху, по-якутски — ы р б а х ы. Обыкновенно это синяя дабовая рубаха, одинакового для обоих полов покроя. У мужчин она достигает до половины лядвей, у женщин до колен, у богатых якуток до щиколотки. У богатых она часто ситцевая или из серпинки, цветная, и шьется иногда наподобие блузы. Таковую женскую рубаху зовут х а л а д а й. Рубахи якуты никогда не моют, считая, что это уменьшает крепость ткани. Никогда они также не спят в рубахах. Даже те, которые носят днем белье, предпочитают снимать его на ночь и спать подобно ски-

Рис. 54. Сангыях (спина).

Рис. 55. Сангыях (фас).

фам "нагими на мехах, укрываясь мехами". Остаются они тогда только в коротких кожаных штанах, с ы а л и ¹⁾, похожих на наши купальные (рис. 27). Их якуты никогда не снимают. Форма их для обоих полов одинакова. Ноговицы их длиною всего в три дюйма, снабжены кольцами или ремнями для прикрепления наколенников, с о т у р о, очень схожих с шведскими *Veinhosl*.

Туловищную часть штанов якуты шьют обыкновенно без пояса, часть их, покрывающая сиделице, больше передней части, так что живот почти весь остается наружу. Это делает понятным, почему меховой широкий пояс, набрюшник, составляет неизбежную часть якутского дорожного костюма. Теперь штаны начинают кроить и шить по-русски. В мужских штанах делают небольшой разрез спереди; в женских — такой же разрез делают сбоку. Ноговицы в мужских штанах делают более длинные, и они мало-помалу превращаются в ы с т а н: русские брюки, сборчатые у бедер, с узкими голенищами и тесемками на концах для привязки к ноге (рис. 60). Штаны шьют по большей части из выделанной оленьей или телячьей кожи. Зимой подбивают их мехом. На юге зажиточные носят плисовые шаровары. В подгородных местно-

1) По Б о т л и н г у: сыалыа, с. 161.

стях входят мало-помалу в общее употребление летом дабовые порты. Прежние якутские штаны, судя по некоторым виденным мною образцам, близко подходили к тунгусским и составляли по сравнению с ними ступень выше в развитии этой части костюма. У тунгусов они часто не что иное, как выделанная, приспособленная для человека, снятая "чулком" с задних ног оленья кожа.

Подобный же первобытный характер удержали зимние меховые сапоги, т о р б а с а. Они шьются мехом наружу, из кобыльей или оленьей кожи, содранной с голени, т ы с. Они употребляются преимущественно на севере, и для них нет особого якутского названия. Зовут их э т э р б э с, что значит по-якутски вообще обувь, а также к а м у с, слово иностранное, позаимствованное якутами, по-видимому, у русских.

Форма этой обуви, особенно из оленьих лап, тождественна с тунгусской обувью. В них наколенник соединен с сапогом, и вся обувь представляет длинный, до паха, чулок. Впрочем, любимая и самая распространенная у якутов обувь совершенно другого типа. Она всегда, даже зимняя, шьется мехом внутрь, а гладкой стороной кожи наружу. Состоит она обыкновенно из трех частей: задней части голяшки, вместе с пяткой, и передней части голяшки, вместе с головкой, наконек — подошвы, у л л у к¹). Вся

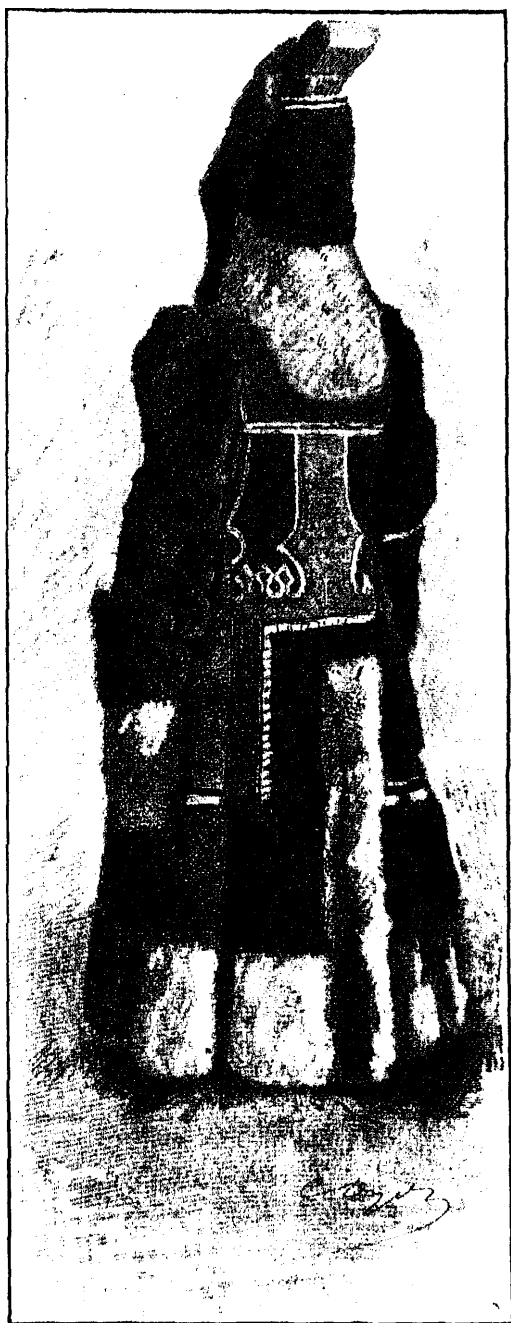

Рис. 56. Сангыях (спина).

1) По-тунгусски подошва у л а (Кастрен).

Рис. 57. Сангыях (фас); рукава шиты по образцу древнего т а н г а л а я.

головка состоит из мелких сборок и оканчивается вздернутым вверх носком (рис. 24). Эта обувь по большей части шьется из мягкой дымленной кожи, с а р ы. Для летней обуви она красится в черный цвет. Такие мягкие сапоги зовутся с а р ы, только переносится ударение. Лучшая для них кожа считается из кобыльего крестца. "Срезать сары" — значит передвоить кожу, точно так, как это делают наши скорняки. Зимнюю обувь предпочитают шить из оленьей или лосьей ровдуги, выкрашенной в желтый или коричневый цвет.

Чулки, к э т е н ч и, якуты шьют так же, как и наружную обувь, только головка чулок делается гладкой, без сборок. Чулки употребляются меховые и суконные. Верх чулок и сапог (с а р ы) украшают суконной оторочкой. Оторочка эта, б и л е, иногда достигает такой ширины, что прикрывает добрую половину голяшки сапога. Тогда она состоит обыкновенно из сукна двух цветов: черного и зеленого или черного и красного, — а у женщин украшается серебром и бисером. С а р ы — изящная, легкая, удобная обувь. Только подошвы приходится часто менять ¹⁾. Хотя хорошие с а р ы в воде не промокают, но теряют форму и никогда не защищают достаточно ноги от влажности. Они не годятся также для глубокого снега, о который быстро стираются их сборки; это обувь, надо полагать, степняка и наездника.

1) На севере обувь нередко подшивают кожей тюленя.

Одеваясь в дорогу, якут прежде всего переменит в обуви подстилку из сухой травы, затем наденет на голую ногу чулки из заячьей или телячьей кожи шерстью вниз, на них мелкие туфельки из того же меха шерстью наружу и поверх натянет сапоги: с а р ы или т о р б а с ы. Наколенники штанов засовываются всегда в голяшки, а на них натягивают дорожные меховые наколенники, с о т у р ы, шерстью наружу¹⁾. Последние стягиваются крепко под коленом, а сверху подвязываются к медным кольцам штанов. Они достигают паха и свободно охватывают бедро. Они не допускают ни снега, ни дождя, ни ветра до нижнего платья, о котором якут старается, чтобы оно было возможно сухое. Приехав на место, якут прежде всего снимает с о т у р ы.

Чтобы закончить описание якутского одеяния, осталось сказать о рукавицах, ошейнике и якутской постели. Якутские рукавицы, ю т ю л ю к, всегда с одним пальцем; перчатки с пятью пальцами зовутся "русскими". Якутские рукавицы отличаются от тунгусских отсутствием разреза у кисти. Они взамен снабжены ремешками, на которых висит рукавица, когда рука из нее вынута и занята работой. Они просторнее, тяжелее и грубее прекрасных, ловких и изящных тунгусских рукавиц. Привязывание рукавиц к рукавам шубы, а также "напульсник" считают якуты тунгусским обычаем. Отправляясь зимой в

Рис. 58. Сангыях (спина); рукава шиты по образцу древнего т а н г а л а я.

1) Особенно охотно якуты делают дорожные с о т у р ы из волчьих лап. Хуже считаются наколенники из лап песцовых, оленьих и кобыльих.

лес за промыслом, ставить ловушки или луки, что требует мягкой, неза- стывшей руки, они надевают огромные, по локоть, рукавицы из медвежьего, оленьего или другого крупноволосатого меха шерстью наружу. Ошейник, м о й т р у к, делают якуты обыкновенно из беличьих хвостов и носят, обернув два, три раза кругом шеи, если позволяет величина. В ошейник прячут они в дороге подбородок, рот, щеки, часть носа. Якуты дышат сквозь мех ошейника и таким образом в жестокие стужи немного умеряют холод глотаемого воздуха. Когда дыхание увлажнит ошейник настолько, что прикосновение к нему становится неприятным, его поворачивают другой стороной; в то время влажная часть быстро обсыхает в морозном воздухе и при обтряхивании совершенно очищается от инея¹⁾.

Охотно также подпоясываются якуты поверх кафтанов поясами. Пояса бывают преимущественно кожаные, шириною пальца в два. У богатых выложены серебром или медью. У пояса нередко висит слева нож в чехле, к ы н а х б ы с а х, справа огниво, х а т а т (рис. 61). Трубку, г а м з а (рис. 61) и кисет носят якуты обыкновенно за голенищем правого сапога. Иногда они нож привязывают к штанам к правому бедру, к кольцам, ради этого там нарочно пришитым.

Кроме перечисленных частей платья, у якутов встречаются еще следующие: ж и л е ц и к (жилет), а л т ы с (галстук), к у ф а й к ы (фуфайка), п л а т (платок), с о л к у п л а т (шелковый платок) и т.д., — которые вместе с названиями позаимствованы у русских. Дома, особенно летом или зимою у пылающего камина, якуты охотно ходят и работают голые.

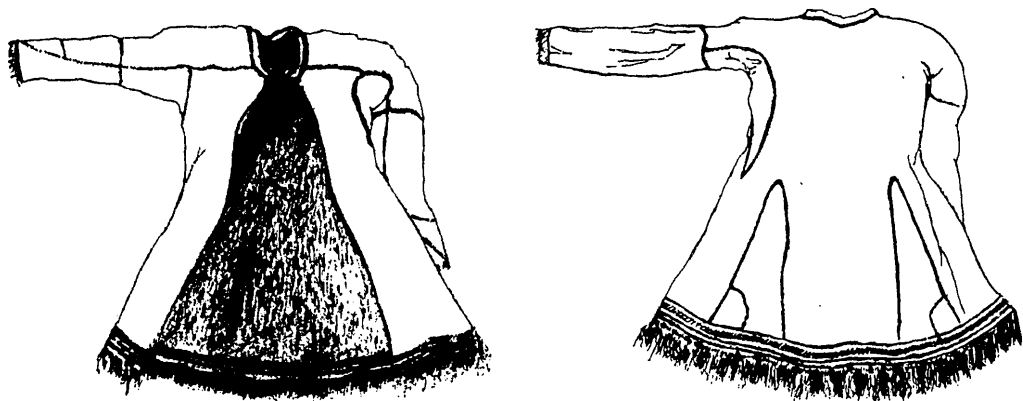
Якутская постель, как дома, так и в дороге, состоит из меховой подстилки, т е л ь л я х, и одеяла, с о р г а н. За подстилку служит шкура кобыля, оленья, у богатых — медвежья; за одеяло — четырехугольная пластина 2 аршина шириною и 2,5 аршина длиною, сшитая из заячьих хребтов, лапок или головок или из песцовых лапок и хвостов. Бедняки накрываются собственными шубами и спят на циновках (с ё р ё)²⁾.

Подушки, с ы т ы к, набивают якуты перьями, кроют их ситцем. Постельного белья не употребляют. Спят обыкновенно вдвоем, под одним одеялом, головами врозь, так что ноги одного приходятся на груди другого. Супружеские пары над своей кроватью устраивают полог. Это ровдужная или ситцевая занавеска, сдвигающаяся на кольцах к одному из столбов кровати, вдоль натянутой вверху веревки. Кольца эти нередко

1) По поводу мехового ошейника Г.Н. Потанин сообщил мне, что такие же точно ошейники из волчьих хвостов носит население в окрестностях Пекина; там же население употребляет набрюшники и наколенники, обыкновенно стеганные на вате, а у богатых расшитые шелками. Это замечательно, потому что этих частей костюма не знают ни в Монголии, ни у соётов, ни у тунгусов, теперешних соседей якутов.

2) Подстилка по-тунгусски с и р ä (Кастрен, *ibid.*, с. 100).

серебряные, украшенные бусами и побрякушками. Такие украшения пришиты к нижнему краю самой занавески в один или два ряда. К концам подушек якуты тоже пришивают иногда побрякушки, так что с полным правом в песнях говорят они про "звонкоголосые постели". Вместо постелей употребляют они также большие узорчатые ковры, сшитые из кусков искусно подобранного черного и белого короткошерстного меха. Когда якуты стелят почетному гостю почетную постель, такие ковры кладут вниз, а наверх уже медвежью шкуру. Впрочем, в Якутской области крепко держится обычай ездить с собственной постелью; запасных постелей даже в богатых домах не водится, и оплошавший путник может поставить в большое затруднение хозяев дома. Меховых спальных мешков вроде тунгусских с ä к т ä м, плотно зашнуровывающихся кругом шеи, у якутов

Перед.

Спина.

Рис. 59. Изнанка тунгусского кафтана ($1/16$ наст. велич.).

я не видел. Даже постоянно ночующие в поле, у костра в снеговой яме, промышленники и ямщики товарных караванов довольствуются заячьими одеялами, края которых иногда придавливают во время сна палками.

Портняжничеством у якутов занимаются исключительно женщины. Кроют они без форм и выкроек, по старому платью или на память; затем часто во время шитья примеряют и подрезают. Все русские швы им известны, но самый любимый — это "через край"; им сшивают якуты не только кожи, но и сукно и ткани. Шьют якутские мастерицы плохо, неровно и крупно. Если расположить употребляющиеся якутами способы шитья в убывающем порядке, то впереди нужно поставить "через край", дальше "подрубку", "тачку", "строчку", "вперед иголку" и, наконец, в "заподшивку". Суконные и ситцевые сборки они обыкновенно "притачивают". Вышиванием узоров в настоящее время якутские женщины мало занимаются. Старинные узоры вышивались исключительно гладью, шелком, жильными нитками и конским волосом.

Закончу обзор якутского костюма на его двух замечательных особенностях. Первая — это пристрастие якутов к отложным воротникам. Все верхние якутские платья, мужские и женские, шьются с отложными воротниками, и размеры последних нередко очень значительны. Материал на них всегда другой, чем в остальном платье: в суконных он покрыт плисом, в меховых он сделан из меха высшего сорта, в кобыльих и

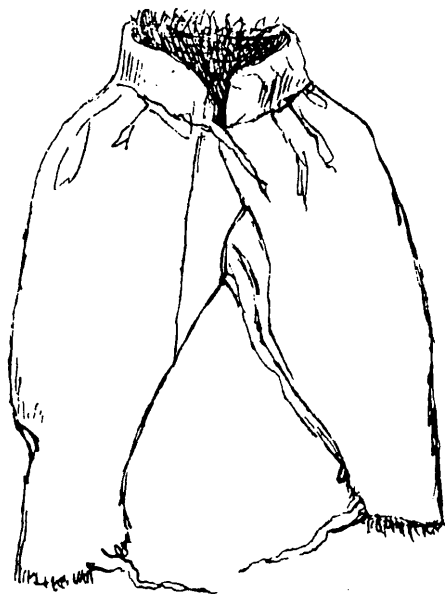

Рис. 60. Кожаная якутская *ыстаа*, сшитая по русскому образцу (1/16 наст. велич.).

коровьих — из кусков такой же, но черной шкуры. Они даже рубаху, позаимствованную ими у русских, шьют с отложным воротником. Косовороток и стоячих воротников не любят.

Вторая черта — это то, что разрез платья всегда приходится посередине груди. Обе эти особенности резко отличают всякий костюм якута от костюма бурята или монгола, у которых низенький стоячий воротник и лацкан застегивается далеко наискось, у правого плеча. У якута верхняя пуговица всегда под горлом, посередине груди. То же самое, правда, видим в тунгусском кафтане, но покрой последнего совершенно отличен от покроя якутского платья и никак в связь с ним поставлен быть не может. Тунгусское платье всегда выкроено из одной цельной оленьей кожи. В эту целую кожу для придания ей надлежащей формы вставлены

1) Внимательное изучение тунгусского костюма (он же юкагирский) даст, думаю, много интересного для эволюции платья. Его форма привлекала меня всегда своим изяществом. Более близкое знакомство с ним убедило меня, что это изящество не

под мышками ластовицы и сзади на ягодицах два клина (рис. 59). Рукава его вшиты тоже совершенно иначе¹⁾. Спереди борта благодаря узости платья не сходятся или сходятся с великим трудом, что делает необходимым передник, д а л ы с. У якутов борта всегда заходят друг на друга, причем пуговицы всегда пришиты не к нижнему борту, а к верхнему, петли же к нижнему. Из сибирских инородцев отложные воротники и разрез посередине груди, по-видимому, встречаются только у минусинских татар¹⁾, что опять навязывает нить между якутами и этим краем.

Опишу якутский порядок одевания. Первым движением проснувшийся якут-мужчина отыскивает кисет и трубку, а женщина бежит, в чем она есть, и разводит огонь. Спят якуты, как я уже говорил выше, голыми, в коротких кожаных штанах, с ы а л и. Раньше всего якуты надевают рубаху. Последняя, ради уничтожения насекомых, часто выбрасывается на двор, на крышу или вешается на забор. Зимой неприятная обязанность сходить за ней лежит на женщинах. Затем одевающиеся перебираются с постели к камину, где обыкновенно сушатся ноговицы штанов (Beinhösl), чулки и обувь. Надев ноговицы, подвязывают их к с ы а л я м и стягива-

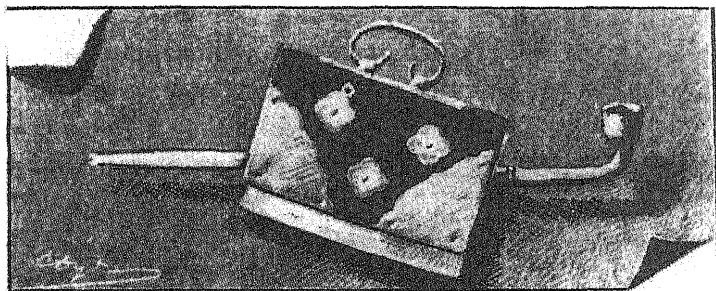

Рис. 61. Гамза и хатат.

есть результат каких-нибудь сложных портняжных соображений. Наоборот, работа тунгусского костюма поражает простотой, почти первобытной. Тунгусский кафтан не больше как целая оленья кожа, передние ноги которой были сняты "чулком" и употреблены вместо рукавов. Вставки под мышками, на боках и клинья сзади, нужно думать, образовались из заплат, которые пришлось вставлять после разрыва, полученного при движении и ходьбе. Возможно, что некогда кожу надевали *мокрой* и, только когда она принимала формы тела, ее обминали; теперь ее шьют из мятых кож.

1) Словесное сообщение Д.А. Клеменца.

ют ремешками у щиколотки, затем натягивают чулки: меховые, суконные или кожаные, смотря по времени года и достатку, — и надевают с а р ы. Домашний туалет закончен. Затем моют лицо, руки, причесывают волосы. Женщины заплетают косу и чешутся на досуге. Молодые женщины и девушки особенно старательно обувают ноги и завязывают ремни с а р, так как это служит мерилom вкуса, опрятности и щегольства. Выходя из дому, поверх рубахи, как было сказано, надевают с о н, в дальнюю дорогу поверх с о н а — с и п у н или с а н г ы я х, смотря по богатству и торжественности случая. Шапка, рукавицы, наколенники, ошейник, на брюшник, жилетик — все это части дорожного костюма, и они имеются у всякого мало-мальски зажиточного якута. Зимой обязательная часть дорожного костюма богатого якута — снеговые, волосяные очки, летом — махалка от комаров из конского хвоста, т а й б у р ¹⁾.

1) Смотри рисунок 30: якут на быке, в руке у него т а й б у р, — а также ниже главу "о ремеслах", рис. 79.

Рис. 62. Эльбэлен.

VII. Постройки

се якутские постройки — наземные, и тунгусское выражение "земляные якуты" (буорсахалар), встречающееся в преданиях¹⁾, нужно понимать ситт gpaо salis, как указание на дерн, глину, навоз, которыми они обкладывают снаружи свои

дома взамен тунгусской ровдуги, бересты и мха. Употребление пещер, подвалов, землянок как жилых помещений совершенно незнакомо якутам и противно их вкусам. С подвалами и погребями они, надо полагать, познакомились совсем недавно; в старинных сказаниях об этих сооружениях ничего не упоминается, и замечу, кстати, что устройство их совершенно тождественно с крестьянскими русскими, а названия: булус — ледник, подполья — подполье, онгкучах — просто яма — все подозрительного полурусского происхождения или имеют более общее, не специальное значение.

Описания подземелий, подземных дворцов и хором, зал и галерей, таинственных сокровищниц, кладовых и могильных склепов, подземных колодцев, тюрем и застенков, которые так охотно в сказках воспроизводит фантазия нашего простолюдина, не встречаются у якутов. Если как-нибудь герою рассказа по ходу событий необходимо посетить или провалиться в преисподнюю, то он находит там не ряд пещер, гротов, сводчатых палат и узких лабиринтов, где хранятся заколдованные царевны и несметные сокровища, а просто попадает в "место с половинным солнцем навыворот, с половинною кривою луной, в место мрачное, как рыба уха, сероватое, как карасевая уха, с ящерицами, как трехгодовалые коровы, с лягушками, как трехгодовалые быки, с водолюбами, как большие быки"²⁾. Только в предании о разбойнике Манчары упоминается как-

1) Смотри Худяков, *ibid.*, с. 68.

2) Худяков, с. 90. Встречаются, впрочем, описания, где эти подземные царства изображаются точь-в-точь как наземные: где живут точно такие же люди — якуты (Намский ул., 1891 г.).

то вскользь о том, что он "жил в глухом лесу, в землянке, которой снаружи заметить нельзя было и которую только случайно открыли по струе дыма, неожиданно показавшейся из расщелины в почве". Да еще в Колымском округе рассказывали мне о каких-то чудных волхвах, карликах, полулюдях, полупривидениях, бородатых и волосатых, живущих в пустотах приморских скал (1883 г.). Вообще представление о просторных и удобных жилищах, выбитых человеком в камне или вырытых в земле, у якутов отсутствует. Как строительный материал они знают только дерево, древесную кору, кожу, ткань и навоз. В последнее время они научились у русских делать кирпич, но пока они употребляют его, и то лишь изредка, на кладку печей.

За самую древнюю форму якутских жилищ нужно признать у р а с у. По крайней мере в сказках и преданиях она за таковую выставляется. В сказке Э к с е к ю, описывая колпак ведьмы, очень метко сравнивают его с урасой "древнего народа"¹⁾ (Эксею, Нам. ул., 1891 г.), и это выражение: "берестяное жильё древних людей" мне не раз попадалось в о л о н г о. "В старину якуты жили в урасах и лето и зиму", — заявил мне даже один сказочник (Намск. ул., 1891 г.). "В старину ставили урасы в местностях, где пасли скот. Такие места назывались с у р т. Был к о б ы л ь и с у р т, был к о р о в и й с у р т. Якуты перебирались из у р а с ы в у р а с у, из с у р т а на с у р т. Богачи покрывали урасу берестой, украшенной узорами и резьбой. В урасе внутри были три обруча²⁾: один внизу, другой посередине, третий — вверху. К этим обручам и палкам, стоящим кругом, прикрепляли берестяной покров. Такая ураса называлась: с т р е м я о б р у ч а м и М о г' о л- у р а с а³⁾ (Намск. ул., 1889 г.). В кумысовой песне, приведенной Миддендорфом, воспевается такая берестяная ураса, причем о деревянных, крытых землею юртах там не говорится ничего, несмотря на довольно подробное описание старинного якутского хозяйства⁴⁾. Все летние жилища некогда строились у р а с а м и. Путешественники конца прошлого и начала настоящего столетия постоянно говорят о них как о чем-то бросающемся в глаза. Еще Маак застал в Виллюйском округе много урас. Я лично видел их мало. На-

1) Б ы л ь р г ы д ж о н т о с д ж е т е.

2) К у р д у.

3) Ю с к у р д у л а х м о г' о л у р а с а. Объяснить, что значит слово м о г' о л, мне никто не мог. Считаю нужным отметить, что южные тюрки называют этим словом монголов вообще и что г они произносят также в нос, как это делают якуты. (Устное сообщение Д.А. Клеменца. Иркутск, 1892 г.). Ботлинг м о г' о л переводит — большой, со слов Уваровского (с. 149), м о г' о л у р а с а — большая ураса, м о г' о л т а н г а р а — большой бог, м о г' о л х о т у н — большая госпожа... Слово это древнее и мало употребляемое.

4) Миддендорф, с. 801.

стоящих старинных урас, просторных, изящных, крытых узорчатой берестой, какими изображают их народные предания и описывает Маак ¹⁾, я встретил только две: одну в Баягантайском улусе, III Баягантайском наслеге, в урочище Э б э, над Алданом, и другую в Верхоянском округе, над Яной, в 100 верстах к северу от города Верхоянска, если не ошибаюсь, во II Юсальском наслеге, в местности, название которой забыл. Такая ураса стоит дорого. Шесты для нее выбираются отборные, гладкие, без сучков и изъянов, бересту варят в молоке. Над украшением ее трудятся многие вечера многие женщины. Только богатым людям она доступна, но богатые предпочитают теперь строить русские дома, и искусство ставить и украшать урасы мало-помалу исчезает. Берестяная ураса — вымирающая форма якутских жилищ. Ураса снаружи представляет белый конусообразный колпак от 3 до 4 сажени высоты, от 2 до 3 у основания, в диаметре — широкий ²⁾. Строится она таким образом. Две отборные, обтесанные и старательно очищенные от сучьев лесины надлежащей

Рис. 63. Развалины земляной урасы в устье реки Яны на протоке Мураш в 30 верстах от Ледовитого океана.

длины врубают друг в друга тонкими концами "на замок", так что они образуют род открытого угольника градусов приблизительно в шестьдесят. Этот угольник вершиной вверх укрепляют отвесно в земле над местом, предназначенным для постройки; под ним ставят точь-в-точь такой же угольник, но так, чтобы диагонали, соединяющие врытые в землю концы обоих, пересекались крестообразно под прямым углом. Упираясь друг в друга выступами своих вершин, эти четыре бревна вза-

1) Часть III, с. 46.

2) Маак сообщает, что самые обширные из виденных им были 4 сажени высоты и 3 сажени в диаметре при основании (Часть III, с. 45).

имно поддерживаются. На составившихся таким образом козлах, высоко вблизи их вершины, в вырубленные там заранее неглубокие гнезда кладут в горизонтальном положении толстые, короткие брусья. Брусья эти, соприкасаясь концами, образуют род четырехугольной рамы, правильное горизонтальное окно, единственное в здании, сквозь которое свет проникает внутрь, а дым уходит наружу. На брусья этой рамы опираются концы многочисленных жердей, отстоящих друг от друга не меньше чем на фут и составляющих остов урасы. Обыкновенно жерди длиннее вышеописанной основной пары угольников и концы их, выступая над урасой, образуют черную, закоптелую, ажурную воронку, над которой, когда ураса населена, постоянно колыхается дым¹⁾. Покровом урасы служит березовая кора, наложенная на ее остов кольцеобразно полосами шириной в $\frac{3}{4}$ аршина. Полосы эти спшиты из небольших кусков, сложенных в два слоя таким образом, что швы, щели, отверстия одного закрываются полотном другого. Они даже в самые сильные ливни не протекают. Края верхних колец заходят на края нижних, подобно черепице. Краям придают нередко вид зубцов, полукругов, волнистых и ломаных линий. Ажурные эти узоры, плотно прилегая в два слоя к поверхности нижних целых поясов, производят впечатление тонкой, нежной, выпуклой резьбы. Между резными каймами по остальному широкому гладкому серебристому фону покрова идет вокруг ряд параллельных кругов, коричневых рисунков: кружков, зигзагов, кубиков. Они получены при помощи неглубоких желобовидных порезов на белой коже бересты вплоть до

Рис. 64. Наружный вид якутской земляной урасы, к а л ы м а н.

1) Маак сообщает, что главных жердей только три. Есть и такие, верх их обыкновенно связан тальником, но это не капитальные постройки. Шесты, из которых состоит остов у р а с ы, называются у р а г а с, а дымовое отверстие вверху — у р а. Подобные урасы строят в настоящее время енисейские остяки; берестяные их крыши называются т и с к а (А. Ельнев. Естественно-географический очерк р. Енисей, с. 89).

коричневых ее слоев¹⁾. Внешность урас положительно выделяется среди обыкновенных низких, серых, землей заваленных якутских строений. Они щеголеваты, своеобразны и на фоне зеленого леса производят безусловно художественное впечатление. Внутренность урасы тоже почти всегда чище и привлекательнее внутренности юрт. Посередине, под дымовым отверстием, помещается четырехугольный, низкий, вершков 6 — 8, деревянный шесток 1 1/2 арш. в квадрате, наполненный песком и золой или набитый глиной. Якуты зовут его по-русски — с е с т о к. Над шестком, на известной высоте, на поперечных перекладинах, по-якутски а ч а а к, подвешены деревянные крючья, к ё л ё, для поддержания котлов и чайников во время варки пищи. Тут же, на этих перекладинах, жители коптят и вялят распластанную и очищенную от костей рыбу — юкалу. Кругом вдоль стен идут нары в таком же приблизительно порядке, как и в юрте. В больших урасах кровати, подобно тому как в юртах, отделены невысокими врытыми в землю столбами. На подобных столбах в юрте покоится рама крыши; здесь же укреплено внутреннее, среднее кольцо-обруч, о р т о к у р д у, могол урасы. Это создает как бы некоторую генетическую связь между урасой и юртой. Связь эту отметили некоторые путешественники, но она сомнительна. На севере, где доброкачественную бересту добывать чрезвычайно трудно, урасы обкладывают дерном. Такие урасы неопрятны, темны, вонючи. Песок, сор и всякие букашки постоянно падают на голову, даже в пищу. У богачей в красном углу во избежание подобного неудобства подстилают под дерн бересту или развешивают р о в д у г у (выделанную оленью кожу). Такие крытые землей у р а с ы зовут в Колымском округе к а л ы м а н²⁾. Они, по-видимому, давно были якутам известны. Уже в 12-й песне древней былины Ю р ю н г У о л а н упоминается о *земляной урасе жителя-рыбака*.

В к а л ы м а н е жерди остова стоят тоже вертикально, но иначе, чем в урасе. Они разной величины, плотно прилегают друг к другу и пригнаны по углам известным образом, точь-в-точь как в юрте. Обоим строениям ближе всего, несомненно, охотничий якутский шалаш — я т я н ь. Это тот же к а л ы м а н, только без дерновой покрывки.

Время появления урасы у якутов довольно темное. Судя по берестяному покрову и остроконечной, требующей длинных жердей форме, она навряд ли была им известна в южной степной их родине. Карагасы и

1) В старину такой берестяной покров снимали с урасы при перекочевке. "При перемене жилищ не трогают они с места своих юрт, но снимают только с них крыши и берут оные с собою", — сообщает по этому поводу Георги, с. 176.

2) По-тунгусски — г у л е м а.

3) Худяков. Верхоян. сбор., с. 199.

урянкайцы, их родичи, также кроют свои конусовидные жилища берестой. Первые исключительно оленеводы, вторые — горцы. По собственным преданиям якутов, они познакомились с урасой только в Якутской области. Строить ее научил их лесной бродяга — промышленник Э л л е й, явившийся к скотоводу О н о х о ю в его стойбище в окрестностях Якутска.

Рис. 65. Продольный разрез якутского к а л ы м а н а.

На мой вопрос, в чем до того жили люди Онохоя, рассказчик после некоторого раздумья ответил незнанием. Впрочем, он упорно отрицал, что дома Онохоя походили на другой тип якутских строений — на теперешнюю якутскую юрту.

Ю р т о й называют ее русские; якуты охотнее зовут ее б а л а г а н, хотя последнее слово тоже не якутское, а персидское и занесено сюда русскими¹⁾.

1) Ботлинг, с. 131.

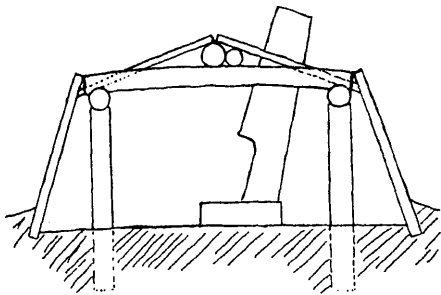

Рис. 66. Остов юрты.

Остов юрты составляют четыре столба, бага, толщиной в 6 дюймов и от 4 до 4 ¹/₂ футов высоты над землей. Они врыты относительно мелко, не глубже аршина с четвертью или полутора аршина. Кстати, отмечу, что якуты никогда не ставят столбов комлём вверх, считая это за грех (Верхоаян. ул., 1882 г.). Ставят их друг против друга в углах одного и того же квадрата на расстоянии

2 ¹/₂ или 3 ¹/₂ саж. В вершинах столбов сделаны мелкие полукруглые гнезда. На столбах в эти гнезда кладутся балки соответствующей длины и 6'' в диаметре толщиной: кладут сначала две параллельно, а на них наверх еще две, так что образуется над столбами квадратная рама. В старозаветных якутских юртах, двери которых должны быть непременно обращены на восток, стороны этого квадрата соответствуют сторонам света. Раньше кладутся балки, лицевая восточная и задняя западная, а на концы их — уже балки южная и северная ¹). Затем посередине рамы, с юга на север, кладется толстая дюймов в 8'' — 10'' матица, с и с ь м а с, или, в случае неимения таковой, две потоньше. Иногда кладут их одна около другой, иногда врозь на расстоянии 1 ¹/₂ или 2 аршин. Затем из тонких, 3'' — 4'', кругляков кладут крышу. Бревна прилегают друг к другу плотно и при более старательной постройке дома притесываются. Один конец бревна лежит на матице, другой — на восточной или на западной балке рамы. Таким образом получается пологая двускатная, ординарная крыша. Чтобы скат ее увеличить, нередко под матицу кладут подставки: деревянные брусья в несколько дюймов толщиной, по-якутски с ы т ы к — подушка. Ради выпуклости крыши стараются также, чтобы основные балки, на которых лежат концы матицы, имели некоторую естественную кривизну, и поворачивают их кривизной кверху. Края жердей, образующих крышу, выступают наружу с западной и восточной стороны; они подогнаны под линию.

Бревна стен ставятся т о р ц о м вплоть друг около друга, наклонно. Строение, таким образом, представляет усеченную пирамиду с уклоном боков приблизительно в 70°. Раз материал заготовлен, такой пирамидальный дом строится чрезвычайно быстро. Его можно выстроить в 3 — 4 дня. Затем делают окна, т ю н н ю к, и двери, а н, места для которых оставляются в стенах незаложенными. Окон бывает обыкновенно три: два

1) Себерхене.

в южной и одно в западной стене. В соответствующие бревна ее врубают поперечные колоды; у дверей делают косяк и порог, очень высокий, нередко на 8^{1/2}, даже пол-аршина. Окна редко встречаются больше 1 квад. фута; дверное отверстие имеет обыкновенно от 3 до 3^{1/2} фут. высоты и от 2 до 2^{1/2} фут. ширины. Запирается оно сбитыми из толстых досок и обшитыми коровьей кожей дверьми.

Так как двери слегка наклонны и сильно, падая, хлопают, то во избежание сотрясений, особенно опасных летом для обмазки юрты, в летних домах подвешивают обыкновенно легкие двери, состоящие из одной кожи, натянутой на толстую тальниковую раму. В окна летом вставляют рамы с рыбьим пузырем, слюдой, бумагой, волосяной сеткой, кусочками стекла, соединенными берестяной оправой, подобно тому как некогда соединяли их в Европе свинцом и оловом. Зимой прикрывают окна всюду толстыми льдинами. Дом снаружи обмазывают сначала чистой глиной, затем глиной пополам с коровьим навозом. Крышу кроют корьем у более богатых и затем набрасывают землю, а у бедных — землю набрасывают прямо. Кругом дома снаружи делают ради тепла земляную насыпь, доходящую до окон — значит, фута в 2^{1/2} высотой и 1 или 1^{1/2} фута шириной. У богатых такой земляной вал сдерживается от оползания деревянным забором. Внутри юрты кругом стен, подобно тому как в уресе, идут неподвижные нары, по-якутски о р о н. Нары помещаются под откосом стены — между нею и поддерживающими крышу столбами.

Расположение и назначение этих нар имеет некоторый бытовой интерес. Порядок их такой:

а) Налево от входа ближайшая от дверей *правая задняя нара* называется также *придверной*, у н г а а т а к о р о н, а н а с у о л о р о н. На нее обыкновенно садятся гости и посетители из неважных, спят рабочие мужского пола, и во время свадьбы в самом дальнем углу ее сидит жених, спиной к пирующим (Колым. окр.).

б) Далее под той же стеной помещается *правая средняя нара*, называемая также *подоконной*, о р т о к у у н г а о р о н, т ю н н ю к т я х о р о н. Ее назначение такое же, как и первой; в небольших юртах ее нет. Если зять посещает у ее родителей жену, с которой уже повенчан, но за которую еще не успел выплатить калым, то молодых укладывают спать на этой кровати (Колым. окр., 1883 г.).

в) Под той же стеной находится б и л и р и к, глухая, удобная и теплая кровать, одно из самых почетных мест юрты, куда сажают самых почетных посетителей, где спит приглашенный для камлания шаман и где во время свадеб сидят родные, кумовья и сваты, приехавшие с брачным поездом.

г) С б и л и р и к о м непосредственно граничит, но находится уже под противоположной выходу стеной и считается менее почетным мес-

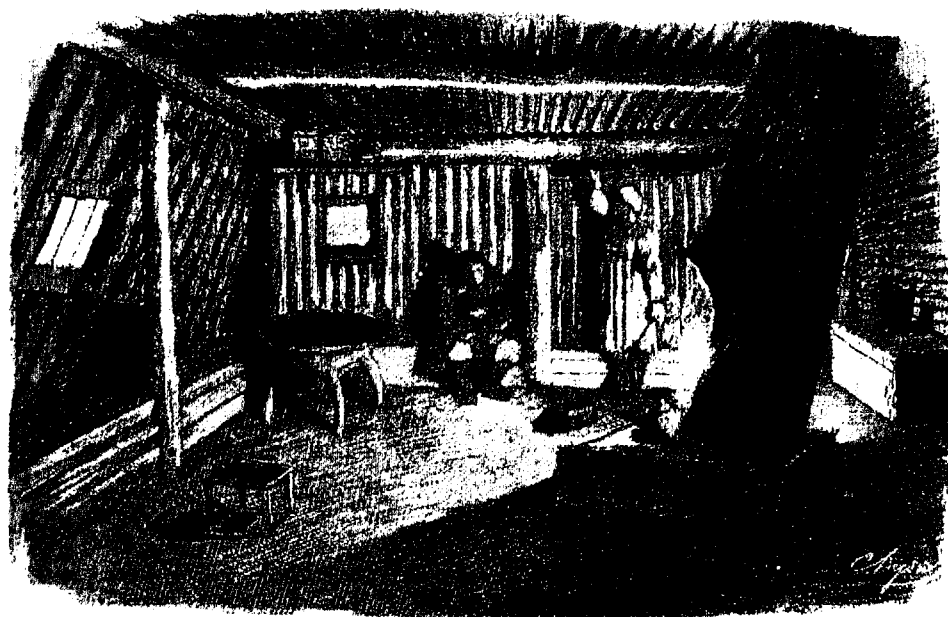

Рис. 67. Внутренность якутской юрты.

том, чем первая, *правая передняя* нара (*б а с т ы н г у н г а о р о н*). Она не так удобна, над ней прорублено окно и на нее прямо дует холодный воздух из открываемых дверей. На ней во время свадьбы сидят хозяева дома и ближайшие их родственники, сажают также и более знакомых из высокочтимых посетителей в случае, если билирик занят. *Б и л и р и к* и *правая передняя* нара составляют красный угол дома. Здесь стоит всегда стол, и над ним вверху под потолок на резной полочке, *х о л л о р у к*, расположены святые образа. Перед ними обязательно приклеен ряд восковых свечей или висит лампада, разукрашенная лентами, стеклярусом и разными блестящими подвесками. Сюда собираются по праздникам молиться все домашние с хозяином во главе и, ставши чинно в ряд, по старшинству и почету, крестятся, жгут свечи и ладан. Одним словом, временно этот небольшой уголок даже в самой темной и убогой юрте светлеет и превращается в маленькую молельню.

д) Против камина помещается всегда хозяйская семейная кровать, *к е т е г е р и н*; над ней, как и над билириком, по крайней мере на севере, не прорубают окна.

е) За *к е т е г е р и н о м*, если юрта большая, помещается *ю г я х*, он же называется иногда *левым билириком*, *х а н г а с б и л и р и к*, нара для *женской молодежи*, на ней сидят, спят и работают обыкновенно взрослые девушки, дочери и родственницы хозяев.

ж) Далее идет *левая нара*, *х а н г а с о р о н*, на которой спят жен-

щины-работницы и подростки обоего пола. На этой же лавке сидит, скрытая за занавеской, невеста во время трехдневного свадебного пиршества.

з) *Лавка для посуды*— и х и т о р о н, собственно: "кухонный стол". Вверху над обеими последними нарами делают обыкновенно полку, д о л б у р. Распределение кроватей в уресе и названия их, как я говорил выше, точно такое.

Начиная с к е т е г е р и н а, все дальше перечисленные мной нары считаются принадлежащими к женской половине дома. Если стать перед камином лицом к выходу, то по правую руку будет правая, мужская половина дома, а по левую — женская, левая. Как раз на линии, разделяющей эти две половины, стоит камелек. Камелек представляет трубу, слегка наклоненную назад. Его остов сделан из длинных, не особенно толстых жердей, связанных тальником или заключенных сверху, над крышей, и внизу, над челом камина, в деревянные крепкие рамы. Внутри камелек весь вымазан толстым слоем глины. Труба помещается на низком, вершков 6, не более, плоском, довольно обширном фундаменте, имеющем аршина 2 — 2 1/2 в квадрате. Раковина камелька довольно плоская и относительно узкая, но высокая. Начало дымовой трубы часто приходится в уровень с человеческим лицом. Шесток камелька сделан из толстых бревен и плотно набит глиной.

Якуты обращают большое внимание на форму и наружность своих камельков. Они любят, чтобы те содержались в опрятности, чтобы обмазка на них была цела и гладка, чтобы на шестке не было больших куч золы и угля, чтобы, наконец, сами размеры камина отвечали известным требованиям их вкуса. Удачно построенные камины домашние особенно любят и берегут. Замечу, кстати, что парни, высматривающие невест, по состоянию домашнего камина судят, хорошие ли в данном доме живут хозяйки и стоит ли оттуда брать себе подруг (Колымский улус, 1885 г.).

Чтобы покончить с описанием юрты, упомяну о тех изменениях в ее строении, которые, по-видимому, произошли в позднейшее время. Именно: пол, обыкновенно глиняный, в богатых юртах вымащивают досками, в них же нередко над к е т е г е р и н о м ставят глухую клеть, образующую особую крохотную темную комнатку. Она служит спальней хозяевам. Даже в бедных юртах нередко встретишь дощатую перегородку, идущую до половины юрты от задней стенки перпендикулярно камельку и делящую ее на две половины: мужскую — правую и женскую — левую.

В больших юртах количество столбов доходит до восьми: четырех главных по углам и четырех вспомогательных — по одному посередине каждой стены. В очень просторных юртах их бывает даже двенадцать. Посередине юрты тоже иногда один столб поднимает матицу. У богатых

якутов стены нередко делают не из круглых бревен, а из широких, гладкотесаных плах. В углах вместо столбов ставят *срубом* тщательно отделанные угольники. Такие углы якуты почему-то называют "немецкими".

Каждый столб вверху снабжен вешалкой, нередко вырезанной в виде коня или лебедя. В старину на подобные колышки, вбитые в балки, или на самые балки над постелями мужчин клали оружие: копье, лук и стрелы, сабли...

Хотон¹⁾, или коровий якутский хлев, строится совершенно так же, как якутская юрта. Только материал для него берется похуже, лес тоньше и потолок в нем положе и ниже, окошек устраивают меньше, двери крохотные, а вместо нар кругом стен — ясли. Нередко хотон составляет самую существенную часть юрты, и жилой уголок занимает в ней лишь незначительную часть. Иногда они разделены тонкой бревенчатой перегородкой. Чаще всего, однако, они представляют два отдельных строения с одной общей капитальной стеной. В этой стене за камином существуют обыкновенно двери, соединяющие обе половины. Отдельно от жилых юрт строят хотоны только в Колымском улусе да кое-где в Якутском округе, но и там телят всегда держат в людских помещениях. Я думаю, что происхождение якутской юрты тесно связано с увеличением стад рогатого скота, что она не что иное, как расширенный и преобразованный скотский хлев. Уже в предании об Эллее говорится, что он, выстроивши жилой дом — урасубуолбут²⁾, поставил около него *небольшой хлев* для единственной своей коровы. Какой формы был этот хлев, там не сказано. Возможно, что это был просто двускатный шалаш наподобие старинной якутской гробницы, найденной Мааком над озером Бёрё. Точь-в-точь такой же шалаш я видел в 1880 г. в верховьях Яны, далеко от людей, в глубине болотистых пустынь. В нем укрывалась семья копателей сорданы, с ордаччи, с коровой и теленком, приведенными издали ради пищи. Шалаш, по-видимому, построен был исключительно ради коровы, она заполняла его целиком, и, чтобы пробраться к людям, спящим у ее морды, нужно было, нагнувшись, проползть между ее ног. Якутов известно еще менее сложное сооружение для временной защиты от дождя и ветра: это эльбэлен якутов Вилюйского округа и халтама в Якутском округе³⁾. Я видел его местами и в Верхоянском округе. Он представляет как бы стену юрты (рис. 62). Столбами нередко служат пни деревьев. Появилось ли это сооружение у якутов как последствие их знакомства с юртой или само дало материал для устройства по-

1) По-уряняхайски хотон — зимний нескрытый загон для скота.

2) Д же — значит, вообще дом, строение, жилище преимущественно человека.

3) Маак. Ч. III, с. 46.

следней, судить трудно. Отмечу только, что я много раз встречал на севере юрты, где основными столбами служили пни деревьев. В обрубленные их росохы были положены балки крыши, точно так, как жердь х а л т а м а. Предположение, что употреблять для построек бревна в отвесном положении заставило якутов плохое качество северного леса, что форма юрты есть результат естественных свойств ее материала, малоубедительно. Почему в таком случае долгане и якуты, живущие на границе леса по Хатанге, Боганиде, Анабаре, предпочитают для постоянных жилищ употреблять горизонтальную кладку бревен в русском стиле? Им знакомы и урасы, крытые то землей, то ровдугой, и ничем не крытые охотничьи и т я н и, а между тем, вопреки недостатку хорошего материала, строят свои жилища по образцу славянских изб, подражая им вплоть до формы битых из глины, лежащих печей. Вероятнее предположить, что устройство более обширных, постоянных домов было якутам до прихода в Якутскую область неизвестно или находилось у них в зачаточном состоянии. Когда явилась в них настоятельная потребность, они усвоили: на западе идею русского сруба; на востоке же, на Амгинско-Ленском плоскогорье, где потребность эта явилась, по всей вероятности, немного раньше появления русских, они приняли от неизвестных соседей, аборигенов, идею торцовой постройки. Любопытны сведения, которые по этому вопросу находим у Андреева, сержанта гвардии, посетившего в 1763 году пустынные и совершенно безлесные Медвежьи острова. Он говорит о найденной им целой крепости торцового типа, построенной на берегу моря "с превеликим трудом только не русскими людьми, а другими, но какими, о том знать не можно... оныя проухи и рублены и доски тесаны топором не железным, а каменным или каким костяным, подобно как зубами грызено" ¹).

1) Вот слова его: "С северной стороны острова имеется у берега называемый отпрядыш, расстоянием от берега 11 сажений печатных, и на прибыли промежутками бывает вода, а ныне сухо, одна мелкая дресва, а оный камень отпрядыш весьма мягок, дресвян, вышиною от земли в 5 сажений печатных; на нем же имеется самый тесный залавок (уступ), вышины от земли три сажени печатных, на котором сделана крепость, на подставных десяти лесинах матерых (крупных) лиственничных; а становлены лесины вверх корнями, к земле же вершинами; так прилеплено, как птица на дереве гнездо вьет, а сделано подобно, как быть надобно лабазу. Первый пол настлан из наносного лиственничного матерого ж лесу; поверх пола настлан песок с мелкою дресвою, толщиной на четверть, а по тому полу обставлено вокруг, наподобие юрты, дощечками и пластинами шестичетвертными, столь высоко, человеку в пояс; вокруг юрты осыпано тою же дресвою с дерном, а наверх накидан мелкий, наносный лиственничный, словый и осиновый лес, на нем была насыпана ж дресва с песком, токмо обвалилась. Для связей рублены проухи и связаны уши ремнями; оныя проухи рублены и доски тесаны топором

Такие же строения, "рубленные каменными топорами", экспедиция Врангеля встречала и на континенте, именно на берегах Мал. и Больш. Аноев¹⁾. Путешественники высказывают мнение, что они принадлежат древним юкагирам или исчезнувшим омокам, что весьма вероятно. Многие части якутской юрты еще более нового, почти современного происхождения. Нары, о р о н ы, устроенные наподобие ящика с крышкой для прятания вещей и постели, зовутся "русскими или немецкими" нарами, н у ч а или н е м е с о р о н. Пол зовут м у о с т а, от русского *помост*; потолок — ю р д я, верх; матица называется спиною — с и с ь м а с; забор кругом завалинки — с о б р а н и е. Есть у них еще и целые строения, как кладовые, амбары, которые называются по-русски и строятся по-русски.

Рис. 68. Якутские летники и амбары, построенные по русским образцам (окрестности г. Якутска).

не железным, а каменным или каким костяным, подобно как зубами грызено. Поперек ее четыре сажени, в длину $4\frac{1}{2}$ сажени, а когда она цела была, вдоль и поперек по 6 сажень; вниз к берегу из юрты спуск на землю; другой спуск в камень на северную сторону, токмо много же развалилось. А признается делана оная крепость с превеликим трудом по высоте и по тесноте того залавка, токмо строена не русскими людьми, а другими, но какими, о том знать не можно" (Андреев. Экспедиция на Медвежьих островах 1763 — 1764 гг. Записки Гидрографического Департа. Морск. Минист. 1852 г. Ч. X. с. 104 — 118).

1) Ibid., Т. II, с. 100 и 235.

Наконец, якутский камелек происхождения также, несомненно, русского, вернее, смешанного польско-русско-инородческого, подобно тому как сибирский сабан и другие инструменты. Его якутское название о с о к, несомненно, испорченное русское "очаг", для названия его

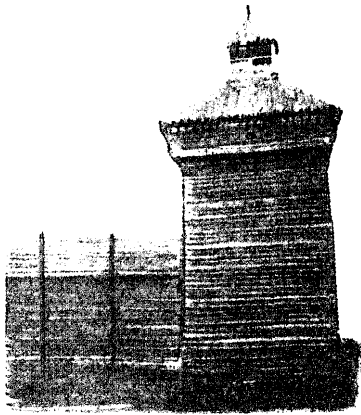

Рис. 69. Старинная казачья башня в Якутске.

фундамента удержано русское с е с т о к (шесток); трубу якуты называют т у р б а, ю ä л ь ö с ь ¹⁾ или у р а, что значит вообще выход для дыма ²⁾.

Трубы камельков проготавливались некогда, точь-в-точь как у полесских мужиков, из дуплистого толстого пня, вымазанного внутри глиной. Нужно думать, что некогда якутский очаг представлял собой подобие тунгусского венка ³⁾ из плоских камней, положенных среди жилища прямо под дымовым отверстием, и только.

"В старину жилища наши были маленькие и очаги без труб", — рассказывала мне якутка Колымского улуса (Енжа,

1883 г.). Сознание о изменениях, которое претерпевало их жилище, сохранилось среди якутов и в других местностях:

"В старину, но в еще большую старину, дома были до того большие, что всадники, въезжавшие ради шутки в дом на коне, не могли достать крыши размахом трехконечной плети. Затем якуты жили в домах совсем маленьких и темных. Высоких и светлых домов не любили, говоря: глаза болят от высоты и постоянного света. Теперь дома опять увеличиваются" (Нам. ул., 1891 г.).

Влияние русских на постройки якутов выражается прежде всего в подъеме крыши и большей отвесности стен. Приближаясь из глухих мест к какому-нибудь из русских центров, я всегда замечал в постройках постепенное нарастание их высоты, большую покатость их крыши и увеличивающиеся размеры их окон. Под матицами обязательно появлялись подушки, а меньший наклон стен лишал юрту темных углов, делал ее светлее и уютнее.

Летом снаружи юрта далеко неказиста, вечно потрескавшаяся и оползшая, размытая дождями глиняная ее обмазка придает ей вид какой-

1) Ботлинг, с. 48.

2) Ботлинг, с. 43.

3) Такие каменные круги до сих пор употребляются тунгусами в их передвижных ровдужных палатках.

то развалины. Зимой, когда все гладко замазано толстым слоем замерзлого коровьего кала и покрыто слоем мокрого снега, она значительно выигрывает.

Двор, на котором стоят юрта, амбар и другие хозяйственные постройки, всегда почти гладкий и просторный. Юрта помещается не в центре его, а в одном из концов. В центре, перед дверьми жилого дома, стоят обыкновенно столбы коновязи, с а р г а, нередко украшенные на вершине деревянными шарами и выемками. Снег перед домом и кругом столбов всегда подметен. Двор окружает трехжердевая изгородь, в 2 арш. высотой, с широкими воротами, засовывающимися тоже 3 или 4 жердями. Скотный двор и помещение для сена окружены такими же изгородями и устроены отдельно. Там же помещается, если это летник, просторный навес, под которым прячется в жару рогатый скот от оводов и где его доят, а также высокий плетеный загон, х а с а, без крыши для жеребят. О таких обстоятельных дворах поют в песнях:

"Со стройными изгородями
с просторным надворьем
с голосистыми сеновалами
с укронными загонами".

К о к ю р и м э к ю р е л я х
д а л а р ы м э д а л л а х
к ы к ы р ы м э к ы б ы л а х
х а с а р ы м э х а с а л а х.

Идеальная же якутская юрта воспевается в таких выражениях: "Смотрит Белый юноша: кто-то первый вырубил самый лучший лес из богатого темного бора; воткнул красивые толстые столбы; отыскавши из сырого темного бора лучшее дерево, величественно положил матицу. Над этим шумно настлал трехсоставной потолок. Из многого леса часто наставил стены. А "чтобы мое десятилучистое полное солнце, поворачиваясь бы на юг, закинуло бы свои лучи в дом" — в девяти местах повырезал насквозь окна. Думая о том, чтобы "переменные ветра, приходящие с юга и севера, не проняли насквозь", — снаружи плотно намазал черной глиной, толщиной в 6 аршин, а сверх того обсыпал сыпучим песком на три аршина. Когда он вошел в дом и посмотрел: почтенный пол его был так гладок, как поверхность полой воды на каменной речке; над этим кто-то сделал наискось блестящую нару, подобно видной кобыле, лежащей наискосок, другую переднюю кровать с пятью рядами узоров. А на левую сторону сделал кровать небрежно из мелкого леса со всякой корой, худо склал жердинки, перемешавши взад и вперед: "чтобы была она работницкой кроватью". Сверх того были перегородки перед (между) кроватями, как белые жеребята богатого человека, привязанные первый раз к ремню и играющие станом и ногами. А кроме того, были вколочены серебряные колышки, подобно голове с шеей вострохвоста, готовящегося вспорхнуть. Был серебряный стол, гладкий, блестящий, подобно льду, отломленному с ровного гладкого озера. Было блюдо, подобно коже трехгодовалой лошади; красные чашки, как выкрашенная затылочная

кость умной лисицы, серебряные вилки, как хорошо вырезанные челюсти стерха-самки: посуды, ковшей, хозяйственных вещей — всего полно по его желанию. Когда посмотрел он, отвернувшись отсюда, то увидал отборный прямой лес, из сырого бора. Кто-то важно поставил госпожу печку, связавши ее тальником, как вытянутыми спинными жилами червей, обмазавши черной глиной в шесть аршин. Это была четверугольная прозрачная печь с открытой трубой, мгновенно сверкающей искрой, с теряющимся дымом и с белым шестком, как восьмипоясное поле. Тут были поставлены семь лесин, вывороченных с корнями. Он затопил их, и они шумно горели семь дней и ночей..."

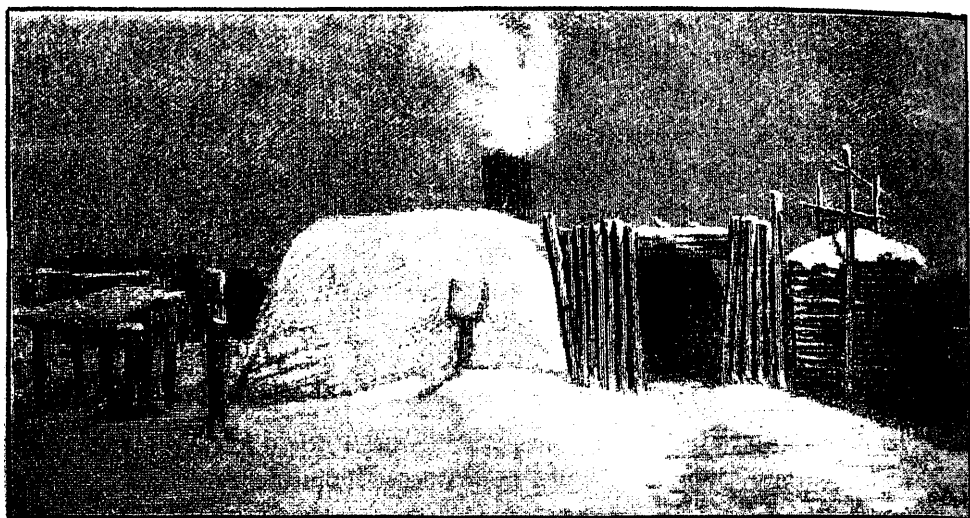

Рис. 70. Наружный вид юрты зимой.

Замечательно, что в этом отрывке, равно как и в других известных мне о л о н г о, нигде не воспеваются формы строения. Между тем архитектурного вкуса у якутов отрицать нельзя, и он полнее всего и изящнее всего выражается у них в настоящее время в юрте. Откуда бы они ни позаимствовали ее основную идею и под чьим бы влиянием ни совершалось ее развитие, но в эти начала якуты вдохнули совершенно самобытное понимание архитектурной красоты. Юрта, красивая, по мнению якутов — а они отличают красивые от некрасивых, — всегда почти признавалась красивою не только мною, но и другими знакомыми мне европейцами, спросить которых мне удавалось. Подбор леса, толщина столбов и балок, крутизна углов падения, отношение высоты, длины и ширины — все это сливалось в такой юрте в одно художественное целое, в котором поправить или изменить было нечего. Небольшое уклонение в ту или другую сторону чего-либо портило бы впечатление, и якуты сейчас же указывали на такие недостатки. Уловить математические осно-

вы их архитектурного вкуса мне не удалось; я сделал чересчур мало измерений.

На меня внутренность якутской юрты, особенно ночью, освещенная красным пламенем огня, производила немного фантастическое впечатление. В юрте значительно более теней, чем в доме с отвесными стенами. Ее бока, сложенные из круглых стоячих бревен, кажутся полосатыми от затененных желобков, и вся она с потолком, слабо переломленным посередине, со столбами по углам, с массой леса, мягко падающего с крыши на землю, представляется каким-то восточным шатром. Только легкая восточная ткань в силу обстоятельств заменена здесь золотистым листовым деревом. Недаром якуты сродни османам, изобретшим палатки-дворцы, недаром выдают за былую свою родину места, где стояли в свое время города шатров.

Возможно, что идею юрты они вынесли еще оттуда. Она спала на дне народного сознания; вначале ее заменила берестяная лесная ур а с а, но затем изменившиеся потребности опять вызвали ее к жизни.

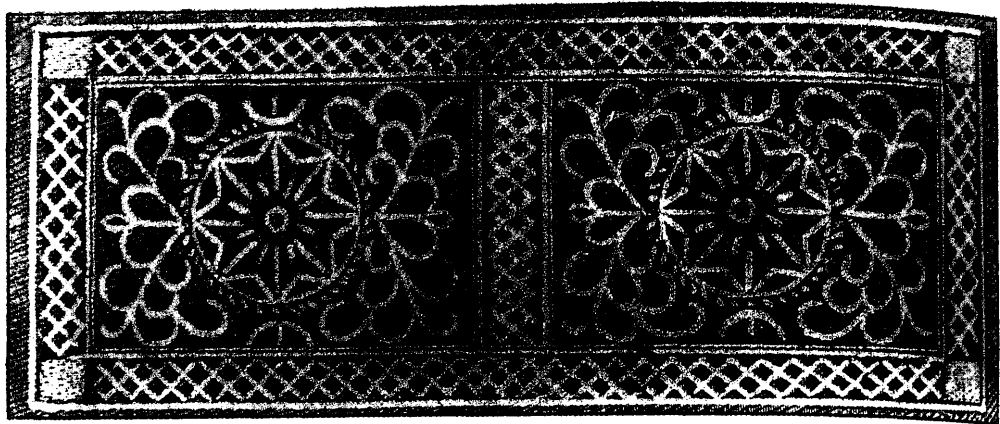

Рис. 72. Ажурный узор по кости якутской работы (наст. велич.).

VIII. Ремесла и искусства

Материалы, употребляемые якутами для изделий, располагаются в следующем убывающем порядке:

Дерево.

Кожа.

Волос.—Береста.—Древесная кора.

Горшочная и огнеупорная глина.

Железо.—Медь.

Кость.—Рог.—Ткани.—Сухая трава.—Навоз.

Камень.

Серебро.

Олово.—Свинец.

Краски.—Масла.—Клей.

Стекло.—Смола.

Соль.—Нашатырь.—Горючая сера.—Бура.—Медный купорос.—Бумага.—Золото.

Впереди всех и по количеству и по разнообразию изготавливаемых из него предметов стоит, конечно, *лиственничное дерево*. Это тяжелое, плотное, твердое дерево, здесь самое дешевое. Все громоздкие, не боящиеся расколки предметы изготавливаются из него. Из него готовят также предметы, требующие значительной упругости, как-то: луки к самострелам, вилы, рукоятки грабель, оси к телегам, шести двухлопачаточных весел, оглобли к саням, коромысла к ловушкам (на зайцев), рукоятки кос-литовок и т.п. Из старых лиственничных пней делают: ступки, кэли для толчения древесной заболони, хлебных колосьев; бочки для тары, к а с а с; огромные воронкообразные щиты для обивания снопов; корыта, лотки — вообще все, что при больших размерах требует выделки

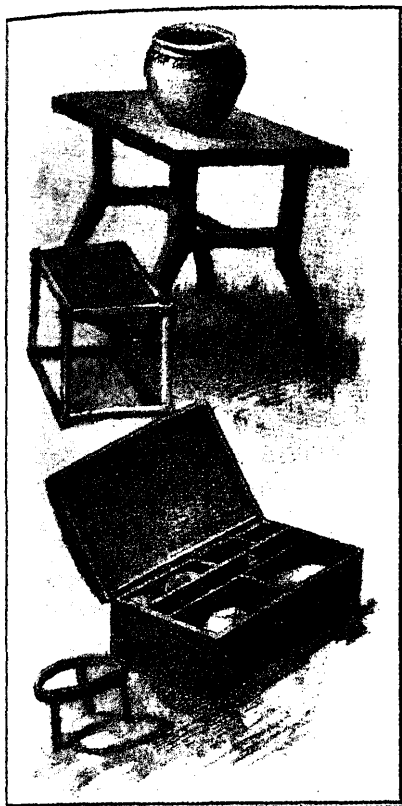

Рис. 73. Горшок, стол, стул,
ларец для чайной посуды,
таган.

из одного куска. Из лиственничных древесных наплывов, у р, делают громадные, $1/2$ и $3/4$ аршина в диаметре, чашки и тарелки. На севере доски и все, что готовится из них, столы, стулья, ящики, лодки и т.п., делается исключительно из лиственницы. На юге, там, где есть сосна, последняя, благодаря своей легкости, мягкости в обработке и меньшей колкости, вытеснила лиственницу из дощатого производства. Там даже двери, полки и внутренние в избах перегородки нередко делаются из сосновых досок, что считается своего рода комфортом.

Второе место после лиственницы занимает *береза*. Вся мелкая домашняя посуда: чашки, ложки, кубки, коробочки, ящички и т.п. — делается из березового дерева. Из него также делаются рукоятки к топорам, молоткам, косам-горбушам, приклады к винтовкам, черенки к копьям, рогатинам, ножам. В старину делали легкие охотничьи и военные луки и стрелы. Все, что требует большей стойкости и пластичности материала, делается якутами из этого дерева. Все выгнутое, коленчатое, подвергающееся ча-

стым сотрясениям и ударам — березовое. Седельные луки, колесные ободья и ступицы, полозья и копылья у нарт и саней обязательно березовые. Якуты, живущие у границ леса, где дерево это плохого качества, платят за привозные с юга полозья от 3 до 5 рублей, а за части седла — даже до 10 рублей серебром. Все, что должно отличаться тонкостью отделки, быть фигурно изваяно, покрыто рисунками и узорами, непременно березовое. Береза считается *барыней-деревом*, а его "щетка" (известная уродливость корневища) высшим по красоте образцом древесного материала. Из "щетки" якуты выделывают довольно изящные табакерки, женские рабочие коробки, ящики для хранения чая, черенки к ножам, трубочки и т.п. Она, особенно сырая, легко обрабатывается, и слои ее, темные и светлые, сочетаются иногда в действительно прекрасные узоры. Из нее не делают только никогда посуды для жидкостей.

Из других сортов дерева значительным употреблением пользуется *тальник*. Тонкие молодые его побеги служат всюду как связки, точь-в-

точь как в Европе. Из них плетут также корзины и верши. Из толстых загибают крупные связи для саней и телег, гнут дуги, гнут стулья, делают обручи на бочки и т.п.

Дерево тополя, осины, ольхи, пихты, кедра и др., здесь растущих, употребляется на поделки якутами только случайно. Из двух первых на севере, на Колыме, Оленеке, Анабаре, Пясины и Хатанге делают небольшие лодочки-стружки. На Лене, Алдане, Яне, Алазее я таких стружков не видел, хотя тополь там растет¹⁾.

Приемы обработки дерева у якутов самые простые. Главные инструменты: топор, с ю г ё, нож, б ы с а х, и сверло, б ю р г е с. В последнее время к ним прибавились: простой полукруглый *струг*, пила и толстое долото.

На севере, где большую часть домашней посуды выделывают дома, вся она изготовлена при помощи только этих незатейливых инструментов. На юге, где ремесла более обособлены, столяр кроме того обыкновенно обладает пилой широкой и узкой, рубанками, коловоротом, стамесками, долотами, даже иногда — рашпилем. Но всюду топор играет первую роль. Топором якуты владе-

ют мастерски, и плотники они отличные. Большинство церквей в Якутском округе и почти все дома в городе Якутске выстроены якутскими плотниками. При плотничьей работе они употребляют те же приемы, тот же райциркуль для притесывания, ту же смоленую веревку, отвес, угольник и линейку, что и русские.

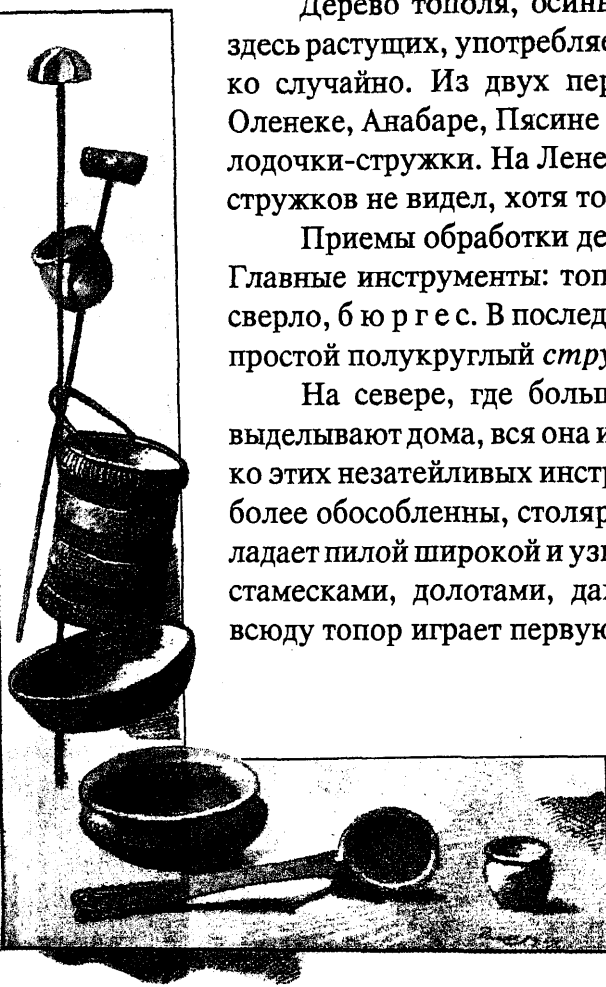

Рис. 74. Мутовки (м у т у к); маленький горшок для сливок; берестяное ведро (ы а г а с), деревянные чашки; большая ложка-черпак (х а м ы я х).

Руководящего плотничьей артелью старшего плотника зовут по-русски — "уставщик". Но главные их инструменты, топоры и ножи, удержали старинную форму. Весят они от двух до четырех фунтов, не больше, и стоят от 50 коп. до 1 рубля. Тешут якуты ими гладко, чисто и быстро; даже мелкие вещицы они охотно обделывают топором.

1) По-видимому, это русское нововведение. Якуты предпочитают шпите из лиственничных досок *ветки* — т.п.

За неимением больших продольных пил якуты редко также пилят доски; чаще они их вытесывают по одной или по две из одного толстого бревна, расколов его надвое. Для этого они выбирают отборные деревья с прямыми нескрученными слоями, называемые к и л ь м а с. Я видел довольно длинные доски в палец толщиной, вытесанные совершенно гладко и равномерно. Такая доска стоит от 25 до 40 коп. Шириной она обыкновенно в 6". Соединяют их якуты в большие плоскости при помощи шпонок и клея. Шипы и пазы якутам мало известны. Сбив и склеив доски, ровняют и подтесывают их острым топором. Когда желают таким большим плоскостям придать известную гладкость, то за неимением струга и рубанка слегка выгибают толстый, слабо каленный якутский нож и двумя руками строгают неровности тонкой стружкой, сильно прижимая ладони к доскам. Тот же более выгнутый нож служит для выбора и выглаживания углублений в плоской посуде. Для выделывания более глубокой посуды, чашек и кубков, употребляется опять тот же нож, только на этот раз выгнута не середина его, а конец. У кустарей есть, впрочем, для таких поделок особые разнообразно выгнутые стальные лезвия. Тот же нож сплошь да рядом употребляется вместо сверла, вместо внутренней пилы, вместо художественного резца. После топора он чаще всего появляется в руках якутского кустаря. Они не жалеют денег и охотно платят рубль и полтора за сносный, острый клинок.

Остальные якутские инструменты, рубанки, струги, сверла, долота, стамески и т.п. той же формы, что и русские, и названия носят русские. Обыкновенно они самодельные и плохого достоинства. С помощью этих инструментов якуты выделывают свою мебель, простую и узорчатую: столы круглые (якутские) и четырехугольные, шкафы, стулья, ящики. Какой была вся эта мебель до XVII столетия, до пришествия русских, неизвестно; теперь она носит следы сильного русского влияния и зовется по-русски. Крепят бока ящичков и коробок (доски) якуты различно.

Скрепление "на замок" им известно, но считают его русским; предпочитают скреплять на деревянные гвозди и клей, а еще охотнее связывают ремешками, волосяными веревками, талинками или гибкими древесными корнями. Бондарного искусства якуты до недавнего времени совсем не знали. Всю посуду, сделанную из клепок и связанную

Рис. 75. Долото и нож для вырезывания узоров.

обручами, они называют по-русски: у х а т (ушат), б е д р о (ведро), п л я х ы (фляга) и т.д. Старинные бочки для тары, к а с а с, они делали и теперь еще во многих местностях делают из лиственничных дуплистых пней. Для этого они спиливают их, выравнивают внутри, выжигая и

выстругивая, а затем вставляют дно. Иногда выжигают пень еще на корню, чтобы увеличить его отверстие и облегчить срубание. Обручей якуты, по-видимому, не знали. На треснувших к а с а х я часто видел скрученный с помощью палки ремень. Бондарное искусство распространено пока только среди подгородных якутов.

Такой же прием выделки стенок из одного куска и вставного отдельно дна я часто встречал и в мелкой якутской посуде: в маленьких ведерках для сохранения сливок, в больших узорчатых ведрах, в которых подают кумыс женщинам, а также табакерках и коробках, выделываемых из березовой "щетки". Якутские деревянные чашки, кубки для кумыса выделываются всегда из одного, хорошо просушенного, цельного куска березы. Судя по украшениям, умение готовить эту посуду нисходит у якутов к глубокой древности. Вся она сделана от руки. О токарных станках у якутов, даже о том грубом подобии их, которое встречается у наших деревенских колесников, я никогда не слышал и не видел их. Деревянные изделия якуты охотно красят, но не полируют и не покрывают лаком. Единственное исключение представляет, пожалуй, кумысная деревянная посуда, которую ежегодно, складывая в амбары для хранения на зиму, смазывают сверху густо сливками или маслом, что, по мнению якутов, предохраняет ее от растрескивания. Действительно, жир, впитываясь в дерево, уменьшает его чувствительность к влажности и делает сосуд прочнее, тверже, вместе с тем глаже становится его поверхность; это-то и нравится якутам.

Из крупных деревянных предметов якутская лодка, сани и телега носят в своей форме и работе столько следов разнообразных позднейших влияний, что первоначальный их вид и посторонние на них наслоения чрезвычайно трудно проследить. Все они — недавние якутские приобретения. Телега во многих местах до сих пор им неизвестна. Колымским якутам мне с трудом удалось разъяснить идею колеса, и они не находили никакой разницы в передвижении по земле на телеге и санях, на которых они возят тяжести и летом. Даже сани в этих отдаленных северных местностях мало употребляются якутами, да и то исключительно для собачьей и оленьей езды. Употребление хомута и дуги им неизвестно, и когда, изредка, для проезжих чиновников, им приходится запрягать лошадей, то впрягают их в те же оленье н а р т ы, при помощи той же оленьей лямки, задевая ее за седло. Тогда на эту лошадь или на другую, впереди нее, садится верховой ямщик. Понятно, что и лошадь и едущий в санях устают страшно от постоянных подергиваний и встряхиваний¹⁾.

1) Мне сообщали, что теперь в окрестностях С.Колымска мало-помалу входит в употребление русская упряжь, но еще в 1883 году, когда я захворал в дороге до того, что

Иногда вместо лямки употребляют оглобли, которые тоже привязывают к седлу. Происхождение бычьих саней и бычьей упряжи не так ясно. Предания насчет этого я не нашел. Это до того грубый и первобытный прибор, что, пожалуй, начало его можно искать в тех двух лесинах с загнутыми вверх корнями, соединенных поперечным толстым бруском, в которые впрягают, точно в оглобли, быка и на которых до сих пор возят якуты из лесу матерые бревна строевого леса. Бычье ярмо состоит из двух совершенно одинаковых частей: верхней — а р а, и нижней — б у л г а л и ¹⁾ (рис. 14). Они гладко выструганы, выгнуты и соединены между собой и с оглоблями с помощью ремней, продетых в сделанные на концах дырки. А р а прикреплена наглухо, а один конец б у л г а л и, обыкновенно левый, может скользить свободно на петле по оглобле. Ярма якутские совершенно похожи на бурятские и на монгольские. Якутские сани формой, размером, работой совершенно схожи с русскими дровнями; служат они исключительно для возки тяжестей: сена, дров, причем вожак садится верхом на быка. Даже когда они пустые, едущий предпочитает сидеть верхом.

Употребление длинных вожжей в бычьей упряжи не привилось, и идея вожжей по происхождению у якутов русская, о чем свидетельствуют и предание, и название б о д з и. Сено в старину не приходилось возить, а лес на топливо возили якуты, по всей вероятности заарканив лесину за седло лошади, как и теперь возят его на близкие расстояния в дороге в случае необходимости. Впрочем, Георги говорит о том, что якуты возят свои вещи "на небольших узких санях, в которые впрягают рогатый скот" ²⁾.

Кстати укажу, что в о л о н г о на санях ездят только злые, дьявольские богатыри, что упряжь, хомут, ярмо, оглобли употребляют преимущественно враждебные герою-якуту злые герои, которые, по всем данным, иностранцы ³⁾. Якутские герои и героини всегда ездят верхом на лошадях и возят свои богатства выюками ⁴⁾. Оно так и было в действительности. Как кочевой, наезднический народ, якуты седло научились готовить раньше других перевозочных средств.

Якутское седло, как вьючное, так и верховое, сделано все почти из дерева. Вьючное состоит из двух дощечек, соединенных на концах небольшими деревянными дугами. Посередине к этим основным доскам

не мог влезать на седло, то был принужден проехать несколько десятков верст по Колымскому и в другой раз по Верхоянскому улусу подобным мучительным образом.

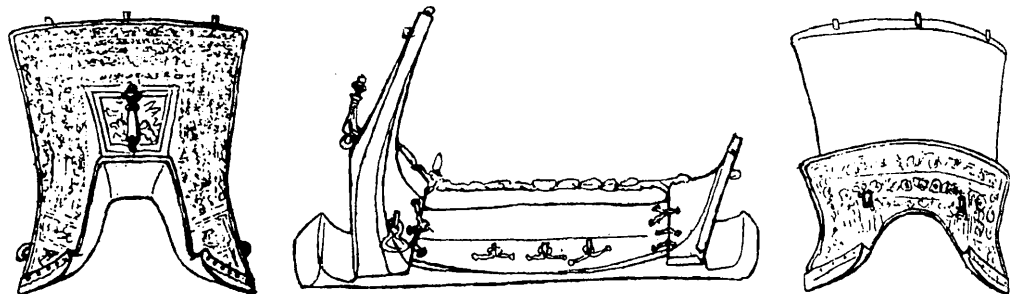
1) Б у л г а л и зовут также в некоторых местностях и оглобли, чаще, однако, зовут последние по-русски: о г л о б л и или просто "тяжи", т а р д ы м а с.

2) Ibid., с. 176.

3) Х у д я к о в, с. 93, 100, 170, 199.

4) См. там же.

прикреплен крестик, за выступающие плечи которого закладывают уши вьюков. Под седло и под тяжести на спину и бока лошади подкладывают толстый потник. Седло верховое по конструкции очень похоже на вьючное¹⁾. Основание составляют также две параллельные дощечки, слегка выгнутые и наклоненные друг к другу под углом, подобно краям корыта,

Лука.

Спинка.

Рис. 76. Остов якутского седла (1/8 наст. велич.).

лишенного дна и боков. На концах они соединены дугами, но дуги эти, толстые, высокие, соответственно вырезанные и приспособленные, образуют высокую азиатскую луку и не менее высокую спинку. От луки к спинке, в пустоте, оставшейся между описанной выше деревянной рамой, натянут ремень сиденья. На верх седла кладется подушка. К кольцам, вбитым в передние концы параллельных дощечек, прикрепляются стремена, а дальше за ними три подпруги. Стремена нередко деревянные, с ободом из тальника, загнутого и заложеного концами в отверстия стременной плашки; все части седла скреплены с помощью ремней, что обеспечивает большую упругость и большее сопротивление на излом. Якутское верховое седло, как было сказано выше, близко подходит к якутскому вьючному седлу, которое в свою очередь в идее родственно с деревянной рамой, употребляемой якутскими пешеходами для носки грузов: это тонкие дощечки, способствующие разложению давления тяжести более равномерно по всей спине. Только у седла дуги по понятным причинам кривые²⁾.

1) См.: М и д д е н д о р ф (Немецкое издание), с. 1549.

2) Такие же носилки употребляются в наших городах каменщиками для носки кирпича. Только у якутов и тунгусов они тоньше и легче, и вместо колышек, закладываемых на плечи, у них устроены ременные петли, в которые продеваются руки; затем петли связываются посередине груди.

Якутское седло, особенно старинное, представляет по типу менее усовершенствованный прибор, чем, например, монгольское или бурятское. Оно тяжелее последних, лука его выше и грубее, скакать и прыгать через препятствия в нем неудобно, зато оно крепко сидит на лошади и, благодаря его высоте, длине и ширине его основания, на нем сидеть удобно и на него под ездока можно грузить много. У европейцев широта якутской луки, пока они к ней привыкнут, вызывает сильную боль в бедрах и паху. Спина и ноги мало устают в якутском седле даже при дальних поездках. Остальные части якутской верховой и вьючной сбруи делаются из волоса, кожи и сухой травы. Перейдем к описанию обработки этих материалов.

Кожу на всякие поделки якуты употребляют преимущественно коровью и кобылью. Замши из этих кож якуты не готовят, хотя такого рода выделка имеет у них особое название с а р ы, и крытый замшей кафтан зовется с а р ы с о н. В настоящее время замшу они покупают у тунгусов или выделывают сами исключительно из оленьей кожи. Приемы ее выделки усвоены ими, по-видимому, у тех же тунгусов и юкагиров, у которых они позаимствовали и северного оленя.

Инструменты и приемы для выделки кожи всюду тождественны. При выделке якуты прежде всего очищают ее от волоса. Волос преимущественно бреют или сдирают вместе с эпидермой насухо при помощи разной формы скребков. На севере я видел, что для разрыхления и очищения кожи от шерсти ее слегка смачивали водой, затем смазывали испортившимися рыбьими внутренностями и клали надолго в теплое место, свернувши в комок шерстью внутрь¹⁾. Через два дня шерсть свободно слезала. Удаливши волос, принимаются за мятье. Для этого сухую кожу проминают сначала в руках или при помощи деревянных станков, колотушек, очень схожих с употребляющимися в России для мытья и трепания конопли. Затем кожу со стороны мездры смазывают маслом, сливками или сажей, смотря по качеству требуемого материала²⁾. Для худших сортов ограничиваются сорой, без которой на юге не обходится никакая выделка. Иногда к соре добавляют немного муки. Если требуется мягкость, то кожу проминают вторично с коровьим маслом, сливками или скотским мозгом. На севере рыбий жир и рыба печень заменяют масло. Видел я также на севере, что тонкую выделанную кожу, предназначенную на верхнее платье, *дымили*. Для этого из нескольких

1) На юге иногда с этой же целью употребляется полуразложившаяся скотская печень; но чаще всего там соскребают волос *насухо*.

2) Употребляют также и говяжье сало, хотя считают его не особенно хорошим; за лучшее смягчающее средство справедливо считается кобылий жир и олений костный мозг.

кож строят маленькую палаточку и разводят в ней из сырого смолистого дерева слабо тлеющий огонь. Такая кожа приобретает красивый оливковый цвет и не так поддается влиянию сырости. Красят якуты кожу охрой, белой глиной, ю р о н з б у о р, и разными растительными красками в цвета: черный, оранжевый, коричневый, желтый, белый. Кожи, на которых волос должен остаться нетронутым, мнут таким же образом, употребляя те же приемы смягчения и разрыхления. Я не знаю, чтобы якуты дубили кожу, хотя прекрасных дубильных материалов, как сосновая ивовая кора, у них под руками много. Только косвенно, при употреблении отвара ольховых шишек или тальниковой коры как красок, некоторые кожи дубятся ими с поверхности — в очень, впрочем, слабой степени.

Рис. 77.

Чашка.

Холлогос.

Мера без мен.

Ящик для чая.

Для выделки ремней кожу, еще сырую, разрезают на узенькую длинную ленту и, если веревка должна быть двойная, тут же скручивают и сушат. Затем мнут ее при помощи прибора, состоящего из тяжелого деревянного болвана и палки с двумя отверстиями. Ремень продевается несколько раз сквозь отверстия посередине палки и в ухо болвана; затем всю связку подвешивают к потолку. Болван оттягивает ее книзу, и во время передвижения палки он же заставляет ремни равномерно скручиваться и раскручиваться. Острые края отверстий, скользя по ней, проминают веревку.

Кроме платья, обуви, ремней, из кожи выделывают части русской

Рис. 78. Берестяная женская рабочая коробка.

же, только поменьше размером, мешки употребляют якутами летом для перевозки вьюками жидкостей, молока, сора, сливок, а также масла, которое легко на солнце тает и подвергается порче. Маленькие мешочки называют уменьшительным именем — с и м и р ч а х. Некогда они были в большом употреблении, но теперь мало-помалу вытесняются менее удобными, но более дешевыми русскими деревянными фляжками. Кожу для с и м и р о в берут преимущественно кобылью, ее не мнут, а только очищают от волос, пропитывают маслом или кобыльим жиром и сильно коптят в дыму. Эта кожа не промокает. Она идет на приготовление больших кумысных круглых чанов, х о л л о г о с, а также небольших при производстве кумыса употребляющихся ведер и подойников, т у р с у к, с и м и р и с и т.

Остальная молочная посуда у якутов вся без исключения берестяная. Работа и форма этой посуды ничем почти не отличается от русской берестяной посуды. Производство ее мало-помалу выделяется в кустарный промысел для тех мест, где привольнее растет береза. Раньше уметь ее шить были обязаны все женщины, но теперь на юге многие забыли соответственное приготовление бересты и не умеют прочно и хорошо ее закреплять. Якутская берестяная посуда далеко не так изящна, как, например, тунгусская или мангутская, иногда сплошь покрытая тисненными узорами, вышитая бисером и выкрашенная в разнообразные цвета. Способ скрепления краев тоже различный у этих народов; тунгусы и мангуты предпочитают соединять березовую кору на замок, подобно нашим белорусам; если они сшивают ее, то шов обыкновенно запря-

упряжной сбруи, а также седельные подушки, седельные фартуки и чепраки, дорожные сумки, уздечки, оброты, подпруги, плетки и пр. Тонко изрезанная кожа употребляется во всевозможные связки. Наконец, из нее выделяются старинную дорожную посуду — с и м и р (рис. 37). Самый крупный образец этого рода представляет "кумысный мешок". Это кожаный бурдюк, плоский, призматический, суживающийся кверху и оканчивающийся совсем узким горлышком. В горлышко это, дома вставляют деревянную изящно вырезанную втулку, х а л я (рис. 115). В дороге мешок замыкают с помощью двух связанных на обоих концах палочек — т ы л б а. Точь-в-точь такие

Рис. 79. Тайбур.

тан, он некрасив, за нитки служат сухожилия северного оленя. Якуты шивают бересту бечевками из конского волоса; шов чаще всего крестообразный, составляет главное и чуть ли не единственное украшение посуды; мастера стараются, чтобы он был ровный и чтобы белые и черные цвета волосяных бечевек приятно в нем сочетались. Из бересты шьют и мелкую посуду: табакерки, коробочки... и огромные, х о л л о г о с ы, вмещающие по нескольку ведер жидкости. Бересту, как было говорено выше, употребляли раньше на крышку у р а с, на лодки, на обертывание тела и подстилку для трупов, на чехлы к лукам, копьям, на колчаны, даже на надставки к котлам; вообще, употребление ее, по-видимому, было обширнее; теперь, с усовершенствованием инструментов, обособлением ремесел и возрастанием торговли, ее вытесняет более прочная деревянная посуда, заменяет ткань, железо, медь. Кора других деревьев употребляется только как красильное вещество, да еще кора тополя, как подмесь к табаку. Исключение составляет лиственничная кора. Ее корою кроют крыши домов, выкладывают неглубокие погреба, ее употребляют на постройку лесных и рыбацких шалашей и выделку грубых коробок под уголь, древесные стружки и т.п.

Наряду с древесной корой и кожей стоит в якутском хозяйстве конский волос. Из него готовят сети, неводы, веревки, кёньчёсы, подпруги и т.п., из него делают махалки от комаров, т а й б у р, им набивают седельные подушки, его пучки употребляют как украшение посуды в торжественных случаях и как жертву. В старину бахромой из конского белого или крашеного волоса оторачивали верхнее платье¹⁾.

Волосяные веревки, с е т и, сучатся обыкновенно из двуцветных волос: черного и белого. Толщина их самая разнообразная, смотря по назначению. Обыкновенно они скручены из двух только прядей. Из таких бечевек, сшивая их в одной плоскости, делают к обротям прекрасные крепкие повода, к ё н ь т ё с, шириной в дюйм; подпруги к седлам, х о л у н, в $1\frac{1}{2}$ '' и 2''; волосяные циновки и даже толстые зимние чулки. Лучшим волосом считается волос с хвоста, худшим — с гривы, еще худшим — очески с гривы и хвоста, вылезавшие во время линьки животных. Ради волос гриву кобыл и жеребят по осени обстригают. Жеребцов и рабочих лошадей не стригут, считая, что животные от этого слабеют. Соединять в одну ткань нитки и веревочки, как волосяные, так и всякие другие, при помощи вязальных спиц, крючка или ткацкого станка якуты не умеют и, по-видимому, не умели никогда; веретено им также незнакомо, и нити, даже толстые веревки они сучат рукой на голом колене. Занимаются этим главным образом женщины, и некоторые достигли вы-

1) Георги, с. 175.

сокого совершенства: нитки их, ровные и твердые, не хуже пряжи. О сбивании шерсти или волоса в войлок или сукно якуты понятия не имеют. На севере, случалось, спрашивали меня об этих фабрикатах: "Какого это зверя кожа?" Даже узлы их для соединения веревок не отличаются разнообразием; по большей части это общераспространенные двусложные, крестообразные вязи. Очевидно, в прошлом у якутов как прибор для стягивания и связывания преобладали ремни. Для привязывания лошадей и вообще животных у них есть очень остроумный, быстро развязывающийся и никогда не стягивающийся узел (рис. 81)¹⁾. С помощью его можно в каком угодно месте веревки сделать постоянную прочную петлю какой угодно величины, но связать два разорванных конца нельзя. Для этого якуты употребляют два узла, схожие с европейскими: один затяжной, другой — бантиком. Ремни они сшивают.

Рис. 80. Якутка, сучащая нитки.

Вслед за кожей, берестой, волосом по важности и количеству употребления нужно поставить у якутов глину; если же принять во внимание глину, идущую на обмазку домов, совершаемую сызнова через каждые несколько лет или даже ежегодно, и обмазку камельков, производимую раза два в месяц, то количество это возрастет до громадных размеров. О нем ясно свидетельствуют большие ямы, находящиеся где-нибудь поблизости от каждой якутской юрты. Для обмазок употребляют глину худшего сорта, с большой примесью песка; она зеленоватого цвета, чешуйчатого сложения; пласты ее на большей или меньшей глубине залегают почти всюду в долинах рек. На плоскогорье она далеко не так распространена, и я знаю на севере

местности, где на десятки верст кругом глины, песка и камня на поверхности нет нигде, где все лед и торф или очень богатый растительными остатками негодный для какой-либо поделки озерный ил. В таких мест-

1) Якутский узел — остроумнейшее изобретение. Завязывается он чрезвычайно быстро и просто, и выучиться его делать механически, завязывать не глядя чрезвычайно легко. Завязать его можно даже в рукавицах, так как отдельные пальцы не играют в

ностях, чтобы не возить далеко глину, якуты, между прочим, стараются ставить юрты недалеко от немногочисленных ее залежей. Это не всегда совпадает с другими удобствами, как, например, близостью улова, и показывает, думаю, на важность этого материала в якутском хозяйстве.

Тем не менее керамика якутов стоит на очень низком уровне. Глины они никогда не квасят, не промывают, даже мнут и размельчают ее небрежно. В производстве они отличают два ее сорта: обыкновенную, б у о р, что значит также вообще *почва*, и горшечную глину — т у о й. Впрочем, они отличают еще глину огнеупорную, но зовут ее так же, как и горшечную — т у о й. Первый род глины употребляется исключительно для обмазки, и делают из нее только кирпичи. Для замазок ее разводят

Рис. 81. Якутский узел.

водой, разминают лопатами, а ради уменьшения растрескивания подмешивают в нее траву, сенную труху, коровью шерсть. Дома обмазывают

этой работе важной роли. Развязывается же он еще проще: потягиванием за свободный конец веревки А. Он по типу близок к *башкирскому* узлу, но превосходит его быстротой в развязывании. Его, несомненно, изобрели люди, для которых отвязать возможно скоро лошадей, ускакать или настичь кого-то было нередко вопросом жизни и смерти. Этот узел, как бы ни билась лошадь, не развяжется сам собой и не затянется наглухо; мерзлые ремни и веревки завязываются в него так же хорошо, как талые.

довольно толстыми слоями, но камельки мажут тонкими слоями, причем для более быстрого высыхания слоев глины разводят в том же камельке сейчас же огонь. Есть у них еще одно техническое в этих случаях правило: разводить глину кипятком или по крайней мере теплой водой. В глину, предназначенную для наружных слоев камелька, богатые якуты подмешивают с о р у, что придает большую прочность, блеск и более светлый цвет обмазке. Из той же глины якуты иногда бьют свои камельки; внутрь вместо кёрна ставят душлистое дерево, которое впоследствии выжигают. Кирпичное производство якуты целиком позаимствовали у русских. Кирпичи, по-якутски к и р п и с, выделывают они плохие, неровные и неоднородные, а обжигают их еще хуже. На севере и на юге в захолустье якуты совершенно незнакомы с кирпичами и если делают их, то только для печей в церквах и управах. Кирпичи там обжигают очень редко, а печники во всем улусе наперечет.

Горшечное производство распространено значительно больше. Глину на горшки якуты тщательно разыскивают в горных долинах. Копают ее неглубоко, с поверхности, не глубже двух-трех аршин. В 1890 году я посетил такие разработки горшечной глины в Хатынггаринском наслеге Намского улуса. Они находились верстах в 15 от улусной управы на северо-запад, в вершине небольшой пади, каких множество здесь среди высоких уступов древних ленских берегов. По дну оврага плыл ручеек. Залежи, слыvuщие в околотке хорошим качеством глины, представляли невысокие волдыревидные бугры у подножия горного ската. Разработка состояла в том, что желающий достать глину сбрасывал сверху незначительной слой почвы и выбирал со дна ямы и ее стенок нужное ему количество материала. Таким образом яма внутри земли расширялась, пока ее земляная крыша не выдерживала тяжести и не обрушивалась вниз. Тогда переходили к следующему бугру. Я видел многие выработанные ямы и несколько новых. В одной из них при мне как раз работал якут. Он с трудом вытаскивал из глубины ямы куски в 10 — 15 фунтов вязкой, темной, почти черной глины и клал их на краю отверстия. Из этих кусков впоследствии вылепливались кирпичи от трех до десяти фунтов весом, которые, высушенные, обращались в продаже под названием т у о й. Обыкновенная горшечная якутская глина всегда темного цвета, жирная, вязкая, тяжелая. В Якутске на рынке есть также в продаже горшки из белой глины, но горшки эти, я слышал, русского производства. Они совершенно другой формы и сделаны на гончарном станке. Обыкновенно якуты горшков не покупают¹⁾, а покупают глину (от 5 до 10 коп. за фунт) и дают переделывать ее вместе с обломками старых горшков мастерам. Те превращают обломки старых горшков в порошок и, смотря по сорту

1) Горшок в 1 фунт весом стоит около 30 коп.

т у о я, подбавляют его к жирным больше, к тощим — меньше. Т у о я тоже дробят молотком на каменной плитке, порошок собирают в корыто и разводят теплой водой с подмесью с о р ы. Затем густое тесто ударами деревянного молотка уминают до тех пор, пока оно не станет однородно и пластично, как воск. Тогда делают из него булку и из нее руками лепят стенки горшка, подбавляя, если нужно, свежей глины. Когда горшок получит уже известную желательную форму, внутрь его вставляют полукруглый или круглый гладкий камень и, поддерживая рукой, ударами лопатки снаружи по поверхности горшка выравнивают и выглаживают его стенки. Гончарного станка якуты не употребляют, и все производство ведется от руки. Горшки якуты слабо прокаливают тут же в камельке на углях. Редко накаливают до красного каления, чаще ограничиваются темно-красным. Нагретый до этой температуры горшок поливают водой. Если желают получить более прочные горшки, то воду заправляют молоком или сорой. Затем горшок опять слабо прокаливают. Якутские горшки очень некрепки и быстро от употребления размокают: гниют, как говорят якуты. Через стенки нового горшка обязательно просачивается вода, пока он не "заварится", для чего лучшим средством считается варить молоко. После каждой варки их обязательно чистят и сушат. Жидкость не может в нем стоять двух-трех дней кряду без вреда для них. Горшечной глазури якуты не знают. Форму своим горшкам, даже большим — в полтора-два ведра величиной, — якуты всегда придают яйцевидную, удлиненную, с маленьким доньшком и слегка выгнутыми краями. Формой, работой, украшениями якутские горшки чрезвычайно близки к горшкам каменного века. Инструменты, употребляемые для выделки их, тоже близко подходят к находимым в кухонных остатках этих времен¹⁾.

Есть, впрочем, местности, где якуты не знают горшечного производства, и в домашнем обиходе употребляют исключительно железную и медную посуду. К таким нужно причислить все улусы Верхоянского и Колымского округов, улус Жиганский и якутские поселения по Оленеку, Хатанге, Анабару и т.п. По-видимому, это произошло от отсутствия или чрезвычайной редкости в этих местностях залежей горшечной глины. Я таких залежей там не видел; говорили мне якуты, будто бы существуют таковые где-то в Тас-Ханяхтасском хребте, недалеко от станции Кюре-лях, по почтовому Верхоянско-Колымскому тракту. Образцы ее, доставленные мне оттуда, оказались прекрасной белой огнеупорной глиной с

1) Между прочим, в исследовании кухонных остатков на берегу Амурского залива г. Маргаритова близ р. Седима, в табл. II, рис. 6, изображен круглый камень с продольной выемкой, он назван молотом, но точь-в-точь такие же камни с тальниковыми рукоятками употребляют якуты, как вышеописанные каменные наковальни для выклепывания стенок более крупных горшков. Подобный же камень я видел в коллекции каменного века Иркутского музея.

примесью крупнозернистого песка ¹). Последнее делало ее малотягучей и сильно пористой, что для якутских горшечников, не умеющих промывать глину, лишало ее всякой ценности. Такие глины употребляются якутами только как плавильные тигли. Они некрепки и спекаются в горне. В Якутском округе встречал я тоже у тамошних кузнецов тигли из плотной, мелкозернистой глинки пепельного или белого цвета. Они прекрасно выдерживали самую высокую температуру и, по-видимому, состояли из чистого каолина. Месторождения не мог узнать: мастера такие вещи неохотно открывают посторонним. Якутские кузнецы имеют обыкновение свои тигли вслед за опорожнением их, еще докрасна накалинные, погружать в холодную воду или молоко. Кузнечные горны якуты делают из простой глины и обмазывают их огнеупорной тогда только, когда употребляют их для выплавки железа.

Отсутствие горшечного производства в отдаленных, менее культурных местностях Якутской области, а также недостаток в литературе указаний на знакомство с ним якутов в прошлом породили мнение, что с горшечными изделиями они познакомились относительно недавно при посредстве русских. Мнение это приходится оставить ввиду признаков глубокой древности якутского горшечного дела. Уже Страленберг пишет, что горшки "они выделявали сами" (с. 377). Происхождение этого ремесла у них, несомненно, самостоятельно, что доказывают чисто тюркские названия разной величины горшков и инструментов производства ²). Старинное слово к ю ө с ь обозначает по преимуществу "глиняный горшок" и строго отличается от с а л ы р, котел. Оно известно и там, где якуты теперь не знают глиняной посуды, употребляется в смысле "варить пищу" и служит для измерения (дороги) расстояния. "Один горшок", "два горшка", "горшок пешего, конного", "бычий горшок", "часть горшка", к ю ө с ь б ы с а г а, значит расстояние, которое сможет сделать при данном способе передвижения и по известной дороге человек в то время, "когда уварится горшок мяса средней якутской семьи". Время это равняется двум часам ³), а размер дороги — от 7 до 10, даже 1—2 верст. Этот способ мерить дорогу не встречается у соседних племен, по-видимому, он вывезен с далекого юга и нисходит до тех времен, когда якуты владели стадами овец ⁴).

1) Из нее я делал впоследствии тигли, в которых без труда плавил серебро и медь.

2) Список их, к сожалению, мною потерян.

3) В Афганистане к ю о с тоже употребляется как мера дороги; она равна двум с половиной верстам. Происхождение этой меры Миддендорф объясняет величиной былых древних перекочек, в конце которых ставили "горшок" варить пищу. Ботлинг различает оба слова: меру времени и дороги он пишет к ө с ь от к ө с ө б ю н — кочую.

4) Миддендорф, ч.116, отд. V, с. 570.

Рис. 82. Якутка, делающая горшки.

Возможно, что с появлением металлов и усилением кочевания временно развитие горшечного дела у якутов задержалось, даже пало. Примеры подобного падения были отмечены в истории культуры и в других местностях ¹⁾. Но знание горшечного производства поддерживалось, очевидно, в народе преданиями, и с увеличением оседлости оно стало быстро увеличиваться и совершенствоваться. Укажем хотя бы на соль, которую якуты вводят теперь в горшечное дело для придания большей крепости и уменьшения промокаемости своих горшков.

Из металлов якутам знакомы: железо, медь, бронза, серебро, олово, свинец, золото. По значению и распространенности на первом месте следует поставить железо. Это, кроме того, единственный металл, который в настоящее время якуты добывают из руды, и единственное производство, ясно обособившееся в кустарный промысел. Им занимаются искони некоторые роды в Вилюйском и Якутском округах. В первом добыча железа сосредоточена в Мархинском улусе в наслегах Асыкайском, Одейском, Кангаласком и в Верхне-Вилюйском улусах, в наслегах Хоринском, Меитском и Первом Удюгейском. Во втором округе центр ее представляют Хачикатский и Жемконский наслеги Восточно-Кангалаского улуса, именно роды их, расположенные по речкам Батоме и Тюгате.

1) Клеменц. Древности Минусинского музея, с. 65.

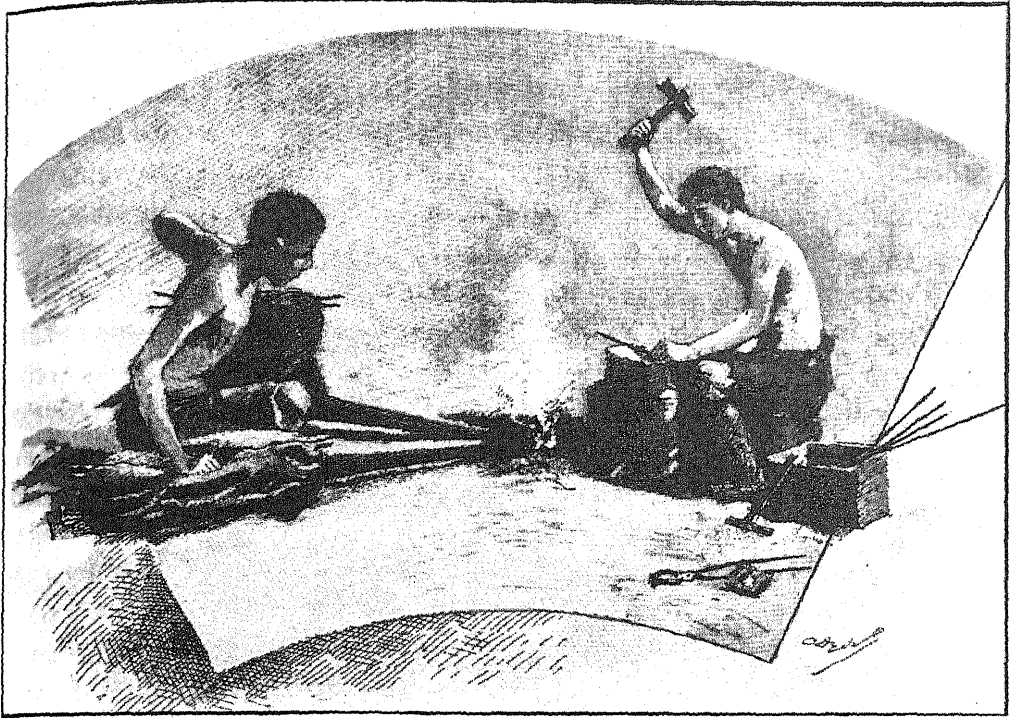

Рис. 83. Якутские кузнецы.

Кроме того, там и сям по всему округу разбросаны единичные железоплавильщики или более или менее крупные их поселки. Такой поселок я видел недалеко от Тюхтюрской станции в Октемском наслеге Западно-Кангалаского улуса, а отдельного кузнеца, умеющего плавить руду, встречал даже в малокультурном Баягантайском улусе.

Выплавка производится в кувшинообразных печах из огнеупорной глины в 3 фута 8 дюймов вышиной и в 3 фута шириной в самом широком месте, которое приходится на четырнадцать приблизительно дюймов выше дна. Верхнее отверстие печи узко — немного более 1 фута. Внизу находятся дверцы для вынимания крицы. Огнеупорные стенки печки не толще полутора-двух дюймов. Для крепости и сбережения тепла она помещается часто в сруб, набитый обыкновенной глиной. Маак описывает такие же печки в Вилюйском округе, но без обшивки. В нижнюю часть горна проведена труба от раздувательных мехов. Заперши кричное отверстие глиняной дверцей и обмазав ее глиной, разводят огонь и, мало-помалу раздувая мехи, наполняют печку доверху углем. На него высыплют около полуведра искрошенной в куски руды. Когда уголь сгорит и опустится до половины печки, то опять добавляют доверху угля и на него кладут такое же количество руды. И так повторяют процесс до 15 — 20 раз.

Из каждого пуда руды получается от трех с половиной до четырех фунтов железа. Крицы, б о л г о, выходят весом от 25 фунтов до 1 пуда. Они очень пористы, покрыты толстым слоем окалины и шлаков. Чтобы сделать их пригодными для дальнейшей обработки, их много раз проковывают, причем половина веса угорает. Из одного пуда б о л г о получа-

Рис. 84. Якутская винтовка.

ется максимум 25 фунтов железа. Иногда получается прекрасное мягкое, волокнистое железо, иногда высокого достоинства сталь; чаще всего помесь того и другого, гибкая и вместе с тем доступная закалке. Ее-то ставят выше всего якуты, называя "якутским железом" с а х а т и м и р, в отличие от чистого, мягкого железа, русского, н у ч ч а т и м и р. Последнего они не любят; привозная же сталь, у к л а д, ы с т а л, недоступна им по дороговизне. Руководить процессом выплавки, чтобы получить желаемый сорт железа, якуты не умеют. Употребление флюсов им неизвестно. Руду ищут на поверхности земли, на берегах рек или добывают из неглубоких шахт и ям. Затем сушат ее и дробят на небольшие куски молотком. Излюбленные якутами руды: бурый и красный железняки и сферо-сидериты. Последним они отдают предпочтение.

Мастера, выплавляющие железо, обыкновенно селятся недалеко от залежей руды. Они редко занимаются дальнейшей обработкой криц; обыкновенно отсылают их на продажу в город или перепродают на месте другим, настоящим кузнецам.

Якутская кузница до сих пор осталась подвижной кузницей кочевника, а якутский кузнец — бродячим мастером, охотно перебирающимся из одной местности в другую, из юрты в юрту, то по вызову богатых работодателей, то по личному усмотрению. Главные его инструменты: мех, к ё р т, наковальня, к ы с т ы к, клещи, к ы т ы г а с, молот, ö т ю ö и напилоч, и г и. Все эти вещи и посейчас очень схожи с теми, которые изображены в монгольской кузнице XVIII столетия Палласом¹⁾. Мехи их представляют, так же как и у древних монголов, кожаные мешки из мягкой кожи, сшитые так, что формой они чрезвычайно напоминают кожу, снятую чулком с кобыльего зада; два рукава этих мешков привязываются к общей двугорлой деревянной втулке, жерло которой вложено

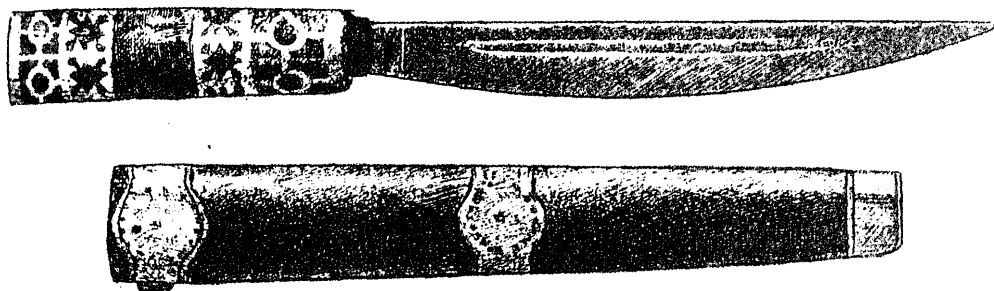

Рис. 85. Нож с чехлом, к ы н а х б ы с а х, якутской работы; ручка украшена оловянной набивкой (¹/₂ наст. велич.).

в переднюю стенку горна. Между двумя мехами садятся помощник кузнеца, его жена, сын, чаще всего сам заказчик и дуют, обеими руками попеременно поднимая и раскрывая пальцами отверстие одного меха и закрывая и опуская одновременно другой мех, так что струя воздуха получается непрерывная. Работа якутским мехом требует некоторого навыка, но почти каждый взрослый якут умеет с ним справиться. Воздуха дает такой мех много, но невысокой плотности; отверстие его жерла широко, что мешает сосредоточить накаливание на небольшом простран-

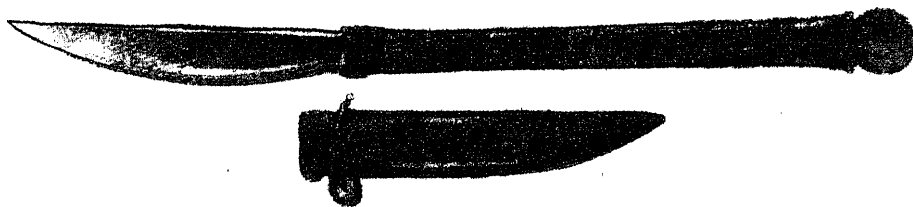

Рис. 86. Короткое охотничье копье (¹/₁₀ наст. велич.).

1) P.S.P a l l a s. Samlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Erster Theil, Platte V.

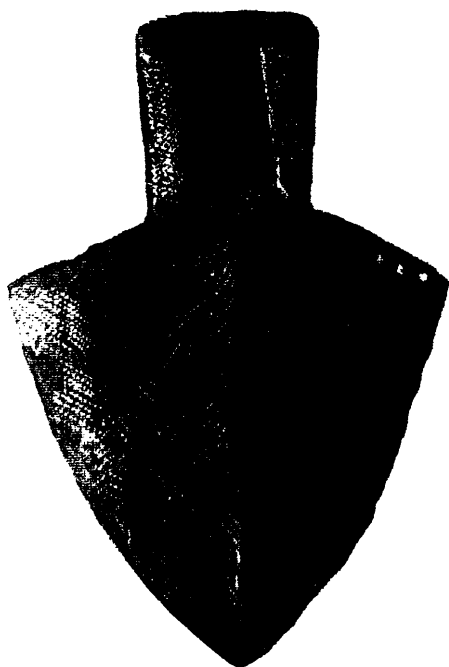

Рис. 87. Лемех для плуга якутской работы ($1/8$ наст. велич.).

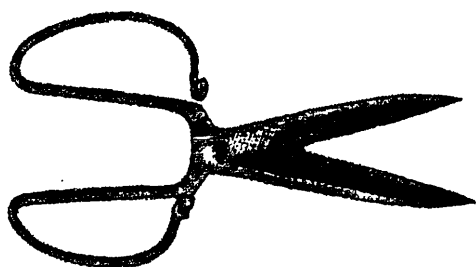

Рис. 88. Якутские ножницы ($1/4$ наст. велич.).

Рис. 89. Ледокол ($1/5$ наст. велич.).

Рис. 90. Якутская подкова.

Рис. 91. Якутские клещи.

стве. Мелкие вещи плохо свариваются при действии этими мехами: они горят; большие требуют другой пары мехов. Уже кусок в десять фунтов не может быть доведен до плавления без работы четырех мехов одновременно. Кроме того, якутские мехи требуют чуть ли не вдвое больше времени в сравнении с русскими кузнечными мехами для получения таких же результатов. Зато они без всякого затруднения раскладываются и примазываются ко всякому камельку или даже просто во дворе. Горно представляет узкую рытвину в 3 — 4 дюйма шириной, перпендикулярно к которой посередине пристроены мехи. В правое устье желоба, считая от мехов, обыкновенно кладут подлежащее ковке железо, левым выбрасывают золу и шлаки. Горно всегда полно угля. Уголь употребляется древесный, легкий и мягкий, с массой головешек. Получают его, сжигая на воздухе сложенное в клетку сухое дерево и заливая жар водой. Куют якуты обыкновенно сидя, на маленьком стульчике, на корточках перед низенькой небольшой наковальней. В два молота куют чрезвычайно редко, а тому, что можно ковать в три и четыре молота, не верили. Большинство виденных мною якутских молотов формой напоминало монгольский топор с сильно развитым обухом. Бородка их иначе заправлена, чем в наших молотах, она обыкновенно оттянута вдоль черенка. Приемы и инструменты якутских мастеров очень первобытны, тем не

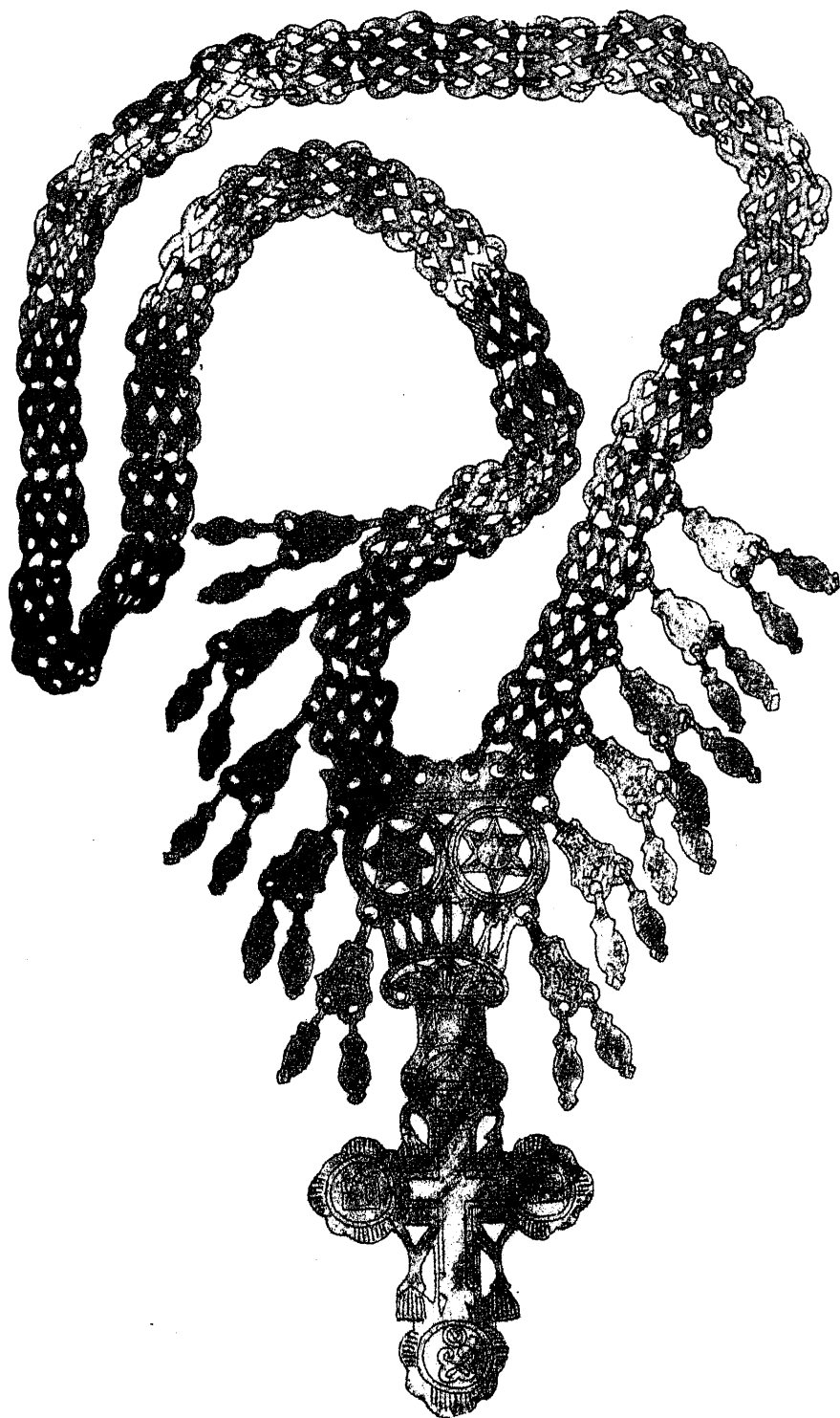

Рис. 92. С ю р а х, серебряный женский крест якутской работы
($\frac{3}{4}$ наст. велич.).

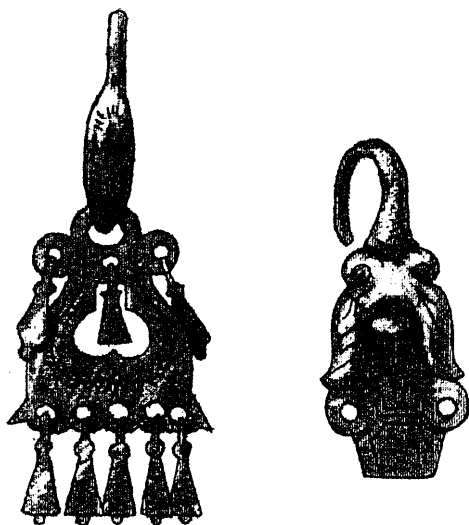

Рис. 93. Серебряные серьги
(наст. велич.).

менее они справляются со своими грубыми инструментами прекрасно и при их помощи сваривают довольно удачно даже ружейные дула. Впрочем, такие искусники в каждом улусе наперечет; средний же якутский кузнец не отличается особенно чистой работой и должен быть поставлен значительно ниже среднего русского кузнеца. Железо до степени сварки якуты доводят неохотно, отчего оно в работе часто пленится и щепится. Шов сварки всегда почти заметен, и сила сцепления его слаба. Для флюсов при сваривании употребляют, как и русские

кузнецы, белый кварцевый песок. Закалывают предметы, погружая их в холодную воду со льдом; для большей крепости иногда перед нагреванием посыпают их порошком слабо пережженного рога и соли. Отпуск по цветам им незнаком, и если отогревают иногда закаленные предметы, то определяют их мягкость, пробуя напильком. Ввиду прекрасного навыка некоторых распознавать качества данного материала по его наружному виду, излому, цвету нагрева якуты с закалкой особенно *своей стали* справляются сносно; они делают их нее напильники, удачно закалывают топоры, ножи, долота, пешни, копыя и т.п. Не умеют только калить и ковать ружейных и всяких других пружин. До недавних пор не умели также нарезать винты и сверлить железо. Винторезки все сплошь у них покупные, а винт зовется *б и н т или н у ч ч е с у о л а* — русская дорожка. Коловорот, бур, пьерка, сверление железа вызывали всегда удивление среди верхоянских и колымских кузнецов, хотя между ними есть и хорошие мастера. На юге сверление железа практикуется, но тоже редко; якуты предпочитают железо *пробивать*. Сверлить железо им трудно еще и потому, что нужные для буров высшие сорта стали (гушталь) им незнакомы; я убедился, что они не умеют ее обрабатывать, всегда прогревают и гнут. Не знают они также чугуна, и я помню недоумение и ужас одного кузнеца, когда принятая им по ошибке за железную чугунная дужка, согретая в горне, рассыпалась под молотом в кашлицу. Только там, куда проникла русская печь, а вслед за ней русский чугунный горшок, они знают этот металл и зовут его *д ж у г у н*. Если нельзя сваривать же-

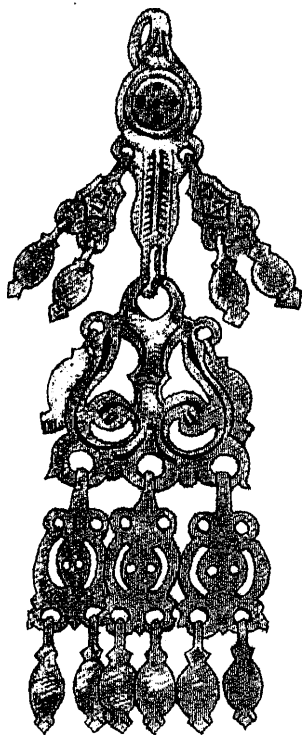

Рис. 94. Серебряные серьги
(наст. велич.).

не делают; даже дно и заплаты вставляют до того неумело, что всегда после починки якутские хозяйки принуждены замазывать щели тестом. Зато большинство якутских кузнецов прекрасные медники и серебряники. Не говоря уже о мелких предметах, как-то: пряжках, кольцах, серь-

лезных предметов, то для их соединения якуты употребляют как припой красную или желтую медь, реже серебро. При сплавивании употребляют буру, а за неимением ее — жидко разведенную глину. Склепывают якуты предметы очень неумело. На заклепки употребляют по большей части трубочки свернутой жести. Я не видел ни одного, который умел бы делать настоящие заклепки; они все-таки прекрасно понимают превосходство настоящих заклепок, и моя заклепочная машинка всегда среди них вызывала зависть. Жестянки якуты тоже неважные. Паяют оловом грубо и толсто. На севере даже лудят паяльником; на юге для растирания олова употребляют заячьи лапки, куски кожи и т.п. Паяльник у них обыкновенно железный; как облегчающие спайку вещества употребляют нашатырь, стеарин, воск, лиственничную смолу (камедь). Жестяной посуды

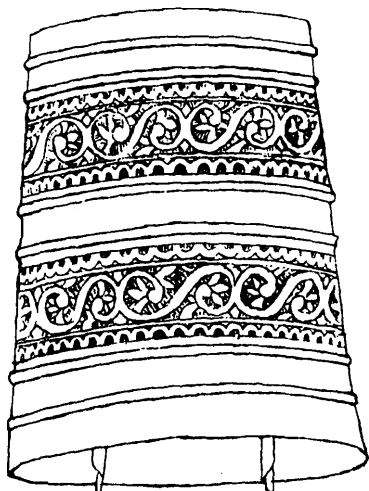
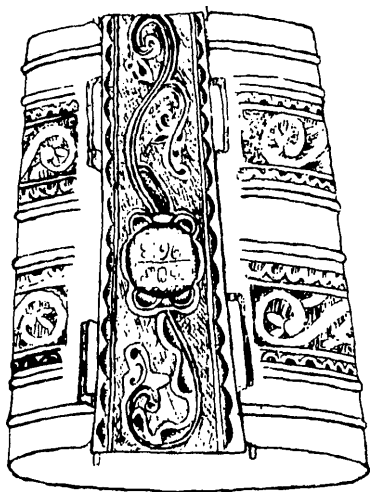

Рис. 95. Бёгёк, серебряные браслеты
(¹/₂ наст. велич.).

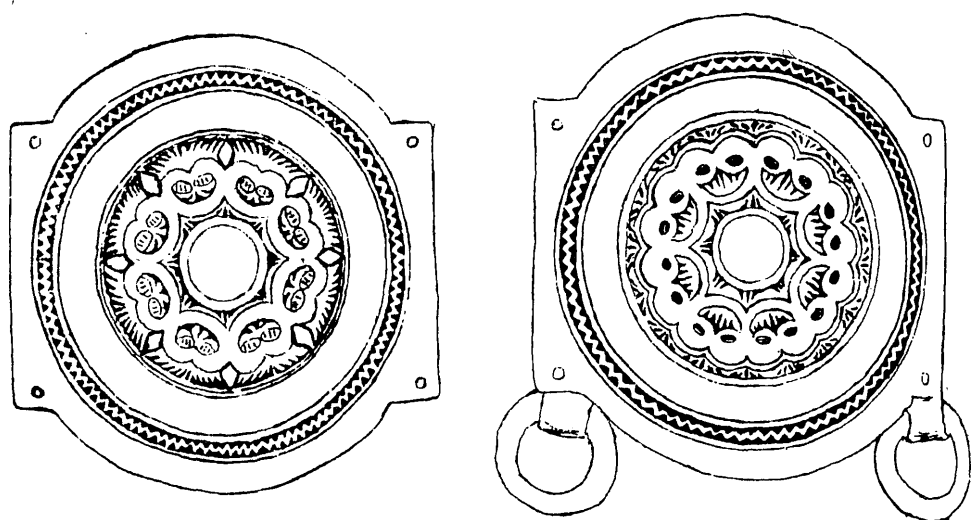

Рис. 96. Пластинки серебряного пояса.
(наст. велич.)

гах, крестах, печатях, цепочках, привесочках и целых сложных украшениях, которые они чисто и тонко отливают из обоих металлов, многие из них из медного лома выливают и выковывают большие, ведер в 10 — 12, котлы, пузатые чайники в несколько фунтов весом — и даже я записал в Намском улусе предание, что один из колоколов Намской управской церкви отлит якутом (Намск. ул., 1891 г.). Литейное их искусство равняется и, пожалуй, превышает их кузнечные знания. Они плавят и льют даже золото, и я видел у богачей золотые перстни, серьги и браслеты работы якутских золотых дел мастеров. Для плавки этих металлов они употребляют небольшие тигли из огнеупорной глины, с круглым, как у яичной скорлупы, дном. Горшки слегка греют, затем кладут в них металл и, поместив посередине горна, тщательно обсыпают мелким горячим углем. Немного спустя начинают слегка поддувать мехами, все усиливая и усиливая ток воздуха. Когда металл расплавится, его мешают тонкой деревянной лучиной, выдувают через длинную трубку с горшка золу и уголь и, схвативши загнутыми щипцами за край горшка, вынимают его с горна и выливают металл в приготовленную и согретую заблаговременно форму. Форма обыкновенно состоит из двух совершенно одинаковых железных рамок, которые наполняются влажным, мелким речным илом, выглаживаются, посыпаются порошком древесного угля и сдавливаются на модели, как створки. Оттиск обыкновенно чист и нежен. Крупные вещи также формируются и отливаются якутами, как мелкие; разница только в размерах форм.

Красную медь для больших котлов они сперва выливают в толстые круги, а затем коуют, разогревая до темно-красного каления. Серебряные облицовки к седлам, кружки и бляхи к поясам тоже отливают сначала

более толсто, а затем выковывают. Якуты умеют шлифовать свои металлические изделия с помощью напилков, но совсем не знают полировки. Вообще работа и резьба их довольно груба, но бывают исключения. Я знаю случай, когда верхоянский серебряник Румянцев сделал на пари серебряный гравированный кубок точь-в-точь такой, как привезенный приезжим купцом из Москвы. Этот же Румянцев делал винтовки, славящиеся по всему краю. Я видел одну, за которую заплатили 100 руб. и которая на 200 шагов была без промаха в цель. Он же, не будучи грамотным, резал печати по рисунку, сделанному на бумаге, и закаливал ножи так хорошо, что за них якуты платили охотно вдвое больше. Таких кузнецов мало. Слава Румянцева гремела по всему округу и живет верно до сих пор, хотя старик, я слышал, умер.

Количество железных, медных и серебряных предметов, находящихся во владении якутской семьи, сильно изменяется с ее благосостоянием. То оно падает до нескольких фунтов, то поднимается до нескольких пудов. За обязательные предметы для семьи в 5 человек нужно считать:

у бедных

ЖЕЛЕЗА

1 топор.....весом	3 фун.	— лот.	— р. 50 коп.
2 ножа..... "	—	8 "	— р. 60 коп.
1 ножницы..... "	—	9 "	1 р. — коп.
1 сковорода..... "	—	20 "	— р. 60 коп.
1 коса весом..... "	1 фун.	16 "	1 р. — коп.
1 огниво..... "	—	4 "	— р. 40 коп.
1 котелок..... "	—	10 "	— р. 50 коп.
1 скребок для кожи ... "	—	25 "	— р. 40 коп.
1 наперсток..... "	—	0,5 "	— р. 10 коп.
иглы, шилья, пряжки и т. п. .... "	—	1 "	— р. 20 коп.
Всего.....весом	6 фун.	8,5 лот.	5 р. 30 коп.

МЕДИ

Чайник.....весом	2 фун.	16 лот.	3 р. — коп.
2 крестика..... "	—	2 "	— р. 30 коп.
1 пара серег..... "	—	1 "	— р. 40 коп.
2 венчальных кольца "	—	1 "	— р. 20 коп.
10 литых пуговиц "	—	4 "	— р. 30 коп.
Всего.....весом	2 фун.	24 лот	4 р. 20 коп.

Это составит на 40 000 якутских семейств около 7 000 пудов железа,

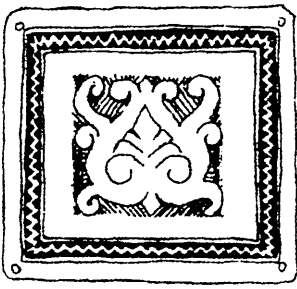

Рис. 97. Пластинка
серебряного пояса
(наст. велич.).

Рис. 98. Медная печать.

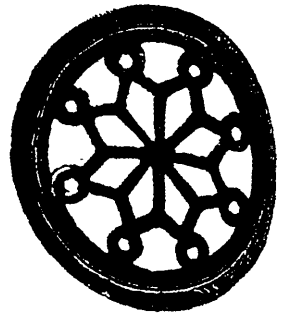

Рис. 99. Медная пуговица
для седла.

на 200 000 с лишком рублей серебром и 2 750 пудов медных изделий на 140 000 рублей. Если прибавить к этому четверть фунта олова на семью в полуде; спайке, мелких поделках и украшениях, что составит 250 пудов стоимостью около 6 000 рублей, то получится 10 000 пудов металлических изделий на 334 000 рублей, находящихся в постоянном пользовании якутов¹). Конечно, показанная сумма значительно ниже настоящей. Еще в 1860 году Маак исчислял ежегодную добычу железа в области в 3 000 пудов²). С тех пор добыча железа не уменьшилась, а привоз его год от году возрастает. То же самое можно сказать о распространении меди,

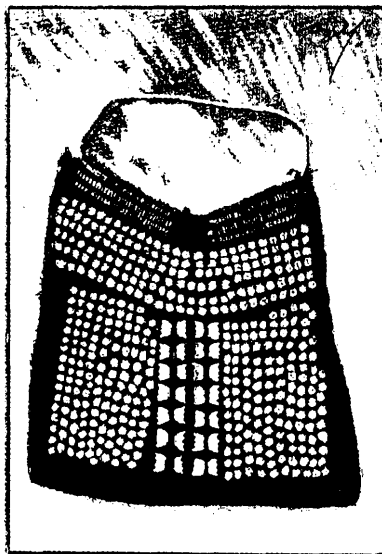

Рис. 100. Вышитый серебром нагрудник.

1) Расценка сделана по местным рыночным ценам.

2) 420 пудов в Мархинском улусе и почти столько же в Верхневилуйском (Маак, ч. III, с. 151).

ЖЕЛЕЗО			МЕДЬ			СЕРЕБРО			ОЛОВО и СВИНЕЦ																	
вес			цена			вес			цена			вес			цена											
ф.	л.	р. к.	ф.	л.	р. к.	ф.	л.	р. к.	ф.	л.	р. к.	ф.	л.	р. к.	ф.	л.	р. к.									
3	топора	12	—	1	50	2	чайника (красн.)	10	—	10	—	1	женское украшение на грудь (или лебигер)	1	8	50	погода, слайка, починки	3	—	2	50					
3	ножа	—	16	2	—	1	самовар, (желт.)	12	—	9	—	1	женское украшение на спину (или лебигер)	1	—	45	украшения	1	16	1	50					
1	долото	—	8	—	40		пуговиц колец, побрякушек, привесок	3	—	5	—	1	креста с цепочкой	—	8	9										
1	струг	—	7	—	50		украшений к седлам и уздам	5	—	6	—	2	креста мужских	—	3	2										
2	сверла	—	8	—	70		1 котел (средний)	7	—	10	—	1	нож	—	16	10										
1	пила	—	16	1	—		1 котел большой (алгый)	15	—	17	—	2	пары серег	—	2	3	50									
1	подшюк	—	10	1	—		1 печать	—	2	—	50	1 пара браслет (бёгк) подвесок, побрякушек, украшений к седлам, колец, уздечек, пуговиц	1	—	30	—										
1	огнево	—	4	—	60							6	серебряных ложек	—	26	20										
3	скребка для кожи	1	6	1	20							1	рива к образам	—	4	—										
2	пары ножниц	—	16	1	50																					
2	наперстка	—	1	—	20																					
	жглы, шилья, пряжки	—	10	—	80																					
2	котла	2	8	1	50																					
2	сковороды	1	16	1	60																					
1	лопатка для оладьи	—	7	—	50																					
1	щипцы для угля	—	16	—	60																					
1	сковородник	—	3	—	30																					
1	хорур (заступ)	1	16	—	50																					
1	пешня	3	—	1	—																					
1	лемех	7	—	2	50																					
3	косы	6	—	4	—																					
2	серпа	—	12	1	—																					
1	батас	2	—	2	50																					
2	пары стремян	4	—	3	—																					
2	оковки к седлу	6	—	2	60																					
2	узды	—	20	1	—																					
	кольца, пряжки, застежки и т. д.	—	16	1	50																					
1	кованая телега	80	—	18	—																					
1	винтовка с прибор.	12	—	20	—																					
1	железный беамен																									
1	ворган (хамыс)	12	—	3	—																					
1	лом и остальная мелочь	—	1	—	50																					
		5	—	1	—																					
Итого . . .			160	25	78	Итого . . .			52	2	57	50	Итого . . .			5	8	173	50	Итого . . .			9	16	5	50

олова, серебра, свинца и других металлов, не добываемых якутами. Учень более точно количество металлических предметов у якутов невозможно, по недостатку данных. Ради полноты привожу перечень их в богатом якутском хозяйстве.

Качество металлов, обращающихся среди якутов, самое разнообразное и сильно влияет на цену предметов. Лучшие их серебряные изделия, "старинные", как говорят они, содержат только 50% серебра, остальное медь и цинк ¹⁾. Металлического цинка якуты совершенно не знают, он попадает к ним в русских товарах только в сплавах, как латунь. Бронзу якуты знают и зовут ч я н ²⁾; поделки из нее у них довольно редки и ценятся низко. Любимый их металл для украшений — серебро; золота они не любят.

Рис. 101. Горбуша, зимние с а р ы, седло, рабочая женская коробка, винтовка, чепрак, нож.

1) По Мааку, якутское серебро содержит:

серебра.....	34,26%
меди	50,78%
цинка	15,05%

2) Ч я н, я слышал, называли также бледно-желтый сплав меди с небольшой прибавкой серебра. Ч я н называли также нейзильбер; но ч я н по преимуществу назы-

"Что в нем красивого — та же медь!.." — говорили мне колымские якуты, когда я им показывал никогда ими не виданные золотые кольца и цепочки (Колымск. ул., 1882 г.). Другое дело серебро; желая выразить высшую степень красоты, они говорят: "как серебро", и любовное, ласкательное их имя — к ö м ю с — серебро. Золото зовут красным серебром, к ы с ы л к ö м ю с. Медь предпочитается ярко-красная; даже желтую медь, которую зовут "белой медью" ю р ю н г алтан, предпочитают с красным отливом.

Знали ли якуты до пришествия русских все эти металлы? Кое-что можно ответить только относительно железа, меди и серебра. Древность знакомства их с первым не подлежит сомнению. Предания, записанные мной по поводу всевозможных случаев, постоянно указывают на это. Герои их былин воюют постоянно железным оружием.

"Железа было мало, все оно шло на копья, стрелы и панцири, к у я х, на косы его не хватало, их делали из кости или косили б а т а с а м и" (Баят. ул., 1885 г.), — говорили якуты по поводу изобретения косы.

"Железо мы знали до русских, богатыри наши выходили на бой в железных рубашках, а только было его мало, и простые люди, к о н п ё р ю к и с и, долго еще делали к стрелам острия из расколотых вдоль костей скотских голеней" (Колым. ул., 1883 г.).

Правда, есть у меня и такие записи:

"Железо получается из камня. Добывать железо из камня научили русские..."

"Медь и серебро находится в земле, а железо получается из камня. Когда узнали железо, в то время и стали сено косить..." (Намск. ул., 1887г.).

Но этим показаниям противоречат исторические документы, указывающие на то, что инородцам Якутской области железо было знакомо до пришествия русских. В отписке служивого Семена Епишева (1652 г.) к якутскому воеводе Дмитрию Францебекову говорится, между прочим: "Пришли мы морем на устье Охты-реки и в те поре на устье иноземцев тунгусов было многих родов тысяча и больше, и стреляли нас збруйны и оружейны, с луки и с копыя, в куяках и шишаках в железных и костяных и в Охту пустить не хотели — хотели побить"¹⁾.

вали бронзу. Для двух первых существует особое название п о л с к о й к о м ю с — польское серебро; бронзу они всегда называют ч я н. Многие, впрочем, якуты не умеют отличать бронзу от меди и не знают слова ч я н.

1) Дополнение к историческим актам, III, с. 333 — 334.

Сомнению не подлежит, что раз железные изделия были в то время у тунгусов, то они были и у якутов, стоящих во всех отношениях выше тунгусов и других своих соседей ¹⁾.

Отмечу также, что в настоящее время только у якутов сохранилась самостоятельная выплавка железа из руд. Тунгусам она не знакома и нет преданий, указывающих на что-нибудь подобное. Наоборот, есть указание на заимствование последними. Георги говорит по этому поводу:

"Между лесными тунгусами есть и кузнецы; но других ремесленников нет никаких. Наковальня, молот, терпук, клещи, которые они, как и само железо, выменивают на мягкую рухлядь у собирающих подушный оклад казаков, раздувальные мехи из тюленьих кож, подобные нашим ²⁾, не выключая и самого мешочка с угольем, тяжестью вообще не больше как полпуда: почему всякий кузнец весь свой прибор может носить с собой под пазухой" ³⁾.

Между тем о якутах тот же Георги говорит: "...они умеют плавить железо и изрядно куют из оного разные надобности; а особливо искусны в том вилюйские кузнецы" ⁴⁾.

Еще раньше у Штраленберга в книге, изданной в 1730 году, находим заметку, что "у якутов котлы имели дно железное, а бока из березовой коры и все это так устроено, что ни вода не проливается, ни огонь боков не сжигает" ⁵⁾.

Кроме острия стрел, по-видимому, одинаковых у инородцев всей Сибири, есть у якутов и другие железные орудия, сохранившие до сих пор свои древние, оригинальные формы. К таким принадлежит якутское *военное копьё б а т а с* (рис. 126). Лезвие его длиной в три четверти с лишком аршина, с прямой, тупой спинкой, с острым концом, посередине слегка расширяющимся, так что острие образует ломаную линию. Ширина его у деревца $1\frac{1}{4}$ дюйма, а в самом широком месте $1\frac{1}{2}$ дюйма. Толщина $\frac{1}{8}$ дюйма. Его березовая ручка к концу становится толще. У лезвия она не

1) Подобное же мнение высказывает в своей статье "Об орудиях каменного века на севере и востоке Сибири" г. Попов. Он говорит: "При покорении северо-восточной Сибири русскими в XVII столетии одни якуты умели обрабатывать железо. По свидетельству архивных актов, производство железных изделий в это время достигло у них уже значительной степени развития; ибо из железа приготавливались не одни орудия необходимости: ножи, топоры, копья, стрелы, рогатины, но и к у я к и (кожаные брони с нашатыми железными пластинками), шишаки (шлемы) и т.п.

2) Теперь тунгусы, живущие в Якутской области, употребляют якутские кузнечные мехи.

3) Часть III, с. 45.

4) Часть II, с. 172, изд. 1777 г.

5) Nord-und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm. 1730, p. 377.

толще 1^{//} в диаметре. Нередко она обернута скотскими сухожилиями, обклеена черненой кожей и украшена с обеих сторон двумя узкими продольными полосками белой бересты. В общем, б а т а с красивое, легкое боевое оружие, некогда любимое якутами. Им можно и колоть и рубить. Точно такое их охотничье копьё, б а т ы я х о т о х а н (рис. 126), только острие его поменьше и пошире. Лезвие копья нередко гравировано, украшено простой, но изящной резьбой, медными и серебряными насечками. Их особенность заключается в том, что острия их сточены с правой стороны, между тем как у остальных режущих инструментов, включая топор и косу, якуты стачивают левую сторону. Красивы также, но редки железные мечи, б о л а т (рис. 102). Не менее древний по форме якутский топор, с ю г е. Несмотря на совершенно одинаковое название с монгольским — с у г э, он сильно от последнего разнится. Он узок, в 2^{1/2} — 3^{//}, ровен, с тонким обухом, без бородки и обушной закраины, с прямым тонким острием. Эти признаки, а также размеры сильно сближают его с бронзовыми сибирскими топориками позднейшего периода. Бородка, обушные закраины, закругленность острия и большая его против обуха ширина, встречающиеся теперь все чаще, по сознанию самих якутов, позднейшие русские нововведения.

"В старину топоры были еще уже и еще меньше; рубили ими, точно долотом долбили", — передавали колымские якуты (1883 г.). "В старину топоры были узкие и было их несколько родов, а у всякого особое название" (Намск. ул., 1890 г.). Узнать названий мне не удалось¹⁾. Маак говорит

1) В сказках какой-то род топоров называют: т ä р ä х ч о х р о н с ю г е.

Рис. 102.
Древний железный меч-болат
(^{1/5} наст. велич.).

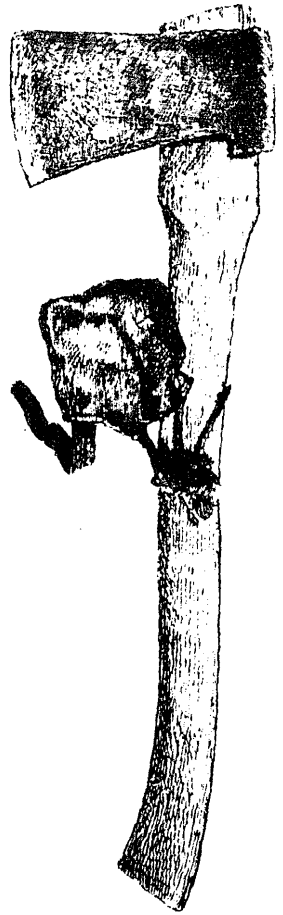

Рис. 103. Современный якутский топор
(^{1/5} наст. велич.).

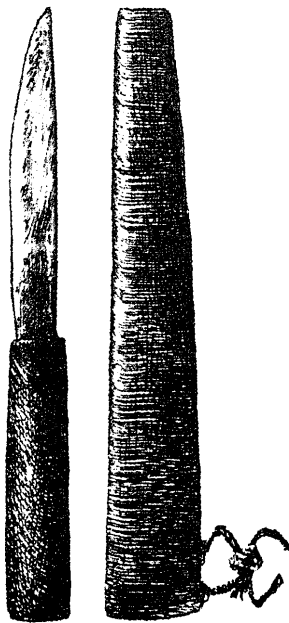

Рис. 104. Обыкновенный якутский нож
($1/3$ наст. вел.).

про два топора: ч и ё с л я ¹⁾ и а д а л х а ²⁾; оба, с поперечными к черенку, полукруглыми остриями, употребляются для выдалбливания лодочек и чашек. Такой же топор с узким, прямым острием я видел в Якутском округе. Его там употребляют для продалбливания дыр в столбах.

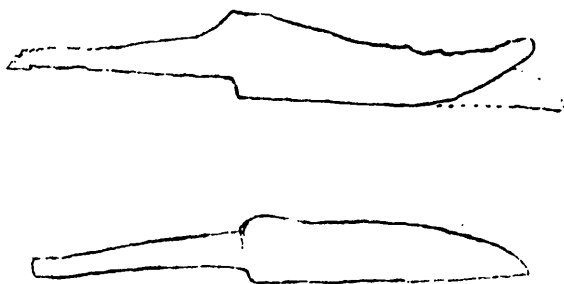
Но из всех якутских металлических инструментов самого большого внимания заслуживает, несомненно, якутский нож. Он небольшой, редко длиннее $4''$ и редко шире $1/2''$. Спинка его тупая, прямая, от 3 до 5 линий толщиной. Конец острый, пальмовидный. Лезвие слегка выгнуто. Сточена у него всегда левая сторона, подобно большинству виденных мной древних курганных сибирских ножей, и, подобно им же, правая сторона у якутских хороших клинков слегка вогнута. В последнее время с этой стороны стали делать якутские мастера желобок. Хвост, который вбивается в деревянный или костяной черень, вдвое короче лезвия. Обычно хвост помещается посередине лезвия, образуя два плечика, но я видел ножи, где хвост оттянут в одной линии с острием и плечо одно. Якутский нож, по-видимому, есть образец совершенно особых сибирских ножей ³⁾. На юге Сибири он не встречается; буряты, монголы, урянхайцы употребляют кинжаловидные ножи, ручка которых плоска и такой же почти ширины, как лезвие. Оправа ручки состоит из двух половинок, приклепанных или привязанных к черенку, совсем как у бронзовых ножей этого

1) Ч ё с л я русские "теслы". (Памятники Сибирск. Истории XVII века, кн. II, с. 40. "Роспись морского ходу судовых припасов").

2) Часть III, с. 48.

3) Железные изделия: топоры, удила, стремена, огнива, пряжки, наконечники стрел, копыя и проч. и пр. чрезвычайно похожие на теперешние якутские, широко разбросаны по Европе и Азии в могильниках курганного периода. Меня особенно поразили ножи того периода, тождественные даже в деталях с якутскими современными ножами. При самом беглом обзоре Московского исторического музея, я отметил по каталогу 1893 года тождественные с якутскими клинками:

В водоеме Днепра: Гнездииковский могильник, в водоеме Днепра и Немана, в долине р. Десны, в водоеме Балтийского моря, в водоеме Волги, в могильниках все почти ножи якутского типа или отмечены как *очень похожие*. В Московской губернии не отмечено мной ножей якутского типа. Такие же ножи попадают в курганах Харьковской губернии, Богодуховского уезда и в Полтавской губернии, Роменского уезда; затем в Мощинах, в Спасском городце, в Кавказских коллекциях Самоквасова, в Кар-

Рис. 105. Якутский нож вынутый из ручки ($1/2$ наст. вел.).Рис. 106. Монгольский нож ($1/2$ наст. вел.).Рис. 107. Старинные сибирские ножи, найденные около Тунки ($1/2$ наст. велич.).Рис. 108. Острие стрелы ($1/2$ наст. велич.).

типа. Только самодельные ножи минусинских татар имеют некоторое сходство с якутскими ¹⁾). В последнее время русский фабричный нож

расской группе курганов Терской области. Везде почти сопутствуют ножам такого типа глиняные горшки, по форме, работе и украшениям близкие к якутским. На сходство других железных изделий я уже указывал. Теперь еще отмечу *три проволочные овальные пряжки с длинными стержнями*, всякий видевший якутский музыкальный инструмент х а м ы с сейчас же признает в этих странных пряжках родных его братьев. Вообще детальное сравнение якутских узоров, их металлических и гончарных изделий с подобными предметами курганного периода могло бы, думаю, помочь к разъяснению многих загадок, и многие обычаи якутов объяснили бы странности тогдашнего погребения. Осматривая переломы многих клинков того времени, я невольно вспоминал привычку якутов ломать копыя и ножи и продырявливать котлы и посуду, оставляемые ими в могилах покойников.

1) Клеменц. Устное сообщение.

всюду в Сибири вытесняет самобытные инородческие клинки. Якуты до поры до времени составляют исключение. Качество добываемого ими железа вполне соответствует форме и употреблению большинства их орудий, что и удерживает орудия эти в обращении.

Предположение, что добыча железа позаимствована якутами у русских, неосновательна. Возможно только, что под влиянием железоплавильных казенных заводов на реках Тёре и Батоме, существовавших в 1730 году, изменились у якутских плавильщиков этой местности и форма и размеры горна, что они позаимствовали некоторые приемы¹⁾. В основе якутское железоплавильное дело осталось таким же, каким оно было до пришествия русских, и, по-видимому, они его принесли с юга. Его описывает Георги в таких выражениях:

"В плавильном их снаряде составляют всю разность, в отношении к абинцкому плавлению, одни только раздувальные мехи..." (Часть II, с. 174). Об абинцах же он говорит: "Плавильное их заведение едва ли может быть проще. Плавильная печь делается в зимней хижине и состоит в гемисферическом на пядень углублении глинистого пола в избе, у которого находится на одной стороне для действия двумя мехами небольшое отверстие. Яма покрывается круглой горбатой вьюшкой из глины, у которой в самом верху есть отверстие пространством дюйма в два. Когда плавят, то наполняют печь такими мелкими углями, какие только сквозь отверстие проходить могут, и оные поджигают. А как они совсем разгорятся, то при беспрестанном раздувании мехами бросают попеременно сквозь отверстие в печь то угли, то по небольшому количеству истолченной мелко руды. Часа в полтора выходит руды около трех фунтов. Вскрывши печь, очищают они переплавленную руду от огарков биением оной деревянными поленьями. Из выплавленного таким образом железа

1) "Против устья большой Батомы в толще пестрого известняка на левом берегу Лены при урочище Кёмиская (Кёмюс — серебро, хая — гора) видны древние копи, деланные для выработки бурого железняка, в который был вкраплен серебристо-свинцовый блеск с серным колчеданом" (С л о в ц е в. Период IV, с. 142). Мне, например, говорили, что некоторые мастера на Патоме (Батоме) предварительно пережигают руду на кострах; а на р. Тамге, впадающей в Лену с правой стороны в 30 верстах выше Якутска, где был основан завод в 1732 году, употребляют *флюсы* (?). Еще раньше, при первых воеводах Головиных, будто бы началась в Якутске обработка железа кузнецами, вывезенными из европейской России. В исторических актах есть действительно на это указания. По всей вероятности, вызвано это было примером якутских железоплавильщиков, так как казаки нигде самостоятельно не дали начала добыванию металлов, а всегда только захватывали и расширяли уже существующие инородческие местные промыслы (G m e l i n. Reise, p. 484, 486). Так было в Кузнецке, так было и в Якутске.

куют они на каменных наковальнях железными молотами железцы к стрелам и заступы; больше же продают невыделанного железа российским кузнецам..." (с. 163).

Все приемы, включая "биение поленьями" и продажу криц на сторону, остались у якутов и посейчас те же.

Впрочем, есть у них следы еще более древних приемов. В Намском улусе я записал следующее предание: "Железо, медь, серебро мы, якуты, считаем за слезы (х а р а х у т а) невидимых существ (а б а с ы). Они рассыпаны по земле, и люди, блуждая по рекам, находят эти камни" (Намск. ул., 1890 г.).

Богатый старик Капитон, живший в местности Т у р у я л а х в III Баягантайском наслеге, в то время, когда я там жил, ежегодно посылал после убыли воды на берег Алдана своих малолетних внуков отыскивать "железные камни". Они оказывались настолько богаты железом, что их без всяких хлопот переплавляли и перековывали в простом якутском горне.

Степень знакомства якутов в прошлом с медью, серебром, оловом выяснить значительно труднее. Ни одного из этих металлов они в настоящее время не добывают. Для поделок употребляют старый лом, деньги или привозной в кусках сырец. Даже подлинно не узнано в настоящее время, существуют ли в Якутской области медные рудники, годные для выработки. Тем не менее сохранились признаки, что в Якутской области жил когда-то какой-то народ, близко знакомый с медью. В Якутском музее есть красной меди ваза, найденная в Виллойском округе. В том же округе в 150 верстах от города Виллойска найден прекрасный обоюдоострый бронзовый меч (рис. 20)¹).

Наконец, о подобной же медной находке в верховьях Вилюя в 30-х годах говорит Маак. Две вышеупомянутые вещи я видел лично; они, по-видимому, не были в употреблении. Ваза не отделана; на ней сохранились тонкие пузырьки, образующиеся при отливании. На краю вместо уха изображена изгибающаяся змея, животное, отсутствующее в Якутской области. По форме она тождественна с так называемыми "скифскими котлами". Меч совершенно новый, острый, и на нем всего одна небольшая щербинка, случайного, по-видимому, происхождения. Там же, в Виллойском округе, в старинных тунгусских гробницах Маак находил медные наконечники стрел и медные шейные украшения из витой прово-

1) Меч описан г. Ануциным в "Congres International d'archeologie et d'anthropologie", E. II, p. 343. Fig. 3.

локи ¹⁾. Отмечу, что у якутов в настоящее время из меди и бронзы приготовляются украшения и домашняя утварь ²⁾. Никакого режущего или колющего инструмента из бронзы или меди я у них не встречал и преданий о чем-нибудь подобном, несмотря на допросы, не находил ³⁾. Медные и серебряные украшения находят в старых якутских гробницах; а как они ценили медь, свидетельствует небольшая заметка Фишера: "Якуты за медные котлы, которые им понравились *паче других российских товаров*, обыкновенно давали столько соболей, сколько в каждый котел могло уместиться". За железо, насколько известно, они не платили так дорого. В пользу того, что якутам медь знакома с незапамятных времен, говорит также татарское ее название: а л т а н. Таким же татарским словом к ö м ю с они обозначают серебро ⁴⁾. Олово зовут по-монгольски: х о р г о л ю н ⁵⁾; это значит по-татарски свинец, а свинец зовут якуты по-русски с и п и н е с ⁶⁾.

Я знаю только один случай добывания якутами свинца из руды. Сделал это тоже кузнец Румянцев; он в 1882 году и раньше выплавлял металл из свинцового блеска, большие залежи которого найдены им были недалеко от старинных Екатерининских рудников в верховьях р. Дуолголах. Плавил он руду так же на месте, в обыкновенном горне, дно которого делал воронкообразным и вымазывал огнеупорной глиной. Туда стекал металл. Этот свинцовый блеск был очень богат серебром, но последнего не умел получить Румянцев. Он даже *не верил*, что его можно из сплава получить, хотя сам употреблял прием *многократного пережигания* сплавов меди и серебра для увеличения процента последнего и уверял меня, что этот прием знают все якутские серебряники. "Медь горит, а серебро остается", — объяснял он (Верхоянский ул., 1882 г.).

1) Они от теперешних якутских серебряных отличаются только пятью петлевыми изгибами. Последнее обстоятельство, по замечанию г. Клеменца, сближает их с такими же украшениями, находимыми в курганах Минусинского округа.

2) Фишер. "Сибирская история", с. 359.

3) Из желтой меди выливают иногда очень красивые стремена, кольца и пряжки к седлам, сбруям и уздам.

4) По поводу серебра интересны показания Постника Иванова (1640 г.) о жителях Индигирки: "Да у юкагирских же де, государь, людей серебро есть, а где-де они серебро емлют, того он, Посничко, не ведает". Там же сказано дальше: "А опричь, государь, одекую и железа юкагири иных товаров не покупают" (Дополнение к историческим актам, том II, с. 242).

5) Böhling, p. 88; х о р г о л ь д ж у н, по-монгольски г о р г о л ь ч и н.

6) У тунгусов олово называется б а г д а р и н т ю д з а — белый свинец. А.К а s t r e n. Tungus. Sprachlehre, p. 115.

Из кости, рога, камня якуты в настоящее время выделывают предметы только второстепенного значения: гребни, рукоятки, табакерки, рожки для пороха, ступки для растирания табака, ложки, мутовки для сбивания масла и т.п. Из камня они выделывают, между прочим, жернова, которые в былое время, по преданию, были деревянные с каменной и костяной набивкой (Намск. ул., 1891 г.). Кость употребляют якуты по преимуществу мамонтовую, рог — коровий. Из перемежающихся кружков бересты, кости, дерева, кожи, серебра или олова, плотно наложенных друг на друга и насаженных на черенок ножа, якуты делают изящные рукоятки к ножам, очень похожие на урянхайские.

В прошлом кость, рог, камень, конечно, имели значительно более широкое применение. Из кости и рога, как я сообщал выше, делали наконечники стрел, косы и копыя. В Верхоянском улусе еще в 1881 году я видел костяные удочки, очень первобытной конструкции, употреблявшиеся для ловли налимов, за отсутствием желез-

ных крюков¹⁾. В Колымском улусе я видел костяные шилья, костяные наперстки и большие костяные иглы для спивания потников. О каменных топорах, пешнях и долотах там до сих пор сохранились очень живые воспоминания.

Рис. 109. Мешочек для трута.

Рис. 109а. Серница, костяная подвеска, серьга ($\frac{1}{3}$ наст. велич.).

1) Удочка представляла прямую костяную палочку длиной в $1\frac{1}{2}$ дюйма, заостренную с обоих концов; посередине к ней прикреплялась волосяная бечевка. Удочка наживлялась так, что проглотить ее было легко, а когда рыба начинала тянуть сильно веревку к себе, косточка становилась поперек горла и упиралась в него острыми концами.

"Жилища мы строили в старину маленькие, потому что топоры были каменные. Каменным топором рубить поперек нельзя, приходилось щепить. Одно дерево в день иногда рубили, а толстого и вовсе срубить нельзя было", — рассказывали колымские якуты местности Енгжа (1884 г.)¹⁾.

"Каменным топором рубить все равно что зубами грызть" (Андылах, Колым. ул., 1882 г.). Когда я впоследствии подобное выражение встречал в описании сержантом Андреевым построек на Медвежьих островах, я был поражен тождественностью выражений "как бы зубами грызено"²⁾.

Я думаю, что на севере употребление каменных орудий было перенято якутами по недостатку железа у тамошних инородцев юкагиров и тунгусов, у которых сохранились каменные орудия еще до половины текущего столетия³⁾. Там образовалось как бы понижение в развитии ремесел. Якутские мастера забыли выплавлять железо, несмотря на обилие железных руд и их доступность⁴⁾. Фунт железа стоит там 50 коп. и даже 1 руб. Многие северные кузнецы не умели ни плавить, ни отливать, ни ковать серебра и меди. В Колымском округе оба эти металла привозили ко мне из очень отдаленных местностей, так как я в то время был там единственным человеком, умевшим переработать лом. Тамошние кузнецы приходили ко мне учиться, между тем как на юге я сам многому учился у них. Но это падение ремесел и возврат к каменным орудиям был временный. Теперь оно исчезает и память о нем быстро потухает. Только

1) Не отсюда ли произошла якутская пословица: "Матерого дерева не свалишь", у л а х а н т и т о х т о р б о т, употребляющаяся в смысле, что "легче многих бедных одолеть, чем одного богача" (Намск. ул., 1892 г.).

2) См. выше, с. 344.

3) Еще в мое время находились в обращении среди тунгусов низовьев Колымы каменные топоры, называемые по имени одного из тамошних тунгусских родов.

Их уже не умели выделывать, а пользовались старыми. По этому поводу дал мне не лишнее интереса объяснение тунгус, совершенно другой местности. В Верхоянских горах, проезжая в 1884 г., я остановился на ночевку в поварне, которую занял под зимовье обедневший тунгус. Он удил подо льдом рыбу и этим питался. Показывая мне свою маленькую пешню, он жаловался на ее легкость, отбивающую руки до боли в суставах. Мы по этому поводу разговорились, и он о каменных орудиях сказал, что "оставили их люди не потому, что они хуже, а потому, что они забыли их делать". Он уверял, что "он охотно променял бы свою маленькую железную пешню на большую каменную!" (Тюкулан, 1884 г.).

4) Укажу хотя бы на залежи железа, желтой и красной охры по дороге из Верхоянска в Колымск, в Тас-Ханяхтакских горах, восточнее Кюреляхской станции, тут же у тракта. Якуты берут оттуда краски для окрашивания кож. Румянцев, единственный кузнец Верхоянского округа, имевший понятие о плавке железа, — был с юга, поселенец чуть ли не с Кангалаского улуса.

кремень для добывания огня вместе с огнивом все еще пользуется широким распространением¹⁾.

Название у кремня двоякое: и с т р и к зовется привозной иссера-прозрачный, обращающийся в торговле кремень. Он ценится выше, и для кремневок употребляют исключительно его, как более богатый на огонь. Другой, местный кремень, отыскиваемый тщательно на берегах речек, изжелта-прозрачный, носит монгольское прозвище ч о к у р (ч а к ы р). По-монгольски ч ó г у р — кремень. Не меньшим распространением пользуется точильный брус, который зовут по-русски б р у с, он привозной. Этим и исчерпываются роговые, каменные и костяные предметы в якутском обиходе.

Ткани у якутов встречаются: бумажные, шелковые и шерстяные; все они привозные. Из растительных волокон, имеющих у них под рукой, они употребляют только тальничное лыко на веревки к "переметам"²⁾, болотный ситник — на циновки с ё р ё, да известный сорт мягкой травы — на потники, б о т о. Траву собирают по осени, когда она обмякнет и завянет. Чтобы шить потники, ее кладут ровным толстым слоем на полу и прошивают тонкими волосяными бечевками. Для циновок траву (тоже осенью) сплетают в узкие, в $1/4$ ленты и затем последние спивают волосяными бечевками. Есть еще оригинальный материал, которым, по-видимому, не пользуется для своих изделий никто, кроме якутов, — это коровий навоз. Из него в смеси с глиной делают ступки, э н э к, описанные в свое время Страленбергом, а затем Мааком. Из него выделывают большие четырехугольные ящики для замораживания т а р у и воронкообразные огромные щиты для обмолачивания хлеба. Все эти предметы вымазывают внутри мокрым снегом и поливают многократно водой. Мерзлый навоз употребляется также на скрепления к саням, вместо связок у изгородей, на обмазку домов и т.д. Это дало повод к удивительным попыткам объяснить родовое прозвище якутов с а х а — употреблением ими навоза, с а х, в домашнем обиходе.

Такие вещи, как клей, краски, масла, нашатырь, горючая сера, стекло, смола, спирт, бумага и т.п., употребляют якутами только как вспомогательные средства при выделке и украшении разных предметов. Впереди всех по употреблению стоят краски. Самые излюбленные якутами суть: черная, красная, оранжевая, желтая, белая, голубая, зеленая. Для окрашивания в черный цвет они употребляют: болезненный нарост, появляющийся на хвосте лошади х а р а н г а ч и н а; небольшие, растущие на березе черные лишай, ы т т у м с а; наконец, уголь горной, кусто-

1) Население там до сих пор охотится луками и стрелами; у стрел на птиц концы нередко костяные.

2) См.: "Рыболовство", с. 278.

видной ольхи, с и с и к а б а г а т а, и некоторых других трав и кустов. Для окрашивания в красный цвет якуты употребляют кору ольхи, а б а г а; в Вилюйском округе употребляют красную охру, с о х о. В Колымском и Верхоянском улусе употребляют оранжевую охру для окраски в оранжевый цвет, а также кору ивы, с и с и к, или и е т, к ы с ы л т а л а к (*cornus sibirica*). Для окраски в желтый цвет: охру и отвар исландского мха; отвар лиственничной коры для окраски в светло-коричневый цвет. Для белых цветов отыскивают белые земли и глины. Голубую и зеленую краски якутские мастера покупают в лавках, хотя я видел у якутов Верхоянского округа какой-то голубоватый порошок, употребляемый ими вместо краски, который они добывали будто бы где-то в горах на месте. Краски готовят якуты очень просто. Минеральные вещества они растирают, смешивают с водой или клеем и раствором густо покрывают предмет; кожу обыкновенно натирают краской насухо. Ы т т у м с а (собачья морда) и х а р а н г а ч и н а, а также древесные угли якуты сушат, мелют, смешивают со скотской кровью, клеем или водой и красят их раствором. В растительный красильный отвар они погружают предметы на продолжительное время; березовую посуду даже варят в нем, а если этого нельзя сделать, то многократно смачивают им окрашиваемую поверхность. В последнее время стали якуты минеральные краски разводить на конопляном масле. Таким способом они красят мебель, иногда богачи — внутренние двери, косяки дверей и окон, надгробные памятники, выездные санки. Цвета обыкновенно довольно пестрые, но преобладают белый, голубой, красный. Красить в эти три цвета, покрывая один другим, зовется по-якутски б у р у т у й б у т ¹⁾ (Намский улус, 1892 г.). Смолы и лаков для окраски якуты не употребляют. Лиственничную, желтовато-бурую смолу, ы э с, похожую по твердости, хрупкости и аромату на копал, они охотно жуют. Смешанная с коровьим маслом, рыбьим жиром и шерстью она идет на замазку швов в легких якутских лодочках, т ы. Деготь из березовой коры якуты готовят исключительно на продажу для русских. Пока этим занимаются очень немногие. Ведро якутского дегтя в Якутске стоит около полутора рублей. Полусожженный берестяной уголь в смеси с маслом и сливками употребляется на замазку щелей и отверстий в берестяной и деревянной посуде.

Стекло в виде корольков и бус идет на вышивки, подвески и другие украшения. У богачей окна в домах стеклянные.

Из остальных веществ заметным употреблением пользуется еще горючая сера. Серу употребляют на серницы (рис. 109). Это небольшие

1) По Böhtling, б у р у й — покрывать что-либо чем-либо. По-монгольски б у р а г, с. 145.

костяные чашечки, налитые серой. Они висят у пояса вместе с трутом и огнивом и служат для разведения огня в дождливую пору. Всякий якутский промышленник, отправляющийся далеко в лес на охоту, обязательно запасается серницей. Затем горючая сера входит как составная часть в якутскую серебряную эмаль, х а р а - к т е р н о ю с. Эмаль готовят таким образом: пережигают на слабом огне свинец, помешивая его постоянно палочкой; когда металл превратится в кашу, его перекалывают в небольшое углубление, сделанное в кирпиче, добавляют серебряных опилок, кладут зажженные кусочки горючей серы и плотно закупоривают углубление глиняной крышкой. Как остаток горения получается темная губчатая масса, которую толкут и, посыпавши ею серебряный вычищенный и соответственно вырезанный предмет, накаливают в горне до сплавления в стекло. Некоторые как средство, облегчающее плавление, употребляют буру, другие — нашатырь. У всякого мастера есть свои секреты, очень разнообразящие достоинства этой эмали. Иногда это твердая, стекловидная масса, голубоватого отлива, иногда — черно-бурая и более мягкая. Якутами выше ценится первая. Эмаль шлифуется и спиливается мелкими напилками или стачивается на бруске.

Большинство якутских производств ее не организовано и не обособлено. Только кузнечное и плавильное дело, как было сказано выше, выделилось в некоторых местностях, образовало кустарные производства. Кустари, насколько мне известно, нигде не соединяются в артели, а работают отдельными семьями. Ремесло служит им только вспомогательной статьей дохода при скотоводстве. Плавильщики вырабатывают в год от 20 до 50 пудов б о л г о на семью. На пуд идет обыкновенно две крицы, а крица стоит от 40 коп. до 50. Это составит на семью рублей 20 — 50 в год. Начинают работать кустари обыкновенно осенью, по окончании полевых работ. Якутское плавильное дело находится в трудном положении. Якутскому железу приходится конкурировать со все более и более дешевеющим привозным железом, и только благодаря своему превосходному качеству и замечательной дешевизне якутского труда оно пока еще держится. Пуд б о л г о дает после проковки и очистки 25 ф. железа. Кузнечное и плавильное дело у якутов наследственное; оно переходит от отца к сыну вместе с инструментами и секретами. Есть роды, с незапамятных времен занимающиеся этими производствами, и они в свою очередь делятся на роды исключительно плавильщиков и роды исключительно кузнецов. В Якутском округе роды кузнецов и плавильщиков есть в Хачикатском и 1-м Жемконском наслегах В. Кангалаского улуса; в Вилюйском округе — в Асыкайском, Одейском и Кангаласком Мархинского улуса и Хоринском, Меитском, Удюгейском Верхневилуйского улуса.

В Якутском округе в 1859 году числилось в Кангаласком улусе 90

кузнецов; в 1860 году в Мархинском улусе было 42 плавильщика, преимущественно Асыкайского наслега, и 175 кузнецов Одейского и Кангалаского наслегов. Добывали они и обрабатывали до 420 пудов железа ежегодно. Такой же порядок добычи и обработки наблюдался раньше и в Верхневиллюйском улусе, и количество железа достигало там приблизительно той же величины¹⁾. В Якутском округе добыча железа в то же время достигала 2 000 пудов²⁾. В 1891 году о кузнечестве в Якутском округе мне передавали приблизительно те же сведения. Плавильным делом занимались те же роды тех же наслегов, что и в старину. Группы кузнецов существуют особо и в других улусах. В Зап. Кангаласком улусе, в версте от станции Тюхтюрской, мне показывали целый выселок, занимающийся кузнечеством. По весне, обыкновенно в конце февраля и в марте, на якутском городском рынке появляются работы этих кустарей: ножи, топоры, пешни, сабаны, наборы боронных зубьев, пальмы, косы-горбуши, удила и проч. Все эти предметы отличаются большим однообразием формы и *невысоким* достоинством; лучшие вещи раскупаются на месте производства³⁾. На городском рынке в то же приблизительно время можно встретить медные и серебряные кустарные изделия: кресты, пряжки, цепочки, пуговицы и т.п. Деревянную посуду, горшки, столярные изделия: ящики, столы, стулья, бочки, ушаты, дуги; затем изделия из мамонтовой кости, рога, кожи, готовое платье (меховое и суконное), обувь, циновки, сбрую, сани и телеги якутской работы и много других предметов домашнего обихода. Все они, конечно, по качеству материала и работы значительно ниже таких же предметов домашнего приготовления и дают не совсем верное представление о якутском вкусе и якутских способностях.

1) Маак, с. 181.

2) Миддендорф, с. 777.

3) Интересные сведения относительно торговли железом Вилюйского округа с Олекминским сообщает Маак (с. 181). "Из Верхневиллюйского улуса в Сунтарский и Олекминский, по данным 1860, года вывезено:

..... топоров	кос	пешней	пальм	котлов	
из наслега:					
Хоринского	300	500	200	40	50
Мейтского	100	200	30	40	30
I Удюгейского	200	20	50	—	30
.....	600	720	280	80	110

что составит с лишком 100 пудов железных поделок ежегодно на сумму *в полторы тысячи рублей*. В Батаринском наслеге на 1 525 душ обоего пола приходится: 1 печник, 5 плотников, 9 кузнецов, 1 гребенщик."

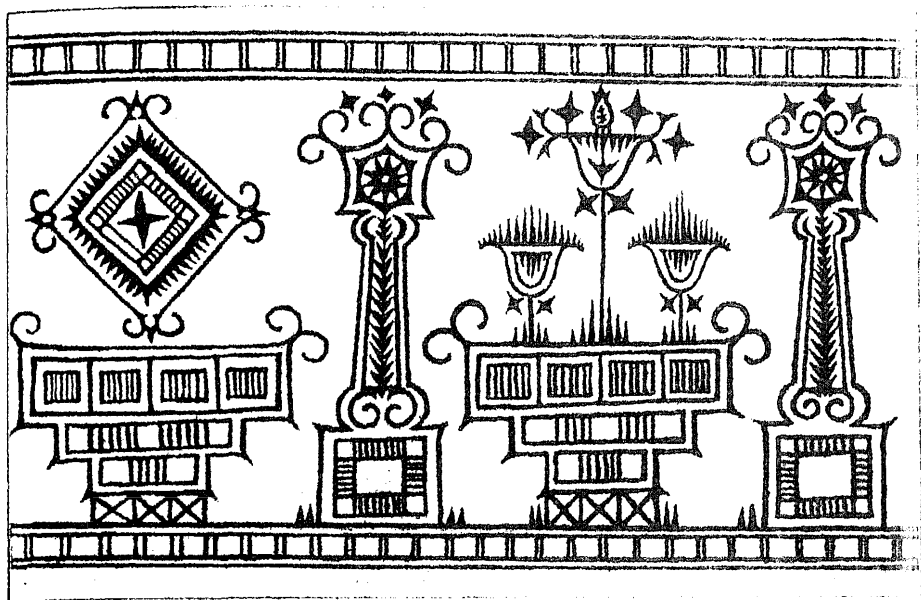

Рис. 110. Якутский рельефный узор по дереву; бок ящика
($\frac{1}{2}$ наст. велич.).

Мне не удалось узнать, откуда их привозят; по-видимому, они попадают в руки скупщиков поодиночке из разных уголков страны. Только плавильщики, кузнецы и некоторые литейщики поставляют свои работы в дюжинах и сотнях совершенно одинаковых экземпляров и сбывают их гуртом.

Рис. 111. Рельефный узор по дереву, крышка коробки
($\frac{2}{3}$ наст. велич.).

Рис. 112. А я х, или ы м ы я,
кубок для кумыса
($\frac{1}{4}$ наст. велич.).

В местах, более густо населенных и культурных, как было сказано выше, начали обособляться также столярное, плотничье, гончарное и берестяное ремесла, но в глуши нет другого ремесленника, кроме кузнеца. Если может быть речь об общественном разделении труда, то распался он пока только на труд мужской и женский. Все поделки из дерева, все, что выделывают при помощи топора и ножа, делают мужчины, все, что шивается, сплетается, лепится, — женщины или дряхлые старики. Мятье и выделка кож тоже женское и старческое рукоделие. Бесконечно длинные зимние вечера трудолюбивой якутской семьи проходят в заготовлении для себя или по просьбе соседей платья, утвари, разных предметов. Якут не торопится. Мурлыкая песенку или прислушиваясь к речитативу не менее длинной, чем сама ночь, сказки, он готов тысячу раз примерить, подстрогать, прирезать, пока наконец предмет примет соответствующую его вкусам форму. Он лениво поворачивается перед огнем камина, согревая то

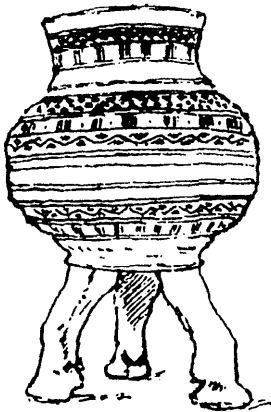

Рис. 113. Балк х а х, или
ч о р о н для кумыса
($\frac{1}{4}$ наст. велич.).

Рис. 114. Чашка
($\frac{1}{4}$ наст. велич.).

Рис. 115. Х а л я, втулка
кумысного с е м и р а
($\frac{1}{4}$ наст. велич.).

один бок, то другой, то спину, советуется с окружающими, с удовольствием выслушивает их похвалы и живо обсуждает возражения. Вот почему каждая вещь, даже самая пустячная, выходит из рук якутского мастера с особым отпечатком: она всегда вещь более или менее художественная. Миддендорф отметил это и говорит по этому поводу: "Что бы он ни вырезал, во всем у него особый шик; будет ли это столь же удобная, как простая, но все-таки красивая рыбная ложка, которую он делает для русского, или большая ступка для толчения, которая также делается из дерева, тут не может быть речи о механической подражательности. Везде проглядывается своеобразность¹⁾".

Рис. 116.

Я был не раз свидетелем, как с удивительным терпением якут целые часы осторожно подрезывал черенок ложки или пузо деревянного жбана, чтобы придать их изгибам желаемую степень кривизны. Нередко это были молодые люди, и сколько шуток и смеха вызывали их тщетные усилия и в свою очередь какой искренней гордостью наполняло их общее признание их искусства! Хорошие мастера пользуются почетом, и молодому мастеру, особенно женщины, охотно прощают за его "ловкие пальцы" иные неловкие слова и поступки.

Относительно их вкуса могу только отметить, что формы якутских изделий всегда лучше их резьбы и рисунка. Линии очертаний всегда довольно чистые, предпочтительно кривые и волнистые. Кривизна их никогда не переходит в уродливую китайскую или монгольскую вздутость, она ближе к нашим вкусам, и старинные их жбаны для кумыса нередко очертаниями напоминают этрусские вазы.

Резьба этих жбанов обыкновенно представляет параллельные барельефные кольца, состоящие из тонких рубчиков или двух пересекающихся линий. Этот древний узор лучше всего удается якутским мастерам. Его в виде бордюра можно встретить и на металлических, и на костяных изделиях. Другие узоры, представляющие вариации более или менее развернутой спирали, зачатки веток, цветов, листьев и розеток, спута-

1) Часть II, отд. VI, с. 778.

ны, смутны и исполнены по большей части грубо. В их рисунке не трудно подметить монгольское, русское, даже китайское влияние. На далеком севере в Егинском наслеге Верхоянского улуса, севернее р. Быгантай, я

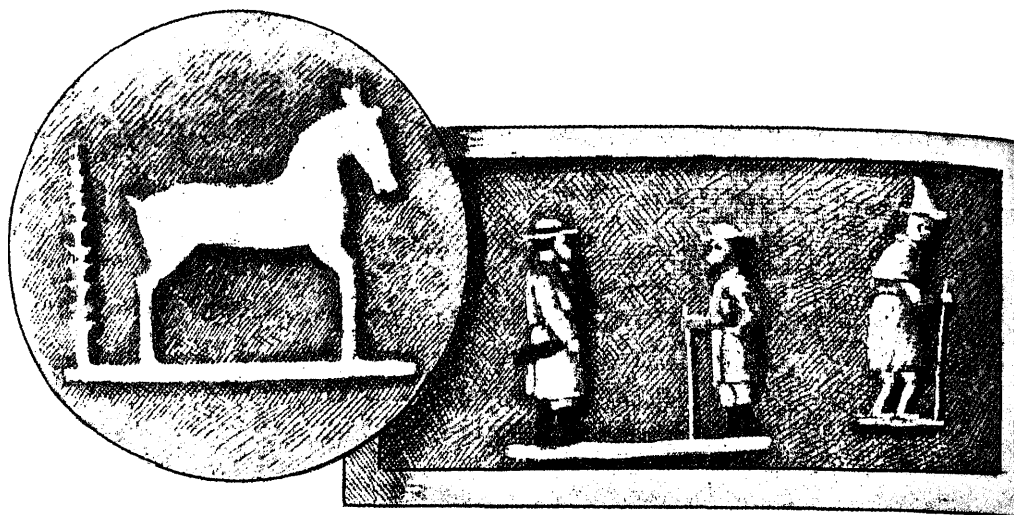

Рис. 117. Якутский bric a brac из кости.

видел старинное седло, серебряная лука которого украшена была сплошь монгольским характерным двулинейным узором, а сбоку в двух местах изображен был китайский дракон. Якуты звали дракона м о х о й — змей, а седло считали очень древним. Нередко также на якутских седлах позднейшей работы можно видеть рогатого коня или гривастого льва, вставших на задние лапы с двух сторон щита: точный снимок фабричных ситцевых клейм. Русское влияние особенно сильно заметно на ажурных

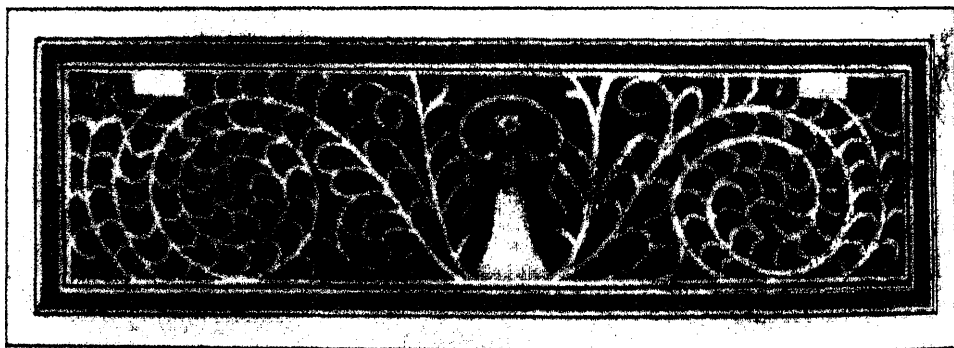

Рис. 118. Ажурный узор по кости ($1/2$ наст. велич.).

работах лобзиком из кости. Вырезные игрушечные фигурки животных и людей тоже изделия недавнего происхождения — в старину только шаман

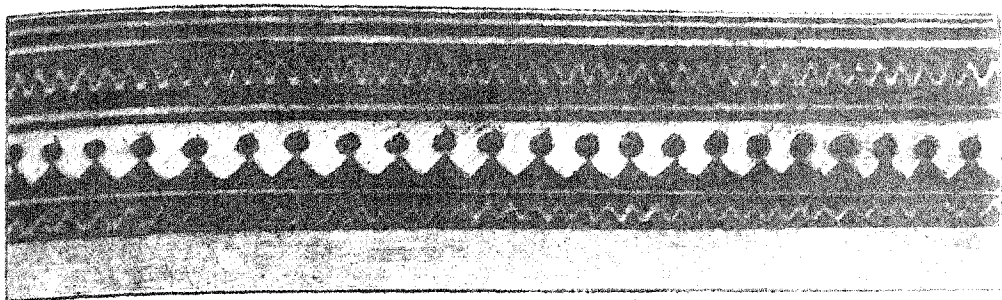

Рис. 119. Барельефная резьба по дереву (наст. велич.).

имел право вырезать человеческие фигуры ¹⁾. Я помню страх и гнев одной якутки Верхоянского улуса, когда я ее ребенку дал, как игрушку, вырезанную мной фигурку человека. Она очень энергично потребовала, чтобы я ее уничтожил. Якутские дети играют изображениями только птиц и животных: гусей, уток, быков, коней. Тем не менее якутские костяные фигурки, несмотря на грубость отделки, производят нередко художественное впечатление. В них удачно схвачен характер лиц и своеобразно передано отношение к ним ваятеля ²⁾.

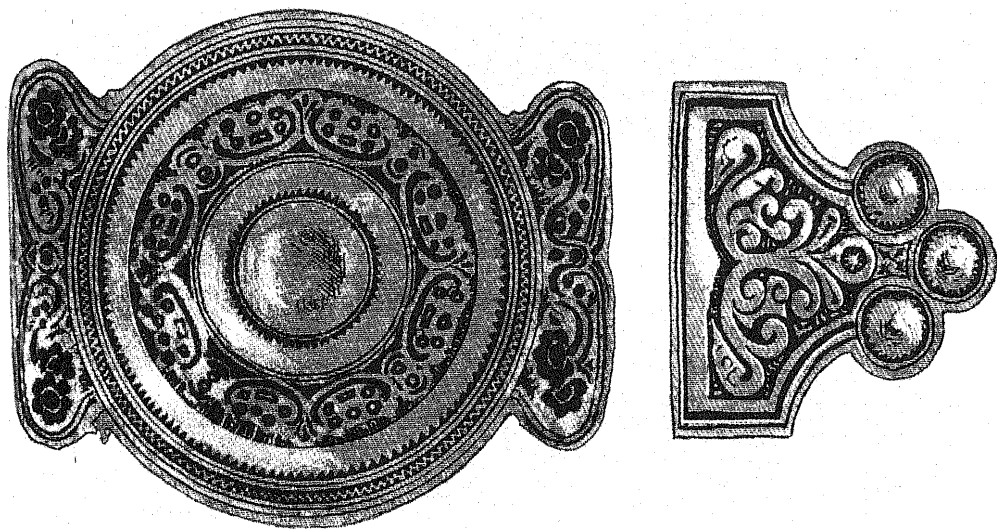

Рис. 120. Серебряная пряжка пояса; узор выложен чернью (наст. велич.).

1) Колымский улус, 1883 г. Верхоянский улус, 1881 г.

2) Прошу обратить внимание на снимки фигурок (рис. 117), на старуху нищую, на поселенцев и важную барыню (рис. 116), — все они дышат таким своеобразным юмором и настолько удачно схвачены типичные черты изображений, что поставить их можно наравне с японскими и китайскими фигурками. Один из поселенцев держит бутылку с водкой в руке, и, несмотря на крошечные размеры фигурки, в нем нетрудно узнать поселенца-татарина.

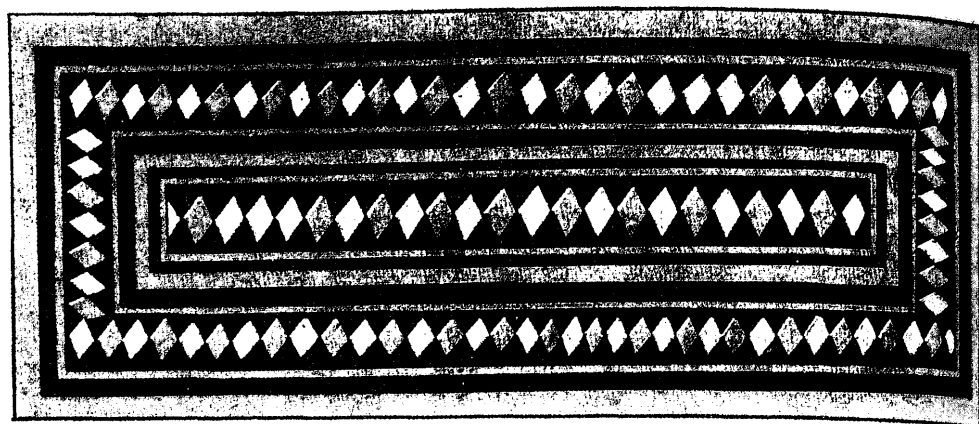

Рис. 121. Узор по черному фону, составленный из кусков соломы и цветной бумаги; бок ящика ($\frac{2}{3}$ наст. велич.).

Подбор и сочетание цветов у якутов тоже своеобразно; оно менее пестро, чем у тунгусов; хотя во всех шитых бисером украшениях видимы те же излюбленные тунгусские цвета: голубой, черный и белый, с незначительной подмесью желтого и красного. Платье черного цвета у женщин обрамлено обыкновенно полосами красного сукна, платье белого, желтого и серого цветов — полосами черного сукна. Платье мужчин обыкновенно лишено цветных бордюров. Оторочка сар (б и л е) у голенищ делается из черного и зеленого или из черного и красного цветов; у женщин по красному фону нередко нашиты серебряные блески, что, по-видимому, нравится очень якутам. Видел я также якутов в шубах, крытых ярко-зеленым сукном; но в платьях синего, фиолетового или красного цвета здесь щеголяют только женщины. Цветной узор на ситцах и платках нравится им, по-видимому, мелкий и однородный, а так называемые татарские ситцы у них не в ходу.

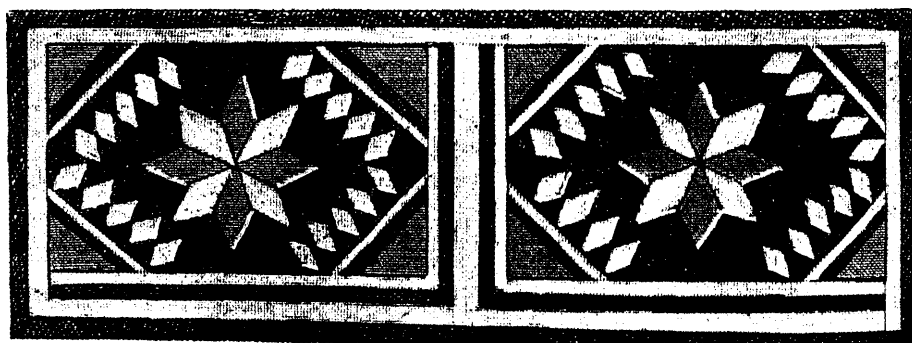

Рис. 122.

Несмотря на сильное иностранное влияние, якутский вкус в своей основе остался независимым. У якутов есть свой якутский стиль, позволяющий отличать их изделия, узоры и украшения от изделий и узоров других северных инородцев. Как на типичный образчик их узора укажу на серебряную пряжку (рис. 120); в орнаменте застежки сильно чувствуется монгольское влияние, но сама бляха разрисована в чисто якутском стиле. Даже позаимствованным вещам они придают своеобразный отпечаток, подобно тому как северному оленю, недавно перенятому ими у тунгусов, или рубаше и винтовке, принесенным сюда русскими, они успели уже придать некоторые характерные особенности.

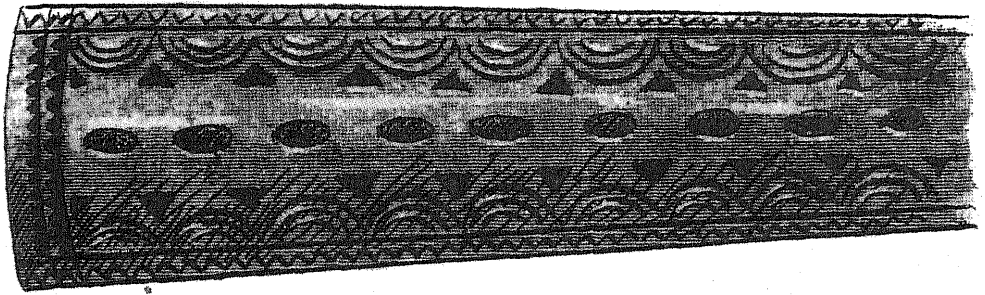

Рис. 123. Костяная резная рукоятка ножа.

Рис. 124. Якут-приискатель
(с фотогр.).

IX. О распределении богатства, условиях труда и найма ¹⁾

а самую распространенную у якутов хозяйственную единицу нужно принять группу, состоящую из четырех лиц: двух взрослых рабочих, одного подростка и одного неспособного к труду потребителя — ребенка или дряхлого старика. Эта группа, совместно с прилежащими ей трех- и пятидушевыми группами, составляет всюду значительное большинство якутских хо-

зяйств. В Тарагайском наслеге им принадлежит 52% общего количества самостоятельных хозяйств, а в Батаринском — и того больше, а именно

1) Кроме личных наблюдений, к сожалению очень скудных в цифровых данных, материалом для составления настоящей главы послужила мне подворная перепись Тарагайского и Батаринского наслегов Мегенского улуса, собранная по частному почину в 1892 году интеллигентными якутами этой местности. Оба наслег лежат в южной части Амгинско-Ленского плоскогорья, почти посередине его: Батаринский — в верховьях р. *Теря*, Тарагайский — в верховьях *Мылы* и отчасти по *Сале*. В хозяйственном отношении их без большой погрешности можно считать типичными для всего плоскогорья.

70%¹⁾. Такое соотношение приблизительно имеет место всюду, исключая, пожалуй, крайне северной полосы, где эти группы-семьи мельчают ввиду большой смертности детей.

За предельное количество богатства, необходимого для существования такой группы, якуты считают *десять* голов скота, т.е. около двух

1) В Тарагайском наследе на 248 хозяйств, состоящих

из 1 души	было	.....	8	(3,2%)
» 2 »	»	.....	38	(15,3%)
» 3 »	»	.....	37	(14,9%)
» 4 »	»	.....	56	(22,5%)
» 5 »	»	.....	37	(14,9%)
» 6 »	»	.....	28	(11,2%)
» 7 »	»	.....	16	(6,4%)
» 8 »	»	.....	12	(4,8%)
» 9 »	»	.....	2	(0,8%)
» 10 »	»	.....	4	(1,6%)
» 11 »	»	.....	2	(0,8%)
» 12 »	»	.....	1	(0,4%)
» 13 »	»	.....	3	(0,12%)
» 14 »	»	.....	1	(0,4%)
» 17 »	»	.....	1	(0,4%)

В Батаринском наследе на 270 хозяйств

из 1 души	было	.....	14	(5,1%)
» 2 »	»	.....	37	(14,7%)
» 3 »	»	.....	63	(23,3%)
» 4 »	»	.....	70	(25,9%)
» 5 »	»	.....	57	(21,1%)
» 6 »	»	.....	30	(11,1%)
» 7 »	»	.....	27	(10%)
» 8 »	»	.....	15	(5,5%)
» 9 »	»	.....	16	(5,9%)
» 10 »	»	.....	6	(2,2%)
» 12 »	»	.....	1	(0,3%)
» 13 »	»	.....	1	(0,3%)
» 14 »	»	.....	1	(0,3%)

голов на душу¹⁾. Выше этой нормы, по их мнению, начинается достаток, ниже — нищета. В Верхоянском и Колымском округах, в тех местностях, где скотоводство удачно сочетается с рыболовством, десять голов скота — признак зажиточности. Наоборот, в тех же округах там, где нет ни звериных, ни рыбных промыслов, количество скота, необходимого для сносного существования семьи, возрастает до 15, даже 20 голов. Причиной этому большая продолжительность зимы и худшее качество лугов на севере. На юге, где земледелие является серьезным подспорьем и легче найти зимний заработок, крайняя норма независимого существования передвигается до 1 1/2 головы скота на душу. Я знаю целую массу таких хозяйств, крайне бедных, но борющихся более или менее удачно за свою самостоятельность.

Несмотря на значительную разницу в абсолютном количестве богатства (от 6 до 20 голов скота, т.е. от 120 до 400 руб. капитала), все эти хозяйства стоят на рубеже нужды. Малейший случай нарушает их устойчивость, равно как малейшая поддержка позволяет им жить и развиваться. Они составляют главную боевую массу народа в борьбе за его существование. В Тарагайском наслеге из 248 хозяйств на их долю приходится 101, а в Батаринском на 270 хозяйств — 127. Из других категорий хозяйств находится в первом наслеге:

бескотных	10
с одной или с дробью скотины на душу	74

и, наконец, 54 — от 3 до 9 голов на душу, что представляет разные степени зажиточности. Кроме того, есть одно хозяйство с 12 голов на душу (17 человек — 208 голов) и одно — с 18 (14 человек — 260 голов); такое количество считается у якутов признаком богатства (см. сноску 1 на сл. стр.). Во втором наслеге: бескотных — 23; с 1 или с дробью скотины на душу — 82 хозяйства и от 3 до 9 голов — 62 хозяйства; 4 хозяйства по *десять* голов на душу; одно — 12 1/2 (4 человека — 50 голов) и одно — 32 1/2 (2 человека — 65 голов скота).

Вообще лестница благосостояния у якутов далеко не такая крутая, как у нас; владельцы стад в несколько сот голов наперечет в каждом улусе; в Якутском округе я знаю только одного, у которого 500 голов скота: именно Попова, Батурусского улуса; а таких, которые владеют капита-

1) Замечательно, что общее количество скота по официальным данным: 375 131 голова, разделенное на общее число жителей: 222 776 душ обоего пола, с вычетом 6 тысяч якутов, живущих в местностях, где нет скотоводства, дает 1,7 головы на душу круглым счетом, что довольно близко к этой *минимальной* норме.

лом в 100 и 200 тысяч, всего несколько человек во всем крае²⁾. Капиталы последних нажиты торговлей и состоят главным образом в товарах, деньгах и разных юридических обязательствах. Чрезмерный рост чисто скотоводческих хозяйств сдерживается: во-первых — отсутствием рабочих рук, во-вторых — общинным поземельным владением.

Дело в том, что самая распространенная из якутских хозяйственных групп, семья, состоящая из четырех или пяти человек, из которых три способны к работе, с основным капиталом по три головы скота на каждую душу, представляет вместе с тем предел отношений, при которых возможно обходиться без наемного труда.

1) ТАРАГАЙСКИЙ НАСЛЕГ.		Хозяйства
Без скота	.....	10
с $\frac{1}{3}$ скотины или меньше на душу	.....	5
» $\frac{1}{2}$	» » » »	11
» $\frac{3}{4}$	» » » »	20
» 1	» » » »	38
» $1\frac{1}{2}$	» » » »	41
» 2	» » » »	41
» $2\frac{1}{2}$	» » » »	19
» 3	» » » »	20
» $3\frac{1}{2}$	» » » »	5
» 4	» » » »	14
» 5	» » » »	6
» 6	» » » »	2
» 7	» » » »	2
» 8	» » » »	3
» 9	» » » »	2
» 12	» » » »	1
» 18	» » » »	1

БАТАРИНСКИЙ НАСЛЕГ		Хозяйства
Без скота	.....	23
с $\frac{1}{3}$ скотины или меньше на душу	.....	17
» $\frac{1}{2}$	» » » »	25
» $\frac{3}{4}$	» » » »	13
» 1	» » » »	27
» $1\frac{1}{2}$	» » » »	72
» 2	» » » »	29
» $2\frac{1}{2}$	» » » »	26
» 3	» » » »	11
» $3\frac{1}{2}$	» » » »	10
» 4	» » » »	11
» 5	» » » »	9
» 6	» » » »	13
» 7	» » » »	4
» 8	» » » »	3
» 9	» » » »	1
» 10	» » » »	4
» $12\frac{1}{5}$	» » » »	1
» $32\frac{1}{2}$	» » » »	1

2) По мнению одного местного купца в г. Якутске, нужно считать: одного купца с 200 тыс. капитала, трех — с 100 тыс., четырех — по 50 тыс. и пять-шесть человек — от 10—20 тыс. руб. — См.: П р и к л о н с к и й. Три года в Якутской области, с. 51.

Лучший якутский косец и две гребщицы могут собрать за лето, смотря по урожаю трав, от 1 200 до 1 800 пудов сена, что дает возможность якутам прокормить в зиму от 12 до 15 голов скота. Все хозяйства, в которых эта норма почему-либо нарушена, принуждены или принавать рабочие руки, или покупать сено, или держать скот впроголодь. Даже в урожайные годы практикуются все эти средства одновременно в одной и той же местности, и таких хозяйств у якутов добрая треть. Рабочих и сено доставляет, конечно, менее состоятельная часть населения; для всех тех, у которых на душу имеется меньше *одной* скотины или не имеется ее совсем, наем и всякого рода подряды составляют часто единственное убежище. При этом повторяется общераспространенное явление: более состоятельные получают более высокую плату за свое время и свои продукты, чем нуждающиеся. Рабочая плата, *хамнас*, номинально всюду почти одинакова: на хозяйском содержании — 35—40 руб. в год мужчине-косцу и 20—24 женщине-гребщице и коровнице ¹⁾. Эта плата разделяется так: одна треть ее считается за зиму — от Покрова (Октября) до Вешнего Николы (9 мая) и две трети за лето — от Николы до Покрова. Только часть жалованья, и то очень незначительная, выдается деньгами. Обыкновенно дают товары, иногда совершенно ненужные, и рабочий с убылью сбывает их затем на сторону. Еще более распространена плата скотом, преимущественно конным, убитым или живым ²⁾. По-видимому, это очень древняя форма вознаграждения, и она всегда была также невы-

1) Содержание рабочему стоит столько же и в таком же приблизительно распределяется отношении: мужчине лучше, женщине хуже. Вот расчет, приведенный г. Приклонским (для южных округов):

чай	6 руб.	коп.	Платье и табак рабочий должен покупать сам. Вместо содержания дают иногда, особенно летом, для доения: 2 коровы — на косца и одну на гребщицу.
мука	15 »	»	
масло	12 »	»	
молоко	6 »	»	
тар	3 »	»	
мясо	5 »	50 »	
	47 руб.	50 коп.	

2) В Верхоянском округе, даже в самом Верхоянске, в мое время существовал обычай давать в плату рабочему *жирную кобылу*. Об этом же обычае говорит также Сергей Ковалик в своих заметках. Даже в таких бойких, богатых рогатым скотом улусах, как Намский, хозяева предпочитали расплачиваться с рабочими жеребятами и убойными кобылами, чем коровами.

годной для рабочего, как и теперь. Об этом ясно свидетельствует старинная поговорка: "Сколько ни работай, не получишь больше кобыльей кожи" (Намс. ул., 1892 г.). Недостаток рабочих рук заставляет хозяев дорожить хорошими рабочими. Они всячески стараются удержать их, подвести итоги так, чтобы они остались у них в долгу, ради чего иногда поощряют даже их порочные наклонности, как, например, картежную игру. Часто не выдают остатков жалованья и грозят не отдать их совсем, если рабочий не согласится прослужить у них еще год, что при том влиянии, каким богачи пользуются в якутских общинах, сделать им нетрудно. Одним словом, можно повторить за Миддендорфом, что и в этом отношении "все, как у нас".

Этот же недостаток рабочих рук заставляет вместе с тем якутских хозяев обращаться более или менее сносно с рабочими, раз они нанялись. В хозяйствах средней руки рабочий принят в семью на равных правах. На севере, даже у первостепенных богачей, если нет посторонних, он садится за стол с хозяевами, вмешивается в разговор, в домашние дела, здоровается с ними за руку и держится просто и непринужденно. Отмечу, что якуты вообще не любят высокомерия и в обращении с собою довольно учтивы. Той же учтивости требует для себя и якутский рабочий.

"Он думает, что мы согласимся есть отдельно и спать отдельно, в хлеву со скотом, как рабочие на юге", — ворчали на Андылахе в Колымском улусе рабочие одного из тамошних богачей, задетые его поведением. Тот же самый богач, в момент благодушного настроения, не раз осуждал "богачей юга", ведущих себя высокомерно с рабочими.

"Удивляюсь, что у них работают!.." — говорил он наивно (Колымск. ул., 1883 г.). Тем не менее, раз есть возможность без ущерба своему карману дать волю господским инстинктам, якуты-собственники не упускают случая.

Поденно якуты нанимаются неохотно, хотя поденная плата всегда выше месячной и годичной. Между собою они ее почти не практикуют. Только в пригородных местностях, и то в последнее время, она стала входить в обычай. Развитию ее особенно способствовали скопцы¹⁾.

Поштучная плата как одна из форм подряда привилась легче и распространилась шире.

1) Плату якутским рабочим скопцы всегда дают ниже, чем русским поселенцам. Вот пример поденной платы, практикующейся в Намском улусе:

Обе последние формы найма, несомненно, русского происхождения.

Подряд такого же происхождения, что показывает якутское его название: *п о д р я д*. Этим словом обозначают якуты всякую сделку, где вознаграждение выдается вперед, — всякий кредит. "В подряд" они берут уборку сена (с участка, с копны, со стога), пахоту и бороньбу (с пуда, т.е. с 400 кв. саженьей), городьбу изгородей (с сажени), постройки домов, доставку масла, молока, мяса, рыбы, льда, воды, рубку и возку дров (саженями и возами ¹⁾) и т. д.: всякую работу, даже самую пустячную, они норовят взять "в подряд", т.е. получить вознаграждение вперед. "В подряд" также берут "сено под сено, масло под масло, хлеб под хлеб", причем уплата обыкновенно вдвое превышает получку. Это до того вошло в нравы, что ничуть не вызывает нареканий, хотя при краткосрочности кредита достигает иногда 200% на капитал. Между тем слово "процент" считается у якутов ругательным, и отдавать деньги в рост — зазорно.

Такое быстрое и повсеместное распространение подряда, я думаю, можно объяснить только тем, что он ближе всего сродни некоторым экономическим отношениям, давно известным якутам. К таким принадлежат: отдача за известные обязательства рабочих животных *в тело*, а молочных коров и кобыл — *в удой*.

Если берут коня или быка на один раз для исполнения какой-либо незначительной случайной работы, то это считается простой соседской услугой, взамен за которую одалживающий имеет право требовать равносильной услуги. Если берут животное на более продолжительный срок, то уговор бывает различный, смотря по времени года ²⁾. За летние месяцы вознаграждение взимается большее, чем за зимние. Оно приблизительно

косу	1 руб.
гребщицы	от 30 до 50 коп.
жницы	от 1 р. до 1 р. 50 к.
копать картошку	от 30 коп.
в остальное время лета на разных работах	от 30 до 40 коп.
зимую молотьба	от 25 до 30 коп.
зимую остальная работа поденно	от 15 до 20 коп.

Расплата производится скопцами по большей части мукою, печеным хлебом, картошкой, чаем кирпичным и сахаром, редко — деньгами и красным товаром.

1) В однополенной сажени полагается 4 воза.

2) Иногда берут *за путь*; так, за провоз на лошади груза из Намской управы в город (100 верст) брали якуты от 2—3 руб.; за быка — не больше 2 руб.; за лошадь под вьюки от Усть-Амги в Колымск — 8 руб. (через Омекон).

равняется разнице между ценой тощей и жирной скотины, что составит для лошади 8—10 руб., для быка — 5 или 6 руб. За зиму ввиду того что приходится кормить скотину, плата очень небольшая— 2—3 руб. Богатые якуты охотно отдают лишних быков и коней надежным родичам в пользование на это время даже "задаром", как здесь говорят, "без уговора" к а п с и е т ы с у о х. Они ловко пользуются подобными отношениями и взимают со своих оригинальных вассалов массу незначительных, но многочисленных соседских услуг, без которых здесь не обходится никакое более крупное хозяйство.

Аренда молочного скота для удоя зовется по-якутски х а с а с, что значит "скопы"¹). Х а с а с ы н а к зовут также корову средних лет и среднего достоинства.

Х а с а с берут только на лето (с 9 мая по 1 октября). Условия х а с а с одинаковые во всей стране: собственник получает осенью 1 пуд 10 фунтов топленого якутского масла и больше ничего, или 30 фунтов масла и бочку (х а с а с) тара в 12—15 пудов. В переводе на деньги это составит около 10 руб. серебром, почти $\frac{2}{5}$ стоимости коровы. Иногда молочные скопы полностью остаются у арендатора и он обязуется исполнить известную работу: накосить сена, нарубить дров, поступить на зиму в услужение или отдать в работники кого-либо из семьи. Тут и открывается поле собственнику для всяких уловок. Придерживаясь номинально признанного обычаем вознаграждения, он сообразно со степенью нужды должника и текущими рыночными ценами продуктов выжимает из него всякие "добавочные стоимости второго порядка", нередко равняющиеся половине условной арендной платы.

Если берут корову для удоя на зиму, то плата за нее значительно ниже; иногда 1 или 2 руб. за стародойку (к ы т а р а к); за стельных же, которые доятся только часть зимы, приплачивает даже собственник от $1\frac{1}{2}$ до 3 руб. за голову. Кобыл тоже берут на удой, но значительно реже.

За смерть от заразы или какого-нибудь внутреннего порока, за покражу или съедение зверем взятой в пользование скотины арендатор не отвечает. Он платит всю ее стоимость или часть только в случае, если та погибла вследствие небрежного или неумелого с нею обращения: утонула, сломала ногу, сдохла от истощения или натуги. Эти дела решает обыкновенно родовой суд.

1) Х а с а с, или к а с а с, зовут также бочку или вообще крупную посуду для собирания всяких запасов.

Х а с а с заключает в себе ту общую черту для всех якутских сделок, что работодатель кредитует рабочего; эта излюбленная форма якутского найма существенно отличается от нашей, где рабочий кредитует капиталиста. К предложению получить плату после окончания работы якут всегда относится как к какой-то ловушке, он недоумевает и редко соглашается. Только годовичные и долгосрочные рабочие привыкли к тому, что сейчас на руки выдают им часть платы, а часть удерживают в обеспечение от побега, непослушания или нерадивости. Я указывал выше, какое употребление делают нередко из этих остатков предусмотрительные хозяева.

Несмотря на то что положение якутского работника относительно сносно, что он сыт, а у богатых более или менее прилично одет ¹⁾, якуты неохотно идут в услужение и при малейшей возможности устраиваются самостоятельно. Неимущие семьи, часто лишенные даже приюта, нередко годы живут в качестве постояльцев у таких же, как они, бедняков, перебиваются подрядами, попрошайничают, голодают, мрут, стремясь во что бы то ни стало отстоять свою экономическую самостоятельность, выжидая случая, чтобы обзавестись собственным скотом. Это им нередко удается. Достаточно нескольких подряд благополучных, урожайных годов, и сейчас же всплывают маленькие зачатки будущих состояний. Ни один молодой якут не сомневается, что он будет со временем богатым, и он, пожалуй, имеет для этого некоторые основания. Превращение это стоит таких страшных усилий и страданий, что смешно после этого говорить о невоздержанности дикарей якутов, об их обжорстве, лени и легкомыслии. Даже собственники нескольких коров, раз в семье их меньше 1¹/₂ головы на душу, большую часть жизни голодают. Они, умирая с голоду, удерживаются убивать скот из страха потери самостоятельности, и я знаю случаи, когда в голодные годы родовые власти посылали десятских к беднякам, чтобы те били насильно скот ради спасения людей от голодной смерти (Баягантайский улус, 1883 год).

Голодные периоды, когда абсолютно нечего в рот положить, когда все крошки съестного подобраны и уничтожены, когда стельные коровы поголовно не доятся, а природа, скованная холодом, сурово отстраняет всякие попытки добыть пищу, повторяются ежегодно, и две трети якутского народа страдает от них более или менее продолжительное время. У кого в стаде находился собственный бык-порок, чей скот зимою кормил-

1) Богатые якуты стыдятся, если их рабочие ходят в лохмотьях, и следят за тем, чтобы часть жалованья употреблялась рабочими на платье. В лес зимою и в дальнюю дорогу работник обыкновенно надевает хозяйскую д о х у.

ся сносно и по весне быстро поправился и отгулялся, у кого есть достаточно коров, чтобы они могли телиться разновременно, у того срок голодания сокращается до нескольких недель. У бедных он вырастает до нескольких месяцев. Тогда они кормятся подачками, выпрашиваемыми у более счастливых соседей. Неудивительно, что в это время самой интересной темой для разговора является вопрос, у кого отелилась корова и у кого скоро будут телиться. Но иногда случается, что во всем околотке коровы почему-то в одно время забеременели и телятся одновременно¹⁾; тогда, если это околоток не земледельческий или случился там неурожай хлеба, наступает голод.

"Тогда мы больше лежим, покрывшись одеялом", — объясняли бедняки, когда я расспрашивал, каким образом они ухитряются прожить эти ужасные месяцы (Верхоянск, 1881 г.). Пьют кирпичный чай, отвар разных растений и едят лиственничную или сосновую заболонь, если остались ее запасы. Зимой добывать ее невозможно, никакой топор не срубит в это время сырого дерева, затвердевающего до крепости кремня.

Но и в благополучные годы часть якутов голодает. Почему это так, станет ясным, если мы рассмотрим бюджет достаточной якутской семьи. Возьмем сначала семью в северном округе, именно в Верхоянском, и предположим, что обстановка и утварь заведены были раньше и что семья состоит из *пяти* душ и владеет 20 головами скота²⁾. Такая семья имеет обыкновенно на своем иждивении одного к у м у л а н а, или и т ы м н и, т.е. живущего на мирской счет бедняка. Сена ей нужно: 60 буласных стогов (от 1800 до 2000 пудов), считая 5 стогов для рогатого скота и 1 для коня и ночлежников. Собственными силами семья может накопить в среднем 4 стога (от 1200 до 1800 пудов), поэтому приходится нанимать одного косца или держать у себя бедного родственника; последнее обходится еще дороже. На косца полагается летом *две коровы*. Если в семье один взрослый мужчина, то, следовательно, на всех 7 человек, включая косца, потребуется молока от 9 коров. Если дети очень малы, то достаточно 8 коров; но зато приходится нанимать гребщицу, значит, понадобятся те же 9 коров. Из числа 20 голов скота следует положить почти 10 голов на быка, лошадь, молодняк и яловок, так что будет доиться немногим более 10 коров, и на молочные скопы останется приблизительно молоко от одной коровы за лето и от 2 коров, ассигнованных наемному косцу, за половину лета (косец нанимается с 30 июня по 1 октября).

1) Особенно часто такие явления я наблюдал в Верхоянском округе.

2) Позаимствовано из рукописных заметок С. Ковалика "Об экономическом положении якутов Верхоянского округа".

Семья только изредка потребляет масло и сливки, и можно полагать, что она продает масло от одной коровы целиком.

Таким образом, получится:

ДОХОД	Руб.	Коп.	РАСХОД	Руб.	Коп.
1 пуд свежего масла	8	—	Косцу жалованья	18	—
			Повинности	5	—
1 ¹ / ₂ коровы, проданной на мясо . . .	45	—	12 кирпичей чаю	24	—
			1 пуд ржаной муки на бутугас	6	—
Промысел лисиц, зайцев и белок . . .	10	—	2 фунта сахару	1	60
			2 чашки с блюдами взамен разбитых	2	—
С торговли (почти каждый якут торгует)	10	—	1 даба (для одежды)	5	—
			16 аршин серпинки на 2 женские		
Различных случайных доходов:			рубахи	7	20
Перевозка кладь, наемка зимою в ямщики, подряды	8	80	10 аршин ситцу на 2 мужские рубахи	3	—
			5 ситцевых платков	3	—
			1 большую ровдугу на покрывку зимнего сона	3	—
			Часть кобыльей кожи для обуви	2	—
			На ремонт горбуш (плата кузнецу)	1	—
			Священнику за разные требы	1	—
Итого	81	80	Итого	81	80

Чтобы получить картину той же степени достатка на юге, нужно понизить количество коров до 15, уменьшить сообразно с рынком цены на товары и вставить некоторые новые расходы, как, например, табак, соль, водку. Семья обходится собственными силами: рабочего при таком количестве скота на юге не нанимают.

ДОХОД	Руб.	Коп.	РАСХОД	Руб.	Коп.
1 пуд топленого масла	8	—	Повинности	5	—
			10 пудов хлеба или его суррогатов	15	—
1 корова, проданная на мясо	20	—	10 кирпичей чаю	8	—
			2 фунта сахару	1	—
Промысел лисиц, зайцев и белок			2 чашки с блюдами взамен разбитых	—	90
			2 дабы (для одежды)	5	—
С торговли	2	—	16 аршин серпинки на 2 женских рубахи или одну женскую и 2 детских	3	52
			10 аршин ситцу на 2 мужских рубахи и другие надобности	1	50
Различных случайных доходов:			2 ситцевых платка	—	50
			1 большую ровдугу на покрывку зимнего сона или соответственное количество сукна	4	—
Перевозка кладь, наемка в ямщики, подряды по доставке леса и т.п.	20	—	Часть кобыльей кожи на обувь и подошвы	2	—
			Кузнецу	1	—
			Священнику за требы	1	—
			Табак	—	80
			Соль	—	30
			Водка	1	—
Итого	50	—	Итого	50	52

Сравнивая оба бюджета, мы видим, что на юге зависимость от спроса на труд возросла, что работа на сторону даже в зажиточных хозяйствах должна покрыть половину расходов ¹⁾. Иначе грозит дефицит или придется сокращать и без того умеренные потребности.

Если семья посеет хлеб и он уродится, то, конечно, расходы уменьшаются на целых 15—20 руб., давление слабнет и чувствуется довольство.

В хозяйствах менее счастливо поставленных, а таких половина, гнет этот существует постоянно. В них зависимость от случая возрастает до трагических почти размеров. Вздорожали на несколько копеек товары, обманул сосед, обвесил купец, сдохли телята — все это отзывается тяжелыми ударами на чутко настроенном бюджете. Несколько таких ударов подряд, и хозяйство падает в пучину задолженности, откуда уже редко и с трудом всплывает. Якуты прекрасно это знают и предпочитают временно голодать, продавая больше, чем следует, на сторону масла и тара. Сбыт этих продуктов благодаря спросу в города и на прииски почти не ограничен.

1) Сообщаю еще один не лишенный интереса бюджет, составленный совершенно независимо от моей работы политическим ссыльным Каменским для Мегенского улуса. Он дает приблизительный валовой доход и расход семьи, состоящей из 4 душ (3 взрослых и 1 ребенка) и владеющей 4 дойными коровами;

ДОХОД		руб.	коп.	руб.	коп.
1/2 остожья сена в 5—10 воев	.....	15	—	30	—
Доход от 4 коров	.....	89	—	152	—
Итого	.....	104	—	182	—
РАСХОД		руб.	коп.	руб.	коп.
10 кирпичей чаю	.....	8	—	10	—
20 фунтов сала	.....	—	70	—	90
5—30 пудов хлеба по 1 руб. 50 коп. или 2 руб.	.....	10	—	45	—
4—5 пудов мяса	.....	8	—	10	—
3 пуда масла	.....	24	—	30	—
10—30 пудов тара по 10—20 коп.	.....	2	—	3	—
1 коровья голова	.....	—	70	—	70
4—5 фунтов табаку	.....	2	50	2	50
3 пуда суррогатов хлеба	.....	—	60	—	90
2 дабы по 2 руб. 50 коп.—3 руб.	.....	5	—	6	—
12 воев сена на 4 коровы по 2 руб. 50 коп.—3 руб.	.....	30	—	36	—
Подати 2-го класса	.....	9	—	9	—
Свечей и ладану	.....	1	15	1	15
Других мелких расходов	.....	2	—	2	—
Итого	.....	103	85	157	15

Понятно, что по мере уменьшения доходности хозяйства из его бюджета исчезают: водка, соль, табак, сахар. Хлеб и чай заменяются суррогатами, платье превращается в лохмотья. В результате производительность хозяйства падает: люди не в состоянии выработать столько, сколько добывали раньше, плохо кормленный скот уменьшает количество молока и приплода. Хозяйство попадает в замкнутый круг, из которого его может вывести только случай. Есть еще один исход: долги.

Я думаю, что две трети якутских хозяйств задолжены. У одной трети эти долги незначительные, посильные, со временем выплачиваемые; величина их колеблется от 1 до 5 рублей на голову скота. У другой трети эти долги неоплатные, вечные, поглощающие ежегодно весь доход хозяйства, так что оно постоянно существует в кредит — выражаясь по-якутски, "в вечном подряде" у богачей ¹⁾.

Эти богачи по образу жизни, потребностям, расходам недалеко ушли от бедняков. Они сыты, они едят каждый день хлеб, мясо, каждый день пьют чай, они живут в более просторных и теплых жилищах, они одеты и обеспечены, стада их правильно возрастают, и только! Все это очень умеренно. Я думаю, что у редких богачей расход превышает 200—300 рублей в год. Но и для этого им уже необходимо присваивать себе часть чужого труда. Дело в том, что содержание стад, дающих такой чистый доход (с вычетом пищи работающих), далеко превышает силы средней якутской семьи. Только многолюдные, сложные семьи могут обходиться без наемного труда. Таких семейств очень мало, а кооперативные начала чужды якутскому народному духу. Они предпочитают работать семьями, биться на личный риск и страх. Даже кустари-ремесленники, как я это отметил выше ²⁾, не образуют никогда правильно организованных постоянных артелей. Если мне случалось говорить с якутами о выгодах кооперации, то я всегда получал в ответ замечания вроде следующих: "Для этого нужно, чтобы люди были ангелы!.." (Верхоянск, 1881 год); "Люди бывают разные: ленивые и работающие, совестливые и бесовестные, х а р с а с у о х!.." (Намский улус, 1892 г.); "Мы выигрыша в карты поделить не можем, а ты хочешь, чтобы мы делили сено, молоко, масло, заработанные деньги, — мы непременно подеремся!.." (Колымский ул., 1883 г.).

1) Я знаю хозяйства очень небольшие с долгом в 100 с лишком рублей.

2) См. стр. 391.

У якутов в ходу только летучие кооперативные союзы. Те очень популярны. Два рыбака, сойдясь на одном улове, сейчас же образуют *компанию*: ловят вместе и делят добычу поровну. Несколько дровосеков, рубящих по соседству, тоже вступают "в компанию", потому что так "веселее". Косцы соединяются нередко в небольшие отряды из 5 — 6 человек и выкашивают поочереды луга участников (Намский ул., 1889 г.). Баба помогает грести соседке взамен за такую же услугу, а метать стога по очереди соединенными силами двух-трех семейств вошло почти в обычай. Кроме того, соседи постоянно обмениваются массой мелких услуг, требующих особого знания и не поддающихся учету. Скроить и шить платье, склеить сломанную посуду, поймать и укротить буйного коня, притесать двери, найти заблудшую скотину и т.д. — целый ряд работ, в сумме далеко превышающих оплаченные по договору, находится в обмене, не возбуждая особенных недоразумений. Замечательно также, что все союзы с ясно выраженным артельным началом: равный труд и равное участие — называются по-русски *компания*, хотя у якутов есть слово *кытык-кытыка*с, выражающее недурно это понятие¹). Русским словом *гуляй* обозначают они также мирскую помощь, по-якутски *к ө м ө*. К ней прибегают или зажиточные люди, могущие поставить известное "угощение", или неимущие бедняки. Последние кланяются соседям в пояс, дают какой-нибудь небольшой подарок: кирпич чаю, рубль денег... и, если причины, выставленные просителем, были достаточно уважительны, просимые исполняют работу безвозмездно на своем содержании: строят дом, выкашивают луг, рубят и свозят топливо. Для богачей, князей, всяких влиятельных в околотке личностей обычай "помочи" чрезвычайно выгоден. Отказать им нельзя, а угощение у них всегда рассчитано так, что оно обходится дешевле найма²). День *гуляй* начинается с восходом, кончается с закатом солнца. Во время работ раз только кормят и раз поят чаем; главное угощение происходит после окончания работы. Иногда хозяин подносит "помочанам" по рюмке водки, что считается большим почетом. Пища состоит из кумыса или чая, молока, масла, муки и мяса. Обыкновенно бьют скотину и часть ее варят,

1) По Бётлингу, *кытык* — союз, совладение (с. 62). Нужно думать, что русское название работ присвоено им ввиду того, что они по характеру своему отличаются от прежних *кытык*.

2) Впрочем, мне известны случаи, когда рабочие, сочтя себя обиженными, сговаривались и накашивали сена так мало, что оно обходилось дороже рыночного. Для устранения таких сговоров хозяева во главе артели ставят обыкновенно своего родственника или друга, отборного косца, отставать от которого считается неприличным.

а другую раздают в сыром виде как подарки. "Помочи" практикуются, кроме сенокоса: для постройки домов, бороньбы, возки сена, вообще всюду, где полезны и применимы быстрые, массовые усилия. На "помочь" приглашают бедняков и хозяев средней руки, богатые люди считают для себя зазорным принимать в них участие.

На себя, однако, богачи не стыдятся работать всякую работу. Особенно на севере, где нравы проще, они участвуют в сенокосе, ловят рыбу и занимаются звериным промыслом наравне со своими рабочими. На юге это не в обычае и богачи, имеющие свыше 100 голов скота, редко берут в руки косу, охотятся же только на птицу для собственного удовольствия. Таких тузов, впрочем, немного, и предположение, что количество трудящихся относится у якутов к общему количеству населения как 3 к 5, немногим изменяется от их бездействия.

Чтобы дать понятие о распределении народного труда в продолжение года, я пересчитаю все работы, приходящиеся на долю средней якутской семьи. Начну с 9 мая, начала якутского рабочего года. Около этого времени делаются приготовления к посеву хлеба: хлопчут о семенах, исправляют сохи и бороны. Между тем подсыхают луга, и якуты отправляются туда сообща, миром, пускать палы, жечь старые травы. Делается это всегда до разлива. В то время некоторые занимаются ловлей рыбы, уток, гусей и мелкой птицы. Женщины усиленно хлопчут около отелившихся или имеющих отелиться коров, доят кобыл, чинят и шьют молочную посуду, чистят молочные погреба и т.п. В самый разлив все стараются быть дома, сгоняют туда скот, подкармливают его, чтобы он не разбежался и не утонул, застигнутый водой половодья. После разлива, между 15 и 20 июня, исправляют изгороди кругом хлебов и лугов, поднимают пары, новь, чистят чистки¹⁾. На это уходит в общей сложности от 7 до 10 рабочих дней. В июле якуты исполняют также лесные работы: рубят и ставят сажени на топливо, где на них есть запрос, сдирают кору и т.п. Все это они делают не торопясь, с отдыхом, сберегая силы для приближающейся страды. Из 50 дней, с 9 мая по 30 июня, мужчины работают не больше 20 дней. Женщины работают постоянно по дому, доят 3 — 4 раза в день коров, присматривают за скотом, устраивают ему дымокуры и защиту от зноя. Шьют, чинят платье, посуду, чистят двор, хлева и пр.

С Петрова по Первого Спаса (1 августа) — самый длинный рабочий день и самое горячее страдное время. После Спаса начинаются дожди, мешающие работе; косцы и гребщицы поневоле отдыхают и высыпаются.

1) В иных местностях доступ в сенокосные луга запирается с 1 июня, тогда изгородь исправляют вслед за убылью воды.

Затем подходит опять горячее время жатвы и метания сена в стога. 1 сентября сенокос считается окончанным, изгороди сенокосов отпираются, и якуты перекочевывают в зимние жилища.

Если отчислить 9 воскресений, 4 праздника и половину из 12 средним числом ненастных дней¹), то получим за время с 1 июля по 1 сентября 19 досужих дней и 42 рабочих страдных дня. Это с прежними 20 составит 60 с лишком летних рабочих дней часов по 15, или около 1000 часов за лето мужского труда и столько же женского (гребля).

Месяц сентябрь якуты почти не работают. Только женщины поправляют обмазку дома на зиму, а мужчины больше бродят из дома в дом в поисках новостей и развлечений. Немногие ставят сети на рыбу²), пашут запоздалые пары, отыскивают и собирают табуны и т.п. Это самый веселый месяц года. Он сытый, досужий и в Якутской области всегда почти ведренный. С выпадением снега, что случается обыкновенно в начале октября, начинается возка сена и дров. Дров на отопление юрты необходимо срубить и вывезти минимум 100 возов, на что уйдет не меньше 500—600 часов в зиму.

Возят якуты дрова, смотря по количеству имеющихся у них упряжных животных (обыкновенно быков), каждый второй или третий день, а сено — в промежуточные дни. На возку сена уходит, тоже смотря по отдаленности, количеству упряжных животных и количеству необходимого корма, от 90 до 100 коротких, 6-часовых зимних дней. Таким образом, вся зима мужчин занята возкой дров и сена, но обе эти работы по большей части исполняет молодежь, подростки, нередко женщины. В самые лютые морозы якуты избегают работать и передвигают часть работы на осень, часть на весну, когда длинные дни позволяют работать по 10 часов, а меньший холод — грузить больше тяжести на животных. Таким образом, выходит, что в 7 месяцев, с 1 октября по 1 мая, на неизбежный в хозяйстве труд требуется не больше 100 дней мужского труда, остальное время может быть посвящено отдыху или работе на сто-

1) Во вторую половину лета якуты косят сено и в дождь, не считая это особенно для него вредным. Такое сено, долго пролежавшее под дождем, считают за второй сорт — ю р ю н г к ю о х (бледно-зеленое), за третий сорт считают совсем побелевшее под дождями ю р ю н г (белое); ниже его — черное х а р а, высушенное и затем загнившее в покосах или копнах.

2) Имею в виду якутов преимущественно скотоводческих местностей. В Колымском улусе в этом месяце заготавливают чуть ли не главную часть зимних запасов рыбы, выезжая для этого на более богатые уловы, часто за сотни верст от дома.

рону ¹⁾. Весь домашний труд, как: кормление скота, чистка хлевов, молотьба хлеба, приготовление пищи, мятье кож, починка и шитье нового платья и обуви и т.п., — производится женщинами, детьми и стариками. Глава семьи зимою работает только тогда, когда у него нет подростка сына или работника; на последних лежат всецело заботы зимою о сене, о дровах, хозяин проводит большую часть времени в торговых поездках, в гостях, на миру, в родовых судах и собраниях. Богачи проводят так все свое время.

Есть остатки обычаев и смутные предания, указывающие, что в прошлом у якутов были иная организация народного хозяйства и иное распределение богатства.

Оно рушилось и увлекло за собой к падению многие опирающиеся на нем институты; остались только непонятные, часто лишенные смысла обрывки.

**Сведения, собранные подворной переписью
Батаринского и Тарагайского наслегов
в 1892 г. ²⁾.**

В ТАРАГАЙСКОМ НАСЛЕГЕ:

1149 душ. об. п., 585 муж. и 564 жен. Хозяйств 247. Рогатого скота 2035 шт. Конного 268 шт. Сено собрано 2092 воза. Хлеба было посеяно 405 пуд., собрано — 1270. Сеяло хлеб 162 хозяина; 2 хозяина засеяло по 30 пуд.; 2 — по 10 пуд.; 15 — от 5 до 10 и 48 — 2 пуд.; 56 — по 1 пуду; остальные меньше пуда. Сенокосные земли распределялись таким образом: 1 хозяйство обладало сенокосами на остожий (к ю р е) сена, 1 — на 20; 1 — на 10; 2 — на 5; 3 — на 4; 6 — на 3; 1 — на 2¹/₂; 24 — на 2; 5 — на 1¹/₂; 99 — на 1; 90 — на ¹/₂ остожья. У остальных нет надела.

В БАТАРИНСКОМ НАСЛЕГЕ:

1525 душ. об. п., 786 муж. и 739 жен. Хозяйств 338. Рогатого скота 2597 шт. Конного 364. Сена собрано 4307 возов. Хлеба было посеяно 370 пуд., собрано — 855 пуд. Сеяло хлеб 226 хозяев. Один хозяин сеял: 9 п.; 2 хоз. по 6 п.; 8 хоз. по 5 п.; 13 хоз. по 4 п.; 18 хоз. по 3 п.; 59 хоз. по 2 п.; остальные по 1 п.; меньше пуда посеяло 24 хозяина. Сенокосные земли распределялись таким образом: 1 хозяйство обладало сенокосами на 4 остожья (к ю р е) сена, 3 — на 3¹/₂; 5 — на 3; 13 — 2¹/₂; 21 — на 2; 64 — на 1¹/₂; 119 — на 1; 69 — на ¹/₂ остожья; у остальных не было надела.

1) В переводе на часы это составит:

летом от 2 000 до 2 500 часов работы вне дома

зимою от 1 000 до 1 200 часов работы вне дома

Итого в год от 3 000 до 3 700 часов работы вне дома.

В Батаринском наслеге в 1892 году из 338 семейств ушло в отхожие промыслы 33 мужчины и 18 женщин.

2) Оба наслеге принадлежат к центральным Мегенского улуса; в Тарагайском наслеге три рода: Н е р ч у, С я с и к и У р ч у с.

Распределение скота по хозяйствам

В ТАРАГАЙСКОМ НАСЛЕГЕ: на 248 самостоятельных хозяйств:					В БАТАРИНСКОМ НАСЛЕГЕ: на 270 хозяйств:						
в	1	было	260	штук	скота	в	1	было	65	штук	скота
»	1	»	208	»	»	»	1	»	60	»	»
»	1	»	70	»	»	»	1	»	45	»	»
»	1	»	60	»	»	»	1	»	33	»	»
»	1	»	50	»	»	»	1	»	28	»	»
»	1	»	47	»	»	»	1	»	24	»	»
»	1	»	42	»	»	»	1	»	21	»	»
»	1	»	39	»	»	»	1	»	19	»	»
»	1	»	38	»	»	»	2	»	40	»	»
»	1	»	36	»	»	»	2	»	35	»	»
»	1	»	28	»	»	»	2	»	18	»	»
»	1	»	19	»	»	»	3	»	17	»	»
»	2	»	27	»	»	»	3	»	16	»	»
»	2	»	20	»	»	»	3	»	13	»	»
»	2	»	17	»	»	»	3	»	9	»	»
»	2	»	14	»	»	»	4	»	14	»	»
»	2	»	13	»	»	»	5	»	50	»	»
»	4	»	9	»	»	»	7	»	20	»	»
»	6	»	11	»	»	»	8	»	30	»	»
»	6	»	1	»	»	»	9	»	12	»	»
»	8	»	12	»	»	»	10	»	11	»	»
»	10	»	0	»	»	»	11	»	7	»	»
»	12	»	15	»	»	»	15	»	15	»	»
»	15	»	7	»	»	»	16	»	3	»	»
»	16	»	8	»	»	»	18	»	4	»	»
»	22	»	6	»	»	»	20	»	6	»	»
»	22	»	3	»	»	»	21	»	1	»	»
»	23	»	4	»	»	»	21	»	0	»	»
»	23	»	2	»	»	»	25	»	8	»	»
»	24	»	10	»	»	»	33	»	2	»	»
»	34	»	5	»	»	»	43	»	5	»	»
»	»	»	»	»	»	»	50	»	10	»	»

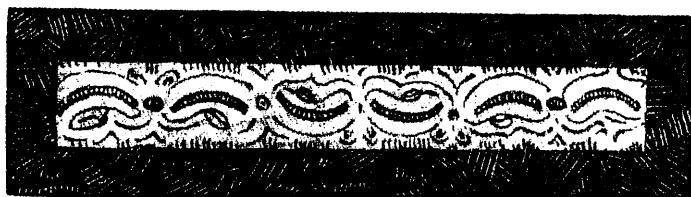

Рис. 125. Чеканенный узор по железу.

Рис. 126. Узда, юн ь; лук, о х;
ба т ы я с чехлом; ба т а с; седло,
ы н г ы р.

Х. Родовой строй

В основе якутского рода лежит, по-видимому, понятие кровного родства. Он называется а г а у с а — отчий род; а г а — отец, у с а — род. На мой вопрос, что, собственно, значит у с а, якуты затруднялись ответить, и только раз я получил следующее определение:

"Если взять все ветви, все сучки, листья и почки, вырастающие из одного корня, то получится у с а"

(Намск. ул., 1891 г.).

Вместо у с а якуты часто употребляют т ö р д ö, что значит — происхождение, корень. "Наш человек, человек нашей крови", — выражаются они также сплошь и рядом о родо-вичах. Что мнение это во многих случаях подразумевает действительное родство, убеждают нас не только разные устные более или менее достоверные предания и генеалогии, но и резко подчас бросающееся в глаза фамиль-

ное сходство. В Колымском улусе, когда я еще очень мало знал о родах, на одной свадьбе меня поразило сходство во внешности некоторых групп, когда они расселись в известном порядке. Впоследствии я узнал, что это были сородичи. На юге, в Якутском и Олекминском округах не так легко заметить нечто подобное. Здесь скрещивание происходит несравненно энергичнее, роды гораздо древнее, выбор женщин разнообразнее, тем не менее если внимательно присмотреться, то у большинства родов можно найти какие-нибудь характерные особенности: горбатый нос, низкий лоб, чрезмерно отстающие уши и другие отличия, — явно доказывающие их общее происхождение. Это сходство, конечно, резче всего выступает у родов, отделившихся от общего корня недавно, или там, где совершилась примесь крови, настолько чуждой якутскому типу, что она, точно яркая краска, вспрыснутая в ткань, заметна в самых мельчайших и отдаленнейших разветвлениях рода. Примером могут служить так называемые "русские роды" н у ч ч а-а г а-у с а. Есть они во множестве во всяком почти улусе.

Тем более странны противоречивые, часто сбивчивые ответы якутов о происхождении рода.

"А г а у с а — не родственники, — объяснял мне намский якут Константин Жарков. — У вас есть купцы, казаки, мещане, а у нас — роды. Это вроде чина, ч и н н а х б у о л б у т" (Намск. ул., 1891 г.).

"Хотя и одного происхождения, но не родственники по крови и телу" (к а н-э т ь у р у т а с у о х), — получал я чаще всего в ответ (Баяг. ул., Намск. ул., Зап. Кангал. ул.). Эти противоречия попробовал примирить мой сосед, восьмидесятилетний старик Семен, по прозвищу Г ы н - н а т т а х (Крылатый), следующим образом:

"Я тебе, русский, расскажу, как произошли роды. Положим, что были у какого-нибудь старинного якута два или три сына. Они выросли, поженились, отделились. Прежде земли было много, скота якуты держали тоже много и поэтому жили в одиночку, чтобы просторнее было. Разойдись, размножались. А между тем старик умирал, умирали родные братья, исчезало родство крови и тела. Старинные якуты до девятого только колена считали родство, а дальше шли с ы г а н ¹⁾, про которых пословица говорит: "Если б в воду упал, не беспокоился бы я — таковы мы, родственники!" ²⁾ С ы г а н девятого колена уже считаются людьми другого рода и могут жениться между собою. Каждый род принимал имя одного из сыновей старика, а все вместе назывались именем его самого: вот и роды, вот и наслед!.. Есть у нас наслед К у с а г а н - ы э л (Злые Соседи)

1) С ы г а н якуты называют детей двоюродных братьев.

2) У г а т ю с ь т е х ы н а, ö р ю с ю с ь п е т с ы г а н н ы б ы т.

от злой старухи, Н а м от старика Н а м, есть Б ю т ю г е т, М о д у т и много других... А все от людей — от якутов! Откуда же улусы — этого не знаю, не слышал! Может быть, "ревизия" их *устроила*, о н г о с т о б у т, а может быть, и они свое название от людей получили, от богатырей, так как мы, якуты, все считаемся богатырского происхождения, все богатырскими детьми считаемся" (Намск. ул., 1891 г.).

Так объясняют толковые якуты происхождение своего общественного строя, и по такому типу возможно, что он строился в ближайшее к нам время. Но я указал уже на смутность сознания у некоторых самой сущности рода; теперь укажу на другие известные мне противоречия. Есть многие роды, происходящие по преданиям, от женщин, хотя теперь роды считаются в мужской линии. Затем: если бы принцип кровного деления строго применялся, то роды были бы приблизительно одинаковой величины и было бы их бесчисленное множество. Между тем родов далеко не так много, и они до того разнятся в размерах, что это невольно вызывает на раздумье. Есть роды, как Омёко-Борогонский (в 1414 душ) Баягантайского улуса, 2-й Нерюктейский Сунтарского улуса (901 душа), два Юсальские Верхоянского улуса (1-й — 905 и 2-й — 703 души) и много других, достигающих нескольких сот, даже тысяч душ, и есть не менее того родов, состоящих всего из *нескольких десятков душ*. Оказывается, что признанные пределы кровного родства, с ы г а н, — понятие чрезвычайно неясное и растяжимое. По одним показаниям, с ы г а н зовут детей двоюродных братьев, по другим — сыновей двух сестер; иные, наконец, утверждали, что это вообще "дальние родственники".

"С ы (г')¹⁾, — повторяли, очевидно удивляясь моему непониманию, — мы говорим с ы (г), это все равно: можно жениться" (Намск. ул., 1891 г.).

"С ы (г), а от этого с ы г а н — сыновья двух сестер, вышедших замуж в чужой род" (Зап. Кангал ул., 1892 г.).

Никто не мог перечислить всех степеней родства, включенных в понятие с ы (г), и указать точно, в каком они начинаются колене.

Все спрошенные согласно, но голословно утверждали: "с ы г а н — это девятая степень, это та степень (у р у), которую не грешно не вытаскивать из воды!" (Намск. ул., 1892 г.).

В женской линии с ы г а н найти нетрудно; оно начинается уже в третьем колене и подробнее определяется различными приставками. В мужской линии... на десятки записанных мною ответов не нашлось даже двух сходных. Были такие, которые прямо отрицали существование с ы г а н в пределах отчего рода на основании того, что "женитьба внутри

1) Иные говорили с ы (г) э, объясняя, что это то же самое слово, только более древнее.

его не дозволена". Это последовательно, но не согласно с действительностью. Якутские роды не дробились обязательно у этой предполагаемой девятой грани; многие из них включают всевозможные степени родства, как оно теперь понимается, или даже составляют группы, не связанные решительно ничем, кроме *очень отдаленного*, глухого *предания*. Если же с ы 2 отнести к женской линии, то строгие *кровные* ограничения для якутского рода как экзогамического падают сами собою. Их в действительности и нет.

Родовая связь существует всюду как смутное сознание и выступает наружу только тогда, когда род получит достаточно сильный для раздела экономический толчок. Повинуясь ему, и только ему, род начинает распадаться, и тут только кровные понятия дают себя до известной степени чувствовать. Итак: два родных брата, а тем более отец и сын не могут попасть в два различных рода; не могут в них попасть при жизни: дед и внук, дядя и племянник по мужской линии в первой степени. Но уже внучатые братья могут принадлежать к различным родам, особенно если умер дед. Огромное значение хозяйственных побуждений в делении якутских родов и ничтожное — кровных особенно удобно наблюдать в родах еще целых, но где уже наметились новые родовые центры. Из известных мне приведу как пример: К а с к а и его подразделение С ё т ё, роды Бетюнского наслега Намского ул., род А р ч и н г а и его же деление Х а р а, этого же улуса, Хатынгаринского наслега, наконец, род К а н г а л а с Колымского ул., прозываемый К ы л г а с (короткий), где обозначились ясно два центра: один на Енгже, другой на Андылахе, отличающие себя в сношениях, но не присвоившие еще себе никаких специальных названий (Колым. ул., 1883 г.). Все они разделены более или менее крупными расстояниями, и земельные их угодья и значительная часть имущества: дома, изгороди, запасы сена, мелкая ценная домашняя утварь — в случае смерти владельцев имеют некоторую ценность *только для членов* данной группы. Перевозить их нельзя или не стоит, а продать, ввиду отсутствия рынка, невозможно.

В прошлом, когда главное богатство якутов состояло из табунов лошадей, размеры и условия дробления родовых групп и их союзов были совершенно другие. В это отдаленное время, нужно думать, за реальную подкладку рода служило совместное потребление продуктов, получаемых от стад и охотничьего промысла. Есть многие пережитки, указывающие на это.

"Если якут убивает скотину, то внутренности, жир, налитые кровью кишки он делит на порции разной величины и достоинства и раздает соседям, которые, узнавши о таком событии, обыкновенно по очереди посещают его. Самое меньшее — он должен накормить мясом посетителей" (Верхоян. ул., 1881 г.). Обычай этот существует всюду, и никто не

смеет нарушить его без опасения неприятных последствий. Помню, как были разгневаны мои соседи в Б е с-а н (Сосновом урочище) над Алданом, как они долго жаловались на богача Семена, называя его чуть не *вором* за то, что тот тайком, ночью, убил *своего собственного* быка и съел, *не поделившись* с ними" (Байган. ул., 3-й Баяган. наслег, 1885 год).

"Достаточно, убивши скотину, обойти кого-либо из соседей подарком, чтобы приобрести себе врага" (Намск. ул., 1888 г.). Умышленный обход равносителен вызову; с него обыкновенно начинается открытое прекращение дружественных отношений между семействами. Даже люди втайне враждующие, раз живут близко, обмениваются подобными подарками, а более любимым и уважаемым соседям они отсылают их даже на дом, за несколько верст (Намск. ул., 1889 г.).

Обычай этот распространяется на *всех живущих по соседству*. Если принять во внимание, что в прошлом совместно кочевали только сородичи или союзники (те же родовичи, приобщенные путем договора), то станет понятным родовой характер этого архаического остатка. Что он древний, в этом убеждает нас предание и его вымирание в настоящее время, почти исчезновение в более культурных местностях, что он *родовой* — убеждают нас некоторые обряды во время свадьбы и мировых сделок.

"Одной из существенных частей якутской свадьбы является обмен мясом. Свадебный пир длится обыкновенно три дня, свадебные блюда преимущественно мясные. Даже самый бедный якут считает необходимым для этой цели убить скотину. Во время пира поезжане жениха и невесты обмениваются отборнейшими кусками мяса из выделенных им порций. При этом обыкновенно произносятся торжественные, подходящие к случаю речи с напоминанием, что вот "мы теперь свои люди" (Колым. ул., 1883 г.). Свадьба якутская носит родовой характер, на нее преимущественно собираются родовичи вступающих в брак, и справлять ее бедным в старину помогали сородичи ¹⁾ (Намск. ул., 1890 г., Колым. ул., 1883 г.).

"Как вы водкой, так мы скотним мясом и костями делимся в знак дружбы и родства!.." — объясняли якуты обычай обмениваться мясом (Намск. ул., 1891 г.). В связи с этим стоит обряд заключения мировой — "плата за стыд", с а т т ё л ю б р а, как говорят якуты. Теперь мировая в большинстве случаев совершается по русскому обычаю: уплачивают из-

1) Последний обычай я застал еще в Колымском округе, там богачи не отказывают дать в долг для этой цели скотину даже совершенному бедняку, от которого затем долг получить будет довольно трудно и которому без стеснения в других случаях отказывают даже в *кирпиче чаю*.

вестную сумму денег и угощают водкой. В старину она производилась иначе.

"Пусть даст 25 рублей денег и убьет скотину", — требовал богатый якут Кусаганнельского наслега от желавшего помириться с ним русского. "Зачем буду убивать? У меня мяса довольно!.. Денег дам, и пусть приедет — угощу как надо!" — был ответ. "Нет! Нельзя! Ты уж должен по-нашему, по-якутски, убить для него особо... Обыкновенного, к о н н о р ю, мяса есть ему, мирясь, не подобает: он почетный!" Такое требование посредники объясняли тем, что "при мировой, равно как при угощении знаменитого шамана, необходимы *цельные, не рубленные кости голеней*" (Намск. ул., 1887 г.).

Те же кости на богатых свадьбах кладутся неизбежно во время пиршества перед поезжанами чужого рода и идут в обмен (Колым. ул., 1883 г.). Всякая мировая носит отчасти родовой характер, на нее сходятся родовичи мирящихся и пользуются угощением. Конечно, если для этого убита скотина, то угощение обильнее. Таков обычай. Следы совместного потребления пищи заметны также в признании за присутствующими права на долю в промысле. В Колымском улусе при дележе ленных уток, добываемых десятками тысяч общими усилиями, пай наравне с другими получает всякий член рода, даже всякий *посторонний присутствующий* при этом, хотя бы случайно сюда забредший человек и не принимавший участия в ловле (Колым. ул., 1883 г.). "Всем людям Бог счастье (добычу) дает", — говорят якуты в поучение не желающим делиться уловом (Намск. ул., 1887 год). То же самое мы наблюдаем на юге при дележе добытых неводьбой карасей (Баяган. ул., Намск. ул., Батум. ул.).

Право на долю имеет всякий прохожий не только в артельном промысле, но и в единичном. Если колымский или верхоянский якут вытащит в присутствии гостя сети с рыбой — он обязательно предложит ему часть добычи. На Лене рыбаки, занимающиеся ловлей стерляди "переметами", считают своей обязанностью наделить рыбой, или по крайней мере накормить, *всякого посетителя*. (Намск. ул., 1890 г.). Этот обычай временами настолько обременительный, что из-за него рыбаки часто бросают обильные уловы, если последние находятся на слишком бойком месте, и отправляются в труднодоступные дебри (Намск. ул., 1890 г.).

Скупые нередко пробуют обходить этот обычай, но тщетно. В Колымском улусе я был свидетелем следующего случая. Один богатый, но алчный якут поймал как-то очень много рыбы. Это была рыба неважная, елец, вроде плотвы; но улов случился весною, в разгар голодовки, и 7 лошадей груза, который она составила, представляли высокую ценность. Тем не менее большую часть разобрали задаром жители этого урочища, не выказывая никакой особенной благодарности собственнику.

Скупец, а особенно его жена ворчали и жаловались, но отказать, а тем более заикнуться о плате не смели (Колым. ул., Андылах, 1883 г.).

В той же местности Колымского улуса я наблюдал другое доказательство силы описываемого обычая, а именно: радость одного неудачника, который до сих пор все больше получал и вдруг случайно загнал в озеро жирного дикого оленя и в свою очередь мог *наделить соседей подарками*. Ничто не могло сравниться с самодовольством этого человека, когда он подносил наконец другим "свою добычу". Себе он не оставил почти ничего (Колым. ул., Андылах, 1883 г.). Не только часть свежеебитой скотины или охотничьей добычи подлежит дележу, ему подвергается до некоторой степени все, что обречено на потребление сейчас же и может быть разделено на мелкие части. Особенно — лакомства. Если якут получит кусок сахара, пряник или другую "редкость", он обязательно раздробит его на столько частей, сколько присутствующих, и раздаст им. Величина и качество кусков зависят от произвола дарителя, но даже самый неважный из присутствующих будет себя считать обиженным, раз его обошли. Всегда среди одаренных найдется тогда сердобольный, который в свою очередь поделится с обиженным. Водка разделяется положительно между всеми, и даже маленьким детям дается по несколько капель. Нюхательный и курительный табак представляет предметы такого же общественного потребления, и достаточно вынуть табакерку или закурить трубку, чтобы сейчас же с обычным б и е р и с ь (поделись) протянулись к ним руки присутствующих.

Если якуту случится есть отдельно от других, он даст непременно, хоть по кусочку, тем из окружающих, которые, по его мнению, особенно голодны¹⁾).

Нужно думать, что из этого обычая исходит якутская привычка окружать молчаливым, выжидательным кольцом кушающих проезжих. Получить в подачку кусок съестного не считается зазорным даже для вполне зажиточных и независимых людей. Наоборот, такой подарок считается особенно лестным, если исходит от лица уважаемого; это — лучшее выражение сердечной заботливости и дружбы. Только "кусок" должен соответствовать общественному положению одаренного и количеству имеющейся налицо пищи. Дать мало богачу и в то же время много бедняку считается нарушением якутского этикета (Баяг. ул., 1886 г.). На севере к поданной на стол пище приглашают всех, кто в данный момент находится в юрте (Колым. ул., 1883 г.). Обычай этот до того был могущественный и общий, что даже древнее название одной из фаз луны носит его следы. Именно: "Третий день ущерба зовется к ю б е или к ю б е т е—

1) На юге обычай этот выводится.

восходящий, когда жестокий человек ставит горшок, что значит, как мне объяснили: восходящий настолько поздно, что скупой, жестокосердый хозяин может не опасаться приезда гостей и варить ужин" (Намск. ул., 1891 г.).

В том же Намском улусе мне рассказывали, что "в старину богачи никогда не садились в одиночку обедать..." (Намск. ул., 1892 г.).

"Отец теперешнего головы (улусного) Эверстова, Михайло Эверстов, был ужасно для бедных хороший голова. Приедет, бывало, ночевать к богачу, там непременно должно быть приготовлено: два ведра водки, на меньшее не соглашался, две ноги кобыльего мяса, две ноги коровьего мяса. Назавтра чуть встанет, уже полный дом людей, а приходили, услышавши, не только бедняки, но и средние люди. Перед Эверстовым на столе, точно перед сватом на свадьбе: все четыре ноги вареного мяса! Он все раздает: что более жирное — бедным, что похуже — зажиточным..." (Намск. ул., 1891 год).

Если якут рубит новое стегно мяса, соседи обязательно приходят к нему, и он должен накормить всех присутствующих.

Если у кого раньше других отелилась корова, обычай требует, чтобы тот поделился сливками и молоком с теми из соседей, у кого этого нет в данное время (Намск. ул., 1887 г.). Все это делает понятным тот интерес, с каким якуты высчитывают и разужают, у кого из богачей на исходе мясо, когда должна рубиться новая туша, а во время весенних безмолчных периодов — у кого отелилась корова¹). Это объясняет также, каким образом бедняки ухитряются прожить голодные месяцы. При известном имущественном равенстве, что можно наблюдать в некоторых урочищах Колымского улуса, все вышеописанные обычаи ничуть не тягостны²). Они охотно поддерживаются и исполняются, особенно людьми среднего достатка. Там не хотели мне верить, что на моей родине есть многолюдные богатые города, в которых голодают и, случается, умирают от голода. "Разве все так умирают?" — спрашивали. Не могли понять моих разъяснений и стали подсмеиваться: "Какие дураки!.. Кто же станет умирать, когда можно пойти поест к соседям!.." (Колым. ул., Андылах, 1882 г.).

1) Везде почти в Якутской области сохранился обычай, что хозяйки посещают друг друга в начале лета с туеском, в который та, у которой коровы отелились и доятся хорошо, наливает немного сливок. После посещения двух-трех соседок туесок обыкновенно наполняется. Это называется "сливничать", с ю ъ г ъ й д и р. Жены состоятельных якутов сделали себе в некоторых местностях из этого обычая статью дохода: объезжают соседей, сами же очень скупно им отплачивают.

2) Впрочем, в том же Колымском улусе я был свидетелем обычного в южных улусах плутовства с целью скрыть время рубки мяса и избавиться от обязательного угощения. Tempora mutantur!.. К якуту, у которого я жил, раз вечером собралось много

На юге уже входит в обычай продавать пищу проезжим, даже соседям, но на севере во многих местностях еще *за срам* считают подобную торговлю; предложение принять деньги за ночлег, за съеденную пищу даже крайний бедняк сочтет за обиду. Если у проезжающего мало пищи, его будут там кормить, сколько бы он ни жил. Он может этого даже требовать. Якуты никогда не берут с собою в дорогу провизии, если едут по населенной местности. Проезжающие зимою по лугам мимо стогов сена имеют право покормить скотину, лишь бы с собою *не брали* сена (Верх. ул., 1882 г.).

"Проезжающие (там) едят, уставшие нежатся, голодные полнеют, пристальные жиреют..." — описывается в сказке гостеприимный дом¹⁾.

Все эти обычаи придают разрозненным и малочисленным якутским общинам некоторую связность и устойчивость. Путешественник, охотник, торговец могут налегке отправляться в дальний путь, уверенные, что не умрут с голоду, раз попадут в жилые места. В случае несчастья они смело обращались к соседям за всем необходимым. Обычай создавал нечто вроде взаимного страхования от охотничьих и житейских неудач. Калеки, хилые, больные могли рассчитывать на известную опеку. Попечение о них искони считалось обязанностью рода. И т ы м н и, к у м у л а н — так якуты называют находящихся на иждивении рода — старинное родовое учреждение. Уже Кривогорницын в своей описи недоимщиков на 1671 г. упоминает про старух "меж юрт скитающихся"²⁾. И т ы м н и и к у м у л а н ы — это одинокие, неспособные к труду дети и старики или разорившиеся, совершенно неимущие семьи. Последним выдают к ö м ö (помощь) на дом, первые ходят и теперь, как в былое время, "меж юрт" и допускаются к столу наравне с домашними. Им пору-

гостей. Их по обыкновению напоили чаем и накормили рыбой, но они все не уходили. Наконец на лицах домашних я заметил скрытую досаду и нетерпение. Ужина долго не давали, и я уже собрался было спать, как вдруг гости поднялись и ушли. Хозяин сейчас же удержал меня, чтоб я не ложился, и, как скоро вышел последний гость, внесли ногу мяса, стали ее рубить и варить. "Видишь, — объяснял мне немного сконфуженный хозяин, — мяса у меня мало, а народу собралось много, все бы съели. Завтра праздник, без мяса спать идти нехорошо. Они узнали, что у меня еще есть нога, вот и пришли" (Колым. ул., Енгжа, 1883 г.). Впоследствии я не раз наблюдал разнообразные уловки ради скрытия интересного момента рубки мяса: то рубят его рано утром, а не вечером, то на несколько дней раньше срока; в случае появления гостя не раз уже оттаявшую ногу уносят в амбар. Якут, заметивший приготовления к рубке мяса или к битью скотины, ни за что не уйдет, будет сидеть полдня и даже заночует. То же самое у тунгусов отметил Миддендорф (Отд. 6, с. 734).

1) Худяков, с. 113.

2) См. т. II.

Рис. 127. Нищие летом.

чают исполнять кое-какие мелкие домашние работы. У бедных и средних хозяев, по моим наблюдениям, с ними обращались лучше, чем у богатых; те кормят их плохо и относятся высокомерно. По якутским понятиям, грешно презирать и тымни.

"И тымни следует помогать и жалеть; им может сделаться каждый. Дети богатей делаются не раз и тымни, и, наоборот, многие из теперешних богатей были и тымни, а теперь других кормят" (Намск. ул., 1890 г.). Якуты делают, по-видимому, различие между и тымни и профессиональным нищим, живущим из милостины, — мандыс.

"И тымни не то что мандыс. Мандыс редко лишен всего; у него что-нибудь да есть; часто у него не только еда имеется, но есть и скот, и дом, и посуда. Мандысу не хватает — вот он и просит. Иногда он просит от жадности. У и тымни действительно нужда, и добыть ему неоткуда. Мандысу можно дать, можно и не дать, и тымни нужно помочь, иначе погибнет человек. Мандыс у дает богатый, и тымни — общество" (Намск. ул., 1891 г.). Все это попечение о бедных, впрочем, довольно у якутов мизерно. Род прежде всего преследовал другие задачи, а именно организацию равносильных и равноправных лиц.

Несомненно, что многие из приведенных мною воззрений и обычаев складывались под воздействием привычки совместно, всей ордой, потреблять пищу, будь это охотничья добыча или продукты от стад. Был момент в развитии якутов, когда это было для них выгодно, даже неизбежно¹⁾, и условия эти возникли опять, по всей вероятности уже вторично, с переходом их на север, где они утеряли мелкий скот, если он у них был (овец), и где вначале сильно уменьшилось у них количество рогатого скота ввиду их неумения собирать сено. Стада лошадей требовали на под-

1) К тому же это так отвечает первобытной психологии, лишенной рефлекса и предусмотрительности. Для сытого дикаря немисливо не накормить голодного собрата, хотя бы завтра и ему пришлось голодать. Это высокое и человеческое чувство, исчезнувшее у многих европейцев, воспиталось и выросло под прикрытием довольно-таки прозаичных соображений: тунгусы, убившие летом сохатого, рады всякому гостю, сами обжираются и торопятся до невозможности, "чтобы не сгнило добро" (Верх. ул., ст. Бёдекель, 1880 г.).

ножном корму частого и быстрого передвижения. Кумыс как молочные скопы никуда не годится; зимою он портится от мороза, летом — от зноя; к тому же он громоздок. Мяса впрок готовить (вялить или коптить) якуты не умеют и никогда не умели. Для них было в высшей степени удобно жить группами такой величины, чтобы кумыс, полученный от стада, и мясо такой крупной скотины, как лошадь, потреблялось возможно быстро¹). Нужно думать, что в глубокой древности такие группы представляли первичный и неразложимый элемент якутского рода. Отсюда обмен мясом и угощение кумысом как признак мира, дружбы, приобщения к роду. Такие группы, которые мы не решаемся назвать *семьями*, жили в одной большой ур а с е или в нескольких, стоящих вблизи. Право частной собственности на дом, по-видимому, отсутствовало у древних якутов. И теперь оно у них не особенно сильно, и теперь они склонны смотреть на жилище как на некоторое общественное достояние²). Всякий, кто войдет в него, может сидеть и стоять там сколько угодно. Проезжий имеет право, по якутским понятиям, войти в каждый дом во всякое время дня и ночи, расположиться там пить чай, варить пищу или ночевать. Даже неприятного ему человека хозяин не смеет удалить из своего дома без достаточно уважительных причин (Колым. ул., 1883 г.).

Одно из самых оскорбительных выражений есть: к е р ь-б а р т а х ы с "пойди прочь!", произносимое иногда по-русски "пшел" (Баял. ул., 1885 г.).

Жилищ постоянных в прежнее время почти не было у якутов. Они постоянно кочевали; на месте оставались только палки остова, а берестяную покрышку урасы увозили с собою. Палками мог пользоваться всякий прикочевавший раньше в данное место; земля была ничья (Георги. 176 ст.). Стада считались собственностью каждой отдельно кочующей группы. Номинально собственником признавался глава группы, ложно называемый казаками в старых отписках "родоначальником".

1) Интересно, что у якутов сохранилась память о возможности организовать на подобных основаниях. В Намском улусе мне рассказывали, что "в старину *конокрады* старались образовать такие *артели*, к ы т ы г а с, чтобы они были в состоянии украденную скотину тут же в поле разделить и съесть в одну ночь" (Намск. ул., 1892 г.).

2) На севере квартирная плата неизвестна якутам; там обыкновенно сожитель принимает только некоторое участие в отоплении и поправке, обмазке, чистке строения. На юге то же самое, хотя тут уже известна квартирная плата, крайне, впрочем, низкая, 1 — 2 руб. в год за угол. Взимается она обыкновенно в том случае, если у квартиранта нет быка для возки дров и льда, или он за этими вещами ездить почему-либо не может. Сожитель — б ю к а к. Древнее название жилища — б ю к а к у о т.

В то время, когда русские встретились с якутами, якутский родовой строй уже достиг высокой степени развития, и родоначальник, б и с ь - у с а т о ё н о, была должность особая, по-видимому исключительно военная и судебная.

Группы, как большие, так и малые, как сложные, так и единичные, в конструкции своей были тождественны, что и теперь видим в якутских родах. Выборное представительство было еще более номинальное, чем теперь. Все вопросы, как экономические, так и правовые, решались миром, советом старейших, о г о н и о р: отцов, дядей, старших братьев. И теперь еще взрослый, отделившийся, совершенно юридически независимый хозяин-якут избегает производить крупные изменения в своем хозяйстве, затраты и продажи без "отцовского, дядиного или братнего совета" (Баяг. улус, 1885 г.). Обычай находит такое поведение похвальным; даже такие мелкие вопросы, как продажа или убой скотины, наем лугов, отдача подряда, покупка сена и т.п., якуты любят подвергать обсуждению своих близких друзей, родных и более чтимых соседей (Намск. ул., 1888 г.). В прошлом эта собирательная власть была сильнее и совет старейших фактически распоряжался всем общинным богатством. Молодежь считалась неимущей.

"В старину молодые люди не имели скота, они жили промыслом, добычею, только состарившись, просили отцов: "Я состарился, волосы мои побелели, силы укоротились, наделите меня скотом!" (Намск.ул., 1891 г.). Намек на подобный порядок владения мы встречаем и в известной саге "Эллей и Онохой".

"Эллей дает всякому отдельный дом, дает женщину, скот, посуду, всякому помогает: у него каждый делается хозяином... А у Онохой хотя век живи — ты все работник!.." — объясняют перебежчики свою измену прежнему вождю (с. 190).

Сильное дробление собственности и, как следствие его, дробление внутренних родовых групп стали возможными только с постепенным введением рогатого скота, который можно держать самостоятельно и в небольшом количестве. Лошадиный табун из двух- трех штук немислим: такие лошади обязательно присоединятся к блуждающим по соседству стадам. Никакие предосторожности и дальность расстояния не воспрепятствуют им. Затем табун из десяти голов, который можно считать предельно малым по размерам, не может прокормить предельно малой якутской группы-семьи из четырех человек. Между тем время, нужное для постоянных перекочевков, защиты и ухода за таким небольшим табуном, ничуть не меньше, чем при размерах его вдвое-втрое больших. Можно принять за правило, что, чем больше табун, тем больше сил у владеющей им общины освобождается для посторонних занятий: охоты, рыбной ловли, ремесел. Социальные привычки лошадей, любящих жить в крупных об-

щинах, делали союзы их пастухов естественными. Даже отдельные косяки лошадей с враждебными друг другу жеребцами стараются пастись вблизи, врозь, но на виду друг у друга.

Величина сложных табунов зависит, нужно думать, только от размеров и достоинства пастбищ, а те и другие в Якутской области чрезвычайно разнообразны. Они и создали то разнообразие в величине якутских родовых групп, которое отмечено в преданиях, следы которого находим и теперь и которое поражает нас своей видимой произвольностью. В обширных однородных степях рост и дробление табунов могли совершаться более правильно, а их скопления, временные или постоянные, могли возрастать безгранично, с чем сообразно могли возрастать и организоваться живущие на их счет общины людей. Другое дело там, где степные участки незначительны и разъединены лесами. Там стада постоянно дробятся или сливаются сообразно встречающимся по пути условиям. Это делает союзы неустойчивыми. Быстрота и учащенность перекочков, неизбежных при крупных стадах и незначительных размерах луговых участков, тоже усиливают стремление к дроблению. Экономические соображения вступают в борьбу с родовыми и общественными инстинктами.

Все это имело место с переходом якутов из степей в леса. Были ли это леса их теперешней родины или более южные, для нас в данном случае безразлично. Попробуем в общих чертах восстановить характер этого переходного времени якутского родового строя. Начнем с размеров родовых групп. За предельно малую для конного хозяйства единицу нужно принять табун в 10—15 кобыл¹⁾; за предельно большую для Якутской области — стадо, состоящее из 300—500 лошадей. Первая с трудом обеспечивает нищенское существование семьи из четырех душ; вторая дает возможность жить относительно достаточно общине из 50 человек. В этих пределах должно было колебаться у якутов стремление к дроблению и рассеянию по стране.

1) Такой табун будет состоять из 5 кобыл, 1 жеребца, 1 двухгодовалого, 1 годовалого жеребенка и 2 жеребят-сосунков. При таком количестве и составе убивать можно ежегодно только одного взрослого коня, а кумыса не хватает. Кумыса нужно от 15 до 20 литров на человека в день; одна кобыла дает такое количество только летом, такая кобыла считается отборнейшей; средняя дает вполтину менее, зимою же многие не доятся (беременные), а стародойки, даже если корма удовлетворительные, дают в то время не больше 3—4 литров в день. Итого человеку нужно в год от 5 405 до 7 200 литров кумыса. Одна кобыла дает в год от 2 000 до 2 500 литров, если доится круглый год, что составит на взрослого человека две с половиной дойные кобылы, а на три взрослых человека якутской семьи — семь с половиной дойных кобыл.

Есть предания и обычаи, позволяющие думать, что некогда у якутов встречались значительно большие скопления людей и богатств и что разбросаны они были по стране еще менее равномерно, чем теперь. В их преданиях, сагах и былинах находим многочисленные на это указания. Их герои проезжают обыкновенно огромные пустынные пространства раньше, чем достигнут жилых мест; в последних находят всегда много людей и много скота. Вот в каких выражениях описывается в одной из о л о н г о сказочное стойбище, древний якутский с у р т:

"Сел на лошадь и едет. И выезжает в тихое, самое лучшее, богатое, роскошное место, на пуп земли, где длинная благодать никогда не изменяется, широкое богатство растянулось с неизменным счастьем. Это было место, где поставлено девять берестяных урас, натянут девятигранный господин ремень для привязывания жеребят; место, где собирались остроумные головы, где бодался четверотравный скот и сходились мягкогривые (кобылы); в табуны собирались малодорогие; имеющие спинной хребет собирались, как поплавки; имеющие пятки толпились; где молодые парни боролись между собой, вертелись верткие мужчины; где девушки собирались в общества, с восторгом находились ловкие, отборные женщины..."¹⁾.

Везде, где в сказках описываются народы, добрые или злые, они живут большими общинами, стада их многочисленны, "точно березняк", движутся "подобно речной быстрети".

У Ю р ю н г У о л л а н а, героя популярнейшей из якутских былин, было "восемь табунов кобыл, девять хотонов коров; от запаху пару, пыли их солнце и месяц стали в тумане"¹⁾.

В о л о н г о "Старуха со стариком" говорится, что было у них "девять домов рабов, восемь домов невольников, семь домов прислужников"¹⁾.

Невестку Господина Похвального Почетного Кровяного Глаза — в другой былине — готовятся встретить прислужники "из девяти его домов, домопадцы с восьми домов, комнатные слуги с семи домов, девять господ сыновей, родившихся как девять журавлей"¹⁾.

В саге о "Тыгын-Господине" говорится, что он "не знает счету своим стадам", что "людей у него было с половину здешнего улуса и богатства столько же..."¹⁾.

В о л о н г о Кёнчэ-бэгё богатырь К ы й б ы р д а н забирает "бессчетное число людей, сожителей двух богатых человек". Там же описывается целый город, убежище, куда К ы й б ы р д а н ставил уведенный им скот и людей. "Город окружен каменной стеной и снабжен четырьмя во-

1) Худяков. Сборник, с. 145, 137, 113, 87, 48.

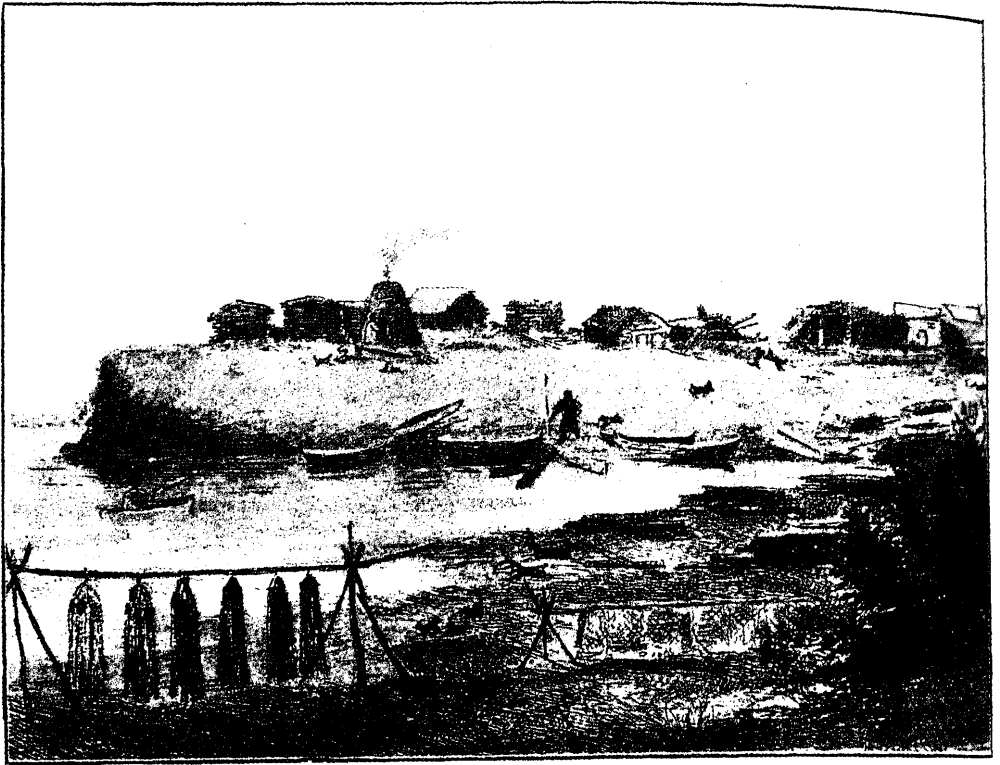

Рис. 128. Селение Усть-Янск.

ротами, оберегаемыми богатырской стражей" ¹). "Древние якуты жили людно. Каждый хозяин нуждался в пастухах, товарищах, конюхах, были у него и рабы, и прислужники... Иначе тогда и нельзя было. Одинокий погибал..." (Намск. ул., 1891 г.).

Во всех известных мне былинах возвращающиеся домой герои приводят с собою отряды людей, многочисленные стада и основывают новые очаги для заселения. Лучшее якутское благословение: "Пусть люди твои расплодятся, пусть скот твой размножится".

1) "У восточных ворот поставил караульным теряющегося с дыханием сырого моря Железного богатыря Красная медь (симелиянь сикъ баягал тыннах Тимирь Джесинья бухатыр); у южных ворот поставил с одной ногой, толстого, неуклюжего богатыря (соготох атахтах сон Содалба бухатыр); у западных ворот поставил одноногого Арджаман-Джарджаман-богатыря (ангардас харахтас Арджаман-Джарджаман); у северных ворот поставил Зычного-Звон-богатыря с хоролорским языком (Хоролу тыллах Хонгкурдан бухатыр). Поставивши, он говорит этому народу: "Если будет дуть сверху Утинное гнездо (Юргель), если задует снизу ветерок, то вы придите ко мне и донесите". — Худяков, с. 201. Правописание автора. Отмечу, что в титул Арджамана вкралась ошибка; нужно переводить "одноглазого", а нгардас харахтах.

Многолюдство — одно из условий счастья: оно в понятии якутов идет рука об руку с богатством. Веселье и игры якутов шумные и общественные; они любят толпу, танцы, *ы с ы а х и*, людные шаманства, толкотню, говор, песни и зрелища. Чувство стадности высоко развито у якутов; они легко поддаются общей панике, гневу, унынию и общей радости. Любовь к уединению им непонятна; одиночество кажется им самым тяжелым наказанием.

"Бедный!.. Живешь один, вдали от соседей... И никто к тебе не ходит, и ты никуда не ходишь... Как же ты не боишься, как же тебе не скучно... Удивительно!.." — выражали многократно свое сочувствие случайные посетители моего одинокого жилища (Баят. ул., 1886 г.).

"Живет один в лесу, точно вор или медведь..." (Намск. ул., 1889 г.).

"Не выглядывает в пасмурную погоду и глаз не показывает в ясную!.." — говорят с насмешкой о нелюдиме ¹⁾.

"Под конец старости жил он совершенно один со своей черной собакой", — рассказывали с ужасом об одном шамане, осиротевшем благодаря своему колдовству (Намск. ул., 1889 г.).

Ходить в гости якуты любят до страсти. Мужчины зимою только это и делают.

"Есть, впрочем, богачи, которые ничего не делают, только едят и пьют... Даже в гости не ходят... Зачем столько шуму, зачем столько крику, столько хождения-бегания... Суета — беспорядок наступает!.. говорят такие!.." — рассказывали мне в порицание домоседам (Намск. ул., 1891 г.).

Привычки к общению, к бойкой, открытой жизни до того сильно укоренились у якутов, что часто, несмотря на земельную тесноту, на неудобства, они неохотно уходят с заселенных мест в тайгу. На окраинах много прекрасных лугов лежит и посейчас втуне.

"Такие места опасны — их нужно заселять сообща..." — объясняли мне (Намск. ул., 1892 г.). Число обособленных урочищ с одной-двумя юртами незначительно. Самое большее количество урочищ — с 4 — 5 юртами, с 20—30 душами населения. Правда, урочища с 40 — 50 юртами и несколькимистами душ жителей уже очень редки, а выше того встречаются как исключения. Правда, зимние юрты в урочищах по большей части стоят одиноко, каждая на особом участке, вдали друг от друга, а вблизи зародов сена; но тут уже заметно влияние более позднего, сенокосного хозяйства.

Зато *с а и л ы к* — летние жилища — строятся иначе. Вообще, мне кажется, летние хозяйственные порядки ближе к старинному образу жизни.

1) Худяков. Сборник, с. 8.

С а и л ы к всегда состоит из многих юрт, стоящих довольно тесно, хотя настоящих селений с правильно в ряд выстроенными усадьбами, насколько мне известно, нет у якутов. Даже в таких густо населенных местностях, как долина Лены, прилегающая к Якутску, и далее на юге долина Западно-Кангалаского улуса, где, по выражению якутов, "куда ни повернешь лицо, всюду увидишь дым жилищ", — нет сел и деревень, а усадьбы стоят густо, но беспорядочно, ближе: "где вода, где любимое место, где жили отцы..." (Зап. Канг. ул., 1892 г.).

Я переписал несколько с а и л ы к и убедился, что все они группируются по родам. В каждом из них преобладает один какой-нибудь род и считается как бы хозяином места. В этом-то, нужно думать, и сходны они со старинными якутскими кочевьями.

В этих людных кочевьях, где бы они ни стояли, на дальнем ли юге или севере, якуты получили начало своей гражданственности. Там воспитались лучшие их инстинкты, зародились ремесла и искусства, сложились их песни и былины, расширилось и окрепло их мирозерцание, там они приобрели привычку дружно, сообща переносить несчастья и преодолевать препятствия.

На все созданное ими тогда лег своеобразный отблеск характера тех сильных благородных животных, которые составляли в то время главное их богатство и основу их жизни. Уход за лошадьми требует специальных душевных качеств и специальных сведений. Он требует прекрасного знания географии и географической сообразительности, огромной наблюдательности, осмотрительности в выборе места и направления кочевок, соответственно только что обозначившимся климатическим феноменам, сообразно времени года, разливу воды, глубине снега. Он требует от пастухов ловкости, удали, решительности и умения быстро и дружно совершать довольно сложные эволюции с целью направить, приостановить или загнать куда следует ослушные табуны ¹⁾. Отсюда привычка к дисциплине и действию скопом, до сих пор заметная у якутов. Они и их молодежь на свадьбах и в играх любят, построившись в шеренги, совершать совместные движения: бегать, толкаться или при торжественных встречах образовывать шпалеры и фронты. В некоторых отношениях можно предположить, что тогдашняя общественная организация была немного другая, чем теперь, что разделение труда было резче выражено. В преданиях есть на это указания.

1) Я думаю, что здесь кроется источник той любви к работе сообща, которую я отметил в XI главе и которая высказывается даже в пустяках вроде того, что два якута, рубящие по соседству жерди, обязательно составляют "артель", складывают свои припасы, вместе готовят пищу, едят и работают.

"Один верховой человек прискакал в поле, пригнал один табун кобыл, загнал в огород. Ловящий петлей парень О г у т т а к к ы поймал петлей одну жирную кобылу. Надевающий недоуздок С у л у р б а т ы р надел недоуздок. Обрывающий становую жилу Ю ё б я г а й-парень оборвал жилу. Сдирающий шкуру С у р д у р у г а с-С а м д а р г а с содрал шкуру. Мясник К ы б ы р г а с-Х а б ы р г а с разрубил по частям мясо. Повар парень Б у с у х а н сварил. Ы р б а й б а н - м ы л а х с ы н, снимающий жир, снял жир. Перекладывающий из горшка длиннорожий Х о л о й б о н парень выложил. Раздающий Разбросай Ю р я й б я С а р а й б а роздал..."¹⁾.

То же самое говорится о приготовлении оружия Юрюнг-Уоллана.

"Было у него оружие-пальма, которую обрабатывали разные кузнецы: К ё к ё н я н-кузнец раздувал мехом; Б а к а н а н-кузнец бил молотом; Т а к о н а н-кузнец молотом подколачивал; К ё н ё г ё-кузнец смотрел; К ы г ы н а н-кузнец смотрел прямолинейно; А л ы с-л у к а н-кузнец напильвал напилком; Х а т ы с-л у к а н-кузнец накачивал; К и к е н я н ь-кузнец осветливал..."²⁾.

"Взял лошадь свою, сделанную Медведицею, взял узду от Плеяд, седло — от Блуждающей Звезды, недоуздок взял от Венеры. Пришел назад к этим людям. Отворяющий дверь Х а л ы н г ы с-б а т ы р отворил двери; отворяющий дом Т э л е б и с ь-б а т ы р отворил двери настежь..."³⁾.

"У каждого богатыря были воины, были товарищи, были прислужники: один седлал, другой зануздывал коня, третий носил его лук и стрелы... Были у него скороходы, были прыгающие на одной ноге, на двух, были стрелки и борцы..." (Намск. ул., 1891 г.).

Замечательно, что все эти названия: О г у т а к к ы, С у л у р, Ю ё б я г а й, С у р д у р у г а с, Б у с у х а н, К ё к ё н я н, А л ы с-л у к а н, Х а т ы с-л у к а н, Т э л е б и с ь-б а т ы р и пр., равно как ю н ь ю т, ы н г ы р д ж ы т, к у о б а х с ы т, к ы л ы х с ы т, не имена собственные, а нарицательные, соответствующие таким, как: стремянной, правильщик, калильщик, привратник, повар и т.д. Перевести многие из них невозможно, так как занятий и должностей подобных не было никогда у русских и нет в русском языке для них названия. Теперь и у якутов не осталось ничего подобного и только на старосветских свадьбах да на ы с ы а х а х являются некоторые из поименованных лиц; являются: к у о б а х с ы т — прыгающий, как заяц (от к у о б а х — заяц), к ы л ы х с ы т — прыгающий на одной ноге и т.п.

1) Худяков. Верх. сбор., с. 104.

2) Худяков. Верх. сбор., с. 137.

3) Худяков. Сбор., с. 110.

Рис. 129. Колымский промышленник, отправляющийся на лыжах на рыбную ловлю.

их состояло из легкого извилистого березового лука (о х)⁴), из колчана (к и х ё к), полного стрел (а я), ножа и военного копья (б а т ы я). Вблизи дома в большом употреблении было легкое охотничье копье (б а т а с), у некоторых были приняты короткие мечи (б о л а т) и небольшие костяные щиты в виде лопаток для отбивания стрел.

Главное деление труда внутри рода происходило, конечно, сообразно возрасту и полу. Женщины работали дома, мужчины — в поле.

Молодежь до известного возраста пасла табуны, перегоняла их с места на место, вьючила, седлала и ловила коней. Их звали у о л л а р¹), что значит — парни. Более взрослые и отборные из них под названием б а т ы р — витязь, х о с у н — боец²), б а р г а н (б я р - г я н) — меткий стрелок, бродили по тайге недалеко стойбищ в поисках всякого рода добычи. У многих были кольчуги (к у я х) из железных и костяных пластинок, нашитых на кожаном кафтане³).

В большинстве случаев они отлучались конные, но были и пешие. Вооружение

1) У о л — парень, множественное число — у о л л а р — юноши, парни.

2) Иные говорят х о р с у н; оно встречается наравне с б а а т ы р, б о г о т у р, б а г а т ы р, б я р г я н ь, как приставка к именам разных былинных и сказочных героев. У Ботлинга х о с у н переводится: отчаянный, смелый, герой (с. 89), б ä р г ä н — меткий стрелок, м ä р г ä н — по-монгольски "стрелок". См.: Бётлинг, с. 133.

3) Про кольчуги ленских тунгусов замечает Гмелин: "Они были, как у красноярских киргизов-казаков, двоякие: из железных колец и пластинок, скрепленных вместе". — R e i s e, В. II, р. 643.

4) Дуга лука — ч е ч а р, тетива — к р и с ь.

Эти воины образовали кругом стойбищ цепь подвижных, зорких пикетов. В случае войны они составляли ядро военных отрядов — с ä р и ¹⁾. Некоторые из удальцов уходили искать "счастья", д ж о л ²⁾, в одиночку или с товарищами очень далеко в неизвестные земли, к чужестранцам. Такие отряды не брали с собой скота, путешествовали нередко пешком, жили исключительно охотой, рыбной ловлей и грабежом. Эти привычки сохранялись долго, до самых недавних времен. У Худякова есть предания о Х а п т а г а й-б а т ы р е и сыне его Х о х о ё-б а т ы р е и о трех х о с у н а х: С а п п ы, Ы н г к а б ы л, Б а т а г ы я н, бродивших в 40-х годах XVIII столетия, во времена Павлуцкого, на севере Якутской области. Я записал в Колымском округе (1882) предание о двух братьях-якутах, впервые пробравшихся в Колымский край. Имена их забыты. В Намском улусе мне рассказали предание о вилюйском якуте Т а н г а с-Б о л т о н г о, бродившем в одиночку тоже где-то в малоизвестных закоулках Вилюйского округа. Его звали б а г а т ы р наравне со старинными эпическими героями. Жил он, по-видимому, в начале текущего столетия, на что указывает прозвище столкнувшегося с ним промышленника-якута Намского улуса, Бётюнского наслег, рода Ч а к ы, — Солдат ³⁾. Солдаты появились в Якутской области только в прошлом столетии, во время Камчатских походов Павлуцкого. Затем Миддендорф упоминает об одиноких якутах-звероловах, встреченных им далеко от родных племен, в горах Амурского бассейна. Подобные удальцы служили в родах как бы добровольными лазутчиками-пластунами, разыскивающими новые пастбища, годные для заселения в случае каких-либо неприятностей или неудобств, возникших на родине. Они приносили слухи о новых землях, о встреченных ими народах, подробностях пути и их препятствиях. Иногда таких ходоков выбирали от себя роды и посылали умышленно в розыск, на что намекают сказки "Беркут и Чирок" и "Летающие крылатые" ⁴⁾. Это были люди отборные, их называли тоже: б а г а т ы р, б а т ы р, б а т ы р, б а т у р; слово это значит, собственно, по-якутски: доблестный, необыкновенно мужественный, смелый, сильный и ловкий. Но они не пользовались никакими особыми в роде правами, кроме обычных прав личного превосходства.

Общие дела рода вершил, как и теперь, родовой сход. Военные и мелкие судебные дела, требующие быстрого и неотложного решения, вершил признанный народом военачальник — т о ё н. Должность эта, по

1) С ä р и — войско, война, по-монгольски — царан. Бётлинг, с. 159.

2) По-монгольски — д ж о л. См.: Ботлинг, с. 123.

3) У Словцева сказано, что Анадырская команда в 1741 году состояла из 100 мушкатеров, 400 казаков. Ниже говорится, что в 1748 году для походов к казакам прибавлена была еще рота солдат. Период. IV, с. 79.

4) Худяков. Сбор., с. 73.

словам якутов, была наследственная, в силу понятия, что "орленок всегда орел — вороненок всегда ворон" ¹⁾. Но наследственность проводилась нестрого. Итак: у борогонского Лёгёй-тоёна наследником является не сын, а инородный, купленный за деньги мальчик-приемыш ²⁾. В другой саге рассказывается, с полным сознанием законности подобного дела, как тунгусы выбрали своим тоёном за доблесть якута Хаптагай-батыра. Они говорят: "Какой бы ни был ламут (тунгус), тебя не убьет. Теперь ты будь нам господином (тоён). Если ламут твоего слова не послушается, то пусть будет грешен" ³⁾. Тоён всегда пользовался в то же время титулом — багатыр (доблестный), и душевные его качества, по народным понятиям, должны были отвечать богатырским требованиям. Но он не бродил в одиночку, не искал приключений, а жил всегда там, где жил род, и уходил только на войну, во главе отряда, "конный и оружный".

Войны возникали чаще всего из-за угона скота, похищения женщин, убийства или оскорбления сородича. Пылкий, воинственный нрав степных жеребцов, любящих драться и отнимать друг у друга самок, раз стада сталкивались, нередко служил поводом для недоразумений и драк между их владельцами.

"Скот больше старались отнять друг у друга... Земли не жалели... земли было много..." (Намск. ул., 1890 г.).

"Не столько из-за земли дрались, сколько из-за скота..." (Баянтайский ул., 1887 г.).

Всюду в былинах и преданиях похищение женщин и скота выставляется как повод к войне. Не менее часто побуждала к этому обязательная родовая месть. Кровь человека не могла быть пролита безнаказанно, она требовала возмездия.

"В былине о богатыре "Шумном" Айда-батыри богатыре "Бешеном" Ирен-батыр небесный дух, упрекая последнего в убийстве родного брата, говорит: "Что же теперь будет?! Разве кровь человека может быть даром пролита?!" (Нам. ул., 1890 г.).

В сказке "Эксею" утопающий крысий "Голова" заставляет умирать с собою другую крысу со словами: "Разве хороший человек гибнет без товарища!.."

"За убийство мстили детям убийц и детям этих детей до девятого колена... Поймавши, не убивали сразу, а мучили ужасными муками..." (Нам. ул., 1890 г.).

1) Худяков. Сбор., с. 6.

2) Худяков. Сбор., с. 48.

3) Худяков. Сбор., с. 61.

"Убивший богатыря молчал и скрывал это, и только стороною впоследствии люди догадывались... Уходивший мстить тоже молчал" (Нам. ул., 1890 г.). Мне удалось записать интересные подробности о древней родовой мести у якутов.

"Некогда, в старину, если был кто-нибудь из семьи убит, а мать в то время была беременна и затем рожала дочь, то дитя убивали. Убивали не сейчас, а немного спустя, когда ребенок подрастал настолько, что начал сидеть, был б а л ь ч ы р. Убивая, приговаривали: "Через тебя твой старший брат (а мстили больше за братьев), доблестный взрослый человек, погиб... Ты нам принесла такое счастье, д ж о л!" Если же новорожденный оказывался мальчиком, то его старательно воспитывали, кормили хорошо, присматривали бдительно. А затем, когда он подрастал, приучали его мало-помалу к ранам, к страданиям, к бою... Еще в колыбели били его ремешками с острием на концах, чтобы, корчась и содрогаясь, тело его приобретало упругость, суставы — подвижность. Когда ребенок подрастал, в него стреляли из маленьких игрушечных луков игрушечными стрелами, острие которых могло пробить только кожу, не больше. Ребенок, избегая ударов, учился наблюдать полет стрел и уклоняться от них. Затем его самого учили стрельбе, учили владеть копьем, подкарауливать и выслеживать добычу и врага, пока не выходил из него воин, который мог отомстить за убитого. Тогда сообщали ему имя убийцы, и он уходил. В то время таков был якутский закон: должен или сам погибнуть, или убить убийцу. Если тот уже умер или убил его кто-нибудь другой, то месть переносилась на родственников. И так воевали иногда до девятого колена..." (Намский ул., 1891 г.).

Эта ссылка на девятое колено, предполагаемую границу рода, указывает, что месть была родовая. Подтверждают это и прямые указания. Когда я спросил, почему родовичей рода Б ы р д ж и к и, Хамахатинского наслега, Намского улуса, называют в насмешку Б ы с т ы б ы т — вырезанный, и почему эти тогда *сердятся*, то мне рассказали целое предание о том, как кангалаские якуты, заподозривши, что шаман этого рода с помощью колдовства убил нескольких кангаласцев, напали на сыновей и родственников уже умершего к тому времени шамана и убили всех, не исключая женщин и детей (Намский ул., 1891 г.)¹).

В упомянутом выше предании о двух братьях-якутах, проникнувших впервые на Колыму, говорится, что "род, желая отомстить за убийство своего члена и не сознавая себя для этого достаточно сильным, пригласил на помощь русских" (Колым. ул., Андылах, 1882 г.).

1) См. т. II, соответствующую главу, где предание приведено целиком.

В другом предании того же времени описывается, как якутский б а т ы р убил на свадьбе тунгусского х о с у н а и убежал. Отмстить приходит к нему в дом тунгусский воин, но и этого убивает якут. Тогда, испугавшись ответственности, убийца собирает род и уговаривает в целях защиты предупредить нападение тунгусов. Род соглашается, снаряжается поход, но дело, к обоюдному удовольствию, кончается миром, враждующие расходятся, обменявшись подарками. На обратном пути якуты встречают русских и, подкупленные ими, совместно бросаются опять на тунгусов (Намский ул., 1892 г.)¹).

Об этих суровых временах суровые остались в памяти народа воспоминания.

"В старину мы не знали ни законов, ни Бога... Кто был сильный, тот был правый" (Колым. ул., 1883 г.); "В старину сильный и богатый что хотел, то и делал" (Нам. ул., 1887 г.); "Когда якуты не знали еще Бога, когда русские еще не пришли, не было ни господ, ни законов. Люди постоянно между собою воевали, отнимали друг у друга скот, уводили женщин. Кто что хотел и мог, то и делал!.." (Баяган. ул., 1886 г.).

"Древним якутам убить человека казалось так же просто, как убить евражку" (Нам. ул., 1891 г.); "Старинные якуты не работали, сена не косили, а только то и делали, что шлялись с места на место, грабя и убивая..." (Намский ул., 1890 г.).

Конечно, эти давно прошедшие времена были много грубее теперешних, но картина, нарисованная в вышеприведенных преданиях, грешит односторонностью. Неверно также отнесение начала смягчения нравов к русскому завоеванию. Мощная струя общественности зародилась раньше всяких войн, на почве совместного потребления добычи от стад и охоты; она-то стремилась организовать роды в союзы для взаимопомощи, для обуздания всем вредной хищности, насилия, жестокости.

В Намском улусе я записал о смягчении нравов прелестную легенду. Судя по некоторым подробностям, она очень древнего происхождения; тем не менее ее глубокая мораль до сих пор не лишена смысла и для европейца.

"В те времена, когда все кругом еще дрались, не щадя жизни, один старый якут и якутка, испугавшись, ушли от своих далеко в леса. Не имея детей, украли чужое дитя и воспитывали его, как свое, чтобы в старости не остаться без поддержки. Скота у них не было: бросили все, уходя с душою. Жили промыслом. Было их трое, и всего, что добывали, всегда оказывалось по трое: на три только удавалось разделить части. В сети попадало рыбы на три только горшка, зайцев в ловушки тоже по трое, по

1) См. гл. II этой книги, с. 221.

трое птиц в петли и столько же гибло зверя от луков. Как ни старался старик, ходил и хлопотал весь день, не может упромыслить больше положенного. Заметила это старуха и говорит: "Нас трое, и ты, старик, всего только по трое добыть в состоянии!.. Этот ребенок не нашей крови, не наших внутренностей — нужно его убить. Тогда одна часть останется: можно будет отложить на черный день! Нужно убить... Непременно убей ребенка!.." Не соглашался старик, но старуха не давала ему ни днем, ни ночью покою: убей да убей!.. Повел старик в лес ребенка, но сердце у него болело; не мог, глядя на знакомое лицо и глаза, убить. Оставил в лесу, чтобы дитя заблудилось. Возвращаясь, осмотрел пасти и ловушки и удивился, найдя всего по двое. Приходит, говорит старухе: "А что!.. Говорил я: по жадности, убивши дитя, не воспользуемся. Исчезая, взяло оно и часть свою. Всего я нашел только по двое." Схвативши ожик, ёт ё р я к, старуха ударила старика, кричит: "Сам поел ты, меня обманывающая и дразня! Подожди — не всегда же так будет!" Жили дальше, промышляли. Жили долго, а все больше того, что съесть, не могут добыть. Все две, и только две, доли, как раньше было их все три. Не верит старуха, пошла сама осматривать ловушки. Убедившись, заревела: "Убили мы дитя наше! Остались мы подобные псам, близкие к несчастью, собаки!.. Наш дым утерял верхушку, укоротились искры наши, остались мы точно опаленный, сломанный комель дерева, точно черный пенек..." Плакали старики и задумали возвратиться к людям. Придя в родную землю, стали рассказывать, что случилось с ними. Уговаривали не убивать, не грабить. "Каждое живое существо с пищей", — поучали. Люди послушали их и начали смягчаться и мириться" (Намский ул., 1891 г.).

В то время грабежи и воровство внутри рода были немыслимы ввиду ненужности кражи, общности имущества, невозможности ни спрятать, ни продать покраденное. Убийство было тоже вещь неслыханная; весь драматизм выше цитированной былины "Богатырь Шумный и богатырь Бешеный" вращается главным образом кругом этого необычного события.

Старик Капитон, бывший голова Баягантайского улуса, хвалившийся, что он "большой знаток старины", рассказывал мне, что некогда *если человек убивал сородича*, то его "привязывали к дереву в глухом лесу и бросали навсегда, до конца жизни" (Баягантайский улус, 1886 г.).

За убийство вне рода терпели виновные родовую месть или платили виру. Якутская мировая, т у п с у, до сих пор носит родовой характер. Совершается она в большинстве случаев в родовых собраниях. Подарки идут на угощение родовичей, и малая их доля достается обиженному. Когда мирились два моих соседа в Намском улусе — Опойуола и Семен Сивцев, — то на сходку пришло до 300 человек. Мирящиеся купили два ведра водки и убили корову на мясо *сообща*. Мясо брал кто мог, так как

"господа" напились и некому было делить. Ведро водки оставили для "почетных", не явившихся на сходку, а другое ведро распили присутствующие. Беднякам досталось по одной рюмке, более богатым по две и т.д." (Намск. ул., 1892 г.). Остались многие пережитки, доказывающие, как сильна была некогда солидарность родов и как глубоко въелось в родовое сознание чувство ответственности за поведение своих членов. Якуты ревниво относятся к чести своих близких; любят слышать похвалы своему племени, роду, улусу и приходят в уныние от заслуженной ими хулы.

"Тень одного падает на всех!" (Нам. ул., 1891 г.). Один из главных участников жестокого убийства, совершенного в 1891 г. в Батурусском улусе, прощаясь с своим родом, просил прощения за пятно, которое набросил на него своим поступком, просил не мстить за него "детям и жене".

Теперь, конечно, ответственность сильнее всего падает на ближайших родственников.

"Ты вот защищаешь Боксана, а он брат убийцы!.." — объясняли мне баягантайские якуты свои придирки к этому человеку (Баяган. ул., 1886 г.).

"Если мой отец и мать были люди хорошие, уважаемые, то и меня люди будут почитать. Другое дело, если мои предки порочные, если кто-нибудь из них людей обижал, или убил кого, или ограбил... Тогда люди будут говорить, а я должен молчать..." (Нам. ул., 1891 г.).

"Пусть боится и заискивает в людях тот, у кого дети, а я никого не боюсь... Детей у меня нет; будет худо, возьму и уйду; некого им будет попрекать и мучить" (Нам. ул., 1890 г.).

Взгляд этот во внеродовых сношениях распространяется на весь род.

"Ничего хорошего ждать нельзя: худого, несчастного они рода" (Колым. ул., Енгжа, 1883 г.).

"Какой дурак отдаст девку за парня из худого рода, где были воры и убийцы?! У такого рода не бывает счастья!" (Колым. ул., Андылах, 1882г.).

Рассказ о бегунце С и р я г я с ь, где описывается кровавая вражда двух родов, заканчивается следующими словами:

"Старик (виновник) умер в богатстве, в почете, но род его оставило счастье, семья его обеднела. Некогда многочисленные — уменьшились, некогда крепкие — ослабели. Мало их осталось, и оставшиеся все гибнут, все как-то не по-человечески умирают. Придет ли оспа или другая болезнь, уже она этого рода не минует. Несчастья преследуют их. Вот недавно: один более зажиточный был головой, все его считали первым человеком, почетным, уважаемым, а он деньги общественные промотал

и погиб по-собачьи: нашли его мертвым на дороге — напился и умер¹⁾. Другой того же рода богач горло себе подрезал. И так постоянно гибнут как собаки под тяжестью человеческого проклятия!.. Никто их настоящим образом не почтет, не поверит. Девку хорошего рода им замуж не дадут. Люди смотрят на них подозрительно... Вымирают!.. Между тем род Т и м и р-Б а й т а к а н а крепнет, богатеет! Два рода собой наполнили, и все их прибывает, и все им везет..." (Нам. ул., 1891 г.).

Родовая вражда передавалась из поколения в поколение. Раньше она выражалась в войнах, теперь враждующие роды ведут подземную тайную борьбу, доносят, интригуют, подсиживают, тягаются друг с другом из-за всякого пустяка. В Хатынгарином наследии несогласия двух влиятельных родов Х а м а л г а и К и х и р г ё с "не давали долго провести законного выбора старосты, и наконец тот был назначен администрацией" (Нам. ул., 1888 г.).

В Баягантае я также был свидетелем подобной родовой вражды, имеющей очень отдаленное начало. Враждующие выставляли постоянно за повод ближайшие, часто сомнительные причины, но посторонние говорили, что вражда их "от отцов" (Баяган. ул., 1886 г.).

В таких случаях роды поступают солидарно; решению их сходов подчиняются даже совершенно равнодушные к поводу люди: "нельзя — собрание решило".

К такой же старинной родовой морали нужно причислить ту удивительную родовую справедливость якутов, которая часто в тупик ставит наблюдателя. В ней заметна целая лестница особых отношений. Человек, совершенно иногда равнодушный к известным явлениям, как, например, драке, обману, воровству, эксплуатации, раз они совершаются *внутри рода* или когда обидчик — *его сородич*, очень живо примет их к сердцу, когда обижен последний, а виноват чужеродец. Люди, часто вполне порядочные, честные, справедливые, случается, прикрывают и защищают заведомо порочных потому только, что это их сородичи. Народные собрания — судьи, относительно справедливые в делах родовых, — сплошь и рядом в тяжбах внеродовых решают в пользу "своего человека". Один из таких несправедливых приговоров объяснили мне сами судьи очень наивно:

"Правда, следовало бы разделить убытки поровну, но ведь он... *Батурусский!* Не можем же мы ради него обидеть своего человека" (Намский ул., 1889 г.).

1) Григорий Жарков, якут Намского улуса Хатынгарином наследия, рода А р - ч и н г а, по прозвищу М и с ю р а.

В другой раз двенадцать самых почетных родовичей согласились ложно присягнуть в уголовном деле, оправдывая свой поступок такими доводами:

"Правда, он обижает нас, он пьяница и насильник, но все-таки он наш! Какое кому дело, что происходит между нами? Разве из-за этого позволим пришельцу съесть нашего человека? Он сегодня тут, завтра — там, а с *нашим* и его детьми нам всегда жить придется!" (Намский ул., 1889 г.).

Беспощаднее всего эта мораль относится, конечно, к иноземцам, к русским, к тунгусам. Затем, по мере уменьшения круга интересов, она становится все доброжелательнее, справедливее, человечнее и, наконец, внутри рода должна бы, по народным понятиям, удовлетворять вполне понятиям братства и равенства. Конечно, на деле этого нет, но таков идеал.

В принципе союзная якутская мораль — это та же родовая мораль, только менее ясная и живая. Якуты считают себя как бы обязанными сделать все то же для *каждого*, но, раз предстоит выбор, выбирают родовича. Приведу для иллюстрации те ограничения, которые обычное право ставит продаже сена и съестных припасов в случае голодовок и бескормицы:

"В тяжелый год обязаны все продавать сено и пищу сначала родовичам; если те не берут — людям своего наслега; если те не берут — людям того же улуса и затем уже посторонним..." (Баягантайский ул., 1885 г.).

Развитие этой морали вполне совпадало с образованием якутских родовых союзов, как их понимает якутский народ. По мере того как ради удобства своих стад родовые группы дробились и расходились все шире, прекращался между ними живой обмен услугами, исчезала потребность во взаимопомощи, сталкивались они все реже, чувства их черствели, блекли, и оставалось только одно смутное воспоминание общего происхождения.

Намек на первичное такое деление встречаем в саге "Эллей и Онохой", где говорится, что "все улусы на восток от Лены произошли от сыновей Э л л е я, а все западные — от сыновей О н о х о я". Конечно, подобные сообщения нужно понимать условно, но в общих чертах они, вероятно, согласны с действительным ходом событий. Вероятно, что Э л л е й и О н о х о й — лица вымышленные, что якуты пришли в Якутскую область, уже организованные в роды и союзы, тем не менее Лена сразу способствовала известной их группировке, и принятые теперь в просторечии термины: "улусы западные и восточные" или "люди западные и люди восточные" — имеют, думаю, не только географическое, но и родовое значение. Союзные роды звались э е л л я х — согласные, примиренные. Каковы же были эти союзы, достоверно узнать в настоя-

щее время трудно. Многие в них смыла и спутала волна завоевания. Вероятнее всего, что это были союзы, построенные на фоне родовой близости и памяти общего происхождения. Войны, грабежи, беспорядки, необходимость совместной защиты заставили мало-помалу сблизиться разьединенные экономическими причинами роды и путем символических празднеств и обрядов поддерживать рвущуюся связь. К таким родовым празднествам принадлежат, несомненно, *ысыахи*.

Ысыахо в было много, их мог устраивать каждый, по всякому поводу, но главных было два: *малый* — весной, когда трава покрыла землю, и *большой* — в половине лета, на который сходился иногда весь улус" (Баягант. ул., 1885 г.).

"В старину люди любили играть и веселиться. *Ысыахи* устраивались часто, и народу на них собиралось много. Побывают у именитых людей своего рода и наслег, затем кучей идут в соседний наслег, а там и дальше. Иногда скапливались, говорят, большие толпы, словно войско. Ели, пили, прыгали, играли, боролись, танцевали... Очень бывало весело! Случались, правда, ссоры, но народ живо унимал. Теперь *ысыахи* и вывелись. Кобыл якуты перестали доить, и табунов стало меньше. Все обеднели, стада рассеялись, а люди все больше гоняются за деньгами. Скуп стал народ! Да и кто теперь может накопить столько кумысу, чтобы хватило его на всех? Нет больше ни борцов, ни богатырей, ни богатых людей" (Намс. ул., 1891 г.).

Ысыахи собирались не только в указанное выше время, но и по всякому поводу, требующему совместного обсуждения.

"Лёг ёй-т о ён услышал молву, что они (Тыгынт о ён с войском) имеют намерение прийти к нему; услышавши об их намерении приехать, собрал *ысыах...*"¹).

Ысыахи устраивают по поводу свадьбы, при заключении мира, в знак радости. Обязательной частью старинных *ысыахов* были игры, конные бега и стрельба из лука. Это были как бы военные маневры, с помощью которых роды учитывали свои силы и соответственно тому — степень влияния в родовом союзе.

"Старинные богатыри нарочно устраивали *ысыахи* и игры с целью узнать силу своих борцов, чтобы потом знать, можно ли напасть и ограбить..." (Намс. ул., 1891 г.).

Игры эти кончались иногда кровавым боем. Рассвирепевшие бойцы приглашали друг друга "выйти на край двух перелесков с колчанами, полными стрел". Стрелы выпускали в себя до тех пор, пока не умирал один из борцов (Намский ул., 1891 г.).

1) Худяков. Сбор., с. 48.

К исходу состязаний якуты относились очень страстно, к чему привычка осталась до последних времен. Имена борцов хранились в тайне до последней минуты.

Действительно, *ы с ы а х* и теперь, несомненно, в упадке: их почти не справляют или справляют на особый, новый лад. Несколько лет назад я был на большом *ы с ы а х е* у богатого намского якута, бывшего улусного головы Сивцева. В углу двора стоял подвязанный за уши большой, ведер 45 вмещающий, *с и м и р*, старый и поблеклый, но сохранивший следы былого почитания, какие-то серебряные украшения, бусы, подвески и прекрасно изваянное деревянное горлышко. Пучки белых конских волос были к нему, очевидно, вновь подвязаны, но никто на него не обращал особенного внимания. Небрежно поставленные *ч ё ч и р ы* (зеленые деревца) грустно склонялись над ним. На узорчатых разостланных под *ч ё ч и р а м и* кобыльих коврах никто не сидел; присутствующие толпились в юрте, где "господа" играли в карты и пили водку. Чай, водка, скучная, несуразная толкотня. Ни игры, ни песен! А между тем день был прекрасный, а вблизи дома расстился ровный просторный луг — по словам присутствующих, излюбленное некогда место хороводов и состязаний (Намский ул., 1887 г.).

Если случается теперь, что у якутов справляются по-старинному *ы с ы а х и*¹), то они проходят, как я заметил, без всякого увлечения — все будто играют условную комедию. Только в г. Верхоянске в 1880 и 1881 годах на Петров день я видел эти родовые празднества достаточно многолюдными и оживленными. В то время там происходило улусное собрание, съехалось порядочно народу, собрались представители всех наслогов. В играх и состязаниях принимали участие и местные казаки. Кумысу все-таки пили немного, а больше водки и чаю. Там же мне рассказали про недавнее прошлое *ы с ы а х о в* вот что:

"Лучшие *ы с ы а х и* справлял здесь богач *Т а с*²). Он состоятельный, он доит кобыл, делает кумыс, и у него есть нужная деревянная посуда. На его *ы с ы а х и* собиралось с окрестностей множество народу. Вдоль изгороди двора ставили зеленые *ч ё ч и р ы* (молодые березки), а в главном углу, где *ч ё ч и р ы* лучше и зеленее, ставили подвязанный за уши *с и м и р* с кумысом. Под *ч ё ч и р а м и* рядом садились господа: ближе к *с и м и р у* — более почетные, далее — менее. Два родственника

1) "*Ы с ы а х* — нечто похожее на монгольское *Ц а г а н ц а р а* (белый месяц), Новый год, — праздник с играми, стрельбой из лука, бегами. Ни один праздник, ни одна порядочная свадьба у монголов не обходится без этих состязаний". — Клеменц.

2) Этого *Т а с а* я знал лично; настоящую фамилию его забыл; он был всем известен под этим прозвищем, что значит "камень".

хозяина, в шапках, рукавицах и во всей дорожной одежде, разливали из *симираи холлого са* (большого чана) кумыс в кубки (*аях*), украшенные конским волосом. Все было украшено волосом. Хозяин или шаман — в старину ни один *ысыах* без шамана не справлялся, — взявши полный кубок, становился посередине круга на одно колено и с лицом, обращенным на юг, пел, прося у "Белого Создателя Бога" о счастье, богатстве, благословении для всех... Затем, восклицая уруй, кубок вверх подымал он троекратно. Окончивши, садился на место, пил из кубка кумыс и передавал его в очередь из рук в руки кругом. Между тем ему подавали новый. И так пили, разговаривая, веселясь, играя..." (Верхоянск, 1881 г.).

По другим преданиям, в начале торжества девять непорочных юношей, все меньшего возраста и роста, с бокалами все уменьшающейся величины, становились друг за другом лицом на юг. Стоящий во главе пел, а они подхватывали и троекратно возносили к небу *чороны*, затем отливали в жертву кумыс на землю, а оставшийся передавали в круг. На этом же празднике освящали в честь "Белого Бога", отца, создателя и покровителя якутов, белого жеребца и белых кобыл, пели *айхал* и многократно кричали уруй. Весь праздник, как видно, искони носил не столько религиозный, сколько родовой, общественный характер. Мирные состязания, торжественный обмен бокалами, дружеские речи. В кумысовых песнях, *ысыах тögöлю*, более отводят места описанию природы и перечислению разных родовых групп и их отношениям, чем восхвалениям и молитвам Верховному Божеству¹⁾. Итак, в той хоровой песне, которую приводит Миддендорф, после описания ликующей весенней природы и старинного якутского хозяйства следует описание собрания перелетных птиц и проводится популярнейшая у якутов параллель между ими и собравшимся народом; там же, в третьей песне, подобная параллель проводится между разномастными жеребятами и родовыми должностными лицами. В обоих песнях центр тяжести составляет описание того, что делает собравшийся народ и как должны друг к другу относиться различные его слои: мужчины к женщинам, молодые к старикам, богатые к нищим, начальники к подчиненным. То же самое замечается и в других известных мне отрывках *ысыах* о вых песен. Главную роль в них всюду играет *народное собрание*. Это противопоставляет их шаманским религиозным песням, где центр — божество.

В народное собрание, по преданию, допускались все взрослые родовичи.

1) Молитва шамана к Верховному Божеству приведена дословно в предании "Эллей и Онохой".

"В первом кругу садились "господа" и сехены (сехеннер)¹), во втором — простые люди, к ö н н ö р ю к и с и, дальше молодежь и последние люди" (Намс. ул., 1891 г.).

Если наблюдать якутскую сходку, совещающуюся свободно под открытым небом, то нетрудно и теперь заметить такое же ее расположение. Я часто видел подобные сходки летом в Колымском, Верхоянском и Баянтайском улусах. Обыкновенно они происходят недалеко от дома родового правления, с у г л а н. На оголенном, сухом бугре или поросшей муравью полянке рассаживаются вечующие, образуя замкнутый круг. В первом ряду сидят, по-татарски поджав под себя ноги, более пожилые и влиятельные из присутствующих; во втором сидят или стоят на коленях независимые, но менее состоятельные хозяева, наконец, в третьем по большей части стоят, чтобы лучше видеть и слышать, молодежь, дети, нищие и нередко женщины. Обсуждает дела, собственно говоря, первый круг; второй иногда только вставляет свои замечания и поправки, третий слушает молча. Иногда разгораются страсти и галдят все зараз, но решение вопроса и постановка его всегда предоставляются первому кругу. Он руководит совещанием. Из среды его выдвигаются ораторы, и те, сидя или стоя на коленях, жестикулируя широко руками и многократно во все стороны кланаясь, защищают данное предложение. У якутов высоко ценится ораторское искусство, и между ними встречаются замечательно талантливые ораторы²). Каждая речь, как бы она ни была длинна и бездарна и кто бы ее ни говорил, выслушивается до конца в почтительном молчании. Во время речи или после ее окончания оратор кое-когда обращается ко второму кругу как бы с вопросом: "Ну, как, народ?" — и получает в ответ или молчание, или поддержку в виде восклицаний с ё б! (ладно), х а й т а х (как же!), к и р д и к (правда!), с и ч ч а х! с и т ы к у р д у к! (точно так) или носовой звук е н г³), выражающий понимание, утверждение, согласие. Перед окончательным решением руководителя, согласно обычаю, обращаются к народу; благодаря всестороннему тщательному разбору, благодаря предварительному частному обсуждению и вносимым постоянно согласно настояниям присутствующих поправкам всегда почти получается в конце единодушное одобрение⁴). Решения якутского схода всегда единогласные; баллотировка якутам незнакома; если она где и практикуется, то это — нововведение.

1) То же самое с я с я н — с я с я н н я р.

2) Об одном из них, старосте Верхоянского улуса, пишет в своих заметках Ковалик, что речи его производили на него впечатление настоящих парламентских обдуманных речей.

3) У Бётлинга ä к, с. 14.

4) Я, конечно, имею в виду правильный, согласный с обычаем ход дел.

Так было искони. Первый круг, состоящий из самых богатых и энергичных личностей, всегда пользовался выдающимся значением. Он мог допустить или нет к обсуждению известные вопросы, но решения его считались обязательными только после всенародного одобрения.

По преданиям, в старину немалую роль в собраниях играли с е с е н ы. С е с е н происходит от того же корня, что глагол с е с е н и б и н — советую, толкую, предсказываю. С е с е н о в предания изображают беловолосыми, почтенными, многоопытными старцами ¹⁾. Это звание не было ни избирательное, ни наследственное, но не всякий старик считался с е с е н о м, для этого нужен был особый, "вещий" дар — иными словами, признанный ум, опытность и знание. Герои о л о н г о в трудных случаях нередко обращаются к таким "совет дающим, почтенным, светлоглазым Беседе-Старикам" ²⁾.

"В старину без с е с е н о в ничего не решали" (Намс. ул., 1888 г.). Отмечу, что в этом показании с е с е н употреблено в смысле волхв. С е с е н ы решали спорные вопросы на основании обычаев, подавали советы в тяжелые години рода. "На ысыхах перед началом игр и состязаний с е с е н ы каждого рода или родового союза осматривали своих борцов и тех, кто не годился, кто недавно грешил с женщиной, кто не воздерживался в достаточной мере от еды и питья, удаляли из опасения, чтобы те не опозорили своего народа. Все это узнавали они, ощупывая тело борцов, по глазам их и по лицу" (Намс. ул., 1891 г.). В Баягантайском улусе на мой вопрос, кто дал название речкам, горам, урочищам, мне ответили: "Должно быть, сесены — старые, древние люди, которые все знали!" (Баягант. ул., 1885 г.).

Так как внутри рода многие с е с е н ы были одновременно т о ё н а м и, т.е. представителями отдельных групп, то влияние их в родовых советах было огромное. Их чаще всего запросто зовут в преданиях "стариками" — о г о н и о р.

В союзных советах значение их было меньше: там на первый план выступают родоначальники, б и с у с а т о ё н о. О них часто упоминают в своих отписках казаки, неправильно называя их "князцами". С ними приходилось казакам чаще всего иметь дело как с военными вождями.

1) С е с е н ы могли быть и молодые; в предании, приведенном на с. 219 этого сочинения, говорится, что родовичи жалели Ч а к ы у с а, молодого кузнеца, потому что он был "учитель воинов" (с е р к е н с е с е н). В сказке "Тулуях Ого" говорится, что "лук богатыря делал меньшей брат небесного и земного старика С я р к я н ь-С я с я н а Б а р б я к а й-Б ё н к ё н г ё.

2) См.: Худяков. Сбор., с. 117 и 227, а также т. II этой книги: полное описание внешности такого сказочного "вещего" старика.

Предания сохранили имена некоторых из них. Как современников русского пришествия перечисляют: кангалаского Т ы г ы н а, намского Ч о р б о х а (рода Ч а к ы), борогонского Б е р т-Х а р а, баягантайского Б а т а-б а т ы р а ¹) и многих других второстепенных. Об их деяниях, битвах между собою и сопротивлении русским якуты охотно рассказывают длинные повести. Все эти предводители, по их словам, отличаются необыкновенною силою, ловкостью, военными талантами.

"Т ы г ы н был силы необычайной, никто не мог ему сопротивляться. Его лицо было в пять четвертей длиною, его глаз весил три фунта. Когда его убивали, то с одной стороны стоял солдат с саблей и с другой стороны солдат с саблей, а посередине сам генерал-губернатор. Когда царю послали глаз Т ы г ы н а, он сильно рассердился, что убили такого знатного человека" (Верх. ул., 1881 г.; Баяган. ул., Нам. ул.).

"Т ы г ы н был настолько силен, что, схвативши руками башню русской крепости, потрясал ею, как ветер деревом" (Нам. ул., 1891 г.).

"Т ы г ы н что хотел, то и делал, никто не смел ему сопротивляться. Он был самый могущественный из якутов: у него были люди, был скот, была сила. Русские тогда еще не приходили, не было ни управ, ни судов, ни чиновников. Нашим господином был Т ы г ы н" (Баяган. ул., 1885 год).

"Ты видел громадные старые дома (остатки казацкой крепости), что стоят на западном краю города? Это жилище нашего героя Т ы г ы н а!" (Намский ул., 1890 г.).

Про Б е р т-Х а р а рассказывают то же самое: "Стал он очень сильный, большого роста, а сам был черный человек. Назвали его М а я н т ы л а п. Лук его носили два человека; такой был у него большой лук. Он и на лошадь не садился: лошадь не подымет. Стал отличным промышленником, смиренным, большим умником, сильным"²). При столкновении с Т ы г ы н о м он превосходит последнего силою и ловкостью. То же самое рассказывают про Ч о р б о х а (Баяган. ул. 1885 и Нам. 1889 г.).

Ими гордятся и часто их именем обозначают дела, совершенные всем родом, говорят: "Ч о р б о х победил Т ы г ы н а", "Б е р т-Х а р а пошел на Лену", а в результате оказывается, что у того и другого было войско, были б а т ы р и и б е р г е н и ³).

Всем им приписываются не только невероятные легендарные подвиги, но и действия различных лиц и разных времен. Итак, в одном предании говорится, что Т ы г ы н предводительствовал якутами в битве с атама-

1) Характерно, что у *хоролов* в предании, записанном Худяковым (с. 55), главный богатырь называется Б а т а-б а т ы р.

2) Худяков. Сбор., с. 47.

3) Даже мирные дела, совершаемые сообща родом, любят якуты обозначать

ном Галкиным в 1634 году, после которой последовала первая осада Якутска ¹⁾, между тем как печатные источники приводят имя князца Мымака как начальника этого восстания. В другом предании говорится, что Тыгынь начальствовал и погиб в сражении с русскими у села Покровское в 1682 году ²⁾, а печатные источники называют вместо него "кангалаского родоначальника Дженника". Писанные источники о Тыгыне *ничего не говорят*. В некоторых преданиях говорится, что "после поражения Тыгынь был схвачен и казнен", в других — что он откочевал от Якутска неизвестно куда: на север — на Виллой, или на юг — в Олекминск. Многие из этих событий совершились, предания передают их верно и часто согласно даже в подробностях с казацкими и воеводскими отписками, только в последних ничего не говорится о Тыгыне ³⁾. "150 человек якутов еще при Галкине ушли на Виллой, и он напрасно за ними гнался в продолжение семи дней" ⁴⁾. В то же приблизительно время появились якутские беглецы и в Олекминском округе; на-

именем его вождей. Так что встречаются выражения: "Берт-Хара косит сено", "Тыгынь укочевывает".

1) 9 января 1635 года. — Фишер, с. 367.

2) Село в 55 верстах южнее Якутска. См.: Москвинин. Воеводы и начальники города Якутска. — Памятная книга Якутской области за 1863 г.; Махотин. О покорении русскими Якутской области. — Памятная книга Якутской области, 1871 г.

3) Я думаю, что Тыгынь не имя собственное, а нарицательное и значило: военный вождь. Тигин, Тагин, Тикин по-уйгурски: князь, родственник главы государства. — См.: Die alttürk. Juschr. W. Radloff, p. 126. Такой должности у якутов не было. Тагины царями сделались только в VII столетии.

После Омогоя (или, как иные говорят, Омогонбея) у якутов, по преданиям, были следующие главные родоначальники, потомки Эр-Соготох-Эллея:

1) Экиньябаган,

2) Дяньсик,

3) Дойдуса-Дархан,

4) Муньян-Дархан,

5) Тыгынь,

6) Чаллай.

Чаллай воевал с русскими и водил в бой воинов сомкнутым строем. Его-то русские и убили, сваливши на него навес со столбом (Западно-Кангалаский улус, записал Н. Припузов, 1892). Я знаю несколько таких списков, и все они несогласны друг с другом. Должность всемогущего *главного военачальника* или его идея могла возникнуть уже во время войн с казаками в подражание их атаманам и затем могла быть якутскими рассказчиками перенесена в прошлое; так что к рассказам о Тыгыне, *царе якутском*, нужно относиться очень осторожно.

4) Фишер, с. 368.

конец, не один якутский вождь был убит в бою, казнен, умер в заложниках или от ран в казематах Якутского острога. Если все это приписывается Тыгыну, если о нем так много говорится, если он называется якутским царем, то только потому, что он был последним представителем, последним военным вождем Кангалаской родовой группы. Эта группа, в настоящее время улус, как ближайшая к русской крепости, сильнее всего пострадала от русского набега, и она упорнее других ему сопротивлялась, чем и прославилась. До этого в союзном якутском совете ни Тыгына, ни кангалаские якуты не пользовались никакими особыми привилегиями¹). Когда Тыгына напал на борогонцев, вождь их, Берт-Хара, гнался за ним до Ленской долины, отбил награбленную добычу, скот и людей и заставил заключить вечный мир²).

То же случилось с ним при нападении на намского Чорбоха. После сражения у кургана, что стоит у дороги между Кильдямской и Мархинской слободами, Чорбох взял у побежденного Тыгына как откуп много скота, людей и красавицу дочь (Намс. ул., 1890 г.). Отношения между этими вождями не всегда были враждебные. Тыгына, например, кочевал по Намскому улусу как по дружеской территории. Мне рассказывали, что, посещая долину озера Тараканы (на правом берегу Лены, в 160 верстах от Якутска), он с грустью ворожил: "Вот, теперь здесь хорошо, а со временем будет худо, ничего не останется, кроме болот и камыша, что и случилось!" (Намс. ул., 1890 г.). То же самое рассказывали о другой местности Намского улуса, Юрюнг-кюль (на левом берегу Лены, верст 180 от Якутска). Там же, в Намском улусе, показывали мне утес на берегу Лены, с которого Чорбох будто бы не раз весело перекликался со стоящим на противоположном берегу Берт-Хара. Река в этом месте образует открытый плес, без островов, шириною верст восемь.

"Стоя на камнях, перекликались точно орлы!.." — с гордостью сообщал рассказчик (Намс. ул., 1890 г.).

Когда появились русские, Тыгына послал к Чорбоху и Берт-Хара послов с просьбой о помощи. Берт-Хара отказал на том основании, что увидел вещий сон: луг, покрытый массой копен, — он понял, что это тела убитых, и покорился, сказав: "Русские одолеют" (Баягант. ул., 1886 г.). Другой вариант того же предания гласит, что Берт-Хара не отказал в помощи, но не мог переправиться с войском через Лену за неимением лодок (Намс. ул., 1890 г.). Наконец, есть вариант, по которому Лёгёй-тоён — отец Берт-Хара — после смерти

1) "Кангалаская волость, — сказано у Фишера, — пребывала особливо в упорности своей и многократно осаждала Якутск".

2) См. т. II, см. Худяков, с. 150.

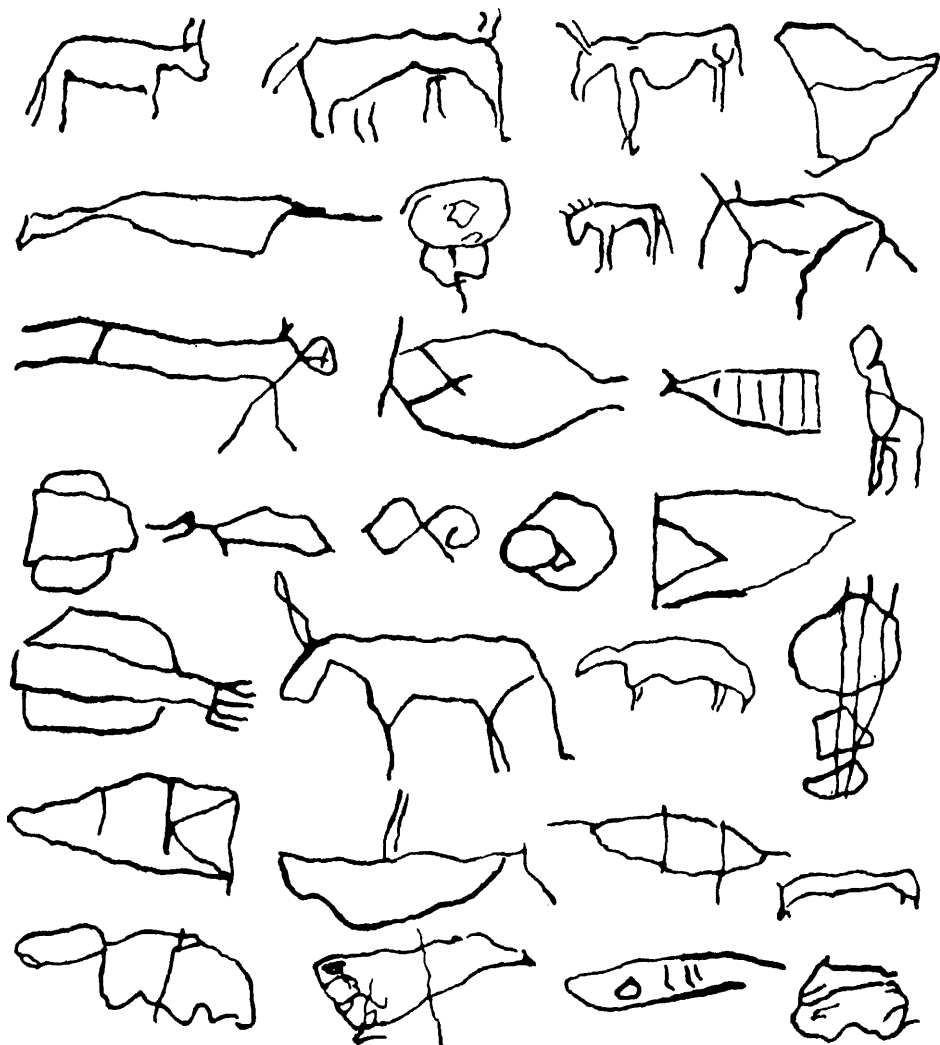

Рис. 130. Копии якутских т а м г, снятые с оборота Кривогорницинского списка.

Тыгынтонна во время первой осады города подошел к башне и подал на шесте черно-бурую лисицу и соболя в знак подданства. После того стали якуты говорить: "Лёгёйтон продал нас русским"¹⁾. Все эти предания указывают, во-первых, на солидарность в действиях, когда это было нужно, якутских союзных вождей и, во-вторых, на небольшую их друг от друга зависимость. Все они были равны, и выше над ними стоял только союзный совет. Последний, насколько я мог себе уяснить, состоял

1) См.: Худяков, с. 53. В искаженном китайцами уйгурском слове Т а н-ю й, "высший", нетрудно угадать якутское т о ё н. — См.: В.В. Радлов. К вопр. об уйг., с. 127.

так же, как и родовой, из трех кругов: в первом заседали родоначальники—вожди б и с ь-у с а-т о ё н о и с е с е н ы, во втором — господа-собственники, т о ё н ы, воины и витязи, б а т ы р и, в третьем — малосостоятельный, простой народ и молодежь. Роды размещались группами, каждая за своими представителями первого круга, что и теперь замечается в общих улусных собраниях, раз они устраиваются на приволье, на открытом воздухе. Решения союза были единогласны и походили скорее на совет, чем на приказание. Они исполнялись постольку, поскольку соответствовали пониманию народа, проявившемуся во время обсуждения вопроса. Вот где в речах ораторов приобретало смысл слово у р а н г а й-с а х а, обнимающее всех якутов, все племя; вот где народился союзный клич у р у й, — союзный бог, "восседающий на бело-молочном троне отец якутов А и-Т о ё н", а птица его орел, т о ё н-к ы л, была принята за союзный знак. Отсюда почитание этой птицы, отсюда повсеместное теперь употребление крика у р у й в знак радости, призыва, угрозы. Отсюда резкое отличие культа А и-т о ё н а и родственных ему божеств от духов и божеств шаманских и их мистерий. В честь первых никогда не проливают крови; вторые прежде всего антропофаги и кровожадные, жестокие духи. Им никогда не кричат ни а й х а л, ни у р у й.

Кроме этих общих знаков и криков, каждый род и каждый второстепенный родовой союз имели свои знаки, "знамена или тамги", как их называют воеводские власти того времени, имели свои родовые кличи, р а н ¹⁾, свои военные песни и прозвища. Эти кличи, песни, формы и названия "знамен" совершенно забыты якутами. Раз только случилось, что колымские якуты Кангалаского рода сказали мне, что знак их в старину был беркут, б а р ы л а с ²⁾. Названия многих родов и союзов, как: Лисица — С а с ы л, Медведь — Э с е, Венера — Ч о л б о н, Желудок — И с, Плешивый — Т а р а г а й, Обжора — М а н г ы с ³⁾ и т. п., ука-

1) У р а н — родовой клич. Интересно, что о и д у р а н - отголосок, прекрасно переводится, если его разложить на о и — отдельно стоящий лес и у р а н — родовой клич, выходит: *родовой клич отдельно стоящего леса*. Для благозвучия вставлено между ними д.

2) Тогда же было мне сообщено якутское нарицательное имя этого знака. К сожалению, запись впоследствии исчезла, а второй раз я уже не встретил человека, знающего что-либо об этом. По-уйгур.: тамга, тамка. Padloff, *ibid.*, p. 125.

3) Ч а к ы р — камень, Х а т ы р ы к — кора, Т о р б о х — палец, Б а л а й — слепец, Д ж ю л я й — глухой, К у к а к ы — дятел, ронжа и т. п.

зывают приблизительно, какие могли быть у них знамена ¹⁾).

Думаю, не без значения также в этом отношении любимые якутами сравнения в сказках разных должностных лиц с птицами и зверями ²⁾).

Относительно военных песен я записал вот что: "В старину багатыри выходили на бой с песнями" (Намс. ул., 1891 г.). Затем, в о л о н г о герои перед сражением обязательно поют песни, уничтожительные для противника, хвалебные для себя. Как остатки этих песен, мне привели прозвища: "Кровавая твоя морда, К а н г а л а с!..", "Вонючий Н а м!", "Б ё т ю н с к и й волк!", "Вырезанный Б ы р д ж и к и!.." — и общее ругательное обращение: "Черной крови, черномастый, черный пес!" Прозвища эти и теперь еще так близко принимаются к сердцу, что вслед за произнесением их обыкновенно происходит драка. Все это сильно напоминает то героев "Илиады", то краснокожих Северной Америки.

Несмотря на старательные розыски, я не мог уяснить себе детально характера древних якутских родовых союзов; для этого нужно ждать новых, более тщательных исследований. Я только убежден, что они существовали задолго до пришествия русских. Назывались они в старину или б и с ь а г а у с а ³⁾, или просто д ж о н — народ.

Б и с ь довольно таинственно. "Б и с ь все равно что у л у с (б и с ь у л у с к е р е т я)", — разъясняли мне якуты, но больше ничего не могли прибавить (Намс. ул., 1891 г.; Баягант. ул., 1885 г.). Что такое б и с ь, можно судить только по аналогии. Духи, вызываемые шаманами во время

1) Среди них чаще всего встречается лук, затем рогатый скот, лошади, рыбы... Я приложил снимок более интересных знаков, скопированных мною с оборота кривогорнищинской отписки. Отмечу, что среди этих знаков неизвестно, какие *родовые*, какие *семейные* или *личные*; казаки не обращали на такие подробности внимания; возможно, что т а м г и были привилегией некоторых, что у многих из подписывавшихся не было знаков и они их тут же были принуждены *выдумать*. В якутской сказке "Богач Б о и л ы т и бедняк Б о р д о" рассказывается обряд отдачи в рабы. Д о д о й идет к богачу Б о и л ы т у и предлагает взять его в рабы. Б о и л ы т выслушал, пожалел и сказал: "Хорошо, я тебя возьму и дам твоему отцу и братьям на прожиток, но ты поклянись, что будешь мне верным слугой!" Д о д о й согласился. "Ну ладно, — сказал Б о и л ы т, — возьми теперь бересту и сделай на ней свой клятвенный знак!" Заторопился Д о д о й, вытащил из ножен при бедре костяной ножик и порезал им палец-мизинец, кровью он намазал конец ножа и написал им на бересте не то копьё, не то просто палку и проговорил: "С сего дня чту тебя над собою владыкой!" После этого он поделовал окровавленный нож и, стоя на коленях, подал бересту Б о и л ы т у. (Сказка записана Е. Борисовым в Верхоянском округе. — См.: Г. Н. П о т а н и н. Очерки Северо-Западной Монголии, вып. IV, с. 641).

2) См.: Худяков. "Чирок и Беркуты", с. 69; его же: "Летающие крылатые", с. 73; Миддендорф. "Кумысные песни на ы с ы а х е", с. 802.

3) См. ниже: Худяков, с. 129.

камлания, делятся на три б и с ь: верхний (небесный), средний (земной) и нижний (подземный). Каждый б и с ь этих духов состоит из трех *девятков* родов (*уса*), каждый род — из трех *девятков* особей¹⁾ (Баягант. ул., 1885 г.; Намс. ул., 1891 г.). В связи с этим делением древнего б и с ь находится, думаю, девятая степень кровного родства, описанного выше с ы г, девять юношей, лицедействующих в родовом торжестве — ы с ы а х е, и еще кое-какие мелочи любимого якутского девятисложного счисления. Считаю также нужным здесь напомнить деление тюркских племен Алтая на три ветви и 24 с о е к а (кости)²⁾.

В настоящее время слово б и с ь совершенно вышло из употребления, знают его только шаманы, да сказочники, да знатоки старины. Выражение д ж о н более общее, значит: народ³⁾.

Когда якуты хотят определить человека, то говорят его имя, затем добавляют название его рода и в конце название его улуса или наслега, с добавкой д ж о н о, получается двусложное определение, схожее с определением по родам и б и с ы м. Говорят, например: Григорий О п о й-у о л а, А р ч и н г а а г а-у с а, Н а м д ж о н о — сын Опоя, рода Арчинга, общества Нам. Трехсложное официальное название — улус, наслег, род — не любимо якутами; они обязательно выбрасывают или улус, или наслег, или оба эти названия, смотря по тому, с кем говорят. Если говорят с человеком своего наслега о члене своего же наслега или наслега, хорошо знакомого обоим, то говорят только имя рода; если говорят с человеком другого общества или мало знакомым с данными родовыми делениями, то пропускают улус, если он того же улуса, или наслег, если он другого улуса. Реже всего выбрасывают род, это допускается только в очень общих определениях; тогда обязательно говорят д ж о н о: К а н г а л а с д ж о н о, Б о р о г о н д ж о н о, Кангалаского улуса, Борогонского улуса *люди*, или: Б ё т ю н ь д ж о н о, Д ж ю с а л д ж о н о, Ж е х с о г о н

1) См. т. II, гл. "Верования", названия этих духов. Некоторые утверждали, что эти роды состоят не из лиц, а из гнезд, названных по имени главы и состоящих из целого сонма прислужников, помощников и борцов. Напомню девятисложное родовое счисление уйгуров.

2) Отмечу также, что иногда *род, сородичи* называются у якутов а й м а г а (см. с. 219 этого сочинения). А й м а к а м и у монголов называются родовые союзы, отвечающие якутским улусам. Северные монголы Халха, подчиненные Уяссунтайскому генерал-губернаторству, делятся на четыре *аймака*: 1) Цецен-хана, 2) Тушету-хана, 3) Сайн-нойана и 4) Дзасакту-хана. — См.: Г. Н. П о т а н и н. Очерки Северо-Западной Монголии, вып. II, с. 19.

3) У минусинских татар д ж о н значит: общество, община, мир. По-монгольски д ж о н — народ. — Böthling, с. 123. Д ж о н о — то же, что д ж о н.

джоно — Бетюнского наслега, Юсальского наслега, Жехсогонского наслега *люди*. Я не слышал, чтобы уса, род, заменяли словом джоно. Джоно употребляется преимущественно вместо официального "улус" и "наслег". Оба последние названия, мне кажется, чужды якутам. Наслег стало употребляться очень недавно, оно русского происхождения и даже в фонетическом отношении не успело достаточно отуречиться; до сих пор оно чуждо якутской гортани и якутскому уху¹⁾.

Слово улус тоже неизвестного происхождения; оно распространено по всей Азии и Сибири: есть и у монголов, и у бурят, и у татар, и у киргизов, и даже у афганцев, но всюду обозначает различные понятия. По-монгольски оно — народ, по-татарски — общество, а буряты и киргизы зовут улусом небольшие кучки вместе живущих людей, что-то вроде якутских салилук. Только у афганцев оно значит то же, что теперь у якутов²⁾, а именно: обширный родовой союз. Судя по выговору и неохоте, с какой якуты его употребляют, я лично склонен думать, что оно иностранного происхождения и появилось у якутов недавно. Вероятно, оно занесено сюда казаками с запада и закреплено впоследствии законодательными рескриптами. Замечательно, что "улус" долго в официальных бумагах имел то же значение, что у бурят. В указе 1775 г., 31 января, значит, в конце прошлого столетия, еще говорится: "*Мегинские волости* первые от Якутска улусы — 20 верст", "*Борогонские волости* первые улусы — 50 верст" и т. д. В более древних печатных источниках теперешние "улусы" называются сплошь и рядом "волостями". О якутских "волостях" говорится по поводу возмущения 1633 г., а следовательно, уже три года спустя после первого знакомства русских с якутами. Там говорится, что Иван Галкин предпринял четыре похода "в разные якутские волости". Ниже, в сообщении, относящемся к 1634 г., говорится, что *Кангалаская волость* пребывала в особой упорности³⁾.

В отписке ясачного сборщика Григория Кривогорницына на 1671 г. поименованы "волости": Мегенская, Батуруская, Намская, Борогонская, Кангалаская, все они теперь именуются улусами. Там "волостями" названы также некоторые группы помельче, например Одейская — ныне 2 наслега Намского улуса, Силанская — ныне наслег Батурусского улуса⁴⁾, Игидейская -- 2 наслега в Баягантайском улусе и

1) Возможно, впрочем, что оно усвоено казаками от тунгусов и происходит от слова нюлг, которым обозначали расстояние в 8—10 верст (см. с. 211 этого сочинения).

2) Миддендорф, с. 570.

3) Фишер, с. 366 и 368.

4) По Фишеру, "сылане или зиланы" жили где-то над Амгой и Алданом, теперь наслег того имени лежит вдали от обеих рек посередине Амгинско-Ленского плоскогорья, по Охотскому тракту, в верховьях рек Теи и Солобут.

2— в Батурусском и т.д. У Страленберга эти "волости" названы почему-то племенами и насчитано их десять: 1) Borogoviska —Борогонская, теперь улус; 2) Baitungski — Байдунский, теперь 3 наслега Верхоянского улуса, 2 Эльгетского и 2 Колымского улуса; 3) Vadys — теперь так зовут иногда один из родов Намского улуса (Бадам - их два); 4) Jock-Soyon — Жехсогон —ныне 4 наслега Батурусского улуса; 5) Menga —Менге — Мегенский улус; 6) Kangalas — Кангалаский улус; 7) Namin — Намский улус; 8) Bathuruski — Батурусский улус; 9) Lугоi — Люгой — Лючинский наслег Средневилюйского улуса; 10) Volugur — Бологур — 3 Бологурских наслега Батурусского улуса. У Ремезова перечислено в его прибавлении к атласу семь волостей. В Воеводском наказе подъячому Евдокиму Кюрдюкову "лета 7193 (1685 г.)" именуются "волости" на Амге и Кататте¹⁾: Батуруская, Сылакская, Скороульская, Батулинская, Магаская, Баягантайская, Игидейская и Водайская²⁾.

У Георги впервые "волости" называются "улусами" и делятся в свою очередь на "волости", соответствующие теперешним "наслегам". Приведенные Георги названия совершенно тождественны с теперешними.

Эта тождественность многих названий и появление их чуть ли не в первых сведениях о якутах позволяют утверждать, что многие теперешние улусы и наслеги, несомненно, имеют в своей основе *былые родовые союзы*. С другой стороны, постоянное смешение улусов с наслегами вплоть до переписи 1750 года, когда началось якутское землеустройство, отсутствие якутского слова для определения группы "наслег", включение в одни и те же улусы наслегов, заведомо с собою враждовавших, как, например, Б ё т ю н и О д е й Намского улуса, указывают на некоторую искусственность настоящего якутского уклада и несоответствие его тройственного официального деления с прежним родовым. Если обратиться к якутским преданиям, то в них находим ясные указания только относительно двойной группировки нации: по родам и родовым кровным союзам.

"Все мы, якуты, дети одного Белого Творца Господа... а роды наши от предков, э б ю г э" (Намс. ул., 1888 г.).

"Происходим от одного предка, э б ю г э. Наслеги получили название от имен наших прадедов, а роды — от их сыновей, которые разбрелись в разные стороны. И хотя мы не родственники по телу и крови, но одного происхождения..." (Намс. ул., 1890 г.).

1) Несомненно, описка — ко-татта. Татта — речка, впадающая в Алдан, течет по Батурусскому улусу.

2) Акты исторические, с. 192.

"Мы называем Нам потому, что некогда здесь жил старик Нам, — так и другие наслеги" (Намс. ул., 1891 г.).

"В старину богатыри, сражаясь, так прозывались: Б ö р ö л я х Б ё т ю н ь (волчьей породы Б ё т ю н), К у с а г а н э м я к с и н у о л а, К у с а г а н ы э л (худой старухи сыновья — худые соседи); Н а м-т ö р д ö Н а м н а х а э м а к с и н !.. Н а м... (корня Нам!.. старухи Н а м н а х а !.. Н а м...) М о д у т !.. Х а т ы р ы к !.." (Намс. ул., 1891 г.).

"Все мы одного происхождения, а наслег и роды — будто ладонь и пальцы", — объяснял мне один якут, широко растопырив руки. Подробно объяснить, как это случилось и что было раньше, наслег или род, он не мог, а объяснить, откуда взялись "улусы", совсем отказался (Утюхтой — Баягантайский ул., 1886 г., показание старика Т у с а, прозвище).

"Роды и наслеги от предков, а улусы, должно быть, ревизия устроила", — получал я чаще всего в ответ. Некоторые утверждали, что устроил их "сенат" (Намс. ул., 1891 г.). Я склонен думать, что предания эти до некоторой степени согласны с истиной. До пришествия русских якутский народ распадался на д ж о н ы или б и с и, а эти состояли из родов. Д ж о н о в было значительно больше, чем теперь "улусов"; их-то и называли казаки "волостями". Но вместе с тем их было значительно меньше, чем теперь "наслегов", так как многие д ж о н ы раздробились; части их изменили название, и многие роды выросли и превратились при благоприятных условиях в наслеги. Иные превращения совершились на памяти живущих; итак: мне говорили, что, например, наслеги А т а м а й и 2-й О д е й (Х о р о) очень недавно считались еще родами. "Наслеги Алтанский, Тарагайский и Мойрутский некогда составляли одну группу — М о р у к у, считались *родами* а г а-у с а и только 150 лет, как превратились в наслеги" (показание И.И.Попова, Мегенский улус). В иных случаях о таких превращениях свидетельствуют самые названия, как: Б я р т-у с а (Борогон. ул.), что значит: наслег из рода Б я р т или Б е р т — знаменитого якутского вождя; О ю н-у с а (Намс. ул.), что значит: наслег из рода "шамана". Наконец, многие наслеги переменили названия, итак: из 6 волостей Намского улуса, называвшихся, как это сообщает Георги, Н а м, только один наслег удержал это прозвище, и то только в просторечии; официально он зовется Х а т ы н г а р и н с к и м (Березовый остров); да еще есть наслег Н а м в Верхневиллюйском улусе. Исчезли многочисленные некогда Хоринские волости. Из трех Х о р о, числившихся некогда в Кангаласком улусе, остался всего один; один остался в Борогонском, да появился один новейшего происхождения в Сунтарском улусе Виллюйского округа. Наслег Намского улуса, называемый в просторечии Х о р о, официально уже зовется теперь Одейским. Из 7 волостей Б о р о г о н, Борогонского улуса, не осталось в нем ни одного наслега с этим названием. Вообще, можно принять за правило, что в теперешних

улусах нет одноименных с ними наслегов, как это, по-видимому, бывало раньше. Исключение представляет Баягантайский улус, где есть четыре Баягантайских наслега. Улус этот по земельному простору и по своей от Якутска отдаленности менее других подвергся русской земельно-административной регламентации. Он отличается еще обилием родов и их небольшими размерами. Из них только один, Омекон-Борогонский, совершенно оторванный от своей метрополии и отделенный от нее 500-верстным расстоянием, горами, долами и безлюдной пустыней, вырос до значительных размеров полуторы тысячи душ и не подвергся дроблению. Он один и "выполняет собою" (т о л о р б у т), по-якутскому выражению, особый наслег того же имени.

Величина большинства остальных родов этого улуса колеблется между 30 и 200 душами, т.е. подходит к величине древних предполагаемых мною якутских родов, основанных на коллективном лошадином хозяйстве.

Исчезновение из теперешних улусов одноименных с ними наслегов можно объяснить или заменой их имени другим, ради практических удобств, чему пример видим в Намском улусе, или эмиграцией, вернее: совместно тем и другим. Итак, если в Кангаласком улусе нет ни одного Кангалаского наслега, то зато целых шесть их рассыпано по другим улусам. Один из них, Мархинского улуса Вилюйского округа, даже очень крупный, достигает 2 300 душ обоего пола, что встречается только в старых наслегегах. Затем, часть исчезнувших из Борогонского улуса "борогонских волостей" можно, думаю, отыскать в числе трех Борогонских наслегов, разбросанных по одному в улусах: Баягантайском, Верхоянском и Колымском. Замечательно, что все улусы, содержащие одноименные с другими улусами наслегеги, — новейшего происхождения и образованы, как это дознано, путем позднейшей эмиграции.

Как на остаток старины укажу на существующие во всех без исключения улусах более или менее крупные родовые группы, родовая связь которых не подлежит сомнению. У них есть одно общее имя и всегда почти ясное и свежее предание об общем некогда происхождении. Теперь они обыкновенно называются наслегегами с добавлением для отличия: первый, второй, третий и т.д. Деление это позднейшее и официальное, что доказывает русское название порядковых чисел, усвоенное для них якутами: п е р б ы й, о п т о р о й, ы т р е т и й и т. п. Вот эти-то группы наслегов представляют, по моему мнению, подобие былых д ж о н о. Многие из них и посейчас называются якутами не иначе, например Б о л о г у р д ж о н — 3 Бологурских наслега Батурусского улуса; Б а й д у н д ж о н — 7 наслегов в 3 северных улусах; Ж е х с о г о н д ж о н и т.п. Самая крупная из подобных одноименных групп будет в настоящее время: Д ж а р х а н — Жарханские наслегеги Сунтарского улуса,

в ней 7 573 души обоого пола. Она, совместно с наслегами того же названия в соседнем ему Мархинском улусе, составляет самый многочисленный д ж о н, включающий 41 род, разбитый на пять наслегов: в общей сложности в нем 11 000 душ. За ним следует д ж о н М а л ь д ж а г а р с к и й Западно-Кангалаского улуса, состоящий из 20 родов, разбитых на 5 наслегов: в нем 7152 души обоого пола и один М а л ь д ж а г а р с к и й наслег Олекминского улуса из 8 родов с 2 088 душами населения. О группах этих упоминает, между прочим, Георги. Затем идет Б о р д о н с к а я группа Сунтарского и Мархинского улусов — 38 родов, четыре наслега, 8 256 душ, Х а т ы л и н с к а я в Батурусском улусе — 18 родов, 1 наслег, и в Жиганском улусе — 4 рода, в стольких же наслегах, в итоге — 6 671 душа. Наконец, есть более мелкие группы, заключающие немногим свыше 4 000 душ или около этого. К ним принадлежат: Баягантайская (94 рода, 4 наслега), Жехсогонская (15 родов, 4 наслега), Меитская (19 родов, 2 наслега), Нахарская (9 родов, 2 наслега), Удюгейская (9 родов, 4 наслега), Мельжахсинская (16 родов, 3 наслега) и др. О четырех первых упоминают Страленберг и Георги.

Тем не менее мы не можем даже косвенно заключить по этим примерам о величине и делениях древних д ж о н о в.

Величина д ж о н а колебалась в прошлом в довольно широких пределах. Она, нужно полагать, зависела от трех взаимодействующих элементов: а) от географии занятой д ж о н о м территории: близости и размера пастбищ, соответствия между летними и зимними кормовищами, глубиной снега и направлением господствующих ветров и т.п.; б) от экономического положения д ж о н о в, количества скота, возможности рыбных и звериных промыслов, обилия под рукой съедобных корней, сосны и т.п., наконец, в) от напряжения родового чувства, поддерживаемого большей или меньшей необходимостью взаимопомощи, защиты, поддержки, близости врагов и иноземцев, присутствием в прошлом крупных, выдающихся личностей и обилия геройских традиций. Сообразно комбинациям этих элементов изменялась величина д ж о н а. Были д ж о н ы большие, были и маленькие, были состоящие из многих родов, были и бедные родами. Это разнообразие размеров джоны оставили в наследие и *наслегам*... Есть наслеги, как 1-й Нахарский, 1-й Малтанский, Алтанский, Майрутский, 3-й Хатылинский, 2-й Меитский, 2-й и 3-й Жахарские, 1-й Бордонский и т.п, в две, даже три тысячи душ, и есть наслеги, как Кугдинский, Батулинский, Эгинский, — в 100, в 70, даже в 50 душ. И тех и других немало. Отмечу кстати, что в местах южных, богатых и исстари насиженных, наслеги многолюднее, чем на севере, в местах бедных и новых. Там зато как будто крупнее, а главное — *равномернее* величина родов. По официальным данным, наслеги в 1000 и более душ составляют на юге 60%, между тем как в улусах, лежащих на севере,

за каменной грядой, за исключением Омекон-Борогонского, нет таких наслегов, а величина большинства колеблется между 100 и 500 душами. По количеству родов наслеги представляют такое же разнообразие: есть наслеги, состоящие из одного, двух родов, и есть наслеги из 10 — 12 даже родов, причем это не стоит в связи с количеством душ в наслеге; наоборот, можно принять за правило, что, *чем больше в наслеге родов, тем роды эти мельче*¹⁾.

Судить в каждом данном случае о причинах, создавших те или другие размеры наслега, довольно трудно. Тут исторические традиции, и закрепление якутских родовых делений в канцелярских списках, и экономические стимулы сплетались в сложный узел. Иногда стремление к дроблению было вызвано разбросанностью, отсутствием в известное время путей сообщения, неудобством собирать подати и отправлять повинности²⁾, а иной раз вопреки всем разумным причинам наслег удерживал единство и платился за него большой тратой времени и труда. Сборщикам податей (десятникам) приходилось проезжать три-четыре раза в год де-

1) На 188 наслегов, расположенных в Якутском, Вилюйском и Олекминском округах, по официальным данным, числится наслегов, состоящих:

из	1 рода	2 наслега
	2	14
	3	58
	4	59
	5	17
	6	9
	7	7
	8	3
	9	5
	10	2
	11	0
	12	3
	13	1
	14	1
	19	1
	34	1
	43	1

Относительно величины родов см. приложение в конце книги: "Ведомость Олекминского округа".

2) Роды, желающие образовать особые наслеги, обыкновенно в своих прошеньях властям указывают на эти именно причины.

сятки, даже сотни верст, не менее далеко приходилось отлучаться из дому выборным лицам, а родовичи на сходки, на суд, для отправления натуральных повинностей ходят, случается, за тридевять земель. Тем не менее наслег не дробится. Есть маленькие наслеги, не больше любого рода, которые остались наслегами в силу разве родовой традиции, как осколки древнего д ж о н а. Мне говорили, что наслег Кугдинский, один из самых маленьких наслеггов Амгинско-Ленского плоскогорья, был некогда многолюдным, но оспа в начале этого столетия почти поголовно истребила его; несмотря на малочисленность, ему нельзя присоединиться к соседнему наслегу, хотя это было бы, пожалуй, и выгодно. "Почему?" — "Нельзя! Как-то... неловко!" В Кугдинском наслеге всего один Кугдинский род численностью в 120 душ, но "чересчур свежо предание". В Куринском наслеге Верхоянского улуса образовалось два отдельных экономических центра, отделенных друг от друга чуть ли не 500-верстным расстоянием, но родовая связь между ними еще не порвалась, тоже, нужно думать, благодаря свежести родовых преданий; они не образовали отдельных наслеггов, несмотря на неудобства. Но таких примеров меньше, чаще видим обратное. Большие расстояния заставили на севере каждый отдельный род образовать особый наслег. Даже родственные группы, как, например, Д ж ю с а л, которые, несомненно, раньше составляли один д ж о н, там разбились на наслеги того же названия по родам: первый, второй, третий, четвертый.

Все северные наслеги образовались путем эмиграции: сюда приходили одновременно представители разных д ж о н о, что подтверждают их названия, часто тождественные с названиями "волостей", упоминаемых в старинных казацких отписках, как, например, Кангалас, Нам, Байдун и т.п. Определенные родовые группы в силу присущего им стремления к равноправности при переписи заставляли заносить себя в ревизские сказки как наслеги. На юге это имело место далеко не в такой мере, потому что там вмешательство воеводских властей, преследующих исключительно фискальные и административные цели, было значительно сильнее, наконец, потому, что жизнь и родовые отношения были там значительно сложнее, чем в новых местах.

"Свое название наслег получил от того рода, который считался старшим по происхождению..." — говорит по поводу наименования наслеггов Маак¹⁾.

То же самое можно бы сказать об улусах: они при своем образовании получали название от самых влиятельных д ж о н о в, в редких случаях от местности, где эти д ж о н ы кочевали.

1) Ч. III, с. 39.

Устройство северных улусов — Верхоянского, Устьянского, Эльгетского, Жиганского, Колымского — интересно еще своим двусложным укладом. Наслед и род там *одно и то же*, и посредствующее звено между родом и родовым союзом, таким образом, выброшено. Там есть только "улус" и род, как в старину был только д ж о н или б и с ь и элементарная их часть — *род*. Конечно, северный улус отличается от древнего д ж о н а некоторой искусственностью, разномастностью своих родов, но тенденция группировки в два круга выражена в них совершенно ясно.

Итак, нужно думать, что в старину было только два *кровных родовых* круга, у р у ¹⁾: а г а-у с а образовали "народы" — д ж о н. Союзы последних считались уже не кровными, а договорными — э е л л я х ²⁾.

Насколько эти союзы были иногда крупны, можем судить по тому, что в битве в 1634 году на правом берегу Лены, в которой атаман Галкин был разбит и потерял всех своих лошадей, принимали участие 600 якутских воинов под началом князя М ы м а к а ³⁾. Того же года, в январе, якуты обложили острог и продержали его в осаде несколько месяцев, что тоже требовало огромного количества людей и прекрасно организованной доставки провианта.

Подчинение наследов улусам на *родовых основаниях* — позднейшее, русское нововведение. Эта группировка прикрыла собою старый родовой порядок; возможно, что деления их в некоторых частях совпали, но в общем обе системы сильно различались. В новейшее время выступило на первый план землепользование и окончательно грозит смыть старые родовые принципы.

До пришествия русских понятия о территории были у якутов крайне смутны, а понятие о границах и поземельной собственности даже совершенно отсутствовало. Там, где много еще земельного простора, где нет скотоводства или оно незначительно, поземельная собственность вне того участка, который находится в непосредственном пользовании владельца, непонятна (Колым. ул., 1883 г.). Собственность на лес, на пустоши, на никем не занятые девственные луга кажется дикой, и мне с трудом удалось основы ее разъяснить колымским якутам.

"Глупые, совершенно глупые люди, — толковали они, — кто же станет покупать лес, когда его так много, кто же за ним погонится!" (Колым. ул., 1883 г.).

1) Äl по-уйгурски: общность происхождения. — См.: W. Radloff. Die alttür. Jnschr. II, p. 93.

2) Я слышал в Колымском улусе, как у р у называли усевшихся в круг для совета людей; у р у называют также свадьбу.

3) Фишер, с. 367.

В Усть-Янске долго не могли якуты понять моих расспросов о границах их улуса и наконец ответили:

"Границы спрашиваешь? А кто их знает! А мы думаем так: наши земли там, где живут наши люди" (Устьянский ул., 1882 г.).

Теперь на юге во многих улусах земли наследные и улусные строго разграничены; на границах поставлены столбы с клеймами, на деревьях сделаны засеки, выкопаны ямы, насыпаны бугры.

В старину мирные э л я х д ж о н ы кочевали вместе, и есть предания, указывающие, что кангаласцы, например, кочевали в глубине Намского улуса, заходили на Алдан, что мегенцы заходили в Борогонский улус и обратно. По всей вероятности, каждый д ж о н имел свои излюбленные кочевья, признанные за ним в силу давности и постоянного в нем пребывания. В то время было много пастбищ пустующих, посещаемых только мимоходом или в исключительно неудачные годы. В смутное время туда удалялись разные беглецы, на время или навсегда; они прорубали дороги, расчищали тропы, ставили жердяные остовы у р а с и таким образом основывали новую кочевую стоянку, с у р т, или даже целую их систему. Понятие территории как чего-то строго определенного отсутствовало; если пастбище было достаточно обширное, чтобы прокормить стада нескольких родов, то, хотя бы роды эти принадлежали к разным джонам, они строили свои у р а с ы в разных концах поля и жили мирно под защитой признанных обычаев. Если не сладили, уходил слабейший. Все это на окраинах и теперь происходит. Точно так же и теперь нередко уходит там якут с насиженного гнезда — "от соседей". Только тогда, ввиду преобладания конного скота, все это совершалось легче и быстрее. С ростом населения, с переходом к культуре рогатого скота возник земельный вопрос. По всей вероятности, вначале якуты пробовали решить его на основании своих старинных родовых обычаев, следы чего сохранились и до сих пор. В то же время к нему примешались вопросы податной и административный и до того спутали все дело, что решение его стало не под силу отдельным родам и д ж о н а м. Оседлость увеличилась, экономический базис медленно передвигался от лошадей к рогатому скоту; на рынке появилось новое богатство в виде сена и новый товар в виде масла; зверь исчез, и отлучаться ради промысла за ним приходилось очень далеко. Прежнее обложение каждого способного к охоте известным количеством пушнины стало чрезвычайно тягостным и разорительным для населения; выгодным оно было только для всяких переторговцев и сборщиков. Нужда, недовольство, брожение росли, недоимки не в меру увеличивались, указывая на страшное истощение платежных средств народа. Воеводские канцелярии того времени завалены жалобами на всякого рода тягости, притеснения, незаконные поборы своих и пришлых. Рядом тут же попадают жалобы на насильственный

захват земель и превышение власти со стороны родоначальников. Дело в том, что эти новоиспеченные "князья" и "князцы" ¹⁾, назначаемые или по крайней мере утверждаемые воеводскими властями и поддерживаемые ими в качестве ясачных сборщиков, вдруг забрали небывалую силу и, под защитой взяток да кумовства, стали творить над своими сородичами всякую неправду. Кроме злоупотреблений в сборе податей, они еще стремились захватить лучшие участки земель в частную собственность.

"До того дошло, что господа стали землю наравне со скотом и рабами отдавать в приданое за дочерьми", — рассказывали мне о тех временах якуты (Нам. ул., 1890 г.).

"Знаешь остров Харыялах Кусаганнельского наслега? Там живут также якуты Хамагатинского наслега, рода С ы а л и. Их окружают со всех сторон кусаганнельские земли и соседи. Весь этот род произошел от одной кусаганнельской девки, которую отец, богатый и сильный человек, отдал замуж за хамагатинского якута. Он, говорят, дочку очень любил и потому не хотел далеко от себя отпускать. И вот дал зятю землю, чтобы тот вблизи от него поселился. Произошло это давно. Из-за этой земли кусаганнельцы с хамагатинцами долго тягались и ссорились. Доходило дело даже до сената, но кусаганнельцы земли обратно все-таки не получили: один князь, подкупленный хамагатинцами, сжег "ведомость" (бедемесь). Вот и осталась земля за детьми этой девки. И название ее род получил: с ы а л я а г а у с а — *род женских штанов*" (Намс. ул., 1891 г.).

В жалобах XVII века и начала завоевания нет еще указаний на земельную неурядицу; там всего больше жалуются на неправильный сбор ясака, на угрозы, побои, похищение скота и "всякие злые умыслы" своих соплеменников; только с половины XVIII столетия жалобы на захват земель выступают на первый план. Правительство принялось за землеустройство якутов, отчасти чтобы прекратить возникающие вследствие этого беспорядки, отчасти чтобы обеспечить и упорядочить взимание ясака, "который собирался с невероятным произволом и ужасными злоупотреблениями" ²⁾, разворовывался, подменивался, утаивался, "и в том воровстве учинялся Великих Государей в казне великий недобор и в оценке недоценку великую, и ясачных людей разорение и грабили и налоги и обиды им чинили" ³⁾. На своих чиновников московские канцелярии надеялись воздействовать угрозами: "казнить смертью, безо всякой пощады и животы их иматъ все на Великих Государей без остатку, а

1) Слово "князь" у якутов русское слово; понятие, соответствующее этому титулу, не менее чуждо им.

2) Маак, ч. III, с. 140.

3) Акты исторические, с 1676 по 1700 г., с. 198.

в малых делах велено чинить наказание: бить на козле кнутом и в проводку и животы их иметь на Великих Государей все без остатку, а самих их ссылатъ в Давурские остроги...", что хотя тщетно, но многократно приводилось в исполнение. Но когда стали в свою очередь красть, подменивать и утаивать ясак сами якутские "князцы" и "именитые улусные люди", правительство увидело, что ему неизбежно следует изменить систему обложения ради лучшего контроля и ограждения плательщиков от окончательного разорения. Тогда-то оно и обратило внимание на обострившийся земельный вопрос.

Издавна, чуть ли не с первых годов завоевания, постоянно составлялись "доходные росписи и регистры" ясачным людям "с подростки и захребетники" с более или менее точным указанием их платежных сил, "доимок скотов и животных" и "жен с малые дети", причем назывались имя, отчество и волость каждого. В переписи 1750 года уже *волости* эти были разбиты на улусы. Как эти группы именовались вначале русскими — не важно; о том, как они именовались якутами, мы говорили выше. Таким образом, получились предварительные основы для описи и межевки земель. Для производства окончательного устройства назначена была "комиссия", во главе которой был поставлен Мирон Мартынович Черкашеников, бывший с 1764 по 1766 год якутским воеводой и оставивший этот пост для приведения в порядок ясачных дел якутов ¹⁾.

Им были составлены точные описания заселенных мест с поименованием жителей. В каждом документе, составленном этой комиссией, названы точно: озера, реки и лесные прогалины, и обозначено количество пушного зверя, следующее за пользование данным "урочищем" ²⁾. Многие из этих документов сохранились до сих пор и донедавна служили единственным источником для решения поземельных споров. О них это говорят предания, называя их "бедемсть" (ведомость) или "Мирон-комиссия" ³⁾.

Черкашеников был человек редкой честности и ума для воевод того времени и оставил в народе хорошую по себе память. В основу якутского землеустройства он положил русскую общину, и она наложила сильный отпечаток на якутское землевладение. Теперь роды, наслеги, улусы — это собственно земельные общины восходящего и нисходящего порядка, где каждая низшая ступень является неразложимым элементом высшей.

1) Памятная книжка Якутской обл. за 1863 г., с. 191.

2) Урочищем, а л а с, называется лесная падь и со многими нередко луговинами, перелесками, калтусами и болотинами.

3) Слава последней достигла даже Енисея; см.: Третьяков. Зап. Имп. Русск. Геогр. Общества. 1869 г., том II, с. 404.

Родовой строй, послуживший для них канвою, дает себя чувствовать главным образом в той *разбросанности земель*, которая уменьшается, конечно, с переходом к более высоким группам, но не исчезает нигде. Итак: есть наслег Бахсытский в Мегенском улусе, совершенно оторванный от последнего и окруженный со всех сторон землями улусов Батурусского, Борогонского и Баягантайского, есть наслег Кильдемский Западно-Кангалаского улуса, тоже совершенно оторванный от последнего; есть наслег Баягантай-Омекон Борогонский, лежащий не только среди земель другого улуса, но и в другом округе. То же замечается в Намском улусе; отдельные урочища его попадают далеко от своих границ в Вилюйском округе. Естественные границы, как реки, хребты, горы, близость тех или других населенных центров, всюду почти пренебрежены. Земли наследные внутри улусов находятся в еще большем смещении. Многие из них разбиты на 3—4, даже 5 частей (как, например, 1-й Бологурский) и разбросаны по всему улусу. Смещение же родовых земель внутри наслегов кажется на первый взгляд хаотическим. Это станет понятным, если принять во внимание, что земли поступали в собственность населявших ее во время межовки людей и что люди эти принадлежали к разным родовым группам и были раньше приписаны к разным волостям в ясачных книгах. Территории улусов, как учреждений более новых и менее от родового строя зависящих, само собою, более округлы и компактны, чем территории наслегов, а тем более территории родов.

Вот как объясняют сами якуты это смещение родовых земель: "А произошло это от того, что раньше, когда земли были вольные, всякий садился — где хотел... Во время ревизии люди были смешаны. Она признала за каждым, что у него было, вот и вышло, что оказались соседями люди разных родов..."¹⁾ (Намс. ул., 1891 г.). Обычай раздела между всеми *родами* окраинных пустырей поддержал впоследствии эту сумбурную чересполосность.

С якутской точки зрения даже территории улусов не считаются чем-то ненарушимым и могут подвергаться дележу и уравниению, основанному на достаточно веских причинах. Конечно, подобные уравниения не обходятся без жестокой борьбы заинтересованных сторон; земельные тяжбы улусов длятся годы и поступают на решение в Иркутск, даже Петербург, но они допустимы и возникают на началах чисто *общинных*. Например, в настоящее время ведут спор из-за земли Дюпсюнский и Намский улусы: первый ссылается на свое малоземелье и требует у последнего остров *Б а к ч а* на Лене и урочище *Т а р а х а н а*, на озере

1) Ревизии по инструкции 1743 года происходили через каждые 15 лет. Они были в: 1744, 1759, 1781, 1794, 1811, 1815, 1833, 1850, 1857 гг. — последняя перепись.

того же наименования. В доказательство справедливости своих требований дюпсюнцы приводят, что они эти земли искони *арендуют* у намских якутов, что сенокосных мест у намских якутов *много* и что они *продают* сено на сторону. Намские же якуты ссылаются на б е д е м е с т ь, на то, что "эта земля искони наша — наши отцы на ней жили" (Намский ул., 1890 г.). Споры эти разно решаются; так, баягантайские якуты мне рассказывали, что несколько лет тому назад у них была отрезана часть лугов в пользу Борогонского улуса (Баяг. ул., 1883 г.).

Переделы улусов случаются, впрочем, очень редко. Переделы земли (собственно не переделы, а некоторое уравнивание) между наслегами в пределах одного улуса случаются чаще; между родами одного наслега — еще чаще, а в пределах рода они очень часты, почти ежегодны.

Передел земли называется т ю г е т ы к и производится в следующем порядке. У всякого рода, а г а-у с а, есть свое должностное, присяжное лицо, избираемое на несколько лет, — д ж е к у т а т ¹⁾.

Д ж е к у т а т о м может быть всякий, не только богатый, но и бедный, лишь бы он был человек умный и справедливый.

"Д ж е к у т а т о м быть — дело не легкое; он должен хорошо знать покосы, должен знать, где в какой год лучше родится трава, где она высыхает, где вымокает. Все это он должен сообразить и принять во внимание при дележе. Уравнивание — вещь трудная; и неопытные д ж е к у т а т ы нередко делают промахи, а иногда умышленно обманывают. Отсюда происходят жалобы и тяжбы, ссоры и даже драки. Иногда дерутся между собой и сами д ж е к у т а т ы, когда сойдутся со всех родов наслега решать какое-либо общее дело. Между ними есть ведь тоже всякие: и богатые, и бедные, умные и глупые, справедливые и мздоимцы. Вот и дерутся; поспорят и дерутся" (Нам. ул., 1891 г.). Кроме того, всякий наслег выбирает одного общего присяжного чиновника, к о н с ю с ь, на обязанности которого лежит надзор за отдельными д ж е к у т а т а м и и улаживание возникающих споров. Генеральный передел между наслегами в пределах улуса, по словам якутов, должен повторяться через каждые 40 лет; его совершает собрание всех д ж е к у т а т о в, всех к о н с ю с ь, князей, старшин и голов; генеральный передел в пределах наслега совершается при участии д ж е к у т а т о в всех родов под руководством князя и к о н с ю с я. Передел этот в разных наслегах совершается в разные сроки или, вернее, без всяких сроков под давлением необходимости, в случае отвода земли поселенцам, церковному причту, порчи лугов водою и т.п. Считаю нужным отметить, что роль д ж е к у т а т о в, по моим наблюдениям, чисто исполнительная: они приводят в исполнение постановление родовых собраний.

1) Испорченное русское "депутат".

Самый передел состоит в следующем. Ежегодно во время созревания трав, когда урожай их уже определился, выезжают на луга князья, к о н с ю с ь и д ж е к у т а т ы. Кандидат по голове Мегенского улуса якут В.Я.Слепцов в своих примечаниях к подворной переписи Батурусского улуса сообщает об обычае депутатов перед съездом для осмотра лугов клясться "по старинным страшным угрозам, клятвенному обещанию неизвестного автора", где сказано: "Иже страха, иже дружбы ради". Они осматривают участки, сравнивают степень урожая на каждом из них, проверяют показания отдельных лиц (Баягант. ул.)¹).

Впрочем, не везде делается так. В некоторых местностях осматривают не все покосы, а только те из них, которые были как-нибудь случайно повреждены, или те, на которые укажет общество. "Например, если мой участок повредила вода или на нем постоянно плохая трава, а между тем у моего соседа того же *класса* — так как уравнение производится по классам — надел дает в два-три раза больше сена, тогда я жалуясь, прежде всего, д ж е к у т а т у, который, если найдет мою жалобу справедливой, распоряжается отделить часть покоса от соседа на столько возов, сколько у меня недостает. Сосед может, если захочет, предложить обменяться наделами: в таком случае я должен или поменяться, или отказаться от своего требования" (Нам. ул., 1891 г.). "Если у кого неурожай, если покос занесло во время разлива илом и песком, если луг превращается в болото — во всех этих случаях делают прирезки и отрезают от тех, у кого урожай хороший, у кого земли много, кто не потерпел в это время никакого убытка. Урожай изменчив: в этом году у одного уродится, а в следующем у другого; в этом году у тебя возьмут, а на другой тебе же дадут" (Нам. ул., 1890 г.). Такие прирезки и урезки производятся обыкновенно у границ участка. За исключением этих прирезок и отрезок, вообще можно сказать, что отдельные лица владеют раз отведенными им участками без срока и даже передают их по наследству. На севере, в Колымском округе, я наблюдал иной способ уравнения. Там известная часть лугов, прилегающая к усадьбам, считается неотъемлемой собственностью ее хозяина: дележу подлежат только клинья и полосы наиболее удаленные или же нарочно для этой цели оставленные. Наиболее характерный обычай такого распределения земли я видел в местности *А н д ы л а х* Колымского округа. Там сенокосные угодья делятся на три категории: в долине, где стоят усадьбы, находятся участки *неизменные*, не подлежащие переделу; несколько дальше, на берегу соседнего озера, сенокос делили на небольшие участки, сообразно с качествами травы и количеством владельцев. Участки эти разбирали *по жребью*²). Дальше,

1) Осмотр покосов: т ю к ö р ю т ä.

2) Единственный известный мне случай жеребьевки у якутов.

в пределах, разумеется, рода, лежали вольные земли, на которых всякий мог косить, сколько хотел.

Земли, находящиеся вдали от жилищ, земли спорные, за владение которыми тягаются разные общества, делят якуты между возможно большим количеством общинников, *сонаслежников* или *соулусников*, смотря по размеру захваченного участка. "А делаем это затем, что *многим* легче сопротивляться, перенести несчастье или вести тяжбу. Народ — сила. Вот так, скопом поделим Т а р а х а н у, когда осушим ее. Т а р а х а н у ведь хотят взять у нас дюпсюнцы" (Нам. ул., 1891 г.). Достаточно взглянуть на пеструю карту родовых земель у их окраин, чтобы убедиться, что принцип этот действительно применялся при захвате и дележе новых земель.

Сенокосный пай якуты называют к ю р е ¹⁾, что значит "изгородь кругом остожья" или, иначе говоря, значит, что пай включает такое количество земли, с которого можно *собрать стог сена*. Некогда величина к ю р е была, нужно думать, совсем неопределенная; это было вообще урочище, где косили сено и ставили стога. Теперь к ю р е — понятие более определенное, но величина его самая разнообразная ²⁾. "К ю р е даже в пределах рода бывают различные: одни лучше, другие хуже, одни больше, другие меньше. Но это неважно; со временем уравнивать можно. Главное — добиться от собрания права на кюре" (Нам. ул., 1892 г.). Размер многих кюре зависит, кроме качества почвы, ее плодородия и пр., от некоторых посторонних обстоятельств: давности владения и естественных границ урочища. Якуты редко делят землю полосами, чаще урочищами. Некоторые урочища, находящиеся в руках богачей и мироедов, считаются за к ю р е (по преданию), а собственно говоря, они в два и три раза больше обычного в этой местности размера. Размеры к ю р е, в пределах одного и того же рода, все-таки не разнятся между собой в такой степени, как кюре разных родов и тем более наслегов. "К ю р е в разных местах разные: в Одейцах совсем другие, чем в Мадутцах или Бётюнцах. В этих наслегах есть к ю р е, с которых можно собрать

1) Бётлинг пишет к у р у ө; по-татарски это — двор, по-монгольски — окружность, с. 74.

2) Есть также сверхнадельная земля: у г а й ы от у к-у г а б ы н — ставить, или х а р ы — название части лучевой кости руки между локтем и кистью; земли эти богач записывает на имя бедняка, которого держит как бы под своей рукой, покровительствует ему. У к а з и л и т о г о с о (тогосо — кол) к ю р е — участки, которые в некоторых наслегах дают выборным лицам за службу. Название т о г о с о объясняют тем, что приезжающие к старосте люди привязывают лошадей к колу; лошадей кормить нужно. В действительности никогда их не кормят. Земли эти свободны от обложения.

сто возов сена. Между тем в Кусаганнельском наслеге к ю р е того же класса ¹⁾ дает только 20 возов, а у нас, в Намском наслеге, получишь с иного к ю р е 40 возов, а с иного 80 возов. И так всюду! В Кусаганнельцах к ю р е маленькие, потому что там все *роды* землю соединили, а потом разделили между всеми, кто хотел и мог держать к ю р е. Вот и вышли к ю р е маленькие. Да и теперь они их все дробят и делят: зато у них мало людей без к ю р е, а у нас к ю р е большие, зато многие остаются совсем без земли. В других наслегегах земли много вольной, там и к ю р е большие" (Нам. ул., 1891 г.) ²⁾. Для определения к ю р е за единицу употребляется "копна", б у г у л. Говорят: к ю р е в столько-то копен... Копна служит также как минимальная мера при уравнивании земли; прирезают или отрезают земли *на столько-то копен*. Таким образом выходит, что якуты, собственно, делят не землю, а *траву*.

Все это относится только к покосным лугам. Пастбища и леса почти всюду находятся еще в нераздельном пользовании всех жителей данной местности, безотносительно к какому бы они ни принадлежали роду или наслегу. Правда, богачи во многих местностях выделили себе из общинных земель отдельные "выгоны", б ю т е й ³⁾, даже по нескольку выгонов, и огородили их, но родовичи смотрят на такие захваты косо и в слу-

1) Деление на классы и их своеобразное наименование относятся еще к тому времени, когда налог взимался не с количества находящейся во владении земли, а сообразно со степенью зажиточности домохозяина и количеством работников в доме. Смотри ниже.

2) Урожай одного "остожья" (к ю р е) на алас в Батурусском улусе 1-м Игидейском наслеге.

1884 году	800 копен, после наводнения	
1885 "	750 "	
1886 "	560 "	
1887 "	300 "	
1888 "	167 "	появилась кобылка, вследствие чего кошено рано.
1889 "	55 "	
1890 "	300 "	
1891 "	335 "	в эти три года по случаю неурожая косили и малорослые травы.
1892 "	115 "	

3) Слово б ю т ю н ь — весь, целый, нераздельный, по-видимому, одного корня с б ю т е й — замкнутый, непрерывный.

чае смерти богача или ослабления его влияния стараются городьбы разрушить, а земли отобрать назад ¹).

Такие "выгоны", как часть усадьбы, считаются наследственными, по мужской линии от отца к сыну, от брата к брату или от дяди к племяннику, но их редко удается удержать наследникам без ограничений. То же самое и пашни, которые до сих пор в большей части Якутской области наследственны и переделам не подлежат. Это в принципе; на деле наслег или род сплошь и рядом отнимает любой участок у владельца, если он понадобится для общественных нужд, под постройку зданий, для отвода земель поселенцам, причту и т.п. Пользование пахотными землями, новями, залогами и лесными "чистками" в пределах того же наслега считается неограниченным: каждый сородич может пахать и корчевать где угодно, лишь бы в том месте раньше никто не пахал. Земля считается собственностью прямых наследников, *впервые захвативших ее*, а в случае их смерти — собственностью его рода. Исключения представляют только некоторые особенно густо населенные земледельческие местности в окрестностях Якутска или в Намском улусе, например в Бётюнском наслеге, части его, принадлежащей Хатынгаринскому скопческому селению, где не только разделили годный для "чистки" лес, залоги и "выгон", но и совсем неудобные земли, как солончаки, болота и тальники. Там раздел этих земель произведен не только между родами, но даже между домохозяевами, причем каждый соответственно количеству и классу своих к ю р е получил: участок леса, выгона и усадебной земли (Намский ул., 1891 г.).

В других местах, всюду, за исключением, пожалуй, Олекминского улуса, нигде не возбраняется строиться и селиться, но захват сенокосов, даже втуне лежащих, не допускается без разрешения общества. Не дозволяется также без разрешения общества возводить каких-либо более или менее обширных изгородей, так как якуты единогласно и не без основания высказывают мнение, "что чем больше изгородей, тем тощее скот". "Корова ходит тихо, домой пригонять ее приходится в день три раза. Всякий раз, окружая поля, скотина приходит издали; ей остается мало времени наедаться, а около дому все выедено!" (Намский ул., 1890 г.).

Между прочим, это один из поводов враждебности, с какой якуты, владеющие большим количеством скота, относятся к земледелию.

1) Нечто подобное случилось в 1887 году в Хатынгаринском наслеге Намского улуса, где у бывшего головы И. Сивцева общество *оттягало* один из трех огороженных им выгонов. Другой такой случай известен мне в Баянтайском улусе, в местности Бес-а-н.

Изгороди кругом лугов устраивают и поддерживают на свой счет *те роды*, земли которых включены в огороженный участок. Также сообще устраиваются ограды, *выгоны*, *б ю т е й*, *вблизи с а и л ы к*, где пасутся телята, стельные, на сносях, коровы, ездовые кони, рабочие быки, вообще скот подручный или требующий особого попечения. На севере, где часто по причине малолюдства и разбросанности сенокосных участков труднее огородить луга, чем устроить просторный "выгон", почти у каждого *с а и л ы к а* есть *б ю т е й*, куда запирают скот на время роста и сбора трав. Изгороди запираются и раскрываются, согласно обычаю, в одно и то же время. Одновременно по решению родового собрания сообще выжигаются также по весне луга, причем толпы людей под руководством десятских сначала обжигают кругом ближайшие усадьбы и здания и оставшиеся в поле остожья прошлогоднего сена, а затем уже пускают "пал". Пускать палы самостоятельно в местах заселенных строго воспрещается.

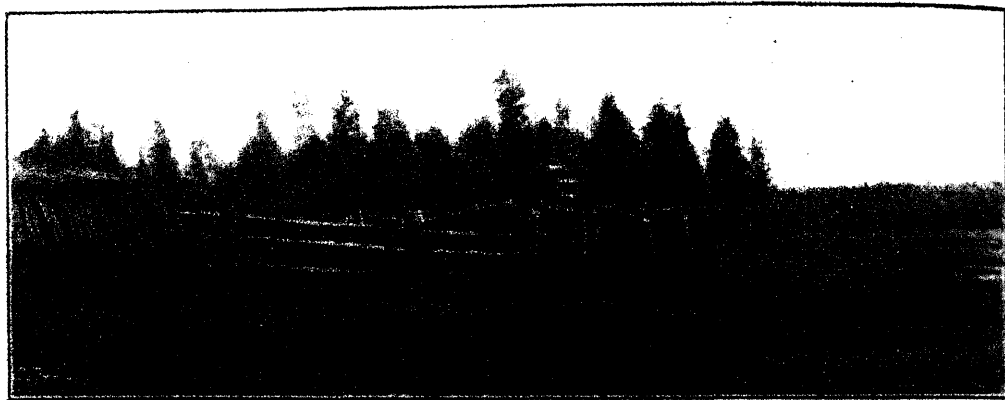

Рис. 131. Летняя усадьба на Амгинско-Ленском плоскогорье (с фотогр.).

Эти ограничения касаются, как мы это отметили выше, и земель, превращенных в культурные частными усилиями, как-то: лесных и луговых чисток, сенокосов, полученных спуском озер, осушенных болот. Род обыкновенно мирится с пожизненным или даже наследственным владением такого участка, если размеры его небольшие и без остатка утилизируются данным лицом. Но раз только размеры их крупные или владелец сдает их часть в *аренду*, род заявляет свои права ¹⁾.

1) Для того чтобы такие места получать в долгосрочное и бесконтрольное владение, нужно добыть приговор общества и представить его вместе с планами и описанием на утверждение Окружного полицейского управления. Тогда участок поступает просителю во владение на сорок лет, после чего должен быть обратно возвращен обществу. Это связано с такими расходами и хлопотами, что редко кто решается затевать их;

При разборе таких дел, раз возникает тяжба, насколько я знаю, принимается всегда во внимание: успел ли предприниматель или нет выручить *вознаграждение за потраченный труд и деньги*¹⁾.

Чаще всего крупные осушки и расчистки предпринимаются совместно обществами нескольких родов, *наслегов*, даже *улусов*, как, например, спуск Нюрбинского озера сунтарскими и мархинскими якутами или предполагаемая осушка озера Т а р а х а н ы, на которую собирают теперь деньги в Бётюнском наслеге. В такой местности получают паи: во-первых, все, которые там раньше жили, затем, все роды данного наслега соответственно своему участию в работах и *земельной нужде*.

Вот в общих чертах все, что известно мне о землевладении якутов.

Осталось сказать вкратце, что представляет собою якутское родовое управление, каково его прошлое и настоящее, какие его права и обязанности.

Вначале завоеватели мало занимались внутренними делами якутских д ж о н о в. Им было велено только "ясак да аманатов имати... из волости по человеку или по два, по переменам, по году или полугоду, или помесечно, или как пригоже, смотря по тамошнему делу; а достальных ясачных людей отпущати к себе в улусы без задержания и держати к ним ласку и привет и береженье, а напрасные жесточи и никакие налоги им ни в чем не чинить, никоторыми делы, чтобы их ясачных людей, иноземцев, в чем напрасно и в ясаке не ожесточить и от Государевы милости не отгонить"²⁾.

Все в наказах того времени исключительно направлено "к умножению ясака", к ограничению воровства и злоупотреблений ясачных сборщиков. Многократно вменяется им в обязанность "с ясачными людьми обращаться с ласкою, уговором и приветом... не грубить и обид и налогов им никаких не чинить и жен их и детей в двор не имати и за ссылкою самим ни у кого не покупати..." и даже "не крестити", чтобы "от этого не было Государевой казне убыли". И только аманатов приказано держать

обыкновенно сделку совершают полюбовно, причем мир уступает на 10 или 20 лет участок просителю в бесконтрольное и нераздельное пользование и составляет по этому поводу частный приговор. Такие приговоры никогда не нарушаются, но даются они обществами очень неохотно. Я знаю случай, когда влиятельный и богатый князь, Григорий Дьяконов, тщетно просил об уступке ему обществом 20 десятин лесу под чистку. "Самим годится, а не нам, так детям нашим", — отвечали ему всякий раз общественники (Намс. улус, 1890 г.).

1) Иногда приходится даже сухие луга косить и готовить для пользования в продолжение нескольких лет с большими затратами.

2) Наказ якутскому воеводе князю Якову Волконскому и дьяку Елчукову, 1670г. Акты. Т. IV, с. 443.

"в аманатских избах, в большой крепости, в казанках, за запором и в железах, за крепостною сторожею..." да "на непослушников посылать Государевых ратных людей с огневым боем" ¹).

Ясак уплачивался ясачным сборщикам непосредственно "ясачными людьми" и "князцы и лутчие улусные люди" присутствовали при сборе ясака только в качестве понятых ²). Ясак вносился в ясачные книги, а ясачные книги присылать велено "белые, а не черные, за руками, и в тех книгах взятки писать складом, а не числами, нигде бо скребенья и меж строк приписок и в словах приправок отнюдь не было" ³). Приказано было вначале брать в ясак "соболи добрые с пупки и хвосты, и шубы и наполники и пластины соболи, шубы горностальные, и бобры, и кошколки черные и черно-карие и карие и рыжие и лисицы черные и черно-бурые и черно-черевые и сиводушчатые и красные, и рысы, и выдры, и песцы черные и голубые, с лапами и с хвостами и волки..." ⁴).

При покорении *новых волостей* принято было за правило взимать от 10 до 20 соболей с души ⁵).

1) Там же, с. 449. По поводу содержания аманатов и вноса ясака приводит интересные показания того времени П.Н. Буцинский: "Приходят в зимовья для платежа ясака за аманатов человека по 2 и по 3 из рода, и если аманат добрый, то за него платит вся его родня и дают соболей больше, а если аманат худой, то мало или совсем ничего. Когда же приходят к зимовью, то бросают ясак через окно и через окно же ясачные сборщики отдаривают инородцев одеждami, оловом и хлебом". "Мангазейские инородцы, — пишут воеводы, — боятся входить в избы, чтобы их ясачные сборщики не захватили в аманаты, а сами сборщики не выходят к ним из избы, опасаясь от них смертных убийств, и потому сидят с аманатами запершись". Аманаты жили в тюрьме. Аманатов кормили отчасти хлебом, а большей частью падалью и собачьим кормом — "юколою". Юкола состояла из сушеной перегнившей рыбы. "Порса" была пища для людей, приготовляемая из сушеного мяса. Обе пищи хранились в ямах, точно так, как теперь у якутов ("Мангазея", с. 53).

2) Ясак вносился вначале непосредственно плательщиками; между прочим в наказе 1697 года якутскому воеводе в 5 пункте сказано: "Буде от налогов ясачные разбредутся и сыскать их будет не можно, за то по розыску сборщикам чинить наказанье безо всякой милости" (Семивский, IX, с. 122). Впоследствии, когда ясак вносился родами сообща и была введена круговая порука, вопрос о разбредении не подымался.

3) Воеводский наказ подьячему Евдокиму Курдюкову. 1685 г. Акты, т. V, с. 193.

4) 1674 г., июля 24-го, Воеводская наказная память якутскому сыну Боярскому Матвею Ярыгину, отправленному в Олекминский острог для сбора Государева ясака. Ист. акт. Том IV, с. 521.

5) Акты. Том IV, с. 521.

Ясак был *податный*, *десятинный* (десятый упромышленный зверь) и *поминочный* (добровольное подношение). *Поминочный* в свою очередь был: *государевый*, *воеводский* и *дьячий*.

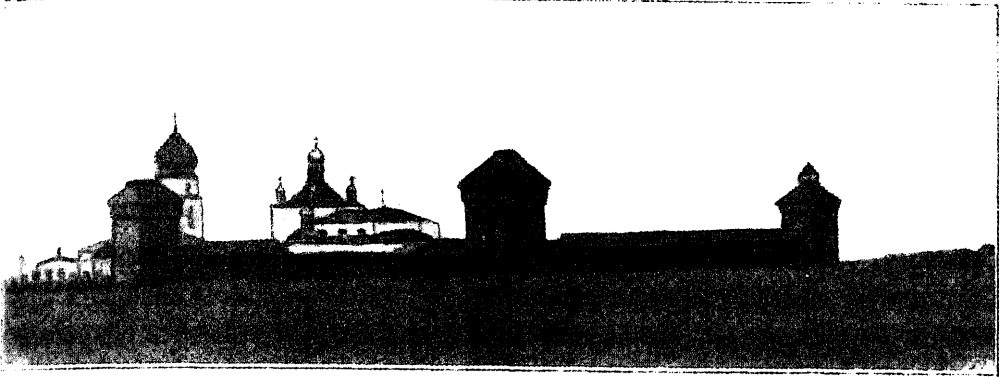

Рис. 132. Остатки якутской казачьей крепости.

Податный ясак по установлению Бориса Годунова равнялся 10 соболям с женатого и вполь с холостого ¹⁾. Но благодаря вышеупомянутым прибавкам, поминочному и десятинному, даже законом признанные налоги открывали широкое поприще произволу. Сбор ясака всегда превышал установленную норму; взимался он беспощадно, и если появлялись в книгах недоимки, то потому, что большая часть его разворовывалась или удерживалась всякими правдами и неправдами по пути. Из ясака, собранного в 1610 году в количестве 5 429 соболей, 360 пупков соболиных, 12 пластин, 501 лисицы, 1 рыси, в казну пошло только 3 573 соболя, а остальное поступило в пользу сборщиков ²⁾. Народ стал быстро беднеть, и уже в воеводском наказе подьячему Евдокиму Курдюкову на 1685 год говорится о недоимках и приказывается ясачным сборщикам с недоимщиков "у кого скота нет брать за бедностью по самой нужде по лисице черно-черевой и по лисице сиводушчатой и за соболя по две лисицы красные". В том же приказе велено сделать "людям и животам их и скоту опись: по окладу на нынешний 193 г. (1685) сполна и на прошлые годы из доимки взять на ком что можно" ³⁾. Подобные описи производились и раньше, и о характере их можно судить по описи Гришки Криво-

1) Словцов, с. 18. Это составит, считая по тогдашним ценам соболя в 5 — 10 руб., от 50 до 100 руб. с души.

2) Доклад отца А.А. Ионина в Стат. отд. Вост. Сиб. отд. Геогр. Общ. Прил. N 1, 1888 г.

3) Акты, с. 194.

горницына на 170 г. (1671) "для Мегинские волости" ¹⁾. В них говорится не только о податях и недоимках, но упоминается также о домах, женах, количестве работников в семье, есть сведения об умерших и беглых, причем каждый называется поименно и породно. Личные и родовые прозвища, конечно, сильно в этих записях испорчены и переделаны на русский лад, но в них нетрудно разобраться. Ясачные книги, да эти описи впервые дали тот материал, из которого создано впоследствии ныне существующее якутское самоуправление.

Понятно, что и здесь, как всюду, завоеватели раньше всего постарались воспользоваться для сбора ясака и замирения родовыми представителями. Под именем "князцов" и "именитых улусных людей" их делают ответственными за недоимки и беспорядки, с них берут "аманатов" и "толмачей", заставляют платить контрибуции. Впоследствии, когда правительство убедилось, что "казацкая масленица" ²⁾ грозит государственным интересам, разоряет вконец население и невыносимыми поборами и своей жестокостью заставляет его разбегаться, побуждает к восстаниям и непослушанию, оно пробует из тех же "князцов" и "именитых улусных людей" устроить контроль над своими хищными слугами. Им поручается в качестве *понятых* присутствовать при сборе ясака, опросах и всяких делах, возникающих между пришлыми служилыми, чиновными людьми и местным населением. Дальше им поручается "печатать своими печатами ясашные мягкие рухляди, чтобы служилые люди не переменяли их дорогой едучи" ³⁾. Наконец, им же предоставлено право от имени всего рода "бить челом" в Москву "на утеснителей", даже высших чиновников, чем они не медлят воспользоваться ⁴⁾. Все это подняло их в глазах населения на небывалую высоту; когда же впоследствии признано было лучшим разложить ясак по родам и улусам и, не вникая в распределение и способ взимания, требовать его полностью с родовых представителей, "князцы" окончательно превратились в земских чиновников. Их начинают поощрять и вознаграждать за службу знаками отличия: медалями, кортиками, кафтанами, а указом Сената от 1 февраля 1740 года и 17 мая

1) См. приложение в конце книги.

2) Словцов.

3) Акты. Т. V, с. 193.

4) См. ответ на жалобу князцов Кангалаской волости, князца Мазыры Бозекова со товарищами. Из него видно, что уличенные ими в грабежах, насилии, посулах, воровстве и подмене ясака *ясачные сборщики* Петр Ярыжкин и Юрий Крыженовский "были биты на козле кнутом и в проводку и сосланы в Давурские остроги в пешую казачью службу" (Акты, т. V, с. 198).

1764 года им даже назначается *постоянное* вознаграждение, зависящее от количества доставленного ясака. "Ясачным князьям и выборным за исправный ясака платеж, на подарки оклад положить от принесенного в казну на 1 000 руб. ясака по 20 руб., а если менее или более 1 000 руб., то приняв сего по расчислению" ¹). Поощряемые и поддерживаемые извне, князья мало-помалу освобождаются от родовых традиций и являются не менее лютыми угнетателями народа, чем казаки. "Зная прекрасно условия жизни, они ловко прячут концы в воду, входят в стачки с воеводами и дьяками и под их прикрытием распоряжаются в своих землях, как владетельные особы: захватывают земли, взимают бесконтрольно подати, вводят кабалу, даже торгуют людьми. Мрачную память и скверные привычки оставили после себя "князья" того времени" ²). Одну пользу извлекло население от замены ими русских чиновников: оно привыкло в новых условиях бороться за свои интересы. "Князья" были свои люди, их не окружал ореол завоевателей, им некуда было уйти с награбленным добром, их и раньше приходилось обуздывать, как родоначальников.

Родовичи были с ними более смелы, и на "князей" посылались коллективные жалобы в воеводские канцелярии и дальше в Петербург, который с тех пор занял в сознании народа место уничтоженного союзного совета. В этой борьбе немалую службу сослужили народу, да и теперь ее несут: зависть, личные счеты и игра самолюбия самих князцов и богачей. По их почину возникали постоянно дела, часто кляузные, но всякий раз они выволакивали наружу такую массу действительных злоупотреблений, что правительству волей-неволей пришлось измышлять меры для их пресечения.

В 1763 году командирован в Сибирь гвардии майор Щербатов, ему поручено составить комиссию "для приведения ясачного сбора в ясные правила" ³).

Комиссия Черкашеникова, действовавшая в Якутской области, была только ветвью этой Общесибирской комиссии. В 1766 году указом от 14 декабря вызваны были депутаты по всей России в комиссию для установления лучшей администрации, обсуждения всяких вопросов внутренней политики и между прочим составления нового уложения для сибирских инородцев. Якуты, числившиеся кочевниками, были исключены из числа избирателей, но они все-таки послали своего депутата, и

1) Семинский, IX, с. 123.

2) См. том II.

3) Словцов. Пер. IV, с. 30.

он был допущен в комиссию особым рескриптом Императрицы ¹⁾).

Выработанные этой комиссией начала были положены в основу якутского самоуправления и удержались до сих пор почти без изменения. В настоящее время якуты разделены на *восемнадцать* улусов: 8 в Якутском округе, 4 в Вилюйском, 4 в Верхоянском, 1 в Олекминском и 1 в Колымском. Улусы, как я говорил выше, состоят из наслегов, а наслеги из родов, ага-уса ²⁾).

Наслегов всего в Якутской области двести тридцать: в Якутском округе — 125, в Вилюйском — 56, в Верхоянском — 37, в Олекминском — 6, в Колымском — 10; родов в общей сложности во всех улусах 934, именно: в Якутском округе — 596; в Вилюйском — 244, в Верхоянском — 37, в Олекминском — 4; в Колымском — 10, да в Туруханском округе: один Шорохинский род да 2 Долганских ³⁾).

1) "Ее Императорское Величество всемилостивейше повелеть соизволила выбранного и сюда присланного якутского ведомства от пяти подгородных улусов депутата из Кангалаского улуса, князца Сыранова принять в число прочих депутатов в комиссию о сочинении проекта нового уложения, тем паче, как Ее Императорскому Величеству известно, что оные якуты не только кочевые, но зиму пребывают в своих жилищах" (Записка генерал-прокурора князя Вяземского. *Андреевич*. Исторический очерк Сибири. Том IV, с.55). Кажется также, что из двух депутатов от *ясачных новокрестьянцев*, прибывших впоследствии и не попавших в списки, один тоже был якут. Павлинов называет его: Алексей Артаков, голова Борогонского улуса (см. том II).

2) Улусы в *Якутском округе*: 1) Восточный Кангалаский улус, 12 наслегов, 52 рода — 7 033 муж. и 7 466 жен. 2) Западный Кангалаский улус; 19 наслегов, 67 родов — 11 268 муж. и 10 728 жен. 3) Намский улус; 17 наслегов, 87 родов — 8 556 муж. и 8995 жен. 4) Мегенский (Мегинский) улус, 16 наслегов, 68 родов — 9 772 муж. и 10 264 жен. 5) Борогонский улус; 13 наслегов, 45 родов — 4 778 муж. и 4 895 жен. 6) Батурусский улус; 31 наслег, 107 родов — 15 102 муж. и 15 233 жен. 7) Дюпсюнский улус; 8 наслегов, 27 родов — 3 733 муж. и 3 973 жен. 8) Баягантайский улус; 9 наслегов, 143 рода — 4 576 муж. и 4 716 жен.; *Олекминский округ*: 1) Олекминский улус; 6 наслегов, 44 рода — 5 090 муж. и 4 572 жен.; *Вилюйский округ*: 1) Сунтарский улус; 14 наслегов, 75 родов — 12 560 муж. и 12 004 жен. 2) Мархинский улус; 16 наслегов, 86 родов — 10610 муж. и 9 750 жен. 3) Верхне-Вилюйский улус; 12 наслегов, 42 рода — 6 379 муж. и 6 233 жен. 4) Средне-Вилюйский улус; 14 наслегов, 41 род — 4 424 муж. и 4 512 жен.; *Верхоянский округ*: 1) Верхоянский улус; 14 наслегов, 14 родов — 2 796 муж. и 2 754 жен. 2) Устьянский улус; 6 наслегов, 6 родов — 541 муж. и 478 жен. 3) Эльгетский улус; 9 наслегов, 9 родов — 1 011 муж. и 1 060 жен. 4) Жиганский улус; 8 наслегов, 8 родов — 1 037 муж. и 1 008 жен. *Колымский округ*: 1) Колымский улус; 10 наслегов, 10 родов — 1 716 муж. и 1 577 жен. (Памят. книжка Якутской обл. на 1891 г.).

3) ¹⁾ Долганский род. — 195 муж. и 187 жен. — кочует по обеим сторонам Хатанги и Хеты. ²⁾ Иесейский род. — 108 муж. и 83 жен. — кочует у Норильских озер и в Авамской тундре.

Улусными делами заведует *управа*¹⁾, состоящая из присяжного писаря и шести выборных членов, обыкновенно называемых "головами" (голуба́), главного головы, по-якутски "большого" (улаханголуба́); делами наследными заведует *родовое правление*, состоящее из родовых старшин и наследного старосты, называемого якутами "большим князем" (улаханкнязь)²⁾, делами рода — *родовой старшина* — он же "князь малый" (аччигийкнязь). Кроме того, всякий род имеет одного или двух "десятников", они же "капралы". Это единственные оплачиваемые чиновники общины. На обязанности их лежит приводить в исполнение решения родового старшины и схода. Они собирают подати, назначают очереди, присматривают за исполнением натуральных повинностей, сопровождают арестантов, служат проводниками и вестовыми у проезжих чиновников... Обязанности их трудные и тяжелые, а жалованье от 10 до 30 руб. в год, да конь на разъезды. Все другие родовые власти служат без жалованья и избираются на трехлетний срок. Они председательствуют в общественных собраниях, принимают первые меры для задержания преступников и пресечения преступлений, наконец, решают словесно и единолично менее важные тяжбы. В делах крупных, исключительных или касающихся основ быта все родовые власти должны испрашивать согласие у "собраний"³⁾, т.е. сходов: "князья малые" у *родовых собраний*, состоящих из всех плательщиков; "князья большие" — у *собраний наследных*, состоящих из родовых старшин и более влиятельных родовичей; наконец, "управы" — у *собраний улусных*, состоящих из всех князей, "малых и больших", совместно с самыми богатыми и уважаемыми людьми в улусе. Решения и действия как выборных лиц, так и сходов подлежат обжалованию и отмене в следующем порядке: родовое — наследному, наследное — управскому. Решения улусных сходов и управ окончательны и подлежат контролю только государственной администрации и государственного суда: заседателей, исправника, губернатора, окружного полицейского и областного правления. Власть и вмешательство администрации в дела самоуправления очень сильны в Якутской области и год от году возрастают. Якутские выборные представители относятся ко всякому чиновнику с жалким подобострашием.

1) В 1891 году было предложено якутам изменить свое управление по образцу русских волостей; но, за исключением олекминских якутов, все улусы единогласно отклонили это предложение, находя его для себя неудобным.

2) Немалую роль также играет в наследе подчас *наследный писарь*, хотя он лицо вольнонаемное и совершенно частное. Значение его, впрочем, значительно меньше здесь, чем в русских селениях.

3) Якуты сход зовут иногда по-русски "собрание", чаще, однако, употребляют тюркское слово *мунях*. По Ботлингу, мунн'ах, с.150. Место, где собирается сход, зовется *суглан*. Слово это попадает в очень старых воеводских приказах, но происхождение его сомнительно. Как назывались в старину места сходов, узнать не мог.

Между тем было время, когда якутские родовые власти мечтали о совершенной независимости от якутской администрации. В конце XVIII столетия якуты упорно хлопотали о введении у них чего-то вроде "степенных дум" и подчинении их непосредственно иркутскому наместнику. В то время Якутская область считалась частью Иркутской губернии¹⁾. Она разделена на комиссарства, подкомиссарства и воеводские канцелярии. В 1775 году были комиссарства: Жиганское, Верхоянское, Средне-Колымское и Олекминское и Алданская воеводская канцелярия (в 70 верстах ниже впадения в Алдан р.Белой (?))²⁾. Власть воевод и комендантов была огромная, и они злоупотребляли ею, о чем сохранились до сих пор грустные в народе предания и исторические документы. Якуты пробовали освободиться от этой непосильной подчас тяжести и требовали, чтобы комиссарам и воеводам был предоставлен лишь *надзор* за безнедоимочным поступлением податей, а взимание их было предоставлено их *выбор-*

1) Вначале Якутск и все земли, входившие в состав теперешней Якутской области, были подчинены Енисейскому воеводству. С 1640 года в Якутске учреждено особое воеводство. В 1708 году Якутское воеводство включено как *уезд* в Иркутскую "провинцию". В 1775 году город Якутск опять переименовывается в *провинциальный* за великим отдалением и многочисленностью административной деятельности; содержание ему определено в 3 853 руб. 78 коп., т.е. вдвое почти меньше, чем Иркутску. Власть воевод ограничена учреждением прокуратуры. В 1783 году Якутская провинция переименована в область, управляемую "комендантом", и подчинена наместничеству (Список воевод. Т. II. Семивский. Часть VIII, с.161. Андриевич. Т. IV, с. 245).

2) 1) Жиганское комиссарство имело канцелярию в Жиганском и Усть-Виллюйском зимовьях; канцелярский расход — 235 руб. 2) Верхоянское комиссарство — в Верхоянском, Зашиверском и Устьянском зимовьях, канцелярские расходы — 280 руб. 3) Средне-Колымское комиссарство — в Верхне-Колымском, Средне-Колымском, Алазайском и Нижне-Колымском зимовьях; канцелярские расходы — 639 руб. 4) Подгородные улусы на расстоянии от 30 до 253 верст: Намская и Кангалаская волости подчинены Якутску. 5) Олекминское комиссарство — в Чаринском и Средне-Виллюйском зимовьях и в Олекминском остроге. В Верхне-Виллюйской волости устроено *подкомиссарство*. Комиссарство состояло обыкновенно из обер-офицера или комиссара, из канцеляриста, подканцеляристов (одного или двух), такого же количества копистов и сторожа. Комиссар получал жалованье 200 руб., другие служащие от 30 до 80 руб., сторож 10 руб., на канцелярские расходы от 10 до 20 руб. Алданскому воеводству были подчинены волости: Ботуруйская (Батуруская), Мечинская (Мегенская), Борогонская, Майское и Токторское (?) зимовья и Балчатонская волость (Баягантайская) (Андриевский. Т. IV, с. 246). Одно время (в 1768 году) предполагалось превратить Амгинскую слободу в *воеводский город* (см. там же, с. 11).

ным, а не назначаемым администрацией властям; то же самое — "суд и расправа" и вся хозяйственная часть управления. Добились они немногого: в 1769 году иркутскому губернатору Брилю приказано "не посылать за ясаком сборщиков в якутские улусы, а в случае если бы якуты не доставили в срок положенного с них ясака, то депутат, князец их, Софрон Сыраков, сам должен посылать нарочных для бездоимочного сбора, чем ясачные избавятся от обид, чинимых им *сборщиками*"¹). И этим немного не сумели воспользоваться якуты: возвышенный указом Сыраков стал злоупотреблять властью в свою пользу и возбудил всеобщий ропот. Для народа было безразлично, кто терзает его: русские ли хищники или свои. Покинутый своими Сыраков едет в Иркутск искать поддержки у наместника и находит ее; но родовые традиции среди якутов были еще достаточно сильны, гегемония "князцов" не окрепла. Жадные и близорукые якутские олигархи, встретивши двойное сопротивление со стороны своих сородичей и местной администрации, которая злилась на них за лишение доходов, потерпели неудачу. Их проекты были отклонены, несмотря на благосклонность к ним влиятельных в Иркутске лиц.

Только 50 лет спустя на короткий срок, в виде опыта, была введена "степная дума" для *пяти подгородных улусов*. Она просуществовала всего 12 лет — с 1825 по 1838 г. Она состояла из "главного родоначальника" и 3 заседателей, избираемых из якутских же родоначальников. Поведение ее вначале было сносное. Вилюйские якуты тоже просили, чтобы у них, подобно якутским улусам, была введена отдельная "степная дума". Им отказали.

Вскоре после этого и Якутская степная дума была закрыта по предписанию генерал-губернатора Восточной Сибири. Основанием для закрытия послужили следующие соображения: а) якуты никогда не были подчинены, подобно бурятам, одному главному родоначальнику, б) учреждение степной думы в многолюдном городе (Якутске) само по себе незаконно, в) выбор главного родоначальника поднял *вражду* (?) между родоначальниками, г) притом содержание думы стояло *ежегодно 47 рублей*²). С тех пор государственный контроль над якутским самоуправлением ничем не разнится от контроля над волостным правлением русских общин.

Собственно говоря, контроль этот проникает всюду, и самое законное решение может быть приостановлено, обжаловано и отменено простым предписанием полиции. Это и практикуется постоянно, благодаря проискам всяких мироедов и воротил из местных богачей. Главное, коне-

1) Андриевский. Т. IV, с. 232.

2) Д.Павлинов. Дело N 13 Якут. Ст. Ком. "Об имущественном праве якутов".

чно, внимание высшей администрации обращено на взнос податей. Принцип государственного обложения якутов до сих пор не ясен. Одни подати они платят с *ревизской*, а другие с *рабочей* души, одни подати считаются *государственными*, а другие *земскими*. Народ смотрит на это значительно проще: для него все равно, как официально называются подати; всех их он зовет "царской дорогой" *ы р а х т а г ы с у о л а*, за исключением сумм, идущих на содержание управ и внутренние нужды. Для него важны *размеры обложения*. Подати он распределяет и называет по-своему ¹⁾.

1) Небезынтересно указать размер обложения; на деле он отличен от официального, но привожу известные мне официальные данные для сравнения:

По Павлинову на ревизскую душу приходится:

В Якутском округе ... 1,40к.

" Олекминском " ..... 1,33"

" Вилюйском " ..... 1,50"

" Верхоянском " ..... 1,38"

" Колымском " ..... 1,22"

В Мегенском улусе в 1890 г.

Душ в Мегенском улусе считается 8 213.

Ясак по 90 к. с рабочей души 90 к.

Государств. подуш. подать с ревиз. души 12 "

Губернск. повинности с ревиз. души 38 "

Частных повин. (земских) с ревиз. души 29 "

Мирского капитала по 3 к. с рабоч. души 3 "

Ружного сбора с ревизской души по 26 "

Казенного капитала с рабоч. души 5 "

Итого 2,03 к.

Улусных с души 89³/₄ к.

Итого 2,92³/₄ к.

Улусные расходы Мегенской управы:

На капралов, служащих в управе 582 р. 25 к.

Добавочного сторожа 246 " 39 "

Переписчику 120 " — "

На обучение 15 учеников 910 " — "

Наследным писарям 610 " 63 "

Сборщикам податей (капралам) 705 " 16 "

Междудворные лошади 2 600 " — "

Ссылные (содержание) 1 600 " — "

Итого 7 374 р. 43 к.

По получении из Областного правления смет с распределением сумм по улусам и наслегам инородные управы сзывают улусное собрание, представляют сметы, присчитывают к ним общие улусные расходы и рассылают по наслегам в родовые правления. Там наследные собрания, присчитав к ним свои наследные расходы, определяют величину оклада по "классам" и, распределив между родами, поручают капралам собрать деньги к известному сроку. Собранные деньги наследный староста самолично отвозит в город в казначейство. Распределение и взимание в принципе разделено друг от друга и должно служить взаимным контролем.

Теперешнее якутское распределение податей внутри наслегов "по классам" явилось результатом своеобразного сочетания старинного *казацкого* обложения с позднейшим *поземельным* обложением, введенным с 1763 г. М. Черкашениковым. Якутские "классы" нередко зовутся по-русски: П е р б ы й, О п т о р о й, Ы т р е т и й "класс", но они местами и посейчас удержали былые свои названия: 1) *соболь*, к и и с, 2) *лисица*, сасыл, 3) ? б ё т е г ё. В старину оклады эти назывались: *соболиный*, *лисий* и *бётегё* — *неизвестного мне зверя, по-видимому, рысь, бёдёр* или *бёгё*. Теперь, конечно, все подати вносятся деньгами. Якуты полагают, что подати взимаются за пользование землею и пропорционально ее количеству¹).

Количество земли определено обычаем. Принято считать, что первый класс владеет от 3 до 4 к ю р е; второй — 2 или 3 к ю р е, третий — одним к ю р е. К ю р е (остожье), то есть земельный пай, как я писал выше, бывает разной величины и достоинства не только в одном и том же улусе, но и в одном и том же наслеге. Лучшими, конечно, владеет *первый класс*, и достоинство их сплошь да рядом далеко превосходит к ю р е других "классов". Самые правильные пай у *второго* и *третьего* класса.

Налог по всей области приблизительно колеблется: для первого класса между 25 и 18 рублями в год, для второго между 18 и 12, для третьего между 8 и 3, глядя по местности. Предполагается, что налог второго класса должен равняться $\frac{3}{4}$, а налог третьего класса $\frac{1}{3}$ или даже $\frac{1}{4}$ первого класса, т.е. *должен быть прямо пропорционален* количеству к ю р е. На севере, в Верхоянском и Колымском округах, хотя и принято такое же деление на классы, но так как земля во многих уголках этой местности не имеет того значения, что на юге, то и подати взимаются *по-старинному*: сообразно со степенью зажиточности плательщика, чис-

1) Количество всех податей, платимых ежегодно всем населением, достигает 25 000 руб.

лом работников-промышленников в семье, хилостью остальных членов и тому подобными соображениями. Там сохранился еще *четвертый класс*, называемый "последним" к у т у р у к с у т или "промышленник" б у л ь ч у т. Это бобыли, не имеющие ничего, кроме рук; они платят только я с а к — 1 руб. в год. Там, где деньги так дороги, как это имеет место на севере Якутской области, трудно, ужасно трудно этим беднякам давать и *рубль*. Натуральные повинности на юге все переводятся на деньги, а затем сдаются в *подряд*. Такие повинности, как междудворная гоньба, постройка общественных зданий, мостов, изгородей, всюду сдаются в *подряд*. Такие же, как починка дорог и мостов, требующие большого количества людей, производятся миром. Содержание якутов-бедняков, к у м а л а н и т ы м н и, лежит только на двух первых "классах" и производится так, что каждый плательщик кормит нищего определенное число дней в году, сообразно своему классу и количеству нищих в своем *роде*. Поселенцев, х а и л а х, иногда содержат таким же образом, иногда отдают содержание каждого отдельного человека в *подряд* ¹⁾ желающим; иногда дают поселенцу на руки деньги или продукты.

Самая древняя из натуральных повинностей, по-видимому, почтовая гоньба. Уже в наказе подьячему Курдюкову в 1685 г. говорится о том, чтобы повинностью этой ясачные сборщики не злоупотребляли: "у якутов лошади добрые не отымали сильно, а вместо тех добрых не давали им иноземцам свои худые лошади сильно же", что случалось, очевидно, часто и дошло до Москвы. Ввиду этого приказано брать "под казну Великих Государей... лошади и быки, каковы дадут на том и ехать" ²⁾. Кроме того, требуются проводники и ямщики. Гмелин в своем путешествии в 1732 г., начиная от границ Якутской области, все время пользуется якутскими гребцами ³⁾. Якутские семьи были выселены на тракты Олекминский, Охотский, Аянский, Верхоянский и Колымский для отбывания почтовой гоньбы.

Во время Великой Камчатской экспедиции повинность эта таким тяжелым бременем легла на население, что Гмелин всеобщее обеднение и переход к культуре рогатого скота приписывает главным образом перевозке огромного количества грузов и вызванному им падежу лошадей. Миддендорф сообщает, что одного провианта для войска, находившегося

1) Подряд на содержание поселенца обыкновенно очень высок, достигает 10, даже 20 руб. в месяц, и все-таки желающих не находится; все боятся кровавого конца или какой-нибудь гадости со стороны пансионера.

2) Акты исторические, т. V, с. 196 и 197.

3) Он описывает, как на Т и т-А р ы якуты, завидев путешественников, разбежались и он "не счел возможным собрать их". Reise. В. II, p. 386.

в Охотске и Камчатке, перевозилось якутами в год до 34 000 пудов. До 1807 года, когда в Охотск было отправлено впервые судно "Sloop Diana" кругосветным морским путем, все припасы перевозились целое столетие из Якутска в Охотск сухим путем. Ежегодно казна забирала для подвод *десять тысяч*, а американская компания до *трех тысяч лошадей*. Купцы платили от 35 до 45 руб. за наем подводной лошади, но и то якутам не оставалось барыша ¹⁾.

Можно без преувеличения сказать, что весь северо-восточный угол Азии завоеван и исследован на якутских лошадях и

благодаря их даровой ямской гоньбе. Если бы перевести ее на деньги, она дала бы огромные суммы, израсходованные якутами на удовлетворение этой потребности.

Закончу этот обзор якутских родовых учреждений и их самоуправления заметкой об якутском судопроизводстве. Якутский суд — это, собственно говоря, сход: родовой, наследный, улусный, смотря по обстоятельствам. Суды эти подлежат друг другу, как апелляционные инстанции. Якуты очень любят судиться и присутствовать при разбирательствах. Более важные дела всегда переносятся в сход. На сходе присутствующие именитые люди обыкновенно вставляют свои замечания, которые выслушиваются со вниманием, и хотя окончательный при-

Рис. 133. Князь и княгиня.

1) Миддендорф, отд. VI, с. 770.

говор произносит председатель схода, но он по большей части передает в сжатой форме только общее решение. Тяжущиеся становятся перед заседающими родовичами без шапок и, учащенно кивая головою, а в более важных местах делая поясные поклоны, по очереди излагают свое дело; свидетели вызываются и допрашиваются тут же, а непослушные приводятся капралами. Судьи обязательно должны сидеть. В некоторых местностях принято, чтобы они надевали непременно на голову шапки.

В старину якутскому родовому суду подчинены были все дела со включением убийств, но уже в грамотах конца XVII столетия начинают встречаться ограничения. В вышеприведенном наказе подьячему Курдюкову говорится, между прочим: "И буде которые якуты учнут бить челом Великим Государям друг на друга в исках своих, ценою в пять рублей, и тебе в таких исках им якутам суд давать и с суда указ учинить вправду, безволокитно, потому что по указу Великих Государей и по грамоте, по их иноземскому челобитию, в дальних ясачных волостях и в зимовьях ясачным сборщикам, велено иноземцев судить, по их иноземному челобитию, не в больших исковых делах, в двух, или в трех, или в пяти рублях, вместе с их иноземскими князцы и с лучшими людьми, а без них тебе Евдокиму и в малых делах не судити, чтобы ясачным якутам от вас убытков и обид и налогов не было, а с челобитья со всякого человека пошлины Великих Государей имать по осми алтын по две деньги; и те судные дела за иноземскими знамены и за своей рукой и деньги привезти в Якутской острог и подать (тебе) в приказной избе генералу и воеводе Матвею Осиповичу Кровкову; а будет иску больше пяти рублей, а дале пяти лет, и в таких делах и в убийственных делах же, расправ и суда им якутам в волостях отнюдь не давать" ¹⁾.

Тем не менее до последнего времени даже уголовные дела, как побои, увечья, кражи, даже на значительную сумму, раз они совершались без взлома, судились родовыми правлениями. Только с 1889 года, когда вышло приказание преследовать родовые власти за недонесение о таких делах, кражи стали поступать в русские суды и судиться по русским законам. Якуты за кражу обыкновенно наказывали состоятельных штрафом, превышающим ценность украденной вещи вдвое или втрое, смотря по обстоятельствам. За побои и увечье они присуждали: содержание во время болезни или одновременное пособие пострадавшему. Теперь виновных сажают в острог, откуда они, к великому ужасу соседей, почти всегда выходят уже отъявленными негодьями. Такие преступления, как изнасилование женщины, нарушение договора, обман, подлог, по-види-

1) Акты, т. V, с. 194.

тому, не были известны якутам и не наказывались. Только нарушение брачного договора обеспечивалось к а л ы м о м. Нарушение границ и всякие поземельные споры составляют теперь главную часть поступающих в родовые правления дел и исков: в 1867 г. в Якутских округах, по официальным данным, было решено дел в управе 1 870, и из них поземельных споров 1 855; в Вилуйском округе на 3 786 дел больше половины земельных. Кроме пени, у якутов как наказание употребляются еще: публичный при сходе выговор, отдача в работу и заключение в карцер. Последнее, по-видимому, русское нововведение. Наказание розгами совершенно было неизвестно якутам в старину. И теперь они прибегают к нему крайне редко и с большим отвращением. На севере не знали даже, в чем оно заключается, и раз в Колымском улусе, когда сход не знал, что делать с непослушным членом, и решил, по совету приезжих с юга якутов, высечь его, то обратились ко мне с расспросами: "где следует бить" и нужно ли при этом "класть и раздевать" или "закон не позволяет" (Колым. ул., Унджа, 1883 г.). Обыкновенно как принудительной меры бывает совершенно достаточно мирского давления. На юге, где мирские связи ослабли, встречаются уже и ослушники, у которых отбирают в наказание скот или заставляют силою повиноваться. Многие решения родовых сходов поражали меня своей странностью, но, присмотревшись ближе к жизни и обстоятельнее расспросивши мотивы, я всегда находил в основе глубокое уважение к личности и стремление к равенству. Я, конечно, не говорю о решениях заведомо неправильных, несогласных с обычаем и народной совестью, вынужденных экономическим давлением воротил или административным произволом.

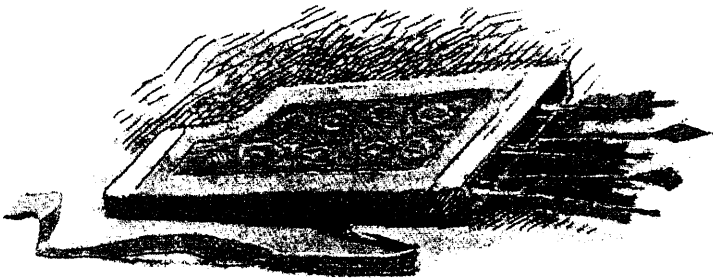

Рис. 134. Колчан со стрелами.

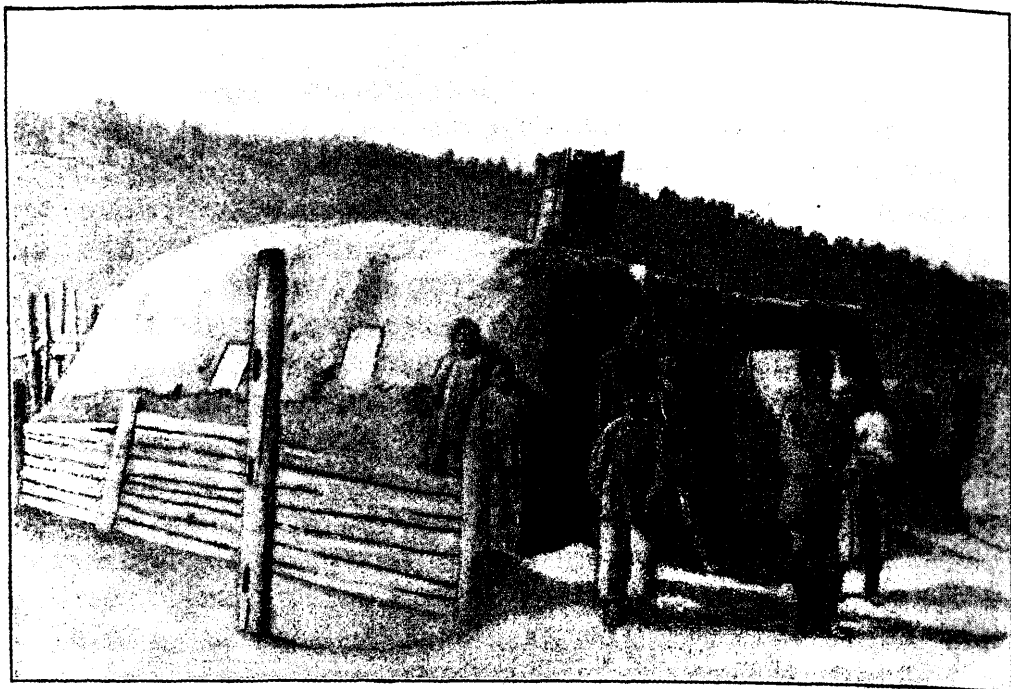

Рис. 135. Якутская к э р г э н (Амгинско-Ленское плоскогорье, с фотогр.).

XI. Семья

У якутов наряду с простой семьей существует сложная, отвечающая римской familia. Они называют ее и е-у с а, что точно значит: материнский род ¹⁾. Кроме названия, якутское и е-у с а не имеет ничего общего с материнским родом древних этрусков, ликийцев, современных делаваров, могикан и других племен, считающих родство по женской линии. И е-у с а считает родство по мужской линии и охватывает все его степени вплоть до *девятого колена*, до легендарных с ы г а н, которым "не грех позволить утонуть". Так как с ы г а н, по уверению многих, составляет также границы отчего рода, а г а-у с а, так как из обеих групп числение ведется по мужской линии, так как в обеих исключаются девушки, вышедшие замуж, то в теории обе группы сливаются. В действительности они сливаются только в том случае, когда отчий род, а г а-у с а, состоит всего из одного материнского рода, и е-у с а; тогда одна и та же группа лиц является то тем, то другим, смотря по обстоятельствам: если дело идет об ее административных правах, поземельных порядках и т.п., она высту-

1) И е — мать, у с а — род.

пает как а г а-у с а, как основная единица якутского самоуправления; если же говорят об ее внутренней, более интимной связи, она называет себя и е-у с а. А г а-у с а, "отчий род", обыкновенно состоит из нескольких и е-у с а, "материнских родов", так как редко одна семья разрастается в относительно короткий срок настолько, чтобы могла образовать особый административный центр, и редко экономические или географические причины бывают достаточно сильны, чтобы вынудить ее к этому. Это может случиться только в совершенно новых местах, малолюдных и отдаленных. Обыкновенно ветви и е-у с а остаются в одном и том же "отчем роде", хотя родство между ними "вышло" (б а р а м ы т), хотя они достигли предела с ы (г) и утратилось ясное представление о той супружеской паре, которая подразумевается в основе всякой и е-у с а. Такие утратившие связи ветви образуют особые и е-у с а, присваивают себе исподволь особые названия и перестают считать себя родственниками "по телу и крови" (к а н-э т ь-у р у), они удерживают только память общего происхождения и причисляют себя к одному и тому же "отчему роду".

Так как несомненно доказано, что у якутов еще очень недавно, во время пришествия русских, была полигамия, то можно предположить, что под а г а-у с а подразумевалось все потомство, происшедшее от одного отца, а и е-у с а — это его ветви, происшедшие от разных жен. Это предположение в свою очередь заключает догадку, что когда-то у якутов существовало материнское счисление родства. Предания о том, что многие отчие роды и даже целые наслеги получали свое название от женщин, подтверждают это.

Считаю нужным напомнить, что якутский род, по какому бы типу ни считалось якутское родство, существовал, по нашему мнению, значительно раньше зарождения теперешних брачных обычаев и теперешней якутской семьи, что был он по преимуществу группой лиц (к ы т ы г а с), совместно владеющей и пользующейся стадами, домами и охотничьей добычей, и что чувство кровной связи было вначале очень смутное. Только по мере того, как отчетливее обрисовывались формы современной семьи, в то же время резче обозначились и теперешние степени родства. Нужно думать, что вначале внутри якутского рода различались только старшие и младшие, братья да сестры, матери да дети и уже впоследствии, сравнительно недавно, появились племянники, внуки, деды, тетки и дяди. Внимательное изучение якутских преданий, якутских названий родства и самого родственного их сознания делает это почти достоверным.

Родство вообще якуты обозначают словом у р у; но у р у значит вместе с тем и *свадьба*, и *родство, приобретенное путем брака*. В отличие от последнего родство *кровное* зовут э т ь-к а н у р у т а — родством тела и крови. Уже эта прибавка намекает на то, что понятие

теперешнего кровного родства выделилось из общего корня, подобно тому как цвета голубой и зеленый выделились в языке якутов позднее из общего корня к ю о х с помощью приставок: небесный и травяной (х а л л а н-к ю о х и о т-к ю о х). Другого выражения для понятия *родства*, кроме у р у, у якутов нет, если не считать еще более неопределенное т ö р д ö, что значит: корень, начало, происхождение. Объем у р у значительно обширнее и е-у с а. Например: дети сестры, даже внуки ее считаются у р у; у р у будут мать, отец, братья жены, между тем как они ни в каком случае не числятся членами и е-у с а. И е-у с а могут быть только "сородичи" а г а-у с а плюс *чужеродка-мать*.

Каждое якутское и е-у с а имеет особое прозвище; в настоящее время это по большей части какие-нибудь испорченные русские фамилии, полученные в оное время предками при крещении от крестных отцов. Среди них встречаются: Виноградовы, Корякины, Сыромятниковы, Покатиловы, Степановы, Слепцовы и т.д. Многие семьи параллельно удержали и свои старинные, чисто якутские прозвища. Мне, например, говорили, что род Б ö т ю г ö т, Хатынгариинского наслега (Намск. улус) состоит из четырех и е-у с а: Х о б о х т о х, К ö т а х, С ю г е х е р д а х и А р к ы; семьи эти в официальных списках названы совсем иными русскими фамилиями. И е-у с а К о б е л е в того же наслега, рода Б ё ч а к, в старину называлась М а л а х а н и е-у с а; и е-у с а Н о с к о в Бётюнского наслега, рода Д ж а р б а, называется Ы х а р; В и н о к у р о в ы Кусаганнельского наслега, рода К ö д ö к а н, принадлежат к и е-у с а М о л о х н е й и т.д.

Многие якуты, особенно женщины, очень нетвердо знающие свои официальные, русские фамилии, всегда почти знают якутские названия своей и е-у с а.

Группа и е-у с а и отношения ее к а г а-у с а, как мы видим, весьма интересны. В литературе я не нашел следов, чтобы она была кем-либо до того замечена. Я сам наткнулся на нее очень поздно и чересчур мало собрал материалов для более подробного ее описания. Пока ограничусь этим кратким о ней упоминанием и перейду к разбору семьи в узком смысле, в смысле одной брачной пары и ее детей.

У якутов нет специального слова для точного обозначения такой семейной группы. Чаще всего они говорят: к э р г э н¹⁾. Но к э р г э н — слово двусмысленное; вернее всего, оно значит: *домочадцы*. По поводу его мне давали самые разноречивые ответы:

1) Kärgrän, по Бётлингу. Он переводит его: familie (с. 55).

"К э р г э н — это только мать, отец и дети, это только родственники, у р у. Посторонних, хотя они живут вместе, не называют к э р г э н; разве от большой дружбы, как зовут "брат", хотя он и не брат" (Намский ул., 1892 г.).

"Кэргэн — это отец, мать, жена, дети, это все те, которые живут в одном доме; даже посторонние люди, даже рабочие и сожители будут к э р г э н" (Нам. ул., 1891 г.). Я сам слышал, как кэргэн употреблялось в смысле "едок", в смысле тех, которых данное лицо обязано кормить и содержать, причем включались временные "нахлебники": и т ы м н и , к у м у л а н. Характерно также, что родной сын, раз он выделился и ушел на сторону — "стал сам господином", по выражению якутов, — перестает считаться к э р г э н; между тем племянник, внук, внучка, приемыш, раз они живут в доме деда или дяди и работают на них, хотя бы в отхожих промыслах, считаются к э р г э н. Это бросает особый свет на всю эту группу.

Брачные обряды и былины, где есть указания на похищения жен в недавнем прошлом, как будто намекают на рабское происхождение этой группы. Есть даже прямые на это указания: "Ч а х а р — старинное слово, оно значит то же, что теперь к э р г э н. Это слово тяжелое, от него люди плачут... Хорошие хозяева его не говорят. Я только раз слышал, как богачка Лукина в сердцах назвала своих домашних ч а х а р д а р"¹) (Нам. ул., 1891 г.).

"Ч а х а р-ч а х а р д а р — это те, которые должны на тебя работать, это рабы, к у л у т т а р. От этого слова сердце сжимается... Теперь вместо него говорят к э р г э н" (Нам. ул., 1891 г.). В к э р г э н младшие подчинены старшим, а все подвластны главе: отцу, старшему брату, взрослому сыну, реже — матери, умной, энергичной вдове. Сестер и теток на этом посту я не встречал: обычай, кажется, не допускает этого. По отношению к главенству обычай говорит довольно ясно:

"В семье *кто старше — тот глава, а самый главный — отец*" (Баянт. ул., 1885 г.). "В семье глава — отец да мать; отец больше, мать меньше. Если отца нет, а мать глупа или молода, то дядя..." (Верхоян. ул., 1881 г.). "Отец — господин, он что хочет, то и делает. Захочет — все раздаст и разматает, захочет, даже детей отдаст посторонним в работники" (Нам. ул., 1890 г.).

1) Множественное число от ч а х а р. Ч а х а р а м и зовут в Китае пастухов богдыханских стад. Это пограничные племена, живущие вблизи "великой стены". Риддер ("Землевладение", т. II, с. 24), Ковалевский и др. говорят, что это пограничные монгольские войска. Г.П. Потанин считает их за отдельное племя. Пишут их иногда ч а х а р, иногда ч ж а х а р. Название производят от слова граница. Возможно, что якутское ч а х а р и монгольское ч а х а р просто случайное созвучие.

Рис. 136. Старик — огонior, глава семьи (Амгинско-Ленское плоскогорье, с фотогр.).

Такие ответы на прямо поставленный вопрос о семейном главенстве получаются единогласно во всех уголках Якутской области, но они выражают в настоящем не больше как известное идеальное стремление, мораль вроде христианского: "Люби ближнего, как самого себя". На деле же якутская семья представляет нечто другое, и только подчинение женщин проведено в ней более строго, подчинение же младших старшим подлежит в свою очередь еще более общему закону: подчинения слабых — сильным, немущих — имущим. Я знаю, правда, много случаев, когда отец, старший брат, дядя насильно женили или отдавали замуж младших членов семейства, отдавали их в работники посторон-

ним на очень тяжелых условиях и всю плату присваивали себе; знаю случай, когда отец завладел вещами сына, отнял у него топор, лодку, продал сено, накошенное им совершенно самостоятельно, а сын только жаловался на свою судьбу и ничего не мог сделать (Колым. ул., 1883 г.). Знаю случай, когда родители *продали* 8-летнюю свою дочку проезжему чиновнику (Борог. ул., 1884¹). Много раз видел и слышал я, что старшие жестоко бьют домашних, особенно жен и детей, но знаю не менее того и обратные примеры. Знаю случаи, когда младшие братья играли более видную роль в семье, чем старшие; когда сыновья тоже били до слез престарелых родителей; когда жена, не стесняясь присутствия посторонних, грубо обращалась с хилым, болезненным мужем, даже била его и открыто держала в доме любовника (Колым. ул., 1883 г.; Намск. ул., 1888 г.); когда дочь, сознавая, что она единственная в доме работница, совсем не слушалась родителей, делала что хотела, отказалась от выгодного брака и на глазах у всех гуляла с парнями (Колым. ул., 1883 г.). Знаю случаи, когда старики не смели продать фунта масла, воз сена, не смели ничего купить без спроса у взрослого сына.

Все это не считалось чем-либо необычным и вызывало не больше порицания со стороны общества, чем жестокое или несправедливое обращение с детьми. О каких-то строго патриархальных отношениях, о

1) Купил ее ныне умерший верхоянский врач Лабуц.

каком-то глубоком прирожденном или воспитанном чувстве почтения к старшим у якутов не может быть и речи. "Не только не кормят, не почитают, не слушают, но часто ругают и бьют стариков. Сам, собственными глазами видел не раз: бьют якуты родителей... Бьют и бедные, бьют и богатые, бьют худые, бьют и почетные, бьют и отцов и матерей..." — рассказывал мне молодой парень Бётюнского наслега (Нам. ул., 1892г.).

Над стариками не прочь в разговорах подсмеяться. "Чудак старик, слепец, делающий навыворот, обращающийся назад..." — говорит поговорка (Нам. ул., 1892 г.). В сказках часто встречаются забавные описания стариков: "С белеющими на висках волосами, с пестрыми волосами на темени, с многоцветными волосами, вырастающими из носа, с всклокоченной бородой, говорящий басом — господин хозяин" (Нам. ул., 1891 г.)¹). С дряхлыми, выжившими из ума родителями якуты обращаются совсем дурно. У этих прежде всего стараются отнять остатки имущества, если таковое имеется; затем постепенно, по мере того как они становятся беззащитнее, с ними обращаются все хуже и хуже. Даже в домах относительно достаточных я встречал таких живых скелетов, худых, морщинистых, полунагих, а то и совсем голых, прятавшихся по углам, откуда они выползали только в отсутствие посторонних, чтобы погреться у камина, подбирать вместе с ребятами крошки брошенной пищи или ссориться с ними из-за того, кому вылизать опорожненную от пищи посуду.

Случалось, что их прямо выгоняли вон и заставляли нищенствовать, "скитаться меж юрт". Это далеко не всегда бывает последствием нужды. В 1882 году в Верхоянске зимой замерзла в поле старуха нищая, мать жены одного из тамошних богачей. *Род* не мог заставить зятя кормить старуху, так как она считалась *другого рода*, а добровольно он знать ее не хотел.

Богач Винокуров, один из выборных членов Намской управы, никогда не мог сладить со своим отцом-стариком Н э х э н и постоянно судился с ним. Старик жаловался миру, что сын плохо его кормит, что не дает платья, что обращается с ним дурно, непочтительно. А сын доказывал, что "старик мот, глуп, привередлив, что все, что получает, отдает людям, что ест чересчур много" и т.п. Мир многократно приказывал Винокурову-сыну выдавать отцу определенное количество мяса, муки, масла, тара, чая, сахара; сын обещал, но ничего не исполнял, а требовал, чтобы отец шел жить к нему. Старик не соглашался и ходил по соседям

1) Джангчиги аса сарытыйбыт, иннин аса кырыктыйбыт, мурун аса бурутуйбут, томтуруйбутбытыктах, доргоннох сангалах — тоён киси.

побираясь, пока не умер скоропостижно в поле (Намск. ул., Хатырицкий наслег, 1891 г.).

Подобных примеров много в настоящем, в прошлом было не лучше. В сказке "Дурак" (А к а р ы) младший сын, герой и умник, ловит в петлю старуху мать, бьет ее дубиной, что слушателями принимается за очень забавную шутку. В олонго К ё н ч ё-Б ё г ё герой того же имени приходит к отцу-матери "рассерженный, раздосадованный; заставляет кричать высокое место, заставляет шуметь нижнюю преисподнюю. Не входя в дом, засовывает непоседу-кнут сверх нижней колоды главного окна и раскачивает дом, приподнимает до тех пор, пока по концам потолка, сверх балок, не начинает светиться".

Замечательно, что расходившегося сына унимает не отец, а мать, напоминая, что она "носила его девять месяцев под жилистой брюшиной, что родила его в мучениях, вырастила маленького, воспитала-укрепила нежного-болезненного". Да откуда могло взяться у якутов особое почтение к старости, когда у них сохранилось еще совсем живое предание о том, как в былое время убивали дряхлых матерей и отцов ¹⁾?

"Если кто позволил родителям умереть своей смертью, над ним то смеялись, то ругали, говоря: "Черный пес, позволивший черту съесть своего отца" (Баягант. ул., 1885 г.).

"В старину сыновья убивали отцов. Выроют в лесу яму, хитростью заманят туда и, столкнувши, засыпают живых землею. Иногда старики были настолько еще крепки, что выскакивали и убежали, тогда вдогонку им пускали стрелы" (Намск. ул., 1890 г.).

"Таких крепких иногда убивали, что когда, догадавшись, не хотели выходить и прятались в хотоне, то нельзя их было оторвать от столбов, от скамей и приходилось ломать последние... Так, должно быть, было — так рассказывают" (Нам. ул., 1891 г.).

"Некогда хоронили стариков живьем. Оденут их в лучшее платье, выведут хитростью в лес, где уже приготовлена яма, станут говорить ласковые речи и столкнут вниз неожиданно. Убивали иногда таких крепких, что те успевали выпрыгнуть и убежать, тогда пускали им вдогонку стрелы... Иногда старуха мать, догадавшись, испуганная пряталась в хотоне и молила-просила о пощаде, хватаясь за столбы, за кольца для привязывания коров... А бывали такие крепкие старухи, что двое воинов сыновей не могли их оторвать от прясел и выволакивали на двор вместе с деревом... Тут, притащивши к яме, перебрасывали через подставленные колена головой вниз..." (Намск. ул., 1891 г.). Отсюда, верно, источник поговорки: "Проломив отцу голову — живет богатый человек" ²⁾. Так

1) См.: Худяков. Сборник, с. 183.

2) Ага бага тосту оlorбут— байки си.

говорят о людях надменных, самоуверенных, не знавших печали и неудач (Намск. ул., 1892 г.).

Еще хуже ведут себя якутские сказочные герои относительно *старших* братьев, дядей и теток. В олонго "Богатырь Шумный и Богатырь Бешеный" *младший* брат убивает *старшего* (Намск. ул., 1890 г.). В предании о разбойнике М а н ч а р ы тот убегает из дому, сжигает запасы сена и делается разбойником только потому, что *старший брат* осмелился его ударить (Кол. ул., 1882 г.).

В вышеупомянутой сказке А к а р ы герой является в дом к *тетушке*, совершает всякие непозволительные шалости, наконец, убивает ее ребенка и ее мужа. Характерно также, что в якутских олонго, обратно нашим, сильнее, удачливее, героичнее старших героев являются *младшие* их братья и их сыновья и т.д. В жизни с братьями и дядями церемонятся еще менее, чем с родителями, если только сила не на их стороне. Сила — грубая сила кулака или сила голода — властвует в теперешней якутской семье и как бы лишней раз напоминает рабское ее происхождение. Правда, я видел раз, как 70-летний бессильный старик колотил палкой здорового 40-летнего сына, богатого, совершенно самостоятельного хозяина, чуть ли не выборное родовое лицо, а сын стоял смиренно и не смел даже уклоняться от ударов, но старик этот владел еще значительным *имуществом*, еще им распоряжался и держал в повиновении семью жадностью, страхом лишить строптивых доли наследства (Баяг. ул., Бесан, 1886 г.).

Если в большинстве семейств мораль, требующая повиновения старшим, соответствует действительному положению дел, то только потому, что в известный период старшие оказываются самыми сильными и самыми деятельными членами семьи. Добродушие и уживчивый характер отдельных личностей нередко смягчают эти отношения.

В зажиточных семьях, где большое количество скота, или право на большие земельные угодья, или заведенная торговля позволяют пользоваться наемным трудом и дают значительный доход независимо от личного труда, власть отца и матери как собственников, особенно первого, усиливается и держится долго, до того момента, когда старики совсем одряхлеют и лишаются способности соображать простейшие вещи. Обыкновенно смерть застигает их раньше. Такой порядок, я думаю, выработался недавно и поддерживается в значительной степени распространением русских воззрений и русских законов. В старозаветных якутских семьях, где хозяйство основано почти исключительно на скотоводстве, где требуется постоянный личный надзор, а значит, больше личной силы и инициативы, — момент перехода власти в руки сына наступает значительно скорее. А в бедных семьях, живущих исключительно трудом рук и промыслом сильнейшего или даровитейшего, власть еще быстрее

переходит к нему. Тщетно борются с этим старики, никакие наказания и запреты родовых властей не помогают, не помогают никакие поучения отцов. Младшие, естественно, стремятся возможно полно воспользоваться результатами своего труда и, как скоро почувствуют силу, начинают бороться за свои права.

"Что мне сделают? Возьму и уйду в город, на прииски, или наймусь в работники к богачу... От него уже не отнимут!.. Пусть требуют, пусть возьмется... А скот все равно сдохнет без присмотра, богатство разворуют люди. Это все равно как бывало в старину: худые родители — взял лук да стрелы и ушел свою долю промышлять, а старики оставались ни с чем..." — объяснял мне свои воззрения один из таких строптивых, бойких юношей (Намск. ул., 1891 г.).

Сознание своей зависимости от детей вполне признается и родителями.

"У нас нет, как у вас на юге, "банка", где деньги рожают деньги... Да и что пользы в деньгах дряхлому и одинокому — еще только убьют. Да и откуда взять денег якуту... Все, чем мы кормимся, чем одеваемся, сам видишь, от земли, от скота... А земля и скот требуют постоянного труда, ухода, досмотра. Не доглядишь, перестанешь трудиться — все сейчас же расплозлось, рассеялось, погибло... Деньги тут не помогут: дети, единственно дети, наша надежда!" (Намск. ул., 1888 г.).

"Для нас, якутов, в этой нашей ледяной земле иметь много детей выгоднее, чем иметь много денег и много скота... Деньги разойдутся, скот подохнет, а хорошие дети-промышленники найдут, добудут" (Колым. ул., 1883 г.).

"Дети — вот наш капитал, но только хорошие дети..." — осторожно оговорился вышеупомянутый баягантайский старик Капитон, который палкой колотил своего 40-летнего сына" (Баяг. ул., 1885 г.);

"Хорошего работника и за большие деньги трудно достать, а ребенок вырастет — работник будет, да еще какой — даровой!.." (Верхоянск, 1887 г.).

"Дети — это богатство, только воспитать их трудно!" (Колымский ул., 1887 г.).

Если исключить физиологический элемент родительской любви, который распространяется главным образом на первые годы жизни ребенка, то в этих чисто хозяйственных соображениях да в боязни одинокой жалкой старости, думаю, следует искать источник той видимой привязанности к детям и той относительной мягкости в обращении с ними якутов, которые подчас ставят в тупик наблюдателя. С одной стороны, более редкие побои детей, чем среди наших крестьян, более приветливое и благодушное с ними обращение, с другой — продажа детей, крайне утилитарное к ним отношение и безжалостная эксплуатация их труда.

Из страха одинокой старости, думаю, проистекает также та страстная жажда потомства, которая считает бесплодие несчастьем, чуть ли не грехом, а плодovitость — добродетелью (Верх. ул., 1882 г.). Особенно мало-мальски состоятельные семьи сильно проникаются этим несчастьем и в случае бесплодия многократно обращаются к богине плодородия А и с ы т, приносят ей богатые жертвы, призывают шаманов и шаманок и подвергаются иногда весьма неприятным способам лечения. Знаю случаи, когда жены мирились с присутствием любовниц в своем доме, считая это неизбежным последствием своего бесплодия (Намск. ул., 1889 г.).

Смерть маленького ребенка, встречаемая довольно холодно в многолудных семьях, вызывает искренние стоны и причитания у одиноких.

"Потух огонь моего дома, укоротились его искры, остался я точно черный опаленный столб, точно пень без сучка, точно дым с рассеянной верхушкой!"¹⁾ — рыдают они (Намск. ул., 1891 г.).

Я знаю много примеров отчаяния, вызванного утратой детей, раз нет надежды иметь их больше.

Мельник Михайло, Бётюнского наслега, после смерти единственной 20-летней дочери бросил насиженное место, оставил на произвол судьбы дом и мельницу, распродал в убыток себе скот и уехал в город, подальше "от мест, принесших несчастье" (Намск. ул., 1890 г.).

Многие начинали беспросыпно пьянствовать, а один знакомый мне мирской воротила после утраты единственного сына стал вдруг ко всему равнодушен, погрузился в разгул и в ответ на все увещевания повторял ни к селу ни к городу: "Иные живут, ходят, работают..." (Намск. ул., 1889 г.). Если собственные дети, как мы видели, часто суровы и даже жестоки со старыми родителями, то чего должны они ждать от посторонних? Из статистики самоубийств, где дряхлые старики составляют преобладающий процент, из жалоб этих стариков, часто трогательных и глубоко трагичных, видно, насколько справедлив их страх перед одинокой старостью.

"Пожалеют пищи, отгонят от огня, ругать станут за всякий пустяк, не доглядят в болезни... и так, прячась по углам, умираешь медленно от холода, от голода, точно не человек, точно скот... в молчании..." — жаловалась мне одна бездетная одинокая старуха. "Единственная надежда у нас, якутов, на детей, на любовь детей: воспитаешь крошечного, маленького, он и привыкнет" (Намск. ул., 1889 г.).

Если родители благодаря личным своим недостаткам или особенной черствости ребенка не сумели привлечь его и подчинить себе, то раньше или позже в семье возникает глухая борьба. Женщины — сестры, дочери, матери — в таких случаях бывают уступчивее: они слабее физически,

1) См. т. II.

притом не имеют никаких почти прав как *члены рода*, не имеют прав на землю, на имущество, на *независимую* жизнь; они подчиняются очень скоро, чаще всего даже не пытаются бороться. Для них нет места вне семьи. Другое дело мальчики: они, прислушиваясь к обсуждению общественных вопросов, быстро знакомятся с правами мужчин и проникаются родовым духом, отрицающим всякие привилегии, кроме личного превосходства и труда. По мере того как растет количество исполняемой ими работы и выказывается в тех или других случаях их ловкость и житейская опытность, они все увереннее и настойчивее требуют от семьи внимания к своему голосу и исполнения своих желаний; в противном случае они не хотят исполнять предлагаемой им работы или делают ее до того вяло, небрежно, до того все время "пилят" стариков попреками, что эти постепенно уступают. Раз якут-отец заметил в сыне такие наклонности, он торопится выделить его, если только хозяйственные соображения допускают это. В противном случае власть неизбежно переходит к сыну. Некоторое время старики официально удерживают за собой представительство, иногда сын оставляет им это утешение до конца жизни, но без санкции настоящего властелина семьи распоряжения их не исполняются. Центр внимания и послушания ее передвигается от стариков к молодым. Из подневольных, бесправных, бессловесных работников они в свою очередь делаются господами и так же обращаются со стариками.

"Пусть плачет... Пусть голодает: и я плакал от нее не раз, и пищи она мне жалела. Била за пустяки", — говорил равнодушно сын в ответ на обращенные к нему упреки за суровое обращение с матерью (Нам. ул., 1891 г.).

"Они не нянчили меня, своего дитя, так, как нянчат детей другие, имеющие детей; они не оказывали мне почета, как отец и мать почитают рожденного ими... Они ни разу не накормили меня своим теплым горшком, ни разу не клали спать в своей теплой пазухе, ни разу не разговаривали со мной ласковым словом. Пусть же лучше вместо этого я буду человеком, не зачатым от отца, не родившимся от матери. Буду лучше человеком, не пользовавшимся наследством отца-матери..." — говорит герой олонго К ё н ч ё-Б ё г ё. Этого сына, который оказывается сильнее и доблестнее отца, последний хочет собственноручно застрелить и посылает на разные опасности и испытания¹⁾.

В семье же уравновешенной, где отношения вполне установились, власть *главы*, кто бы он ни был, над трудом и имуществом членов не ограничена. Такая семья представляет поистине рабскую картину. Особенно безотрадны положение женщин, которые не играют никакой роли в якутском роде и которым поэтому неоткуда ждать поддержки.

1) Худяков, с. 176.

"Как вы это допускаете? Почему отдаете ему? Слушаете его? Обратитесь к князю, к миру!" — советовал я жене, которая жаловалась на эксплуатацию мужем труда ее и сына-подростка, на его мотовство и распутство, грозившие пустить всех их по миру. "Князю? Сколько раз жаловалась! Князь выслушает и ничего не скажет... а муж после еще больше дерется и делает все навыворот..." — ответила она безнадежно (Намск. ул., 1891 г.).

Чаще всего женщины покорно отвечали:

"Такова судьба, ничего переменить нельзя... ничего не поделаешь... Мужчина — господин, ему нужно покоряться. Он все находит, он нас питает. Он работает вне дома, а мы дома..." (Колым. ул., 1883 г.).

Эта работа вне дома сводится главным образом к участию в мирских сходках и вечному шлянню по гостям. Благодаря этому мужчине, конечно, легче ориентироваться при найме, продаже или покупке чего-либо, он, естественно, делается развитее и сообразительнее. Сознательно или нет, но глава семьи ревниво сохраняет за собой монополию внешних сношений, и даже отлучки домочадцев без его ведома строго им преследуются.

Нажить барыши, добыть съестного или денег, упромыслить что-либо на стороне считается, по мнению якутов, более ценным, чем тяжелый повседневный труд, поддерживающий изо дня в день существование семьи. Это называется "добыча", б у л т; человек "добычливый", б у л ь ч у т, считается "счастливым", д ж о л л о х; семья особенно любит и балует его. Думаю, что такое отношение к труду членов семьи тоже указывает косвенно на военное, хищническое прошлое якутской к э р г э н.

В сущности, доля труда, вносимого в семью главою, особенно при более взрослых детях, совсем незначительна. Только во время сенокоса он работает наравне с другими. Остальное время, как старинный б а т ы р, он шляется по окрестностям в виде семейного сторожевого пикета, наблюдая за ее внешними интересами. В старину он вместе с другими делал это для *рода*, теперь задачи его сузились и часто отождествляются с его личными удобствами.

Надо видеть, как раболепно относится к своему главе благонравная якутская семья. Никто не смеет стать между ним и огнем, раз он греется у него или смотрит на него; женщины не смеют тогда даже пройти мимо огня и обходят камин сзади. Никто не смеет в его присутствии возвысить голоса; домочадцы разговаривают полупшепотом; ни игр, ни суеты. При его появлении на всех точно наваливается камень. Даже в такой добропорядочной семье, как семья Аполлона Слепцова, на Андылахе (Колымского улуса), где я прожил около года и где духовным главою, в сущности, была умная, добрая жена Аполлона, с появлением последнего в доме

водворялась какая-то принужденность: девушки переставали шутить и смеяться, а парни переставали приходить вечерами на веселые посиделки. Пища ухудшалась, разговоры становились степенными, удручающе скучными и вертелись главным образом около того, кто, что и где "добыл". Вечера проходили в унылом молчании, нарушаемом только отрывочными возгласами, да шуршанием кож, мятых женщинами в полутьме, на женской половине, да треском пылающего огня. Иногда кто-нибудь из гостей степенно пересказывал новости, а хозяин, сидя у огня, лениво ему поддакивал.

"Зачем такая перемена? — спросил я как-то жену Аполлона — Разве Аполлон не добрый?"

"Нет... но нельзя ему позволить молодежи шуметь при себе... люди осудят и перестанут уважать..." (Колым. ул., 1882 г.).

То же желание сохранить престиж заставляет мало-мальски зажиточных якутов избегать некоторых видов труда, в особенности женского, который искони считается рабским. Только нужда равняет всех, и только в бедных семьях, *нанимающихся на работы*, мы видим, что глава, муж или отец, принужден работать что прикажут, и не меньше, а, пожалуй, больше других членов семьи. Но это вызвано уже условиями рынка, где требуется по преимуществу мужской труд и где он лучше оплачивается.

Итак, мы видим, что в якутской к э р г э н все члены являются как бы придатками главы. Понятно, что, когда члены эти проникаются чувством равноправности и пробуют отстаивать свою личность, совместная с ними жизнь главы делается невыносимой. Понятно также, почему такими строптивыми членами в якутской семье являются исключительно сыновья; они члены *рода*, по достижении известного возраста равные всем другим сородичам, в том числе и *отцу*. В этом противоречии и заключается главный источник разделов, до того естественный, что сыновья считают себя обиженными, раз их долго не выделяют.

Сами якуты разделы объясняют различно.

"Правда, — говорили они мне, — жить и работать вместе выгоднее, все крупные семьи богаты, но среди нас мало согласных семей. Уступать друг другу мы не любим и вот вместо того, чтобы ссориться, делимся" (Нам. ул., 1892 г.).

"А все от женщин... Женщины в семье чужие люди, пришлые издали... Не сходятся друг с другом нравом, не прощают друг другу сказанного слова... Некоторые мужьям неверны, те воровки, иные неряшливы, мотовки, сварливы, ленивы... Свекор и свекровь не равно их любят... вот отчего ссорятся... Из-за детей, из-за мужей, из-за горшков, из-за всякого пустяка... Ссорятся жены, а за ними и братья, даже сыновья с родителями, а затем и дерутся... Вот отчего уходим" (Нам. ул., 1891 г.).

Все это верно в том только случае, когда авторитет отца уже ослабел,

в противном случае живут вместе по два и по три женатых сына и ссор не заметно. Но так как авторитет отца легко падает в глазах взрослых сыновей, то среди якутов очень мало неразделившихся, многолюдных семейств. Стремление к независимости до того сильно, что я знаю семьи, живущие под одним кровом, совместно владеющие землей, совместно убирающие сено, у которых скот, пища, платье и все остальное раздельно. Всем услугам и обменам ведется строгий учет, пожалуй более строгий, чем с соседями (Верх. ул., 1882 г.). Недаром говорит якутская поговорка: "Стадо волков не выкапывает общей норы" ¹⁾.

Слышал я и такие объяснения: "Отделяем сыновей потому, что хотим собственными глазами увидеть, как они жить будут сами по себе, хозяевами... Какова будет их судьба, какими станут людьми... Мы, якуты, любим выводить в люди. Любим глядеть, как множится, увеличивается рожденное нами... как вырастает и богатеет наше потомство... От этого у стариков сердце радуется" (Нам. ул., 1892 г.). Несомненно, что к разделу по большей части побуждает вся совокупность причин: и желание избежать ссор, и охота увидеть, как устроится сын, и влияние инородных женщин; но главная причина, мы думаем, — это боязнь отца потерять власть в доме. Иначе трудно объяснить, почему иногда оставляют дома не самых младших, а самых смирных ²⁾, почему отец часто выделяет обоих сыновей и на их место берет в дом подростка внука, племянника, даже чужака приемьша. Эти лица, раз они прожили несколько лет в доме и работали на семью, приобретают такое же право на часть наследства, как если б они были родные дети.

Величина доли, получаемой выделяющимся членом семьи, зависит от общего богатства семьи, от количества остающихся малолетних братьев и сестер, наконец, от расположения к ним отца.

Якуты говорят, что отец может совершенно лишить сына наследства, но я таких примеров не знаю. Зато знаю случаи, когда сын судился с отцом за то, что тот ему мало выделил, что он, проработав много лет, получил несоразмерно мало. Расположение отца имеет, конечно, большое значение: он при жизни в случае каких-нибудь злоключений охотнее помогает любимым детям и настойчивее заступает за них в родовом совете.

Я не мог точно узнать, какую долю имущества, при прочих равных условиях, получает по обычаю каждый ребенок. Кажется, что тогда все они получают поровну. Выделяя первого сына, отец разбивает обыкно-

1) Худяков, с. 2.

2) Семья Слепцовых на Андылахе, Колым. ул., 1883 г.; семья Сыромятниковых, Баягантайский ул., 1886 г.

венно все свое имущество на равные пай по числу наследников, причем на себя с женою кладет тоже один пай (Намск. ул., 1891 г.).

"Братья берут равно. Если сыновей нет, то берут родственники. Те берут разное: кто сильнее, богаче — берет больше, кто слабее, не может, тому дают меньше; но мы, якуты, думаем, что больше следует давать бедному, женатому: у него детей много, он нуждается, а богатому, холостому, одинокому следует давать меньше... Однако так никогда не бывает..." (Нам. ул., 1891 г.).

"Обыкновенно всем детям, и сыновьям, и дочерям, дают поровну... Иногда дочерям дают больше, жалеючи. Им дать нужно: они уедут к чужим, если мало принесут с собой, их не будут любить!" — объясняли мне якуты исключительные случаи дележа (Намск. ул., 1890 г.). В действительности чаще бывает наоборот: сыновья получают больше. Им же достаются земли, дома, которые не могут быть отчуждаемы в другой род и, следовательно, исключены из женского наследства; им же после смерти стариков достается весь пай последних. Из этого пая замужние дочери не получают ровно ничего; незамужние же хотя и получают немного, но наравне с малолетними детьми мужского пола и сами до замужества поступают в опеку к братьям или другим родственникам по отцу в мужской линии. В случае их отсутствия малолеток берет в опеку *род*; но даже очень близких родственников по матери ни в каком случае к этому не допускают¹⁾.

Если смерть застигла отца до раздела, то он производится семейным советом (и е-у с а м у н я х) на тех же приблизительно началах. Решения семейного совета могут быть обжалованы *роду*.

Духовные завещания, по-видимому, не были известны древним якутам. Воля умирающего исполнялась свято, но она касалась главным образом указаний, как и где вырыть могилу и какого коня убить, чтобы похоронить вместе с хозяином, какие положить с ним вещи. Теперь богатые якуты иногда делают завещания, но последние признаются действительными только тогда, когда они написаны официальным лицом: родовым писарем или священником. Это стоит очень дорого — не меньше коня или коровы "за труды", — поэтому составление завещаний практикуется крайне редко. Кроме того, якуты чувствуют отвращение к составлению заранее завещания, которое как бы заживо их хоронит и лишает, они думают, права распоряжаться имуществом.

1) Привожу для примера записанный мною в Намском ул. *раздел* сыновей богатого якута Ивана Слепцова. У старика, когда он выделял старшего сына, Семена, было 150 голов скота. Этому сыну он дал 40 голов; несколько лет спустя выделил среднего сына, Николая, которого богато женил и дал 30 голов; Николай получил за женой большое приданое, к а л ы м за его жену старик тоже внес большой. Младшему сыну,

Иногда, впрочем, престарелые родители делают в управах официальные дарственные записи сыновьям и даже посторонним, в которых подробно перечисляют, сколько имущества передают и на каких условиях. Условия сводятся обыкновенно "к содержанию, присмотру и *почтению* при жизни и приличным похоронам после смерти" (Намск. ул., 1892 г.). Иногда подробно перечислено, сколько и чего, в год или месяц, должны одаренные доставлять дарителям. Эти условия ведут к неиссякаемым недоразумениям, ссорам и судбищам, от которых всегда страдают интересы стариков.

Род (а г а-у с а) крайне неохотно вмешивается в семейные дела; представление их на обсуждение родовому сходу всегда производит некоторый скандал. Только там, где сильно задеты родовые интересы, где части имущества грозит переход в другой род или родители хотят передать туда ребенка мужского пола, сородичи выступают энергично и дружно.

С точки зрения рода, больше прав на наследство имеют дяди, племянники, всякие братья, чем, например, *родная замужняя дочь*. Вдова, раз выходит вторично замуж, в другой род, теряет права даже на своих детей. Знаю случаи, когда после покойного, за недостатком родственников в мужской линии, наследовали *сородичи*, совершенно посторонние люди, между тем как родная сестра умершего, вышедшая замуж в другой род, не получила ничего. Родовичи 3-го Баягантайского наслега вытре-

Андрею, дал 40 голов. Последнему все не везло: умирали его жены, сдыхал скот; сам Андрей свихнулся, стал мотать и играть. Старик больше всего любил этого сына и при жизни постоянно помогал ему. Выделив сыновей, Иван взял в дом Семенова сына, внука Павла. Когда тот вырос, он и его женил и выделил, давши 60 голов скота. Затем взял у среднего сына внука Николая. Этого он тоже воспитал, женил, но выделить не успел и умер. После смерти старика осталось около 150 голов скота, которые сыновья его так поделили между собою:

20 голов взяла мачеха, вторая жена старика; она столько же привела в приданое;

10 голов получила одна из малолетних ее дочерей с условием, что мать передаст ее вместе со скотом на воспитание Андрею;

20 голов получила вторая дочь, оставшаяся у вдовы;

10 голов взял Семен;

7 голов взял Николай;

15 голов взял Андрей;

10 голов взял Павел (внук);

30 голов взял Николай (внук).

Остальной скот ушел на похороны, на подарки попу, властям, был роздан дальним родственникам. Дома, земли, постройки, остальное недвижимое и движимое имущество поделили наследники *по согласию*, сообразно нуждам и недостатке, поровну (Намск. ул., 1890 г.).

бовали обратно и разделили между собой часть калыма, внесенного покойным за высватанную из другого улуса невесту. "Он с ней не спад, доказывали они... Никто этого не знает!.." (Баят. ул. III-й, урочище Туруялах, 1886 г.). Даже если отец завещал или передал при жизни часть имущества *дочери, вышедшей замуж в другой род*, то не обходилось без процессов и нареканий. Но если семейные дела не вступают в явную коллизию с родовыми, то, повторяем, род неохотно занимается ими.

Существует, несомненно, скрытый антагонизм между интересами рода и семьи. Тонко и изящно он отмечен якутами в следующей легенде, основанной на действительном происшествии.

"Старик Иона в молодости был другой. Много он народу обидел, пустил по миру, много впоследствии обогатил и заставил благословлять себя. А случилось это тогда, когда умер его единственный сын Гаврилка-князь. Стал тогда старик все свое огромное богатство раздавать людям... кому в долг, кому совсем даром; бедным больше, богатым меньше. Помогал нуждающимся, давал на общество. Это он выстроил нашу управскую церковь. "Зачем мне скот, зачем мне богатство, одинокому слепому?" — говорил. Он ослеп под конец. И отдавал все людям, а, умирая, деньги, что имел в банке в Иркутском городе, внес за подати и недоимки своего наследя за несколько лет. Таков стал некогда жесткий богач Иона..." (Намск. ул. Кусаганнельский наслег, 1891 г.).

Якутская к э р г э н очень древняя; развитие ее стоит в какой-то смутной связи с разведением рогатого скота. Последний называется "женским скотом", д ж а х т а р с ю ö с ю, в противоположность конному "мужскому скоту", э р к и с и с ю ö с ю. "Для ухода за рогатым скотом нужны женщины..." (Баят. ул., 1886 г.). "Рогатый скот все больше около дома, за ним и ребенок, и женщина присмотреть может" (Намск. ул., 1888 г.). Якуты-мужчины, не считающие унижительным доить кобыл, стесняются доить коров.

Рис. 137. Головка ребенка.

ХII. Дети

Рис. 138. Н ю с т е р, 7-летний мальчик с Е н г ж и.

Якутские браки довольно плодovиты. Плодовитость уменьшается к северу, но и там она в среднем всюду выше тунгусской¹⁾. На юге она не уступает плодовитости русских и даже превышает ее. К северу уменьшается количество *не рождаемости* плодных пар, насколько я заметил, а скорее увеличивается процент совершенно *бесплодных пар*. В среднем, по уверению якутов, рождаемость их женщин равняется десяти детям от одного мужчины. Случается же, рожают 20 и более, и это далеко не такая редкость, как у нас.

Среди лично известных мне примеров, я отметил: один случай 22 рождений, один — 20, один — 19; большинство колебалось между пятью и десятью²⁾. Период размножения у якутов приблизительно тот же, что и у русских, начинается на 15 — 18 году и кончается на 45 — 50.

1) По официальным данным, первым по количеству рожениц будет Олекминский округ, затем Якутский, далее Вилюйский и Верхоянский. Только Колымский окр. стоит как-то особо: в нем процент рожениц то возрастает до 13%, то падает до 5,8%, что, думаю, нужно приписать неверности сведений.

В 1879 году на общее количество лиц женского пола:

В Олекминском округе	3 993	рождений	293 (7,3%)
В Якутском округе	59 777	рождений	3 328 (5,5%)
В Вилюйском округе	27 039	рождений	1 605 (5,8%)
В Верхоянском округе	5 521	рождений	205 (4,8%)
В Колымском округе	1 675	рождений	98 (5,8%)

(Стат. свед. Якут. обл. 1879 г.) Цифры рождений меньше действительных, так как целая масса новорожденных, умерших до крещения, не поступила в списки.

2) Привожу несколько записанных мною случаев: 1) якутка Намского ул. Бётюнского нас. Федотия Сарина (по мужу) была повенчана на 20-м году, прожила в заму-

Знаю, впрочем, случаи, когда забеременевали 12-летние девочки, и случаи, когда рожали *60-летние старухи*. О мужчинах якуты того мнения, что в 60, даже в 80 лет они способны иметь детей.

Многие из них сходятся с женщинами очень рано; богачи женят своих сыновей очень рано. Я знал в Баягантайском улусе 14-летнего мальчика, женатого уже два года; он был не повенчан, но жил с женой в доме отца, так как калым за девушку был уплачен. Ранние браки якуты плодовитыми не считают. "Кто очень рано женится, немного детей имеет. Кто рано с женщинами балуется, скоро их любить перестает; так замечаем мы, якуты" (Намский ул., 1891 г.).

Якуты представляют пример народа, где преобладает не только количество рождающихся младенцев мужского пола, но и взрослых мужчин над женщинами. По поводу преобладания младенцев мальчиков я слышал такое мнение: "Плодовитая женщина всегда рождает больше мальчиков, чем девочек".

жестве 30 лет; рожала девять раз; из числа детей семеро умерли, один родился мертвым, в живых осталась одна дочь. 2) Акулина Сарина (по мужу), того же улуса и наслега, вышла замуж на 18 году, в настоящее время ей 36 лет, рожала девять раз; все дети умерли (1891 г.). 3) Дарья Сарина (по мужу), того же улуса и наслега, вышла замуж на 19 году, теперь ей 30 лет; первые три года у нее не было детей, затем стала рожать ежегодно, все дети умерли (1891 г.). 4) Настасья Карякина, того же улуса Хатынгариинского нас., рода К и р д ж и г е с, вдова, вышла замуж *тринадцати* лет, в настоящее время ей 50 лет; рожала 10 раз, последний раз три года тому назад, осталось в живых детей двое: сын и дочь. 6) Марья Винокурова, того же улуса Кусаганнского нас., рода К ё д ё к а н, прожила 70 лет, рожала 20 раз, в живых осталось только пять детей. 6) Агафья, того же улуса Кусаган. нас., рода Б о р о д ж о й; рожала 19 раз, в живых осталось пять сыновей и две дочери. 7) ? Слепцова, -Верхоянского улуса, Юсальского нас., между 16 и 24 годами рожала 6 раз от разных мужчин; детей осталось в живых — один. 8) ? Слепцова Колымского ул., Кангалаского нас., вышла замуж на 20 году; в продолжении 8 лет рожала пять раз; все дети в 1983 году были живы (Енгжа, 1883 г.). 9) ? Слепцова Колымского ул., Кангалаского нас., во время опроса ей было 80 лет от роду: на котором году вышла замуж — не помнит, кажется, на 15-м, рожала 22 раза; последний раз была беременна на 60 году. Одиннадцать детей осталось в живых. Дождалась внуков; вся ее разросшаяся семья состояла в то время из 24 человек: 4 сыновей, 2 дочерей-невест, одной вдовы, 4 дочерей замужних, 8 внуков, 4 внучек и 1 правнука. Приведу еще несколько примеров более крупных известных мне якутских семейств: 1) Семья вдовы Алёны Хатынгариинского нас., Намск. ул., рода Х а м а л г а - 6 сыновей, 2 дочери и 12 внучат, живут врозь. 2) Семья Микифора Бётюнского нас., рода Н у ч ч а — 5 сыновей, 2 дочери, 15 внуков, живут врозь. 3) Турулин, Одейского нас. — 6 сыновей, ? дочерей; вся семья вместе с внуками и невестками состоит из 48 лиц; живут врозь, семьями.

"Без ошибки можно сказать, что женщина, рожавшая 18—20 раз, принесла не менее 12—14 мальчиков и только 5 девочек" (Намский улус, 1891 г.). Бесплодие в супружестве якуты приписывают исключительно женщинам¹).

"Если нет детей — виновата баба..." (Намск. ул., 1890 г.). Бесплодные женщины держат себя в семье как-то особенно покорно и застенчиво. Впрочем, я слышал и более осмысленные объяснения бесплодия: "Если муж и жена сильно разнятся в годах, если жена много старше мужа — детей не бывает" (Намск. ул., 1889 г.). "Если муж и жена не любят друг друга, то детей будет мало или совсем не будет: не жметса женщина к мужчине, которого не любит... откуда же возьмутся дети?!" (Намск. ул., 1891 г.).

Обилие детей, как я это отметил выше, считают за "божье благословение". Несмотря на вообще страстный, ревнивый темперамент якутов, мужа в расчете на потомство не прочь смотреть сквозь пальцы на шалости жены, раз сами потеряли надежду иметь от нее *собственных детей*. Я знаю случаи, когда мужа любили и баловали, как родных, детей, заведомо прижитых женами от посторонних. "Все равно ребенок... Берем же мы чужих ребят!" (Намск. ул., 1890 г.). Якуты охотно усыновляют детей или вступают с родителями в сделки "навсегда" или "на время". В первом случае усыновляющие платят обыкновенно родителям или роду, во втором — сами требуют вознаграждения. Вознаграждение это, впрочем, небольшое: несколько рублей в год или подарок. Только когда богачи отдают беднякам по суеверным побуждениям "питать дитя", те, как плату, обыкновенно получают корову в удой и постоянные подачищей и деньгами. Как со взятыми на воспитание или усыновленными, так и с собственными детьми якуты обыкновенно обращаются довольно внимательно. Тем не менее дети мрут в первые годы ужасно. "Мрут эти наши ребята без числа. Только так зря мучаются, рожая, якутские женщины", — простодушно признают якуты (Намск. ул., 1888 г.).

1) Вообще виновна в рождении детей, по якутским понятиям, женщина. По этому поводу позволю себе привести небольшую историческую справку. "В Якутске прошел слух, что одна якутка родила странного урода. Якуты со страхом говорили об этом явлении, считая его предвестником несчастья, потому что во всех уродах они видели воплощение злого духа. Они верят, что число чертей постоянно увеличивается, и что все черти страшно некрасивы... Я послал за отцом новорожденного и узнал от него, что урод родился в феврале, в его отсутствие, от 45-летней якутки, из рода Мелшехсиса (?), живущего в Мегинском округе. Отец называется Турун, 76 лет, Биршинишского рода (?). Отец отрицал всякую *виновность* со своей стороны в рождении урода, ссылаясь на то, что он прижил с семьей женами 22 ребенка вполне здоровых, не считая урода, единственного прижитого ребенка с восьмой женой (Гмелин, В. II, р. 455-459).

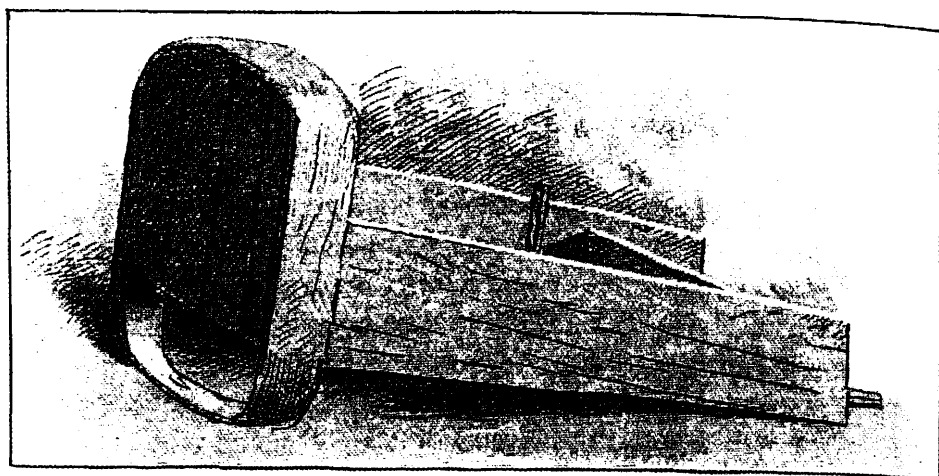

Рис. 139. Якутская зыбка.

Зависит это от нужды и общего низкого уровня культуры, не допускающих пока иного ухода за детьми, кроме существующего, даже у богачей. Уход этот очень прост.

Бабка, получив новорожденного (н и р е й о г о), несет его сейчас же перед пылающий огонь и там, поливая изо рта водою, иногда подогретой, а иногда холодной, моет его наскоро. Умывши, тут же натирает всего свежими сливками. Умывание и купание ребенка обыкновенно ограничивается этим одним разом, если же повторяется, то очень неправильно и в длинные промежутки времени. Купание, по мнению якутов, предрасполагает к простуде, да оно и среди взрослых не в обычае. Зато ребенка часто натирают сливками, и чем чаще, тем это считается полезнее. Во время натирания ребенка слегка подгревают у пылающего огня, причем сливки быстро всасываются кожей; старательно разминают, "правят": ножки, спину, живот и ручки, чтобы "они не были кривые" (Верхоянск, 1881 г.). Младенцев пеленают только на время сна широким мягким "ровдужным" ремнем.

Спят дети обыкновенно в лубяной зыбке, похожей на небольшое продолговатое лукошко, с лубяным же навесом, приделанным над головой. Ребенок закрывается сверху меховым одеяльцем и зашнуровывается ремнями, привязанными к краям зыбки; под него же подстилают какое-нибудь старое тряпье, стружки или измельченное гнилое дерево, конечно, высушенное. Между ног помещают трубочку, приспособленную для стока мочи наружу. На ночь зыбку мать ставит около себя. Первые три дня новорожденного кормят мало. В иных местностях все эти три дня совсем не дают молока, а вместо него жидкий чай и подслащенную воду или соску из старой просфоры, сухарей, вообще хлеба. Затем мать начинает кор-

мать грудью, а в случае недостатка молока ребенка сразу приучают к рожку и коровьему молоку¹).

Без рожка не обходится ни один якутский ребенок, так как у якуток обыкновенно молока немного. Грудью кормят детей очень долго. Я видел пятилетних мальчуганов, которые, завидя сосущих младших братьев, ревели до тех пор, пока и им не давали хоть немножко пососать. Особенно часто дают сосать ночью, ради успокоения ребенка; зато днем иногда долгие часы дитя лежит голодное, иззябшее, мокрое и неистово ревет на всю юрту, вперемежку с привязанными в углу телятами; оно тщетно взывает к матери, работающей во дворе или сильно занятой внутри дома. Вообще поплакать у якутских детей причин немало: то насекомые их едят, то холодно, то голодно, то желудок режет от прокисшего молока. Якуты мирятся с этим и только стараются не давать детям сильно "закатываться", отчего, по их мнению, ребенок глупеет (Верхоянский ул., 1882 г.). Убаюкивают якуты детей, качая в люльке, для чего последняя снабжена в головах полукруглым поперечным полозом. Усыпляют также легкими, быстрыми ударами по боку и ягодицам, что при тихом, однообразном напеве действует на ребенка замечательно снотворно. Некоторые матери употребляют еще один способ усыпления (преимущественно с капризными мальчиками), который на всю жизнь прививает им нередко ужасную болезнь²).

К новорожденным якуты не проявляют особенной нежности. В первые недели, по-видимому, только матери обращают на них внимание: они нюхают, целуют и ласкают их с заметной страстью³). Отцы же относятся к новорожденным довольно-таки холодно. Редко случается, чтобы в первые недели отец взял дитя на руки. Молодые мужчины, как я мог заметить, даже стыдятся и брезгают детьми. Только впоследствии, когда ребенок начинает самостоятельно сидеть, двигаться и кое-что понимать,

1) Рожок этот есть отпиленный конец коровьего рога, обделанный ножом. К нему привязывают сосок из вымени коровы вместо гуттаперчи. Ребенка кладут навзничь, в рот всовывают сосок, мать поддерживает рожок и подливает в него изо рта молоко, по мере того как оно высасывается ребенком. Когда ребенок подрастет, он сам держит рожок руками.

2) Онанизм.

3) Пеленая или убаюкивая, они разговаривают с ними и дают им разные ласкательные прозвища: а ч ч и г и й к а н — малюсенький, к у т а и — искорка, к у д е я — богатырь, т ю ю н (смягченное д о г о р у м) — товарищ, друг мой, б ы р а к т а н (исковерканное б а р а к с а н) — бедняжка, ч и ч а х и м — моя пташка, с у р д ю к а н — хрупунчик, б у ч и й б а ч и й и т.д., по большей части вышедшие из употребления или позаимствованные из детского же словаря выражения... "Когда очень любят, вместо о г о м (мой ребенок) говорят ы н г е и м. Что это значит, не знаю; это как будто любят и как будто ругают!" (Намск. ул., 1892 г.).

мало-помалу зарождается интерес к нему и у отцов. Они сажают его кое-когда к себе на колени, играют с ним в свободное время, разговаривают. Только старые, опытные отцы быстро входят в свою роль и страстно привязываются к ребенку. Не раз я был свидетелем ссор между супругами из-за детей, препирательств из-за того, кому на ночь положить спать около себя б а л ь ч и р. Б а л ь ч и р называется ребенок, который начинает сидеть; это случается на третьем месяце. В старину в это время ему давали первое имя ¹⁾. Через полгода ребенок начинает ползать, а около года стоять и ходить. Как только дитя начало ползать, его спускают на пол, где оно шныряет по всей избе. Для таких путешествий его коротенькую рубашку, обыкновенно сшитую из разного тряпья, подвязывают узлом на спине. У бедных оно весь день, даже зимою, ползает голенькое или одетое в коротенькую кофточку из телячьей кожи. Иногда на ножки надевают кожаные чулочки. С тех пор, как дитя стало самостоятельно передвигаться, оно обязано само себя развлекать, промышлять игрушки, и отчасти пищу. Оно подымает и сует в рот всякие съедобные и несъедобные крохи, ест угли, ремни, гвозди; чего только не ест!.. От таких лакомств его часто рвет, за что получает от испуганной матери чувствительные шлепки. В ту пору оно вступает в большую дружбу с собаками, которые охотно лижут его засаленное тельце, ручонки, личико. Оно любит кошку и всюду ползает за ней, но последняя старательно избегает его. Несомненно, что в то время самым большим его вниманием и любовью пользуется огонь. Якутское дитя вечно толчется около очага, рано убедившись, что в юрте только в кругу света, отбрасываемого пламенем, достаточно тепло и сухо. Упершись ручонками в шесток, оно подолгу всматривается своими большими черными глазами в алые струйки, обвивающие бревна, прислушивается к шипению и гулу огня и, подражая им, плюет и шипит само. Вероятно, отсюда взято поверье, что "ребенок, не понимающий еще человеческой речи, понимает говор огня, пение птиц, язык животных, предметов и духов... Узнавши человеческий говор, теряет этот дар" (Колым. ул., 1883 г.).

В этот период своей жизни оно действительно чаще бывает с огнем, животными, неодушевленными предметами, чем с людьми. Взрослым некогда, а подросткам и детям скучно с малышом; они убегают к сверстникам. Особенно летом дитя заброшено; во время сенокоса, запертое в пустой избе, оно весь божий день проводит, ползая по полу, где и спит, уставши от крика и плача. Но и тогда, когда люди дома, на ребенка не обращают особенного внимания, и можно удивляться, как это тысячу раз его не растоптали коровы, не задавили люди поленьями и пр. Оно посто-

1) "Второе имя получал, когда мог натянуть лук" (Намск. ул., 1891 г.).

янно толкается у очага, на котором стоят огромные котлы с кипящим молоком или водою, и тем не менее якутские ребята мрут не столько от внешних повреждений, сколько от внутренних болезней: поноса, простуды, кори, оспы, голода и т.п. Когда взрослые надолго уходят из дому и оставляют на огне полные котлы или же им необходимо исполнить какую-либо спешную работу, а ребенок лезет и не слушается, то прибегают к очень остроумному средству: привязывают ремнем детей к столбу, что стоит посреди юрты перед огнем, таким образом, чтобы ребенок мог двигаться и играть, не подвергаясь опасности. Для привязывания у детского кафтана пришиты сзади нарочно медные кольца.

В этом возрасте якутские дети обыкновенно жирны и пухлы и отличаются от наших только смуглостью тела, да малыми размерами головы в сравнении со всем корпусом. В этом возрасте кормят их особенно старательно, и якуты сами ради этого готовы не доедать: "Ребенок нуждается в пище. Он слаб, ему труднее переносить голод... Долго ли ему умереть!.." (Намск. ул., 1890 г.).

Если мать не кормит своею грудью, то на такого ребенка полагается полкоровы, т.е. половина ежедневного от одной коровы удоя. Если пищи в доме достаточно, то даже самые скупые кормят ребят вволю.

По мере того, как дети вырастают, порции их остаются все те же, часто даже уменьшаются. Как подспорье им отдают всякие объедки или предоставляют вылизывать посуду после старших. Нередко случается видеть якутского ребенка до того углубившимся в это занятие, что из-под огромного котла или чашки, которые он для большего удобства, понятно, надевает на голову, видны только маленькие ножки да обхватывающие края посуды ручки.

Одевают якуты маленьких детей несравненно хуже, чем подрастающих. Дома до трех лет большинство детей ходит голыми. По мере подрастания их наделяют штанами, кафтанами, обувью, рубашкою, наконец, шапкой и рукавицами. На это якуты приводят доводы, не лишённые основания:

"Маленький ребенок все дома, в тепле, а более взрослые отлучаются, ходят. Их необходимо одевать хорошо" (Намск. ул., 1883 г.).

В зажиточных семьях детей одевают старательно с самого раннего возраста, как только они начинают ходить; им шьют костюмы точь-в-точь такие, как у взрослых, отличие заключается только в большей пестроте и обилии украшений. Подол платья, отвороты обуви, б и л е, обыкновенно вышиты серебряными блестками; девочкам вплетают в волосы бусы, бисер, металлические подвески, на шею вешают корольки, серебряные цепочки, а в уши серебряные серьги. В своих нарядах эти маленькие существа выглядят необыкновенно забавно. Раскормленные, толстые, важные, они представляют точные копии своих папенок и маменок, спе-

сивых хотун (госпожа) и тоёнов (господин). В возрасте от 5 до 10 лет дети якутские кажутся европейцу наиболее красивыми, так как в это время они наименее отличаются от наших детей. Только они какие-то не бойкие, мало предприимчивые и чересчур послушные. Даже разыгравшись, они не производят и половины того шума и движений, какие делают наши ребята. В семье, где их несколько, долго не замечаешь их присутствия: спрячутся в угол, усядутся кружком на полу и мастерят что-нибудь, разговаривают, ссорятся, рассказывают сказки, поют; но все это вполголоса, не увлекаясь никогда до крика, до громкой песни. Достаточно грозного оклика кого-либо из взрослых, чтобы они тотчас же примолкли и рассеялись. Только когда дети остаются одни, они несколько оживляются, да летом — в лесу, в поле, в сосновых рощах, где особенно любят собираться:

"Там гладко, чисто, там есть шишки..." (Намск. ул., 1888 г.).

"Мы любим ходить на луга, где цветы, где мурава, где близко вода и можно купаться", — объясняли мне мальчики (Намск. ул., 1889 г.). Тут они, по меткому выражению взрослых, "ходят табунами", озорничают, устраивают примерные охоты, игрища, свадьбы, задают пиры из ягод, корней, рыбок, украденной дома пищи. Тут они танцуют, шаманят, борются, ловят рыбу и зверя, гоняются за мелкими птичками и шумно преследуют своего любимца — полосатого бурундука. Во всем до мелочей они стараются подражать старшим.

Сложных, организованных детских игр у якутов мало. Они не знают ни мяча, ни бабок, ни "свинки", ни других наших деревенских игр. Я видел только одну, действительно красивую оригинальную якутскую детскую игру: игру в "сокола и уток" ¹⁾. Зато в их играх я нашел много отголосков старины. Так, способ петь "горлом" х а б а р г а н а н, употребляемый теперь только детьми, был, по преданиям, когда-то всеобщим у якутов; детская ворожба при помощи "горящей лучинки", "соломенных ножек" и т.п. и теперь еще изредка употребляется шаманами; детские же "скороговорки" ч а б а р г а т ы л, несомненно, заключают в себе отрывки старинных заклинаний ²⁾.

1) Она состоит в следующем: на ровной поляне в удобном месте кладут на расстоянии 2 — 2¹/₂ сажени параллельно две палки длиной 4—5 саж. Палки эти изображают "берега", за палками "вода", между ними "дорога". Посередине одной из палок ставится подросток, выбранный за "сокола"; остальные дети выжидают случая, чтобы в характере "уток" пролететь по "дороге" мимо "сокола". Тот, кого он поймает, считается "умершим" и уходит из круга, тот, кто перепрыгнул через палку "в воду", тоже исключается из числа играющих. Погоня за "уткой" может увлечь "сокола" далеко за пределы "дороги"; тогда-то и весело; все в большой тревоге с криком и визгом рассыпаются по лужайке (Намск. ул., 1891 г.).

2) См. II том.

Игрушек у якутских детей чрезвычайно мало. Самые распространенные — это толстые обрубки длиной дюйма в два, украшенные простой резьбой и с вырезанными на одном конце рожками; такие обрубки должны изображать коров, быков и телят (рис. 140). Характерно, что у якутских детей я видел иногда изображения птиц, рыб, гусей, уток, разных зверей вроде зайца, но изображения лошадей я встречал как редкие исключения, равно как изображения медведя, волка и проч., никогда не видел также детей, играющих изображением орла. Девочки играют куклами, более взрослые мальчики стреляют из луков или строят из палочек юрты и урасы.

Так проходит детство большинства якутов: зимой — в одиночестве, так как у якутов редко есть дети однолетки, в сырых, темных юртах, среди собак и телят, под постоянным надзором старших, которые не любят с ними стесняться; летом — на дворе, в шумных совместных играх, в веселии на полной своей волюшке.

Работать приучают якуты детей исподволь, с самого раннего детства. Часто малыш, едва заметный от земли, напевая, собирает по целым часам ветки валежника в соседнем лесу или носит дрова в избу и держит полено больше себя ростом. Девочки, не умеющие вдеть нитку в иголку, подолгу сидят рядом с матерью и подрубают или шьют по ее указанию. Способность к рукоделиям у якутских детей замечательная, но они также скоро устают, как их родители, и не менее их ленивы. Чем старше они становятся, тем чаще приходится их наказывать. Правда, часто на них взваливают и непосильные работы: в 7—8 лет они уже водят быков; зимой и летом посылаются к соседям за несколько верст; нянчат младших, носят воду, помогают в поле, летом собирают коров, а зимой гоняют их к проруби, куда нередко необходимо тащить на веревке телят; если последние вырвутся, побегут к воде и случайно захлебнутся, с детей жестоко зыскивают. Летом детей заставляют собирать съедобные травы, корни и ягоды, а в земледельческих округах — колосья. Мальчики приучаются к мужской работе больше вне дома, девочки должны доить коров, нянчить детей, ухаживать за рогатым скотом. Это делается само собой, так как девочки льнут больше к матерям, а мальчики к отцам. Затем, насмешки взрослых и постоянный пример мужского высокомерия по отношению к женщинам и их труду рано заставляют мальчиков уклоняться от домашних женских занятий, и нет для них более жестокого наказания, как заставить их нянчить ребенка. Тем не менее родители руководятся только выгодой в распределении труда и первое время заставляют их исполнять без разбору все, что им под силу.

С 10 лет якутский ребенок начинает считаться как бы полувзрослым. Большая часть его времени поглощена трудом, играть ему некогда, к тому же вкусы его уже слагаются иначе; он любит смотреть, как взрослые

играют в карты, и сам не прочь проделать то же самое со сверстниками; любит толкаться на свадьбах, там, где раздают водку, или, присутствуя на общественных собраниях, зорко наблюдать из дальнего угла за ходом и решением разных общественных дел, в суть которых он, как свидетель домашних разговоров, посвящен не менее обстоятельно, чем любой взрослый. Его живо занимают сплетни, слухи, новости, и он является деятельным их проводником; он любит шляться по гостям. Наружность его меняется, он становится долговязым, смуглым; у многих вследствие плохой пищи неимоверно вырастает живот, между тем как остальные члены, руки и ноги, становятся тонки, как плети (см. рис. 23 и 127).

Подростки начинают заботиться о своей внешности, особенно девочки; подражая старшим, они моются и чешутся по утрам и неукоснительно кладут поклоны перед образами, вставши после сна и ложась спать. Заметна в них перемена и по отношению к старшим: они не так послушны, не так бессловесны, а девочки становятся стыдливы и дики. Обращение с ними старших тоже изменяется. По мере того, как их впрягают в ярмо труда, все чаще и чаще требуется понуждение, некоторая суровость, что сильно способствует обоюдному охлаждению. Я редко видел, чтобы ласкали подрастающих. Ласки вообще не в нравах. Члена семьи — отца, сына, брата, — возвратившегося из дальнего пути, встречают таким же троекратным лобзанием, как приветствуют их каждое утро после молитвы. К наукам дети якутские прилежны и понятливы. В гимназии в Якутске, особенно в низших классах, они идут впереди русских. Особенную способность проявляют в школах к арифметике, чистописанию и рисункам.

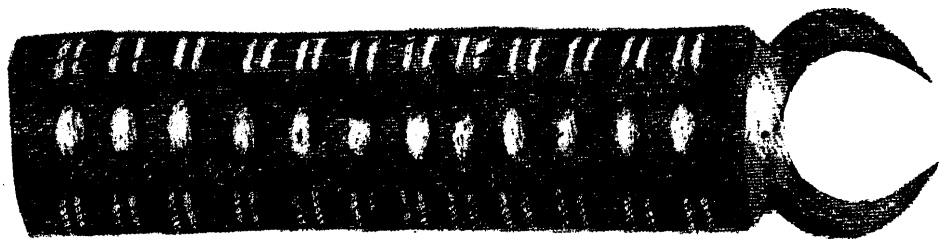

Рис. 140. Якутская игрушка: бык.

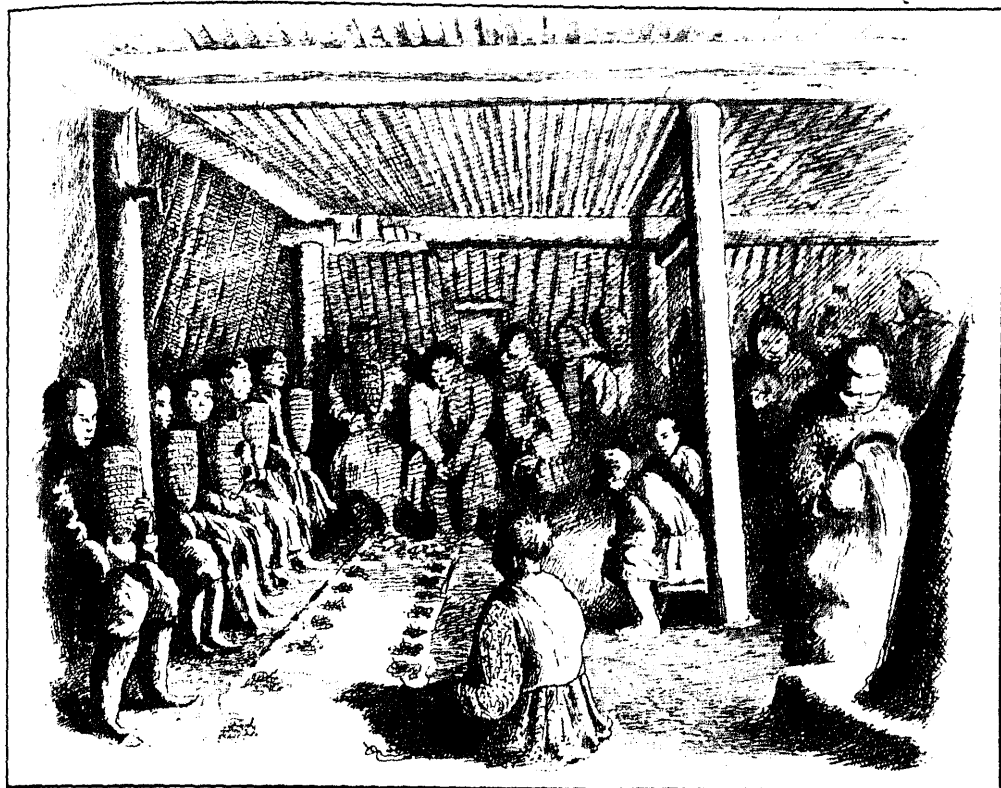

Рис. 141. Свадебный обряд (Колым. окр., с рисунка).

ХIII. Брак и любовь

Осень 1884 года я провел в Колымском улусе на *Енгже*¹⁾, у старика Ивана Слепцова, только что избранного в "князя" 2-го Кангалаского наслега. Как-то в половине октября к нам был послан "нарочный" с урочища *Унджа* с приглашением на свадьбу. Родовичи приглашали своего "князя", а по пути пригласили и меня. Проехать пришлось нам около 70 верст верхами; мы заночевали в пути и на другой день чуть свет подъезжали к дому якута Дмитрия, справлявшего свадьбу. Он отдавал замуж дочь, и предстоящее торжество было *первым* и самым *главным* из свадебных празднеств. Приближаясь к усадьбе, мы то и дело опережали кучки всадников, а вблизи дома настигли толпу женщин, ведших корову;

1) Это — населенная местность на запад от р. Алазея, приблизительно под 68° 15' с.ш. и под 170° вост. долг. (от Ферро).

все это были люди, принадлежавшие к роду невесты: они спешили на свадьбу. Свадебный поезд жениха, оказалось, ехал вслед за нами; он состоял из отца жениха, его дяди, свата — какого-то дальнего родственника, и двоюродного брата жениха, старше его годами. Все они, разодетые в лучшие платья, на лучших лошадях, ехали по дороге гуськом друг за другом. В самом конце ехал молодой и вел за собой пару лошадей, навьюченных мясом. Сват тоже вел пару вьючных лошадей.

В юрте Дмитрия, куда мы попали раньше поезжан, толпился народ. Когда высматривавшие с крыши караульщики дали знать, что поезд приближается, отец надел лучшую, лисью, шубу, подпоясался серебряным поясом, надел шапку из лап черно-бурой лисицы и вышел из избы вместе с матерью, одетой в такую же дорожную с наушниками шапку и праздничный тарбагань с а н г ы я х. Молодую одели также в дорожную шапку, рукавицы, в тарбагань дорожный с а н г ы я х и спрятали за ровдужную занавеску, нарочно устроенную за камином над так называемой "последней левой кроватью".

Между тем присутствующие высыпали на двор и в ожидании гостей выстроились в две шеренги: направо — мужчины, налево — женщины. Подросток верхом на неоседланной лошади во всю прыть понесся навстречу едущим галопом поезжанам. Подскакав к ним саженой на сорок, он круто поворотил лошадь и полетел обратно. Один из поезжан бросился за ним вдогонку, но, проскакав немного и убедившись, что соперника не догнать, присоединился к своим; эти тоже попридержали лошадей и ступью въехали в ворота двора. Здесь встретили их родственники молодой и отец ее подвел за уздцы коня будущего своего тестя к столбу и придержал ему стремя. Так же поступили присутствующие с остальными: каждого из них, смотря по почетности и близости родства с женихом, встречали и помогали им слезать с коней родственники невесты, соответствующей степени. Затем все вошли в дом и стали креститься на образа, здороваться.

Молодежь в то же время вносила в избу тюки с вещами и мясом. Только жених остался в поле за воротами и, оборотясь лицом на восток и глядя на загорающуюся зарю, усердно крестился и клал поклоны. Когда в избе расселись по местам и большая часть мяса была внесена и уложена перед огнем, за молодым пошел его двоюродный брат и повел его в юрту за кнут, который тот все время не выпускал из рук. Жених шел за ним с опущенной головой и закрытыми глазами. На молодом, почти детском, его лице заметно было глубокое волнение. В избе его встретили отец и мать невесты с образами в руках; они благословляли его, а в то время ведущий ухватил сзади за шею молодого и нагнул его троекратно к их стопам. После того молодой, совместно с двоюродным братом, внес еще какие-то тюки с мясом и положил их тут же перед огнем. Жених вскрыл

тот тюк, где зашита была сваренная целиком конская голова, отколупал из-под ее глаза три кусочка жира и бросил их порознь на огонь.

Вслед за тем кобылью голову унесли и положили в красном углу на земле, а жениха увели в угол направо и посадили лицом к стене, задом к присутствующим, на так называемой "последней правой наре", отвечающей "левой", где за занавеской сидела невеста. Жених так же, как и она, оставался все время в дорожном платье, в шапке и рукавицах и даже кнута не выпускал из рук. То же самое все его поезжане, несмотря на жару от пылающего огня, не сбрасывали своих дорожных костюмов; так же одеты были мать и отец невесты. Другие присутствующие немного погодя разделись. Началось угощение. Пирующие еще раньше расселись в известном порядке, который до конца празднеств оставался неизменным. Поезжане жениха, все 4 человека, сели на б и л и р и к е: первый — отец, дальше — дядя, затем — сват и, наконец, самый молодой из них — юноша, который водил молодого. Далее — дальние родственники и простые сородичи его уселись в той же линии ближе к дверям. Последним оказался жених: он сидел даже не в первом ряду, а позади всех. На кровати, называемой "первой" (бастынг орон), примыкающей под углом к б и л и р и к у, сел на первом месте отец невесты, за ним шаман его рода, дальше — "князь Иван" — мой хозяин, а за ним я и другие гости, родственники и родовичи невесты, все дальше, сообразно с богатством, влиянием, почетностью. Прислужник, один из дальних родственников невесты, одетый в дорожное платье, в меховой с а н г ы я х, шапку и рукавицы, подал отцу жениха огромный деревянный кубок (а я х), полный кумыса; такие же кубки он подал и другим поезжанам. Те, подержав немного, по очереди, возвращали их ему с тем, чтобы он отлил немного кумыса на огонь очага. После возлияния кубок возвращался к ним. Отпив немного, отец жениха приветливо передавал свой кубок отцу невесты, тот, отпив, передавал своей жене, а та дальше, другим родственникам. Лишь только отец жениха отдал свой кубок в очередь, сосед его, дядя жениха, передал ему свой. Подержав минуту и отпив немного, он отдавал отцу невесты, и так бокал шел вкруговую.

По окончании этой церемонии, то есть когда весь кумыс, налитый в бокалы, был выпит, подали завтрак: холодную закуску, состоявшую из "строганины", холодного вареного мяса и забеленного молоком чая с куском сахара и куском ржаного хлеба для более "почетных".

Немедленно после того убили быка и коня. Пока одна часть женщин и молодежи потрошила и свежевала их, другая приготавливала котлы для варки, таскала дрова и воду, оттаивала лед в соседней юрте. Мясо варили в присутствии гостей в огромных железных котлах и тут же вынимали и складывали на подмостках перед огнем посередине юрты, где раньше жених раскладывал свои сумы с подарками. Вскоре там появилась не

менее огромная куча дымящегося вареного мяса. Прежде всего, конечно, сварили потроха, налитые кровью кишки, сердце, печень ¹⁾, дальше — желудок, почки, грудину, целые ребра, расчлененные порознь, наконец, просто куски кобыльего и коровьего мяса, разрубленные, впрочем, так, что *кости голеней оставались не раздробленными*.

Некоторые гости затеяли картежную игру, но большая их часть с сосредоточенным вниманием следила все время за варкой мяса и приготовлениями к обеду. Молодежь шныряла взад и вперед со двора и толпилась больше за камином около невестиной занавеси; там шушукались, хихикали и сдержанно пошаливали. Замужние женщины-хозяйки чинно сидели на левой женской половине дома, на нарах вдоль стен в таком же порядке, как мужчины на правой; во главе сидела мать невесты. Они вяло разговаривали, позевывая, и все что-то ели. Большинство из них были одеты в дорожные шапки, шубы и рукавицы.

Когда обед был готов, молодые люди, родовичи невесты, совершенно независимые по положению, но в этот раз прислуживающие гостям, натрусили сена на полу перед поезжанами и растянули на сене кожу свежубитой кобылы и быка.

"Таков стол старинных якутов", — объяснили мне присутствовавшие.

Вслед за тем "мясодар", упоминаемый и в сказках под именем "Разбросай-Сарайба" (Ю р я й б я-С а р а й б а), ловкий опытный мужчина средних лет, стал на корточки перед горой мяса и быстро, умело разрезая его ножом, равнял порции и отдавал их своим помощникам раскладывать перед пирующими. Конечно, самые вкусные части и самые большие порции достались жениховым поезжанам. Перед каждым из них высилась огромная куча мяса, костей и жира, по крайней мере в полпуда весом. Когда я, по незнанию, спросил: "Думают ли они съесть все это сами?", мне ответили веселым смехом. Перед остальными гостями было положено меньше, в порядке убывающем, как они сидели. Женщины не были допущены к столу совсем. Они разобрали свои порции в отдельных судочках, турсучках, чашках и ели врозь, каждая в своем углу. В начале обеда хозяин дома поднес каждому из присутствующих по рюмке водки, молодежи и беднякам досталось меньше, иногда совсем мало, но старались не обойти никого. Затем по данному хозяином знаку все вдруг вынули ножи и наклонились к еде. Ножи эти сверкнули стройно, и фигуры нагнулись до того одновременно, что на меня это произвело впечатление

1) Куски сердца и печени якуты на свадьбах варят, затем обертывают тонкой пленкой желудочного жира, прокалывают деревянными колышками и вторично погружают в кипяток — получается довольно вкусное блюдо.

какого-то военного учения. Поевши немного, отец жениха поднялся с места с куском отборнейшего мяса в руках и с приличной речью передал его отцу невесты; затем, немного погодя, опять поднес с такой же речью мясо матери невесты и в очередь другим ее родственникам: брату, сестре и т.д., затем более уважаемым родовичам. По его примеру так же дарили родителей и родственников невесты другие поезжане. Вначале это делалось степенно, с речами, пожеланиями и излияниями, суть которых состояла в том, что вот "теперь мы свои люди, породнились, будем друг друга считать за родственников, будем жить в дружбе и согласии". Но дальше начался более торопливый и оживленный обмен и можно было только слышать восклицания: "сватья Варвара", "сват Иван", "сватья Анна", "дитя мое Семенчик" (Сеня), "господин мой свекор" и т.д., в которых как бы громко оповещались и закреплялись новые зародившиеся узы между этими лицами. В то же время пирующие ловко и быстро ели мясо, а все несъеденное отдавали женам или другим своим приближенным спрятать, чтобы увезти домой в подарок не приехавшим на свадьбу. Не прятали только поезжане, да, конечно, хозяин и хозяйка дома.

Вечером таким же образом справили ужин, с подобным же обменом мясом, жиром и костями, с такими же речами и пожеланиями. После ужина опять повторилась церемония с кумысом. Перед ужином пили и "делились" водкой¹⁾. Так прошел первый день. На другой день повторилось то же самое. Утром и в паужин пили чай с х а я х о м, строганиной и холодной закуской. Убили корову. Обедали и ужинали так же, с тем только отличием, что во время ужина слепой певец затянул песню. За это его одаривали то тот, то другой, точно так же, как это описано в "Одиссее", кто куском отборного мяса, кто жирным ребром кобылятины. Затем молодежь пробовала тянуться на палке, подымать тяжести: связанные вместе туши мерзлого мяса, людей — по два, по три, по одному, — на шее, на спине, и проделывали другие штуки пробы силы и ловкости. Старики смотрели на них, судили, хвалили и советовали.

На третий день обед подали рано. Поезжане жениха подобрались и приделались. Они, сидя безвыходно все это время на своих местах, порастегивались было и скинули второстепенные части дорожной одежды, хотя это и не принято. Нестерпимая жара и духота, образовавшаяся в юрте от людей, пылающего огня, пара, уносящегося из кипящих котлов, достаточно извиняли эту вольность. Когда, попрощавшись, поезжане и

1) Дележ состоял в том, что получивший свою порцию отпивал немного и отдавал рюмку тому, кому пожелал оказать он свое особенное благоволение.

Рис. 142. Заключительный свадебный обряд.

жених уехали, сейчас же были в избу внесены тюки, привезенные ими и хранившиеся до того в амбаре; их вскрыли и мясо, которое там нашли, тут же сейчас стали рубить на куски и делить между присутствующими родственниками и родовичами невесты. Каждый получил хоть немного. Мясо тщательно осматривалось и оценивалось. Вечером возвратились обратно поезжане с женихом. Их в отъезде накормили и угостили в соседней юрте, куда заблаговременно хозяйка послала все нужное. Их встретили во дворе с той же церемонией. Опять после ужина — игра в карты, состязания молодежи и в конце, на сон грядущий, длиннейшая старинная былина, пропетая слепым певцом.

Только на четвертый день после обеда родственники жениха собрались уезжать окончательно. Когда они уселись на лошадей, им подали по огромному деревянному кубку кумыса и затем весь поезд в обычном порядке — с отцом во главе и женихом в конце — повели родственники невесты кругом трех столбов коновязи, врытых посередине двора. Провели их кругом троекратно по солнцу. Всякий раз, совершив полный круг, останавливались, и всадники отливали кумыс из кубков на гриву своих лошадей. Оставшийся кумыс они выпили, кубки отдали своим вожатым и вскачь бросились прочь в открытые ворота. Торжество считалось оконченным. Но это была только половина свадьбы. Правда, с тех пор жених и невеста считались мужем и женой, но когда после уплаты всего калыма, иногда через 2 — 3 года, муж увозил жену к себе в дом, то опять там устраивали подобный же пир, который тоже длится три дня. Опять бьют скот, *делятся мясом*, пьют кумыс, и опять жених сидит все время в одном углу, повернувшись лицом к стене, а невеста в другом за ровдужной занавеской.

Современная якутская свадьба поражает своей молчаливостью и бедностью обрядов: ни песен, ни иносказательных представлений в лицах, ни хороводов. Говорят, что в старину было иначе. "В старину на каждой свадьбе присутствовал шаман, который при входе в избу жениха призывал громко на молодую чету благословение небесных духов" ¹).

"В старину пелись на свадьбах песни Белому Богу Творцу, Ю р и н г-А и-Т а н г а р а, восседающему на бело-молочном камне... и при этом кубки с кумысом подымались троекратно к небу" (Намский ул., 1891 г.).

В Колымском улусе я застал еще много лиц, которые знали свадебные песни; тем не менее на двух свадьбах, которые я там видел, ничего не пели (1884 г.). Не исполняли также обряда, о котором упоминает Маак ²), хотя все о нем знали. Именно: "в старину, когда невесту вводили в дом жениха, то она, пройдя сзади камина, перед тем как сесть за занавеску, становилась у огня на колени, бросала в огонь три кусочка масла, ставила три лучины и дула несколько раз, чтобы те вспыхнули" (Колым. ул., 1883 г.).

Был также в старину обряд х а р а м н и ю р ю л я х, у о т с а р д а х, о котором теперь редко кто и знает. Он состоял в том, что 9 кобыл, обыкновенно белых, которые жених приводил в подарок родственникам невесты, когда приезжал за ней, проводили перед стоящим на крыше дома с огнивом в руках человеком и тот добывал над каждой скотиной огонь, приговаривая: "Один жеребенок (б и р у б а х а), два жеребенка (э к к и у б а х а), три жеребенка" и т.д. Затем говорил: "Девушку дал я — пусть будет началом людей, скот дал я — пусть будет началом скота! Священный огонь пусть зажжется, пусть возникнет боже-ство дома!" ³). В конце речи огниво бросалось в трубу, где ловил его внизу один из домашних (Намск. ул., 1890 г.).

Кроме того, всякую свадьбу сопровождала масса необязательных, но характерных подробностей, вроде разрывания травы родителями над поникшей головой жениха в знак его покорности (Колым. ул., 1883 г.); тайного осмотра невестой жениха, когда тот шел поить коня (Колым. ул., 1884 г.); состязания пастухов и борцов; любительских скачек, игр и хороводов молодежи обоего пола. Все это или исчезло, или выводится. Якутская свадьба, особенно на юге, быстро русеет. Прежде всего, конечно, исчезает все, что связано с коневодством. У бедных исчезла "кобылья

1) Павлинов. Брачное право якутов. Памят. книж. Як. об. 1871 г.

2) Часть III, с. 95; см. также Худяков, стр. 131.

3) Кы сын биербытым, киси тёрдө буоллун; сьюсюню биер-дым, сьюсю тёрдө буоллун; Ал-уоту уотунун, иёримэ (!) джены терийдын г.

голова, которой в старину кланялись молодые" (Колым. ул., 1884 г.). Исчез кумыс и все связанные с ним обряды. Старинная кумысная посуда, огромные аяхи, ымыи, чороны стали редкостью, их заменили бутылки да рюмки, а здоровый национальный напиток — русская водка. "Вместо разостланной на полу кобыльей кожи стали богатые уставлять длинные столы с обеденными приборами; вместо обмена мясом — чокаются и целуются. В иных местах даже жениха и невесту пробуют вывести из углов и наравне с другими посадить за стол" (Намск. ул., 1890 г.). Последнее случается пока редко, и долго еще характерной чертой якутских свадеб будет полное отсутствие на них жениха и невесты. О них как бы желают забыть. Пищу подают им незаметно в особых лотках и чашках не свадебные "мясодары", а кто-нибудь из родственников. С ними не говорят, не упоминают их имени и невесту старательно прячут, а жених сам старается возможно меньше обращать на себя внимание.

На якутской свадьбе главную роль играет *род*: на одном ее пиршестве — род невесты, на другом — род жениха. Кроме родовичей, конечно, на свадьбе могут присутствовать и посторонние, но родовичи всегда составляют большинство; между ними, главным образом, и делятся привезенные подарки, они потребляют большую часть убитого скота¹). В старину этого скота убивалось очень много:

"У богатых в старину было десять обедов, о н а с л ы к, то есть убивали 10 штук скота" (Намск. ул., 1891 г.). Кроме того, много уходило на подарки. Многие исследователи указывают на разорительность старинных якутских свадеб. Сами якуты сознают это.

"Не в том дело, что калым платим: калым платим и обратно его получаем, а то главное, что люди много съедят", — жаловался мне затевший женитьбу парень (Колым. ул., 1883 г.).

На двух свадьбах, виденных мною в Колымском улусе, где скота так мало, на каждой было гостей больше 100 человек; все они жили, питаются преимущественно мясом, 3 дня, и каждый из них увез еще хоть немного с собой. Пока отдельные лица не смеют даже думать об уничтожении этих обычаев и ограничиваются только уменьшением порций, сокращением празднуемых дней и количества "обедов". И это вызывает всегда бурю нареканий и неудовольствий среди сородичей.

"Голодом чуть нас не заморил, прямо — бесстыжий (с а а т а с у о х). Придет время: припомнит это народ его сыну", — жаловались родовичи на богатого якута Колымского улуса.

1) В иных местностях еще сохранился обычай, называемый б ы х ы р е м - а с, в силу его после свадьбы в дом, где ее справляли, сходятся бедняки, работники, подрядчики, все имеющие какие-либо связи с домом и поедают оставшуюся после свадебного пира пищу (Намский ул., 1890 г.). Называют его и б а г а р э м э - а с.

Между тем, по наведенным мною справкам, на этой свадьбе при таком же почти стечении народа, как на двух вышеприведенных, скота убили столько же, только достоинством немного хуже. На юге дележ мяса между всеми выходит из обычая, зато всех поят водкой. Я присутствовал раз при таком "угощении" у богатого якута Намского улуса Ивана Сивцева. Привозили в дом жениха невесту, и сват вслед за тем, как ее приняли, поставил на стол в углу под образами две полуведерные фляги с напитком. Сейчас же часть водки оставили для каких-то "почетных", которые еще не приехали, а остальное стали "делить". В избе собралась масса народу, преимущественно мужчин; каждый хотел быть ближе к источнику, чтобы наблюдать за раздачей. Повлезали друг другу на плечи, на скамейки. Вскоре кругом "виночерпия", несмотря на то, что был им влиятельный и уважаемый "князь", столпилась, вплоть под самый потолок, стена беспокойных голов. Все кричали, толкались, шумели: тому дали мало, этого обошли, а этот выпил две. Некоторые ругались с хозяином дома и грозили ему: "Смотри же, Сивцев, помни: не уважил ты меня".

Так же непочтительно заявлял народ свои права на угощение и на другой, известной мне, богатой свадьбе в том же улусе, у головы Эверстова. Проголодавшиеся расхватили мясо, не дожидаясь дележа, опрокинули ушат с топленным маслом, которое "по ложке на каждого" раздавал лично сам хозяин, и, наконец, испачкали ему платье кашей, толкнувши его на котел с ней (Намск. ул., 1891 г.).

Это напоминает немного те времена, когда "не было обычая явившихся на свадьбу гостей кормить, а молодежь хватала для себя кобыл в поле; поймает — будет с пищей, не поймает — ходит голодная" (Намск. ул., 1891 г.).

Таким образом оказывается, что за женитьбу материально платит не только жених, но и семья невесты. Она должна доставить на всех чай, сахар, муку, масло, молоко, хаях и кумыс. Судя по тому, что большая часть предметов недавно вошла в употребление, можно предполагать, что и обычай поставлять их возник относительно недавно. Исключение составляют кумыс и молоко. Их обоих в случае недостатка охотно даром доставляют соседи, подобно тому, как они в старину по частям собирали их для *ысыаха*.

В принципе оба свадебные пиршества, как первое — приезд молодого в дом невесты, так второе — приезд невесты в дом жениха, справляются за счет последнего.

Разбор составных частей калыма¹⁾, их названий и назначения указывает, что расход этот всегда составляет *существенную часть платы*

1) См. том II.

за невесту. Размеры к а л ы м а очень различны и колеблются между несколькими рублями и несколькими сотнями рублей. Иногда они достигают полутора и даже двух тысяч рублей. Средняя их величина самая распространенная, это — 100 руб. Плата такая была бы не под силу большинству, если бы значительная часть ее не возвращалась к ним обратно в виде приданого.

По обычаю только к у р у м ¹⁾, т.е. часть, идущая на угощение, да другие незначительные придатки того же назначения платятся женихом безвозвратно. Плата же родителям невесты, с у л у, да подарки родственникам, сватам и сватьям, т ю н н г ю р-х о д о г о й к э с и т э, получают в последствии назад, в виде приданого, э н н э ²⁾, и отдарков, т о р к ю т. Так как вслед за пиршеством обыкновенно жених вступает в права супруга, то в случае его смерти к у р у м не возвращается ни в каком случае, а возвращается только половина с у л у, если таковое было выплачено. Размеры разных частей калыма ³⁾ строго определяются при сговоре, к и л ь т е г а н. Они тоже сильно разнятся в разных местностях и зависят от силы старинных обычаев, зажиточности и образа жизни населения. Даже в одной и той же местности они разнятся для каждой брачной пары, смотря по состоянию их родителей, их скупости или щедрости, их привязанности к детям.

1) Böhling, стр. 15.

2) ännä, Böhling, стр. 70.

3) Части эти суть: 1) С у л у — живым скотом, от нескольких до 100 голов скота. 2) К у р у м — от одной скотины до 10 — 15, отчасти живых, отчасти убитых — целыми стегнами. Мне говорили, что для жениха считается предосудительным привозить вареное мясо, но я видел в Колымском улусе сумы с вареными потрохами, привезенными женихом. 3) С ы н г а х - х о н г о р о р (с ы с г а х — щека, х о н г о р о р — не знаю, что значит, в иных местностях зовут этот подарок у о с - а с а р — "раскрытие губ") — живую скотину, или стегно мяса, наконец, деньгами, смотря по состоянию. 4) Х о й н о х о р (? хонгорор) к э с и й — подарок за ночлег, стегно мяса или одну штуку живого скота, смотря по состоятельности. 5) Б ы с ы р э м к э с и й — также одна штука скота или стегно мяса. См. выше, стр. 524.

Невеста приносит в приданое: 1) Э н н э — домашнюю утварь, постели, шубы, серебряную упряжь, условленное число кобыл и коров, в общей сложности всегда почти отвечающее стоимости с у л у. 2) С и ä м с и ä — обыкновенно молодой скот, жеребята и телята, добровольно прибавленные родителями и не упомянутые в условии. 3) К ы с к э с и т э — подарки невесты, обыкновенно вареное мясо и топленое масло. Каждая деревянная чашка приданого, каждый ч о р о н должны заключать по обычаю хоть немного масла, в иные кладут его до $\frac{1}{2}$ пуда. 4) Д ж и е б э л ь э х а (подарок дому) — лисица и 9 горностаев или хоть один горностаей, украшенный корольками. Его вешают над кроватью, где спят незамужние дочери, сестры жениха, а затем выносят в амбар, где хранят свято до рождения первого ребенка; тогда уносят его в лес или дарят шама-

Якуты утверждают, что в старину *калым* был больше, и я заметил, что он больше в местностях мало культурных, где крепки еще древние обычаи. Так, количество скота, идущего в обмен и убиваемого на свадьбах в Колымском и Верхоянском улусах или отдаленных улусах Якутского округа, составляет значительно большую часть имущества вступающих в брак, чем в более культурных местностях около города и на юге, несмотря на то, что на юге скота больше. В последних улусах заметно стремление перевести большую часть калыма на деньги, заменить мясное угощение мукою, маслом, водкой, относительно которых нет выработанной нормы и правил, что позволяет сокращать незаметно эту долю расхода. Нигде она, однако, не исчезла, и бедные убивали часто ради свадьбы единственную корову или кобылу — подарок жениха, к э с и й, так что в плату за невесту, с у л у, родителям оставалось всего *рублей десять* денег. Между тем, на обязанности их лежит одеть невесту и дать ей хоть немного домашней утвари. Есть, впрочем, такие, которые, получив даже значительный калым, дают за дочерью очень мало или совсем ничего не дают.

"Хочешь — бери, как стоит в одной рубахе, а не хочешь — не надо..." (Намск. ул., 1888 г.).

Такие случаи бывают, однако, редко. Они или результат неожиданного обнищания богатой до того семьи, или последствие особой страсти жениха к девушке, подмеченной родителями, чем они *никогда не уступят воспользоваться*.

Народное мнение осуждает подобное поведение. Тем не менее я видел очень почетных и даже любящих отцов, которые сильно сосали своих зятьев в период посещения ими своих жен, живших у родителей. В силу обычая, то под предлогом приготовления приданого, то непривычки к браку, то молодости лет и т.п., родители никогда сейчас же после свадьбы не отдают своих дочерей зятьям, хотя бы они были повенчаны и выплатили калым или соглашались это сделать немедленно. В старину та-

нам. Вообще он куда-то исчезает (Колым. ул., 1883 г.). 5) С а́ р г а́ б э́ л ь э́ х а - подарок столбу, кобыла, которую привязывают к столбу коновязи. Невеста везет кладь *на своих лошадях*, заседланных в богатую сбрую. Эти лошади называются х а р а м н и или х а р а м д ж и (Намск. ул., 1893 г.). В старину, говорят, было их не меньше трех и даже на их ноги надевали серебряные браслеты. Х а р а м д ж и также зовется тот скот, который отец невесты требует, чтобы ему дали после окончательного переезда последней в дом жениха. Для этого он привозит с собой от 100 до 150 обростей и требует на каждую по *скотине*; после некоторого торга с отцом жениха последний соглашается дать сколько-нибудь, и скот загоняют в изгородь (Маак). Кроме этих подарков, невеста, приехавши в дом жениха, дарит домашним: матери, брату, сестрам мужа — по шубе, с о н.

кие отсрочки достигали 4 — 5 лет, а еще раньше у якутов был обычай женить детей совсем маленькими. В это время жених на досуге посещает невесту, и всякий раз он должен привозить гостинец — стегно или два мяса, лисицу или иной подарок как плату за пользование своими супружескими правами. Не раз я слышал, как отцы заказывали то и другое — иногда очень много; зятя покорно выслушивали, но за глаза ворчали и исполняли только часть обещания. Все это ложится не раз тяжелой прибавкой к условиям, выговоренным при сватовстве.

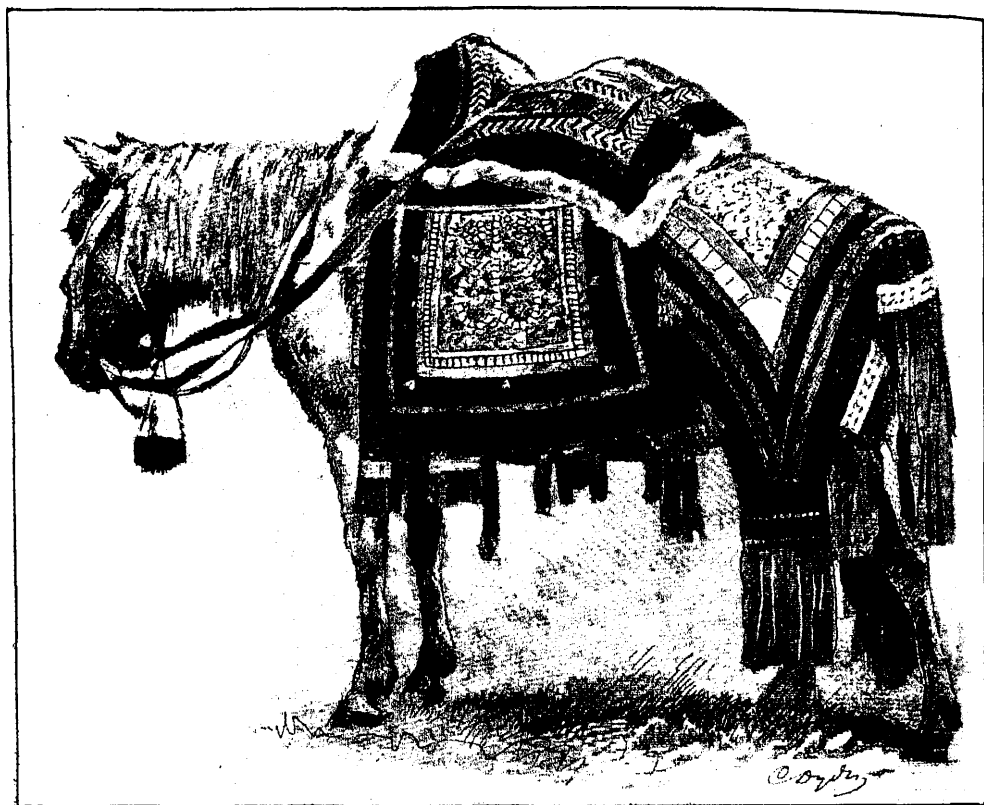

Рис. 143. Лошадь х а р а м н и.

"Ужо — пусть куражится!.. Придет и наше время: еще посмотрим, что дадут в приданое!" — говорил молодой зять Аполлона, раздосадованный его требовательностью ¹⁾.

Когда наступит "это время" и невеста принесет в дом меньше ожидаемого, ее встречают родственники жениха очень холодно. Если приданое *меньше условной* при сговоре суммы, начинаются тяжбы, вражда, часто полный разрыв, если только брак не был освящен в церкви. В

1) У Аполлона Слепцова (Андылах) пали олени, а так как он держал станцию и они были ему необходимы, то он х а р а м н и запросил у зятя 30 оленей.

последнем случае молодую волей-неволей оставляют у себя, но терпит она всякие придирки и преследования домашних, которые прямо отравляют ее существование. Мне известно несколько случаев, когда эти преследования доводили молодых женщин до побегов и самоубийства. Вот почему якуты, любящие своих дочерей, стараются дать за ними возможно большее приданое, "чтобы муж, свекор и свекровь ее уважали" (Намск. ул., 1891 г., Колым ул., 1883 г.). Понятно также, почему родители всячески стараются представить размеры приданого своих дочерей в увеличенном виде, равно как противная сторона увеличивает уплаченный ею к а л ы м.

В большинстве случаев приданое и подарки невесты рассчитаны так, что почти равны или немного ниже тех частей калыма, которые называются с у л у, х а р а м н и, у о с а с а р, и других второстепенных. Обычай требует только некоторой соразмерности, а не равенства между калымом и приданым. Он предполагает, что родители сами по себе имеют право на вознаграждение за утрату дочери:

"Девушка имеет цену и калым", — говорит поговорка ¹⁾.

Калым получают: родители, старшие братья, дяди, даже совершенно посторонние люди — опекуны, а за работниц-сирот берут хозяева. Получают они хоть немного, хоть рубль, хоть два, но получают непременно в знак *переуступки женщины*. Это до того срослось с воззрениями якутов, что ни одна якутская благовоспитанная девушка не согласится выйти замуж без калыма; такое я вынес убеждение из разговоров с ними по этому поводу. Они считали бы себя в таких случаях совершенно опозоренными, какими-то "лядащими", "последними", которых "ни в грош не ставят". Понятно, что они очень презрительно относились к русским женщинам, которые "сами платят, чтобы их только взяли" (Колымск. ул., 1883 г.). Даже молодые вдовы, раз они возвратились в свой род, к своим родным, оплачиваются калымом, только тот значительно меньше "девичьего". Правда, пожилые вдовы, которые при подростке сыне долго самостоятельно вели хозяйство или жили в работницах, выходят замуж без калыма, но на это у якутов есть оригинальное доказательство: "Кто же сам себя захочет ограбить?" (Намск. ул., 1891 г.), или: "За вдову уже раз заплачено... платить за вдову нечего... от того, что она выходит замуж, никто *не теряет*" (Колымск. ул., Нам. ул., Баягант. ул.).

"Но кто же теряет, если выходит замуж девушка?" — спросил как-то я "князя" Аполлона, моего колымского покровителя.

1) В "Сборнике обычного права", составленном самими инородцами в 20-х годах текущего столетия по распоряжению правительства, сказано якутами относительно приданого и калыма, что "приданое равняется половине калыма" (Д.Я. Самоквасов, стр. 222).

"Теряют родители: они кормили, воспитывали, заботились; должны же они получить за это... Ведь у них уходит из дому работница, они останутся ни с чем!.. Как ты этого, русский, не понимаешь?"

"А если выделяют сына, то они тоже остаются ни с чем, а между тем ему еще дают".

"Сын другое: во-первых, он больше работает на родителей, затем, он никуда не уходит, он остается *в том же роде* — он наш человек: будет платить подати и нести тяготы" (Колымск. ул., 1883 г.).

Взгляд этот будет, пожалуй, самый распространенный среди якутов. "Мы кормили, воспитывали, а чужие будут пользоваться. Берем за воспитание" (Намск. ул., 1891 г.). Это не мешает получать калым часто таким лицам, которые палец о палец не стукнули для воспитания девушки; в старину брали калым за совершенно маленьких детей. Но "кто же даром отдает женщину?!" (Баягантайский ул., 1886 г.)¹). Твердо знают якуты одно: калым платить и получать надо, так было искони.

Все их объяснения этого обычая довольно смутны и часто противоречивы. Они оправдывают его, как мы указывали, потерей семьей воспитанной ими работницы, другие доказывали, что это "возврат за воспитание", так как женский труд ничего *не стоит* и всех "питает" отец-мужчина; третьи, наконец, говорили, что "калым платить нужно, но от этого нет никому никакой пользы, так как жених все получает обратно, да еще того больше".

Все это иногда бывает, но чаще бывает другое. Свадьба, как бы остроумно ни были рассчитаны части калыма, всегда тяжелым бременем ложится на жениха. Правда, молодые, после того как невеста совсем переехала к мужу и прожила там месяца два, приезжают к одаренным на свадьбе родственникам невесты, т о р к ю т, и за маленький подарок вро-

1) Между прочим, по этому поводу я вспомнил забавное восклицание моего соседа якута Намского улуса рода Бёчёк. Он выдавал свою младшую сестру замуж и пришел просить, чтобы я ему написал "родовую расписку" (б е п и с к а). "Расписка" — не что иное, как заявление родовых властей, старшины или князя, что нет с их стороны препятствия к заключению брака. Так как князья по большей части безграмотные и только прикладывают "печати", то такие расписки пишут всякие грамотеи от 25 до 50 коп. за штуку. Я писал даром, и бедняки приходили ко мне. Это дало мне возможность собрать кое-какие данные относительно калыма, приданого и других условий брака. Якуты, думая, что все это нужно для "расписки", говорили пространно и не утаивая о всех подробностях договора. И вот этот Б ё ч ё к, рассказав, сколько ложек и плосек и всего прочего даст за сестрой, всплеснул руками и с непритворной обидой воскликнул: "А мне-то и не будет барышу, ничего не останется!" За сестру, 20-летнюю девушку, он взял 10 р. и корову (с у л у) и обязался дать корову (э н э) и вещей на десять рублей (Намск. ул., 1891 г.).

де $\frac{1}{4}$ ведра водки или стегна мяса получают от того, кто взял раньше коня или кобылу, — *десять штук скота* (обыкновенно мелкого), а от того, кто взял несколько рублей денег, — *одну штуку скота*, тем не менее целая масса мелких обязательных подарков уходит безвозмездно и безвозмездно разбирается и поедается на свадьбах мясо к у р у м. В барышах остаются только свадебные гости, главным образом сородичи невесты.

И калым, и свадебные якутские обряды трудно объяснить с точки зрения здравого смысла и современных нужд. С этой точки зрения они представляют нечто крайне несуразное, странное, доставляющее обеим сторонам массу хлопот и лишних поводов для недоразумений. Если же взглянуть на них как на остаток старинных родовых обычаев, как на заключение мира, на плату за стыд, за нарушение родовых прав, многое нелепое и непонятное станет ясно и основательно.

Прежде всего считаю нужным отметить, что дружба у якутов выражается и поддерживается обменом подарков. Самое понятие "друг", в смысле милого, близкого человека, выражается словом а т а с, что значит "обменявшийся", а глагол а т а с т а (говорят и а т а с т ы э) значит и "подружись" и "поменяйся" ¹⁾. Брачный обряд у якутов и уплата калыма сводится собственно к обмену подарками: *живым скотом* и мясом. Не последнее место играют среди пиршеских любезностей *целые, неразрубленные голени скота* ²⁾, подобно тому, как они считались некогда неизбежным условием при заключении мировой ³⁾. Распределение мяса и водки на свадьбах между всеми присутствующими тоже сильно сближает ее со старинной якутской мировой; чем-то успокаивающим дышут свадебные речи, в которых чаще всего слышится: "Вот мы стали родственниками, будем жить в мире, дружбе и согласии".

Из частей калыма — к у р у м, то есть доля, идущая на угощение сородичей невесты, несомненно, часть калыма самая древняя и первичное его ядро. Он платится безвозвратно. Впоследствии прибавились к нему

1) Есть у якутов еще слово д о г о р, которое тоже значит "друг", но а т а с — это друг особый. Характерно, что д о г о р может быть и женщина, но а т а с, насколько я знаю, женщина быть не может. Что у якутов в старину существовало нечто вроде "побратимства", можно заключить из сказок, где нередко "богатыри" заключают вечную дружбу, обязательство освободить друг друга от напастей или помочь в беде. Гмелин рассказывает, что он видел деревья, крона которых была известным образом подрезана двумя разлучившимися *друзьями* в знак *вечной их связи*.

2) Сватым и сватам кладут их во время пира целиком и раскалывают их для добычи мозгов только после окончания церемонии обмена.

3) Характерно тоже, что поводом к войне между якутами "Эгинского рода" и рода "Хоро" послужило убийство братом невесты "рыже-пегой кобылы с двойным хвостом", которую зять оставил родителям *вместо дочери* (Худяков, стр. 55).

другие подарки и, постепенно возрастая, в силу повторения превратились в неизбежные теперь с у л у, э н н э и другие.

Характерно, что и теперь в некоторых местностях платить калым помогают жениху, если он беден, все более или менее зажиточные люди рода: тот подарит телку, а другой в долг даст пару лошадей и т.д. Так, в Колымском улусе совершенно бедный Иван Слепцов, не имевший ни одной штуки скота, выплатил калыму 10 штук рогатого скота в продолжение года. Когда я его спросил, каким образом он это сделал, он указал на некоторых зажиточных сородичей, давших ему скот в долг. Тут же он сообщил мне, что в старину всегда так бывало: род помогал выплачивать калым (Колым. ул., 1884 г.). Относительно приданого молодой ничего подобного я не слышал¹).

Приданого, э н н э, вначале, несомненно, не было. Оно и теперь не признается таким безусловным элементом брака, как к у р у м, с у л у²). Самое слово э н н э (местами говорят ё н н е) в старину значило не только приданое:

"Э н н э-к у л у т (к у л у т — раб) в старину называли человека (мужчину), которого побежденный богатырь давал победителю в награду за пощадку жизни" (Намск. ул., 1890 г.).

Впоследствии э н н э-к у л у т были рабы, включенные в приданое невесты. "Если это были женщины, то они становились наложницами хозяина" (Намск. ул., 1891 г.).

И теперь э н н э употребляется чаще как *прилагательное*: э н н э т а н г а с — приданое платье, э н н э и с и т — приданая посуда, э н н э с ю о с ю — приданный скот, чем оно напоминает наше слово "приданое" и отличается от вполне определенных *существительных*: к у р у м и с у л у.

Правда, об э н н э упоминается в очень древних былинах, где в конце почти всегда герой после множества приключений возвращается домой с женой и богатым приданым, но и к у р у м и э н н э создались, по всей вероятности, в очень древние времена, при зарождении нынешнего якутского экзогамического брака.

Все данные говорят за то, что жены-чужеродки были вначале военными пленницами, а у тех приданого и быть не могло.

"Ходя, блуждая по тайге, промышляя, если увидели где красивую женщину, высматривали, где муж ее ходит охотиться. Там на него напа-

1) Его только пополняют сородичи (т ё р к ю т), давая вместо полученной ими взрослой скотины несколько штук малолеток. "Малолетки вырастут, и люди станут богаты" (Намск. ул., 1889 г.).

2) Якуты слово к а л ы м считают в некоторых местностях за русское слово.

дали, убивали, а жену уводили. Если нельзя было заполучить ее силой, брали обманом. Высмотрят, убьют мужа или брата, переоденутся в его платье, придут темной ночью или станут вне дома так, чтобы их не могли видеть, и говорят: "Эх, добычи не могу притащить!.. Помоги, жена!" Когда та выйдет и пойдет с ним в лес, хватают и уводят. Если не хотела идти, прокалывали у нее руку повыше запястья между двух костей и, продевши ремень, заставляли идти на привязи" (Намск. ул., 1891 г.).

Таким же образом, по словам предания, пробивши руку повыше кисти, увел в полон, в лес свою любовницу разбойник Манчары (Колым. ул., 1883 г.). Очевидно, это был обычный способ водить пленников, которым хотели сохранить жизнь ¹⁾.

В сказке А к а р ы (Дурак) рассказывается о женитьбе героя и его двух братьев:

"Победивши дьявола и его товарищей, братья завладели оставшимися после них строениями и несметными богатствами. Сделались богатыми. Каждый из них жил в особом доме. "Надо бы жениться", — сказал А к а р ы. Оставил братьям надзор за хозяйством и ушел искать жену. Пришел в город ²⁾ и, высмотрев девушку, украл ее в тот миг, когда она вышла одна зачем-то из избы. Украл и живет с ней. Пошли и остальные братья искать жен, но возвратились ни с чем. Дурак смеялся над ними, говоря: "Что вы за люди — бабы себе добыть не можете!" Привязал свою жену ремнем к кровати, приказал стеречь ее братьям, а сам пошел промыслять для них жен. Привел сначала старшему брату, а затем среднему. С тех пор жили все трое женатые, каждый в отдельной юрте" (Колымск. ул., 1883 г.).

В якутском эпосе похищение жен, сестер, дочерей всякими а б а с ы, то есть врагами, повторяется как постоянный мотив. Герои разыскивают их и сами, в свою очередь, ищут на чужбине жен, помогают и получают их в награду своих подвигов или оказанной другим помощи. В повествованиях о всяких войнах женщины и девушки сплошь и рядом достаются победителям как приз или "выкуп жизни" — э н н э. В саге С а п ы - Х о с у н рассказывается, что три брата-якута, обиженные тунгусами, пошли на них войной. Тунгусы стали просить пощады и дали на выбор трех девиц: якуты помирились на этих условиях и стали делать свадьбу ³⁾.

1) "У пленных героев, богатырей, храбрых воинов ломали правую руку и ногу" (Верхоянск, 1882 г.), затем "их мучили мученической смертью" (Намск. ул., 1891 г.). См. том II.

2) Якуты "городом" (г о р о д) зовут часто в сказках вообще скопление жилищ и людей.

3) Худяков, стр. 68.

В предании о Ч о р б о х е говорится, что он взял у Т ы г ы н а при заключении мира как выкуп "много скота, людей и красавицу дочь в жены" (Намск. ул., 1890 г.). То же самое говорят про Б е р т-Х а р а (Баяган. ул., 1886 г.).

В брачных обрядах якутов, я думаю, следует видеть остаток некогда вполне осмысленного и целесообразного поведения при заключении мира. Было ли похищение женщин причиной предыдущих несогласий, или их добровольно отдавала родня в обмен за убитого мужчину-сородича, за нагребленный скот и т.п. — неважно, во всяком случае она считалась *добычей*, а свадьба, как я это выше указал, походила на *мировую сделку*.

До сих пор обе роднящиеся стороны относятся друг к другу во время брачного пира с почтением, но и с каким-то затаенным недоверием и соревнованием. Они зорко следят, не обошли ли их подарками, не обманули ли. Поезжане, все время не трогаясь, сидят на своих местах в дорожном платье. Кони их заседланы; заседланы также кони многих приехавших на свадьбу родственников дома. Когда я спросил "князя" Ивана, почему он не расседлал коня, он ответил мне: "Таков обычай. Разно бывает на свадьбах" (Колым. ул., 1884 г.). На юге обычай этот исчез, но в Колым. ул. я на обеих свадьбах видел всех верховых коней заседланными. Приезжают и уезжают поезжане вскачь, и при въезде встречает их верховой дозор, который они обыкновенно селятся обогнать; тот, кто обгонит, у противной стороны отнимает "счастье"¹⁾. Затем, в старину были еще обычаи, указывающие, что обе стороны как бы торговались и мерялись друг с другом силами. Раньше, чем въехать во двор, поезжане посылали вперед трех удальцов в дом невесты. Их там спрашивали: зачем они пришли? А получивши в ответ: "Неугасимый огонь зажечь, медный стол ставить, новую юрту строить"²⁾, им подавали огромный, полный кумыса кубок, и такие же кубки, ы м ы я, брали три отборных человека из местного рода. Затем начинали пить, и кто больше всего выпил, не поперхнувшись и с возможно меньшим количеством передышек, тот брал "счастье", д ж о л. Во время пира продолжались мирные состязания, пробы силы, которые, по всей вероятности, в прошлом влияли на величину калыма (виры). Так, "когда делили мясо, домашние выставляли своего борца. Ухвативши посередине скользкую скотскую голень, очищенную от мяса, с кусками мышц и сухожилий, он

1) Обряд этот описывает и Маак под названием "кёнъ кёрсёръ" — свидание удальцов. Маак говорит, что в случае поимки всадника привязывали к коню самой бедной якутки и затем, во время праздника, он обязан был прислуживать пирующим.

2) Ал уоту уотта, алтан сергени эннэ, алас джиени атара (Маак, стр. 95).

выскакивал на гладкое открытое место и, поднявши кость над головою, кричал громко: к ю р е с ь! Молодежь, приехавшая с молодым или молодой, бросалась отнимать кость. Если отняли, это был плохой знак... Значит, отняли "счастье", д ж о л (Намск. ул., 1891 г.). Борьба из-за этого д ж о л, которым зовут всякую добычу и даже успешную кражу¹), достигала иногда такой страстности, что в кумыс, подаваемый приезжим "сватам-лазутчикам", т ю н г ю р к ö р ö ч ч и, подмешивали мелко рубленный конский волос (Намск. ул., 1890 г.). Победенные, по народному поверью, беднели. Теряли также д ж о л молодые в случае, если невеста плакала, уезжая, и оглядывалась на родительский дом (Колым. ул., 1884 г.). У Худякова²) в о л о н г о "Старуха со стариком" рассказана даже целая история, как С и м а к с и н-Э м а х с и н зажгла бересту на крыше и, закричавши "горит дом твоих родителей", заставила дочь взглянуть назад "одним краешком глаза", отчего половина скота, отданного в приданое, оторвалась и убежала домой. Возможно, что в старину все это имело реальные основы. Чем более не равны были силы заключающих брак семей или, вернее, их родов, тем больше страдали материальные интересы слабой стороны. Увеличивался также выкуп от сопротивления невесты, значит, от ее любви к родным. Замечательно, что во время свадьбы обычай строго воспрещает жениху и невесте видеть друг друга. Еще последней дозволяется, спрятавшись за товарок, подсмотреть жениха, когда тот идет коня поить, что и называется "осмотр жениха" (кютюёт көрсөр), но для жениха считается неприличным даже делать попытки увидеть невесту. Ее не должны видеть также его поезжане и сородичи.

Если свадьба имеет много сходства с мировой, то сватовство и предшествующий ему "высмотр" вполне напоминают военную разведку.

Дело было осенью, снег уже выпал, но зимний промысел еще не начинался ввиду слабости льда. В результате оказалось у людей много досуга. Якуты пользовались им, усердно посещая соседей. Как-то поутру в юрту Ивана Слепцова, на Енгже, где я жил в это время, вошел молодой, никому не известный юноша. Он перекрестился, поздоровался и, не раздеваясь, сел в углу б и л и р и к а, что назначен для гостей, но не в красном углу, а в углу более близком к дверям. Я сейчас заметил среди женского населения юрты некоторое смятение. Две взрослые дочери хозяина и третья, гостившая у них девушка, не только перестали мурлыкать песни, что вызывается появлением всякого нового лица, но спрятались в глубину дома, там неустанно шушукались, пересмеивались и ук -

1) Смотри том II.

2) Стр. 131.

радкой, с любопытством поглядывали на незнакомца. Хозяин бросил чинить сети, закурил трубку и, не торопясь, обстоятельно стал расспрашивать юношу, откуда он и кто он, пока приготавливали еду. Никто, оказалось, его не знал, и только когда он назвал род, местность и другие подробности, касающиеся ближайших родственников, "князь" (Иван) вспомнил, что какой-то юноша действительно где-то там должен был существовать. Приехал якут издали, за 300 верст. Говорил, что ищет кобыл... кобылы потерялись! Назвал какую-то неопределенную их масть; хозяин, впрочем, не особенно его об этом расспрашивал. Прожил он у нас больше суток. Все это время он, не раздеваясь, сидел на том же месте, прислонившись к столбу, и наблюдал, что делается в доме, главным образом на женской половине. Жизнь в юрте была до того несложная, что этого времени было вполне достаточно, чтобы ее изучить. Говорил юноша мало и неохотно, и домашние мало его тревожили и как бы игнорировали, тем не менее, мне показалось, что вся жизнь шла немного напряженным ходом. Вечером пришли соседские парни. Они поздоровались с приезжим, обменялись несколькими фразами, но молодежь не пригласила незнакомца и он не присоединился к ней, когда немного спустя все они вышли в сени, а за ними, по одиночке, прошмыгнули туда дети и девушки. Я тоже вышел узнать, что все это значит. Якуты шумели: дети прыгали, девушки смеялись и толкали друг друга, парни притворно негодовали и ругались. Один из них, заткнув полы своего "супуна" за пояс и расправив широко штаны, вертелся посередине кружка, подражая в движениях приезжему.

"Что такое?!" "Жених выискался!" — ответили мне со смехом.

"Чем я его хуже?.. У меня также кобылы пропали, и штаны новые, и полы за поясом!" — ломался повеса.

Когда я усомнился в том, что приезжий был жених, мне привели массу доказательств: и за перегородку все смотрит, глаз не спускает, и молчалив, и платье у него особенно опрятно и подогнано, и сбруя целехонька, и постель аккуратно, чисто свернута, и коня-то не расседлал...

"И ответил подходяще!.. Вообще, мы, якуты, знаем... по-нашему так бывает!" "Вор... Известное дело, вор... Уведет у нас кобылицу!" — ругался подражавший жениху озорник. Девушки не переставали хохотать. Им, очевидно, нравились все эти враждебные против жениха выходки, но когда я спросил старшую, Мавру, которая не была еще высватана, что она думает о незнакомце и стоит ли девушке выходить за него, она стала вдруг серьезна и сказала:

"Лицом он бел и... работник, должно быть, хороший. Приехал издали, а конь у него не истомленный и все в порядке!"

На другой день юноша, не сказав ни слова, уехал (Колымский ул., 1884 г.

Посетив иногда таким образом многие дома и высмотрев *по душе* девушку, жених засылает сватов. Иногда он не сам ездит, а с товарищем, иногда сватает невесту за глаза, по слухам, а в старину, когда "сговаривали" и "женили" с малых, нередко младенческих лет, конечно, делали это родители или родственники.

"Иногда женили совсем маленьких, в 3 — 4 года. Выплатив калым, девочку брали родители жениха к себе в дом. Это делали затем, чтобы дитя привыкло к семье мужа. Часто ребенок действительно привыкал и старики любили его больше родного. Зато редко такие рано повенчанные муж и жена жили согласно. Они с детства спали вместе, считаясь мужем и женой, но часто смотрели друг на друга *чертом*. Затем, если девочка или мальчик до венчания умирал, то начиналась бесконечная тяжба о возврате калыма. Вот отчего такие браки вывелись. Да и попы не позволяют теперь, не венчают, жалуются властям..." (Намск. ул., 1890 г.). Тем не менее, я видел 14-летних парней, которые уже года два были женаты, и встречал супругов, которых поженили на *четвертом* году от роду.

Сговор, к и л ь т е г а н, у колымских якутов происходит таким образом. Трое мужчин, родственников жениха, не всегда ближайших, но всегда *бравых* и *опытных*, отправляются верхами в намеченный дом. Там, войдя, они садятся на б и л и р и к е и сидят, разговаривая о посторонних вещах, высматривая, что делается дома, сутки, а иногда два дня. Затем они складывают вещи, выносят постели, навьючивают заседланных коней и совсем готовые тронуться в путь возвращаются обратно в избу. Если жених с ними, то он *остаётся* на дворе и в избу не входит. Сваты опять садятся на б и л и р и к и, спустя немного, старший из них, т ю н г ю р, бросает молча на стол связку лисиц. Тогда отец, надев шапку, садится за стол на место, где он сидит во время свадьбы, и спрашивает их, что им нужно. Они околично, называя невесту то молодой кобылой, то дорогим зверем, заводят торг, спрашивая, есть ли продажная, и затем, получив удовлетворительный ответ, прямо уславливаются о размерах калыма и его частей, уговариваются относительно приданого, времени свадьбы, времени получки женихом невесты, способа выплаты выкупа и о всех подробностях, и все это возможно точно и обстоятельно, во избежание будущих недоразумений. Затем гости поспешно уезжают. Иногда пробную плату: лисиц, водку, деньги (10 — 15 руб.) — сваты, уходя, оставляют на столе, и если, возвратившись, увидят, что они убраны, приступают к изложению условий. На юге "сговор" сделался совсем похож на местный русский сговор. Главную роль в нем играет водка. Никаких демонстративных выходов за двери и седлания лошадей нет; жених присутствует при переговорах насчет калыма и сам иногда принимает участие, что с точки зрения древнеякутского этикета считается

неприличным, в такой же мере, как, например, присутствие поезжан жениха при дележе и осмотре на свадьбе привезенных им подарков.

Участие невесты в сговоре очень слабо; иногда спросят ее: согласна ли она? Но это уже нововведение. Получив отказ в просимой девушке, якуты обыкновенно настаивают на отдаче другой, если в доме их несколько. Уйти с каким бы то ни было отказом у якутов считается обидным, а особенно обидным считается, конечно, отказ в невесте. К невесте, которая отказала, неприлично, по мнению якутов, в том же году кому бы то ни было засылать сватов; это дозволяется не раньше, как через год (Колымск. ул., 1883 г.).

Берут якуты жен всегда из чужого рода. Даже на юге обычай этот до сих пор строго соблюдается, хотя там якуты объясняют его тем, что "поп не повенчает" (Намск. ул., 1890 г.). На севере я знаю только один случай брака внутри рода, но все порицали этот брак, и когда новобрачная после свадьбы ослепла, то приписали несчастье *нарушению старинного обычая* (С а с а б ы т, Колым. ул., 1883 г.). "До подобного срама еще не доходил ни один байдунец", — говорила одна якутка Верхоянского улуса Н. Горохову. Тот же Горохов сообщает, что "зажиточный якут никогда не женится даже в своем наслеге" ¹). Обычай, уцелевший еще в малокультурных местностях, говорит даже против того, чтобы брать жен *вблизи, хотя бы и чужеродок*.

"Девушка, живущая на родине, не бывает счастлива".

"Счастливая дочь выходит замуж далеко от родины". "Хорошо, если вода близко, а родня далеко", — говорят народные поговорки ²).

Зажиточные якуты до сих пор стремятся искать невест для своих сыновей не только в другом *роде*, но и в другом наслеге и *улусе*. Характерно, что в о л о н г о герои всегда отыскивают жен далеко и что дорога их считается трудной, "с девятью холмами". Переезжают по пути по меньшей мере "девять лесов и перелесков", столько же а л а с о в (лесных долин) и т.д. Сопоставляя с этим указание на старинные союзы б и с ь, состоящие будто бы каждый из 9 родов (а г а - у с а), невольно закрадывается подозрение, что цифры эти упомянуты неспроста, что в старину брали жен не только вне родов, но и вне *союза* ³). Если предположить, что первые жены-чужеродки были военнопленными, то обычай брать жен издали, из-за 9 холмов, станет понятен. По соседству в старину кочевали, нужно думать, только сородичи или союзные роды, у которых похищать женщин было, само собою, неудобно.

1) Известия Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XIV, № 1 — 2, с. 71.

2) Худяков, стр. 7. В последнем выражении имеется в виду родство, у р у, через свадьбу.

3) Предание говорит, что "в старину у богатой невесты обязательно было *три на девять олохов* (ю с ь т о г у с о л о х т о х), т.е. 27 остановок (о л о х) (Запад. Кан-

Мысль о мирной эволюции якутского экзогамического брака из каких-то первичных его форм нужно, думаю, отбросить бесповоротно. И сказки, и предания, и остатки брачных обрядов указывают единогласно на самую тесную его связь с войной, с похищением. Но явилось ли стремление искать жену на стороне случайным последствием войны, или же само было их причиной, возникнув в свое время под влиянием физиологических и экономических побуждений, решить трудно.

Физиологические выгоды скрещивания с самками инородных групп пастухи-якуты могли наблюдать на своих стадах. Такие союзы бывали и плодовитее, и потомство их было крепче. К тому же жеребцы, гонящие прочь из табунов подрастающих дочерей и очень охотно приобщающие к ним посторонних кобылиц, должны были вызывать на подражание¹). Экономические побуждения, рабский даровой труд, разведение рогатого скота, что делало возможным более мелкие общественные группы и большую в данной местности густоту населения, поддерживали экзогамические стремления.

Так или иначе, но экзогамия сопровождается у якутов войной и рабством. Упоминание о рабах, отданных вместе с дочерью победителю, дело обычное в якутских былинах²).

гал.ул., 1891 г.). Эти цифры опять вызывают на сопоставление с древнеякутским родовым делением на *три б и с ь по девять а г а-у с а*. Остановки делались, конечно, у жителей для отдыха и ночлега; на остановках, говорит предание, обязательно убивали скот и совершали один странный обряд: уезжая, бросали шкуру, на которой сидела невеста во время *дороги* и в *гостях*. Шкура эта была различного достоинства, смотря по зажиточности невесты: кобыля, оленья, медвежья, лисья; в дороге ею покрывали седло, а в юрте скамью. Со временем она превратилась в небольшой кусок меха, который якутская невеста, отправляясь в дорогу, брала с собой, чтобы постоянно на нем сидеть. Вот этот-то мех бросался на каждом *о л о х е*, а через каждые 9 олохов *бросалась* и *свадебная шуба, т а н г а л а й* (Западн. Кангалаский улус, 1890 г.).

1) Отпечаток, который на нравы и даже на внешность своих пастухов кладут пасомые животные, отмечен наблюдателями многократно; я привожу здесь характерный ответ одного нижеколымского казака об оленьих чукчах: "А вера их совсем оленья... Совершенно (мольч) оленья у них вера... Куда те пойдут, туда и они пойдут... Как те живут, так и они живут... Даже морды у них оленьи... и говорят по-оленьему"... (Средне-Колымск, 1883 г.). Действительно, если не "оленьи морды", то в ухватках чукчей и тунгусов подчас несомненно заметно сходство с движениями северных оленей, а в языке их попадаются звуки, очень близкие к оленьему "похрюкиванию".

2) Худяков, стр. 167: "мне нужны люди"; стр. 231: "разделил в приданое 8 домов своих рабов".

Изучение материалов, собранных мной для составления таблиц якутского родства, и сопоставление их с немногочисленными, но характерными преданиями и остатками старины заставляют меня предполагать, что теперешний брак — явление относительно новое и что раньше у якутов была совершенно отличная своеобразная организация и семьи, и брака. Возможно, что обе формы существовали долго параллельно; во всяком случае, древняя форма брака исчезла до того недавно, что народ сохранил довольно свежую о ней память. Первый раз я наткнулся на относящееся к этому предание в Баягантайском улусе, где в повествовании о том, как в старину жили якуты, среди всяких других "поклёпов", возводимых на них просвещенным рассказчиком¹⁾, тот сообщил мне, что "в старину якуты имели много жен, а давно — того давнее, столько-то тысяч (тёсё тысянча), то *твоя сестра б а л ы с была твоей женой, твоя мать — тоже, жена твоего брата тоже...* Вот как!.." (Баягантайск. ул., III Баяган. насл., ур. Туруялах, 1885 г.). Ввиду известной теории о сводной семье, я на это показание обратил особое внимание и стал искать его подтверждения. Многие, которых я спрашивал, даже не понимали, о чем идет речь, и упорно говорили, что "якуты давно, в начале, жен брали силой, похищали, а после стали покупать и венчаться". Тем не менее я в этой же местности услышал еще раз подтверждение прежнего показания с тем ограничением, что "сестры были женами, а матери никогда ими не были" (Баяг. ул., 1885 г.).

Затем в Намском улусе я одновременно записал другие показания, также указывающие, что якуты как бы допускают в прошлом существование браков не только внутри рода, но даже между очень близкими родственниками.

"Бог в начале сотворил людей из дерева: мужчину Адама, а имени женщины не знаю... Женщина эта родила 7 девочек и 8 мальчиков. У каждого, значит, была жена, кроме самого младшего. Когда тот обратился к Богу (Христу или Николе — не знаю) и стал спрашивать: "Как же я жить буду без женщины?", тот ответил ему: "Если ты никак не можешь без нее обойтись, то *спи тайно с женами своих братьев*" (Намск. ул., 1887 г.). Легенду эту знают многие, и мне рассказали ее три года спустя в том же улусе другие люди, да впоследствии я слышал ее в Кангаласком улусе с легким лишь изменением. Несмотря на примесь библейских имен, она характерна в ряду однородных с ней показаний. Можно полагать, что если она даже позаимствована, то запомнилась народом именно потому, что отвечала смутным отголоскам их собственной старины.

1) Рассказывал парень 20 лет, не умеющий ни слова по-русски, но мечтавший об образовании и выучивший даже несколько букв русской азбуки.

"Когда О н о х о й прибыл с юга, якуты брали в жены собственных *сестер*, так как посторонних женщин не было" (Намский ул., 1890 г.).

"Некогда в старину, еще до Т ы г ы н а, якуты женились так: *если из двух братьев один имел сына, а другой дочь, то дети их вступали в брак*" (Намск. ул., 1891 г.).

"В старину, когда юноша мог натянуть лук, то брал в жены одну из *младших сестер* (б а л ы с) и уходил далеко на сторону, где строил дом..." (Намск. ул., 1891 г.).

"В старину, если *сестра* старшая или *младшая*, все равно, выходила замуж за чужеродца, то *братья* никогда не отпускали ее девушкой и, только выпавшись с ней (хотуннур), отдавали ее посторонним. Если уходила от них девушкой, то считалось, что теряли "счастье", д ж о л" (Намск. ул., 1891 г.). Это выражение х о т у н н у р до сих пор употребляется в смысле "сойтись с женщиной", а точно значит "сделать хозяйкой, госпожой" (от х о т у н — госпожа)¹⁾. Кровосмешение, которое такими ужасными красками рисуется в воображении нашего народа, вызывает у якутов скорее насмешки, чем отвращение. Примеры таких союзов среди них встречаются чаще, чем у нас. Я знаю два случая сожительства брата с сестрой, о которых все знали. О чем-то подобном в Колымск. улусе испуганные оглаской родовые власти довели даже до сведения местного попа; в Баягантайском улусе сожительство было настолько продолжительным, что последствиями его явились *дети*. Знаю также один случай сожительства матери с сыном и двух родных братьев с одной и той же женщиной. Если обратимся к былинам и сказкам, то увидим, что там чувства *сестринские* и *братские* изображаются значительно сильнее супружеских, даже родительских. Они как бы *предваряют* все другие. Часто *жен* сказочных героев называют именами *сестер*, старшую — а г а с, младшую — б а л ы с. В о л о н г о Кёнчё-Бёгё покинутая героем женщина, обращаясь к молодой его жене, говорит: "Когда мы родились у отца-матери на своем месте, когда возрастали мы, я была *старше тебя* (а г а с), а ты младше (б а л ы с)"²⁾. У каждого почти доброго или злого героя есть сестры, заступницы и сподвижницы. Когда "Белый юноша", герой былины Ю р ю н г-у о л а н, попал в подготовленную ему врагами ловушку и его сестра Белая Ю к а й д я н ь-к о узнала это, "видя ночью по снам и днем по приметам", то "сон у нее стал не сном, жизнь не жизнью; погналась сзади, прилетела белым стерхом по следу брата к пропасти, где

1) По-саларски женщина — г о д у н-к и с и; мужчина — э р-к и с и. "Этнографическое обозрение", 1891 г., № 1.

2) Худяков, стр. 166.

он провалился, и, сидя тут, плакала до того, что небо трескалось, облака рвались, земля разваливалась, а слезы двух глаз образовали два маленьких озера; плакала, приговаривала, причитала за три ряда белого неба¹⁾.

Затем, когда оказывается нужным для спасения брата волос с головы отца А р-Т о ё н а, *сестры* просят о нем и, получив разрешение вырвать самый маленький, хитростью вырывают самый большой, за что они, и особенно младшая (б а л ы с) Ю к а й д я н ь, навлекают на себя гнев бога-отца. Примеров такой верности сестер своим братьям рассеяно в памятниках якутского народного творчества много²⁾.

Характерно также, что причиной к войне х о р о л о в с якутами служит странный поступок Б а т а-б а т ы р а, брата героини рассказа Н ю л ь г ю н г е, вышедшей замуж за "Растрепанного витязя" С а х с а р г а н а б а р г я н, сына эгинского князя. Б а т а-б а т ы р а ни с того ни с сего охватывает такая ненависть к кобыле, полученной взамен за *сестру*, что он убивает ее. "Только мы и жили спокойно, — сказали эгинцы, — хоролы уж такие кровожадные люди, что они и с нами хотят поступать так же, как с нашей кобылой", и, чтобы опередить нападение, сами идут на хоролов войной.

Считаю нужным отметить, что я нигде не нашел в олонго прямого указания, чтобы сестры считались когда-либо женами братьев. Это понятно: олонго есть повествование о поисках жен-инородок и добычи, д ж о л, на стороне. Там встречаются только указания, что якуты — родные *братья* охотно женились на *родных сестрах* из другой семьи, что наблюдается и теперь нередко. Замечательно также, что во время свадьбы *сестра невесты* все время старательно прикрывает голову, так как за большой грех считается, чтобы жених или кто-либо из его поезжан увидел ее *волосы* (Колым. ул., 1884 г.).

Существует одна неодолимая почти трудность в восстановлении форм древнеякутского брака, именно: особый смысл, который, по-видимому, придавался в старину названиям родства, означаящим теперь совершенно другое. У якутов нет, например, терминов для обозначения вообще понятия *брата и сестры*. В случае необходимости назвать их они употребляют теперь русское "брат" и "сестра"³⁾. Для выражения же соответствующего родства по-якутски у них есть особые нарицательные

1) На эту черту указывает в своих интересных примечаниях к олонго Ю р ю н г У о л а н и г. Н. Горохов (Записки Вос. С. От. Геогр. Общ.).

2) Худяков, стр. 147.

3) Во множ. числе б р а т т а р, с ё с т р а л а р; слова эти попадают даже в сказках и олонго.

названия, которых отнюдь смешивать нельзя: для старших братьев — у б э й, для младших братьев — и н и, для старших сестер — э д ж и й, для младших — б а л ы с. Эти же названия с некоторыми добавлениями, обыкновенно пропускаемыми в обыденной речи, даются дядям, племянникам, теткам, внукам разных степеней, даже отчиму и мачехе ¹). Родня сообразно с этим как бы распадается на две группы: мужчин и женщин, родившихся *раньше*: у б э й, э д ж и й, и мужчин и женщин, родившихся *после*: и н и, б а л ы с. Эти группы служат как бы основным фоном якутской родословной, большинство остальных наименований производится от них путем всяких прибавок и надстроек. Насколько я заметил, имена, в состав которых входили у б э й, э д ж и й, б а л ы с, и н и, даются только *кровным родственникам и сородичам*. Для родни, приобретенной путем брака, есть специальные названия, где деление на *родившихся до* и *после* проведено не так строго. Некоторым из них, правда, присвоены названия э д ж и й или б а л ы с, но названия эти всегда сопровождаются в таких случаях прибавками, указывающими на внеродовое происхождение называемого; например, младшая сестра мужа или жены называется к ю р е б а л ы с, что следует переводить: "младшая сестра по двору, по жилищу" — прибавка, конечно, совсем лишняя внутри рода или родной семьи. Я думаю, что вначале у якутов совершенно отсутствовало понятие *брата* и *сестры*, что у б э й, и н и, э д ж и й, б а л ы с были термины не столько семейные, сколько родовые и значили просто: *старшие* и *младшие сородичи*. Это подтверждается уже тем, что никак нельзя теперь установить, как правильно переводить слово у б э й: старший ли *брат*, старший ли *дядя*, старший ли *племянник*, а слово э д ж и й: старшая ли *сестра*, *тетка* или *племянница*. Также невозможно точно установить, что значит и н и и б а л ы с. В пользу этого же предположения говорит то, что однозначные и более древние, по показаниям якутов, слова, такие, как б и й, употреблявшееся вместо у б э й, а г а с — вместо э д ж и й, уже прямо следует переводить: старший мужчина, старшая женщина ²). Наконец, то, что в некоторых местностях и на юге, и в Колымском улусе до сих пор удержался обычай звать в интимном разговоре всех старших сородичей у б э й, э д ж и й, хотя бы они совсем не были родственниками. Относительно чужеродцев я там этого не замечал, их зовут: т о ё н (господин), о г о н и о р ³) (старик) или д о г о р (приятель).

1) Последнее я слышал только в Колымском улусе, в других местностях их обыкновенно зовут: мать и отец.

2) Б и й — в других тюркских наречиях значит старший, а также господин, хозяин; а г а с — то же; смотри ниже.

3) О г о н и о р — более задушевное, чем д о г о р; этим именем нередко зовут дети отца, жена мужа и т. п.

Если это так, если название у б э й возможно толковать в смысле старший по рождению *сородич*, то предание о том, что братья (у б э й д а р) женились на сестрах, причем подчеркивается, что сестры были младшие (б а л ы с), теряет свою определенность. Предание это, нужно думать, указывает не столько на кровосмешение, сколько вообще на эндогамию, на женитьбу внутри *рода*, да еще намекает, что в известный момент развития эндогамии существовал обычай, чтобы мужчины женились на женщинах, *родившихся после них*. Были ли какие-либо ограничения относительно *родных сестер* и *родных дочерей*, добиться ввиду смутности родственных названий нет надежды. Во многих показаниях я нашел только косвенные указания, что такие ограничения, пожалуй, существовали. Одна старая якутка, жалуясь на порчу современных нравов, между прочим, говорила: "В Бога не верили, правда, но меньше было тогда грехов, чем теперь. Теперь и поп смотрит, и начальник смотрит, а грехов больше; тогда никто не смотрел, и меньше люди лгали, менее воровали, обманывали, чем ныне. Раньше *даже родные братья спать не смели под одним одеялом с сестрами*, это считалось за большой грех. Теперь женятся на женщинах своего рода... Раньше искали жен далеко за Индигиркой (Омекон), за Яной (Нянга); теперь — лишь бы близко, лишь бы скоро!.." (Колым. ул., Енгжа, 1884 г.). В том же Колымском улусе на Андылахе по поводу ссоры домашних из-за постели мне объяснили, что "*стыдно спать взрослой девушке под одеялом брата*" ¹⁾ (Колымский ул., 1883 г.). Наконец, небезынтересно, что мальчику лет 10 — 12 уже *дают есть отдельно от сестер*. Он уже не ложится спать с ними на одну кровать; ему заводят особую постель, что сопряжено с некоторыми расходами и что, думаю, вызвано не столько чувством стыдливости, сколько древним запретом, а и. Те же сестры, случается, ходят совершенно нагие, не стесняясь присутствия взрослых братьев, и ведут с ними запросто такие иногда разговоры и шутки, которые смутили бы самого циничного европейца.

Возможно, что описанные ограничения возникли уже позже, ради ограждения девственности, утрата которой, с утверждением экзогамии, стала влиять на величину калыма ²⁾, тем не менее они указывают на необходимость в более или менее отдаленном прошлом, в числе других мер, затруднить физическое сближение между братьями и сестрами, связь которых, очевидно, считалась явлением заурядным. О посторонних юношах своего рода говорить нечего, связи эти и теперь обычное явление. Анализ якутских родственных названий не указывает, кто мог или не мог

1) Брата не было дома, осталось одеяло.

2) См. т. II.

быть при эндогамии мужем и женой. Интересно было бы с этой целью проследить ошибки, какие якуты делают, прилагая приставку с ы г, с ы г а н к родственникам-сородичам. С ы г — это те, на которых можно жениться. Одни из опрошенных мною, как я говорил выше, отрицали существование с ы г внутри рода; другие совершенно не отводили им места в родословной, хотя признавали, что такое родство начинается не то в 9-м, не то в 4-м колене, наконец, третьи постоянно смешивали с ы г с с и е н г, которым обозначают якуты третью степень кровного родства, отвечающую нашему: внук или внучатый.

Не менее трудно определить, хоть приблизительно, был ли тогдашний брак моногамический или иной и какова была его прочность.

Слово о г о — ребенок, дитя, с прибавкой "мой ребенок", о г о м, применяется якутами не только к своим родным детям, но и к детям *братьев, сестер*, даже к самим *братьям и сестрам*, если разница в годах это допускает. В предании о лошади С и р я г а с ь рассказчик, между прочим, объяснил, что Т и м и р-Б а й т а к а н, несмотря на свой гнев, назвал дерзкого парня Н о р о х у "дитя мое", о г о м, потому что "старинные якуты, как бы ни сердились, не говорили младшим иначе, как "дитя мое"¹⁾. Это же обращение практикуется и теперь в ласковой речи. О г о — имя нарицательное и в родословную входит как составная часть многих сложных описательных названий²⁾.

В этой родословной нет также и таких специальных названий, как *дочь* и *сын*, указывающих на физиологическую связь между определенными лицами. Слово у о л, употребляющееся в смысле *сын*, значит, собственно говоря: мальчик, юноша, молодой человек, а в старину употреблялось во множественном числе у о л л а р в смысле: *военный отряд, молодые люди племени или рода*. С прибавкой притяжательного местоимения "мой" (м-у о л у м; мой сын) название это в обыденной речи дается стариками не только родным сыновьям, но и всем юношам мужского пола, состоящим с ними в каком-либо родстве. В узком смысле оно дается родному сыну и родному внуку с добавкой с и е н г и затем всякого рода двоюродным и троюродным внукам с соответствующими добавками. Характерно, что этих же побочных внуков можно называть с подобными же прибавками с и е н г, с и е н г ч е р, с ы г а н г, с ы г а н ч е р — млад-

1) См. главу "Народное словесное творчество".

2) Внука называют с и е н г-у о л, но говорят также о г о м-о г о-у о л; внуку называют с и е н г-к ы с, но говорят также о г о м-о г о-к ы с — моего дитяти дитя-дочь; правнук — с и е н г ч е р-у о л, а также ю с ю с ь у я м о г о м — моего третьего гнезда дитя; правнучка — с и е н г ч е р-к ы с и ю с ю с ь-у я м-о г о м-к ы с — третьего гнезда дитя-дочь.

шими братьями и н и. Все вышесказанное касается и *дочери*, к ы с. К ы с значит не только дочь, но и девочка, молодая девушка, вообще девица, а к ы с т е р или старинное к ы р г ы р т е р — прислужницы дома, девицы всего рода или племени. Внучки и правнучки всяких степеней и филиаций обозначаются тем же словом к ы с, с добавлением с и е н г и с ы г а н, и т.п.

Итак, мы видим, у якутов нет особых слов для различения *сына* и *вообще мальчика*, *дочери* и *вообще девочки*. Это отнюдь не результат бедности языка. Наоборот, якутская родословная часто поражает нас непонятным, на наш взгляд, богатством. Я уже указывал на существование у якутов параллельных названий для младших и старших братьев, сестер, племянников; затем у них есть особое название *младших братьев* с у р д ж ю или с у р у с, употребляемое только женщинами. Мужа невестки женщины зовут к ю т ю ө м (зять), а мужчины б и л л я х (знакомый). В сказках нередко б и л л я х зовут друг друга *жены одного мужа*. Есть у якутов особое название для жены старшего деверя — б е р г е н или м е р г е н и особое для жены младшего — б а д ж я, и другие странности, непонятные и ненужные с точки зрения не только нашей, но и теперешнего якутского родосчисления.

При таком богатстве второстепенных на наш взгляд наименований, недостаток специальных терминов *сын* и *дочь* и смешение их с более отдаленными степенями родства, а также с выражениями *мальчик* и *девочка*, означающими по преимуществу пол и возраст ¹⁾, указывают, несомненно, что в то время, когда складывались основы нынешней якутской родословной, *определенная генетическая связь каждого данного ребенка с его родителями не имела особого значения*. Все они безразлично до известного возраста были у о л и к ы с для старших сородичей. Понятие родных детей данной пары резко выделилось уже впоследствии и до сих пор не изобрело для себя специального *выражения*. Возможно, что это было последствием совместного и одинакового воспитания всею ордою, или всем родом, своих детей, а также проистекало или сопутствовало крайне неустойчивым и неясным *брачным отношениям*. В пользу первого говорит то, что якутский род до сих пор считает себя как бы собственником детей, что без своего разрешения он даже отцу-матери не дозволит перечислить ребенка, особенно мужского пола, в чужой род, что с выходом вдовы второй раз замуж в другой род у нее деда, дяди и даже более отдаленные родственники отнимают ребенка, если не сейчас, то

1) По-видимому, они оттеняли, главным образом, *пол*; это доказывается тем, что до сих пор якуты охотно употребляют их с прибавкой ого, кыс-ого, уол-ого, ребенок-девочка, ребенок-мальчик.

когда он вырастет и станет способным к работе ¹⁾). Наконец, странный обычай *притворно красть* детей в тех семьях, где они умирают, и давать их воспитывать указывает также как бы на незаконность присвоения себе детей, достойную наказания ²⁾).

В пользу второй части высказанного мною положения говорит анализ названий: отец, мать, муж, жена, а также некоторые древние обычаи и современные нравы. Для отца у якутов нет такого названия, происхождение которого можно было бы так же просто и естественно объяснить, как название матери. Мать по-якутски и э, что собственно значит — *матка*; отец же зовется а г а, что следует переводить "старший". Когда, собирая данные для составления таблиц родства, я делал недостаточно ясные для слушателей вопросы и они желали точнее уяснить себе, родилось ли данное лицо раньше или позже названного, то спрашивали меня: а г а б у о л б у т д у о? б а л ы с д у о? — будет ли это старший или младший? Причем фразу эту применяли как к мужчинам, так и к женщинам ³⁾. Заинтересованный этим, я стал разузнавать, что дословно значит а г а. Мне всякий раз объясняли, что оно значит *отец*, но что в данной фразе следует его понимать как *старший* ⁴⁾; а г а с — значит *старшая сестра* или *старшая тетка*, но во фразе, где вопрос относится к возрасту, это значит просто *женщина, родившаяся раньше*. Такое же значение оба эти выражения удержали в некоторых сложных наименованиях. Так, тесть будет к ы н н ы м, а старший деверь будет а г а-к ы н н ы м, старшая сестра деверя — а г а с-к ы н н ы м, младшие же будут называться а ч ч и г и й-к ы н н ы м, б а л ы с-к ы н н ы м, младшими к ы н н ы м, маленькими к ы н н ы м, а то просто у о л у м, о г о м — моим мальчиком, моим ребенком.

1) См. т. II.

2) См. т. II. Кража детей производится с некоторыми церемониями: мать, хотя сама просит подруг украсть, не должна знать момента, когда совершается кража; украденного заменяют щенком или куклой. Ребенка обязательно должны вынести сквозь окно в хотоне и затем распусть слух, что украли его прохожие люди (Намск. ул., 1889 г.). Кстати, напомним предание, приведенное мною в главе X о смягчении нравов, где рассказывается, что старик и старуха, "убегая от людей, украли чужого ребенка". Характерно, что в старину первый ребенок должен был родиться в *доме родителей женщины*. Муж брал ее к себе уже с ребенком. Это считалось условием счастья, д ж о л (Намский улус, 1890 г.). В сказках — мотив о подмене ребенка щенком.

3) Когда якуты рассказывали про реку Алазей и, сравнивая ее с Колымою, захотели выразить подчиненность, то сказали: Алазей э д ж и й — Колыма б а л ы с (Колым. ул., 1884 г.).

4) А г а — старший, большой, постоянно противопоставляется слову о г о — младший, меньшей; говорят: х а я-о г о т о в значении малая гора, ю р я к-о г о т о — речушка,

Отсутствие специального названия для отца тем более странно, что у якутов есть особые названия для более отдаленных родственников восходящей линии вплоть до прадеда, хотя и там женское начало э б э яснее выражено, чем мужское э с э. Так, прадед и прабабушка будет э б ю г э¹⁾, бабушка — э б э, родные ее братья и сестры — а б а г а, если они старшие. Э б ю г э, э б э, а б а г а — слова, несомненно, одного корня. Э с э будет только родной дед и младшие его братья²⁾. Неясность мужского родства и в то же время определенность женской связи с детьми становится многозначительной. Если к тому же вспомнить, что семья в смысле familia до сих пор носит название и э у с а — материнский род, что многие теперешние "отчие роды" (а г а-у с а), даже наслеги, по преданиям, произошли от женщин и что один из любимых мотивов якутских о л о н г о есть, наравне с поисками "жены", разыскивание "отца", то наше особое внимание к этим намекам станет понятно. Герои сплошь и рядом не знают, кто их отец.

Я не решаюсь делать более определенных заключений относительно древнего якутского брака, но, основываясь на вышеизложенных соображениях, считаю возможным предполагать, что брак этот был в основе своей совершенно от теперешнего отличный, и не только в силу господствовавшей тогда эндогамии, но и в силу особых отношений между полами. Связь их внутри рода была очень свободна и неустойчива, она позволяла знать детям *только своих матерей*, и то только до известного возраста. Затем забывалось и последнее, его заменяло чувство принадлежности к известной группе. Внутри этой группы были только *мужчины и женщины, старшие и младшие*.

Есть закоулки, где якутское слово о и о х, "жена", незнакомо населению; его там встречают смехом, а "жен" зовут д ж а х т а р, женщина, или э м а х с и н, старуха, наконец, х о т у н — госпожа, хозяйка (Колым. ул., 1883 г.). Слово "муж" совершенно отсутствует у якутов, так как э р э значит точно "мужчина"³⁾. Нет у них слов: "развод", "вдова", "вдовец" — первого не знают совсем, а для вторых приняли русское "удоба", кото-

т и т - о г о т о — подрастающее деревце; а г а употребляется в таком же смысле для выражения возраста и превосходства. Выражения эти устарелые и встречаются преимущественно в поэзии.

1) Оно же значит вообще предки.

2) Некоторые якуты называли еще прапрадеда, вставляя между э б ю г э и э с э наименование х о с-э с э, что дословно значит "дед высшего порядка, следующего разряда, сугубый дед".

3) Э р-к и с и — мужчина, человек, э р-т а л а к — мужской тальник, э р э м с а х — любительница мужчин, д ж а х т а р а м с а к — любитель женщин.

рое применяют ко всякому осиротелому существу¹⁾. "Женщина без мужчины все равно что скотина без хозяина", — гласит современная якутская поговорка (Нам. ул., 1889 г.). Вдова вместе с имуществом и малолетними детьми переходит к братьям, дядям, племянникам мужа и в прошлом нередко, по всей вероятности, делалась их наложницей.

В обычаях есть указание, что были времена, когда еще и при жизни мужа требовались меры предосторожности против притязаний ближайших родственников на жен-чужеродок. Общеизвестен обычай к и н и т, в силу которого невестка должна избегать показывать свекру самое себя или свое голое тело.

"В старину в продолжение семи лет пряталась невестка перед свекром, перед братьями и другими мужчинами — родственниками мужа. Молодые жили на левой (женской) дома половине, за перегородкой. В старинных домах всегда были перегородки. Откуда сквозь щели и отверстия высматривала молодая женщина, что делает свекор и деверя, и, когда они были заняты, прячась осторожно за камином, выходила на двор, редко через двери дома, чаще через хлев. И свекор и деверя тоже старались не встречаться и не видеть невестки, говоря: "Эх, бедное дитя стыдится" (э х! б а р а х с а н о г о с а а т ы э х а). Если нельзя было избежать встречи, молодая женщина опускала на лицо маску, н а м с к á, с ы р э й с а б ы т а. Иногда умирала раньше, чем свекор успевал увидеть ее лицо, тогда только приходил взглянуть на нее, чтобы узнать: "Какою была моего сына жена, хороша ли, красива ли, и на кого похожа?" Теперь только избегают показывать этим людям голое тело, а у богатых избегают ходить при них в одной рубашке и надевают свиту, с о н" (Нам. ул., 1891 г.). Подобные разговоры я слышал многократно²⁾. В Колымском улусе почему-то особенно подчеркивали, что невесткам стыдно показывать свекру и деверям непокрытые волосы и ноги (Колым. ул., 1883 г.). Со своей стороны свекор и другие родственники мужского пола тоже должны избегать показывать невестке голое тело выше локтя и выше ступни, должны избегать говорить при ней скабрзные вещи и грязные ругательства.

Тем не менее о снохачестве у якутов я не слышал. Что весь этот обычай к и н и т не есть выражение почтения, а половая предосторожность, видим из того, что перед свекровью и старшими женщинами ничего

1) Сирота - т у л а я х, оно значит также: одиноко стоящий; по Бётлингу — сирота, вдова; татарское — *вдова* (стр. 109). Т у л а я х к и с и — одинокий человек; т у л а я х х а я — одиноко стоящая гора — название утеса по Селелняху, по дороге из Верхоянска в Колымск.

2) Описал эти обычаи довольно подробно Н. Горохов в статье "Кинити", Изв. Вост. Сиб. Г.О. 1887 г., т. XIV, N 1 — 20, с. 71 и 72.

подобного не делается. Что это не результат особенно щепетильной скромности, следует из того, что даже молодые якутки постоянно сучат нитки на голых коленях, ничуть не смущаясь присутствием посторонних мужчин. Не особенно они также смущаются, если незнакомый застанет их обнаженными до пояса. Не любят они только и сердятся, если те смотрят внимательно на их *необутые ноги*. Обычай к и н и т мало-помалу исчезает. Исчезает также первобытная простота нравов, не стыдящаяся обнаженного тела. Считаю нужным отметить, что о снохачах среди якутов я не слыхал; но вышеописанные обычаи указывают, что в прошлом существовали такие брачные отношения, вымиранию которых сопутствовали эти надолго пережившие их запреты.

Эндогамия, по всей вероятности, не вдруг сменилась экзогамией. Обе формы долго существовали и боролись за исключительность. Может быть, первые жены-рабыни нарушали какие-нибудь обычаи рода и прятались вначале от *всех сородичей*, которые их терпели, но не признавали. Посвяательства на жен в пределах рода несомненно случались. По этому поводу мне вспоминается рассказ колымского якута:

"Взявши жену, старинный якут уходил с ней далеко в лес, охраняя перед другими. Если встречал вблизи дома мужчину, то, ревнуя, вступал с ним в бой" (Колым. ул., 1884 г.)¹⁾.

Русские застали у якутов экзогамию в полном расцвете. К тому же якуты были полигамисты. В "Сборнике обычного права сибирских инородцев", изданном Д.Я.Самоковасовым, материалом для которого послужили показания самих инородцев и извлечения из полного свода законов, по этому поводу сказано: "Многоженство издревле существовало у большинства якутов... Более 5 жен в одно время не имели... Причины оно-

1) Такая битва, вызванная неосновательной ревностью, прекрасно описана в былинке К ё н ч ё-Б ё г ё: "Под руку ему руку подставил, под ногу ему ногу подставил, и, взявшись ворот за ворот, стали биться, толкаться, драться. Хотела тут женщина разнимать их. Но только от шума их, от ветра их отлетала метляком далеко, как русское платье. "Что с вами? постойте, осмотритесь! Да что вы, что вы? Разве вы не родственники? Грех и стыд! Остановитесь, не сходите с ума. Фу! стойте!" "Ба, да и правда!" — сказали они и стали смотреть друг на друга лицом в лицо. "Что мы сделали, что с нами!" И, взявшись за руки, пошли; плюнувши друг другу в руки, погладили ушибленные тела и кожу; исцелились тут прорванные, оторванные, окровавленные места. После этого Кытыграс-Бараччи и говорит: "Ба! я подумал, что посторонний человек взял мой огонь да живет, рассердился и потому так поступил!" Божий человек говорит: "Ба! я подумал, что за дьявол, съевший моего зятя, страшный черт хочет хозяйничать домом. Поэтому и дрался. Ну, да что? Ведь это все было по ошибке. Помиримся, так будем жить хорошо" (Худяков, стр. 177).

му (многоженству) следующие: 1) Якуты сговаривают детей с малых лет, кои, по пришествии в возраст, перестают любить друг друга, а от сего выходит вторая жена. 2) Живя несколько лет с женою и не имея от нее детей, берет другую и третью, единственно для того, чтобы иметь детей. 3) Богатые якуты имели многих жен для призрения, по обыкновению, стоявших в разных местах домов и скотоводств, ибо жены усерднее управляют имением, нежели сторонние наемные лица, через то улучшается хозяйство и сберегается имение. 4) Оставляя одних жен, даже и венчаных, по открывшимся порочным поступкам, либо по беснованию, никогда не прекращающемуся, либо потому, что жена по какой-либо болезни лишилась глаз, языка, рук и ног, делается совершенно неспособной заниматься домом и скотоводством, ибо у якутов весь дом и все скотоводство состоит на попечении жены, берут других, оставляя прежних при своих домах. 5) И другие многообразные случаи доводят якутов до многоженства, коего главною причиною есть желание доброго призрения домообзаводства и умножения скота. 6) Имеющие до крещения нескольких жен, по крещении обвенчавшись с одной из них, прочих неотлучно содержали при своих домах, с детьми, рожденными от них, а некоторые и бездетных, по неимению им способов пропитывания" ... (стр. 220).

Замечательно, что точь-в-точь такие же оправдания многоженства я слышал от крещеных чукчей (С. Колымск, 1884 г.). Они доказывали, что многие жены им необходимы, потому что они из опасения *заразы* принуждены *дробить* свои олени стада (Енгжа, 1884 г.).

Во всех этих объяснениях скрывается одна крупная натяжка. Фактически многоженство было доступно очень немногим и никогда не могло стать преобладающей у якутов формой брака. Мешало этому и *количество* женщин, которое почти *равно* мужчинам или даже меньше их ¹⁾, и высота прежнего калыма, которая только в последнее время стала падать.

1) По официальным данным 1889 г., в Якутской области на 110 982 якутов-муж. было 110 221 женщин. Отношения эти во многих улусах меняются. Так, во всех улусах Якутского округа, исключая З.-Кангалас., женщин больше. В Олекминском улусе и улусах Верхоянского, Вилюйского и Колымского округа женщин меньше. Вообще в малокультурных улусах видим, что женщин не больше, а меньше. Олёкминский и З.-Кангал. составляют исключение, которого объяснить не умею. У тунгусов, юкагиров Якутской области явление это выражено еще яснее: у них на 6 354 мужчины приходится только 5 407 женщин. Я думаю, что это следует приписать менее внимательному уходу за детьми женского пола. Женщин родится меньше, а умирает их почти столько же, как мальчиков. По тем же официальным данным 1889 г., на 3 921 мальчика родилось 3 674 девочки, а умерло: первых 4 217, вторых 4 201.

"Раньше получить невесту меньше чем за 10 голов скота и думать было нечего" (Баягант. ул., 1886 г.). Миддендорф рассказывает, что в его время плата за невесту нередко равнялась 10 гол. скота каждого сорта, то есть 10 кобыл, 10 коров, 10 коней и 10 волов, наименьшая цена — 500 р., случалось, платили и 5000 р.¹⁾ Таким образом, покупка 2—3 жен становилась привилегией особенно богатых. Бедные в большинстве случаев ограничивались одной женой, что подтверждают предания. В отписке Кривогорницына на 12 переписанных семейств только у одного богача имелись *две жены*. Если даже предположить, что половина калыма возвращалась в виде приданого²⁾, то все-таки плата за невесту была настолько велика, что очень и очень немногие могли позволить себе такую роскошь, как 5 жен. Взгляд на жену и детей как на даровых и усердных работников, выраженный в вышеприведенном сборнике, вполне отвечает семейным и брачным воззрениям якутов. Я уже указывал на них, описывая якутскую семью. Жена, по мнению якутов, прежде всего домашняя работница, оберегающая и умножающая добро. Права ее в семье ничтожны: она может наказать непослушного ребенка, и только. У нее нет собственности: муж вправе даже приданое ее размотать до последней штуки скота, до последней рубахи. Побой жены — обычная вещь среди якутов, более обычная, чем побой детей.

Вне семьи права ее еще меньше. Гражданских прав у нее нет совсем, а в старину муж имел право убить жену по своему усмотрению. В предании о "хоролах" говорится, что С а х с а р г а н а - б я р г я н ь, возвратившись из похода, убил свою жену, причину войны: "Ходючи, чтобы взять тебя, белолицую, замуж, убил я своих сожителей, век живших дружно!" — сказал он ей³⁾. Существует предание, что женщин, из-за которых возникали распри, нередко сородичи *убивали* и выдавали их трупы противникам (Баягант. ул., 1885 г.). В одном о л о н г о, слышанном мною в Верхоянском улусе, богатый князь, увидевши, насколько большой был рожденный женою ребенок, приказал убить ее, рассуждая, что после того она не годится в супруги (Верхоянск. ул., 1882 г.). В о л о н г о "Низенькая старушка с пятью коровами" скверную невесту убивают, привязав за ноги к дикому коню. В предании о кровавом столкновении кангаласцев с намцами рода Бырджики муж грозит жене убить ее за то только, что та *переступила* через него⁴⁾. Все это вполне согласно с понятиями якутов о правах мужа. Некогда военная добыча, теперь она — купленная рабыня.

1) Миддендорф, ч. II, отд. VI, стр. 832.

2) Самоквасов, с. 222.

3) Худяков, стр. 58.

4) См. т. II.

"Мы платим большие деньги, а поэтому требуем", — ответил мне с непоколебимой уверенностью молодой зять князя Аполлона (Колым. ул., 1883 г.).

Экзогамия и прочный брак окончательно уничтожили независимость якутской женщины. Они исключили ее из членов рода. Вне семьи не стало для нее места, а во главе новой семьи очутился муж. Если якутская женщина не выходит замуж, положение ее со смертью родителей становится еще тяжелее: она обречена на вечное подчинение, попрёки и эксплуатацию всей своей родни: братьев, дядей, племянников, а главное — их жен и детей. Вот почему якутские женщины стремятся выходить замуж и искренне убиваются в случае смерти даже суровых и жестоких мужей. Осиротевшая дочь или молодая бездетная вдова принуждены скитаться от одного опекуна к другому или жить у кого-нибудь из них в качестве вечной, бессловесной работницы. Ее имущество они считают своей собственностью, и редко ей удается, даже в случае брака, получить его у них обратно полностью. Никому не охота заступаться за нее, бесправную, и вступать в борьбу с сильными или, во всяком случае, что-то значащими в *роде* ее опекунами. Женщины в родовых сходах не участвуют, а мужчины, конечно, крепко стоят за свои привилегии.

Жены, которым не под силу выносить жестокое обращение мужа, редко жалуются *роду мужа*, а предпочитают бежать в *свой род* под его защиту. Их обыкновенно выдают назад; тем не менее побег жены влечет за собой столько неприятностей, дает повод к таким насмешкам, что мужья избегают доводить жен до побега. Побег жены приобрели большие размеры в момент проповеди христианства среди якутов. Переход в христианство и брак с христианином избавлял их от преследования *родовых властей*. Женщины широко пользовались этим; с водворением христианства это прекратилось. В *роде мужа* не от кого ей ждать защиты, а в его семье все дружно соединяются против нее, *чужеродки*. Особенно дурной славой у якутских жен пользуются невестки, сестры мужа. Повидимому, это традиционная вражда. Часто она положительно стихийная. Авдотья, жена Аполлона, женщина, всеми уважаемая за ум, доброту, честность, трудолюбие и, по показаниям соседей, всегда отличавшаяся этими качествами, рассказывала мне, сколько она в прошлом натерпелась от своих невесток. Она любила из них только одну младшую, Акулину, и, став богатой, самостоятельной хозяйкой, помогала ей за то, что та никогда не мучила ее и не подговаривала мужа бить ее. "Бей ее, иначе она будет худая, не будет тебя любить и уважать; жену учить надо!" — говорили постоянно сестры Аполлону. Старикам они постоянно жаловались, что невестка мало работает, что много ест, что много спит (Колымск. ул., 1883 г.).

Сосватанную дочь Бычу та же Авдотья заставляла отвыкать от

табака, отучала жаловаться, много говорить, плакать, вообще выдвигать себя чем-либо. "Дитя мое, — говорила она, — скоро поедешь к чужим!.. Невестки тебя осудят, замучат!" (Колымск. ул., 1884 г.).

Хорошо, если муж попадался молодой женщине добрый, любил и заступался за нее. Если попадался суровый, положение женщины становилось невыносимо. Я знаю случаи самоубийства молодых женщин, вызванные преследованием мужа и мужниной родни. Ни закон, ни обычное право не ставит у якутов им никаких преград. Если их сдерживает что-либо, так это трудность и дороговизна покупки второй жены. В этом отношении *защита рода*, превратившаяся в богатый выкуп, сослужила и женщинам хорошую службу, смягчила семейные нравы, приучила к уступчивости их господ. Женщины-жены должны были поступаться всем. Положение их мало изменилось и теперь. Конечно, есть исключения; есть жены, которые держат своих мужей под башмаком не хуже европейских, есть непослушные дочери и энергичные вдовы, ведущие на свой страх обширные хозяйства, но для этого у якутов необходимы еще более исключительные условия, чем у нас. Все у них против женщин: и условия труда, требующие семейной организации, и земельное устройство, признающее надел только за мужчинами, и традиции, и воспитание. Мальчик чуть ли не с колыбели слышит, что "он господин, работник, будущая опора и надежда семьи". Его и лучше кормят, и лучше одевают, сестер заставляют уступать ему в споре, ему внушают к ним и вообще к женскому труду пренебрежение: "Женская мысль короче волос" ¹⁾. "У женщины хоть волосы и долги, да мысль коротка" ²⁾. "Девочек больше окуней; женщин более хорюзов" ³⁾.

"Девочек даром кормим — воспитываем для людей!" (Колымский ул., 1883 г.).

"Дочерей считаем за посторонних, они обязательно уйдут к людям" (Намский ул., 1888 г.).

"Баба сколько бы ни делала, все прибыли нет!" (Намский ул., 1887 г.).

"Если женщина проходит между мною и моим огнем, то может мне испортить промысел и счастье" ⁴⁾ (Нам. ул., 1891 г.).

"Мы, якуты, в старину брезгали женщиной (б ы р д ы р), считали ее поганой (б ы р д а х т а)" (Нам. ул., 1891 г.).

1) Худяков, стр. 4.

2) Худяков, стр. 4.

3) Худяков, стр. 7.

4) По этой, верно, причине и другим соображениям, уже чисто *родового* характера, женщины избегают проходить впереди огня и стараются окружить камин позади.

"Баба", "бабий", "по-бабски", — раздается с пренебрежением на каждом шагу. В сказках над ними насмеются; в былинах и преданиях герои презрительно обзывают друг друга "бабами".

"М а я н т ы л а п! Не говори, что ты убил меня, известного О ч о р б о й-х о с у н а, сына Т ы з ы н-т о ё н а. Скажи, что ты убил *рабыню-бабу*, бежавшую, держа за хвост рыжего теленка", — просит, умирая, побежденный воин¹).

Женщинам, особенно когда они беременны, обычай запрещает есть некоторые блюда, трогать некоторые вещи. Они считаются как бы нечистыми: портят ружье охотнику, уменьшают счастье промышленника (Верхоян. ул., 1882 г.). Все это, постоянно повторяемое, заставляет самих женщин сызмальства привыкать к сознанию своей ничтожности и бесправия, делает их робкими и скромными. Якутские женщины в общем значительно покорнее и послушнее наших.

"Без вины (б у р у ё с у о х) бить не будут", — ответила с покорностью молодая женщина на рассказы о суровом обращении с женами.

"Муж — господин, он властвует и успевает; жене постольку *хорошо*, поскольку ему *отлично*" (Намский ул., 1887 г.).

"Муж — господин наш! — обязательно услышите от всякой благовоспитанной якутки. — Он нас кормит, он находит, он нас защищает!" (Верхоян. ул., 1882 г.).

Таково ходячее мнение. Я слышал не раз, как его высказывали женщины-труженицы, исполнявшие не только свою, но и мужнину работу, женщины-умницы, далеко превосходившие развитием своих ограниченных супругов. Насколько подчинение такое иногда искренно, можно, думаю, судить из следующего факта. В городе Верхоянске в 80-х годах содержал перевоз якут Г а л к а, слабосильный и лядащий человек. Жена его, Настасья, наоборот, отличалась бойкостью и значительной физической силой. Когда на реке особенно сильно бушевали волны, выезжал для перевоза не он, а она. Этот Г а л к а имел обыкновение бить жену в пьяном виде, и всякий раз после полочки мужем денег лицо жены украшалось фонарями и подтеками. Когда он, случалось, особенно надоедал ей, она схватывала его и, поваливши на землю или кровать, держала, пока он не выбивался из сил и не успокаивался. "Почему ты его хорошенько не отколотишь, авось перестал бы драться?" — спросили как-то якутку. "Нельзя, — ответила она с улыбкой, — он муж... если его бить буду, люди совсем мужика уважать перестанут, тогда нам обоим и детям будет плохо" (Верхоянск, 1882 г.). Вышеназванная Авдотья, жена Аполлона, хотя пользовалась над мужем огромным влиянием и он без ее совета и согласия

1) Худяков, стр. 49.

не предпринимал никакого решения, никогда и виду не подавала, что думает и действует самостоятельно: всегда как на источник своих действий и соображений указывала на мужа (Колым. ул., 1883 г.). Только как чрезвычайно редкие исключения я встречал среди якутов совершенно самостоятельных женщин, пользовавшихся признанным влиянием и авторитетом. В Намском улусе ко мне приходила просить совета по поводу какого-то наследства старуха лет 50, замечательно самоуверенная, умная и рассудительная. За эти качества ее звали Г о л о в о й. "Она знает улусные дела лучше любого "князя", и как она рассудит, так всегда бывает. К ней за советом раньше не стыдились обращаться и улусные господа", — говорили мне (Нам. ул., 1889 г.). Но такую женщину за все 12 лет я встретил *одну*. Обыкновенно влияние женщин только косвенное: через мужей и сыновей. Даже там, где, как на севере, они трудятся наравне с мужчинами: косят сено, ловят рыбу, а в случае вдовства и удержания наделов несут повинности, — и там влияние их в общественных делах ничтожно ¹⁾.

В общем якутки менее развиты и сообразительны, чем якуты-мужчины. Они живут более замкнутой жизнью, и опыт их ограниченнее, реже посещают соседей, мало участвуют в сходках, ы с ы а х а х, и не путешествуют. Их царство — дом, а у богатых даже только одна его половина — левая, куда они прячутся при появлении чужого мужчины и откуда высматривают его, спрятавшись в тени камина или сквозь щели толстой перегородки. Только старые, безобразные женщины пользуются большей свободой: "им некого сердить, возбуждая ревность". Молодая девушка, если желает выйти замуж, а молодая женщина, если дорожит домашним спокойствием и уважением окружающих, обязательно должна придерживаться известных правил поведения. Для примера приведу некоторые из них:

"Она не должна громко петь в присутствии посторонних мужчин" (Колым. ул., 1883 г.).

"Девушка не должна расплетать кос при мужчинах, а замужняя женщина являться без платка на голове" (Баяг. ул., 1886 г.).

1) Кстати отмечу, что на севере я встречал девушек, которые занимались даже звериным промыслом, ставили луки и петли, а одна даже стреляла зверей из винтовки. Но это редкие случаи. Замечательно, что я *никогда* не видел женщины, плывущей самостоятельно в лодке — т ы. Из мастериц знаю одну в Верхоянском ул., серебряные изделия которой славились по всему округу. Кузнецов-женщин не знаю. Среди женщин встречаются замечательные певицы и сказочницы, а шаманки, по якутским повериям, всегда могущественнее шаманов.

"Молодые женщины должны говорить мало, вполголоса, не смеяться громко, не вмешиваться в разговор мужчин" (Намский ул., 1889 г.).

"С малознакомыми мужчинами они должны совсем избегать говорить, не глядеть на них и отнюдь не улыбаться им. Благоданная якутская девушка должна смотреть украдкой, из-под опущенных ресниц, как это описано в сказках" (Нам. ул., 1892 г.).

Без ведома домашних она не смеет принимать даже от пожилых мужчин подарков и не смеет им дарить что-либо. Характерно это ограничение подарков, которые вообще так любят и уважают якуты. Есть у якутов в нравах и в платье и более грубые средства, направленные к охранению целомудрия ¹⁾. Тем не менее в значительной мере права якутская скептическая поговорка: "Бывает ли дерево, на котором не сидела бы пташка?" — в смысле: есть ли женщина, у которой не было любовника? ²⁾ На наш взгляд, якутские нравы отличаются большой легкостью. И мужчины, и женщины смотрят на мимолетные связи как на милую шутку, ловкую проказу, если только она сошла с рук безнаказанно.

"Что за старинный, отцом твоим не деланный грех?" "Амбар сломаем — что ли, я говорю тебе, поцелуемся-полюбимся?.." — поется в песне.

"Что тут дурного, склонить на любовь хорошенькую девушку!" — удивлялись колымские парни (Колым. ул., 1883 г.).

Якуты не видят в незаконной любви ничего безнравственного, если только никто не потерпел материального от нее ущерба. Родители, правда, ругают дочь, если ее поведение грозит лишить их "половины калыма", но раз потеряна надежда выдать ее замуж или выплачен калым, они делаются замечательно равнодушными к ее поведению. Время, которое молодые женщины проводят у родителей после венчания, самое для них веселое и свободное. Молодые люди льнут к ним, как мухи, а родители смотрят на это сквозь пальцы и самое большее — пользуются в хозяйстве услужливостью поклонников. Они стараются только, чтобы связи эти не были продолжительны и не подверглись огласке, что могло бы навлечь на них неприятности со стороны родни мужа и уменьшить количество предполагаемых в будущем подарков. То же самое можно сказать о девушках невестах-перестарках. Их совершенно не стесняют, и если они сохраняют декорум, то только в силу привычки, ради угождения обычаю. В Колымском улусе молодые женщины той общины, где я жил, по осени с ведома старших переходили жить в особняк — домик в стороне, на берегу озера, куда к ним ежедневно собирались вечером окрестные пар-

1) См. т. II.

2) Худяков, стр. 7.

Рис. 144. Девушка - невеста (Амгинско - Ленское плоск., с фотогр.).

ни. Как-то запоздав на охоте, я поздно ночью завернул к ним. Песни, сказки, веселый остроумный разговор напомнили мне наши посиделки. Накормили меня, напоили чаем, а когда я собрался уходить, молодая 22-летняя сестра моего хозяина, обыкновенно дома очень скромная и застенчивая, открыто предложила мне себя в подруги... на эту ночь... (Колымский ул., 1883 г.). В другой местности того же улуса якутские девушки всю осень и половину зимы жили на отдаленных уловах, где навещали их знакомые парни. Я заметил, что такие гости принадлежали преимущественно к тому же роду. То же самое на свадьбах: на женскую половину, где толпились девушки, осмеливались переходить только пар-

ни, принадлежащие к тому же, что и девушки, роду. Во время свадеб на собраниях, ы с ы а х а х, надзор за девушками сильно слабеет; общественное мнение не хвалит матерей, которые берут с собой туда молодых девушек-дочерей. Парни дают в играх большую свободу своим рукам, а девушки не особенно защищаются. Раз, отдернув занавеску молодой с тем, чтобы посмотреть, что она там делает, я увидел несколько парней и девушек, забравшихся туда и свободно расположившихся на ложе молодой. Это тоже были юноши и девушки из рода молодой, и впоследствии, когда мне рассказывали приведенное выше предание об обычае лишать невинности сестер до брака с чужеродцем, я вспомнил эту виденную мною на дальнем севере картину.

Рождение незаконного ребенка и незаконное происхождение не считается у якутов таким позором, как у нас. Таких детей, если они бойкие и здоровые, любят в семье наравне, а случается, больше, чем законных.

У якутов нет даже названия для незаконного ребенка, так как употребляющееся в этом смысле с ё к-о г о значит собственно "дитя кустов"¹⁾ и позаимствовано у русских. Ругань и насмешки, направленные против них, тоже, очевидно, русского происхождения²⁾. Слова "поп", "купель", "свечи", "варнак", встречающиеся в записанном мною образчике поношений, ясно свидетельствуют это. Сами якуты говорили мне откровенно, что "незаконный ребенок все-таки лучше отсутствия ребенка" (Верхожанский ул., 1882 г.). Я знаю несколько случаев, когда женились на женщинах, имевших детей до брака, причем последнее не ставилось им в особую вину³⁾. Только размеры калыма уменьшаются. Это соображение да уверенность якутов, что раз девушке минуло 18 лет, то у нее обязательно заведется любовник, побуждает, между прочим, якутских родителей торопиться с выдачей дочерей замуж (Намский ул., 1889 г., Колымск. ул., 1883 г.). С выходом женщины замуж забота о ее поведении падает исключительно на мужа. Нарушение супружеской верности, конечно, порицается всеми на словах, но в сущности, кроме мужа, все смотрят на это снисходительно. О неверности мужей и говорить нечего, до того это считается *пустым делом*.

1) С ё к, с и к - е р н и к, тонкие невысокие заросли.

2) См. т. II, тюркский текст ругани.

3) Приведу один из известных мне случаев отношения к незаконным детям ради характерных подробностей. Молодая, богатая вдова Намского улуса через год с небольшим после смерти мужа родила ребенка. "Все догадываются, что отец — Гаврило, но Марфа не сказала кто отец, даже родителям не сказала. Те и не могут ее спрашивать: она госпожа, она богатая, у нее свои деньги и своего скота 40 голов... Родила ребенка потому, что захотела и никому дела нет!.. Те, что сватаются знают, что у нее дитя. А

"Спим в темноте, в одной избе, вот и ходим к чужим женам!" — говорил мне как о вещи совершенно обыкновенной молодой, несколько лет уже женатый парень. Напомню также рассказ, приведенный мною в начале этой главы, в котором "сам Бог велит не имеющим жен посещать чужих" (Баягантск. ул., 1885 г.). Раз, когда я спросил рассказывавшего о своих любовных похождениях молодого человека, хорошо ли это, он мне ответил: "Конечно, хорошо, если женщина хороша!"

"А если к твоей жене?"

"Ну тогда худо!" — сознался он простодушно (Намск. ул., 1891 г.).

Другой "сердцеед" очень даже обиделся этим вопросом:

"А тебе зачем знать? Разве ты хочешь ходить к моей жене?" (Баягант. ул., 1885 г.).

Ревность якутов известна; она, думаю, находится в тесной связи с этой легкостью их нравов.

Меня сильно занимал вопрос: какое место в жизни и браке отводят якуты любви. В браке, по-видимому, ее считают лишней. В нем они больше ценят спокойное расположение, основанное на дружбе, уважении, сознании солидарности интересов, чем страстное влечение.

сватается два человека: один городской, красивый лицом, но, говорят, кутила; другой Атамайский, совсем молодой, жены моложе (балыс), ребенок... Первый приехал Атамайский, Марфа не совсем согласилась, сказала: "Может, пойду, а может, не пойду... подумаю, увижу!" Между тем, приехал красавец городской и потихоньку давай наговаривать: "Зачем тебе в лес ехать, лучше выходи за меня, будем жить в городе!" Но родители и родня вызнали, выспросили и отсоветовали ей идти за городского. Марфа отказала ему: "Атамайский был первый, я дала слово; если бы ты был первый, может быть, за тебя пошла бы!" Родители Марфы хотели ее дитя у себя оставить, но муж ее не согласился: "Я ребенка не менее, чем Марфы, желаю! Мать приказывала непременно ребенка взять!" А сказал это потому, что если бы дитя оставил, то бы и часть скота, часть серебра и денег осталось, а так все возьмет... А дорого ли стоит воспитать ребенка! Мальчика, хотя он и не его, муж Марфы очень любит и уже уговаривается с родовичами Марфы, ребенка в Атамайцы перечислить хочет. Сколько дал за Марфу калыма неизвестно. Скрывают. Родители Марфы говорят, что совсем мало. Боятся брата покойного мужа, который, если бы узнал, что много, то стал бы себе часть требовать, говоря: "Женщина она уже проданная в наш род, столько денег вы уже взяли от нас, должны теперь отдать часть того, что опять берете!" Мог бы он требовать, что сам Марфу замуж отдаст. Между тем, если он услышит, что мало, ведро водки или кобылу, то что ему с этого дать могут? Все сели и выпили, ничего не осталось... Маленький калым, малая и часть, но сколько в действительности заплачено, сколько денег, никто не знает: может быть, 500 — 600 руб. Это не скот, не учтешь!"... (Намск, ул., 1891 г.).

"Если молодые чересчур друг друга любят — жить будут худо!" — говорит народный афоризм (Колым. ул., 1883 г.).

"Не будешь же лизать, наливши на лицо сору", — говорит поговорка о значении красоты в браке ¹⁾.

"Эллей выбрал в жены не красивую, а плодovitую и работающую" (Нам. ул., 1890 г.).

Предварительное знакомство жениха и невесты считается лишним. Большинство браков заключается без участия и согласия молодых; только крайнее отвращение сосватанных друг к другу, последствием которого является страстный и упорный протест, *иногда* принимается во внимание. Если протест такой исходит от сына, то он чаще уважается, но дочерей, даже взрослых женщин, вдов, сплошь и рядом заставляют выходить замуж силой, вопреки их воле: их бьют или грозят выгнать вон из дому, лишив всего ²⁾. Так как женят своих детей якуты очень рано, то недоразумения и разлад в браке обыкновенно возникают уже впоследствии, а само венчание и сватание сходят благополучно. Взрослые молодые люди, которым лет 24 и больше, сами высматривают себе невест.

"Иные совсем не женятся, не находя таких, чтобы им нравились. Ходят, ходят, пока не состарятся..." (Намский ул., 1891 г.). Процент таких браков, заключаемых самими молодыми людьми, все возрастает. Возможность выбора для женщин совершенно и надолго, по-видимому, закрыта; закрыта уже потому, что они сидят все дома, где окружены исключительно сородичами, с которыми брак невозможен. Других людей они и мало видят. В те отдаленные времена, когда жен похищали, выбор, конечно, играл очень незначительную роль; впоследствии, когда выкуп заступил похищение, богатство выступило на первый план, и якутский брак превратился в гражданскую сделку, в союз экономически равных сил. Таковым он остался и до сих пор. Громадное большинство якутского народа женится, живет, плодится *без любви*.

Это не значит, что чувство любви якутам незнакомо или что они не умеют его ценить. Уже в тех наивных "величаниях", т у о ё р ³⁾, которые

1) Худяков, стр. 7.

2) Такой случай был при мне в Намском улусе: якут "Налимье рыло" заставил выйти вдову своего брата за нелюбимого человека угрозой отнять у нее детей и имущество. Женщина жила в открытой связи с братом своего будущего мужа.

3) Привожу записанные мною т у о ё р мужские и женские (см. тюркский текст и подстрочный перевод, том II). Обыкновенно они мало чем отличаются друг от друга. Главное отличие составляет *масть коня*, которая связана почему-то с именем воспетого и меняется сообразно этому.

напевают потихоньку, сидя за работой, девушки и парни, проглядывает вполне определенный идеал красоты. В них воспеваются, как и в наших любовных песнях, черные брови, стройный стан, круглые бедра, блеск глаз, серебристый звук голоса и т.п. Описывают иногда и душевные качества, хотя реже, воспеваются чистое сердце, ум, предприимчивость, трудолюбие, а у женщин — нежность, самопожертвование, скромность.

Приведу как образец красивейшую из известных мне якутских эротических песен.

"Ах, ребята! Голову-мысли мои вскружили ловкие (верткие) мужчины, стоя-кружась, светя своим блеском, покрывая свой внутренний обман, околдовывая удачностью своих выражений (слов), заставляя завидовать на свое добро, проникая взором мое сердце и печень...

Ах, ребята! Если б, полюбивши этого человека, обнявши его на два или на несколько часов, поцеловавши-понюхавши, приблизивши к своему сердцу, хотя и рассталась бы я, то я, худая собою, после, когда тело мое будет жидко, как вода, когда стану я старухой хрупкой, как гнилое дерево, постарею, разве скажу я, что в молодости я не была счастлива? Эгяй!

Женщина величает мужчину

На вороном коне Василий... Откуда, выступая, едешь, сердечный?

Зачем, для кого бросил родную землю?..

Я мечтаю о твоих черных бровях, о твоих очах;

Я жажду твоего поцелуя!..

Ты сияющий,

С выгнутым станом,

С точеными бедрами,

С тонко выгнутыми голеньями,

Желанный!

Мой владыка — сердце бьется для тебя;

Дрожат мои внутренности — печень;

Крепкие кости дрожат!..

Загорелось-зажглось сердечко!..

Мужчина величает женщину

На белом коне Катерина, сердечная...

Пожелал я глаз-бровей твоих,

Смотрящих из-за полуопущенных золотых ресниц,

Твоего пожелал поцелуя,

Твоей гладкой шеи из литого серебра.

Твоих зубов из кованого серебра.

Пожелал я губ твоих...

Позавидовал бровям твоих глаз...

Полюбил твой выгнутый стан...

Ах! Русский молодец! Сидишь ты, слушая-думая, чего хорошего скажешь, что может сказать женщина-девушка с такою недалюною мыслью, с такою узкою памятью, с жестким платьем? Эгяй!

Мужчины-люди, вы думаете, что лучшие из женщин, девицы, не имеют сердца, способного любить! Если б знала я, что язык мой, речь, голос моего горла, может расшевелить ваше сердце, заставить его разрываться от жалости, может заставить вас хорошо думать обо мне — пела бы я, ребята, безостановочно, воспевала бы я. Обратившись отголоском голоса, украшением выражений, я разжалобила бы ваши сердца, размягчила бы вашу каменную мысль, развязав, растопив вашу ледяную память, сделала бы я вас столь бессильными, как маленькое дитя, только что начинающее сидеть; запела бы вас так, чтобы вы не могли ни встать, ни пошевелиться.

Ах! Имеющие голос певчей птички, платье, подобное наружной стороне крыльев чирка, пояс, подобный радуге, туда-сюда разъедетесь вы далеко, светя, как падающая звезда, расчеркивая небо, блестя, как молния, заставив зариться, полюбить себя. Только, ребята, я, ходя взад и вперед, видя во сне, удерживая в памяти, нежа сердце-печень, думая (о вас), считаясь за счастливую, одна на земле, буду ходить несчастною. Эй! Ах, парни! Ах, хорошие люди! Вы подумаете, рассердитесь, осуждая: "Этакая страшная осмелилась посмотреть на нас!" Чем я спасусь от этого, ребята? Разве обвиню ваше доброе? Разве обвиню вашу хорошую сторону? Ах, досада моя! Быть бы мне лучшей-почетной и вскружить ваши мысли. Ах, досада моя! Значит, вы уйдете, оскорбившись и рассердившись. И хорошие и худые смотрят глазами на ласковое блестящее солнце, разве оно оскорбляется этим?

Ах, ребята! Говорят, на том свете есть господин, списывающий хорошее и худое, грех и черное. Тот господин поставит ли мне в вину эти сказанные мною слова за то, что я осмелилась любящими глазами посмотреть на лучших себе, думая, что все должны быть равны мне? И внесет ли он, ребята, эти слова в черное письмо?

Ах, досадные! Улыбнувшись, как тени, вы уезжаете так, как огонь заходящего солнца уменьшается, уходит за гору, удаляется-удаляется и исчезает! Но все-таки, как от солнца остается по горам солнечный отблеск, так в памяти и в мыслях я буду носить о вас воспоминание. Эгяй!"¹⁾.

Конечно, народ, умеющий слагать такие песни, умеет и чувствовать. Страстный, яркий колорит лежит на всех любовных сценах, воспетых в былинах; только чувства якутских героев какие-то порывистые и недол-

1) Худяков, стр. 10.

говременные: "Влетевши, увидал эту девицу и, увидавши, обмер; потом ожил, влюбился; вышел, побежал; на лошадь прыгнул и сел; во весь опор прилетел домой. "Родители мои!— говорит. — У низенькой старушки с пятью коровами такая хорошая девица! Возьмите эту девицу, дайте мне!"— так начинается роман в одной из олонго¹⁾).

В другой былине герой так отвечает девушке на обращение к нему: "Ладно, хорошо!" Наступил раз на середину дома, брячущая дверь звякнула; свернул-повернул он женщину, как мягкую талину, нагнул ее, как сырую талину, поцеловал-понюхал золотой неоткрывающийся щечный румянец; поцеловал в уста пухлые, как сделанные круглые пуговицы". Герой воздерживается от дальнейших нескромностей только соображениями, что ему предстоит бой с врагом и что если он — "чистый юноша — осквернится", то будет побежден²⁾).

В заключение приведу разговор о любви, возникший вслед за выслушиванием рассказа "Орлиный сын" — якутской переделки известной сказки "О Марфе Прекрасной".

— Что же бы ты, старик, сделал, если бы встретил такую "Марфу Прекрасную", что лицо закрывала семью покрывалами? — спросила рассказчица старика мужа.

— Что же бы сделал?.. Да женился бы!

Смех. Жена показывает ему дулю.

— Должно быть, "царь" думал, что если простой парень выскочил из котла серебряным, то он выскочит золотым... — заметил Семенчик.

— Конечно!

— А ты, Пронька, прыгнул бы в котел, если бы тебя обещала полюбить "Марфа Прекрасная"?

Юноша смутился, пробормотал что-то и спрятался за других.

— Это невозможно, чтобы человек-якут, увидевши глазами, от этого одного сошел с ума. Когда он ее как жену узнает и когда она от него отвернется, тогда другое дело... тогда и якут с ума сходит! Но от одного глядения этого не бывает!

— Бесятся и от одного глядения якуты, ох бесятся! Правду тебе говорю... Ты молодой, не знаешь!

— А ты знаешь?

— А я знаю!.. Разве это не глупо, например: понравилась женщина с одного взгляда...

— Ладно... понравилась!

1) Худяков, стр. 87.

2) Худяков, стр. 154.

— Ты услышишь, что она у соседей, ты и работу бросишь и побежишь, только бы увидеть, только бы голос ее услышать. Полдня сидеть согласен, слушая и глядя! А работа брошенная ждет... Какая тебе польза? Разве это не сумасшествие?

— Конечно, бывает, но...

— Подожди, я не кончила! Мало, что глядит и слушает... ждет, когда она выйдет, вперед побежит, в лес, спрячется у дороги, будет высматривать: не пройдет ли? Не скажет ли чего? Не позволит ли идти вместе?

— И то правда: есть такие, что летом ждут в кустах, комаров кормят.

— А женщина заметит, что парень у дороги прячется, и, думая, что он шутки шутит или дурное что задумал, обойдет незаметно кругом... А мужик все ждет, комары его едят. А женщина окружит и просмеет. Разве так не бывает?

— Этого я не знаю, может, ты знаешь?

— Да, я знаю!.. Постою, придет время, узнаешь и ты! (Намск. ул., 1891 г.).

Рис. 145. Гадание горячей лучиной.

Рис. 146. Якутский сказочник.

XIV. Народное словесное творчество

Якутская грамматика и словарь Ботлинга верно надолго останутся единственными основами для научного знакомства с этим языком. Не считая себя достаточно сведущим, чтобы что-нибудь прибавить к этой классической работе, отсылаю к ней желающих познакомиться основательно с этой стороной предмета. Здесь ограничусь сообщением мнений ученых о родстве якутского языка с другими группами и нескольких личных наблюдений по второстепенным вопросам грамматики и фонетики.

Якутский язык принадлежит к семейству тюрко-татарских. По согласному мнению Ботлинга и Вамбери, он стоит особо от них, образуя отдельную ветвь, по-видимому, давно отделившуюся от общего корня. Радлов держится на этот счет особого мнения и полагает, что якуты представляют собою "чуждую струю, влившуюся в турецкое море"¹⁾. Татарам и башкирам, посланным в Якутскую область, достаточно шести месяцев, чтобы выучиться плавно и бойко говорить по-якутски. Русским для этого нужны годы. Главное затруднение представляет якутская фонетика, совершенно отличная от арийской. Есть звуки, которые только после долгого навыка научается отличать европейское ухо и *никогда* не в состоянии вполне правильно воспроизводить европейская гортань. К таким, между прочим, принадлежит носовая согласная *нг*.

"Хорошо говорит, но чересчур резко", — замечают в таких случаях якуты. Для примера приведу корень *а с*, который, смотря по тому, как произнесена гласная или согласная, а в иных случаях без видимой даже разницы, значит: волос, пища, белый, открой, ешь, проходи, голодай, поставь и т.п., *и с* — внутри, желудок, пей, иди, становись пухлым, напухай, или *и т и* — теплый, жара, заряжай, заряд, тот самый и т.п. Таких многозначных звуков у якутов много. Разобраться в них возможно только тогда, когда речью владеешь настолько, что угадываешь их значение по смыслу. Разобраться мешает также неопределенность якутских грамматических форм. У них для существительных нет родов и соответству -

1) Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии, вып. IV, с. 1.

ющие им прилагательные не согласуются с ними. Именительный падеж сплошь и рядом употребляется как винительный. Дательный выражает и пребывание, и направление, родительного нет, а заменяющая его приставка *г е н н я* редко употребляется. Падеж этот чаще всего обходят, заменяя соответствующим прилагательным. Большинство прилагательных, существительных и глаголов в известных формах опять можно отличать только по смыслу. Многие корни могут быть и тем и другим, выражают и предмет и действие; например, *ас* значит и *пища* (им. падеж) и *ешь* (повелит. наклон.); *быс* значит *порез*, *перегородка* и *режь* и т.д. Множественное и единственное число свободно заменяют в речи друг друга, также свободно, по-видимому, заменяются формы определенные неопределенными и наоборот. Часто вся фраза унизана словами, окончания которых не дают никаких указаний на взаимные их отношения; это придает особую прелесть и большую гибкость якутской речи, но страшно затрудняет точные подстрочные переводы. Известный порядок в расположении частей предложения тоже у якутов необязательный, хотя в иных предложениях он один указывает на внутреннюю связь слов. Эта внутренняя связь, основной смысл речи, всюду является чуть ли не главным руководителем понимания. Чтобы вполне познакомиться с якутским языком, со всем богатством его оборотов и форм, необходимо знать быт якутов. Только там можно найти пояснение, как иногда понимать ту или иную фразу, для точного перевода которой нет, по-видимому, в их грамматике никаких указаний.

Язык сказок, песен, былин, украшенный аллитерациями, вставками, повторениями, очень труден для перевода, и пока существует только один образцовый подстрочный, всюду сохраняющий своеобразный отблеск якутской речи, худяковский перевод якутских былин. Язык былин, олонго, много богаче разговорного. Если 4 000 слов, включенных в словарь Ботлинга, совершенно достаточно для житейского обихода, то для перевода одной былины нужно знать чуть ли не вдвое больше¹⁾. Многие слова утеряли совсем смысл; их не понимают даже сами сказочники. Стилль былин совсем особый.

1) Якутский язык во всей области до того одинаков, что легкие местные его уклонения от общего типа нельзя счесть даже за "говоры". Всего в якутском языке, по всей вероятности, от 10 000 до 12 000 слов. Главная масса их, конечно, производные; от каждого корня якуты образуют путем приставок, очень простых и для всех корней одинаковых, по желанию формы отглагольные, существительные, прилагательные, наречия обстоятельства времени, места, причины и т.п. Образование слов, их склонения и спряжения подчиняются общим правилам якутской фонетики, также очень простым и легко запоминаемым. Это, верно, и сделало якутский язык французским языком Северо-Восточной Сибири.

"Это язык былин, язык песен!" — замечали они, когда я по незнанию вставлял в обыденную речь сказочные обороты. Сказочный якутский язык отличается какой-то особой нарядностью, яркостью, щеголеватостью, он полон приставок и завитушек.

"Мысль бывает с отзвуком, язык — с украшениями", — говорят по этому поводу якуты ¹).

Разговорный якутский язык тоже живописен; он меток и звучен. Якуты любят остроумные обороты, каламбуры, красное словцо, прибаутки и сравнения. Красноречие у них в большом почтении, и не раз на сходках можно слышать длинные и искусно построенные речи, по очереди произносимые ораторами ²).

Самый причудливый, конечно, язык песен, а песня, особенно лирическая, несомненно, самая свободная и изменчивая из созданий народной словесности. Музыка и слова песен бывают различные, смотря по певцу и его настроению. Музыка у якутов, несомненно, беднее слов песен. Якуты любят пение. Путешественник, проезжающий по якутским дорогам в многолюдных местностях, часто услышит песню. То запоет провожающий его ямщик, то едущий мимо путник, то работающий у дороги дровосек или собирающая хворост девушка. Поют они по большей части про тот лес, который рубят, про топор, про коня, про проезжего иностранца, про теплый, ожидающий их в конце пути ночлег, про вкусную пищу, про все, что видят и слышат, что в данный момент их занимает, нравится или огорчает. Чаще всего это безыскусные импровизации, тут же слагаемые и забываемые, но еще чаще это просто одно слово, один звук, куплет или отрывок мелодии, повторяемый бесконечное число раз, приятный только для певца, а для слушателя — досадный, как жужжание овода, как скрип намазаной якутской телеги.

Судить, однако, по этим отрывкам, пропетым иногда совершенно безголосыми людьми, о якутской песне было бы ошибочно. У якутов есть и настоящие песни, и настоящие певцы. Чтобы уразуметь и оценить обоих, нужно прожить среди якутов долго и научиться понимать не только их язык, но и их мирозерцание и чувства. Вначале приезжому все туземные мотивы, как и туземные лица, кажутся тождественными. Это неверно: они разнообразны, и, привыкнув к ним, нетрудно их различать. Прежде всего, все песни распадаются на два крупных раздела: мужские и женские. Затем, каждая из этих групп в свою очередь заключает самые разнообразные песни: героические, любовные, описательные;

1) Саннга — доргонох, тыл — хосона кёргёлях.

2) Миддендорф тоже обратил внимание на эту любовь якутов к красноречию (с. 792).

есть песни игривые, плясовые, шаманские; есть, наконец, торжественные гимны, которые поются хором¹⁾. Каждая группа и даже каждый род песен имеют свою физиономию, свои закрепленные обычаем мелодии, на фоне которых дозволяется уже певцу выводить свои собственные узоры. Чем узоры эти изящнее, чем голос певца звучнее, а содержание его песен затрагивает чувства более общие и глубокие, тем слава его громче. Якуты очень любят слушать хорошее пение, и певцы их, видимо, дорожат мнением слушателей. Иногда они устраивают между собою состязания. Собравшись случайно или нарочно в чью-либо юрту, соперники поют попеременно, добиваясь похвалы слушателей, стараясь взволновать их. Иногда последнего они достигают в не меньшей степени, чем наши певцы: публика притихает, женщины, расстроенные, побледневшие, толпятся кучей где-либо на левой, женской, половине дома, мужчины задумчиво сидят вдоль стен на скамьях. И хотя песня уже умолкла, все говорят еще некоторое время шепотом, двигаются осторожно, точно не желают спугнуть дорогую гостью, на мгновение посетившую их.

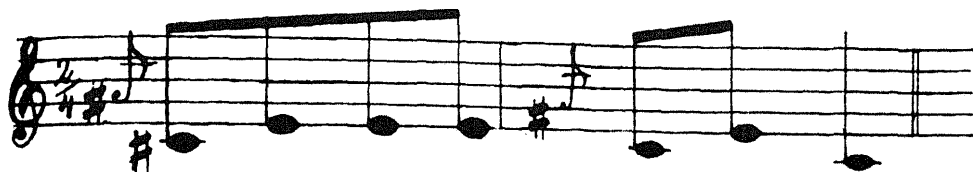
Мне не раз приходилось присутствовать при подобных состязаниях и слышать приговоры окружающих. Иногда мнения разделялись: "У этого слова хороши, но голос хуже, а у того голос хорош, но слова некрасивы!" Или: "Поет... словно сердце из груди вынимает!" Я заметил, что суждения эти часто совпадали с моими впечатлениями. То же самое, когда я расспрашивал якутов о русских песнях и певцах. Многого, конечно, они в них не понимали, высокие, за известный предел ноты были для них положительно недоступны, и они называли их просто "криком", но относительно приятности, мягкости или резкости и фальшивости данного пения мнения их редко не сходились с европейскими. Существует, значит, в музыкальном понимании якутов нечто общее с нами, позволяющее им различать песни хорошие от скверных. Механизм пения у якутов очень своеобразный и от европейского совершенно отличный. Поют они исключительно почти горлом — гортанью.

Мотив редко состоит больше чем из двух-трех нот. Пение чрезвычайно ритмично и ближе всего подходит к нашему речитативу. Местами оно не что иное, как стройная, внятная скандовка с сильным придыханием. Якуты очень любят также слушать инструментальную музыку, особенно игру на скрипке. У них самих нет никаких музыкальных инструментов, кроме х а м ы с, прибора, состоящего из железной рамки с пружиной посередине, на которой играют пальцами, взявши рамку в губы

1) Песня по-якутски ы л л ы; песни по случаю, импровизации, славословия, любовные песни зовутся т у о ё р; песни описательные, гимны, молитвы — т ё г ю л ю; песни эпические о л о н г о ы л л а т а.

Отрывок якутского олонго.

Песня девушки.

Ба — раръ	кю — нюмъ	манз — гай — да
Кё — тёръ	кю — нюмъ	кё — сёй — да
Силь — джеръ	кю — нюмъ	сы — рей — да
Сюк — теръ	кю — нюмъ	сю — гей — да
Оло — роръ	кю — нюмъ	омз — гой — да
І — смъ	хал — гымъ	минъ бар — бынъ
А — гамъ	хал — аръ	минъ бар — дымъ

Ар — га у — о — ла ыл — ла

Уходящее время уменьшилось.
 Восходящее время ушло.
 Бегущее время промчалось,
 Несомое время пронеслось.

Прожитое время простерлось...
 Мать моя, ты остаешься, а я ухожу!
 Отец мой остался, а я ведь ушла!
 — Меня взял юноша с запада!

и варьируя тоны с помощью зубов и языка. Прибор этот очень похож на малорусскую "друмлю". Я видел его в долине Карпатских гор в руках пастухов. Интересно, принесен ли он туда из Азии или, наоборот, пробрался на дальний северо-восток вместе с казаками-завоевателями. Аккомпанемент на х а м ы с е невозможен, и серебристые, нежные его звуки певец вставляет в песню только как украшения, как удары кимвала. Впрочем, я знаю одну песню, в которой описывается весенний перелет птиц и где пение последних в перерывах между куплетами воспроизводится исключительно игрою на х а м ы с е. Якутские певцы поют обыкновенно сидя. Только в минуты особенного увлечения они поднимаются и поют стоя, устремив глаза куда-то вдаль и помогая себе изредка плавными, сдержанными жестами руки и покачиванием туловища. Хором

якуты поют чрезвычайно редко, да и то хор поет обыкновенно припев. Так поются хороводные песни, которые поет, собственно, стоящий в середине круга, а танцующие только подпевают. Настоящее хоровое пение я слышал всего один раз. Это было в Колымском округе во время одного торжественного шаманства. Зрелище вышло довольно необычное. Обряд совершался в глубоком мраке. Шаман вдруг резко оборвал игру на бубне и прыгнул без движения к земле. После минутной паузы послышались удары огнива о камень, сноп красных искр осветил мимолетным светом внутренность юрты, и одновременно в глубине зазвучал хор мужских голосов. Затем опять непродолжительная игра на бубне, опять — пауза, удары стали о камень, фантастический свет быстро тухнущих искр и в ответ дружный, мелодичный хор женских голосов. Пели в унисон.

Хотя редко, но все-таки чаще, чем хоровое, можно услышать у якутов драматизированное пение. Оно устраивается таким образом: группа певцов, собравшись вместе, договаривается исполнить какую-либо всем известную песню сообща. Один соглашается рассказывать то, что подлежит рассказу, а именно описание местности и хода действия; другой исполняет партию доброго героя-богатыря, третий — его противника, богатыря злого; иные берут на себя исполнение песен отца, матери, жен, любовниц, сестер, злых и добрых шаманов и духов, наконец, коня, который в якутском эпосе играет роль немалую. Таким образом поются по преимуществу о л о н г о — якутские эпические песни. Говорят, в старину они иначе не исполнялись. За недостатком певцов, один и тот же исполняет несколько партий. Я слышал одну о л о н г о, исполненную четверью зараз певцами. Поют они, конечно, по очереди в последовательности рассказа. Этот способ петь былины куда красивее единоличного, но практикуется он все реже и реже, во-первых, потому, что знатоки и любители песен все более и более переводятся в Якутской области, а такое собирательное пение требует прежде всего прекрасного знания слов и мотива песни, а во-вторых, потому, что угощение группы певцов в продолжение даже одного вечера стоит довольно дорого на якутский тощий карман. Угощение такое всегда бывает самое лучшее, на какое способен хозяин. Кажется, что угощение это да слава — вот единственная награда якутского певца. Впрочем, я слышал о певцах наемных, которым платили за песни деньги и подарки. Рассказывали мне в Намском ул. про певца А р т а м о н а, что его нанимал богатый якут К н я х и я на таких условиях: "Где бы они ни встретились, в поле, у соседей, в лесу, — всюду он должен петь по требованию. Он должен бросить работу, еду, встать со сна и идти петь. За это он получал от К н я х и я кобылу. Этот А р т а м о н был Намского улуса родович, рода Х а м а л г а, голос его обладал звуч-

ностью, пение — душою ¹⁾). Когда он пел, с женщинами случалась истерика (м ä н р и е р), мужчины, очарованные, ослабевшие, точно маленькие дети, не могли уйти. От его пения сохли деревья и люди теряли рассудок", — говорит предание (Намск. ул., 1890 г.).

Про другого знаменитого певца, М а ч а я р рода С а л б а н, выражались, что если бы второй такой нашелся, то от их пения из трех деревьев погибло бы одно!.. Ему платили, чтобы он только не пел (Намск. ул., 1890 г.). "Знаменитый певец, как и знаменитый шаман, скромн. Он не кичится, не набрасывается, не поет всюду, без нужды и непрошенный" (Намск. ул., 1890 г.). Привожу для примера несколько афоризмов певцов о певцах.

"У хорошего певца всегда в душе песня, — объяснял мне именно такой хороший певец. — Достаточно ему рот открыть, сейчас же летит она, непобедимо, в свет, наружу! Если не петь — мысли путаются, в груди томит... Хороший певец даже один поет. Оттого-то у него все не клеится, и он бывает несчастлив" (Намский ул., 1891 г.).

"Нехорошо завидовать в песне. Если знаменитые певцы поют вместе, то стараются петь ровно, щадя друг друга. Песней можно убить... Певец настоящий, будучи побежден, умирает!" (Намск. ул., 1891 г.).

"Не петь певцу нельзя, как нельзя шаману не шаманить. Шаман за свою силу платит здоровьем, мы за свою силу платим счастьем" (Намск. ул., 1890 г.).

"Певец бывает несчастлив. Он тревожит своей песней духов и обращает на себя их внимание!" (Намск. ул., 1891 г.).

Несмотря на все это, быть певцами среди якутов пожелали бы, наверное, многие. Кроме голоса, фантазии, художественного чутья, якутский певец должен обладать громадной памятью, так как ему приходится помнить сотни тысяч стихов. Обучение происходит таким образом: старый, опытный певец поет громко песню и заставляет тут же повторять за собою ученика, затем ученик многократно повторяет самостоятельно поэму, а учитель следит за ним и поправляет слова и напевы. Выучка одной о л о н г о стоит от тридцати копеек до рубля и больше. Я раз присутствовал при семейной сцене, вызванной страстью к песням: старуха мать упрекала юношу сына, что тот "последний безмен масла променял на песню".

"А у вас, русский, есть песни про старинных богатырей? У нас есть чудные песни. Наши предки на битву всегда выходили с песнями" (Колым. ул., 1883 г.).

1) Тыл дорогонох, тыл иччилях.

"Есть песни до того волшебные, что от них нарушается порядок... Хороший певец лучших своих песен не поет друзьям, людям, которых любит. Эти песни вносят в жизнь разлад" (Намск. ул., 1890 г.).

"Есть три песни, выросшие из одного корня, точно три ветви одного дерева! Есть ветвь человеческой души, ветвь человеческого бога и песня дьявольского дыхания. От последней-то и сохнут деревья" (Намск. ул., 1891 г.).

Конечно, в этих отзывах много восторженности, но сознаюсь, что и во мне не раз своеобразные, поэтические образы якутских о л о н г о, пропетые вдохновенным голосом, вызывали удивление. Разве не хороша, например, любовная песня, которую я привел в предыдущей главе?

Иногда эти образы отчеканены в звучных стихах, украшенных богатыейшими аллитерациями. Аллитерации эти, случается, рифмуются не только в начале, но одновременно и в конце стиха, и вся песня представляет как бы один непрерывный слиток созвучий, двойную нитку жемчужных слов.

Среди якутских песен есть, конечно, и игривые, и фривольные, даже просто гадкие, циничные, но у какого народа их нет? Иные из них дышат своеобразным, наивным юмором:

"Что за ужасное преступление сделаем? Ведь не человека убьем, не амбар сломаем... поцелуемся".

Или вот насмешливая песенка девушек неудачливому жениху:

Пестрый олень — в приданое,
 Рыжий пойдет на выкуп,
 Белого родители возьмут за заботы,
 Полосатому имя ä р г ä н,
 Гнедой — для тебя будет добычею,
 А за серого получишь... в шею!

Хороши также в якутских песнях описания природы. Вот начало бури, воспетой в одной из более известных о л о н г о.

Подул, крутяся, вихрь с востока,
 Гром прогремел вдали,
 Забарабанил дождик частый,
 И тучи, седые, косматые,
 Точно куски кобыльего к а м у с а,
 Поплыли, клубясь, по поднебесью...

А вот другое описание, стремящееся охватить более широкий круг явлений, всю почти землю:

С седалищем из тундряного моря,
 С зависимостью от северного моря,
 С окраинами из западного моря,
 С краями из южного моря,

С ободком из восточного моря,
 С порогом из глиняной горы,
 С ровнями из лежащей горы,
 С тихо светящимся небом,
 Под серебряным солнцем,
 С высоко-кружась, восходящим, белосветлым...
 С ущербающимся месяцем,
 С переходящими ночевками,
 С глубокими, имеющими быстрые течения водами,
 С улыбающейся, прозрачной, тихой водой,
 С падающим, прямым, отборным лесом,
 С жирной, мягкой травой по лодыжку четырехлетнего коня,
 Противоположного берега не видно,
 Предела не заметно,
 Неотгадываемой длины,
 Прямая земля с цветущей растительностью,
 Восьмигранная мать-вселенная..

Замечательно, что картины природы, воспеваемые якутскими певцами, раз они приводятся в размерах миниатюрных, в образах вводных, отличаются прежде всего ясностью рисунка, яркостью красок и привлекают своей жизнерадостностью. Совсем другое, если природа воспевается как фон деятельности человека. Тогда образы как будто умышленно делаются расплывчаты, туманны, располагают к раздумью, тоске и мечтам.

Свои прозаические произведения якуты делят на три типа: *с т о р и я* или *у с т о р и я* — история, повесть, *к а п с а н ь* — сказка, *о л о н г о* — былина. Раньше чем приступить к разбору их, укажу на обширную группу разрозненного, так сказать, "мелкого" словесного материала, какую представляют поговорки, загадки, каламбуры, наконец, те отрывочные, короткие повествования о действительных происшествиях и лицах, из которых многие, несомненно, войдут впоследствии как мотивы и фрагменты в сказания.

Одно из любимых занятий якутской молодежи в длинные зимние вечера — это отгадывание загадок, *т а б р ы н*. Большинство их одинаково во всем крае. Я слышал многие в Колымском и Намском улусах из записанных Мааком в Вилюйском и Худяковым в Верхоянском округах. Некоторые поражают своей своеобразностью, не отгадать бы их нетуземцу: "Говорят, над юртой есть старый бык" (солнце); "Говорят, набегаёт рыжий жеребец" (гром); "Госпожа *х а л а н т а й* совершенно вылизала скот *У л у-т о ё н а*" (ветер, сдувающий снег с ветвей весною); "Хороной-ская дочь говорит: дошла бы я в южную сторону!" (дом); "Таттинская дочь с каменным домом" (тарбаган); "Говорят, вот мужчина поехал без

котла" (у лошади нет желчи); "Два белых жеребца дерутся, рыжий жеребенок их разнимает" (зубы и язык); "Вокруг дома бегают один черный бык" (меховой ошейник из белых хвостов); "Говорят, из пустого пня, обнявшись, выходят голые дети" (искры); "Говорят, солнце с луною целуются" (наковальня и молот); "Д о л о г о н о-боец у важных жителей стоя ходит" (ожик); наконец, всем известная, возбуждающая смех загадка, которую говорят в начале загадывания: "Есть корень загадок тамта-тахай" (посуда с клеем)¹). Иные отличаются большой меткостью и изяществом:

"Солнечная девица ушла, позабыв серебряный белошейный платок" (восход и закат солнца); "В белых шапках русские дети стоят" (пни со снегом); "Без слов разговаривает, без крыльев летит, без ног бежит" (письмо, ветер, течение воды); "Смотрит, а не мигает" (дупло); "У ста человек одна мысль" (о пище) и т.д. Хорошая треть, если не половина, якутских загадок касается скотоводства или оттуда заимствует свои сравнения. Многие из загадок встречаются в сказках уже как настоящие сравнения: "Брови точно два соболя, лежащие ногами вместе"²), "Нос точно лесина, упавшая между двумя озерами", "Печка точно барыня, развалившись, стоит, откинувши шубу"³), "Говорят, господин человек стоит" (коновязь)⁴). " В огонь бросить — не горит; в воду кинуть — не тонет; ножом скоблишь — не отходит" (человеческое имя)⁵) и т.п. Сказочные герои очень любят говорить загадками. Затем, многие закрепленные обычаем сказочные описания я слышал, как загадывали вместо загадок. Вообще загадка играет довольно видное место в якутском народном творчестве. Она как бы подготавливает умы слушателей к будущим смелым сравнениям и приучает доискиваться затаенного смысла слов. Ту же роль играют поговорки, щедрой рукой рассыпанные в каждом якутском повествовании. Благодаря своему лаконизму, общеизвестной форме и установившемуся прочно значению они сильно сокращают, поясняют и скрашивают рассказ. Приведу несколько таких характерных поговорок, встречающихся в худяковском Сборнике, но слышанных мною и в других местах. "Отдыхает чурбан до нападения топора", "Одно яйцо где не гниет?"⁶) (одинокому); "С большого места не сходит рука, а с любимого глаз"; "Кривоногий заметен, хромой дорог"; "Имеющие ли-

1) Х у д я к о в. Загадки, с. 21.

2) Там же, с. 32 и 80.

3) Там же, с. 34, 35, 96, 112.

4) Там же, с. 35.

5) Там же, с. 33.

6) Якуты утверждают, что одно яйцо, положенное птицей в гнездо, оказывается всегда "болтуном".

дом землю" (униженные); "Человек с тремя тенями" (обманщик); "Встают рано, как муж с женою, ненавидящие друг друга"; "Орленок всегда орел, вороненок всегда ворон"; "Хотя безатавное поле, да родное место"; "Якут не стыдится, собака не давится"; "Небо высоко, земля широка, море глубоко"; "Возьмешь ли, потесав топором ничто?" (в смысле: из ничего нельзя ничего сделать); "Съем голову тайменя на будущий год" (в смысле сомнительных надежд); "Дитя богатого дерзко, дитя состоятельного человека пылко"; "Точно ламут, имеющий раба" (заносчивый); "Точно казак" (грубый, злой).

За загадками и поговорками идут якутские предания, коротенькие рассказы, анекдоты по поводу всяких житейских дел и случаев. Они составляют целую массу самых разнообразных сведений, отрывков, набросков, эскизов, тщательно сохраняемых в народной памяти, точно записи в черновой книжке художника. Есть здесь и несложные, более или менее правдивые сообщения ¹⁾, "как жили люди в старину", и анекдоты из текущей жизни, наконец, более пространные повествования, отчасти легендарные, отчасти действительные, на которых уже заметна некоторая художественная отделка. Худяков называет их "сагами", у якутов для них нет особого названия, они зовут их "правдою", к и р д и к, или "минувшим", б ы л ы р, наравне с краткими сообщениями, совершенно лишенными драматического интереса. Некоторые из них представляют вполне законченные, прелестные бытовые картины; их нередко, то частями, то целиком, можно встретить вставленными в других местностях в сказочную ткань более высокого порядка. Привожу для примера одну из таких б ы л ы р (быль), более цельную и относящуюся, по-видимому, к позднему времени ²⁾:

С и р я г я с ь — бегунец Намского улуса

"Знаешь князя Егоршу Копасникова, роду Бёчэк? Ну, так вот дед этого Копасникова был человек почетный, богатый, первый был в этом улусе человек, будто нынешний голова Эверстов. Звался он Т и м и р -

1) Проверая впоследствии многие из таких преданий сопоставлениями с письменными источниками и кое-где уцелевшими обычаями, я проникся большим уважением к этой якутской изустной истории. Особенно правдиво и точно очерчены в них бытовые стороны: происшествия в них, правда, нередко смутны, преувеличены и приукрашены, но в общем характер их всегда передан верно, подробности типичны, имена и указания местности более или менее точны. Одна хронология сильно страдает — по-видимому, якуты знают только две эры: до и после пришествия русских, по обе стороны этой грани все у них перемешано.

2) Специально заинтересованных прошу обратиться ко второму тому, где в соответствующей главе сообщены и другие материалы.

Б а й т а к а н. Было у него несколько сыновей и дочь, К ö г ö л ь-
Н а х ы р ы к а н. Было у него много скота, много лошадей, много всякого
добра. Жил он недалеко от У с у н-К ю ö л ь, на том берегу озера, в
местности У о й б у т-о т о х, которая и теперь так называется.

Верст десять оттуда, на северо-западе, на небольшом бугре стояла
усадебя тоже богатого якута, старого И р и н я х а. Место это называлось
Т ы й-х а а т а. И р и н я х был другого рода, он был А р ч и н г а. В то
время у людей Н а м ¹⁾ не было рода более богатого и могущественного,
чем А р ч и н г а; теперь род этот обеднел и уменьшился. У И р и н я х а
было два сына: ловкие, смелые, удалые; старший звался Н о р о х у,
младший — Д а д я. Оба были женаты, у обоих были дети, но жили все
вместе у старика. Вместе с ними жила также незамужняя их сестра —
О д ж ю н а с. Семья была мощная, грубая, непокорная, никого не боя-
лась, еще их боялись. Были они здесь будто цари. Даже старый Т и м и р-
Б а й т а к а н избегал с ними ссориться... однако случилось другое.

Раз старик Б а й т а к а н, осмотрев табуны, выбрал жеребенка двух
трав, говоря:

"Вот будет конь!" Приказал его схватить и вывязать для пробы. Мы,
якуты, держим лошадей голодными перед первой пробой столько дней,
сколько коню лет. Стоит жеребенок у коновязи во дворе Б а й т а к а н а,
дожидается. Между тем пришел Н о р о х у в гости к старику. Заметил
жеребенка, осмотрел, вошел и, посидевши, просит Б а й т а к а н а:

"Дай мне, старик, этого жеребенка! Прошу тебя, сильно прошу!"

"Нет, дитя мое, не могу отдать тебе его: из всех моих лошадей я его
выбрал, он, думаю, будет лучше, он будет конь... Ты, если хочешь, возьми
себе рыжего шести трав, что ходит в изгороди. Он тоже конь хороший".

Насупился Н о р о х у, молчит.

"Ну, не хочешь дать, так позволь хоть осмотреть хорошенько!" —
просит.

"Осматривай, этого не запрещаю!"

Вышел Н о р о х у, осматривает, щупает жеребенка и вдруг, ухва-
тивши левой рукой за волосы, что растут у коня на скулах, быстро
правую распорол ему ноздри ножом. Сам возвратился, сел, сидит. При-
бежали со двора дети (внучата) Б а й т а к а н а, говорят:

"Что случилось, что случилось?.. Наш жеребенок встал на дыбы и
ходит кругом столба, а кровь у него из ноздрей брызжет!"

Вышел Б а й т а к а н, смотрит — правда. Догадался.

1) Н а м — называют себя в просторечии якуты Хатынгариного наслега Намского улуса.

"Никто этого сделать не мог, кроме тебя, дитя мое!" — говорит Н о р о х у. Старинные якуты — как бы ни сердились, не говорили младшим иначе, как дитя (мое). Понял Н о р о х у, что старик сердится, но не ушел, молчит. А старик вдруг возненавидел и жеребенка и парня.

"Думал я, хороший конь выйдет, думал, выйдет лучший, а оказался "рваные ноздри", с и р я г я с ь ¹⁾). Возьми его и уходи! Пусть обоих вас не видят мои глаза!"

Обрадовался Н о р о х у, взял жеребенка и ушел.

И вырос из этого жеребенка знаменитый, первый в улусе конь, что не знал в дороге усталости, а в скорости опережал летящую чайку. Звали его со слов старика Б а й т а к а н а: С и р я г я с ь — "Рваные ноздри". Вот из-за этой-то лошади стали обе семьи враждовать, а за ними и роды. Вскоре после этого заметили: теряются кобылы из табунов Б а й т а к а н а, а когда ищут, следы все ведут в одну сторону, все в сторону усадьбы И р и н я х а. Долго терпел Б а й т а к а н, приказывал только слугам лучше стеречь, но когда это не помогло, собрал своих людей и, посоветовавшись, решил обыскать жилище воров. На другой день должны были идти, а вечером, ложась спать, старик затужил, заворожил:

"Что-то будет? Несчастливая будет для нас эта ночь! Что-то случится?.. Посмотрите, дети, где наше оружие!"

"Что должно случиться? Ничего не случится, — рассердились сыновья. — Белая птичка не пролетела — живем, как жили... С чего ты, старик, вздумал каркать?" Так и не посмотрели оружия. Старик же поленился встать, пальмы с балки не снял, а только взглянул на нее. Тогда был такой у якутов обычай, что над каждой мужской кроватью высоко, на колышках у балки лежало копье; отправляясь спать, люди клали топор под голову, а нож под постель у правого бока.

"Пусть теперь будет что будет; сердце упало, разболелась спина!" — сказал старик и повалился спать. Перед сном, как всегда, заперли дверь, заложивши ее толстыми бревнами. Ночью слышат, кто-то стучит:

" Кто там?"

"Я, К ö г ö л ь-Н а х ы р ы к а н!"

Девка их действительно ушла под вечер к соседям и не возвратилась. Слышат родные — голос женский, поверили. Пошла коровница двери отпирать. Впустили людей. Вошли многие. Вдруг ярким светом вспыхнули брошенные на тлеющий огонь тальничные стружки, и пробудившиеся увидели в этом свете вооруженных воинов. Опираясь на обнаженные копья, стояли они и, вытянув шею, высматривали, где кто лежит. Раньше

1) С и р я г я с ь — оскорбительное прозвище, применяемое исключительно к женщинам.

чем проснувшиеся успели схватить оружие, перебили всех. Тех же, кто, испугавшись, пробовал уйти сквозь окна в хотоне, рубила, бегая кругом с топором, дочь И р и н я х а, О д ж ю н а с. Мужчины были Н о р о х у и Д а д я. Всех они убили; затем юрту вместе с трупами и скотом сожгли. Сгорела юрта дотла. Никто не узнал бы ничего, да сами убийцы рассказали впоследствии своим, но те молчали.

Стали, однако, носиться нехорошие слухи. Откапывая трупы, заметили, что у старика были перерублены кости и обрезаны пальцы. Старик, оказалось, долго боролся, хватаясь за лезвие пальм. На дворе, на столбе коновязи, заметили отпечатки окровавленной руки. То бедняжка К ö г ö л ь-Н а х ы р ы к а н, возвратившаяся домой, пряталась от убийц. Потихоньку говорили, что это дело рук И р и н я х а, но громко никто не смел сказать.

Между тем сыновья И р и н я х а делались все более дерзки и грубы.

Справляли раз в Бётюнском наслеге ы с ы а х. Пришли и сыновья И р и н я х а. Шутили, играли. Играючи, отнял Н о р о х у фляжку с водкой силой у одного якута. Заспорили, а затем поссорились. Н о р о х у не хочет отдать добычу. Говорит ему обиженный:

"Ты, Н о р о х у, вижу, человек могущественный, ну и делай! Ты насильник — насильничай! Ты всему судья — ты и суди! Н о р о х у, ты, должно быть, сильнее всех, так берешь..." ¹⁾

"Я уже один хлев скота сжег, один дом людей вырезал!.. Кто меня сильнее, пусть смотрит на длину моей руки!" ²⁾ — вскричал Нороху и руку с фляжкой вверх поднял. Ушел. Никто не остановил его, никто ничего не сказал, а только люди убедились, что он убил Б а й т а к а н а. Дали знать в город. Приехали казаки, господа начальники, сделали следствие, опросили людей. Забрали обоих сыновей И р и н я х а и сестру их О д ж ю н а с.

Допрашивали их тяжело, держали строго. Не то что теперь. Железными когтями тело рвали, железным обручем голову сжимали, лицо жарили у огня. Не сознался никто, ни мужчины, ни женщина. Сидят они в остроге. Сидят год, сидят два, не сознаются. Наконец стало старому И р и н я х у жаль своих детей. Оседлал он С и р я г я с ь, наполнил две переметные сумы золотыми монетами, поехал в город. В это время не было губернатора, а был начальник. С этим начальником И р и н я х, че-

1) Н о р о х у, о н г о р о р к и с и о н г о р! Н о р о х у д ж я г ы а х к и с и д ж я г ы а г ы н г, д ж ю х ю л е н е х к и с и — д ж ю х ю л е н г! Н о р о х у! Б а р ы н ы д а г а н ы к и с и к е й б ы т к и с и г и н г. О л б ы с ы т ы н а н к е й е н г ы л л а г ы н г.

2) Б и р х о т о н с ю о с ю у б е й б ы т ы м, б и р д ж е к и с и н ы к ы р г е н к я с т и м! С ю с п е р б и р д е д а г а н ы т ы г и л л е л и к и н г! И л и м у с у н у к о р о р о!

дoveк богатый, был и раньше знаком. Приезжает прямо к нему во двор, входит, поклонился, поздоровался, затем все золотые монеты из двух мешков на стол высыпал. В суде стол большой, а весь наполнил, даже деньги на пол попадали, покатались. Говорит И р и н я х:

"Господин мой! Трое моих детей столько времени невинно мучаются, сидят в остроге, ты их выпусти, а себе возьми вот это, что я привез в подарок!"

Начальник встал, ходит, раздумывает, а жена ему кивает издали и улыбается. Подумавши, начальник говорит:

"Правда, старик, и у меня есть и рот и желудок, твой подарок пригодился бы мне, а детей твоих, виновные или невинные, я бы выпустил, но, знаешь, деньги ты возьми обратно, а отдай мне твоего коня "Рваные ноздри, С и р я г я с ь", про которого говорят, что не знает в дороге устатку, а на бегу опережает чайку!"

Затосковал якут.

"Господин мой, — говорит, — этот конь больше трех человек стоит, даже моих детей... Коня я не дам, а детей хочешь — выпусти, хочешь — замучь, а только они невинные!"

Сказал, золото обратно в мешки ссыпал, поклонился и ушел. Рассердился начальник на И р и н я х а, стал его детей еще больше мучить, признания, однако, не добился. Так и ушли на юг, не покаившись. Мы знаем, как все случилось, сам старик перед смертью рассказал другим. Старик умер в богатстве, в почете, но род его оставило счастье; семья его обеднела. Некогда многочисленные — уменьшились. Мало их осталось, да и оставшиеся все гибнут, все как-то не по-человечески умирают. Придет ли оспа или другая болезнь, уж она рода их не минует. Несчастья преследуют их. Вот недавно один более зажиточный был головой, все его считали первым человеком, почетным, уважаемым, а он деньги общественные промотал и погиб по-собачьи, нашли его на дороге мертвым: напился и умер. Другой, опять богач того же рода, подрезал себе горло. И так постоянно гибнут под тяжестью человеческого проклятия. Никто их настоящим образом не почтет, не поверит им. Худой крови люди, от худых предков — говорят, "злодейское отродье", и л я т ь ы ч ч а т т а р — думают. Девка хорошего рода ни за что в этот род замуж не пойдет. Люди смотрят на них подозрительно. Так гибнет род, когда-то мощный, богатый, знаменитый. А род Т и м и р-Б а й т а к а н а крепнет, богатеет. Два рода собой наполнили, и все их прибывает и все им везет" (Намск. ул., 1891 г.).

Среди подобных полуправдивых рассказов есть и трогательные и юмористические. Рассказываются они обыкновенно при случае, бойким разговорным языком. Поразительная отделка подробностей станет в них понятной тому, кто видел, с каким вниманием выслушиваются и с какой

настойчивостью всегда требуют от рассказчика якуты сообщения всех мелочей и обстоятельств происшествия. Даже описывая случайно встреченного прохожего, якут обязательно подметит и сообщит цвет его платья, форму его шляпы, опишет лицо, ноги, руки, походку, характерные особенности, одним словом, изобразит фигуру тонко, детально, точно хорошую миниатюру. Эта детальность описания находится, по всей вероятности, в связи с привычкой охотника и пастуха-кочевника зорко следить за мельчайшими подробностями происходящих кругом явлений. Появление на горизонте тучки может предвещать грозу, пургу; чуть заметный на земле след указывает на соседство зверя или незнакомого человека, возможно, врага; рельеф почвы, наклон ее в ту или другую сторону дают возможность судить о близости воды и т.п. Такой же детальностью работы отличаются и крупные якутские рассказы: сказки, былины, истории. Главный фон написан обыкновенно довольно туманно, интрига или отсутствует, или крайне проста; мораль неясна, как бы не доделана, не додумана... Зато по этому фону выведены иногда такие богатейшие узоры, блещут такие живые и своеобразные краски, что любитель словесности остановится перед ними, как перед откровением, как перед чем-то совершенно новым, напоминающим не то мавританские арабески, не то чеканные золотом рунические надписи и иероглифы. Этот слог, эта манера навряд ли создались здесь, на севере: в них чересчур много разнообразия, чересчур много солнца, пластики и страсти.

Слог сказок и былин разнится между собою и отличен от слога простых преданий. **С т о р ь я** (история), которая, в сущности, не что иное, как русская обьякученная сказка, бледнее всех остальных по изложению. Она переполнена русизмами и какая-то вялая в действии. **С т о р ь и якуты** считают если не чистой "правдой", то "полуправдой" и в доказательство ссылаются на то, что "они и в книгах написаны и купцы их знают" (Намск. ул., 1890 г.).

Иногда героями **с т о р ь и** являются действительно исторические лица — Петр Великий, Александр Македонский ¹⁾, чаще это общеизвестные повествования об Иване Царевиче (Уйбан-Саревич), Дураке (Акары), Золотом человеке, Жар-птице (С а р - к ы л, С а р - к ö т ö р), Морском царе (Б а й г а л ы р а х т а г ы) и т.п. **С т о р ь я** непосредствен-

1) Про Петра Великого мне рассказывали предания и пели песни колымские казаки, называя его "незнымым человеком"; под тем же именем я встречал его у якутов, а т а с у о х к и с и - человек без имени; с ы р ы е с у о х к и с и - человек без лица; у л а х а н а т а х к и с и - человек большого имени. И казацкие и якутские предания были одинаковы. Помню один эпизод. Петр, никем не узнанный, является куда-то, не то к страннику, не то к врагу, и бросает в котелок "щучью юкалу", которая в кипятке оживает и начинает плавать. Одна песня начинается словами: "Царя требуют в сенат..."

но примыкает к настоящей якутской сказке, к а п с а н ь. Мотивы обеих до того слились и смешались, что часто отделить их невозможно. Иногда одна половина сказки чисто якутская, а другая — чисто русская с т о р ь я; иногда пристегнуто русское начало, иногда — конец; иногда перемешаны отрывки и той и другой, позаимствованы мотивы, лица, характеры, а иногда только их названия. Самые остроумные якутские к а п с а н ь, в которых больше всего заметно отличие от с т о р ь и и о л о н г о (былины), это — сказки из животного мира. Худяков и Борисов записали в Верхоянском улусе три разных варианта к а п с а н ь, описывающих под видом перелетных птиц разведывание и заселение новых мест якутами. В Намском улусе мне рассказывали такую же к а п с а н ь, но я не записал ее, потому что она была почти слово в слово такая же, как записанная Худяковым под названием "Чирок и Беркут" ¹⁾. Зато в том же Намском улусе мне удалось записать интересный отрывок животного эпоса: войну птиц и четвероногих. Эпизод этот представляет введение к *длиннейшей русской сказке* позднейшего происхождения и пристегнут к ней совершенно механически. Приведу его как образец этого рода якутского творчества.

Крысий голова, война птиц и четвероногих

"Во главе мира, на пупе земли ²⁾ задумали основаться, построили крепость широкую, поделали ворота сводчатые ³⁾, поставили девяносто складов, восемьдесят амбаров, а было их всего семьдесят шесть крыс, да шестьдесят седьмой был "крысий голова". Былинками, корнями травы, растениями, корешками эти восемьдесят амбаров, девяносто складов наполнили хорошенько. Зазимовали. Не долго продолжалось согласие. Поссорились, разделяя запасы. Одна на другую смотреть не может, не оскаливая зубов, не оцетинившись. Разграбили склады, поели запасы, сидят каждая в своей норе, израненная, исхудалая, голодная. Опять пришла весна, опять появилась пища, опять стали собирать запасы. Сделались умнее и, чтобы не случилось, как в прошлом году, задумали устроить "улус". Собрали собрание, выбрали старшего князя, назначили десятников. Живут, работают. Наполнили склады, сами разжирели, глад-

1) Во время рассказа я проверял по книге.

2) Характерно, что в загадках пуп человека так загадывается: "говорят, среди вселенной стоит вбитый березовый кол". — Худяков, с. 31.

3) Так объясняли мне непонятное слово д ы б р и е с, изобразив форму их из лучинок; думаю, что это — испорченное русское "дворец". Перевод сказки сделан мною почти построчно.

кой шерстью обросли, украсились. Прозимовали весело, сыто. Пришла весна, пришло тепло, растаяли снега, а после Николы разлились воды, сделался потоп. Восемьдесят складов взломано, девяносто амбаров всплыло, размыта крепость широкая, затоплены ворота высокие; вода кругом шумит, бурлит. Взобрались крысы на самую высокую жердь изгороди, сидят рядышком мокрые, испуганные. Вскоре и там их настигли волны, смыли и унесли. Спасался кто и как мог в этом замешательстве. Голова плавал, нырял, близок был к смерти, попал случайно на "старшего князя", влез на него, вздохнул, сел и поехал. Плывут. Голова был тяжелый, жирный, известно, богатый человек; не может его поднять старший князь, начал захлебываться, говорит: "Почетный Голова! Господин наш, силы меня покинули, не могу больше! Пожалей моего дыхания! Слезь, прошу!" Голова не соглашается. "Как слезу? Если слезу, погибну!" — отвечает он. Начали барахтаться. Разно бывало: сидел "голова" на "князе", сидел и "князь" на "голове". А вода все их несет, все плывут прямо на север. Наконец прибило их течением к гладкой высокой скале с каменным приступчиком в одном только месте. Выскочил голова на приступок, "князь" не может, просит "голову" помочь. "Худо ты меня возил, — ответил тот, — ищи своей судьбы". Оттолкнул его палочкой от берега, быстрина подхватила князя и унесла на север. Голова остался один. Тут наконец от долгих бедствий сознание его покинуло, дыхание стало тонко, как волосок на лапе животного, страдания чрезмерно увеличились, кончина приблизилась, земля заколебалась, солнце померкло, лежит он чуть живой. Ушами прислушивается, про себя раздумывает: "Что-то будет? Что-то наступит?!" Вдруг слышит, неожиданно-негаданно кто-то подходит и говорит: "Сказывай, крысий голова! Ты ли это, имевший во главе мира, на пупе земли обширную крепость и семьдесят шесть товарищей? Что с тобой случилось? Какой дух привел тебя сюда?" Крысий голова ответил: "Кто ты такой, спрашивающий о моем происхождении и знающий меня?" — "Я — ужасная остромордая каменная мышь!" — "Крепкой защитой защити, толстым покровом окутай, теплой пищей накорми, с движением мира познакомь, покажи ласковое солнце!.." — взмолилась крыса. "Эх! Крысий голова! Ужасно жалею тебя! Но ты чересчур большой, я не смогу тебе помочь. Не подыму!" "Возьми меня, не оставляй!" — просил голова. "Моя страна далеко: по ту сторону неба, достигающую горы, за восьмьюдесятью пропастями гор-долин, за пределом девяноста гор-долин, вблизи травяного моря, — там моя страна, там моя земля, там мое жилище! Если ты согласен, держись за мой хвост!" Голова послушался: схватил зубами мышиный хвост, лапы ей на спину положил. Мышь потащила его. Двадцать один день путешествовали. Двадцать когтей изломали, четыре подошвы изорвали, порвали кожу на желудке, добрались до красного мяса, добрались до белых костей. Таким

образом вползли на вершину горы. "Голова, пусти меня! Я притащила тебя, куда обещала! Пусти, а то оба погибнем. Хочешь погибай, хочешь не погибай, а меня отпусти! Я не буду тащить тебя дальше, силы мои исчерпались. Пусти! Довольно!" — говорит мышь. "Я бы тебя пустил, приятель, но хороший человек умирает с взнуздывающими (ю н ю т), с седлающими лошадей (ы н г ы р д ж ы т), с окружающими (к ю р е л я х), с телохранителями (х а р а х ы к т а х)! — ответил крысий голова. Где ворон черный крачет, где черный ворон кричит, по ту сторону черного утеса, в черной тайге, хочешь меня бросить? Я не отпускаю тебя!" Сквозь восемьдесят пропастей, через девяносто промоин, по семидесяти кочкам потащила мышь крысу; ползя на брюхе, крыса совсем изранилась, изошло мясо, пленка лопнула, остался невредимым только траву поглощающий желудок. Силы ее покинули, сознание уменьшилось: она забылась и выпустила мышь. Много дней тут пролежала, наконец открыла глаза, видит, солнце восходит; пришла в себя. Обвеял ее запах травы, почувствовала голод. Взяла травы в рот, поела, подкрепилась. Два дня и две ночи пролежала так и, не двигаясь, ела. Желудок наполнился, она поправилась. Изорванная кожа зажила, мясо заросло, обросла она шерстью. Стала она тучная. Глазами смотрит, разумом соображает: "Что-то случится? Кто-то придет?!" Не приходит никто. "Страны лучшей, чем эта, не найду! Такой теплой земли, должно быть, нет! Отдохнувши, можно здесь и умереть. Худо я раньше думала, худо поступала! Теперь, не имея обязанностей, будучи одна, устроюсь лучше. Чересчур широкое гнездо основала я, чересчур богато, чересчур роскошно я почала!" Восемидесяти складов, девяноста амбаров она не устраивала, а только выкопала нору. Былинки трав, корни растений собирая, жила. Неожиданно как-то поутру прилетел вьюрок-чечетка, присел и спрашивает: "Во главе мира, на пупе земли имеющая крепость широкую, с высокими воротами, с девяноста складами, с восьмьюдесятью амбарами, семидесяти шести крыс голова, здравствуй! Сказывай, как ты попала сюда и что с тобой случилось?" "Здравствуй, чечетка! Ты кто же будешь, знающая меня?" — "Я чечетка, соком деревьев и травы питаюсь, летаю! Земля моя в верхнем помещается мире! От народа земли моей отставши, потеряла я сожителей, блуждая в верхней стране. Накорми меня: ты, кажется, тут давно живешь?" — "Мед и сок цветов употребляя, не захочешь есть моих кореньев! Если согласна — садись!" Чечетка села, покушала, отдохнула и говорит: "Ты, крыса, меня накормила, угостила, теперь я тебя своей пищей попотчую!" Улетела. Возвращается, несет смолу деревьев, сок цветов, масло трав. Попробовала крыса и понравилось ей. "Вот еда, так еда!.. Дура я была, что ела коренья! Научи меня, чечетка, как такую пищу добывать!" Отвечает ей чечетка: "Знаешь, составим компанию: ты будешь собирать трав бы-

линки, коренья, и они нужны, — а я мед да соки цветов!" Размышляет крыса: "Такая хорошая пища вместо худой — конечно, барыш!" Согласилась; поселились вместе, живут. Едят мед, смолы, сладости, чечетка поет, суетится, летает, все спрашивает крысу: "Хорошо ли? Сладко ли? Видишь, если бы не я, никогда бы ты этого не попробовала!" Крыса молчит и собирает запасы. Жили согласно до Семенова дня, а по Семеновом дне на Иванов день выпал снег; цветы завяли, смола перестала сочиться, высох и застыл сок в травах. Перестала чечетка носить домой еду, сама летает голодная, крыса должна ее кормить. Жаль стало крысе пищи, раздумывает: "Если бы я была одна, была бы сыта и хватило бы на всю зиму, а так — неизвестно!" Рассердилась крыса, стала птичке выговаривать, ругать лентяйкой, дармоедкой. Выгнала птичку. Та плакала, кланялась, доказывала, что теперь пищи не найти, что все снегом покрыто, ветром замечено, застыло. "Погубить меня хочешь! Куда пойду, куда денуся? Никуда не пойду. Останусь!" "Еще споришь, противишься, идти не хочешь", — закричала крыса, схватила птичку за хохол, бросила на землю, избива, истоптала ногами, затем выбросила за дверь, говоря: "Быстроногая негодяйка, дрянь из рода длинноногих, летающая собака, ты не будешь права больше человека!" "Крыса с выступающими зубами! От тебя, собаки, что же другое будет?! Я умру, а ты останься!" — ответила чечетка и лишилась чувств. Крыса ничего не сказала, закрыла двери и легла в гнездо. Чечетка лежит в обмороке, думает умирать, вдруг слышит голос: "Кто тут может лежать таким образом в таком виде?" "Ты кто такой?" — спрашивает чечетка, чуть дыша. "Я чечетка перелетная! Сжался надо мной, помоги!" Тут умирающая рассказала, как все случилось. Взяла ее пришедшая чечетка, понесла к товарищам. Эти сейчас же созвали совет. Спрашивают: "Как и что, откуда и отчего?" Чечетка рассказывает, как было: "С крысьим головою, что некогда имел широкую крепость во главе мира, мы составили товарищество; я носила мед, смолу, цветы, он собирал траву, былинки и коренья; жили мы весело, хорошо; ели мое, прятали его про запас (к а с а с). Когда пришла зима, он взял избил и прогнал меня. Разве это хорошо? Разве он не негодяй?" "Негодяй, негодяй! — закричали чечетки, — Разве позволим этой зубастой четвероногой крысе обижать нашего родственника? Хоть она и голова, но есть и над ним начальник (б а с ы л ы к т а х т о ё н н о х), есть и у нас начальство!" Князь желна приказывает господину дятлу, господин дятел распоряжается писарю-ворону, писарь-ворон жалобу пишет, подает голове ронже. Голова прошение принял и собрал собрание: все, что летает, большое и маленькое, уток, журавлей, лебедей, гусей, всех имеющих крылья, плавающих и бегающих собрал. Птицы согласно решили вызвать крысу для разбора дела и постановления приговора. Посылает птиц "начальник" к крысам бумагу, чтобы доставили своего господина или

сами наказали его. "Он был нашим начальником, не можем его судить", — ответили крысы. Никто бумаги брать не хочет. Тогда послали бумагу к голове четвероногих — зайцу. А "улус" их состоит из лисицы-старшины, волка-князя, медведя-писаря. И те отказали наказать виновного. "Чечетка — бродяга, — говорят, — сама пришла к крысе, там ее кормили, наполняли желудок, теперь еще на нашего родственника жалуются". Возвратили бумагу птицам. Разгневанные, взявши с собою избитого товарища, пошли птицы к королю (ы р а х т а) крылатых Э к с е к ю. Подают прошение, показывают потерпевшего, говорят: "Король наш и господин, посмотри, какую обиду причинила нашему человеку крыса!" Рассказывают обстоятельно, показывают воочию синяки и раны. "Высокоученый, мудроглавый, хорошо рассуждающий, сильный независимым мнением, по суровым твоим приказам, по писанным непреложно законам строгий суд вещай, суди нас!"

Посылает Э к с е к ю писаря-ворона к королю четвероногих, льву (х а х а й), с письмом, просит наказать виновного. Лев письмо прочел, сильно разгневался, желтую шерсть ошетирил, гриву взъерошил, когти выпустил, зубы оскалил, говорит: "Э и с ь! Мы, мудроголовый, хорошо рассуждающий, сильный независимым мнением! Э и с ь! Снисходительно повелевая, господин наш приказывает нам это ничтожное дело судить. Судить не буду!" Возвращается ворон с отказом. Что услышал, рассказывает, от себя добавляет: "На свете рожденным жить не дающий, под солнцем ходящим дышать не позволяющий сказал: раскрытые глотки, дети проклятого У л у т о ё н а, такое ничтожное дело подымаете! Жалобы не принял, не судил!" Услышавши, рассердился Э к с е к ю. Из своего черню выложенного города, из своего серебряного с черню жилища вылетел, выше облака белого, ниже неба голубого, шума двумя крыльями, точно молниями, полетел ко льву. Лев тоже собрал свою здоровенную дружину, многое войско, на ногах бегающего силача медведя, четвероногого бойца волка. Прилетел Э к с е к ю, сел на холм. "Здорово, лев!" — "Здорово, отец живущих вверху! Зачем прилетел?" — "Я прилетел посмотреть, что ты для меня за владыка? Я прилетел убить тебя!.." Бросился лев на Э к с е к ю с ревом, оскалив зубы, бросились волки и медведи на птиц. Э к с е к ю заревел, дунул, и все войско льва рассеялось, точно мгла. "Войско оставило меня, остался еще я!.. Поборемся!" — заревел лев, подпрыгнул, повернулся и шариком, что имеет на конце хвоста, ударил царя-птицу, перешиб ему крыло и ребро. Раненый Э к с е к ю, однако, не уступил. Начали биться. С той стороны восьми морей, на другом берегу девяти океанов, посередине бездонного моря нетронутые горы рушились, бездонные глубины заколебались. Морские рыбы в темный лес ушли, черные лесные бегунцы в море скрылись, все кругом разрушилось, потонуло в пучине. Только далеко живущие люди

и скот уцелели. Долго дрались они, наконец схватил Э к с е к ю льва за горло и разорвал его. Лев заревел и умер" (Намск. ул., 1891 г.).

Форма к ä п с ä н ь устойчивее с т о р ь я. Последнюю можно просто пересказывать своими словами, между тем как в к ä п с ä н ь много архаических выражений и сказочных оборотов, которые обязательно выучивать наизусть. Это облегчает запоминание, так как эти обороты по большей части тождественны во всех сказках. То же замечается и в о л о н г о. На это обстоятельство обратил в свое время внимание и Миддендорф¹⁾.

Из более распространенных к ä п с ä н ь известны мне "Ч а р ч а х а н с товарищами"²⁾, "Низенькая старушка с пятью коровами"³⁾ и "О л о н - Д о л о н"⁴⁾. Две первые очень распространены, последнюю знают реже, но все-таки она более распространена, чем очень интересная сказка, записанная Худяковым, "У р а н ы к а н - старик" — "У р а н ы к а н - о г о н и о р", про которую из опрошенных мною сказочников слышал только один, и тот хорошо рассказать не мог.

К а п с а н ь отличаются от настоящих былин, о л о н г о, большей краткостью, большей современностью и пошлостью сюжета, а также большей простотой языка. К ä п с ä н ь никогда не поется. В них не принято петь даже места рифмованные и сложенные стихами. Есть, впрочем, такие к ä п с ä н ь, которые в некоторых местностях считаются за о л о н г о и поются⁵⁾. Внутренняя связь многих сказок с о л о н г о еще теснее. Лица, действующие в тех и других, часто тождественны. К таким принадлежат: "Похвальный-почетный Кровяной Глаз", Х а я г а м с ы к - К а н - Х а р а х - Х а н - Т о ё н, "Украшение-старуха", С и м а к с и н Э м а -

1) Ibid., с. 792.

2) Ч а р ч а х а н д о г о р д о х: К ы л - к ю о м а и - к и с и (Волосяное-горло-человек), С а б и р д а х - т ю о с - к и с и (Древолистная-грудь-человек), С ы т ы г а н о т т ю к - к и с и (Гнилое-бедро-человек), Х а б а х - м а й и - к и с и (Пузырь-голова-человек), О т - а т а х - к и с и (Травяные-ноги-человек), О т - с ы а л и - к и с и (Травяные-штаны-человек). Эту сказку я слышал и в Колымском, и в Намском, и в Баянтайском улусах. Худяков записал ее в Верхоянском. Она сильно по сюжету напоминает подобную разработку наших присказок: "И я там был, мед и вино пил, по губам текло, в рот не попало; были на мне сапоги стеклянные, топнул — разбились, было платье масляное, стал греться — растаяло, спрятался голый в пушку — выстрелили..." В варианте, слышанном мною в Намском улусе, "Травяные штаны" заменены "Масляными штанами" (А р ы - с ы а л и). Мне не удалось записать этой сказки полностью, но она, насколько помню, почти не отличалась от варианта, записанного Худяковым (с. 234).

3) Б е с ь ы н а х т а х Б я й - Б я р и к а н э м я х с и н. Х у д я к о в с. 80.

4) Монгольские слова, значит: "Много семь".

5) К таким принадлежит 7-я сказка худяковского Сборника "Старуха со стариком" ("О г о н и о р д о х э м а х с и н").

х с и н, "Совет подающий—беседа старик", С я р к а н ь-С я с я н ь-о г о н и о р; сказочный зверь "небесный", М я к-Т у г у й, стремя рядом на пупе расположенными ногами, ю с ь-с о б у р г а-а т а х т а х х а л-л а н М я к Т у г у й, сказочная птица Э к с е к ю, железный трехгранный быстроходящий К а т ы г р а-с-Б а р а ч ч и, змей М о г о й, обжора М а н г ы с и т.п., не говоря уже о Ю р ю н г-А и-Т а н г а р а и У л у-Т о ё н с их приближенными и подручными, постоянно вводимыми в повествование. Примесь этой мифологии в о л о н г о значительно более, чем в к ä п с ä н ь. Многие обороты, целые отрывки и в к ä п с ä н ь в о л о н г о тождественны: описание красавицы, описание битвы богатырей, описание сказочного жилища, полет птиц и чудовищ и т.п. выражены в большинстве случаев в тех же словах. Несмотря на это, у к ä п с ä н ь и у о л о н г о есть у каждой особый свой "стиль". Якуты считают признаком дурного вкуса, если сказочник в к а п с а н е в неуказанном месте вставляет былинные обороты и позволяет себе без разбору смешивать обе формы (Намск. ул., 1890 г.).

О л о н г о — самая установившаяся и законченная из форм якутского народного творчества; в ней личному творчеству отведено меньше всего места. К точному заучиванию и дословной передаче о л о н г о побуждает и то, что они густо унизаны аллитерациями и стихами. Язык о л о н г о дышит древностью. Кроме массы слов устарелых, вышедших из употребления, но не потерявших окончательно смысла, попадают слова монгольские (особенно в титулах богатырей и названии их коней), тунгусские и какие-то "безродные", вроде: д у у р а, к у д у к, с о д а с, с у р г у й, с ю л ю г я с ь, д о м и т.д. Их не понимают сами рассказчики, тем не менее они упорно повторяют их в известных оборотах. Их не нужно смешивать с знаменитыми "украшениями выражений" (т ы л х о с о н а к ё р г ё л я х). Последние — это вставки, повторения и грамматические вольности вроде русских: "да", "ка", "с", "воспроговорил", "рыкучий", "сыр-дуб", "учал-почал", "носы-по-нос", "пяту-пяту" и т.д., допускаемые ради стихотворного размера и усиления характерной черты. Вышеупомянутые якутские слова представляют, нужно думать, следы путешествия былин в прошлом. Личные особенности богатырей якутского эпоса очерчены бледно, характеры их однообразны, зато природа описана там иногда неподражаемо, а подробности и внешняя отделка всякого события достигают истинно художественной чистоты и изящества. Делать какие-либо заключения о происхождении и родстве якутских былин теперь невозможно; они не изучены, записано их мало; знание якутского языка даже среди тюркологов редко. Иные якутские былины представляют целые циклы, связанные тождеством лиц или их кровной близостью. К таким принадлежит, например, цикл "Х а н-Д ж а р г ы с т а й", записанный Худяковым. Н.Горохов в примечаниях к

приведенному им варианту первой части этого цикла, к о л о н г о "Ю р ю н г - У о л а н", говорит, что это самая обработанная и популярная из известных ему о л о н г о ¹⁾. Рассказ таких сложных о л о н г о длится в продолжение многих вечеров. Известный верхоянский сказочник М а н ч а р ы, со слов которого Худяков записал многие свои сказки, хвалился передо мной, что он знает такую о л о н г о, которую можно рассказывать *месяц* (Верхоянск, 1881 г.).

Предметом о л о н г о в большинстве случаев служит повествование о приключениях, битвах, удачах и неудачах "богатыря", разъезжающего по белу свету в поисках "доли". Иногда он уезжает из дому, побуждаемый долгом, обязанностью родовой мести за сестру, брата, друга или отца, иногда отыскивает себе жену "среди иноплеменных", а иногда уезжает неизвестно почему. Так, без всякой видимой причины уезжает испробовать "крепость своих костей, силу мышц" ²⁾.

Так поступает в о л о н г о "Б е р - Х а р а" герой того же имени, одаренный всем, чего может желать душа якута. Он пытается свое счастье "и каждое утро и вечер на заре выходит из дому и, держа кверху свой острый меч, с высокого неба просит беды, с широкого неба — наказания, с почтенного страшного неба кровавого — поражения, с западного неба — разорения". А когда все это не является, он сам идет навстречу несчастью. Пытает свою судьбу огнем, железом, водою и выходит невредим. "Нечего мне, вижу, больше ждаты!" — говорит он с тоскою, но тут же гибнет от дуновения ветра ³⁾.

Герою былины всегда придают титул б а т ы р, б о г а т ы р или б о г о т у р. Он наделен множеством необыкновенных качеств, добродетелей и редкой красотой. В начале пути он обыкновенно легковверен, хвастлив, задорен, за что и платится. Только после тяжелых испытаний он возвращается на родину торжествующим победителем. Он называется в былине "резвым уранхайцем", "любимым сыном Белого Господа Бога", "якутом (саха) с белым прерывистым дыханием", ему принадлежат все симпатии слушателей и рассказчика. Ему противопоставляется а б а с ы, злой дух — необычайной величины, страшной наружности, злой, жестокий, хищный. А б а с ы былин не нужно смешивать с шаманскими а б а с ы. В числе последних я никогда не встречал имен злых духов

1) См.: "Известия Восточно-Сибирского отделения Императорского Русского географического общества", 1884, I, XV, N 5 — 6, с. 54. Вариант этой сказки был издан раньше, чем была разыскана Г.Н.Потаниным рукопись Худякова.

2) "Хан-Джаргыстай". — Худяков, с. 217.

3) Худяков, с.95. В о л о н г о "А й д а н - б а т ы р (Шумный) и И р е н - б а т ы р (Бешеный)" завязкой послужило какое-то темное, непонятное убийство старшего брата младшим. Рассказывали мне ее в Намском улусе в 1890 г. Это не длинная, красивая былина.

олонго, хотя эпические "злые герои" часто ссылаются на родство с Улу-тоёном, шаманами и т.п. и взывают к ним. Все это следует понимать также как обращения к "Создателю и Богу Отцу" доброго героя, как обращение его к сочувствующим ему белым шаманам. Спрошенные мной по этому поводу шаманы прямо говорили:

"Наши абаасы (злые духи) другие, а олонго абаасы — другие" (Намск. ул., 1890 г.).

Смешение их повело бы к таким же ошибкам, как, например, помещение Тугарина, Идолища Поганого, Горыныча и Шарку в славянском пантеоне в ряду хотя бы с Марицей или Лелюм-Полелюм.

Абаасы олонго — люди, враги якутов. Они живут, как люди, борются с героями из-за обладания женщинами, грабят у них скот, владеют имуществом, домами и стадами. Даже душевные их качества ничем существенным не отличаются от качеств добрых героев: и те и другие хитры, вспыльчивы, алчны, жестоки, только одного из них любит рассказчик, а другого — нет. В олонго "Хан-Джаргыстай" такой абаасы (дьявол) Ексюкюлях Бякистай после продолжительного боя заключает мир с добрым героем, и они живут вместе в большой дружбе и согласии. "Стало три старых дома (Белого юноши, Кёнчё-Бёгё, Кытыгра-С-Бара-ччи), а четвертым стал дом, где жили вместе Хан-Джаргыстай и Ексюкюлях-Бюкюстай. "Распорядительность работ у этих людей, крепость всего сделанного ими, скорость их походки, обилие их добычи на охоте, доброкачественность их совести, кротость их мысли, ум и память их были просто лучше всех. Всякий мог бы желать и удивляться их дружбе. Если одного из них нет, то другой не ест, если один из них как-нибудь запоздает, то другой не спит, а сидит в печали, говоря: "Что, мол, сделалось с моим другом?" Живут-поживают эти люди сыто, богато, прекрасно, пресчастливо" ¹).

Внешность этих абаасы, их вооружение, хотя и отличное от якутского, чужестранное, но человеческое. В некоторых олонго их зовут даже ну-чча (русский), хоро ²) или ому-к (тунгус) ³). Роль злых и добрых духов и богов вроде "Восседающего на беломолочном троне Белого Создателя Бога" или "Ужасно высокочтимого, грозно-стреми-тельного, просыпающегося с вздрагиванием Улу-тоёна" и сонма их прислужников, подвластных и родственных духов, в якутском олонго совсем особая, такая же почти, как роль греческих богов в "Илиаде". Они

1) Худяков. Сборник, с. 216.

2) Худяков. Сборник, с. 201.

3) Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии, вып. IV, с. 638. Тунгусы Аджарман-Джаджарман, в олонго - Боско; Аджарман-Джаджарман фигурирует во многих других олонго.

интересуются делами своих любимцев, помогают им советами, дарят оружие, коня, лечат их раны, возвращают им жизнь, но ничего существенного изменить в их судьбе не могут. Что-то более крепкое, чем сами боги, лежит в основе якутской эпической драмы. Но это не рок, а скорее живая, деятельная человеческая воля.

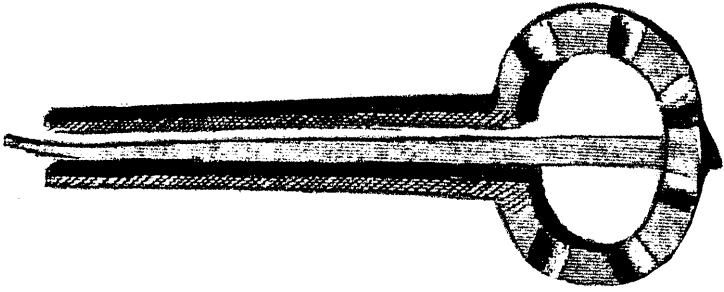

Рис. 147. Музыкальный инструмент х а м ы с.

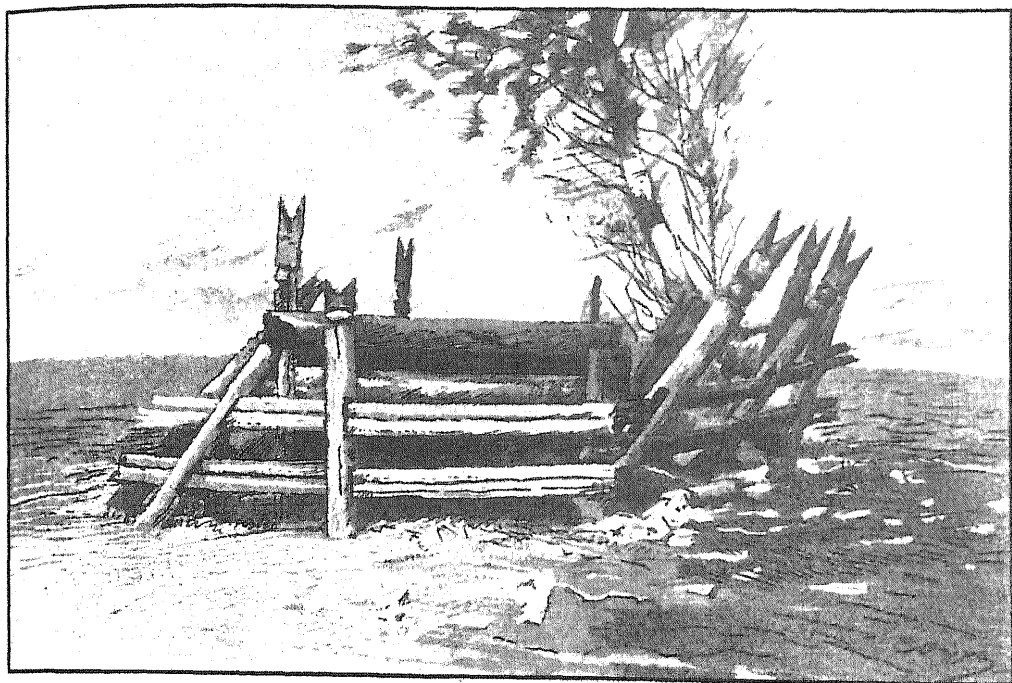

Рис. 148. Могила князя Долгуйбат-Болтай, местность Быдангы, наслег Алтанский Мегенского улуса¹⁾.

XV. Верования

Якуты любят жизнь и высоко ценят сегодняшний день, но завтра, особенно *то*, что наступит после смерти, не особенно их занимает. Представление о цели существования и о будущности всего живущего, о конце мира, о том, что происходит с человеком после кончины, разработано у них относительно слабо, и даже то немногое, что они об этом предмете заимствовали вместе с христианством у русских, в умах их как-то заглохло, потускнело и отодвинулось на задний план. Исключая бледного, исковерканного библейского пересказа о "светопреставлении", о "рае" и "аде", у них нет почти других поверий, касающихся связи между земной и загробной жизнью в смысле *кары и награды*²⁾.

1) По преданию, во время его похорон было живо зарыто 10 лошадей. Поминки его до сих пор справляются некоторыми семьями.

2) Характерно следующее изображение дурных мест, отвечающих нашему аду, и душ живущих там: "Сквозь восемь рядов неба на западной стороне, где нет дня, а все

Никаких особенных ужасов, но вместе с тем никаких надежд и упований, все по ту сторону могилы гадко и скверно; и однако, несмотря на это, а может быть, даже благодаря этому, якуты, от природы робкие, смерть, если она является не насильственной, а неизбежной, естественной кончиной жизни, встречают спокойно, почти бесстрашно.

"Свершилось!.. кончилось!.. пришел конец", — шепчет умирающий якут с какой-то мрачной покорностью. Прежде всего старается узнать у врача, духовника, шамана, невзначай спрошенного ребенка и, вообще, у всякого, кто, по его мнению, способен *предвидеть будущее*, действительно ли это "конец", и нет ли для него еще какой-либо лазейки, или должен он так-таки непременно умереть? Я не заметил, чтобы ответы, какие бы они ни были, сильно волновали умирающих. Раз я был свидетелем в высшей степени болезненно подействовавшей на меня сцены, которая, по-видимому, не произвела на присутствующих якутов особого впечатления. Умирала молодая, 22-летняя, красивая, свежая и страстно желавшая жить женщина; она все колебалась между страхом, что это действительно "пришел конец", и надеждой, что этого случиться не может, что это невероятно, чтобы она умерла, почти не живши, в то время, когда она помнит себя еще так недавно веселой и здоровой; все это она высказывала окружающим, спрашивая их мнения; никто не решался ответить определенно; шаман обещал благополучный исход болезни, но умирающая ему почему-то не верила, и вдруг она, пожелавши устранить свои сомнения, позвала своего маленького 4-летнего ребенка и спросила его резко и неожиданно: умру ли я? Якутенок долго стоял молча и с недоумением глядел на мать; я видел, как дрожали руки и губы последней, как пронизывающе и умоляюще смотрели черные глаза на личико ребенка, но лишь только, ободряемый присутствующими, он сказал: "Ты умрешь!" — больная успокоилась; она приказала подать себе свои лучшие платья, приготовить лучшие блюда, умылась, оделась, причесалась, отведала кушаний, затем легла и, ласково разговаривая с присутствующими и одаривая их разными принадлежащими ей вещами, чтобы они поминали ее *добром*, стала спокойно ждать агонии. Обычай дарить перед смертью знакомых распространен среди якутов и называется к э р э с к а. Дарят скот, посуду, реже — платье и деньги; посмертное, обязательное, по понятиям якутов, омовение делают часто, особенно женщины, *до кон-*

темная ночь; где нет лета, а свистит один зимний ветер; с поворотным худым неправильным обращением опрокинутого темно-ночного солнца, с обратным поворотом кривого месяца, *с не вышедшими замуж вечными девками, с неженящимися парнями, с жеребцами, которых не подпускали к себе кобылы, с быками, которых не подпускали коровы, с таким каменно-железным домом, где сверху узко, снизу разостлано, а в середине толсто*" (Худяков, стр.134).

чины, чтобы избавить от лишних хлопот и неприятной возни с трупом близких; одевание в смертную одежду, которая даже у самых бедных припасается на тот случай новая, почти не ношенная, тоже часто совершается заживо (Баягантай, 1886). Такое спокойное поведение в последние минуты жизни я замечал почти повсюду у якутов; когда якут убеждается, что эти минуты действительно последние, он старается провести их с возможным для себя удовольствием — и только.

"Пошли мне топленого масла, водки и мяса, если они у тебя есть... Я умираю и хочу еще раз попробовать здесь на земле хороших вещей!" — просил меня через посланных родственников мой сосед, бедняк плотник М а р с а т ы н г (Намский ул., 1887 г.). Два богача, смерть которых я имел случай наблюдать вблизи, один Винокуров в Верхоянске, другой Сыромятников в Баягантайском улусе, оба за несколько часов до смерти, убедившись в ее неизбежности, приказали убить своих любимых коней, ели их мясо и веселились с домочадцами. Нигде и никогда я не наблюдал и не слышал от якутов, чтобы они горевали или раскаивались за плохо прожитую жизнь, или сожалели о разлуке с близкими, или надеялись на скорое с ними на том свете свидание, а тем паче — ожидали чего-то лучшего за гробом, что так часто приходится видеть у арийцев на их смертном одре. Самое большее, чего ожидает и желает якут, — это лежать спокойно, ледяным истуканом, в глубине родной, ледяной земли, недалеко от той местности, где он прожил жизнь, и чувствовать над собою деревянный крест и деревянную же могильную плиту, положенную там руками некогда любимых им лиц. Одно, о чем действительно заботится он, — это чтобы какая-либо скотина была убитой сейчас же после его кончины, потому что на ней или вместе с ней он должен совершить свой путь в преисподнюю. С этой целью для мужчин убивают быков и лошадей, а для женщин коров, телок и телят; если зажиточность умершего позволяет выбор, то, конечно, отдают предпочтение скотине езжалой, обученной, годной для езды верхом и прежде всего жирной; коров и телят души умерших принуждены будут гнать перед собой хворостиной или тащить за обмотанную вокруг рогов веревку, что сопряжено с некоторым неудобством (Алдан. Баягантайс. ул., 1885). Бедняки убивают самый малоценный из имеющегося у них скота, на севере часто убивают оленей, но убивают ли ездовых собак — этого я не знаю; кажется, нет. Мясом убитой скотины кормят рабочих, делающих гроб и роющих могилу, кормят грамотея, читающего над умершим псалтырь, а также соседей, посещающих дом в это время. Обычай этот называется, смотря по местности, где х а й л ы г а, где х а л и г е. На севере, где обычаи сохранились лучше и исполняются точнее, даже наиболее бедные семьи стараются раздобыть для х а й л ы г а своего члена какое-нибудь животное, будь

это даже сосун-теленки; иногда убивают ради х а й л ы г а последнюю коровенку.

"Если ты хочешь, чтобы мы нанялись, — говорили якуты Кеньюряхской станции казаку, хлопотавшему об устройстве памятника на могиле своего брата, умершего в пути в этой местности, — то ты должен убить животное, теленка или оленя. На могиле твоего брата не было пролито крови, и мы боимся!" (Верхоянский округ, 1884 г.). Если умрет зажиточный хозяин, а родственники справят по нем плохое х а й л ы г а, то на том свете черти будут гонять и мучить его душу, приговаривая ¹⁾: "Это ли твоя скотина?.. Маленькая... Это ли твоя смерть? Х а й л ы г а?!" (Намский ул., 1884 г.). Когда душа, несмотря на предсмертное пиршество, на ожидаемое х а й л ы г а и другие утешения, не хочет уйти и умирающий мучится в продолжительной агонии, тогда тут же у кровати ставят чашку с водой, "чтобы душа перед уходом имела возможность выкупаться" (Намск. ул., 1888 г.).

Но вот человек умер; его одевают и укладывают в красном углу на скамью, где он лежит три дня. В эти дни справляют обряды православной церкви, читают псалтырь, жгут восковые свечи, кадят ладаном и т.д.; в то же время делают гроб и роют могилу. Могила должна быть глубокая (стараяются обыкновенно дойти до материкового неоттаивающего льда), почти всегда сажень с лишним; это затем, чтобы тело и одеяние сохранились в целости возможно дольше.

"Неловко будет человеку, когда затрубит ангел, являться перед другими с отгнившим мясом и в порванном платье", — толковали мне алданские якуты, передавая скудный пересказ библейского повествования о воскресении мертвых. Вот этот пересказ:

"Когда придет "последний тысенча", тогда ангел т р у б а л а х (с трубою) пролетит, трубя над землею, и придет большая вода, и разрушит землю, и тела умерших всплывут. Поэтому нужно мертвых хоронить глубоко, на три аршина под землей, чтобы они не гнили, смердящих ангел не любит и убежит; глубже хоронить их тоже опасно, так как пение ангела слышно только на три аршина. Если над могилой не будет креста и памятника, то ангел не будет знать, что здесь похоронен человек; вот зачем мы ставим над могилами знаки" (Алдан. Баягантайс. ул., 1885 г.). Усопшего одевают по возможности во все новое, старательно удаляя с платья металлические украшения: пуговицы, пряжки, застёжки — и заменяя их завязками из кожи или растительных волокон. Оставляют только шейный крест да обручальное кольцо, а у женщин — серьги, но вещи эти отнюдь не должны быть серебряные, а медные; более щепетиль-

1) Сюсюнг бу ду?! Аччыгый! Олюм бу ду? Х айлыгам?!

ные делают их даже из дерева.

Когда гроб готов, тело укладывают в него и прикрывают белым коленкором; в левую руку вкладывают мертвецу п а с п е р т (паспорт), чтобы душа, придя к А и-Т о ё н у, была принята в ы р э й (рай), где она будет жить, как на земле. В противном случае ему скажут: "Друг, ты заблудился", д о г о р, м у м м у к к у н г, и он должен отправляться "за сорок четыре земли", т е р т у о н т е р т п у т и я р с т м а, где живут черти (Алдан. Баягант. ул., 1885 г.). На третий день утром заколоченный гроб уносят или увозят на быке — никогда на лошади — на могилки; гроба никто не провожает, исключая носильщиков и могильщика, да и те торопятся скорее окончить свое дело и убежать домой; возвращаясь, они ни за что не станут оглядываться назад, а входя в ворота или двери дома, проходят сами и проводят животных, на которых везли мертвеца, через огонь костра, разведенного на щепках и стружках, оставшихся от гроба, и на соломе из-под трупа. Лопаты, сани, носилки и вообще все то, что так или иначе служило для погребения, ломают и оставляют на могилах; если хоронили ребенка, то тут же, на дереве, вешают его люльку и оставляют игрушки.

Раньше оставляли на могиле пищу, упряжь, сбрую, оружие, посуду и другие предметы необходимого обихода; теперь обычай этот вывелся; на севере, на старых могилах я часто находил проржавленные, поломанные котлы, ножи, острия копий, наконечники стрел, стремяна и кольца от сбруи и седел; все это изломанное, продырявленное, испорченное затем, как объяснили мне жители, "чтобы мертвые не могли ими вредить живым" (Колым. округ, 1883 г.).

Шаманов и шаманок хоронят точно таким же образом, как и обыкновенных людей, только без церковных церемоний, где-нибудь в глухом, заброшенном уголке, в роще или на лесном бугре, т у м у л, месте, особенно излюбленном духами и шаманами; на дереве вблизи могилы вешают бубен и волшебное одеяние умершего (Намский ул., 1889 г.). Хоронят их торопливо, ночью или под вечер, а мест, где они похоронены, впоследствии старательно избегают.

Вообще мертвое тело, покуда оно не зарыто, внушает якутам много опасения; оно производит во всей природе замешательство: подымает ветры, метели, непогоду; а если это, вдобавок, тело шамана, то все эти явления достигают необыкновенных размеров (Намский ул., 1888 г.). Если *после похорон* подует ветер, то это хорошо, потому что он замечает следы за умершим; иначе по этому следу может уйти в преисподнюю еще много живых душ (Алдан. Баягантайс. ул., 1885 г.).

В старину якуты хоронили своих мертвецов на ветвях деревьев или на узких деревянных платформах, опирающихся на два высоких столба; такой способ назывался а р а н г к а с, и такие а р а н г к а с ы находятся

местами в лесах и доселе; я знаю про один с сохранившимся еще скелетом человека; он стоит в глухом лесу, в пятидесяти верстах на север от города Верхоянска ¹⁾. Это, кажется, чужеземный способ погребения, перенятый якутами от тунгусов и юкагиров. Эти бродячие племена и поныне строят а р а н г к а с ы и прячут на них свое добро, не нужное в данное время или

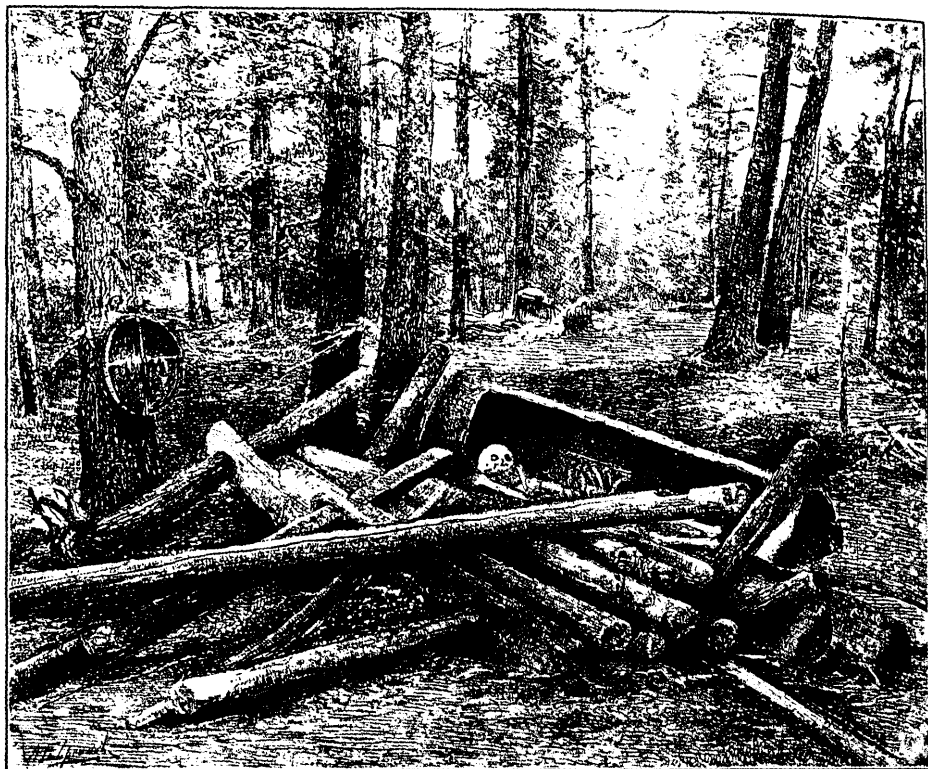

Рис. 149. Арангас шамана Т ю н г ю л ю , на западном берегу оз. Ю л ю н я х , в 50 вер. от Якутска.

затрудняющее передвижение. Я нашел предание о другом способе отделяться от мертвецов, более соответствующем якутскому характеру; остатки его до сих пор сохранились в глухих закоулках Якутской области. В Колымском округе мало-мальски зажиточные люди, в случае смерти кого-либо, сейчас же выбируются из дому, если не совсем, то по крайней мере на время; там же рассказывали мне, что в старину, если кто-либо из них умирал, жители убегали из дому, оставляя в нем мертвеца вместе с имуществом, которое принадлежало ему при жизни. Один знакомый мне

1) А р а н г к а с стоял также в Намск. улусе, недалеко от моей усадьбы, он сгорел во время пожара; на рис. 150 изображен упавший а р а н г к а с шамана Мегенского ул.

колымский купец рассказывал, что раз, оставши от своего каравана, он заблудился и долго кружился по лугам и лесу; время было холодное, и он, наткнувшись наконец на юрту, сильно обрадовался; одно удивило его, что в юрте, несмотря на следы очень недавнего присутствия людей, разбросанную по двору посуду, лопаты, висевшие на заборе постели и меха, — никого нет, что в ней темно, зола на камине холодна и засыпана снегом. Зажегши спичку, он заметил на одном из о р о н о в спящую фигуру; нащупав ноги, он стал звать и теребить сонного, но тот не откликнулся, да и ноги его как-то странно постукивали. Тогда продрогший и рассерженный купец стал было искать голову шутника, но наткнулся на лицо холодное и неподвижное. Испугавшись, он вторично зажег спичку и заглянул в лицо спящему; тогда убедился, что это мертвая молодая якутка, одетая в богатые меха (Колымский округ, 1882 г.).

В Баягантайском улусе рассказывали мне: "Мы только недавно перестали бояться мертвецов, раньше никто ни за какие блага не соглашался жить вместе с мертвецом, и, покуда тот был дома, уходили к соседям или же спали на дворе, даже если это случалось зимой" (Баяг. ул., 1884 г.). "Мы, якуты, раньше не погребали умерших в земле, а делали на б и л и р и к е маленький домик или занавес из бересты, а за ней укладывали труп, разодетый в лучшие платья, дома же покидали; таким образом тело истлевало в нем медленно и не поедалось дикими зверями" (Нам. ул., 1889 г.)¹). Это предание я слышал также в Верхоянске и на Алдане. На Алдане я впервые записал предание о еще более древнем, нужно думать, способе погребения, практиковавшемся некогда якутами; это предание подтвердили мне впоследствии и в других местах: "Давно, очень давно, когда еще якуты не знали Бога и русские еще не пришли, было вот как: если старик или старуха становились чересчур дряхлыми или если кто-нибудь хворал без надежды на выздоровление, то такой человек просил обыкновенно любимых своих детей или родственников, сына, дочь или брата, чтобы его схоронили²); тогда сзывали соседей,

1) Как переход к более современному способу погребения нужно считать старинные могильные постройки, делаемые якутами задолго до принятия христианства. Они напоминают своей формой х а л т а м ы или другие менее сложные постройки, двускатные шалаши и т.п. См. у Маака, часть III.

2) Замечательно, что у чукчей эту последнюю услугу тоже должен сделать любимый сын. Он прокалывает старика копьем. Обряд этот сохранился до самых последних времен. Старик, одетый в лучшие платья, ложился в палатку, гости окружали ее снаружи, сын просовывал острие внутрь и по данному знаку нажимал копье, острие которого сам старик направлял в сердце.

убивали скот, что получше и пожирнее, и принимались пировать; пировали три дня, и все это время обреченный на смерть, одетый в свое лучшее дорожное платье, сидел на первом месте и принимал от присутствовавших чествование и лучшие кусочки пищи; на третий день избранный им родственник уводил его в лес и неожиданно сталкивал в заранее приготовленную яму; потом закапывали его живым вместе с набросанным туда добром, посудой, оружием, пищей, а то и так оставляли живым умирать с голоду. Иногда стариков, мужа и жену, закапывали вместе; иногда вместе с ними закапывали живую скотину: быка, лошадь, а иногда привязывали оседланную лошадь у вкопанного поблизости столба (с ä r ä) и она тут погибала с голоду" (Алдан. Баяг. ул., 1886 г.).

В этой же местности я слышал предание о том, что когда-то казаки нашли в лесу, в яме, старуху, одетую в дорожные меха; они спасли ее, окрестили, и она долго жила после этого (Алдан, 1886 г.). Очевидно, разные способы погребения практиковались одновременно, в различных случаях, смотря по живости сохранившейся веры ¹⁾.

Все время, пока мертвец не схоронен, а теперь это длится не больше трех дней, душа его не покидает земли: черти гоняют ее по всем тем местам, где она побывала при жизни, поэтому людям, много на своем веку путешествовавшим, плохо достается. В это время душа дает знать живым о своем присутствии различными стуками и звуками; иногда слышно, как она плачет и жалуется, иногда видно, как она пробует исполнять оставленные недавно домашние работы: задает скоту сено, моет посуду, перебирает ремни или шевелит ящиками в амбаре. Один знакомый шаман, большой мой приятель, по прозвищу Т ю с ь п ю т, который, конечно, мог видеть и слышать больше, чем другие, рассказывал мне, что старик и старуха, якуты, умершие в моем доме, долго бродили кругом да около, шумели и стучали в стенки. Впрочем, исключая меня, это слышали все домашние; только когда мы съели голову скотины, оставшуюся от х а й л ы г а, старики ушли и угомонились (Намск. ул., 1887).

Многие души никогда не могут успокоиться и постоянно блуждают по земле; "иногда они собираются вместе громадными толпами, разгова-

1) "Якут придает большое значение красивому дереву, и если ему какое-либо особенно понравится, то он поручает своим похоронить его под этим деревом. Раньше они сжигали своих мертвых, или клали их на деревьях, или оставляли в тех юртах, где они умирали, причем все уходило прочь. У знатных якутов был обычай сжигать на особом костре любимого слугу покойника, чтобы и на том свете он мог служить хозяину своему. С тех пор, как якуты находятся под властью России, этот языческий обычай совершенно отменен, и был только один пример такого нарушения царского распоряжения со времени господства русских" (Гмелин, В. II, р. 477).

ривают и кричат, а когда полетят, то шумят, как будто поднялась стая птиц или ветер подул. Есть люди, которые могут видеть и слышать больше других, они все это замечают!" — многозначительно рассказывал мне упомянутый шаман Т ю с ь п ю т. Такие беспокойные, блуждающие души называют ё р; их на земле несметное количество; ё р может стать всякий умерший, если он на том свете на вопрос: что он оставил на земле? — ответит: "Дом, скот, мужа, жену, детей, отца, мать, родственников"... а на вопрос: хочет ли он к ним вернуться? — ответит: "Да!" (Нам. ул., 1888 г.). Вот почему ё р чаще всего мучит своих близких, он им мешает жить, мешает наслаждаться, постоянно напоминая о себе. Отношения окружающих при жизни к умершему тоже влияют на превращение последнего в ё р; но чаще всего причиной тому бывает неточное исполнение обряда, какой-нибудь недоеденный кусок мяса или жира: "М а с ю т а р а на другой день после свадьбы стала ё м ю р я ч и т ь: умерший брат и сестричка пришли мучить ее — им забыли налить водки и бросить "кусок" (кусок жиру, масла или мяса) на огонь; теперь нужно позвать шамана, или она останется м ä н р и е р на всю жизнь" (Верхоянск, 1887 года). Иногда души умерших являються на землю под влиянием какой-нибудь сильной страсти:

"Мой сосед Константин хворает "по-якутски" (с а х а л ы), у него болит под ложечкой, болят внутренности, печень, сердце, ломит спину и грудь; призывали шамана, но тот в первый раз шаманил понапрасну, ни одного черта не мог поймать, все от него уходило, и он наконец отказался. Когда второй раз позвали его, он объявил, что среди множества чертей, ё р, посетивших Константина, самый злой — душа умершей жены, которая ни за что не хочет уйти, говоря: "Муж! мой муж!.. возьму!" Черти требовали от больного водки и скотину "рыжую, с белой головой, белой грудью и брюхом и белым кончиком хвоста". Константин, человек очень скупой, отказал чертям, не желая приучать их к посещениям, и шаман ушел, не узнавши настоящей причины болезни Константина. Соседи в один голос утверждают, что это мучит его покойница жена, очень любившая мужа при жизни" (Нам. ул., 1887 г.).

Я слышал всюду много подобных рассказов и приведу еще один, более характерный:

"Когда я была ребенком, я сильно хворала, — рассказывала мне старая якутка, — девять дней не ела, не пила и бросалась по кровати, как испуганный жеребенок; взрослые не в силах были удержать меня; мой отец позвал наконец шамана, и тот семь дней шаманил; всех чертей вызывал, но все отнекивались: "Не мы!" Мне стало от этого еще хуже, и все думали, что я умру непременно. Как-то зашел случайно в нашу юрту "человек, видящий вещие сны", т ю л я х т ю с ю р, он прилег отдохнуть на кровати и вздремнул; проснувшись же, рассказал, что видел во сне,

будто мой умерший дед по матери, и е м-а г а т а, Федор, сидит у камелька и, поставив ноги на шесток ¹⁾, греет их, а сам палочкой пошевеливает золу да приговаривает: "Меня глазами не видать, ушами не слышать... От любимого ребенка никогда не уйду... Сижу затем, чтобы взять, сижу затем, чтобы съесть". Как только узнали это, шаман опять принял шаманить и заставил наконец Федора сознаться; старик долго упирался, говоря: "Не пойду! не пойду!.. не съем ребенка: очень люблю, поэтому трогаю (ласкаю), само не выносит!" Наконец отец и мать упросили старика, и он ушел; я стала здорова!" (Намск. ул., 1887 г.).

"Все умершие в молодости, все не прожившие положенного срока, все убитые, все скоропостижно умершие, самоубийцы и утопленники, все похороненные и отошедшие в вечность без церковных обрядов превращаются в ё р. В старину ё р о м делался всякий умиравший; с водворением же христианства ё р стало гораздо меньше" (Алдан, 1885 г.).

Души шаманов и шаманок, души ведьм и колдунов, а б т а х, злых, завистливых, сердитых людей, отличающихся чем-либо особенным, -- делаются ё р. Эти последние духи остаются ё р навсегда и служат, как работники и сподвижники, высшим существам; поселившись в людях, они калечат их тело, портят глаза и внутренности, ломают кости, делают истеричными, м ä н н е р и к, и сводят с ума, а иногда наделяют их могуществом и волшебной силой, превращая в шаманов (Намск. ул., 1888 г.). Всякий шаман в сущности только одержимый могущественным духом м ä н н е р и к, истеричный; никто не родится шаманом, но может сделаться им всякий, даже помимо воли и вопреки своему желанию. Вот рассказ упомянутого выше шамана по прозвищу Т ю с ь п ю т, что значит "упавший с неба", о том, как он стал шаманом:

"Двадцати лет от роду я сильно захворал и стал "видеть очами, слышать ушами" то, чего не видели и не слышали другие; девять лет я перемогался и никому не говорил о том, что со мной творится, так как я опасался, что люди не поверят и будут надо мной смеяться; наконец, я разболелся до того сильно, что угрожала мне неминуемая смерть; когда же я стал шаманить, мне стало легче; и теперь, если долго не шаманю, со мной бывает нехорошо, я хвораю!.." Т ю с ь п ю т у шестьдесят лет от роду; девять лет он скрывал свой дар, а тридцать один год, как он шаманит. Он среднего роста, сухощавый, жилистый старик, когда-то, очевидно, сильный и ловкий; теперь еще он способен шаманить, прыгать и танцевать без усталости всю ночь напролет; он терся по свету, бывал на юге, на приисках, бывал на севере, на берегу моря; лицо его темное и подвижное,

1) Любимая поза якутов.

очертаниями напоминает немного лицо тунгуса; зрачок глаз окружен двойным цветным, грязно-зеленоватым кольцом; во время чарования глаза эти приобретают какой-то особый неприятный, тусклый блеск и выражение безумия, и их упорный взгляд, как я заметил, волнует и смущает тех, на кого он направлен. Это уже второй шаман с такими странными глазами, какого мне приходилось встречать в Якутской области. Вообще, в фигуре шамана есть что-то особенное, что позволяло мне, после небольшой практики, отличать их среди присутствовавших почти безошибочно: они отличаются некоторой энергией и подвижностью лицевых мускулов, вообще у якутов довольно вялых; в движениях их замечается известная юркость и ловкость; кроме того, на севере все они без исключения носят длинные, падающие на плечи волосы, которые обыкновенно заплетают сзади головы в косичку или связывают в пучок. На юге, вблизи города Якутска, где их преследуют, где они принуждены скрываться, длинные волосы — редкость. Впрочем, Т ю с ь п ю т утверждал, что он сам не любит длинных волос: у него заводятся в них маленькие ёр, которые его мучают и которых можно извести только стрижкой волос. Есть шаманы, приверженные к своему призванию страстно, как пьяницы. Т ю с ь п ю т а уже несколько раз наказывали, жгли его платье и бубен, стригли волосы и заставляли в церкви бить многочисленные поклоны и поститься. "Это нам даром не проходит: наши господа (духи) сердятся всякий раз на нас, и плохо нам впоследствии достается, но мы не можем оставить этого, не можем не шаманить! — жаловался он мне, — а худого ведь мы не делаем!"

Старый, слепой якут рассказывал мне, что он был раньше шаманом, но, убедившись в том, что это грех, бросил шаманить, и вот, хотя другой могучий шаман снял с него "знак" ä м ä г я т ь, духи за это все-таки ослепили его (Намск. ул., 1887 г.). В Баягантайском улусе, в местности У т ю х т ю й, проживал молодой еще, но пользовавшийся всеобщей известностью шаман. О нем говорили, что во время чарования "глаза у него выскакивают на лоб"; он человек зажиточный, не дорожит доходом с шаманства и много раз зарекался шаманить, но, лишь только подвергивался "трудный случай", он уступал просьбам сородичей и нарушал обет (Алдан, 1885 г.). Т ю с ь п ю т беден и, конечно, дорожит своим шаманским доходом, как и репутацией колдуна; он сильно обижался, когда один живущий поблизости богач позвал к своей больной жене не его, а другого шамана; он утверждал, "что позванный — невежда и вызывает не того черта, который мучит больную, а что он, Т ю с ь п ю т, знает этого черта, но теперь, хотя бы его и позвали, не пойдет".

Величина гонорара, уплачиваемого за шаманство, бывает различна; выплачивают его только в случае, когда колдовство даст желательные результаты; тогда он достигает иногда 25 руб. и более; обыкновенно

платят один рубль и "угощают". Кроме того, шаман ест, а в некоторых местностях забирает на дом часть мяса жертвенной, убиваемой во время шаманства, скотины (Колымский округ, 1883 г.).

Шаманский волшебный дар не наследственный, хотя понятие о некотором кровном родстве между шаманами одной и той же местности замечается в том поверии, что "в роду, где раз объявился шаман, он уже не переводится; его *а м а г я т ь* (дух-покровитель) после смерти последнего старается преимущественно поселиться в кого-либо, принадлежащего к *а г а - у с а* покойника" (Намский ул., 1889 г.). Этот дух-покровитель — неотъемлемая часть каждого шамана; даже самый слабый и ничтожный среди них обладает *а м а г я т ь и и е - к ы л а* — "духом-покровителем и сверху ниспосланным звериным образом, волшебным духом, дьявольским пожирателем" (*и е - к ы л а, о ю н а б а с ы л а х, с и м а х а б а с ы л а х, ю с ю т т а н о н г о р у л а х*). *И е - к ы л а*, звериное воплощение шамана, старательно скрывается всяким из них. "Моего *и е - к ы л а* никому не найти, он лежит, скрытый, далеко, там — в горах-камнях Эджиганских!" — хвастался *Т ю с ь п ю т*. Только один раз в году, когда растает последний снег и вся земля почернеет, шаманские *и е - к ы л а* появляются на земле; тогда души шаманов, воплощенные в них, рыщут везде; их видит только глаз колдуна, обыкновенные же люди их не замечают. Сильные и смелые из них пролетают с шумом и ревом, слабые — тихонько и крадучись; особенной драчливостью и задором отличаются шаманки, и действительно, если среди них встретится настоящая колдунья, то никому не уступит; неопытные или задорные шаманы часто вступают в драку, что ведет за собой болезнь или даже смерть того, чей *и е - к ы л а* был побит. Иногда сходятся на бой первоклассные силачи-шаманы и, сцепившись, лежат в продолжение нескольких месяцев, даже лет, не будучи в состоянии одолеть друг друга; тогда люди — собственники этих *и е - к ы л а* сильно болеют, пока один из них не умрет и не освободит другого (Намский ул., 1889 г.). Самые слабые и трусливые бывают "собачьи" шаманы, *ы т а б а с ы л а х и е - к ы л а*; самые сильные и могущественные те, которых *и е - к ы л а* громадный бык-порос, жеребец, орел, лось (сохатый), черный медведь. Самые несчастные шаманы — имеющие своим звериным воплощением волка, медведя или собаку; эти звери ненасытны, им все мало, сколько бы ни добывал для них шаман-человек; особенно собака не дает покоя своему двуногому двойнику: она "грызет зубами его сердце, рвет его тело" (Намс. ул., 1889 г.). Тогда шаман сильно хворает и мучается. Ворон тоже плохой *и е - к ы л а*; орел и бык-порос называются "чертовскими бойцами и воителями", *а б а с ы к э и к т а х*; их титул самый лестный для шамана (Намский ул., 1888 г.). Если является новый шаман, то другие шаманы сейчас же узнают об этом по появлению нового, не замеченного ими до сих пор *и е - к ы л а*

(Намский ул., 1889 г.).

Амагьять — дух-покровитель — существо совершенно особое; это, по большей части, душа жившего некогда на земле шамана. В исключительных случаях — кто-либо из небожителей, но всегда второстепенных. Человеческое тело не может вынести мощи великих богов; дух-покровитель всегда витает поблизости излюбленного им человека и охотно является всякий раз на его зов; в трудные минуты он помогает ему, заступает за него, дает совет. "Шаман видит и слышит только посредством своего амагьять, — поучал меня Тюсьпют, — я вижу и слышу через три наслега, а есть такие, которые видят и слышат гораздо дальше".

Приобретение и е-кылаи амагьять, а вместе с тем и присущих им качеств, вовсе не зависит от воли шамана: оно или случайно, или предначертано свыше. Вот что рассказывал мне Тюсьпют о том, как он воспринял в себя амагьять.

"Когда я путешествовал на севере, то раз в горах набрел на кучу (с айба) дров, а нужно мне было как раз варить обед; я взял да и зажег эту кучу; между тем под кучей был похоронен знаменитый тунгусский шаман; вот его-то душа и пристала ко мне".

Когда Тюсьпют шаманит, сразу можно заметить, что его дух-покровитель тунгусского происхождения, тунгус амагьять амагьятьтях: он по временам бормочет тунгусские слова и делает тунгусские жесты. Во время шаманства приходят к нему, однако, и другие духи, как-то: русский дьявол, ну ччэтангаралах, чертова дочь с чертовым парнем, а также тунгус-дух, тонгустангаралах; первый объясняется по-русски, просит водки, пряников, девку; вторые тоже ведут себя чрезвычайно развязно и без церемонии спрашивают у присутствующих: есть ли у них половые органы? Отнюдь не следует отвечать утвердительно на этот вопрос, иначе человек, неосторожно выдавший себя, захворает на половую немощь: чертов парень похитит половые органы у женщин, а чертова девка — у мужчин; между прочим отмечу, что "чертов парень слеп и постоянно ощупывает землю и окружающие предметы руками".

Этих духов не следует смешивать с амагьять; они называются кальяны и приходят ко всякому шаману во время шаманства, заставляя его от своего имени говорить и проделывать вышеупомянутые вещи. У Тюсьпюта, благодаря случайности, совпадает амагьять тунгусского происхождения с четвертым по числу обычным шаманским кальяны, который тоже тунгус.

Великие шаманы, умирая, уносят с собой иногда амагьять на небо и тогда превращаются навсегда в небесных духов; большинство последних бывшие шаманы; если амагьять не переселился на небо, то

раньше или позже должен непременно проявиться на земле (Намск. ул., 1889 г.).

Сообразно силе своих *а м а г я т ь* ¹⁾ шаманы подразделяются на:

а) *Последние*, *к е н н и к и о ю н*; это собственно не шаманы, а разные истеричные, полоумные, юродивые и тому подобные странные люди, обладающие способностью толковать и видеть вещие сны, ворожить, лечить более легкие болезни, прогонять мелких, пакостливых чертей; они лишены *а м а г я т ь* и не могут справлять больших шаманств с барабанным боем, заклинаниями и принесением жертв.

б) *Средние* шаманы, *о р т о о ю ю н*, — это обыкновенные чародеи, обладающие волшебной силой в разной степени, сообразно своему таланту и силе своих *а м а г я т ь*. Наконец:

с) *Великие шаманы, покровительствующий дух которых ниспослан самим Улу-тоёном*, *у л а х а н ь о ю н*, *а м а г я т ь т я х у л у т о ё р* *У л у т о ё н т о н о н г о р у л а х*, — это могучие чародеи; их зову благосклонно *внимает сам властелин тьмы*; таких шаманов, мне говорили, может быть одновременно только *четыре* во всей якутской земле, сообразно числу четырех впервые образовавшихся якутских улусов: один в Вилюйском улусе (?), один в Намском, один в Татинском (Батурусском), один в Борогонском. В каждом из этих улусов есть особые роды, отмеченные волшебной силой, среди которых время от времени появляется "великий шаман" ²⁾ (Намский ул., 1887 г.). В Намском улусе таким великим шаманом считался умерший недавно старик Федор, по прозвищу *М ы ч ч ы л л а*, Хатынгаринского наслега, рода Арчинга. В последние годы жизни он, после смерти жены, всеми покинутый, жил одиноко вместе с такой же старой, дряхлой и волшебной, как и он сам, собакой: он никогда ничем не занимался, ничего не делал, и хотя жил не богато, но всего у него было вдоволь, а ел он и пил лучше богатого, хотя "не держал вовсе скота, все ему доставляли духи; достаточно ему было о чем-либо подумать, и сейчас же все являлось перед ним "из воздуха" (Намский ул., 1886 г.). *Т ю с ь п ю т* хвастался не раз, что он тоже "всегда с табаком", на что соседи, улыбаясь, добавляли, что табак у него "не простой". "Ты заметь только: у листьев нет корешка; мы ведь знаем, как табак к нему попадает: он прилетает к нему с ветром: черт бросает ему его в лицо" (Намский ул., 1889 г.).

1) Во многих местностях выговаривают твердо: *э м э х э т*.

2) Это показание оспаривалось; другие шаманы называли другие улусы, но во всех показаниях фигурировали улусы: Намский и Батурусский. Возможно, что Кангалаские роды, эмигрировавшие на Вилюй, унесли с собой туда Кангалаский *а м а г я т ь*. Сомнительно, чтобы это были улусы; вероятнее, это родовые союзы, нечто вроде *б и с е й*. Кстати, приведу любопытную историческую справку. "Реестр шаманов. Кангалаской волости: шаман Кучюняк Мазарин, он же Харабытик; шаман Урембас. Ко-

Говорят, что Мыччылла в молодости был очень красив, но под старость стал безобразен, как сам дьявол, его покровитель; о могуществе его рассказывали чудеса; когда он шаманил, то, несмотря на его дряхлость и бессилие, от его прыжков, барабанного боя и рева дрожали стены юрты; в то время он совершенно преобразовывался, молодец и, обыкновенно угрюмый и молчаливый, делался речистым и страстным; все очень боялись его, и достаточно ему было сердито взглянуть на что-либо, уходя с негостеприимного двора, как предмет этот, будь то человек, скотина, конь, изба и т.д., портились и гибли; поэтому все, к кому он пожаловал, принимали его и угощали как "первейшего господина". Мыччылла мог проделывать все обычные фокусы шаманов: колол себя ножом, глотал палку, ел горячие уголья и т.д. Хороший шаман колет себя в трех местах: в темя, печень и желудок; нож вбивает по рукоять, и иногда конец лезвия, пройдя насквозь, виднеется на спине (Намский ул., 1888 г.)¹).

куйской волости: шаман Сыдыбыл Дабудаков; шаман Иктей Кривой. Борогонской волости: шаман Банга; шаман Турчак Бучюко; шаманы: Тыкы, Кыйчыпова сын Мосхою, он же Саингы, шаман Кусанек. Нерюптенской волости: шаман Могудер, шаман Ламуга Байтаков. Намской волости: шаман Кутуях, Бахинского рода шаман Дегорень. Мегинской волости: Бырдый Кытынаков. Сыланской волости: шаман Байга. Емконской волости: шаман Дагыс. Тагуйского рода шаманы: Кулакай, Дебука, Челодай, Даку. Лучинского: сын шаман Одуй. Борогонской волости: Кусегей, шаман Жарын. Дакырского рода шаманы: Тас, Силим, Чачик. Ерканской волости: Жалап Омолдонов шаман. Жарканской волости: шаман Канлеку. Шаманы же Якутского города, тамошние уроженцы, русские люди: Федор Турбин, Семен Рубачев" (1724 г., февраля 21, Указ якутскому воеводе Измайлову об учинении содействия тобольскому дворянину Вакулину, которому поручено везти в Петербург инородцев, называемых "шитыми рожами" и шаманов. Памятники Сибирской Истории XVIII века, кн. II, стр. 442).

1) Я ничего подобного не видел, но что это случилось, свидетельствует рассказ Гмелина: "Мы услышали о волшебнице, которая так прославилась, несмотря на свою молодость, ей было всего 20 лет, что пользовалась большим доверием, нежели волшебники, уже под сорок лет практиковавшие свое искусство. Она жила в 20 верстах от города. Профессор Г. Миллер послал за нею, и она явилась. Она признала, что она волшебница и что настолько сильна в своем искусстве, что с помощью черта может пронзить себя насквозь ножом без вреда для себя. Назначили вечер, когда она покажет свое искусство, и она согласилась. В определенное время мы собрались у юрты, где должно было идти представление. Волшебное платье было надето, заиграл бубен, и волшебница стала делать прыжки, которые были очень искусны, вероятно вследствие ее молодости. По голосу нельзя было судить, что она так молода; ее крики, сливаясь с шумом бубна, походили то на рев медведя, то на рычание льва, на лай собак, на мяуканье кошек и т.п. Верхом на бубне она взлетала то к воздушным чертям, то к тем, что живут на земле, обращалась с ними очень свободно, вызывала каждого, разговаривала с ними и получала, как она уверяла, искренние ответы. Якуты были вне себя от

Когда он так проколет себя, тогда "солнце" (железный кружок, подвешенный на спине шамана) исчезает и он выплевывает его вместе с ножом. Бывали такие шаманы, которые, отрезавши собственную голову, "клали ее на полку, а сами танцевали по юрте" (Алдан, Баягантай, 1885 г.). Д ж е р а х ы н, шаман, живший некогда в Намском улусе, мог делать этот фокус; раз, когда Д ж е р а х ы н (Герасим) шаманил, русский колдун, а б т а х, тут же присутствовавший, бросил на него, по злобе, наговор,

изумления при виде такого доверия чертей к человеку. Мы с нетерпением ожидали момента пронзания ножом и внимательно за всем следили. Наконец она спросила нож. Ей подали острый, с тонким концом нож, и в самом деле показалось, будто она всадила его себе в тело и что он вышел своим концом с другой стороны. Она сильно нажала тело вперед, и казалось, что нож пронзил ее, казалось, что он вошел в тело при большом усилии. Я схватил рукою, чтобы убедиться, действительно ли нож в теле, но волшебница тотчас же сказала, что на этот раз черти не хотят слушаться и что, вероятно, они сегодня не исполнят ее желания, и просила отложить до другого вечера. Мы дали ей отсрочку до другого вечера. Несмотря на то, что она сама заявила, что нож не был в ее теле, якуты единодушно верили, что он там был и что черти приказали ей, волшебнице, солгать нам, неверующим. На другой день снова начался танец, о котором могу сказать только, что он был не менее искусен, чем предыдущий. Наконец дошло до фокуса с ножом. Она действительно проколола себя и вытащила окровавленный нож. Я ощупал рану и кусок выпавшего сальника. Волшебница отрезала его, велела изжарить на угольях и съела. При виде этого якуты выражали свое удивление особенными звуками и движениями, полными благоговения. Самое нутро их сердца было тронуто. Она же оставалась спокойною, как будто с нею ничего особенного не случилось, и это еще больше усиливало удивление якутов. И так она показала свое искусство. До сих пор она жила и кормилась у проф. Миллера, которому она понравилась, и теперь она отправилась в его дом, наложила на рану пластырь из лиственничной смолы, обвязала ее берестой и всякими старыми тряпками, причем стянула свой живот, как только могла. После этого она дала письменное сознание, за своей подписью и за подписью переводчика городского, в том, что до этого раза она никогда не продевала сквозь тело ножа и теперь не имела намерения этого делать, а хотела обмануть нас, как якутов, и, подтянув живот, пропустить сквозь одежду. Якуты никогда не сомневались в том, что она прокалывает себя, а мы подметили обман. Что она слышала от своих предков, что люди не умирают, если и проткнут себя ножом и съедят кусочек собственного жира, и что если рана хорошо перевязана, то опасности нет. Это она вспомнила в промежутке между первым и вторым представлением и, скрепив свое сердце, решила доказать нам, что она не обманщица. Теперь, когда ее дружески убедили, она признается, что обманывала якутов для внушения большего почтения к своему искусству. Через шесть дней рана ее зажила, хотя она ее не больше двух раз перевязала. Тогда же мы услышали о другом подобном волшебнике, жившем у верховьев Вилюя; мы и от него взяли такое же признание" (Reise, B.II, p. 493 — 497).

чтобы Джерахын, севши на землю, не мог встать; тогда он очертил кругом себя на земле круг волшебной колотушкой, былаях, и, поднявшись вместе с кругом, принялся неистово прыгать и лягаться; ударивши ногой русского, он подбросил его так сильно вверх, что последний прилип спиной к потолку и до тех пор не мог сойти вниз, пока упрощенный им Джерахын не отпустил его (Намск. ул., 1888 г.). Есть такие могущественные шаманы, что могут одновременно и самолично шаманить в трех домах, а где находится настоящий, никто узнать не в состоянии (Намск. ул., 1889 г.).

Я заметил, что, хотя всем подобным фокусам удивляются и охотно на них смотрят, тем не менее от шамана, "настоящего шамана", требуют иных качеств. В Колымском округе я встречался с молодым еще, но ловким шаманом, проделывавшим большинство упомянутых фокусов: он глотал палку, ел горячие уголья и стекло, выплевывал изо рта монету, исчезавшую из его рук на глазах зрителей, и т.п. — и все-таки его не считали первоклассным шаманом, между тем как старуха-шаманка, не умевшая делать ничего подобного, пользовалась, видимо, большим почетом и славой. Хороший шаман должен обладать многими необыкновенными свойствами, но главное — тактом и умением производить на окружающих более или менее сильное впечатление. Он не кичлив, много о себе не рассказывает, не жаден и не требователен; в обращении с обыкновенными людьми у него незаметно ни особенного высокомерия, ни гордости, а скорее проглядывает сознательное чувство внутренней силы, перед которой невольно преклоняются окружающие и которая рождает к нему доверие и повиновение. "Тот не солжет, тот или откажется, или поможет!" — говорят про такого.

Чем севернее шаманы, тем могущество их выше; женщины-шаманки могущественнее мужчин (Колымский округ, 1883 г.). Вообще женский элемент в колдовстве у якутов играет заметную роль. В Колымском округе шаманы, за неимением специального одеяния, надевали женское платье. Шаманы носят длинные волосы, которые зачесывают и заплетают по-женски; общее поверье утверждает, что всякий более выдающийся шаман-мужчина способен рожать наравне с женщинами. Упомянутый выше Мыччылл а родил несколько раз, и между прочим родил щуку; другой шаман, тоже Намского улуса, родил ворона, и роды были до того трудные, что он чуть не умер; рожают также: чаек, утят, щенят и т.д. (Намский ул., 1888 г.). Весь ход колдовства носит какой-то любострастный характер, песни сплошь унижены намеками и сравнениями, заимствованными из области половых отправления, танцы постоянно переходят в неприличные жесты и движения.

Близко к шаманам стоят и отчасти родня им — кузнецы. "Кузнец и шаман одного гнезда" ¹⁾ (Колымский округ, 1882 г.). "Кузнец и шаман стоят на одном уровне" ²⁾. "Жена шамана — важная, жена кузнеца — достопочтенная", — говорит пословица ³⁾ (Намский ул., 1889 г.). Кузнецы тоже могут лечить, давать советы и предсказывать, но знания их лишены волшебного характера: они просто умные люди, много знающие, у которых "пальцы особые" (Верхоянск, 1880 г.). Кузнечат, особенно на севере, по большей части наследственно; в девятом колене кузнец уже приобретает кое-какие сверхъестественные качества, и чем более у него предков-кузнецов, тем качества эти существеннее ⁴⁾. Духи вообще боятся бряцанья железа и шума раздуваемых мехов; в Колымском ул. шаман не хотел шаманить, покуда я не убрал из избы ящика с моими инструментами; да и после свою неудачу объяснял тем, что "духи боятся кузнеца" (меня), а потому "не являются на зов". Только в *девятом* колене кузнец может без вреда для себя ковать железные украшения шаманской волшебной одежды и бубна, а также сделать *а м а г я т ь* — медную пластинку с изображением человека, которую шаман вешает на груди, приступая к колдовству. "Если кузнец, выковывающий шаманские украшения, не имеет достаточного количества предков-кузнецов, если стук их молотков и блеск их огней не окружает его со всех сторон, то птицы с кривыми когтями и клювами разорвут его сердце" (Намск. ул., 1889 г.). У таких почетных, потомственных кузнецов инструменты "с душой", и *ч ч и л я х*, способны самовольно издавать звуки (Нам. ул., 1888 г.). На хорошее шаманское одеяние идет *пуд* железа, редко меньше 30 или 35 фунтов. Украшенное серебром, пудовое платье обходится шаману в 12–15 руб.; платье поплоче можно купить за 5, даже за 3 руб.

Платье шамана представляет собой кафтан из выделанной коровьей кожи, спереди настолько короткий, что не закрывает колен, а сзади длинный до самой земли; по краям и по всей поверхности этого кафтана, но только назади, нашито нечто вроде бахромы из пучков тонко нарезанной ровдуги; на этих ремешках укреплены погремушки и железки разной формы, имеющие особые для себя названия, места и отчасти символические значения. Прилагаю список этих названий вместе с описанием их формы, заимствованный мною у старого якута, который некогда сам был шаманом:

1) У с да о ю н: б и р у я л а х.

2) О ю н у с б и р с и р т э н т у р о р.

3) О ю н о й о г о — д ж ё х т ё х, у с о й о г о — д а р х а н.

4) В сказках упоминается часто о кузнецах, о *почтенном* (д а р х а н) *роде кузнецов*. Д а р х а н, т а р х а н по-монгольски кузнец.

1) К ю н г е т а (солнце) — круглая, гладкая, блестящая пластинка, величиною в чайное блюдечко, висящая посередине спины, где она свободно болтается на коротком ремешке, продетом сквозь дыру, проделанную в ее середине.

2) О й б о н - к ю н г а (прорубь-солнце) — пластинка такой же величины и формы, как первая, только с большой дырой посередине; висит на спине над первой или свешивается ниже на длинном ремне.

3) К о н д е й к ы х а н — жестяные, внутри пустые трубочки толщиной в безымянный палец, но длиннее его; висят во множестве на спине, на кольцах или металлических петлях.

4) Ч ы л л ы р ы т к ы х а н — плоские пластинки длиной в малый палец и такой же приблизительно ширины; висят во множестве выше пояса на спине.

5) Х о б о — медные, ниже воротника висящие шеркунцы, только без язычков — в середине пустые, формой и величиной напоминающие скорлупу вороньего яйца; верхняя часть их вырезана в виде рыбьей головы; прикреплены они на ремешках или металлических петлях за ушки.

6) Б ю р г ю н е — две круглые, плоские жестянки, похожие на украшения якутских женских шапок (т у с а к т а), только без рисунка; прикрепляются плотно, как эполеты, на плечах шамана.

7) О й о г о с т и м и р я — две пластинки, пальца четыре шириною и немного меньше четверти длиной, прикрепленные по бокам.

8) Т а б ы т а л а — две длинные полосы жести, шириною в два пальца; прикрепляются к обоим рукавам: одна от плеча к локтю, другая от локтя к запястью; от запястья с конца т а б ы т а л а свешивается длинный ремень в виде бахромы.

Рис. 150. Шаманский кафтан.
Спина.

Рис. 151. Шаманский кафтан, перед.

9) **А м ä г я т ь, а б а г ы т а а м а т я т ь** — медная пластинка длиною в указательный палец, а шириною в половину ладони; на ней нарисован человек: "с ногами, руками, головой, носом, ртом, глазами и ушами", или ажурный медный медальон с фигурой человека посередине.

10) **Б а л ы к - т и м и р (рыба)** — пластинка около четверти аршина длиною, пальца два шириною, вырезанная наподобие рыбы с головой, плавниками, хвостом и чешуей; она висит сзади на длинном, достигающем до половины ляжек ремне; в Колымском округе она волочится по земле; назначение ее — служить приманкой второстепенным духам, мелюзге, которые за нею бегают, стараясь поймать ее (Колымский округ, 1883 г.).

11) **Ч о р а н** — маленькие, медные, пустые внутри шарики, висящие на концах длинных, достигающих до пяток ремней, спускающихся в виде бахромы с краев кафтана; эта бахрома называется **б ы т ы р ы с (кисти)**.

Кафтан спереди гладок и завязывается на груди ремненными завязками, а под шейю застегивается на пряжку в виде "жеребьячьего языка" (к у л у н -

т ы л к у р д у к). На нем спереди нашиты фигуры животных, птиц, рыб, зверей, всякие бляшки, эмблемы небесных светил, а также железки, изображающие части человеческого скелета и внутренностей. На севере в случае отсутствия описанного выше костюма надевают женский с а н г ы н я х, меховое, из выделанной телячьей кожи пальто, шерстью наружу, на котором иногда навешивают сзади некоторые более важные железки, как-то: оба "солнца", рыбу, б ю р г ю н е, иногда там, где у женщины груди, вешают две круглые жестянки, долженствующие изображать их. На голову на севере надевают женскую дорожную шапку с наушниками, но последнего обычая я на юге не замечал: там по большей части шаманят с голой головой.

По общему поверью, железка и побрякушка шаманского платья

имеют свойство не ржаветь и имеют душу — и ч ч и т э.

Шаман надевает волшебный кафтан всегда *на голое тело*; принимает его из рук к у т у р у к с у т а (хвоста, пажа), то есть человека, который должен во время шаманства поддерживать его криками: с ё б! к и р д и к! ч о о! о о! о! (ладно! правда!.. чоо! оо! о!) и оказывать ему другие услуги; между прочим, он сушит у огня бубен, чтобы тот был звучнее. Этот бубен, т у н г ю р, всегда яйцевидной формы, 2 ¹/₂ фута длиною, 2 шириною и от 4 до 5 дюймов вышины; его обод сделан из старого, высохшего на пне лиственного дерева, из лучшей части такого дерева, называемой к и л ь; снаружи обод бубна украшен семью, девятью или одиннадцатью угловатыми выпуклостями, покрытыми тою же кожей, которой обтянут весь бубен ¹⁾; внутри бубна идут накрест ремни, привязанные посередине к железному кругу с поперечинами, или к кресту, называемыми т у н г ю р б ы э р и к (завязка бубна); за это железо шаман, продевши пальцы в соответствующие отверстия, держит бубен. Внутри бубна, вдоль обода, особенно там, где привязаны ремни "завязки", висит множество бубенчиков, колоколец, железных и костяных, погремушек, послушных малейшему движению шамана-музыканта. В левую руку шаман берет небольшую, слегка изогнутую деревянную колотушку, обшитую кожей с кобыльих или оленьих ног; затем садится на белую кобылью кожу, разостланную посередине юрты; на камине тушат огонь; присутствующие усаживаются вдоль стен, и обряд шаманства начинается.

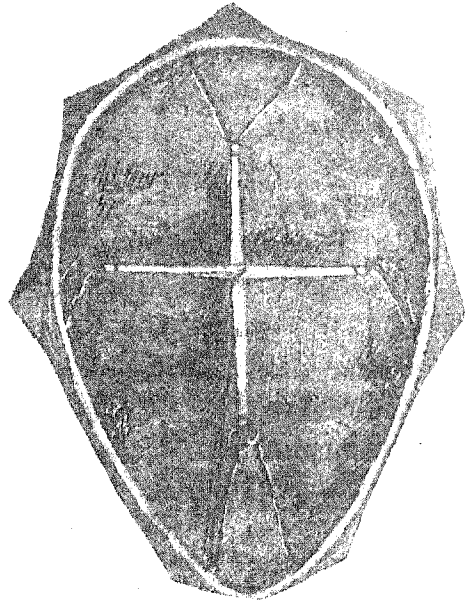

Рис. 152. Бубен
(¹/₁₂ нат. вел.).

Часто совершают "малое шаманство", без барабанного боя, без переодевания, сидя в обычном платье на маленьком стуле, посередине избы; в руках шаман держит тогда кнут или ветку, с навешанными на ней пучками белых конских волос; пучков этих может быть: три, пять или семь, но никогда не бывает их *четное число*, огня тогда не тушат, а только

1) Кожа должна быть с трехгодовалого бычка.

бросают на него немного конского волоса; шаман не танцует, а только поет и кривляется¹).

Рис. 153. Колотушка,
былаях
(¹/₇ нат. вел.).

Шамана призывают по разным поводам: если желают узнать будущее, найти пропажу, испросить благополучие; зовут его также на свадьбу, ысыах, и другие якутские празднества, но главным образом — к больным с целью излечения. Шаман лечит все болезни, но преимущественно — "якутские". Таковыми считаются прежде всего таинственные, нервные недуги: истерика, сумасшествие, судороги, пляска святого Витта, затем болезни половые: половая немощь, бесплодие, родильная горячка и иные женские болезни; затем — болезни внутренних органов: сердца, печени, желудка и кишок, преимущественно острые, заставляющие человека охать, кричать и бросаться; наконец, всякого рода нарывы, раны, ломоту и порчу костей, головные боли, воспаление глаз, ревматическую лихорадку и т.п., кроме того, всякого рода эпидемические болезни: тифозные горячки, воспаления легких и гортани²); лечат также и чахотку, но только с целью облегчения страданий, считая эту болезнь неизлечимой. Отказываются ле-

чить: понос, скарлатину, корь, оспу, сифилис, золотуху и проказу, называемую ими "большой болезнью". Особенно боятся оспы, остерегаясь даже шаманить в том доме, где недавно она была (Намский ул., 1888 г.). Оспу и корь называют "бабушкой" и говорят, что это — две русские женщины-сестры, по-русски одетые, которые посещают самолично те дома, где наметили себе жертвы. Когда в 1883 году в Колымском округе появилась оспа, то один из первостатейных якутских шаманов пробовал было с ней бороться: "два дня шаманил, но на третий, видя, что ничего не выходит, уступил" (Колым. округ, 1883 г.). Тогда же шаман-чукча тоже пробовал бороться с оспой: "он шаманил три дня, не ел, не пил, все шаманил без отдыха, наконец упал и умер мгновенно" (Колымск. округ, 1883 г.).

Все болезни происходят от злых духов, поселяющихся в человеке, и приемы лечения по форме всегда почти одинаковы: они состоят в выпугивании или задабривании непрошенных гостей. Самый несложный

1) Гмелин сообщает, что шаман надевал на ноги особые шаманские чулки с погрешками; теперь я ни в одном случае не наблюдал у якутов переобувания.

2) Две последние здесь часто приобретают эпидемический повальный характер.

способ — это лечение огнем; им лечат только некоторые болезни, как-то: опухоль, ломоту костей, ревматические боли, злокачественные раны. Я видел в Колымском округе характерную сцену: у парня разболелся и стал нарываться случайно ушибленный палец. Он, как и все окружающие, пришел, однако, к заключению, что в пальце поселился ё р; желая его оттуда выгнать, больной взял горячий уголь и стал раздувать его около больного места; когда обожженное тело стало пузыриться, а затем с легким треском лопнуло, то любопытные, столпившиеся кругом, отпрянули с криком испуга, а больной, самодовольно улыбаясь, сказал: "Видели, как выскочил!" Способ лечения огнем очень распространен среди якутов, особенно на севере; в Верхоянске я видел старика, страдавшего летучим ревматизмом; тело его было буквально изъедено глубокими ожогами. Недуг свой он лечил таким образом: лишь только появлялась боль или опухоль, он сейчас на больное место клал кусок зажженного трута или тряпки, а затем терпеливо ожидал, покуда весь кусок не сгорит; по избе разносился удушливый запах горящего тряпья и человеческого тела, а старик сидел, понуря голову, только время от времени тихонько, жалобно стонал; никакие доводы не могли убедить его в бесполезности употребляемого им средства, которое якуты насмешливо называют "якутской мушкой".

Есть и другие средства, общедоступные и в то же время менее жестокие, которыми можно облегчить страдания, изгоняя ё р; к таким средствам относятся бряцанье железом, шум, громкие крики и т.п. Я помню, какой невообразимый гвалт и звон железом поднял раз ночью в Колымском округе хозяин той юрты, где я жил, выгоняя и запугивая чертей, сильно мучивших его жену; она страдала пороком сердца и удушьем. В другой местности того же округа разбудили меня раз, тоже ночью, мерные, звонкие удары по железному котлу: это хозяин-якут, которому приснился несколько раз подряд неприятный сон, отпугивал таким образом назойливого посетителя; он жаловался мне, что, лишь только закроет глаза, сейчас же является ему "высокий человек с закрытым лицом и молча стоит у постели". Вообще якуты верят и пугаются снов; они часто сквозь сон жалобно плачут, пищат, поют, но чаще всего издают страшный, протяжный звук, похожий на жужжание жука или шум большого, быстро пущенного волчка; подобным звуком нередко начинаются шаманские песнопения. Чтобы отпугивать чертей, мучающих во сне, хорошо прятать под постель нож, ножницы, вообще какие-нибудь железные, режущие инструменты, ставить поблизости палку, топор, ружье или просто железный прут; самым же верным, хотя не всегда применимым орудием считается огонь, помещенный между жертвой и ее мучителем (Верхоянск, 1881 г.). Брошенная у порога в дверях дома тлеющая головешка часто употребляется якутами, чтобы воспрепятствовать злым силам проникнуть в избу; часто якуты проводят через огонь

новоприобретенный скот, когда вводят его первый раз в хлев (Колым. окр., 1883 г.). Не только звуки и предметы, но и люди, некоторые временно, другие всегда, обладают даром наводить страх на невидимые силы; напр., человек, убивший медведя, может лечить некоторые болезни; я видел в Колымском округе, как такой охотник лечил воспаление глаз; для этого он увел больную в сени и, низко нагнувшись над глазом ее, троекратно крикнул: "ух!". "Если причина болезни незначительна, а сердце выгоняющего болезнь *мужественное*, то болезнь уходит" (Колым. окр., 1883 г.). Человек, возвратившийся из далекого путешествия, тоже обладает некоторыми особенностями: маленький ребенок страдает от его *ног* (Верхоянск, 1882 г.). "Если снять узду с его коня и еще теплые удила всунуть в рот человека, страдающего горлом или опухолью языка и зева, то это может его вылечить" (Алдан, Баягантайс. ул., 1884 г.).

"Могут также подавать хорошие советы в случае несчастья или болезни и такие люди, которые, хотя они не шаманы, но видят и слышат постоянно предметы и звуки, невидимые и неслышимые для других" (Намский ул., 1886 г.). Между этими волхвами находятся и вредные, так называемые "колдуны", а б т а х, которые находят удовольствие в том, чтобы вредить ближним; с ними могут бороться только шаманы или такие же, как они сами, колдуны (Колымский окр., 1883 г.).

Все эти и тому подобные поверья, обряды и приемы шаманства как силы, по преимуществу воюющей со злом, собраны и систематизированы в своего рода культ, имеющий задачей приходить на помощь людям в несчастье, когда обычные, всем доступные средства окажутся недостаточными. Шаман — избранник, жрец этого культа, естественно является заступником за несчастных и посредником между людьми и духами в их столкновениях; для этих последних он часто неумолимый враг и грозный повелитель, но вместе с тем их неотъемлемая собственность и жертва: покуда он силен и молод, духи боятся его и слушаются его, но лишь только он ослабеет и состарится, они платят ему сторицей за свое унижение (Намский ул., 1889 г.). "Мы все попадем к дьяволу, — говорил мне вышеупомянутый шаман Т ю с ь п ю т, — но не только мы одни, шаманы, мы худого не делаем, мы, наоборот, помогаем людям, и за это именно на нас черти сердятся; впереди же нас пойдут все те, которые обижают народ, во главе: попы, дальше разные господа, начальники, князья, старосты, богатеи... все те, кто обладает властью, кто творит несправедный суд..." "Власть нельзя справлять без человеческих слез!.." — заключил он сентенциозно (Намск. ул., 1889 г.).

Обязательства, которые берет на себя шаман, нелегки, борьба, которую он ведет, — опасна; есть предания о шаманах, заживо похищенных на небо, о шаманах, убитых духами или замертво падших от одного лицезрения тех мощных сил, которые они осмелились вызвать. Чародей,

решающийся на эту борьбу не из-за одних только материальных выгод, но и ради облегчения страданий ближнего, чародей по призванию, верующий и убежденный, принимающийся за дело с каким-то восторженным пренебрежением к собственной опасности и озаренный высоким светом жертвы, — такой чародей производит всегда на слушателей громадное впечатление. Раз и два увидевши настоящих шаманов, я понял деление их на *великих*, *средних* и *лживых*. Иной из этих кудесников так мастерски располагает свет и темноту, тишину и заклинания, модуляции его голоса так гибки, жесты так своеобразны и выразительны, удары барабана и тон их так соответствуют моменту, и все это перевито такой оригинальной лентой неожиданных слов, остроумных загадок, художественных, часто изящных метафор, что невольно поддаетесь прелести созерцания этого дикого, свободного творчества дикой, свободной души¹⁾.

Внешние формы шаманских обрядов довольно однообразны. Вот описание той части их, которая остается всегда и всюду неизменной и составляет, так сказать, закреплённый обычай остова обряда. Позванный к больному шаман, появившись в юрте, сейчас же занимает место на одной из почетнейших нар, которых целый ряд расположен вдоль стены между столбами юрты, именно — он занимает б и л и р и к о р о н. Растянувшись на своей белой кобыльей коже, шаман лежит, ожидая ночи, часа, когда колдовство становится возможным. Все это время шамана кормят, поят и чествуют. Наконец, солнце село, сумерки надвигаются, в юрте делают торопливые приготовления к шаманству: подметают пол, колют дрова и лучину, варят более, чем обыкновенно, сытный и вкусный ужин. Мало-помалу собираются соседи и размещаются вдоль стенок на скамьях: мужчины с правой стороны, женщины с левой; разговаривают все как-то особенно строго и сдержанно, двигаются плавно. На севере Якутской области хозяин, выбравши ремни, что получше, вяжет из них род двойной петли, которую впоследствии наденут на плечи шамана, затем, чтобы за свободный конец удерживать его во время пляски и не позволять духам похитить его. Наконец все поужинали, справили домашние дела, отдохнули и чинно расселись по местам. Шаман, присевши на краю б и л и р и к а (стол, обыкновенно стоящий в этом углу, уносится вон), медленно расплетает свои косички, что-то бормоча и отдавая еще кой-какие приказания; он по временам нервно и искусственно икает, отчего все его тело странно содрогается; глаза его не глядят по сторонам:

1) В заклинаниях шаман обязательно вместо: "встань с восходом солнца" скажет: "когда первые лучи солнца коснутся верхушки самой высокой сосны — встань!" (Намский ул., 1887 г.), или: "брось в тень огня!" (Колым. ул., 1883 г.). "Бубен, конь мой, а ветер, мои крылья" и т.д.

они или опущены долу, или уставлены неподвижно в одну точку, обыкновенно в огонь. Огню дозволяют потухать. Все более и более густые сумерки наполняют избу, суета затихает, люди разговаривают шепотом; отдаются приказания, чтобы желающие выйти на двор сделали это немедленно, так как скоро двери будут заперты и никого больше не впустят в юрту и не выпустят наружу; шаман медленно снимает с себя рубаху и надевает свой волшебный кафтан, а в случае его отсутствия женский сага; затем ему подают закуренную трубку с табаком, и он долго курит, глотая дым; икота его делается все громче, дрожь, производимая ею, все трепетнее; вот он кончил курить; лицо его бледно, голова низко опущена, глаза полужакрыты; в то время на середину избы уже успели положить белую кобылью кожу, служащую за постель шаману; шаман приказывает подать себе ковш холодной воды, он пьет ее большими глотками и медленным сонным движением отыскивает на скамье приготовленный заранее кнут, ветку или колотушку барабана; затем он выходит на середину избы и, приседая четыре раза на правое колено, делает торжественный поклон на все четыре стороны света и одновременно брызжет кругом себя водой изо рта. Тогда все затихает; на огонь бросают горсть белых конских волос и окончательно его тушат, загребая золой; при слабом мерцании угольев виднеется еще некоторое время в темноте черная неподвижная фигура шамана, сидящего понуря голову и держащего перед грудью громадный, как щит, барабан; лицом он обращен на юг, куда направлена и голова кожи, на которой он сидит. Наконец, тьма делается непроглядной, сидящие на скамьях притаили дыхание, и слышно только бормотание и икание шамана; но и оно все более и более затихает; вот на мгновение водворяется мертвая тишина, а затем, немного спустя, раздается одинокий резкий, как лязг железа, зевок, и вслед за ним где-то в глубине покрытой тьмою юрты громко, четко и пронзительно прокричит сокол или жалобно расплачется чайка — и опять тишина, и только легкая, как комариное жужжание, дробь барабана дает знать, что шаман начал свою музыку. Эта музыка, вначале нежная, мягкая, неуловимая, потом неровная и произвольная, как шум приближающейся бури, все растет и крепнет; по ней зигзагами, точно молнии, поминутно пробегают дикие окрики: каркают вороны, смеются гагары, жалуются чайки, посвистывают кулики, соколы да орлы. Все те, кто летает высоко над землей, ближе к небу, видимо, обеспокоены ожидаемым появлением и носятся по воздуху, наполняя юрту своим жалобным криком. Музыка все растет и достигает апогея, удары по барабану, частые, сильные, сливаются в один непрерывный, все возрастающий гул; колокольчики, погремушки, бубенчики гремят и звенят, не уставая; это уже не буря, а целый водопад звуков, готовый потопить сознание присутствующих... Вдруг все обрывается; еще один-два мощных удара по барабану, и последний, до сих пор

поддерживаемый и потрясаемый на воздухе, падает на колени шамана; все сразу умолкает: даже брэнчание раскачанных колокольчиков как-то сразу, неожиданно прекращается, опять настает момент мертвенной тишины, и опять та же, вначале неуловимая, как комариное жужжание, и все растущая дробь барабана.

Прием этот повторяется с некоторыми вариациями несколько раз, сообразно вдохновению шамана; наконец, когда музыка, изменивши темп, приобретает некоторую правильность, к ней присоединяются отрывочные, мрачно пропетые фразы песни:

1. "Мощный бык земли... Конь степной!.."
2. "Я, мощный бык... реву!"
3. "Я заржал... конь степной!"
4. "Я всего выше поставленный человек!"
5. "Я всего больше одаренный человек!"
6. "Я человек, созданный господином мощным из мощных!"
7. "Степной конь, явись!.. Научи меня!.."
8. "Волшебный бык земли, явись!.. Заговори!.."
9. "Мощный господин, приказывай!.."
10. "Каждый, с кем вместе иду, пусть слушает ухом! Пусть не следует сзади за мной, кому не скажу: иди!"
11. "Впереди, ближе дозволенного вам — не становись! Пусть каждый смотрит зорко! Пусть слушает чутко!.. Берегитесь вы!"
12. "Смотрите хорошенько! Будьте все такими... все в совокупности... все, сколько вас есть".
13. "Ты с левой стороны, госпожа с посохом, если, может статься, ошибочно или не той дорогой направляюсь, прошу тебя: направь! Распорядись!.."
14. "Ошибки и дорогу, госпожа мать моя, укажи!.. Вольным следом полети!.. Мою широкую путь-дорогу расчищай!"
15. "На юге, в девяти лесных буграх живущие духи солнца, матери солнца, вы, которые будете завидовать... прошу вас всех... пусть стоят... пусть три ваши тени высоко стоят!"
16. "На востоке, на своей горе, государь мой дед, мощной силы, толстой шеи, — будь со мной!.."
17. "И ты, седобородый, почтеннейший чародей (огонь), прошу тебя: на все мои думы без исключения, на все мои желания согласись... выслушай!.. исполни!.. Все, все — исполни!"

Тут опять барабанный бой достигает своего апогея, опять слышатся дикие окрики, отрывочные бессмысленные слова, — и все умолкает. Вышеприведенное заклинание, кажется, одинаково по всей Якутской

области и им начинается всякий обряд; есть формула более длинная и пространная, но я ее не мог добыть. Дальнейшая часть обряда произвольна и представляет импровизацию, иную у всякого лица и даже на всякий частный случай.

В дальнейших песнопениях шаман умоляет о помощи своего *ä m ä-g y a t ь* и других покровительствующих ему духов, разговаривает с *к ä-л ь ä н ы*, задает им вопросы и дает от их имени ответы; пока придут призываемые духи, долго иногда приходится просить и барабанить шаману; часто появление их до того внезапно и стремительно, облик до того грозен, что шаман, пораженный, падает. Считается хорошим признаком, если — ниц, дурным, если — на спину; тогда присутствующие стучат над ним в железо, приговаривая: "Каленое железо скрежещет... Разнообразная туча вьется!.. Обильная туча поднялась!.." (Колым. округ, 1883 г.). Или высекают над ним огонь огнивом, говоря: "Срель! срель! срель! Твоя часть берестяной кадки. Огонь сверху упал!.." ¹⁾ (Колым. окр., 1883 г.). Говорят тоже и следующие непере译имые восклицания: "К ы н-ч а х а н! К ы н-ч а х а н! К ю н д ю л ь-с а н д ы л! У о т и ч ч и т е с а н и л ы -е р!" (Намск. ул., 1889 г.).

Когда *ä m ä g y a t ь* снизошел на шамана, последний подымается и начинает сначала на коже подпрыгивать и топтаться, а затем движения его делаются быстрее, неистовее и он выплывает на середину избы. На огонь бросают поспешно лучину и разжигают дрова, яркий свет разливается по юрте, теперь полной шума и движения; колдун непрерывно пляшет, поет и барабанит; он бешено прыгает и кривляется, повернувшись лицом сначала на юг, затем на запад и восток; тем, которые удерживают его за продетые под мышками ремни, часто трудно справиться с ним. Впрочем, на юге Якутской области шаман танцует свободно: никто его не держит; наоборот, он часто отдает свой барабан *к у т у р у к с у-т у*, чтобы иметь возможность лучше танцевать. Темп и шаг танца похож немного на русский трепак, только быстрее его и лишен удал и веселости последнего; голова шамана почти постоянно опущена, глаза полузакрыты; спутанные длинные волосы в беспорядке рассыпаны по потному лицу, рот судорожно искривлен, зубы оскалены и по губам текут слюни, нередко — пена. Он кружится по избе взад и вперед, ударяя в барабан, ревуший и стонуший не менее дико, чем сам шаман; он потрясает своим звенящим одеянием и, кажется, упивается все более и более поднятым им самим шумом и исступленным движением.

1) Х а т э н т и м и р х а б а р ы й д а... Д ж ю л о б ы л ы т с у г у н а т т а!.. К о й б ы л ы т к о т о к ю л ь н н а!..

Волна его бешенства несколько раз слабеет и опять подымается, иногда совершенно даже затихает; тогда шаман, высоко поднявши бубен и наигрывая на нем спокойный торжественный гимн, опять просит и закликает небесных духов. Наконец, он узнал все, что ему нужно; он знает, кто причина несчастья или болезни, с которыми он борется, он заручился обещаниями и содействием всех, кого нужно; кружась и барабая, с пением направляется он к больному; тут он с новыми заклинаниями изгоняет причину болезни, выпугивая или высасывая ее ртом из больного места, и уносит обратно на середину избы, где опять после многих пререканий, проб и заклинаний выплевывает ее, выгоняет, выбрасывает в о н пинками или сдувает прочь с ладони, далеко на небо или под землю. Тут же

узнается, какой жертвой заплатить нужно мощным небесным духам за такое неблагоприятное обращение с их ниспосланным к больному слугою: шаман, прикрывая глаза ладонью от света, осматривает пристально все углы и, если заметит что-нибудь подозрительное, опять бьет в бубен, танцует, пугает и просит. Танцуя, он идет в далекий путь и гонит перед собою или уводит непокорного духа; наконец, все очистилось, нигде не видно подозрительного "тумана", значит, причина зла удалилась, жертва принята, мольбы выслушаны — обряд кончен. После того шаман, одаренный на некоторое время вещим духом, ворожит, отвечает любопыт-

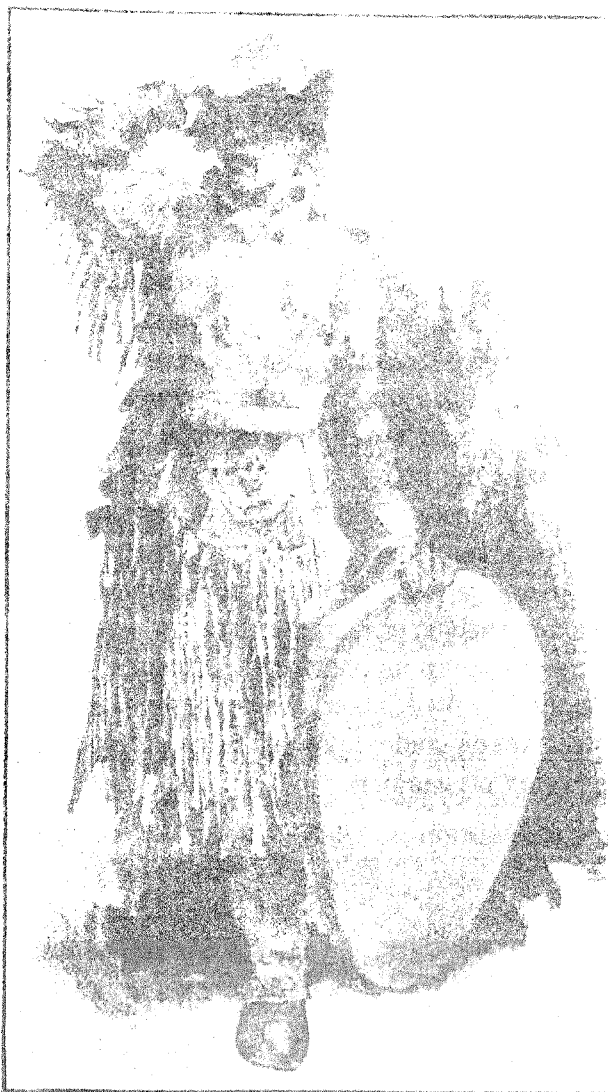

Рис. 154. Шаман, в момент камлания, высматривающий духов.

ным на задаваемые вопросы или рассказывает, что видел случайно на небе; затем опять садится на свою кобылью кожу, поет и играет и, наконец, вместе с ней, бывает присутствующими перенесен на б и л и р и к (Колым. ул., 1883 г.).

Жертвы, даваемые духам, бывают различны, сообразно важности случая; иногда болезнь переносят в скотину, и эту больную скотину жертвуют, то есть "уводят на небо". Танец изображает именно это путешествие по небу, совместно с духами и жертвенной скотиной; в старину бывали такие шаманы, которые действительно уходили на небо и присутствующие видели, как "на облаках плывет подаренная скотина, за ней летит бубен шамана, а за последним уже сам шаман в своем волшебном одеянии". Бывали и такие хитрые, а вместе с тем и могущественные шаманы, что вместо настоящей скотины приводили на небо лживую "туманную" кобылу; но таких на небе "не принимают" (Нам. ул., 1888г.).

У всякого шамана на этом трудном и опасном пути есть свои места отдохновения — о л о х; когда он во время танца садится, это значит, что пришел на о л о х; когда поднимается, значит, что опять направляется дальше вверх; если падает, значит, идет вниз, под землю. О л о х и отстоят друг от друга на расстояние "девяти мест"¹⁾. Всякий шаман, как бы он далеко ни был, знает, где находится, на каком о л о х е и по какой дороге идет какой-либо, шаманящий в это время, шаман (Намс. ул., 1888 г.). У плохих шаманов нет о л о х о в.

Рис. 155. Проводы жертвенной скотины на небо.

1) Опять обращаю внимание на связь родовой организации с шаманским культом.

Рис. 156. Кукушка ($\frac{1}{8}$ нас. вел.).Рис. 157. Гагара ($\frac{1}{8}$ нас. вел.).Рис. 158. Тетерев ($\frac{1}{8}$ нас. вел.).

Иногда проводы духа и жертвенной скотины на небо составляют особую церемонию, отделенную от первой (т.е. обещания) несколькими месяцами времени. Я раз присутствовал при такой церемонии; начало было такое же, как всегда, но когда шаман, заручившись по-

кровительством своего *а м а г я т ь*, пустился в дорогу, тогда корову вывели из юрты на двор и привязали к заранее приготовленному столбу, в сажень высотой и с вырезками наверху, долженствовавшему изображать обычный *с а р г а* (столб для коновязи); впереди этого столба были вбиты три, такой же приблизительно величины, гладких, обструганных шестах, на концы которых были насажены деревянные изображения птиц: первое сидело двухголовое крылатое чучело, называемое *э к с ё к ю* (рис. 160), затем такой же величины изваяние, *к у а г а с*, гагары (рис. 157) или ворона, *с у о р и* третья, поменьше, изображение кукушки, *к а г а* (рис. 156). Птицы стоят довольно близко друг от друга, одна за другой рядом и обращены головами на юг; на той же линии впереди их расставлены на расстоянии сажени друг от друга девять зеленых елок, очищенных от коры на вышину сажени и больше; между елками натянута тонкая волосяная веревка, украшенная пучками белых конских волос; начиная от первой птицы, она подымается все более и более вверх и должна изображать дорогу, по которой "вслед за птицами" полетит на небо шаман, гоня перед собою жертвенную скотину (рис. 155) (Нам. ул., 1889 г.). В рощах, в укромных лесных уголках, куда уносят и оставляют разные

Рис. 159. ($\frac{1}{3}$ нас. вел.).

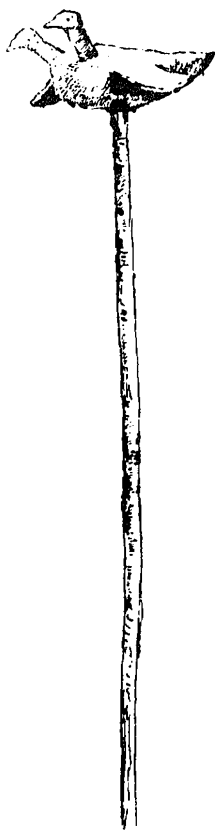

Рис. 160.
Эксекю
(¹/₂₁ нас. вел.).

ненужные, употреблявшиеся во время шаманства предметы, я, кроме описанных выше птиц, столбов, елок, деревянных фигурок, волосяных, разукрашенных тряпками и кистями волос, веревок, с е т и, находил также иногда род подставки, в сажень вышиною, с *девятью* маленькими деревянными бокальчиками на верхней поперечине (рис. 161), носящими явные следы недавно наполнявшей их крови, а также маленькие столы на высокой ножке с кусками мяса, жира, печени. При некоторых церемониях употребляются изображения: чайки, куропатки, тетерева или коршуна.

Когда жертвенное животное убивают, то это считается самой большой и желательной духам жертвой. Животное уби-

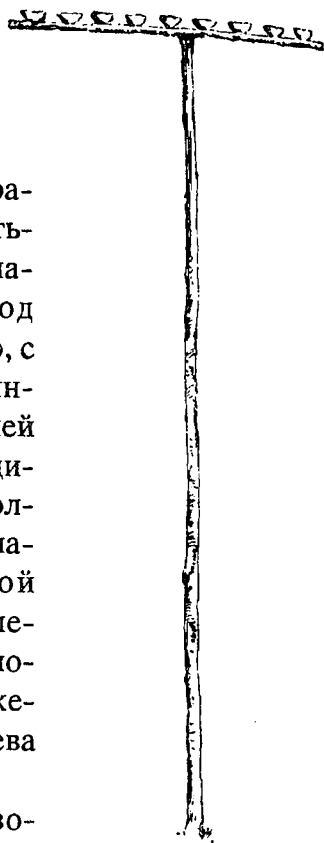

Рис. 161.
(¹/₂₁ наст. вел.).

вается в то время, когда к шаману уже явился *а м а г я т ь* и другие, призываемые им духи; затем часть мяса варят, лучшие части ставят на стол для тех, кому принесена жертва, остальное ест шаман и присутствующие; под конец пиршества все, что остается, сжигается; кожу вместе с копытами, головой и хвостом вешают где-нибудь на ветвях дерева в глухой чаще ¹). Тут же поблизости, часто на том же дереве, делают обыкновенно и *к о ч е й* или *к о ч а й*: палку в сажень длиною, отделанную в виде стрелы и надетую высоко над землею на сучок между росо-

1) Прилагаю описание Гмелина такого кровавого шаманства. "Якутск. 1737 года, 19-го июня. Уже давно мы желали видеть церемонию жертвоприношения животных у якутов и узнали наконец, что 19-го июня, вечером, такая церемония произойдет в восьми верстах ниже Якутска, на берегу Лены. Мы отправились туда водою и скоро прибыли на место, где уже застали общество, которое, вероятно, чаяло насладиться плодами этой жертвы, и шамана, делавшего приготовления к приношению в жертву теленка, тут же привязанного... Он велел четырем якутам держать теленка, сделал ему разрез в груди и разорвал большую жилу возле сердца, после чего теленок тотчас умер.

хами какой-либо старой, ветвистой лиственницы. В середине палки проделана дыра, острие палки всегда направлено на юг и чуть приподнято кверху; эта палка должна собою изображать "дорогу, по которой шаман и жертвенное животное отправляются на небо" (Алдан, Баягантайс. ул., 1884 г.). Жертва эта называется по-якутски: *к о ч а й-к ä р ä х*. *К ä р ä х* вообще *жертва*; *ы т ы к* — жертва поменьше ¹⁾. Следы жертв во множестве встречаются всюду в лесах Якутской области; излюбленные же места жертв — лесные бугры, *т у м у л*, где обыкновенно и растут необходимые для помещения *к о ч а й* толстые, суковатые, матерые лиственницы.

"В былое время шаман собственноручно вырывал из живой скотины сердце и, еще трепещущее, поднимал на ладони вверх в жертву духам" (Алдан, 1885 г.). "Кровью жертвенных животных шаман часто мажет собственное лицо и платье, мажет изображение своего *ä м ä г я т ь* и маленькие деревянные фигурки людей и животных, употребляемые иногда для шаманства" (рис. 159, 162, 163) ²⁾ (Верхоянск, 1881 г.). В Колымском округе я также видел деревянные фигурки животных, употребляемые для чар; это были фигурки лисицы и волка, которых шаманка посылала отыскивать потерю, но "лисица ушла, а волк бегал без толку по полю", и ничего не удалось (Колымский округ, 1882 года).

Шаман собрал несколько крови и нарисовал ею, на стволе сосны, три бесформенных лица. Это было нечто вроде детских рисунков: продолговатый овал, пара кружочков вместо глаз, между ними продольная черточка вместо носа и поперечная вместо рта. Потом стали снимать кожу с телянка, чем занимались то шаман, то другие якуты. Когда сняли, положили ее на козлы, стоявшие на четырех подпорках, на сажень вышины над землею. Одни разрывали мясо и раздробляли кости, другие слегка выжимали сок из желудка и кишок убитого телянка. Наконец, все это они бросили в котел, висевший над огнем, и стали варить. Когда кушанье наполовину сварилось, шаман подошел к трем кровавым изображениям, поклонился им и пробормотал несколько слов. Затем, вместе со всеми якутами, он уселся в круг и ел, как они, весьма охотно, то, что подавали из котла. По мере того, как съедали из котла вареное мясо, подкладывали то, которое не вошло в котел, и продолжали так до тех пор, пока не сварили и не съели всего; навар тоже уничтожили. Десять человек сидело за пиршеством, которое продолжалось почти час. Шаман снова подошел к трем изображениям, кланялся им и что-то произносил, как и вначале. Так кончилось жертвоприношение" (Reise, V, II, p. 508—509).

1) *К ä р ä х-с у р т*, так называют в Монголии своеобразные древние могильники, выложенные камнями; по-якутски название это значило бы: жертвенное место. *С у р т* — место пастьбы скота, стр. 347.

2) "Их боги ничем не отличаются от наших кукол, исключая глаз: у наших они нарисованы, а их куклам вставляют вместо глаз красные круглые кораллы или маленькие свинцовые пульки, живее изображающие глаза. Вся кукла сделана из тряпок, несколько неуклюжее, чем наши, но пользуется всеми божескими почестями, какие воздаются и у других язычников. Аромат жира или жирного мяса — приятнейшая для них жертва" (Гмелин, II, стр. 476).

Рис. 162.
($\frac{1}{3}$ нас. вел.).

Рис. 163.
($\frac{1}{3}$ нас. вел.).

К о ч а й приносят только в исключительных случаях; чаще приносят "живую жертву", т ы н н а х ы т ы к, то есть: просимую духом скотину посвящают и отпускают свободно в степь; предварительно, однако, шаман должен ее свести на небо и там показать тому, кому она пожертвована (Нам. ул., 1888 г.). Обряд проводов описан выше. Пожертвованное животное не продают и, не заменивши его предварительно другим, не убивают; в старину, говорят, даже не доили. Тогда же около Петрова дня на ы с ы а х е хозяин, у которого были жертвованные животные, ы т ы к с ю ö с ю л ы а х, одевал одного из гостей в шапку и вместе с ним и своей женой уходил тайком в поле, где, отыскавши священное животное, брызгали ему на хвост, гриву и шею сливки и кумыс (Нам. ул., 1888 г.). В настоящее время этот обряд выходит из употребления.

Иногда дух требует в жертву живую чайку; такого духа называют "девушкой К у о х а й с чайкой", к о п т о л о х К у о х а й-к ы с; она преимущественно вредит глазам; для нее ловили белую чайку с черными концами крыльев, которую

затем шаман с пением отпускал вверх на свободу. Приведу здесь еще один странный пример шаманских обрядов, именно: когда шаман из среды духов вызывает к себе "бога быка", о г у с т а н г а р а л а х, и последний снисходит, тогда шаман роет бубенной колотушкой в земле углубление, льет туда воду и пьет ее, а делается это будто бы в "память того, что когда-то два знаменитых шамана в образе своих и е-к ы л а встретились и вступили в борьбу, но не могли одолеть друг друга и, барахтаясь, провалились под землю; тогда только с неба послали третьего шамана, который разнял их и вытащил на "солнечный свет" (Намский ул., 1889 г.).

На Алдане якут, который довольно продолжительное время исправлял должность к у т у р у к с у т а при шамане, между прочими сведениями сообщил мне, что есть у якутов три рода жертвоприношений:

1) Т ю х ю р г ё н — когда бьют скотину дома и ставят в красном углу на столе вареные внутренности, жир и мясо; иногда такой стол устраивают в лесу; кожу жгут.

2) К о ч а й-к ä р ä х — скотину бьют в лесу, кожу с головой, рогами

и копытами вешают на дереве, на котором устраивают вышеописанный деревянный "указатель дороги".

3) У с т у н я — приведенную к себе корову шаман в исступлении хватает за рога, бросает на землю, затем, сидя на ней верхом, поет и барабанит; кончается тем, что он живьем отрезает у коровы ноги, живьем вскрывает ей грудь и, вырвавши оттуда сердце, его, еще трепещущее, подымает вверх на ладони, затем грызет его зубами, притворяясь, что пожирает, кровью пачкает себе лицо, руки и платье (Алдан, Баягантайс. ул., 1885 г.). Обычай очень древний и теперь не употребляемый¹⁾.

Описанные выше приемы колдовства и заклинания употребляются не только для излечения больных людей, но и во всяких других случаях ради предотвращения разных несчастий и напастей. Над больной скотиной тоже шаманят; во время падежа скота шаман ходит по хлеву, по избе и кругом двора с людьми, вооруженными деревянными мечами, они набрасываются на стенки, вещи, людей, на скот, на все, что попадается навстречу, коля и рубя, причем все кричат: "Копьем будем колоть, ножом пороть! иди! не оставайся!" (Намский ул., 1887 г.). Телячью болезнь лечат проще: на зов "кяерин! кяерин!" этот черт является; тогда шаман ловит его в старую берестяную посуду или просто в горсть, вместе с сеном и навозом, куда он любит прятаться; поймавши, он выбрасывает чертенка подальше, хорошенько напугавши его предварительно и прочитавши приличное случаю наставление; пойманный отпирается, клянется, что не он, и тут часто возникают забавные препирательства с уличающими его в проказах присутствующими; это очень веселый и возбуждающий всегда много смеха обряд (Намский ул., 1889 г.).

Шаманят по поводу и менее значительных происшествий, как-то: если молоко у хозяйки свертывается и сливки не отстаиваются, если сломаются посуда, потеряется топор и т.д.

Кроме жертв, приносимых шаманами, есть еще один род жертвоприношений, самый общедоступный, самый дешевый и самый распространенный, это — куски масла, жира, мяса, бросаемые на огонь или в лесу прикалываемые к дереву; излияния водки, сливок, кумыса на огонь и гриву животных; пучки волос, которые вешают в лесу на ветвях деревьев;

1) Отмечу, что даже в местностях, где вывелся древний способ убивать скот, на свадьбах и шаманствах до сих пор бьют его, разрывая *воротную вену*. Для этого животное с помощью веревок вытягивают в струну навзничь между двумя столбами, разрывают грудную полость так, чтобы можно было просунуть внутрь руку, и кто-нибудь из молодых людей всовывает руку, отыскивает вену и рвет ее. Животное при этом стонет и нередко *плачет*, но зато ни одна капля крови не проливается на землю, не пропадает даром.

куски цветного ситца, платки, серебряная и медная монета, чай, табак, соль, мука, хлеб, оладьи, шкурки белок и горностаев, а также другие, более или менее ценные предметы, которые оставляют проезжающие на горных перевалах, у речных берегов, на утесах, в рощах и т.д., вообще в местностях, опасных для путешественников или особенно излюбленных духами; жертвы эти приносятся всяким желающим, на всяком месте и по поводу самых различных случаев¹⁾.

Вдумываясь в известные мне якутские поверья, обряды, предания и легенды, во весь склад их ума, проявляющийся в способе повествования и рассуждения, в способах объяснения непонятных им явлений, а также житейских обыденных происшествий, я пришел к заключению, что хотя мышление якутов и носит сильный отпечаток фетишизма, но оно уже перешло к высшей стадии развития и пробовало самостоятельно создать более законченное, цельное и не лишенное самобытности мирозерцание, которому определиться помешало только водворение христианства.

Правда: якут верит в и ч ч и т е — "душу предмета" и всюду ее ищет; каждая былинка, куст, дерево, камень, каждая гора, утес, речка, лесок... каждый инструмент, нож, топор, ружье могут обладать "душой", и ч ч и т е, но выше всех их уже стоит А и-т о ё н (А рь-т о ё н) с сонмом богов и и ч ч и т е высшего порядка: душ предметов собирательных, понятий отвлеченных.

1) Вблизи Якутска в мое еще время существовала старая, очень чтимая якутами сосна, сплошь украшенная подношениями: волосом, ситцем, кусочками мяса, лепешками. Кажется, что ее видел еще Гмелин: "Прекрасная сосна была кругом увешана, внизу старыми тряпками и шнурками из конского волоса, а под ними лежало много веток. Это было священное дерево, а священным деревьям приносят подарки. Каждый приезжий якут согрешит, если не поднесет приношения, и навлечет на себя гнев богов, а потому дерево быстро покрывается подарками; тогда их кладут под деревом. Якуты не кладут таких вещей, которые могли бы понадобиться людям иной веры. Потому что хотя многие иноверцы придерживаются якутских обычаев и суеверий, но они охотно возьмут себе то, что сочтут для себя необходимее, чем для якутских богов. Две березы стояли совсем близко от этой сосны. У одной из них все ветки посередине были обрублены, остались только верхние и нижние, у другой были срублены только верхние ветки. Эти два дерева означали союз чести, заключенный между собою двумя парами якутов. Когда двое якутов живут в особенной дружбе и когда один из них уезжает далеко, напр. отсюда на Вилюй, на Яну или Индигирку, то расстаются они в такой местности, где есть деревья; остающийся влезает на дерево и обрубавет ветки сверху или посередине дерева. Это служит доказательством его дружбы к отъезжающему, и он постоянно хвалится этим; если он получает известие, что уехавший умер, то до конца своей жизни хвалится тем, что это он обрубил эти ветви в знак памяти" (Reise, В. II, р. 497).

Начнем с А и-т о ё н а. Не вдаваясь в разбор происхождения этого понятия, я постараюсь воссоздать его образ таким, каким он явился мне в рассказах якутов. А и-т о ё н — это воплощение силы верховной, мощной, неумолимой и самодовлеющей; он не добр и не зол; он не существо, а скорее—*бытие* вообще; с высоты своего престола, "на седьмом небе", он созерцает вселенную, но в дела мира сего мало вмешивается; *гром* и *молния* — его глаголы; *орел* дремлет у его ног, а эмблема его — *солнце*. Он благодать, но благодарить его незачем, как незачем благодарить вселенную, что она существует: он всемогущ, но он ничего не хочет, и поэтому напрасно к нему обращаться с просьбами: ему никогда ничего не жертвуют, и я нашел только одно предание, свидетельствующее о культе его имени: "В старину, на ы с ы а х е, шаман наливал девять больших, деревянных (полуведерных), одноногих жбанов (а я х, ы м ы я) кумысом, клал туда масла, затем подымал их по очереди к небу и, троекратно воскликнувши: "А и-т о ё н!.. У р у й!..", отливал кумыса на огонь, после чего уже чаша передавалась пирующим и обходила круговую"¹) (Намский ул., 1888 г.). Понятие А и-т о ё н а слилось и отождествилось в настоящее время с понятием христианского православного Бога, существа, которому молятся по церквам, ставят свечки и служат молебны; его часто зовут Н и к о л а, иногда "Святым стариком", всегда "Богом", Т а-н г а р а, А и-т а н г а р а; но Бог христианский, Бог Спаситель, Бог Добро и Справедливость — этот Бог чужд понятию якутов в такой же мере, в какой чуждо им понятие об ангелах, Пресвятой Деве, Святых Апостолах и Богоугодниках, Тайне Троицы, Тайне Непорочного зачатия и т.п. Точно так же "сатана", враг Бога, воплощение зла и греха, тоже не якутское, а наносное, иноземное понятие. Имя с а т а н а усвоено якутами и часто повторяется в рассказах и общежитии, но все легенды, где появляются Бог и сатана, носят явные следы христианского происхождения: "С а т а н а, царь чертей, сидит в подземном своем царстве, закованный в цепи и по шею погруженный в огненное море; голова у него опущена, и ангел К а ч ч и й я н (?), с обнаженным мечом²) в руках, стережет его, не давая взглянуть на землю; только раз в году, в день Нового года, ему можно чуть приподняться и посмотреть на созданный Богом мир; тогда на что упадет его взгляд, то обречено в этом году на гибель: на дерево взглянет — будут гореть леса, сохнуть деревья,

1) Древний ы с ы а х подробно описан Гmeliным (Reise. В. II, p. 497—507). Показания Гмелина интересны не только потому, что они *первые* по времени показания интеллигентного очевидца, но также по своей точности и богатству характерных деталей. Они не раз оказали мне большие услуги при оценке записанных мною показаний инородцев. Смотри о культе А и-т о ё н а, стр. 188, 193, 469.

2) По другой редакции той-же легенды: "с железным молотком". К а ч ч и й я н нужно думать: Кассиян.

на скотину—будет падеж скота, на человека — будет мор и другие несчастья, на строения — будут пожары и т. д." (Алдан. Баягантай, 1885 г.).

"С а т а н а был старшим братом Христа; только Христос был добр, а он был зол и завистлив; вначале, когда ничего еще не было, кроме беспредельного моря, и Бог задумал создать Землю, он обратился к сатане. "Ты хвастаешься, что все можешь! — сказал ему Бог, — что ты могущественнее даже меня! Ладно: так достань со дна моря горсть песку!" Тщеславный сатана сейчас же нырнул, но когда выплывал на поверхность, вода вымыла песок из зажатой его горсти; два раза нырял он, но напрасно; тогда, в третий раз, он обернулся ласточкой и вынес в клюве немного илу. Христос ¹⁾ благословил этот ил, и он превратился в землю, которая вначале была гладка и ровна, как тарелка; но сатана схитрил и не всю добычу показал Христу, желая создать и для себя свой собственный мир, где все было бы навыворот; Христос вовремя заметил хитрость и ударил сатану по шее так крепко, что ил, спрятанный у него в горле, высыпался наружу; вот из этих-то крох образовались горы" (Верхоянск, 1880 г.).

Догматы христианства остались до сих пор совершенно чужды и непонятны большинству якутов; я говорю не об этической стороне Христова учения, а о догматической.

"Сколько богов?" — спросил я раз в Колымском округе якутов, наговоривших мне целую кучу почерпнутых из Священного Писания рассказов о Ное, потопе, Адаме и Еве и т. п. Дикари, не желая, очевидно, показать себя невеждами, долго думали, наконец один из них ответил: "Богов много, но самых главных четыре: Никола — на юге, два Спаса — на западе и востоке, а Матерь Божия — на севере!" (Колым. округ, 1883 г.). "Богов много, а главный Никола", — говорили мне на Алдане. Очевидно, здесь понятие о святых сливается с понятием о богах ²⁾.

Еще приведу здесь один рассказ, в котором деятельную роль играет сатана; подобный рассказ можно найти во всяком сборнике славянских поверий:

"Вначале человек был покрыт шерстью, но, согрешивши, утер ее. Когда Бог сотворил человека, то сделал его караульщиком своего дома, называемого *ы р е й* (рай); сатане очень хотелось проникнуть в этот дом, и вот, когда однажды Бог отлучился, сатана пришел к человеку и попросил впустить его туда. Человек отказал. Тогда сатана предложил ему в подарок белую шубу, затем — пеструю, а когда тот не соглашался, то на-

1) По другой редакции — Н и к о л а - о г о н и о р (старик); замечательно в этой легенде смешение Бога-творца, Христа и Николы; для якутов, как я говорил выше, часто это только *разные названия одного и того же лица* (Алдан, 1885 г.).

2) Характерно, что иконы тоже зовутся *т а н г а р а*.

наконец и черную ¹⁾. Тогда человек соблазнился и впустил его; сатана шубы не дал, а дом изгадил и испачкал. Бог, возвратившись, узнал сейчас же о посещении сатаны и, разгневанный, прогнал человека, а в наказание лишил его шерсти, говоря: "Ты променял собственные волосы на шубу — ну так ходи голый!.." (Верхоянск, 1881 г.).

Якутский сатана, тот аллара аба сы о гониор (подземный старик-дух), которого зовут также иногда сатаной, совсем другое понятие, хотя и к нему также стали прилагать в последнее время кое-какие атрибуты его библейского собрата; называют его, например, царем злых духов, а б а с ы ы р а х т а, между тем как он вовсе не считается самым могущественным среди фетишей и духов, олицетворяющих злые и вредные силы природы ²⁾. Замечательно, что мирозерцание якутов не включает в себе ничего мистического, они знают явления вредные, полезные и безразличные, но не знают *греховных*. Добродетель как результат победы духа над телом, как умерщвление плоти, как пост, девственность, смирение и иные аскетические идеалы чужды им; они говорят а й и — грех, но значение этого слова совершенно особое; какие же понятия оно в себя включает, я себе полностью не уяснил, но вернее всего, что это понятие *страдания*. "В старину говорили а р а х, это то же, что а й и" (Намск. ул., 1889 г.). Вера, как доблесть, и сомнение, как грех, для них равно непонятны. Они без смущения верят тому, что знают, и сомневаются в том, чего не знают, и в стремлении к этому знанию нет у них внутренних преград.

Если А и-т о ё н есть воплощение бытия вообще, то та часть бытия, которая проявляется во всем живущем, обособилась в отдельное понятие У л у-т о ё н а. Он не противоположен А и-т о ё н у, не враждебен ему, а только менее его безмятежен ³⁾ и в силу этого более мрачен и гневлив; живет он на западной стороне на третьем небе (Намск. ул., 1887 г.). Он близок к земле, и дела ее живо его занимают, но так как благодать существования разлита повсюду помимо его А и-т о ё н о м, то У л у-т о ё н у выпало на долю проявляться только в мучительных и грозных явлениях бытия. Я видел в Верхоянском улусе утес, посвященный его имени. У л у-т у м у л стоит на левом берегу Яны, в горах между станциями Суруктах и Кеньюрях. Высокая скала отвесно падает в реку, оцетившись повсюду темным лиственничным лесом. Таким должен каза-

1) Черные меха особенно ценятся якутами и считаются более красивыми.

2) См. ниже.

3) В сказках А и-т о ё н изображается равнодушным и ленивым. См. Худяков, с. 149.

ться людям этот У л у-т о ё н, про которого поют в заклинаниях: "Господин мощный из мощных!.. Дитя загадки! Ты с пламенным вороном... соберись!.. предстань!.." ¹⁾). Таким он должен казаться, когда, могучий, гневный и карающий, он отдает приказания своим подчиненным или сам, в зверином или ином воплощении, является на землю. Все беды, муки и несчастья, все болезни и страдания, все боги домашние и родовые подвластны его высокой руке: и, однако, он ничуть не желает уничтожения живущего; наоборот, он могучей властью удерживает все эти беды, которые в противном случае потопили бы мир и мгновенно смыли бы с него все живое. "Он создал шамана и научил его бороться со всеми этими бедами; он подарил людям огонь" (Намск. ул., 1889 г.). "Он сотворил лесных зверей и птиц, и самые леса" (Алдан, Баягантай, 1884 г.). Он "мощный из мощных". Это ему по преимуществу вешают к о ч а й-к а р а х и приносят кровавые жертвы, а любимыми его животными считаются бык или жеребец черной масти с белой головой или лысиной. Даже к А и-т о ё н у он пробует относиться как равный к равному. Я записал в Колымском округе прелестное предание об этих отношениях:

"Услышал У л у-т о ё н, что есть у А и-т о ё н а спрятанная за тремя железными стенами (ю с ь х о с т и м и р х а й ы г а) "Солнце-дочь" (К ю н ь-к ы с), и послал своего деда С е с е н а сватать ее.

"Я пришел к тебе, — сказал С е с е н, явившись к А и-т о ё н у, — от У л у-т о ё н а с поклоном!.."

"Я не оставлю его просьбы! Говори!" — ответил А и-т о ё н.

"Отдай ему дочь свою К ю н ь-к ы с в жены!"

А и-т о ё н задумался.

"Ладно! Но чем же он мне за нее заплатит?"

"Всем, что есть на земле и чего пожелаешь!"

"В таком случае скажи ему, что я требую мираж (д ж е р г е л ь г и н) и зыбь водяную (э б э р х э д о у л г у н)".

Услышавши такой ответ, собрал У л у-т о ё н всех своих сыновей, всех лесных и степных птиц и зверей и говорит им:

"Кто из вас добудет для меня мираж и зыбь водяную, тот будет первым и самым любимым у меня!" Никто не взялся; тогда У л у-т о ё н опечалился. Увидевши это, ворон и волк, которые до сих пор были любимыми его детьми, решились попробовать счастья; первый выпросил для себя зоркость, второй — длинные ноги. Но несмотря на старания, ворон не поймал миража, а волк не мог удержать зыби, хотя и вылакал

1) У л у т у ё р У л у-т о ё н!.. Та б р и н у о л а!.. С у о р д а х т е л е м е й!.. М у с!.. Б э р г и й!.. (Алдан, 1884). Более точного перевода этой странной фразы я не мог подыскать. Телемей, теленей, теленг — пламя.

полморя! И вот с тех пор рыщут они без устали по земле, все как будто что-то отыскивают, что-то высматривают! А между тем К ю н ь-к ы с родила солнце..." (Колым. округ. Енҕжа, 1884 г.).

Ворон, однако, до сих пор остался любимым детищем У л у-т о ё н а: ругать его, дразнить и убивать без особой надобности никогда не следует.

"Раз вороны повадились навешать у промышленника-якута петли, луки и ловушки; все таскали, что ни попадало: глухарей, зайцев, уток, рябчиков, ничего не оставляли; маялся, маялся якут, наконец убил одного ворона и повесил на тропинке за ножку; увидели это другие вороны и полетели к У л у-т о ё н у жаловаться; тот сейчас позвал душу якута во сне на суд:

"Зачем ты убил моего сына?" — спросил бог у якута.

"Могущественный господин, я сам должен был пропадать: всю добычу уносили, ничего не оставляли!" — отвечал промышленник.

"Правда?" — спросил У л у-т о ё н птиц. Вороны молчали.

"Ты можешь уйти!" — сказал тогда У л у-т о ё н и отпустил якута" (Алдан. Баягантай, 1885 г.).

Ворон вместе с гагарой, кукушкой и чайкой играет видную роль в шаманских обрядах; разного рода хищные птицы, а из нехищных куро-патка и кулик считаются волшебными птицами, но самым большим почетом пользуется большой орел, т о ё н-к ы л (господин-тварь).

"Если снится орел, то это худой знак; орел — птица небесная, птица А и-т о ё н а" (Намск. ул., 1888 г.).

"Орла видеть даже нехорошо, а там, где он повадился летать, — не быть добру" (Намск. ул., 1889 г.).

На Алдане, когда к одному богатому якуту стали прилетать во двор два орла, он приказал убить скотину, вынести на двор стол, на столе поставить две серебряные рюмки с водкой, блюдечко с солью и тарелку с накрошенными кусками сырой печени, сердца, жира и лучших частей мяса, затем приказал людям удалиться, чтобы не пугать птиц; орлы будто бы выпили водку и поели мясо, что считается хорошим признаком, именно в этом доме будет водиться скот, особенно — конный (Баяган. ул., 1885 г.).

Орлы, по общему поверью, злопамятны, но подчас и благодарны; один шаман рассказывал мне, как орел, которого он, имея возможность убить, пощадил, подарил ему, выбросивши из себя с калом, волшебный, вызывающий непогоду, камень с а т а. Наоборот, один якут Намского улуса Атамайского наслега, убивший, как мне рассказывали, орла, сильно пострадал за то: его самого и его сестру "скорежило", с ними стали делаться припадки (м ä н р и е р), и через три года оба они умерли в страшных мучениях (Намск. ул., 1887 г.). Якутка Намского улуса ни за что не хотела есть утки, отнятой у орла: " Грех пользоваться чужими

трудами, ведь он тоже мучается, промышляет!" — оправдывалась она, но я полагаю, что в ней говорил страх.

"Если найдешь мертвого орла или кости его, то следует поднять их с земли и, устроивши на ветвях маленький а р а н г к а с (лабаз), положить его там, приговаривая: поднимись вверх, на родину, на эту землю не приходи! Твои медные кости я схоронил на лабазе. Твои серебряные кости я поднял!" (Алдан. Баягантай, 1885 г.). Вообще якуты считают нужным кости полезных или почитаемых ими животных подвешивать над землей; часто видишь в лесу воткнутую на кол или повешенную на ветви конскую, бычью или оленью голову, их позвонки, реже другие кости. Возможно, что обычай этот наравне со способом погребения в а р а н г к а с а х они переняли у тунгусов. Последние избегают бросать на землю вообще всякие кости животных, особенно диких, убитых ими на охоте. По дороге из Усть-Янска в Верхоянск, в глухом уголке, на берегу речушки, я нашел целый жертвенник из хвороста для погребения таких костей (рис. 165).

Иногда У л у-т о ё н, принявши на себя образ большого черного быка или черного жеребца, громадного медведя или лося, с ревом и шумом пробегает по земле (Намск. ул., 1887 г.).

Из всех этих зверей большой черный медведь, очень свирепый и кровожадный, произвел самое сильное впечатление на якутов. Они его считают "царем рощ и лесов" (о ю р т о ё н, т ы э т о ё н, т ы э т а л ы т о ё н) (Намск. ул., 1887 г.).

На севере о медведе остерегаются говорить худо, даже не следует упоминать громко его имени вслух; его имя "дед", э с е, но имя это не хорошее, и зверь за него сердится, ввиду этого его зовут к о к, или просто "черный", часто потихоньку зовут его "злым лесным духом", а то даже У л у-т о ё н о м. Когда на Алдане на толпу охотников, отправившихся убить медведя, свирепствовавшего в окрестности и уже растерзавшего одного промышленника, отыскиваемый ими зверь сам напал врасплох, то все сорок человек с криком "У л у-т о ё н!" повалились перед ним ниц на землю, и только три человека, опытные медвежьи охотники, присели под рогатинами и нацелились из винтовок, но и эти кричали: "У л у-т о ё н! У л у-т о ё н!.. Постой, не сердись!" (Алдан. Баягантай, 1886 г.). Существует масса легенд, преданий, рассказов, доказывающих необыкновенные, волшебные качества медведя. "Медведь — тот же черт, но самый опасный из них, это — хвостатый!" (Колым. окр., 1883 г.). "О медведе не говори худо, не хвастайся: он все слышит, хотя его близко и нет, все помнит и не прощает" (Колым. окр., 1882 г.). Нужно, однако, сознаться, что фигура этого лесного разбойника окружена некоторым ореолом великодушия и рыцарства: он не нападает на слабых, на женщин, на покорных. Достаточно, встретившись с ним, упасть на колени и прочесть

следующую молитву: "Князь лесов, подумай о лесах! Господин леса, подумай о рощах! Господин чащи, подумай о ней! Уйди туда! Мы тебя не трогаем, мы тебя не обижаем — отпусти нас", чтобы медведь не тронул умоляющих (Колым. окр., 1883 г.).

Рис. 165.
Тунгусский жертвенник.

"Раз один богатырь встретился с медведем, не имея оружия; много он раньше перебил их и знал, что они сердиты на него и непременно убьют его. Однако попробовал хитрость: стал стыдить своего врага: "И не стыдно тебе нападать на меня невзначай? Разве я тебя не будил в логовище, не предостерегал?! Отпусти меня сегодня, а я завтра приду на то же место, также безоружный, тогда поборемся!" Медведь согласился и отпустил ловца, а тот, придя домой, отыскал длинный ремень, а назавтра явился на место боя; обмотавши им туго-натуго кулак правой руки и предплечье по локоть, ударом кулака по голове он убил медведя" (Колым. окр., 1883 г.).

Общее поверье утверждает, что медведь не нападает на сонных, исключая тех, которые сами когда-либо убивали спящего медведя; поэтому когда якуты окружают медведя в берлоге и запрут его там, то, прежде чем нанести удар, они будят его, толкая палкой и крича: "Вставай! Войско пришло драться!" (Колым. окр., 1883 г.). Медведь не нападает также на женщин; достаточно женщине, встретившись с ним, обнажить грудь и

сказать: К и и т ы м! К и и т ы м! ¹⁾), чтобы пристыженный зверь убежал (Колым. окр., 1883 г.). В горах верхоянских я даже слышал целый рассказ о том, как медведь влюбился в женщину и похитил ее:

"Она была молода и очень красива; однажды, когда она пошла с подругами в лес за ягодами и, нагнувшись, собирала их, не заметила, как подруги удалились и она осталась одна. Шорох и треск сучьев сзади заставили ее обернуться: тут только она увидела, что никого нет и что в нескольких шагах от нее остановился громадный черный медведь и смотрит на нее; она испугалась до смерти, но, припомнивши рассказы стариков, быстро разорвала рубаху и, обнаживши грудь, проговорила: "Господин чащи, не тронь меня! Господин леса,пусти меня! Господин гор и падей, я тебя не трогаю, я на тебя не хожу войной —пусти меня! Уйди!" Медведь, однако, не послушался в этот раз заклинаний и стоял, не двигаясь с места; тогда якутка попробовала сама уйти от него, но он забежал вперед и лег на тропинку; когда она опять попробовала обойти его, он проделал то же; таким образом он заставил ее идти в определенном направлении до тех пор, пока они не забрались в самую глубь дремучего леса, где было логовище медведя. Бедняжка прожила со зверем три года; кормил он ее ягодами, кореньями и лучшей дичью: гусями, утками, зайцами и глухарями, но только *сырыми*. Зимой давал сосать лапу. Спала она вместе с ним в яме, выложенной ради нее дорогими мехами, а в зимние холода он, лежа на ней, грел ее собственным телом. Наконец несчастной удалось убежать, и она возвратилась к людям, нагая и разучившаяся говорить" (Верхоянск, 1881 г.).

"Медведь умен, как человек, даже умнее; он все может, все знает и понимает, и если не говорит, то только потому, что не хочет!" (Колым. окр., 1883 г.).

"Медведь вовсе не зверь, а колдун; ты бы посмотрел на медведя, когда с него снимут кожу: женщина, как есть женщина, грудь, ноги, все женское!" — говорил мне на Алдане старый якут-медвежатник. Еще раньше слышал я легенду о людях, превращенных в медведей:

"Некогда жил якут-промышленник, он был не богат, но ловец замечательный: всегда у него было всего вволю — и еды, и мехов. Жена его, заметивши, что он каждый раз возвращается с промысла чересчур скоро и приносит много добычи, стала подозревать, что находит он ее не в лесу, а получает от любовниц, и решила проследить мужа. Раз, когда он ушел на охоту, она крадучись последовала за ним; зайдя в глушь, она увидела, что муж ее перепрыгнул три раза через пень упавшего дерева и оборотился в большого мохнатого зверя; она последовала его примеру, оборо-

1) Одни из спрошенных говорили, что это значит "я невеста", другие — что это простое междометие, лишнее значения.

тилаась медведицей и пошла за ним. Они больше не возвращались домой; вот откуда произошли медведи!.." (Верхоянск, 1881 г.).

Замечателен один обряд, распространенный повсеместно среди якутов. Когда они убивают медведя, то все участвующие в охоте должны выпить чашку теплой крови зверя, съесть кусок сырой печени, сердца и жира и троекратно крикнуть, обратясь к небу: у х! — тогда только они безопасны от его мщения (Алдан. Баягантай, 1885 г.). Впрочем, на севере верят, что "кто много убил медведей, тот непременно от них погибнет" (Колым. окр., 1883 г.).

Про сохатого (лося) я знаю только одно предание, именно: "Раз три промышленника-тунгуса следом за сохатым зашли на небо, где долго бедствовали и голодали; один из них умер, а два других, вместе с собакой и сохатым, превратились в звезды, которые так и называются т а я х т а х с у л у с — "звезды с лосем" ¹⁾. Какое это созвездие, я не мог узнать: разные лица показывали разное; чаще всего указывали на Орион (Колым. окр., 1883 г.).

Иногда У л у-т о ё н является на земле не в виде описанных выше животных, а в образе туманного, странной наружности великана, дерева или утеса (Намск. ул., 1889 г.). Между прочим, я заметил, что иногда в сердцах людей зовут у л у к и с и, но это, кажется, нелестный эпитет.

Перехожу к другим богам и духам.

На юге, в углу б и л и р и к а, на небе проживает К а х т ы р-К а г х т а н-Б у р а й-т о ё н, мощный дух, уступающий в силе только У л у-т о ё н у; он принадлежит к тому же, как и последний, "великому роду" (б и р б и с ь а г а-у с а), а дьявольских родов всего считается девять ²⁾ (Намск. ул., 1888 г.). Жертвуют ему: лошадь бурую с белым лбом (к ю р е н г м а н г а с с ы л г ы); обыкновенно бьют и вешают к о ч а й.

Вместе с К а г х т а н-Б у р е е м проживает и много других духов, ему подвластных, портящих людям спину, делающих их горбатыми или кривыми; им жертвуют коней с черной спиной и темно-рыжими боками и брюхом, вешают в их честь к о ч а й. У л у-т о ё н и К а г х т а н-Б у р е й самолично являются на землю только в исключительных случаях ³⁾.

1) Т а я х — лось.

2) Список и распределение по б и с я м различных шаманских божеств будет приведен во втором томе этой книги в соответствующей главе. Здесь сообщу только, что этих б и с е й три: небесные духи с конным скотом (жертвуют им только лошадей); подземные духи с рогатым скотом (жертвуют им лошадей и рогатый скот); духи средней земли—простые ё р, и ч ч и и т.п.

3) Обращу внимание читателей на слово К а г х т а н в титуле божества, случается, говорят к а г а н. Уйгуры звали к а г а н а м и своих царей.

Ближе к земле, чем эти два могущественные духа, но тоже на юге, живет Ч а а д а й-Б о л л о х, которому жертвуют корову красную или красно-рыжую (к у г а с ы н а х-к ы с ы л с о л о н г д о); животное для жертвы не убивают, а отпускают его свободно в поле. Этот дух вредит преимущественно глазам¹⁾; его называют "глазным чертом".

Также на юге, "на девяти лесных буграх", живет Н е м и р и е, дочь князя. Это была некогда молодая женщина, якутка; она вышла замуж далеко от своего дома и жила, согласно старинному обычаю, долго еще после свадьбы у родителей; когда муж приехал за ней, у нее уже был ребенок. Увозил ее муж с почетом; свадебный поезд состоял из *девяти лошадей*; муж обращался с ней хорошо, но по дороге на *девятом лесном бугре*, когда остановились ночевать под открытым небом, молодая ночью, без всякой, по-видимому, причины, сошла с ума, убила своего ребенка, высосала его кровь и пожрала мясо, затем бросилась на спящих людей и стала рвать и кусать себя и других. Насилу ее уняли и привезли домой; там построили маленький, хорошо запиравшийся амбарчик, куда ее посадили и где она прожила много лет; после смерти она превратилась в небесного духа, который нападает на людей, особенно на женщин, сводит их с ума, превращает в истеричных, кликуш, бесноватых, "всех тех, которые кусают себя и других". Ей жертвуют "серую с черными пятнами на лопатках кобылу" (с у р д ж а г ы л с ы л г ы), которую шаман водит по "девяти лесным буграм", а затем отпускает на свободу. Вместе с Н е м и р и е там же, "на девяти буграх", живет восемь сестер, доводящих тоже людей до сумасшествия; я узнал имена только некоторых:

М э л ь я х с и н а и т э — некогда родовичка одного из западных улусов.

С ы м ы к а н у д а г а н — с колокольчиком и деревянным кувшином в руке. Обеим им жертвуют живую, рыжеватую с белыми на задних яблоках кобылу (с о х о-ч о г у р с ы л г ы).

Д о х с у н-д у я х — дух-женщина, очень сильный, сильнее упомянутых выше духов; жертвуют ей живую, рыжую с белой головой кобылу (а р а г а с м а г а с с ы л г ы).

К а д а н а х к ы с х а т ы н (х о т у н), жертвуют ей живую, "голубую", пятнистую кобылу (к ю ъ х-э л е м э с ы л г ы).

К ä л ь ä н ы о и о х о, К ы й д а н к ы с — это один из шаманских к ä л ь ä н ы она — девушка и производит преимущественно девичьи болезни: делает девушек истеричными, сводит их с ума, разжигает похоть

1) Глазные болезни чрезвычайно распространены в Якутской области.

и т.д. ¹⁾; для ее умилоствления шаман ставит во время чар на землю вниз дном бубен и льет в него топленое масло, сливки, бросает хаях, деньги и другие более или менее ценные вещи; впоследствии часть их он сжигает, часть же берет себе.

Недалеко от упомянутых выше девяти сестер, тоже на небе, там, где восходит зимой солнце, проживает их родственница, дух-женщина Д а л б э р-д ж о н о к; что ей жертвуют, я не узнал; но вообще все духи, живущие на южной стороне неба, очень могущественные; они охотно вредят людям; в жертву же предпочитают коня, половина морды которого белая, кончик красно-розовый, глаза тоже белые, а масть светло-желтая (у р а н и к т а х с ы р ы й д а х, х а с т а р х а й т у м у с т а х, ч а к ы р э с х а р а х т а х, т о с-к у г а с с ы л г ы).

Дальше, на западе, на небе проживает к н я з ь о ю н (князь шаман), некогда якут-шаман, *родственник* ²⁾ У л у-т о ё н а; ему жертвуют жеребца темно-серого (стальной масти) в белых пятнах, у которого морда от глаз до ноздрей белая (т о р о п ч и л а х т и м и р-э л е м э с а т ы р). Шаман этот был Намского улуса Бетюнского наслега, Ч а к ы-у с а (рода); это очень могущественный дух, он может посылать на людей всевозможные беды.

На севере проживает "госпожа с длинным посохом", К ё н ь т а я х т а х х о т у н, а с ней *девять* младших ее сестер. Она русская; сама, когда жила, хворала и умерла от сифилиса; она посылает на людей сифилис, золотуху, проказу и иные заразные болезни; жертвуют ей разный скот, преимущественно коров рыжих с голубыми пятнами и коней с красными пятнами, к ю ö х-э б и р и е н (э б и р д я х) ы н а х, к ы с ы л ч о г у р с ы л г ы; кроме того, дарят ей пряники, водку, серебро, деньги, меха, одежду, шелковые платки и т.д. Далеко на севере, не доходя до моря, есть на берегу Лены гора "со столбами", там виднеется каменный дом с каменной утварью; в этом доме живет и хозяйничает каменная женщина в русском одеянии — это она "госпожа с длинным посохом" ³⁾.

Там, куда направлен "северный угол билирика", внизу под землей, живет "сын сатаны, подземный старик с командой помощников и колдунов", С а т а н а у о л а, а л л а р а о г о н и о р х а м а р д а т а х (к о м а н д а л а х) э т ю г я д а о ю н а; ему жертвуют шестилетнего бычка с черными и красными полосами, с белой лысиной и белыми гла-

1) По общему мнению, женщины легче, чем мужчины, делаются при жизни м ä н р и е р, а после смерти ё р; сумасшедшие женщины тоже встречаются среди якутов чаще, чем сумасшедшие мужчины.

2) Сказано было у р у, но нужно думать, что скорее: *родович, сородич*.

3) См. с. 16.

зами (т у с а к т а л а х, ю р ю н г х а р а х т а х к ю р д ж ю г е с). Вместе с "подземным стариком" живет С о р - х а р а Д ж е н г (черный ворон Д ж е н г), который ходит с бубном по богатым якутам и барабанит, от этого в доме все хворают, преимущественно головной болью.

На востоке живет "госпожа с белым жеребенком" К ё р ё у б а х а л а х х о т у н, некогда якутка Баягантайского улуса, родственница "девяти проживающих на юге сестер"; ей жертвуют белого жеребенка, иногда живого, а иногда убитого; в последнем случае ставят на середину избы стол "на четырех ножках с четырьмя углами"; на нем размещают посуду с водкой, солью и кусками вареного мяса, печени, сердца, жиру, кладут вареную голову жертвы и все это спустя некоторое время сжигают. Дух этот вызывает головные боли, боли внутренностей, костей и т.п.

На севере, под землей, живет также "старик Д а м п а й - Б р а д а й с белым быком", Ю р ю н г о г у с т а х о г о н и о р, Д а м п а й - Б р а д а й о г о н и о р, некогда якутский шаман племени Б о л о г у р¹⁾, живущего на севере. Этот старик был беден, стар и жил, собираясь по миру; у него было много, кажется семеро, детей и один белый бык, на котором он возил их, развезжая *по соседям*, и т ы м н и. Случилось, что быка у него украли и таким образом лишили возможности передвигаться вместе с детьми; детишки стали у него с голоду болеть и плакать и до того довели старика, что он выкопал яму, посадил в нее детей, развел над ними огонь, и, когда дети стали задыхаться и умирать, сам он ударил в бубен и, ходя кругом костра, начал шаманить и жаловаться на людей. У л у - т о ё н присудил ему за обиду брать с людей за каждый волосок быка — по ребенку; и вот старик, превратившись в ё р, стал с тех пор ходить по людям, портить и убивать их детей; его не мог одолеть ни один шаман, но теперь он, получив всех присужденных ему детей, сделался вследствие дряхлости и старости безвреден, и когда он теперь приходит к кому-либо, ему не дают совсем того, что он требует, а просто выталкивают вон, в шею" (Намский ул., 1887 г.). Характерно для якутского шаманского пантеона, что большая часть его второстепенных духов — это *шаманы* или люди чем-либо обиженные, вообще пострадавшие на земле. К титулам их всегда добавляют *родовое имя*, что опять указывает на связь шаманского якутского культа с их *родовым* строем и их *родовой* историей²⁾.

1) Бологурский наслег Батурусского улуса.

2) В Зап. Кангаласком улусе мне даже показывали крошечный, совершенно круглый островочек среди маленького озера, на котором будто бы стояла некогда юрта Д а м п а й - Б р а д а я; это было не в Бологурском наслеге, а в О к т е м с к о м.

Среди массы рассказов о второстепенных богах, покровителях, духах, господах, хозяевах, волшебных карликах, звездах, камнях, горах¹⁾, таинственных урочищах, населенных великанами, или местах, где обитают злые, волосатые и хвостатые людоеды, о разных странных происшествиях, необыкновенных, необъяснимых явлениях я выберу и приведу

только некоторые, более распространенные и тщательно проверенные.

"Дух огня", у о т и ч ч и т е, — это седобородый, б ы р д ж е б ы т ы к, говорливый, неугомонный, вечно прыгающий старикашка; что он шипит и лепечет неустанно, понимают немногие: понимает шаман, понимает маленький ребенок, ухо которого не научилось еще различать человеческую речь (Колым. ул., 1883 г.). Огонь же сам отлично понимает, что говорят и делают кругом, потому опасно оскорблять огонь, ругать его, плевать на него или мочиться; не следует также бросать в огонь подстилок с обуви, так

Рис. 166. Грот Сургуева в камня.

как будет болеть голова (Верхоянск, 1881 г.). Грешно толкать огонь железным острием, а ожик, которым поправляют огонь, нужно жечь каждую неделю, иначе будет в доме несчастье (Зап. Канг. ул., 1890 г.). Хорошая хозяйка всегда заботится, чтобы огонь был ею доволен, и бросает ему по кусочку всего, что с его помощью приготовляет. Огонь бывает различный: бывает "огонь священный", а и у о т; это тот, который высекают над павшим в обморок шаманом. Бывает огонь — создание У л у - т о ё н а, У л у - т о ё н у о т т ö р д ö о н г о р у л а х, огонь полезный, огонь обыденного обихода; ему приносят в жертву "белого жеребца". Бывает, наконец, огонь ужасный, все истребляющий, "порождение подземного старика" (а л л а р а о г о н и о р о н г о р у л а х у о т и ч -

1) Я знаю много примеров гор, утесов, местностей, считающихся священными. Гмелин упоминает о горе, в которой находится грот и которая, очевидно, издавна была особенно чтима. Он называет ее "Каменноугольной горой" на Лене (Reise, В. II., p. 490). Это С у р г у е в к а м е н ь (с. 16). Мне говорили, что якуты отдают Сургуевой скале (с у р г у й т а с) божеские почести и приписывают ей власть вызывать бурные ветры, особенно вредные охотникам. В 1887 году я осматривал в той же Сургуевой горе грот (см. рис. 166), о котором рассказывали предание, что это не грот, а *преддверие*, которое захлопнулось за "святым стариком", ушедшим жить в гору. Перед гротом я нашел следы жертвоприношений, пучки конского волоса, берестяные телячьи намордники и пр.

ч и т е), которому приносят в жертву "красного, как кровь, с темной спиной и белой мордой жеребца" (к ы с ы л-к а н т у р о г а с, у р а н и к т а х с ы р ы й а т ы р). Никто не знает, какой у него горит в камине огонь, поэтому хорошо его по временам задабривать мелкими подачками; огонь преимущественно любит жир, масло, сливки, ими-то и брызжут всего чаще на него. Существует у якутов целое сказание о том, как огонь появился на земле; сказания этого я не успел разыскать. Мне рассказывали на севере о народе, будто бы живущем на островах Ледовитого океана и не знающем огня (Верхоянский округ, 1882 г.).

Огонь является также часто как покровитель и символ семьи и рода; за полосу света, падающую с домашнего очага, не смеет перейти на женскую половину парень, сватающий невесту. Избегает делать это, считая неприличным, также всякий посторонний семье человек. Жених, покуда не уплатил полностью калыма, не имеет права даже зажечь трубки у очага своей нареченной, а жена, привезенная в дом мужа, приобщаясь к его семье, должна прежде всего обойти сзади огонь и бросить в него масла или жиру, поставить три лучинки и подуть (Колым. ул., 1883 г.). Женщины вообще должны по возможности не переходить полосу света впереди камина; их дорога — позади него (Верхоянск, 1882 г.). В южных частях Якутской области культ огня с каждым годом все более падает и забывается, но на севере он еще в большой силе.

Кроме упомянутых огней, есть еще огни "дикие, полевые, блуждающие"; если они зажжены "развеселившимся духом места", то это огни хорошие. Но если они "порождение дьявола", то встретиться с ними — плохой знак (Намск. ул., 1889 г.). Есть тоже "огни небесные": гром, молния, символы А и-т о ё н а (э т и н г, а н д а й д ы а р ч и т э, А и-т о ё н а р э ч и т э); в последнее время, однако, стало распространяться мнение, что гром и молния не "порождение А и-т о ё н а", а делается "Ильей-богатырем, который потерялся" (?) (Намск. ул., 1887 г.).

Перехожу к другим поверьям.

Тень, отбрасываемая предметами, считается чем-то особым, существенной и неотъемлемой частью предмета; она имеет некоторую, не совсем ясную для меня связь с душой предмета, а также с "огнем, как духом"; в заклинаниях часто встречаются фразы вроде: "тень огня", "огненная тень", "тень духа!" и т.п. "Брось все твои болезни в тень огня", — взывал в одном из обрядов шаман (Колым. окр., 1883 г.). Можно потерять тень, и тогда человеку грозит несчастье. "У человека есть *три тени*; потерять две первые можно, хотя такой человек будет всегда неловок, болезнен и вял; потерять же все три — значит погибнуть" (Намск. ул., 1886 г.). "Раз, когда шаман во время шаманства вдруг пронзительно закричал гагарой, — рассказывал мне колымский казак, — я вздрогнул; вдруг вижу — шаман бросил свой бубен и проворно полез

под скамью, на которой я сидел, вскоре он оттуда вылез, сжимая что-то в горсти, что сильно пищало; пробормотавши про себя, он бросил мне его в лицо; я оробел, но шаман успокоил меня, объяснивши, что это моя *тень*, которая испугалась и убежала было, но он ее успел схватить и теперь все обстоит благополучно" (Колым. ул., 1883 г.). Якуты запрещают ребятишкам играть с собственной тенью (Намск. ул., 1888 г.).

Душой (и ч ч и т е), как и тенью, может обладать всякий предмет ¹⁾; предметы, носящие на себе следы человеческой деятельности, всегда "с душой" (и ч ч и л я х); душой обладают также утесы, горы, речки, леса. Ветер тоже дух, он "спит в горах"; его не трудно вызвать оттуда свистом (Верхоян. ул., 1880 г.). Вихри, поднимающие столбы крутящейся пыли (с а л г ы р), происходят от дьявольской пляски (Намск. ул., 1888 г.).

Есть духи дерева, сена, цветов и т.д.; звезды тоже обладают душой, хотя не все; тут мнения разделяются: одни утверждают, что "звезды не что иное, как отблеск озер на небе", другие полагают, что "это отверстия-отдушины в небесном своде, сквозь которые проникает к нам небесный свет"; Млечный Путь, по мнению одних, "просто шов неба" (х а л л а н с и с ь) (Колым. ул., 1883 г.), а по рассказам других, "это следы ступней Бога, оставленные им на небе, когда он ходил там, созидавая мир" (Намск. ул., 1887 г.).

Небесные светила вообще влияют на судьбы людей, на перемену погоды, предвещают будущее. Свадьбы следует играть только с рождением *нового месяца*. Я в Колымском улусе встретил целый свадебный поезд, приехавший из-за нескольких сот верст и дожидавшийся в продолжение девяти дней в нескольких верстах расстояния от дома невесты рождения *нового месяца*; иначе родители молодой не пускали их к себе (Колым. окр., 1883 г.). Когда человек умрет, некоторые работы тоже нельзя исполнять до рождения *нового месяца*, например: нельзя ловить рыбу в соседнем озере, кузнец не станет ковать в том доме, где был покойник, и т.п.

1) Подобно тому как "три тени", есть у человека *три души*. Как называется первая, не знаю, такой душой обладает всякий предмет; вторая зовется ё р или с ю р, ею обладают только живые существа как прибавкой к первой; третья душа — к у т а. К у т а есть у человека, у рогатого и конного скота. У них есть и две первые. Жизнь определяется словом т ы н — дыхание, живой — т ы н н а х. Записал я также в Намском улусе поверье о человеческой смерти: "Один великий шаман поймал смерть и, заперев в нескольких включенных друг в друга железных ящиках, закопал в погребе. Люди перестали умирать и до того размножились, до того состарились и надоела им жизнь, что стали просить У л у т о ё н а освободить смерть" (1888 г.). Смотри у Абуль-Гази толкование слова к у т (В.В. Р а д л о в. "К вопросу об Уйгурах", с. 55).

"Месяц сам обладает "душой" и человеческими качествами; он похитил девушку-сироту, которую мучила мачеха, посылая по воду зимой босиком; эта девушка стоит и теперь на луне с коромыслом и ведрами на плечах, а около нее растут тальники, вместе с которыми она была похищена; ее прекрасно видно в полнолуние, и называется она "сиротой, душой луны" (т у л а я х, ы й и ч ч и т е); по мере того как растет сирота, растет и месяц" (Намск. ул., 1887 г.).

"Во время ущерба луна входит в дом, где она живет с сиротой; во время полнолуния она выходит вместе с сиротой по воду" (Колым. ул., 1884 г.).

"Луну едят волки и медведи за то, что она похитила девушку; каждый месяц она нарастает, и каждый месяц ее опять пожирают звери" (Верхоянск, 1880 г.). "На новолуние всегда жди перемены погоды" (Намск. ул., 1887 г.).

Таковыми антропоморфными качествами и способностью влиять на состояние погоды обладают и другие светила и звезды. Якуты не знают различия между планетами и кометами; все перемещающиеся на небе свое местоположение светила они называют ч о л б о н, исключение составляют только падающие звезды и аэролиты, называемые с ы н д ы с у о т а.

Прозвище ч о л б о н, хотя и употребляется иногда как нарицательное, приурочивается, однако, главным образом планете Венере; о ней говорят, что она "дочь дьявола и некогда была с хвостом"; приближение ее грозило гибелью земле, вызывая бури, метели и морозы среди лета, но благочинный Леонтий благословил ее, и хвост у нее отвалился" (Намск. ул., 1877 г.).

"Ч о л б о н бывает много (Алдан. Баяг., 1885 г.). Ч о л б о н, дочь дьявола, девка замечательной красоты, свет ее, ты видишь, мерцает вон там! — говорили мне алданские якуты, указывая на Венеру, — это блеск ее глаз; она невеста и любовница Чертова сына, Ю р г е л ь (Плеяды); когда эти две звезды стремятся друг другу — не быть добру; их любовные содрогания, их порывистое дыхание производят сильное замешательство: бури, метели, ветры; когда они сольются, снег на сажень выпадет среди лета и на земле погибнет все живое: люди, скот, деревья..."

Такое же "замешательство" в природе производит волшебный камень с а т а. Камень этот чаще всего находят там, где ударил гром. "С а т а ищи под деревом, в которое ударил гром, — советовал мне шаман-приятель, — только иди рано поутру: с а т а умирает от солнечного света!.." (Намск. ул., 1887 г.). С а т а зарождается также сам собой во внутренностях лошади, быка, медведя, волка, собаки, утки, гуся, орла и т.д. Самый сильный с а т а — волчий: он производит засуху и стремительные ветры (к у р а н с а т а); обыкновенно с а т а производит ветры, холод, застав-

лает падать среди лета снег и т.п. С а т а похож на человеческую голову, только небольшой величины; на нем можно отличить нос, рот, глаза, уши; он обладает душой и способен умирать, то есть лишаться волшебных свойств. Если его коснется *женщина*, если его увидит посторонний глаз, если его держать нагим, не закрытым, он умирает. Если его бросить в кипяток, он долго с жужжанием будет бегать и кружиться по дну посуды, пока не успокоится и не умрет. Умерший с а т а превращается в обыкновенный камень, но живой с а т а достаточно поднять к небу на ладони, и сейчас же с той стороны подует холодный ветер. Если обладающий с а т а отправляется в дальнюю дорогу, то он подвязывает его под гривой или хвостом лошади, отчего последняя не потеет: ей постоянно прохладно, ветерок, постоянно обдувая ее, сгоняет прочь комаров и оводов. Чтобы побудить с а т а проявить свои качества, нужно его *отхлестать*; употребляется также заклинание: "Пусть дитя мое не останется живым!.. Пусть скот мой не останется живым!.. Пусть жена моя не останется живой!.. Я не знаю греха, я знаю тебя!.." С а т а нельзя держать дома, а нужно отыскать душистое дерево и, обернувши камень шерстью того животного, которое его породило, положить осторожно в дупло и закрыть (Намск. ул., 1888 г.)¹).

Т ю с ь п ю т рассказал мне, каким образом он раз добыл с а т а в свежем помете орла:

"Это был маленький камешек, совсем похожий на человеческую голову; когда я заподозрил, что это с а т а, и пожелал его испробовать, то повернул его к солнцу спиной и высек; в первый раз я ударил его только один раз — и целый следующий день дул ветер; в другой раз я ударил его два раза — и ветер дул два дня; в третий раз я ударил его три раза — ветер дул три дня; тогда я пожелал его испробовать окончательно и бросил в кипяток... Я был глуп, не верил, а с а т а побегал, побегал да и умер!.." (Намск. ул., 1887 г.).

К тому же разряду остатков самого первобытного фетишизма принадлежит поверие о к и с и к у т а, человеческой душе, маленьком, черном угольке или камешке, который шаман находит иногда в избе "с левой стороны, под землей" и который, положенный на ладони шамана, шевелится. Когда шаман найдет это к и с и к у т а, то он не может встать с земли и четыре человека должны поднимать его, до того он тяжел (Алдан. Баягантай, 1885 г.).

Возвращусь опять к душам и чертям. Замечательно, что у якутов нет существа, олицетворяющего лес вообще; у них всякая рощица, лесок,

1) О с а т а упоминает Гмелин (Reise, В. II, р. 510). Считаю нужным отметить, что в китайской летописи Сун, в отчете посланника Ван Еньтэ говорится о "камне я д а, который умеют обрабатывать уйгуры". В.В. Радлов, *ibid.* стр. 110.

даже деревце может обладать и ч ч и т е (душой, хозяином); но "лешего", как его представляет славянская мифология, у них нет; то же самое и "водяной", с ю л ь л ю к ю н, фигура очень подозрительного, славянского, по моему мнению, происхождения. Вот что я узнал о якутском водяном:

"С ю л ь л ю к ю н живет в воде; на землю он является в виде человека, иногда — мужчины, чаще — женщины; видеть его можно только в промежутке между Новым годом и Крещением, когда он, опасаясь креста, который будет скоро (на Крещение) погружен в воду, покидает родные глубины (т ö р ю т ю ö с ь); ночью он кочует по дорогам, перевоза на быке с места на место своих детей, которых у него очень много: всякий утопленник делается членом его семьи. Кочуя, он производит различный шум, по которому можно угадать будущее; ради этого люди ходят ночью в поле и садятся где-нибудь около проруби, или на перекрестке дорог, или около пустых юрт; предварительно, однако, очерчивают вокруг себя круг концом ё т у р а к а (палка, которой поправляют огонь) и, усевшись плотно друг около друга, накрывают головы одеялом. Кто услышит, что ходит поблизости него или ревет корова, тот будет богат; если над его головой летает и щебечет птичка, значит, будет у него много детей; если лает собака — быть свадьбе; если услышит стук по дереву или доске — значит, кто-нибудь умрет: или сам слышавший, или из его семьи; если услышит крик а л ь л я р х а й — быть беде. Иногда никто ничего не слышит, иногда слышит только одно лицо из слушающих; иной раз С ю л ь л ю к ю н подойдет к слушающим и постучает их своей клюкой по голове, зевнет и спросит: "Кто такие?" — и, не дожидаясь ответа, уйдет. Слушать всегда следует попарно, а то С ю л ь л ю к ю н, сосчитавши и увидевши, что число слушателей нечетное, лишнего человека заберет. С ю л ь л ю к ю н а встретить или увидеть не трудно: он не особенно прячется. Если хотят, чтобы он не шлялся близко от дома, то на всех дорогах ставят маленькие деревянные кресты. Последняя черта тоже замечательна: исключая С ю л ь л ю к ю н а, нет ни одного черта, привидения, злого духа, от которого якуты защищались бы крестом; ради этого (обыкновенно) они предпочитают употреблять заклинания, звон железа, крики и шум" ¹⁾.

Кроме описанного выше гадания у проруби употребляются якутами на Новый год и Крещение и многие другие гадания, по преимуществу русского происхождения: льют воск, свинец, ворожат на зерновом хлебе, картах и т.п. В Намском улусе я видел очень оригинальную ворожбу с по-

1) Русские Иркутской губернии водяного называют Ш ю л ю к ю н. Это слово, кажется, бурятское.

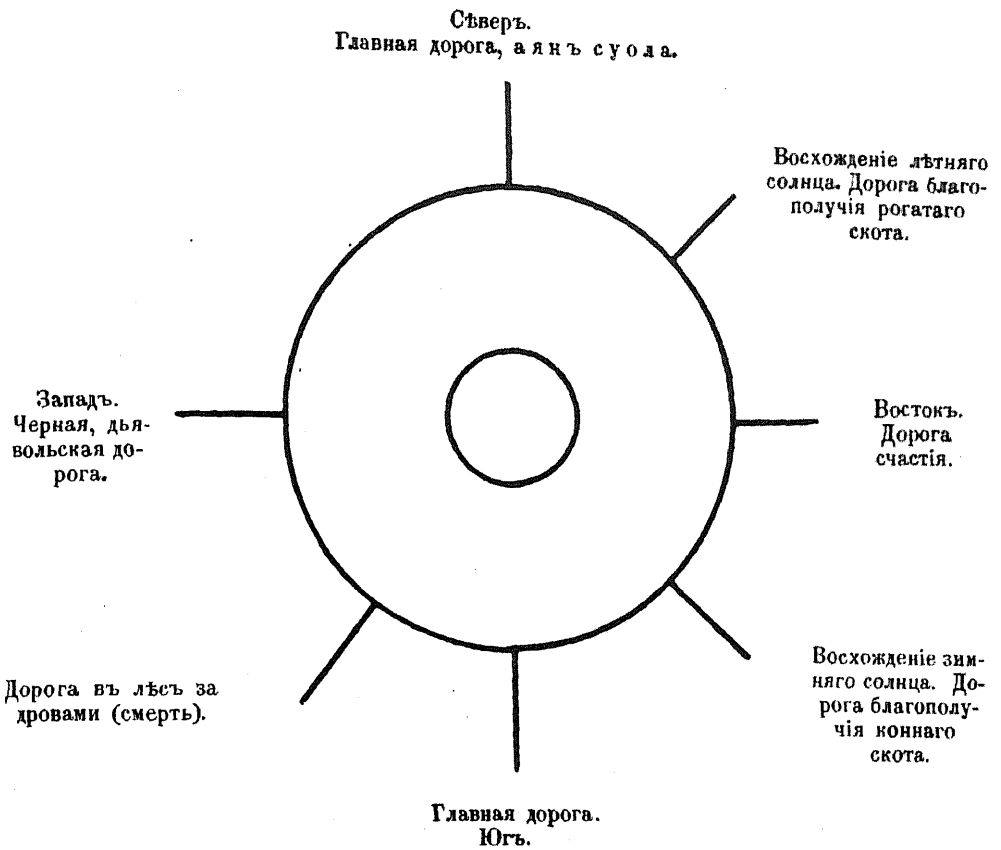

Рис. 167. Ворожба шилом.

мощью *шила*. Для этого на столе чертят углем два concentрических круга, один маленький, другой большой. Маленький зовется солнце, к ю н, большой — дом, д ж е. Затем проводят линии, соответствующие частям света (см. рис. 167), садятся над рисунком, подперев голову руками, локти упирают на стол с обеих сторон, на малые пальцы рук, которые прижаты ко лбу, подвешивают на длинной нитке шило и читают заклинание: "С ю л ь л ю к ю н, дух открытой земли, дух воды... (пропускаю фразу, которую затрудняюсь перевести). Иголка-иголка, колдунья, шило-шило, колдун, пусть мое сказанное слово сделает тебя с душой! Ч а х ч и-б а ч и! Истинно! Ни о ком не думаю, о Боге не думаю, тебя вопрошая! Истинно тебя вопрошаю, о тебе думаю..." — в конце прибавляется имя того, чью судьбу желают узнать. После более или менее продолжительного сидения неподвижно в одном положении подвешенное на пальцах шило начинает дрожать и колыхаться, круги, описываемые его концом, увеличиваются, превращаются в эллипс, наконец, оно начинает двигаться как маятник, по одной линии; если линия эта совпадает с одной из дорог, то, значит, лицу этому предстоит то, что там

написано: счастье, несчастье, богатство, смерть. Не у всех шило движется; некоторым приходилось для этого сидеть очень долго; но раз у кого движается, то даже направление его, я заметил, меняется сообразно задаваемым вопросам¹). Ворожить, узнавать будущее якуты вообще очень любят; для этого у них масса примет и способов. Самый обычный способ: ворожить по падению ложки; шаман ворожит по падению колотушки бубна; девушки охотно ворожат по падению угля, для чего расщепляют палку, в расщепы вставляют лучинку и поджигают ее посередине: куда полетит уголь, выброшенный давлением расщеп, оттуда придет ожидаемый человек, исполнится или не исполнится желание. Это очень популярная ворожба (см. рис. 145).

Закончу этот краткий обзор якутских верований описанием культа, отличающегося от всех приведенных выше мрачных поверий своим светлым, жизнерадостным характером. Сущность этого культа состоит в поклонении плодородию, обилию, богатству и вообще всему, что способствует поддержанию и народжению жизни. Все боги, опекуны и дарители этих благ, живут на *востоке*. Жрецов их называют "белыми или светлыми шаманами" (ю р ю н г а и о ю н а); называли их некогда "летними" (с а и н г ы), потому что празднества (ы с ы а х и) в честь этих божеств производят главным образом *летом*.

Этим светлым богам поют гимны, а й х а л, и кричат у р у й, как и А и-т о ё н у. Выше всех, на пятом небе, проживает Н а р е й-х о т у н и Н о х с о л-т о ё н, духи могучие, богатые и щедрые, хранители домашнего скота; особенно любят они животных темной и пестрой масти, поэтому у кого в стадах преобладают животные упомянутого цвета, те будут богаты, и скот у них будет водиться в изобилии.

Недалеко от Н а р е й-х о т у н и Н о х с о л-т о ё н а живет бедняк Б о ч е р а.

С тремя мордами и сетями... Ю с ь т у л а х, и л и м н а х,

С тремя белыми коровами... Ю с ь ю р ю н г ы н а х т а х,

С тремя рыжими коровами... Ю с ь к у г а с ы н а х т а х,

покровитель бедных полупастушеских, полурыбацких хозяйств; его скот рыжей и белой масти.

Там же на востоке, но только большей частью на земле в лесах, проживает тунгусообразный, но бородатый, обросший седыми или рыжими, иногда черными волосами бог охотников Б а й Б а и н а й (Б о г а ч Б а и н а й); он очень богат, особенно мехами. Когда охотники хворают или не везет им на охоте, они жертвуют ему черного бычка, лучшие внутренности которого вместе с головой и отборными кусками

1) Ворожба эта имеет некоторое сходство с тибетской ворожкой п у р в у.

мяса варят и ставят ему посередине избы на столе; затем шаман их сжигает¹⁾). Баинаю, как только река вскрыется, ставят рыбаки на берегу, тут же у воды, две палки с натянутой между ними волосяной веревкой, с кусками цветного тряпья и пучками конских волос; в реку бросают тогда масло, оладьи и т.п. Подарки эти Баинай разделяет со своим приятелем: бедным, но беззаботным, веселым и смешливым богом рыбаков — Укуланом (Намск. ул., 1889 г.).

Центральной фигурой описываемого культа следует, однако, считать Аисыт, существо женского пола, символ плодородия, по преимуществу. Она живет ближе к земле, чем Аитоён и Улутоён, но она существо от них независимое, богиня могучая, "госпожа сама по себе".

Она тоже, как и другие божества изобилия, проживает на востоке: там, где солнце всходит летом, — Аисыт человека; там, где солнце всходит зимой, — Аисыт конного скота, и под землей — Аисыт рогатого скота.

Когда Аисыт снисходит на землю, место ее над кроватью хозяев. В Колымском округе я видел маленькие, сделанные из цветных тряпок фигурки Аисыт, которые девушки клали над своими кроватями на балке, желая вымолить плодородие.

Аисыт просят о детях, конечно главным образом о сыновьях. В тот день, когда должен прийти шаман и умолить Аисыт, дом чисто подметают и с утра уже все приводят в порядок, всех кормят и поят особенно сытно, даже животных, чтобы все встретили богиню радостно и весело; шаман для обряда выбирает среди сошедших соседей *девять* непорочных девушек и *девять* не познавших еще любви парней; юношей он ставит в ряд близко один от другого (на р-на р) по правую руку, а девушек — по левую; затем сам идет впереди с бубном, играет, поет и танцует, а его свита, схватившись за руки, переступает в такт на месте и подхватывает хором, сообразно словам песни: "Ай х а л!.. Ай х а л!.. У р у й!.. У р у й!.." Шаман во время обряда поминает и чествует всех родственных Аисыт богов, не пропуская в заклинаниях ни одного, так же старательно, как делает это со злыми и вредными духами, когда совершает обряд в честь Улутоёна. Танцую и играя, он приходит таким образом на небо, но туда *худых, злых* шаманов не пускают; "слути Аисыт, девки и парни, гонят их прочь серебряными бичами". Осмеливаются шаманить только "белые летние шаманы". На небо не попадают также те из свиты, которые потеряли уже *девственность*, они остаются на разных олохах (Намск. ул., 1889 г.).

1) Иногда во время жертвоприношения делают маленькую деревянную фигурку Баиная, которую одевают в заячьи шкурки; эту фигурку мажут кровью убитой скотины.

В песнопениях ¹⁾ А и с ы т величают "широко рассевшейся госпо- жой" (д е л ь б е г е й о л о х т о х х о т у н), "на груди которой с а н г ы я х из меха полосатого соболя (к и р г и л я х к и с ь) широко распахнут (д е л ь б е г е й д а н), край шапки сзади отвернут вверх (с е г и е), волчьи наколенники опущены с лядвей и восемь завязок у обуви размотано (а й г ы р а т а н)". Ее просят о "смехе-веселье" (к ю л ю м-а л а я н к у л у), о том, чтобы новорожденный (н и р е й) был жив и чтобы младенец стал впоследствии "таким, который сам сидит (н и р е й т т э н б а л ь ч и р и б а р г а р т а н), и счастливо рос..." и т.д. (Колым. ул., 1883 г.).

У богатых якутов в старину существовал обычай, что во время беременности женщины посвящали А и с ы т какую-либо скотину; скотину эту убивали во время родов, то есть тогда именно, когда А и с ы т "с сонмом девушек и парней, духов травы, земли, деревьев" являлась самолично у изголовья родильницы; если ребенок или родильница должны были умереть, то А и с ы т не являлась, а вместо нее приходил *черт*. Голову, сердце, печень, селезенку и брюшину скотины, пожертвованной А и с ы т, ставили вареными на стол для божественных гостей, а мясом угощали домашних, соседей, посещающих родильницу, повивальную бабку и саму родильницу. Во время родов бабка, принявши ребенка, сейчас же шла к огню и, брызгая на последний обильно масло, говорила: "Благодарим тебя, А и с ы т, за то, что дала, и просим того же в будущем".

Три дня А и с ы т гостит в доме родильницы, и все это время последняя должна лежать там, где родила, на полу, на соломе; на третий только день ее поднимают, она умывается и идет на кровать; в это время мужчин не должно быть в избе, а у огня собираются одни женщины и, усевшись в кружок, в шапках на головах, едят топленое масло, льют его на огонь и себе на руки, затем, умывая им себе лицо, хохочут: и х х э х х э! и х х э х х э! и х х э х х э! — до трех раз. Масло для этой церемонии припасается заранее, обыкновенно три большие чашки: одна предназначается для А и с ы т, другая — для бабки, а третья — на угощение посетителей и родильницы.

Наконец все обряды исполнены, остатки мяса съедены и сожжены, гости расходятся. Солому с последом и остатками родов, все это время остававшимися неубранными дома, бабка уносит на двор и где-нибудь кладет высоко на дереве. А и с ы т уходит. Она исполнила свое дело, по-

1) К сожалению, я добыл их только небольшой отрывок. Не нужно смешивать А и с ы т с И е х с и т, последняя считается духом-хранителем и есть у всякого человека. А и с ы т можно переводить: создательница, от а и — творить, И е х с и т — мать-хранительница, от и е и с ы т — материнствующая.

лучивши из рук своего отца Д ж е с е г е й А и т ö р д ö у о р д а х т о ё н а душу человека, она передала ее на этот средний мир (о р т о д а й д ы). Судьбы новорожденного в книгу А и-т о ё н а занесли уже небесные писари, которых называют "девушка и парень, духи травы, дерева и земли" (у о л к ы с с у р у к с у т, о т-м а с и ч ч и т е, с и р и т ч и т е), и будет он жить, повинувшись этим свыше предначертанным обстоятельствам. "Но душа его жила раньше в надзвездном мире, придя на средний мир, будет она вспоминать свое прежнее житье и вечно тосковать..." (Колым. ул., 1883 г.). Так якуты объясняют стремление человека к совершенству и тоску по идеалу.

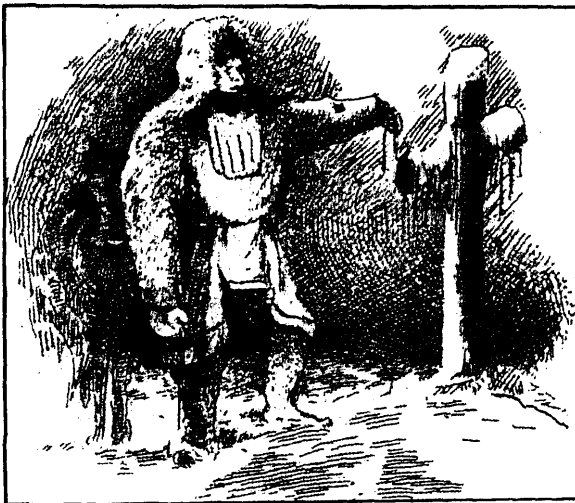
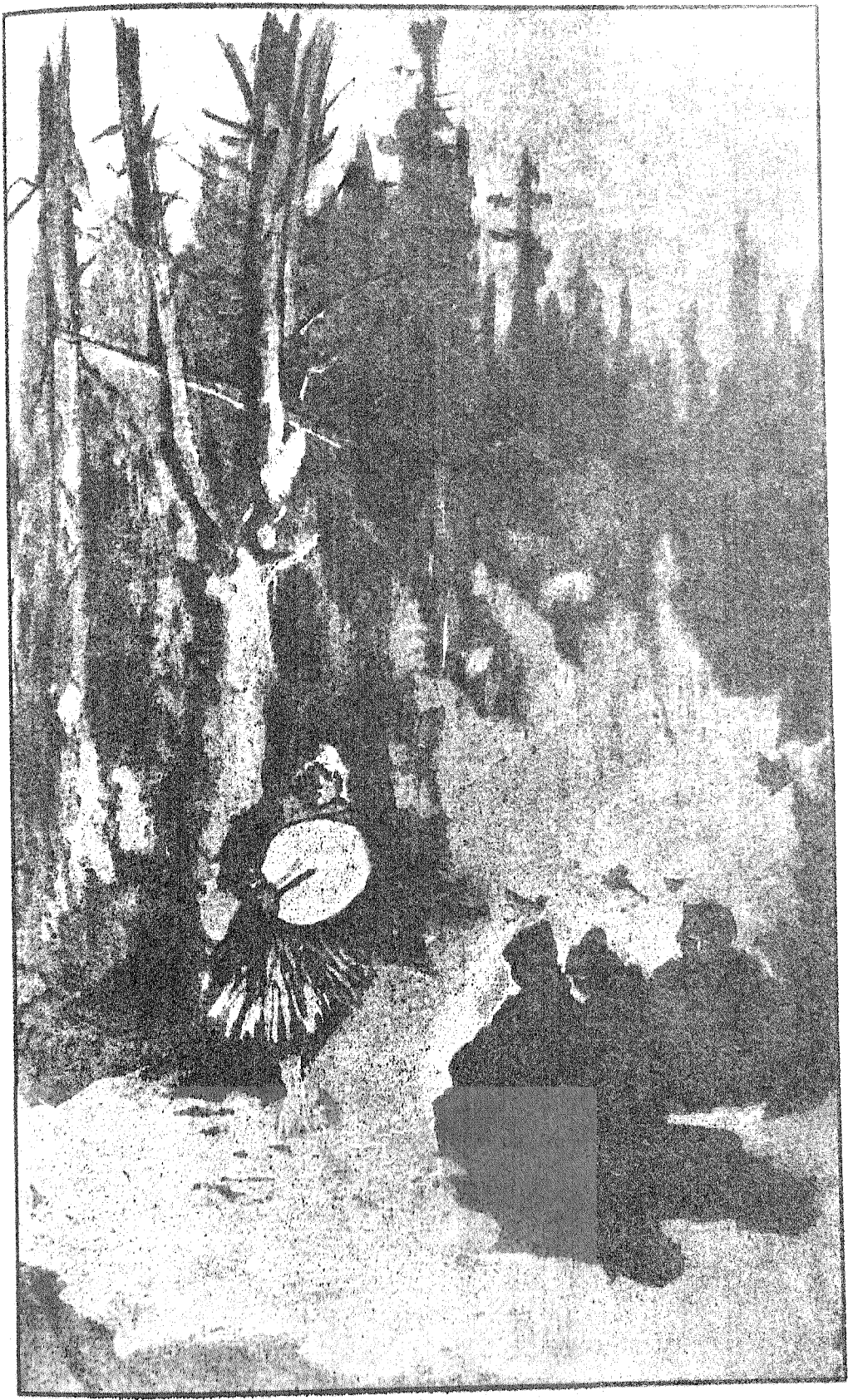

Рис. 168. Жертва духу места. (Алазейский перевал).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Название наслегов и родов	Число душ ¹⁾				Число строений		
	Иностранцев		Ссылных разных категорий		Юрт	Домов	Церквей и часовен
	м.	ж.	м.	ж.			
Наслеги Олекминского округа и улуса							
1-й Нерюктейский							
<i>Роды:</i>							
Орто-Ого-Усовский	234	268	10	6	56	19	2
Юрях-Тордо	194	131	8	3	38	26	—
Тас-Ана	164	99	6	3	52	20	—
Черендей-Уса	53	70	4	1	21	6	—
Мундугдинский	54	85	6	3	20	6	—
Патомский	44	43	5	2	8	5	—
Оргожейский	20	15	3		7	4	—
Итого	763	711	42	18	202	86	2
2-й Нерюктейский							
<i>Роды:</i>							
Князь-Усовский	303	267	6	2	32	26	—
Бесь-Усовский	244	188	6	2	31	20	—
Хоминский	102	99	5	2	28	16	—
Черендейский	17	20	4	2	10	8	—
Инняхский	15	14	4	2	9	6	—
Кототский	13	15	4	2	10	6	—
Андылахский	13	13	4	2	10	9	—
Итого	707	616	33	14	130	93	—
1-й Меитский							
<i>Роды:</i>							
Оюнский	437	440	14	7	99	49	—
Бордоский	89	86	2	2	32	26	—
Бранский	89	85	2	2	36	27	—
Менга	69	56	3	1	33	28	—
Орто	59	51	5	2	35	29	—
Итого	743	718	23	14	225	159	—

1) Данные за 1891 г.

Название наслегов и родов	Число душ				Число строений		
	Иностранцев		Ссылных разных категорий		Юрт	Домов	Церквей и часовен
	м.	ж.	м.	ж.			
2-й Меитский							
<i>Роды:</i>							
Кырынас	156	105	4	2	8	14	—
Тись	164	145	3	2	10	14	—
Хорло	94	97	3	1	8	17	—
1-я Нахара	124	142	6	2	14	11	1
2-я Нахара	336	247	10	3	12	28	—
Нам	95	85	7	1	12	10	—
Агаджа	85	84	7	1	14	19	1
Эртю	45	32	4	2	10	18	—
Танчаха	44	32	6	2	10	22	—
Собулчалах	75	63	4	1	15	14	—
Олбут	64	63	4	1	16	11	—
Джархан	84	83	4	1	10	9	—
Молбо	34	32	4	1	5	10	—
Ха	54	53	3	—	8	6	—
Итого	1454	1263	69	20	160	198	2
Кятчинский							
<i>Роды:</i>							
Хахсатырский	206	141	16	2	26	53	1
Кятчинский	135	138	10	1	24	49	—
Долонский	121	101	4	1	22	28	—
Итого	462	380	30	4	72	130	1
Мальжегарский							
<i>Роды:</i>							
Сергютский	135	123	19	4	44	62	—
Куртинский	129	122	19	4	36	62	—
Макушкинский	125	121	17	4	34	48	—
Бахжинский	125	121	13	4	34	50	—
Бегюньский	124	121	11	2	12	46	—
Кличинский	134	123	11	2	14	48	—
Бытатский	218	144	17	3	20	54	—
Морохский	142	127	11	2	16	50	1
Итого	1132	1102	118	21	210	420	1
А всего	5261	4690	315	77	1081	999	6

№№ по порядку	Наименование округов, улусов и наслегов	Число родов в наслегах	Число душ		№№ по порядку	Наименование округов, улусов и наслегов	Число родов в наслегах	Число душ	
			м.	ж.				м.	ж.
	Якутский округ					в) Намский улус			
	а) Восточно-Кангалаский улус					<i>Наслеги:</i>			
	<i>Наслеги:</i>				1	1-й Модутский . . .	6	420	460
	1 1-й Нахарский . . .	5	1317	1400	2	2-й Модутский . . .	4	177	178
	2 2-й Нахарский . . .	4	535	625	3	Кусаганнельский . .	4	331	330
	3 1-й Тылымминский	7	760	694	4	Хатырыкский . . .	4	360	396
	4 2-й Тылымминский	4	540	585	5	Бетюнский	12	973	999
	5 Хаптагайский . . .	3	511	506	6	Хатынгариный . . .	9	977	996
	6 Нерюктейский . . .	6	679	820	7	1-й Быжыгажинский	3	163	206
	7 1-й Жемконский . . .	5	717	735	8	2-й Быжыгажинский	3	153	155
	8 2-й Жемконский . . .	4	414	459	9	Кобяконский	5	519	472
	9 Хачикатский	4	864	936	10	Мурчукинский	4	336	381
	10 Харанский	4	404	440	11	Атамайский	8	981	985
	11 Хадаринский	2	92	123	12	Оюн-Усовский	3	382	394
	12 Догдинский	4	200	143	13	Хомагатинский	5	540	623
	Итого	52	7033	7466	14	1-й Одейский	4	735	780
	б) Западно-Кангалаский улус				15	2-й Одейский	4	412	500
	<i>Наслеги:</i>				16	Хомустатский	5	485	480
	1 Орсютский	3	248	211	17	Тастатский	4	612	660
	2 Октемский	5	966	913		Итого	87	8556	8995
	3 1-й Малтанский . . .	4	1237	1205		г) Мегенский улус			
	4 2-й Малтанский . . .	2	159	149		<i>Наслеги:</i>			
	5 1-й Мальджегарский	3	629	631	1	Алтанский	4	1106	1043
	6 2-й Мальджегарский	3	883	917	2	Мойрутский	6	996	1224
	7 3-й Мальджегарский	3	637	641	3	Долдинский	5	685	700
	8 4-й Мальджегарский	4	761	691	4	1-й Мельджахсинск.	9	756	893
	9 5-й Мальджегарский	4	798	664	5	2-й Мельджахсинск.	4	757	699
	10 Хахсытский	3	140	108	6	3-й Мельджахсинск.	3	345	361
	11 Сотгинский	3	200	183	7	Батаринский	5	725	775
	12 Мытатский	5	515	542	8	Мегюренский	3	611	563
	13 Кильдемский	4	517	399	9	Жабыльский	4	624	608
	14 Багарадский	4	593	571	10	Бахсытский	4	594	745
	15 Одуинский	4	706	667	11	Тулагинский	4	712	714
	16 Хоринский	3	205	186	12	Тарагайский	3	743	796
	17 Немюгинский	4	1253	1261	13	1-й Холгуминский	4	271	293
	18 Жерский	3	280	279	14	2-й Холгуминский	3	311	313
	19 Эргитский	3	541	510	15	Женходинский	5	311	314
	Итого	67	11268	10728	16	Арагатский	2	225	223
						Итого	68	9772	10264

№№ по порядку	Наименование округов, улусов и наслегов	Число родов в наслегах	Число душ		№№ по порядку	Наименование округов, улусов и наслегов	Число родов в наслегах	Число душ	
			м.	ж.				м.	ж.
д) Борогонский улус									
<i>Наслеги:</i>									
1	Хоринский	3	503	483	8	2-й Жехсогонский	3	207	212
2	Бяргь-Усовский . .	5	400	400	9	3-й Жехсогонский	4	692	699
3	Курбусатский . . .	5	704	662	10	4-й Жехсогонский	3	178	194
4	Сыгатский	4	639	693	11	Женкунский	3	442	434
5	1-й Соттутский . . .	4	434	499	12	1-й Игидейский . . .	4	756	796
6	2-й Соттутский . . .	3	312	302	13	2-й Игидейский . . .	3	157	163
7	1-й Легойский	3	410	440	14	Кугдинский	1	66	55
8	2-й Легойский	3	317	353	15	Сыланский	4	858	836
9	1-й Ольтетский . . .	4	270	255	16	1-й Скараульский	2	491	558
10	2-й Ольтетский . . .	3	194	211	17	2-й Скараульский	2	376	336
11	Сахылыканский . . .	3	232	220	18	Сулгачинский	3	310	299
12	Сабарайский	2	130	118	19	Теллейский	4	499	461
13	Уголятский	3	233	259	20	Тырасинский	4	562	602
	Итого	45	4778	4895	21	1-й Хатылинский . . .	4	493	549
					22	2-й Хатылинский . . .	4	479	501
е) Баягантайский улус									
<i>Наслеги:</i>									
					23	3-й Хатылинский . . .	4	1020	1104
					24	4-й Хатылинский . . .	3	548	592
					25	1-й Хаяхсытский . . .	3	205	237
1	1-й Баягантайский	34	515	534	26	2-й Хаяхсытский . . .	4	555	532
2	2-й Баягантайский	13	465	422	27	Хадарский	7	935	907
3	3-й Баягантайский	43	962	932	28	1-й Чакырский	3	746	790
4	4-й Баягантайский	4	192	252	29	2-й Чакырский	3	178	145
5	1-й Игидейский . . .	9	655	711	30	Эмисский	3	217	210
6	2-й Игидейский . . .	19	364	365	31	Жулейский	4	374	355
7	Кангалаский	8	361	373		Итого	107	15102	15233
8	Сасыльский	12	368	408	з) Дюпсюнский улус				
9	Оймяконо-Борогонс.	1	694	720	<i>Наслеги:</i>				
	Итого	143	4576	4716	1	1-й Оспетский	3	705	706
ж) Батурусский улус									
<i>Наслеги:</i>									
					2	2-й Оспетский	5	791	812
					3	Чериктейский	4	683	708
					4	Батагайский	3	405	451
1	Алагарский	3	353	401	5	Онерский	3	350	380
2	Алданский	2	110	109	6	Наяхинский	3	325	378
3	1-й Бологурский . . .	4	768	730	7	Тюляхский	3	210	260
4	2-й Бологурский . . .	4	298	306	8	Тебиковский	3	264	278
5	3-й Бологурский . . .	3	476	439		Итого	27	3733	3973
6	Бетюнский	4	762	701	Итого в улусах				
7	1-й Жехсогонский	5	991	980			596	64818	66270

№№ по порядку	Наименование округов, улусов и наслегов	Число родов в наслегах	Число душ		№№ по порядку	Наименование округов, улусов и наслегов	Число родов в наслегах	Число душ	
			м.	ж.				м.	ж.
	Вилойский округ					в) Верхне-Вилойский улус			
	а) Сунтарский улус					<i>Наслеги:</i>			
	<i>Наслеги:</i>								
1	1-й Жарханский . . .	6	903	889	1	Батулинский	4	815	869
2	2-й Жарханский . . .	10	1491	1353	2	1-й Удюгейский . . .	4	1054	1030
3	3-й Жарханский . . .	10	1515	1422	3	2-й Удюгейский . . .	4	744	753
4	Нахарский	4	576	570	4	3-й Удюгейский . . .	2	324	314
5	1-й Нерюктейский . . .	4	801	691	5	Хоринский	2	294	242
6	2-й Нерюктейский . . .	1	431	470	6	Меитский	3	300	302
7	Торбоховский	3	613	820	7	Намский	4	514	500
8	1-й Бордонский	9	1335	1274	8	Орготский	4	520	592
9	2-й Бордонский	6	964	900	9	Кулятский	4	232	201
10	Хоринский	4	565	592	10	Чукарский	3	290	264
11	Кангалаский	6	942	810	11	Чачуйский	6	1071	943
12	Кюкяйский	4	1138	1081	12	Халбатский	2	221	223
13	Кугдарский	5	772	676		Итого	42	6379	6233
14	Тюбьяйский	3	514	456					
	Итого	75	12560	12004					
	б) Мархинский улус					г) Средне-Вилойский улус			
	<i>Наслеги:</i>					<i>Наслеги:</i>			
1	Одейский	7	704	695	1	Кокуйский	3	243	242
2	Асыкайский	2	232	246	2	Кобяйский	2	189	201
3	1-й Жарханский	7	1046	855	3	Теинский	3	196	220
4	2-й Жарханский	6	921	937	4	Мукучинский	3	186	200
5	Нюрбинский	3	354	325	5	1-й Тогуйский	3	218	202
6	Кангалаский	12	1261	1039	6	2-й Тогуйский	3	391	376
7	1-й Бордонский	9	1276	1073	7	3-й Тогуйский	4	660	686
8	2-й Бордонский	4	776	638	8	4-й Тогуйский	4	642	664
9	Бестяхский	7	582	577	9	Кыргыдайский	2	177	190
10	Таркайский	5	659	631	10	Лючинский	4	128	158
11	Аканинский	5	603	576	11	Кырыкыйский	2	564	610
12	Сюльский	6	540	637	12	Модутский	2	145	189
13	Кукакинский	3	231	219	13	Орготский	3	332	280
14	Тылыккинский	3	464	438	14	Жемконский	3	353	297
15	Мегежетский	4	515	361		Итого	41	4424	4515
16	Эгельжитский	3	446	503					
	Итого	86	10610	9750		Итого в улусах	244	33973	32502

№№№ по порядку	Наименование округов, улусов и наслегов	Число родов в наслегах	Число душ		№№№ по порядку	Наименование округов, улусов и наслегов	Число родов в наслегах	Число душ	
			м.	ж.				м.	ж.
	Верхоянский округ				6	1-й Эгинский . . .	1	70	81
					7	2-й Эгинский . . .	1	31	30
					8	Батагайский . . .	1	67	75
	а) Верхоянский улус				9	Удюгейский . . .	1	204	226
	<i>Наслеги:</i>					Итого . .	9	1014	1060
1	1-й Юсальский . .	1	436	469					
2	2-й Юсальский . .	1	362	341					
3	3-й Юсальский . .	1	251	250					
4	4-й Юсальский . .	1	178	163					
5	1-й Байдунский . .	1	319	309	1	1-й Батулинский . .	1	90	95
6	2-й Байдунский . .	1	203	201	2	2-й Батулинский . .	1	70	60
7	3-й Байдунский . .	1	89	79	3	1-й Хатылинский . .	1	160	153
8	1-й Эгинский . . .	1	149	153	4	2-й Хатылинский . .	1	105	95
9	2-й Эгинский . . .	1	126	121	5	3-й Хатылинский . .	1	330	340
10	Кангалаский . . .	1	124	128	6	4-й Хатылинский . .	1	105	97
11	Батагайский . . .	1	188	163	7	Тутатский	1	65	60
12	Эльгетский	1	204	199	8	Кангалаский	1	112	108
13	Куринский	1	104	110		Итого	8	1037	1008
14	Борогонский	1	63	68		Итого в улусах . .	37	5385	5300
	Итого	14	2796	2754					
	б) Устьянский улус								
	<i>Наслеги:</i>								
1	1-й Ноготский . . .	1	142	126					
2	2-й Ноготский . . .	1	56	48					
3	Куринский	1	102	92					
4	Батулинский	1	47	22					
5	Тутатский	1	130	116	1	Борогонский	1	87	98
6	Удюгейский	1	64	74	2	1-й Мятюжский . . .	1	70	43
	Итого	6	541	478	3	2-й Мятюжский . . .	1	184	166
	в) Эльгетский улус				4	3-й Мятюжский . . .	1	284	265
	<i>Наслеги:</i>				5	4-й Мятюжский . . .	1	190	180
1	1-й Юсальский . . .	1	179	189	6	1-й Кангалаский . .	1	48	46
2	2-й Юсальский . . .	1	38	31	7	2-й Кангалаский . .	1	343	323
3	Эльгетский	1	149	150	8	1-й Байдунский . . .	1	120	100
4	1-й Байдунский . . .	1	136	132	9	2-й Байдунский . . .	1	177	163
5	2-й Байдунский . . .	1	137	146	10	Эгинский	1	213	193
						Итого	10	1716	1577

КОММЕНТАРИИ

Составители:

Жорницкая М.Я., кандидат исторических наук
Мухамедьяров Ш.Ф., кандидат исторических наук

Предисловие автора к первому изданию

В предисловии В.Л. Серошевский вкратце изложил историю создания этнографического труда о якутах и, насколько позволяли цензурные запреты, коснулся некоторых эпизодов своей политической ссылки. Более подробно о жизни и деятельности ученого и писателя смотри литературу на польском языке (здесь и далее литература указывается в хронологическом порядке):

Czachowski K. Waclaw Sieroszewski. Zycie i tworczość. Lwow, 1938. (2-е изд. — Lodz, 1947); Kaluzynski S. Edward Piekarski i Waclaw Sieroszewski jako badacze wierzeń jakutów // Euhemer, 1964, R.8, № 3, ss. 27 — 37; Malgowska H.M. Sieroszewski i Syberia. Torun, 1973; Armon W. Polscy badacze kultury jakutów. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdansk, 1977, ss. 82 — 99.

Литература о В.Л. Серошевском на русском языке: *Николаев В. Якутский край и его исследователи. Якутск, 1913, с.102 — 121; Випринский П.М. Короленко и польские сибиреведы Шиманский и Серошевский // Ученые записки Тюменского университета, 1966, т.31, вып.1, с.124 — 134; Ровнякова Л.И. Вацлав Серошевский и его русские корреспонденты (по материалам неизданной переписки) // Славянские литературные связи. Л., 1968, с.124 — 165; Свенко Г. Вацлав Серошевский и его труды о якутах (к 70-летию выхода в свет первой этнографической монографии о якутах) // Известия Сибирского отделения АН СССР, 1969, № 1, с.74 — 78. Охлопков В.Е. Новое о Э.К. Пекарском и В.Л. Серошевском (по материалам ЦГА Якутской АССР). // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. VII, Л., 1977, с.99 — 105.*

В.Л. Серошевский был автором двух фундаментальных этнографических исследований, ряда исторических романов, повестей, бесчисленного количества рассказов, сценариев, а также воспоминаний. Еще в начале его творческой биографии на русском языке было издано собрание его сочинений: *Серошевский В. (Вацлав Сирко). Собрание сочинений, т.1 — 8, СПб., 1908 — 1909.* Дважды издавалось многотомное собрание его сочинений на польском языке. Труды В.Л. Серошевского переводились на английский, испанский, итальянский, немецкий, французский, чешский, якутский, японский языки и даже на язык эсперанто. Тем не менее значительная часть творческого наследия В.Л. Серошевского еще не издана и хранится в архиве писателя.

В.Л. Серошевский оставил богатую научную, популярную и художественную литературу о Якутии: *В. С-ский (Серошевский). Как и во что веруют якуты // Сибирский сборник. Приложение к «Восточному обозрению», 1891, вып.2, с.116 — 188; Серошевский В.Л. О якутских песнях и певцах // Известия Восточно-сибирского отдела Императорского русского географического общества (ВСОИРГО), 1893, т.XXIV, № 2; Его же Якутская свадьба // Живая старина, 1894, вып. III — IV; Его же Якутский хлеб // Русское богатство, 1894, № 12; Записка о желательности этнографического исследования окрестности Эссейского озера // Известия ВСОИРГО, 1895, т. XXXI, № 2; Его же Якутский берег Ледовитого океана // Землеведение, 1903, № 1; Его же. Якутские рассказы. СПб., 1895 (2-е изд. СПб., 1898); Серошевский В.Л., Ромодановская Е.С. Якуты и их страна. М., 1901 (2-е изд. М., 1913).*

Монография В.Л. Серошевского о якутах была переведена на польский язык и переиздавалась три раза. Первое издание: *Sieroszewski W. 12 lat w kraju jakutów. Warszawa, 1900.* Труд В.Л. Серошевского был переведен на английский язык и опубликован в сокращенном виде: *Sumner W.G. The Jakuts. Abridged from the Russian of Sieroshevsky. // The Journal of the Royal Anthropological Institute, 1901, v.31, pp.65 — 101.*

К стр. XXI

...я совершил поездку по р. Яне до Ледовитого океана... В 1908 г. В.Л. Серошевский описал это событие в повести *Лобег*. В сокращенном виде эта повесть вместе с вышедшими в Польше рассказами *В Сибирь по ступу* и *За Полярным кругом* была опубликована в книге: *Серошевский В. Против волны. М., 1929.*

К стр. XXII

...обратился к Анне Ивановне Громовой... В Иркутске В.Л. Серошевский встретился со своим старым знакомым поляком, бывшим политическим ссыльным Станиславом Ланды, который служил представителем Торгового дома Громовых. Он вместе с ученым-этнографом Митрофаном Васильевичем Пихтиным ходатайствовал о финансировании работы В.Л. Серошевского. Фирма Громовых была коммерческим учреждением, однако ее руководители вели дела более цивилизованными способами по сравнению с хищниками торговцами, приезжавшими в Якутию. Громовы владели пароходами и проводили изыска-

ния водного пути по р. Вилюю и по Ледовитому океану. В 1899 г. их пароход «Лена» прошел по океану из устья р. Лены до устья р. Яны. Громыны также занимались благотворительностью, оплачивая медицинское обслуживание в некоторых населенных пунктах Якутии. О деятельности Торгового дома Громыных см.: *Бычков А. Очерки Якутской области с устья р. Лены (путевые заметки)*. Томск, 1899. Книга В.Л. Серошевской Якутия была самым солидным, но не единственным изданием, которое финансировала А.И. Громова. На ее средства был также издан *Краткий очерк о пушной промышленности в Сибири*. М., 1896.

...самые ценные указания я нашел в трудах высокоуважаемого покойного А.Ф. Миддендорфа... Все это побудило меня посвятить мой труд незабвенному ученому.

Миддендорф Александр Федорович (1815 — 1894), русский естествоиспытатель и путешественник, академик (1850), почетный член (1865) Петербургской академии наук. В 1842 — 1845 гг. исследовал и составил естественно-историческое описание Северной и Восточной Сибири и Дальнего Востока. Результаты экспедиции опубликованы в обширном труде, полностью изданном на немецком языке: *Reise in der äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844*. Bd. 1 — 4. St.-Peterburg, 1848 — 1875. На русский язык были переведены только обобщающие тома. Хотя как натуралист Миддендорф уделял главное внимание природе, физической географии, климату, растительному и животному миру, он посвятил VI отдел своего труда чисто этнографическому материалу. В русском издании см.: *Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири, ч.2, отд. VI. Коренные жители Сибири*. СПб., 1878. Как считает С.А. Токарев, этнографический материал у А.Ф. Миддендорфа ценен прежде всего потому, что относился к мало исследованным в то время областям Сибири. «На Таймыре хотя и работали русские исследователи еще в 30 — 40-х гг. XVIII в. (Прончищев, Челюскин, Харитон Лаптев), но этнографические наблюдения их были отрывочны, а с тех пор там никто из ученых не был. Сведения Миддендорфа о «береговых юраках», отдельных группах тавгийцев (авамские, вадеевские самоеды), долганах, северных якутах, таймырских тунгусах были совсем новы для науки. Население же южной части Охотского побережья, бассейна нижнего Амура — тунгусы, негидальцы и др. — было еще менее известно русской науке» (Токарев С.А. *История русской этнографии: дооктябрьский период*. М., 1966, с.223). А.Ф. Миддендорф много сделал для собирания материалов по якутскому фольклору и языку. Его записи образцов фольклора представляют первые записи текстов народного творчества из уст самих сказителей-якутов. Э.К. Пекарский в свое время с полным основанием писал: «Можно без преувеличения сказать, что именно Миддендорф положил начало основательному изучению быта якутов» (Пекарский Э.К. *Миддендорф и его якутские тексты // Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества, т. XVIII*. СПб., 1908, с.45). Ср.: Попов А.А. *Якутские записи А.Ф. Миддендорфа // Тюркологический сборник, I. М. — Л., 1951, с.155 — 163*. См. также: *Миддендорф Александр Федорович // Материалы для биографического словаря действительных членов Академии наук, ч.2. Пг., 1917, с.28 — 34* (список трудов А.Ф. Миддендорфа и литературы о нем — 103 назв.); *Наумов Г.В. Русские географические исследования Сибири в XIX — начале XX в. М., 1965, с.36 — 45*; *Леонов Н.И. Александр Федорович Миддендорф*. М., 1967; *Иванов В.Н. Вклад А.Ф. Миддендорфа в изучение истории и этнографии народов Северо-Востока Сибири // Развитие гуманитарных исследований в Якутии*. Новосибирск, 1981, с.55 — 63.

...согласились просмотреть еще в рукописи господна ученые: Э.В. Толль — географию и фауну, Э.В. Штеллинг — климат, С.И. Коржинский и Я.П. Прейн — ботанику.

Толль Эдуард Васильевич (1858 — 1902) — русский полярный исследователь, участник экспедиции на Новосибирские острова в 1885 — 1886 гг. Руководил экспедицией Академии наук в северные районы Якутии в 1893 г., исследовал район между нижним течением рек Лена и Хатанга. В 1900 — 1902 гг. возглавлял полярную экспедицию на яхте «Заря» См.: *Виттенбург П.В. Жизнь и научная деятельность Э.В. Толля*. М. — Л., 1960.

Штеллинг Эдуард Васильевич (1850 — 1922) — русский геофизик, член-корреспондент Петербургской академии наук (1901). С 1885 г. — директор Иркутской магнитно-метеорологической обсерватории. В 1897 г. стал помощником директора Главной геофизической обсерватории в Петербурге. Автор исследований, посвященных изучению испарения, земного магнетизма и т.д.

Коржинский Сергей Иванович (1861 — 1900) — русский ботаник, академик Петербургской академии наук (1896), основоположник казанской научной школы ботаников-географов. В 1892 г. был назначен главным ботаником Императорского ботанического сада в Санкт-Петербурге. Обосновал морфолого-географический метод в систематике, сформулировал теорию наступления леса на степь. См.: *Базилевская Н.А., Мейер К.И., Станков С.С., Щербакова А.А. Выдающиеся отечественные ботаники*. М., 1957, с. 132 — 139.

Прейн Я. П. — русский ботаник. Внес значительный вклад в изучение флоры Восточной Сибири. Обработал ботанические коллекции, собранные И. Д. Поповым и А. И. Кирилловым в Якутской области. В период подготовки к изданию книги В. Л. Серошевского занимался обработкой гербария растений Южно-Якутского плоскогорья, собранного Бычковым и Сосновским. О жизни и деятельности Я. П. Прейна см.: Яснитский В. *Краткий обзор ботанических исследований ВСОРГО в Восточной Сибири // Семьдесят пять лет Восточно-Сибирского отдела Государственного русского географического общества. 1851 — 1926. Обзор работ. Иркутск, 1926, с. 102 — 104.*

Редактором книги был русский востоковед и археолог, профессор истории Востока Петербургского университета член-корреспондент Петербургской Академии наук Николай Иванович Веселовский (1848 — 1918). В Императорском Русском Географическом обществе он состоял помощником председательствующего в Отделении этнографии. На основании его отзыва труд В. Л. Серошевского был удостоен золотой медали Общества: «Прежде всего надо сказать, что г. Серошевский находился в исключительных условиях для своих наблюдений. Ему пришлось 12 лет провести среди якутов, изучить якутский язык в совершенстве, чего, по большей части, не доставало прежним исследователям». / См. *Отзыв Н. И. Веселовского о труде В. Л. Серошевского «Якуты»*. // *Отчет Императорского Русского Географического общества за 1894 год СПб., 1895, приложение с. 35.* / О жизни и деятельности Н. И. Веселовского см.: Бартольд В. В. *Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки*. // *Бартольд В. В. Сочинения, т. IX. Работы по истории востоковедения, М., 1977, с. 648 — 664; Датышев В. В. Список трудов Н. И. Веселовского // Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. XXV, вып. 1 — 4, 1921, с. 387 — 398.*

Введение

В. Л. Серошевский решил предварить свою монографию обширным введением, в котором он дал цельное описание территории проживания якутов. Такое структурное построение монографии не было случайным. Особенностью русской этнографии являлось то, что она зародилась и долгое время развивалась в рамках географической науки. Тесная связь с географией, климатологией, ботаникой и другими естественными науками пронизывает всю книгу В. Л. Серошевского. На основе имевшейся литературы и личных наблюдений ему пришлось самостоятельно свести воедино разрозненные данные о жизни якутского края. Когда срок его ссылки подошел к концу и подготовка труда о якутах находилась в завершающей стадии, начала работу Сибиряковская (Якутская) историко-этнографическая экспедиция 1894 — 1896 гг. В ее работе принимали активное участие его соотечественники Н. А. Виташевский, Э. К. Пекарский, С. В. Ястремский, и другие товарищи по политической ссылке И. И. Майнов, Л. Г. Левенталь, В. М. Ионов, С. Ф. Ковалик. «Огромная территория северо-востока Азии была разбита экспедицией как бы на зоны исследования: юго-западная Якутия, Ленско-Амгинское плоскогорье, бассейн р. Колымы с охватом Чукотки, Камчатки. Исследователи подвергли изучению различные стороны истории, этнографии, языка и устного творчества народов этого огромного региона...» (*Иванов В. Н. Русские ученые о народах Северо-Востока Азии. XVII — начало XX в. Якутск, 1978, с. 257*). По ряду объективных и субъективных причин В. Л. Серошевский остался в стороне от деятельности Сибиряковской экспедиции. Исследования участников экспедиции были опубликованы уже после выхода в свет его труда о якутах.

Еще более масштабным событием была научно-исследовательская комплексная экспедиция, подготовленная Академией наук СССР в 1925 г. Экспедиция объединила большой коллектив ученых самых различных специальностей. Ежегодно на территории республики в 1925 — 1930 гг. работало несколько комплексных (Алданский, Вилюйский и др.) и специализированных отрядов (геоморфологических, гидрологических, аэрометеорологических, зообиологических, ихтиологических, охотничье-промысловых, экономических, этнографических и медико-санитарного). В иные годы на территории Якутии вели исследование до 30 отрядов, которые пересекали ее во всех направлениях, проходя десятки тысяч километров. Этими отрядами руководили известные ученые А. А. Григорьев, С. В. Обручев, А. В. Бианки, А. А. Красюк, Г. Н. Огнев, В. П. Дробов, П. К. Хмыльников и др. В результате был собран обширный полевой материал, изданный специальными сериями в *Материалах*» (36 выпусков) и *Трудах* (16 томов) Якутской экспедиции и отдельным сборником *Якутия* (1927). Был опубликован также ряд сводных работ, обобщавших материалы по отдельным проблемам и отраслям знания: *Грибановский Н. Н. Библиография Якутии. Ч. 1. Природные ресурсы и население Якутского края. Л., АН СССР, 1932, VIII, 127 с. (Труды Совета по изучению производительных сил АН СССР. Серия Якутская, вып. 9); ч. 2. Экономика, вып. 1. Экономическое положение, экономическая политика, сельское хозяйство Якутии. Л., 1934, 232 с. (Труды СОПС. Серия Якутская, вып. 15); ч. 2. Экономика, вып. 2. Промышленность, транспорт, хозяйство связи, торговля, кооперация, финансы. М. — Л., 1935, 220 с. (Труды СОПС. Серия Якутская, вып. 23).*

Особенно интенсивно стало развиваться исследование природы Якутии и ее естественных ресурсов после организации в 1947 г. Якутской базы АН СССР, реорганизованной в 1949 г. в Якутский филиал АН СССР и вошедшей в 1957 г. в состав Сибирского отделения АН СССР. (См.: *Издания Якутского филиала СО АН СССР. 1937 — 1982 гг. Библиографический указатель. Составители Т.Н. Рослякова, Л.А. Костюнина. Якутск, 1983*). Ниже приводится краткий список работ, позволяющих читателю сравнить сведения В.Л. Серошевского с современными данными.

Сводная работа по природным условиям и ресурсам республики: *Якутия (под общ. ред. И.П. Герасимова)*. М., 1965.

Монография о климатических условиях Якутии: *Гаврилова М.К. Климат Центральной Якутии. Изд. 2-е, пер. и доп. Якутск, 1973*.

Почвоведческие исследования: *Некрасов И.А. Вечная мерзлота Якутии. Якутск, 1984; Саввинов Д.Д. Почвы Якутии. Проблемы использования почвенных ресурсов, их мелиорация и охрана. Якутск, 1989*.

Флора: *Караваяев М.Н., Скрябин С.З. Растительный мир Якутии. Якутск, 1971; Тимофеев П.А. Леса Якутии. Якутск, 1980; Хлебные злаки в Якутии (Иванов С.Б., Львова П.М., Анисимов К.А., Иванова А.С.). Якутск, 1985; Основные особенности растительного покрова Якутской АССР (Андреев В.Н., Галактионова Т.Ф., Перфильева В.И., Шербаков И.П.). Якутск, 1988*.

Фауна: *Соломонов Н.Г. Животный мир Якутии. Якутск, 1975; Тянтирганов М.М. Рыбы северо-востока Яно-Индигирской низменности (бассейн Хромской губы). М., 1980; Охотничий промысел в Якутии и его продукция (Донской А.И., Дегтярев А.Г., Лабутин Ю.В. и др.). Якутск, 1985; Андреев Б.Н. Птицы Вилюйского бассейна. Изд. 2-е, пер. Якутск, 1987; История фауны и экология млекопитающих Якутии. Сборник научных трудов. Якутск, 1990*.

Домашние животные: *Габышев М.Ф. Якутская лошадь. Якутск, 1957; Его же. Якутское коневодство. Экономика и организация табунного коневодства в Якутской АССР. Якутск, 1966; Курилюк А.Д. Оленеводство Якутской АССР. Якутск, 1982; Коротов Г.П. Крупный рогатый скот Якутской АССР и методы его улучшения. Продуктивные и биологические особенности скота в условиях Крайнего Севера. Якутск, 1983; Потанов Б.А. Мегежекская лошадь Якутии, ее хозяйственное значение, биологические особенности и пути совершенствования. М., 1990*.

К стр. 2

...самая высокая южная часть этого пояса имеет в общем 4000 высоты... В книге В.Л. Серошевского используется традиционная русская система мер длины, а также некоторые меры, заимствованные в англоязычных странах: верста = 500 сажением = 1,0668 километра; сажень = 3 аршина = 48 вершкам = 213,36 сантиметра. Сажень также была равна 7 английским футам (знак $\prime$) или 84 дюймам (знак $\prime\prime$). Точно также в книге обозначаются минуты ($\prime$ / 60 часть градуса) — знак $\prime$, и секунды — знак $\prime\prime$. В.Л. Серошевский предупредил читателей, что дает долготу от Ферро, острова в Атлантическом океане, через который до 1884 г. проходил начальный (нулевой) меридиан. Разница с Гринвичем составляет 18°.

К стр. 2, сноска 1

Кропоткин. «Отчет об Олек.-Витим. экс.»... В.Л. Серошевский имеет в виду следующую работу: *Кропоткин П.А. Поляков И.С. Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции для отыскания скотопрогонного пути из Нерчинского округа в Олекминский // Записки Императорского русского географического общества. СПб. 1873, т. 3*.

Кропоткин Петр Алексеевич (1842 — 1921), князь, русский революционер, теоретик анархизма, географ и геолог. Организованная в 1866 г. по инициативе ленских золотопромышленников экспедиция в бассейны рек Витима и Олекмы с задачей найти путь из района г. Читы на золотые прииски Олекминско-Витимской системы увенчалась успехом. Научные результаты экспедиции, изложенные в двух больших книгах: упомянутый отчет и труд П.А. Кропоткина *Общий орографический очерк Восточной Сибири // Записки Императорского русского географического общества, СПб., 1875, т. 5*, а также серия отдельных статей в совокупности составили целую энциклопедию геолого-географических знаний о труднодоступном участке нагорной Азии. См.: *Анисимов С.С. Путешествие П.А. Кропоткина. М. — Л., 1943; Карпов Г.В. Исследователь земли Сибирской П.А. Кропоткин. М., 1961; Степанов Н.Н., П.А. Кропоткин как географ // Известия Всесоюзного географического общества, т. 101, вып. 1. М., 1969, с. 14 — 21; Наумов Г.В. Олекминско-Витимская экспедиция П.А. Кропоткина // Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 2 (31). М., 1970, с. 87 — 90*.

К стр. 2, сноска 3

Цифры для вычисления взяты у ген. Стрельбицкого. Здесь В.Л. Серошевский ссылается на вычисления известного русского картографа Ивана Афанасьевича Стрельбицкого (1828 —

1900), генерал а от инфантерии (1899), который дал в 1874 г. первые точные сведения о площади Российской империи и руководил составлением специальных карт страны.

К стр. 3 — 4, сноски 1

Чекановский ... Миллер... Для определения высоты горных хребтов и вершин В.Л. Серошевский пользуется результатами экспедиции А.Л. Чекановского по рекам Нижней Тунгуске, Оленеку и Лене в 1873-1875 гг., которые были опубликованы в следующем издании: *Чекановский А.Д. Оленекская экспедиция // Известия Императорского русского географического общества. СПб., 1875, т. XI, № 5.*

Чекановский Александр Лаврентьевич (1835 — 1876) — исследователь Сибири. По национальности поляк. Был сослан в Забайкалье за участие в Польском восстании 1863 — 1864 гг. По поручению Сибирского отдела Географического общества в 1869 — 1871 гг. производил геологическое изучение Иркутской области.

В работе экспедиции 1873 — 1875 г.г. принимал участие учитель астрономии иркутской гимназии Ф. Ф. Миллер, который дал астрономическое определение 108 пунктов. Это позволило с достаточной точностью нанести на карты течения рек и направления хребтов по местностям. На основе данных подробной маршрутной топографической съемки Чекановский составил карты Нижней Тунгуски, Оленека и Лены, ниже Якутска. Научное исследование А.Л. Чекановского и его сотрудников явилось значительным вкладом в изучение географии и геологии Восточной Сибири, особенно ее малодоступных территорий. См.: *Миллер Ф.Ф. Оленекская экспедиция, т. II, СПб., 1875; Его же. Северная часть Восточной Сибири. Тунгусы // Живописная Россия, т. XII, вып. 2. СПб., 1895; Наумов Г.В. Русские географические исследования Сибири в XIX — начале XX в. М., с. 125 — 127; Armon W. Op. cit., s. 44 — 45.*

...путевые журналы Эрмана... Эрман Адольф, прусский исследователь, путешественник. В 1828 — 1829 г. совершил кругосветное путешествие с целью изучения земного магнетизма, проехал всю Сибирь через Якутию. Первая часть сочинений Эрмана о своем путешествии с основными сведениями о Сибири была издана в Берлине в 1833 г. Большое место в труде Эрмана, изложенном в виде путевого журнала-дневника, занимают этнографические заметки, описания нравов и обычаев населения. *Erman Ad. Reise um die Erde durch Nord Asien und die beiden Oceane in Jahren 1828, 1829 und 1830. Abt. 1 — 2. Belrin, 1833 — 1841.*

Врангель Фердинанд Петрович (1796 — 1870), барон, русский мореплаватель, адмирал, член-корреспондент (1827), почетный член (1855) Петербургской академии наук. В 1820 — 1824 гг. Врангель руководил экспедицией, описавшей побережье Сибири от р. Индигирки до Колючинской губы. По опросным данным Врангель определил положение острова, который впоследствии в 1867 г. был открыт американским китобоем, капитаном корабля Т. Лонгом, и получил название острова Врангеля. Один из учредителей Императорского русского географического общества. При ссылках на Ф.П. Врангеля Серошевский имеет в виду следующее издание: *Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицею, состоящею под начальством флота лейтенанта Фердинанда фон Врангеля, ч. 1 — 2. СПб., 1841.*

К стр. 4, сноски 1

...а также отчеты Черского... Имеются в виду следующие работы: *Черский И.Д. Геологическое исследование Сибирского почтового тракта от озера Байкал до восточного склона хребта Уральского // Записки Императорской академии наук, 1889, т. LIX, № 2; Его же. Предварительный отчет об исследованиях области рек Колымы, Индигирки и Яны. Год первый — 1890. От Якутска через верхнее течение Индигирки до села Верхнеколымское // Записки Императорской академии наук, 1893, т. LXXIII, приложение № 5.*

Черский Иван Дементьевич (1845 — 1892) — исследователь Восточной Сибири. По национальности поляк. За участие в Польском восстании (1863 — 1864) был сослан в Сибирь. Занимался геологическим и географическим изучением Сибири. Значительный интерес представляют научные результаты обработки И.Д. Черским коллекции послетретичной фауны, привезенной Ново-Сибирской экспедицией А.А. Бунге и Э.В. Толля 1885 — 1886 гг. Важные результаты были достигнуты во время последней Колымской экспедиции И.Д. Черского 1891 — 1892 гг. Впервые описанная им горная система от нижнего течения р. Яны до верховьев р. Колымы 1500 км получила название хребта Черского. См.: *Черский И.Д. Неопубликованные статьи, письма и дневники. Статьи о И.Д. Черском и А.И. Черском. Иркутск, 1962; Алдан-Семенов А. Черский. М., 1962; Ширина Д.А. И.Д. Черский — исследователь Якутии // Якутская политическая ссылка (XIX — начало XX в.) Сборник научных трудов. Якутск, 1989, с. 92 — 121.*

К стр. 4, сноска 2

...Третьяков называет «Путорама». Здесь и ниже при ссылках на труд П.И. Третьякова имеется в виду следующая публикация: *Третьяков П.И. Туруханский край, его природа и жители // Записки Императорского русского географического общества по общей географии. СПб., 1869, т. II.*

К стр. 5, сноска 1

...нг, напечатанное курсивом, в якутских словах всюду нужно читать как звук носовой. В.Л. Серошевский применял собственную транскрипцию для передачи якутских слов и выражений, выделяя некоторые звуки курсивом. Метод В.Л. Серошевского не вызвал серьезных возражений у лингвистов, по крайней мере сразу после издания монографии. Впервые эта транскрипция была подвергнута резкой критике со стороны В.М. Ионова: «В.Л. Серошевский совершенно не считается с требованием... каждому звуку должен соответствовать один определеннный знак». Отметив, что О.Н. Бетлинг установил для якутской фонетики законы гармонии гласных и следования гласных, В.М. Ионов заключал: «Очевидно, Серошевский не подозревал о существовании этих законов». Ряд неточностей в переводе якутских текстов заставил критика усомниться в знаниях В.Л. Серошевского: «Автор самоуверенно заявляет о своем знании языка, и эта самоуверенность избавляет его от обязанности проверять свои слова, справляться с теми капитальными трудами, которые были у него под руками» (Ионов В. *Обзор литературы по верованиям якутов // Живая старина, 1914, вып. 3 — 4, с. 319, 320, 372*). По частным вопросам эта критика была вполне заслуженной, но в целом ее нельзя было назвать справедливой. Необходимо учитывать, что В.Л. Серошевский завершил свой труд до создания массовой письменности у якутов. Характерно, что В.М. Ионов сумел выдвинуть научно обоснованные претензии к методу В.Л. Серошевского только спустя 18 лет после выхода в свет труда о якутах.

К стр. 5, сноска 2

Маак, «Виллойский округ»... В.Л. Серошевский ссылается на следующую работу: *Маак Р.К. Виллойский округ Якутской области, ч. 1. СПб., 1866; ч. 2, СПб., 1886; ч. 3, СПб., 1887*. Маак Роберт Карлович (1825 — 1886) родился на острове Эзель в Эстонии. После окончания естественного факультета Петербургского университета стал учителем естествознания Иркутской гимназии. В 1854 г. Сибирский отдел Императорского русского географического общества направил под руководством Р.К. Маака экспедицию для обследования Виллойского округа в естественно-историческом, этнографическом, статистическом и метеорологическом отношении. С.А. Токарев считает, что результатом путешествия Маака «было прекрасное описание виллойских якутов... до сих пор мало известной группы якутского народа» (Токарев С.А. *История русской этнографии: дооктябрьский период. М., 1966, с. 225*). О жизни и деятельности Р.К. Маака см.: *Хороших П.П. Якуты. Опыт указателя историко-этнологической литературы о якутской народности. Иркутск, 1924, с. 16.*

К стр. 6, сноска 2

Реклю. «Земля и люди»... Имеется в виду следующее издание: *Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география, т. 1 — 19. 1876 — 1894*. Реклю Жан Жак Элизе (1830 — 1905) — французский географ, социолог. В своем многотомном труде попытался дать общую картину развития человечества и описание стран мира.

К стр. 7, сноска 2

В.А. Обручев. «Древне-палеозойские осадочные породы... В.Л. Серошевский ссылается на следующее издание: *Обручев В.А. Древнепалеозойские осадочные породы долины р. Лены между станциями Качугской и Витимской (отчет об исследованиях, проведенных весной 1891 г.) // Записки Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества по общей географии, 1892, т. II, вып. 1.*

Обручев Владимир Александрович (1863 — 1956) — русский геолог и географ, академик (1929), исследователь Сибири, Центральной и Средней Азии. См. также: *Обручев В.А. Избранные работы по географии Азии, т. 1, 2, 3. 1951; Его же. Мои путешествия по Сибири. М. — Л., АН СССР, 1963.*

К стр. 10, сноска 2

Юргенс Н.Д. — начальник Ленской полярной метеорологической экспедиции 1882 — 1884 гг., флотский штурман. В порядке подготовки к Первому международному метеорологическому году экспедиция организовала на северной оконечности острова Сагастырь, расположенного в восточной части дельты Лены, полярную станцию, которая провела полный цикл метеорологических и барометрических наблюдений, положивших начало систематическому изучению климата на побережье Ледовитого океана.

К стр. 57, сноска 7

Горохов Николай Семенович (1850 — год смерти неизвестен) — краевед, якут по национальности. При его активном содействии в 70-х гг. XIX в. была открыта первая школа в г. Верхоянске. Он помогал И.А. Худякову в составлении словарей и якутской грамматики, содействовал сборанию фольклорных и этнографических материалов. Им написаны следующие работы: *Горохов Н.С. Следы шаманства у якутов // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. СПб., 1882, т. XIII, № 3, с. 36 — 39; Его же. Кинитти. Отношение женщин к родне ее мужа у якутов // Известия ВСОИРГО, 1883, т. XIV, № 1 — 2, с. 71 — 72; Его же. Старый тракт от Верхоянска в Якутск. // Известия ВСОИРГО. 1883. Т. XIV; О жизни и деятельности Н.С. Горохова см.: Базанов В.Г., Емельянов Н.В. И.А.Худяков и его «Краткое описание Верхоянского округа» // Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969, с. 8 — 32.*

К стр. 58, сноска 1

...в столярной мастерской С.Ковалика. См. комментарий к стр. 404, сноска 2.

К стр. 65, сноска 9 (к стр. 64)

Потанин Григорий Николаевич (1835 — 1920) — выдающийся русский географ и этнограф, исследователь Центральной Азии и Сибири. Экспедиции Потанина в Северозападную Монголию состоялись в 1876 — 1877 и 1879 — 1880 гг. Наиболее ценны собранные им этнографические материалы о многочисленных тюркских и монгольских племенах. См.: *Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии, т. 1 — 4. СПб. 1881 — 1883.*

Литература о его жизни и деятельности: *Обручев В.А. Григорий Николаевич Потанин. М., 1948; Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. М., 1974, с. 239 — 240; Сагалаев А.М., Крюков В.М. Г.Н.Потанин: опыт осмысления личности. Новосибирск, 1991.*

К стр. 76

Витсен ничего не знает о земледелии в Якутской области. В.Л.Серовский имеет в виду труд Н.К.Витсена: *Witsen J.S. Norden Oost Tartaryen. Amsterdam, 1705.*

Витсен (Витзен) Николай Корнелиуссон (1641 — 1717) — голландский географ и юрист, бургомистр Амстердама. В 1664 — 1667 гг. был в Москве с голландским посольством, собирал сведения о народах и областях России, в том числе разнообразные материалы о Сибири. Встречался с царем Петром I во время его заграничного путешествия и пребывания в Голландии. Витсеном была издана по русским источникам «Новая карта севера и востока Азии и Европы» и книга «Северная и Восточная Гартария», имевшая несколько изданий (2-е изд. в 1705 г.; 3-е изд. в 1785 г.) и переведенная на несколько языков. Перевод монументального труда Витсена на русский язык, заверченный в 1950 г. В.Г. Трисманом в Институте этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии Российской академии наук), до сих пор не издан. Об исследованиях Витсена см.: *Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. XVII век. 2-е изд., исп. и доп. М. — Л., АН СССР, 1960, с. 87 — 95; Полевой Б.П. Николай Витзен о близости Америки и Азии и этнических связях между ними // Наука и техника (вопросы истории и теории), 1971, вып. VI.*

Впервые находим сведения о нем у Штраленберга... Имеется в виду следующее издание: *Strahlenberg P.v.J. Das Nord und Oestliche Theil von Europa und Asia. Stokholm, 1730.*

Страленберг Филипп Иоганн (Штраленберг Ф.И., или Табберт фон Страленберг, — под этим именем он был известен в России, а фамилию Страленберг получил только по возвращении в Швецию, где был возведен в дворянское достоинство) (1676 — 1747) — шведский картограф и географ, был родом из города Стральунда, принадлежавшего Швеции. Он принимал участие в походах шведского короля Карла XII на Россию и был взят в плен в 1709 г. после Полтавской битвы. Вместе с другими пленными он был отправлен в Сибирь, где прожил 13 лет. Составил три варианта карты Сибири и России. По возвращении на родину на основании собранных им в Сибири материалов написал книгу *Северная и восточная часть Европы и Азии, поскольку таковая охватывает все Русское государство с Сибирью и Великую Татарию, представленная в историко-географическом описании древнего и нового времени и со многими другими неизвестными сведениями и с никогда не издававшейся «Многоязычной таблицей» 32 различных языков татарских народов, с калмыцким словарем, и особенно с большой и точной ландкартой вышеуказанных стран и разными другими гравюрами на меди, касающимися азиатско-скифских древностей*, которая была напечатана в 1730 г. в Стокгольме за счет автора. Русский перевод: *Записки капитана Филиппа Иоганна*

Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. Северная и восточная части Европы и Азии. М. — Л., 1986.

Гмелин, лично посетивший этот край в 1737 г. ...

Иоганн Георг Гмелин (1709 — 1755) — натуралист, академик Петербургской академии наук (1731 — 1748). По национальности немец. Находился на службе в России в 1727 — 1747 гг. И.Г. Гмелин вместе с Г.Ф. Миллером был поставлен в главе сухопутного отряда Великой Северной (или 2-й Камчатской) экспедиции (1732 — 1743) Витуса Беринга и путешествовал по Западной и Восточной Сибири. При ссылках на его труд В.Л. Серошевский имеет в виду следующую работу: Gmelin J.G. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 — 1743. Bd. 1 — 4, Göttingen. 1751-1752.

К стр. 76, сноска 2

Спафарий. «Путешествие»... В.Л. Серошевский ссылается на *Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю.В. Арсеньева // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии, т. X, вып. 1, СПб., 1882.*

Спафарий Николай Гаврилович (Спафарий Милеску) (1636 — 1708) — молдавский ученый, дипломат, по происхождению молдавский грек. В 1653 — 1671 гг. состоял на службе при дворе молдавских и валашских господарей. Поступил на русскую службу в 1671 г. переводчиком в Посольский приказ. В 1675 — 1678 гг. возглавлял русское посольство в Пекине. См. также: *Спафарий Н.Г. Описание первыя части вселенныя, именуемой Азию, в ней же состоит Китайское государство с прочими его города и провинции. Казань, 1910;* о трудах Спафария: *Мясников В.С. Новое издание трудов Н. Спафария // Народы Азии и Африки, 1962, № 2, с. 225 — 228; Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1. XVII век. 2-е изд., исп. и доп. М. — Л., АН СССР, 1960, с. 72 — 82.*

К стр. 93, сноска 1 (со стр. 92)

Остальные числа взяты у Миддендорфа... Здесь Серошевский имеет в виду прибавление I, *Хлебопашество в Якутске*, в книге: *Миддендорф. Указ. соч., ч. 1, отд. IV. СПб., 1860*

К стр. 114, сноска 2

Худяков, *ibid.* ... Здесь и ниже при ссылках на труд И.А. Худякова Серошевский имеет в виду следующую работу: *Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И.А. Худяковым // Записки Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества по этнографии, т. I, вып. 3. Иркутск, 1890.*

Худяков Иван Александрович (1842 — 1876), русский революционер, этнограф, фольклорист — один из первых собирателей и переводчиков якутского фольклора. В 1866 г. был арестован по делу о покушении И. Каракозова на императора Александра II и был сослан на вечное поселение в Верхоянск. О его жизни и деятельности см.: *Клевенская М.М. И.А. Худяков — революционер-ученый. М., 1929; Виленская Э. Худяков (1842 — 1876 гг.). М., 1969; Еремеев В. И.А. Худяков и якутский фольклор // Советская тюркология. Баку, 1973, № 3; Троев П.С. Иван Худяков в Верхоянской ссылке. Якутск, 1980.* Тексты Худякова широко использованы в *Словаре якутского языка Э.К. Пекарского* и опубликованы в кн.: *Образцы народной литературы якутов, изд. под ред. Э.К. Пекарского, т. 2. Образцы, собр. И.А. Худяковым, ч. I. Тексты, вып. 1. Сказки, 1913, с. 1 — 190; вып. 2. Пословицы и поговорки. Песни. Загадки. Саги, 1918, с. 191-258.* См. также: *Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969; Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М., 1974.*

К стр. 119, сноска 1

Смотри том II... По ходу изложения материала В.Л. Серошевский постоянно ссылается на второй том своего труда о якутах. Объем (700 с.) и структура второй части почти идентичны первому тому, за исключением введения, которое представляет собой попытку теоретического осмысления всего исследования, и последней — XIV главы «Народное самосознание и отношение к русским. Влияние русской культуры». Обращаясь к предполагаемым читателям второго тома, В.Л. Серошевский писал: «Этот выпуск моего труда представляет собой простое дополнение к первому тому, где я старался рассказать все то, что знаю об якутах и их стране. Не желая обременять упомянутую книгу большими подстрочными примечаниями, я вынес в отдельный том все варианты, дополнительные сведения, суждения по отдельным вопросам, не совсем для меня ясным, вообще — все незаконченное, случайное, что не укладывалось в рамки будущей картины, но что могло представить хоть малейший интерес для будущих исследователей». В апреле 1901 г. он

привез рукопись в Санкт-Петербург и сдал ее под расписку секретарю Географического общества. Средства на издание второго тома поступили от реализации первого тома согласно желанию А.И. Громовой и М.В. Пихтина. Четверть века спустя В.Л. Серошевский излагал эту историю в письме к Н.Н. Грибановскому: «...суммы, пожертвованной Пихтиным, оказалось недостаточно, а у Географического общества не было денег. Пришлось отложить дело. Между тем вспыхнула революция 1905 г., и я уехал за границу. Некому было править корректуры, полные якутских текстов. Мне писали из Географического общества, что ждут приезда Пекарского. В конце концов рукопись (толстый том) затерялась...» Рукопись второго тома была обнаружена в 1927 г. Находка пропавшего исследования вызвала сенсацию. Второй том предполагалось издать, но вскоре этот проект был отложен по причинам чисто политического характера. Рукопись вновь была потеряна из виду и попала в поле зрения этнографов только в 70-х гг. В настоящее время неизданный второй том монографии *Якуты* хранится в архиве Географического общества. См.: *Ровнякова Л.И. Вацлав Серошевский — исследователь Якутии // Польско-русские литературные связи. М., 1970, с.333 — 344.*

Глава I. О южном происхождении якутов

Предания и рассказы о переселении на Лену прародителей якутов, на которые ссылается В.Л. Серошевский, бытуют и поныне. В частности, некоторые из таких исторических преданий об Омогое и Эляе в новых записях можно найти в книге *Г.У. Эргиса Исторические предания и рассказы якутов, ч. I. М. — Л., 1960, с. 57 — 90.* К моменту прихода русских якуты уже сформировались как народность. Они имели единую этническую территорию расселения в треугольнике между средними течениями Лены, Алдана и рекой Амгой, единый язык и культуру. Именно с Амгинско-Ленского плоскогорья началось впоследствии освоение якутами бассейнов рек Олекмы, Вилюя, Оленека и Анабары. Таким образом, вопрос о происхождении якутов сводится к происхождению их пяти наиболее крупных центральных групп: Кангалаской, Мегинской, Борогонской, Намской и Батурусской (Хатылинской). Сторонники теории южного происхождения якутов едины в том, что основное ядро будущей якутской народности пришло на Среднюю Лену, с юга, но расходятся в определении прародины южных предков якутов. Наиболее аргументированные концепции о происхождении якутов в современной этнологии были выдвинуты в трудах Г.В. Ксенофонтова, С.А. Токарева, А.П. Окладников, И.С. Гурвича (см.: *Ксенофонтов Г.В. Ураанхай-сахалар: очерки по древней истории якутов, т.1. Иркутск, 1937; Токарев С.А. Происхождение якутской народности // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР, 1941, вып. 9, с. 58 — 62; Его же. Очерк истории якутского народа. М., 1940, с. 5 — 38; Окладников А.П. Якутия до присоединения к Русскому государству. Изд. 2-е, доп. и переработ. М. — Л., 1955; Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленьевов: к вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. М., 1977).* Разнообразный археологический материал, собранный во время Ленской археологической экспедиции 1940 — 1947 гг., позволил А.П. Окладникову детально осветить процесс становления якутского этноса и показать, что решающую роль в нем играли южные тюркские элементы. По его мнению, «находясь на более высокой ступени культурного развития, тюркоязычные предки якутов не только вытеснили аборигенов, но и подчинили их своему влиянию мирным путем; ассимилировали и поглощали их в своей массе, что выражалось прежде всего в переходе этих аборигенных племен на язык тюркской системы — якутский язык. Вместе с этим местные племена утрачивали прежнее этническое наименование и собственное этническое самосознание, уже не выделяли себя из массы якутов и не противопоставлялись им как нечто самостоятельное» (*Окладников А.П. Якутия до присоединения к Русскому государству, с. 293*). См. также: *Константинов И.В. Происхождение якутского народа и его культуры // Якутия и ее соседи в древности. Труды Приленской археологической экспедиции. Якутск, 1975, с. 106 — 173; Гоголев А.И. Историческая этнография якутов (вопросы происхождения якутов). Якутск, 1986.*

К стр. 174, сноска 3

Точно так же переводит это слово Ботлинг... В.Л. Серошевский ссылается на труд О.Н. Берлинга о якутском языке. Böhrling O. Über die Sprache der Jakuten: Jakutische grammatik. Text und Wörterbuch. St.-Pbg., 1851.

Бетлингк Оттон Николаевич (1815 — 1904) — русский филолог, академик (1855), почетный член (1894) Петербургской академии наук. Будучи блестящим лингвистом, он вошел в историю востоковедения как один из авторов семитомного Санскритского словаря. Как широко эрудированный тюрколог, он проявлял живой интерес к якутскому языку. Бетлингк стал основоположником строго научного изучения фонетического и грамматического строя и словарного состава якутского языка, создателем первой его научной грамматики. С помощью Афанасия Яковлевича Уваровского, вла-

девшего якутским языком с детства, были установлены звучание и значение якутских слов, записанных Бетлингом в разработанной им транскрипции. Для каждого якутского слова были сделаны по мере возможности сопоставления с аналогичными словами тюркских языков, а также выделены слова монгольского происхождения. Таким образом, Бетлингк впервые применил сравнительно-исторический метод к изучению тюркских языков. Грамматика Бетлингка дополнена якутскими текстами с немецким переводом и якутско-немецким словарем (более 4600 слов), который является первым лексикографическим опытом на материале якутского языка. Переводы трудов Бетлингка на русский язык: *Бетлингк О.Н. О языке якутов. Опыт исследования отдельного языка в связи с современным состоянием всеобщего языкознания. // Ученые записки Императорской академии наук по первому и третьему отделениям. СПб., 1853, т. I, вып. 4, с. 377 — 446; Его же О языке якутов. Пер. с нем. В.И. Рассадина. Новосибирск, 1989. О деятельности Бетлингка см.: Коркина Е.И. Работа О.Н. Бетлингка «О языке якутов» // Советская тюркология. Баку, 1971, № 4, с. 124 — 131; О.Н. Бетлингк и его труд «О языке якутов». Якутск, 1973; Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. М., 1974, с. 127 — 128; Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Изд. 2-е доп. и испр. Л., 1982.*

К стр. 174, сноска 3

Штуккенберг и Паллас так называли последний со слов якутов. Паллас Петр Симон (1741 — 1811) — русский естествоиспытатель, путешественник, академик Петербургской академии наук (1767). Руководил экспедицией Петербургской академии наук (1768 — 1774), исследования которой включали и Сибирь. Результаты экспедиции опубликованы: *Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. 1 — 3. СПб., 1773 — 1788.*

К стр. 175

«Я Онохой! А я — Эллей!..» Омогой-бай, Омогой-баай, Онохой — один из прародителей якутов. Согласно якутской мифологии, по совету шамана на южной прародине, передавшего Омогою приглашение духа — хозяйки долины Туймаады (местность, где позднее был основан г. Якутск), он первым поселился на берегу среднего течения р. Лены.

Э л л я й — главный первопредок якутов. В якутской мифологии указывается, что еще на своей южной прародине Элляй отличался мудростью. Прибыв в долину Туймаады, Элляй стал работником у Омогой-бая, а затем женился на его старшей, нелюбимой дочери. Принято считать, что от потомков этого брака будто бы произошла большая часть якутских родов в Центральной Якутии. Один из сыновей Элляя — Лабынгха Сюрюк был первым шаманом от божеств айы, другой — первым якутским кузнецом. Элляю приписывается изобретение всех видов якутской деревянной посуды для молочных продуктов, он же учредил самый популярный якутский праздник — ысыах, посвященный божествам айы, на котором испрашивали счастья и богатства, принося в жертву молочные продукты. Элляй часто выступает с эпитетом Эр-Соготох ("муж одинокий"), что сближает его со старейшим и популярнейшим героем якутского эпоса — олонхо Эр Соготомой — богатырем, живущим одиноко, не знающим других людей и не имеющим родителей (отсюда его прозвище), так как он являлся первопредком человеческого племени.

К стр. 176, сноска 2

Н.Горохов в своем замечательном переводе... В.Л. Серошевский имеет в виду следующую публикацию: *Горохов Н. Юрюнг-Уолан. Якутская сказка // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества, 1884, т. XV, № 5 — 6, с. 43 — 54.*

К стр. 178

...будучи удалым урангхайцем, говорю тебе! Урангхайцы (урангхай) — старинное самоназвание якутов. В древности монголы и буряты своих тюркоязычных соседей — тувинцев, карагасов (тофаларов), алтайцев — называли уранкай (уранхай, уранкан, уранкат). Современные якуты называют себя урангхай лишь в песнях и эпосе. В поэтических оборотах речи урангхай может означать и человека вообще, и конкретно человека якутской национальности. Г.У. Эргис в 1943 г. записал со слов народного певца П.С. Семенова рассказ о том, что многолюдный народ урангхайцы пришел на р. Лену с юга и оттеснил тунгусов в тайгу. Их потомки, смешавшись с местным населением, стали называться «саха-ураангхай». См.: *Исторические предания и рассказы якутов. Ч. I. М. — Л., 1960, с. 89 — 90.* Саха — самоназвание якутов. Этимология слова, по мнению Г.У. Эргиса, неизвестна. Единственный вариант сказания о том, что «до прибытия наших предков Омогой-Баая и Эллей Баотура на Лене жило племя "саха" со своим укладом жизни, особыми обычаями и правами», был записан И.С. Боло в 1934 г.

К стр. 181

О нем же упоминают: Миллер... Имеется в виду следующая работа: Миллер Г.Ф. *Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел, от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. Кн. 1. СПб., 1750.*

Миллер Герард Фридрих (1705 — 1783) — историк, член Петербургской академии наук (1731). По национальности немец. Совершил десятилетнее путешествие по Сибири в качестве участника Второй Камчатской экспедиции (1733 — 1743). На Миллера была возложена задача собирания исторических документов по истории России (так называемые портфели Миллера хранятся в архиве древних актов). Из трех томов *Истории Сибири*, над которыми Г.Ф. Миллер работал многие годы, при жизни ученого были изданы два тома на немецком языке и перевод первого тома на русский язык. Новое русское издание двух томов было осуществлено в 1937 и 1941 гг. Третий, заключительный том труда был полностью подготовлен к печати, но до сих пор не издан. О жизни и деятельности Г.Ф. Миллера см.: Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. *История Сибири, т.1. М. — Л., 1937; Косвен М.О. Г.Ф. Миллер (к 250-летию со дня рождения) // Советская этнография, 1956, № 1.*

...его приводит В.Л. Приклонский... Приклонский В.Л. — якутский вице-губернатор, один из представителей так называемой административной этнографии в Якутии. В.Л. Серошевский неоднократно ссылается на следующую работу: Приклонский В.Л. *Три года в Якутской области // Живая старина, СПб., 1890, вып. 2.*

К стр. 181, сноска 4

«Поездка в Якутск»... Имеется в виду следующее издание: Шукин Н. *Поездка в Якутск. Изд. 2-е. СПб., 1844.* Первое издание книги вышло в СПб. в 1833 г. Кроме того, им написаны: Шукин Н.С. *Якуты // Журнал Министерства внутренних дел, СПб., 1840, ч. VII, отд. 3, с. 1 — 46; Его же. Шаманство у сибирских народов // Журнал Министерства народного просвещения, СПб., 1846, и Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений, СПб., 1848, т. 75, № 298; Его же. Географическая и этнографическая терминология Восточной Азии // Вестник Императорского русского географического общества, СПб., 1856, кн. III.*

К стр. 182

...причем хорошо можно переводить и «южный», и «хоролорский». Хорошо, хоринцы, хоролы — потомки Улу Хоро — третьего легендарного прародителя якутов наряду с Элляем и Омогоем, составившие население хоринских родов и наслегов, которые были в прошлом распространены по всей Якутии. По мнению А.П. Окладникова, особое место среди этнических элементов, вошедших в состав якутской народности, принадлежит «загадочным хоринцам, или хоро, хоролорам, которые резко выделяются из всех остальных компонентов якутской народности» (Окладников А.П. *История Якутской АССР, т. 1, с. 352*).

В исторических преданиях не указывается, что Улу Хоро происходит из племени бурят или монголов, хотя этноним «хоро» сейчас распространен именно среди них и даже закреплен за одним из наиболее крупных подразделений бурятского народа. По мнению И.В. Константинова, генетическое родство хоринских бурят и хоро якутских преданий вполне подтверждается тем, что встреча якутов с хоринцами, очевидно, произошла тогда, когда у основного ядра формирующейся якутской народности уже возникло сознание своей этнической принадлежности. Именно поэтому в якутских преданиях четко подчеркивается иноязычность хоринцев и факт, что Улу Хоро прибыл в страну якутов на быстроном быке. Терминология убранства верховых коней у якутов тюркская по происхождению, а названия принадлежностей бычьей упряжки чисто монгольские и не имеют параллелей в тюркских языках. Исследователи считают, что какая-то часть хоро-бурят откочевала в Якутию после столкновений с Чингисханом. См.: Константинов И.В. *Происхождение якутского народа и его культуры // Якутия и ее соседи в древности. Труды Приленской археологической экспедиции, с. 106 — 173.*

К стр. 183, сноска 1

Койбалы — смешанная по происхождению этническая группа, в формировании которой приняли участие самодийские и кетоязычные народы. Ко 2-й половине XIX в. койбалы оказались полностью тюркизированными и приняли участие в формировании хакасской народности.

Карагасы — устаревшее наименование тофаларов, употреблявшееся в этнографической литературе вплоть до 30-х гг. XX в. Самоназвание народа — тофа. Тофалары являются одной из самых малочисленных народностей России, насчитывающей 722 чел. (по пере-

писи 1989 г.). Основные места расселения находятся в Иркутской области — села Алыгджер, Верхняя Тутара, Нерха Нижнеудинского района.

Тунгусы — общее наименование эвенков и эвенов в отечественной этнографической литературе до 1931 г., когда официально было решено употреблять их самоназвания: эвенки и эвены. Часть эвенов в прошлом именовалась также ламутами (См. примечание к стр. 212, сноска 1). Тунгусами называли раньше и негидальцев, живущих по рекам Амгунь и Амур в Хабаровском крае, что объяснялось тем, что по происхождению негидальцы действительно были эвенками, смешавшимися с нивхами, нанайцами и ульчами. Эвенки расселены разрозненными группами на огромных пространствах тайги и лесотундры Восточной и Западной Сибири от левобережья Енисея на западе до заполярной тундры между Енисеем и Леной на севере, до южной части побережья Охотского моря на востоке и до р. Амур и северных районов Бурятской республики на юге. Наиболее компактные группы эвенков живут в Эвенкийском автономном округе Красноярского края, в Республике Саха (Якутия), в Республике Бурятия, в Хабаровском крае и Амурской области. В недавнем прошлом существовали локальные этнотерриториальные группы эвенков: орочены (Забайкалье и верховья Амура), бирары (бассейн р. Бурей), манегры (бассейн р. Зеи). По переписи населения 1998 г., насчитывалось 29 901 чел. эвенков, в том числе в Республике Саха (Якутия) — 14 428 чел.

Самоеды (самоедские народы) — применявшееся до 1938 г. общее название народов, говорящих на языках самодийской группы — ненцев (прежнее название — самоеды, юраки), энцев (прежнее название — енисейские самоеды), нгансанов (самоназвание — ня, прежние названия — тавгийцы, самоеды-тавгийцы) и селькупов (прежнее название — остяко-самоеды). Ненцы населяют огромный регион на севере Российской Федерации от Кольского полуострова до правобережья низовьев Енисея. По переписи населения 1989 г., насчитывается 34 190 чел.

К стр. 183, сноска 3

Иакинф. «Собрание сведений о народах»... Здесь Серошевский имеет в виду следующее издание труда Н.Я. Бичурина (Иакинфа): *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Сочинение монаха Иакинфа, ч. I — III. СПб., 1851.*

Бичурин Никита Яковлевич (в монашестве Иакинф) (1777 — 1853) — русский китаевед, член-корреспондент Петербургской академии наук (1828). Возглавлял Российскую духовную миссию в Пекине в 1808 — 1821 гг. Основные работы Н.Я. Бичурина посвящены истории и этнографии монголоязычных и тюркоязычных народов Центральной Азии (по китайским источникам), истории, культуре и философии Китая. См.: *Токарев С.А. История русской этнографии: дооктябрьский период. М., 1966, с. 158 — 162.*

К стр. 184

...«верховный владыка страны 26 родов» называется Арсан-Дуолай... Арсан-Дуолай (господин Земляное Брюхо) считается у якутов главой восьми родов злых духов нижнего мира, живет в самой нижней части подземного царства около топкой грязи. Арсан-Дуолаю и подчиненным ему духам приносят кровавые жертвы скотом. Злые духи верхнего, среднего и нижнего миров у якутов называются абаасы, абасы. В якутском героическом эпосе олонхо враги представляются как богатыри-абаасы. Арсан-Дуолай является одним из наиболее известных абаасы наряду с Хара-Суороном (Черным Вороном) — духом-покровителем ряда якутских народов, предком девяти шаманских родов, сыном Улу Тойона). См.: *Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М., 1966, с. 139 — 143; Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX — начале XX в. Новосибирск, 1975, с. 111 — 128.*

К стр. 184, сноска 1

В.Л. Серошевский ссылается на следующее издание: *Риттер К. Землеведение Азии. География стран, находящихся в непосредственных сношениях с Россией, т.е. Китайской империи, независимой Татарии, Персии и Сибири. Переведено по поручению Императорского русского географического общества с дополнениями, служащими продолжению Риттерова труда, для материалов, обнаруженных с 1832 г. и составленных П.Семеновым..., т. I — IX, СПб., 1856 — 1895.*

Риттер Карл (1779 — 1859) — немецкий географ, иностранный почетный член Петербургской академии наук (1835). Будучи представителем географического детерминизма в науке, развивал сравнительный метод в географии и способствовал формированию геополитики.

К стр. 184, сноска 3

Вот сведения о появлении тигра в Якут. обл., позаимствованные у И. Сельского. Здесь В.Л. Серошевский имеет в виду следующую работу: *Сельский И.Д. Описание дороги от*

Якутска до Среднеколымска // Записки Сибирского отдела Императорского русского географического общества, 1856, кн. I.

К стр. 185, сноски 1

Аринцы — немногочисленная кетоязычная народность, проживавшая в бассейне Среднего Енисея в районе г. Красноярска. В начале XVIII в. подверглась полной тюркизации и приняла участие в формировании будущей хакасской народности. Бийские татары — устаревшее наименование этнических групп южных алтайцев (собственно алтайцев: алтай-кижи, теленгитов, телеутов). Кузнецкие татары — устаревшее собирательное наименование некоторых тюркоязычных родоплеменных групп, главным образом предков современных шорцев, населявших Кузнецкий уезд в бассейне верхнего течения р. Томи и ее притоков Мрассу и Кондома.

Иностранные названия взяты мною у Кастрена... Здесь и ниже при ссылках на мнение М.А. Кастрена В.Л. Серошевский имеет в виду предпринятое Петербургской академией наук посмертное издание трудов М.А. Кастрена в обработке академика А.А. Шифнера на немецком языке в двенадцати томах в 1853 — 1858 гг. под названием: *Castrén M. Nordische Reise und Forschungen. Im Auftrage der K. Akademie der Wissenschaften hrsg. von A. Schiefner. Bd. I — XII. St.-Pbg., 1853 — 1862.* Перечень томов см.: *Ливомова О.Э., Португаль В.Б. Востоковедение в изданиях Академии наук. 1726 — 1917. Библиография. М., 1966, с.67 — 68.*

Кастрен Матиас Александр (Матвей Александр) (1813 — 1852) — финский ученый и путешественник, один из наиболее крупных исследователей этнографии народов Севера России и Сибири и их языков. Экспедиция Кастрена (1845 — 1849) с целью изучения Сибири в этнографо-лингвистическом отношении была предпринята на средства и по инициативе Петербургской академии наук. Он описал 20 языков и диалектов, составил их словари и грамматики. Предложил теорию родства финно-угорских, самодийских, тюрко-монгольских и тунгусо-маньчжурских языков (урало-алтайская семья языков). О деятельности М.А. Кастрена см. сборник: *Памяти М.А. Кастрена. К 75-летию со дня смерти. Л., 1927.*

К стр. 186

Календарь якутов также носит отпечаток южного происхождения. См. сводку фактического материала о южном происхождении якутского календаря: *Гоголев А.И. Якутский календарь. Якутские календарные обряды // Гоголев А.И. Историческая этнография. Народное знание и обычное право. Якутск, 1983, с. 3 — 22.*

К стр. 187

...как зовут его персы, сарты... киргизы, урянгайцы (туба)... Сарты — первоначально монголы называли сартами приезжавших к ним из Средней Азии мусульманских купцов, которые были почти исключительно таджиками. С течением времени содержание термина сузилось, и сартами стали называть только горожан и оседлых жителей оазисов — тюрков — в противоположность как кочевникам вообще, так и таджикам. Таким образом, закрепилось различие между терминами «сарт» и «таджик», которые некогда были, и довольно долго, синонимами. Киргизы — устаревшее наименование казахов, сохранявшееся в этнографической литературе вплоть до середины 20-х гг. XX в. Урянгайцы (туба) — наименование в этнографической литературе XIX — начала XX в. тувинцев, составляющих коренное население Тувы. Туба — один из фонетических вариантов самоназвания тувинцев «тѳва».

К стр. 188

Вамбери, например, указывает на Джунгарию и сближает их по простому созвучию племенного имени Саха с древними Саками. Здесь и ниже при ссылках на труд А. Вамбери В.Л. Серошевский имеет в виду следующее издание: *Vambery A. Das Turkenvolk. Budapest, 1885.*

Вамбери Арминий (Герман) (1832 — 1913) — венгерский лингвист-тюрколог и этнограф, путешественник. См.: *Пименова Э.К. Жизнь и приключения Вамбери. Л., 1928; Тихонов Н. Вамбери. М., 1957.* Саха — самоназвание якутов, саки — древний народ в Средней Азии.

И.Фишер. Ссылаясь на труд И.Э. Фишера, В.Л. Серошевский имеет в виду следующую работу: *Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.* Фишер Иоганн Эбергард (1697 — 1771) — русский историк, участник Великой Северной экспедиции (Второй Камчатской экспедиции), академик. В руки И.Э. Фишера, также совершившего путешествие в Сибирь (1739 — 1747), кроме исторического материала, собранного Г.Ф. Миллером, перешли лингвистические материалы, собранные еще при Петре I В.Н. Татищевым. На И.Э. Фишера были

возложены обработка и сокращение труда Миллера *История Сибири*. Составленная И.Э. Фишером более краткая *Сибирская история* вышла в 1768 г. на немецком языке, в 1774 г. — на русском языке. О жизни и деятельности И.Э. Фишера см.: *Пекарский П.П. История Императорской академии наук в Петербурге, т. I, СПб., 1870, с. 617 — 636; Его же. Академики Миллер и Фишер и описание Сибири // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1866, кн. 3, отд. V, с. 14 — 30.*

Вероятнее всего, названия эти занесены сюда уже в позднейшее время завоевателями казаками и якутскими промышленниками. Топонимика Якутии очень сложна, неоднородна, состоит из многих разновременных пластов и до сих пор изучена явно недостаточно. См.: *Багдарыин Сялбэ. Топонимика Якутии. Краткий научно-популярный очерк. Якутск, 1985.*

К стр. 190

Большой интерес в этом отношении представляет только название Байкала; с ним главным образом и связывают предположение о проживании там якутов. Для объяснения происхождения названия озера Байкал предложены различные варианты, в том числе бурятский, якутский и др. См.: *Турулев С.А. Что в имени твоём, Байкал? 2-к изд., перераб. и доп. Новосибирск, 1991.*

Марко Поло не дает Байкалу никаких названий... он помещает его на север от равнины Баргу, населенной Меркитами. Поло Марко (ок. 1254 — 1324) — итальянский путешественник. В 1271 — 1275 гг. совершил путешествие в Китай, где прожил около 17 лет. Вернулся в Италию морем в 1292 — 1295 гг. Написанная с его слов *Книга* (1298) — один из ранних источников сведений о странах и жителях Центральной, Восточной и Южной Азии. Меркиты — название племени, населявшего в XII — начале XIII в. районы среднего и нижнего течения р. Селенги и страну Баргуджин-Токум, под которой понималась территория, непосредственно прилегающая с востока к озеру Байкал. Оспаривали у монголов гегемонию в Центральной Азии, но были после ожесточенного сопротивления уничтожены полководцами Чингисхана в начале XIII в.

К стр. 190, сноска 2

...проверено по шмидтовскому переводу... Шмидт Яков (Исаак) Иванович (1779 — 1847) — русский востоковед, один из основоположников монголоведения и тибетологии, ординарный академик Петербургской академии наук (1833). Серошевский ссылается на публикацию Шмидтом в 1829 г. монгольской летописи Саган-Сэцэна (полный текст с немецким переводом и обширными комментариями).

К стр. 191

Ламу называют Брацкие люди Байкалом озером. Брацкие люди — под таким наименованием примерно с 1609 г. начинает упоминаться в русских документах монголоязычное население Прибайкалья, за которым впоследствии закрепился этноним «буряты». См.: *Токкарев С.А. О происхождении бурятского народа // Советская этнография, 1953, № 2, с. 47; Нимаев Д.Д. Проблемы этногенеза бурят. Новосибирск, 1988, с. 89.*

К стр. 193, сноска 3

«Записки об Енис. губ. 1831 г.» Ст. Совет. И. Пестова... Здесь имеется в виду следующая работа: *Пестов И. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири в 1831 г. М., 1833.* Пестов И. — губернатор Енисейской губернии, один из представителей административной этнографии в Сибири.

К стр. 195, сноска 1

...если будешь по скалам ходить — будешь х а м н о г ы н. Хамниганы — этническая группа эвенкийского (тунгусского) происхождения среди бурят. Одну группу хамниган, проживающую в бассейне р. Онон можно рассматривать как омонголившихся эвенков, а другую — армакскую — группу эвенков, переселенных в 1763 г. с р. Ангары и Байкала и проживающих в бассейне р. Джиды, можно причислить к обурятавшимся эвенкам.

К стр. 196, сноска 1

А.В. Адриянов рассказывает о забавной переписке... В.Л. Серошевский имеет в виду следующую работу: *Адриянов А. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 г. по поручению Императорского русского географического общества и его Западно-Сибирского отдела // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. СПб., 1886, кн. 8, вып. 2.*

А.В. Адриянов — журналист-краевед, совершил свое путешествие в область водораздела рек Томи и Абакана, а также маршрутную поездку в сторону Кемчика с пересечением Западного Саяна вместе с политическим ссыльным Д.А. Клеменцем (1848 —

1914), впоследствии известным археологом и этнографом. Дневник путешествия и особенно этнографические заметки А.В. Адриянова об алтайцах и сойотах (тувинцах) в свое время представляли значительный интерес.

К стр. 197

...а также минусинских и енисейских писаниц. По р. Лене и другим рекам Якутии обнаружены наскальные писаницы, а в некоторых местах найдены надписи на орхонском руническом алфавите. По мнению С.Е. Малова и А.Н. Бернштама, эти надписи представляют эпитафии лиц, похороненных там. См.: *Бернштам А.Н. Древнетюркское письмо на р. Лене // Эпиграфика Востока, т. 4. М. — Л., 1951, с. 76 — 86.*

Глава II. Расселение

Проблемы, поднятые В.Л. Серошевским в данной главе, до сих пор остаются предметом оживленных научных дискуссий. Процесс расселения якутов по просторам Восточной Сибири привлек к себе пристальное внимание исследователей. См.: *Попов Г.А. Расселение якутов в XVII — начале XVIII столетия // Известия Якутского отдела Государственного русского географического общества, т. III, Якутск. 1928; Майнов И.И. Население Якутии // Якутия. Сборник статей. Л., 1927; Парникова А.С. Расселение якутов в XVII — начале XX в. Якутск, 1971.* Привлечение широкого круга архивных источников из фондов Центрального государственного архива древних актов, Центрального военно-исторического архива, Центрального государственного архива Республики Саха (Якутия) дало возможность показать, как вследствие последовательного интенсивного расселения якутов за пределы колыбели якутской культуры в Амгинско-Ленской котловине, широкого распространения якутского языка и культуры на протяжении XVII — XIX вв. изменилась этническая структура якутского народа. В свое время В.Л. Серошевский отметил четыре локальных подразделения, особо выделив район сплошных поселений якутов на Амгинско-Ленском плоскогорье. Продвигаясь отсюда в долины Вилюя, Индигирки и Колымы, якуты утверждали свою традиционную систему скотоводческого хозяйства и устоявшийся веками быт. В результате сложного процесса адаптации к периферийным областям Ленского края возникли такие своеобразные этнографические группы якутского этноса, как вилюйская, верхомянская, колымская, олекминская, которые ассимилировали значительные группы эвенков (тунгусов), эвенков, юкагиров. Усвоив якутский тип скотоводческого хозяйства, коренное население по культуре быстро уподобилось якутам и якутская культура стала здесь явно доминировать.

К стр. 204

Якутов в настоящее время считают с лишком двести тысяч душ. По подсчетам Б.О. Долгих, ленско-амгинских якутов в 1665 г. было 24 800 чел., вилюйских якутов — 2220, верхомянских якутов — 1120, жиганских якутов — 130, коринского и бутальского родов якутов на Аддане — 140 чел. Всего якутов в Якутском уезде насчитывалось 28 470 чел. (См.: *Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия, т. IV, 1960, с. 543 — 544.*) С XVII по конец XIX в., когда вышла в свет книга В.Л. Серошевского, произошло увеличение численности якутов с 28,5 тыс. до 226 тыс. чел. Этнополитическая ситуация в Якутии менялась очень динамично. По данным Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., всего в Якутской области насчитывалось 221 067 чел. якутов. Спустя 30 лет, по Всесоюзной переписи населения 1926 г., было учтено в Якутской АССР 235 926 чел. якутов (См.: *Всесоюзная перепись населения 1926 г., т. VII. Дальне-Восточный край. Якутская АССР. М., 1928, с. 180 — 181.*) По Всесоюзной переписи населения 1989 г., всех якутов было учтено 381 922 чел., в том числе по Российской Федерации — 380 242 чел. в Республике Саха (Якутия) проживало, по переписи, 365 236 чел. (См.: *Население российских республик (по данным переписи 1989 г.) // Союз, 1990, № 23(75), с. 16; Расселение народов СССР по союзным республикам по переписи 1989 г. // Союз, 1990, № 32, с. 12 — 13.*) По данным переписей населения, численность якутов изменялась следующим образом: 1959 г. — 236 655 чел., 1970 г. — 294 244, 1979 г. — 328 618, 1989 г. — 381 922 чел. (*Как изменялась численность народов СССР: по данным переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг. // Союз, 1990, № 44, с. 16.*) Общая численность населения Республики Саха (Якутия) — 1094 тыс. чел. В процентах к общей численности населения якуты составляют 33,4% — 381 922 чел., русские — 50,3% — 550 263 чел. и прочие — 16,3% (*Федерация, 1991, № 29(31), с. 10 — 11.*)

К стр. 202, сноска 1

Точных современных сведений о туруханских якутах... я добыть не мог. Сведения о якутах, живших в прошлом за пределами Якутской области, которые не мог в свое время добыть В.Л. Серошевский для своей книги, были систематизированы А.С. Парниковой с учетом данных переписей населения 1897 и 1926 гг. (см.: *Парникова А.С. Расселение якутов*

в XVII — начале XX в. Якутск, 1971, с. 132 — 139). Более детализированные сведения о туруханских якутах собрал Б.О. Долгих. Туруханскими якутами в конце XIX в. считались жители двух родов: нижнезатундринский, кочевавший по берегам рек Хатанги, Хеты и Анабара (216 мужчин и 272 женщины), и шорохинский, вполне обрусевший и оседлый в двух станах на правом берегу Енисея: Шорохинском и Костинском (63 мужчины и 37 женщин). Следовательно, во времена Серошевского туруханских якутов насчитывалось 588 чел. (ср. Латкин Н.В. *Енисейская губерния. Ее прошлое и настоящее*. СПб., 1892, с. 142). По данным Б.О. Долгих, нижезатундринских якутов оказалось 538 чел. Шорохинские якуты, по переписи 1926 г., вовсе не значатся (они считали себя русскими). Что касается есеевских якутов, живущих в районе озера Ессей, А.С. Парникова обратила внимание на публикацию миссионера М.И. Суслыва посетившего есеевских якутов (см.: *Енисейские Епархиальные ведомости*, (1884, № 7). В этой публикации, оставшейся неизвестной В.Л. Серошевскому, численность есеевских якутов определялась в 600 человек обоего пола. По переписи 1926 г., на озере Ессей было учтено 444 чел., на смежных озерах Мурукты — 255 чел. и Дюпкун — 37 чел., всего 736 чел. Была уточнена их национальная принадлежность: на озерах Ессей и Дюпкун преобладали якуты, на озере Мурукты — тунгусы (эвенки). Всего есеевских якутов было учтено 581 чел. Охотских якутов, проживавших в районе г. Охотска, по переписи 1897 г., было учтено 264 чел., по переписи 1926 г. здесь оказалось 389 чел. (в 1929 г. — 397 чел.). Судьба аянских якутов целиком и полностью зависела от судьбы Аянского порта и Якутско-Аянского тракта, пришедших в упадок после ликвидации Российско-Американской компании в 1867 г. В 1920 г. их было учтено 93 чел. Незавидной оказалась судьба удских якутов, проживавших в районе Удского острога, который фактически обезлюдел, когда в 70-х гг. XIX в. факторию и казенный склад перенесли на побережье Охотского моря в новое поселение Чумикан. По переписи населения 1897 г., в тунгусских стойбищах Удского округа было выявлено 151 чел. якутов, по переписи населения 1926 г., в Тугуро-Чумиканском районе Николаевского округа Дальневосточного края якутов было 179 чел. В.Л. Серошевский знал о якутах, поселившихся в Приморской области и на Амуре, но не имел о них точных сведений. Немного позже в результате переписи населения 1897 г. в Амурской области в тунгусских стойбищах вокруг Ниманских притоков, смежных с Якутией, было зарегистрировано 340 чел. якутов. В 1926 г. в Амурском округе Дальневосточного края оказалось 398 якутов. В Забайкальской области в 1897 г. было учтено 110 якутов. Тогда же по всей Приморской области, включая район Охотска, было зарегистрировано 466 якутов. По новому административно-территориальному делению, в 1926 г. в Дальневосточном крае, включая и районы, расположенные близ побережья Охотского моря, насчитывалось свыше 1200 якутов.

К стр. 206

Долганы, кочующие по Хатанге, Анабаре и по пустыням между Норильскими и Жессейскими озерами, занимаются оленеводством и звериным промыслом. Долганы — самоназвание долган, тыа-кихи. Живут в Таймырском (Долгано-Ненецком) автономном округе Красноярского края в бассейнах рек Хатанга, Пясины; небольшая часть — на Енисее в районе Дудинки. По переписи населения 1989 г., общая численность долган — 6584 чел., в том числе в Красноярском крае — 5383, из них в Таймырском (Долгано-Ненецком) автономном округе — 4939 и в Республике Саха (Якутия) — 408 чел. Относятся к североазиатской расе большой монголоидной расы. Говорят на долганском языке, входящем в якутскую подгруппу тюркской группы алтайской семьи языков. Язык долган сложился в результате распространения якутского языка среди эвенков (тунгусов) рода (или территориальной группы) Дулган с конца XVI в. и позднее среди других групп эвенков. Этот процесс сопровождал образованием новой тюркоязычной народности в течение XVIII и первой половины XIX в., говорящей на языке, в основе которого лежит якутский язык, подвергшийся значительному воздействию эвенкийского во всех уровнях его строя (фонетика, морфология, синтаксис и лексика) (см.: Попов А.А. *Долганы // Народы Сибири. М. — Л., 1957; Долгих Б.О. Происхождение долган // Сибирский этнографический сборник, т. 5. М., 1963; Убрятова Е.И. Язык норильских долган. Новосибирск, 1985).*

К стр. 206, сноска 5

Вот что пишет Костров об этих якутах... Здесь В.Л. Серошевский ссылается на следующие работы: Костров Н.А. *Очерки Туруханского края // Записки Сибирского отдела Императорского русского географического общества, СПб., 1857, кн. IV; Кривошапкин М.Ф. Об остяках, тунгусах и прочих инородцах // Записки Сибирского отдела Императорского русского географического общества. СПб., 1863, кн. VI, отд. 1.*

Костров Николай Алексеевич (1823 — 1881) — князь, русский этнограф, автор ряда этнографических исследований о народах Сибири. См.: Барсов Н.Н. *Обзор ученой деятельности Н.А. Кострова // Отчет Императорского русского географического общества за 1878 г. СПб., 1879, трл. с. 17 — 20; Зеленикина О.А. Н.А. Костров*

// *Этнографический бюллетень Восточно-Сибирского отдела Государственного русского географического общества. Якутск, 1923, № 4, с. 1 — 7 (со списком трудов).*

К стр. 207

Северное население вообще значительно подвижнее; оно вечно переходит с места на место и постоянно меняет свое распределение. В.Л. Серошевский осторожно назвал северных якутов жителями Жиганского улуса или северным населением, не решаясь, видимо, из-за отсутствия материалов выделить их в особую этнографическую группу якутов. Современная этнография располагает детальными данными о заселении якутами северо-западных и северо-восточных окраин Якутии. По мнению И.С. Гурвича, на территории северо-запада Якутии, занятой некогда якутами-скотоводами, возникла своеобразная этнографическая группа якутов-оленьеводов (*Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленьеводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. М., 1977; Его же Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966*). В бассейне р. Оленека, в районе сплошного расселения тунгусов (эвенков), «якуты-переселенцы вынуждены были воспринимать хозяйственный уклад коренного населения, приспособляясь к новым условиям, и якутская традиционная культура утверждалась главным образом в духовной культуре. В результате здесь возникли специфические этнографические группы, такие, как северные якуты-оленьеводы, с культурой, близкой по облику и к эвенкийской, и к якутской» (*Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленьеводов, с. 237*). Эта концепция вызвала дискуссию об этнической принадлежности населения северо-запада Якутии. В ходе переписи 1926 — 1927 гг., когда термин «тунгус» понимался как синоним кочевника-скотовода, население бассейнов рек Оленека и Анабары было отнесено к тунгусам (эвенкам) в отличие от якутов-скотоводов. Между тем этнографические наблюдения неопровержимо свидетельствовали об этническом единстве населения северо-запада Якутии и о принадлежности его к якутам. См. дискуссию на страницах журнала «Советская этнография» в 1950 — 1952 г.: *Гурвич И.С. К вопросу об этнической принадлежности населения северо-запада Якутской АССР // Советская этнография, 1950, № 4; Долгих Б.О. К вопросу о населении бассейна Оленека и верховьев Анабары // Советская этнография, 1950, № 4; Терлецкий П.Е. Еще раз к вопросу об этническом составе населения северо-западной части Якутской АССР // Советская этнография, 1951, № 1; Сулов И.М. О национальной принадлежности современного населения северо-запада Якутской АССР // Советская этнография, 1952, № 2; Гурвич И.С. По поводу определения этнической принадлежности населения бассейнов рек Оленека и Анабары // Советская этнография, 1952, № 2; Долгих Б.О. О населении бассейнов рек Оленека и Анабары // Советская этнография, 1952, № 2).*

К стр. 210

... мы находим в списке ленских воевод Петра Головина со товарищи... Головин Петр Петрович — стольник, первый русский воевода в Якутской земле в 1638 — 1645 гг. До 1638 г. Ленский острог как русский административный центр в Якутии (Ленском крае) подчинялся Енисейской воеводской канцелярии. В августе 1638 г., когда Якутский уезд был выделен в качестве самостоятельной административной единицы, было принято решение послать в Ленский острог сразу двух воевод. Вместе с П.П. Головиным был назначен воеводой стольник Матвей Богданович Глебов. С ними прибыли письменные головы Еналей Леонтьевич Бахтеяров, Василий Данилович Поярков и дьяк Ефим Варфоломеевич Филатов. Символом воеводской власти была Печать Государства с надписью «Новые сибирские земли, что на великой реке Лене». Описание печати по росписи 1635 г.: «На якутской бабр в роте несет соболя, высокие горы и трава...» (в последующих росписях уточнялось: орел поймал соболя). В 1642 г. П.П. Головин провел поголовную перепись всего взрослого мужского населения с учетом семейной и имущественного положения. При переписи отмечалось количество и возраст детей, наличие холопов, количество скота с подробным его описанием: рогатый скот и лошади, молодняк или рабочий скот и т.д.; учитывались не только самостоятельные хозяева, но и захребетники и подростки, ранее не платившие ясак. Головин первым ввел для якутов твердые и при том высокие ясачные индивидуальные оклады, поставив ясачное обложение в прямую связь с обеспеченностью скотом каждого хозяйства. Обычным соотношением между числом соболей, сдававшимся в качестве ясака, и количеством скота было 1:1 или 1:2 в зависимости от числа едоков и работников в каждом хозяйстве. Введение подушного ясака встретило открытое сопротивление местного населения, которое вылилось в восстание 1642 г., жестоко подавленное воеводской администрацией. В 1643 г. П.П. Головин перенес Ленский острог на место современного г. Якутска — на левый берег р. Лены в 70 км выше старого Ленского острожка. Построенный в долине р. Туймаады, острог был назван Якутским и впоследствии стал г. Якутском. См.: *Ионова О.В. Из истории якутского народа. Якутск, 1945; Якутия в XVII веке: очерки. Якутск, 1953; Сафронов Ф.Г. Город Якутск в XVII — начале XIX века. Якутск, 1957.*

Не упоминает о якутах и Петр Бекетов... Бекетов Петр — стрелецкий сотник Енисейского острога, основатель Ленского острога. В 1628 г. с отрядом казаков совершил поход на р. Анггару для взимания ясака с тунгусов (эвенков) и поставил Рыбенский острог; затем добрался до бурят в бассейне р. Оки и взял с них первый ясак. В 1630 г. был направлен с отрядом казаков из г. Енисейска на р. Лену для взимания ясака. Летом 1631 г. дошел до Средней Лены. В 1632 г. в конце сентября построил Ленский острожок на правом берегу р. Лены, вблизи местности Чымаадай, напротив улуса намских якутов. В 1635 г. Бекетов построил недалеко от устья р. Олекмы острожек Олекминский и стал собирать ясак с тунгусов, живших по р. Олекме и Витиму. Якутов источники здесь еще не отмечают. Челобитная и послужной список П. Бекетова о походе на р. Лену от 6 сентября 1633 г. опубликована в *Материалах по истории Якутии XVII века*. М., 1970, с. 1072 — 1096. См. также: *Якутия в XV веке. Очерки*, с. 219.

К стр. 211, сноска 2

По мнению этого автора, оно было основано Копыловым. Копылов Дмитрий — казачий атаман из г. Томска. В январе 1636 г. под его началом отряд из 50 чел. (10 конных казаков и 40 пеших) направился через Енисейск и Ленский волок на восток. Выйдя на р. Лену, направился на Алдан и в верховьях этой реки поставил Бутальское зимовье для взимания ясака с окрестных тунгусов (эвенков). В 1639 г. Д. Копылов с отрядом томских служилых людей принимал участие в межродовых столкновениях якутов на стороне нюрюктейцев и мегинцев, а отряд П. Ходырева — на стороне сыланцев.

К стр. 211, сноска 4

Негидальцы так зовут, между прочим, Амур. Негидальцы (от «негда» — «береговой, крайний» на языке эвенков и ульчей), ороконы, гиялки (устаревшее название) — самоназвания — элькан бэйэнин, на бэйэнин — «здешний, местный», амгун бэйэнин — «амгунский») — народ в Хабаровском крае. Живут по рекам Амур и Амгунь. Численность по переписи населения 1989 г. — 587 чел. Относятся к байкальскому типу североазиатской расы большой монголоидной расы. Говорят на негидальском языке тунгусо-маньчжурской группы алтайской семьи языков. См.: Смоляк А. В. *Негидальцы // Народы мира: историко-этнографический справочник*. М., 1988; *Ее же. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. Середина XIX — начало XX в.* М., 1975.

К стр. 212, сноска 1

По Тастаху и Индигирские вершины многие неясчные тунгусы-ломутки... Ламуты (ломуты, ломутки) — устаревшее наименование тунгусоязычной народности эвенов до 1931 г., когда их официально стали называть по самоназванию — эвены. Обитают преимущественно к востоку от нижнего течения р. Лены в Республике Саха (Якутия), Магаданской области и Хабаровском крае. Среди эвенов выделяется несколько этнографических групп: ороч, мэнэ и др. По переписи населения 1989 г., насчитывается 17 055 чел. эвенов, в том числе в Республике Саха (Якутия) — 8668 чел. См.: *Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.)*. Л., 1969; *Карлов В. В. Эвенки в XVII — начале XX в. Хозяйство и социальная структура*. М., 1982; *Тузолук В. А. Тунгусы (эвенки и эвены Средней и Западной Сибири)*. М., 1985.

К стр. 215, сноска 2

Тунгус Чилкагирского рода с Ламы. Чилкагир — тунгусский (эвенкийский) кровнородственный род, кочевавший в XVII в. на верховьях р. Лены и у Ламы (озеро Байкал).

К стр. 220, сноска 2

Иван Москвитин отправляется на Маю, оттуда на Охотское море, и опять с 31 человеком. Москвитин Иван Юрьевич — русский землепроходец, казачий атаман. В 1639 г. с отрядом казаков в 31 человек совершил первый русский поход на Тихий океан, достиг Охотского моря, обследовал его побережье, побывал в устье р. Амур у косы мыса Куегда, но, убедившись, что их путь на р. Амур вверх должен был проходить мимо относительно многочисленных больших поселений нивхов-гиялков, решил из-за «малоллюдства» своего отряда не делать попытки идти на Амур. См.: *Полевой Б. П. Доходил ли Иван Москвитин до устья Амура? // Материалы Отделения истории географических знаний. Вып. 1. Географическое изучение Сибири. XVII — XIX вв.* Л., 1962, с. 64 — 76.

К стр. 226, сноска 5

Кривошапкин. Здесь Серошевский ссылается на следующее издание: *Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь // Записки Императорского русского географического общества, 1865, № 1.*

Глава III. Физические особенности племени

Хотя со времени подготовки В.Л. Серошевским своей монографии прошло без малого сто лет, якуты все еще недостаточно хорошо изучены в антропологическом отношении. Собранные вскоре после появления книги *Якуты* антропологические данные носили довольно ограниченный характер и в методическом отношении оставляют желать лучшего. См.: Геккер Г.Л. *К характеристике физического типа якутов // Записки Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества, 1896, т. III, вып. 1; Кон Ф.И. Физиологические и этнологические данные об якутах (Антропологический очерк). Минусинск, 1899; Майнов И.И. Якуты (по материалам Г.Л. Геккера) // Русский антропологический журнал, 1902, № 4.*

Между тем за эти годы проблемы якутского этногенеза привлекали внимание все более широкого круга специалистов и решались на основе все более разнообразных данных, используемых в качестве исторического источника. По справедливому замечанию В.П. Алексеева, «антропология смогла вступить в строй наук, изучающих якутский этногенез, лишь после Отечественной войны, когда впервые были получены полноценные, собранные на современном уровне, достаточно обширные сведения о физическом типе якутов» (Алексеев В.П. *В поисках предков: антропология и история. М., 1972, с. 274; ср.: Левин М.Г. Антропологический тип якутов // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М., 1947, вып. 3; Золотарева И.М. Территориальные варианты антропологического типа якутов // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975).*

Сейчас представляется возможность привлечь к обсуждению проблемы происхождения якутов имеющуюся антропологическую информацию. Как известно, среди народов Восточной Сибири антропологами выделено три антропологических типа: арктический, центральноазиатский и байкальский. Якуты по своим расово-диагностическим признакам оказались типичными представителями центральноазиатского типа большой монголоидной расы, хотя все ближайшие соседи в местах современного расселения якутов — эвенки и эвены, тунгусо-маньчжурские народы Амура (негидальцы, ороки, нанайцы, большинство ульчей) — относятся к байкальскому типу. Вместе с тем антропологи отмечают у якутов при заметном преобладании признаков центральноазиатского антропологического типа некоторые элементы субстратного происхождения с признаками байкальского типа, предполагая, что древнее доякутское население бассейна Лены обладало, очевидно, именно таким комплексом признаков байкальского типа и что оно действительно частично вошло в состав якутов. Предки якутов принесли на Лену новый физический тип и новый тюркский язык в эпоху средневековья и продолжали расселяться дальше на север. Центральноазиатский тип, к которому относятся якуты, распространен гораздо южнее современных районов расселения якутов в степных районах Сибири, степных и полупустынных районах Центральной Азии. К этому типу, кроме якутов, относятся только туvinцы степных районов, буряты, монголы, южные алтайцы (точнее, алтай-кжи и теленгеты), некоторые группы хакасов. При этом краниологически подтверждается также родство якутов с бурятами. Таким образом, антропологический материал по якутам тоже ведет на юг в Прибайкалье, как и лингвистические наблюдения и фольклорные свидетельства. Таким образом, если во времена Серошевского предлагались разные гипотезы происхождения якутов и окончательный выбор между ними не был осуществлен, сейчас можно констатировать совпадение показаний результатов антропологических исследований с данными лингвистического анализа истории развития языка и этногенетическими преданиями якутов. См.: Константинов И.В. *Происхождение якутского народа и его культуры // Якутия и ее соседи в древности (Труды Приленской археологической экспедиции). Якутск, 1975, с. 106 — 173.*

К стр. 237

Где, однако, происходило это смешение с бурят-монголами, следы которого остались и в языке, и во внешности якутов, судить трудно. Вопрос о взаимоотношении и взаимовлиянии якутского и монгольского языков обстоятельно рассматривается Е.И. Убрятовой, которая на основании анализа языка, в частности довольно широкого проникновения и закрепления в якутском языке глагольных форм из монгольского, однозначно делает принципиальный вывод о том, что предки якутов, эвенки (тунгусы) и какое-то монголоязычное племя некогда жили в непосредственном общении и были фактически многоязычными. См.: Убрятова Е.И. *Историческая грамматика якутского языка. Якутск, 1985; Ее же. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М., 1960.* Как считает она, якутский язык, по-видимому, сложился в процессе распространения какого-то древнего тюркского языка в иноязычной среде. По ее мнению, это был язык, близкий языку орхонских тюрков. Во всяком случае, до прихода древних тюрков на Лену в районе междуречья Лены и Алдана жили какие-то тунгусоязычные группы. Они давно слились с тюрками. Однако след от их языка, как полагают лингвисты, остался в языке якутов — нового народа. Этот след, собственно говоря, и представляет все то, что внесли древние тунгусы (эвенки) в новый для себя язык. Изучение прошлого

якутов и их предков по данным языка усиленно продолжается, однако по вопросу исторических особенностей взаимоотношения и взаимовлияния этих языков и их носителей среди ученых нет единого мнения. Расширяя исследования А.П. Окладникова, Н.К. Антонов произвел интересный анализ монголизмов в якутском языке, который позволил ему сделать важные выводы о предках якутов и их прежнем месте обитания, хотя в целом методика работы автора с лексикой, его уверенность в том, что все вопросы можно разрешить на материалах якутского языка с ограниченным привлечением случайных сопоставлений, вызвали вполне обоснованные сомнения ученых. См.: Антонов Н.К. *Материалы по исторической лексике якутского языка*. Якутск, 1971; ср.: Убрятова Е.И. *Историческая грамматика якутского языка*, с. 47 — 48. С.Калужинский произвел фактически изучение всего того, что можно было извлечь чисто монгольского, каждое слово сопоставил по соответствующим монгольским языкам с привлечением тюркских параллелей, проследил фонетические и семантические изменения таких заимствований в якутской среде и попытался уточнить на основе анализа фонетических изменений хронологию монгольских заимствований, что особенно важно для этногенеза якутов. Особое мнение по этому вопросу в свое время высказал В.М. Наделяев, предложивший выделить в процессе монголизации якутского языка два этапа: 1) X — XI вв., когда якутский язык освоил сравнительно небольшую долю монгольской лексики, что было обусловлено появлением на Средней Лене киданьских миссионеров-буддистов; 2) первая половина XII в., когда лексические заимствования из монгольского значительно увеличились и сказались даже на фонетических особенностях якутского языка. Этот этап В.М. Наделяев связывает с появлением на Средней Лене киданьского военного отряда после разгрома чжурчженями Киданьской империи в 1125 — 1127 гг. См. новейшую литературу о связях якутского языка с другими языками в связи с проблемой происхождения якутов: Попов Г.В. *Слова «неизвестного происхождения» якутского языка*. Сравнительно-историческое исследование. Якутск, 1986; Язык — миф — культура народов Сибири. Сборник научных трудов, вып.1, Якутск, 1988, вып. 2. 1991.

К стр. 238, сноска 1

Хоринские буряты, кочующие к югу от Байкала... Хоринские буряты (хоро, хоринцы) — одно из крупнейших наряду с эхиритами и булагатами бурятских племен, составивших основную массу монголоязычного населения современного Забайкалья. Первое упоминание в источниках о хоро относится к началу XIII в., когда они обитали в пределах современного Прибайкалья. В период формирования якутской народности после обретения родины на среднем течении р. Лены часть хоро, вероятно всего, после их разгрома в 1207 г. войсками Чингисхана откочевала в пределы Центральной Якутии, положив начало хоринским родам и наслегам, легендарным прародителем которых считается Улу Хоро. См.: Румянцев Г.Н. *Происхождение хоринских бурят*. Улан-Удэ, 1962; Цыдендамбаев Ц.Б. *Бурятские исторические хроники и родословные*. Улан-Удэ, 1972; Нимаев Д.Д. *Проблемы этногенеза бурят*. Новосибирск, 1988.

К стр. 238, сноска 2

...а из Албазинского острога, а те Мунгульцы слывут Табунуты... Албазинский острог (Албазин) — русская крепость на левом берегу р.Амур в 1651-1689 гг. С 1684 г. Албазин — центр одноименного воеводства. По Нерчинскому договору 27 июля 1689 г., территория Албазинского воеводства была передана Китаю, а крепость Албазин была упразднена. Табунгуты — одна из монгольских этнических общностей, проживавшая на правобережье р. Селенги в середине XVII в. к моменту прихода русских. Предводителем табунгутов был Турухай Табун ("табугут" происходит от слова «табунг» — княжеский зять).

К стр. 247

Остается упомянуть о тех уродствах и болезнях, которые распространены среди якутов. Традиционные представления якутов о происхождении болезней, средствах и методах их лечения были предметом специального рассмотрения в прошлом и в настоящем. Однако этот вопрос с точки зрения изучения народной медицины якутов нельзя еще считать достаточно исследованным. См.: Токарский А.А. *Меряченье и болезнь судорожных подергиваний*. М., 1893; Виташевский Н.А. *Из области первобытного психоневроза // Этнографическое обозрение*, 1911, № 1 — 2, с. 180 — 228; Мицкевич С.И. *Мэнэрик и эмирэчэне. Формы истерии в Колымском крае*. Л., 1929; Шрейбер С.Е. *Медико-санитарное обследование населения Вилюйского и Олекминского округов*. Л., 1931; Колпакова Т.А. *Эпидемиологическое обследование Вилюйского округа Якутской АССР*, Л., 1933; Семенов В.С. *Некоторые вопросы краеведческой медицины в Якутии // Сборник научных работ Якутской республиканской больницы*. Вып. I. Якутск, 1943, с. 11 — 45; Петров П.А. *О так называемой полярной истерии // Сборник научных работ Якутской республиканской больницы*. Вып. VIII. Якутск, 1960, с. 42 — 47; Львов Л.А.

Образ жизни и долголетие в Якутии. Якутск, 1974; Григорьева А.М. О народной медицине якутов. Якутск. 1991; Ее же. Народная медицина якутов. Медико-биологический аспект народного врачевания в Якутии XVIII — XIX вв. М., 1992. Ср.: Бромлей Ю.В. Народная медицина как предмет этнографии // Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. Очерки теории и истории. М., 1981.

К стр. 247, сноска 2

...Амирак значит у телеутов. Телеуты — тюркоязычная этническая общность, относящаяся к южным алтайцам. На рубеже XIX — XX вв. телеуты включали четыре этнографические группы: бачатскую, томскую, чумышскую, алтайскую. Потомки томских телеутов — калмаки в настоящее время слились с чатами и еуштинцами, образовав этнотерриториальную группу томских татар. Телеуты постепенно консолидируются с рядом других тюркоязычных этнических групп в алтайскую народность. Приблизительная численность телеутов — 3,5 тыс. в Кемеровской области и Республике Алтай. По переписи населения 1989 г., телеуты включены в число алтайцев. См.: *Материалы к серии «Народы и культуры», вып. XVII. Телеуты. М., 1992.*

Глава IV. Экономические основы быта

В четвертой главе В.Л. Серошевский впервые подробно останавливается на характере экономической стороны основных отраслей традиционного хозяйства якутов: скотоводство, земледелие, рыболовство и охотничьи промыслы. Якуты издавна занимались разведением крупного рогатого скота и лошадей, хотя, как известно, бассейн р. Лены до прихода сюда предков якутов представлял собою регион, где местное население преимущественно занималось охотой и рыболовством и частично оленеводством. С освоением якутами территории Средней Лены и Амгинско-Ленского плоскогорья здесь распространяется и получает свое дальнейшее развитие совершенно новая для сравнительно более суровых природно-климатических условий, чем на далекой южной прародине предков, культура — скотоводческая в качестве основного занятия. «Следовательно, сохранение южного скотоводства в суровых условиях севера и обеспечение его дальнейшего, восходящего развития есть историческая заслуга народа, ощутившегося по воле судьбы в суровых естественных условиях существования» (Иванов В.Н. *Социально-экономические отношения у якутов. XVII век. Якутск, 1966, с. 127*). По существу, именно здесь, в условиях бассейна Средней Лены, сформировался совершенно новый тип хозяйства — скотоводческий, основанный на сенокосно-пастбищном ведении хозяйства, в отличие от пастбищного скотоводства, характерного для народов Южной Сибири и Центральной Азии. Принципиальным отличием такого нового типа хозяйства было неизбежное продолжительное зимнее, стойловое содержание скота и обеспечение проблемы заготовки сена для кормления скота зимой, которая продолжается до 200 — 220 дней. В.Л. Серошевский обстоятельно описывает процесс сенозаготовки от начала кошения сена до стогования и дает детальную характеристику применяемых для этого орудий. Описание техники и технологии производственного процесса сенокосения и сенозаготовки сопровождается в главе собранными автором конкретными данными об объеме работы, производимой косарем. В.Л. Серошевский также уделил внимание таким видам хозяйственной деятельности якутов, как охота и рыболовство.

К стр. 252

Столбы коновязей считаются священными... Коновязные столбы возводились в далеком прошлом жителями степей Центральной Азии и Южной Сибири. В скифских погребениях, датируемых IV — V вв. до н.э., применялись обрядовые коновязи. См.: Иванов С.В. *Якутские коновязи // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976; Зыков Ф.М. Происхождение сэргэ // Полярная звезда, 1974, № 5; Яковлев В.Ф. Якутские коновязи // Язык — миф — культура народов Сибири, с. 161 — 167.*

К стр. 255

Культура рогатого скота явилась впоследствии... Если во времена Серошевского вся литература по истории животноводства в Якутии ограничивалась несколькими публикациями: Гольман В.Г. *Заметки о коневодстве в Якутской области // Памятная книжка Якутской области на 1871. Якутск, 1877, с. 122 — 138; его же. О болезнях домашних животных в Якутской области // Труды сельскохозяйственной комиссии при Восточно-Сибирском отделе Императорского русского географического общества за 1871 г. Иркутск, 1972; его же. Сведения о падеже лошадей и рогатого скота в Лючинском наслеге Средневилюйского улуса Вилюйского округа Якутской области // Архив ветеринарных наук, 1880, № 1, с. 1 — 12; Дмитриев С.Я. *Заметки по якутскому скотоводению // Памятная книжка Якутской области на 1896 г. Якутск, 1896, с. 61 — 117; Ионов В.М. К вопросу о скотоводстве у якутов Якутского округа // Памятная книжка Якутской области на 1896 г., с. 3 — 60, — то в последующие годы изучение**

этой важнейшей отрасли традиционного хозяйства якутов приобретает систематический характер. В 20-х гг. XX в. проводилось обследование по определению кормовой нормы скота в стойловый период, были опубликованы данные о динамике поголовья крупного рогатого скота и лошадей в Якутии, в рамках Якутской экспедиции АН СССР в ряде районов Якутии в 1925 — 1926 гг. велось зоотехническое исследование крупного рогатого скота. См.: Попов А.И. *Кормовые нормы скота в Якутии за стойловый период 1921 — 1922 сельскохозяйственного года // Некоторые данные о питании и товарном потреблении населения Якутии и кормовых нормах скота.* М., 1924, с. 35 — 39; *Скотоводство и земледелие в Якутии в 1917, 1921 и 1922 гг.* Якутск, 1923; Шубская Е.И., Салтыков Ф.И. *Предварительный отчет о работах подотряда животноводства в Вилюйском и Якутском округах в 1925 — 1926 гг.* Л., 1927; *Порядин В.Н. Луговое хозяйство в Якутском округе // Материалы по изучению сельского хозяйства Якутского округа по данным агрономического отряда Якутской экспедиции АН СССР.* Л., 1930, с. 335 — 360; Шубская Е.И., Салтыков Ф.И. *Якутский крупный рогатый скот.* Л., 1931 (Труды Совета по изучению производительных сил АН СССР. Серия Якутская, вып. 2); *Расцветав М.К. Очерки по экономике и общественному быту у якутов.* Л., 1932 (Труды Совета по изучению производительных сил АН СССР. К десятилетию Якутской АССР, вып. 7); *Габышев М.Ф. Пути развития животноводства Якутии.* Якутск, 1944. *Следует также отметить исследования Г.П. Башарина: Башарин Г.П. Материалы по вопросу об упадке скотоводства в Якутии во второй половине XIX в. // Вопросы истории сельского хозяйства и революционного движения в России.* М., 1961; *его же. История животноводства в Якутии. 2-я половина XIX — начало XX в.* Якутск, 1962.

К стр. 258, сноски 3 (со стр. 257)

К.К. Нейман. «Несколько слов о торговле...» Здесь В.Л. Серошевский имеет в виду следующее издание: *Нейман К.К. Несколько слов о торговле и промышленности северных округов Якутской области // Известия Сибирского отдела Императорского русского географического общества.* Иркутск, 1872, т.3, № 1.

К стр. 261

Весьма важным экономическим явлением, вызванным к жизни якутов возрастанием стад рогатого скота, был запрос на сенокосные угодья... Вопрос о системе сенокосения издавна привлекает исследователей ввиду его важности для понимания специфики якутского скотоводческого хозяйства и его эволюции. См.: *Гоголев А.И. Распространение по средней Лене скотоводства и проблема этногенеза якутов // Историческая этнография: традиции и современность.* Л., 1983; *Зыков Ф.М. Традиционные орудия труда якутов (XIX и начало XX в.).* Новосибирск, 1989, с. 8 — 39.

Сена коням здесь не дают. В.Л. Серошевский чересчур категоричен в этом вопросе. Хотя принято считать, что якуты в древности будто бы были исключительно коневодами, тем не менее эта точка зрения уже давно остаривается. В частности, С.А. Токарев считал, что «система сенокосения у якутов существовала в эпоху завоевания и, как видно, в более раннюю эпоху. Рогатый скот, безусловно, нуждался в сене зимой; лошадей тоже подкармливали сеном...» (*Токарев С.А. Общественный строй якутов. XVII — XVIII вв.* Якутск, 1945, с. 34). По мнению В.Н. Иванова, вообще возраст сенокосного хозяйства в Якутии равен возрасту переселения сюда предков якутов с юга (*Иванов В.Н. Социально-экономические отношения якутов XVII в. с.130.*)

К стр. 276

После скотоводства второе место, несомненно, принадлежит у якутов земледелию как отрасли добывающего труда. По образному выражению А.П. Окладникова, якутам, «не знавшим хлеба со времен орхонских ханов», пришлось пройти по пути приобщения к земледельческой культуре долгий и тернистый путь (*Окладников А.П. Исторический путь народов Якутии (к 20-летию юбилею Якутской АССР).* Якутск, 1943, с. 79). Широкое распространение земледелия к рубежу XIX — XX вв. вывело в Якутии эту отрасль на второе место после скотоводства. Историография проблемы: *Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII — середина XIX в.).* М., 1956; *Сафронов Ф.Г. Зачатки якутского земледелия // Экономика, управление и культура Сибири XVI — XIX вв.* Новосибирск, 1966; *Башарин Г.П. История земледелия в Якутии (XVII в. — 1917 г.). В двух частях. Т. 1. Посев и урожай зерновых и картофеля.* Якутск, 1989, 350 с. См. также публикации документов: *Сафронов Ф.Г. Материалы о возникновении земледелия среди якутов // Исторический архив.* Т.5, М., 1950; *его же. Материалы о земледелии олекминских якутов в начале XIX века. // Материалы по истории СССР, т. 5. М., 1957.*

К стр. 277

Русское хлебопашество в Якутской области возросло... Наиболее обстоятельная история русского хлебопашества в Якутии изложена в следующих работах: *Майнов И.И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области // Записки Императорского русского географического общества по отделению статистики, т. XII, СПб., 1912; Сафронов Ф.Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII — начало XX в.), Якутск, 1961.*

К стр. 276, сноска 2

Если поставим местным жителям вопрос... кто способствовал возникновению и развитию земледелия... то обязательно наткнемся на «скопческую легенду». Скопцы — одна из религиозных сект духовных христиан. Возникла в России в конце XVIII в., выделившись из секты хлыстов. Скопцы проповедовали «спасение души» в борьбе с плотью путем оскотления (кастрации) мужчин и женщин, отказа от мирской жизни. С 1847 г. царское правительство, считая скопчество особенно вредной сектой, стало выдворять скопцов в Туруханский край (полуостров Таймыр, территория современного Красноярского края). Скопцы прожили там несколько лет, испытывая величайшие лишения, пока в 1859 г. им не было определено другое место для поселения. 233 скопца были направлены в восточную части Якутского округа, на побережье рек Алдана и Май. Первоначально туруханские переселенцы разместились близ г. Якутска и Олекминска. Прибывшие сектанты лютеранского вероисповедания (финны и эстонцы) были поселены в с. Марха недалеко от г. Якутска. Часть скопцов из православных была расселена в Олекминском округе, часть — в дальних местностях Якутского округа, в урочище Таргалах, близ станции Учугей-Муранская по Аянскому тракту и на Алдане близ Старой часовни. Во время пребывания В.Л. Серошевского в якутской ссылке насчитывалось 12 скопческих селений: в Якутском округе (Мархинское, Новониколаевское или Маганское, Кильдемское, Хатын-Аринское, Бологурское, Петропавловское, Троицкое), в Олекминском округе (Спасское, Троицкое, Усть-Чаринское, Илюнское) и в Вилдойском округе (Антоновское). Местное население относилось к скопцам недружелюбно. Общая численность скопческого населения в Якутской области во 2-й половине XIX в. оставалась почти неизменной (около 1200 — 1300 чел.). С 1905 г. скопцы стали выезжать из Якутской области, ликвидируя свои хозяйства. Часть скопцов осела на месте. Однако начавшие было пустеть скопческие селения ввиду последующего ежегодного причисления к ним ссыльнопоселенцев сохранились и уцелели до настоящего времени. См.: *Павлинов Д. Юридический быт скопцов Мархинского селения Якутского округа // Известия Сибирского отдела Императорского русского географического общества, 1875, № 4; Иохельсон В. Олекминские скопцы // Живая старина, 1894, вып. 3 — 4; Кон Ф.Я. Хатын-Аринское скопческое селение // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского географического общества, 1896, т. 26, № 4 — 5; ср.: Волков Н.Н. Скопчество и стерилизация (исторический очерк). М. — Л., 1937.*

К стр. 281, сноска 1

Современные исследователи продолжают уделять серьезное внимание изучению производственной культуры народа, стараются с достаточной полнотой проанализировать способы и методы изготовления традиционных орудий труда и их применения. См.: *Зыков Ф.М. Традиционные орудия труда якутов (XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1989.* Вместе с тем приходится отметить, что во времена Серошевского, вернее, в те годы, когда он писал свою книгу, исследователи уделяли описанию орудий труда несравнимо меньше внимания, чем это следовало бы, тем более что многие традиционные орудия труда в настоящее время почти все давно утрачены. Это замечание в полной мере относится, в частности, и к описанию Серошевским применявшихся якутами земледельческих орудий с распространением у них хлебопашества. Впервые описанное В.Л. Серошевским пахотное орудие якутов, названное сибирским сабаном, действительно представляет одну из разновидностей такого сабана, однако объяснить происхождение этой разновидности, применявшейся якутами, оказалось затруднительным не только для него, но и для современных исследователей. Правда, Ф.И. Зыков считает возможным объяснить происхождение сибирского сабана от башкирских легких, усовершенствованных сабанов, завезенных переселенцами в Сибирь из Приуралья, со ссылкой на следующее издание: *К вопросу о развитии земледелия в Якутской области // Памятная книжка Якутской области на 1896 г. Якутск, 1895, вып. 1, с. 70.*

К стр. 283

Огородничеством якуты почти не занимаются. Историография проблемы: *Штубендорф Ю.И. Результаты разведения огородных овощей в Якутской области за 1859 г. // Акклиматизация, т. 1, вып. 1. М., 1861; его же. Отчет об огородничестве в Якутской области за 1860 г. // Акклиматизация, т. 2, вып. 8. М., 1862; Его же. О посеве и*

урожае огородных овощей в Якутской области в 1861 г. // *Акклиматизация*, т. 3, вып. 2. М., 1862; Башарин Г.П. *История земледелия в Якутии (XVII в. — 1917 г.)*. Т.2. *Овощеводство*. Якутск, 1990.

К стр. 284

Нравне с земледелием, как я отметил выше, следует поставить у якутов рыболовство. Описание индивидуальных средств лова рыбы и средств для коллективной ловли рыбы у якутов см.: Левин Н.П. *Рыболовство и рыбопромышленность в низовьях реки Лены* // *Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества*, 1899, т. XXX, № 2 — 3, с. 81 — 130; Дрягин П.Л. *Рыбные ресурсы Якутии*. Л., 1933, 94 с. (*Труды Совета по изучению производительных сил АН СССР. К десятилетию Якутской АССР*, вып. 5).

К стр. 293

Самую незначительную роль в якутском народном хозяйстве играет в настоящее время звероловство. Охота, несмотря на сокращение ее размеров к концу XIX в., все же являлась более значительным подспорьем для местного населения, чем это представлялось В.Л. Серошевскому. По мнению И.С. Гурвича, в способах охоты северных якутов отчетливо прослеживаются как древние приемы, выработанные, видимо, какими-то аборигенами края, так и эвенкийские и позднейшие якутские и русские методы. То же можно сказать и в отношении охотничьего снаряжения. Способы рыбной ловли у северных якутов оказались менее специфичными, чем приемы охоты. Рыболовство по всему Северо-Востоку Сибири, включая территорию Якутии, было в значительной степени унифицировано, хотя в некоторых способах добычи в бассейне р. Оленек И.С. Гурвич усмотрел характерные эвенкийские и якутские приемы (*Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленьеводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа*, с. 44, 48). История пушного промысла и пушной торговли в Якутии получила достаточно подробное освещение в ряде работ: Иохельсон В.И. *Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе*. СПб., 1898; Константинов М.М. *Пушной промысел и пушная торговля в Якутском крае*. Иркутск, 1921; Доппельмайер Г.Г. *Пушной и охотничий промысел в Якутии* // *Якутия*. Л., 1927; Тимофеев-Терешкин М.И. *Очерки пушного дела в Якутии*. Иркутск, 1927; Мартынов М.Н. *Пушные промыслы в Якутии в XVIII в.* // *Ученые записки Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР*. Якутск, 1956, вып. 4; Дьяконов А.Л. *Огнестрельное охотничье оружие в Якутии в первой половине XIX в.* // *Вопросы истории, языка и фольклора*. Якутск, 1983; *Его же. Пушной промысел в Якутии конца XVIII — середины XIX в.* Якутск, 1989.

К стр. 295

Якутов-оленьеводов, вроде чукчей или самоедов, совсем нет. Хотя в малоизвестных публикациях середины XIX в., посвященных описанию Жиганского улуса и Вилуйского округа, прямо отмечалось, что коренное население северо-запада Якутии представляет собою преимущественно кочевых якутов, ведущих промысловое хозяйство и занимающихся оленьеводством, эти наблюдения не попали в поле зрения В.Л. Серошевского, (см.: Хитрово. *Описание Жиганского улуса* // *Записки Сибирского отдела Императорского русского географического общества*, 1856, кн. 1; Кларк П. *Вилуйский округ и его обитатели* // *Записки Сибирского отдела Императорского русского географического общества*, 1864, кн. VII). Мнение об отсутствии якутов-оленьеводов представляет сейчас только чисто историографический интерес и давно опровергнуто. Анализу культуры северных якутов-оленьеводов посвящено исследование И.С. Гурвича. Изучение им особенностей традиционного хозяйства, быта, семейных отношений, обычаев, обрядов, верований северных якутов позволило показать изменение облика культуры якутского этноса в условиях Крайнего Севера и осветить специфику взаимодействия эвенкийской (тунгусской) и якутской культур (см.: комментарий к стр. 207). Литература по оленьеводству: Соколов И.И. *Указатель русской литературы по оленьеводству за 1700 — 1931 гг.* Л., 1938; *Оленьеводство*. Якутск, 1959.

К стр. 296

Ездовые собаки есть у всех якутов, живущих вблизи границы леса. См.: Михаль Н.И. *К вопросу о ездовом собаководстве на Якутском Севере* // *Известия Государственного географического общества*, 1935, т. 67.

Глава V. Пища

Впервые систематизированные В.Л. Серошевским сведения о традиционной системе питания якутов в том виде, в каком она сложилась к рубежу 80 — 90-х гг. XIX в. и поныне

сохраняет большую научную ценность. Все более убыстряющиеся с тех пор изменения в системе питания якутов в силу динамики социально-экономических отношений уже привели если не к полному исчезновению ряда традиционных блюд и напитков в якутской кулинарии, то к весьма сильному ограничению и сужению сфер их применения. Хотя в комплексе системы жизнеобеспечения любого народа одно из ключевых мест принадлежит именно пище, которая составляет основную витальную потребность человека, круг работ, посвященных специально этой теме в якутоведении, все еще остается чрезвычайно ограниченным. До настоящего времени не существует обобщающего этнографического описания традиционной системы питания якутов в целом. В большинстве работ фрагментарно отражены лишь некоторые вопросы, касающиеся системы питания якутов и их отдельных этнотерриториальных подразделений. См.: *Народы Сибири. М. — Л., 1956, с. 289 — 291; Фельдман И.А. Кухня народов СССР. Киев, 1990, с. 256 — 257; Похлебкин В.В. Национальные кухни наших народов. Основные кулинарные направления, их история и особенности. Рецепттура. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1991, с. 554 — 567.* За небольшим исключением, имеющиеся публикации носят описательный характер. Вполне понятно, что якутская кухня отразила особенности исторического, вернее, этнического развития якутов. Но если в прошлом традиционная система питания якутов была основана на экономической самостоятельности и независимости каждой отдельной семьи, то общественно-экономические изменения и научно-технический прогресс оказали свое существенное влияние на эволюцию этой системы, изменив не только процесс приготовления и приема пищи, но и набор основных продуктов. Вместе с тем в настоящее время в Якутии некоторые тюркские кулинарные традиции, прежде и не столь ярко выраженные, заметно укрепляются. «Ныне как раз в Якутии, как нигде в стране, процветает мясное направление коневодства. Здесь конина лучшего качества, так как якутские лошади при табунном содержании за лето быстро нажировываются и дают отличное мясо, пользующееся большим спросом даже на мировом рынке». (*Похлебкин В.В. Национальные кухни наших народов, с. 555*) Ср.: *Розалевич М.И. Коневодство Якутской АССР. М.—Л., 1941; Габышев М.Ф. Якутская лошадь. В.Н.Федоровой принадлежит первая попытка систематического описания такого современного приготовления наиболее распространенных блюд якутской кухни традиционного происхождения. Не менее характерно при этом и широкое распространение методов использования пищевого сырья, во многом аналогичных принятым в субарктической кухне. Мясо и рыба используются очень часто сырыми и преимущественно только в зимнее время, когда из этих свежемороженых и обязательно ни разу не размороженных продуктов можно делать строганину, т.е. нарезать тонкими, в виде стружек, кусочками. См.: Федорова В.Н. Блюда народов Якутии. Якутск, 1991; ср.: Якутские национальные блюда. Якутск, 1975; Гарбахов И.И. Эн остуолунг сахалыы астара. Якутскай, 1988; Сборник рецептов, блюд и кулинарных изделий национальных кухонь народов России. М., 1992; Черемухина Л.А. Северная кухня. Архангельск, 1992; Перепаденко В.Б. 500 блюд для северян. Магадан, 1990.*

К стр. 298

Но главным образом кобылье молоко шло на приготовление кумыса. Литература (59 названий) по этой теме приведена в статье: *Саввина А.А. Якутский кумыс // Сборник материалов по этнографии якутов. Якутск. 1948, с. 117 — 138.*

К стр. 305

Из масла и муки приготавливался «божественный саламат». Описание празднично-ритуальной пищи якутской свадьбы см.: *Слепцов П.А. Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX — начало XX в.). Якутск, 1989, с. 33.*

К стр. 306

Съедобные растения, употребляемые якутами... Более подробно об этом см.: *Караваев М.Н. Дикорастущие пищевые растения Якутской АССР // Социалистическое строительство. Якутск. 1941, № 5, с. 30 — 39; Его же. Дикорастущие лекарственно-технические и пищевые растения Якутии. Якутск, 1942; Ионова О.В. Растительная пища якутов // Сборник статей и материалов по этнографии народов Якутии. Якутск, 1961, с. 26 — 41.*

К стр. 308

После молочной пищи наравне с растительной нужно поставить у якутов рыбу. О рыбных промыслах и рыбе, употреблявшихся якутами в пищу см.: *Коссов М.В. Материалы к истории рыболовства и рыбной промышленности Якутии // Труды Якутской научной рыбохозяйственной станции, вып. 2. М., 1932, с. 373 — 386; Николаев С.И. Рыбная пища дореволюционных вилюйчан // Сборник статей и материалов по этнографии народов Якутии. Якутск, 1961, с. 42 — 46.*

Глава VI. Платье

В основу классификации традиционной одежды сибирских народов Н.Ф. Прыткова положила такой общий и устойчивый признак, как основной покров стана одежды, установила

для внешне различной мужской и женской верхней одежды якутов один общий тип распашной одежды, назвав его ленским (якутским). Основные признаки: спинка целая, прямая, с выемами в талии, обусловленными особым раскроем пройма рукавов и боковых полотнищ. Именно для такого типа одежды, который был характерен для якутов в конце XIX — начале XX в., «некоторые детали раскроя (спинка в талию, широкая в подоле, разрез сзади) и форма (известно, что в прошлом якутская одежда была длиннее), говорят о сходстве одежды этого типа с одеждой степных скотоводческих народов Южной Сибири» (См.: *Прыткова Н.Ф. Верхняя одежда // Историко-этнографический атлас Сибири. 1961, с. 239*). Ср.: *Прыткова Н.Ф. Типы верхней одежды народов Сибири // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М., 1952, т. 15, с. 19 — 22; Токарев С.А., Гурвич И.С. Якуты // Народы Сибири. М. — Л., 1956, с. 287 — 289*. Более подробное описание якутской одежды дано в следующих публикациях: *Стрелов Е.Д. Одежда и украшения якутки в половине XVIII в. (по археологическим материалам) // Советская этнография, 1937, № 2 — 3, с. 75 — 99; Носов М.М. Стилевые признаки якутского узора // Сборник материалов по этнографии якутов. Якутск, 1948, с. 107 — 116; Его же. Одежда и украшения у якутов XVII — XVIII вв. // Сборник научных статей Якутского республиканского краеведческого музея. Вып. 1. Якутск, 1955, с. 84 — 137; Его же. Эволюционное развитие якутской одежды с конца XVIII столетия до 1920-х годов // Сборник научных статей Якутского республиканского краеведческого музея. Вып. II Якутск. 1957; Попов А.А. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия // Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XVI. М. — Л., 1955, с. 41 — 146.*

К стр. 317

...оба они состоят в самом близком родстве с киргизским меховым капором. В.Л.Серошевский только при описании якутских головных уборов счел возможным определенно высказаться по поводу считающегося наиболее старинным капора из меха (ровдуги или плица) и близкого к нему по происхождению общеупотребительной в его время женской глубокой меховой шапки, что «оба они состоят в самом близком родстве с киргизским меховым капором». Конечно, в этом высказывании речь идет о казахском головном уборе. Киргизами, как указывалось выше, во времена В.Л. Серошевского было принято называть именно казахов. Между тем, как пишет И.А. Потапов, извлеченные Е.Д. Стреловым при археологических раскопках из родового кладбища хоринских якутов на территории Хоринского наслега Западно-Кангаласского улуса предметы женской верхней одежды предположительно XVIII в. «весьма наглядно демонстрируют смешанный характер культуры того периода, несущей черты, с одной стороны, центральноазиатской культуры, с другой — автохтонно-северной в причудливом, порой кажущемся даже эклектичным сочетании» (*Потапов И.А. Предисловие // Носов М.М. Художественно-бытовые изделия якутов XVII — начала XX в., с. 4*).

Глава VII. Постройки

Предложенная В.Л. Серошевским типология традиционного жилища якутов была, по существу, первым опытом такого рода в этнографической литературе и, конечно, нуждается сейчас в определенном уточнении. Более подробные сведения о разнообразных жилищах якутов и их убранстве см.: *Ионова О.М. Многоугольные постройки якутов // Сборник материалов по этнографии якутов. Якутск, 1948, с. 95 — 106; Её же. Жилые и хозяйственные постройки якутов // Сибирский этнографический сборник, т. 1. М. — Л., 1952, с. 239 — 319 (Труды Института этнографии. Новая серия, т. XVIII)*. Наиболее полную и обстоятельную классификацию традиционного якутского жилища см.: *Попов А.А. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири, с. 131 — 226*. Чтобы дать полное представление о всем разнообразии типов традиционного жилища якутов, А.А. Поповым последовательно описаны: сферический шалаш; шалаш в форме усеченной пирамиды; летний конический шалаш, покрытый берестой; конический шалаш, покрытый шкурками (зимой) или ровдугой (летом); летний пирамидообразный шалаш, обложенный землей или покрытый корой; зимний конический шалаш на прямоугольном или многоугольном срубном основании; зимний конический шалаш из жердей, обложенный землей; шалаш в форме пирамиды; шалаш в форме пирамиды с плоской крышей; шалаш в форме пирамиды на срубном основании; зимний двускатный шалаш на срубном основании; зимние многоугольные срубы с плоской, многогранной и конической крышами.

К стр. 334

Все летние жилища некогда строились у р а с а м и. Наиболее полное и подробное описание конструкции якутской берестяной урасы см.: *Попов А.А. Старинная якутская берестяная ураса // Сборник Музея антропологии и этнографии Института этнографии АН СССР, т. 10. М. — Л., 1949*. А.А. Поповым впервые высказана идея о южном

происхождении урасы у якутов. В отличие от В. Серошевского, полагавшего, что ураса вряд ли была известна якутами «в южной степной их родине», А.А. Попов утверждает, что именно «ураса говорит о кочевой жизни якутов в южных степях Сибири» и что «южное происхождение урасы становится еще более очевидным при сравнении ее с киргизской войлочной юртой». См. также: *Носов М.М. Якутская берестяная ураса. Якутск, 1954; Гоголев Э.В. Обнаружение берестяной урасы // Сборник статей и материалов по этнографии народов Якутии, вып. 2. Якутск, 1961.* Как считает О.В. Ионова, «ураса, описанная Серошевским, была построена головой Батурусского улуса Слепцовым с целью сохранить для потомства этот род старинного якутского жилья, и техника построения данной урасы в ряде моментов отклонялась от старых примитивных приемов. В частности, в урасе, описанной Серошевским, мы не видим связывания жердей, налицо крепление деревянных частей путем врубания их друг в друга, что не характерно для типичного устройства урасы» (*Ионова О.В. Жилье и хозяйственные постройки якутов, с. 255 — 256*).

К стр. 338

Ю р т о й называют ее русские, якуты охотнее зовут ее **б а л а г а н**. Употребляемая В.Л. Серошевским терминология в названиях якутских жилищ требует уточнения. В частности, хотя в этнографической литературе XIX — XX вв. стационарное каркасное жилище в виде усеченной пирамиды обычно называется «юрта» или «юрта-балаган», в настоящее время юртой принято называть лишь тип жилища с цилиндрическим сборно-разборным решетчатым остовом. См.: *Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища кочевников Азии // Советская этнография, 1976, № 1.*

К стр. 343

Х о т о н, или коровий якутский хлев... По сообщению М.К. Расцветаева, еще в 1927 г. якуты, выезжая на дальние речки, жили обычно в хотонах с камельком посередине (*Расцветаев М.К. Очерки по экономике и общественному быту якутов. Л., 1932, с. 37 (Труды Совета по изучению производительных сил АН СССР. К десятилетию Якутской АССР, вып. 7)*). Хотя необходимость отделения жилого помещения балагана от хотона была законодательно признана и закреплена уже в первых актах провозглашенной в 1922 г. Якутской АССР, этот вопрос не снимался с повестки дня вплоть до 30-х гг.

К стр. 344

...на востоке же, на Амгинско-Ленском плоскогорье ... они приняли от неизвестных соседей, абorigенов, идею торцевой постройки. Высказанное В.Л. Серошевским предположение о происхождении якутского балагана признается сейчас ошибочным. По мнению А.А. Попова, «якутский балаган конструктивно не отличается от шалаша южных тюрков и даже по внешнему виду подобен одной из разновидностей сагайского шалаша» (*Попова А.А. Жилище, с. 158*). Сагайцы (сагайская этническая общность) вместе с качинцами, кой-балами, кызыльцами вошли в состав формирующейся народности, за которой на рубеже 20 — 30-х гг. XX в. закрепилось название хакасов. Во время работы Якутской экспедиции Государственного музея народов СССР в 1934 г. С.А. Токарев впервые обратил внимание на наличие в числе типов якутских построек 6-угольной юрты бурятско-хакасского типа, что подтверждает наличие южных элементов в якутской культуре. Вместе с тем он указывает, что «6-угольная юрта в настоящее время выходит из употребления в качестве жилья, но сохранилась как летний хлев (тититик)» (*Токарев С.А. Якутская экспедиция Государственного музея народов СССР // Советская этнография, 1935, № 2, с. 179*).

Любопытны сведения, которые по этому вопросу находим у Андреева, сержанта гвардии, посетившего в 1763 г. пустынные и совершенно безлесные Медвежьи острова. Андреев Степан — сержант Анадырского острога. В 1763 г. для проверки слухов о Большой северной земле «со стоячим лесом», являющейся якобы продолжением Северной Америки, на север были направлены два отряда: первый, под началом казака Николая Дауркина, на Чукотский полуостров, другой, под началом С. Андреева из Нижнеколымской крепости, на Медвежьи острова, расположенные к северу от дельты р. Колымы в Восточно-Сибирском море. На Медвежьих островах Андреев нашел деревянные постройки и описал их в своем поденном путевом журнале 24 апреля 1763 г. Поднявшись на вершину одного из шести Медвежьих островов (Четырехстолбового), он увидел на горизонте признаки земли: «Едва с трудностью видеть синь синее или какая чернь чернеет. В подлинник об оном обстоятельстве донести не имею — земля или полое место моря». На следующий, 1764 г. Андреев опять был послан на собаках из Нижнеколымска на Медвежьи острова. 22 апреля 1764 г., пройдя от острова Четырехстолбового по морскому льду на северо-запад, он примерно через шесть с половиной суток увидел неизвестный остров на расстоянии не менее 90 км. Остров получил название Земля Андреева. В настоящее время установлено, что Андреев увидел остров Новая Сибирь, открытый

промышленниками купца Сыроватского только в 1806 г. Что касается этнической принадлежности обнаруженных Андреевым построек на Медвежьих островах, то после раскопок аналогичных построек А.П. Окладниковым в 1946 г. на Барановом мысе к востоку от р. Колымы, впервые открытых здесь еще в 1786 г. русскими мореплавателями, стало ясно, что в районе Баранова мыса и на Медвежьих островах существовала вполне сложившаяся культура оседлых морских охотников-зверобоев, принадлежащая самой западной группе древних эскимосов. С. Андреев в 1764 г. был произведен в прапорщики, а в 1766 г. — в подпоручики. Последнее производство было утверждено императрицей Екатериной II. Сведения о жизни С. Андреева в источниках после 1766 г. не обнаружены. См.: Визе В.Ю. *Земля Андреева // Arctica*, кн. 1. Л., 1933; Степанов В.Н. *О существовании гипотетических земель Санникова и Андреева // Труды Второго Всеобщего географического съезда, т.1. М., 1948, с. 324 — 339; Зубов Н.Н., Бадигин К.С. Разгадка тайны Земли Андреева. М., 1953; Береговая Н.А. Наконечники гарпунов из древних поселений Баранова мыса // Материалы и исследования по археологии СССР, № 39. М., 1953, с. 421 — 445; Ее же. *Археологические находки на острове Четырехстолбовом // Советская археология, т. XX, М. — Л., 1954.**

Глава VIII. Ремесла и искусства

В.Л.Серошевский дал общий обзор состояния основных видов ремесел и кустарных промыслов, характерных для традиционно-бытовой культуры якутов конца XIX в. При этом особое внимание уделяется им также массовому художественному творчеству, в частности тем видам, которые неразрывно связаны с материальной культурой и обладают не только эстетическими, но утилитарно-бытовыми свойствами (гончарное ремесло, художественная обработка металла и дерева, ткачество, вышивка и т.п.). Несомненна исключительная ценность всех зафиксированных В.Л. Серошевским сведений. Как известно, быстрое отмирание многих элементов традиционно-бытовой культуры вскоре стало характерной чертой быта якутского улуса. Традиционная материальная культура оказалась бессильной перед вторжением в повседневный быт широкого круга промышленных изделий. Вместе с тем многоплановость и богатство уходящей из жизни культуры потребовали в ряде случаев расширения круга привлекаемых источников и более детального изучения отдельных явлений. С тех пор этнографами накоплено немало сведений, позволяющих дополнить новыми, нередко очень существенными штрихами прежнюю историко-этнографическую характеристику состояния традиционных ремесел и кустарных промыслов.

Кроме задач исторического изучения, в этом направлении выдвинулась проблема функционирования художественных традиций народа в современных условиях и чисто практическая задача изучения и помощи современным художественным промыслам. Материалы о кустарных промыслах см.: *Кустарные промыслы Иркутской губернии и Якутской области по сообщениям местных жителей в 1910 — 1911 гг. Иркутск, 1911; Виленский В.Д. Ремесла и кустарные промыслы у якутов // Труды Якутского областного агрономического совещания по экономическим вопросам. Якутск, 1916, с.5 — 85. Материалы и литература о художественных изделиях якутов XVIII — XIX вв.: Иванов С.В. Развитие изобразительного искусства якутов в период XVIII — XX столетий // Труды II Географического съезда, т.3. М., 1949, с.372 — 381; Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начало XX в. Сюжетный рисунок и другие виды изображения на плоскости. М. — Л., 1954; Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII в. (по материалам погребений). Якутск, 1971.*

К стр. 350

Впереди всех и по количеству, и по разнообразию изготавливаемых из него предметов стоит, конечно, лиственничное дерево. См. специальную литературу по этой теме: Заборовская И.В. *Искусство художественной обработки дерева у якутов // Сборник научных статей Якутского республиканского краеведческого музея. Якутск, 1957, вып.2; Потанов И.А. Якутская народная резьба по дереву. Якутск, 1972; Каплан Н.И. На земле чоронов и серге. Народное декоративное искусство якутов // Радуга на снегу. М., 1972, с. 76 — 96; Ополовников А.В., Ополовникова Е.А. Деревянное зодчество Якутии, 1983.*

К стр. 457

Кожу на всякие поделки якуты употребляют преимущественно коровью и кобылью. Сведения, собранные В.Л. Серошевским, можно сравнить с более поздними данными. См.: Ливадин В.В. *Материалы по кожевенному производству якутов // Очерки по изучению Якутского края, вып.1. Иркутск, 1927, с. 25 — 36.*

К стр. 363

Горшечное производство распространено значительно больше. О якутской керамике см.: Прыткова Н.Ф. *Глиняная посуда якутов // Сборник Музея антропологии и этнографии, т. 16, М. — Л., 1955, с. 147 — 164.*

К стр. 364, сноска 1

Между прочим, в исследовании кухонных остатков на берегу Амурского залива г.Маргаритова... Здесь имеется в виду следующая работа: *Маргаритов В.П. Кухонные остатки, найденные на берегу Амурского залива близ устья реки Седанки. Владивосток, 1885; ср.: Янковский М. Кухонные остатки и каменные орудия, найденные на берегу Амурского залива // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества, 1881, т.12, № 2 — 3, с. 92 — 93.*

К стр. 367

...там и сям по всему округу разбросаны единичные железоплавильщики или более или менее крупные их поселки. Изучение эмпирического опыта древних металлургов перекликается с практическими интересами сегодняшнего дня, приобретая даже не только чисто научную, но и своеобразную промышленную, социально-экономическую значимость. Из ранних публикаций на эту тему можно указать на следующие: *Райский В. Исторический очерк Якутского тамгинского железодельного завода и Юндыбальского серебряного рудника в Верхоянском округе // Записки Сибирского отдела Императорского русского географического общества, 1863, кн. VI; Стрелов Е.Д. К вопросу об эксплуатации залежей железных руд по рекам Ботоме и Лютенге (по архивным данным) // Хозяйство Якутии. Якутск, 1928, № 1; Протопопов В.А. Батомское месторождение железной руды // Горные богатства Якутии. Якутск, 1928, № 2; Исследования, опубликованные в 60-90-х гг.: Софронеев П.С. О Тамгинском заводе // Научные сообщения. Якутск, 1961, вып. 6, с. 33 — 36. Иванов В.Н. Кузнечное дело у якутов // Якутский архив, вып. 3, 1966; Антонов Н.К. О якутских металлургических терминах // Полярная звезда. 1977 № 6, 1977; Его же. Кузнецы и их ремесло в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока. Якутск, 1978; Окладников А.П., Гоголев Э.В., Ащепков Е.А. Древний Зашиверск. М., 1977; Уткин К.Д. Черная металлургия якутов 2-й половины XIX — начала XX в. Якутск, 1992.*

К стр. 373

...большинство якутских кузнецов прекрасные медники и серебряники. О якутском ювелирном искусстве см.: *Сохранская Н.М. Украшения якутов // Ювелирные украшения народов РСФСР. Л., 1974, с. 194 — 233; Зыков Ф.М. Ювелирные изделия якутов. Якутск, 1976.*

К стр. 382, сноска 1

Памятник Сибирской истории XIX века. Здесь и ниже при ссылках на эту публикацию В.Л. Серошевский имеет в виду издание: *Памятник сибирской истории XVIII века. Кн.1. СПб., 1882; кн.2, СПб., 1885.*

К стр. 384, сноска 1

Словцев, период IV, с.142. В.Л. Серошевский имеет в виду следующее издание: *Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири, т. I-II. СПб., 1838, 1844 (2-е изд. СПб., 1886).* Словцов Петр Андреевич (1787 — 1843) — русский историк, публицист, основоположник историографии Сибири; он был фактически первым после Г.Ф. Миллера и И.Э. Фишера историком Сибири. См.: *Степанов Н.И. П.А. Словцов (у истоков сибирского областничества). Л., 1935.*

К стр. 385, сноска 1

Меч описан г-ном Анучиным. В.Л. Серошевский имеет в виду Дмитрия Николаевича Анучина (1843 — 1923) — известного русского антрополога, географа, этнографа и археолога. Академик (1896) и почетный член (1898) Петербургской академии наук, один из основоположников антропологии в России. Президент Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с 1890 г. Основал отечественную школу географов. О виллюйском мече, найденном в 150 верстах от Виллюйска на дне спущенного озера Сильгумджа, см.: *Анучин Д.Н. Лук и стрелы. Археолого-этнографический очерк. М., 1887. О жизни и деятельности Д.Н. Анучина см.: Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия, т.1. Памяти Д.Н. Анучина. М. — Л., 1947; Карпов Г.В. Путь ученого. Очерки жизни, научной и общественной деятельности Д.Н. Анучина. М., 1958.*

К стр. 394

Чорон — деревянный кубок для питья кумыса. Чороны изготавливались нескольких видов: самый крупный чорон на одной ножке для питья во время иссяха по кругу вместимостью до 7 — 8 литров кумыса — аиах чорон; обыкновенный чорон на трех ножках средней величины — ус атахтаах чороон; небольшой на одной ножке и др. Чороны украшались резьбой и насечками, некоторые имели серебряные опояски и подвесные украшения из серебра, меди и олова. Ножки чоронов по своему изготовлению напоминали копыта лошадей. См.: *Jochelson W. Kumiss Festival of the Yakut and Decoration of Kumiss Vessels.*

New York, 1906; Гаврильева Р.С. Кумысный чорон, миф и обрядовая поэзия якутов (опыт сравнительного изучения) // Язык — миф — культура народов Сибири. с. 79 — 92.

К стр. 397

Тем не менее якутские костяные фигурки, несмотря на грубость отделки, производят нередко художественное впечатление. По мнению специалистов, «в 80-х и 90-х годах число больших художественных изделий из кости значительно сократилось. До нас дошли лишь единичные ларцы и шкапулки этого периода. Именно тогда Серошевский писал, что из кости выделывают предметы только второстепенного значения. Снизился и художественный уровень изделий». (Иванов В.Х. *Якутская резьба по кости. М., 1979, с. 38*).

Глава IX. О распределении богатства, условиях труда и найма.

В своем труде В.Л. Серошевский на основе личных наблюдений попытался охарактеризовать социальные отношения у якутов. В трактовке этих вопросов В.Л. Серошевский всецело оставался на позициях науки своего времени, что не могло не отразиться на его взглядах. Однако пронизательный взор ученого вопреки существующим в некоторых трудах высказываниям в его адрес отнюдь не избегал фиксации вопиющих фактов бедственного положения якутского народа. «Голодные периоды, когда абсолютно нечего в рот положить, когда все крошки съестного подобраны и уничтожены, когда стельные коровы поголовно не доятся, а природа, скованная холодом, сурово отстраняет всякие попытки добыть пищу, повторяются ежегодно, и две трети якутского народа страдает от них более или менее продолжительное время». Конец XIX — начало XX в. в истории Якутии ознаменовался важными социально-экономическими сдвигами и бурными политическими событиями в этом крае. Систематическое изложение исторических событий в жизни Якутии этого периода см.: *История Якутской АССР, т. II, гл. XXI — XXV. Об оценке характера хозяйства и социально-экономических отношений якутов на рубеже XIX — XX вв. в связи со взглядами В.Л. Серошевского, изложенными в данной главе и последующей десятой главе «Родовой строй», см.: Воленс Н.В. Очерк хозяйственного строя Якутии // Якутия. Л., АН СССР, 1927; Павлинов Д.М., Виташевский Н.А. и Левинталь Л.Г. Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л., 1929; Гоголев З.В. Якутия на рубеже XIX и XX веков (социально-экономический очерк). Новосибирск, 1970; Башарин Г.П. Социально-экономические отношения в Якутии второй половины XIX — начала XX века (по поводу книги З.В. Гоголева «Якутия на рубеже XIX — XX вв.»). Якутск, 1974.*

К стр. 401

В.Л. Серошевский считал, что семья, состоящая из трех — пяти лиц, может самостоятельно существовать при наличии 10 голов скота, причем в Верхоянском и Кольымском округах эта норма могла рассматриваться как признак зажиточности. По мнению З.В. Гоголева, в Якутском и Вилюйском округах зажиточным могли быть отнесены хозяйства, имевшие 25 голов крупного рогатого скота. Семьи, имевшие меньше этой нормы, едва сводили концы с концами (Гоголев З.В. *Якутия на рубеже XIX и XX веков, с. 126*).

К стр. 404, сноска 2

Ковалик Сергей Филиппович — участник Якутской (Сибиряковской) экспедиции 1894 — 1896 гг., отбывал Верхоянскую ссылку в 1882 — 1892 гг., будучи осужден по процессу «193-х». См.: Ковалик С.Ф. *Движение семидесятых годов по большому процессу (193-х) // Былое, СПб., 1906, № 11; Его же. Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х. М., 1928. Биографические сведения о С.Ф. Ковалике в кн.: Осмоловский Г.Ф. *Кариццы // Минувшие годы, 1908, № 7 (июль), с. 136; Попов И.И. С.Ф. Ковалик. М., 1926. В IX главе данной книги (с. 404, 409) В.Л. Серошевский ссылается на рукописные заметки С.Ф. Ковалика, которые вскоре были опубликованы: Ковалик С.Ф. *Верхоянские якуты и их экономическое положение // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества, 1895, т. XXV, № 4 — 5.***

К стр. 416

Сведения, собранные подворной переписью в 1892 г. З.В. Гоголев обратил внимание на то, что приведенные В.Л. Серошевским сведения подворной переписи 1892 г. об общем числе хозяйств в Татаргайском наслеге (248) и Батаринском (270) Мегинского улуса не совпадают с общим числом хозяйств в таблице. В свою очередь Г.П. Башарин считает, что в произвольной группировке данных из таблиц книги В.Л. Серошевского З.В. Гоголевым допущен ряд искажений.

Глава X. Родовой строй

В десятой главе В.Л. Серошевский излагает свои обширные этнографические наблюдения в области социального строя якутов. Метод работы, который он практиковал в своих изысканиях, состоял в длительном стационарном наблюдении и опросе, когда, находясь на протяжении 12 лет в якутской ссылке и переезжая из одного улуса в другой, он сумел охватить многие самые разнообразные стороны жизни якутского народа. В то же время он не делает определенного вывода об общественном строе якутов, хотя в каждом явлении старался в духе науки своего времени отыскать следы более древних пережиточных явлений. В.Л. Серошевский не разделял марксистских взглядов и не опирался на сформулированную Ф.Энгельсом концепцию происхождения семьи, частной собственности и государства. Вполне естественно, что его опыт этнографического исследования стал объектом критики в советский период. Так, Г.П. Башарин, отметив, что «по широте охваченных проблем, по богатству собранных фактов и по яркости изложения труд Серошевского "Якуты" представляет крупное достижение этнографической науки XIX в. вообще, дореволюционной историографии Якутии в особенности», подчеркивал, что концепция монографии является «наиболее слабой стороной» и «должна быть раскритикована». В официальной науке утверждалось, что построения В.Л. Серошевского «вполне соответствовали методологическим установкам и общественно-политическим взглядам либерального народника, стоявшего в стороне от революционного движения, не разделявшего марксистско-ленинского мировоззрения, борovéhoся против него» (Башарин Г.П. *Обзор дореволюционной историографии Якутии. Якутск, 1965, с. 12 — 13*). В целом концепция труда В.Л. Серошевского была охарактеризована «как худшая, вульгарная разновидность позитивизма в историографии второй половины XIX в.» (Башарин Г.П. *История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII — середина XIX в.)*. М., 1956, с. 110). По существу, В.Л. Серошевского критиковали за то, что он отказался от схоластического теоретизирования и старался не подгонять факты под заданные схемы. Подобные оценки нельзя рассматривать иначе, как отражение характерного для того времени идеологизированного подхода к научным трудам.

К стр. 418

В основе якутского рода лежит, по-видимому, понятие кровного родства. Начиная главу с этого утверждения, В.Л. Серошевский вскоре констатирует, что родовая связь существует повсюду «как смутное сознание». При характеристике рода — племенной структуры В.Л. Серошевский был близок к В.В. Радлову. Употребляя термин «род», он придавал ему такое же значение, какое вкладывал в этот термин В.В. Радлов, обозначавший соответствующие подразделения саяно-алтайских народов, которые в языках этих народов были известны под названием «сбок (кость)». См.: *Вайнштейн С.И. В.В. Радлов и его труд «Из Сибири» // Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989, с. 655*. Под сильным влиянием труда В.Л. Серошевского сложились взгляды Д.А. Кочнева, который на основе своих личных наблюдений писал: «У якутов теперь род отцовский, основанный на кровном родстве (ага-уса). С увеличением рода кровное родство ступенчатое, и на его место выступает только сознание единства происхождения от одного общего родоначальника, имя которого в громадном большинстве случаев служит и именем рода» (Кочнев Д.А. *Очерки юридического быта якутов // Известия Общества истории, археологии и этнографии при Казанском императорском университете. Казань, 1899, т. XV, вып. 5 — 6, с. 49*).

К стр. 431

У Юрюнг Уоллана, героя популярнейшей из якутских былин, было: восемь табунов кобыл, девять хотонов коров... В якутских олонхо существуют многочисленные формулы, построенные на числах: ус «три», туэрт «четыре», тогус «девять», агыс «восемь». Как считают современные исследователи, эти числительные служат указанием на основные пространственные координаты мира древнего якута: числительные четыре и восемь связаны с горизонтальным членением пространства, три и девять — с вертикальной моделью мира. См.: *Габышева Л.Л. Функции числительных в мифо-эпическом тексте на материале олонхо // Язык — миф — культура народов Сибири. Сборник научных трудов, с. 78; ср.: Кулаковский А.Е. Научные труды. Якутск, 1979*.

К стр. 445

Ысыах устраивались часто, и народу на них собиралось много. Ысыах — якутский календарный праздник, посвященный началу лета и развитию коневодства. Проводится в июне и может длиться несколько дней. Согласно якутским историческим преданиям, первым устройтелем праздника считался Эллэй — один из предков якутов, или его сын Лабанха-ойуун (Лабанха-шаман), который почитается как первый айыы ойуун (айыы-шаман). Обряды праздника свидетельствуют о том, что Юрюнг айыы тойон и остальные

божества айыы почитались якутами как покровители, могущие обеспечить благополучную счастливую жизнь. Юрюнг айыы тойон считался творцом душ, людей, рогатого скота и пр. К концу XIX в. образ Юрюнг айыы тойона уже стал забываться. Чтение посвященного алгыса на ысыахе было обязанностью белого шамана. После алгыса присутствующие пили кумыс из больших чоронов. Кроме кумыса, было угощение отварным мясом и саламатом (блюдом, напоминающим кашу с маслом). Наличие исторических преданий убеждает в действительности бытования белых шаманов, хотя обряды, связанные с верой в айыы, совершались фактически в год по одному разу. Культ божеств айыы, по мнению Н.А. Алексеева, имеет, по-видимому, южное происхождение. Сейчас ысыах утратил свое религиозное содержание и превратился в общезакутский праздник, посвященный началу лета, окончанию весенних сельскохозяйственных работ и началу летних. Сохраняется на ысыахе традиционное распитие кумыса. Ысыах сопровождается исполнением якутского хороводного танца осуохай с произнесением соответствующих алгысов — благопожеланий. М.Я. Жорницкой выявлено по типу основного движения в танце пять вариантов осуохая, произведено их картографирование, дано описание пластики их движения и музыкального сопровождения (*Жорницкая М.Я. Танцы народов Якутии. М., 1966, с. 25 — 64*).

К стр. 450 — 451

Итак, в одном предании говорится, что Тыгын предводительствовал якутами в битве с атаманом Галкиным в 1634 г., после которой последовала первая осада Якутска... Галкин Иван Алексеевич — атаман Енисейского острога, который возглавил отряд казаков, отправленный в 1630 г. по распоряжению воеводы Енисейского острога из г. Енисейска на «государеву службу вверх по Тунгуске-реке до Илима-реки, а по Илеме-реке вверх по Усть-Идирмы-реки, а с Усть-Идирмы реки за волок на Лену-реку» для ясачного сбора и чтобы на р. Лене острог поставить и подчинить местное население. Весной 1631 г., вступив на якутскую землю, И.А. Галкин встретил сильное сопротивление. Походы Галкина в бассейне Лены значительно расширили сведения о ее притоках Киренге, Чае, Чечуе, Витиме, Олекме, Алдане. Первые ясачные книги с р. Лены, составленные И.А. Галкиным в 1631 — 1635 гг. и книга покупочной соболиной казны в новом Ленском остроге во время правления И.А. Галкина в 1634 — 1635 г. (142 года), и представленная И.А. Галкиным челобитная о походе на р. Лену на имя царя Михаила Федоровича опубликованы: *Материалы по истории Якутии XVII века (документы ясачного сбора). Ч. I — III. М., 1970, с. 1 — 4, 14 — 45, 1067 — 1072*. Тыгын (в русских документах правописание Тынина, Тыгина) — родоначальник Кангаласской волости, он был одним из сильнейших воинственных тойонов-родоначальников, вел войны с главами других родов, стремясь подчинить их себе. По устным преданиям якутов, вел борьбу и с русскими казаками. В челобитной И.А. Галкина описано такое столкновение с Тыгином: «...князец Тынина да князец Бойдон живут на реки на Лене и с нами, холопами твоими, дрались по вся дни и твоего, государева, ясаку нам не дали и нас, государь, холопей твоих, не хотели ис своей земли выпустить, а нас, государь, холопей твоих, было немного. А как, государь, будет ходить из Енисейского острогу по многу служилых людей, тех, государь, немирных князей умрители мочно и привести под твою, государеву, высокую руку» (*Материалы по истории Якутии XVII века, ч. 3, с. 1070*). Исторические предания и рассказы якутов о Тыгине опубликованы Г.У. Эргисом с соответствующими комментариями. См.: *Исторические предания и рассказы якутов. В двух частях. Издание подготовил Г.У. Эргис. М. — Л., 1960 (см.: Указатель имен — Тыгын)*.

К стр. 454

Кроме этих общих знаков и криков, каждый род и каждый второстепенный родовой союз имели свои знаки, «знамена или тамги», как и называют воеводские власти того времени. Тамга — знак собственности (тавро), имевший распространение среди скотоводов у тюркских и монгольских народов. Тамга ставилась на деревьях, на коже (шкурах) животных, на оружии и т.д. Копии якутских тамг (знамен) в виде лука со стрелой и с изображением лошадей, приложенных к наиболее ранним челобитным якутов XVII в., опубликованы: *Материалы по истории Якутии XVII века, с. 1097 — 1100*.

К стр. 464

Подчинение наслегов улусам на *родовых основаниях* — позднейшее, русское нововведение. Эта группировка прикрыла собой старый родовой порядок; возможно, что деления их в некоторых частях совпали, но в общем обе системы сильно различались. Несмотря на все постепенно и неуклонно происходившие изменения в самом существовании родового строя, якутская жизнь сохранила в неприкосновенности родовую номенклатуру, так что она довольно рано стала использоваться русской администрацией, с точки зрения которой а г а у у п а, по определению Н.А. Виташевского, рассматривался как «мельчайшая единица подразделения якутского племени в административном и поземельном отношении» (*Виташевский Н.А.*

Якутские материалы для разработки вопросов эмбриологии права // Павлинов Д.М., Виташевский Н.А., Левенталь Л.Г. Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. Л., 1929, с. 171 — 172).

К стр. 476, сноска 2

Семивский, IX, стр. 122. Здесь и ниже В.Л. Серошевский имеет в виду следующую работу: *Семивский Н.В. Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, СПб., 1817.*

К стр. 477, сноска 2

Доклад отца А.А. Ионина в Стат. отд. Вост. Сиб. отд. Геогр. общ. ... Здесь при ссылке на работу священника А.А. Ионина Серошевский имеет в виду следующую работу: *Ионин А.А. Материалы к вопросу об экономическом положении населения Якутской области в XVII веке // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Иркутск, 1888, т. 19, № 3, с. 93 — 95.*

К стр. 480, сноска 1

Андреевич. Исторический очерк Сибири, том IV. В.Л. Серошевский имеет в виду следующую работу: *Андреевич В.К. Исторический очерк Сибири в Екатерининское время, т. 4, СПб., 1887.* Андреевич Владимир Калистратович (1838 — 1898) — русский историк. О его жизни и деятельности см.: *Веселовский К.С. Отзыв о трудах В.К. Андреевича на премию А.М. Серебрякова // Записки Академии наук, СПб., 1890, т. 63, кн. 1, с. 38 — 40; Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. 1, СПб., 1889, с. 359 — 361.*

К стр. 483

Только 50 лет спустя, на короткий срок, в виде опыта была введена «степная дума» для пяти подгородных улусов. О деятельности Степной думы см.: *Токарев С.Л. Очерк истории якутского народа. М., 1940, с. 143 — 151.*

С тех пор государственный контроль над якутским самоуправлением ничем не разнится от контроля над волостным правлением русских общин. В административном отношении Якутия постепенно была присоединена к Российскому государству в 1-й половине XVII в. Вначале эта обширная территория была включена в состав Енисейского уезда, затем, в 1638 г., было принято решение об образовании отдельного Якутского уезда, непосредственно подчиненного Сибирскому приказу в Москве. Уездная администрация начала работать с 18 июля 1641 г. в Ленском остроге — со дня приезда туда первых якутских воевод Петра Головина и Матвея Глебова. В составе Якутского уезда постепенно в качестве административной единицы сложились волости по местам проживания родов и племен сначала на территории Центральной Якутии, где проживала тогда основная масса якутов. Общее количество якутских административных волостей и их названий, сложившееся к середине XVII в. (35 волостей в 1678 г.), сохраняется до начала XVIII в. В 1-й половине 1720-х гг. эти волости были объединены в более крупные административные единицы — улусы: в Кангаласском улусе — 4 волости; в Мегинском — 11; в Батурусском — 8; в Намском — 7; в Борогонском — 5. Общее количество волостей в улусах Центральной Якутии увеличивалось постепенно и достигло к 1770-м гг. — 78. В 1708 г., когда при Петре I Россия была разделена на восемь губерний, в качестве одной из которых была учреждена Сибирская губерния, Якутский уезд был подчинен Сибирскому губернатору. Сибирский приказ в 1710 г. был упразднен, хотя несколько позже, в 1730 г., был вновь восстановлен, но в 1763 г. окончательно расформирован. При разделении Сибирской губернии на три провинции (1719 — 1724) Якутия вошла в состав Иркутской провинции. Когда в 1764 г. Сибирь была разделена на две губернии — Тобольскую и Иркутскую, — Якутское воеводство вошло в состав Иркутской губернии. В 1775 г. Иркутская губерния была разделена на провинции, и Якутск стал центром Якутской провинции, которая была разделена на комиссариатства: Удское, Амгинское, Олекминское, Верхневилуйское, Жиганское, Зашиверское и Среднеколымское. В 1783 г., когда в Сибири были введены наместничества, Якутская провинция вошла в состав Иркутского наместничества. С учреждением в 1803 г. Сибирского генерал-губернаторства с центром в г. Иркутске статус областного города получил г. Якутск (с 1805 г.). В 1809 г. в Якутской области было введено окружное деление. Города Олекминск, Вилюйск, Верхоянск, Среднеколымск стали окружными центрами, а Жиганск и Зашиверск были превращены в заштатные города. В Якутский округ было включено семь улусов: Мегинский, Кангаласский, Намский, Борогонский, Дюпсинский, Батурусский и Баягантайский. В 1860 г. Кангаласский улус разделился на Восточно-Кангаласский и Западно-Кангаласский. В 1911 г. был образован Амгинский улус, в 1912 г. — Таттинский улус. Таким образом, к 1917 г. в составе Якутского округа стало 10 улусов. Олекминский округ всегда состоял из

одного одноименного улуса, который в 1893 г. с переводом олекминских якутов из разряда кочевых народов в разряд оседлых был преобразован в Олекминскую волость. Вилуйский округ на протяжении десятилетий традиционно включал четыре улуса: Верхневилуйский, Средневилуйский, Мархинский и Сунтарский. В 1899 г. из Сунтарского улуса выделяется Хочинский улус. В 1916 г. от Мархинского улуса отпочковывается Нюрбинский улус. В 1911 г. из Верхневилуйского улуса выделяется Западновилуйский улус. И к 1917 г. в составе Вилуйского округа стало семь улусов. В Верхоянском округе с момента его организации всегда было четыре улуса: Верхоянский, Усть-Янский, Эльгетский и Жиганский. Колымский округ состоял из одноименного обширного по территории улуса. «Уставом об управлении инородцев Сибири» 1822 г. было закреплено окружное деление Якутской области вместо комиссариатов. Округа делились на улусы улусы — на волости (наследи), наследи — на роды. Такое административно-территориальное деление Якутии сохранялось вплоть до рубежа 20 — 30-х гг. XX в. С 1852 г. Якутская область получила права губернии во главе с губернатором. Историю административно-территориального деления Якутии, в том числе историю возникновения и дальнейшей судьбы каждого из более чем двухсот наслегов, имевшихся на рубеже XIX — XX вв. и каждого из улусов, упоминаемых в книге В.Л. Серошевского, см.: Сафронов Ф.Г. *Якуты. Мирское управление в XVII — начале XX века. Якутск, 1987.*

К стр. 483, сноска 3

Д.Павлинов. Дело № 13 Якут. Ст. Ком. «Об имущественном праве якутов». Здесь при ссылке на труд Д.М. Павлинова имеется в виду работа «Об имущественном праве якутов», которая была опубликована позднее в 1929 г.: Павлинов Д.М., Виташевский Н.А., Левенталь Л.Г. *Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. Л., АН СССР, 1929, с. 1 — 42.* Павлинов Д.М. служил прокурором Якутского округа с 1860-х годов до 1876 г.

Глава XI. Семья

XI, XII и XIII главы тематически связаны между собой. В них В.Л. Серошевский с присущей этому ученому внимательностью к деталям и с наблюдательностью будущего писателя проанализировал брачно-семейные отношения якутов конца XIX в. Эта тема была продолжена другими исследователями. См.: Троцанский В.Ф. *Якуты в их домашней обстановке // Живая старина, СПб., 1908, вып. 3, с. 344 — 345.* Разнообразный фактический материал по семейным обрядам якутов был систематизирован А.Е. Кулаковским во время его занятий по изучению религиозных верований. Большое внимание изучению современной семьи в Якутии уделяли Н.С. Евсеева, Д.Г. Брагина. См.: Евсеева Н.С. *И современного семейного быта якутов (по материалам Баягантайского наслега Усть-Алданского района Якутской АССР) // Научные сообщения Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР, вып. 6, Якутск, 1961; Брагина Д.Г. Современные этнические процессы в Центральной Якутии. 1985; Ее же. Якуты // Семейный быт народов СССР, М., 1990, с. 297 — 306.* Первое монографическое исследование по истории брачно-семейных отношений и традиционной обрядности якутов XIX — начала XX в. опубликовано П.А. Слепцовым. На основе архивных источников и собственных полевых материалов рассмотрены традиционные формы брака и семьи, институты калыма и приданого, охарактеризовано традиционное право наследования, выявлены по мере возможности этнокультурные связи предков современных якутов с древнетюркским населением Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии с целью определения древнетюркской основы традиционной якутской обрядности. См.: Слепцов П.А. *Традиционная семья и обрядность у якутов. XIX — начало XX в. Якутск, 1989.*

К стр. 493, сноска 1

Множественное число от чахар... Чахары — немногочисленная монголоязычная народность, относящаяся к южным монголам. Проживают на юго-востоке современной Монголии. По своему этническому развитию постепенно сближаются и ассимилируются с халха-монголами.

Глава XII. Дети

Эта глава книги В.Л. Серошевского представляет, по существу, первую попытку обобщения данных, относящихся к традиционному типу социализации у якутов, соответствующему хозяйственному и семейно-бытовому укладу, каким его застала этнографическая действительность на рубеже XIX — XX вв. Эти сведения, несомненно, имеют существенное значение не только для понимания традиционной культуры воспитания детей, но и для решения современных педагогических задач в специфических, экологических и этнокультурных условиях. Вопросы, связанные с миром детства у якутов, проживающих в центральных районах Якутии,

обобщены В.И. Дьяченко с привлечением неопубликованных материалов И.П. Сойкконена, собранных им в период участия в середине 1920-х годов в Якутской экспедиции АН СССР в процессе изучения семейного быта якутов. См.: *Дьяченко В.И. Воспитание детей у якутов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Сборник статей. Л., 1988, с. 186 – 205.*

К стр. 509

Тем не менее дети мрут в первые годы ужасно. Для дореволюционной Якутии была характерна высокая смертность детей. Якуты часто в этих случаях прибегали к различным хитростям, которые якобы могли спасти ребенка. В этих целях иногда даже называли ребенка собачьей кличкой или скрывали пол младенца. По предварительной договоренности с родителями ребенка тайно его похищали, уносили в другую юрту и там его обычно воспитывали лет до семи. См.: *Бурькина Н.Н. Якутские обычаи, связанные с рождением ребенка // Сборник трудов исследовательского общества «Саха кескиле», вып. 5. Якутск, 1928.*

К стр. 512

В старину в это время ему давали первое имя. Как известно, в результате христианизации русскими миссионерами якутов православные имена почти полностью вытеснили из официальной сферы исконно якутские антропониимы. Якутские исконные имена постепенно перешли в разряд вторых сопутствующих. См.: *Рудых А.И. Вторые имена у якутов // Антропонимика. М., 1970. Гриценко К.Ф. Личные имена и прозвища якутов // Антропонимика. М., 1970; Таборовская С.Ф. Заимствованные собственные имена и традиционные прозвища в якутском языке // Языки и литература народов Сибири. Новосибирск, 1970; Шмакова Е.А. К семантике якутских антропониимов // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974, № 7; Сафронов Ф.Г. Дохристианские личные имена народов Северо-Востока Сибири: историко-этнографический обзор и именной. Якутск, 1985.*

К стр. 514

Сложных организованных детских игр у якутов мало. Во время Якутской экспедиции АН СССР в 1920-х годах И.П. Сойкконеном в центральных районах Якутии было записано более ста якутских игр. Разделы, посвященные рассмотрению детских игр у якутов, в настоящее время имеются в некоторых современных изданиях: *Жорницкая М.Я. Народные танцы Якутии. М., 1966, с. 62 – 64; Николаев С.И. Якутия // Игры народов СССР. М., 1985, с. 98 – 102; Григорьев В.М.. Народные игры и традиции в России. Методическое пособие. М., 1991, с. 169 – 172.*

К стр. 515

Игрушек у якутских детей чрезвычайно мало. В фондах Якутского республиканского краеведческого музея хранятся обнаруженные экспедицией П.Д. Новгородова в 1944 г. при раскопках детского погребения XVII в. на родовом кладбище борогонского якута Солук Боотура восемь фигурок, вырезанных из бересты, очень похожих друг на друга, однако не тождественных по очертаниям. Фигурки напоминают силуэт коровы и ее головы, причем изображения сделаны с той или иной степенью стилизации. См.: *Носов М.М. Стилиевые признаки якутского узора // Сборник материалов по этнографии якутов. Якутск, 1948, с. 114 – 115.* На существование еще в древности у предков якутов детских игрушек, изображающих быка и корову, обратил внимание также и А.П. Окладников. См.: *Окладников А.П. История Якутии: Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству, с. 335 – 336.*

К стр. 516

К наукам якутские прилежны и понятливы. Литература по этнопедагогике якутского народа: *Афанасьев В.Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. Якутск, 1966; Его же. Этнопедагогика нерусских народов Сибири и Дальнего Востока. Якутск, 1979.*

Глава XIII. Брак и любовь

Эта глава тесно связана со статьей В.Л. Серошевского *Якутская свадьба*, опубликованной в журнале *Живая старина* в 1894 г., а также с его работой *Сообщение о брачном союзе якутов // Известия Императорского русского географического общества, СПб., 1895, т. 1, с. 19 – 21.* После выхода в свет книги В.Л. Серошевского участниками Сибиряковской экспедиции Ф.Я. Коном, Э.К. Пекарским, Н.А. Виташевским и рядом позже работавших исследователей был собран богатый фактический материал для постановки и изучения проблемы эволюции традиционной семьи якутов. См.: *Виташевский Н.А. Брак и родство у якутов // Живая старина. 1904, вып. 4; Трошанский В.Ф. Любовь и брак у якутов // Живая старина, 1909, вып. 2 – 3, с. 17 – 26.* Из современных работ следует указать на коллективную монографию ученых Института этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропо-

логии Российской академии наук), которые провели сравнительное изучение материалов свадебной обрядности народов Сибири, относящихся к XIX — началу XX в. Эти данные рассматриваются на одном хронологическом уровне. См.: *Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. М., 1980, с. 3 — 90.*

К стр. 517

Он отдавал замуж дочь, и предстоящее торжество было *первым* и самым *главным* из свадебных празднеств. Ретроспективный анализ традиционной обрядности якутов и других тюркских народов Южной Сибири, а также монгольских народов свидетельствует о единстве формирования их свадебной обрядности на обширной территории степей и лесостепей Сибири. Несомненно, типологической близостью свадебной обрядности тюркских, а также монгольских народов Сибири объясняется и совпадение основных черт свадебной обрядности разных народов и многих деталей. Так, например, установлено, что формулы благопожеланий невесте и жениху у якутов, алтайцев и тувинцев, по существу, тождественны.

К стр. 523

Якутская свадьба, особенно на юге, быстро русеет. Судя по якутским материалам, традиционный свадебный обряд к концу XIX в. претерпел значительные изменения. Как известно, свадебная обрядность большинства народов Сибири во второй половине XVIII — XIX в. в связи с распространением христианства испытала сильное влияние русского свадебного ритуала, занесенного русскими служилыми людьми и крестьянами. Вместе с тем имеющиеся данные позволяют видеть, что свадебная обрядность по сравнению с другими формами семейной обрядности (родильной, похоронной) менее консервативна. Как считают этнографы, именно для свадебного ритуала характерна значительная проникаемость, заимствование отдельных церемоний от соседних этносов. Например, традиционная свадебная обрядность северных якутов-оленьеводов почти в деталях совпадала со свадебной церемонией у долган. См.: *Попов А.А. Семейная жизнь у долган // Советская этнография, 1946, № 4.*

К стр. 525

Разбор составных частей калыма. В.Л. Серошевский рассматривает этот вопрос в соответствующем разделе второго тома *Якутов*, оставшегося неизданным. Наиболее подробное описание размеров калыма составлено И.П. Сойкконеном — участником Якутской экспедиции АН СССР, изучавшим в 20-х гг. XX в. семейный быт якутов Якутского округа. Материалы И.П. Сойкконена также до сих пор не опубликованы.

К стр. 529, сноска 1

В Сборнике обычного права, составленном самими инородцами в 20-х годах... В.Л. Серошевский имеет в виду следующую работу: *Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876.*

Самоквасов Дмитрий Яковлевич (1843 — 1911) — русский археолог и историк права, профессор Варшавского университета. Как известно, важнейшим событием в этнографическом изучении народов Сибири в первой четверти XIX в. было соби́рание сведений об обычном праве народов Сибири, произведенное по распоряжению видного государственного деятеля М.М. Сперанского в бытность его генерал-губернатором Сибири в 1819 — 1822 гг. В разработке правил для применения *Устава об управлении инородцев Сибири* 1822 г. в Якутии принимали участие голова Борогонского улуса Иван Мигалкин, голова Кангаласского улуса Савва Кириллин и бывший голова Кангаласского улуса Николай Рыкунов. В 1824 г. они представили в Иркутский комитет для составления проекта законов рукописный сборник *О степных законах и обычаях якутов*. Копии сведений, собиравшихся для М.М. Сперанского по поручению юридического факультета Варшавского университета Д.Я. Самоквасовым, были приведены в порядок и изданы под названием *Сборник обычного права сибирских инородцев*, в котором и был опубликован подготовленный якутскими депутатами сборник.

К стр. 538

Берут якуты жен всегда из чужого рода. Зажиточные якуты стремились искать невест для своих сыновей не только в другом роде, но и в другом наслеге и улусе. Конечно, в это время экзогамии в ее классическом виде уже не было и не могло быть. Ослабление экзогамных запретов было уже несомненным фактом, вернее, результатом развития экономических и общественных отношений в якутском улусе на рубеже XIX — XX вв.

К стр. 541, сноска 1

По-саларски женщина... Салары — тюркоязычная народность в Китае, в провинции Цинхай (Сюнхуа — Саларский автономный район), а также в провинциях Ганьсу и в Синь-

зян-Уйгурском автономной районе. Численность — 72 тыс. чел. Говорят на саларском языке уйгурской подгруппы тюркской группы алтайской семьи языков. Верующие салары — мусульмане-сунниты.

Глава XIV. Народное словесное творчество

В этой главе В.Л. Серошевский дал характеристику различных жанров якутского фольклора: песням, загадкам, поговоркам, олонхо. Он широко использовал примеры из *Верхоянского сборника* И.А.Худякова, который содержал почти все образцы устнопоэтического творчества якутов и фактически был первым сборником якутского фольклора вообще. Обращение Серошевского к этому сборнику объяснялось тем, что переводы И.А. Худякова с якутского на русский были достаточно точны, полностью передавали содержание якутского оригинала и его стилиевые особенности в пределах возможностей перевода прозой. Кроме того, В.Л. Серошевский привел в своей записи и в переводе два фольклорных произведения былыр (быль) *Сыргясь — бегунец Намского улуса* о кровавой расправе между двумя родами и образец сказки о животных *Крысий голова, война птиц и четвероногих*. Участники Сибиряковской экспедиции продолжили работу по собиранию фольклора. В отличие от прежних экспедиций в программе Сибиряковской экспедиции был предусмотрен специальный раздел по устному народному творчеству якутов. По материалам экспедиции были осуществлены капитальные фольклорные и этнографические издания. *Образцы народной литературы якутов*, изданные под редакцией Э.К. Пекарского в трех томах, представляют собою непревзойденную в мировой фольклористике публикацию текстов якутского олонхо. См.: *Образцы народной литературы якутов, издаваемые под ред. Э.К.Пекарского, тт. 1 — 3. Тексты. СПб., 1911 — 1918* (*Труды Якутской экспедиции 1894 — 1896 гг., т.4*): т.1. *Образцы, собранные Э.К.Пекарским, ч.1, Тексты, вып. 1 — 5, 1911* (ранее были изданы отдельными выпусками в 1907 — 1911 гг.); т. 2. *Образцы, собранные И.А. Худяковым, ч.1. Тексты, вып.1. Сказки, 1913, с.1 — 190; вып. 2. Пословицы и поговорки. Песни. Загадки. Саги. 1918, с. 191 — 258; т. 3. Образцы, записанные В.Н.Васильевым, ч. 1. Тексты, вып. 1. Сказки, 1916.*

К стр. 568, сноски 1

Всего в якутском языке, по всей вероятности, от 10 000 до 12 000 слов. Э.К. Пекарским выявлено 39 000 слов. В *Якутско-русском словаре* (под ред. П.А. Слепцова). М., 1972, — 25 300 слов.

Пекарский Эдуард Карлович (1858 — 1934), языковед, этнограф, фольклорист, член-корреспондент (1927), почетный академик (1931) АН СССР. Был сослан в Якутию за участие в народническом движении в 1881 г. После возвращения из ссылки в 1905 г. редактировал журнал *Живая старина*, выходивший в Санкт-Петербурге. Главным трудом Э.К. Пекарского был *Словарь якутского языка*, в котором давалось лингвистическое толкование каждого слова и все его значения в различном контексте с соответствующим фразеологическим материалом в разговорной речи в фольклоре. Каждая словарная статья была снабжена лексическими параллелями из тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. См. следующие издания этого труда: *Словарь якутского языка, составленный при ближайшем участии протоиерея Д.Т. Попова и В.М. Ионова, вып. 1 — 13, СПб., Л., 1907 — 1930*; второе издание: *Пекарский Э.К. Словарь якутского языка, т. 1 — 3, М., 1958 — 1959*; существует также издание на турецком языке. *Peкарskiy E. Ykut Dili Sözlüğü, cilt I (A-M), Istanbul, 1945*. Литература о жизни и деятельности ученого: *Эдуард Карлович Пекарский (К 100-летию со дня рождения). Якутск, 1958*; *Оконешников Е.И. Э.К.Пекарский как лексикограф, Якутск 1972.*

К стр. 569

Музыка у якутов, несомненно, беднее слов песен. Песенно-музыкальный фольклор якутов во времена Серошевского фактически оставался неизученным. Современное состояние изучения музыкально-хореографической культуры якутов, исследование особенностей якутского напева и изменений в традиционных стилях якутского музыкального фольклора отражены в следующих изданиях: *Кондратьев С.А. Якутская народная песня. М., 1963*; *Алексеев Э.Е. Якутская песня в прошлом и настоящем // Советская музыкальная культура. М., 1974, с. 294 — 339*; *Его же. Проблемы формирования лада. М., 1976*; *Жирков М.Н. Якутская народная музыка. Якутск, 1981.*

К стр. 571

Образцы нотных записей см.: *Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири, ч.II, отдел VI, СПб, 1978, с. 808*; *Анучин Д.Н. О применении фонографа в этнографии // Труды Музыкально-этнографической комиссии при Московском университете, т.II. М., 1908.*

К стр. 575

Свои прозаические произведения якуты делят на три типа: *сторья* или *усторья* — история, повесть, *кэйпсэнь* — сказка, *олонго* — былина. Касаясь повествовательных жанров якутского фольклора, Серошевский различает «кэпсээн» — настоящая якутская сказка и «сторья» как русская объякученная сказка, хотя в настоящее время эти термины в народной речи якутов часто уже употребляются в одинаковом значении как синонимические.

К стр. 589

Олонго — самая установившаяся и законченная из форм якутского народного творчества... Якутскому эпосу посвящена обширная литература. В *Образцах народной литературы якутов* были опубликованы наиболее известные олонхо: «Нюргун Боотур Стремительный», «Богатырь Тойон Нюргун», «Бессмертный стрелок», «Элик Боотур» и «Ныгыл Боотур», «Старик Кюл-Кюл и старуха Сириликээн», «Шаманки Айгыр и Уолумар», «Басымнылаан Баатыр», «Строптивый Кулун Куллустуур». С.В. Ястремский в 1929 г. опубликовал тексты пяти олонхо: «Эр Соготох», «Вороным конем владеющий, в оборотничестве искусившийся Кулун Куллустуур», «Грозный Разящий», «Бессмертный витязь» и «Шаманки Уолумар и Айгыр» в своих переводах, образно передающих колорит возвышенного стиля эпоса. Современная литература и публикации текстов олонхо: *Пухов И.В. Якутский героический эпос — олонхо. М., 1962; Якутские сказки. Издание подготовил Г.У. Эргис. Якутск, т. 1, 1964, т. 2, 1967; Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М., 1974; Ксенофонтов Г.В. Элэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М., 1977; Илларионов В.В. Искусство якутских олонхосютов. Якутск, 1982; Емельянов Н.В. Сюжеты ранних типов якутских олонхо. М., 1983; Ефремов П.Е. Долганское олонхо. Якутск, 1984.*

Глава XV. Верования

Эта глава книги В.Л. Серошевского представляет собою последовательное описание религиозных представлений якутов и имеет большое значение для изучения якутского шаманства. Здесь впервые на фактическом материале рассмотрены принципы деления шаманов на великих, средних и лживых, описано существование заранее установленных последовательных действий в шаманских обрядах якутов, систематизированы сведения о шаманских духах, жертвоприношениях и поверьях, связанных с животными, об атрибутах шаманства и принадлежностях костюма шаманов. При написании данной главы часть собранных автором материалов осталась неопубликованной. В.Л. Серошевский предполагал издать их во втором томе своей книги. По заключению современного исследователя Н.А. Алексеева, «из сведений, помещенных в главе «Верования» второго тома, самым интересным является список духов нижнего, среднего и верхнего миров» (*Алексеев Н.А. Традиционные верования якутов в XIX — начале XX в. Новосибирск, 1975, с.18*). Большой содержательный материал об обычаях, обрядах и религии якутов собрали участники Сибиряковской экспедиции: *Ионов В.М. К вопросу об изучении дохристианских верований у якутов // Сборник Музея антропологии и этнографии Академии наук, т. V, вып. I, 1918, с. 155 — 164; Его же. Обзор литературы по верованиям якутов // Живая старина, 1914, № 3-4, с. 317 — 372. Усилиями Э.К. Пекарского после смерти В.Ф. Троцанского была опубликована написанная последним единственная обобщающая работа о религиозных верованиях якутов: *Троцанский В.Ф. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов // Ученые записки Императорского Казанского университета, 1903, кн. 4, с. 1 — 208; Ср.: Его же. Опыт систематической программы для собирания сведений о дохристианских верованиях якутов // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете, 1897, т. XIV.**

К стр. 602

Души шаманов и шаманок... делаются ёр. Сравнительное ареальное исследование религиозных верований народов Сибири во многом способствовало не только выявлению сущности сибирского шаманизма в целом, но и более углубленному анализу истории и специфики развития религиозных верований у якутов. Материалы о якутском шаманизме оказались даже своеобразным индикатором вообще для датировки формирования шаманизма ряда народов Сибири. Как известно, южными предками якутов были тюркоязычные племена курьканов, расцвет культуры которых в Прибайкалье, по данным А.П. Окладникова падает на VI — VIII вв. н.э. Переселившись оттуда на Лену примерно до X в., они оказались фактически надолго в изоляции от других тюркских народов Южной Сибири. Именно поэтому современные исследователи шаманизма общие для позднейших якутов и других тюркских народов Южной Сибири элементы в поверьях и обрядах считают в принципе сложившимися до X в., т.е. в период совместного проживания предков всех этих народов на юге. В связи с этим особое внимание при этом уделяется

синхронизации и диахронизации обобщаемых этнографических и фольклорных материалов. Существует богатая литература по шаманизму: Кулаковский А.Е. *Материалы для изучения верований якутов*. // *Записки Якутского краевого географического общества*. Якутск, 1923, вып. 1, с. 1 — 108; Попов А.А. *Материалы для библиографии русской литературы по изучению шаманства североазиатских народов*. Л., 1934; Его же. *Получение «шаманского дара» у вилюйских якутов* // *Труды Института этнографии АН СССР*, 1947, т. 2, с. 282 — 293; Его же. *Материалы по изучению религии якутов б. Вилюйского округа* // *Сборник Музея антропологии и этнографии*, т.11, М. — Л., 1949, с. 41 — 146; Ксенофонтов Г.В. *Кочевой быт и религия* // *Бурятоведение*, Улан-Удэ, 1928, № 1-2/5-6; Его же. *Легенды и рассказы о шаманах* // *Приложение к Очеркам изучения Якутского края*, вып.2, Иркутск, 1928; Его же. *Хрестес. Шаманизм и христианство*. Иркутск, 1929; Его же. *Сошествие шамана в преисподнюю* // *Воинствующий атеист*, 1931, № 12, с. 120 — 145; Его же. *Легенды и рассказы о шаманах. У якутов, бурят и тунгузов*. Изд. 2-е. М., 1930. Алексеев Н.А. *Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (опыт ареального сравнительного исследования)*. Новосибирск, 1984.

К стр. 610

Платье шамана представляет из себя кафтан из выделанной коровьей кожи... После работы В.Л. Серошевского заметным вкладом в изучение шаманских атрибутов у якутов стали исследования В.Н. Васильева, Э.К. Пекарского, Н.А. Виташевского. См.: *Васильев В.Н. Изображения долгано-якутских духов как атрибуты шаманства* // *Живая старина*, 1909, № 2 — 3, с. 269 — 288; Его же. *Шаманский костюм и бубен у якутов* // *Сборник Музея антропологии и этнографии*, СПб., 1910, т. 1, вып. 8, с. 1 — 47; *Васильев В.Н., Пекарский Э.К. Плащ и бубен якутского шамана* // *Материалы по этнографии России*, т. 1, СПб., 1910, с. 83 — 116; *Виташевский Н.А. Якутские материалы, собранные в 1883 — 1897 гг.* // *Живая старина*, 1916, приложение №№ 2 и 4; Его же. *Из наблюдений над якутскими шаманскими действиями* // *Сборник Музея антропологии и этнографии Академии Наук*, СПб., т.V, вып.1, 1918. В сравнительном плане особенности шаманского костюма якутов и других народов Сибири проанализированы Е.Д. Прокофьевой, которая обобщила материалы, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии Российской академии наук, Государственном музее этнографии народов России в Санкт-Петербурге и других музеях. См.: *Прокофьев Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири* // *Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX в.* Л., 1971, с. 5 — 100.

К стр. 613

Этот бубен, т у н г ю р, всегда яйцевидной формы... Изучение в сравнительном плане коллекции бубнов и шаманских костюмов сибирских народов в музеях России с практикой их использования в быту отдельных народов позволило Е.Д. Прокофьевой установить, что бубен якутских шаманов, называемый дюнгор, имеющий яйцевидную форму, относился к эвенкийскому (т.е. тунгусскому) типу (*Прокофьева Е.Д. Шаманские бубны* // *Историко-этнографический атлас Сибири*. М. — Л., 1961, с. 435 — 490). Исследованиями ряда этнографов и археологов установлено, что якуты на разных этапах своего формирования и этнической истории неоднократно сталкивались с тунгусской (эвенкийской в узком смысле слова) культурой и восприняли разные ее элементы. Этим и объясняется, очевидно, заимствование якутами от эвенков типа бубна в целом. В то же время якуты сохранили в своих бубнах и некоторые черты сходства с бубнами родственных по происхождению тюркских народов Южной Сибири в частности (в том числе характерную для последних широкую свободную кромку обтяжки). Сохранили якуты и характерное название бубна — дюнгор (см. также: *Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири*, с. 142 — 178).

К стр. 620

Когда й м й г т ь снизошел на шамана, последний подымается и начинает сначала на коже подпрыгивать и топтаться... Впервые задача специального изучения плясок якутских шаманов, фиксация пластики их танцевальных движений и по возможности выявление в сравнительном плане шаманских плясок с бытовавшими у народов Сибири обрядовыми плясками были поставлена М.Я. Жорницкой. Прделанный ею анализ собранных материалов о шаманских плясках якутов свидетельствует об их тесной связи с подражательными обрядовыми плясками, восходящими к периоду еще до распространения шаманизма и бытовавшими в ряде случаев вплоть до начала XX в. Шаманы, несомненно, широко использовали эти традиционные пляски при создании соответствующих образов во время камланий. Возможно, что некоторые подражательные шаманские пляски восходят к древним промысловым культам. Среди шаманских плясок условно можно выделить три

их вида: 1) примитивные пляски, представляющие собою ритмически организованные пластические движения; 2) подражательные пляски-пантомимы; 3) экстатические пляски. Изучение шаманских обрядов, ныне почти исчезнувших из быта народов Сибири, в том числе и описание и научная классификация плясок якутских шаманов, имеет значительный историко-этнографический интерес для познания истории формирования и развития духовной культуры якутов и народов сопредельных регионов. См.: *Жорницкая М.Я. Dances of Yakut shamans // Shamanism in Siberia. Budapest, 1978, с. 299 — 307; Ее же. Пляски в шаманском обряде у народов Сибири // Традиционная обрядность и мировоззрение малых народов Севера. М., 1990, с. 211 — 221; Ее же. Пляски в шаманской практике у народов Севера Сибири // Шаманизм как религия: реконструкция, традиции. Тезисы докладов Международной научной конференции 15 — 22 августа 1992 г. Якутск, 1992, с. 48; Ее же. Шаманские пляски народов Сибири // Ранние формы религии народов Сибири. Материалы III Советско-французского симпозиума. СПб., 1992, с. 64 — 70.*

К стр. 628

...но выше всех их уже стоит **Аи-тоён** (**Ар-тоён** — с сонмом богов...). Ар-тойон, Аар-тойон-ага — творец и властелин вселенной, стоящий во главе довольно развитого политеистического пантеона богов и живущий на 9-м небе. Возможно, некогда в древности его место занимало, как у древних тюрков, божество, невидимое и не участвующее в повседневных событиях в жизни человека. Позднее место Аар-тойона стал занимать Айыы тойон, Юрюнг Айыы тойон, первоначально образ солнечного божества. См.: *Гоголев А.И. Основные сюжетные вариации в якутской мифологии // Язык — миф — культура народов Сибири, с. 97.*

К стр. 631

...та часть бытия, которая проявляется во всем живущем, обособилась в отдельное понятие **Улу-тоена**. Уду-тойон (великий господин) — глава всех абаасы (злых духов) верхнего мира, по якутской мифологии. Он считался покровителем наиболее могущественных шаманов и отцом воронов. Он имел детей, ставших главами родов или племен абаасы верхнего мира.

К стр. 633

...самым большим почетом пользуется большой орел, **тоёнкыл** (господин тварь). См.: *Ионов В.М. Орел в воззрениях якутов // Сборник Музея антропологии и этнографии Академии наук, т. I, вып. 16, СПб., 1913.*

К стр. 634

На севере о медведе остерегаются говорить худо. См.: *Ионов В.М. Медведь по воззрению якутов // Живая старина, 1915, № 3, прил., с. 51 — 58.*

К стр. 649

Центральной фигурой описываемого культа следует, однако, считать **Аи с ы т**... Айыысыт — по старинным якутским представлениям, богиня — покровительница рожениц. Айыы — общее название высших существ (божеств), олицетворяющих начала добра и творчества. Айыы обитают в верхнем мире, им присущи все человеческие качества. Главным из божеств айыы, по верованиям якутов, считался Юрюнг айыы тойон как создатель вселенной. Все остальные божества, айыы имели различные функции: Айыысыт — покровительница рожениц, Джесегей тойон (у В.Л. Серошевского — Джесегей Аи тордо уордаах тоён) — создатель и покровитель лошадей, Нарэй хотун и Нохсол тойон — духи — хранители домашнего скота, живущие на 5-м небе, и др. Якуты приносили своим божествам айыы только бескровные жертвы — кумыс, молоко, масло — посредством возлияния на огонь. В честь айыы устраивался весенне-летний праздник ысыах. Служителями айыы были белые шаманы — айыы ойууна. Они принимали участие в ысыахе. С христианизацией якутов ысыах утрачивает свое исконное содержание, и почитание божеств айыы почти не сохранилось, за исключением северных районов Якутии. См.: *Попов А.А. Материалы по шаманству. Культ богини Айыысыт у якутов // Культура и письменность Востока. Баку, 1928, кн. III, с. 125 — 133; Гурвич И.С. Охотничьи обычаи и обряды у населения Оленекского района // Сборник материалов по этнографии якутов. Якутск, 1948, с. 74 — 94; Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М., 1974, с. 104 — 180; Алексеев Н.А. Культ Айыы — племенных божеств, покровителей якутов // Этнографический сборник, вып. 5. Улан-Удэ, 1969, с. 145 — 169; Его же. Традиционные религиозные верования якутов в XIX — начале XX в. Новосибирск, 1975, с. 77 — 103.*

ИМЕННОЙ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Сокращения: авт.—автор, атам.—атаман, бож.—божество, воев.—воевода, вол.—волость, г.—горы, гор.—город, гр.—граница, губ.—губерния, дол.—долина, зим.—зимовье, им.—имя, кузн.—кузнецы, мест.—местность, нар.—народ, насл.—наслед, оз.—озеро, окр.—округ, остр.—остров, пос.—поселение, р.—река, рав.—равнина, сел.—селение, скз.—сказка, слоб.—слобода, созв.—созвездие, ст.—станция, тун.—тундра, ул.—улус, ур.—урочище, упр.—управа, хр.—хребет.

- Абакан — 196, 198
Абаканское, сел. — 193
Абинцы, нар. — 384
Абий, мест. — 208, 229
Абий, оз. — 18
Авамская, тунд. — 226, 480
Авганистан, мест. — 265
Аграфена Жиганская, дух. — 15
Адам — 540, 630
Адхарман-Джаджарман — 592
Адрианов, авт. — 196, 199
Адыча, р. — 14, 208
Азия — 571
Айдан-батыр, им. — 438, 590
Аим, р. — 4
Аисыт, божество — 125, 253, 649, 650
Аи-Тангара — 253
Аи-тоён, божество — 454, 597, 628, 631, 632, 633, 642, 648, 649, 651
Айсухан, им. — 195
Акары, тм. — 496, 497, 533, 582
Аксыш, р. — 196
Алазей, р. — 5, 15, 21, 54, 116, 132, 146, 209, 235, 352, 517, 547
Алазейский, хр. — 209
Алазейское, зим. — 482
Аларские буряты — 194
Албазинский острог — 238
Алдан, р. и дол. — 10, 11, 12, 19, 20, 21, 24, 30, 31, 32, 33, 34, 40, 69, 70, 79, 97, 133, 202, 203, 204, 239, 290, 294, 335, 352, 385, 457, 465, 482, 595, 596, 597, 599, 600, 602, 603, 608, 616, 625, 626, 627, 630, 632, 633, 634, 636, 637, 644, 645
Алданская почтовая ст. — 203
Алданские, горы — 68, 79
Алданское воеводство — 482
Александр Македонский — 200, 582
Алексеев — 189
Алеутские, остр. — 290
Аллайха, мест. — 146
Алтай, г. — 456
Алтайская вол. — 213
Алтайские татары — 197
Алтан, оз. — 116
Алтанский насл. — 459, 461, 593
Алын, им. — 238
Алыс-лукан — 435
Аляска, полуостр. — 210
Алтен, р. — 58
Альчардыр, им. — 223
Амга, р. — 12, 60, 97, 202, 203, 204, 211, 250, 457, 458
Амга, сел. — 31, 77, 80, 184, 203, 277
Амгинско-Ленское плоскогорье — 17, 18, 80, 97, 129, 131, 133, 203, 204, 205, 214, 215, 400, 558
Америка — 235
Американ, им. — 241
Амолой, р. — 14, 146, 208, 211, 212
Амур, р. — 188, 189, 190, 191, 205, 210, 295
Амурский бассейн — 437
Амурский залив — 364
Анабара, р. — 14, 20, 54, 133, 135, 206, 226, 289, 296, 344, 352, 364
Анадыр, р. — 133, 290, 437
Андреев, авт. — 345, 388
Андриевич, авт. — 480, 482
Анненков, авт. — 185, 306
Анучин, авт. — 385
Ангара, р. — 12, 197
Андылах, мес. — 143, 224, 236, 289, 388, 405, 424, 425, 439, 470, 501, 528
Андо-бар, им. — 195
Ан-Сабах, им. — 184
Ан-Тайбыр, им. — 181
Ан-Улаханы, им. — 184
Ан-Чингай, им. — 181
Анжуй, р. — 14, 209, 345
Анжуйская ярмарка — 230
Арба, р. — 188
Аргунь, р. — 192
Арджаман-Джарджаман, им. — 432
Арсан-Долай, имя — 184
Арслан-хан, имя — 184
Артаков Алексей, им. — 480
Артык, р. — 188
Арчинга род — 443, 456, 606
Ары-сыали, мест. — 588
Ар-Тоён, бож. — 542
Асыкайский насл. — 366, 391, 392
Атамай, насл. — 459
Атамайский насл. — 560
Афанасий, святой — 26
Ахтаранда, р. — 13
Ачинский окр. — 150
Аян, гор. — 203, 209
Аянский тракт — 486
Бадам, мест. — 458
Бахтарев Еналей — 189

- Бажа, р. — 18
 Базские г. — 196
 Бай-Байнай, бог — 648
 Байгал ырахтагы, им. — 582
 Байдунский нас. — 458, 460, 463, 538
 Байкалово, зим. — 193
 Байкал, оз. — 7, 87, 188, 190, 191, 192, 193, 197
 Байкал-омук, нар. — 239
 Байкальское сел. — 193
 Байкем, р. — 195
 Байнай, бог — 649
 Бай-хай, (Пе-Хей) оз. — 190, 192
 Баканан, им. — 435
 Бакча, ост. — 468
 Балай, им. — 454
 Балтийское мор. — 383
 Банахай, р. — 207
 Банга, шам. — 607
 Баньшиково, сел. — 46
 Барагай-батылы, им. — 181
 Барбякай-Бёнкёнгё, им. — 449
 Баргу, равн. — 190
 Баснин, им. — 184
 Бата-батыр, им. — 542
 Батагьян, им. — 437
 Батаринский насл. — 293, 392, 400, 401, 403, 416, 417
 Батома, р. — 11, 204, 211, 215, 366, 384
 Батулинский насл. — 461
 Батурусский ул. — 78, 180, 181, 204, 442, 457, 458, 468, 470, 480, 482, 606, 640
 Бахинский род — 607
 Бахсытский насл. — 468
 Башкиры, нар. — 185
 Баяга, р. — 184, 204
 Баягантайский насл. III-ий — 203, 229, 263, 275, 303, 335, 385, 461, 505
 Баягантайский ул. — 33, 39, 69, 82, 118, 122, 134, 160, 161, 166, 182, 186, 204, 213, 214, 230, 243, 253, 258, 263, 266, 267, 268, 272, 273, 278, 279, 282, 299, 305, 306, 314, 317, 367, 408, 420, 422, 423, 428, 433, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 448, 449, 450, 452, 456, 457, 459, 460, 468, 469, 470, 473, 480, 493, 496, 498, 506, 508, 534, 540, 541, 552, 556, 560, 588, 595, 596, 597, 599, 600, 603, 608, 616, 630, 632, 633, 634, 637, 640, 644, 645
 Баягирский род — 210
 Беде-кюоль, ст. — 59, 427
 Бекетов Петр, авт. — 210
 Белая, р. — 114
 Беломошье, г. — 3
 Белые камни, г. — 2, 4
 Белый юноша, им. — 183
 Белый, хр. — 3
 Белый Господь Бог — 590
 Беляк, нар. — 241
 Бере, оз. — 343
 Берг-Хара, им. — 263, 292, 450, 452, 534, 590
 Бес-ан, ур. — 422, 473, 497
 Беседа-Старик, им. — 449
 Бетюнский волк — 455
 Бетюнский насл. — 181, 267, 457, 458, 473, 475, 499, 507, 639
 Бетюнцы, нар. — 472
 Бечек, род — 530, 577
 Билингс, авт. — 76
 Биляр, р. — 204, 208
 Бирюса, р. — 197
 Благовещенский прииск — 26, 37, 41, 43, 44, 48, 50
 Блуждающая звезда — 435
 Богадьна (Боганида), р. — 30, 206, 207, 290, 344
 Богатырь Бешенный — 441, 497
 Богатырь Шумный — 441
 Богдо-Хан, титул — 242
 Богодуховский уез. — 383
 Бог — 540, 544, 560, 590, 629, 630, 647
 Боилыт, им. — 455
 Боксан, им. — 263
 Болколах, р. — 206
 Бологур, племя — 458, 460, 640
 Бологурский ул. — 468
 Бом, р. — 188
 Бонапарт, им. — 200
 Бордо, им. — 455
 Бордон, нас. — 461
 Борис Годунов — 477
 Борогонская вол. — 457, 482, 607
 Борогонская улусная упр. — 141
 Борогонский, насл. — 208, 267
 Борогонский ул. — 78, 180, 181, 204, 213, 214, 267, 285, 456, 457, 459, 465, 468, 469, 480, 494, 606
 Бороджой, род — 508
 Борулах, р. — 208
 Борунук, мес — 16, 18
 Боско, скз. — 253, 592
 Ботальское, зим. — 211
 Бетлингк (Bothling), авт. — 174, 179, 192, 278, 287, 304, 321, 324, 334, 338, 346, 365, 386, 390, 413, 436, 437, 448, 456, 481, 492, 526, 549, 567
 Ботобуй, р. — 13
 Ботогот, род. — 181
 Бочера, дух. — 648
 Брацкие люди — 191, 242
 Бриль, губернатор — 483
 Буза-Елеска, ат. — 191, 222
 Букеевская орда — 257
 Булунь — 9, 207
 Бурай-Тоён, дух — 637
 Бургали, р. — 188
 Буря, р. — 184, 188
 Бурхан-Халдун, г. — 190
 Буряты, нар. — 237, 238
 Бусустар, (месяц) — 186
 Бусухан, им. — 435
 Бута, род — 211
 Бутальское зим. — 211
 Буцынский, авт. — 476

- Быданги, местн. — 593
 Быжигажинский насл. — 223
 Бьрджики, род — 439, 455, 552
 Бьрдый Кытынаков, шам. — 607
 Быса, р. — 188
 Быстыбыт, род. — 439
 Бытантай, р. — 14, 57, 58, 159, 208, 238, 396
 Быча, им. — 553
 Бюлюй Эрюнча, им. — 217
 Бяй-Бярикан эмяхсин, им. — 588
 Бярт-уса, род. — 459
- Вакулин, им. шам. — 607
 Вамбери, авт. — 188, 193, 567
 Ван-ень-тэ, кит. посланник — 645
 Василий, им. — 562
 Великая Камчатская экспедиция — 486
 Венера — 435, 644
 Верхневилуйское зим. — 213
 Верхневилуйская управа — 70
 Верхне-Вилуйский ул. — 206, 276, 366, 391, 480, 482
 Верхне-Колымск, гор. — 31, 79, 99, 209, 482
 Верхоянск, гор. — 22, 26, 32, 36, 37, 38, 39, 41, 43, 44, 46, 47, 48, 50, 56, 57, 58, 59, 71, 97, 113, 114, 115, 116, 130, 134, 135, 159, 203, 220, 222, 289, 404, 409, 412, 446, 447, 498, 510, 533, 549, 555, 595, 598, 599, 610, 616, 630, 631, 634, 636, 641, 642
 Верхоянские якуты — 107, 208
 Верхоянский ул. — 5, 55, 58, 107, 129, 130, 134, 186, 187, 198, 208, 222, 225, 396, 448, 450, 460, 464, 480, 493, 499, 503, 508, 511, 527, 538, 552, 555, 556, 559, 583, 631, 643
 Верхоянский окр. — 65, 127, 132, 133, 135, 142, 158, 202, 261, 274, 285, 286, 294, 303, 317, 335, 343, 388, 390, 402, 480, 485, 507, 575, 596, 642
 Верхоянский тракт — 58, 79, 364, 486
 Верхоянское зим. — 212, 213, 482
 Вешний Никола (9 мая) — 404
 Вильд (Vild), авт. — 24, 29, 38, 46
 Вилуй, р. — 5, 13, 20, 21, 30, 31, 34, 59, 70, 112, 114, 127, 129, 131, 132, 134, 174, 206, 209, 210, 213, 220, 222, 235, 276, 290, 294, 451
 Вилуйск, гор. — 31, 48, 50, 70, 71, 76, 172, 385
 Вилуйские кузн. — 380
 Вилуйские якуты — 128, 206
 Вилуйские ул. — 225
 Вилуйские окр. — 79, 86, 87, 91, 96, 106, 107, 133, 154, 158, 168, 172, 199, 202, 206, 214, 231, 247, 251, 257, 274, 285, 286, 294, 306, 334, 366, 367, 390, 391, 404, 437, 462, 480, 484, 489, 551, 575
 Вилуйская г. — 68, 79
 Вилуйско-Ленское плоскогорье — 62
 Вилуйчан, р. — 206
- Витим, гор. — 9, 10, 21, 76, 80, 115, 205, 211, 215, 239
 Витим, р. — 30, 34, 115, 133, 135, 189
 Витсен, авт. — 76, 250
 Владимирская губ. — 383
 Воздвиженский рудник — 38
 Войноральский, лицо — 79
 Волга, р. — 383
 Волконский Яков, в — 475
 Волосяное-горло-человек — 588
 Восточно-Кангалаский ул. — 204, 215
 Врангель, авт. — 4, 64, 168, 181, 189, 214, 260, 272, 299, 309, 345
 Вуляю-ха, нар. — 195
 Вятская губ. — 383
- Галкин, атам. — 220, 451, 457, 464
 Георги, авт. — 213, 307, 311, 337, 355, 360, 380, 384
 Гилуй, р. — 188
 Глебов, в. — 189, 210, 212
 Гмелин (Gmelin), авт. — 76, 87, 147, 215, 251, 259, 262, 276, 385, 436, 486, 600, 607, 614, 628, 629, 641, 645
 Гнездиковский могильник. — 382
 Гнилое-бедро-человек, им. — 588
 Голанта, р. — 211
 Головин, воев. — 189, 210, 212, 384
 Гольман, авт. ветеринар. — 158, 168
 Горохов Н., авт. — 57, 59, 79, 542, 549
 Госпожа с белым жеребенком, дух — 640
 Госпожа с длинным посохом, дух — 639
 Громов, торг. дом — 13
 Гульмук, р. — 7
 Гусельная, г. — 215
 Гыннаттах, им. — 419
 Гэтгэса, р. — 212
- Дабан, г. — 238
 Давурские остроги — 478
 Дагыс, шам. — 607
 Дада, им. — 578
 Даку, шам. — 607
 Дакырский род — 607
 Далай, оз. — 190, 192
 Далай-нор, оз. — 191
 Далбер-джонок, дух — 639
 Дампай-Брадай, дух — 640
 Даркылах, р. — 208
 Дархаты, нар. — 195
 Дахсун-дуях, дух — 638
 Дебука, шам. — 607
 Дегорен, шам. — 607
 Десна, р. — 382
 Джабыдах, ост. — 116
 Джелях, ост. — 15
 Дженник, им. — 451
 Джерахын, им. — 608
 Джесегей Ан тордо уордах тоён, дух — 651
 Джингис, им. — 200, 201

- Джон-джагылы (Джон-джаабы), им. — 181
 Джугун, имя — 174
 Джусал, род — 235, 456, 463
 Джуляй, им. — 454
 Джянга, р. — 238
 Джянгы, г. — 223
 Джянгы-Даринча, имя — 217, 218
 Дзасакту-Ханаймак — 456
 Диринг-Оюн, мес. — 157
 Дмитриев Н., лицо — 89
 Днепр, р. — 382
 Догдо, р. — 224
 Додой, им. — 456
 Дойдуса-Дархан, им. — 451
 Долганы, нар. — 202, 206, 226, 230, 237, 242
 Долгуйбат Болтай, княз. — 253, 593
 Дологоно, им. — 576
 Донго, р. — 239
 Древо-лиственная-грудь, человек — 588
 Дубенский, авт. — 150, 251
 Дудино, с. — 31
 Дудьшта, р. — 14, 30, 206
 Дуолголах, р. — 14, 57, 203, 208, 211, 212, 235, 259, 386
 Дурак сказ. — 496
 Дэли-дархан, им. — 181
 Дюпсюнский ул. — 171, 203, 204, 230, 267, 282, 285, 480
 Дюпсюнцы, нар. — 471
 Дяньсик, им. — 451
- Ева, им. — 630
 Егинский насл. — 396
 Екатерининский рудн. — 386
 Еко, прозв. — 196
 Ексюкюлях-Бакистай, им. — 591
 Елчуков, дьяк — 475
 Ельнев, авт. — 336
 Емконская вол. — 607
 Ензжа, рав. — 15, 17, 18, 200, 241, 248, 251, 252, 426, 442, 507, 508, 517, 535, 544, 551, 633
 Енисей, р. — 3, 20, 31, 54, 56, 58, 59, 60, 116, 117, 138, 193, 196, 197, 199, 336, 467
 Енисейская губ. — 251
 Енисейские самоеды — 316
 Енисейские якуты — 202
 Енисейский остр. — 76
 Енисейское воеводство — 482
 Енисейск, гор. — 189, 191, 210, 220
 Еравня, р. — 239
 Ерманская вол. — 607
- Жалак Омолданов, шам. — 607
 Жарканская вол. — 607
 Жар-птица — 582
 Жарын, шам. — 607
 Жахарский насл. — 461
 Железный Красная-медь-богатырь — 432
- Жемконский насл. — 366, 391
 Жессей, мес. — 168
 Жессейское оз. (Эса) — 146, 206, 226
 Жехсогон, нас. — 457, 458, 461
 Жигалов, с. — 9
 Жиганский ул. — 207, 284, 286, 296, 364, 464, 480
 Жиганское зим. — 211, 482
 Жиганская комиссарство — 482
 Жиганск, гор. — 9, 207
 Жиганы, мес. — 222
- Забайкалье, м. — 157, 188, 190, 239
 Западно-Кангалаская упр. — 97
 Западно-Кангалаский ул. — 157, 171, 183, 205, 215, 238, 294, 392, 419, 420, 434, 451, 480, 551, 641
 Зашиверский остр. — 213
 Зашиверское, зим. — 482
 Зашиверск, гор. — 79
 Зиланы, нар. — 457
 Зезя, р. — 184, 188, 209
 Золотой человек, сказ. — 582
 Зычный-Звон-богат. — 432
- Иакинф, авт. — 183
 Иван Царевич, сказ. — 582
 Игидей, насл. — 275, 457
 Иесейский род. — 480
 Измайлов, воев. — 607
 Икалэтагалы, нар. — 211
 Икан, р. — 209
 Иктей Кривой, шам. — 607
 Илимпей, р. — 4
 Илимский окр. — 77
 Илимский остр. — 76
 Илим, р. — 220
 Илиада — 591
 Илья Богатырь — 642
 Илзу, нар. — 183
 Ймугаты, нар. — 211
 Ингода, р. — 238
 Индигирка, р. — 15, 20, 29, 31, 54, 57, 64, 98, 117, 132, 146, 147, 208, 211, 213, 222, 230, 248, 386, 544
 Ионин, авт. — 477
 Ирен-батыр, им. — 438, 590
 Иринях, им. — 578
 Иркутская губ. — 122, 251, 482
 Иркутский муз. — 316, 364
 Иркутск, гор. — 63, 171, 364, 483
 Ись, им. — 454
- Кавказские коллекции — 383
 Казачье с. — 46, 56, 157, 208, 230
 Калгын, оз. — 132
 Кампедзйя, р. — 13, 40
 Камчадалы, нар. — 241
 Камчатка, полуост. — 2, 189, 290, 487

- Камыстахская церк. — 132
 Кангалаская волость — 212, 457, 478, 482, 606
 Кангалаская управа — 75, 80
 Кангалаские якуты — 452
 Кангалаский Камень (Табага) г. — 10, 16, 87
 Кангалаский наслег — 56, 184, 236, 321, 366, 391, 392, 460, 508
 Кангалаский род — 454, 606
 Кангалаский ул. — 78, 180, 181, 203, 258, 267, 280, 282, 388, 391, 458, 480, 540
 Кангаласцы, нар. — 223, 455, 456, 463, 465, 552
 Кангхаи, нар. — 231, 240
 Канлеку, шам. — 607
 Канский окр. — 150
 Капитон, им. — 385
 Капитон, хр. — 4
 Карагассы, нар. — 185
 Карасская коллекция — 383
 Карпатские, г. — 571
 Каррик, авт. — 64
 Касимовский уезд — 383
 Каспий, м. — 383
 Кассиан, им. — 629
 Castren, авт. — 185, 290, 325, 328, 386
 Катерина, им. — 562
 Катунь, р. — 197
 Качак-киси, нар. — 242
 Качуг, с. — 9
 Каччийан, ангел — 629
 Кахтыр-Кагхтан, дух — 637
 Кебели, р. — 209
 Кедекан, род — 508
 Кемя, конь — 254
 Кемиская, ур. — 384
 Кемчик, р. — 195
 Керях, р. — 188
 Кёкёнян, им. — 435
 Кёнчэ-беге, бог. — 238, 431, 496, 500, 541, 550, 591
 Кёнъ таяхта хотун, дух — 639
 Кёнъ-Юрях, ст. — 57, 596, 631
 Кёрё убахалам хотун, дух — 640
 Килорцы, нар. — 191
 Кильдямская слоб. — 177, 452
 Кильдямский насл. — 294, 468
 Киргизы, нар. — 184, 185, 241, 317
 Кирджигес, род — 508
 Киренга, р. — 75, 76
 Киренск, гор. — 9
 Китай, имп. — 190, 209, 493
 Китайцы, нар. — 182, 195, 196, 240, 242
 Кихиргес, им. — 443
 Клеменц, авт. — 331, 334, 366, 383, 386, 446
 Князь оюн, дух, — 239
 Князь, шаман — 639
 Княхия, им. — 572
 Кобдо, оз. — 195
 Коголь-Нахырыкан, им. — 578
 Койбалы, нар. — 183, 185
 Кокуй, сел. — 188, 189, 190
 Кокуйская вол. — 606
 Колыма, р. — 4, 14, 15, 20, 29, 31, 32, 54, 57, 64, 99, 100, 117, 133, 134, 146, 174, 209, 211, 222, 230, 290, 352, 547
 Колымские казаки — 582
 Колымские якуты — 135, 193, 379, 454
 Колымский окр. — 62, 65, 105, 116, 117, 132, 133, 135, 143, 147, 158, 166, 169, 202, 220, 224, 257, 261, 274, 285, 286, 292, 294, 303, 317, 334, 337, 340, 364, 402, 470, 480, 484, 485, 507, 572, 597, 598, 599, 604, 609, 612, 614, 615, 616, 630, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 649
 Колымский тракт — 486
 Колымский ул. — 74, 98, 99, 104, 118, 130, 133, 134, 200, 225, 235, 236, 268, 284, 289, 321, 322, 343, 346, 355, 379, 390, 397, 405, 412, 415, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 439, 440, 442, 448, 458, 460, 464, 480, 489, 494, 497, 498, 502, 508, 512, 517, 523, 524, 526, 527, 529, 530, 532, 533, 534, 535, 536, 538, 541, 542, 543, 544, 548, 549, 550, 553, 554, 556, 557, 558, 559, 561, 573, 575, 588, 617, 641, 642, 643, 650, 651
 Колымские оз. — 108
 Колымск, гор. — 39, 114, 407, 549
 Комоконг Дунгур-гыммыт-харья, местн. — 222
 Кононкин крест, мыс. — 83, 87
 Копылов, атам. — 211, 220, 250
 Корытов, атам. — 220
 Коряки, нар. — 241
 Косогол, ос. — 195
 Костинское сел. — 207
 Костров, авт. — 206
 Котельный остр. — 46
 Красное, сел. — 207
 Красноярский окр. — 150
 Красноярск, гор. — 189
 Крещение — 646
 Кривогорницын, сборщ. под. — 453, 457, 477, 552
 Кривошапкин, авт. — 207, 226
 Кровков, Матвей Осипович, воев. — 488
 Крованой глаз, им. — 588
 Кропоткин, авт. — 2, 4, 8, 55, 199, 205, 239
 Крыженовской Юрий, сборщ. под. — 478
 Кугдинский насл. — 461, 463
 Кузнецк, гор. — 385
 Куйтусун, р. — 99
 Кукакы, им. — 454
 Кулакай, шам. — 607
 Кулун-гутар, месяц — 186
 Кунгалайский ул. — 212
 Куохай, дух — 626
 Курдюков Евдоким, подьяч. — 458, 476, 477, 486, 488
 Куринский насл. — 463
 Кусаганельский насл. — 294, 419, 466, 472, 506, 508
 Кусанек, шам. — 607
 Кусегей, шам. — 607
 Кускенде оз. — 17, 205

- Кутинга, г. — 3
 Кутунгай Боронг, конь — 254
 Кутуях, шам. — 607
 Кучугуй-Хана, порог — 13
 Кучунок Мазарин, шаман — 606
 Кыбыргас-Хабыргас, имя — 435
 Кыгынан, им. — 435
 Кыданах кыс хатын, дух — 638
 Кыл-кюомай-киси, им. — 588
 Кытай, нар. — 242
 Кытыргас-Бараччи, им. — 550, 589, 591
 Кюнгясь, р. — 107, 146, 159, 208
 Кюнъ-кыс, им. — 632
 Кюрга, р. — 69, 78
 Кюрелях, ст. — 364, 388
 Кярпастирь-Кярпастирь, имя — 114
- Лабынга-Сюрик, им. — 181
 Ламанха, нар. — 239
 Ламуга Байтаков, шам. — 607
 Лам, м. — 191, 216
 Легей-гоён — 438, 445, 453
 Ледовитый океан — 1, 2, 6, 20, 52, 64, 117, 119, 146, 191, 192, 207, 231, 284, 335
 Лельель, нар. — 239
 Лена, р. — 4, 5, 6, 7, 20, 31, 32, 33, 34, 54, 58, 59, 75, 76, 77, 78, 82, 83, 97, 98, 105, 113, 114, 115, 116, 117, 129, 130, 131, 135, 138, 146, 173, 174, 191, 197, 199, 200, 202, 203, 204, 205, 207, 208, 211, 212, 213, 220, 247, 282, 283, 286, 287, 292, 352, 434, 452, 464, 624, 639, 641
 Ленские воеводы — 189
 Ленский хр. — 82
 Ленский рукав — 1
 Леонтий, благочинный — 644
 Ликсандра Македонская, им. — 200
 Логанская, д. — 193
 Ломуты, нар. — 212, 224, 225
 Лопатин, авт. — 38
 Лоча, им. — 240
 Луку, оз. — 116
 Лучинский род — 607
 Лучча, им. — 240
 Летний камень, хр. — 3
 Люсе, им. — 240
 Лючинский насл. — 458
 Ляхов, ост. — 40, 46; 156
- Маак, авт. — 5, 20, 31, 44, 46, 57, 59, 60, 61, 63, 65, 69, 70, 78, 79, 88, 97, 106, 113, 114, 115, 116, 119, 129, 132, 134, 185, 199, 214, 231, 235, 238, 251, 253, 274, 276, 278, 280, 288, 290, 335, 336, 343, 376, 378, 392, 463, 466, 527, 534, 599
 Маган, мест. — 240
 Мадутцы, мест. — 471
 Мажегарская вол. — 212
 Мазыра Базеков, шам. — 478
 Майрутский, насл. — 461
- Майские тунгусы — 231
 Майское зим. — 482
 Малое, ст. — 40
 Малтанский насл. — 461
 Мальджагар джон — 461
 Мальяря, конь — 254
 Мангазейские инородцы — 476
 Мангазейские казаки — 210
 Мангыс, имя — 223, 454, 589
 Манзурские степи — 197
 Манчары, им. — 333, 497, 533, 590
 Маргаритов, авт. — 364
 Маркграф, исслед. — 87, 88, 265
 Марко-Поло, авт. — 190
 Марсатынг, им. — 595
 Мартын Васильев — 220
 Мартын, им. — 296
 Марха, р. — 14, 206
 Мархинский ул. — 78, 206, 276, 366, 376, 391, 392, 460, 461
 Мархинское, сел. — 22, 26, 36, 41, 44, 46, 48, 50, 71, 179, 452
 Масляные штаны, им. — 588
 Мастах, оз. — 116
 Масютара, им. — 601
 Матерь Божия — 630
 Махотин, авт. — 451
 Мача, ст. — 31, 135
 Мачаяр, пев. — 573
 Мая, р. — 12, 115, 211
 Маянтылап, им. — 450, 555
 Мегинская волость — 457, 478, 482, 509, 607
 Мегенский ул. — 78, 181, 204, 213, 267, 293, 400, 411, 416, 458, 480, 484, 598
 Меглицкий, авт. — 2
 Медведица, созвезд. — 435
 Медвежий камень, г. — 3
 Медвежий остр. — 345, 388
 Межеул, им. — 215, 283
 Меитский насл. — 366, 391, 392, 461
 Мельжахсинская гр. — 461
 Меркиты, нар. — 190
 Метлямарт, им. — 200
 Милдендорф, авт. — 3, 4, 31, 38, 54, 56, 58, 60, 63, 67, 70, 71, 72, 73, 76, 77, 78, 79, 80, 88, 89, 93, 97, 106, 108, 109, 110, 146, 155, 157, 159, 167, 181, 182, 196, 207, 209, 210, 215, 217, 226, 235, 237, 242, 250, 252, 263, 275, 276, 277, 289, 291, 295, 296, 313, 334, 356, 365, 392, 395, 426, 455, 457, 486, 487, 552, 569, 588
 Миллер Г.Ф., авт. — 181, 190, 608
 Миллер Ф.Ф., авт. — 3, 4, 8, 188
 Минусинские татары, нар. — 196
 Минусинский окр. — 150, 386
 Мирон-комиссия — 467
 Миссюра, им. — 443
 Михайлов день — 22
 Миоре, оз. — 146, 214
 Могой, им. — 589
 Могол, им. — 242

- Мог'ол — 334
 Мог'ол-ураса — 334
 Могудерь, шам. — 607
 Мойрутский насл. — 459
 Молодая, р. — 11, 212
 Молотой-орхон, им. — 181
 Мокма, р. — 211
 Мокуй, р. — 204
 Мома, р. — 14, 79, 220
 Момукан, р. — 80
 Монголия, стр. — 183, 625
 Монголы, нар. — 196, 240, 330
 Морской царь — 582
 Моруку, насл. — 459
 Москва — 478
 Москвитин Иван, атам. — 220, 451
 Московская губ. — 383
 Мошины, мест. — 383
 Мунгальцы, нар. — 192, 238
 Мунду-Кюоль, ур. — 79
 Муннян-Дархан, им. — 451
 Муравьев-Амурский, г.-губернатор — 77
 Мураш, р. — 208, 335
 Мургатцкий род — 210
 Муя, р. — 80, 199, 205, 294
 Мыла, р. — 18, 204, 211, 293, 400
 Мымак, имя — 451, 464
 Мырса, им. — 200, 201
 Мыччылла, им. — 606, 607, 609
 Мэляхсин-аитэ, дух — 638
 Мьяк-Тугуй, им. — 589
 Мятись, род — 235
- Нажарская вол. — 212
 Налимье рыло, им. — 561
 Наммора, р. — 211
 Намская вол. — 482
 Намская дол. — 82, 83, 87, 88, 93, 94, 98
 Намская управа — 75, 78, 80, 86, 374, 407
 Намские якуты — 147, 305, 469
 Намский ул. — 39, 57, 63, 70, 78, 81, 85, 86, 87, 88, 96, 97, 112, 114, 119, 122, 123, 148, 161, 162, 164, 180, 181, 186, 187, 205, 213, 214, 220, 222, 235, 238, 244, 251, 252, 258, 259, 262, 263, 265, 266, 267, 272, 276, 278, 280, 282, 289, 292, 294, 299, 300, 309, 316, 317, 334, 346, 374, 379, 381, 385, 387, 390, 405, 412, 418, 419, 420, 422, 423, 425, 427, 428, 429, 432, 433, 435, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 448, 449, 450, 452, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 465, 466, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 475, 480, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 511, 512, 513, 514, 523, 524, 525, 527, 529, 530, 532, 533, 534, 535, 537, 538, 540, 541, 547, 549, 554, 555, 556, 557, 559, 560, 561, 565, 572, 573, 574, 575, 577, 581, 582, 583, 588, 589, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 609, 610, 614, 616, 617, 620, 622, 623, 626, 627, 629, 631, 632, 633, 634, 637, 639, 640, 642, 643, 644, 645, 646, 649
- Нам, нар. — 420, 455, 456, 459, 463, 578
 Нарей-хотун, дух — 648
 Нарын, р. — 195
 Нахарские насл. — 203, 461
 Нежели, оз. — 20
 Нейман, авт. — 258
 Нелькан, уроч. — 12, 48, 77, 209
 Неман, р. — 382
 Немец, им. — 241
 Немирие, дух — 638
 Неруктейская (Нерюптенская) вол. — 212, 607
 Нерчу, род — 416
 Нерюктейский род — 420
 Нигидальцы (негидальцы), нар. — 211
 Нижегородская губ. — 383
 Нижнезатундринский род, — 206
 Нижнеколымские промышленники — 168
 Нижнеколымское зим. — 482
 Нижне-Колымск, гор. — 36, 42, 76, 97, 133, 146, 168
 Нижняя Тунгуска, р. — 4, 5, 7, 20, 21, 34, 126, 193, 194, 197, 210
 Ника-Харахсын, им. — 181
 Никола, свящ. — 147, 280, 540, 629, 630
 Никольская слоб. — 86
 Ниман, р. — 184, 209
 Ново-Сибирские остр. — 20
 Новый год — 646
 Ной, им. — 630
 Норвегия — 58
 Норильские камни, г. — 3
 Норильские оз. — 17, 206, 226, 480
 Нороху, им. — 545, 578
 Нотора, р. — 204
 Нохсол-Тоён, дух — 648
 Нохтуйск, гор. — 9
 Нурулдан-ко, им. — 176, 181
 Нучча, род — 240, 241, 591
 Нью-чжень, нар. — 195
 Нюрба, рав. — 18
 Нюрба, сел. — 70, 79, 80
 Нюрбинское оз. — 475
 Нюя, р. — 11, 13, 80, 205, 294
 Нянга, р. — 238, 544
- Обручев, авт. — 7
 Огуттакы, им. — 435
 Одейский насл. — 180, 238, 336, 391, 392, 457, 458, 508
 Одейцы, нар. — 471
 Оджюнас, им. — 578
 Одуй, шам. — 607
 Ойряд-Буряд, нар. — 190
 Ойхон, остров — 191
 Октемский насл. — 640
 Олега-Ытабыт, гр. — 4

- Олекма, р. — 9, 11, 20, 34, 58, 60, 115, 133, 188, 210, 211, 215, 239
Олекминские якуты — 205
Олекминский окр. — 79, 87, 91, 96, 133, 168, 172, 202, 205, 212, 229, 274, 281, 282, 283, 285, 287, 291, 294, 462, 507
Олекминский тракт — 486
Олекминский ул. — 225, 276, 392, 473, 480, 551
Олекминско-Витимское плоског. — 205, 286
Олекминское комиссарство — 482
Олекминск, гор. — 22, 26, 30, 31, 36, 37, 38, 40, 41, 43, 44, 46, 47, 48, 50, 54, 55, 71, 76, 80, 88, 172, 205, 206, 210, 213, 282, 451, 476, 482
Оленёк, р. — 5, 15, 20, 31, 54, 58, 59, 73, 115, 133, 135, 168, 191, 205, 206, 207, 212, 226, 296, 352, 364
Олон-Долон, им. — 238, 588
Олорсоботская дол. — 224
Омеконское родовое правл. — 14, 99
Омекон, местн. — 14, 208, 407
Омекон, р. — 79
Омекон-Борогонский насл. — 208, 420, 460, 462, 468
Омогой, им. — 451
Омолон, р. — 14, 168
Омук, нар. — 224, 239, 242, 591
Онга, р. — 283
Онежское оз. — 286
Оногой-бай, им. — 181
Онон, р. — 238, 239
Онохой, им. — 174, 338, 444, 541
Орион, созвезд. — 637
Орлиный сын, сказ — 564
Орлов П., исслед. — 78
Орос, им. — 190
Орто-сала, р. — 208
Орюсь, им. — 174, 219
Острая вершина, г. — 3
От-сыали-киси, им. — 558
Охотский тракт — 182, 457, 486
Охотское море — 1, 110, 146, 168, 209, 220
Охотск, гор. — 146, 209, 487
Очорбой-хосун, им. — 555
Очокюн, им. — 201
Оюн-уса, род — 459
- Павлинов, авт. — 484, 523
Павловский голец — 4
Павловское сел. — 98, 171
Павловск, гор. — 98
Павлуцкий, атам. — 437
Паллас (Pallas), авт. — 174, 193, 197, 198, 280, 369
Пантелеевская сопка, г. — 4
Парама, р. — 80
Пасха, празд. — 169
Патома, р. — 11, 211, 215, 384
Патомское нагорье — 4, 8
Пеледуй, р. — 11, 75, 76, 80, 205, 294
Первый Спас, празд. — 414
- Пестов, авт. — 193
Петербург, гор. — 479, 607
Петровские дожди — 34
Петров день — 265, 266, 280, 626
Петр Великий — 582
Пиллага, р. — 204
Плеяды, созвезд. — 243, 435, 644
Плоский боец, им. — 223
Погромная, р. — 238
Подкаменная Тунгуска, р. — 4
Покровское, сел. — 451
Покров, празд. — 147, 148, 404
Полтавская губ. — 383
Попов, им. — 380
Попов Алексей, казак — 230
Потанин Г.Н., авт. — 65, 184, 185, 195, 197, 253, 328, 456, 493, 567, 590, 591
Постник Иванов (Посничко) — 212, 386
Походск, с. — 168
Почтенная, г. — 175
Прейн Я.П., ботаник — 63
Преньцус, нар. — 241
Преображенский прииск — 3
Прибайкалье, мест. — 134
Приклонский, авт. — 94, 181, 194, 403, 404
Прокопьев день — 265
Пузырь голова человек, им. — 588
Путорма, г. — 4
Пясины, р. — 15, 20, 30, 54, 352
- Радлов, авт. — 175, 176, 179, 196, 198, 242, 247, 316, 451, 453, 454, 464, 567, 643, 645
Растрепанная коса, им. — 177
Рашид-ад-Дин, авт. — 179
Реклю, авт. — 6, 9, 12, 14
Ремезов, картограф — 211
Риттер, авт. — 184, 188, 190, 195, 196, 238, 493
Родчево (Урочево), посёл. — 99
Румянцев, им. — 375, 386, 388
Рунжинская, р. — 193
Русские — 240
Русское устье, мест. — 31
Рязанская губ. — 383
- Сабирдах-тюос кисы, им. — 588
Сагаи, нар. — 196
Сагастырь, мест. — 22, 26, 36, 37, 41, 42, 44, 46, 47, 48, 50, 71, 99
Сайн-нойан, им. — 456
Саки, нар. — 188
Салбан, род — 573
Самоквасов, авт. — 529, 552
Самоеды, нар. — 289
Санан-Сецен, авт. — 190, 192
Санга-алы, ур. — 203
Саппы-Хосун, им. — 295, 437, 533
Сара, им. — 181
Сарты, нар. — 185
Сар-катор, им. — 582

- Сар-Кыл, им. — 582
 Сасабыт, мест. — 538
 Сасыльский насл. — 203, 454
 Сата, камень — 644
 Сатана, дух — 629, 639
 Саха, им. — 181, 188, 194, 196, 197, 542, 552
 Сахал (Sahal), назв. род. — 197
 Сахсаргана-баргянь, им. — 542, 552
 Саянская, г. — 195
 Светлицкий, губернатор — 231
 Святой нос, мыс — 7
 Северный камень, хр. — 3
 Седим, р. — 364
 Селенях, р. — 14, 40, 54
 Сельях — 208
 Сельский, авт. — 184
 Семенов день — 147
 Семен Рубачев, шам. — 607
 Семивский, авт. — 476, 479, 482
 Сесень, им. — 632
 Сибирь, мест. — 380, 382, 384
 Сид, нар. — 241
 Сикорский, путеш. — 12
 Сиктах, м. — 10, 207
 Силимджа, р. — 136, 188
 Силим, шам. — 607
 Симаксин-Эмахсин, им. — 535, 588
 Синяя, р. — 11, 211
 Сирягась, конь — 254, 442, 545, 577, 579
 Сирямская ст. — 127, 208
 Ситка, р. — 112, 147, 263
 Слуп Диана (Sloop Diana), судно — 487
 Слепцовы, фам. — 236, 470, 517
 Снигири, нар. — 211
 Содалбабухатыр, им. — 432
 Соёты, нар. — 196
 Сойт, им. — 196
 Сола, р. — 18, 293
 Солдат, им. — 437
 Солнце-дочь — 632
 Солобут, р. — 457
 Словцов, авт. — 437, 477, 478
 Сорданах, оз. — 135
 Сор-хара-Дженг, дух — 640
 Сосновский, пис. — 63
 Спасский городец, мес. — 383
 Спас, празд. — 630
 Спафарий, авт. — 76, 192, 238
 Средневиллойский ул. — 78, 206, 480
 Средневиллойское зим. — 213, 482
 Средне-Колымск, гор. — 31, 33, 36, 37, 39,
 41, 43, 46, 47, 56, 58, 74, 97, 98, 99, 102,
 115, 117, 134, 140, 159, 224, 354, 539, 551
 Средне-Колымское зим. — 482
 Среднеколымское комиссарство — 482
 Столб, ост. — 15
 Страндин, пол. ссыл. — 171
 Стрежнев, авт. — 80
 Стрельбицкий, авт. — 2
 Сулур-батыр, им. — 435
 Сунтарская излуч. — 14, 80
 Сунтарский ул. — 78, 206, 235, 238, 276, 392,
 459
 Сунтарское оз. — 141
 Сунтар, с. — 13, 134, 141
 Сун, кит. летопись — 645
 Суорда, им. — 223
 Сургуев Камень, г. — 10, 16, 83, 641
 Сурдуругас-Самдаргас, им. — 435
 Суруктах, стан. — 631
 Сухарные горы — 2
 Сыали, род — 466
 Сыверма, хр. — 4, 5
 Сыдыбыл Дабудахов, шам. — 607
 Сылане, нар. — 457
 Сыланская вол. — 457, 607
 Сымькан удаган, дух — 638
 Сыраков Софрон, лиц. — 483
 Сыранов, лиц. — 480
 Сырдах, р. — 204
 Сыспэй-Сысыях, им. — 177
 Сытыган-оттюк-киси — 588
 Сюга-бого — 238
 Сюльлюкюн, дух — 646
 Сюрдях-Дюпсюн, им. — 181
 Сюрунга, оз. — 5, 56
 Сюрюк-касака, им. — 221
 Сюрюк-сюга-тоён, им. — 226
 Сяркань-Сясянь-огониор, дух — 588
 Сясик, род — 416
 Табага, сел. — 129
 Табагинская, ст. — 106
 Табагинский мыс — 175
 Табо, нар. — 196
 Тагуйский род — 607
 Тайдах, р. — 204
 Таймур, р. — 4
 Таймырский полуостр. — 54, 56, 106, 168
 Таймыр, р. — 20, 30, 56, 108
 Таконан, им. — 435
 Таммы, р. — 203, 204
 Тамтакули, нар. — 210
 Танарейское зим. — 211
 Тамгара, бог — 629
 Тамгас Болгонго, им. — 259, 295, 312, 437
 Танда, р. — 18, 188, 204
 Танну-ола, хр. — 195
 Тан', динас. — 190
 Тан-юй, титул — 453
 Тарагайский насл. — 293, 400, 401, 403, 454,
 459
 Тараханы, оз. — 452, 468, 471, 475
 Тарин-юрах, р. — 98
 Тас, ур. — 70
 Тастах, ст. — 74, 188, 208, 212
 Тас-Кыстабыт, г. — 55
 Тас-Омук, нар. — 239
 Тас-Ханяхтах, г. — 58, 208, 224, 225, 364, 388
 Татары, нар. — 185, 241
 Татинский ул. — 180, 204, 606
 Та-че, нар. — 195

- Таштыпский караул — 198
 Теленгиты, нар. — 196
 Терская обл. — 383
 Теря, р. — 18, 384, 400
 Терах-Юряга, р. — 57
 Тяхтурская ст. — 106, 129, 367, 392
 Тея, р. — 457
 Тимир-Байтакан, им. — 443, 545, 577
 Тимир-Джесиня-бухатыр, им. — 432
 Тит-Ары, ост. — 486
 Тихий ок. — 188
 Тобунуты, нар. — 238
 Тоён Тойболу, им. — 254
 Тойдах, р. — 204
 Токторское зим. — 482
 Токур, р. — 188
 Толстый нос, мыс — 193
 Толь Э.В., авт. — 6, 20, 40, 103, 113, 128
 Томоро, г. — 4
 Томус-хая, г. — 55
 Томпо, р. — 13, 203
 Тонгмот, р. — 40
 Торбох, им. — 454
 Травяные ноги человек, им. — 588
 Травяные штаны человек, им. — 588
 Третьяков, авт. — 4, 116, 190, 226, 467
 Троица, празд. — 280
 Троицны дожди — 34
 Туба, нар. — 196
 Тугур, р. — 188, 209
 Тузуков ул. — 212
 Тулуях-ого, скз. — 184, 186, 449
 Тулуях-хая, утес — 40
 Туматский насл. — 207
 Тунгусы, нар. — 183, 185, 192, 193, 210, 211, 212, 214, 215, 216, 217, 218, 220, 221, 222, 223, 225, 226, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 239, 240, 316, 330, 331, 426, 427
 Тунка, мест. — 87, 383
 Туора-Тюкулан, р. — 59
 Тургайская обл. — 383
 Турулин, род — 508
 Турун, им. — 509
 Туруханские якуты — 207
 Туруханский окр. — 202, 294, 480
 Туруханский Троицкий монаст. — 146
 Туруханск, гор. — 24, 26, 29, 31, 34, 36, 37, 41, 42, 44, 46, 47, 48, 50, 58, 71, 197
 Турухань, р. — 76
 Турчак Бучюко, шам. — 607
 Туруялах, местн. — 385, 506, 540
 Турфан, гор. — 184
 Тутура, р. — 283
 Тушету-хан, им. — 456
 Тыгны, нар. — 211
 Тыгын, им. — 200, 222, 431, 445, 450, 451, 452, 534, 541, 555
 Тынка, р. — 159
 Тысагас-сиебыть, ур. — 82
 Тюгата, р. — 366
 Тюкан, р. — 14, 69
 Тюкулан, р. — 12, 59, 60, 203, 388
 Тюлятский насл. — 204
 Тюнжюлю, шам. — 598
 Тюн, р. — 14
 Тюсьпют, шам. — 600, 602, 603, 605, 606, 645
 Убиенная поварня — 224
 Уда, р. — 188, 197, 238, 239
 Удский кр. — 209
 Удский остр. — 146, 168, 209, 210
 Удюгейский насл. — 366, 391, 392, 461
 Узбеки, нар. — 185
 Уйбанчик, им. — 236
 Уйбат, р. — 196
 Уйгуры, нар. — 179, 184, 195, 456, 638
 Укулан, бог — 649
 Улахан-Чистай, г. — 55
 Улахан-Хана, порог — 13
 Улаханская станция — 8, 129
 Улаханское сел. — 171
 Улукем, р. — 195
 Улу-тоён, бог — 198, 575, 587, 589, 590, 591, 606, 631, 632, 633, 634, 637, 639, 640, 641, 643, 649
 Улу-хоро, им. — 181
 Унджа, ст. — 40
 Унжа урочище — 517
 Урангай, — 194, 195
 Урангайцы (уряндайцы) — 185, 195
 Ураныкан-огониор — 588
 Урембас, шам. — 606
 Уромио, хр. — 7
 Урчус, род — 416
 Ур, р. — 188
 Урянга, нар. — 194, 195
 Усть-Амга, с. — 407
 Устьвилейское зим. — 213, 482
 Усть Киренга, — 76
 Усть-Майская дер. — 77
 Усть-Мая, мест. — 77
 Усть-Янский ул. — 208, 230, 284, 296, 464, 465, 480
 Усть-Янск — 22, 31, 33, 36, 42, 47, 103, 107, 135, 139, 146, 159, 168, 208, 289, 432, 634
 Устьянское зим. — 482
 Усун Кюол, оз. — 578
 Утиное гнездо — 432
 Утюжтой, местн. — 459
 Учур, р. — 12
 Учча, нар. — 240
 Уяндина, р. — 14, 40, 147
 Уяссунтайская губ. — 456
 Федор Турбин, шам. — 607
 Фишер, авт. — 188, 191, 211, 222, 223, 226, 386, 451, 452, 457, 464
 Хабах-майи-киси, им. — 588
 Хадат-Хангалас, им. — 181
 Хазикатская вол. — 212

- Хаирдах, местн. — 224
 Хакасы, нар. — 195
 Халынгыс-батыр, им. — 435
 Хамагатинцы, нар. — 466
 Хамалга, род — 443, 508
 Хамахатинский насл. — 439
 Хамжи, р. — 203
 Хамногын, прозв. — 195
 Хантайский хр. — 3
 Хантайское сел. — 146
 Хан-Джаргыстай, им. — 589, 591
 Хан-Джарылы, конь — 254
 Хаптагай батыр, им. — 223, 235, 259, 295, 437, 438
 Харабытик, шам. — 606
 Харатором, р. — 239
 Хараулахская г. — 128
 Хара-улах, р. — 208
 Харитонов, воев. — 191
 Харыялах, остров — 466
 Харьковская губ. — 383
 Хатамга, р. — 14, 20, 30, 54, 135, 206, 226, 229, 296, 344, 352, 364, 480
 Хатан-хата-малай, им. — 181
 Хатарган, р. — 204
 Хатылин, род — 461
 Хатынгаринский насл. — 33, 266, 267, 278, 282, 363, 443, 459, 473, 508, 606
 Хатынгаринское сел. — 473
 Хатыс-лукан, им. — 435
 Хахаяр, им. — 184
 Хачикатский насл. — 366, 391
 Хаынгыя, р. — 70
 Хаягамсык-Кан-Харах-Хан-Тоён — 588
 Хета — 207, 480
 Хилка, р. — 238
 Ходырев, атам. — 220, 250
 Хой-ху, нар. — 195
 Холин, стран. — 188
 Холойбон, им. — 435
 Хонгурдан бухатыр, им. — 432
 Хоринские буряты, нар. — 238
 Хоринский насл. — 294, 366, 391, 392
 Хоринская вол. — 212
 Хоро, нар. — 182, 237, 238, 591
 Хоро, насл. — 8, 532
 Хоро-Дыбырдан, богат. — 238
 Хоролы, нар. — 238, 450, 542
 Хоро-Одей, насл. — 238
 Хоро-Тябень, конь — 182, 238
 Хор, оз. — 238
 Хосун, проз. — 238
 Хохое-Батыр, им. — 223, 295, 437
 Хо-чеу (Сичжеу) гор. — 184
 Хрома, р. — 208
 Худяков, авт. — 114, 119, 183, 217, 247, 252, 253, 254, 259, 292, 312, 333, 337, 355, 426, 431, 432, 433, 435, 437, 438, 445, 449, 450, 452, 453, 455, 496, 500, 503, 523, 532, 533, 541, 542, 550, 552, 554, 555, 557, 561, 563, 564, 576, 583, 588, 589, 590, 591, 594, 631
 Цаган цара, прозв. — 446
 Цецен-хана, аймак — 456
 Цыгане, нар. — 241
 Цыпир, р. — 189
 Чаадай-Боллох, дух — 638
 Чалбышевская г. — 3
 Чаллай, им. — 451
 Чакры, род — 437, 449, 639
 Чакыр, род — 454
 Чара, р. — 11, 205, 211
 Чаринское зим. — 482
 Чарчакхан, им. — 588
 Чахары, нар. — 493
 Чачик, шам. — 607
 Чай, р. — 11
 Чекановский, авт. — 3, 4, 7, 15, 54, 55, 58, 73, 194
 Челодай, шам. — 607
 Чемпелис, им. — 201
 Черемкин Степан, фам. — 229
 Черкашенинков, воев. — 467, 479, 485
 Черкесы, нар. — 241
 Черноусова, сел. — 168
 Черский, авт. — 4, 5, 79, 98, 156, 157
 Чилкагирский род — 216
 Чингисхан, им. — 190, 200, 201
 Чолбон, созвезд. — 454, 644
 Чона, р. — 13, 131, 134, 199, 210
 Чорбох, им. — 254, 312, 450, 452, 534
 Чукчи, нар. — 241
 Чурепча, местн. — 18, 80
 Чуя, р. — 11, 197
 Чыкы-ус, им. — 219
 Шалагоны, нар. — 211
 Шаликонская вол. — 212
 Шантарские остр. — 188, 210
 Шаргородский, лицо — 79, 99
 Шахов Воин, атам. — 210
 Шилка, р. — 188, 189, 191
 Шиловская шахта — 38
 Шевела, р. — 188
 Шергинская шахта — 38
 Шерковская вол. — 212
 Шороха, р. — 206
 Шорохино, сел. — 197, 207
 Шорохинские якуты — 202, 206
 Штанге, авт. — 300
 Штраленберг (Страленберг), авт. — 76, 365, 380, 458
 Штуккенберг, авт. — 174
 Шумный Богатырь, им. — 497
 Щербатов, майор — 479
 Шукин, авт. — 181, 196, 197
 Ыгета, р. — 14
 Ый-Ыдалык, им. — 254

- Ынгкабыл, им. — 437
 Ырахта, титул — 242
 Ырбайбаң-мылахсын, им. — 435
 Ытык-хая, г. — 175
- Эбэ, мест. — 16, 33, 134, 335
 Эгинский насл. — 238, 461
 Эгинский род — 531
 Экинъ-абаган, им. — 451
 Эко, прозв. — 196
 Эксею, сказ. — 334, 438, 587, 588, 589
 Эллей, им. — 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 201, 338, 444
 Эльге, р. — 188, 204
 Эльгетский ул. — 284, 296, 464, 480
 Энкебиль-бого, им. — 219
 Эрман, авт. — 4, 10, 76
 Эр-Созотох-Эллей, им. — 451
 Эсэ, оз. — 17, 188, 454
- Юёбгай, им. — 435
 Юкагирская земляца — 212
 Юкагиры, нар. — 230, 231, 239, 316, 386
 Юкяйдянь-ко, им. — 541
 Юлюнях, оз. — 598
 Юрасов, пол. ссыл. — 172
 Юргаль, созв. — 243, 644
 Юргель, дух — 432
 Юргенс, авт. — 10, 15
 Юринг Ан Тоён, бог. — 183
 Юрьев Елеска, казак — 12
 Юрюнг-Аи-Тангара, бог — 523, 589
 Юрюнг-Коль, оз. — 259, 452
 Юрюнг-Уолан, им. — 176, 194, 254, 337, 431, 435, 542, 590
- Юрюнг-ырахта, титул — 242
 Юряйбя Сарайба, им. — 435, 520
 Юсаль, нар. — 235
 Юсальский насл. — 335, 420, 508
 Юсь-Титтах, мест. — 177
- Яда, камень — 645
 Яко, прозв. — 196
 Якутская воеводская канцелярия — 189
 Якутская обл. — 79, 110, 111, 112, 113, 114, 142, 143, 156, 160, 161, 169, 170, 171, 183, 257, 272, 274, 276, 277, 283, 284, 305, 344, 365, 415, 479, 481, 482, 486, 551
 Якутская степная дума — 483
 Якутский муз. — 385
 Якутский окр. — 79, 87, 91, 92, 96, 98, 131, 141, 172, 202, 205, 257, 274, 277, 281, 282, 285, 294, 317, 343, 365, 366, 382, 391, 402, 403, 462, 480, 484, 489, 507, 551
 Якутско-Верхоянский тр. — 225
 Якутск, гор. — 9, 22, 24, 30, 31, 34, 37, 44, 47, 54, 70, 71, 75, 76, 77, 78, 80, 86, 87, 88, 93, 94, 96, 97, 98, 106, 115, 127, 129, 155, 169, 171, 172, 184, 213, 229, 286, 345, 384, 403, 434, 451, 452, 482, 483, 488, 509, 516, 598, 607, 628
 Якуты, нар. — 209, 210, 233, 242
 Ямы, местн. — 194
 Янга, р. — 222, 238
 Яна, р. — 14, 20, 24, 29, 31, 32, 33, 54, 57, 58, 100, 114, 146, 156, 157, 191, 207, 208, 212, 213, 222, 230, 290, 335, 352, 544, 631
 Ярыгин Матвей, ясач. сборщ. — 476
 Ярыжкин Петр, ясач. сборщ. — 478
 Ячевский, авт. — 38

В.Л. Серошевский

ЯКУТЫ

Опыт этнографического исследования

Переработка именного и географического указателя
Р.Н. ЯКОВЛЕВА

Художник
В.К. КУЗНЕЦОВ

Компьютерная верстка
С.Б. БУНКИН и С.В. УТКИНА

Технические редакторы
Н.А. ГАЛАНЧЕВА и Е.В. ЛЕВИНА

Корректоры
*Л.М. ДИВАНЬЯН, Т.С. ДМИТРИЕВА, О.Е. КОСОВА,
Н.И. МОРОЗ, М.А. ТАГИ-ЗАДЕ*

Фотоофсет. Подписано в печать 22.01.93. Формат 70 x 108¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ.л. 72,84.
Усл. кр.-отг. 156,88. Тираж 40000 экз.
Заказ № 374.

Ассоциация "Российская политическая энциклопедия"
119847, Москва, Зубовский бульвар, 17

Московская типография № 2
Министерства информации и печати Российской Федерации
129301, Москва, проспект Мира, 105

Подвески к якутскому нарядному поясу. XIX в.
(из атласа художника-этнографа М.М. Носова)

